

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ГОДЪ УШ-й

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Январь 1902 годъ.

БИБЛИОТЕКА

Александровской Лавры.

„Якоже посла Мя Отець, и Авъ
посылаю вы“. Иоанн. XX, 21.

„Идите паче ко овцамъ погиб-
шимъ дому Израилева“. Мат. X, 6.

„Скорбь ми есть веля о брати
моей“. Римл. IX, 1—3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. Комарова Невскій, пр., 136.
1902.

Содержаніе январской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1902 годъ.

	СТРАН.
I. О молитвѣ, какъ душѣ и силѣ миссіи. Курскій епарх. мисс. свящ. <i>Іоаннъ Дмитревскій</i>	1—11
II. О христіанской публицистикѣ. Свящ. <i>І. Фудель</i>	12—19
III. Смыслъ павловскаго „страшнаго дѣла“. <i>Владиміръ Терлецкій</i>	20—32
IV. Отношеніе христіанства къ государству по воззрѣніямъ гр. <i>Л. Н. Толстого</i> : <i>К. Григорьевъ</i>	33—39
V. О раскольнической литературѣ минувшаго XIX в. и о мѣрахъ борьбы съ расколомъ въ новомъ XX вѣкѣ. <i>Хрисанозъ Поповъ</i>	40—63
VI. Нѣмецкій баптизмъ въ Россіи. Свящ. <i>К. Велтишевъ</i>	64—78
VII. По поводу печатныхъ толковъ о свободѣ совѣсти по отношенію къ глаголемымъ старообрядцамъ. Екатеринбург. епарх. мисс. <i>А. Обтемперанскій</i>	79—84
Изъ миссіонерскихъ запросовъ.	
VIII. По поводу замѣтки о 67 псалмѣ. <i>К.</i>	85—86
IX. Что нужно разумѣть подъ „лѣтомъ Господнимъ пріятнымъ“? (По поводу неправильнаго толкованія этихъ словъ послѣдователями „Спасова согласія“). Миссіонеръ свящ. <i>Левъ Заваринъ</i>	87—94.
Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.	
X. Мысли свѣтскаго человѣка по поводу отвѣта <i>Л. Н. Толстого</i> Св. Синоду. Врачъ <i>Н. Апраксинъ</i>	95—108.
XI. Возможно ли объединеніе интеллигенціи съ народомъ и Церковью? Свящ. <i>С. Четвериковъ</i>	109—112
XII. Объ отцахъ и дѣтяхъ южно-русскаго штундизма. (Письмо въ редакцію). Докторъ <i>Н. Скарятинъ</i>	113—118
XIII. Старообрядцы и татаринъ въ ихъ отношеніи къ православнымъ. Свящ. <i>В. Вишневскій</i>	119—122
XIV. Къ характеристикѣ современной хлыстовщины. Миссіонеръ свящ. <i>М. Тифловъ</i>	123—128
Изъ миссіонерской полемики.	
XV. Бесѣда со штундо-баптистами о почитаніи святыхъ иконъ. Харьк. епарх. мисс. <i>Д. Боголюбовъ</i>	129—151
Миссіонерство, секты и расколь (хроника).	
XVI. Изъ миссіонерской дѣятельности братствъ въ ихъ ближайшемъ прошломъ.—Изъ постановленій мис-	

258

Миссионерское обозрѣніе
МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Январь 1902 годъ.

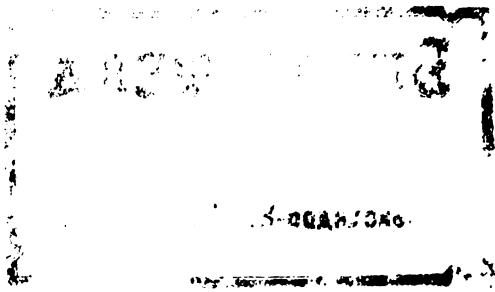
„Якоже посла Мя Отець, и Азь посылаю вы“. Иоанн. XX, 21.

„Идите паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева“. Мѡ. X, 6.

„Скорбь ми есть велія о братиіи моеи“. Римл. IX, 1—3.

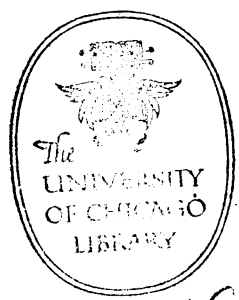
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. КОМАРОВА, Невскій, пр.. 136.
1902

BX460

1M67

Jan. - Apr.
1902

Sla 1 Exch

БИБЛИОТЕКА

Александровской Лавры.

О молитвѣ, какъ душѣ и силѣ миссіи.

РЪ НАШЪ культурный, практическій, богатый всякими жизненными удобствами вѣкъ по всѣмъ направленіямъ выработаны опредѣленные проторенныя дорожки. Существуетъ такая проторенная дорожка и въ дѣлѣ миссіи. — Сидитъ-ли миссіонеръ въ своей квартирѣ, ломая голову надъ тѣмъ, какъ ему быть съ отпадшими, какъ ихъ привлечь въ лоно православной Церкви и какъ оградить отъ совращенія ея пагубныя ереси православныхъ; печатается-ли статья въ миссіонерскомъ органѣ; собирается-ли съѣздъ миссіонеровъ, — вездѣ, вездѣ одно и то-же: нужно вести публичныя и частныя бесѣды, усилить церковное проповѣдничество, открывать внѣбогослужебныя чтенія; нужно при церквахъ имѣть миссіонерскія библіотечки, раздавать и продавать народу назидательныя брошюры, иконы, крестики и т. п.; нужно исправить жизнь самихъ пастырей, а для этого снабдить ихъ инструкціей, чтобы они дѣлали то-то и то-то и не дѣлали того-то; нужно привлечь къ миссіонерской дѣятельности какъ можно болѣе людей, а для этого открывать приходскія братства, основывать кружки ревнителей православія, всѣмъ имъ дать опредѣленный уставъ въ руки, чтобы ясно было для каждаго, что онъ долженъ дѣлать и какъ онъ долженъ обращать въ православіе и т. д. и т. д. Словомъ, отецъ и братъ миссіонеръ, предъ вами длинная серія всевозможныхъ правилъ и приемовъ, гдѣ не забыли опредѣлить почти каждый шагъ вашей дѣятельности, забыли ¹⁾ лишь

¹⁾ Это не совсѣмъ справедливо: миссіонеръ не можетъ забыть о молитвѣ, памятуя слова Божественнаго учителя: „никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня“ (Іоан. 6, 44). На Казанскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ возбуждено было ходатайство предъ Св. Синодомъ о составленіи особой молитвы. На страницахъ „Мис. Обзор.“ было помѣщено обоарніе миссіонерскихъ молитвъ. Авторъ вообще допускаетъ въ статьѣ своей и далѣе превеличенія и увлеченія, но мы ихъ оставляемъ, въ виду священной важности такого вопроса, какъ молитва, напоминать о которой миссіонерамъ всегда полезно и никогда не лишне.

Гев.

о томъ, что составляетъ душу и силу миссіи—о молитвѣ. И странный видъ представляеть изъ себя православное миссіонерское воинство! Оно напоминаетъ армію солдатъ, которые съ головы до ногъ обвѣшаны огнестрѣльнымъ оружіемъ, нѣтъ только у нихъ пороху; есть у нихъ и мечи и копья, но нѣтъ силы владѣть тѣми и другими,—они такъ тяжело вооружены, что не могутъ даже свободно двигаться, являя въ себѣ совсѣмъ ни для кого не страшный видъ вооруженнаго безсилія. Въ погонѣ за формой люди часто забываютъ о содержаніи,—въ этомъ великое искушеніе, одинаково опасное для всѣхъ людей вообще, и для миссіонеровъ въ частности. Форма опасна тѣмъ, что она можетъ заслонять собою идею, содержаніе, что она можетъ существовать помимо всякой идеи и содержанія, какъ одна только внѣшность, трупъ, скелетъ, бездушная регламентация. Въ этомъ-то и лежитъ вся опасность проторенныхъ дорожекъ. Къ тому же выполнить правило всегда гораздо легче, чѣмъ осуществить его,—въ первомъ случаѣ вы являетесь человѣкомъ исправнымъ, въ послѣднемъ — самоотверженнымъ. Исправность видятъ всѣ и восхваляютъ, самоотверженность же рѣдко хвалятъ, а болѣе осуждаютъ.—Словомъ, форма для всѣхъ видна и легка,—въ этомъ ея практическія выгоды, ея вѣчная соблазнительная прелесть. Легко регламентировать идею въ извѣстное правило, не трудно и практиковать потому это правило; трудно только вдохнуть духъ жизни въ эту холодную, мертвую формулу, трудно дать внутреннюю силу и дѣйственность этимъ отвлѣчѣннымъ, въ сущности чужимъ, правиламъ и приемамъ.

А въ этомъ-то и заключается секретъ плодотворной миссіонерской дѣятельности. Миссіонерство есть искусство своего рода, а какъ искусство, оно есть всегда и вездѣ до нѣкоторой степени самодѣятельное творчество,—вотъ какъ творить поэтъ, художникъ, композиторъ! И для поэта нужно знаніе и постоянное руководство знаніемъ, композитору необходимо знать теорію музыки; такъ и миссіонеру необходимо знать и постоянно руководствоваться всѣми тѣми правилами и приемами, которые рекомендуетъ наука по этому вопросу. Но этого мало,—дѣлать по описанному шаблону, это значить неудачно копировать, быть мастеровымъ дѣлать только воплощать въ дѣло свою душу есть признакъ истин-

наго творчества. Такъ вездѣ, во всякомъ искусствѣ, точно также и въ миссіонерскомъ дѣлѣ. Въ искусствахъ, такъ сказать, матеріальныхъ эта сила дается огнемъ вдохновенія и, притомъ, только нѣкоторымъ; въ духовномъ искусствѣ врачеванія душъ, она можетъ быть приобрѣтена всякимъ—*молитвою*. Такъ въ дѣлахъ малозначущихъ и неважныхъ мы поставлены въ зависимость отъ природы; въ дѣлахъ-же самыхъ важныхъ, касающихся спасенія себя и другихъ, мы поставлены въ зависимость отъ собственной свободной воли!..

Нѣтъ спора, что всѣ мы, какъ люди православные, молимся, молимся то сознательно и съ нѣкоторымъ подъемомъ чувства, то по привычкѣ и механически; молимся извѣстное число разъ въ день, въ извѣстные, опредѣленные часы,—въ этомъ наша похвала, но и въ этомъ-же наше осужденіе.—Мы отмежевали для молитвы опредѣленные часы (точнѣе минуты); зарегистрировали ее въ число правилъ жизни и, какъ и всякое правило, болѣе или менѣе исправно выполняемъ ее, строго наблюдая время и количество молитвъ, но часто совершенно не сознавая той внутренней *силы* и *жизни*, которыми молитва является сама въ себѣ. Внѣшняя регистрація, форма закрываетъ отъ насъ содержаніе; молитвенная формула за-слоняетъ духъ молитвы; мы не ощущаемъ, не переживаемъ молитвеннаго подъема духа, а только лепечемъ заученныя слова, оправдывая на себѣ слова Христа: „приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтуть Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня; но тщетно чтуть Меня, уча ученіямъ, заповѣдямъ человѣческимъ“ (Мѡ. 15,—8—9).

И неудивительно поэтому, что мы забыли, что мы никакъ *не можемъ* понять того, что молитва—душа христіанина, что ею онъ живетъ и дѣйствуетъ и что чрезъ посредство ея только можетъ живо и дѣйственно вліять на другія души. Забыли это болѣе всего мы—миссіонеры, и потерявши *силу, жизнь, внутреннюю силу*, усиливаемся замѣнить ее лишь внѣшними формами ея приложенія и выраженія. Умноженіе законовъ всегда говорить объ оскудѣніи духа; это, по-видимому, оправдывается и на миссіи нашего времени. Мы нервно усиливаемся выработать какъ можно болѣе правилъ, хотимъ предусмотрѣть и вложить въ рамки инструкціи каждый шагъ миссіонерской дѣятельности, наивно забывая

всѣмъ намъ хорошо извѣстное изреченіе, что „буква мертвить, а духъ животворить“. Изъ этого не слѣдуетъ, что не нужна буква, изъ этого вытекаетъ только то, что нуженъ прежде всего и болѣе всего духъ животворящій; нужно, чтобы буква, правила, инструкціи не заслоняли духа, не замѣняли его, а лишь авторитетно-бы направляли его теченіе. Мы хотимъ этимъ выразить лишь ту вѣчно неизмѣнную, святую истину, что „безъ Мене не можете творити ничего“ (Іоан. 15—5); что „никтоже придетъ къ Отцу, токмо Мною“ (Іоан. 14,—6); что „никтоже можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его“ (Іоан. 6,—44). Гдѣ молитва—тамъ Богъ, тамъ вмѣстѣ и сила и премудрость, тамъ—неотразимое вліяніе на сердце другихъ. А чего-же, какъ не этого именно, усиленно ищемъ мы—миссіонеры? Ищемъ и не находимъ, страдаемъ душою, видя собственное безсиліе и силу внѣшнихъ мѣръ и ничего не можемъ сдѣлать. Это отъ того, что мы хотимъ выдумать, собственными усиліями создать научную систему привлеченія въ лоно Церкви, а не учить въ простотѣ сердца и въ смиреніи духа, почерпая постоянно благодать, силу и премудрость изъ молитвы къ Богу, неизсякаемому источнику благодати, силы и премудрости! Не о томъ я опять говорю, что совершенно не нужна эта научная постановка дѣла миссіи, а лишь о томъ, что наука не должна заслонять отъ насъ религіи, чтобы, цѣня научно выработанные приемы и правила, мы не останавливались всецѣло на нихъ только, а постоянно-бы помнили, что прежде всего—духъ, сила, жизнь, прежде всего—*молитва*, вооружающая человѣка Божіей помощію, а потомъ уже и всеоружіе человѣческое. Кто не вѣритъ слову, того мы попросили-бы оглянуться назадъ, на живые примѣры.—Посмотрите на нашихъ первоучителей, первыхъ великихъ миссіонеровъ, св. апостоловъ Христовыхъ! Чѣмъ они были сильны? Чѣмъ они покоряли цѣлыя страны и народы?—Не силою-ли Божіей? Не тѣмъ-ли постояннымъ общеніемъ со Христомъ, отъ Котораго они получали благодатную силу и премудрость чрезъ постоянную молитву? Не было у нихъ ни инструкцій, ни правилъ; не сговаривались они, какъ имъ дѣйствовать, какъ искать сближенія съ людьми, съ чего лучше начинать бесѣды, а шли укрѣпленные вѣрой въ Бога и благодатную помощь, твердо надѣясь

на то, что дано имъ будетъ, что говорить, ибо не они будутъ говорить, а Духъ Святой (Мр. 13,—11). И удивительное дѣло!—Такой великій успѣхъ миссии при такихъ неудобствахъ миссіонерской дѣятельности и при такихъ неудобныхъ путяхъ сообщенія въ апостольское время! Такъ оправдывается слово Писанія, что сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. 12,—9), что „буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ“ (1 Кор. 1,—27). Есть у насъ, удивительные примѣры и не изъ столь отдаленнаго времени: вспомнимъ, напр., свѣтлыя имена Теофана епископа, Амвросія Оптинскаго,—это отшельники отъ міра, затворники въ своихъ келіяхъ, но можемъ-ли мы сказать, что они не были миссіонерами христіанства? И едва-ли мы найдемъ какого-либо миссіонера, имя котораго было-бы такъ-же общеизвѣстно, какъ имена упомянутыхъ отшельниковъ! Есть тутъ чему поучиться, есть чему подивиться! Миссіонеры—почти никуда не отходившіе отъ своей келіи и сдѣлавшіеся великими и извѣстными всюду! Станный, рѣдкій типъ, не предусмотрѣнный ни одной инструкціей! Что-же сдѣлало ихъ великими и пронесло имя ихъ по всей землѣ?—Молитва, молитва, отцы миссіонеры, и благодать Божія, дарованная по молитвѣ, ибо они были великими молитвенниками.

Не та молитва, которую мы въ извѣстные часы отбываемъ, какъ-бы нѣкоторую религіозную повинность, а живая молитва вѣры и любви, молитва души, дерзновенно бесѣдующей съ Богомъ. Не пустыя это слова, читатель; въ нихъ бездна мысли для тѣхъ, кто упражнялся въ молитвѣ и имѣетъ молитвенный опытъ. Мы не привыкли такъ мистически смотрѣть на молитву, мы облегчили ее, низвели до степени простаго киванія головою при произнесеніи заученныхъ словъ, мы рѣдко ощущаемъ, переживаемъ въ себѣ сладость молитвеннаго восторга, рѣдко чувствуемъ въ себѣ во время молитвы, какъ-бы приливъ какой-то особенной, захватывающей все существо, силы; но изъ этого не слѣдуетъ, что этой силы совѣмъ нѣтъ. Спросите у молитвенниковъ, спросите у отцевъ Церкви и они вамъ скажутъ, по собственному опыту скажутъ, что молитва—это великая сила, способная побѣдить міръ. Чудный библейскій фактъ,—„и бысть, егда воздвизаше Моисей руцѣ, одолѣваше израиль; егда-же опускаше руцѣ, одолѣваше Амаликъ“ (Исх. 17,—11), мо-

жетъ считается великимъ прообразомъ на всѣ времена: справьтесь съ исторіей, взгляните въ современность и вы вездѣ убѣдитесь, что люди всегда были сильны, когда они сознавали свое безсиліе и молитвенно воздѣвали руки къ Богу, и всегда оказываются безсильными, когда, полагаясь на свою премудрость и силы, перестаютъ въ молитвенныхъ вопляхъ просить помощи у Бога. Въ этомъ и соблазнъ научно поставленной, ученой миссіи, что она легко можетъ развить въ чловѣкѣ самомнѣніе, самонадѣянность, укрѣпляя его вѣру въ правила и параграфы инструкцій въ ущербъ простосердечной надеждѣ на всесильную помощь молитвы.

Повторяю,—нужны правила, необходимы инструкціи, но лишь только какъ руководство, указатели лучшаго направленія для той внутренней силы, которая приобрѣтается молитвой. Нужно ими пользоваться, но не нужно на нихъ останавливаться, какъ на чемъ-то такомъ, формальнымъ выполненіемъ чего и исчерпывается все дѣло миссіи. Скрываться за формальнымъ исправнымъ выполненіемъ параграфовъ, значить формально обманывать себя и Бога; это значить не созидать, а лишь еще болѣе увеличивать разрушеніе, ибо подуютъ вѣтры, пойдутъ дожди и съ шумомъ падеть эта храмина исправности, такъ какъ ея основаніе было „на песокъ“, на формѣ, на параграфѣ, а не на внутренней силѣ духа, приобрѣтаемой молитвою. „Молитесь, да не ввидете въ напасть“ (Мѡ. 26—41), сказалъ Христосъ. Молитесь, убѣждаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, ибо „молитва есть самое важное изъ благъ, основаніе и корень плодотворной жизни“ ¹⁾, „причина всякой добродѣтели... такъ что въ душу незнакомую съ молитвой и прошеніемъ *не можетъ* войти ничто содѣйствующее благочестію“ ²⁾. Что для рыбы вода, для растенія соки, то-же для чловѣка молитва ³⁾. „Что въ жилищѣ основаніе, то-же самое въ душѣ молитва“ ⁴⁾. „Молитва освѣжаетъ умъ“ ⁵⁾, прогоняетъ опасности ⁶⁾, очищаетъ грѣхи ⁷⁾, сбе-

¹⁾ Творенія. Т. II. с. 835. Изд. Спб. Дух. Академіи.

²⁾ Тамъ-же с. 838.

³⁾ Тамъ-же с. 839 и 842.

⁴⁾ Тамъ-же с. 844.

⁵⁾ Тамъ-же с. 836.

⁶⁾ Тамъ-же с. 834.

⁷⁾ Тамъ-же с. 833.

регаеть въ душѣ добрыя нравы ¹⁾). Поэтому, „кто не молится Богу и не желаетъ непрестанно наслаждаться Божественнымъ общеніемъ, тотъ мертвъ и бездушенъ... ибо подобно тому, какъ наше тѣло, если въ немъ нѣтъ души, мертво и зловонно, такъ и душа, не побуждающая себя къ молитвѣ, мертва и несчастна, и зловонна... Поэтому, замѣчаетъ св. отецъ, когда я увижу, что кто-либо не любитъ молитвы... то мнѣ уже ясно, что онъ не владѣеть въ своей душѣ ничѣмъ благороднымъ“ ²⁾). И дѣйствительно, стоитъ только вникнуть въ психологическое состояніе молящагося, чтобы оцѣнить то великое сокровище, которое приноситъ въ душу молитва.—„Во время молитвы, скажемъ опять словами того же великаго учителя, человекъ не думаетъ о здѣшней жизни, если молится усердно. Воспламенится-ли въ немъ гнѣвъ, онъ легко укрощается; возгорится-ли похоть, она потухаетъ; станеть-ли терзать его зависть, она весьма легко прогоняется и въ душѣ молящагося совершается то же, что, по словамъ пророка, бываетъ въ природѣ при восходѣ солнца. Что-же говоритъ онъ?—«Положилъ еси тьму, и бысть ночь, въ ней-же пройдутъ вси звѣріе дубравніи, скимни рыкающіи восхитити и взыскати отъ Бога пищу себѣ: возсія солнце, и собращася, и въ ложахъ своихъ лягутъ» (Пс. 103,—20, 22). Какъ при появленіи солнечныхъ лучей всѣ звѣри обращаются въ бѣгство и прячутся въ свои норы; такъ точно, когда молитва засіяетъ, какъ лучъ, отъ нашихъ устъ и языка, умъ нашъ просвѣщается, а всѣ безумныя и звѣрскія страсти прогоняются, обращаются въ бѣгство и скрываются въ свои убѣжища, если только мы молимся усердно, съ напряженною душою и добрымъ умомъ“ ³⁾). Такова всепобѣждающая сила молитвы! Кто съ нею, тотъ съ Богомъ, а кто съ Богомъ, чего тому искать болѣе? Богъ намъ приближище и сила! Въ Немъ, прежде всего, въ Немъ наша сила и успѣхъ миссіонерской дѣятельности. Другими словами: кто прежде всего обращается за помощію къ Богу; кто молится горячо, смиренно, неотступно, — повѣрьте, — тотъ всегда есть и будетъ лучшій миссіонеръ, ибо онъ имѣетъ

¹⁾ Тамъ-же с. 832.

²⁾ Тамъ-же с. 832—3.

³⁾ Тамъ-же с. 568—9.

постояннымъ своимъ собесѣдникомъ Самого Господа. Ни бесѣды, ни проповѣди, ни чтенія, ни книжки—ничто не принесетъ пользы, если все это не будетъ получать силы въ предшествующей, сопутствующей, постоянной молитвѣ. „Какъ можетъ быть польза отъ бесѣды, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, когда съ нею не соединяется молитва?—Прежде молитва, а потомъ слово; такъ говорятъ и апостолы: мы же въ молитвѣ и въ служеніи слова пребудемъ (Дѣян. 6,—4). Такъ и Павелъ поступаетъ, въ началѣ посланій совершая молитву, чтобы свѣтъ молитвы предшествовалъ ученію, какъ свѣтъ свѣтильника ¹⁾“. Молись-же, миссіонеръ, если хочешь во свѣтъ благодати совершать дѣло Божіе! Молись какъ можно болѣе и сильнѣе, принуждай себя къ молитвѣ, неустаннымъ упражненіемъ воспитай въ себѣ любовь къ молитвѣ,—полюби бесѣду съ Богомъ и тогда ты будешь лучшимъ собесѣдникомъ съ заблуждающимися; отъ тебя будетъ вѣять внутреннимъ огнемъ вдохновенія; изъ тебя будетъ исходить неотразимая сила внутренняго воздѣйствія; ты, какъ пророкъ, будешь „глаголомъ жечь сердца людей“! Если-же не то, если ты, забывая обратиться за помощію къ Богу, всю силу полагаешь въ ученomъ всеоружіи, то ты—мѣдъ звенящая и кимвалъ бряцающій, тѣмъ болѣе брецающій, чѣмъ болѣе ты мудрствуешь и тѣмъ болѣе пустой, безсильный, чѣмъ болѣе ты влагаешь въ рѣчь своей собственной ученой силы и мудрости! Ты побѣдишь въ словесномъ состязаніи; ты, быть можетъ, побьешь противника своимъ остроуміемъ и эрудиціей, но это будетъ только побѣда безъ покоренія сердца. И тяжелое впечатлѣніе производитъ эта словесная битва текстами св. Писанія; тяжело видѣть, какъ слово мира обращается въ оружіе борьбы, какъ разгоряченныя стороны въ возбужденіи и запальчивости въ перемѣшку съ самыми пустыми, а иногда и оскорбительными словами, бросаются текстами св. Писанія. Наши законы караютъ за непочтительное обращеніе съ священными предметами и предоставляютъ христіанскому чувству вѣрующимъ охранять святыню слова Божія, а раскольники и сектанты вынуждаютъ насъ миссіонеровъ устраивать турниры, поединки, дуэли изъ слова Божія, гдѣ стрѣляютъ текстами съ цѣлью поранить, побить противника и тѣмъ

¹⁾ Тамъ-же. Т 1. с. 521.

еще мнѣть службу совершать Богу! Страшная, кощунственная, соблазнительная необходимостъ, горестный удѣлъ миссіонерскаго служенія! И это отъ того, что выдохлось христіанское чувство изъ душъ отпадшихъ отъ церкви, отъ того, что вѣра, любовь и благоговѣніе христіанское покинули ихъ сердца и вышли наружу, воплотились во внѣшность, обрядъ, форму, размѣнялись на естественныя человѣческія чувства и чувствованія, дрянныя, грязныя, лишеныя благодатной силы и озаренія,—отъ того, что несчастные люди эти мало стали просить и молиться, а наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшать творить, созидать, выдумывать и повелѣвать. Въ виду все этого повторяемъ: какъ бы ни была хороша научная миссія, прекрасно руководство данными, выработанными опытомъ и размышленіемъ, но кто остановится на этомъ только, тотъ не истинный миссіонеръ; лишь кто будетъ пламенно молиться, учиться и молиться, будетъ въ молитвѣ „пробывать“ (1 Кор. 7,—5) по апостолу, только тотъ можетъ успѣшно совершать спасеніе ближнихъ.

Усилія создать миссію, оставляя въ тѣни молитву и лишь упоминая о ней мимоходомъ и кстати, намъ кажутся похожими на усилія фізіологовъ, химиковъ и физиковъ создать какое-либо органическое тѣло. Опытъ же вѣковъ показалъ, что всѣ эти попытки тщетны: наука можетъ сдѣлать куриное яйцо, химическій анализъ котораго покажетъ, что оно совершенно тождественно съ яйцомъ курицы, но изъ этого дѣланнаго яйца никогда не выведется цыпленокъ;—такъ и изъ всѣхъ дѣланыхъ ученыхъ приемовъ миссіонерства никогда не выйдетъ живого дѣла миссіи. Гдѣ жизнь, тамъ тайна, тамъ бессильна мудрость человѣческая; жизнь можетъ быть лишь дана, какъ нѣчто готовое, но не можетъ быть выработана, сдѣлана усиліями ума, вооруженнаго техникой. Въ царствѣ природы она рождается отъ жизни-же, отъ организмовъ; въ царствѣ духовномъ она рождается и возрождается отъ духа, отъ благодати; тамъ ее творить жизнь, разлитая въ міръ органическомъ, здѣсь Самъ Богъ, невидимо соприсутствующій въ душахъ благодатно возрожденныхъ!

Курскій епарх. миссіон. священ. *Іоаннъ Дмитревскій.*

О христіанской публициетикѣ.

ИЗНЬ сама выдвигаетъ впередъ и ставитъ неустра-
нимо передъ нашимъ сознаниемъ нѣкоторые вопросы,
о коихъ незадолго предъ тѣмъ почти никто не го-
ворилъ. Это лучшее доказательство жизненной *зрѣ-*
лости вопроса, т. е. того, что онъ не надуманъ, не
притянуть насильственно къ извѣстной книжкѣ журнала или
номеру газеты, а отвѣчаетъ какой-либо дѣйствительной по-
требности даннаго времени. При этомъ очень часто случается,
что публицистъ, явившійся выразителемъ этой потребности
во внѣшнемъ ея выраженіи, т. е. поставившій боевой во-
просъ въ печати, часто и самъ не сознаетъ всей важности
этого вопроса или даже внутренней сущности его. Такъ
было, напримѣръ, съ вопросомъ о свободѣ совѣсти, не ожи-
данно для всѣхъ поставленномъ на орловскомъ миссіонер-
скомъ съѣздѣ. Мое глубокое убѣжденіе, что вопросъ этотъ
вовсе не съ неба свалился, какъ думаютъ многіе, а выдвину-
тъ глубочайшей потребностью жизни, но только вылился
не въ ту форму, въ какую слѣдовало. Истинная сущность
его—въ устраненіи всѣхъ ненормальностей въ отношеніяхъ
между Церковью и государствомъ—или замалчивается боль-
шинствомъ защитниковъ и оппонентовъ доклада г. Стахо-
вича, или же не замѣчается и не сознается ими. Да и самъ
авторъ доклада (позволяю себѣ думать) врядъ ли ясно пред-
ставлялъ себѣ, какой клапанъ онъ открываетъ.

Но объ этомъ болѣе подробно въ другой разъ. Теперь же
мнѣ хотѣлось бы продолжать мою рѣчь „о миссіи среди
интеллигенціи“ и не столько въ цѣляхъ достиженія возмож-
ной полноты въ постановкѣ этого вопроса, сколько въ виду
жизненной важности и назрѣвшей потребности въ его рѣ-
шеніи. На это послѣднее обстоятельство указываетъ и ре-
дакція „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ въ ноябрьской книжкѣ
журнала (стр. 701).

Я говорилъ о главномъ условіи успѣха личной живой проповѣди миссіонера чрезъ *устное слово*. Само собой разумеется, что этой одной областью не можетъ ограничиваться *воздѣйствіе* миссіонера на общество. Наибольшая сумма вліянія на отдѣльную личность возможна только при келейной откровенной бесѣдѣ „по душѣ“. Но есть еще область воздѣйствія сразу на группу лицъ; это обмѣнъ мнѣній, миссіонерская бесѣда въ собраніи многихъ лицъ. Здѣсь сила воздѣйствія, уменьшаясь въ качественномъ отношеніи, увеличивается въ количественномъ. Къ сожалѣнію этотъ видъ миссіонерства въ отношеніи интеллигенціи до сихъ поръ почти не существуетъ. Но за то есть еще одна область миссіонерскаго дѣланія, въ коей возможно единовременное воздѣйствіе на тысячи и десятки тысячъ людей. Это область *печатнаго слова* или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ *область публицистики*. И этимъ видомъ воздѣйствія наше миссіонерство приучилось уже пользоваться въ извѣстной мѣрѣ. Такова сила обстоятельствъ, выпудившихъ миссіонеровъ стать на эту почву.

Среди силъ, регулирующихъ нашу современную общественную жизнь, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ печать. Если нельзя сказать, что она создаетъ общественное мнѣніе—это была бы неправда,—то все же надобно признать, что она вноситъ въ жизнь общества свою долю вліянія. Какого характера это вліяніе, это другой вопросъ, но умственная жизнь интеллигентнаго слоя общества вся отражается въ печати. И общество привыкло искать въ повседневной печати отвѣты на всѣ злободневные вопросы, волнующіе жизнь общества. Мало того, даже интимнѣйшія стороны жизни душевной теперь повѣряются печати и именно въ ней колеблющійся интеллигентъ ищетъ разрѣшенія смущающихъ его сомнѣній.

Таково положеніе созданное условіями повышенной и вьющейся усиленнымъ темпомъ общественной жизни. Миссіонеру нельзя не принимать этого въ соображеніе. Если онъ ищетъ путей возможно широкаго воздѣйствія на общество, ему не миновать наиболѣе широкаго пути—публицистики. Пользоваться въ своихъ цѣляхъ той общественной силой, какую представляетъ печать, это такъ естественно. И надо сказать, что наше церковное учительство давно уже

воспользовалось этой силой и сумѣло стать на тотъ путь, который такъ сближаетъ проповѣданіе Слова Божія съ общественнымъ сознаніемъ. По крайней мѣрѣ въ проповѣдническихъ трудахъ преосвященныхъ Никанора Херсонскаго и Амвросія Харьковскаго, о. протопресвитера І. Л. Янышева мы имѣемъ очень яркіе образцы христіанской апологетической публицистики. Точно также и миссіонерское слово въ послѣднее время все чаще пріобрѣтаетъ публицистическій характеръ, стремясь не ограничиваться одной сферой умныхъ собесѣдованій съ народомъ, а проникать и въ среду свѣтлаго общества.

Фактъ громадной важности и знаменательный. Его очень пріятно подтвердить,—какъ доказательство чуткости и умѣнія миссіонеровъ пользоваться въ каждой средѣ наиболѣе подходящимъ оружіемъ борьбы. Но если мы успокоимся на этомъ пріятномъ сознаніи, то этого для цѣлей нашего миссіонерскаго дѣла будетъ еще слишкомъ недостаточно. Потому что, если мы не позволимъ себѣ увлечься одной формой, или оружіемъ борьбы (какъ это часто бываетъ), если не забудемъ той главной цѣли, ради которой овладѣли новымъ оружіемъ, то предъ нами неизбѣжно является вопросъ; да такъ ли мы имъ владѣемъ, какъ слѣдуетъ, чтобы достигнуть наибольшаго успѣха? Иначе сказать: *каковы принципы и законы миссіонерской апологетической публицистики?*

Естественность этого вопроса вытекаетъ изъ необходимости опредѣлить границы дозволеннаго и *полезнаго* въ той области, въ которой миссіонерская работа началась сравнительно очень недавно. Отвѣтъ же на поставленный вопросъ всецѣло обуславливается задачами или цѣлью миссіонерскаго дѣла вообще. Цѣль же эта, какъ извѣстно, заключается лишь въ томъ, чтобы привести заблудшаго къ познанію Истины Христовой, пріобщить къ благодатнымъ дарамъ вѣры и Церкви, т. е. спасти погибающаго. Гдѣ бы ни дѣйствовалъ миссіонеръ: въ курной ли избѣ крестьянина-сектанта, на профессорской ли кафедрѣ, на столбцахъ ли газеты,—онъ можетъ воодушевляться только одной этой цѣлью. И кто бы онъ ни былъ: протестъ ли начетчикъ, ученый ли богословъ или доброволецъ миссіонерской дружины изъ бывшихъ интеллигентовъ, онъ долженъ понимать, что достигаетъ онъ съ Божіей помощью поставленной цѣли лишь

тогда, когда *самъ* дышетъ и горитъ духомъ Христовымъ. Когда же нѣтъ въ немъ этого духа Христова, его слова — мѣдь звенящая, а дѣла его — напрасно потраченный трудъ. И это справедливо по отношенію къ миссіонеру, въ какой бы области онъ ни дѣйствовалъ. Но самъ непосредственно онъ это чувствуетъ лишь въ области живого устнаго слова. Если онъ не превозносится, не гордится, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, все покрываетъ, всему вѣритъ, все переноситъ (1 Кор. XIII, 4 — 7), онъ, хотя и не всегда видитъ плоды своего апостольскаго труда (инъ есть сѣяи, инъ есть жнѣи), но за то имѣетъ великое утѣшеніе видѣть, что сѣмя его проповѣди *воспринимается* почвой. Онъ возбуждаетъ довѣріе, онъ смягчаетъ сердца. А это главное. Если же миссіонеръ, забывъ самое главное и существенное въ своемъ призваніи, допустить въ сердцѣ своемъ хоть каплю недовѣрія или насмѣшки или холоднаго высокомерія передъ чувствами и вѣрованіями тѣхъ, кого онъ призвалъ научить и спасти, то ничего тогда кромѣ недовѣрія, насмѣшки и злорѣчія на свои слова онъ не добьется. Не мнѣ, конечно, разъяснять эту истину, ибо собственный опытъ каждаго миссіонера есть лучшій учитель въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ хотѣлось только напомнить, что неподдѣльная *христіанская любовь* въ ея проявленіяхъ, такъ ясно описанныхъ апостоломъ языковъ, есть *естественнѣйшее условіе плодотворности миссіонерскаго подвига*, условіе успѣха миссіи, какъ среди народнаго сектантства, такъ и среди интеллигенціи. Таковъ законъ миссіонерскаго дѣла. Но это дѣло одно во всѣхъ его проявленіяхъ и внѣшнихъ формахъ. *И въ бесѣдѣ съ сектантами, и въ публичной лекціи, и въ журнальной статьѣ, цѣль миссіонера одна и средства, употребляемая для достиженія этой цѣли, могутъ быть только одни.* И тамъ и здѣсь миссіонеръ связанъ однимъ и тѣмъ же закономъ, всякое нарушеніе коего немедленно же отражается на получаемомъ результатѣ. Стало быть, на поставленный выше вопросъ: каковы принципы и законы миссіонерской апологетической публицистики — мы должны отвѣтить такъ: — тѣ же, что и всякаго миссіонерскаго дѣла, т. е. *нелицемерная христіанская любовь къ тысячамъ и инновѣрующимъ, возрѣваемая скорбью о ихъ заблужденіи.* Этимъ закономъ и опредѣляются границы полезнаго и возможнаго въ христіанской публицистикѣ. Ибо

публицистъ-миссіонеръ связанъ указаннымъ выше закономъ не только въ содержаніи своей рѣчи, но и въ ея внѣшней формѣ, въ приемахъ и тонѣ рѣчи. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ громаднѣйшее значеніе; внѣшнее выраженіе намъ всегда труднѣе дается, чѣмъ внутреннее содержаніе, а между тѣмъ духъ говорящаго, какъ въ зеркалѣ, отражается въ тонѣ его рѣчи.

Если мы захотимъ точнѣе опредѣлить, чего же долженъ *избѣгать* миссіонеръ въ публицистикѣ, чѣмъ себя ограничивать, то окажемся въ затрудненіи, ибо здѣсь нѣтъ и не можетъ быть точно опредѣленныхъ правилъ. Собственное, непосредственное *чувство* миссіонера должно ему подсказать, чего и какъ онъ не долженъ говорить, а лучшей *проверкой* этого чувства служить опредѣленіе апостоломъ Павломъ свойствъ любви въ 1 Кор. XIII, 4—8 ст. Миссіонеръ публицистъ не позволить себѣ, на примѣръ, заподозрѣвать въ словахъ своего оппонента того, чего въ нихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, ибо это есть недовѣріе къ его искренности, т. е. незаслуженное оскорбленіе. Точно также онъ не будетъ употреблять усилій, чтобы діалектически переспорить противника, въ ущербъ истины, т. е. не будетъ „искать своего“, а найдетъ въ себѣ мужество сознаться въ сдѣланной ошибкѣ; не будетъ оскорблять кого либо рѣзкимъ выраженіемъ, эпитетомъ, намекомъ, не будетъ подрывать свое правое дѣло неправыми приемами полемики и т. д.

И такъ, путь, по которому слѣдуетъ миссіонеръ въ публицистикѣ, ясенъ. Это тотъ же путь всеохватывающей скорбной любви, справедливости и примиренія, который такъ сближаетъ миссіонера съ слушателями его живаго слова. Но на этомъ пути на первыхъ же порахъ встрѣчаются два искушенія, часто незамѣтно для публициста отводящія его въ сторону отъ прямой его цѣли. Первое искушеніе или препятствіе заключается въ томъ, что у пишущаго нѣтъ непосредственнаго (передъ глазами) указанія на то впечатлѣніе, какое производитъ его рѣчь. Когда бесѣдуешь съ кѣмъ либо или споришь, то во-первыхъ, стѣсняешься употреблять грубыя выраженія, чтобы не лишиться собесѣдника; во-вторыхъ, допустивъ какое либо гнилое слово и замѣтивъ неблагоприятное впечатлѣніе на собесѣдника, тотчасъ же стараешься загладить это впечатлѣніе смягченіемъ тона рѣчи

и большей осторожностью въ выборѣ словъ. Этотъ важный предохранительный клапанъ, смягчающій рознь людей, отсутствуетъ въ письменномъ, заглазномъ спорѣ съ дѣйствительнымъ или воображаемымъ противникомъ. Здѣсь себе-сѣдникъ не виденъ, и не видно поэтому, какое впечатлѣніе производятъ на него наши слова. Не потому ли здѣсь, въ печати, исчезаетъ безслѣдно та корректность, которую мы стараемся поддерживать въ личномъ разговорѣ, и замѣняетъ ее халатность и полная несдержанность? И много нужно опытности публицисту-миссіонеру, чтобы выучиться *управлять* своимъ перомъ и не давать ему полной воли въ прямой ущербъ миссіонерской цѣли.

Второе искушеніе, соблазнительно дѣйствующее на миссіонера, вступившаго въ область публицистики, это—*примѣръ свѣтской печати*.

Форма изложенія мысли въ поврежденной печати есть явленіе жизни свѣтской, общественной. Церковь этой формы не знала и не нуждалась въ ней. Но апологетическая мысль естественно воспользовалась этой формой, какъ готовымъ оружіемъ, въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго дѣйствія. Не удивительно поэтому, что съ позаимствованной формой восприняты были и всѣ установившіеся въ свѣтской печати *пріемы* и обычаи выраженія въ словѣ. Подражаніе это невольно и естественно, но въ немъ для христіанской публицистики великое искушеніе и опасность. Скажемъ прямо: миссіонеръ-апологетъ пользуется въ своей публицистической дѣятельности *пріемами* современной свѣтской журналистики, совершаетъ этимъ по отношенію къ своему дѣлу *актъ самоубійственный*.

Пора же, наконецъ, взглянуть на совершающееся передъ нашими глазами прямо и трезво. Вѣдь изъ всѣхъ видовъ декадентства, охватившаго собой нашу общественную жизнь во всѣхъ областяхъ, *паденіе мысли* въ ея содержаніи и внѣшнемъ выраженіи составляетъ едва ли не самое главное зло. Что такое современная періодическая печать? Это площадь, на которой когда-то была скромная, но прекрасная выставка произведеній ума, таланта, искусства; теперь же на ней обыкновенная грязная толкучка, на которой отдѣльные голоса людей „старого закала“ совершенно заглушаются шумомъ, гамомъ и бранью торгующей толпы. И путникъ, даже

случайно попавшій на эту площадь, рискуеть быть обрызганнымъ грязью съ ногъ до головы, какъ бы онъ ни былъ остороженъ. Я нисколько не преувеличиваю этимъ сравненіемъ; быть можетъ, даже слѣдуетъ выразиться сильнѣе.

Какія чувства возбуждаетъ и питаетъ современная печать? Какія угодно, только отнюдь *не христіанскія*. Нравственная грязь, разводимаая такъ называемой „мелкой прессой“, — омерзительна. Но „большая“ печать, свысока третирующая мелкую, разводитъ ту же нравственную грязь тѣми *приемами* полемики и защиты своихъ идей, которые она допускаеть. Развѣ не омерзительны это постоянное заподозрѣваніе своего противника въ чемъ-нибудь гнусномъ, это издѣвательство надъ его личностью вмѣсто борьбы съ его идеями, это приписываніе ему такихъ мыслей и намѣреній, какихъ онъ никогда не имѣлъ, эти постоянные крики съ одной стороны — „доносъ“, а съ другой стороны — „карауль“, это трусливое замалчиваніе правды, если она не на „нашей“ сторонѣ, всѣ эти гнусные приемы газетнаго и журнальнаго крючкотворства, называемаго полемикой? Развѣ всѣ эти тонкія замаскированные инсинуаціи подсказываются ихъ сочиненіямъ любовью къ правдѣ и ближнимъ? Не злоба ли, не себялюбіе ли въ высшей степени, не узкая ли партійность вдохновляютъ дѣятелей современнаго печатнаго слова? Гдѣ же здѣсь искать христіанскихъ чувствъ, когда простая житейская честность, порядочность, благородство, справедливое отношеніе къ противнику и деликатность — это такія здѣсь рѣдкія качества, что ихъ приходится искать, какъ Діогенъ искалъ человѣка съ фонаремъ?

Пока печать служила выраженіемъ убѣжденій людей независимыхъ и высокихъ по своему просвѣщенію, она носила на себѣ черты благородства и нравственной высоты. Когда же она стала достояніемъ толпы, которая выдѣлила изъ себя особый классъ журналистовъ-ремесленниковъ, растлѣніе печати стало неизбѣжно. Этому же растлѣнію способствуетъ въ меньшей степени и дѣленіе печати на лагеря и партіи, такъ какъ узкая кружковщина, дѣйствуя деспотически на своихъ сочленовъ, развиваетъ и питаетъ тѣ гнусные приемы публицистики, о коихъ мы выше говорили. Ко всему этому надо присоединить еще, какъ общую причину, крайнее пониженіе нравственныхъ понятій и чутья въ

самомъ обществѣ, особенно рѣзко замѣчаемое въ послѣднее время.

Но всѣ эти причины развѣ имѣютъ какое-либо отношеніе къ христіанской публицистикѣ? И основа у ней совершенно самостоятельная, и цѣли, ничего общаго съ коммерческими или партійно-политическими не имѣющія. Миссіонеръ-публицистъ свободенъ (или, по крайней мѣрѣ, *долженъ быть* свободенъ) отъ всѣхъ вліяній *постороннихъ*, т. е. немиссіонерскихъ. Онъ не связанъ съ тѣми или другими направленіями, съ той или другой доктриной, ибо *дѣло* его выше всего этого. Скажу даже болѣе: въ иныхъ случаяхъ ему необходимо даже поступиться своими политическими симпатіями и склонностями, когда приходится выбирать между ними и своимъ долгомъ служенія дѣлу Божію на землѣ. А это служеніе имѣетъ только одну цѣль: привести всѣхъ заблудшихъ ко Христу тѣми средствами, кои даны для сего Самимъ Христомъ.

Только одна эта цѣль можетъ воодушевлять миссіонера-публициста. Служа только ей, онъ не свернетъ съ своего прямого пути, не станетъ хромать на оба колѣна, не спустится до подражанія журналистамъ, одушевляемымъ со-всѣмъ инымъ духомъ. Только въ этомъ случаѣ слово его дѣйствительно по отношенію тѣхъ, къ кому оно обращено, ибо даже ожесточившіеся противники Истины не отворачиваются отъ миссіонера и не затыкаютъ своихъ ушей, когда слышатъ голосъ нелицемѣрной любви и неподкупной справедливости. И лишь при этомъ условіи возможно ему осуществлять свою миссію и видѣть добрые плоды ея не только среди народа, но и среди интеллигенціи.

Свящ. І. Фудель.

Смысль павловскаго „страшнаго дѣла“.

СЛОБОДА Павловки, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ., приобрѣла въ послѣднее время печальную извѣстность. Почти во всѣхъ газетахъ сообщено было объ ужасномъ случаѣ взрыва сектантскаго фанатизма, имѣвшемъ здѣсь мѣсто 16-го сентября минувшаго года и выразившемся въ такъ называемомъ „павловскомъ побоищѣ“. Объ этомъ побоищѣ появились подробныя сообщенія, которыя, описывая одни и тѣ же факты, даютъ имъ, однако, различное освѣщеніе. Возникла даже полемика по вопросу о томъ, кто такіе павловскіе сектанты? Одни прямо и рѣшительно называютъ ихъ толстовцами-анархистами. Другіе же, не желая, чтобы имя почитаемаго ими графа Л. Н. Толстого было замѣшано въ этой мрачной исторіи, стараются освободить его отъ всякаго подозрѣнія и поставить означенное событіевнѣ всякаго вліянія и отношенія къ его ученію. Для этого защитники Толстого представляютъ самое событіе сложнымъ, таинственнымъ, и относительно характера сектантства павловцевъ придумываютъ разныя гипотезы. Въ павловскомъ сектантствѣ видятъ тошундизмъ, то новую изувѣрную секту, выродившуюся изъ павловскихъ шундистовъ, то смѣсь шундизма, малеванщины, хлыстовства и толстовщины, то объясняютъ, наконецъ, событіе 16-го сентября не характеромъ сектантства, а приписываютъ его тому массовому умоизступленію, примѣраміа котораго такъ богата исторія католицизма и нашего сектантства.

Разумѣется, полное выясненіе и правильное освѣщеніе печальнаго происшествія въ Павловкахъ можно будетъ сдѣлать только по окончаніи производимаго нынѣ разслѣдованія, которое откроетъ, быть можетъ, новыя, еще неизвѣстныя доселѣ стороны въ этомъ дѣлѣ. Но на основаніи того, что уже извѣстно,—поставивъ означенное событіе въ связь съ

прошлымъ павловскихъ сектантовъ и вдвинувъ его въ рамки сравнительно-исторической перспективы, можно съ увѣренностью сдѣлать предположеніе, что „павловское по-боище“ есть результатъ своеобразнаго мистическаго движенія въ сектѣ павловскихъ толстовцевъ, и что въ настоящемъ случаѣ мы наблюдаемъ новое явленіе въ нашемъ сектанствѣ,—явленіе *мистической толстовщины*.

Извѣстно, что еще съ половины 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія сл. Павловки сдѣлалась гнѣздомъ толстовщины, благодаря пропагандѣ толстовскаго лжеученія мѣстнымъ землевладѣльцемъ, княземъ Д. А. Хилковымъ, отставнымъ подполковникомъ гвардіи. Въ 1885 г., оставивъ военную службу, князь Хилковъ поселился въ имѣніи своей матери въ сл. Павловкахъ и, увлекшись ученіемъ Л. Н. Толстого, сталъ распространять его среди крестьянъ. Сначала Хилковъ дѣлалъ это только примѣромъ собственной жизни: онъ и его друзья, жившіе вмѣстѣ съ нимъ въ Павловкахъ, надѣли на себя простые крестьянскіе зипуны, начали пахать землю, косить сѣно, возить навозъ и т. п., стараясь ничѣмъ не отличаться отъ заурядныхъ крестьянъ. Но, конечно, отъ этого ничего не выходило, крестьяне только подсмѣивались, думая, что „паны дурѣютъ“. Тогда Хилковъ повелъ дѣло инымъ путемъ. Безъ разрѣшенія начальства онъ открылъ школу для дѣтей и въ ней началъ излагать крестьянскимъ дѣтямъ, а по праздникамъ и ихъ родителямъ, свое новое ученіе.

Богъ, говорилъ Хилковъ въ духѣ пантеистической системы Толстого, есть премірный разумъ, сотворившій видимый міръ, который, какъ получившій отъ Бога свое бытіе, и есть истинный Сынъ Божій. Христіанскіе догматы о троичности Лиць въ Богѣ, о воплощеніи и искупленіи онъ отвергалъ и даже издѣвался надъ ними. Новый просвѣтитель крестьянства Господа Иисуса Христа признавалъ только «умнымъ человѣкомъ», но графа Толстого ставилъ выше, говоря: „графъ Толстой есть болѣе усовершенствованный Иисусъ, такъ какъ, живя въ болѣе просвѣщенный вѣкъ, онъ глубже вникаетъ и яснѣе понимаетъ задачи и принципы міровой жизни“. Церковь, какъ руководительницу ко спасенію, всѣ ея таинства и обряды онъ безусловно отвергалъ. Церковь, по его словамъ, лишь развращаетъ несчастныхъ людей, говоря имъ

о Богѣ, о спасеніи и духовномъ назначеніи человѣка, а на самомъ дѣлѣ служа только эгоистическимъ цѣлямъ государственной администраціи; и наши священники заботятся не о душевныхъ нуждахъ народа, а только о томъ, чтобы въ полной исправности вести метрическія записи, подчиняться прихотливымъ требованіямъ врачебной управы и пьянаго фельдшера и сообщать „глупѣйшія“ свѣдѣнія для „еще болѣе глупой“ государственной статистики и столярного приносящей обществу вреда военной службы. Единственнымъ принципомъ жизни, по мнѣнію Хилкова, долженъ служить принципъ „непротивленія“, какъ онъ предъказанъ Иисусомъ и раскрытъ во всей полнотѣ графомъ Толстымъ. Въ жизни человѣку нужно руководствоваться пятью заповѣдями: не клянись, не вой, не судись, не противься злу, люби ближняго твоего. Въ практическомъ примѣненіи это означало—отрицаніе присяги, военной службы, судопроизводства, отрицаніе всякой власти, какъ насилія. Практическое же осуществленіе любви къ ближнему должно привести къ такому строю человѣческаго общества, въ которомъ всѣ будутъ равны, не будетъ ни начальниковъ, ни подчиненныхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; уравниеніе бѣдныхъ и богатыхъ, по предсказанію Хилкова, должно произойти чрезъ отобраніе у богатыхъ ихъ имущества, у землевладѣльцевъ—земли и чрезъ раздѣлъ всего поровну между всѣми, способными къ физическому труду.

Какъ ни привлекательно и заманчиво представлялось неразвитому уму простого народа такое ученіе, однако же крестьяне не сразу становились въ ряды послѣдователей Хилкова; они сознавали преступность этого ученія, и оно все же казалось имъ химернымъ и неосуществимымъ въ жизни. Для того, чтобы большее пріобрѣсти довѣріе крестьянъ, Хилковъ обращался съ ними запросто, приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ, угощалъ чаемъ и обѣдами, причемъ ласково разговаривалъ. Кромѣ того, онъ оказывалъ имъ щедрую матеріальную помощь: однимъ давалъ деньги, другимъ скотъ, третьимъ лѣсъ. Но безусловно онъ покорилъ умы и сердца павловцевъ, когда подъ видомъ крайне дешевой продажи земли (35—40 р. за десятину) подарилъ своимъ послѣдователямъ 400 десятинъ падавшей на его долю земли въ мѣстности, гдѣ, благодаря развитію сахаро-бурачныхъ

плантацій, десятина цѣнится 500—600 р. Мало этого,—князь торжественно обѣцалъ павловскимъ крестьянамъ, выказавшимъ къ нему свое расположеніе, отдать все имѣніе, которымъ нынѣ владѣетъ мать его Ю. П. Хилкова, когда оно перейдетъ къ нему по наслѣдству. Можетъ ли такой человекъ говорить неправду?—думали крестьяне. Можно ли не вѣрить тому, что онъ говоритъ? А между тѣмъ Хилковъ старался еще увѣрить крестьянъ въ томъ, что у толстовцевъ единомышленниковъ весьма много, что цѣлые полки русскихъ солдатъ на ихъ сторонѣ, что имъ оказываютъ содѣйствіе могущественные покровители, и что только одни попы, по своекорыстнымъ побужденіямъ, препятствуютъ наступленію царства Божія на землѣ.

Неудивительно, если такимъ путемъ Хилковъ успѣлъ наwerbовать себѣ болѣе 300 послѣдователей, состоявшихъ по преимуществу изъ бывшихъ крѣпостныхъ и дворовыхъ людей. Отдавъ имъ землю въ общинное владѣніе, Хилковъ организовалъ изъ нихъ особую земледѣльческую общину съ надѣломъ извѣстнаго количества десятинъ на каждого способнаго къ труду, каковой надѣлъ онъ и самъ уже получалъ отъ общины, ставъ по внѣшнимъ условіямъ почти ничѣмъ не отличающимся отъ зауряднаго крестьянина. Такъ возникла около сл. Павловокъ колонія толстовцевъ-крестьянъ, устроенная Хилковымъ и называемая въ честь его „Князевкою“ или „Дмитровкою“. Колонія состоитъ изъ 50—60 крестьянскихъ избъ съ обширными дворами, амбарами, сараями и огородами; изба князя находилась въ концѣ и ничѣмъ не выдѣлялась изъ ряда другихъ.

Разумѣется, пантеистическаго мировоззрѣнія Толстого, какъ оно было пропагандировано Хилковымъ, простецы крестьяне усвоить были не въ силахъ и метафизику новаго ученія навсегда оставили въ покоѣ; религіозная сторона новаго ученія была понятнѣе и болѣе имъ нравилась; но главное, что привлекало и останавливало на себѣ вниманіе послѣдователей Хилкова, что составляло для нихъ предметъ живѣйшаго интереса,—это были вопросы характера социальнополитическаго, рѣшаемые Толстымъ на почвѣ религіозной, но въ духѣ анархіи (пассивнаго сопротивленія) и прямого социализма.

Павловскіе сектанты вполне усвоили социалистическія и

коммунистическія чаянія толстовства и изъ ученія Толстого сдѣлали крайніе анархическіе выводы: „якъ бы не було попівъ, то не було бѣ и царівъ, не було бѣ ни вѣйска, ни справниківъ, ни губернаторівъ; не драгы бѣ зъ насъ и грошій на подати“—вотъ ихъ краткій символъ вѣры.

Вслѣдствіе такихъ воззрѣній павловскіе толстовцы первоначально упорно отказывались отъ уплаты податей и поступления на военную службу. Особенно же упорно они отказываются отъ принесенія присяги; многіе изъ нихъ безнаказанно отказались отъ принесенія присяги на вѣрноподданство нынѣ царствующему Государю Императору. Это послѣднее обстоятельство сильно интересовало крестьянъ какъ сл. Павловокъ, такъ и многихъ окрестныхъ селеній; всѣ они ожидали, чѣмъ окончится сопротивление толстовцевъ этому требованію представителей государственной власти.

Къ мѣстнымъ священникамъ, которые часто и на домъ къ нимъ приходили съ словомъ увѣщанія, и приглашали на публичныя собесѣдованія, павловскіе сектанты относились съ недоувѣріемъ. Мало того, они презирали и ненавидѣли ихъ, какъ своихъ личныхъ враговъ, мѣшающихъ ихъ пропагандѣ, и въ анонимныхъ письмахъ грозили имъ смертью. Находились, правда, и болѣе хладнокровные, которые замѣчали: «да, и изъ васъ (т. е. священниковъ) есть хорошіе люди; а что вы намъ мѣшаете, такъ это потому, что вы занимаете такое положеніе,—и вамъ ѣсть хочется!»

Публичныхъ собесѣдованій они прямо избѣгали, говоря «намъ это не нужно», или же огульно объявляли ложнымъ все православное вѣроученіе: «все, что говорится въ книгахъ о православной вѣрѣ, все это обманъ и неправильно написано».

Отношеніе павловскихъ сектантовъ къ представителямъ свѣтской власти было самое грубое, дерзкое, нахальное. Когда земскій начальникъ приглашалъ ихъ, то могъ вызвать въ волостное правленіе не иначе, какъ чрезъ толпу десятниковъ, причемъ на пути они кричали о насиліи, о своемъ невинномъ угнетеніи, о незаконности существующихъ властей, а придя въ волостное правленіе, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, тотчасъ садились на скамью или просто бросались и ложились на полъ посреди камеры, заявляя, что они чрезвычайно устали и, вмѣсто отвѣта на вопросы, или упорно молчали, или обличали начальствующую

щихъ лицъ, которые будто бы не должны быть начальниками, если хотятъ быть христіанами.

Мѣропріятія, принимаемая въ послѣднее время совмѣстно властью духовною и свѣтскою, направленныя къ пресѣченію толстовской пропаганды въ Павловкахъ, приводятъ, видимо, къ благимъ результатамъ, такъ какъ они не даютъ толстовцамъ возможности сплотиться въ одну тѣсную общину. По свидѣтельству епархіального миссіонера, нынѣшнее сектанство въ Павловкахъ вступило въ новую фазу своего существованія; оно оставило свой воинственный задоръ, и не слышно пока о дерзкомъ и явномъ кощунствѣ, объ открытой пропагандѣ. Сектанты замкнулись сами въ себѣ и живутъ, не имѣя опредѣленныхъ вожаковъ. Никто изъ нихъ не выступаетъ теперь открыто въ качествѣ ихъ вожака и руководителя; нѣтъ поэтому у нихъ и единства ни въ убѣжденіяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Изъ увлеченныхъ толстовскимъ лжеученіемъ каждый почти мудрствуетъ по своему: одинъ называетъ себя толстовцемъ, другой — квакеромъ, третій — духовнымъ христіаниномъ; одинъ утверждаетъ, что онъ вегетарианецъ, другой постоянно ѣстъ мясную пищу; одинъ говоритъ, что Бога вовсе нѣтъ, другой сомнѣвается, — не то Онъ есть, не то Его нѣтъ; иные толстовцы, признавая Бога, вѣрятъ въ св. Писаніе, другіе же изъ этого Писанія принимаютъ «только слова Иисусовы». Отсюда истекаетъ такой разладъ и въ мысли, и въ жизни, что сектанты справедливо сами не знаютъ, въ чемъ собственно состоитъ ихъ вѣра ¹⁾.

Такимъ образомъ, бросая общій взглядъ на прошлую исторію павловскихъ сектантовъ, мы видимъ, что, благодаря пропагандѣ князя Хилкова, они усвоили ученіе графа Л. Н. Толстого. Ученіе это произвело полную анархію и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, и во всемъ строѣ жизни внутренней и внѣшней павловскихъ сектантовъ. Оно выбило ихъ изъ колеи обычнаго спокойнаго теченія жизни, разрушило вѣковой укладъ православнаго народнаго міросозерцанія и, поставивъ вмѣсто него призрачную, фантастическую перспективу Царства Божія на землѣ, въ которомъ не будетъ «ни пошівъ, ни царівъ, ни панівъ», возбудило духъ народный несбыточными утопіями и иллюзіями. Правда, ученіе это, имѣя

¹⁾ См. Докладъ зап. епарх. мисс. Высокопр. Амвросію.

основнымъ принципомъ «непротивленіе злу», не позволяло павловскимъ сектантамъ допускать насилія, но оно глубоко взволновало, нарушило ихъ душевное равновѣсіе и вмѣсто христіанскаго чувства любви возбуждало и питало острое чувство вражды и ненависти къ существующему строю жизни церковной и государственной и ко всѣмъ, къѣмъ этотъ строй поддерживается и охраняется.

При такомъ настроеніи павловскихъ сектантовъ въ среду ихъ врывается мистическая струя въ лицѣ захожаго сектанта-мистика Моисея Наумова Федосіенко. Извѣстно, что Федосіенко пришелъ изъ Кіевской губ. и зараженъ малеванскими мистическими бреднями. Въ такомъ случаѣ понятно дѣлается и легко объясняется его вліяніе на павловскихъ толстовцевъ, потому что малеванскія бредни по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ такъ близко совпадаютъ съ крайними выводами анархическаго толстовства. Неизвѣстно одно, представляетъ ли онъ собою чистый типъ сектанта-мистика, страдающаго рагапоіса religiosa (это должно показать медицинское изслѣдованіе) и потому дѣйствительно увѣреннаго въ присутствіи въ немъ „вышей силы“, или же онъ только симулировалъ въ себѣ проявленія этой силы, чтобы возбудить павловцевъ къ беспорядкамъ, служа, быть можетъ, орудіемъ пропаганды соціалистической. Разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ „павловское побоище“ получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, существо дѣла отъ этого мало измѣняется; въ томъ и другомъ случаѣ эффектъ получается одинаковый. Вполнѣ естественнымъ представляется, что, находясь въ возбужденномъ, напряженномъ душевномъ состояніи, павловскіе сектанты легко подпали вліянію Федосіенка, который своими дикими бреднями и чудесами производилъ на нихъ неотразимое впечатлѣніе. Они увѣрвали въ присутствіи въ немъ „вышей силы“ и сами, почувствовавъ въ себѣ эту силу въ сильномъ движеніи и волненіи смятеннаго духа, не могли далѣе спокойно ожидать наступленія Царства Божія на землѣ, имѣющаго осуществиться путемъ „непротивленія“, и рѣшили ускорить наступленіе его инымъ путемъ: подмываемые волной слѣплаго фанатизма, съ дрекольями и кирками понеслись они разрушать „неправду“ и насаждать въ Павловкахъ толстовскую „правду“...

Мистическая толстовщина представляетъ собою явленіе новое, но не случайное и не неожиданное. Въ исторіи всѣхъ

секты рационалистическихъ часто наблюдаются движенія съ характеромъ мистическимъ; мистическія идеи проникали и своеобразно обнаруживались и въ молоканствѣ, и въ штундизмѣ. Въ наукѣ ясно и опредѣленно всѣ секты раздѣляются по ихъ существеннымъ свойствамъ на три разряда: старообрядческой расколъ, секты рационалистическія и мистическія. Но въ жизни очень часто перешлеваются между собой характерныя черты сектъ до противоположности разнообразныхъ: то къ старообрядчеству примѣшиваются понятія чисто вольнодумныя, рационалистическія, и даже мистическія бредни, такъ что приверженецъ перстовъ и сугубой аллилуйи вдругъ оказывается чѣмъ-то вродѣ штундиста или толстовца, то — еще чаще — секты рационалистическія перемѣшиваются съ хлыстовствомъ и наоборотъ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что сектъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, *раціоналистическія*, т. е. такихъ, которыя бы въ вѣрѣ и жизни руководствовались холоднымъ, спокойнымъ разсудкомъ, вовсе не существуютъ. Сектантство всегда возникаетъ на почвѣ возбужденнаго религіознаго чувства. Поэтому, религіозная страстность, горячность, религіозный пылъ, фанатизмъ составляетъ существенную черту сектантскаго настроенія. Конечно, обычный у юныхъ неопитовъ религіозный пылъ скоро остываетъ, охлаждѣваетъ, и съ теченіемъ времени сектанты дѣлаются спокойнѣе; но всегда при малѣйшемъ внѣшнемъ влияніи они легко возбуждаются, воспаляются и представляютъ удобную среду для воспріятія и развитія идей мистическихъ. Поэтому и въ рационалистической сектѣ толстовцевъ всегда можно и даже должно было ожидать движенія съ характеромъ мистическимъ. Такое именно движеніе наблюдается въ настоящее время въ старомъ гнѣздѣ толстовщины — въ сл. Павловкахъ.

Но интересно прослѣдить и сравнить, въ какихъ формахъ выражается мистическое движеніе въ различныхъ рационалистическихъ сектахъ, — въ молоканствѣ, штундизмѣ и толстовщинѣ.

Вотъ мистическое движеніе среди молоканъ 30-хъ годовъ истекшаго столѣтія. Возбужденные „предтечами второго пришествія“, молокане большими толпами изъ разныхъ губерній, оставивши свою родину, съ торжествомъ и веселіемъ, громогласно распѣвая на пути духовные гимны, двигаются на Кавказъ, въ обѣтованную землю, въ новый Іерусалимъ

славнаго Царства Христова, имѣющаго открыться близъ горъ Араратскихъ. Есть среди нихъ „Илія и Енохъ“, есть „пророки и апостолы“, явился и самъ лжехристосъ Лукьянъ Петровъ, сообщавшій „высшую силу“ другимъ чрезъ „сопѣніе“ и для доказательства своего божественнаго достоинства прибѣгавшій къ „чуду“ воскрешенія мертвыхъ дѣвъ; миссіи своей онъ, правда, не окончилъ, такъ какъ, собравши деньги и пожитки простодушныхъ молоканъ, предпочелъ ѣздить съ дороги въ обѣтованную землю.

Вотъ мистическое движеніе въ штундизмѣ, возбужденное „спасителемъ міра“, таращанскимъ мѣщаниномъ Кондроемъ Малеванымъ, находящимся нынѣ въ Казани въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ. Возволнованные распространившимися толками о кончинѣ міра, имѣющей наступить 1-го ноября 1899 г., малеванцы всю ночь проводятъ въ бдѣніи и молитвѣ, въ ожиданіи пришествія Малеванаго „въ славѣ и силѣ для суда надъ міромъ и для царства съ избранными“. Но когда прошло томительно ожидаемое 1 ноября и кончины міра не послѣдовало, то на слѣдующую ночь на тайно нанятыхъ подводахъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и всѣмъ скорбомъ домашнимъ оставляютъ они землю Халдейскую и предводительствуемые Моисеемъ, отправляются къ „отцу“ своему Малеваному. Странное зрѣлище представлялъ собою этотъ караванъ психопатовъ, съ пѣніемъ, воплями и нервными гиками двигавшійся сотни верстъ по селамъ на пути въ Кіевъ: худыя, изможденные лица съ воспаленными глазами, тихій экстазъ мужчинъ, нервныя всхлипыванія женщинъ, веселыя личики дѣтей, общая колѣнопреклоненная молитва, сопровождаемая рѣзкими, конвульсивными движеніями и нервно-истерическими припадками.

Все это знакома, печальныя картины или грубой эксплуатаціи религіознаго чувства нашего темнаго, препростого, наивнаго люда со стороны разныхъ шарлатановъ, или же болѣзненнаго возбужденія его до размѣровъ нервно-психической эпидеміи подъ вліяніемъ душевно-больныхъ мистиковъ.

Но картины эти блѣднѣютъ предъ тѣмъ ужаснымъ зрѣлищемъ, какое представляетъ собою мистическое движеніе, развившееся среди анархической секты толстовцевъ и выразившееся въ павловскомъ „страшномъ дѣлѣ“. По-истинѣ страшна и ужасна эта мистическая толстовщина, съ пѣніемъ и

молитвою, но въ то же самое время и съ ломами и кольями торжественно шествующая разрушать существующую „неправду“, и насаждать на землѣ толстовскую „правду“; слѣдами самаго грубаго, дикаго разоренія и опустошенія, брызгами человѣческой крови усѣянъ ея путь.

Конечно, почитатели графа Л. Н. Толстого скажутъ, что графъ здѣсь ни при чемъ,—нельзя же обвинять графа въ томъ, что ученіе его искажаютъ и примѣшиваютъ къ нему мистическія бредни. Все это въ нѣкоторой степени, разумѣется, справедливо, и возражать противъ этого никто не будетъ. Но что бы ни говорили въ оправданіе графа, неумолимая логика фактовъ навсегда связываетъ имя Л. Н. Толстого съ дикими сценами „павловскаго побоища“ и позволяетъ сдѣлать выводъ, что „павловское побоище“—это всходъ и расцвѣтъ всюду посѣваемыхъ Толстымъ сѣмянъ анархіи въ религіозной оправѣ, которыя, попавъ въ среду простонарода, затронули область темныхъ мистическихъ движеній духа народнаго и начинаютъ приносить плодъ по роду своему.

Пусть не покажется это кому-нибудь обиднымъ или неприличнымъ, но въ концѣ размышленій о „павловскомъ побоищѣ“ невольно напрашивается такая антитеза: разслабленная мысль той части интеллигенціи, которая, кажется, утратила уже всякій критерій для различія добра и зла и, подъ видомъ свободы совѣсти, стремится къ свободѣ отъ всякой совѣсти, — можетъ еще, конечно, питаться и увлекаться обольстительными идеями Л. Н. Толстого, но дѣвственная цѣлина народнаго сознанія, такъ чуткаго къ требованіямъ закона совѣсти и правды Божіей,—сокрывающейся отъ гордаго взора премудрыхъ и разумныхъ и доступной только дѣтски—чистымъ сердцамъ,—не могла усвоить и переварить привитаго совнѣ страннаго ученія „духа лестча“ и—*отрынула* его въ столь ужасной формѣ.

Таковъ, думается, истинный смыслъ павловскаго „страшнаго дѣла“.

Владимір Терлецкій.

Р. С. Почтенный авторъ, вспоминая объ извѣстныхъ въ исторіи случаяхъ и формахъ мистическаго движенія въ рационалистическомъ нашемъ сектанствѣ, упустилъ изъ виду и еще одну яркую картину подобнаго же движенія, происходившаго во второй половинѣ 90 годовъ истекшаго вѣка.

а именно, среди закавказскихъ духоборовъ. Между тѣмъ движеніе тамошнее имѣетъ такъ много аналогическихъ чертъ съ исторіей павловскаго „страшнаго дѣла“, какъ названо это безпримѣрное событіе въ официальной реляціи Харьковской администраціи.

Какъ въ Павловкахъ, такъ и въ закавказскомъ духоборчествѣ дѣло началось съ пропаганды и проникновенія въ темную массу одного и того же религіозно-соціального ученія гр. Л. Толстого. Какъ здѣсь, такъ и тамъ первоучителемъ былъ одинъ и тотъ же кн. Хилковъ, сосланный въ Закавказье съ К^о; краеугольнымъ камнемъ для новыхъ воззрѣній и уклада жизни духоборовъ былъ положенъ тотъ же толстовскій догматъ *непротивленія злу* и пять заповѣдей толстовскаго катихизиса.

Съ усвоеніемъ ученія началась духоборъ-толстовистовъ мало-по-малу и жизнь по *новой вѣрѣ*. Завелись артели для обработки полей, распродался скотъ лишній, происходили раздѣлы денежной собственности и уравниеніе имущества, ликвидація долговъ частныхъ лицъ изъ общинной кассы; введено было самое суровое вегетаріанство, до неѣденія яицъ и рыбы включительно, добровольное уклоненіе отъ супружеской жизни и заключенія браковъ... Но вмѣстѣ началось и *пассивное*, сначала робкое сопротивленіе и молчаливое уклоненіе отъ всего того, что, по мнѣнію духоборовъ-толстовистовъ, составляло *зло* въ жизни общественной, такова „государственная организація“ со всѣми ея законами, властями, податями, повинностями и въ частности военной. Сначала дѣло противленія *государственному злу* выражалось въ мелочахъ: въ уклоненіи отъ исполненія дорожной или подводной повинности, — особенно когда духоборамъ приходилось давать подводы для военныхъ людей и надобностей, — отъ уплаты денегъ, слѣдующихъ на содержаніе „чапаръ“ (полиціи), а затѣмъ духоборы отказались и отъ уплаты поземельныхъ казенныхъ сборовъ, ибо „земля-де Божія“, и наконецъ — одни оставили должности сельскихъ властей, другіе ряды войскъ, третьи рвали и бросали въ лицо воинскому начальству ополченскія свидѣтельства. Все это совершилось на протяженіи какихъ-либо 3 — 4-хъ лѣтъ. Сначала духоборы, казалось, всѣ шаги новой своей жизни обосновывали на холодномъ разсудкѣ, всѣ дѣйствія были, повидимому, логиче-

скимъ выводомъ изъ теоретическихъ умствованій ихъ интеллигентныхъ и своихъ собственныхъ передовыхъ вождей.

Но у массы нѣтъ логики: ея стихійно овладѣвають порывы чувства и фанатизмъ, когда она бываетъ выбита изъ обычной колеи и чувствуетъ свой вывихъ и мысли, и жизни. Такая страшная ломка и возрѣній, и бытовой, и семейной жизни неминуемо должно было и у духоборческой массы выдвинуть на первый планъ различныя *чувства*, быстро завладѣвшія и умомъ, и волею.

Прежде всего дрогнуло сердце женщинъ,—матерей, женъ. Увидавъ въ семьѣ одного страдальца изъ любимыхъ существъ за идеи толстовской вѣры (заключеннаго, напр., въ тюрьму за уголовный поступокъ ополченца), жена или мать фанатически толкала на тотъ же путь преступленій и страданій другого, третьяго, не давая ни ѣсть, ни пить упрямшемуся. Начали появляться среди разорившейся, обезумѣвшей толпы мистическія бредни, поднялась игра больной фантазіи, создавшей дикую легенду и несбыточныя чаянія „о новомъ блаженномъ царствѣ“ подъ главенствомъ кумира духоборовъ Петруши Веригина, проживавшаго въ Шенкурскѣ въ ссылкѣ, о появленіи его на бѣломъ конѣ съ востока, объ изведеніи имъ своего духоборческаго народа изъ Россійскаго Египта „въ землю обѣтованную“. Словомъ, рационализмъ сектантовъ смѣнился мистицизмомъ, не разъ переходившимъ прямо-таки въ болѣзненное умоизступленіе, во время котораго толпа способна на всякія преступленія.

Первую картину такого болѣзненнаго мистическаго захвата духоборческой массы можно было наблюдать въ ночь на 29 іюня (подъ Петровъ день,—именины Петруши), когда и въ Карской области, изъ селъ въ Елисаветпольской губерніи и въ Ахалкалакахъ нѣсколько тысячъ духоборовъ съ женами и дѣтьми выходили въ горы, гдѣ сложили на вершинахъ все свое оружіе (въ знакъ отреченія „отъ военнаго разбоя“) и, обложивъ его хворостомъ, зажгли костры, а сами, стоя подъ горой, пѣли псалмы и молились цѣлыя сутки безъ пищи и питья и устремленно наблюдали, не явится ли съ востока Петруша, ихъ вождь и спаситель.

Въ Ахалкалакахъ духоборы вышли тысячной массой въ балку „къ священной пещерѣ“ (гдѣ ихъ обожаемая управительница Лукерья Васильевна кутила съ офицерами, а

духоборамъ оставила наставленіе о трезвой жизни въ видѣ молитвы, высѣченной на камнѣ).

Здѣсь радѣніе продолжалось двое сутокъ, пока не явились казаки съ нагайками, погнавшіе нафанатизированную толпу въ село, куда долженъ былъ прибыть губернаторъ, вызывавшій духоборовъ на объясненіе, по поводу ихъ безумныхъ и преступныхъ дѣйствій, но они не хотѣли слушать его приказа.

Повстрѣчавшись на дорогѣ съ губернаторомъ (кн. Шервашидзе), толпа демонстративно выказала къ его особѣ непочтеніе. Казаки начали нагайками сшибать съ упорныхъ бараньи шапки, послѣдніе снова ихъ нахлобучивали, а озорные начали бросать въ спину ополченскія (разбойничьи, какъ духоборы выражались) свидѣтельства, оскорбляя при этомъ и Царя. Здѣсь болѣзненное напряженіе мистицизма фанатизированной толпы достигло до того, что толпа, какъ одинъ человекъ, впала въ галлюцинацію: сектанты, поднявъ глаза къ небу, пали на колѣна и кричали:—«вотъ Петруша, нашъ спаситель, вотъ онъ, батюшка»... Иллюзія до того была реальна, что и губернаторъ, и свита его тоже начали смотреть вверхъ и искать въ облакахъ «Петрушу».

Смирненіе *непротивленцевъ*—духоборовъ въ началѣ доходило до опасенія раздавить козявку. «Вотъ видишь по дорогѣ ползетъ червякъ,—разсуждалъ съ нами одинъ изъ передовыхъ духоборовъ,—а я долженъ обойти его, чтобы не задавить,—козявку, блоху не можемъ нынѣ лишать жизни, а прежде татаръ стрѣляли, какъ зайцевъ. Воду мутную остерегаемся пить, чтобы не проглотить и не погубить живое что-нибудь».

Интервьюеры сообщали, что Левъ Николаевичъ щадить жизнь мышей, попавшихся въ ловушку, которыхъ онъ относитъ въ лѣсъ, а вотъ духоборы даже блохъ щадили. Но смиреніе это недолго держалось. Холодное, пассивное сопротивленіе и душевный протестъ при нервно-мистическомъ настроеніи толпы скоро же смѣнились *активнымъ* сопротивленіемъ, которое въ Славянкѣ Елизаветпольской заявило себя не менѣе буйнымъ погромомъ, чѣмъ павловское побоище закончившееся также судомъ палаты. Духоборы толпой, сидрекольями и вилами оказали дикое сопротивленіе и насиліе надъ судебнымъ приставомъ и 16 полицейскими, которые явились взыскивать подати и едва не поплатились жизнью.

Да, страшна и ужасна толстовщина въ народѣ.

Редакторъ.

Отношеніе христіанства къ государству по
воззрѣніамъ гр. Л. Н. Толстого.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ форма общественной жизни родилась и возросла задолго до появленія христіанства. Какъ явленіе, отчасти стихійное, частью же въ своей внутренней сущности этическое, она выражала собою крупный шагъ впередъ въ постепенномъ развитіи человѣчества. Гр. Л. Толстой вполне признаетъ за государствомъ значеніе формы жизни болѣе высокой, чѣмъ ей предшествовавшая, и соответствующей высшей ступени развитія нравственнаго сознанія человѣчества. Если въ дообщественной жизни человѣка, по мнѣнію графа, царило узко-эгоистическое „личное жизнепониманіе“, то въ возникновеніи и организаціи общественно-политическихъ группъ выразилось альтруистическое „общественное жизнепониманіе“. Человѣкъ такого жизневоззрѣнія „признаетъ жизнь уже не въ одномъ себѣ, но въ совокупности личностей, — въ племени, въ семьѣ, въ родѣ, государствѣ, — и жертвуетъ для этихъ совокупностей своимъ личнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть слава“ ¹⁾. Такое жизнепониманіе и воплотилось, по ученію яснополянскаго мыслителя, въ формахъ родовой, племенной и, наконецъ, государственной жизни.

Общественное пониманіе и послѣдняя высшая форма его воплощенія ко времени появленія христіанства достигли полной почти зрѣлости своего роста. Міровая сцена того времени была занята широко раскинувшейся, чрезвычайно сложной государственной организаціей римской имперіи. Еще никогда языческое жизнепониманіе не находило для себя такого грандіознаго и выпуклаго выраженія, какъ въ мировой державѣ Рима. Не по названію, не по религіи только

---

¹⁾ Л. Толстой. Царство Божіе. Берлинъ. 1894, ч. I, стр. 127.

это государство было языческимъ, но по основнымъ началамъ своего собственнаго уклада. Гр. Л. Толстой отмѣчаетъ языческій характеръ римскаго и всякаго другого государства въ томъ, что его граждане смыслъ жизни видятъ въ самоотверженномъ служеніи обществу, государству, а не Богу. Указаніе это весьма общее, неопредѣленное и не охватывающее притомъ одной весьма важной характерной черты языческаго государства. Первую черту языческаго государства слѣдуетъ видѣть въ томъ, что оно всецѣло поглощало въ себѣ человѣческую личность и господствовало надъ ней съ силой верховнаго авторитета ¹⁾. Вторая столь же важная характерная особенность проявилась въ римскомъ правѣ, которое представляло собой, по выраженію знаменитаго автора „Духа римскаго права“ Р. Іеринга, „систему дисциплинированнаго эгоизма“ ²⁾. На такихъ началахъ зиждилось античное государство, и всякое другое государство, принимающее эти принципы, должно считаться языческимъ. Общая же и глубочайшая сущность языческаго государства по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что оно есть и хочетъ быть только человѣческимъ.

Въ то самое время, когда Римъ царилъ надъ міромъ и человѣкомъ, въ одномъ изъ скромныхъ уголковъ его державы зародилось, стало расти и крѣпнуть новое жизнепониманіе, христіанское, или, какъ еще его называетъ Л. Толстой, „божеское“. „Человѣкъ божескаго жизнепониманія“, учить графъ, признаетъ жизнь уже не въ своей личности и не въ совокупности личностей (въ семьѣ, родѣ, народѣ, отечествѣ или государствѣ), а въ источникѣ вѣчной, неумирающей жизни—въ Богѣ, и для выполненія воли Бога жертвуетъ и своимъ личнымъ, и семейнымъ, и общественнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть любовь“ ³⁾. „Различіе христіанскаго ученія отъ прежнихъ—то, продолжаетъ Толстой, что прежнее ученіе, общественное, говорило: живи противно природѣ (подразумѣвая одну животную природу), подчиняй ее внѣшнему закону семьи, общества, государства; христіанство

¹⁾ Исторія политическихъ ученій. Б. Н. Чичеринъ. Москва. 1869. ч. I, стр. 99.

²⁾ См. Нравственность и право. Проф. В. Щегловъ. Ярославль. 1888 стр. 89.

³⁾ Царство Божіе. ч. I. стр. 127—128.

говорить: живи сообразно твоей природѣ (подразумѣвая божественную природу), не подчиняя ее ничему—ни своей, ни чужой, ни животной природѣ,—и ты достигнешь того самаго, къ чему стремишься¹⁾... Т. е., спросить читатель, чего же тогда достигнешь, какую цѣль осуществишь? Разумѣется, достигнешь счастья, блаженной и святой жизни, послѣдней цѣли человѣка и человѣчества, какъ это думаетъ графъ²⁾. Вѣдь, для гр. Л. Толстого Евангеліе есть прежде всего книга, проповѣдующая о томъ, какъ слѣдуетъ жить, чтобъ счастливымъ быть. „Слѣдованіе разуму для достиженія блага, въ этомъ, говоритъ яснополянкій моралистъ, было всегда ученіе всѣхъ истинныхъ учителей человѣчества, и въ этомъ все ученіе Христа³⁾. Самое христіанское жизнепониманіе, по смыслу толстовской доктрины, вызвано къ бытію ненасытнымъ стремленіемъ человѣка къ счастью и свободѣ отъ страданій. Когда общественное жизневоззрѣніе перестало удовлетворять этому стремленію, тогда человѣческій разумъ выработалъ жизнепониманіе „божеское“, которымъ указываетъ новый путь къ счастью⁴⁾. Неудивительно поэтому, что „божеское“, графское—тожъ, жизнепониманіе проникнуто эвдемонистическими тенденціями. А такъ какъ счастье Л. Толстой полагаетъ не въ душѣ, не въ святости только человѣка, но гораздо болѣе во внѣшнемъ благополучіи его, то религиозно-нравственное ученіе христіанства превращается у него въ социально-политическую доктрину. Христосъ для графа не только моралистъ, но, главнымъ образомъ, реформаторъ, дающій новыя начала общественной жизни и отрицающій наличный строй ея⁵⁾.

Какъ же и какое отношеніе человѣка къ государственности устанавливается толстовскимъ жизнепониманіемъ?

Къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ мы перейдемъ, сдѣлавъ предварительно краткое замѣчаніе о толстовской теоріи трехъ жизнепониманій. Въ дальнѣйшей своей рѣчи удобства ради мы будемъ употреблять термины графа: жизнепони-

¹⁾ Царство Божіе. Ч. I, стр. 153—154.

²⁾ Сочин. т. XII, изд. 10-ое. Москва. 1897. Сказка объ Иванѣ-дуракѣ. Въ чемъ счастье?

³⁾ Въ чемъ моя вѣра? 2-ое изд. М. Эллипина. Genève. 1891. стр. 110.

⁴⁾ Царство Божіе, стр. 163, ч. I.

⁵⁾ Въ чемъ моя вѣра?—стр. 37, 39, 41, 114—115.

ніе „личное“, „общественное“, христіанское, или „божеское“, какъ это дѣлали и до сихъ поръ. Но во избѣжаніе недоразумѣній и для выясненія истины должно замѣтить, что эти термины не точны, и вся теорія трехъ жизнепониманій имѣеть крупныя недостатки.

И по общеизвѣстнымъ библейскимъ даннымъ и по даннымъ науки, приходится рѣшительно утверждать, что человекъ никогда не жилъ совершенно изолированной жизнью и не руководился только эгоизмомъ своей личности. Исторія и этнографія не знаютъ человека абсолютно безобщественнаго и обладающаго чисто „личнымъ“ жизнепониманіемъ. „Изолированный индивидуальный человекъ... не былъ, говорить В. Вундтъ, нигдѣ и никогда, т. е. онъ,—съ точки зрѣнія опыта,—не существуетъ и, безъ сомнѣнія, никогда не можетъ быть открытымъ путемъ опыта. Мы знаемъ человека, какъ соціальное существо, одинаково подчиненное и индивидуальной, и общей волѣ, и ничто не говоритъ за то, что общая воля вышла когда-то изъ индивидуальной ¹⁾. Симпатическіе мотивы, не чуждые даже животнымъ, всегда вліяли на жизнепониманіе и поведеніе человека, и, слѣдовательно, онъ никогда не былъ безусловнымъ эгоистомъ. Въ виду этого, толстовскіе термины „личное“, „общественное“ жизнепониманіе мы считаемъ правильными постольку, поскольку они указываютъ на важнѣйшій признакъ, элементъ жизнепониманія, но не на исключительный, единственный.

Съ другой стороны, важно отмѣтить, что, строго говоря, существовало и существуетъ, и можетъ существовать только одно „личное“ жизнепониманіе. Человекъ, обладающій самосознаніемъ и по силѣ его утверждающій себя въ качествѣ цѣли для себя, можетъ смотрѣть на свою жизнь и міръ только подъ угломъ зрѣнія идеала личности. Какъ человекъ, переживающій въ себѣ чувство ненависти къ врагу, въ своемъ отношеніи къ нему руководится этимъ чувствомъ, такъ человекъ, сознающій себя личностью, можетъ смотрѣть на жизнь лишь такъ, какъ это свойственно личности. Задачу и идеаль своей жизни онъ способенъ ставить лишь въ осуществленіи образа всесовершенной личности; иной идеаль для такого человека казался бы противоестествен-

¹⁾ Этика. Перев. Спб. 1887. Отд. III, стр. 23—24.

нымъ, не соответствующимъ природѣ человѣка, какъ она познается въ самосознаніи. Поэтому обладающій самосознаніемъ человѣкъ непременно образуетъ „личное“ жизнепониманіе.

Намъ могутъ возразить съ извѣстной точки зрѣнія, что личное самосознаніе есть позднѣйшій продуктъ развитія сознанія, что дѣти и первобытный человѣкъ не имѣютъ его, а живутъ и жили согласно съ извѣстнымъ жизневоззрѣніемъ. На это возраженіе отвѣтъ не труденъ. Пока у дитяти или у какого-нибудь троглодита не образовалось личнаго самосознанія, то они не имѣютъ никакого жизнепониманія. Не управляемая никакимъ идеаломъ, ихъ жизнь есть животное переживаніе извѣстныхъ психическихъ состояній. У дитяти такъ это и бываетъ. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія самосознанія, по мѣрѣ индивидуализаціи человѣка, въ немъ образуется жизнепониманіе и всегда—„личное“. Истинною, нравственно-доброю человѣкъ считаетъ такую жизнь, которая раскрываетъ, осуществляетъ въ себѣ подлинную природу его личности.

Въ такомъ случаѣ, спросить кто-нибудь, какъ же объяснить различіе и разнообразіе жизнепониманій? Какъ случается, что одно личное жизнепониманіе въ дѣйствительности существуетъ съ различнымъ содержаніемъ? Объясняется это тѣмъ, что содержаніе личной жизни подлежитъ развитію и перемѣнѣ, и самое индивидуальное самосознаніе проходитъ путь нѣкоей эволюціи. Послѣднюю можно кратко представить въ такомъ видѣ. Въ человѣкѣ даны природою эгоизмъ и симпатія, себялюбивые и альтруистическіе стимулы къ дѣятельности. На низшей ступени развитія преобладающее значеніе въ мысли и въ жизни имѣютъ первые. Съ развитіемъ общественности развиваются и усиливаются альтруистическіе мотивы и цѣли и, пронизывая собою психику человѣка, образуя часть его души, неотразимо вліяютъ на его идеалы. Рука объ руку съ этимъ въ жизнепониманіе человѣка, которое продолжаетъ оставаться „личнымъ“, все болѣе входятъ симпатическія, соціальныя идеи. Содержаніе личной жизни измѣняется, наполняется новыми (не по существу, но по силѣ и содержанію) элементами,— совершается соответствующая перемѣна и въ его жизнепониманіи: человѣкъ опредѣляетъ себя въ своемъ мышленіи

существомъ гражданскимъ (ζῶν πολιτικόν Аристотеля) по природѣ и идеаломъ человѣчной жизни считаетъ образъ совершеннаго гражданина. Дальнѣйшій шагъ на пути этого развитія заключается въ усвоеніи психикой человѣка не общественныхъ, національныхъ, государственныхъ идей и стремленій, а въ проникновеніи ея идеями и стремленіями общечеловѣческими. Какъ социальныя идеи и мотивы не устраняютъ совершенно индивидуальныхъ, такъ и общечеловѣческія задачи воспринимаются человѣческимъ духомъ *не вмѣсто* социально-национальныхъ, *а только сверхъ* этихъ послѣднихъ, что лишь и возможно психологически. Съ субъективной стороны этотъ шагъ въ развитіи жизнепониманія выражается не въ туманномъ представленіи „человѣчества“, а въ выработкѣ идеала „человѣка“, „человѣческой“ — не эллинской или скиеской—личности. Тотъ, кто дѣлаетъ объектомъ своихъ чувствъ „человѣка“, тотъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ предметомъ „человѣчество“, потому что „человѣческое“ необходимо есть и „общечеловѣческое“. Здѣсь человѣкъ сознаетъ и мыслить себя свободно-разумной личностью и задачей жизни ставить раскрытіе и осуществленіе въ своей внутренней и внѣшней жизни идеала свободно-разумной личности примѣнительно къ наличнымъ условіямъ своего существованія. Здѣсь, въ этомъ содержаніи, личная жизнь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обращается къ идеалу человѣческой личности въ ея глубочайшей сущности, и опредѣляемое имъ жизнепониманіе есть личное *par excellence*, и потому—универсальное. Такъ, всегда и вездѣ существовало и существуетъ одно „личное“ жизневоззрѣніе, по своему реальному содержанію разнообразное; такимъ путемъ создавались его варіаціи и къ такому идеалу пришло оно подъ вліяніемъ самой жизни и развитія мысли.

Отдѣльный человѣкъ руководится въ своей жизни также всегда „личнымъ“ жизнепониманіемъ, которое измѣняется со стороны содержанія. Дитя, пока живетъ растительной жизнью, не имѣя личнаго самосознанія, не имѣетъ никакого и жизнепониманія. Когда оно начнетъ отличать себя отъ окружающей среды и опредѣлять себя, какъ физическій организмъ, тогда у него складывается извѣстное отношеніе къ міру и людямъ, по которому жизнь оцѣнивается со стороны ея физической пріятности или непріятности. Незамѣт-

но затѣмъ выдвигается сторона душевной жизни человѣка. Теперь человѣкъ опредѣляетъ себя, какъ одушевленнаго индивидуума, какъ опредѣленную живую, организованную сумму извѣстныхъ навыковъ, чувствъ, идей. Физическій организмъ здѣсь считается только принадлежащимъ личности („моимъ“), но не самой личностью (не „я“). Смыслъ жизни на этой ступени развитія самосознанія полагается въ жизни, согласной съ этими идеями, чувствами, желаніями; въ этомъ полагается разумная жизнь, такъ какъ здѣсь видится истинная природа личности. Съ послѣднимъ шагомъ въ развитіи самосознанія человѣка эмпирическое содержаніе его сознанія испытываетъ ту же участь, которая прежде постигла тѣло: оно объявляется только продуктомъ творческой дѣятельности личности, самая же личность сознается теперь человекомъ, какъ свободно-разумная сила. Разъ человѣкъ дошелъ до этой ступени самосознанія, онъ съ психологической необходимостью опредѣляетъ себя, какъ такую силу, какъ личность въ собственномъ смыслѣ (а не индивидуальность), и создаетъ (непремѣнно) личное жизнепониманіе, по которому смыслъ и задача жизни полагается въ раскрытіи и осуществленіи въ своей внутренней и внѣшней жизни идеала свободно-разумной личности. Такъ какъ личность въ указанномъ смыслѣ присуща каждому человѣку, вѣрнѣе—она есть самъ „человѣкъ“ въ его глубочайшей сущности, то, очевидно, путь развитія индивидуальнаго самосознанія приводитъ къ тому же жизнепониманію, къ какому подходило и подходитъ все человѣчество. Это жизнепониманіе личное *par excellence*; его исходный пунктъ—свободно-разумная природа человѣческой личности, его идеаль—жизнь, сообразная съ этой природой, его характерный признакъ по отношенію къ прежнимъ жизневоззрѣніямъ—универсальность, общечеловѣчность идеала. А такъ какъ идеальная, всесовершенная личность, представляющая собою образецъ для жизни человѣка на высшей ступени его развитія, есть не кто иной, какъ Богъ—Абсолютная Личность, то, какъ видно, послѣднее жизнепониманіе призываетъ человѣка къ богоподобной жизни.

Таковъ, по нашему представленію, ходъ развитія жизнепониманія въ человѣкѣ и таково его завершеніе, въ которомъ нельзя не узнать признаковъ христіанства.

К. Григорьевъ.

(Продолженіе будетъ).

**О раскольниковской литературѣ минувшаго XIX в.
и о мѣрахъ борьбы съ расколомъ въ новомъ
XX вѣкѣ.**

Во второй половинѣ истекшаго столѣтія, на ряду съ гражданскими мѣропріятіями, имѣвшими цѣлью дать старообрядчеству права и свободу по отправленію своего богослуженія, въ нашей, преимущественно свѣтской, литературѣ раздавались громкіе голоса твердаго упованія о томъ, что милостивое отношеніе правительства къ старообрядческому расколу примиритъ послѣдній съ русской жизнью какъ церковной, такъ и общегосударственной и въ концѣ концовъ будетъ способствовать привлеченію и объединенію нѣкогда отколовшейся части единого русскаго общества въ единый и здоровый общественный организмъ. Несомнѣнно, что эти предсказанія только и могли быть тогда гадательными, теоретическими,—и не совсѣмъ понятно было то упорство, съ которымъ отстаивались эти необоснованныя предположенія противъ заявленія, правда, немногихъ, но глубоко знавшихъ расколъ, людей и опредѣленій бывшихъ въ прошломъ столѣтіи миссіонерскихъ съѣздовъ. Кто былъ правъ въ такомъ неравномъ спорѣ?—тогда рѣшить было не легко. И нынѣ еще время рьяныхъ споровъ вмѣстѣ съ вѣкомъ не прошло: не утихла еще и литературная борьба, не притупились перья... Но только нынѣ время накопило уже достаточный матеріалъ для эмпирическаго рѣшенія спорнаго вопроса. Матеріаломъ этимъ, чрезвычайно цѣннымъ и важнымъ, должна служить литературная дѣятельность самаго раскола, выражающая въ письменныхъ, печатныхъ, литографскихъ, гектографскихъ и др. раскольниковскихъ изданіяхъ настроенія самого раскола, его взгляды на русское православное общество, его отношенія къ православной Церкви. Но, къ сожалѣнію, на этотъ матеріалъ мало обращаетъ вниманія не только свѣтская литература, но и наша духовная журналистика.

Литературная дѣятельность старообрядчества за XIX вѣкъ, особенно же въ теченіе второй его половины, расцвѣла, какъ никогда, если не въ смыслѣ появленія капитальныхъ старообрядческихъ трудовъ, то въ смыслѣ значительной популяризаціи старообрядческихъ доктринъ путемъ общедоступныхъ, дешевыхъ заграничныхъ и русскихъ изданій. Было бы дѣломъ въ высшей степени полезнымъ сдѣлать полный обзоръ такихъ изданій, — и, конечно, онъ будетъ сдѣланъ лицомъ, болѣе насъ освѣдомленнымъ въ данномъ отношеніи. Со своей стороны мы коснемся только того матеріала, который въ настоящій моментъ находится у насъ подъ руками, благодаря особому благопріятному случаю.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался въ С.-Петербургѣ протоіерей В. В. Нильскій, одинъ изъ глубокихъ, хотя, быть можетъ, и изъ самыхъ скромныхъ знатоковъ мѣстнаго раскола и сектантства. Намъ въ точности извѣстно, что опытными указаніями почившаго о. протоіерея пользовались многие и уже скончавшіеся, и понынѣ здравствующіе расколовѣды и изслѣдователи сектъ, хотя объ этомъ, по скромности почившаго, нигдѣ и не заявлено. Между прочимъ за долгое время своего служенія въ столицѣ о. протоіереемъ Нильскимъ были скоплены значительные запасы книгъ по части раскола и сектъ, образовавшихъ довольно богатую бібліотеку, которая со смертью его, чрезъ В. К. Саблера, согласно волѣ о. протоіерея, передана въ распоряженіе Спб. Православнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы и такимъ образомъ стала доступной для чтенія. Среди другихъ книгъ въ этой бібліотекѣ находится болѣе сотни изданій раскольническихъ, исполненныхъ или типографскимъ способомъ, или рукописно.

Послѣдняго рода книгъ, т. е. рукописныхъ, въ бібліотекѣ 37, причемъ всѣ онѣ разной величины, разнаго времени и разнаго достоинства. Значительное большинство рукописей — не старыя; но для нашего вопроса это именно обстоятельство и представляется болѣе цѣннымъ. Затѣмъ въ бібліотекѣ имѣется болѣе 75 старообрядческихъ изданій Яскихъ, Коломыйскихъ, Московскихъ и др., частію печатныхъ, частію литографскихъ и гектографскихъ. Послѣдняго рода изданія всѣ — второй половины прошлаго вѣка; что касается рукописей и рукописныхъ тетрадокъ, то для любознательныхъ чи-

тателей „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ ниже приведенъ каталогъ съ краткимъ ихъ описаніемъ.

Уже самое количество старообрядческихъ изданій, изъ которыхъ ни одно не прошло ни чрезъ свѣтскую, ни чрезъ духовную цензуру, говоритъ само за себя. Но, можетъ быть, изданія и рукописи эти имѣютъ содержаніемъ своимъ выясненіе по преимуществу внутреннихъ вопросовъ въ расколѣ? Можетъ быть, онѣ содержатъ попытки изысканія и ясно выраженное стремленіе найти ту самую истину, которая такъ давно утеряна старообрядчествомъ одновременно съ потерей имъ истинной Церкви?—Къ прискорбію, на такіе вопросы приходится отвѣчать отрицательно: большинство старообрядческихъ изданій и рукописей направлено къ уничтоженію православной русской Церкви, а инныя говорятъ даже о какой-то скрытой работѣ, направленной и противъ русскаго гражданскаго правительства.

Вотъ старая, весьма подержанная тетрадка, внутри которой одиноко сохранялась отрѣзанная охранныя печать судебного слѣдователя царскосельскаго уѣзда съ надписью: „№ 8. Къ дѣлу № 85: 1869 года о противозаконныхъ дѣйствіяхъ раскольническаго наставника крестьянина деревни Выры ¹⁾ Марка Степанова“. Тетрадка содержитъ сборникъ духовныхъ стиховъ, по большей части совершенно невинныхъ, между которыми даже находится и „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“. Какой благодарный сюжетъ для апологетовъ раскола: расколъ видимо начинаетъ сближаться съ русской православной жизнью, онъ начинаетъ пользоваться трудами православныхъ поэтовъ для выраженія своихъ чувствъ и настроеній... Можетъ быть, это и такъ... Но взгляните внимательно въ состояніе листовъ этой тетрадки,—и выводъ самъ собой измѣнится. Въ то время, какъ листы, на которыхъ написаны стихи „О смерти“, „Іоасафа царевича“ и т. п., сравнительно чисты, листы, на которыхъ написана знаменитая стихира „преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи кафоликовъ“, въ высшей степени захватаны, истерты, едва держатся въ тетрадкѣ, а первые три листка этой стихирѣ даже утрачены. То же самое наблюдается и въ другомъ сборникѣ стиховъ (№ 20), весьма полномъ и весьма исправ-

¹⁾ Рождественскаго прихода, Царскосельскаго у.

номъ. Ясно, что эти стихи читались и перечитывались съ удивительнымъ постоянствомъ и настойчивостью и наединѣ, и въ собраніяхъ. Но что же привлекало читателей къ этимъ стихирамъ? Можетъ быть, онѣ звучнѣе прочихъ? можетъ быть, даже звучнѣе стиховъ нашего поэта? Отвѣтъ ясенъ для того, кто прочтетъ нижеслѣдующія строки:

Солнце въ небеси
Скры своя лучи,
И луна въ нощи
Свѣтлость помрачи,
Но и звѣзды вся
Потемниша зракъ,
И дневный свѣтъ
Претворися въ мракъ,
Тогда твари вся
Ужаснушася,
Но и бездны вся
Содрогнушася,
Егда адскій *зверь*
Юзу разруши,
Отъ заклепъ твердыхъ
Нагло отскочи.

О, коль яростно
Ипусти свой *ядъ*
Въ кафолическій
Красный вертоградъ...

Како лютый *зверь*
Сады нашъ погуби,
Вся древесія
Вскорѣ попали...

Охъ, увы, увы.
Благочестіе,
Увы, древнее
Правовѣріе!

Кто лучи твоя
Вскорѣ потемни?
Кто блистанія
Твоя измѣни?

Десятерожный зверь
Сіе погуби,
Седьмоглавый змій
Такъ учини.

Весь церковный чинъ
Звѣрски преврати,
Вся преданія
Злобно истреби.

Церкви Божія
Осквернишася,
Тайнодѣйствія
Вси лишшася;
Но и пастыри
Потребилися,
Жаломъ новшества
Умертвилися.. и т. д.

Слишкомъ знакомая пѣсня для всякаго миссіонера, имѣющаго живое отношеніе къ расколу, слишкомъ характерны подчеркнутые нами термины для того, чтобы можно было еще спрашивать о причинахъ любви старообрядцевъ (видимо—безпоповцевъ) къ этой стихирѣ. А когда вспомнишь, что стихира эта напряженно распѣвалась въ 1869 году (почему и попала въ руки судебного слѣдователя), всего 8 лѣтъ спустя послѣ великаго, истинно христіанскаго событія 19 февраля 1861 года,—грустно и тяжело становится на душѣ...

Въ томъ же сборникѣ № 20 въ концѣ представляется довольно зачитанною также и стихира, написанная на голосъ, крюковыми нотами: „Уже пророчество совершился пророка Исаи, прорекшаго о послѣднихъ дняхъ“... Смысль ея тотъ же самый, т. е. воспѣвается пришествіе антихриста, воцарившагося въ Церкви и на Руси, и призываются старообрядцы-безпоповцы къ борьбѣ съ нимъ. Благодаря любезности А. А. и П. А. Петровыхъ, развернувшихъ крюки въ обыкновенныя ноты, мы познакомились съ самымъ напѣвомъ стихиры. Тягучій, заунывный и въ то же время выразительный напѣвъ (сходный съ знаменнымъ распѣвомъ на 7 гласъ) позволилъ намъ воображеніемъ присутствовать въ томъ обществѣ, гдѣ его исполняютъ, и намъ казалось, что пѣть эту стихирю по даннымъ нотамъ могутъ только люди, истинно и твердо вѣрующіе въ пагубную мысль о воцареніи антихриста.

Переходимъ къ другой рукописи, болѣе обширной и болѣе достойной своего названія, такъ какъ это уже не тетрадка, а цѣльная книга, состоящая, за утерей первыхъ 5 листовъ, изъ 13 тетрадей in 4°. Въ 78 главахъ рукопись эта заключаетъ, можно сказать, полный курсъ полемики противъ православной Церкви. Но среди главъ полемическихъ въ томъ смыслѣ, какъ принято у насъ понимать, заключаются и множество главъ, если такъ можно выразиться, ругатель-

ныхъ и на Церковь, и на православное монашество, и на правительство русское, и на весь русскій народъ. Мы не станемъ повторять этихъ нелѣпныхъ и несообразныхъ выражений, не дѣлающихъ чести старообрядческой литературѣ, но съ видомъ непреложныхъ истинъ снабженныхъ на поляхъ книги цитатами изъ уважаемыхъ старообрядцами старопечатныхъ книгъ, не станемъ повторять этихъ выражений, быть можетъ и извинительныхъ въ устахъ раскольниковыхъ полемистовъ XVII вѣка,—вѣка крайней и всеобщей грубости. Правда, рукопись исполнена весьма тщательно и по вѣшнему виду напоминаетъ рукописи стараго поморскаго почерка. Но, къ сожалѣнiю, рукопись не настолько древняя. Возьмите второй листъ пятой тетрадки и посмотрите его на свѣтъ: вы ясно увидите на бумагѣ водяной знакъ „1829“; значить, всѣ эти хулы писаны не въ XVII или XVIII вѣкѣ, а приблизительно около половины истекшаго столѣтiя.

Тетрадки подъ названiемъ „Апокалипсисъ седмтолковый“ и по содержанiю, и по направленiю слишкомъ хорошо извѣстны. Эти нелѣпныя тетрадки особенно сильно распространены среди рижскихъ старообрядцевъ. Но вотъ экземпляръ (рукопись № 26) которымъ зачитывались, повидимому, и старообрядцы въ Сѣверной Пальмирѣ, въ центрѣ всякаго просвѣщенiя и терпимости по отношенiю къ иновѣрнымъ. Странныя размышленiя приходятъ въ голову при видѣ этой тетрадки! Лицамъ свѣдущимъ хорошо извѣстно, какимъ отрицанiемъ дышатъ всѣ тетрадки, содержащiя „апокалипсисъ седмтолковый“... Между тѣмъ настоящiй экземпляръ написанъ на бумагѣ, имѣющей клеймо: „Императорской С.-Петербургской бумажной фабрики“, клеймо явственнае, рѣзко оттиснутое, съ инициаломъ Императора Николая Павловича и съ царской короной. И вотъ люди пользуются благами просвѣщенiя и промышленности русской, наивно или же преступно заявляя, что и это просвѣщенiе, и эта промышленность, и самое наконецъ государство, словомъ, все—царство антихриста... Странное душевное настроенiе, странные и жалкiе люди! Невольно удивляешься, какъ это никому изъ пользовавшихся тетрадкой старообрядцевъ не бросилась въ глаза очевидная нелѣпность этой тетрадки, въ которой сказанiя о воцарившемся на Руси антихристѣ нашли себѣ мѣсто на бумагѣ, приготовленной русской Император-

ской фабрикой, какъ это никто не обратилъ вниманія на всю неестественность подобнаго положенія вещей. А многіе имѣли возможность сдѣлать это, такъ какъ тетрадка перебывала во многихъ рукахъ. „Книжка Василю Даниловича Клокова“,—гласитъ надпись на послѣдней страницѣ, и рядомъ прибавлено: „а отъ тебя эту книжку купилъ бомбардиръ образцоваго к. к. Ар. Дивизіона Григорій Ильинъ Рудовъ за цѣну 50 коп. себромъ въ 1859 году 1 апрѣля“. Кто былъ хозяинъ книжки? кто былъ купившій ее? съ какимъ настроеніемъ читали они ее?—вотъ вопросы, на которые, къ сожалѣнію, нѣтъ отвѣта, а безъ точнаго отвѣта на такой и подобные ему вопросы долго еще нельзя будетъ приникнуть во всю глубину старообрядческой психологіи.

Не лишены интереса три листочка изъ старообрядческаго „Лѣтописца“, писаннаго по всѣмъ примѣтамъ въ 1860-хъ годахъ или немного позже. Этотъ „Лѣтописецъ“ всю церковную исторію разсматриваетъ съ точки зрѣнія старообрядчества, кромѣ котораго не признаетъ ничего. Можно сказать, что на этихъ трехъ листочкахъ старообрядчество выразило свой духъ съ наивозможной ясностью и наиболѣе характерно. „Святый равноапостольный Великій Князь Владиміръ, сообщаетъ этотъ курьезный лѣтописецъ, принялъ вѣру христіанскую отъ грекъ со всѣмъ полнымъ причетомъ церковнымъ въ лѣто отъ сотворенія міра 6494. А Никонъ патріархъ сію вѣру древлеправославную христіанскую испревратилъ въ лѣто 7161 и эта Владимірова вѣра истинная христіанская существовала 666 лѣтъ“. Всякому понятно, что $7161 - 6494 = 667$. Но такова приверженность писателя лѣтописца къ спеціальнымъ раскольническимъ понятіямъ, что онъ тутъ же на полѣ дѣлаетъ выноски: цифру четыре замѣняетъ числомъ 6 и цифру 1 замѣняетъ числомъ 2, вслѣдствіе чего съ успѣхомъ получаетъ на устрашеніе легковѣрныхъ свое любимое „число звѣрино“: $7162 - 6496 = 666$. Подтасовка ясна съ очевидностью; но, увы, ея не замѣчали сознательно и намѣренно и продолжали вѣрить, что въ „лѣта Никона патріарха сошлись числа антихристовы“.

Дальнѣйшія событія міровой жизни въ „Лѣтописцѣ“ указаны слѣдующія: 2) „испревращеніе на иновѣріе“ Соловецкой обители „по Европейскому лѣтосчисленію 1676 года“, 3) испревращеніе на иновѣріе „Выгопустыннаго Общежитель-

ства“ въ 1856 году, 4) устройство Федосѣевской пустыни въ Курляндіи, близъ мѣстечка Скурделина, за Войтишками, и уничтоженіе ея въ 1852 г., 5) моленная Косцова, 6) моленная Преображенская въ Москвѣ, 7) моленная въ Москвѣ же, за Камерь-коллежскимъ валомъ; 8) устройство Волковскаго кладбища, 9) устройство двухъ моленныхъ за Малой Охтой въ Петербургѣ, 10) устройство моленной въ Ригѣ. Таково историческое міровоззрѣніе старообрядческаго „Лѣтописца“. Кромѣ обозначенныхъ 10 „событій“, онъ ничего не знаетъ, лучше же сказать—*не хочетъ* знать, чему есть и характерное доказательство. У писателя тетрадки нашлись большія буквы для всѣхъ собственныхъ именъ—для Курляндіи, для Войтишекъ, для Общежителства даже, не нашлось только большой буквы для имени Императора Николая Павловича, которое пять разъ въ лѣтописцѣ изображено съ маленькой буквы. Что бы тамъ ни говорилось, а подобное правописание все-таки характерно. Конечно, найдутся лица, которыя станутъ утверждать, будто въ подобной характерной чертѣ „Лѣтописца“ виновата безграмотность. Такимъ лицамъ не бесполезно было бы ознакомиться съ другой тетрадкой старообрядческаго же происхожденія (рукопись № 18). Тетрадка эта содержитъ письмо заграничнаго старообрядца къ старообрядцу, живущему въ Россіи, по хлопотамъ котораго за границей надо было напечатать рукопись третьяго старообрядца. Не станемъ называть ихъ имена, чтобы напрасно не будить горькихъ воспоминаній; назовемъ ихъ просто А, Б и В. И вотъ А пишетъ Б о томъ, что присланную имъ рукопись В, содержащую между прочимъ соображенія о незаконности русскаго церковнаго управленія, невозможно напечатать, потому что съ первымъ же корректурнымъ листомъ прислано требованіе типографіи выбросить многія выраженія, которыя даже на западѣ, при полной свободѣ печати, считаются неприличными: въ противномъ случаѣ типографія отказывается отъ работы... Не знаемъ, какая именно книга набиралась въ это время, но, надо думать, содержаніе ея было слишкомъ отрицательнымъ и браннымъ, если даже за границей ея не пожелали печатать. Письмо относится къ 14 марта 1887 года, т. е. къ эпохѣ, всего 4 годами отдѣленной отъ закона 3-го мая, и 87 лѣтъ спустя послѣ правилъ единовѣ-

рія. Надо надѣяться, что по поводу характерности этого послѣдняго сообщенія возражателей не найдется!

Весьма любопытное явленіе представляет собою старообрядческій Синодикъ (рукопись № 24), или лучше сказать — одна къ нему приписка. Самъ синодикъ представляется наиболѣе старою рукописью среди другихъ рукописей настоящаго собранія: старше его развѣ синодикъ № 25, да и то едва ли. Принадлежитъ онъ несомнѣнно поморскому толку. И вотъ въ этомъ синодикѣ послѣ имени „Саввы вишерскаго з' братію, Александра ошевенскаго з' братію, Трифона печенскаго з' братію“ вписано на полѣ и другимъ почеркомъ: „игумена Мартирія зеленецкаго и его братій“. Такой приписки нѣтъ ни въ синодикѣ № 25, ни въ синодикахъ № 3 и 4 того же собранія рукописей. Является вопросъ, для какой цѣли и на какомъ основаніи сдѣлана подобная приписка? Едва ли окажется возможность отвѣтить на подобный вопросъ, выходя единственно изъ основаній теоретическихъ; наоборотъ, практическія соображенія можно выяснитъ легко. Скорѣе всего синодикъ этотъ вращался въ Новоладожскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи, гдѣ православнымъ народомъ высоко чтится память преподобнаго Мартирія зеленецкаго, монастырь котораго находится въ предѣлахъ того же уѣзда. И вотъ, полагая, что „на войнѣ — какъ на войнѣ“ всѣ средства дозволены, мѣстные старообрядческіе главари и начетчики признали полезнымъ въ цѣляхъ пропаганды внести въ свой синодикъ имя святого, принадлежность котораго къ православной Церкви выше сомнѣнія, имени котораго нѣтъ въ другихъ старообрядческихъ синодикахъ ¹⁾.

Разсмотрѣніе литографскихъ и гектографскихъ старообрядческихъ изданій миссіонерской бібліотеки Братства Пресвятой Богородицы обрисовываетъ предъ нами энергичную дѣятельность „старообрядческаго Братства имени честнаго и животворящаго креста Господня въ Москвѣ“. Подавля-

¹⁾ Едва ли можно согласиться съ вышеприведеннымъ объясненіемъ автора. Имя Мартирія Зеленецкаго внесено въ раскольничій синодикъ не по іезуитскимъ соображеніямъ для успѣшности пропаганды раскола, а въ силу особаго почитанія и уваженія старообрядцами этого новолодожскаго святого. Уваженіе и почитаніе такъ велики, что старообрядцы не одного только ладожскаго уѣзда паломничаютъ въ монастырь къ нему, говѣютъ и иногда исповѣдаются тамъ.

Ред.

ющее большинство гектографских изданій принадлежит названному братству: оно перепечатывает гектографомъ и „обличеніе ложной защиты никоновскаго троеперстія“ (изъ заграничнаго журнала „Старообрядецъ“), печатаетъ „Вопросы Епископу Виссаріону и его сотрудникамъ“, полемизируетъ съ Карловичемъ (перомъ О. Швецова), пишетъ широковѣщательные благодарственные адреса Онисиму Швецову и Верховскому,—словомъ, дѣйствуетъ, какъ организованное общество и общепризнанное представительство, въ рукахъ котораго находится и признаваемая (по крайней мѣрѣ старообрядцами) власть. Уставъ этого братства, отгектографированный 16 февраля 1886 года, также имѣется въ библиотекѣ СІВ. Богородицкаго Братства. И по содержанію устава, и по плодамъ дѣятельности, московское старообрядческое братство принадлежитъ къ разряду безусловно воинствующихъ. Если, такимъ образомъ, въ самомъ центрѣ православія, въ Москвѣ, могло образоваться въ концѣ прошлаго столѣтія специальное старообрядческое братство для пропаганды раскола, то надобно ли новыхъ доказательствъ въ томъ, что старообрядчество отнюдь не располагаетъ къ примиренію съ Церковію при помощи установившейся въ отношеніи къ нему терпимости? Нѣтъ, практическая жизнь даетъ слишкомъ много и слишкомъ горькихъ подтвержденій продолжающейся враждебной по отношенію къ православной Церкви дѣятельности старообрядчества, и задача Церкви возможными мѣрами положить полный конецъ этой враждѣ.

Но какія же мѣры должно употребить Церкви для того, чтобы противодѣйствовать и по возможности смирить упорную, закоренѣлую враждебность къ ней со стороны старообрядчества, не прекращающуюся, не взирая на всю, засвидѣтельствованную послѣднимъ 20-лѣтіемъ XIX вѣка терпимость гражданскаго правительства, ни на исполнившееся столѣтіе со дня объявленія „пунктовъ единовѣрія“?

Вопросъ этотъ напрашивается самъ собой при разсмотрѣніи раскольническихъ рукописей и изданій братской миссіонерской библиотекы,—изданій, олицетворяющихъ собою цѣлую эпопею вражды и ненависти. Вопросъ этотъ умѣстенъ и потому, что въ упомянутыхъ изданіяхъ есть кое-какіе косвенные намеки на мѣры полезныя, но не практиковавшіяся доселѣ. Наконецъ, вопросъ этотъ благовременно по-

ставить нынѣ, озираясь на прошлый XIX вѣкъ, на порогѣ вѣка новаго.

Въ отношеніи духовныхъ мѣропріятій противъ раскола прошлое столѣтіе началось „увѣщаніемъ“ митрополита Платона и „пунктами единовѣрія“ Святѣйшаго Синода. Первое опредѣляетъ собою характеръ *полемики* противъ раскола, вторые—характеръ *административныхъ* противъ него мѣръ. Тотъ и другія сходятся въ основномъ и главномъ положеніи: Церковь имѣетъ вести одну и единственную борьбу съ расколомъ— борьбу любви со злобой. Признавая, что чело-вѣку свойственно погрѣшать, но не свойственно ожесточать себя ¹⁾, заявивъ, что Церковь всегда „поступала кротостью и снисходительностью“, а постигавшія раскольниковъ иногда наказанія отнеся „къ государственнымъ законамъ и дѣламъ“, приснопамятный Святитель въ словахъ столько же убѣдительныхъ, сколько и трогательныхъ призываетъ расколъ къ мирному соединенію съ Церковію ²⁾. Для самой Церкви онъ оставляетъ „всеусердно обращенія раскольниковъ желать“ ³⁾ и молиться объ обращеніи ихъ, ибо „дѣло обращенія чело-вѣческаго сердца есть дѣло Самаго Духа Святаго“ ⁴⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ,—и въ теченіе этого столѣтія православная Церковь доказала, что она дѣйствительно „всеусердно желаетъ“ обращенія старообрядцевъ. Расколъ на знамени своего отдѣленія отъ православной Церкви начерталъ слово «обрядъ», придавъ ему значеніе догмата, что было совершенно невѣрно. Въ уступку немощствующей совѣсти отклонившихся отъ церковнаго единенія Церковью въ лицѣ многихъ ея святителей и служителей, а также при пособіи людей науки, за истекшее столѣтіе произведена гигантская работа пересмотра вопроса объ обрядѣ, работа мирная, высокой тщательности, работа образцовая. Взглядъ историка съ любовью и удовольствіемъ останавливается на этой вѣковой ⁵⁾ работѣ, на которую всякій безпристрастный

¹⁾ Увѣщаніе, М. 1765, л. 101 об.

²⁾ Увѣщаніе, л. л. 76 об., 78, 103.

³⁾ Тамъ же, л. 96 об.

⁴⁾ Тамъ же, л. л. 82 об., сн. 92 об.

⁵⁾ О трудахъ XVIII и XVII вѣковъ мы не говоримъ: по объему и качеству они—малая капля въ сравненіи съ моремъ пелемической литературы XIX в.

человѣкъ смѣло можетъ указать всякому старообрядцу, какъ на трудъ, положенный для спасенія его души. Правда, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ наберется нѣсколько запросовъ, требующихъ детальной научной разработки; но это будетъ только окончательная отдѣлка, и притомъ мелочей. Главное же и существенное въ отношеніи полемики съ расколомъ уже сдѣлано.

Что же остается въ такомъ случаѣ на долю XX вѣка въ отношеніи научнаго разъясненія расколу его заблужденія?—Отвѣтъ на это даетъ XIX вѣкъ: популяризовать эти разъясненія, распространять ихъ по лицу всей Русской земли, сдѣлать ихъ достояніемъ cadaго. Извѣстно, что Святѣйшій Синодъ еще съ первой четверти XIX вѣка въ пособіе священникамъ, разъясняющимъ расколу его заблужденія, высылалъ полемическія книги ¹⁾. Къ сожалѣнію, мѣра эта практиковалась не достаточно широко: разсылка книгъ не была слишкомъ частою, и въ составъ книгъ, посылаемыхъ священникамъ, рѣдко (за дороговизною ²⁾ и трудностью достать) вводились подлинныя старопечатныя книги. Что касается образованія библиотекъ миссіонерскихъ, то мысль объ ихъ необходимости и устройство ихъ принадлежитъ только послѣднимъ годамъ XIX вѣка. Посему и жалобы епархіальной администраціи на недостатокъ полемическихъ книгъ и просьбы о присылкѣ оныхъ продолжались почти до конца столѣтія ³⁾.

Между тѣмъ присутствіе полемической книги вездѣ, гдѣ въ ней есть надобность, и всякій часъ, лишь только ее спросить, является дѣломъ величайшей важности. Это само собою понятно для православнаго полемиста, но это станетъ еще болѣе убѣдительнымъ, когда напомнимъ, что и уставъ московскаго старообрядческаго братства въ своемъ § ставитъ между другими задачами устройство библиотеки съ книгами старообрядческими, которыя обезпечили бы расколу полемику съ православной Церковью. Ясно, что задача XX вѣка въ данномъ отношеніи сводится ко всевозможному распространенію полемической книги, къ самому широкому умно-

¹⁾ Собр. пост. по вѣд. Св. Синода, II, стр. 244—245, 270—271, 273—275, 288—289, 289—290, 397—400, а также—699, 709, 712 и др.

²⁾ Тамъ же, 288—289.

³⁾ Хр. Чт. 1871. I. 549.

женію бібліотекъ, равнымъ образомъ—къ возможному удешевленію миссіонерскихъ изданій. До 1901 года правильно понимало эту свою задачу лишь многопотрудившееся братство Св. Петра Митрополита въ Москвѣ; пусть и всѣ православныя епархіальныя братства возьмутъ себѣ добрый примѣръ съ братства Св. Петра,—пусть умножатъ свои литературно-полемическіе труды и изданія, пусть сдѣлаютъ ихъ доступными по цѣнѣ. Тогда значительная часть великаго и святого дѣла будетъ сдѣлана.

Другая и еще болѣе важная часть этого святого и великаго дѣла—умноженіе церквей. Можно сказать, что умноженіе церквей, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много разномыслящихъ, есть завѣтъ XIX вѣка вѣку двадцатому. Еще высокопреосвященнѣйшій Иннокентій въ письмахъ къ А. Н. Муравьеву жаловался на недостатокъ на Руси церквей, происходящій, по его мнѣнію, отъ чрезмѣрной обширности епархій, и заключалъ свое разсужденіе горячимъ пожеланіемъ, чтобы «лучше уменьшилось содержаніе архіереевъ и открылось болѣе епархій» ¹⁾. Историческая справка по этому вопросу говоритъ сама за себя. Кто пріютилъ и выкормилъ у себя расколъ?—Поморье, «пограничныя мѣста» и Сибирь, т. е. какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ наименѣе церквей. Издатели «Памятниковъ Сибирской Исторіи» прямо считаютъ недостатокъ церквей важнѣйшею причиною распространенія раскола въ Сибири: «въ этой странѣ, гдѣ много часовень и мало церквей, гдѣ «попили» многіе, но священниковъ было мало, расколъ распространялся съ изумительной быстротой и пустилъ глубокіе и крѣпкіе корни» ²⁾. Недостатокъ церквей способствовалъ росту и усиленію иргизскихъ монастырей ³⁾... Этихъ справокъ довольно, хотя можно бы умножить ихъ безъ конца,—и православному населенію русской земли, этому главному русскому миссіонеру, остается «всеусердно желать», чтобы болѣе и болѣе «выросли храмы Божіи по лицу земли родной». И надо отдать справедливость русскимъ людямъ: то, что достигается наукой при посредствѣ многихъ усилий, то русскими людьми горячо ощущается какъ бы

¹⁾ Твор. Св. Отц. 1889, III. письмо XXII и XXIII.

²⁾ Пам. Сиб. Ист. Предисловіе, стр. XIII.

³⁾ Раск. въ Сар. краѣ, 96 и слѣд.

чрезъ озареніе. Всѣ мы свидѣтели чрезвычайнаго оживленія дѣла храмозданія на порогѣ XX вѣка. Слава Богу, въ добрый часъ!

На ряду съ ужноженіемъ церкви естественнo помянуть и служителей храмовъ Божіихъ. Повторяя азы, вспоминая сѣдую старину и поднимая пыль въ архивахъ, старообрядцы и ихъ радѣтели любятъ уколоть русское духовенство ядовитой стрѣлой порицанія. Часто встрѣчаются такіа порицанія въ рукописныхъ раскольническихъ тетрадкахъ ¹⁾ библіотеки СПБ. Братства; издаются старообрядцами у насъ и за границей и нѣкія нарочито поругательныя на русское духовенство книжицы. Намъ извѣстны и эти изданія, и эти рукописи—даръ прошлаго вѣка,—и мы говоримъ, что лучшей апологіи православному русскому духовенству не надо искать. Поднявъ архивы едва ли не со временемъ Никона патріарха, платя крупныя деньги за всякій даже маловѣроятный анекдотъ изъ жизни духовенства, добавивъ отъ себя малую толику, расколъ едва-едва могъ издать тощую книжонку, девять десятыхъ которой наполнено словоизверженіями и лишь одна десятая часть похожа на вздорные факты. Такую ли книгу издали бы раскольники, если бы наше духовенство было болѣе уязвимо? О, за деньгами они не постояли бы... Недаромъ одинъ умный раскольническій дѣятель по поводу изданія за границей книжки, въ которую входила и глава о недостаткахъ іерархіи и духовенства, писалъ русскимъ старообрядцамъ: „этотъ пунктъ мнѣ не симпатиченъ“ ²⁾. Пожелаемъ же русскому духовенству въ XX вѣкѣ продолженія того доблестнаго служенія Церкви, какимъ заявило оно себя въ XIX столѣтіи, высокое достоинство котораго признано даже благомыслящими старообрядцами! При этомъ само собой подразумѣвается, что съ вѣшной стороны духовенство въ XX вѣкѣ будетъ имѣть всѣ благопріятныя условія для развитія такой дѣятельности.

Переходя къ вопросу о церковно-административныхъ мѣропріятіяхъ противъ раскола старообрядчества, коснемся ихъ только съ той стороны, съ какой можетъ быть къ нимъ при-мѣнено научное разсмотрѣніе, памятуя, что сами мѣропріятія

¹⁾ Напр., рукописи № 1, 2, 6, 11, особенно № 8.

²⁾ Рукопись брат. библ. № 18.

тія—дѣло іерархіи, вступать въ распоряженія которой не свойственно лицу не призванному.

Основой для церковно-административной дѣятельности въ теченіе XIX вѣка служили, въ теченіе XX вѣка будутъ служить, „пункты единовѣрія“. Когда выше нами заявлено, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ полемики наберется нѣсколько запросовъ, требующихъ дальнѣйшей научной разработки, то въ этомъ случаѣ подразумѣвалось какъ разъ возбужденное старообрядцами дѣло объ этихъ „пунктахъ“. Видя въ единовѣрїи смерть своего привольнаго и обезпеченнаго самостоятельнаго существованія, вожаки раскола, сряду же послѣ утвержденія правилъ единовѣрія, накинулись на него съ такой силой злобы и ненависти, съ такой массой по большей части несправедливыхъ, но всегда громкихъ и звонкихъ обвиненій, что на первыхъ порахъ сама полемика православная была ошеломлена и изумлена. Тѣмъ не менѣе православные полемисты постепенно разобрались въ этомъ шумѣ и привели было его къ должному порядку,—какъ шумъ раздался съ другой стороны. Разумѣемъ чтенія Т. Филиппова о нуждахъ единовѣрія. Предъявленныя съ ненасытимой жаждой преобладанія и господства, отстаиваемыя съ упорствомъ и настойчивостью, изложенныя языкомъ вѣскимъ и обольстительнымъ, снабженныя видомъ блестящей ученой аргументаціи, а потому съ внѣшней стороны привлекательныя,—чтенія эти снова подняли шумиху страстей, снова возбудили полемику, въ которой приняли участіе съ достаточной честью лучшіе наши расколовѣды, побѣдившіе въ концѣ концовъ и тонкую диалектику литератора, и многочисленныя безформенныя нападки старообрядцевъ. Конецъ XIX вѣка проходилъ при сравнительно спокойномъ состояніи этого вопроса, и очень можетъ быть, что нападки старообрядчества на этотъ пунктъ открыто болѣе не повторятся. Но въ глубинѣ старообрядческаго міра, къ сожалѣнію, продолжаютъ повторяться тѣ самыя нападки, которыя разъ были уже опровергнуты; по крайней мѣрѣ въ содержаніи раскольническихъ рукописей СПб. Братской миссіонерской бібліотеки есть много на это указаній ¹⁾. Ясно, что православная полемика въ XX вѣкѣ должна продолжить свою работу. Точной задачей ея будетъ

¹⁾ Рук. Бр. Библ. № 11 во всей первой ея части.

служить—приведеніе пунктовъ единовѣрія въ генетическую связь со всѣми церковно-административными распоряженіями духовной власти, начиная съ самаго собора 1666—1667 года. И въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ по данному вопросу далеко не все исчерпано, не все пересмотрѣно, не все изъяснено, не все приведено къ *осязательному, очевидному* единству. За примѣрами того, что въ нашихъ полемическихъ книгахъ, начиная съ половины XVII вѣка, проглядываютъ мысли и чувства „пунктовъ единовѣрія“, ходитъ далеко нѣтъ нужды. Вотъ одинъ случай, до сихъ поръ, какъ кажется, еще не отмѣченный полемистами и относящійся къ самой эпохѣ большого московскаго собора.

Какъ извѣстно, одновременно съ соборными засѣданіями 1666—1667 года писалась и книга „Жезлъ Правленія“. Авторомъ „Жезла Правленія“ былъ тотъ самый Свмеонъ Полоцкій, которому принадлежитъ и текстъ соборныхъ дѣяній. Въ девятомъ дѣяніи Собора, осудившемъ Лазаря, имѣется замѣчаніе, дающее понять, что принципы сужденій о дѣлахъ, подобныхъ дѣлу Лазаря, подробно и обстоятельно изложены въ „Жезлѣ Правленія“. Посему обращаемся къ этой книгѣ,—и точно, въ самомъ началѣ ея находимъ необходимое для насъ объясненіе. На оборотѣ 7-го листа ¹⁾ цѣль „Жезла Правленія“, какъ извѣстно—совершенно однородная и съ самыми рѣшеніями Собора, намѣчается въ слѣдующихъ словахъ: „Се воздвигаемъ жезлъ сей нашъ мысленный: *вѣрнымъ*—на пасеніе и правленіе; *колеблющимся*—на утвержденіе; непокоривымъ въ наказаніе; *жестокосердымъ* же и не обращающимся на духовное убіеніе и волковъ хищныхъ на пораженіе“. Всмотритесь хорошенько,—и вы увидите въ этихъ словахъ полное систематическое воспроизведеніе всего соборнаго дѣянія 1666 года, которое, 1) имѣя цѣлью введеніе новаго, лучшаго обряда въ Русскую Церковь, 2) хотѣло самой соборностью засѣданія уничтожить колебанія немощствующихъ совѣстью, 3) не отказываясь отъ обычнаго въ то время наказанія тѣмъ, кто противился бы имъ безъ особыхъ намѣреній, но 4) простирая духовное убіеніе отлученіемъ только на необращающихся по жестокосердію и волковъ-вождей. Послѣ этого только упорная злонамѣренность можетъ отвергать, что ко-

¹⁾ По изданію 1753 г., предисловіе.

ренъ „Увѣщанія“ и „пунктовъ единовѣрія“ лежитъ въ соборномъ изложеніи и въ утвержденномъ этимъ изложеніемъ взглядѣ на дѣло „Жезла Правленія“. Въ самомъ дѣлѣ, если бы самое содержаніе обряда, какъ-то думаютъ старообрядцы, считалось въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія преступленіемъ, то „Жезлу Правленія“ не было бы никакой надобности устанавливать подобнаго подраздѣленія, принятаго имъ къ тому же совершенно сознательно. Жезлъ различалъ бы только содержащихъ и не содержащихъ тотъ или иной обрядъ, чего мы, однако, не видимъ. Наоборотъ, мы видимъ, что ниже говоря, „сугубоизводственъ есть сей жезлъ нашъ: благимъ есть возстаніе, злымъ же паденіе“¹⁾,—и, относя къ благимъ какъ въ собственномъ смыслѣ вѣрныхъ, такъ и колеблющихся, къ злымъ онъ относитъ только однихъ жестокосердыхъ и упорствующихъ, потому что непокорныхъ по недоразумѣнію или слабости просвѣщенія авторъ „Жезла“ выдѣляетъ въ особую группу такихъ, на которыхъ «его же (т. е. жезлъ) воздвигше, не абіе ударяемъ»²⁾. Какая терпимость, какая истинно-отеческая снисходительность! Думается, что подъ такими словами безъ затрудненія подписался бы приснопамятный авторъ „Увѣщанія“, равно авторъ „Жезла“ нимало не поколебался бы признать истинно-русскимъ и православнымъ духъ «Увѣщанія». Единство того и другого по цѣлямъ и намѣреніямъ давно было несомнѣннымъ; теперь съ очевидностью становится яснымъ и единство духа того и другого, единство внутреннее, органическое, неразрывное и потому несомнѣнное.

Облизивъ такимъ образомъ начала единовѣрія съ началами соборнаго рѣшенія 1666 года, мы далеки отъ мысли, что этимъ все сдѣлано. Нѣтъ, для души слабой, для совѣсти колеблющейся нужны доказательства постоянныя, многочисленные, возможно частыя, возможно подробныя. И вотъ задачей науки является—собрать эти доказательства, привести всѣ крупнѣйшія событія и мѣропріятія духовной власти по части раскола, начиная съ 1666 и оканчивая 1800 г., въ живую и неразрывную цѣпь, одинъ конецъ которой будетъ прикрѣпленъ къ Большому Собору, другой — къ пунктамъ

¹⁾ Тамъ же, л. 7 об.

²⁾ Тамъ же, листъ 8.

единовѣрія. Такая разработка должна, при полной, конечно, научности, направляться, главнымъ образомъ, къ ясности и вразумительности изложенія, столь необходимыхъ при бесѣдахъ съ людьми предубѣжденными. Такое изложеніе дастъ твердую постановку дѣлу полемики на все столѣтіе, а можетъ быть и навсегда.

За всѣмъ тѣмъ жизнь дѣлается не полемикой или законами, а людьми,—и необходимо, чтобы не полемисты только, но и всѣ православные русскіе люди соединили свои усилія на процвѣтаніе православной Церкви. Единственной формой, при посредствѣ которой народныя усилія могутъ цѣлесообразно и разумно направляться на преуспѣяніе Церкви, представляется православный русскій приходъ, широкая организациія котораго является задачей и дѣломъ новаго вѣка.

Лишь только вы произнесете слово «приходъ», какъ ту же минуту со всѣхъ сторонъ понесутся возгласы и шопотъ неудовольствія. „Старая пѣсня, давно спѣтая и забытая!.. Вопросъ о приходѣ тысячу разъ подымался и не нашель себѣ сочувствія... Нѣтъ, это надо оставить... Приходъ не можетъ быть единицей гражданской жизни... Приходъ неудобень въ смыслѣ административномъ...“ и т. д. Къ полному успокоенію всѣхъ такихъ восклицателей оговариваемся напередъ, что не имѣемъ намѣренія и даже болѣе—не желаемъ говорить о приходѣ иначе, какъ о формѣ жизни церковной, какъ объ исконномъ русскомъ способѣ православной церковной дѣятельности, не имѣемъ намѣренія искать для прихода правъ, не намѣрены навязывать прихода кому бы то ни было насильно. Ибо твердо и непоколебимо наше убѣжденіе: настанетъ часъ, когда приходъ будетъ призванъ во всей своей силѣ, во всемъ его значеніи. Тогда государство и общество воспользуется его услугами, какъ воспользовались они услугами нѣкогда гонимой, нынѣ же доказавшей свою правоспособность и пригодность для русскаго народа церковно-приходской школы. Но для того, чтобы пріобрѣсти себѣ популярность, приходъ долженъ жить и дѣйствовать. Между тѣмъ конецъ XIX вѣка только возбудилъ дѣятельность прихода (главнымъ образомъ — въ видѣ церковно-приходской школы), но не развилъ ее всесторонне. Условія же для развитія прихода всегда были и нынѣ имѣются на лицо.

Въ дни своей юности въ родномъ селѣ и въ окрестно-

стяхъ мы видѣли близъ церквей много „шпиталей“ (искаженное отъ госпиталь). Эти „шпитали“—несомнѣнное порожденіе крѣпостного быта.—Подъ этимъ именемъ на югѣ Россіи извѣстны избы въ большей или меньшей степени обширныя, куда помѣщики устраивали на жительство больныхъ, престарѣлыхъ, лишенныхъ способности работать крестьянъ. Еще и при помѣщикахъ не всѣ „шпитали“ получали содержаніе отъ помѣщика: большинство содержалось на средства прихожанъ той церкви, при которой существовалъ „шпиталь“. Когда въ 1861 году послѣдовало освобожденіе крестьянъ и затѣмъ введеніе земскихъ установленій, то на эти „шпитали“ никто не обратилъ вниманія. Началось переустройство жизни на широкихъ началахъ,—въ городахъ и большихъ селахъ появились отличныя больницы, аптеки, доктора... Но больницы были не очень удобны для простолюдиновъ, доктора—малодоступны, аптеки—дороги. И „шпитали“ продолжали спокойно существовать на своихъ мѣстахъ, давая надежный кровъ и пищу и „Марфѣ-дурочкѣ“, и неисправимому алкоголику „Кондрату-шорнику“, и многимъ вѣтхимъ и безпріютнымъ старикамъ и старушкамъ. Кто содержалъ всѣхъ этихъ бѣдняковъ въ „шпитальяхъ“?—спросите даже на мѣстѣ, и никто не отвѣтитъ. Батюшка выпроситъ „въ экономіи“ соломы на топливо, дьячиха пришлетъ въ праздникъ пироговъ, крестьянки по очереди топятъ въ шпиталь печь и готовятъ нехитрую свѣдь, а въ случаѣ какого-либо необходимаго ремонта дома деньгами поможетъ сама церковь или церковный староста... Спросите каждаго въ отдѣльности,—и всякій станетъ отрицать свое прямое участіе въ дѣлѣ содержанія такихъ учрежденій „Бога для“. Кто же въ такомъ случаѣ далъ имъ жизнь.—Волость?—но въ волостныхъ правленіяхъ нѣтъ „дѣлъ“ о госпитальяхъ. Кто же?—Тотъ самый неуловимый приходъ, о „быть или не быть“ котораго такъ горячо спорили газеты и журналы. Подъ покровомъ этого незримаго дѣятеля сельскіе госпитали существовали безбѣдно, давая пріютъ сирымъ и убогимъ. Мы лично видѣли ихъ еще въ 1879 году. Послѣ ихъ позакрывали: говорятъ, будто „кубическаго воздуха“ въ нихъ было мало...

Возьмемъ другой случай. Живетъ въ селеніи человекъ безъ роду, безъ племени, совершенно одинокій, живетъ,—чѣмъ Богъ послалъ: сегодня посторожитъ бакчу, завтра за

помощь сосѣду накормятъ, тамъ—позовутъ на „помочь“, зимой—покормится Христовымъ именемъ и т. д. Живетъ, питается, какъ птица небесная, и, наконецъ, умираетъ, быть можетъ, даже и не въ своей избѣ, которой не имѣется, а тамъ, гдѣ Богъ смерть послалъ. Слѣдовало бы думать, что для такого человѣка и погребеніе справить некому; между тѣмъ все сдѣлано чинъ чиномъ: явился гробъ—последняя квартира человѣка, убранъ покойникъ, какъ слѣдуетъ, и даже провожаютъ его до послѣдняго пристанища... Откуда все это? Опять отзвучія той приходской жизни, которая никѣмъ не регламентирована, никѣмъ не упорядочена, но существуетъ, какъ самый осязательный и очевидный фактъ.

Можно взять еще два, три, десять, сколько угодно подобныхъ примѣровъ, которые съ очевидностью докажутъ совершенно и безъ того вѣрную мысль, что въ наличныхъ условіяхъ православнаго церковнаго быта имѣется богатѣйшій матеріалъ для организаціи прихода въ связанное и крѣпкое цѣлое. На всякое явленіе жизни въ нѣдрахъ православнаго русскаго духа всегда найдется живой откликъ; нужно только воспользоваться этимъ. Старообрядцы знаютъ это и съ давнихъ поръ стараются устроить свою общественную жизнь такимъ образомъ, чтобы она носила на себѣ всѣ черты благоустроеннаго прихода. Не станемъ приводить примѣры изъ давно прошедшаго времени, когда отдѣльныя старообрядческія общины имѣли и свои типографіи, и свои больницы, и свои богадѣльни и т. под. За давностью времени это не столь важно. Болѣе важнымъ представляется § устава московскаго старообрядческаго братства, по силѣ котораго и теперь старообрядцы стараются устроить свой религіозный бытъ въ духѣ древне-русскаго прихода, забирая въ кругъ обязанностей названнаго братства всѣ обязанности прихода. Всякій понимаетъ, что дѣлается это столько же въ интересахъ наличныхъ братчиковъ, сколько и въ цѣляхъ пропаганды, для привлеченія въ общество старообрядцевъ новыхъ адептовъ изъ числа любителей старины. Отсюда ясно, что всѣ мѣры, клонящіяся къ развитію и организаціи православнаго русскаго прихода, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрами къ ослабленію вліянія старообрядчества на слабодушныхъ православныхъ.

Для приведенія къ должному единству и постепеннаго

развитія приходской жизни, думается, нѣтъ нужды въ нарочитой регламентаціи прихода, какъ единицы общественныхъ отношеній: для этого достаточно развитія и размноженія приходскихъ установленій. Если въ каждомъ приходѣ помимо обязательнаго въ немъ храма, были бы и свои богадѣльни, и свои библіотеки, и свои амбулаторные пункты, и свои больницы, и свои школы, если бы эти учрежденія стали не подъ надзоръ начальныхъ или наемныхъ людей, а подъ непосредственное и ближайшее попеченіе самихъ прихожанъ, которыхъ, къ тому же, никто не сталъ бы пугать ни строгими словами, ни такими же циркулярами, которымъ о задачахъ и смыслѣ каждаго дѣла и начинанія было бы разъяснено въ храмѣ, въ церковной бесѣдѣ,—то можно бы напередъ поручиться: дѣло сдѣлалось бы само собою. Для убѣжденія скептиковъ приведемъ слѣдующій примѣръ, который на глазахъ у всѣхъ. 8 мая 1864 года были утверждены положенія относительно церковныхъ братствъ, а 2 августа того же года утверждено и положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ. Однако, самая дѣятельность и приходскихъ попечительствъ, и братствъ съ 1864 года до позднѣйшаго времени развивалась очень слабо до тѣхъ поръ, пока въ 1886 году не были утверждены положенія о церковно-приходскихъ школахъ. Явилось дѣло, на которомъ можно было сосредоточить общія усилія прихода,—явились и умножились и самыя приходскія попечительства. Къ концу вѣка ихъ можно уже считать тысячами, между тѣмъ какъ до 1886 года ихъ были развѣ только скудныя сотни, если не десятки. Такимъ образомъ расширение практическихъ обязанностей приходскихъ попечительствъ, безъ какого то ни было расширения ихъ правъ, повело къ возрастанію и умноженію самихъ попечительствъ. Посему расширьте кругъ *обязанностей*, лежащихъ на приходѣ, (безъ всякаго расширения его правъ),—и приходъ возрастетъ и расцвѣтетъ самъ собою. Иначе и быть не можетъ, потому что истинно и непреложно сказано Спасителемъ: „Кто хочетъ быть больше всѣхъ—пусть будетъ всѣмъ слуга, и кто хочетъ быть старше всѣхъ—пусть будетъ всѣмъ, какъ рабъ“. Этими словами опредѣляется и достоинство личности и, если угодно, жизнеспособность церковныхъ установленій, которыя уже по этому самому не идутъ въ рядъ съ уста-

новленіями человѣческими. Считаая приходъ зиждущимся на основахъ истинной церковности и вѣря приведеннымъ словамъ, мы тѣмъ самымъ полагаемъ, что прочныя основы приходской жизни даны будутъ приходу въ тотъ самый моментъ, когда приходъ станетъ исполнять принадлежащія ему обязанности.

Развитіе и организація приходской жизни къ дѣлу миссіи не только противъ старообрядчества, но и къ дѣлу миссіи противъ всякаго иновѣрія, а въ томъ числѣ и противъ сектантства, имѣетъ ближайшее и весьма тѣсное отношеніе. Припомнимъ, что и расколъ въ своей пропагандѣ всегда опирался и нынѣ опирается на давленіе и зависимость экономическую. Послѣдняя возможна только подъ условіемъ нужды тѣхъ лицъ, на которыхъ направляется пропаганда. Безразлично, какова будетъ эта нужда: будетъ ли это нужда въ хлѣбѣ, будетъ ли это нужда въ одеждѣ, въ жилищѣ, въ лѣкарствахъ, въ уходѣ. Во всѣхъ случаяхъ человѣческая природа, а въ особенности—добродушная природа русскаго человѣка весьма склонна идти за человѣкомъ, оказавшимъ ему благодѣяніе, притомъ даже въ случаѣ, если такое благодѣяніе оказано съ намѣреніемъ, сходнымъ съ намѣреніемъ діавола, говорившаго: „если ты Сынъ Божій, скажи, чтобы эти камни сдѣлались хлѣбами“. И расколъ, и сектантство усиленно превращаютъ камни въ хлѣбъ для того, чтобы соблазнить хотя единаго отъ малыхъ сихъ... Вспомнимъ, гдѣ наиболѣе сильно развивается дѣятельность пашковщины.—Изъ больницахъ, въ притонахъ нищеты, въ ночлежныхъ домахъ,—вездѣ, гдѣ есть нужда и неудовлетворенныя потребности естественной тѣлесной человѣческой жизни. За кусокъ хлѣба, за уголь для пристанища, пользуясь условіями торжища житейской суеты, сектантство покупаетъ душу человѣческую. Пусть не будетъ больше тѣхъ, кого можно привлечь въ секты этимъ способомъ, пусть каждый приходъ даетъ обезпеченіе всѣмъ, кто находится при затруднительныхъ условіяхъ,—и самой пропагандѣ расколовъ и сектантства будетъ нанесенъ весьма чувствительный ударъ. Обезпеченіе же всѣхъ неимущихъ и „трудоуныхъ“ при современныхъ условіяхъ жизни можетъ быть достигаемо только приходомъ уже по той одной причинѣ, что никакое государственное установленіе не имѣетъ столь широкой благо-

творительной задачи. Пусть цѣль, подобная описанной, трудно достижима; это — не бѣда: если такая цѣль будетъ достигаться лишь отчасти, дѣлу укрѣпленія православныхъ людей въ православіи будетъ дана незамѣнимая поддержка. Мало этого: уже самая мысль о томъ, что въ средѣ родственнаго по вѣрѣ православнаго общества я имѣю все, необходимое не только для духовнаго моего спасенія, но и для внѣшняго моего благосостоянія, въ крайнемъ случаѣ мысль, что я найду въ трудномъ случаѣ хотя какую-нибудь поддержку, будетъ для меня простой и естественной опорой въ моменты колебанія.

Другая сторона того же дѣла еще важнѣе. Въ правильно организованномъ приходѣ пастырь его, нынѣ столь одинокій въ своихъ усиліяхъ противодѣйствовать вторгающейся въ приходъ сектѣ или расколу, не будетъ болѣе одинокъ. Прикосновенныя къ дѣлу внутренней миссіи лица знаютъ, съ какой осторожностью и съ какимъ опасеніемъ собираются нынѣ отъ прихожанъ свѣдѣнія о движеніи сектантскихъ мнѣній въ приходѣ. Станемъ ли объяснять такую сдержанность опасеніями русскихъ людей впасть въ ошибку и тѣмъ наклеветать на ближняго, будемъ ли объяснять ее отсутствіемъ интереса и прикосновенности къ дѣлу миссіи,—все равно: фактъ—на лицо, и надобно думать, какъ его устранить. Въ подобномъ отношеніи развитіе приходскаго единства и постепенное выясненіе приходскихъ церковныхъ интересовъ явится единственнымъ средствомъ помощи, сплотивъ прихожанъ въ единую семью и привлекая ихъ вниманіе къ интересамъ Церкви въ той же мѣрѣ, какъ и къ обыкновеннымъ личнымъ интересамъ. Далѣе, составъ православнаго населенія нашихъ приходовъ включаетъ многія силы, которыя, бывъ надлежаще направлены, принесли бы дѣлу миссіи неоцѣнимую пользу. Разумѣемъ тѣхъ талантливыхъ русскихъ людей, у которыхъ способности и къ дѣлу изученія миссіонерства, и къ полемическимъ бесѣдамъ имѣются на лицо, но дремлютъ до удобнаго случая. Изъ состава такихъ самородковъ миссія знаетъ многихъ выдающихся полемистовъ; равнымъ образомъ, опытъ протоіерея Кашменскаго всѣмъ извѣстенъ. Но разыскивать такихъ людей только благодаря случаю значитъ все равно, что черпать воду рѣшетомъ: трудъ, который никакъ не дастъ ощутительнаго результата. Другое

дѣло, если имѣется такая форма жизни, при которой есть возможность хотя бы приходскому священнику между дѣль и между словъ замѣчать отличительныя особенности духа и преимущественныя способности каждаго изъ его прихожанъ. При организаціи приходской жизни, видя своихъ прихожанъ не только въ качествѣ безмолвно внимающихъ его наставленіямъ, но и въ качествѣ дѣятелей по разнымъ вопросамъ, то исполняющихъ порученія священника и приходъ, то подающихъ голосъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ, священникъ легко отличить способности, подмѣтитъ талантъ, оцѣнитъ искреннее стремленіе,—и воспользоваться своими замѣчаніями будетъ лишь дѣломъ простой послѣдовательности, а участіе миссіонеровъ дастъ при такомъ ходѣ вещей дѣлу русской миссіи не одного талантливаго помощника. Вѣдь и полемисты изъ среды старообрядцевъ или сектантовъ создаются не школой, а умѣньемъ вожаковъ раскола и сектъ подмѣчать и оцѣнивать, а также и давать ходъ болѣе способнымъ, направляя ихъ въ своихъ цѣляхъ.

По силѣ всего изложеннаго не будетъ преувеличеніемъ думать, что развитіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ разносторонней и сознательной православной приходской жизни подъ руководствомъ священниковъ есть та самая задача, которую завѣщало двадцатому вѣку девятнадцатое столѣтіе, та самая задача, смыслъ которой надлежало оцѣнивается, характеръ которой опредѣляется и разсмотрѣніемъ направленія самыхъ расколовъ и сектъ, опредѣлившимся въ теченіи XIX вѣка. Думается, что задача эта въ текущемъ столѣтіи будетъ исполнена съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ въ XIX вѣкѣ были исполняемы русской церковною жизнью и русскими дѣятелями задачи своего времени.

Хрисанъ Поповъ.

Нѣмецкій баптизмъ въ Россіи.

Нѣмецкій баптизмъ проникъ въ Россію въ 60-хъ годахъ истекшаго XIX столѣтія. Здѣсь онъ нашель для себя довольно благоприятную почву въ инородческомъ, главнымъ образомъ нѣмецкомъ, населеніи Россіи. Нѣмецкія колоніи южной Россіи, нѣмецкія поселенія въ Польшѣ и Прибалтійскій край вотъ первые очаги нѣмецкой секты баптизма въ Россіи.

Нѣмецкія колоніи послужили при этомъ не только средой распространенія баптизма, но и проводникомъ протестантскихъ и сектантскихъ взглядовъ въ среду русскаго народа. На зарожденіе, распространеніе и характеръ южно-русскаго религіознаго броженія, извѣстнаго подъ именемъ штундизма, онѣ оказали несомнѣнное и сильное вліяніе. Воздѣйствіе шло отъ всей массы нѣмецкаго населенія Россіи съ ея разнообразнымъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи составомъ. Въ виду этого мы остановимся на характеристикѣ нѣмецкихъ колоній въ религіозномъ отношеніи нѣсколько болѣе, чѣмъ это требуется для объясненія успѣховъ баптистской пропаганды среди нѣмцевъ.

I.

Нѣмецкая колонизація Россіи. Вѣроисповѣдный составъ колонистовъ. Гуттеры, Гернгутеры, Меннониты. *Andachtsstunde* среди лютеранъ и реформатовъ. Развитіе сектантства въ колоніяхъ 40-хъ годовъ. Назарянство въ Бессарабіи. Грубое мистикопѣтистическое движеніе въ Новороссіи. Броженіе среди меннонитовъ. Іерусалимскіе друзья. Гюпферы. Перерожденіе гюпферовъ въ баптистовъ.

Иностранная колонизація юга Россіи началась съ царствованія Екатерины II. Манифестомъ 22-го іюля 1763 года она приглашала иностранцевъ занять пустопорожнія земли Россійской Имперіи и предоставляла имъ чрезвычайныя льготы ¹⁾. Въ религіозномъ отношеніи колонистамъ дарована

---

¹⁾ Велицынъ. „Нѣмцы въ Россіи“. Спб. 1893 г., 40.

была полная свобода вѣры съ тѣмъ однако условіемъ, „чтобъ изъ живущихъ въ Россіи въ христіанскихъ законахъ никто и никого въ согласіе своей вѣры или сообщества ни подъ какимъ видомъ не склонялъ и не привлекалъ, подъ страхомъ всей строгости нашихъ законовъ 1)“. Для склоненія къ переселенію въ Германію были отправлены особые агенты. Первый опытъ оказался неудачнымъ; въ Россію шель всякій сбродъ: промотавшіеся офицеры, художники, студенты, прогорѣвшіе купцы и даже преступники, бѣжавшіе отъ кары закона 2). Въ 1804 году послѣдовалъ указъ, запрещающій склонять къ переселенію всѣхъ безъ разбора; въ 1810 году прекращены со стороны русской миссіи всякія пособія на переселеніе, а съ 1819 г. и самый вызовъ иностранцевъ. Но иностранная колонизація Россіи продолжалась безостановочно собственными силами и продолжается до настоящаго времени. О размѣрахъ ея можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

1764—1770 г.	основано колоній 117	(Саратовской, Самарской и др. губ.).
1770—1800 г.	”	” 18 (Екатеринославск. губ.).
1800—1850 г.	”	” 272 (Бессар. 70, Херсонск. 46. Екатеринославской 40, Таврич. 89 и др.).
1850—1864 г.	”	” 152 (Тавр. 72, Самарск. 67. Саратовск. 11 и др. 3).

Черезъ сто лѣтъ послѣ манифеста Екатерины II въ Россіи было уже 559 нѣмецкихъ колоній съ населеніемъ 225,694 человекъ муж. пола, во владѣніи которыхъ находилось 2,104,032 десятины земли. Въ 1892 году въ пользованіи колонистовъ 17 губ. (безъ польскихъ) было уже 4,355,510 десятинъ земли. Главныя мѣста нѣмецкихъ поселеній губерніи Таврической, Херсонской, Бессарабской, Екатеринославской, Самарской, Саратовской и др. 4). Въ нихъ, по статистикѣ Липранди, проживаетъ 702,000 нѣмцевъ, а во всей Россіи 1,759,000 нѣмцевъ 5).

1) Полн. собр. зак. т. XVI, № 12095. См. Клаусъ. „Наши колоніи“. Спб. 1869 г. 8.

2) Клаусъ. „Наши колоніи“, 119.

3) Велицынъ. 49 — 54.

4) Велицынъ. 60.

5) Липранди. „Германія въ Россіи“. Наблюдатель 1895 г., Октябрь, 95.

Нѣмецкіе колонисты, благодаря чрезвычайнымъ льготамъ и привиллегіямъ, достигли замѣчательнаго благосостоянія и поставили въ экономическую зависимость отъ себя природное населеніе края. Сами они остались совершенно чужды Россіи и до сихъ поръ сохраняютъ полную національную самобытность. Всѣ симпатіи колонистовъ на сторонѣ Германіи, съ которою они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ и стоятъ подъ ея духовнымъ вліяніемъ. Всякое болѣе или менѣе сильное движеніе въ религіозной жизни Германіи находитъ себѣ отголосокъ въ нашей Русской Германіи, которая и сама въ себѣ заключаетъ не мало горячихъ элементовъ для религіознаго броженія. Обращая вниманіе на вѣроисповѣдный составъ иностранныхъ колонистовъ Россіи, мы наблюдаемъ странное явленіе: Россія колонизовалась по преимуществу протестантскими сектантами или же піетистами, склонными къ сектантству.

Изъ сектантовъ колонистовъ обращаютъ на себя вниманіе гуттеры, гернгутеры и меннониты.

Основателемъ секты гуттеровъ считается Іаковъ Гуттеръ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей реформаціоннаго движенія XVI вѣка въ Тиролѣ, Зальцбургѣ, Баваріи и Швеціи. Вѣроученіе гуттеровъ ставятъ въ связь съ ученіемъ вальдепсовъ ¹⁾. Крампъ, баптистскій историкъ, повсюду розыскивая своихъ сторонниковъ, готовъ видѣть въ Гуттерѣ баптиста ²⁾. Гуттеры допускаютъ къ крещенію не моложе 15 лѣтъ, при чемъ крещаемый произноситъ обѣтъ слѣдовать правиламъ секты. Одно изъ главныхъ правилъ секты: жить всѣмъ одной семьей, безъ чего невозможно достигнуть спасенія. Община гуттеровъ должна представлять изъ себя полную коммуну, во главѣ которой стоитъ пресвитеръ (старшина). Страшный ригоризмъ, полное подчиненіе личности общинному началу ³⁾

¹⁾ Клаусъ. „Сектаторы колонисты въ Россіи“. Вѣстникъ Европы. 1868 г. I т. 275.

²⁾ Cramp „Geschichte der Baptisten“. 209.

³⁾ Имущество безусловно все общее. Бракъ по жребію. Дѣти съ 1½ лѣтъ брались отъ матерей въ особое помѣщеніе, гдѣ до 4 лѣтъ росли подъ присмотромъ нянь; въ 4 года переходили въ распоряженіе надзирательницъ, съ 7 лѣтъ начиналось обученіе; все воспитаніе дѣтей шло по общему шаблону безъ всякаго участія родителей, которымъ только дозволялось приходить въ помѣщеніе дѣтей и иногда брать ихъ въ свою комнату для свиданія. Клаусъ. „Наши колоніи“ 36.

составляютъ характерныя черты секты. Гуттеры, всюду преслѣдуемые, нашли себѣ въ 1801 г. пріютъ и покровительство въ Россіи. Число ихъ не велико ¹⁾; но совершенно коммунальный строй религіозной общины, постоянная внутренняя борьба противъ полнаго подавленія личности общиною, повлекшая въ концѣ концовъ къ разложенію коммуны,—все это ставитъ гуттеровъ въ рядъ элементовъ въ религіозномъ отношеніи неустойчивыхъ и возбуждающихъ броженіе.

Гернгутеры, поселившіеся въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, составляютъ отрасль гусситскаго движенія и находятся въ постоянныхъ связяхъ съ главнымъ управленіемъ евангелическихъ братствъ въ Бертельсфельдѣ ²⁾. Этотъ союзъ въ своихъ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ руководится между прочимъ миссіонерскими цѣлями. Когда предложено было гернгутерамъ переселиться въ Россію, то въ Бертельсфельдѣ состоялось постановленіе о переселеніи именно въ смыслѣ учрежденія на берегахъ Волги миссіонерскаго пункта. При переговорахъ съ русскимъ правительствомъ уполномоченные гернгутеровъ рѣшительно настаивали на правѣ миссіи по крайней мѣрѣ среди калмыковъ, кавказскихъ горцевъ и азіатскихъ инородцевъ ³⁾.

3-ю, наиболѣе многочисленную, группу сектантовъ-колонистовъ составляютъ меннониты. Меннонитство — это преобразованный анабаптизмъ временъ реформации. Въ анабаптизмѣ нашло себѣ выраженіе самое страстное антисоціальное и противогосударственное движеніе народа, изнывавшаго подъ феодальнымъ гнетомъ и искавшаго улучшенія своей участи. Это движеніе вылилось въ уродливую форму мюнстерскаго царства. Крайній фанатизмъ и неистовства анабаптистовъ, ихъ антиномистическая мораль вызвали бурю негодованія и повели къ разгрому новаго царства. Остатки сектантовъ разсѣялись всюду и съ фанатическимъ мужествомъ переносили выпавшія на ихъ долю преслѣдованія. Это мужество

¹⁾ Велицынъ. „Нѣмцы въ Россіи“, 142.

²⁾ Въ 1801 г. гуттеры были поселены въ помѣстьѣ гр. Румянцова-Задунайскаго, Вишенкахъ, Чернигов. губ. Въ 1818 г. переселились въ Новороссійскій край и образовали колоніи Гуттерталь и Юганнесру въ Екатеринослав. губ. В. Евр. 1868 г, I т., 277—и др.

³⁾ Клаусъ „Наши колоніи“, 67—68.

привлекло на сторону анабаптистовъ одного католическаго священника Менно Симона, который въ 1536 году перекрестился и всю свою послѣдующую жизнь посвятилъ на собраніе и организацію въ общины разсѣянныхъ сектантовъ. Менно реформировалъ ученіе анабаптистовъ и далъ сектѣ свое имя. Онъ отбросилъ антиномистическія тенденціи и дикій фанатизмъ. Меннониты въ противоположность анабаптистамъ, путемъ насилія и съ оружіемъ въ рукахъ водворившимъ на землѣ царство святыхъ,—отказываются отъ насилія, самое ношеніе оружія считаютъ за грѣхъ и не встаютъ противъ власти правительственной и государственной. Но подъ покровомъ кротости и послушанія въ меннонитствѣ сохранилось до нѣкоторой степени старая закваска, осталась увѣренность, что „общество святыхъ“ есть вполнѣ самодовлѣющая форма для жизни на землѣ. Отвергая военную службу и присягу, меннониты считаютъ за грѣхъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ, отказываются отъ принятія должностей правительственныхъ и общественныхъ, избѣгаютъ обращаться къ правительству и суду въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; если же такіе факты случаются, то они констатируются какъ признакъ упадка секты и какъ отступленіе отъ завѣтовъ Менно.

По происхожденію и ученію меннонитство довольно близко къ баптизму, что даетъ поводъ Крампу называть Меннобаптистомъ ¹⁾. Но при сходствѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ вѣры, ученія и устройства меннониты отличаются отъ баптистовъ въ слѣдующемъ ²⁾: потомки Адама, по ученію меннонитовъ, наслѣдовали отъ него только склонность къ грѣху, а не самый грѣхъ и вину его, такъ что дѣти не имѣютъ никакихъ дѣйствительныхъ грѣховъ (у баптистовъ всѣ чада гнѣва по происхожденію отъ Адама). Свободная воля человѣка повреждена грѣхомъ и нуждается для спасенія въ помощи благодати Божіей, но она не утратила совершенно способности воспринимать дѣйствіе благодати (синеризмъ); очевидно, что на этой почвѣ не можетъ быть рѣчи о безусловномъ предопредѣленіи въ смыслѣ Кальвина. Ре-

¹⁾ Станр, 244.

²⁾ Въ сравненіе берется толкъ баптизма извѣстный подъ именемъ необаптизма, который утвердился въ Германіи и изъ нея проникъ въ Россію.

форматскій принципъ объ оправданіи одной вѣрой у меннонитовъ рельефно не выдвинуть; они еще говорятъ о нѣкоторомъ значеніи для оправданія добрыхъ дѣлъ. Военная служба и присяга отвергаются, государственная и общественная служба запрещаются. Меннониты, какъ и баптисты, допускаютъ къ крещенію только взрослыхъ, но совершаютъ его чрезъ опрыскиваніе и не повторяютъ надъ присоединяющимися отъ другихъ исповѣданій, крещенными въ дѣтствѣ; впрочемъ голландскіе меннониты совершаютъ крещеніе чрезъ погруженіе. Съ преломленіемъ хлѣба у меннонитовъ соединяется омовеніе ногъ. Къ вопросамъ теоретическимъ меннонитство, какъ и баптизмъ, относится съ нѣкоторымъ индифферентизмомъ, почему склонно подпадать вліянію другихъ сектъ и исповѣданій. Главный нервъ секты нравственно-практическая сторона религіи. Мораль меннонитовъ отличается ригоризмомъ, запрещаетъ самыя невинныя развлеченія и удовольствія. Обнимая всѣ мелочи жизни, она спускается до опредѣленія цвѣта и покроя платья; крючки или пуговицы на платѣ для меннонита вопросъ нравственный и даже такой важности, что то или другое рѣшеніе его характеризуетъ отдѣльные толки меннонитства (Häftler und Knöpfer; Hooker—Button Mennonites). По вопросу общиннаго благочинія между меннонитами еще на первыхъ порахъ произошелъ расколъ на грубыхъ (ватерландцы или фрисландцы) и тонкихъ (фламандцы). Въ 1800 г. состоялось соглашеніе, по которому опредѣленіе большей или меньшей строгости церковной дисциплины представлено усмотрѣнію каждой отдѣльной общины. Строй меннонитскихъ общинъ вообще индипендентскій ¹⁾.

Средоточнымъ пунктомъ меннонитовъ служить Амстердамъ. Въ XVI столѣтіи значительное число ихъ поселилось въ Пруссіи въ окрестностяхъ Данцига. Наше правительство обратило особенное вниманіе на меннонитовъ въ виду блестящихъ культурныхъ успѣховъ, достигнутыхъ ими на безплодной Маріенвердерской низменности, и представило имъ чрезвычайныя льготы ²⁾. Въ 1789 году прибылъ первый транспортъ меннонитовъ въ числѣ 223 семействъ, поселен-

¹⁾ Rohmert. „Kirche, Kirchen und Secten“, 127—129, и др. источн.

²⁾ Полное собраніе законовъ т. XXVI (14.372).

ный въ Хортицкомъ урочищѣ настоящей Екатеринославской губерніи 1). Въ 1803—1804 г. явились новыя партіи сектантовъ, поселенныя на рѣкѣ Молочной въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губ. 2). Переселеніе меннонитовъ, равно-разселеніе изъ первоначальныхъ пунктовъ, продолжалось и въ послѣдующее время. Въ 1867 году было въ Россіи 40.000 человѣкъ 3). Подъ вліяніемъ слуховъ о введеніи всеобщей воинской повинности довольно значительное число меннонитовъ переселилось въ Америку. Но когда эта мѣра была примѣнена къ меннонитамъ въ формѣ трудовой повинности безъ ношенія оружія, движеніе остановилось. Въ настоящее время на югѣ 124 меннонитскія колоніи — въ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерніяхъ 4).

Большинство другихъ колонистовъ лютеранъ и реформатовъ переселилось въ Россію изъ Виртемберга, Баваріи и Пруссіи, словомъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ наиболѣе сильно развился шпенеровскій піэтизмъ. Съ собой въ Россію они принесли практику, такъ называемыхъ, *Andachtsstunde*, которыя получили въ Россіи широкое развитіе. *Andachtsstunde*—частныя собранія и организациі — составляютъ порожденіе піэтизма. Шпенеръ и Франке, основатели піэтистическаго движенія въ Германіи, первые составили кружки изъ самыхъ религіозныхъ и набожныхъ членовъ своихъ приходовъ, которые собирались для пѣнія гимновъ и чтенія Слова Божія. Такіе кружки привились и подѣ разными названіями распространились по всему протестантскому міру. Протестантская Церковь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, безъ различія партій и направленій, признаетъ за ними весьма важное значеніе въ дѣлѣ христіанизаціи общества и семьи. По общему отзыву участники штундовыхъ собраній составляютъ лучшую часть приходовъ. Въ частности объ участникахъ *Andachtsstunde* въ нѣмецкихъ колоніяхъ Россіи пасторъ Бонекэмперь говоритъ, что „они соль и свѣтъ

1) Клаусъ. „Наши колоніи“, 116—117.

2) Велицынъ. „Нѣмцы въ Россіи“, 206.

3) Busch. „Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik der Evang. Luther. Kirche in Russland“. I. B. 257.

4) Велицынъ. 202—203.

во всѣхъ обществахъ“¹⁾; съ этимъ отзывомъ соглашалась и евангелическо-лютеранская консисторія²⁾.

Но съ другой стороны *Andachtsstunde* для правильнаго функціонированія нуждаются въ самомъ опытномъ и дѣятельномъ руководствѣ и надзорѣ со стороны пастора; въ противномъ случаѣ они легко могутъ повести къ сепаратизму и пропитаться сектантскими идеями, такъ какъ представляють самое удобное средство для оппозиціи своему духовенству и Церкви. Пальмеръ, горячій защитникъ штундовыхъ собраній, не скрываетъ этой опасности и констатируетъ, что въ Виртембергскомъ піэтизмѣ укоренились хилиастическія и другія сектантскія идеи³⁾. Эту опасность сознаетъ протестантское духовенство⁴⁾. Вообще піэтизмъ представляетъ изъ себя благоприятную почву для воспріятія сектантскихъ идей. Баптизмъ въ Германіи распространялся главнымъ образомъ среди піэтистовъ. Въ Россіи піэтизмъ пересаженъ былъ изъ Виртемберга и уже съ сепаратистическими тенденціями. Пасторскій надзоръ въ колоніяхъ былъ слабъ: религіозныя нужды колонистовъ оставались безъ удовлетворенія, на что указываетъ въ своихъ отчетахъ генеральная консисторія⁵⁾. Понятно, какою опасностію угрожали *Andachtsstunde* въ такихъ условіяхъ; они, дѣйствительно, послужили лазейкой для проникновенія сектантскихъ идей и способствовали ихъ распространенію.

Такимъ образомъ нѣмецкіе колонисты Россіи по своему вѣроисповѣдному составу представляли изъ себя весьма благоприятную почву для религіознаго броженія. Благодаря непрерывающейся связи и постояннымъ сношеніямъ съ соплеменниками и единомышленниками въ Германіи и другихъ мѣстахъ, они воспринимали оттуда почти всякое новое религіозное движеніе. Религіозное броженіе въ колоніяхъ

¹⁾ Одесскій Вѣстникъ 1868 г., № 8.

²⁾ Дородницынъ. „Нѣмецкіе миссіонеры необаптизма“. Чт. въ Общ. люб. дух. проsv. 1893 г., Мартъ, 323.

³⁾ Румянцевъ. „Письма изъ Германіи“. Вѣра и Разумъ. 1835 г. Октябрь, 494.

⁴⁾ См. статью „*Bruderwesen*“. *Mittheilungen und Nachrichten zur die evangel. Luther. Kirche in Russland*. 1887 j. 566 и далѣе.

⁵⁾ Напр. *Synodalbericht 1868 j. Mittheilungen und. Nachrichten 1869 j.* 18.

особенно усилилось въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. На этотъ періодъ времени падаетъ появленіе и распространеніе среди колонистовъ мистикорационалистическаго сектантства, которое еще болѣе приготовило почву для успѣха баптизма и въ нѣкоторой своей части примыкаетъ къ нему почти непосредственно.

Въ Бессарабіи большую смуту производили назаряне ¹⁾. Начало сепаратистическому движенію въ Бессарабіи, принявшему назарянскую окраску, положилъ Линдль, бывшій членъ библейскаго общества (въ 20-хъ годахъ). Высланный изъ Петербурга, Линдль устроился въ кол. Саратовъ и произвелъ въ Бессарабіи сильное броженіе своей пропагандой ²⁾. Изгнанный за границу, онъ продолжалъ оттуда поддерживать движеніе. Выступило много пропагандистовъ, которые называли Церковь „мертвой кучей камней“, пасторовъ „торгашами“ и заявляли, что „кто хочетъ спастись, тотъ долженъ выйти изъ Вавилона“, то есть изъ старой Церкви. Сектанты неоднократно дѣлали безуспѣшныя попытки организовать въ особое общество и получить права. Къ своимъ прошеніямъ они прилагали „уставъ назарянскаго общества ³⁾“. Волненіе, произведенное назарянами, было весьма значительно, что объясняется крайней экзальтаціей ихъ на молитвенныхъ собраніяхъ.

Идеи бессарабскихъ сектантовъ проникли въ новороссійскія колоніи и вызвали тамъ сильное религиозное возбужденіе, нашедшее себѣ выраженіе въ штундовыхъ собраніяхъ (Andachtsstunde). Какой характеръ приняло движеніе, можно видѣть изъ описанія пастора Дальтона, наблюдавшаго его въ колоніи Рорбахъ. „Въ первый день Пасхи, говоритъ онъ, нѣкоторые христіане стали кричать и плакать, другіе же обнаруживали признаки чрезвычайнаго восторга. Внутрен-

¹⁾ Основатель секты Іоганнъ Іаковъ Вирцъ (род. въ 1778 г. въ Базелѣ). Главный центръ—Бармень и Эльберфельдъ въ Виртембергѣ. При ирвингянской вѣрѣ въ непрерывное откровеніе и обнаруженіе въ Церкви даровъ Св. Духа, назаряне признавали Вирца за второго Христа. Грубый мистицизмъ и экзальтація свойственны сектѣ. *Dresbach, Die protestantische Secten Barmen. 1888, 107—110.*

²⁾ Клаусъ. „Наши колоніи“ Спб., 383.

³⁾ Busch. „Ergänzungen der Materialien zur Geschichte u Statistik der evang. Luther. Kirche in Russland“ В. I. 232—243, 237.

нее, неизмѣримо сильное состояніе блаженства продолжалось нѣсколько дней; лица, находившіяся въ такомъ экстазѣ, увѣряли, что они чувствуютъ, какъ будто сердце рывається на части отъ восторга. У другихъ экстатическое состояніе сопровождалось тѣмъ, что они вдругъ начинали сильно дрожать, быстро прихлопывая руками по колѣнамъ; потомъ хватались за голову, ударяли кулаками по столу и скамейкѣ и кричали: „изыди сатана, довольно я тебѣ служилъ!“ и при этомъ топтались на мѣстѣ. Послѣ такого болѣзненнаго припадка, соединеннаго съ конвульсіями, они поднимали головы и съ невыразимо радостной улыбкой устремляли взоръ къ небу. Маня обѣими руками, поднятыми кверху, они говорили: „приди, милый Спаситель! приди, приблизься еще немножко! Ахъ, если бы еще немного вѣры!“ При этомъ они прыгали кверху, какъ будто хотѣли тамъ взять кого-то и свести внизъ. Кризисъ продолжался иногда въ теченіе многихъ часовъ и казалось, что люди сходили съ ума¹⁾.

Грубомистическое увлеченіе бурей пронеслось по всѣмъ колоніямъ, пошатнуло авторитетъ Церкви и духовенства, указавши способъ удовлетворенія религіознымъ потребностямъ помимо ихъ; штундовыя собранія во многихъ мѣстахъ приняли сектантскій характеръ.

Броженіе захватило меннонитскія общины, въ которыхъ въ 60-хъ годахъ началось реформаціонное движеніе къ возстановленію во всей чистотѣ ученія Менно. Среди меннонитовъ начались споры и толки о вѣроученіи и обрядахъ, выражалось неудовольствіе на упадокъ религіозной жизни, на формализмъ церковнаго благочинія и слабость дисциплины. Оппозиція возникла отчасти подъ внѣшними воздѣйствіями и нашла себѣ выраженіе въ формѣ двухъ сектъ: іерусалимитовъ и гюпферовъ. Къ послѣднему движенію, возникшему не безъ вліянія назарянства, привился баптизмъ и тѣмъ создалъ себѣ весьма благоприятную базу для дѣйствія въ Россіи.

Начало сектъ іерусалимскихъ друзей положилъ Гофманъ, который въ 1848 году основалъ въ Виртембергѣ общество

---

¹⁾ Dalton. „Geschichte der Reformirten Kirche in Russland.“ Gotha. 1865 j. 225—226.

къ собранію народа Божія въ Іерусалимѣ. Іерусалимскіе друзья устремились на востокъ; нѣкоторые изъ нихъ по пути въ Іерусалимъ зашли въ нѣмецкихъ колоніяхъ южной Россіи и на Кавказѣ и произвели тамъ броженіе, обнаружившее особенную живучесть на почвѣ меннонитства. Іерусалимиты утверждали, что государство и Церковь въ своемъ настоящемъ состояніи дошли до крайней степени развращенія. Всѣмъ вѣрующимъ необходимо переселиться въ Палестину, гдѣ будетъ основано новое царство Божіе, въ которомъ не должно быть никакого человѣческаго закона, а только законъ, черезъ Моисея данный, Христомъ утвержденный ¹⁾. Проповѣдниками этой секты среди меннонитовъ были братья Ланге, подъ руководствомъ которыхъ іерусалимиты переселились на Кавказъ, поближе къ Іерусалиму ²⁾.

Особенную смуту среди меннонитовъ произвели гюпферы. Гюпферы на первыхъ порахъ выражали вообще недовольство религіозно-нравственнымъ состояніемъ меннонитовъ и слабостію церковной дисциплины, но потомъ привнесли новые положенія и обряды, которые выдѣлили ихъ изъ среды меннонитовъ какъ сектантовъ. Свое наименованіе (гюпферы—прыгуны, скакуны) они получили отъ обычая прыгать и танцовать на молитвенныхъ собраніяхъ, что было у нихъ результатомъ назарянскаго воздѣйствія и болѣзненной экзальтаціи.

Первоначально броженіе возникло въ молочанскомъ округѣ. Духовные старшины молочанскихъ меннонитовъ для прекращенія смуты рѣшили образовать изъ себя церковный конвентъ (1857 г.) съ тѣмъ, чтобы всѣ спорные религіозные и обрядовые вопросы представлялись ему на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе ³⁾. Это шло въ разрѣзъ съ индипендентскимъ строемъ меннонитскихъ общинъ и вызвало недовольство. Сектанты пользовались недовольствомъ и имѣли успѣхъ. Въ 1860 году гюпферы организовались въ отдѣльную общину и заявили церковному конвенту, что

¹⁾ Dresbach, Die protestantische Secten. Barmen 1888 j. 97—103.

²⁾ Клаусъ. „Сектаторы колонисты въ Россіи“. Вѣстникъ Европы, 1868 г., IV т., 751.

³⁾ Клаусъ. „Наши колоніи“. 175.

власть его не признають законною и рѣшаются подъ руководствомъ собственныхъ пресвитеровъ отстаивать чистоту ученія Менно. Сектанты избрали себѣ пресвитеровъ Корнельсона, Кюпа, Клаассена и проповѣдниковъ Губерта и Беккера. Эти лица открыто въ рѣкѣ перекрещивали присоединяющихся. Конвентъ отлучилъ членовъ новой общины. Отлученіе у меннонитовъ, вслѣдствіе сліянія церковной и гражданской общины и дарованнаго имъ самоуправленія, сопровождалось очень тяжкими послѣдствіями: на отлученныхъ посыпались штрафы, аресты, наказанія общественной работой и т. п. Въ виду этого часть гюпферовъ съ Высочайшаго разрѣшенія переселилась на Кавказъ. Но тѣмъ не менѣе секта продолжала распространяться на старомъ мѣстѣ и была занесена въ другіе округа.

Въ 1861 году броженіе обнаружилось въ Хортицкомъ округѣ (Екатеринослав. губ.). Во главѣ новой партіи встали Генрихъ Нейфельдтъ и Авраамъ Унгеръ изъ колоніи Эйнлаге (старой) и Иоганнъ Гергардъ Виллеръ изъ кол. Хортица. Свой разрывъ съ староменнонитами гюпферы заявили здѣсь фанатической выходкой: въ кол. Эйнлаге они публично сожгли нѣкоторыя уважаемыя меннонитами книги. Къ 5-му января 1861 года къ сектѣ принадлежало 169 человекъ ¹⁾. Развиваясь среди меннонитовъ, движеніе захватило также лютеранскія и реформатскія колоніи.

Дальнѣйшій успѣхъ секты былъ обезпеченъ, потому что въ скоромъ времени (1865—1867) преслѣдованія со стороны староменнонитовъ и колонистскаго начальства прекратились, высшая администрація увѣдомила, что „*гюпферы принадлежатъ къ толку анабаптистовъ, ученіе которыхъ съ меннонитскимъ имѣетъ общее начало и не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго или противнаго нравственности*“ ²⁾.

Итакъ администрація признала секту гюпферовъ за анабаптистскій толкъ меннонитства. Дѣйствительно, обращая вниманіе на ученіе сектантовъ, какъ оно выясняется изъ краткихъ и случайныхъ замѣчаній Клауса и Буша, нельзя не признать перерожденія гюпферовъ въ баптистовъ. На первыхъ порахъ гюпферы выражаютъ только недовольство религіознонравственнымъ состояніемъ большинства меннонитовъ.

¹⁾ Busch, 259.

²⁾ Клаусъ. „Наши колоніи“, 196.

Съ большимъ усвоеніемъ новаго, откуда-то принесеннаго имъ ученія, они сознають свою обособленность и заявляютъ ее формальнымъ выдѣленіемъ изъ меннонитскихъ общинъ. Отношеніе къ староменнонитамъ все болѣе и болѣе обостряется, съ нравственной почвы споръ переносится на теоретическую. Сжигаются нѣкоторыя уважаемая меннонитами книги, выдвигается ученіе объ оправданіи вѣрою; заявляется что крещеніе и преломленіе хлѣба совершается у меннонитовъ не по установленію Божию; всѣхъ присоединяющихся они перекрещиваютъ какъ язычниковъ, къ крещенію допускають только взрослыхъ, совершаютъ его въ проточной водѣ чрезъ погруженіе, меннонитское опрыскиваніе считаютъ недѣйствительнымъ; всѣми средствами стараются пропагандировать свое ученіе. Все это показываетъ, что гюпферы усвоили баптистскіе взгляды и заразились свойственными этимъ сектантамъ фанатизмомъ и прозелитизмомъ. Правда, сюда примѣшалось нѣчто особенное: гюпферы на молитвенныхъ собраніяхъ прыгали, танцовали, ликовали, цѣловались и называли это блаженствомъ во имя Святаго Духа ¹⁾, за что и получили свое названіе. Но это характеризуетъ секту только на первой стадіи и составляетъ результатъ пронесшагося въ то время по всѣмъ колоніямъ грубомистическаго увлеченія. Почти то же самое наблюдалось на штундовыхъ собраніяхъ лютеранъ и реформатовъ, какъ это видно изъ описанія пастора Дальтона. Баптизмъ, привившись къ новоменнонитскому теченію въ сектѣ гюпферовъ, направилъ его въ свое русло; прыгунство, какъ плодъ болѣзненной религіозной экзальтаціи, скоро было оставлено.

Позднѣйшая исторія гюпферовъ вполне подтверждаетъ перерожденіе ихъ въ баптистовъ. Въ 1864 г. Иоганнъ Виллеръ, съ именемъ котораго связано самое возникновеніе прыгунства въ Хортицкомъ округѣ, и Беккеръ, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ гюпферовъ среди молочанскихъ меннонитовъ, посѣяли секту въ колоніи Новый Данцигъ въ Херсонской губ. Въ официальной перепискѣ, возникшей по сему поводу, сектанты называются сначала гюпферами, а потомъ уже баптистами и оказываются въ ближайшихъ сношеніяхъ

---

¹⁾ Busch, 259.

съ миссіонерами баптизма изъ Германіи ¹⁾. Іоганнъ Виллеръ и Абрамъ Унгеръ выступаютъ дѣятельными пропагандистами баптизма среди нѣмцевъ; мало этого, Виллеръ много потрудился въ насажденіи и укрѣпленіи русскаго штундобаптизма, а Унгеръ крестилъ перваго русскаго штундобаптиста.

Такъ народился новый баптистскій толкъ меннонитства. Безъ сомнѣнія, этотъ толкъ, который можно назвать новоменнонитствомъ, возникъ и развился подъ вліяніемъ заграничной пропаганды. Русскіе меннониты находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами въ Германіи, среди которыхъ первоначально и началось это движеніе, на что есть указаніе въ вѣроизложеніи баптистовъ, утвержденномъ на Гамбургской конференціи еще въ 1849 году: „мы можемъ, говорится тамъ, быть въ сердечномъ общеніи съ тѣми, которые не раздѣляютъ нашихъ убѣжденій относительно клятвы и военной службы“ ²⁾, то есть съ меннонитами, принимающими баптистское крещеніе.

Новоменнониты, усвоивъ баптистскіе взгляды и выдѣлившись изъ староменнонитскихъ общинъ, удержали нѣкоторыя меннонитскія особенности: воззрѣнія на войну, присягу, обрядъ омовенія ногъ и пр. Но они не сочли практичнымъ принять новое наименованіе баптистовъ, что могло бы повлечь за собою лишеніе тѣхъ чрезвычайныхъ привилегій, которыми пользуются меннониты: самоуправленія, свободы отъ воинской повинности, присяги и т. п. Новоменнониты продолжали называть себя истинными послѣдователями Менно, новые взгляды, кромѣ священнаго Писанія, старались подтверждать ссылками на сочиненія Менно, свои общины стали называть „крестящимися по вѣрѣ меннонитскими братствами“ ³⁾. Старшины староменнонитскихъ общинъ такъ характеризовали направленіе новоменнонитовъ (гюпферовъ): „они стремятся на общихъ всѣмъ меннонитамъ вѣрованіяхъ образовать отдѣльныя общества и во имя дарованной меннонитамъ свободы совѣсти жить сообразно своимъ убѣжде-

¹⁾ Busch, 259; Дородницынъ. „Нѣмецкіе миссіонеры необаптизма“. Чт. об. люб. дух. пр. 1893 г. Мартъ. 332, 347.

²⁾ Glaubensbekenntnis, Artikel 14; 548.

³⁾ Ср. Екатерин. Епарх. Вѣд. 1888, № 7, 199. Скворцовъ. „Дѣянія 3 миссіонерскаго съѣзда“. Кіевъ. 1897 г. 154—157.

ніямъ среди остальныхъ меннонитскихъ обществъ“, хотя въ то же время себя однихъ считаютъ за истинныхъ христіанъ, объявляя прочихъ меннонитовъ дошедшими до окончательнаго упадка и служенія духу тьмы ¹⁾). Новоменнонитамъ дѣйствительно удалось достичь того, чего они желали. Послѣ нѣкотораго періода преслѣдованій подъ именемъ прыгуновъ (гюпферовъ), они были признаны за баптистскій толкъ меннонитства и стали трактоваться, правительствомъ и администраціей и до сихъ поръ трактуются, какъ меннониты. Удержаніе старой оффиціальной клички дѣлало ихъ положеніе легальнымъ тогда, когда баптизмъ считался еще сектой недозволённой и награждало ихъ исключительными правами, которыхъ баптисты не имѣютъ и послѣ признанія секты русскимъ правительствомъ. Прикрытіе именемъ привилегированной секты обезпечило успѣхъ баптизма въ Россіи съ первыхъ шаговъ. Изъ молочанскихъ и хортицкихъ колоній баптизмъ сталъ распространяться по колоніямъ лютеранскимъ и реформатскимъ. Пропагандисты баптизма изъ Германіи нашли себѣ въ новоменнонитахъ самыхъ усердныхъ помощниковъ и сотрудниковъ.

Свящ. К. Велтистовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Клаусъ. „Наши колоніи“, 193—194.

**По поводу печатныхъ толковъ о свободѣ
совѣсти по отношенію къ глаголемымъ
старообрядцамъ.**

НОГО шума надѣлалъ извѣстный докладъ о свободѣ совѣсти, читанный на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Много говорилось въ немъ, а затѣмъ и въ газетахъ и въ журналахъ о стѣсненіи въ нашемъ отечествѣ свободы совѣсти вообще и въ частности свободы совѣсти нашихъ глаголемыхъ старообрядцевъ. Но такъ ли это? Соотвѣтствуетъ ли все сказанное дѣйствительной жизни нашихъ сектантовъ и глаголемыхъ старообрядцевъ? Читая въ журналахъ и газетахъ о стѣсненіяхъ нашихъ сектантовъ и глаголемыхъ старообрядцевъ, положительно недоумѣваешь: гдѣ гонимый и гдѣ притѣсняемый? Кому не позволяютъ исповѣдывать свои религиозныя убѣжденія? Не такъ давно кончился процессъ іеговистовъ, этихъ послѣдователей полу-сумасшедшаго Ильина, додумавшихся даже до того, что всѣ, по ихъ мнѣнію, исключая ихъ—іеговистовъ, находятся во власти сатаны и должны быть истреблены. И что же мы видѣли? Изъ пяти обвинявшихся іеговистовъ были осуждены четверо, а пятый оправданъ, какъ не уличенный въ разбрасываніи и разсылкѣ динамитныхъ машинъ. Какой еще нужно свободы убѣжденія? Ужели власть должна была позволить и безнаказанно убивать невинныхъ гражданъ?! Но намъ скажутъ: то іеговисты. Какъ бы въ отвѣтъ на это заявляютъ о своей свободѣ и другіе воображаемые страдальцы. Въ селѣ Павловкахъ, Харьковской губерніи, 50 человекъ сектантовъ врываются въ церковь—школу, разбиваютъ здѣсь окна, иконы, опрокидываютъ престолъ и, не удовлетворяясь этимъ, съ пѣніемъ направляются къ православной Церкви, чтобы и тамъ разрушить и уничтожить все святое и дорогое сердцу православнаго христіанина. Православные самоотверженно защищаютъ свой храмъ, а представитель ихъ, цер-

ковный староста, едва животь свой не положилъ за Церковь Христову, обагривъ ее своею кровію.

Не этой ли свободы требуютъ всѣ тѣ, для коихъ дѣло св. Церкви превратилось уже въ пустой звукъ! Если не этой, то такой, которая будетъ приводить къ подобнымъ, не допустимымъ въ нормальной жизни, явленіямъ! Зачѣмъ же обвинять Церковь за то, что она пользуется покровительствомъ государства? Развѣ св. ап. Павелъ не воспользовался правомъ римскаго гражданства, чтобы предстать на судъ самаго кесаря? Развѣ св. отцы не прибѣгали къ покровительству гражданской власти противъ еретиковъ—аріанъ! Но мы слышимъ голоса: у насъ есть и другіе страдалцы, глаголемые старообрядцы; пусть они строятъ храмы, звонятъ въ колокола, свободно собираются и пр.; кому будетъ вредъ отъ этого, мы не видимъ. Мы вѣримъ, что вызывающіе такъ не видятъ въ предлагаемой свободѣ никакого вреда; даже больше, они, пожалуй, не увидѣли бы его, если бы и совсѣмъ уничтожить православную Церковь, какъ призракъ, стоящую предъ ними и призывающую ихъ: прійдите чада, страху Господню научу васъ. Но не увидитъ ли во всемъ этомъ вреда то многомилліонное народонаселеніе, изъ коего и состоитъ наше искони православное государство? Не увидитъ ли въ этомъ вредъ здравый разумъ, противящійся утверждать ложь вмѣсто истины? А вѣдь старообрядцы и требуютъ именно этого утвержденія лжи. „Старообрядцамъ“, говоритъ апологетъ австрійскаго священства, авторъ подпольной брошюры „По поводу поѣздки на Востокъ Екатеринбургскихъ депутатовъ—старообрядцевъ въ 1900 году“, „если-бы этого они и пожелали, никоимъ образомъ нельзя присоединиться къ греко-россійской Церкви“... Значитъ, никакая свобода не приведетъ ихъ къ единенію съ православною Церковію, никакія правительственныя распоряженія не удовлетворятъ ихъ. Остается одно для удовлетворенія ихъ желанія: признать ихъ заблужденія вполне равноправными съ православнымъ исповѣданіемъ вѣры, дать имъ право распространять свои заблужденія, разрѣшить безпрепятственно строить храмы, подобные православнымъ, звонить въ колокола, совершать торжественные крестные ходы; австрійскимъ архіереямъ дозволить жить въ епархіальныхъ городахъ и свободно и торжественно¹⁾

¹⁾ А мы увѣрены, что все это у нихъ будетъ торжественно: они умѣютъ показать себя со стороны виѣшней.

развѣзжать по улицамъ и пр. Что же получится тогда? Вотъ тогда-то и возопіетъ православный русскій простодушный мужичекъ или благочестивая старушка: благодѣтели мои, какъ мнѣ отличить истинныхъ пастырей отъ людей, дѣло коихъ „горше есть самыхъ тѣхъ нечестивыхъ бѣсовъ во ангела свѣтла точію преобразующихся, но не сущихъ“ (Номокан. при Потребникѣ Филарета л. 57). Допустимъ, мы видимъ передъ собою и ксендза-католика, но онъ не лицедѣйствуетъ: каждый видитъ, что служить католикъ-ksenдзъ; какъ хочешь, такъ о немъ и судишь. „А вѣдь тутъ вотъ австрійскій попъ, мужикъ по сущности, поддѣлывается подъ православнаго священника. „Это—велія прелесть“ не ксендзу чета: „и болѣе смысленнаго“, чѣмъ православный мужичекъ или благочестивая старушка, „прельстить можетъ“. Но газ. „Гражданинъ“ говоритъ: „интересы государственныя народнаго объединенія могутъ, такъ сказать, конкурировать съ интересами церковными, потому что нашъ церковный расколъ не есть воинствующее противъ православной Церкви настроеніе, а оборонительное“ и т. д. (Гражд. № 87, 1901 г.). Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Соглашаясь съ „Гражданиномъ“ въ томъ, что неразумно, поддѣлываясь подъ настроеніе времени, требовать „свободы совѣсти для тѣхъ вѣроученій, которыя слагаются на почвѣ житейской разнузданности въ видѣ попытокъ поколебать авторитетъ православной Церкви въ ея союзѣ съ государствомъ или авторитетъ государства въ его единеніи съ Церковію“, мы не можемъ вполнѣ согласиться и съ нимъ. Не говоря уже о конкуренціи между Церковію и государствомъ, о коей не можетъ быть и рѣчи, ибо „Божія Богови, а кесарево кесареви“, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ, что „нашъ расколъ не есть воинствующее противъ православной Церкви настроеніе“. Онъ воинствуетъ не только противъ Церкви, но и противъ государства (іеговисты, странники, нѣтовцы и пр.) и даже противъ самого себя. Мы только что возвратились изъ поѣздки по Верхотурскому округу и лично убѣдились, что вездѣ идетъ усиленная недозволенная закономъ пропаганда всевозможныхъ заблужденій, направленная къ привлеченію въ единеніе съ пропагандистами. Даже въ такихъ пунктахъ, какъ Нижній-Тагиль, смотритель рудника, къ счастью, нынѣ уже смѣщенный, находилъ возможнымъ при существующей свободѣ назначать іеговистамъ

удвоенную плату въ сравненіи съ православными и глаголемыми старообрядцами, не обращая при этомъ вниманія на жалобы послѣднихъ. Нечего уже и говорить объ отдаленныхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, Вислено-Уткинскій заводъ. Если вѣрить слухамъ, тамъ прямо совершаются преступленія подъ прикрытіемъ проповѣди своихъ лжеученій. Недавно совершилось тамъ звѣрское убійство богатаго старообрядца Сторожова. Въ его обширномъ домѣ собирались послѣдователи всевозможныхъ толковъ побесѣдовать о вѣрѣ: въ числѣ ихъ бывалъ и накрытый старецъ (лже-монахъ). Нынѣ этого *накрытаго* старца, какъ говорилъ намъ мѣстный старшина, *накрыла полиція* по подозрѣнію въ убійствѣ Сторожова. Въ Черноисточенскомъ заводѣ существующая безъ надлежащаго разрѣшенія часовня въ настоящее время ремонтируется также безъ всякаго разрѣшенія. Даже въ Лайскомъ заводѣ, не такъ отдаленномъ отъ центра, въ только что было открывшемся скитѣ полиція арестовала какую-то мать Александру, въ числѣ другихъ проживавшую у старцевъ въ скитѣ, по подозрѣнію въ убійствѣ ребенка. А что творится въ какихъ-нибудь Галашкахъ, гдѣ проживаютъ Клименты, Пахоміи и др., только Богу извѣстно. Это ли еще не свобода! Чего еще нужно, мы положительно недоумѣваемъ. Узаконеніе со стороны правительства подобной свободы? Сохрани насъ Богъ отъ этого!

И кому намъ вѣрить въ подобныхъ случаяхъ,—газетнымъ ли толкамъ или требованіямъ жизни? Вотъ картинки изъ дѣйствительной жизни. Пріѣзжаемъ мы въ деревню Лаю, намъ жалуются часовенные старообрядцы, что ихъ тѣснятъ своей пропагандой послѣдователи австрійскаго согласія. Пріѣзжаемъ въ Екатеринбургъ. Здѣсь уже послѣдователи австрійскаго согласія жалуются на насъ, что мы, забывая законы, позволяемъ (!) вести свободную пропаганду нѣтовскихъ заблужденій какому-то пріѣхавшему изъ Саратовской губерніи Коновалову. Устраиваемъ собесѣдованія для обличенія будто бы насаженныхъ въ Екатеринбургѣ нѣтовскихъ или спасовскихъ заблужденій, слышимъ голоса уже съ другой стороны. Намъ пишутъ, что Коноваловъ проповѣдуетъ уже въ Шадринскомъ уѣздѣ, тамъ смущаетъ неопытныхъ въ св. Писаніи. Но благодареніе Господу Богу! Православному Шадринскому миссіонеру улатось прибыть во время

на бесѣду въ Шадринскъ и обличить лжеученіе Коновалова. Впрочемъ лжеучитель „гонимыхъ и во всемъ стѣсняемыхъ“ глаголемыхъ старообрядцевъ находитъ другой способъ для проповѣди своихъ заблужденій. Онъ устраиваетъ собраніе въ частномъ домѣ шадринскаго купца Мальцева. Сюда собирается масса глаголемыхъ старообрядцевъ и смиренно выслушиваютъ своего оратора, „земно“ кланяются ему, щедро награждаютъ деньгами, каждый отъ трудовъ своихъ, и просятъ не оставить разъяснить ихъ недоумѣнія, какъ смотрѣть а) на отложеніе земныхъ поклоновъ во все лѣто, кромѣ великаго поста, б) на допускаемые у нихъ сводные браки въ 7-й степени кровнаго родства, в) на неотлученіе за яденіе съ еретиками, г) на разбавленіе богоявленской воды, принесенной еще бѣглыми попами, коею у нихъ причащаютъ больныхъ, д) на нехраненіе до 8 степени духовнаго родства, е) на яденіе молока отъ новотельной коровы, і) на то, что мужчины бросаютъ своихъ сводныхъ женъ и пр.

Новый учитель все разрѣшаетъ своею мудростію, забывъ о существованіи св. Писанія; въ заключеніе онъ называетъ всѣ разности, существующія между безпоповцами, терпимыми, а самихъ совопросниковъ за ихъ вопросы называетъ публично „невѣжами“. При этомъ не преминулъ онъ и высказать свое авторитетное сужденіе о старообрядцахъ другихъ толковъ. Въ назиданіе австрійцевъ онъ назвалъ ихъ священство „фальшивымъ священствомъ“ ¹⁾, а въ назиданіе стариковцевъ говорилъ, „мужикъ мужику не можетъ передать власти совершати священная, должно быть истинное священство отъ св. апостоловъ“, а гдѣ это священство, не указаль ²⁾.

Не довольствуясь проповѣдію въ Шадринскѣ, нѣтовскій начетчикъ отправляется въ с. Житниковское, дабы и тамъ посвятить плевелы. Но—благодареніе Богу!—и здѣсь во время

¹⁾ По этому поводу намъ вспомнились слова другого извѣстнаго безпоповщинскаго наставника Бабушкина: „Безпоповщинскій наставникъ не лицедѣйствуетъ,—служить мужикомъ; каждый видитъ, что служить мужикъ.—какъ хочешь, такъ о немъ и судишь. А австрійскій попь, мужикъ по сущности, поддѣлывается подъ православнаго священника. Это велія прелесть,—не безпоповству чета: и болѣе смеленнаго можетъ прельстить“.

²⁾ Такъ свидѣтельствуется очевидецъ бесѣды.

его встрѣчаетъ шадринскій окружный миссіонеръ о. Левъ Заваринъ. 9 ноября въ часовнѣ глаголемыхъ старообрядцевъ, въ присутствіи многихъ слушателей, миссіонеръ облачаетъ лжеучителя въ искаженіи словъ божественнаго и свято-отеческаго Писанія.

Это ли не свобода! Это ли не свобода пропаганды самыхъ нелѣпныхъ лжеученій! Какой еще нужно свободы! Такой свободой не пользуется ни одинъ изъ православныхъ гражданъ Россійской Имперіи. Какой православный священникъ или церковный староста рѣшится начать постройку или ремонтъ церкви или ограды и пр. безъ надлежащаго на то разрѣшенія губернскаго строительнаго комитета? А у глаголемыхъ старообрядцевъ, гонимыхъ кѣмъ-то, такія постройки производятъ безъ всякаго на то разрѣшенія. Даже оффиціальныя лица, напр., благочинные православныхъ церквей устраиваютъ свои собранія съ разрѣшенія установленной на то власти, а какой-то Коноваловъ пользуется привилегіями... Пусть попробуетъ только кто-нибудь изъ православныхъ начать устроить соборы, подобные тѣмъ, кои устраиваетъ, развѣжая по разнымъ губерніямъ, Коноваловъ, мы увѣрены, что онъ былъ бы сразу остановленъ. А глаголемымъ старообрядцамъ, „этимъ обиженнымъ и тѣснимымъ“, все возможно!..

Екатеринб. Епарх. мисс. А. Обтемперанскій.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

По поводу замѣтки о 67 псалмѣ.

Въ ноябрьской книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ помѣщена замѣтка миссіонера Булгакова съ возраженіемъ на безсмысленное толкованіе, придаваемое какимъ-то штундистомъ 22-му стиху 67 псалма, въ коемъ, по русскому переводу, сказано, что Богъ сокрушитъ „волосатое темя“ законѣлаго въ своихъ беззаконіяхъ.

Эти слова „волосатое темя“ невѣжественный сектантъ относитъ къ православнымъ священникамъ, носящимъ длинные волосы.

Лучше и благоразумнѣе было бы оставлять такого рода аргументацію фанатическаго невѣжды безъ всякаго возраженія, тѣмъ болѣе безъ доказательствъ того, что слова псалма о волосатомъ темени не имѣютъ примѣненія къ священно-служителямъ, носящимъ длинные волосы.

Эта нелѣпость стоила бы развѣ филологической замѣтки о разныхъ переводахъ того стиха, въ коемъ на русскомъ языкѣ употреблено выраженіе: *волосатое темя*. Вѣрнѣе, проще и выразительнѣе славянское: „верхъ власъ“. Этому соотвѣтствуетъ выраженіе и нѣмецкаго перевода „Haarschädel“ и англійскаго „hairy scalp“.

Можно бы и еще замѣтить, съ какою осторожностью слѣдуетъ при истолкованіи священнаго текста подвергать интерпретаціи каждую его букву, отыскивая въ ней скрытое таинственное или пророческое значеніе. Это система еврейской каббалы, несвойственная христіанскому духовному воззрѣнію.

67-й псаломъ съ самыхъ древнихъ временъ служилъ предметомъ такого изысканнаго буквального таинственнаго толкованія, представляющаго въ этомъ смыслѣ донинѣ непреоборимыя трудности. Въ 14-мъ столѣтіи знаменитый

итальянскій раввинъ и поэтъ Эммануиль бенъ Саломонъ, современникъ и другъ Данта, написалъ по образцу „Божественной Комедіи“ еврейскую поэму: *Рай и Адъ*. Здѣсь, между сценами рая, изобразилъ онъ царя и пророка Давида въ сонмѣ ученѣйшихъ комментаторовъ, предлагающаго имъ разрѣшить загадку таинственного смысла 67-го псалма, — и толкованіе ученаго Эммануила удостоено похвалы царя и псалмиста Давида. Извѣстно однако, что не всѣ псалмы, помѣщенные въ Псалтири, принадлежатъ Давиду, и псаломъ 67-й едвали возможно отнести къ нему, такъ какъ въ этомъ псалмѣ упоминается храмъ Іерусалимскій (30), говорится о возвращеніи разсѣянныхъ іудеевъ (23), о Египтѣ и другихъ народахъ, взывающихъ о помощи (31—32). Этотъ псаломъ преисполненъ указаній на событія изъ разныхъ эпохъ въ исторіи евреевъ, и невозможно опредѣлить время, къ которому отнести его, а потому крайне трудно его истолкованіе. Но то несомнѣнно, что въ немъ мы видимъ восторженное-лирическое изліяніе еврейскаго патриотизма, несмотря на всѣ народныя бѣдствія и погромы, непреклонно вѣрующаго въ конечное торжество своего избраннаго племени. Самый первый стихъ псалма „да воскреснетъ Богъ“ есть буквальное повтореніе 34 стиха книги Числъ изъ глѣсни Моисея, при поставленіи кивота завѣта въ пустынь. Слѣдующіе стихи прославляютъ выходъ избраннаго народа изъ Египта (а можетъ быть изъ Вавилона), причемъ 8 и 9 стихи явно взяты изъ книги Судей (V, 4.5) и Второзак. (XXXIII, 2). Стихи 14 и 15 напоминаютъ побѣды израильтянъ въ періодъ судей. Ст. 16—18: наконецъ готовится побѣдный престоль Богу Израилеву. Высокія горы, считавшіяся горами Божими, должны уступить честь Сіону; туда восходитъ побѣдное шествіе съ тмами колесницъ и съ плѣнными: покоряются и мятежные. Съ 20 стиха идетъ пророчество будущихъ торжествъ Израиля и гибель враговъ его: они не спасутся и въ дебряхъ Васона, и въ глубинѣ морской. Ст. 25—28: картина торжественнаго царственнаго шествія. Въ ст. 28 перечисляются колѣна, вошедшія въ составъ Іудей и Галилеи, двухъ правобѣрныхъ областей позднѣйшаго періода. Въ послѣдующихъ стихахъ вдохновенный глѣвецъ простираетъ свое провидѣніе будущихъ торжествъ Израиля еще далѣе — во времена царей египетскихъ и эіопскихъ.

К.

Что нужно разумѣть подъ „лѣтомъ Господнимъ пріятнымъ“?

(По поводу неправильнаго толкованія этихъ словъ послѣдователями „Спасова согласія“).

Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя благовѣстити нищимъ, посла мя исцѣлити сокрушенныя сердца; проповѣдати плѣннымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе; отпустити сокрушенныя во отраду; проповѣдати лѣто Господне пріятно (Ис. 60, 1, 2. Лук. 4, 18).

Въ этомъ текстѣ глаголемые старообрядцы Новоспасова согласія ¹⁾ подъ „лѣтомъ Господнимъ“ разумѣютъ опредѣленное время пребыванія благодати Божіей во св. Соборной и Апостольской Церкви, и не далѣе какъ до 1666 года, послѣ коего Церковь, по ихъ мнѣнію, перестала быть спасительною и благодатною. Въ основаніе своего мудрованія они приводятъ: а) изъ *Большаго Сборника* оглавленіе 3-го слова блаженнаго Ипполита, папы Римскаго, въ недѣлю мясопустную; б) изъ *Книги о правой вѣрѣ* изреченіе неизвѣстнаго писателя: „вельми приближимся къ концу свѣта“ (268 л.); в) изъ *Маргарита* св. Іоанна Златоустаго слова: „видѣли, колико грѣхопаденіе отъ лѣтняго невѣдѣнія бысть“ (л. 177); „елико же отъ лѣтъ прибитокъ есть познаваемымъ и елика пакость есть невѣдомымъ, нужно есть рещи“ (л. 176); и наконецъ г) изъ *Учительнаго Евангелія* слова: „егда бо прямо числа во истину молва будетъ и конецъ уже бѣдамъ и злу взираетъ: и ктому плавающимъ невозможно есть терпѣти потопа, тогда убо токмо подобаетъ намъ притекати ко всесильному и милостивому Богу моленіемъ прилежнымъ и теплыми слезами“. Основываясь на этихъ мѣстахъ, вышеупомянутые старообрядцы полагаютъ возможнымъ получить послѣ 1666 года спасеніе только въ отдѣленіи отъ св. Церкви православною, надѣясь на Спасову милость.

¹⁾ Разумѣются старообрядцы деревни Мишагиной; см. Екатеринбург. Е. В. № 22, 1901.

Прежде чѣмъ опредѣлить, что надо разумѣть подь лѣтомъ Господнимъ пріятнымъ, мы разсмотримъ основанія, приводимыя „спасовцами“.

Въ оглавленіи слова Ипполита „о скончаніи міра и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Іисуса Христа“ подь словами „о скончаніи міра“ спасовцы разумѣють прекращеніе міра общественнаго, т. е. согласія и любви, а не міра—вселенной. Такъ они толкуютъ эти слова, основываясь на томъ соображеніи, что въ приведенномъ оглавленіи прежде сказано „о скончаніи міра“, а потомъ уже „о пришествіи антихриста“. Прежде, говорятъ они, изсякнетъ миръ—согласіе и любовь, а потомъ уже придетъ антихристъ. Если же подь „скончаніемъ міра“ разумѣть скончаніе міра—вселенной, тогда выходитъ, что видимый міръ кончится прежде пришествія антихриста, и приходъ его поэтому будетъ напрасень. Но если мы обратимъ вниманіе не на заглавіе, а на самое содержаніе слова Ипполитова, то увидимъ, что въ этомъ словѣ прежде всего описываются, въ согласіе евангельскому ученію (Мѣ. 24 гл.), событія, предшествующія пришествію антихриста и второму Христову пришествію, а именно: пророчества (Исаи, Осіи, Амоса и др.) о времени антихриста, явленіе антихриста и бѣдствія, имѣющія быть во дни антихриста, когда 1260 дней будутъ проповѣдывать Ілія, Енохъ и Іоаннъ Богословъ; происхожденіе антихриста отъ колѣна Данова, рожденіе его отъ дѣвицы, возстановленіе имъ церкви для іудеевъ, кои поставятъ его царемъ, прекращеніе царства его чрезъ 3½ года и, наконецъ, скончаніе видимаго міра; затѣмъ говорится о второмъ славномъ пришествіи Господа и страшномъ судѣ. Въ такомъ же порядкѣ должны произойти эти событія и по откровенію св. Іоанна Богослова (см. Толкованіе Андрея Кесарійскаго, 2 и др. главы). А мы видимъ, что ни предтечи еще не приходили, ни самый міръ не кончился.

Неправильно ссылаются спасовцы въ подтвержденіе своего ученія о прекращеніи съ 1666 г. благодати въ Церкви и на слова *Книги о отртѣ*: „вельми приближихомся къ концу свѣта“ (268 л.) и „кто вѣсть, аще въ сихъ лѣтѣхъ 1666 явственныхъ предотечевъ его, или того самого антихриста не укажетъ (270 л.); „по исполненіи лѣтъ числа 1666 не поотребно и намъ отъ сихъ винъ опасеніе имѣти, да не нѣкое

бы что зло пострадати по преждереченнымъ“ (271). При внимательномъ разсмотрѣніи сихъ словъ, нельзя не замѣтить, что писатель высказываетъ свое мнѣніе о пришествіи антихриста предположительно и даже съ сомнѣніемъ. Сначала онъ говоритъ: „но и самъ близъ есть по числу еже о немъ, 666“. Говоря о самомъ антихристѣ, онъ не прибавляетъ тысячи, да и прибавить ее нельзя, ибо въ Писаніи нигдѣ это число не соединяется съ тысячею. Когда же оба эти числа писатель соединяетъ во едино, то и самъ уже ничего опредѣленнаго объ антихристѣ не говоритъ, но выражается предположительно: *кто вѣсть* (знаетъ), *аще въ сихъ лѣтѣхъ... 1666 явственныхъ предотечъ его или того самого не укажетъ*“. Значить, онъ не знаетъ опредѣленно, кого именно, самого ли антихриста, или явственныхъ предотечъ его укажетъ предполагаемое имъ время. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ онъ довольно явственно говоритъ, что его предсказаніе относится не къ явленію антихриста, а къ могущему послѣдовать частному отпаденію православныхъ отъ Восточной Церкви. Замѣтивъ, что „по 1000 лѣтѣхъ пораженъ повѣтріемъ Западъ“, а „по тысящномъ лѣтѣ, егда 595 дождаше, явственно бысть отступленіе и прельщеніе нарицающихся юнатовъ отъ святаго восточнаго Церкви къ западному костелу“, онъ высказываетъ опасеніе, какъ бы по исполненіи 1666 лѣтъ не произошло чего-либо подобнаго и въ нашей Церкви. „Оберегая сіе пишу“, говоритъ онъ, „егда исполнится 1666 лѣтъ, да не чтобы отъ прежде бывшихъ винъ зло нѣкако не пострадати“, т. е. какъ бы въ это время не послѣдовало отступленія и русскихъ христіанъ отъ Восточной Церкви. Но если отъ Восточной Церкви кто и отступилъ въ 1666 г., то это сдѣлали предки самихъ глаголемыхъ старообрядцевъ. Такимъ образомъ, писатель *Книги о вѣрѣ* указываетъ свое частное мнѣніе, основываясь на буквальномъ пониманіи апокалипсической тысячи лѣтъ, на которую связанъ сатана, и послѣ которой будетъ разрѣшенъ на малое время. Но подъ тысячею, по толкованію св. Андрея Кесарійскаго, нужно разумѣть не десять сотенъ, но неопредѣленное и неизвѣстное число лѣтъ. „Тысячу лѣтъ, говоритъ онъ,—не всяко толика числомъ разумѣвати благоразумно есть. Ниже бо о нихъ же глаголетъ Давидъ: слово еже заповѣда въ тысящныя роды (Пс. 104, 8), десятищи сто сія числити можемъ,

но многія множествомъ. „Сиче убо и здѣ“ (*Толк. Апокал.*, гл. 20, стр. 96). А число 666 означаетъ не число лѣтъ, а число антихристовъ имени, сокрытое подъ этими цифрами, ибо „не изволи Божія благодать во святыхъ книгахъ написану быти пагубному имени“ (*Ап.* 13 гл.). Такъ въ *Книжѣ Кирилловой* число имени „Марія“ указывается такъ; „дважды 70, дважды 6, т. е. $(70 \times 2) + (6 \times 2) = 152$. Въ имени Марія дѣйствительно заключается это число: $M=40$; $a=1$; $p=100$; $i=10$; $a=1$; $40+1+100+10+1=172$. Такимъ образомъ нѣтъ основаній соединить эти два числа. Очевидно поэтому, что и слова писателя: „еще кто достигнетъ тѣхъ временъ, на брань съ самимъ дьяволомъ“ относятся не къ 1666 году, а ко временамъ послѣдняго антихриста, котораго писатель только предъ этимъ изобразилъ, сказавъ: „а той антихристъ человекъ будетъ, беззаконія сынъ, и родится... отъ дѣвицы нечистыя, жидовки сущія, отъ колѣна Данова“ (270 л.)

Неправильно понимаютъ спасовцы и слова св. Иоанна Златоустаго въ *Маргаритѣ*: „елико не отъ лѣтъ прибытокъ есть познаваемымъ и елика покость невѣдомымъ нужно есть рещи“ (176 л.), и ниже: „Отсюду намъ и ко іудеомъ окаяннымъ указанія многа о истиннѣхъ суть, ко іудеомъ... лже ради *лѣтъ* невѣднннн великое согрѣшеніе согрѣшиша, аще бо быша познали патріарху Іакову глаголющу не оскудѣтъ князь отъ Іуды... и аще быша назирали со опасствомъ пришествія времена. Не хотяху отъ Христа отпадше, антихристу впасти... видѣ ли, колико грѣхопаденіе отъ лѣтняго невѣднннн бысть“ (107 л.)... Приведенныя мѣста, не имѣя никакого отношенія къ словамъ „лѣто Господне пріятно“, не подтверждаютъ и ученія спасовцевъ о временномъ присутствіи благодати Св. Духа въ Церкви до 1666 г. Не понимая смысла приведеннаго мѣста, основываясь только на томъ, что здѣсь говорится о какомъ-то *лѣтѣ*, и забывая, что тутъ не велѣно и разумѣть это лѣто, спасовцы деревни Мишагиной хотятъ видѣть здѣсь указаніе на лѣто 1666 года, въ которое будто бы и произошло великое согрѣшеніе. Но если мы внимательно и съ толкомъ прочитаемъ все слово „о серафимѣхъ“, то увидимъ, что св. Златоустъ говоритъ здѣсь о событіяхъ, сбывшихся въ то или другое время и имѣющихъ значеніе для изясненія пророческихъ сказаній о Божіемъ домостроительствѣ. Нужно, говорить св. Златоустъ,

разумѣть, къ какому времени то или другое пророчество или событіе относится. Возьмемъ для примѣра изреченіе трехъ отроковъ въ печи вавилонской—Ананіи, Азаріи и Мисаила: „И нѣсть во время сіе князя и пророка и вождя: ниже всесожженія, ниже жертвы, ниже приношенія, ниже кадила, ни мѣста, еже жрети предъ Тобою“ (Дан. 3, 38). Въ этихъ словахъ нѣкоторые изъ старообрядцевъ видѣли указаніе, по подобію прекращенія ветхозавѣтныхъ жертвъ, на прекращеніе и благодати новозавѣтной, совершенно упуская изъ вниманія слова пророка Даниила „во время сіе“, указывающія, что слова отроковъ относятся ко времени пребыванія ихъ въ плѣну вавилонскомъ, а не вообще къ судьбамъ народа іудейскаго. Если мы обратимъ, какъ совѣтуетъ св. Златоустъ, должное вниманіе на обстоятельства времени, въ которое сказаны приведенныя слова, то увидимъ, что святые отроки сказали свои слова въ осьмое-надесять лѣтъ царствованія Навуходоносора, будучи ввержены въ печь горящую (Дан. гл. 3), тогда какъ храмъ Іерусалимскій разрушенъ и сожженъ въ девятое-надесять лѣто Навуходоносора (4 Царст. гл. 25), да и на развалинахъ храма, послѣ его разоренія, приносились жертвы (Іереміи гл. 40 и 41). Значитъ, слова отроковъ: „нѣсть во время сіе... ниже всесожженія, ниже жертвы ниже приношенія“ и пр. только и могутъ относиться къ ихъ положенію и состоянію въ Вавилонѣ. То же нужно сказать и объ изреченіяхъ изъ *Мартарита* св. Іоанна Златоустаго. На стоящія въ началѣ слова „о серафимѣхъ“ слова: „и бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесенѣ“ (Ис. 6, 1)—обыкновенно не обращаютъ вниманія, между тѣмъ слова эти имѣютъ такое же значеніе, какъ и вышеприведенныя слова пророка Даниила: „во время сіе“. Извѣстно, что Озіа, опьяненный успѣхомъ своихъ дѣлъ, сталъ превозноситься выше своего достоинства. Будучи царемъ, онъ подумалъ, что ему позволительно священнодѣйствовать, вторгся во храмъ, вошелъ во Святое Святыхъ и, когда священникъ препятствовалъ и запрещалъ ему входить туда, онъ не остановился, но продолжалъ безумствовать, пренебрегая словами священника. За такое безстыдство Богъ поразилъ его проказою на челѣ, такъ что онъ, пожелавъ чести больше принадлежащей, потерялъ и ту, какую имѣлъ,—не только не получилъ свя-

щенства, но, сдѣлавшись нечистымъ, лишился царства и со стыда все время проживалъ тайно въ нѣкоторомъ домѣ (2 Пар. гл. 26). вмѣстѣ съ нимъ и весь народъ испыталь гнѣвъ Божій за то, что презиралъ законы Божіи и не защищалъ оскорбляемаго священства. Гнѣвъ этотъ проявился въ томъ, что сократились пророчества, и разгнѣванный Богъ не давалъ вопрошающему народу никакого отвѣта. Впрочемъ, Онъ сдѣлалъ это не навсегда, но продолженіемъ жизни царя ограничилъ и продолжительность наказанія. Когда этотъ царь окончилъ жизнь, тогда и Богъ прекратилъ Свой гнѣвъ и опять отверзъ дверь пророчества. Указывая на это, пророкъ напомнилъ намъ о времени смерти царя (толк. св. I. Злат.). Вотъ объ этихъ-то временахъ св. Златоустъ и напоминаетъ: „видѣ ли, koliko грѣхопаденіе отъ лѣтняго невѣдѣнія бысть... достойно есть рещи къ вамъ, кто бѣ той Озія и когда воцарися и кіими царствова и koliko тому бысть начальства время и како житіе сконча“ (177 л. об.).

Наконецъ, не оправдываютъ пониманія спасовцами „лѣта Господня“ и мѣста изъ *Учительнаго Евангелія*: „егда бо *прямо числа* воистину молва будетъ“ и выше: „и ты сущія супротивныя волны на святыи сей корабль (Церковь Христову) нападаютъ“. Если мы прочитаемъ поученіе изъ *Учительнаго Евангелія* сполна и сравнимъ его съ толкованіемъ на евангельскія слова объ укрощеніи бури (Лук. 8, 20—24. Благ. л. 73 об.), то увидимъ, что тутъ *говорится* не о числѣ лѣтъ, а о числѣ, или крайнемъ множествѣ молвы, т. е. бѣдъ. Это соотвѣтствуетъ и евангельскому сказанію. Апостоловъ въ кораблѣ постигалъ конецъ вѣры, т. е. имъ угрожало потопленіе. Учитель, какъ сказано въ толкованіи, „остави я смутитися, да явѣ будетъ сила Его“. Этому совершившемуся надъ апостолами чуду толкователь уподобляетъ чудо существованія Церкви Божіей. Корабль—это Церковь Божія, имѣющая присно сплывающаго Христа. На этотъ корабль, т. е. Церковь, какъ и на тотъ, на которомъ плавалъ Христосъ съ учениками, возстаютъ волны безчисленныя и напасти, приближающія *сущихъ на немъ* даже къ страху смертному. Христосъ же, хотя сплываетъ съ вѣрующими, но обрѣтается подобно дремлющему и попускаетъ Церкви своей страдать, дѣлая это по устроченію челоувѣколюбія своего, а не по отвращенію. Когда же приближается конецъ бѣдамъ, т. е. когда корабль цер-

ковый близокъ къ потопленію и мы прибѣгаемъ ко Христу, то Онъ единымъ мановеніемъ утишаетъ бурю и избавляетъ Церковь Свою отъ бѣды, какъ бы ни велико было число ихъ. Такъ было во времена аріанства, иконоборчества и др. Эти же волны, сирѣчь бѣды, возставали на Церковь Христову и по тысячномъ лѣтѣ отъ воплощенія Бога Слова и въ пяти-сотное же девяносто пятое лѣто по тысячи и во время книжнаго исправленія въ 1654—1656 г.г. А 1666-й годъ прошелъ спокойно и въ этотъ годъ никакого оторванія ни отъ восточной, ни отъ русской Церкви не было. Возстаютъ волны на св. Церковь и въ наше время, напр., въ Турціи, Китаѣ, да, наконецъ, и въ самой Россіи чрезъ разныхъ лжеучителей и расколо-сектантовъ, но Иисусъ Христосъ, невидимо пребывающій со Своею Церковію, спасаетъ ее.

Такимъ образомъ именуемые старообрядцы основываютъ свои мудрованіе о временномъ присутствіи благодати св. Духа въ Церкви не далѣе 1666 года не на прямомъ указаніи Слова Божія и святоотеческаго писанія, а на догадкахъ и предположеніяхъ, извлекаемыхъ ими изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ изреченій.

Показавъ несостоятельность основаній для заключенія о пребываніи благодати св. Духа въ Церкви Христовой до 1666 года, мы приведемъ и свидѣтельства о томъ, что *Духъ Святый* долженъ вѣчно пребывать *во Святой Церкви*, сохранять ее и во святынѣ соблюдать. Въ Евангеліи прочитаемъ: Мѡ. 16, 18; 28, 20; Іоан. 14, 16; Лук. 21, 32—33; Ефес. 3, 21; Еф. 4, 11—13. „Врата адовы не одолѣютъ ей (Церкви), сирѣчь по временахъ бывающіе *гонители*... *Еретицы* же суть врата адовы, во адъ низводяща: многимъ бы гонителемъ и многимъ еретикомъ одолѣ Церковь... врата адовы, сирѣчь *ириси* не одолѣютъ Церковь“ (*Благов. Матѡ. л. 138*), „Аминь глаголю вамъ, яко не преидеть родъ сей, дондеже вся сія будутъ; родъ рече не тогда сущій, но родъ весь христіанскій вѣрный... понеже бо мятежи и рати, и измѣненію рече быти стихіямъ и вещемъ, да нещуютъ нѣщцы, егда христіанство разорится, но пребываютъ; аще и вся двигнутся, но о мнѣ вѣра не оскудѣетъ, являетъ же здѣ, яко Церковь честнѣйши имать всѣхъ тварей, ибо аще и тварь измѣнится вѣрныхъ же Церкви и словеса ея и Евангеліе никогда же“ (*Благов. Еван. Лук. л. 224; ср. Бесѣды Апост. Злат. 574 и*

1639; *Толков. апост.* л. 790; *Кирил.* 93 л. об.). „По Господню обѣщанію: се Азъ въ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, отнюду же едино есть Святая Каеолическая Соборная и Апостольская Церковь *Духомъ Святымъ начата* и основана апостолы бѣ, и есть, и будетъ“ (*Книга о прав. вѣрѣ*, л. 10 об.). Вотъ сколько свидѣтельствъ Слова Божія о вѣчности св. Церкви и о присутствіи въ ней благодати Св. Духа! Можно бы и еще привести много, но для вѣрующаго и приведенныхъ достаточно...

Теперь обратимся къ святоотеческимъ писаніямъ за разъясненіемъ этого пророческаго и евангельскаго изреченія.

По 19 прав. 6 вс. собора изъяснять Божественное Писаніе должно такъ, какъ божественніи отцы достигоша. Блаженный Теофилактъ Архіеп. Болгарскій, толкуя приведенныя слова въ Евангеліи (Лук. 13 зач. л. 40), пишетъ: „яко Духъ Господень помаза мя, сирѣчь уготова и устрои мя благовѣстити нищимъ, рекше языкомъ, иже ни закона ни пророкъ имяху: воистинну въ велицѣхъ нищетѣ быша... проповѣда же *лѣто пріятно*. Что же бѣ лѣто пріятно? *Будущій вѣкъ*: о немъже проповѣда Господь, глаголя: во онъ день не вопрошаста мене ничтоже: и паки грядетъ година, егда мертвіи возстануть. *Пріятно* же есть *лѣто* оно; сирѣчь *любимо праведными*, егоже чають вси дѣлающіе здѣ. Есть же и Господня пришествія лѣто, о немъ же Павелъ глаголетъ: нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія“.

Въ *Учительномъ Евангеліи* о томъ же св. Златоустъ пишетъ: „*Лѣто* Господне пріятно проповѣда Христосъ *будущаго вѣка*, о немъже глагола ученикомъ, во онъ день не просите мя ничтоже. И паки грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласа моего, и изыдутъ благая сотворшии на воскресеніе живота, сотворшая же лукавая на воскресеніе суда. *Пріятно* убо есть лѣто оно и возжелѣнно *праведнымъ*, егоже чають и ожидаютъ, еже содѣлаша и пострадаша будущаго ради наслажденія и жизни. Ктому же и плотскаго пришествія Христова лѣто пріятно, о немъ же Павелъ глаголетъ: нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія“.

Вотъ какъ разумѣли св. отцы и учителя Церкви о лѣтѣ благопріятномъ! Такъ разумѣть должны и мы.

Окружный миссіонеръ священникъ *Левъ Заваринъ*.

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

Мысли свѣтскаго человѣка по поводу отвѣта Л. Н. Толстого Св. Синоду.

„А вы не называйтесь учителями; ибо одинъ у васъ Учитель—Христосъ, всѣ же вы братья. И не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ“ (Ев. Матѣ. XXIII, 8—10).

ПРОЧИТАВЪ отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановленіе Св. Синода объ отлученіи его отъ Церкви, я понялъ, на чемъ основываются толстовскія лжеученія. Лжеученія эти основаны на томъ, что Толстой 1) имѣетъ *одностороннее, узкое, материалистическое* понятіе о Богѣ и 2) возвышенное, ложное представленіе о природѣ человѣка. О томъ, что такое Богъ, какимъ путемъ управляетъ Онъ міромъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ и т. п., *существуютъ два* воззрѣнія: *раціоналистическое* съ его под-видами, *позитивизмомъ* и *материализмомъ*, и *идеалистическое*. Первое воззрѣніе поставляетъ исходной точкой разумъ, или вѣрнѣе, представленіе человѣческое и, основываясь на опытной наукѣ (оцѣживающей комара, верблюда же поглощающей), признаетъ только то, что доступно нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, что можно посадить въ банку и изслѣдовать тѣмъ или другимъ путемъ, т. е. отрицаетъ невидимое, невѣсомое, неоощаемое; всѣ явленія породы, по этому воззрѣнію, совершаются по извѣстнымъ вѣчнымъ, неизмѣняемымъ законамъ всегда и только такъ; чудесъ нѣтъ — это основное положеніе научнаго раціонализма.

Въ человѣкѣ міровоззрѣніе это видитъ одну только плоть, а душевные процессы рассматриваетъ, какъ функцію

этой плоти; все то, что противорѣчитъ этому, какъ то: Воскресеніе Христово, Его чудеса, превышающія разумъ человѣческой и т. п., безусловно отрицается.

Идеалистическое воззрѣніе, основываясь на высшемъ разумѣ, на способности человѣка къ отвлеченному мышленію— абстракціи, допускаетъ существованіе невѣсимаго, невидимаго вещества, признаетъ Высшій Разумъ, какъ нѣчто обособленное, все наполняющее, способное все видѣть, все слышать, вездѣсущее; что создало міръ, частица чего обитаетъ въ каждомъ человѣкѣ и отличаетъ его отъ животнаго, что вложило въ матерію извѣстные законы, въ общемъ неизмѣнные, но въ частныхъ случаяхъ можетъ ихъ и измѣнять, тамъ, гдѣ найдетъ это нужнымъ; міровоззрѣніе это признаетъ, слѣдовательно, чудеса, т. е. явленія, совершающіяся вопреки законамъ природы. Чувства человѣка по этому міровоззрѣнію, — несовершенный органъ, могущій дать не абсолютное понятіе о вещахъ, а только субъективное; такъ же не совершенное и субъективное представленіе человѣка.

Въ которомъ изъ этихъ воззрѣній заключается абсолютная истина—это во всякомъ случаѣ вопросъ нерѣшенный. Положенія матеріалистовъ строго не доказаны; ихъ отрицанія основаны не на томъ, что невозможность существованія даннаго чуда доказана, а на томъ только, что это противорѣчитъ ихъ недоказаннымъ основнымъ положеніямъ. Отрицая чудесное, матеріалисты не могутъ однако объяснить трехъ основныхъ и величайшихъ чудесъ: созданія міра, появленія жизни, появленія разумнаго существа среди безсловесныхъ.

А развѣ доказана невѣрность другихъ чудесъ, развѣ доказано, что Христосъ не воскресъ, что Лазаря Христосъ не воскрешалъ и т. д.?

Нѣтъ, это отрицается потому только, что противорѣчитъ ихъ гипотезамъ, ихъ человѣческому представленію. Возьмемъ самый разительный примѣръ—евангельское представленіе о бѣсноватыхъ. Для современнаго матеріалиста это—не требующій никакихъ доказательствъ *абсурдъ*; но доказано ли, извѣстно ли *точно*, въ чемъ заключается сущность *эпилепсии*, истеріи и другихъ душевныхъ заболѣваній? Нѣтъ, не доказано. Не только сущность, а даже *механизмъ* ихъ не извѣстенъ; а если это такъ, то и евангельское воззрѣніе на нихъ не опровергнуто. А сколько другихъ фактовъ и явлені-

ній, гдѣ извѣстенъ только *механизмъ*, а люди думаютъ, что узнали сущность; да и вообще такъ называемая точная *позитивная* наука едва ли въ состояніи раскрыть намъ большее, чѣмъ *механизмъ* явленій. Возьмемъ точную, повидимому, науку, способную *дѣлать* предсказанія, — *астрономію*; она точно изучила законы движенія небесныхъ тѣлъ, но знаетъ ли она, что представляютъ изъ себя разсѣянные въ міровомъ пространствѣ многочисленные міры, представляющіеся нашему глазу въ видѣ отдѣльныхъ свѣтящихся точекъ — звѣздъ? Какая тамъ жизнь, тѣ ли законы жизни, что и въ нашей солнечной системѣ? Можетъ ли она сказать, что тамъ, надъ этимъ небомъ, нѣтъ другого „неба небеси“? А вѣдь это еще только внѣшняя сторона, а если коснуться сущности, — спросить, откуда это все взялось и такъ мудро и чудно устроилось, то въ позитивной астрономіи не найдемъ на это отвѣта, кромѣ дѣтски наивной, способной удовлетворить развѣ умъ 15-тилѣтняго гимназиста, гипотезы о томъ, что неизвѣстно откуда взявшаяся расплавленная матерія, подъ влияніемъ тоже неизвѣстно откуда взявшейся неразумной силы, завертѣлась вокругъ своей оси, центробѣжной силой разорвалась на отдѣльные куски, которые тоже стали вертѣться и... превратились сами собой въ чудные населенные міры.

Обходя науки біологическія, представляющія въ своей общей, нефактической части рядъ поспѣшныхъ обобщеній, гипотезъ, часто просто фантазій, смѣняющихся чуть не каждое десятилѣтіе и уже во всякомъ случаѣ рѣдко переживающихъ свое поколѣніе, обратимся къ другой точной наукѣ — физикѣ; возьмемъ ученіе о свѣтѣ. Пока она изучаетъ механизмъ этого явленія, законы распространенія свѣта и проч., она остается строго позитивной наукой, но лишь только она вздумаетъ заглянуть поглубже, узнать, въ чемъ сущность свѣта, она должна допускать невѣсомое, неоощуцаемое; она приходитъ къ тому заключенію, что все міровое пространство наполнено особой невѣсомой, слѣдовательно, не подчиняющейся закону всеобщаго тяготѣнія жидкостью, свѣтовымъ эфиромъ, который мы можемъ познать, слѣдовательно, одной только абстракціей. Бѣда вся въ томъ, что мы думаемъ, что очень многое теперь знаемъ, тогда какъ въ сущности ничего хорошенько не знаемъ.

Толстой — матеріалистъ, а потому отрицаетъ чудесное въ

Евангеліи: Божество Иисуса Христа, таинство воплощенія, воскресенія и т. п., но доказать, конечно, этого не можетъ онъ. Самъ Божественный Учитель Христосъ и Церковь преподають идеальное воззрѣніе на міръ. Кто правъ—Толстой или Христосъ, матеріалисты (Контъ, Милль, Спенсеръ и др.) или идеалисты (Платонъ, Лейбницъ, Вл. Соловьевъ), наша интеллигенція или первые христіане, святители и отцы Церкви, которымъ уже, конечно, нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ глубокомысліи, ни въ искренности,—это, я думаю, для самого Льва Николаевича должно по меньшей мѣрѣ представляться вопросомъ, надъ которымъ можно задуматься. Для вѣрующаго христіанина тутъ нѣтъ вопроса, ибо гдѣ Христосъ, тамъ и истина; невѣрующій же пусть задумается, доказана ли подлинно невозможность всего того, что онъ отрицаетъ? Отрицаніе таинствъ и обрядовъ основано на незнаніи духовной природы человѣка.

Не ѣсть мяса, которое вредно, немного отъ скуки поработать физически, быть цѣломудреннымъ въ 60—80 лѣтъ, отказаться отъ имущества, перевесть состояніе на имя жены, пользуясь однако прежними удобствами и не имѣя ни въ чемъ нужды,—всѣ эти подвиги не особенно трудные; но если бы Левъ Николаевичъ вздумалъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ исполнить заповѣди Христовы, въ такихъ, напри- мѣръ, какъ это дѣлали святые; если бы онъ попробовалъ вступить въ борьбу съ наиболѣе сильными человѣческими страстями, какъ-то: гордость, самолюбіе, самомнѣніе, желаніе, чтобы о тебѣ хорошо говорили, что все въ концѣ концовъ препятствуетъ истинной любви къ ближнему; если бы онъ добрыми дѣлами сталъ считать не только тѣ, которыя ведутъ къ пользѣ ближняго, но и исходятъ изъ добрыхъ, альтруистическихъ побужденій, а не изъ самолюбія, тщеславія, боязни человѣческаго осужденія и т. п.; если бы онъ понялъ постоянную внутреннюю ложь, оправдывающую наши въ сущности дурные поступки, и пожелалъ бы достигъ истиннаго совершенства, а не того, которое только себя таковымъ называетъ,—совершенства преподобныхъ,—то право Л. Н. убѣдился бы, насколько трудно это, насколько окаяненъ и немощенъ въ борьбѣ съ своимъ окаянствомъ человѣкъ.

Одного намѣренія и сознанія недостаточно для совершенствованія, тутъ нужны вспомогательныя средства, кото-

рыя и указаны челоѣку Самимъ Христомъ и Его ближайшими учениками. Постъ, молитва, богослуженіе, таинства и проч. и являются этими вспомогательными средствами; нужны они не Богу; а немощному и окаянному челоѣку. Нѣтъ, молитвы, читаемыя при богослуженіи, не есть таинственныя заклинанія, колдовство, какъ называетъ ихъ Толстой, а прочувствованныя поэтическія произведенія, которыя рассчитаны на то, чтобы возбудить въ душѣ челоѣка соотвѣтствующія чувства. Значеніе молитвы въ этомъ смыслѣ самъ Толстой не отрицаетъ; то же значеніе имѣетъ и все прочее въ церковномъ ритуалѣ.

Что же касается самой сущности таинства, то это представляется гр. Толстому абсурдомъ опять-таки только съ матеріалистической точки зрѣнія, съ идеально-спиритуалистической же это вполнѣ доступно разуму и чувству. Что при таинствѣ Евхаристіи въ хлѣбъ и вино „входитъ Самъ Богъ“ и сообщаетъ имъ особую таинственную силу, представляется нелѣпнымъ для челоѣка, имѣющаго матеріалистическое представленіе о Богѣ, въ сущности отрицающее Бога, для идеалиста же, вѣрующаго въ Бога, не какъ въ силу, только дѣйствовавшую нѣкогда, а теперь куда-то сокрывшуюся, предоставивъ все однимъ только законамъ, а какъ въ силу живую, дѣйствующую, разумную,—такое претвореніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа Иисуса Христа не представляетъ ничего сверхъ-разумнаго. Тоже и покаяніе; не всякій оправдывается имъ, а только тотъ, который искренно кается съ сокрушеніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ исправиться. Эти моменты очень важны для совершенствованія челоѣка вообще, и то, что вызываетъ ихъ, не можетъ поэтому считаться абсурдомъ, какъ говорить гр. Толстой; оно не даетъ повода грѣшить, ибо это намѣреніе лишаетъ челоѣка оправданія, но оно даетъ ему надежду и не позволяетъ впасть въ опасное состояніе душевнаго отчаянія. Тайну брака чувствовалъ когда-то самъ Толстой, какъ это видно изъ его романа „Анна Каренина“; описавъ съ свойственной ему художественностью самый обрядъ вѣнчанія Левина съ Кити и то вліяніе, которое онъ оказываетъ на чувство и настроеніе всѣхъ присутствующихъ, Толстой въ заключеніе говоритъ слѣдующее: „Снявъ вѣнцы съ головы ихъ, священникъ прочелъ послѣднюю молитву и поздравилъ моло-

дыхъ. Левинъ взглянулъ на Кити, и никогда онъ не видалъ ее до сихъ поръ такою. Она была прелестна тѣмъ новымъ сіяніемъ счастья, которое было на ея лицѣ. Левину хотѣлось сказать ей что-нибудь, но онъ не зналъ, кончилось ли. Священникъ вывелъ его изъ затрудненія. Онъ улыбнулся своимъ добрымъ ртомъ и тихо сказалъ: „поцѣлуйте жену, и вы поцѣлуйте мужа“, и взялъ у нихъ изъ рукъ свѣчи.

Левинъ поцѣловалъ съ осторожностью ея улыбнувшіяся губы, подаль ей руку и, ощущая *новую, страшную близость*, пошелъ изъ церкви. Онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить, что это была правда. Только, когда встрѣчались ихъ удивленные и робкіе взгляды, онъ вѣрилъ этому, потому что *чувствовалъ, что они уже были одно*“. (Т. II. стр. 321, изд. 1880 г.).

Прежній Толстой—художникъ, познававшій истину не только разумомъ, но и чувствомъ, ощущалъ эту тайну; теперь же, когда на первый планъ вмѣсто чувства выступилъ болѣе грубый элементъ сознанія—представленія, тотъ же самый Толстой не можетъ ни понять, ни представить этого. А что вся суть въ нравственномъ совершенствованіи, въ любви къ ближнему, это, конечно, Церковь понимаетъ не хуже, чѣмъ Толстой; разница вся въ томъ, что Церковь имѣетъ въ этомъ отношеніи практику и опытъ, знаетъ, какъ трудно спастись немощному и окаянному человѣку, а Толстой, усвоивъ матеріалистическое воззрѣніе на вопросъ о нравственномъ совершенствованіи, теоретизируетъ, не имѣя собственнаго опыта въ этомъ отношеніи; гордость не побѣждена, а раздута поклоненіемъ, а въ психологическомъ отношеніи это самая опасная страсть: она помрачаетъ разумъ и родитъ злобу. Какъ на примѣръ такого умопомрачающаго самоуверенія укажемъ на слѣдующій фактъ изъ дѣятельности Л. Н. Толстого: не довѣряя переводу семидесяти толковниковъ, изъ которыхъ больше половины были греки, Толстой на 40-мъ году своей жизни сталъ изучать греческій языкъ и перевелъ лично Евангеліе съ греческаго подлинника на русскій языкъ, причемъ многимъ мѣстамъ придавъ совершенно иное значеніе, чѣмъ православная Церковь, и сталъ считать свой переводъ за абсолютно вѣрный, забывъ, что не только семьдесятъ толковниковъ, но и всѣ христіане—греки, пользуясь Евангеліемъ, написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ, понимали его именно такъ, какъ понимаетъ его теперь православ-

ная Россійская Церковь. Такимъ образомъ, Толстой возмнилъ себя лучше понимающимъ греческій языкъ, чѣмъ сами природные греки. Исказивъ такимъ образомъ Евангеліе, онъ не ограничился этимъ: раздѣлилъ его на двѣ произвольныя половины, изъ которыхъ одну, не противорѣчащую его личнымъ взглядамъ, призналъ, какъ истинное слово Христово, другую же отвергъ, какъ выдумку апостоловъ и переписчиковъ, и не потому только, что эта половина заключаетъ въ себѣ много чудеснаго, но потому, что противорѣчитъ его личнымъ взглядамъ. Такъ, отрицая таинство священства на основаніи приведенныхъ въ эпиграфѣ словъ Спасителя (гл. XXIII, 8 Матѣ.), относящихся какъ разъ къ подобнымъ лжеучителямъ, какъ самъ Толстой, а не къ священникамъ, наставляющимъ паству не своимъ ученіемъ, а ученіемъ Христа, онъ игнорируетъ 19 ст. XXIII гл. Матѣ.: „шедшеубо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“, и подобнаго же содержанія стихи 15—19 XVI гл. Марка, въ которыхъ говорится то же самое. Предоставляя судить читателямъ, насколько произвольно подобное отношеніе къ Евангелію, истинность котораго свидѣтельствуется не однимъ, а четырьмя учениками Христа, очевидцами и участниками описанныхъ событій. Можно было бы найти много и другихъ подобныхъ противорѣчій, но ограничимся пока этимъ.

Показавъ себя крайнимъ матеріалистомъ въ невозможности понять догматъ о Св. Троицѣ и въ отрицаніи таинства воплощенія, рожденія отъ Дѣвы и всего чудеснаго въ Евангеліи, онъ въ концѣ своего объясненія впадаетъ въ явное противорѣчіе, признавая какую-то загробную жизнь, утверждая, слѣдовательно, что послѣ смерти нашей отъ тѣла отдѣляется нѣчто, что продолжаетъ жить, чувствовать, страдать. Признавая это, онъ незамѣтно приближается къ ученію Церкви о безплотныхъ силахъ, ангелахъ, демонахъ, о предстательствѣ Святыхъ и проч... Ибо что живетъ, то и дѣйствуетъ.

Что касается нравственнаго вліянія толстовской проповѣди, то, послѣ сказаннаго, что еще сказать объ этомъ?

Отнимая у немощнаго брата своего вѣру въ божественное происхожденіе Христа и Его ученія, Левъ Ник. ведетъ по слѣдователей своихъ не къ любви, а къ безнравственности и

крайнему пессимизму. Я убѣжденъ, что замкнутость, холодность, отсутствіе искренности, эгоизмъ, нервная неуровновѣшенность нашей интеллигенціи есть слѣдствіе маловѣрія, поддерживаемаго толстовской проповѣдью, и что на увѣренности прежде всего зиждется увлекающая самого Толстого духовная мощь и правда народная. Въ области же философіи толстовское воззрѣніе должно привести каждаго принявшаго его воззрѣніе послѣдовательнаго мыслителя къ безумному нищенству—отрицанію самыхъ нравственныхъ заповѣдей Христовыхъ, какъ придуманнаго людьми тормазы, задерживающаго прогрессъ и мѣшающаго выработкѣ новаго, болѣе совершеннаго человѣческаго типа „сверхъ-человѣка“.

Теперь хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по вопросу о томъ, имѣлъ ли право Св. Синодъ отлучить отъ Церкви Л. Н. Толстого? Никакого нравственнаго права не имѣлъ,—разсуждаютъ послѣдователи Л. Толстого во главѣ съ супругой его; это насиліе надъ личностью, жестокой поступокъ, противорѣчащій ученію Христову о любви къ ближнему и всепрощенію. Если признать этотъ поступокъ законнымъ, то точно такимъ же образомъ можно будетъ оправдать инквизицію; ибо съ этой точки зрѣнія является вполне логичнымъ слѣдующее разсужденіе: не согласенъ во взглядахъ съ Церковью—отлучи, если отлученіе не помогаетъ—вышли, потомъ заточи, а если и тогда будетъ оставаться при своихъ заблужденіяхъ, то, во избѣжаніе соблазна, сожги на кострѣ и т. д. Такъ разсуждаютъ въ интеллигенціи объ актѣ 20—22 февраля истекшаго года.

А по моему мнѣнію, этотъ актъ Св. Синода, представителя высшей духовной власти, по отношенію Л. Толстого противорѣчить ученію не истиннаго, а Христа, созданнаго мудрованіемъ нашей гордой, не желающей никому и ничему подчиняться, кромѣ собственныхъ страстей, интеллигенціи, во главѣ съ самимъ предводителемъ ея Львомъ Николаевичемъ; ученію же истиннаго Христа, Котораго мы познаемъ изъ Евангелія, отнюдь не противорѣчить. Истинный евангельскій Христосъ училъ такъ: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же — подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ себя самого“ (Ев. Матѣ. XXII, 37, 38, 39). Заповѣдалъ намъ Христосъ прежде всего и болѣе всего любить

Бога, а потомъ ближняго своего не на словахъ только, а на дѣлѣ, прощая ему до седмижды семидесяти разъ, подставляя правую щеку хотящему ударить тебя по лѣвой, не гнѣваясь, не осуждая, а совершенствуясь въ духѣ Христовомъ, въ духѣ кротости и смиренія. Христось въ то же время никогда не отрицалъ власти, а слѣдовательно и связаннаго со всякой властью наставленія, руководительства всѣхъ и даже наказанія. Только не было бы наказаніе жестоко, не исходило бы изъ желанія зла, а изъ желанія добра и исправленія ближняго, каждую минуту было бы готово смѣниться прощеніемъ при первыхъ признакахъ искренняго раскаянія и исходило бы отъ лица, власть на то имущаго. Во всемъ Евангеліи нельзя найти ни одного указанія на то, чтобы Христось отрицалъ власть; на вопросы фарисеевъ, нужно ли платить подать кесарю, Онъ отвѣчалъ: нужно. Его ближайшіе ученики—апостолы, которые навѣрное уже понимали лучше насъ, современной интеллигенціи смыслъ Христова ученія, прямо и опредѣленно говорятъ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (I Петра, гл. II, 13, 14). Самъ Христось не только не отрицалъ власть, но и пользовался ею. Не имѣя ни одинаго грѣха, онъ въ то же время всегда обличалъ людей, достойныхъ того, напр., фарисеевъ, называя ихъ лицемерами, порожденіями ехидны и т. п., а тамъ, гдѣ это было нужно, дѣйствовалъ не только словомъ, но и дѣломъ; такъ Евангеліе повѣствуетъ намъ о томъ, какъ Христось изгналъ изъ храма продающихъ и покупающихъ: „и вошелъ Иисусъ въ храмъ Божій и выгналъ всѣхъ продающихъ и покупающихъ въ храмъ, и опрокинулъ столы мѣновщиковъ, и скамьи продающихъ голубей. И говорить имъ: написано: домъ Мой домомъ молитвы наречется, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ“ (Мат. XXI, 12, 13). Отходя отъ земли, Христось заповѣдалъ апостоламъ продолжать начатое ими дѣло—пасти и наставлять стадо Христово и далъ имъ власть не только разрѣшать, но и *связывать*; апостолы передали эту власть черезъ таинство священства первымъ рукоположеннымъ ими епископамъ, т. е. Церкви, у которой эта власть и остается до сего дня. Такимъ образомъ, право

налагать извѣстное наказаніе съ цѣлью исправленія на членовъ своихъ Церковь получила отъ Самого Бога, а слѣдовательно, право это не только юридическое, законное, но и нравственное, ибо источникъ нравственности есть Иисусъ Христосъ. Да и по человѣческому разсужденію говоря: если какой отецъ отстраняетъ своихъ дѣтей отъ человѣка, могущаго развратить ихъ, будемъ ли мы считать такого человѣка нарушающимъ заповѣди Христовы, или назовемъ ли жестокимъ отца, наказывающаго порочнаго сына своего ради его исправленія, не сочтемъ ли это скорѣе признакомъ сильной любви. „Всякое наказаніе, говоритъ апостоль Павелъ, въ настоящее время кажется не радостью, а печалью, но послѣ наученнымъ черезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности“ (Евр. XII, 11), такъ что разумное, исходящее не изъ злобы, а изъ желанія исправить ближняго, наказаніе со стороны человѣка, власть на него имущаго (родительская, царская, духовная и пр.), отнюдь не противорѣчитъ истинной христіанской любви. Да и что было бы, если бы не было никакой власти и связанныхъ съ властью наказаній; куда бы намъ дѣваться отъ воровъ, разбойниковъ, убійць, преступниковъ и прочихъ порочныхъ людей? Только въ царствѣ Божіемъ не нужно власти, т. е. тогда, когда человѣкъ усовершенствуется, приблизится къ идеалу Христа; пока же человѣкъ не разстанется съ своимъ окаянствомъ, съ своей склонностію ко всему злomu,—до тѣхъ поръ безъ власти, безъ руководителей, безъ наказанія немислимо никакое общество, никакое государство.

Большинство изъ возмущающихся постановленіемъ Церкви относительно Л. Толстого и не отрицаетъ наказаній преступниковъ противъ нашего тѣла и имущества, прибѣгая и лично всегда въ подобныхъ случаяхъ къ представителямъ свѣтской власти..., „но, говорятъ, карать человѣка за тѣ или другія убѣжденія нельзя, въ этихъ случаяхъ можно дѣйствовать только словомъ, но отнюдь не репрессивными мѣрами, ибо свобода мысли есть основа прогресса“. Подобное разсужденіе правильно и логично только съ точки зрѣнія человѣка *невѣрующаго*, но для вѣрующаго человѣка, для истиннаго христіанина, признающаго вмѣстѣ съ Христомъ и апостолами загробную жизнь, ожидающаго второго пришествія Христа, страшнаго суда и начала новой жизни, подобное раз-

сужденіе кажется въ высшей степени страннымъ. Христось научалъ такъ: „какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ, или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою“; и дѣйствительно, что значать всѣ блага и радости земныя въ сравненіи съ мукой вѣчной, и всѣ несчастія земныя—съ жизнью вѣчною, вѣчнымъ духовнымъ блаженствомъ, обѣщаннымъ Самимъ Христомъ вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его. Самымъ цѣннымъ сокровищемъ христіанина такимъ образомъ является не здоровье, не богатство, а *истинная правая вѣра*, покоящаяся на извѣстномъ міровоззрѣніи, и все, что можетъ разрушить это, является величайшимъ зломъ, преступленіемъ, превосходящимъ въ тысячу разъ преступленіе противъ тѣла нашего и нашей собственности. И если власть можетъ и должна пресѣкать второго рода преступленія, то тѣмъ паче духовная власть должна и обязана охранять своихъ чадъ отъ преступниковъ перваго рода, совращающихъ ихъ на путь погибели и могущихъ погубить не только тѣло, но и душу человѣка. Въ этой области нечего бояться остановки прогресса, ибо для вѣрующаго, истиннаго христіанина Евангеліе есть абсолютная истина, и всякое мудрованіе, приводящее къ отступленію отъ него, есть не прогрессъ, а опасный, нежелательный регрессъ.

Что касается собственно права отлучать отъ Церкви, то, оставляя пока въ сторонѣ подобные примѣры изъ Церкви апостольской—отлученіе апостоломъ Павломъ кровосмѣсника, жившаго со своей мачехой, отъ Церкви въ Коринѣѣ, и Соборной—отлученіе Арія, Македонія и проч. еретиковъ, обратимся опять къ Евангелію, т. е. къ Самому Христу. Христось, предвидѣвшій и предсказавшій возникновеніе многихъ лжеученій послѣ Него, не обошелъ молчаніемъ вопроса о правахъ будущей Церкви и оставилъ такое наставленіе апостоламъ: „если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, поиди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось каждое слово, если же не послушаетъ ихъ, скажи Церкви, и если Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь. Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ

связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“ (Мате. XVIII, 15—19).

Такъ и поступила Церковь по отношенію къ Л. Н. Толстому: она испробовала свои мѣры литературнаго и устнаго обличенія и увѣщанія, она много и долго терпѣла; наконецъ, видя, что ничто не помогаетъ, и соблазнъ принимаетъ грандіозные размѣры, она рѣшила употребить свою власть для назиданія и предупрежденія прочихъ членовъ Церкви и произнесла свой молитвенно-мирный приговоръ. И что же! Эти слова церковнаго священноначалія подняли цѣлую бурю. Одни стали кричать, что это выраженіе безсильной злобы, другіе, что жестоко и противно заповѣдямъ Христа о любви къ ближнему. Нѣтъ, не изъ злобы, не изъ желанія наказать муками ада за личное оскорбленіе сдѣлала это Церковь, а изъ любви истинной, изъ желанія наставить на путь истинный и избавить отъ мукъ ада, которыя въ противномъ случаѣ неизбѣжны. Въ своемъ отлученіи она предлагаетъ молиться о Толстомъ, да наставитъ его Господь на путь истины, и, конечно, при первыхъ же признакахъ сознанія Толстымъ своего заблужденія и его искренняго раскаянья, Церковь не только откроетъ ему широко свои объятія, но и сотворитъ радость великую (оповѣстивъ всѣхъ колокольнымъ звономъ), что нашлась заблудшая овца, что удалось ей избѣжать пасти львиной, и не изъ самолюбія это сдѣлаетъ, а потому же, почему радовался отецъ возвращенію своего блуднаго сына въ притчѣ Христовой.

О томъ, что для Толстого наказаніе это не можетъ быть жестоко, а должно быть прямо таки неощутительно ¹⁾, пока онъ пребываетъ въ своемъ невѣріи, много уже въ духовной литературѣ сказано хорошихъ и убѣдительныхъ словъ; въ самомъ дѣлѣ, что значить для какого-нибудь татарина или другого иновѣра, если его лишитъ кто-нибудь права посѣщенія православной Церкви и пользованія христіанскими таинствами и обрядами. Это вызоветъ въ немъ только улыбку и больше ничего; а здѣсь по поводу отлученія Толстого, *de facto* давно отказавшагося отъ всего того, чего лишила его Церковь,—

¹⁾ Наоборотъ: одно близкое къ семьѣ Льва Николаевича лицо сообщало намъ, что, къ недоумѣнію всѣхъ близкихъ къ графу лицъ, посланіе Св. Синода произвело на него глубокое, щемящее впечатлѣніе.

Редакторъ.

цѣлая буря негодованій. Почему это, гдѣ разгадка этого? По моему мнѣнію, въ этомъ явно не логичномъ, бессмысленномъ протестѣ и негодованіи заключается указаніе на одно отрадное явленіе. Протестъ этотъ указываетъ на то, что въ глубинѣ души этихъ протестантовъ живетъ духъ Божій, дающій ощущать огромное значеніе для человѣка всего того, чего лишился Толстой вмѣстѣ съ отлученіемъ его отъ Церкви, что живетъ вѣра въ истиннаго Христа и во все то, что этотъ истинный Христосъ заповѣдалъ намъ,—вѣра въ таинства, въ церковное богослуженіе, въ молитву Церкви и проч. Только это „сокровенное души“ не сознается этими людьми, такъ какъ оно все заросло и затемнилось страстями человѣческими и не озаряется свѣтомъ благодати Господней. Эти страсти создали для нихъ новаго христа, который не борется противъ нихъ, а, наоборотъ, имъ покровительствуетъ. Чревоугодіе создало христа, не протестующаго противъ нарушенія постовъ, обильныхъ и вкусныхъ обѣдовъ изъ 5-ти блюдъ, лѣность создала христа, не приказывающаго намъ долго молиться и посѣщать храмы Божіи, а наполнять свободное отъ занятій время пустословіемъ; непокорство стало утверждать, что въ христіанскомъ обществѣ не должно быть власти ни свѣтской, ни духовной, ибо „князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими“; но между вами да не будетъ такъ: „а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ онъ слуга, а наставникъ у васъ да будетъ одинъ Христосъ“. Нежеланіе подчиняться даже въ юномъ возрастѣ, а дѣлать, что захочется—своеволіе создало христа, не совѣтующаго повиноваться даже родителямъ, ибо „кто возлюбитъ отца или мать болѣе, нежели Меня“, т. е. истины (а истина есть то, *чѣмъ я ее считаю*), „тотъ не достоинъ Меня“ и т. д. Объяснивъ такимъ образомъ по своему отдѣльному мѣста изъ Евангелія и не потрудившись изучить даже его одного въ цѣломъ, современный—нео, или вѣрнѣе, псевдохристіанинъ въ концѣ концовъ провозгласилъ: самолюбіе есть не порокъ, а высшая добродѣтель, человѣкъ безъ самолюбія—тряпка, а принципъ непротивленія злу есть абсурдъ; многіе изъ нихъ, будучи поклонниками Толстого, чуть было не разошлись съ нимъ, когда тотъ началъ проповѣдывать эту истину, и только, вѣроятно, потому съ нимъ помирились, что увидѣли, что въ жизни своей однако Толстой не прово-

дить этого принципа, а, напротивъ, своей проповѣдью воспитываетъ въ обществѣ духъ недовольства и протеста; жизнь съ этимъ новымъ христомъ привела нѣкоторыхъ даже къ тому заключенію, что они, живя, какъ живетъ большинство, лѣча за извѣстную плату, занимаясь адвокатурой на пользу ближняго, служа въ различнаго рода учрежденіяхъ, не крадя и не убивая въ буквальномъ смыслѣ этого слова, удѣляя даже иногда изъ своего достатка на различнаго рода благотворительныя учрежденія, живутъ вообще добродѣтельно и не знаютъ за собой никакихъ грѣховъ. Да, есть и такіе изъ неохристіанъ!.. Все это міровоззрѣніе создано страстями, въ глубинѣ же души у большинства этой суемудрствующей интеллигенціи живетъ истинный Христосъ, Сынъ Божій, Самъ Богъ, источникъ свѣта и истины.

И какъ Спаситель Христосъ, будучи въ Своей земной жизни гонимъ, ругаемъ, распинаемъ, воскресъ въ концѣ концовъ и сѣлъ одесную Бога на небесахъ, такъ и Христосъ, живущій въ глубинѣ души этихъ людей, какъ бы ни былъ Онъ затменъ и поруганъ продуктомъ нашихъ страстей, подъ вліяніемъ различнаго рода жизненныхъ обстоятельствъ, можетъ воскреснуть въ славу своей и измѣнить весь строй жизни и убѣждений того и другаго заблуждающаго человѣка. Вотъ на эту то возможность и рассчитанъ актъ Церкви по отношенію Л. Н. Толстого, а нелогичный протестъ большинства, повторяю, только подтверждаетъ, что въ тайникахъ души этихъ, якобы невѣрующихъ, мерцаетъ еще истинный свѣтъ, придающій громадное значеніе для человѣка всему тому, чего лишается онъ актомъ отлученія. Только затуманенъ этотъ свѣтъ страстями нашими, изъ которыхъ первая и самая главная—это гордость, отравляющая и умъ, и сердце наше. Вооружимся же противъ этой главной и другихъ страстей нашихъ, распнемъ по совѣту апостольскому плоть нашу съ ея страстями и похотями въ просвѣтленіе душевныхъ очей нашихъ, во спасеніе души въ жизнь вѣчную!

Врачъ *Н. Апраксинъ*.

Нижній-Новгородъ.

Возможно ли объединеніе интеллигенціи съ народомъ и Церковью?

1. *Великій вопросъ.* Въ послѣднихъ книжкахъ „Миссіон. Обзор.“ священникомъ о. Іосифомъ Фуделемъ, нѣкоторымъ г. А. М. Д. и редакторомъ „М. О.“ В. М. Скворцовымъ возбужденъ чрезвычайно важный и интересный вопросъ, который они называютъ вопросомъ „о миссіи среди интеллигенціи“. Вопросъ этотъ и раньше затрогивался на страницахъ „Мисс. Об.“, но какъ-то вскользь, не такъ рѣшительно и прямо, какъ это дѣлается теперь.

Вопросъ этотъ—громадной важности; это, можетъ быть, самый важный вопросъ изъ всѣхъ современныхъ русскихъ вопросовъ. И именно теперь онъ назрѣлъ, именно теперь требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія и разрѣшенія. Сущность вопроса заключается въ устраненіи того глубокаго разъединенія, которое нынѣ существуетъ между интеллигенціей съ одной стороны, народомъ и Церковью съ другой, и въ объединеніи интеллигенціи, народа и Церкви въ одномъ общемъ идеалѣ личности и жизни.

Разъединеніе между интеллигенціей,—и народомъ и Церковью—фактъ несомнѣнный и чрезвычайно печальный.

Выражается онъ въ діаметральной противоположности какъ воззрѣній, такъ и быта интеллигенціи и народа. Воззрѣнія нашей интеллигенци, какъ извѣстно, сводятся къ обрывкамъ позитивизма, дарвинизма, эволюціонизма, марксизма и прочихъ измовъ, усвоенныхъ ею еще на университетской скамьѣ, какъ послѣднее слово человѣческой мудрости. Міровоззрѣніе народа, усвоенное имъ отъ Церкви, всецѣло утверждается на вѣрѣ въ Бога, въ безсмертіе, въ судъ и вѣчную жизнь. Къ этой вѣрѣ народа интеллигенція относится или равнодушно, или недоброжелательно.

Противоположность міровоззрѣній естественно влечетъ за собою противоположность нравственныхъ понятій и всего быта. Начиная опять-таки со студенческой скамьи, интелли-

тенція не понимаетъ, что такое „грѣхъ“, и на добро и зло смотритъ совершенно иначе, нежели народъ; народъ, напр., считаетъ нарушение седьмой заповѣди грѣхомъ, интеллигенція же ничего дурного въ этомъ не видитъ и смотритъ на это дѣло исключительно съ медицинской точки зрѣнія.

Интеллигенція не знаетъ ни праздниковъ, ни постовъ, ни говѣнія, ни молитвы. Если бы простой вѣрующій крестьянинъ попалъ въ компанію университетской молодежи, или вообще въ интеллигентную среду и пожилъ бы въ ней нѣкоторое время, онъ бы и не догадался, что живетъ среди христіанъ, и, наоборотъ, его христіанское чувство на каждомъ шагу было бы здѣсь оскорбляемо.

Въ то время, какъ у крестьянина-идеалиста всѣ мечты сводятся къ спасенію души, къ отреченію отъ жизни „міра сего“, къ самоограниченію, у интеллигента-идеалиста всѣ мечты обращены на устроеніе всеобщаго *земного* благополучія, а о личномъ подвигѣ, объ ограниченіи своихъ страстей нѣтъ и заботы.

Это разъединеніе интеллигенціи и народа, нужно говорить правду, поддерживается и укрѣпляется нашей университетской наукой. Тамъ интеллигенція почерпаетъ основы своего мировоззрѣнія. На факультетахъ естественномъ, медицинскомъ, проводятся, какъ несомнѣнныя и безспорныя истины, такія мысли, которыя совершенно противны христіанскому ученію и народно-церковному міросозерцанію. Вмѣсто сотворенія чловѣка по образу и подобию Божію утверждается его естественное происхожденіе отъ низшихъ животныхъ, фактъ грѣхопаденія, а, слѣдовательно, и искупленія—совершенно упраздняется. Ежегодно тысячи молодыхъ людей усваиваютъ себѣ подобныя антихристіанскія мнѣнія, разносятъ ихъ по всей Россіи, передаютъ ихъ окружающимъ людямъ, понемногу и постепенно создавая атмосферу отрицательнаго или равнодушнаго отношенія къ вѣчнымъ истинамъ христіанства. И удивительно, въ то время, какъ за границей съ подобнымъ явленіемъ борются, создаютъ христіанскіе университеты, у насъ на это зло смотрятъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ будто это такъ и быть должно!

И въ довершеніе всего—интеллигенція стремится просвѣтить на свой ладъ народъ, т. е. говоря просто и ясно сдѣлать его равнодушнымъ къ вѣрѣ и жизни вѣчной,

и равнодушнымъ къ благамъ и удовольствіямъ „міра сего“.

Это стремленіе интеллигенціи угрожаетъ народу новымъ игомъ, гораздо болѣе страшнымъ, чѣмъ татарщина и крѣпостное право.

Тамъ порабощалось тѣло народа, а интеллигенція стремится поработить душу его, подмѣняя христіанскій идеаль жизни и личности идеаломъ, ею самою измышленнымъ.

Противоположность воззрѣній, идеаловъ, быта—влечетъ за собою крайне грустныя послѣдствія: 1) утрачивается цѣльность общенароднаго самосознанія, и ослабляется мощь народнаго духа; 2) вся масса народа раздѣляется на двѣ группы, находящіяся между собою въ постоянной борьбѣ, на которую затрачиваются силы, пригодныя на болѣе нужное дѣло. Пастырямъ и народу естественно приходится остерегаться интеллигенціи, какъ бы она, ревнуя о его просвѣщеніи, не вытравила изъ его сознанія того, что составляетъ его величайшую святыню, залогъ его счастья и всей будущности—святыню церковно-христіанскаго пониманія жизни; интеллигенція, непонятая, не родная народу, необъединенная съ нимъ союзомъ вѣры и упованія—не можетъ принести ему всей той пользы, которую она, по степени своего умственнаго развитія и своихъ познаній, могла бы принести ему.

Разъединеніе дошло, наконецъ, до того, что у насъ появились два типа народной школы, два рода народныхъ чтеній и т. п. Развѣ это нормально? Развѣ это желательно? Развѣ не вся образованная Россія могла бы и должна бы дружно и *единодушно* послужить дѣлу просвѣщенія народа!

Несомнѣнно, оставлять дѣло въ такомъ положеніи невозможно! Необходимо серьезно подумать о взаимномъ сближеніи и объединеніи, чтобы не тянуть Россіи въ разныя стороны. И мы не думаемъ, чтобы много нашлось такихъ, которые были бы принципиально противъ сближенія и объединенія! Нужно только, чтобы вопросъ ставился прямо и ясно, обсуждался искренно, со взаимною снисходительностью и любовью. И, можетъ быть, можно будетъ договориться до чего-нибудь положительнаго и хорошаго! А какъ бы это было хорошо и важно и дорого для всей Россіи. Спасибо редакціи „Мисс. Об.“, за добрый починъ, и дай Богъ, чтобы онъ увѣнчался успѣхомъ!

Нельзя не сказать только одного,—поднятый вопросъ лучше бы называть не вопросомъ „о миссіи среди интеллигенціи“, а вопросомъ именно „о сближеніи и объединеніи интеллигенціи съ Церковью и народомъ“.

Слова „миссія среди интеллигенціи“ могутъ подать поводъ къ неправильному пониманію сущности дѣла. Иные могутъ сказать, что вотъ миссіонеры собрались просвѣщать интеллигенцію, обращать ее въ православіе, и это сразу побудить ее стать какъ бы въ оборонительное положеніе. Кто это, скажетъ она, хочеть насъ просвѣщать? Не слишкомъ ли много берутъ они на себя? Не слѣдовало ли бы имъ лучше заняться собственнымъ просвѣщеніемъ, учредить миссію среди миссіонеровъ? Такія или подобныя замѣчанія съ примѣсью вражды, насмѣшки и презрѣнія легко могутъ послышаться... И воздвигнутое новое доброе дѣло можетъ быть не понято надлежаще, единственно вслѣдствіе неудачнаго наименованія вопроса.

Но вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы кому-то кого-то просвѣщать или обращать на путь истинный, а въ томъ, чтобы искренно и серьезно задуматься надъ чрезвычайно серьезнымъ и важнымъ вопросомъ нашей общественной жизни и попытаться общими силами разобраться въ немъ. Поэтому и слѣдуетъ избѣгать такихъ словъ, которыя могутъ обидѣть, или же сразу создать холодныя, недовѣрчивыя отношенія и помѣшать мирному, искреннему, дружному рѣшенію вопроса.

Желая съ своей стороны принять посильное участіе въ обсужденіи поднятаго вопроса, мы предполагаемъ въ послѣдующихъ книжкахъ „Мисс. Обозр.“ рассмотреть нѣсколько частныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ этого общаго, а именно: 1) Когда и какъ образовалось у насъ разъединеніе между интеллигенціей съ одной стороны, народомъ и Церковью съ другой? 2) Существуетъ ли церковно-народный идеалъ личности и жизни, и въ чемъ онъ заключается? 3) Оцѣнка идеаловъ интеллигенціи при свѣтѣ церковно-народнаго идеала. Не замѣчается ли въ идеальныхъ стремленіяхъ интеллигенціи попытокъ къ сближенію съ церковно-народнымъ идеаломъ? Наконецъ, 4) какимъ практическимъ путемъ можетъ произойти объединеніе интеллигенціи и народа въ одномъ общемъ идеалѣ личности и жизни?

Кандидатъ университета, свящ. С. Четвериковъ.

Объ отцахъ и дѣтяхъ южно-русскаго штундизма.

(Письмо въ редакцію).

Милостивый государь,
Господинъ редакторъ!

Извините, если, будучи свѣтскимъ лицомъ, при скромномъ званіи вольнопрактикующаго врача, рѣшаюсь высказать свое мнѣніе по поводу способа борьбы нашихъ православныхъ миссіонеровъ съ сектантствомъ вообще и съ штундистами въ частности.

Думается мнѣ, что для оцѣнки нравственныхъ данныхъ той или другой секты и для указанія на уклоненія ея отъ истиннаго христіанства не достаточно одного теоретическаго разбора сектантскихъ заблужденій, о превосходствѣ которыхъ надъ ученіемъ православной Церкви такъ много пишутъ въ свѣтской печати и спорятъ интеллигентные люди... Однако даже въ серьезныхъ органахъ нѣтъ указаній на то, да въ чемъ же именно выражается это мнимое превосходство, и насколько жизнь сектанта ближе православныхъ къ идеаламъ, указаннымъ намъ Евангеліемъ? Между тѣмъ при такой постановкѣ вопроса, мнѣ кажется, сама собою выяснилась бы *вся ложь и напускная святость* этихъ непрошенныхъ просвѣтителей нашего темнаго люда, который и самъ понялъ бы истину, если бы вашъ почтенный журналъ рассылался по волостнымъ правленіямъ, хотя по одному экземпляру, для воскресныхъ чтеній; говоря это, я разумѣю именно чтенія для народа, но отнюдь не собесѣдованія спеціальныя съ сектантами или съ совращенными уже лицами, служащія часто лишь удобнымъ предлогомъ къ публичному оскорбленію православнаго чувства вѣрующихъ, путемъ постановки праздныхъ и часто даже воинственныхъ, позорныхъ вопросовъ въ родѣ того, не есть ли Божія Матерь простой только

„лантухъ“ (мѣшокъ), никому болѣе ненужный послѣ того, какъ высыпано изъ него золото?

Во всякомъ случаѣ не мѣшало бы, между прочимъ, бороться съ сектантами ихъ же собственнымъ оружіемъ. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, что сектанты совращаютъ нашего крестьянина, практика по преимуществу, не столько логикой своего теоретическаго вранья, сколько указаніемъ на тѣ уклоненія нашего духовенства отъ избраннаго имъ пути, которыя, къ сожалѣнію, иногда приходится наблюдать (семья не безъ уroda); главнымъ же является всегда обвиненіе сектантами священниковъ въ чрезмѣрныхъ поборкахъ за совершение требъ, что способно подѣйствовать на бѣдняковъ возмущающе, такъ какъ послѣдніе по своей неразвитости не въ силахъ войти въ положеніе своего пастыря, которому мѣдными грошами приходится собирать всякій годъ сумму, необходимую для жизни и для воспитанія дѣтей.

Уже цѣлыхъ 15 лѣтъ живу я въ районѣ сектантства, хорошо ознакомленъ съ его внутреннею жизнью и представителями и просто не могу надивиться сочувствію къ нимъ нашей прессы и восторгамъ интеллигенціи по поводу каждаго новаго успѣха штунды. Только нашею близорукостью и крайней подлостью и лицемѣріемъ сектантовъ можно попытаться объяснить себѣ это сочувствіе и печати, и свѣтскихъ людей, и даже мѣстной администраціи къ нимъ. Что касается послѣдней, то отчасти тутъ играютъ свою роль существующіе у нѣмецкихъ сектантовъ (баптистовъ и меннонитовъ) особые капиталы, въ чемъ можно убѣдиться прихода-расходными книгами на нѣмецкомъ языкѣ, куда обыкновенно никто никогда не заглядываетъ, такъ какъ ревизіи подлежатъ только документы, писанные по-русски. Не говорю уже объ аккуратномъ платежѣ земскихъ и прочихъ повинностей со стороны щедро одаренныхъ землями колонистовъ (основателей русскаго сектантства на югѣ), что заставляетъ нашихъ патриотовъ—администраторовъ пренаивно желать окончательнаго выселенія русскихъ крестьянъ въ дальнія окраины, лишь бы избавиться отъ хлопотливаго взысканія съ нихъ вѣчныхъ недоимокъ. А колонисты пользуются всѣмъ этимъ *largo manu*, закупаая все большія и большія земли, которыми, какъ желѣзными кольцами, окружаютъ жалкіе крестьянскіе надѣлы, благодаря чему русское населеніе стѣснено до чрез-

вычайности, а разными льготами со стороны новоиспеченныхъ помѣщиковъ пользуется лишь въ случаѣ перехода въ сектантство. Въ итогѣ—мирное завоеваніе не только земли, но и религіозной совѣсти. Ради пріобрѣтенія популярности среди сильныхъ міра, тѣ же сектанты не останавливаются даже передъ тратами своихъ общинныхъ капиталовъ на пожертвованія на разныя благотворительныя учрежденія и даже на русскія Церкви, въ душѣ искренне ненавидя все русское. Не такъ давно, на примѣръ, нѣкто Б-анъ, владѣлецъ десятковъ тысячъ десятинъ земли, сдѣлалъ добротное приношеніе въ пользу гимназической Церкви, опредѣляя своихъ дѣтей въ гимназію, и онъ же прогналъ почти одновременно съ этимъ свою гувернантку за то, что она при его дѣтяхъ осмѣлилась кланяться „идолу“ (она была православная и молилась иконѣ). Бѣдняга за 30 верстъ пришла пѣшкомъ въ городъ и жаловалась на оскорбленіе предсѣдателю мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений, г. Ак-фіеву (онъ же учитель реального училища), который сгоряча прокричалъ было объ этомъ фактѣ, но, однако, быстро замолкъ, какъ и все здѣсь быстро замолкаетъ даже при самыхъ возмутительныхъ поступкахъ сектантовъ... Еще грубѣе, конечно, опутывается совѣсть крестьянина. Не далѣе, какъ на дняхъ, другой мѣстный филантропъ-благодѣтель, нѣкто Г-съ, присутствуя на покосѣ своей травы, отданной изъ половины крестьянамъ, не постыдился высказать имъ публично самыя ужасныя, грубыя хуленія на Пресвятую Богородицу. Узнавъ объ этомъ отъ тѣхъ же крестьянъ, мѣстный священникъ, сгоряча же (подобно учителю А-фіеву), собрался было жаловаться за оскорбленіе православія, но скоро остылъ, услышавъ отказъ русскихъ подтвердить свои слова изъ опасенія разгнѣвать крупнаго землевладѣльца и лишиться покоса на будущее время... Комментаріи, полагаю, здѣсь излишни.

Приведу теперь нѣсколько фактовъ, указаніе на которые въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ могло бы, кажется, нѣсколько отрезвить почитателей нашихъ сектантовъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія ихъ добродѣтелями. Не надо забывать, что наши южнорусскіе сектанты—духовныя дѣти, наслѣдники всѣхъ доблестей духа своихъ учителей-нѣмцевъ, баптистовъ и меннонитовъ. А вотъ каковы же эти послѣдніе? Здѣсь прежде всего поражаетъ большая дальновидность и лицемѣріе: вся-

кая открытая кража, хотя бы даже только курицы, строго преслѣдуется между колонистами, и вы можете быть поэтому увѣрены, что въ предѣлахъ сектантской, нѣмецкой колоніи васъ не обокрадутъ. Но... обсчитать, надуть и разорить ближняго при какихъ-либо коммерческихъ сдѣлкахъ считается дѣломъ обычнымъ, лишь бы соблюдена затѣмъ была формальность обряда публичнаго покаянія передъ моментомъ крещенія (которое у баптистовъ совершается не раньше двадцатипяти-лѣтняго возраста) и передъ вступленіемъ въ бракъ и т. п. Помню, къ мѣстной богатой землевладѣлицѣ пришелъ разъ меннонитъ, служившій у нея нѣсколько лѣтъ на счету самаго честнаго управляющаго, пришелъ въ сопровожденіи своего шульца (нѣмецкаго старосты) и заявилъ, что желая жениться, принесъ ей свое покаяніе въ ежегодной кражѣ по пяти сноповъ съ каждой копы хлѣба (копа имѣетъ 60 сноповъ), заплатитъ за которые, конечно, не можетъ и т. д. Землевладѣлица, г-жа И-ко, раздосадованная не столько кражей, сколько многолѣтнимъ обманомъ своего довѣрія къ меннониту, прогнала его вмѣстѣ съ шульцемъ, чѣмъ и закончилось покаяніе.

Такая же показная, лицемѣрная нравственность замѣчается и въ обрядахъ „фроммовъ“ (въ переводѣ „благочестивыхъ“), называемыхъ официально баптистами (родоначальники и организаторы нашей штунды), у которыхъ публичныя покаянія бывають еженедѣльно, и доказывающій ихъ раскаяніе плачь является обязательной при этомъ формальностью. Не могущимъ по заказу заплакать вмѣняется въ обязанность закатить подъ лобъ глаза, что при частыхъ повтореніяхъ входитъ, наконецъ, въ курьезную привычку и проявляется въ обыденной бесѣдѣ. Но, при показномъ благочестіи и баптисты умѣютъ мстить... Въ прошломъ году, напримѣръ, на литейномъ заводѣ баптисты, вожаки секты, содержащіе на свой счетъ и моленную въ самомъ заводѣ, лишили - было куска хлѣба рабочаго, выдавъ ему волчій паспортъ (т. е. безъ права поступить на другіе заводы) зато, что онъ хотѣлъ подать фабричному инспектору отъ лица товарищей жалобу на вычеты хозяиномъ изъ ихъ заработной платы на покрытіе расходовъ по постройкѣ паровой мельницы благочестиваго ихъ патрона. И все это на глазахъ полиціи и инспектора, смотрящихъ сквозь пальцы на моли-

твенныя собранія, притѣсненія и обсчитыванія православныхъ рабочихъ и на предоставленіе всякихъ льготъ лишь тѣмъ изъ русскихъ, кто, умиленный публичнымъ поканіемъ въ баптистской молельнѣ, рѣшился на переходъ въ ихъ секту. Тѣ же льготы, подъ разными видами, щедро даются и въ сельско-хозяйственныхъ экономіяхъ, но только постояннымъ (годовымъ) рабочимъ и также мѣстнымъ крестьянамъ, въ чаяніи совратить ихъ изъ православія; по отношенію же краткосрочныхъ рабочихъ (особенно изъ дальнихъ губерній), а равно тѣхъ мѣстныхъ крестьянъ, на совращеніе которыхъ нѣтъ надежды, практикуется замѣчательная жестокость. Какова она, можете судить по изданному въ 1899 году Херсонскимъ земствомъ отчету г. Хижнякова о положеніи сельско-хозяйственнаго рабочаго. Отсюда вы узнаете, какъ сотни тысячъ крестьянъ, приходящихъ издалека на лѣтніе заработки къ нашимъ богатымъ колонистамъ (меннонитамъ и баптистамъ) третируются хуже рабочаго скота, для котораго существуютъ въ степи загоны, гдѣ онъ укрывается отъ непогоды и пользуется уходомъ при заболѣваніи, а для людей ничего подобнаго. Сколько гибнетъ бѣдняковъ отъ негодной для желудка пищи, подъ которой слѣдуетъ разумѣть червивую муку, слежавшуюся въ камень (топоромъ рубятъ изъ закрома), загнившую рыбу и дохлую овцу, которую, впрочемъ, чаще прирѣзываютъ „на издохъ“, какъ сказано въ отчетѣ (см. стр. 35—36 о смертныхъ случаяхъ въ экономіяхъ Эльснера, Шварцъ и др.), вслѣдствіе внутренняго зараженія сибирской язвой черезъ употребленіе въ пищу мяса овецъ, прирѣзанныхъ на издохъ отъ сибирки.

Напомню при этомъ сказанное раньше, что и по отношенію къ мѣстнымъ крестьянамъ проявляется не меньшая жестокость, если нельзя рассчитывать на ихъ совращеніе въ штунду, и не опасна ихъ численность.

Такъ, я лично знаю одну маленькую деревеньку съ православнымъ поселеніемъ, находящуюся, благодаря экономическимъ условіямъ, почти въ крѣпостной зависимости отъ мѣстнаго крупнаго землевладѣльца меннонита, съ чѣмъ однако плохо мирится молодежь этой деревни; и вотъ ее бьютъ при малѣйшемъ поводѣ. За самовольную отлучку изъ экономіи на хозяйской лошади одного совсѣмъ юнаго хлопца тамъ избили, напрімѣръ, такъ, что для оживленія долго

пришлось отливать водою; другого, бывшего новобранцемъ, искалѣчили на всю жизнь до неспособности къ военной службѣ, изъ которой поэтому онъ и былъ выключенъ навсегда и т. п.

Не такъ давно даже совершенно здѣсь и варварское истязаніе русскаго, окончившееся смертью.

Около двухъ лѣтъ назадъ (въ ноябрѣ 1898 года) въ упомянутой деревнѣ арестовали паробка (молодого крестьянина) по подозрѣнію въ несуществовавшемъ покушеніи на поджогъ мельницы богатаго землевладѣльца и отвели въ волостное правленіе, гдѣ принялись истязать, чтобы вынудить признаніе въ покушеніи и между прочимъ, раздавили ему ядра... Не вынесъ, бѣдняга, такого звѣрства и, прохрипѣвъ въ агоніи до утра, умеръ, но тотчасъ затѣмъ былъ повѣшенъ на дверной ручкѣ волостного правленія (около которой найдены стоящимъ на колѣняхъ со стиснутыми зубами...). Въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ участвовало пять меннонитовъ подъ охраной русскаго урядника. Черезъ нѣсколько часовъ затѣмъ явились чиновники изъ города для судебно-медицинскаго вскрытія трупа, къ чему, однако, не были допущены крестьянами, которые, предварительно хорошо угостившись, прогнали представителей прокурорскаго надзора вмѣстѣ съ полиціей, требуя слѣдствія „безпристрастнаго“, и вскрытіе трупа состоялось лишь на третій день въ присутствіи уже вооруженной стражи.

Хотя и признано, что несчастный повѣсился, но съ этимъ доселѣ не могутъ помириться не только родители несчастнаго, но и совѣсть обывателей, среди которыхъ многіе выдають себя за достовѣрныхъ свидѣтелей истязанія, подавали въ разные мѣста и разнымъ лицамъ письменныя заявленія. Но виноватыхъ все-таки нѣтъ, а человекъ убить. Вотъ кто и каковы родоначальники нашего русскаго сектантства, вотъ какого духа и наши секты, за свободу совращенія въ которыя такъ ратуетъ Орловскій предводитель дворянства г. Стаховичъ. Если и при наличности строгихъ законовъ не ограждены православные люди отъ насилія и оскорбленія своихъ религіозныхъ чувствъ и поправія, то чего же тогда ожидать при отмѣнѣ законовъ!

Докторъ Н. Скарятинъ.

Старообрядцы и татаринъ въ ихъ отношеніи къ православному.

Въ срединѣ октября 1901 г. ѣхалъ я изъ Петербурга во-
своеси. Въ отдѣленіи спальнаго вагона, гдѣ было мое мѣсто,
когда я вошелъ, уже сидѣли два почтенныхъ старика. Лица
строгія, взглядъ суровый, длинныя бороды, волоса въ кру-
жокъ; одѣты—одинъ въ поддевку, другой сверхъ поддевки
въ длинный халатъ. „Не по старой ли вѣрѣ?“—подумалъ я.
Такъ и оказалось. Входитъ сборщикъ на храмъ съ призы-
вомъ: „Пожертвуйте, православные...“ Старики съ презрѣніемъ
отвернулись. „Надоѣдаютъ, какъ собаки, эти ихъ сборщики“,—
буркнулъ, кивнувъ въ мою сторону, одинъ изъ нихъ. Я
наблюдалъ и выжидалъ время, чтобы заговорить съ ними.

— Вы—старообрядцы?—началъ я.

— Да; а ты псаломщикъ, али дьяконъ?

— Священникъ.

— Что же ты безъ креста?—вѣдь, вамъ всѣмъ кресты
дали.

— И у меня есть, отвѣчаю, только я его въ футляръ по-
ложилъ и убралъ, такъ какъ собираюсь спать, а съ крестомъ
спать считаю неприличнымъ.

— Такъ, правильно.

— А вы неправильно поступили, назвавши ни въ чемъ
неповиннаго сборщика на Божіи храмъ собакой; по Еван-
гелію, кто назоветъ брата своего дурнымъ человѣкомъ, по-
виненъ суду, а что же будетъ тому, кто брата своего, трудя-
щагося для славы Божіей, назоветъ собакой? Не повиненъ
ли такой человѣкъ гееннѣ огненной? Нѣтъ, не хорошо вы
поступили, господинъ старообрядецъ!..

— Слушай-ка, отецъ, —вступается, перебивая меня, ста-
рикъ,—вотъ что я тебѣ скажу: мы люди неграмотные,—и я, и
Матвѣй Прохорычъ, и въ писаніяхъ мы ни въ зубъ толкнуть,
въ этомъ ты насъ за Можай загопишь, да и не поймемъ
мы тебя. Но мы прожили на своемъ вѣку и видѣли: ко-

нечно, всѣ люди грѣшныя, но до какой же степени вашъ братъ жаденъ на деньги, уму непостижимо. Какъ же?— „За свѣдѣніе“, къ примѣру, деруть полусотку. Рассказывалъ Иванъ Максимычъ изъ Пронска: пришелъ, говорить, къ попу за свѣдѣніемъ, — брата женить, — а братъ-то у него теперъ живетъ въ Москвѣ, готовымъ платьемъ торгуетъ, а родился въ Пронскѣ, — а попу „давай, говорить, полусотку, дамъ выписку, не дашь, три года проходишь ко мнѣ, не получишь“. Спасибо, братъ-то малый обдѣлистый, взялъ да по пачпорту женился. А то вотъ еще какія штуки продѣлываютъ: придетъ попу съ крестомъ къ мужику, отслужить молебень; „сколько тебѣ, батюшка?“ спрашиваетъ мужикъ. „Цѣлковый“. „Да у меня во всемъ домѣ полтинникъ денегъ“. „Не дашь цѣлковаго, не выйду изъ дома“. А самъ лѣзетъ на печку и ложится, а дьячекъ ложится на лавку. „До тѣхъ поръ не вставемъ, пока не дашь цѣлковаго“. Что ты будешь дѣлать? Головушка бѣдная! Идетъ мужикъ къ сосѣду, аль къ лавочнику, добываетъ еще полтинникъ, отдаетъ попу, лишь бы выпроводить незваныхъ гостей...

— А ужъ и пьяно мѣсто, ваша братія, — снова ввязывается первый старикъ.

— А гдѣ, какъ не у васъ, невѣрующіе *аисты*? — перебилъ второй.

Я практически старался доказать, что все, высказанное стариками о православныхъ священникахъ, — ложь и наглая клевета, такъ какъ 1) ни въ городахъ, ни въ селахъ таксы за требоисправленіе нѣтъ; платятъ, кто сколько можетъ; 2) мужикъ далеко не такое беззащитное и наивное существо, какимъ его представляютъ старообрядцы; 3) современное духовенство въ большинствѣ своемъ совершенно трезвое, непьющее; 4) изъ единичныхъ случаевъ нельзя дѣлать огульныхъ выводовъ; 5) если и есть, по словамъ старообрядца, атеисты между нами, то православіе тутъ не при чемъ. Въ заключеніе замѣтилъ я моимъ собесѣдникамъ, что они такіе почтенные старцы, а занимаются такимъ грѣшнымъ дѣломъ — клеветничествомъ, вмѣсто того, чтобы смягчать свои души бесѣдой о божественномъ и подавать младшимъ примѣръ щедрости, любви и смиренія. Старообрядцы сначала слушали, потомъ стали сердиться и, наконецъ, вышли изъ терпѣнія. и второй изъ нихъ оказалъ: „ну,

довольно, отецъ, мы спать хотимъ, не то кондуктору скажемъ, что ты насъ безпокоишь“. Оставалось пожелать старикамъ покойной ночи и лечь спать.

Прѣѣзжая дальше, я встрѣтилъ мухаммеданина; онъ сѣлъ на станціи Рязань. Одѣтъ джентльменомъ, и только головной уборъ да акцентъ изобличали въ немъ татарина. И замѣчательное совпаденіе: „пожертвуйте, православные“... раздается обычное начало воззванія сборщика на храмъ. Многие кладутъ. Кладетъ и татаринъ. Вслѣдъ за первымъ идетъ съ подобнымъ же воззваніемъ другой сборщикъ. Этому же почти никто не даетъ. Но татаринъ и этому даетъ. Я поразился. Спрашиваю:

— Вы—магометанинъ?

— Да, слышится въ отвѣтъ

— Въ такомъ случаѣ удивительно, что вы жертвуете на христіанскіе храмы, удивительно и вмѣстѣ съ тѣмъ похвально.

— Я, батюшка, знаю, какъ строятся ваши церкви. Самъ я содержу буфеты на Юго-Восточной ж. дорогѣ, а домъ у меня въ с. N, III—го уѣзда; наше село въ двѣ слободы: одна слобода—татары, другая—русскіе; и я хорошо знаю, какъ строятся у васъ церкви, и какъ живутъ ваши священники. У насъ вотъ какъ: объявить мулла—это нашъ священникъ,—что-де нужно на мѣсто деревянной каменную мечеть; сейчасъ мы—кто что, кто двѣсти рублей, а у кого нѣтъ денегъ, ведетъ лошадь, корову. Смотришь, черезъ два года мечеть готова. Рѣдко, когда общество малое—въ 35—40 дворовъ, обращаются къ иноприходнымъ за помощью, и это считается за позоръ. А у васъ, знаю я: вѣдь въ нашемъ селѣ на одномъ концѣ церковь, на другомъ мечеть... Началь строить церковь еще старый священникъ; мужики—бунтъ: „не надо намъ новой церкви, намъ и эта хороша“. А чего хороша?! Вся развалилась. Ну, вотъ такихъ сборщиковъ нанялъ священникъ, послалъ ихъ собирать, самъ свой домъ бросилъ, все ѣздилъ въ Тамбовъ, въ Москву, въ Петербургъ собирать; мужиковъ онъ упросилъ только подвозить матеріалъ, и то не даромъ, а за водку: привезутъ, скажемъ, кирпичей, или лѣсу, придутъ къ нему: „давай, батька, вина, гдѣ хошь доставай, а намъ давай вина“. Извѣстно, народъ темный, необразованный. Хорошій былъ человекъ тотъ свя-

щенникъ. А мужики: „когда, говорятъ, онъ сдохнетъ, замучилъ насъ съ этой своей церковью въ отдѣлку“. И померъ онъ, дѣйствительно, не достроивъ церкви. Прислали имъ другого, молодого. Ученый такой. Коранъ и то читаетъ: мулла говорилъ мнѣ. А они его на смѣхъ. Выйдутъ въ воскресенье на улицу и говорятъ: „нашъ батька нынѣ училъ насъ не воровать, а какъ мужику жить, да не воровать“. Въ другой разъ выйдутъ изъ церкви и говорятъ: „батька нынѣ не велѣлъ намъ пить, а какъ мужику жить, да не пить“. Извѣстно, дуракъ—народъ. Я, батюшка, знаю, я все знаю. А вотъ не угодно ли: на прошлой недѣлѣ мой работникъ, изъ русскихъ, сына женилъ; далъ я ему на канунѣ свадьбы шесть рублей за свадьбу священнику заплатить. Приходитъ мой Сидоръ отъ священника, хохочетъ во всю пасть; а подъ мышкой держитъ четвертную бутылъ съ водкой. „Что это ты, говорю, такой веселый, и откуда у тебя водка?“—„Какъ же, отвѣчаетъ, мнѣ, Абрамъ Абрамычъ, не смѣяться-то?—Прихожу къ батькѣ и думаю: дай дурака сваляю. Держу твои шесть рублей въ кулакѣ. Входитъ батька, я бухъ ему въ ноги! Онъ: „что ты, что ты, Сидоръ, встань,—въ чемъ дѣло?“ А я: „батюшка-кормилецъ! нужда моя большая, живу въ батракахъ, съ людей берешь шесть рублей, возьми съ меня четыре, больше, хоть зарѣжь, во всемъ домѣ нѣтъ“. „Ну, встань, говоритъ, давай ужъ, сколько принесъ“. Я отдалъ четыре рубля, а за два въ казенкѣ четвертную взялъ“. Вотъ они какъ вамъ платять-то! Вѣдь, я все знаю. Поэтому-то я всегда даю вашимъ сборщикамъ. И то сказать—вѣры разныя у насъ, а Богъ-то одинъ.

Итакъ, почитающіе себя за древле-православныхъ христіанъ обдали меня грязью, а магометанинъ ободрилъ и утѣшилъ. Исполняются слова Спасителя: *царица Савская возстанетъ на судъ съ народомъ симъ...*

Свящ. В. Вишневскій.

Къ характеристикѣ современной хлыстовщины.

ОЛЮДНАЯ степь, тянущаяся отъ лѣваго берега Сырь-Дарьи и до г. Джизака, въ настоящее время оживляется, благодаря арыку, проведенному по ней Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ. Здѣсь нашли себѣ пристанище много переселенцевъ изъ Европейской Россіи и образовали рядъ поселковъ. На ряду съ доброй пшеницей въ этихъ поселкахъ оказались и плевелы—штундо-баптисты и особенно хлысты, во главѣ которыхъ стоитъ почитаемый сектантами—„богъ-слово“, Уваръ Ермоленко.

Закинутый судьбою въ этотъ край, хотя и не въ качествѣ миссіонера, я, однако же, по давнему обычаю миссіонера, не могъ не войти въ сношенія съ сектантами и лицами, близко къ нимъ стоящими. Благодаря этимъ послѣднимъ и явилась у меня настоящая возможность познакомиться читателей „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ съ письмами хлыстовскихъ дѣятелей. Письма эти довольно интересны для характеристики современной хлыстовщины и способовъ пропаганды секты, и вообще они многимъ могутъ открыть глаза на многое.

1) Письмо хлыстовскихъ миссіонеровъ къ Увару Ермоленко ¹⁾).

6 ноября 1899 года.—Благослови, родимый батюшка, мнѣ написать сіе письмо дорогому и неоцѣненному моему сердцу брату Увару Теодоровичу!

Описываю о своемъ путешествіи. 24 октября я отправился изъ гор. Елизаветполя на Кавказъ, куда прибылъ 26 октября прямо къ Кондратію Леонтьевичу въ гор. Баталпашинскъ, гдѣ вотъ уже провожу около 8 дней. Но я нахожусь у него не одинъ, а со мною еще одинъ братъ изъ гор. Елизаветполя, который пожелалъ поѣхать послужить благовѣство-

---

¹⁾ Правописаніе въ письмахъ по возможности исправлено

ванію Христову. Имя сего брата Иванъ Петровичъ Шипиловъ, о которомъ я вамъ писалъ въ прежнемъ письмѣ изъ Елизаветполя, посланномъ 23 октября. И такъ вотъ мы теперь вдвоемъ путешествуемъ. Когда прибыли къ Кондратію Леонтьевичу въ Баталпашинскъ, то онъ насъ принялъ съ радостію, и мы передали ему, что нужно и что было угодно Господу, ничего не прибавили и не убавили, и притомъ прочли всѣ письма и откровенія, которыя я списалъ у васъ. Затѣмъ Кондратій Леонтьевичъ убѣдился въ истинѣ и началъ самъ возвѣщать и свидѣтельствовать другимъ приходящимъ къ нему лицамъ и убѣждать ихъ о томъ, что Господь ихъ не оставилъ, а тотъ же богъ-слово опять явился намъ, который былъ во плоти Порфирія ²⁾, а теперь во плоти Увара. И нѣкоторые убѣдились и съ радостію принимаютъ тоже слово-бога; а нѣкоторые усумнились, говоря, что „какъ бы не ошибиться; ибо уже много было впередъ такого, которые тоже говорили хорошо, а потомъ ввели въ заблужденіе и оказались пришедшими подъ именемъ Христовымъ“. И вотъ многіе на то указываютъ и сомнѣваются въ истинѣ. Но мы оставимъ этотъ разговоръ и эту рѣчь; а приступимъ опять къ тому, отъ котораго уклонились. Ибо, когда мы пробыли у брата Кондратія Леонтьевича однѣ сутки, на другія сутки побудилъ насъ Духъ Божій поѣхать въ одну станицу за 40 верстъ отъ горъ Баталпашинска, въ станицу Бекешинскую. И когда прибыли туда, то дали знать еще въ другую станицу Боргустанскую, откуда прибыло много братій и сестеръ, и мы тамъ пробыли полтора сутокъ, провели время въ чтеніи и пѣніи и разсужденіяхъ о жизни, богъ-словѣ и т. п. Но Господь тамъ насъ не оставилъ, но явилъ милость Свою ко всѣмъ находившимся; человекъ было около двадцати и болѣе; и растворилъ всѣмъ сердца вѣроу, и всѣ изливали сердечныя молитвы съ раскаяніемъ, и гдѣ былъ немалый плачь съ колѣнопреклоненіемъ всего собора; такъ что на каждой плоти былъ страхъ Божій и Духъ Божій. Ибо въ это время Господь возвѣщалъ и гласъ Божій трубилъ чрезъ плоть брата Кондратія Леонтьевича, который ѣздилъ съ нами туда, и чрезъ его уста слово Божіе громогласно дѣйствовало и до сердца проникало, и возвѣщалось обильно, и сила Святаго Духа дѣйствовала, и навела страхъ на всякую плоть. И гдѣ весь соборъ присутствующихъ восхвалялъ Бога и нашего Иисуса Христа за великую милость Его. А также и мы возблагодарили Господа за милость Его къ намъ, грѣшнымъ и недостойнымъ, а также и брата и соучастника въ благовѣствованіи и проповѣди Иисуса Христа Кондратія Леонтьевича за то, что онъ

²⁾ Порфирій Катасоновъ, почитаемый кавказскими хлыстами лже-христомъ; онъ насадитель секты въ этомъ краѣ.

потрудился поѣхать съ нами; ибо онъ уже преклонный старецъ 80-ти лѣтній, но охотно исполнилъ повелѣніе Божіе, которое возбудилъ въ немъ Господь, пожеланіе благовѣстити о истинномъ словѣ и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, котораго всѣ роды израильскіе ¹⁾ оставили и позабыли о Немъ. Но возлюбленный нашъ братъ и старецъ Кондратій Леонтьевичъ вновь напомянулъ тотъ началъ, чему Господь прежде научалъ, всѣмъ собравшимся въ станицѣ Бекешинской братьямъ и сестрамъ, которые съ радостію приняли. Затѣмъ мы возвратились опять въ гор. Баталпашинскъ къ брату Кондратію Леонтьевичу и теперь вотъ уже нѣсколько дней живемъ у него въ домѣ, занимаемся перепискою, такъ что уже пятый день пишемъ день и ночь, снимаемъ копии съ разныхъ писемъ и съ откровеній, которыя я списалъ, бывши у васъ. 7-го же числа предполагаемъ отправиться, куда Богъ благословитъ и куда поведетъ Духъ Божій. Ибо благодаримъ Господа, а также и братца Кондратія Леонтьевича, что пожили у него недѣлку и погостили; а теперь опять нужно приступать за предлежащій нашъ путь, дабы исполнить повелѣнія Господни, куда Онъ насъ послалъ.

Дорогой сердцу моему братецъ Уваръ Ѳедоровичъ! Я говорилъ Кондратію Леонтьевичу, что, можетъ, будетъ угодно Господу, то и ты будешь потребованъ въ Петербургъ для свидѣтельства слова о Израилѣ, на что онъ съ охотой согласенъ исполнить волю Божію. Говоритъ такъ: „если Господу угодно, то пусть вызываетъ меня въ Петербургъ; а я всегда готовъ“. Вотъ его адресъ жительства: „Въ гор. Баталпашинскъ, Кубанской области. Собственный домъ. Отставной есаулъ Кондратій Леонтьевичъ Уклеинъ“.

Кланяется онъ вамъ сердечно и проситъ вашихъ святыхъ молитвъ о немъ, дабы Господь укрѣпилъ его вѣру и соблюлъ тѣло отъ болѣзней. А также кланяется его помощница Анна Ивановна, тоже сердечно привѣтствуетъ и проситъ твоихъ святыхъ молитвъ о ней, дабы Господь растворилъ въ ней дверь вѣры, а то колеблется въ вѣрѣ, и сохранилъ ея тѣло отъ бѣды и болѣзней. Еще сердечно кланяются двѣ сестрички Марфуши, которыя живутъ у Кондратія Леонтьевича прислугами, и просятъ твоихъ святыхъ молитвъ о нихъ грѣшныхъ. Затѣмъ и мы, грѣшные и мерзкіе Михаилъ и Иванъ Шипиловы, припадаемъ къ стопамъ твоимъ и просимъ о насъ твоихъ святыхъ молитвъ, дабы укрѣпилась въ насъ вѣра, и чтобъ растворилась дверь устъ нашихъ для благовѣствованія и проповѣди Іисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

¹⁾ „Роды израильскіе“ въ смыслѣ укора хлысты прилагаютъ къ православнымъ.

Остаемся милостію Божіею и твоими святыми молитвами Иванъ и Михайлъ (Шипиловы).

Передай отъ насъ всѣмъ братьямъ и сестрамъ сердечный поклонъ; а именно: во первыхъ, сестрѣ Фіонѣ, Полѣ, братцу Карпу съ супругой, всѣмъ Балякинымъ вообще, и брату Родіону съ супругой, и всѣмъ, всѣмъ и всѣмъ. Увѣдомляю, что 5 сего ноября утромъ рано я посылалъ съ ангеломъ, который сопутствуетъ со мной, тебѣ, братецъ Уваръ, мой сердечный поклонъ. Не знаю приняли ли вы его. Я о томъ не спросилъ ангела. Затѣмъ увѣдомляю, что до Россіи, т. е. и гдѣ я уроженецъ и гдѣ живетъ моя помощница Любаша, то туда еще далеко, болѣе 1500 верстъ. И туда не знаемъ, когда дойдемъ, какъ будетъ Господу угодно; ибо здѣсь много мѣстъ, гдѣ народъ Божій; и всѣмъ желательно передать слово, и чтобы до всѣхъ достигло благовѣстіе и проповѣданіе Иисуса Христа.

2) *Письмо Екатеринославскаго глыстовскаго ересеучителя и лжепророка.*

1900 года Апрѣля 17 дня. Здравствуй, любезный братецъ Ермолай Антоновичъ, и всѣ любезныя дѣвственницы, и вы всѣ, дорогіе братцы! Пожелайте съ сердцемъ нашимъ соединяться, чтобы съ Батюшкой, Царемъ Небеснымъ не разстаться, а съ сыномъ человѣческимъ увидаться. Пожелайте, любезные, на войну собираться; ибо судъ Божій сыну человѣческому отдастся. А какъ силы небесныя сойдутся, то и судъ Божій начнется. А что сказалъ Христосъ: „Я ко Отцу моему иду“ и къ вамъ зайду; а въ девять сотъ первомъ году судъ начну. А я прежде ангеловъ соберу, и всѣмъ имъ трубы вручу, и по военному играть научу. А какъ стали трубы трубить, и не смолкаютъ, всю подселенную пробуждаютъ, всѣхъ воиновъ силъ небесныхъ пробуждаютъ, въ едино мѣсто Ангеловъ и Архангеловъ собираютъ, Херувимовъ и Серафимовъ собираютъ; а сыну человѣческому возвѣщаютъ. Ему мать сказала: Ты не бойся, Мой Сынокъ, Я подарю тебѣ драгоцѣнный вѣнокъ. Со всей силой небесной разломаю замокъ; только позволь, Мой Сынокъ, купить въ Россіи хоть одинъ замокъ. А какъ Мать Твоя жила, серебра и золота не собирала, всѣми драгоцѣнностями вѣнокъ украшала; а за остальные ризушку тебѣ покупала, и всѣми цвѣтами ее украшала, по плечамъ и по бедрамъ Ангеловъ нашивала, и въ руки имъ трубы давала, и все Сына своего утѣшала и сама себя Ему вручала. Она въ колыбели Его качала, про вѣнокъ и ризушку рассказывала: „ужь Ты спи, мой Сынокъ, спи Ты, на приставленныхъ воиновъ воеводъ не гляди, матери своей не губи, отъ вѣнка небеснаго никуда не уйди, на безбожнаго начальника не смотри. У немъ

самомъ Бога нѣтъ и похулили увесь небесный свѣтъ. Вотъ его несчастный слѣдъ. И полководцевъ воиновъ вѣрныхъ нѣтъ. Тогда погаснетъ увесь свѣтъ, когда батюшка изъ земли на небо взойдетъ. И твоя слава, сынъ человѣческій, пропадетъ, вѣнокъ и ризушка въ руки тебѣ не попадетъ. Какъ можно это знать? И кого сыномъ Божиимъ называть? Когда я сталъ непонятно такъ вамъ писать? Слушайте, братъ, кого буду сыномъ человѣческимъ называть и съ кого воиновъ небесныхъ собирать, всѣхъ дѣвственниками буду называть, и Отца небеснаго буду призывать. И Отецъ Ангеловъ небесныхъ будетъ съ собою братъ и каждому для помощи на службу давать. А теперь про сына человѣческаго буду тебѣ объяснять. А какъ написано: сыны человѣческіе, что вы не право судите? Вы всю подселенную разгубите; а вѣнка себѣ не купите и ризушки не добудете. А ты, сынъ человѣческій, не мѣшай съ такой славы, не слушай мірской забавы. Это—люди, отдѣляющіе себя, душевные, и безбожные, и не имѣющіе Духа Святаго. Теперь ты самъ размотри, и начальника воевать призови, и военное дѣло ему предложи; а начатый миръ тобою, сынъ человѣческій, соверши. Вотъ ты этого начальника съ воеводами пошли, который предъ глазами (мы) вашими триста воеводъ приставилъ, а бога (человѣческа) человѣка хулить заставилъ. Теперь ты самъ, сынъ человѣческій, посмотри донскаго казака малоросса; а меня гусару малороссу ¹⁾ благослови и замокъ для воиновъ купи, чтобы можно мнѣ воиновъ собрать и трудомъ ихъ не обременять. Надо къ военной службѣ ихъ приучать. Вѣдь мирную конференцію нужно кончать; а вѣдь наша брань не противъ крови пролита, а противъ духовъ силъ поднебесныхъ и противъ тмы міродержимыхъ. Сынъ человѣческій! Прошу тебя принять съ воинами меня, малоросса. А еще прошу тебя, и вся сила небесная, которая и меня на это воинство будила. Такъ я сталъ воевать, и Божією любовію сталъ воиновъ собирать, чтобы всю силу вражію побѣждать. Сынъ человѣческій! еще прошу. Воины всѣ врозь стоятъ, и некуда ихъ собрать. Надо бъ хоть клочекъ земли покупать, гдѣ можно воиновъ въ домъ—ста всѣхъ собрать. Вотъ и продается одинъ участокъ № 425-й 2075 десятинъ удобной земли, при рѣкѣ и на берегу Азовскаго моря, съ торговою косою и рыбнымъ заводомъ, и съ многими постройками, у 25-ти верстахъ отъ Таганрога, и съ мертвымъ инвентаремъ, по двѣсти рублей за десятину, а если пожелаете купить, со дворцемъ, чтобъ помѣститься съ семействомъ и отцемъ. И еще прошу тебя, сынъ человѣческій, прочитать посланіе 2-е

¹⁾ Должно быть, гусара -- малоросса.

къ коринѣянамъ 10-я глава ¹⁾). А когда пожелаете воиновъ нашихъ узнать, то прежде ихъ надо у одно мѣсто собрать. Это вѣрно, что они врозь всѣ стоятъ. Кто сталъ тюрьмы содержать, кто—сибирскія страны пытатъ, кого на Сахалинъ островъ стали посылать, а кого стали и чрезъ снѣговья горы посылать, а кого стали подъ закономъ строго держать. Теперь сами посудите, какъ мнѣ ихъ собирать. Вѣдь надо у сына человѣческа власть просить. Но сынъ человѣчскій долженъ самъ знать, что безъ власти его нельзя изъ зубовъ звѣря ²⁾ вырывать. Звѣрь можетъ всѣхъ воиновъ моихъ потерзать. Мнѣ придется и телеграммы разсылать, а въ инья страны и письма посылать, а много придется и самому развѣзжать, а можетъ быть, придется и пословъ своихъ посылать, чтобы скорѣй воиновъ собрать. Мнѣ хотѣлось бы скоро царскій указъ ³⁾ получать. Теперь довольно писать, только нужно адресъ прописать. Адресъ мой: Въ Екатеринославскую губернію, на станцію Дебальцево, въ почтовое отдѣленіе, въ село Ольховатку, получить Василию Даниленко. А что вы просите, чтобы чаще писалъ, — писаря еще не нанималъ, а братьевъ грамотныхъ еще отецъ мнѣ не посылалъ. А когда Господь мнѣ дастъ, чтобы получить мнѣ власть, тогда и писаря я найму, и буду вамъ часто писать. А теперь буду Господа Бога просить, что нужно, то мнѣ извѣстить. А какъ письмо это не захватить брата Увара дома, то письма не держать, а въ слѣдъ его пустить. Сіе письмо ему одному принадлежитъ. Я тоже, какъ получу извѣстіе отъ него, то на встрѣчу ему письмо пушу.

Господь нашъ во плоти подъ закономъ страдаетъ, и всѣ члены его въ законѣ гвоздями пригвождены.

Свящ. М. Тифловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ За тѣмъ-то руководители хлыстовщины, вродѣ Увара Ермоленко и автора сего письма, и сбиваютъ съ пути народъ, чтобы на его трудовые гроши обзавестыя богатыми помѣстьями. Это и пытаются онъ замаскировать ссылкой на власть апостольскую ап. Павла. Какое самомнѣніе!

²⁾ Итакъ, будемъ знать, православная россійская имперія и ея высшее и низшее правительство, по—хлыстовски, звѣрь!

³⁾ Выше Даниленко всякое правительство Россіи обаявалъ звѣремъ, а теперь прикидывается послушнымъ подданнымъ, чтобы получить нужный указъ. Отсюда понятна цѣна сектантскихъ увѣреній подданства и легальности. *Асторъ.*

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа съ штундо-баптистами о почитаніи святыхъ иконъ.

I.

РЪ СЕЛѢ Подлипномъ издавна проживали молокане. Они были люди мирные. Свращеніемъ православныхъ въ свою секту не занимались. „Вѣруй всякъ по своему“,—вотъ было ихъ правиломъ.

Въ послѣдніе годы Подлипновскіе молокане однако рѣзко измѣнились. Они перешли въ штунду. Стали грубы и дерзки съ міромъ; повели настоящую войну и противъ православной Церкви.—Съ особой ненавистью относились они къ святымъ иконамъ. Случалось, что они глумились надъ православными образами; называли ихъ „идолами“ и „истуканами“.

Дѣло зашло далеко. Въ Подлипномъ завелись колеблющіеся въ самыхъ благонадежныхъ православныхъ семьяхъ. Это обстоятельство заставило меня ѣхать на бесѣды съ подлипновскимъ народомъ.

Оповѣстили о моемъ пріѣздѣ. Люди охотно устремились въ церковно-приходскую школу. Въ полномъ составѣ явились штундисты. Ими „правиль“ старшій братъ, Петръ Даниловичъ. Заранѣе было извѣстно, что штунды желаютъ бесѣдовать со мной о почитаніи святыхъ иконъ. Я радовался говорить именно объ этомъ предметѣ, который для подлиповцевъ служилъ настоящимъ „камнемъ претыканія“.

И вотъ мы приступили къ бесѣдѣ. Народъ биткомъ набилъ церковную школу. Я сказалъ:

— Волнуетъ меня, братія, вѣсть о вашихъ церковныхъ раздѣленіяхъ. Слышу, что среди васъ народилась новая вѣра.

Появились люди, которые хулятъ нашу *родную* православную Церковь. — Боже милосердый! развѣ св. Церковь наша учитъ людей чему-либо дурному, развѣ она проповѣдуетъ намъ не Евангеліе Христово?..

Но что я слышу? Вотъ, говорятъ, къ вамъ, въ Подлипное, прѣзжали какіе-то проповѣдники, которые Церковь нашу обзывали „язычествующей“, а насъ брали „идолопоклонниками“...

— Правда, родной, правда! Было это...—завопила въ толпѣ старая и дряхлая женщина.

— Какіе же мы язычники? Какимъ идоламъ кланяемся? Всякій знаетъ изъ нашего символа, что мы вѣруемъ во *Единого* Бога троичнаго въ лицахъ. Никакихъ другихъ боговъ мы не принимаемъ...

Правда, въ православной Церкви есть святые иконы...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло!—замѣтилъ впереди стоявшій штундистъ.

— Да, въ православной Церкви есть иконы, — твердо повторилъ я. Но развѣ иконы—боги? На иконахъ мы лишь *красками* изображаемъ то, что *словами* повѣствуется въ Библии и священной исторіи о Богѣ и угодникахъ Его. Иконы, такимъ образомъ, отличаются отъ истиннаго Бога еще больше, чѣмъ небо отъ земли...

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ имѣемъ мы иконы?

— Затѣмъ, чтобы посредствомъ ихъ *наглядно* красками изобразить ученіе о Божіихъ дѣлахъ и о нашемъ спасеніи Иисусомъ Христомъ—въ частности. Иконами ученіе это *понятно* излагается для всякаго зрячаго человѣка, даже для неграмотнаго. И нашъ обычай освященъ примѣромъ Самого Иисуса Христа.—Припомните евангельскій рассказъ: ко Христу фарисеи подослали учениковъ своихъ съ вопросомъ: „*позволительно ли давать подать кесарю, или нѣтъ?*“—Господь не сталъ подробно говорить искусителямъ объ обязанности нашей повиноваться царской власти. Онъ, „*видя лукавство ихъ, сказалъ: Что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мнѣ монету, которою платится подать? Они принесли Ему динарій. И говоритъ имъ: чье это изображеніе и надпись? Говорятъ Ему: кесарево, тогда говоритъ имъ: итакъ, отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу*“ (Мѡ. 22, 18—21).

Отсюда научаемся, что для воспоминанія объ истинахъ

вѣры и жизни изображенія весьма полезны. И у васъ въ селѣ учитель, когда читаетъ по воскресеньямъ изъ книгъ, показываетъ при этомъ *туманныя картины*. Онъ хочетъ картинами лучше закрѣпить въ вашей памяти то, о чемъ читаетъ по книгамъ. Такъ и Господь научилъ насъ поступать, когда обличилъ фарисеевъ отъ портрета кесаря на динарїи...

Штундисты возроптали. Они усиленно твердили, что въ евангельскомъ разсказѣ про портретъ кесаря на динарїи нѣтъ рѣчи про иконы. „Зачѣмъ же православные поминають это неподходящее дѣло?“..

Я разъяснилъ народу, что евангельское событіе для насъ важно не какъ *прямое* доказательство за наши иконы. Для насъ въ данномъ случаѣ достойно вниманія то, что Христосъ *именно* чрезъ изображеніе пристыдилъ Своихъ искусителей. Значить, изображенія въ жизни, а отсюда—въ дѣлахъ вѣры *полезны*. Памятуя это, и Церковь наша чрезъ иконы *наглядно* говоритъ людямъ о томъ, о чемъ написано въ Евангелїяхъ, и что послѣ происходило въ Церкви Божїей. Поэтому сектанты пусть покажутъ намъ, *идь въ Слово Божїемъ запрещено объ истинахъ правой вѣры вспоминать чрезъ изображенія?*

Выступилъ Петръ Даниловичъ. Онъ рѣзко сказалъ, что я „не туда притянулъ“ евангельское событіе. Отъ динарїя Христосъ училъ людей не о Богѣ, а о земномъ царѣ. Православные же на иконахъ изображаютъ вѣдь Бога Истиннаго. Развѣ это возможно?..

— Послушайте, христіане,—обратясь къ народу, сказалъ Петръ Даниловичъ. Вотъ что пророкъ Моисей объявилъ во Второзаконїи: *„твердо держите въ душахъ вашихъ, что вы не видѣли никакого образа въ тотъ день, когда яворилъ къ вамъ Господь на (горѣ) Хоривъ изъ среды огня, дабы вы не развратились и не сдѣлали себѣ изваяній, изображеній какого-либо кумира, представляющихъ мужчину или женщину, изображенія какого-либо скота, который на землѣ, изображенія какой-либо птицы крылатой, которая летаетъ подъ небесами, изображенія какого-либо (звѣря), ползающаго по землѣ, изображенія какой-либо рыбы, которая въ водахъ ниже земли“*... (Вт. 4, 16—18).

Тутъ Петръ Даниловичъ остановился. Онъ сказалъ:

— Вотъ какъ про иконы говоритъ святое Писаніе! А вы за динарїи... То дѣло другое...

Я еще повторилъ, чтъ отъ динарїя мы научаемся лишь

одной истинѣ, что вспоминать о разныхъ событіяхъ и лицахъ *черезъ изображенія полезно.*

Если же безъ изображеній совершенно можно было бы обойтись, то Христось, безъ сомнѣнія, не взялъ бы въ руки динарія съ портретомъ царя и не употреблялъ бы въ Своихъ рѣчахъ разныхъ сравненій и подобій. А то Господь нашъ, говоря о царствѣ Божіемъ, уподобляетъ его то полю засѣянному, то неводу, то десяти дѣвамъ (Мѣ. 13 гл. и 25 гл.). Это тоже *картины*, взятыя изъ жизни. Такимъ образомъ ясно, что для человѣка *полезно* сопровождать рѣчь о предметахъ вѣры показываніемъ изображеній. Этой истинѣ и учитъ насъ евангельскій случай съ динаріемъ. Вы же, Петръ Даниловичъ, не показали, что объ истинахъ вѣры нельзя вспоминать *черезъ изображенія*. Ваша ссылка на 4-ю главу Второзаконія для васъ бесполезна...

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говоритъ Богъ *черезъ* Моисея пророка? Коротко сказать: Богъ заботливо оберегаетъ народъ съ служенія идоламъ, *„сдѣланнымъ руками человеческими изъ дерева и камня, которые не видятъ и не слышатъ, не ѣдятъ и не обоняютъ“* (— ст. 28). Потому при заключеніи древняго завета, Господь не показалъ евреямъ лица или „образа Своего“ (— ст. 12), *„дабы они не разратились“* (— ст. 16). Но значить ли отсюда, что *всякое* изображеніе, для прославленія Бога истиннаго сдѣланное, есть идолъ?

Для отвѣта на поставленный вопросъ разберемъ прежде всего 16 ст. 4 гл. Второзаконія. Тамъ сказано, что Господу противны *„изваянія, изображенія какого-либо кумира, представляющія мужчину или женщину“*. Значить ли это, что Богъ возбраняетъ дѣлать *всякія* изображенія Существа Своего съ лицами человеческими?

Въ 25 гл. Исхода читаемъ: *„и сдѣлай изъ золота двухъ херувимовъ: чеканной работы сдѣлай ихъ, на обоихъ концахъ крышки“* (—ст. 18). Херувимы же были не простымъ украшеніемъ скинии и храма, а на нихъ *почивала „слава Бога Израилева“* (Іез. 9, 3; ср. Евр. 9, 5).

Сносимъ словъ Божіи съ рѣчью пр. Іезекиіля: *„отъ верха дверей какъ внутри храма, такъ и снаружи, и по всей стѣнѣ... были рѣзные изображенія, сдѣланы были херувимы..., и у каждого херувима два лица. Съ одной стороны къ пальмѣ обращено лице человеческое, а съ другой къ пальмѣ лице львиное“* (—41, 17—19).

Изъ снесенія заповѣди Божіей съ описаніемъ пророка слѣдуетъ, что Самъ Господь, запретившій людямъ строить кумировъ,—повелѣлъ сдѣлать херувимовъ съ лицомъ чело-вѣческимъ и животнымъ. Значитъ, *не всякое человеческое изображение или изображение животного есть кумиръ*.

Запретилъ Богъ, какъ мы слышали изъ Второзаконія, дѣлать людямъ „*изображенія какого-либо скота, который ни земля, изображенія какой-либо птицы крылатой, которая летаетъ подъ небсами*“...

Опять спрошу васъ: что же, Господь *никакихъ* животныхъ и птицъ для славы Своего Имени не велѣлъ изображать?

Я уже читалъ вамъ изъ пр. Іезекииля, что у херувимовъ были *львиныя* лица (—41, 19). А левъ—животное. Такимъ образомъ *священныя* изображенія съ лицами животныхъ вѣрующимъ можно было дѣлать. Слѣдовательно, *не всякое изображение животного есть идолъ*.

Въ кн. Исходъ про херувимовъ сказано: „*и будутъ херувимы съ распростертыми вверхъ крыльями, покрывая крыльями своими крышкы*“... (—гл. 25, ст. 20).

Видимъ отсюда, что священные херувимы были *крылатые*. Крылья же составляютъ принадлежность птицъ. Такимъ образомъ, Богъ не возбранялъ народу Своему имѣть *священныя* изображенія въ видѣ птицъ.

Мои доказательства изъ Библии производили сильное воздѣйствіе на народъ. Штундисты стояли угнетенные.—Я продолжалъ рѣчь:

— Ничего укорительнаго для православной Церкви не находимъ мы и въ послѣднемъ прочитанномъ стихѣ изъ 4 гл. Второзаконія. Въ этомъ стихѣ осуждаются идольскія „*изображенія какого-либо гада, ползающаго по земль*“ (—18 ст.)—Всякое ли изображение гада *грѣховно* и противно Богу? Нѣтъ. Въ кн. такъ говорится: „*и сказалъ Господь Моисею: сдѣлай себѣ мѣднаго змѣя и выставь его на знамя, и (если ужалитъ змѣй какого-либо челоузка) ужаленный, взглянувъ на него, останется живъ. И сдѣлалъ Моисей мѣднаго змѣя*“... (—21, 8. 9).

Убѣждаемся отсюда, что изображение змѣя, выставленное для славы Истиннаго Бога, *священно* и Господу не противно. Противно Богу *только идольское* изображение гада...

Мнѣ грустно, что сектанты не понимаютъ этихъ простыхъ истинъ. Могу къ нимъ обратиться лишь съ словами Господа:

научайтесь „отличать священное отъ несвященнаго и нечистое отъ чистаго“ (Лев. 10, 10; Ср. Іез. 22, 26). Что Богъ очистилъ, того не почитайте нечистымъ (Дѣян. 10, 15). Не думайте, что *всякое* рукотворенное изображеніе есть идолъ.— Что такое идолъ? Разумѣете ли вы это, друзья?

Ап. Павелъ пишетъ: „мы знаемъ, что идолъ въ міръ ничто, и что нѣтъ иного Бога, кромѣ Единаго“ (1 Кор. 8, 4; ср. Пс. 95, 5—8). Язычники, осуетившись въ помышленіяхъ своихъ, забыли эту истину. Въмѣсто Бога Живаго они стали обожать тварь—животныхъ и человѣка, или издѣлія рукъ человѣческихъ. *Такія* издѣлія рукъ въ Словѣ Божіемъ именуется идолами. Нечестіе людей было такъ велико, что обращаясь къ идоламъ, язычники *говорили дереву: „ты мой отецъ“, и камню: „ты родилъ меня“* (Іер. 2, 27). Вотъ *такія* изображенія вымышленныхъ боговъ.—причемъ люди почитали подобныя изображенія *живыми*,—Богъ запрещаетъ дѣлать Своему народу. Именно эти *только* изображенія въ священномъ Писаніи именуется *идолами*, или *кумирами*.

Петръ Даниловичъ возразилъ.

— Вы слишкомъ глупыми представляете язычниковъ. Развѣ они своихъ идоловъ почитали живыми? Тоже и для нихъ деревяшки были деревяшками, и больше ничего.

Въ отвѣтъ я сказалъ:

— Для опроверженія неправильнаго понятія Петра Даниловича объ идолахъ я прочитаю изъ 14 гл. кн. пр. Даниила. Тогда сами, братья, судите, вѣрно ли утверждаютъ сектанты, будто язычники своихъ идоловъ *не почитали живыми*?

Я сталъ читать съ 3 ст. 14 гл. Даниила: „*былъ у Вавилонянъ идолъ, по имени Вилъ*“... Стихъ 6-й я прочелъ медленно и съ особымъ выраженіемъ въ голосъ: „*царь сказалъ: не думаешь ли ты, что Вилъ не живой Богъ? Не видишь ли ты, сколько онъ ѣстъ и пьетъ каждый день?*“

Итакъ, даже царь вѣрилъ, что вавилонскій идолъ *Вилъ*— „*живой богъ*“. Значитъ, сектанты ложно говорятъ, будто язычники своихъ идоловъ не почитали живыми.

Стали читать мы далѣе рассказъ про Вила. Слушатели смѣялись надъ тѣмъ, какъ лжецы обманывали царя. Всѣ были довольны, когда узнали, что разсерженный царь за обманъ велѣлъ казнить жрецовъ. Прочли стихи 23-24.

„былъ на томъ мѣстѣ большой драконъ... И сказалъ царь Даниилу: „не скажешь ли и объ этомъ, что онъ—мѣдъ? вотъ онъ—живой и пѣтъ и пѣтъ“...

Послѣ такого заявленія царя не могло быть ни у кого сомнѣнія, что язычники, дѣйствительно, своихъ идоловъ или кумировъ почитали живыми. Потому-то Богъ во всей Библии грозно обличалъ беззаконниковъ и свидѣтельствовалъ имъ о Себѣ, что Онъ—Единый Творецъ и Промыслитель міра. Потому же, спасая грубый народъ отъ идолопоклонства. Богъ, при заключеніи древняго завѣта съ Собой, не показавъ людямъ Лица Своего (Вт. 4, 15). Но священныя изображенія херувимовъ и мѣднаго змѣя велѣлъ сдѣлать. Ясно, что *не всякъ* рукотворенныя изображенія—идолы. Почему сектанты удаляются отъ *священныя* рукотворенныхъ изображеній, свидѣтельствующихъ намъ объ Истинномъ Богѣ и святыхъ Его?..

II.

Петръ Даниловичъ сказалъ:

— Мы чтимъ одного Бога, а рукотворенныхъ изображеній не имѣемъ и не почитаемъ ихъ. Это—языческій обычай. Такой обычай находимъ мы у православныхъ. Какъ посмотримъ на васъ, ну, право, въ глазахъ вертится то, о чемъ писалъ пророкъ Іереміа!.. Хотите, мы почитаемъ народу посланіе Іереміи, или оно противно вамъ?..

Петръ Даниловичъ съ усмѣшкой повернулся къ своимъ братьямъ. Тѣ дружно его поддержали.

— Не любятъ посланія Іереміи православные!.. Огнемъ оно жжетъ ихъ!..

Я замѣтилъ, что сектанты клеветуютъ на насъ. Мы *всѣ* священныя книги любимъ и съ наслажденіемъ читаемъ. Въ доказательство своихъ словъ я съ готовностью согласился выслушать посланіе Іереміи. Я просилъ лишь, чтобы сектанты потомъ разъяснили намъ, *какъ* этимъ посланіемъ обличается православная Церковь?

Петръ Даниловичъ откашлялся и зачиталъ. Я внимательно слѣдилъ за его голосомъ. Гдѣ онъ выкрикивалъ слова,—я подчеркивалъ. Такимъ образомъ для меня очевидными стали тѣ стихи, на которыхъ сектанты строили свои нападки на православную Церковь.

Кончилось чтеніе. Оно сопровождалось грубыми ошибками и заиканьемъ. Это утомило слушателей. Всѣ были рады, когда Петръ Даниловичъ положилъ Библию на столъ. Онъ уже не толковалъ посланія, а сказалъ лишь въ заключеніе:

— Вотъ какъ язычники служили своимъ богамъ, такъ вы—иконамъ. Разницы никакой нѣтъ. Потому мы думаемъ, что посланіе Іереміи обличаетъ васъ за языческіе обычаи...

Я отвѣтилъ:

— Уже изъ 1 стиха посланія Іереміи ясно, что пророкъ писалъ его Іудеямъ, уходящимъ въ Вавилонъ. Въ посланіи онъ изображаетъ тѣ обычаи, которыхъ держались язычники—вавилоняне. Эти обычаи *нисколько* не похожи на православное служеніе Богу Истинному.—Въ самомъ дѣлѣ: въ 4 стихѣ пророкъ пишетъ: „теперь вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ и золотыхъ и деревянныхъ, носимыхъ на плечахъ“... Пророкъ, такъ обр., ясно обозначаетъ, гдѣ іудеи увидятъ боговъ ложныхъ—въ Вавилонѣ, а не въ какой-либо другой странѣ. Значитъ, посланіе Іереміи не къ православнымъ христіанамъ писано; во дни пророка ихъ еще не было на свѣтѣ...

Не къ намъ оно относится и потому, что у насъ *совершенно* нѣтъ *никакихъ* боговъ золотыхъ, серебряныхъ и деревянныхъ. У насъ есть одинъ Богъ, изъ Котораго всѣ и мы у Него (ср. Еф. 4, 6). Иконы же православныя, какъ я уже говорилъ, *не боги*, а лишь *изображенія красками* Истиннаго Бога и святыхъ Его. Иконамъ никто не служитъ, какъ *живымъ* богамъ.

Правда, мы носимъ иконы на плечахъ, какъ вавилоняне носили своихъ боговъ (—ст. 4). Но развѣ что носятъ на плечахъ, то уже—идолъ? Въ 1 кн. Царствъ мы читаемъ: „*пришли жители Киріаѳарима, и взяли Ковчегъ Господа, и притесли Его въ домъ Аминадава*“... (—7, 1). Вотъ видимъ, что народъ Божій носилъ Ковчегъ Завѣта, на которомъ были херувимы. А развѣ кто сочтетъ Ковчегъ и херувимовъ идолами? (Ср. 1 Цар. 4, 3; Нав. 6, 5. 7).

Итакъ, за то, что мы носимъ свои иконы на плечахъ, какъ евреи Ковчегъ Божій, насъ *нельзя* называть идолопоклонниками.

Нельзя также уподоблять иконы Спасителя идолу за то,

что Христа мы рисуемъ *со скипетромъ* въ рукахъ (—ср. ст. 13 посл. Іер.). Вѣдь скипетръ въ рукахъ Христа для того изображается, чтобы показать, что мы вѣруемъ въ *царское* достоинство Сына Божія (Евр. 1, 3; Откр. 11, 15). Но мы не говоримъ, что иконы—живой богъ,—что икона *сама собой*, безъ Божіей воли, можетъ кого-либо убить или помиловать. Такимъ образомъ, мы вѣруемъ *совсѣмъ* не по-язычески.

Въ ст. 18 пророкъ осуждаетъ язычниковъ за то, что они „зажигаютъ“ для идоловъ „*свѣтильники, и больше, нежели для себя самихъ, а они ни одного изъ нихъ не могутъ видѣть*“.—Пророческія слова были великимъ укоромъ для язычниковъ: тѣ зажигали свѣтильники предъ своими истуканами, какъ предъ живыми богами: они думали, что этимъ истуканамъ пріятно видѣть свѣтъ свѣтильниковъ; между тѣмъ языческіе идолы ничего замѣчать не могли...

Мы же зажигаемъ лампы и свѣчи не для дерева или золота, или камня, а для Бога Всевидящаго. Въ этомъ случаѣ мы подражаемъ *не* вавилонянамъ, а древнимъ евреямъ. Имъ велѣно было Самимъ Господомъ зажигать „елей чистый“ предъ Ковчегомъ (Исх. 27, 20—21). Стараемся мы свое *земное* служеніе уподоблять *небесному*. На небѣ же Іоанну Богослову показаны были семь горящихъ свѣтильниковъ предъ престоломъ Божіимъ (Откр. 4, 5).—Значитъ, въ своемъ служеніи предъ иконами мы *ни въ какомъ случаѣ* не уподобляемся язычникамъ...

— Не уподобляетесь!—перебилъ меня Петръ Даниловичъ. А все похоже...

Я возразилъ:

— Что же все? Если мы носимъ иконы на плечахъ, зажигаемъ предъ ними свѣтильники,—ужели за это надо насъ бранить язычниками? Если такъ поступать, то мы можемъ обозвать васъ *животными*. Въ самомъ дѣлѣ: животныя *идутъ*—и вы *ѣдите*; животныя *ходятъ* на ногахъ—и вы также; животныя могутъ *кричать*—и вы еще громче ихъ. Стало быть, *вы—животныя!*..

— Эка, хватилъ!—воскликнули сектанты.

— Да, хватилъ и, конечно, неправильно. Но также неправильно вы поступаете, когда по немногимъ *отличиямъ* сходнымъ дѣйствіямъ уподобяете наше богослуженіе служенію язычниковъ. Побойтесь Бога!..

Сектанты молчали. Я продолжалъ рѣчь:

— Остановимся еще на одномъ стихѣ посланія Іереміи: „какъ же назвать ихъ богами? Женщины приносятъ жертвы этимъ серебрянымъ и золотымъ и деревяннымъ богамъ“ (—ст. 29).

Пророкъ уже довольно показалъ безчувственность и неподвижность идоловъ вавилонскихъ. Эти идолы—не боги; нечего и жертвы имъ приносить...

— А что, спросилъ меня Петръ Даниловичъ, иконъ своихъ вы не зовете богами?

— Какъ не зовутъ!—закричали штундисты. Постоянно говорятъ: „вонъ идутъ богоносцы“. Кто, подслѣповатый, входитъ въ избу, спрашиваетъ: „а гдѣ у васъ богъ?—Темные люди!..

Я отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, друзья, вы—темные люди! Вы не понимаете силы словъ. Васъ, какъ дѣтей, надо питать еще молокомъ духовнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужели вы не догадываетесь, что *ни одинъ* православный икону считать за бога не можетъ. Вѣдь въ Символѣ вѣры мы исповѣдуемъ *Единого* Бога во Святой Троицѣ. Значитъ, если „простолюдины“ называютъ икону богомъ, то лишь *переносно*: иконы—не боги, а, по словамъ апостола, лишь „*называемая* богомъ“ (2 Сол. 2, 4). И тутъ нѣтъ *ничего* языческаго. Во святомъ Писаніи мы находимъ подходящіе случаи. Такъ, въ кн. Числъ читаемъ: „*когда поднимался Ковчегъ въ путь, Моисей говорилъ: возстань, Господи!.. А когда останавливался Ковчегъ, онъ говорилъ: возвратись, Господи, къ тысячамъ и тѣмамъ Израилевымъ*“ (—10, 35. 36; ср. 2 Цар. 6, 5).

Разсудите сами: Богъ живой не поднимается, не опускается. Онъ наполняетъ Собою всю вселенную (3 Цар. 8, 27; Іов. 28, 24; Дѣян. 17, 27). Между тѣмъ Моисей говорилъ: „опустись, Господи! возстань, Господи!“ Явно, онъ обращался къ Ковчегу Завета, на которомъ нарицалось Имя Божіе (Числ. 10, 35). Этотъ Ковчегъ въ переносномъ смыслѣ онъ называлъ Господомъ.—Такъ и у насъ бываетъ. Войдите въ волостное правленіе. На стѣнѣ вы увидите царскій портретъ, а подъ нимъ подпись: „Императоръ Николай II“. Спрошу я васъ: развѣ *живой* царь виситъ на стѣнѣ? Нѣтъ; его изображеніе, портретъ. Подробнѣе бы, поэтому, надо на-

писать: „портретъ Его Величества Николая II-го“; въ сокращеніи же просто пишется: „Императоръ Николай II“.

Такъ надобно разсуждать и объ иконахъ. Собственно, войдя въ избу и не замѣтивъ образовъ, слѣдовало бы спросить: „гдѣ у васъ висятъ изображенія Господа, являвшагося во Плоти и святыхъ Его“; но въ сокращеніи говорятъ иначе. И за это людей осуждать нечего. Никто не думаетъ, что бумага, дерево, камень—богъ, какъ то думали язычники (Иер. 2, 27). Значить, и примѣнять къ намъ 29 ст. посланія Іереміи не для чего.

Довольно однако. Надѣюсь, теперь для всѣхъ очевидно, что посланіе Іереміи не можетъ быть прилагаемо къ обычаямъ православной Церкви. Въ этомъ посланіи обличаются многобожники,—служители идоловъ. У насъ Богъ одинъ и никакихъ идоловъ нѣтъ.—Поэтому опять спрошу я васъ: гдѣ же въ Словѣ Божіемъ вы нашли запрещеніе изображать Бога Истиннаго, являвшагося людямъ во Плоти?

Петръ Даниловичъ сказалъ:

— Гдѣ нашли? А вотъ почитайте 13 гл. Премудрости Соломоновой и 10 гл. пр. Іереміи. Тогда узнаете, какъ Богъ осуждаетъ рукотворенныя изображенія...

Одинъ молодой хорошо грамотный штундистъ сталъ читать указанныя Петромъ Даниловичемъ главы. Мы выслушали чтеніе спокойно и внимательно. Народъ не волновался. Православные уже съ улыбкой повторяли: „опять про идоловъ. Дались они имъ!“...

Я отвѣтилъ кратко. Я сказалъ:

— Прем. Соломонъ считаетъ „жалкими“ тѣхъ, „которые называютъ богами дѣла рукъ человеческихъ“ и „о жизни просятъ мертвое“ (—гл. 13, ст. 10. 18). Такимъ образомъ Соломонъ осуждаетъ *идолопоклонниковъ*, обожавшихъ тварь и издѣлія рукъ человеческихъ. Но про священныя изображенія *Истиннаго* Бога и святыхъ Его ни Соломонъ, ни пр. Іеремія *ничего* не говорятъ. У насъ же рѣчь не объ идолахъ, а о *священныхъ* изображеніяхъ. Гдѣ они-то въ Писаніи запрещены?

III.

Штундисты, посовѣтовавшись между собой, рѣшили „оставить“ ветхій завѣтъ. „Все равно, говорили они, по нему

никуда не придешь“... Но я попросилъ ихъ запомнить, что въ книгахъ ветхаго завѣта вездѣ осуждаются *идолы*, ложные боги. Священные же изображенія кивота, херувимовъ, мѣднаго змѣя Самъ Богъ велѣлъ людямъ сдѣлать и почитать...

— Ну, про мѣднаго змѣя вы не поминайте!—замѣтилъ Петръ Даниловичъ. Его еще въ ветхомъ завѣтѣ „истребилъ“ благочестивый царь Езекиа (4 Цар. 18, 1—4).

Я согласился, что, дѣйствительно, Езекиа „*истребилъ мѣднаго змѣя, котораго сдѣлалъ Моисей*“ (—ст. 4). Но за что истребилъ? За то, что сыны Израилевы звали его „Нехуштанъ“ (—4 ст.). По русски это слово означаетъ „мѣдный богъ“. Значить, какъ скоро святую вещь, которая была при Моисеевой скинии, люди *обожили*, такъ ревность по вѣрѣ требовала „истребить“ ее.—И если бы мы свои иконы почитали *живыми богами*,—эти иконы были бы для насъ также съѣю и петлей. Но иконъ мы не обожаемъ. И вы ясно укажите, гдѣ въ новомъ завѣтѣ Христось запретилъ имѣть ихъ для воспоминанія о Его святомъ законѣ?..

— Ну, родной, по новому-то завѣту вамъ труднѣй будетъ распространяться!—шутливо замѣтилъ Петръ Даниловичъ.

— Ничего... Богъ поможетъ, и по новому завѣту покажемъ, что вы ошибаетесь,—отвѣтилъ я.

— Тогда слушайте отъ новаго завѣта!—твердо произнесъ Петръ Даниловичъ. Въ Евангеліи Іоанна Христось говорить самарянкѣ: „*Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ*“ (—4, 24). А православные понадѣлали иконъ. Развѣ это *духовное* поклоненіе Богу?

Я отвѣтилъ:

— Въ 4 гл. Іоанна Христось *ни однимъ* словомъ не осудилъ поклоненія предъ иконами, когда это поклоненіе совершается отъ *чистой* любви къ Богу и его угодникамъ.— Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ „служить Богу духомъ“, по ученію свящ. Писанія? Вотъ ап. Павелъ пишетъ о себѣ: „*свидѣтель мнѣ Богъ, Которому служу духомъ моимъ*“ (Рим. 1, 9). Надобно разсмотрѣть, какъ апостоль служилъ Богу. Онъ всей душой вѣрилъ въ Него; любилъ заповѣди Христовы и душу полагалъ для распространенія Евангелія на землѣ (2 Кор. 11, 23—32). Но тотъ же апостоль, по влеченію

своего сердца, ходилъ въ Иерусалимъ „и молился въ храмъ“ (Дѣян. 22, 17). Въ храмѣ по всѣмъ стѣнамъ были рѣзныя *изображенія* херувимовъ (Иез. 41, 17 — 18). Молясь Богу, *плотскими* глазами апостоль невольно смотрѣлъ на эти изображения. Что же—выходить, онъ *не духовно* служилъ Богу? Нѣтъ, *духовно*. Въ своей молитвѣ онъ съ силой проявлялъ „*плоды духа*“ (Гал. 5, 22—23). Онъ искренно *любилъ* Бога и для него жертвовалъ всѣмъ существомъ своимъ —и душой, и тѣломъ (2 Кор. 11, 23—32). Онъ *впримъ* въ Евангеліе — и свою вѣру являлъ въ жизни своей не только по духу, но и по плоти.—Такимъ образомъ, своимъ *примѣромъ* апостоль указалъ намъ, что значить „служить Богу духомъ“. Это значить—не держать вѣры и любви къ Богу въ душѣ *только* и ничѣмъ не обнаруживать ихъ. *Духовное* служеніе Богу требуетъ отъ насъ *наружной* вѣры,—внѣшнихъ проявленій нашей молитвы и нашей бесѣды съ Богомъ. Тотъ, кто „служить Богу духомъ“, подражая Христу (Мѡ. 26, 39), во время молитвы, станетъ *преклонять колѣна* (ср. Дѣян. 21, 5; Еф. 3, 14), *воздвѣгать руки къ небу* (1 Тим. 2, 8),—будетъ, слѣдуя примѣру апостоловъ, *ходить въ храмъ Божій* (Дѣян. 22, 17; ср. 3, 1 и др.). Значить, слова Христа къ самарянкѣ (Иоан. 4, 23. 24) не *возбраняютъ* намъ служенія Богу тѣломъ, плотію. Эти слова обличаютъ лишь фарисейскій духъ въ іудеяхъ. Многіе іудеи гордились тѣмъ, что у нихъ есть храмъ Божій,—есть святыня въ храмѣ, а дѣлъ милосердія и любви не дѣлали (Мѡ. 23, 23). За это *такихъ* людей Господь осуждаетъ, называя ихъ *лицемѣрами* (Мѡ. 23, 13. 14. 15. 23). — И намъ въ 4 гл. Іоанна Господь заповѣдуетъ не довольствоваться на молитвѣ *одной* внѣшностью, дѣлами тѣлесными *только*, а велитъ еще проявлять въ жизни „*плоды духа*“. Объ этомъ Церковь православная и старается. За литургіей она возглашаетъ: „горѣ имѣимъ сердца“. Это значить: будемъ держать сердца наши *высоко*, у Престола Божія,—будемъ не плотскія только колѣна преклонять предъ величіемъ Божиимъ, но и колѣна сердца (ср. Еф. 3, 14).—Такимъ образомъ православная Церковь строго исполняетъ законъ Христовъ. Самыя иконы-то она имѣетъ для того, чтобы черезъ нихъ лучше возвести наши умы къ Богу,—къ размышленію о дѣлахъ Его для спасенія міра. А вы, сектанты, отъ иконъ бѣжите. Почему?..

— Почему бѣжимъ?—переспросилъ меня Петръ Даниловичъ. А вотъ почему: „*мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго*“ (Дѣян. 17, 29). А у православныхъ всѣ иконы не серебряныя, такъ золотыя—и сдѣланы съ великимъ искусствомъ...

Я сказалъ:

— Да, наша Церковь требуетъ, чтобы иконы *вездѣ* писались и устроились съ *великимъ искусствомъ*. Въ этомъ случаѣ она подражаетъ Самому Богу. Господь для устройства и украшенія скинии избралъ Веселіила и Аголіава—мужей, которыхъ Онъ исполнилъ „*всякимъ искусствомъ*“ (Исх. 31, 3. 6). Почему это? Да потому, что украшеніе дома Божія—великое и трудное дѣло. Чтобы выполнить все въ согласіи съ величіемъ Божиимъ, потребно большое искусство человѣку (Ср. 1 Пар. 9, 33). О немъ наша Церковь старается и, какъ видимъ, соотвѣтственно намѣреніямъ Самого Бога.

Если же въ прочитанныхъ вами словахъ апостоль говорить, что „*Божество не подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго*“,—то и православная Церковь такъ думаетъ! Она вѣруетъ, что Богъ есть Духъ, величайшій и непостижимый (Быт. 1, 2; Пс. 138, 7; Иоан. 4, 24; 3 Ц. 8, 27; Пс. 85, 10 и др.). На иконахъ она рисуетъ Его не такимъ, какъ Онъ живетъ „*во свѣтѣ неприступномъ*“ (1 Тим. 6, 16). *Такимъ* Бога никто никогда не видѣлъ (Иоан. 1, 18). Святая Церковь изображаетъ Бога, какъ Онъ *являлъ* Себя міру. Наши иконы состояются вслѣдствіе того не *по вымыслу человѣческому*, а по указаніямъ Библіи.

— Правда?—удивленно перебилъ меня Петръ Даниловичъ. Покажите, гдѣ въ Писаніи сказано изображать Бога *старикомъ*...

Я открылъ кн. пророка Даніила и прочиталъ: „*видѣлъ я наконецъ, что поставлены были престолы и возсѣлъ Вѣтхій днѣми*“... (—7, 9 ст.). Вотъ Библія указываетъ намъ ясно образъ для нарисованія Бога Отца. Это—мужъ „Вѣтхій днѣми“, по-просту—*Старецъ*. Къ Нему, по пророчеству Даніила, подводится „Сынъ Человѣчскій“ (—ст. 13), Иисусъ Христосъ, *моложе* видомъ. А затѣмъ у насъ изображается Третье Лице Св. Троицы, въ видѣ *голубя*,—какъ Духъ Св.

явилъ Себя при крещеніи Христовомъ (Мѣ. 3, 16),—или въ видѣ *огненныхъ языковъ*, какъ было въ день первой христіанской Пятидесятницы (Дѣян. 2, 3).—Такъ мы изображаемъ Святую Троицу—не отъ вымысла человѣческаго, а по руководству священнаго Писанія.

— Но вѣдь въ Евангеліи Іоанна написано: „*Бога не видѣлъ никто никогда*“ (—1, 18), а вы рисуете?—воскликнулъ Петръ Даниловичъ.

— Да, въ Евангеліи Іоанна сказано: „*Бога не видѣлъ никто никогда*“; но вы плохо дѣлаете, что не дочитываете стиха до конца: *Бога не видѣлъ никто никогда; Единородный Сынъ, Сущій въ нѣдрѣ Отчезъ, Онъ явилъ*“ (—1, 18). *Всѣ* эти слова, вмѣстѣ взятая, объясняютъ намъ дѣло. Бога, Живущаго во свѣтѣ непреступномъ, дѣйствительно, не видѣлъ *никто никогда и никакъ* (1 Тим. 6, 16). Богъ—Духъ не подлежитъ разсматриванію плотскими очами.—Но въ опредѣленное время (Гал. 3, 22), умилиосердившись надъ людьми, Богъ сошелъ на землю, воплотился во Христъ и „*отъ полноты Его мы все приняли и благодать на благодать*“ (Іоан. 1, 16). Теперь люди уже не могутъ жаловаться, что они не видѣли Отца. Объ этомъ въ Евангеліи Іоанна читаемъ: „*Филиппъ сказалъ: Господи! покажи намъ Отца, и довольно для насъ. Иисусъ сказалъ ему: сколько времени Я съ вами, и ты не знаешь меня Филиппъ? Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца*“ (Іоан. 14, 8, 9).

Итакъ, Христось, *истинно* „явилъ“ людямъ Лице Отца Своего. Мы не можемъ поэтому говорить, что не видѣли Бога, являвшагося во плоти. Мы не видѣли лишь *Бога-Духа* (1 Тим. 6, 16); но о томъ узнаемъ, если будемъ, послѣ своей смерти (2 Кор. 5, 6, 8). Пока же мы во плоти,—будемъ довольны тѣмъ откровеніемъ Существа Божія, какое намъ явлено. Но по этому откровенію Самъ Господь, для напоминанія о Себѣ, повелѣлъ людямъ сдѣлать священныя изображенія кивота, херувимовъ и мѣднаго змѣя. Почему же у сектантовъ нѣтъ *никакихъ* изображеній священныхъ?

Петръ Даниловичъ возбудился и гнѣвно заговорилъ:

— Что вы все цѣпляетесь за кивотъ и херувимовъ? Они были до *своего* времени. Теперь ихъ Господь уничтожилъ... Я ласково сказалъ:

— Успокойтесь, Петръ Даниловичъ! Покажите отъ Слова Божія, гдѣ „уничтожены“ кивотъ и херувимы?

Какой-то сектантъ кричалъ: Господь „*отмъняетъ первое, чтобы постановить второе*“,—вотъ вамъ херувимы!..

Я замѣтилъ, что не будемъ торопиться, а все разберемъ по порядку. Для отдыха же и взаимнаго назиданія пропоемъ извѣстныя намъ церковныя пѣснопѣнія...

И люди запѣли. Могучее воодушевленіе двигало ихъ голосами. Народъ какъ бы хотѣлъ показать штундистамъ, что не продастъ имъ своей православной вѣры и не послушаетъ вражьиxъ навѣтовъ на нашу Церковь...

IV.

Петръ Данилычъ между тѣмъ усердно собирался доказывать, что въ новомъ завѣтѣ Христось истребилъ всѣ „рукотворенныя вещи“. Онъ нашель 9 гл. посл. къ Евреямъ и нетерпѣливо ждалъ очереди читать. Потомъ онъ началъ выкрикивать ее до послѣдняго стиха.—Когда чтеніе кончилось, я спросилъ: гдѣ же апостоль написалъ, что у христіанъ не должно быть никакихъ рукотворенныхъ святынь?

Общими силами сектанты указали на 5 и 10 ст. 9 главы, также на 9 ст. 10 гл. Посланія къ Евреямъ. Въ этихъ стихахъ православныя святыни, по словамъ сектантовъ, „подсѣкаются“ будто бы „подъ корень“.

Я остановился прямо на указанныхъ стихахъ. Въ 5 ст. 9 гл. къ Евреямъ сказано: „*надъ нимъ (ковчегомъ) херувимы славы, оспыняющіе очистилище; о чемъ не нужно теперь говорить подробно*“. Сектанты этотъ стихъ читаютъ особымъ образомъ. Слово „*подробно*“ они произносятъ тихо. Выходитъ будто бы, что апостоль *вовсе* не хочетъ говорить про херувимовъ. Между тѣмъ въ Посланіи къ евреямъ апостоль отказывается лишь „*подробно*“ говорить о древней святынѣ. Отказывается апостоль, безъ сомнѣнія, потому, что устройство скинія и всего древняго богослуженія евреямъ извѣстно было хорошо. Кто изъ нихъ захотѣлъ бы *подробно* ознакомиться съ этимъ устройствомъ,—тотъ могъ бы это сдѣлать безъ апостола, прочитавъ съ 25 главы Исхода до конца книги.

Такимъ образомъ, въ 5 ст. 9 гл. Посл. къ евреямъ рукотворенныя святыни не „*истребляются*“ *совершенно*, а лишь *подробно* не описываются.

Нисколько не говорить въ пользу сектантовъ и 10-й ст. этой же главы. Въ этомъ стихѣ удостоверяется, что ветхозавѣтная скинія и приносившіеся въ ней дары и жертвы со всѣми „*обрядами, относящимися до плоти, установленны были только до времени исправленія*“. — Я очень жалѣю, что мои собесѣдники не обратили вниманія на слово „исправленія“. Этимъ словомъ апостоль ясно обозначилъ, что древняя святыня у христіанъ должна быть *не истреблена, а исправлена*.—Какое же различіе въ этихъ словахъ?

Разница огромная. *Истребить* что нибудь значитъ *совсѣмъ это разрушить* и выкинуть, какъ соръ или пепель. *Исправить* вещь—значитъ оставить ее существовать только въ *поновленномъ* видѣ.—Возьмите примѣръ съ житейскаго быта. Положимъ, кто нибудь изъ васъ захотѣлъ *исправить* избу. Для этого онъ разберетъ ее по бревнамъ; пересмотритъ ихъ. Какія бревна годятся,—оставитъ для *исправленной* избы; какія сгнили—выкинетъ...

Такъ и Христось поступилъ съ древними святынями. Устарѣвшія изъ нихъ, какъ жертвы воловъ, овецъ, козловъ Онъ уничтожилъ или „отмѣнилъ“, по выраженію апостола (Евр. 10, 9). „*Отмѣняетъ первое*“..., читаемъ мы въ посланіи къ Евреямъ. Что же Господь отмѣняетъ? Это указано въ стихѣ 5 и ниже: «*Христось... говоритъ: всесоуженія и жертвы за грѣхъ не удобны тебѣ... Потомъ прибавилъ: вотъ иду исполнитъ волю Твою, Боже*» (ст. 5—9).

Итакъ, древнія жертвоприношенія животныхъ Христось *замѣнилъ* въ новомъ завѣтѣ *Своею* жертвою. Потому у христіанъ нѣтъ *никакихъ* жертвоприношеній животныхъ. Но въ 9 ст. 10 гл. Посл. къ Евреямъ *совершенно нѣтъ* рѣчи о рукотворенной святынѣ. А въ 9 гл. 10 ст. сказалъ апостоль, что эта святыня существовала „до времени исправленія“. Значитъ, въ *исправленномъ видѣ* рукотворенная святыня у христіанъ *должны* существовать. Гдѣ ихъ нѣтъ, какъ у сектантовъ, тамъ не соблюдается Слово Божіе...

Сектанты негодовали. Они находили, что я „переворотилъ“ все посланіе къ Евреямъ. „Развѣ можно такъ поступать съ Словомъ Божіимъ?“—шумѣли они. Однако показать, что же именно я „переворотилъ“,—они не могли.

Тогда Петръ Данилычъ сказалъ:

— Вы все свое богослуженіе основываете на одномъ

словѣ „исправленія“. Покажите же, *что и какъ* вы исправили; мы посмотримъ, какіе вы—мастера!..

Я отвѣтилъ:

— Послушайте, друзья мои, ради Бога и провѣрьте слова мои Писаніемъ. Тогда мы, можетъ быть, сговоримся съ вами...

Извѣстно, что, при заключеніи древняго завѣта съ Евреями, Богъ не показалъ имъ Лица Своего, чтобы „они не развратились“ (Вт. 4, 16). О Богѣ людямъ напоминали тогда кивотъ и херувимы. Потому Моисей, смотря на кивотъ, говорилъ: „*возстань, Господи! возвратись, Господи!*“ (Числ. 10, 35. 36). Потому же у пр. Іезекіиля написано: „*и слава Бога Израилева сошла съ херувима, на которомъ была*“ (9, 3). Въ согласіи съ пророкомъ, ап. Павелъ называетъ херувимовъ *херувимами славы* Божіей (Евр. 9, 5). Несомнѣнно отсюда, что для Евреевъ кивотъ съ херувимами служили какъ бы мѣстомъ покоя Божія. Они были для Евреевъ, стало быть, прообразомъ нашихъ иконъ.

Когда пришелъ Христосъ, то Онъ „*уничжилъ Себя, принявъ образъ раба, съславшись подобнымъ челоукамъ и по виду ставъ какъ челоукъ*“ (Филип. 2, 6. 7). Христосъ, так. обр., не только не скрылъ отъ людей Лица Своего, но въ Себѣ Самомъ явилъ вѣрующимъ Бога. Поэтому Онъ сказалъ Филиппу: „*видѣвшій Меня, видѣлъ Отца*“ (Іоан. 14, 9). Послѣ Христова явленія уже нѣтъ надобности посредствомъ кивота и херувимовъ напоминать людямъ о Богѣ. Да и Самъ Спаситель, по вознесеніи Своемъ на небо, является Іоанну прямо, какъ Сынъ Человѣческой (Откр. 1, 13). На этомъ основаніи Церковь православная изображаетъ Лице Бога такъ, какъ онъ являлся людямъ, то есть—съ *человѣческимъ видомъ*. Въ этомъ пунктѣ мы, во первыхъ, *исправляемъ* ветхозавѣтное богослуженіе. Вы видите, что наше исправленіе произведено по указанію Слова Божія.

Во 2, образомъ Сына Божія въ ветхомъ завѣтѣ служилъ мѣдный змѣй, повѣшенный на шесть. Этого змѣя евреи боготворили и назвали его „Нехуштанъ“. Потому царь Езекиа „истребилъ“ его (4 Цар. 18, 1—4). Въ новомъ завѣтѣ Спаситель нашъ явился, какъ Сынъ Человѣческой, принявъ образъ раба (Фил. 2, 6. 7.) Потому древнее *таинственное* изображеніе его чрезъ змѣя должно быть замѣнено болѣе

яннымъ и совершеннымъ изображеніемъ чловѣка, страдающаго на крестѣ.

Эту замѣну мы производимъ опять по указанію Слова Божія. Въ Евангеліи Іоанна Самъ Христосъ сказалъ: „и какъ Моисей вознесъ змію въ пустынь, такъ должно вознесены быть Сыну Человѣческому“ (3, 14; ср. Прем. Сол. 16, 7). Отсюда ясно, что мѣдный змѣй, повѣшенный на шесть, знаменовалъ именно Христа, распятаго на крестѣ. А какъ Христосъ вспомнилъ про мѣднаго змѣя, то и мы, размышляя о Спасителѣ нашемъ (Евр. 12, 2), дѣлаемъ образъ Его, повѣшеннаго на Крестѣ...

Послушайте и еще: ап. Павелъ пишетъ: „о горнемъ помышляйте“... (Кол. 3, 2). Исполняя заповѣдь апостола, мы смотримъ на горнее служеніе Богу. Это служеніе показано намъ въ Откровеніи. Тамъ является не только Христосъ Господь, но старцы-праведники и множество угодившихъ Богу (Откр. 4, 2—4 ст; 14, 2—5). Размышляя о кончинѣ ихъ жизни (Евр. 13, 7), для приближенія именъ ихъ къ нашей душѣ, мы дѣлаемъ изображенія святыхъ угодниковъ (ср. Исх. 28, 9—12). Въ этомъ случаѣ мы опять *исправляемъ* древнее богослуженіе, умножая святыни Божіи, какъ о томъ предсказалъ пророкъ Захарія (14, 20 ст.).

Вотъ такимъ образомъ *исправлено* у насъ православныхъ древнее Богоустановленное богослуженіе. Разберитесь сами: наше исправленіе ни въ одной части не идетъ противъ Слова Божія. А потому, какъ не боитесь вы возставать противъ святыхъ иконъ?

Петръ Даниловичъ махнулъ рукой. Онъ сказалъ:

— Наговорили вы много, да все отъ своей головы! Въ Евангеліяхъ *нигде* не указано, что христіанамъ нужны иконы.

Я возразилъ:

— Неправду вы говорите. Если бы священныя изображенія не нужны были людямъ,—апостоль Павелъ не ходилъ бы въ Іерусалимъ—молиться въ храмъ, гдѣ по всѣмъ стѣнамъ были разныя изображенія херувимовъ (Дѣян. 22, 17 ст.; Лез. 41, 17—19 ст.).

— То все древнія изображенія, а чтобы у христіанъ была рукотворенная святыня,—этого не откуда не видно!—замѣтилъ Петръ Даниловичъ.

V.

По глазамъ людей было замѣтно, что они утомились бесѣдой. Мы объявили перерывъ. Народъ вышелъ освѣжиться. Оставшіеся запѣли церковныя пѣснопѣнія. Потомъ, когда люди собрались и отдохнули, я сказалъ:

— Разсмотримъ же, братія, правда-ли, что въ новомъ завѣтѣ *совсѣмъ нѣтъ* указанія, что у христіанъ будетъ *руко-творенная святыня*?

Ап. Павелъ въ посланіи къ Солунянамъ говоритъ: когда „откроется *человѣкъ грѣха, сынъ погибилъ, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ, или святынею, такъ что въ храмъ Божіемъ сдѣтѣ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога*“ (2 Тес. 2, 3—4 ст.). Изъ этого пророчества апостола явствуетъ, что до конца міра у вѣрующихъ людей будетъ „*называемый Богомъ*“. Не Богъ въ собственномъ смыслѣ: Онъ живетъ вездѣ; а «*называемый Богомъ*»,—*видимый предметъ*, какъ ковчегъ въ ветхомъ завѣтѣ (1 Цар. 4, 7; ср. Чис. 10, 35—36). Этотъ предметъ, „*называемый Богомъ*“, апостоль именуетъ „*святынею*“, съ которой поведетъ борьбу антихристъ.—Ясно отсюда, что во всѣ времена, даже до прише-ствія Христова, у христіанъ будетъ *руко-творенная святыня*,—*святыня видимая*, которую и пренебрежетъ антихристъ.

Какія же именно *святыни* будутъ у вѣрующихъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ *намъ*чается въ Словѣ Божіемъ. Въ Откровеніи Іоанна Богослова написано, что явившійся въ концѣ вѣковъ антихристъ повелитъ людямъ сдѣлать „*образъ звѣря, который имѣетъ рану отъ меча и живъ. И дано ему было вложить духъ въ образъ звѣря, чтобы образъ звѣря и говорилъ и дѣйствовалъ такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу звѣря*“ (Откр. 13, 14, 15 ст.).

Изъ этихъ словъ тайновидца слѣдуетъ, что антихристъ устроить на землѣ *свою* святыню. Это святыня будетъ *видимымъ* образомъ звѣря. Таковую святыню антихристъ поставитъ на виду, заставляя людей поклоняться ей.—Теперь сообразите; если бы у христіанъ *никогда* не было *никакой* руко-творенной святыни, могъ-ли бы антихристъ сдѣлать что-нибудь подобное? Тогда бы люди *сразу* признали его обманщикомъ-лжецомъ,—и отвернулись бы отъ него всѣ. А то антихристъ

успѣшно соблазняетъ людей выдуманнымъ изображеніемъ звѣря. Значить, на мѣсто *бывшихъ* чудотворныхъ иконъ, онъ поставляетъ свою волшебную „икону звѣря“.—Отсюда убѣждаемся, что священныя рукотворенныя изображенія у христіанъ *были и будутъ всегда...*

— Вонъ онъ куда гонить!—шумѣли сектанты. Къ иконѣ звѣря... Какъ бы намъ не ошибиться: лучше ужъ *никакихъ* иконъ не принимать!..

Я отвѣтилъ:

— Если поступать по вашему, такъ не нужно брать *никакихъ* денегъ въ руки. Почему? Потому что, рядомъ съ настоящими монетами, ходятъ по рукамъ *поддѣльняки*... Но поддѣльвателей судить законъ, а мы деньгами настоящими себѣ на здоровье пользуемся.

Такъ будетъ при кончинѣ міра. Если на иконахъ изображень будетъ Господь, какъ о Немъ проповѣдано въ Евангеліяхъ,—не бойтесь такихъ иконъ. Онѣ—отъ Бога. Если же черезъ какія иконы стануть заставлятъ васъ отречься отъ Христа и Его Евангелія,—бѣгите отъ такихъ рукотворенныхъ изображеній.

— Вотъ мы и боимся, какъ бы изображеніями-то вы не завлекли насъ въ какую нибудь ересь!—сказалъ Петръ Даниловичъ.

Я успокоилъ возбужденныхъ сектантовъ и мирно замѣтилъ имъ:

— Еще разъ подумайте, друзья, что на православныхъ иконахъ не пишется ничего противъ Евангелія Христова. Поэтому и не бойтесь ихъ. У насъ въ точности соотвѣтствуетъ все священному Писанію. Прежде люди не видѣли лица Божія и потому вспоминали о Немъ черезъ кивотъ (Вт. 4, 15; Чис. 10, 35. 36),—нынѣ Христось явилъ намъ Отца Своего (Іоан. 14, 9) и потому о Богѣ мы вспоминаемъ иначе,—представляемъ Его себѣ, въ видѣ челоуѣка (Филипп. 2, 6—8 ст). Прежде образомъ мѣднаго змѣя люди напоминали себѣ о Христѣ (Іоан. 3, 14); нынѣ мы яснѣе изображаемъ Его, какъ Страдальца на крестѣ за наши грѣхи (Евр. 12, 2). Прежде святые угодники не были прославлены Богомъ (3 Ездр. 4, 35) и имена ихъ лишь буквами писались на груди у первосвященниковъ (Исх. 28, 9—12); нынѣ души праведныхъ предстоятъ Господу и уже наслаждаются от-

части блаженствомъ (Откр. 4, 4; ср. 7, 9—11). Вслѣдствіе этого и Церковь православная, въ память ихъ (Евр. 13, 7), сооружаетъ честныя и святыя иконы... Ясно, такимъ образомъ, что черезъ иконы ни въ какую ересь Церковь васъ не влечетъ...

— Эхъ, горе наше!—воскликнулъ Петръ Даниловичъ. Кабы *прямо* въ новомъ завѣтѣ сказано было про иконы. А то вы ихъ только находите. Въ Писаніи же ихъ нѣтъ...

Я отвѣтилъ:

— Неправду вы говорите, Петръ Даниловичъ. Въ первый разъ Самъ Богъ повелѣлъ сдѣлать священныя изображенія херувимовъ и мѣднаго змѣя (Исх. 25, 18; Числ. 21, 8. 9). Предъ этими изображеніями молились апостолы (Дѣян. 22, 17). Потомъ было предсказано, что они будутъ „исправлены“ (Евр. 9, 10) и, какъ святыня, будутъ существовать до пришествія Христова (2 Тес. 2, 4). А вы возстаете противъ иконъ и думаете, что овѣ Богу противны?

Петръ Даниловичъ помолчалъ немного, потомъ сказалъ:

— Вы зацѣпились за одно слово „святыня“... Кабы *протраннѣе* было сказано объ иконахъ,—мы бы повѣрили. А то вы приводите одни *тайнственные* заповѣданія...

Я отвѣтилъ:

— Для невѣрующихъ сколько не приводи доказательствъ,—они ничему не повѣрятъ. Мы же благодаримъ Бога и за краткія указанія объ иконахъ. Пусть въ самомъ дѣлѣ мы нашли *одно слово* въ пользу святыхъ иконъ. Это слово, какъ драгоценность, должно быть хранимо. Вы вотъ изъ одного слова апостола о „духовныхъ пѣсняхъ“ (Кол. 3, 16) разработали себѣ цѣлый сборникъ стихотвореній и поете ихъ на собраніяхъ. Такъ и мы, православные, по крупницамъ собрали свое духовное богатство и нашли въ Словѣ Божиемъ твердое основаніе для почитанія святыхъ иконъ...

Вопросъ о томъ, что Богу не противны священныя изображенія, былъ нами пространно разсмотрѣнъ. Мнѣ оставалось еще показать: *можно-ли кланяться предъ иконами?*

Сектанты отвѣчали:

— Нельзя. Въ Писаніи сказано: «*Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Одному служи*» (Вт. 6, 13; Мс. 4, 10).

Я возразилъ:

— Да, надо служить Одному Богу. И если православные

чтутъ иконы, то *исключительно* потому, что онѣ проповѣдуютъ намъ о Богѣ. Это похоже на то, какъ мы, любя царя земнаго, чтимъ его портреты и знамя.—И въ Словѣ Божіемъ мы находимъ ясныя свидѣтельства за то, что кланяться и молиться предъ рукотверенными святынями можно. Вотъ въ кн. Иисуса Навина читаемъ: *«Иисусъ разодралъ одежды свои и палъ лицемъ своимъ на землю предъ ковчегомъ Господнимъ и лежалъ до самаго вечера, онъ и старѣйшины Израилевы»...* (Нав. 7, 6).

Смотрите: Иисусъ Навинъ, молясь Богу, наружно, *тѣломъ*, упалъ предъ рукотвореннымъ ковчегомъ. Значить, кланяться рукотворенной святынѣ можно, вознося въ тоже время духъ свой къ Престолу Божію.

И св. царь Давидъ говоритъ: *«поклоняюсь предъ святымъ храмомъ твоимъ»* (Пс. 137, 2; ср. 3 Цар. 8, 38). А въ другомъ мѣстѣ онъ же призываетъ вѣрующихъ: *„Пойдемъ къ жилищу Божію, поклонимся подножію ногъ Его“* (Пс. 131, 7; ср. 1 Пар. 28, 2).—Ясно, такимъ образомъ, что въ ветхомъ завѣтѣ люди *поклонялись* предъ рукотворенной святыней Божіей.

Въ новомъ завѣтѣ Христосъ почиталъ храмъ. Онъ выгналъ изъ него торгующихъ (Іоан. 2, 15). Апостолы же прямо молились въ храмѣ, гдѣ были рѣзныя изображенія херувимовъ (Дѣян. 3, 1; 22, 17). Слѣдовательно, мои слова о томъ, что кланяться предъ рукотворенной святыней не грѣшно,—подтверждаются священнымъ Писаніемъ. Вамъ, друзья, трудно идти противъ этой святыни, какъ Савлу противъ рожна (Дѣян. 9, 5)!

Бесѣда была длинная. Она утомила слушателей и меня. Но, съ помощью Божіей, мы твердо установили согласіе почитанія честныхъ иконъ съ священнымъ Писаніемъ.

Мы дружелюбно простились съ сектантами. На другой день мы уговорились еще сойтись и побесѣдовать о предметахъ вѣры.

Д. Боголюбовъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Изъ миссіонерской дѣятельности братствъ въ ихъ ближайшемъ прошломъ. — Изъ постановленій миссіонерскаго Новгородскаго съѣзда. — Миссіонерскіе курсы въ С.-Петербургской епархіи. — Новая секта чтецовъ. — Секта Пригуновъ. — Въ міръ раскола.

Съ 1866 г. церковная власть для борьбы съ расколомъ стала учреждать *братства*. Одни изъ этихъ братствъ, напр., св. Креста въ Саратовѣ, св. Петра митроп. въ Москвѣ, св. Креста въ Н.-Новгородѣ, св. Димитрія Ростовскаго въ Томскѣ и мн. др. имѣютъ своею задачею исключительно борьбу съ расколомъ, другія же, напр., св. Гурія въ Казани, св. Николая въ Вяткѣ, св. Димитрія Ростовскаго въ Ярославлѣ, св. Василия въ Рязани имѣютъ другія задачи, но удѣляютъ немало вниманія и борьбѣ съ расколомъ.

Въ *Томскомъ* братствѣ святаго Димитрія Ростовскаго сосредоточена вся противораскольническая дѣятельность въ епархіи. Дѣлами братства въ г. Томскѣ завѣдывалъ совѣтъ, а въ другихъ городахъ — отдѣленія. Совѣтъ братства зорко слѣдилъ за состояніемъ мѣстнаго расколосектантства, составилъ въ руководство для собиранія и доставленія статистическихъ свѣдѣній особая программа, содѣйствовалъ развитію дѣятельности миссіонерскихъ благотворительныхъ комитетовъ, направлялъ дѣятельность миссіонеровъ и сотрудниковъ, пріискивалъ и подготовлялъ новыхъ миссіонерскихъ дѣятелей, заботился и ходатайствовалъ о построеніи церквей и открытіи приходовъ въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, помогалъ пособіями и даже назначеніемъ опредѣленнаго жалованья священникамъ бѣднѣйшихъ раскольническихъ приходовъ, а вмѣстѣ съ этимъ изыскивалъ средства, необходимыя какъ для содержанія миссіо-

нерскихъ дѣятелей, такъ и на удовлетвореніе другихъ миссіонерскихъ нуждъ.

Вятское братство святаго и чудотворца Николая старалось по мѣрѣ силъ и средствъ содѣйствовать епархіальной власти и духовенству Вятской епархіи въ противораскольнической дѣятельности. Сообразно съ этою цѣлью дѣятельность совѣта братства состояла: а) въ попеченіи и содержаніи центральной миссіонерской школы въ г. Вяткѣ и 40 братскихъ школъ въ епархіи; б) въ содержаніи Сарапульскаго миссіонера и в) въ бесплатномъ распространеніи въ народѣ духовно-нравственныхъ и миссіонерскихъ книгъ и брошюръ. Для братскихъ школъ и для бѣдныхъ раскольническихъ приходоѡ совѣтъ братства пріобрѣлъ 100 рамъ со снимками съ древнихъ греческихъ монетъ, съ изображеніемъ (VI—XII в.) различныхъ крестовъ: четвероконечныхъ, восьмиконечныхъ и др., и 80 экз. книги Н. И. Ивановскаго: «*Полное собраніе сочиненій*» (т. I). Для ознакомленія духовенства и общества съ задачами центральной миссіонерской школы и со всей учебной и миссіонерской постановкой въ ней дѣла, а также для руководства учителей и учащихся въ этой школѣ, составилъ и напечаталъ «*Уставъ Вятской миссіонерской противораскольнической школы*». Для распространенія въ простомъ народѣ совѣтъ братства выписалъ книгъ брошюръ и листовъ разныхъ наименованій 18734 экз. на сумму около 400 р., а сверхъ того имѣлъ брошюры своего изданія: а) «*Неизреченное благо живого неразрывнаго союза съ истинною Церковію Христовою*», пресвящ. Варсонофія, б) «*письмо бывшаго старообрядца Кунилова къ матери*» и в) «*Отреченіе вятскихъ, бахтинскихъ и быстрицкихъ старообрядцевъ отъ раскола*». Всѣхъ брошюръ и листовъ было роздано до 8000.

Братство св. Петра митрополита продолжало дѣйствовать противъ раскола посредствомъ изданія сочиненій о расколѣ и противъ раскола, веденія устныхъ собесѣдованій со старообрядцами и устройства школъ. Поставивъ съ самаго начала своего существованія главною задачею изданіе и распространеніе сочиненій о расколѣ и противъ раскола, оно распространило въ 1900 г. путемъ продажи и бесплатной раздачи 28,548 экз. собственныхъ изданій и 2282 экз. постороннихъ изданій. Для веденія бесѣдъ со старообрядцами

братство располагаетъ кружкомъ пастырей-собесѣдниковъ, находящихся подъ непосредственнымъ руководствомъ предсѣдателя, преосвящ. Пареевнѣ, еп. Можайскаго, которые ведутъ братскія бесѣды на Рогожской въ новоустроенномъ при Сергіевской церкви домѣ. Кромѣ того, оно имѣло миссіонеровъ—іеромонаха Мину, жившаго въ Покровскомъ монастырѣ, и А. Кузнецова, занимающаго должность помощника Гуслицкаго миссіонера. Школъ братскихъ 6; въ 1900 г. въ нихъ обучалось 373 ученика, изъ коихъ 361—дѣти раскольниковъ.

Кишиневское Христо-Рождественское епархіальное братство заботилось о поднятіи и укрѣпленіи миссіонерскаго дѣла въ епархіи. Для достиженія этой цѣли совѣтъ братства имѣлъ трехъ миссіонеровъ: 2 противораскольниковскихъ и одного противосектантскаго, которые благовременно, за каждое полугодіе впередъ, представляли совѣту братства росписанія своихъ поѣздокъ и бесѣдъ, съ обозначеніемъ предмета послѣднихъ. Считая главнымъ вспомогательнымъ средствомъ для веденія бесѣдъ съ раскольниками и сектантами книги, брошюры, листки и періодическія изданія противосектантскаго и противораскольниковскаго содержанія, совѣтъ братства заботился о выборѣ и приобрѣтеніи означенныхъ пособій какъ для братской бібліотеки, такъ и противосектантской при Ново-Нямецкомъ монастырѣ. Для первой приобрѣтено 2246 экз. книжекъ и брошюръ, 7750 разныхъ листковъ и 6 періодическихъ изданій, а для второй выписано книгъ на 467 р. и приобрѣтено образковъ и крестиковъ на 432 руб. Кромѣ того, онъ снабдилъ книгами единовѣрческой печати церковныя бібліотеки 7 пунктовъ, ходатайствовалъ о постройкѣ единовѣрческой церкви въ слободѣ Грубно, Хотин. у., и устройствѣ церковно-приходскихъ школъ въ трехъ пунктахъ съ раскольниковскимъ населеніемъ.

Братство св. Гурія въ Казани до послѣдняго времени обращало главное вниманіе на просвѣщеніе дѣтей инородцевъ и магометанъ посредствомъ школъ, но воздѣйствіе на взрослыхъ миссіонерскимъ путемъ не ставило своею задачею; вслѣдствіе чего дѣятельность его была односторонняя. Но теперь, по инициативѣ архіеп. Арсенія, на это братство возложены и прямыя задачи миссіонерства. Оно приняло на свой счетъ устройство двухъ миссіонерскихъ бібліотекъ: а)

противораскольнической и противосектантской и б) противомусульманской и противоязыческой; 2) оказаніемъ матеріальной поддержки новообращеннымъ въ православную вѣру, 3) даетъ деньги на миссіонерскіе курсы и 4) удовлетворяетъ другія миссіонерскія нужды.

Костромское Θεодоровско-Сергіевское епархіальное братство отпустило 1740 р. на содержаніе миссіонеровъ и ихъ помощниковъ, содержало на свои средства одноклассную церковно-приходскую школу, открытую въ 1893 г. въ центрѣ зараженной расколомъ мѣстности Макарьевского уѣзда—селѣ Шадринскѣ, открывало склады для продажи книгъ и брошюръ религиозно-нравственнаго, противораскольническаго и полемическаго содержанія, рассылало означенныя книги и брошюры бесплатно и возбудило вопросъ о составленіи руководственныхъ правилъ объ устройствѣ и противораскольнической миссіи въ Костромской епархіи, рассмотрѣло проектъ этихъ правилъ, составленный епархіальнымъ миссіонер. свящ. Ивановымъ, и рассмотрѣнный миссіонерскимъ съѣздомъ, бывшимъ въ г. Кинешмѣ 22 августа 1900 года, и поручило секретарю своего совѣта, преподавателю семинаріи Юницкому, составить эти общія правила, инструкціи миссіонерамъ и священникамъ и программы ихъ дѣятельности по предмету миссіи. О миссіонерской дѣятельности прочихъ епархіальныхъ братствъ, скажемъ въ другой разъ.

К. Плотниковъ.

Новгородскій епархіальный миссіонерскій съѣздъ. По инициативѣ высокопреосвященнаго архіеп. Гурія на средства братства св. Софіи въ октябрѣ истекшаго года въ г. Новгородѣ былъ созванъ *первый* епархіальный миссіонерскій съѣздъ. Для всесторонняго обсужденія вопросовъ миссіонерства епархіальнымъ начальствомъ были приглашены къ участию на съѣздѣ всѣ, кто только могъ своими познаніями или опытомъ содѣйствовать обсужденію вопросовъ мѣстно-епархіальной миссіи. Кромѣ оо. миссіонеровъ и ихъ помощниковъ, а также лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу миссіонерства, проживающихъ въ Новгородѣ, на съѣздъ были вызваны священники приходовъ, наиболѣе зараженныхъ расколомъ.

Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ по всѣмъ благочиніямъ епархіи, гдѣ есть раскольники, духовной консисторіей были разосланы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на сѣздѣ, съ предложеніемъ разсмотрѣть ихъ предварительно на окружныхъ благочинническихъ собраніяхъ и прислать свои заключенія въ предстоящій сѣздъ. Нѣкоторые благочинническіе округа прислали на сѣздъ своихъ депутатовъ помимо вызванныхъ епархіальнымъ начальствомъ. Вообще духовенство епархіи проявило весьма живой интересъ и большое сочувствіе предпринятому дѣлу созванія миссіонерскаго сѣзда. Общее число всѣхъ прибывшихъ было 37 человекъ.

2-го октября послѣ архіерейской службы и молебна св. Софіи Премудрости Божіей и новгородскимъ чудотворцамъ, въ архіерейскихъ покаяхъ былъ открытъ сѣздъ прекрасною рѣчью Архипастыря, послѣ которой Владыка преподалъ нѣсколько практическихъ наставленій о веденіи дѣла на сѣздѣ и занялъ предсѣдательское мѣсто. Послѣ этого были сказаны рѣчи миссіонеромъ Михаиломъ Войкомъ и преподавателемъ исторіи и обличенія раскола въ семинаріи И. А. Головановымъ.

Для детальной разработки важнѣйшихъ вопросовъ были образованы четыре коммисіи: 1) по вопросу о школахъ; 2) о единовѣрческихъ церквахъ; 3) о недоумѣнныхъ случаяхъ изъ пастырско-миссіонерской практики, и 4) объ устройствѣ братствъ и обществъ ревнителей православія.

Съ слѣдующаго засѣданія было приступлено къ разсмотрѣнію и рѣшенію самыхъ вопросовъ о способахъ пастырско-миссіонерскаго воздѣйствія на раскольниковъ ¹⁾.

¹⁾ Въ программу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію миссіонерскаго сѣзда, внесены были слѣдующіе:

1) Обсужденіе способовъ осуществленія мѣръ противъ раскола, изложенныхъ въ циркулярномъ указѣ новгородской духовной консисторіи, послѣдовавшемъ по поводу указа Св. Синода отъ 26 мая 1890 года за № 5, по отчету 3-го всероссійскаго миссіонерскаго сѣзда въ г. Казани въ 1897 году.

2) Мѣры практикуемыя миссіонерами и приходскими пастырями къ ослабленію раскола и искорененію раскольническихъ мнѣній и вѣрованій.

3) Обстоятельства, препятствующія успѣху пастырско-миссіонерской дѣятельности и способы устраниенія ихъ.

4) Значеніе школы вообще и церковной въ частности въ дѣлѣ противораскольнической миссіи.

Засѣданія происходили ежедневно утромъ съ 10 до 1 ч. и вечеромъ съ 6 до 8 ч., иногда затягивались до болѣе поздняго времени. Съѣздъ закончилъ свою дѣятельность 6-го октября утреннимъ засѣданіемъ.

Наиболѣе важными постановленіями, выработанными съѣздомъ были слѣдующія: 1) Находя недостаточнымъ періодическіе наѣзды миссіонеровъ въ зараженныя расколомъ мѣстности, и въ то же время сознавая невозможность долговременнаго пребыванія и болѣе частаго посѣщенія миссіонерами такихъ мѣстностей по обширности миссіонерскихъ районовъ, съѣздъ высказался за необходимость болѣе живаго и дѣятельнаго участія въ миссіонерскомъ дѣлѣ приходскихъ священниковъ, которые, постоянно живя среди раскольниковъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи многообразные случаи и способы воздѣйствія на заблуждающихся. 2) Для оживленія религіозной приходской жизни, а также для сплоченія православныхъ въ противовѣсъ сплоченности раскольниковъ признано необходимымъ заведеніе въ приходяхъ братствъ и обществъ ревнителей православія по образцу разрѣшеннаго къ учрежденію въ Велебицкомъ приходѣ Новгородскаго уѣзда. 3) Въ противовѣсъ раскольникамъ, пропагандирующимъ расколъ чрезъ цвѣтники, сборники, сказанія и другія произведенія раскольничьей литературы, признано желательнымъ и необходимымъ распространеніе среди раскольническаго и православнаго населенія брошюръ и книгъ противораскольническаго содержанія чрезъ бесплатную раздачу за счетъ средствъ, собираемыхъ на сей предметъ отъ добровольныхъ пожертвованій церковей, миссіонерскихъ отдѣленій и частныхъ лицъ ¹⁾. Для рекомендаціи такого рода

5) Разсмотрѣніе недоумѣнныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ миссіонерской и пастырской практикѣ (при веденіи публичныхъ и частныхъ собесѣдованій, при крещеніи дѣтей отъ уклонившихся въ расколъ, при совершеніи браковъ православныхъ съ мнимо-присоединяющимися къ Церкви, при погребеніи и т. п.).

6) Разсмотрѣніе журналовъ благочинническихъ съѣздовъ духовенства (приходовъ съ раскольническимъ населеніемъ) новгородской епархіи по вопросамъ борьбы съ расколомъ, представленныхъ на обсужденіе епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда.

¹⁾ Членомъ съѣзда, настоятелемъ Юрьева монастыря, архимандритомъ Владиміромъ на засѣданіи было изъявлено желаніе пожертвовать на сей предметъ 100 рублей.

брошюръ и вообще для содѣйствія духовенству въ этомъ дѣлѣ признано необходимымъ учредить особую комиссію при братствѣ св. Софіи. 4) Въ противовѣсъ раскольникамъ, дѣйствующимъ на колеблющихся изъ православныхъ соблазнительными картинами, признано желательнымъ для пользования на собесѣдованіяхъ издать на средства братства св. Софіи фотографическіе или фототипическіе снимки съ мѣстныхъ памятниковъ старины. Съѣздъ высказалъ желаніе, чтобы и другіе члены, свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ, содѣйствовали комиссіи. 5) Для воздѣйствія на расколъ чрезъ церковно-приходскую школу признано желательнымъ, чтобы законоучители на урокахъ закона Божія, гдѣ это окажется возможнымъ, сообщали ученикамъ дополнительныя свѣдѣнія по исторіи и обличенію раскола, особенно при сообщеніи доложительнаго ученія о богослуженіи, таинствахъ, крестномъ знаменіи и т. п. Признано также желательнымъ открытіе при нѣкоторыхъ второклассныхъ школахъ самостоятельныхъ миссіонерскихъ отдѣленій, а въ лѣтнее время курсовъ по расколовѣдѣнію. 6) Такъ какъ во многихъ школахъ епархіи, особенно женскихъ, учительницами состоятъ воспитанницы епархіальнаго училища и такъ какъ благотворное вліяніе въ миссіонерскомъ смыслѣ особенно важно въ отношеніи къ женской половинѣ раскольническаго и православнаго населенія, то признано цѣлесообразнымъ *вести преподаваніе исторіи и обличенія раскола въ курсъ епархіальнаго женскаго училища*. 7) Рѣшено ходатайствовать объ открытіи во многихъ пунктахъ епархіи съ раскольническимъ населеніемъ церковно-приходскихъ школъ и единовѣрческихъ приходовъ, при чемъ высказано пожеланіе, чтобы учителями въ такія школы назначались окончившіе курсъ семинаріи, а равнымъ образомъ и въ священники единовѣрческихъ приходовъ назначались лица, получившіе полное богословское образованіе или же уважаемые и начитанные изъ единовѣрцевъ, а псаломщиками непременно послѣдніе.

Нѣтъ сомнѣній, что настоящій съѣздъ, обсудивъ предложенные программой вопросы и указавъ средства и возможность практическаго осуществленія выработанныхъ имъ положеній, кромѣ этой прямой пользы для мѣстной миссіи, окажетъ благотворное вліяніе на миссіонерское дѣло въ епархіи и въ другомъ отношеніи. Уже одно пребываніе на

немъ не можетъ не оказать особеннаго впечатлѣнія на каждаго участника его засѣданій. Надо было присутствовать на самыхъ засѣданіяхъ, чтобы въ достаточной мѣрѣ представить себѣ тотъ живой интересъ, который обнаруживался со стороны всѣхъ участвовавшихъ на съѣздѣ къ затрагиваемымъ на немъ вопросамъ. Было видно, что вопросы раскола для нихъ были вопросами не любознательности только, не любопытства, хотя бы и научнаго, но вопросами самой жизни, для многихъ весьма мучительными, требующими опредѣленнаго и прямого рѣшенія. Едва доставало времени для выслушивания тѣхъ весьма цѣнныхъ и чрезвычайно любопытныхъ сообщений, которыя опытъ и непосредственное знакомство пастырей принесли для общей пользы изъ живой и въ своей простотѣ назидательной дѣйствительности. Замѣчательно и весьма поучительно было то единодушіе, которое проявили члены съезда въ общихъ воззрѣніяхъ по вопросамъ миссіонерской практики. Разрозненные въ обычное время борцы противъ раскола на съѣздѣ составляли собой одну тѣсно сплоченную семью. Со всею очевидностію открылось на съѣздѣ, что всѣ дѣятели миссіи понимаютъ миссіонерское дѣло и его задачи одинаково, и это несомнѣнно наилучшій залогъ успѣха миссіонерства, ибо въ единеніи сила.

Г.

Миссіонерскіе курсы въ Петербургской епархіи. Устройство миссіонерскихъ курсовъ—дѣло, сравнительно, новое: оно не насчитываетъ и десятилѣтней давности. Хотя польза отъ нихъ всѣми признана и устройство ихъ рекомендовано Казанскимъ миссіонерскимъ съездомъ и Св. Синодомъ, тѣмъ не менѣе мы рѣдко узнаемъ, чтобы тамъ или здѣсь они, дѣйствительно, устроились. Причина тому заключается въ той массѣ затрудненій и препятствій, съ которыми сопряжено устройство этихъ курсовъ. Гдѣ ихъ устроить? Кого найти въ слушатели ихъ? Какъ вести дѣло, чтобы получалась польза отъ нихъ?—Эти и имъ подобные вопросы невольно пугаютъ желающихъ взяться за курсы. Мною такіе курсы были проведены съ 22 октября по 3 ноября сего года; поэтому я считаю не лишнимъ подѣлиться съ братья-

ми-миссіонерами свѣдѣніями о нихъ. А такъ какъ я организовалъ эти курсы уже во второй разъ (въ первый разъ въ бытность мою преподавателемъ Калужской семинаріи въ 1896 г.), и, слѣдовательно, имѣю уже нѣкоторую опытность въ этомъ дѣлѣ, то подѣлиться свѣдѣніями о настоящихъ курсахъ я даже почитаю своею нравственною обязанностію...

Курсы были устроены въ помѣщеніяхъ мужского монастыря, въ Старой Ладогѣ, Новоладожскаго уѣзда. Игуменъ этого монастыря о. Арсеній, самъ хорошо знакомый съ прошлымъ и современнымъ расколомъ и сектантствомъ и многосвѣдущій въ обличеніи перваго, охотно предоставилъ намъ въ монастырской гостинницѣ двѣ обширныхъ комнаты—одну для занятій нашихъ, а другую для проживанія слушателей; меня же пріютилъ въ одной изъ своихъ келій.—Слушателей набралось 8 человекъ. Ожидалось 12, но четверо за разными обстоятельствами прибыть въ Старую Ладугу не могли. Со второго же дня нашихъ занятій къ намъ присоединилась еще одна женщина—раскольница. Она для вступленія въ замужество намѣревалась присоединиться къ Церкви, и для ознакомленія съ истинами православія мѣстнымъ приходскимъ священникомъ была приглашена на наши курсы. Ими она заинтересовалась, такъ что посѣщала ихъ почти неопустительно. 4-го ноября она присоединилась къ Церкви, но замужъ выходить не хочетъ уже по одному тому, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что присоединяется она изъ-за замужества. Ей хочется теперь выступить сознательной обличительницей раскола; съ этою цѣлію, по присоединеніи къ Церкви, она осталась жить у свящ. о. Георгія Добровольскаго, чтобы подъ его руководствомъ изучить все нужное для обличенія раскола.—Время для курсовъ выбрано было именно съ 22-го октября—сообразно съ условіями мѣстной жизни крестьянской. Въ теченіи двухъ недѣль продолженія курсовъ мы занимались такъ: съ 8 ч. утра по 11 ч. дня и съ 3 ч. дня до 7 ч. вечера; послѣ вечернихъ занятій слушатели мои шли ко всенощной, а потомъ и на ужинъ въ монастырскую трапезу. Питались всѣ мы монашескимъ столомъ. Въ воскресенье—28 окт.—занятій не было; послѣ литургіи и обѣда мы осматривали нашу Ладожскую сторону: Рюрикову (по преданію) крѣпость и Георгіевскую приходскую (когда-то монастырскую) церковь, построеніе кото-

рой относится къ XII вѣку; въ послѣдней сохранились въ большомъ количествѣ фрески XII столѣтія. Эти послѣднія были для насъ интересны въ томъ отношеніи, что давали намъ самыя наглядныя свѣдѣнія о существованіи въ XII в. четырехконечныхъ крестовъ, именовловія и перстосложенія съ пригнутыми большимъ пальцемъ, безыменнымъ и среднимъ и съ двумя протянутыми—мизинцемъ и указательнымъ. Здѣсь же осмотрѣли возобновленную нынѣшнимъ лѣтомъ заботами археологическаго общества Дмитріевскую церковь,—возобновленную въ точной копіи съ прежней церкви начала XVIII ст., съ замѣчательно древнимъ иконостасомъ; оставленная въ немъ постановка иконъ на особой для каждой полочкѣ познакомила насъ съ исторіей образованія нашихъ иконостасовъ... Вечеромъ мы разсматривали снимки Старой Ладоги въ „Христ. Древностяхъ“ Прохорова.

Изучены нами были вопросы: *изъ исторіи раскола*:—о книжпомъ исправленіи до патріарха Никона и при немъ, о томъ, нужно ли было книги исправлять этому, о происхожденіи раскола и о дальнѣйшей его исторіи съ указаніемъ его подраздѣленій на отдѣльные толки; *изъ обличенія раскола-безпопощины*:—о Церкви, о семи таинствахъ вообще и отдѣльно о каждомъ въ частности съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на таинства св. причащенія и священства, о мерзости заупустѣнія и объ антихристѣ; о вѣрѣ, догматахъ и обрядахъ, о крестѣ и перстосложеніи для крестнаго знаменія, объ имени Іисусъ, о пятипросфоріи и 8 чл. символа вѣры. Изучались всѣ эти вопросы нами чисто практически, и въ этомъ, я полагаю, новое, чѣмъ настоящіе мои курсы отличались отъ моихъ же калужскихъ и отъ другихъ, устроившихся по другимъ епархіямъ, насколько мнѣ извѣстно объ этихъ послѣднихъ по устнымъ и печатнымъ свѣдѣніямъ. Я не сообщалъ своимъ слушателямъ тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, а добивался ихъ услышать отъ нихъ самихъ; я старался разными вопросами заставить ихъ самихъ разсуждать, чтобы они путемъ этихъ разсужденій сами дошли до нужныхъ имъ отвѣтовъ на мои и собственные вопросы; мнѣ оставалось потомъ только указать, въ какой изъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ содержится тотъ отвѣтъ, до котораго мы дошли самостоятельно. Послѣ этого я формулировалъ отвѣтъ, но опять-таки такъ, чтобы въ немъ сохранялся и во-

прось, и слушатели мои записывали его, съ помѣткой листа Старопечатной книги, въ свои тетрадки ¹⁾. Такимъ образомъ наши занятія состояли въ постоянныхъ бесѣдахъ при помощи и на основаніи старопечатныхъ книгъ. Нужныя намъ мѣста изъ этихъ книгъ находились, прочитывались и истолковывались самимъ же слушателями; я при этомъ старался, чтобы каждое мѣсто было прочитано и растолковано, по крайней мѣрѣ, тремя или четырьмя изъ нихъ. Послѣ того, какъ отвѣты вопроса на три, на четыре (частныхъ) были записаны нами, я какъ бы отъ лица безпоповца начиналъ возражать, а слушатели мои должны были отвѣчать мнѣ и отвѣчать на основаніи уже книгъ; и только послѣ этого переходили мы къ продолженію нашихъ бесѣдъ.

Результатомъ такого веденія дѣла было то, что слушатели мои—простые деревенскіе православные мужички, изъ коихъ нѣкоторые не видали прежде и книгъ-то старопечатныхъ, оказались въ состояніи, въ концѣ нашихъ занятій, давать отъ книгъ отвѣты на возраженія безпоповцевъ и приобрѣли нѣкоторую сноровку къ веденію собесѣдованій. Правдивость этого моего утвержденія подтверждается тѣмъ интересомъ, какой возбудили занятія наши въ послѣдніе дни среди жителей сосѣднихъ деревень: человѣкъ до 20—30 сходились постороннихъ слушателей къ намъ на занятія, чтобы послушать и поучиться у насъ.

Выводы, къ которымъ меня привели проведенные мною курсы, я осмѣливаюсь формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Нужно стараться, чтобы на курсахъ одновременно было не болѣе 10—12 человѣкъ: только при такомъ количествѣ занимающихся можно съ пользой для нихъ провести курсы. Большее количество ихъ, заставляя меня заниматься съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, на долгое время оставляетъ безъ моего вниманія другихъ и тѣмъ самымъ дѣлаетъ курсы для нѣкоторыхъ скучными и для всѣхъ продолжительными, что опять нежелательно для слушателей.

2) Нѣтъ нужды особенно заботиться о привлеченіи на курсы лицъ уже знакомыхъ съ расколомъ и обличеніемъ

---

¹⁾ Записки эти послѣ ихъ исправленія скоро будутъ мною напечатаны отдѣльно.

его. Была бы у слушателей ревность къ миссіонерскому дѣлу, а знанія они при этомъ условіи легко могутъ пріобрѣсти.

3) Непремѣнно нужно стараться все дѣло поставлать на практическую почву; нужно достигать, чтобы не мы, а слушатели болѣе говорили,—намъ же нужно ихъ только вопросами доводить до требующихся отвѣтовъ.

4) Чтобы не останавливаться предъ вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи курсовъ, хорошо бы ихъ устраивать въ монастыряхъ. Для монастырскаго бюджета не составитъ особаго обремененія просодержать даже въ теченіе мѣсяца 8—12 человекъ: вѣдь не меньшее число разнаго рода проходимцевъ изъ бродячей Руси они ежедневно грѣютъ и питаютъ.

5) Для ознакомленія съ обличеніемъ безпоповщины вполне достаточно двухъ недѣль продолженія курсовъ.

М. Челызовъ.

Новая секта чтецовъ. Въ „Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ ¹⁾ сообщаются заслуживающія вниманія свѣдѣнія о новыхъ сектантскихъ движеніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Послѣдователи этого религіознаго движенія называютъ себя „чтецами“, а свои собранія чтеніями. Чтенія эти происходятъ по вечерамъ наканунѣ воскресныхъ дней и великихъ праздниковъ по частнымъ домамъ, а въ воскресенье и праздникъ „чтецы“ присутствуютъ сначала въ киркѣ, а по окончаніи богослуженія идутъ на чтеніе въ молитвенный домъ, построенный недалеко отъ кирки, затѣмъ устраиваютъ чтенія по частнымъ домамъ. Авторъ утверждаетъ, что неправильно называютъ „чтецовъ“ сектантами, такъ какъ они не отдѣлились отъ лютеранской Церкви. Сами „чтецы“ признаютъ себя лютеранами, православные, участвующіе въ чтеніяхъ, считаютъ себя таковыми, хотя общая мысль проповѣдниковъ о необходимости дѣлъ для спасенія болѣе близка православію, нежели лютеранству.

Православные чтецы рѣдко посѣщаютъ храмъ, болѣе яв-

¹⁾ № 19-й, 1901 г.

ляются въ кирку и на чтенія и не скрываютъ своихъ симпатій къ лютеранству, выставляя на видъ подневольность своего пребыванія въ православіи.

Въ догматическомъ отношеніи чтецы ничего новаго не проповѣдуютъ; если и встрѣчаются мысли, несогласныя съ лютеранскими догматами, то это является плодомъ невѣдѣнія. Не касаясь сущности вѣрученія, „чтецы“ углубляются въ сердца людей, чтобы исправить ихъ жизнеповеденіе. Проповѣдь ихъ нравственно-практическаго характера. Обычная тема ихъ: время есть, покайтесь и исправьтесь, а то будетъ поздно.

Себя „чтецы“ считаютъ святыми и благодарятъ Господа, что Онъ сподобилъ ихъ оставить грѣшную жизнь и жить свято.

Главные грѣхи, обличаемые чтецами: пьянство, куреніе табаку, сквернословіе, несоблюденіе праздниковъ, танцы и др. Проповѣдники обличаютъ порочность не только въ собраніяхъ, но и въ отдѣльной бесѣдѣ съ крестьянами и крестьянками. Пристанетъ онъ къ какому-нибудь крестьянину и убѣждаетъ его оставить пьянство и табакокуреніе; или идетъ въ пивную лавку и уговариваетъ его оставить прилавокъ—престоль сатаны; по праздничнымъ днямъ убѣждаетъ купца не торговать и т. п.

Къ больному „чтець“ является съ словомъ наставленія, утѣшенія и съ молитвою.

Себя „чтецы“ считаютъ просвѣщенными Богомъ и предъ проповѣдью каждый разъ молятся на колѣнахъ молча, вѣруя въ чудесное просвѣщеніе. Изъ молитвъ они признаютъ только молитву Господню, и самъ совершитель чтенія экспромптомъ составляетъ молитву, дѣлая намеки на лица и случаи жизни.

Въ молитвахъ обыкновенно просятъ Господа о прощеніи грѣховъ, о духовномъ просвѣщеніи, поминаютъ всегда Государя и Царствующій Домъ, молятся объ учителяхъ и кистерахъ и оканчиваютъ молитвою Господнею.

Самыя чтенія совершаются по чину лютеранскаго богослуженія, причѣмъ иногда поются особыя пѣсни, составленныя по образцу лютеранскихъ мелодій.

Чтець, совершающій чтеніе, говоритъ народу слова по

стихамъ (какъ у насъ канонархъ) и самъ запѣваетъ, народъ же поетъ дальше слѣдующія слова...

Послѣ молчаливой молитвы, проповѣдникъ объявляетъ главу и стихъ мѣста свящ. Писанія и говоритъ на данную тему устную проповѣдь.

Потомъ первый проповѣдникъ уступаетъ мѣсто второму. Такимъ образомъ говорятъ иногда до пяти чтецовъ.

Заканчиваются собранія чтеніемъ молитвы Господней. На чтеніяхъ, какъ и въ киркѣ, обыкновенно сидятъ. У женщинъ вырываются вздохи и утираются слезы, а во время молитвы онѣ лежатъ ницъ на землѣ.

Возникновеніе чтеній авторъ объясняетъ давнимъ обычаемъ лютеранской Церкви устраивать въ отдаленныхъ отъ кирки мѣстахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ частныя богослуженія—въ школахъ, съ участіемъ учителей.

Въ недавнее прошлое пасторы относились къ чтецамъ враждебно и настаивали на закрытіи ихъ молитвенныхъ домовъ. Въ настоящее время—это движеніе взято пасторами подъ свое покровительство. Они позволяютъ чтецамъ строить около кирки молитвенные дома, устраивая въ нихъ по временамъ „библейскіе часы“ для объясненія Слова Божія.

Молитвенные дома посѣщаются по порученію пасторовъ ихъ кистерами; въ нихъ проповѣдуютъ и учителя лютеранскихъ школъ.

Такимъ образомъ пасторы признаютъ себя отвѣтственными за чтенія, производящіяся съ ихъ вѣдома.

„Чтецы“ пользуются также покровительствомъ помѣщиковъ, ревнителей лютеранства. Нѣкоторые изъ нихъ позволяютъ устраивать чтенія въ своихъ домахъ и даютъ пріютъ пришлымъ проповѣдникамъ.

Такое отношеніе въ сектантскому броженію объясняется только тѣмъ, что это движеніе ставитъ преграду росту православія и составляетъ одно изъ средствъ пропаганды лютеранства.

Были случаи, обнаруживающіе цѣль дѣятельности „чтецовъ“.

Одинъ православный „чтець“ подалъ на имя Государыни Императрицы Александры Теодоровны прошеніе, чтобы ему позволили оставить въ лютеранствѣ своего ребенка, котораго уже крестилъ мірянинъ; другой „чтець“, также право-

славный, тоже подалъ прошеніе на имя Императрицы о дозволѣніи ему перейти въ лютеранство.

Таковъ духъ, посѣянный „чтецами“ въ простомъ народѣ. Различныя выгоды получаютъ проповѣдники чтецовъ за свой трудъ. Съ береговъ Чудскаго озера одинъ эстонецъ ходилъ проповѣдывать въ Гапсальскій уѣздъ.

Возвращаясь домой чрезъ мѣсяцъ, всегда приносилъ сотни рублей и пропивалъ ихъ на родинѣ.

При обиліи приношеній, многое всегда перепадаетъ главарямъ и проповѣдникамъ.

Немногіе только проповѣдники руководятся религіозными побужденіями, проповѣдуя по убѣжденію въ истинѣ для спасенія своей души и ближняго своего.

Иные руководствуются самолюбіемъ,—имъ пріятны знаки уваженія и почтенія со стороны слушателей.

Они гордятся тѣмъ, что ихъ считаютъ святыми, и признаютъ власть, боятся осужденія и наставленій.

Такіе за сохраненіе своего авторитета предъ народомъ готовы свою явную ложь выдавать сознательно за откровеніе Божіе.

Народъ въ большинствѣ случаевъ считаетъ чтецовъ святыми, а себя немощнымъ, чтобы жить по указываемому образцу.

Даже среди православныхъ находятся проповѣдники-чтецы. Проповѣди чтецовъ затрогиваютъ темы, близкія къ жизни народа, содержатъ примѣры, составляющіе злобу дня и говорятся воодушевленно. Такая понятная народу проповѣдь увлекаетъ его болѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія ученыхъ ораторовъ.

Нѣкоторыя проповѣди кажутся внушенными образованными лицами, таковы мысли, напр., о томъ, что православная вѣра не есть вѣра свободы, что православные обряды не имѣютъ смысла, что въ православной Церкви нѣтъ развитія вѣры и т. п.

Передаются у чтецовъ изъ устъ въ уста разныя видѣнія, гдѣ упоминаются историческія личности.

Въ одной рукописной, конфискованной начальствомъ, книгѣ Петръ Великій и Екатерина Великая усмотрѣны мучающимися въ аду.

На своихъ тайныхъ собраніяхъ проповѣдники подвер-

гаютъ критикѣ православіе и жизнь духовенства. Направляемое искусною рукою лютеранскихъ пасторовъ, это новое броженіе религіозной жизни можетъ стать для православія болѣе опаснымъ, нежели само лютеранство, руководимое образованными и вполне солидарно-дѣйствующими въ церковныхъ дѣлахъ пасторами.

На православной миссіи края лежитъ поэтому особый долгъ сплоченности и единодушія и нравственной чуткости къ требованіямъ народной жизни.

Преобразование и лучшая постановка православной народной школы является между прочимъ надежнымъ залогомъ успѣховъ православія и вѣрнѣйшимъ средствомъ противодѣйствія сектантству и уклоненіямъ.

Священникъ А. Г—въ.

Р. S. По поводу настоящаго, весьма любопытнаго сообщенія нашего ревельскаго корреспондента, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что въ описанномъ имъ религіозномъ броженіи, называемомъ „сектою чтецовъ“, по всѣмъ признакамъ нужно видѣть не *новую* какую-либо секту, а *все ту же* штунду, которая совершенно подобнымъ характеромъ заявила себя въ 70-хъ годахъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ Новороссіи, а затѣмъ и въ православныхъ смежныхъ селеніяхъ. Въ сектѣ, именуемой „чтецами“, имѣются и теперь уже на лицо всѣ типическіе и основные признаки штунды—признаніе себя святыми, вѣра въ чудесное озареніе, молитвенная импровизація, произволь въ проповѣди и толкованіи свящ. Писанія любымъ изъ братьевъ, чувствующихъ озареніе, весь порядокъ богослужебный.

Что касается того обстоятельства, что лютеранскіе пасторы, относясь сначала враждебно къ описанному движенію, нынѣ вдругъ взяли собранія „чтецовъ“ подъ свое покровительство, то, намъ кажется, здѣсь лишь нужно видѣть мудрый миссіонерскій пріемъ. Очевидно, лютеранскіе пасторы не забыли уроковъ штундоваго движенія въ Новороссіи, гдѣ предоставленныя самимъ себѣ штундо-піэтистическія собранія скоро же осложнились баптистскими тенденціями, разорвавшими всякую связь съ киркой. Не отталки-

вая совсѣмъ, какъ отпавшихъ, и исправляя лично или чрезъ кистеровъ сектантскія кривизны проповѣди чтецовъ, пасторы, очевидно, питаютъ надежду опять направить это сектантское движеніе въ русло лютеранства. Повторяемъ, это очень ловкій миссіонерскій методъ и пріемъ, который не лишне имѣть въ виду и нашимъ пастырямъ-миссіонерамъ при появленіи въ приходахъ подобнаго рода собраній. Конечно, для миссіи пастырей православной Церкви отъ этого участія пасторовъ въ сектантскихъ собраніяхъ, въ которыхъ находятся и православные, явно заявляющіе о своемъ отпадении,—нисколько не легче. Но разъ сектантскія собранія по составу смѣшанныя, тогда и православнымъ пастырямъ надо бы туда же направлять свои миссіонерскія силы и войти въ объясненіе съ пасторами лютеранскими по поводу своихъ чадъ.

Если пасторы взяли подъ свою опеку эти собранія, то они должны отвѣчать и по закону за совращаемыхъ на сихъ собраніяхъ православныхъ людей.

Ред.

Молоканская секта «прыгуновъ». Въ началѣ текущаго столѣтія, когда сильно разросшіяся молоканскія секты обратили на себя серьезное вниманіе православнаго духовенства и вызвали строгія репрессаліи со стороны правительства, главный контингентъ сектантства былъ выселенъ изъ Тамбовской, Орловской, Саратовской, Пензенской и другихъ внутреннихъ губерній въ Закавказье, гдѣ ихъ надѣлили сельско-хозяйственными угодьями и предоставили собственной инициативѣ и безусловной вѣротерпимости со стороны администраціи и Церкви.

Окруженные иновѣрцами, недружелюбно смотрѣвшими на прибытіе незваныхъ гостей, глубоко затаивъ въ сердцѣ своемъ духъ непримиримой вражды къ православію, заставившему ихъ покинуть разныя насиженные мѣста, молокане составили изъ себя твердо сплоченное, корпоративное ядро протестантовъ и зажили замкнутой, уединенной жизнью.

Солидарность интересовъ и сознаніе взаимопомощи сдѣлали то, что жалкіе вначалѣ поселки молоканъ незамѣтно разрослись въ цвѣтущіе оазисы, изобилующіе всѣми бла-

гами земными, ясно указывающими на зажиточность и безпечальное житіе поселенцевъ.

По мѣрѣ возрастанія экономическаго благосостоянія сектантовъ, прекращенія частыхъ вначалѣ грабежей, оппозиціонный духъ сектантовъ замѣтно ослабѣлъ, и съ этого момента въ ихъ средѣ начинается дробленіе и образованіе различныхъ толковъ.

Главными двигателями въ распаденіи молоканства явились ихъ „старички“, представители взаимно враждебныхъ вѣроученій, вслѣдствіе чего въ селеніяхъ Еленовкѣ, Астраханкѣ и др. выселкахъ Бакинской губ. въ настоящее время насчитывается болѣе десятка различныхъ толковъ, старички которыхъ хотять во что бы то ни стало главенствовать и завербовать въ свои ряды неофитовъ изъ другихъ сектъ.

Такой образъ дѣйствій вызываетъ скрытую внутреннюю борьбу среди молоканъ и подготавливаетъ почву для окончательнаго ихъ разложенія, а главное—даетъ прекрасное орудіе въ руки православнаго духовенства для привлеченія отпавшихъ сектантовъ въ лоно православной Церкви. Разительнымъ примѣромъ этого служить мѣстечко Алты-Ачагъ, Шемахинскаго уѣзда.

Сильные раздоры молоканъ произвели въ этой мѣстности массовое присоединеніе ихъ къ православію. Теперь тамъ построена вторая православная Церковь, такъ какъ первая, во время сильнаго землетрясенія, дала трещины и непригодна для совершенія святаго богослуженія. Для нѣкоторыхъ селеній, какъ, напр., для Константиновки (Даричичакъ) Эриванской губ. желательно было бы возстановить древній храмъ, построенный въ 1033 году св. Григоріемъ въ царствованіе Гачика, при патріархѣ Саркисѣ. Необходимый для ремонта матеріалъ можно взять изъ окружающихъ ее развалинъ древняго Кечариса.

Къ числу новыхъ сектантовъ, выдѣлившихся изъ молоканъ принадлежатъ такъ называемые прыгуны. Секта эта была основана въ 1854 году въ окрестности Шемахи нѣкоимъ *Любовиномъ*. Возмнивъ въ себѣ присутствіе божества, онъ назвалъ своихъ послѣдователей „Сюнцами“ и написалъ для нихъ особый требникъ. Послѣдній заключаетъ въ себѣ извѣстныя пѣсни и молитвы, при исполненіи которыхъ, послѣ колѣнопреклоненія и бѣшеннаго пры-

ганія, на неофитовъ долженъ, яко бы, снисходить Св. Духъ.

Обыкновенно пѣсни поютъ стоя, а молитвы читаются съ колѣнопреклоненіемъ. Женщины и мужчины стоятъ отдѣльно другъ отъ друга и по окончаніи службы цѣлуются --- мужчины съ мужчинами, а женщины съ женщинами.

Требникъ „прыгуновъ“ начинается слѣдующими словами: „Вотъ въ чемъ состоитъ вся эта моя повѣсть, которая равно съ начала и до конца лично формируетъ въ себѣ различные предметы всѣхъ бывшихъ вѣковъ и значеніе сего таинственного духа; но какъ только всякъ вѣрный можетъ въ живѣ измѣниться и воскреснуть изъ мертвыхъ. Аминь“. Молитвы „прыгуновъ“, вмѣсто названій, имѣютъ послѣдовательные нумера; за пѣсней обыкновенно слѣдуетъ молитва, а затѣмъ идетъ описаніе обрядовой стороны. Наиболѣе характерна первая пѣснь и молитва „о бракѣ“. Предоставляю судить объ этомъ читателямъ по прилагаемымъ извлеченіямъ.

Пѣснь 1-я. „Егда истинныя поклонницы поклоняются Отцу Духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ поклоняющихся Ему Духомъ и истиною достоинъ кланяться. И такъ не всякою молитвою и моленіемъ молящіяся Ему на всякое время Духомъ. Аминь. Истина. Аминь“. За первой пѣсней тотчасъ же слѣдуетъ первая молитва: „О Иисусъ Сладчайшій, Отецъ Божій, взявъ грѣхи міра и Господь еси всѣхъ, ибо Ты вѣрующихъ по истинѣ, по Богу Отцу Твоему, ниспосли Ты на насъ равно всѣхъ силу Духа Твоего Святаго прямо отъ горы Сіона въ лицѣ новыхъ огненныхъ языковъ, и въ коемъ мы вѣрно всѣ рабы и рабыни Твои охотно исполнимъ всю волю Бога Отца Твоего и нашего по новой заповѣди Твоя“.

Догматы и вѣрованія свои „прыгуны“ основываютъ, между прочимъ, на библіи, считая себя „новымъ израилемъ“, Богомъ избраннымъ народомъ.

Въ брачныхъ обрядахъ „прыгуны“ стараются подражать ветхозавѣтнымъ евреямъ. „Браки въ Сіонѣ, — читаемъ въ требникѣ, — будутъ сочетаться такъ равно, какъ сочетались Воозъ съ Руфійей при собраніи старцевъ, во Израилѣ (читай книгу Руфь, гл. 1, ст. 12), тожь и у насъ будетъ, въ новомъ израилѣ. Сперва они должны оба, т. е. женихъ и невѣста, сказать такъ во всеуслышаніе: „мы во всеуслышаніе

объявляемъ вамъ свое желаніе сочетаться намъ обоимъ любовью законнаго брака, равно какъ первоначальные родоначальники наши Адамъ и Ева сочетались парю предъ Богомъ“. Послѣ всего этого старцы обязаны отвѣтить рѣчью: „Буде по любви вашей, свидѣтель сему Богъ, и между нами свидѣтелями буде вы оба въ плоть едину. Богъ васъ сочеталъ, человекъ не можетъ васъ разлучить. Аминь“. Тогда ихъ ставятъ на колѣна предъ родителями и старцами, чтобы дать имъ благословеніе съ возложеніемъ рукъ родителей и старцевъ и читаютъ надъ ними словесное благословеніе въ такой формѣ: „Будьте чады благословенны Богомъ Вышнимъ, и да умножить Господь Богъ сѣмя ваше, яко звѣзды на небесахъ множествомъ и населяетъ имя ваше грады снопостатовъ и дастъ вамъ Господь сію благу и обѣтованную землю въ наслѣдіе вѣчное. Аминь“. А присутствующіе при семъ должны повторить за ними и за іереемъ — „Аминь“. Затѣмъ благословенные брачники должны встать съ колѣнъ, облобызаться и облобызать своихъ родителей. Отецъ или мать должны взять за руки дочь свою и передать ея новобрачному съ приказаніемъ божественныхъ словъ—такъ: „Прими дочь мою въ жены себѣ по повелѣнію Бога и насъ, родителей вашихъ, растите и множитесь и сію благу обѣтованную землю наполняйте. Аминь“. Потомъ уже ставятъ ихъ обоихъ вмѣстѣ на правую сторону предводителя сего брака, для украшенія новобрачнаго жениха вѣнцомъ, который готовится матерью новобрачнаго и передается въ руки старца для того, чтобы онъ наложилъ на главу сына или хотя во славу зрѣнія увѣнчаннаго торжественнаго брака ихъ; по возложеніи его, согласно псалма 20, при собраніи людей пѣвцы должны пѣть торжественно сію пѣснь: „Новаго Израиля, дочери Сіонскія, приходите и выдайте на лицѣ сына Сіона въ вѣнцѣ его, коимъ увѣнчала его мать въ день обрѣзанья его и въ день веселія сердца его, ликуйте предъ нимъ всѣ гласомъ радости. Говорите ей „радуйся, дочь Сіонская, и украшайся, новобрачная невѣста отъ всего сердца твоего, ибо покрылъ Богъ всѣ неправды твоя и не узриши здѣсь зла во вѣки. Аминь“. Потомъ предводитель брака сего беретъ ихъ за руки и отводитъ въ постельную, въ домъ тестя; тѣ, которые приглашены на бракъ, должны взойти съ ними въ ложницу и пропѣть имъ тамъ

пѣснь къ услажденію ихъ супружеской взаимности и любви. Поется „Пѣснь пѣсней“ гл. 8, ст. 1—8, Исаія гл. 61, со стиха 9 до конца. Послѣ пѣнія предводитель обязанъ сказать повобрачнымъ по слову Божію: „Ростите и множитесь и наполняйте сію благую землю. Амины!“ На утро онъ является за ними съ пѣвцами, чтобы провести ихъ къ дому отцовъ своихъ по пути съ пѣніемъ (псалмы), и когда они придутъ въ домъ родителей, должны благословить ихъ такимъ же благословеніемъ“.

Мы привели пѣликомъ выдержку изъ требника „о бракѣ“, придерживаясь въ точности оригинала. Что же касается другихъ обрядовыхъ сторонъ, то въ большинствѣ случаевъ онѣ аналогичны съ такими же у остальныхъ молоканъ и болѣе или менѣе извѣстны въ литературѣ.

Въ послѣднее время среди „прыгуновъ“ замѣчается расколъ. Многіе, недовольные произволомъ „старичковъ“, присоединяются къ „субботникамъ“, которые, въ свою очередь, склонны распастся на „жидовствующихъ“ и „геру“.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что подобное положеніе дѣлъ среди молоканъ даетъ возможность православному духовенству во-время придти на помощь сбитымъ съ истиннаго пути сектантамъ и въ результатъ достигнуть массоваго присоединенія молоканъ къ лону православной Церкви.

К. Н. Бабановскій.

Изъ міра современнаго раскола. Недавно въ ст. Калиновской среди раскольниковъ произошелъ весьма интересный случай, который свидѣтельствуетъ или о новомъ направленіи ихъ религиозныхъ заблужденій, или же, быть можетъ, былъ вызванъ недовольствомъ своими единовѣрцами, утратившими „благочестіе и правду“.

Нѣкто X, изъ жителей станицы Ищерской, старикъ лѣтъ пятидесяти пяти, живущій на самомъ краю станицы, населенномъ преимущественно раскольниками, сталъ набирать себѣ послѣдователей своего новаго „иноческаго“ благочестія. И самъ этотъ старикъ X. и его немногіе послѣдователи, желая показать образъ истиннаго благочестія, отрастили себѣ волосы на подобіе иноковъ, надѣли на шею лѣстовки и въ

такомъ видѣ ходять по станицѣ. Недавно эти ревнители истиннаго благочестія устроили въ ст. Калиновской какое-то небывалое похоронное шествіе, обратившее на себя вниманіе и станичнаго начальства, и обывателей. Богомольцы эти, заранѣе приготовивши гробъ съ крышкою, прикрѣпленною на петляхъ, съ прибитою желѣзною цѣпью и пробоемъ и съ мѣднымъ крестомъ наверху, благоговѣнно пронесли его, съ открытыми головами и съ лѣстовками на шеяхъ, по большой улицѣ, мимо станичнаго правленія. Находившіяся при томъ правленіи, какъ служащіе, такъ и другія лица, отдали подобающую честь, какъ бы покойнику; но кто-то изъ нихъ заподозрилъ, что такого большого мертвеца, судя по большому гробу, три человѣка нести не могутъ. Дали знать объ этомъ атаману станицы; по его приказанію и по предложенію священника Груздова, носильщики гроба, которые уже въ это время вышли изъ станицы по почтовой трактовой дорогѣ, полицейскими казаками были возвращены вмѣстѣ съ гробомъ въ станичное правленіе. По осмотрѣ гроба, въ немъ оказалось: монашеское одѣяніе, квашенная капуста въ чашкѣ, порожняя кубышка, подобная глубокой чашкѣ, старая казачья шапка и проч. На вопросъ атамана, что это такое, и кого они хоронять, носильщики отвѣтили: „Правду несемъ, которую должны похоронить въ ст. Ищерской“. На вопросы атамана и двухъ священниковъ Г. и Ж., къ какой же сектѣ они принадлежать, — носильщики не дали отвѣта; за нихъ отвѣтилъ самъ старикъ Х., что онъ посланъ отъ Отца небснаго и пожертвовалъ для Него собою; въ доказательство этого онъ показалъ на половину отболѣвшій палецъ на рукѣ, который онъ будто бы сжегъ, ради спасенія, на огнѣ.

Фактъ, во всякомъ случаѣ, весьма интересный, и было бы желательно его подробное освѣщеніе.

Очевидецъ.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Церковно-общественное движеніе въ Даніи. До настоящаго времени пасторы и другіе чины церковнаго клира въ Даніи назначались по усмотрѣнію духовныхъ властей.

Такой порядокъ вещей, по мнѣнію нѣкоторой части датскаго общества, ведетъ къ обособленію пастырей отъ паствы, благодаря чему Церковь раздѣляется на два класса, каждый съ особыми интересами, нерѣдко взаимно-противоположными, и тѣло церковное раздирается неустаннымъ внутреннимъ бореніемъ къ явному умаленію достоинства Церкви и ущербу для дѣла вѣры.

Въ виду этого и во имя возстановленія внутренняго единства Церкви Христенсенъ-Стадиль, депутатъ, внесъ въ минувшую сессію датскаго риксдага законопроектъ объ учрежденіи самоуправляющихся церковныхъ приходо-въ, совѣтамъ которыхъ по проекту предполагалось предоставить значительную долю вліянія въ дѣлѣ назначенія пасторовъ.

Предложеніе Стадила не прошло.

Въ этомъ году составъ риксдага значительно измѣнился, Христенсенъ-Стадиль получилъ портфель министра исповѣданій, и провалившійся въ минувшемъ году проектъ его вновь поставленъ на очередь. Тронная рѣчь въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію палатъ въ текущую сессію, указала также и на церковную реформу.

Этого было довольно, чтобы все сословіе пасторовъ пришло въ броженіе. По рукамъ пошла петиція, въ которой пасторы ходатайствовали, чтобы вопросъ о реформѣ церковнаго управленія былъ предварительно переданъ на обсужденіе пасторской комиссіи, — гдѣ онъ былъ бы погребенъ на многія десятилѣтія. Петицію подписало около 1000 пасторовъ, и затѣмъ она была вручена по принадлежности министру исповѣданій.

Министръ отвѣтилъ просителямъ, что онъ не видитъ необходимости передавать проектъ церковной реформы на обсужденіе внѣ-парламентскихъ комиссій, но не будетъ противиться, если риксдагъ найдетъ возможнымъ удовлетворить домогательство петиціонеровъ.

Такъ какъ надежда на риксдагъ не особенно велика, то пасторы не успокоились. Они созвали пасторскій съѣздъ, на который явилось около 1500 человекъ пасторовъ и мірянъ — членовъ т. наз. „внутренней миссіи“.

На этомъ съѣздѣ по адресу министерства и въ частности министра исповѣданій произносились грозныя рѣчи, пред-

рекающія погибель не только виновникамъ реформы, но и самой Даніи.

Съѣздъ постановилъ просить епископовъ, чтобы они приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для предохраненія Церкви отъ угрожающаго ей преобразования; выразить министерству „глубокое прискорбіе“ по поводу его законопроекта. Сверхъ того органъ „внутренней мисси“ *Христіанскій Дневникъ* заявляетъ, что въ случаѣ успѣха правительственнаго предложенія, члены мисси отложатся отъ господствующей Церкви.

* * *

Пресвитеріанское движеніе. Въ пресвитеріанской Церкви въ Америкѣ за послѣднее время возникло такъ называемое *tent movement*. Задачи его заключаются въ приближеніи церковнаго богослуженія и проповѣди къ широкимъ массамъ народа. Ради этой цѣли община пресвитеріанъ приобрѣла переносныя церкви—палатки и всѣ необходимыя для нихъ принадлежности. Въ теченіе теплаго времени года эти церкви—палатки переносятся съ мѣста на мѣсто, въ нихъ отправляется богослуженіе и произносятся проповѣди особой бригадой „Отборныхъ ораторовъ“.

На сентябрьскомъ собраніи церкви въ Филадельфій предсѣдатель комитета, завѣдывающаго организацией этого дѣла, между прочимъ, сказалъ: „Евангеліе проповѣдывалось съ вѣрою, и мы должны надѣяться, что изъ этого произошло и произойдетъ много благихъ послѣдствій. Я считаю дѣло съ палатками—церквами превосходнымъ дополненіемъ обычнаго церковнаго дѣланія. Во время лѣта народъ не посѣщаетъ церквей, но охотно идетъ въ наши палатки и присутствуетъ при богослуженіи. И этимъ вполнѣ оправдывается наше начинаніе. Въ древнія времена народъ слушалъ Христа охотно. Передвигая наши церкви за народомъ, мы приближаемъ къ нему Христа и Его св. ученіе, и наоборотъ—приближаемъ народъ ко Христу“.

Одинъ изъ проповѣдниковъ, принимающихъ участіе въ этомъ движеніи, замѣтилъ: „Наше движеніе захватываетъ тотъ слой народа, котораго инымъ путемъ никогда бы не коснулось воздѣйствіе Христово. Я вѣрю, что наше движеніе уладитъ анархистскій вопросъ. Насаждайте въ души людей любовь къ Богу, и вы насадите сѣмена, изъ которыхъ произрастутъ миръ, кротость, мужество, и все, что есть облагораживающаго, что искореняетъ преступленіе, вражду и ненависть. Анархистскій вопросъ будетъ разрѣшенъ, если религія проникнетъ въ народныя массы. Я работалъ въ анархическомъ округѣ Чикаго. Девять десятыхъ моихъ служителей были анархисты. Труды мои увѣнчались успѣхомъ, и полицейскіе офицеры говорили мнѣ: „Если бы здѣсь

было побольше „палатокъ“, анархія отошла бы въ область прошедшаго“. Я вѣрю въ силу Евангелія и полагаю, что при сколько-нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ намъ удастся мирно уладить этотъ важный вопросъ, являющійся угрозой для всей цивилизаціи“.

* * *

Распря въ лютеранствѣ. Въ богословскихъ кругахъ Германіи въ настоящее время царитъ немалое смятеніе, которое въ любой моментъ можетъ осложниться враждой и ненавистью между двумя главными направленіями лютеранской богословской мысли.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Извѣстный О. Пфлейдереръ, профессоръ исторіи Церкви, внесъ предложеніе учредить на богословскомъ факультетѣ новаго отдѣленія и сравнительное изученіе религій поставить на одинъ уровень съ другими отраслями богословской науки, а не представлять этого важнаго отдѣла теологіи смотрѣнію тугорвъ.

Предложеніе это ректоръ университета д-ръ Гарнакъ подвергъ публичному обсужденію въ рѣчи, сказанной на годичномъ университетскомъ актѣ. При этомъ онъ высказалъ такіе реакціонные взгляды, что возбудилъ противъ себя всѣ свободомыслящіе элементы какъ въ университетѣ, такъ и вообще въ Церкви и обществѣ.

Онъ оспаривалъ необходимость введенія въ число предметовъ богословскаго факультета курса сравнительнаго богословія по слѣдующимъ причинамъ.

1. Существуетъ только единая религія, откровенная отъ Бога. Магометанство, конфуціанство, буддизмъ, юдаизмъ, браманизмъ и другія такъ называемыя религіи суть только людскія измышленія. Первая явилась съ неба, прочія—изъ земного праха. Одна—божественное откровеніе Творца вселенной, остальные—просто на просто системы нравственной философіи.

2. Богословскій факультетъ университета учрежденъ правительствомъ для приготовленія священниковъ. Библія, богодухновенное слово, является для нихъ единственнымъ необходимымъ руководствомъ. Она исполнена истины, которой хватить на всю жизнь студентовъ; и для нихъ будетъ полезнѣе „прилѣпиться“ къ ней, чѣмъ тратить силу и время на изученіе вѣрваній, въ которыхъ они, можетъ быть, никогда не будутъ нуждаться.

3. Если богословамъ или студентамъ будетъ любопытно узнать, чему учили обманщики и изобрѣтатели ложныхъ религій, они могутъ удовлетворить свое любопытство на историческомъ или философскомъ факультетѣ.

Такія рѣчи въ устахъ человѣка такой извѣстности, какъ д-ръ Гарнакъ, возбудили бы общую сенсацию, когда бы они ни были сказаны. Гарнакъ же сказалъ свою рѣчь въ такой торжественный и исключительный моментъ, какъ университетскій актъ,—и рѣчь его прозвучала въ ушахъ либеральнаго элемента въ университетѣ, какъ вызовъ. Гарнакъ, сверхъ того, напечаталъ свою актовую рѣчь,—что совсѣмъ не въ университетскихъ обычаяхъ и разослалъ ее съ явнымъ намѣреніемъ возбудить протестъ. Важность и значительность всѣхъ этихъ словъ и дѣйствій возрастаетъ еще и потому, что Гарнакъ, какъ извѣстно, находится въ особыхъ довѣрительныхъ отношеніяхъ съ императоромъ Вильгельмомъ, состоитъ ближайшимъ совѣтникомъ министра исповѣданій, консультируетъ въ консисторіи господствующей Церкви и считается способнѣйшимъ богословомъ нѣмецкаго протестантизма.

Въ Германіи считается признакомъ дурного тона, если университетскіе профессора подвергаютъ рѣчи своихъ коллегъ публичной критикѣ. Но настоящій случай настолько исключителенъ и самая рѣчь Гарнака такъ явно рассчитана на возбужденіе публичнаго спора, что либеральные элементы университета не сочли возможнымъ оставить ее безъ отвѣта.

Въ качествѣ главнаго опонента выступаетъ профессоръ Пфлейдереръ, не менѣе, чѣмъ Гарнакъ, знаменитый богословъ и человѣкъ большихъ дарованій. У него наружность Моисея Микель Анджели, и онъ ведетъ жизнь святого. Нѣкоторые говорятъ: „для человѣка невозможно жить безъ грѣха, но Пфлейдереръ ближе къ этому, чѣмъ кто либо другой. Его улыбка равносильна благословенію“. И тѣмъ не менѣе онъ не ортодоксальный лютеранинъ. Ради его глубокой учености, высокаго характера, чистой жизни и обширной популярности его не лишили кафедры, но всетаки проповѣдь ему не разрѣшена, и консервативная часть лютеранской Церкви обвиняетъ его въ раціонализмъ и называетъ его агностикомъ, такъ какъ онъ не признаетъ апостольскаго символа. Онъ не вѣруетъ въ безгрѣшное безсѣменное зачатіе, а также въ воскресеніе Христово и вообще въ чудеса. Онъ исповѣдуетъ „раціоналистическую религію“, проповѣдуетъ евангеліе любви, милосердія, всеобщаго братства, и смотритъ на религію, какое бы имя она не носила, какъ на естественную форму выраженія устремленія души къ ея Творцу.

Считая, что для полнаго постиженія христіанской религіи необходимо прослѣдить ее отъ зарожденія до нашихъ дней, со всѣми развѣтвленіями, пр. Пфлендереръ утверждаетъ, что сравнительный курсъ является, такимъ обр., существенно необходимою частью круга богословскихъ наукъ.

Другой вліятельный членъ университета, протестуя противъ реакціонныхъ воззрѣній д-ра Гарнака, прибавилъ: „Если

рѣчь д-ра Гарнака представляет собою взглядъ императора, правительства и господствующей Церкви, то мы вскорѣ увидимъ въ Германіи теологическую революцію“.

* *
* *

Новая американская религія. Послѣднимъ словомъ американской изобрѣтательности въ области религіи являются двѣ новыя секты: „Святодуховцы“ (Holy Ghosters) и „Новая Церковь Высшаго Спиритуализма“. Члены послѣдней, кажется, побили панамериканскій рекордъ въ смыслѣ эксцентричности. Будучи юнѣйшей изъ религіозныхъ общинъ, Церковь эта, тѣмъ не менѣе, пылко стремится къ обращенію невѣрующихъ. Во главѣ ея, въ качествѣ верховнаго іерарха, стоитъ достопочтенный dr. Сентъ-Кларъ, джентльменъ, „всегда одѣтый въ безукоризненную черную пару, въ бѣлоснѣжный галстухъ и съ тщательно расчесаннымъ проборомъ посреди головы“,—такъ описываютъ его наружность въ американскихъ газетахъ. Глава новой Церкви излагаетъ сущность новаго ученія въ такихъ словахъ:

„Мы совсѣмъ не признаемъ христіанской религіи и считаемъ себя вѣрными послѣдователями Верховнаго Свѣта и Творца Іеговы. Мы вѣримъ въ безконечное приближеніе къ Творцу, Который, однако, навѣки остается непостижимымъ. Мы вѣримъ въ общеніе духовъ и ангеловъ и нисколько не добиваемся земного величія. Мы вегетарианцы и требуемъ отъ членовъ нашей Церкви непорочности ради достиженія высшихъ ступеней духовнаго существованія. Въ вознагражденіе за это мы имѣемъ обѣтованіе услышать нѣкогда голосъ Самого Творца“.

Религія новой Церкви основана на библии, называемой Oahspe. Происхожденіе этой библии таково. Нѣкто Ньюбро, респектабельный нью-іоркскій дантистъ, предавался изученію духовидѣнія. Однажды, когда онъ былъ чистъ отъ всякой скверны и постился, ангелы велѣли ему добыть пишущую машину. Онъ исполнилъ приказаніе ангеловъ и поставилъ машину въ своемъ кабинетѣ. Однажды утромъ онъ увидѣлъ ангела, который сидѣлъ и быстро стучалъ на клавиатурѣ. Работа продолжалась долгое время, и врачу было воспрещено читать написанное, пока все не будетъ окончено. Когда же ангелъ поставилъ послѣднюю точку и подписалъ *finis*, то дантисту повелѣно было разослать книгу по всему міру.

Библия эта состоитъ изъ цѣлой 'серіи „откровеній“ и, между прочимъ, учитъ, что на землѣ существуетъ четыре ложныхъ религіи: Лосемонга, или Христа; Кабалектеза, или Будды; Энохиссы, или Браммы, и, наконецъ, Тота, или Гавріила.

Въ числѣ членовъ символа вѣры „Новой Церкви Выс-

шаго Спиритуализма“ находится свободная любовь, общность имущества и полное невмѣшательство въ политику.

Многочисленностью своихъ сектъ Америка чрезвычайно напоминаетъ Россію. Въ одномъ только Чикаго возникаетъ среднимъ числомъ по одной религіи въ мѣсяць. Но всѣ эти общины, церкви, сіоны, іерусалимы отличаются чрезвычайной эфемерностью: средній возрастъ жизни этихъ новыхъ религій семь мѣсяцевъ.

* * *

Греческое православіе и англиканская Церковь. Органъ патріарха Іоакима II Ekklesiastiki Alithia (Церковная Истина) обнаружилъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ обсужденію возможностей сближенія греческаго православія и англиканской Церкви.

Вопросъ этотъ далеко не новъ—онъ обсуждается вотъ уже болѣе столѣтія; но по настоящій день первые шаги къ сближенію дѣлались англиканскою Церковью, сановники же греческаго православія относились къ этой мысли съ большою враждебностью.

Болѣе миролюбивый тонъ, принимаемый нынѣ въ этомъ вопросѣ печатью, преданной патріарху, очень многозначителенъ, тѣмъ болѣе, что сближеніе греческаго православія и англиканства должно имѣть и политическія послѣдствія.

Достоинно вниманія, что благожелательность къ англиканской Церкви стала обнаруживаться въ Афинахъ одновременно съ явной враждой ко всему русскому.

* * *

Чехи и католицизмъ. Примѣръ нѣмцевъ, переходящихъ изъ католичества въ протестанство, которое они считаютъ какъ бы національной германской религіей, вызвалъ аналогичное же движеніе среди чеховъ. Вождю этого движенія, Ф. Ишкѣ, удалось многихъ своихъ соотечественниковъ возвратитъ къ такъ наз. старокатолическому исповѣданію, являющемуся исконной богемской Церковью.

Гловацъ, чешскій депутатъ въ вѣнскомъ парламентѣ, проповѣдуетъ о необходимости возвращенія къ преданіямъ національной Церкви временъ Жишки и Гусса. Онъ обвиняетъ римско-католическую Церковь во враждебномъ отношеніи къ чешскому народу. Римъ, по его словамъ, всегда былъ на сторонѣ Вѣны и противъ Праги; и латинскій клиръ въ Богеміи ни въ церкви, ни въ школѣ не употребляетъ чешскаго языка. Однимъ словомъ, чехи должны, по его мнѣнію, послѣдовать примѣру нѣмцевъ и отложиться отъ Рима.

* * *

Армія Спасенія. Не лишены интереса приводимыя въ газетѣ *Le Progrès* данныя о развитіи салютистскихъ учреждений. Армія Спасенія имѣетъ въ настоящее время:

7,259 центровъ пропаганды; 14,700 офицеровъ, т. е. миссіонеровъ, проповѣдывающихъ Евангеліе на 30 различныхъ языкахъ въ 47 государствахъ; 50,000 унтеръ-офицеровъ; 2,500,000 собраній въ годъ, съ 200,000,000 слушателей.

Не менѣе любопытны свѣдѣнія, приводимыя въ той же газетѣ, о числѣ благотворительныхъ заведеній салютистовъ. Вотъ эти цифры: 11 убѣжищъ для освобожденныхъ изъ тюремъ; 91 домъ для спасенія падшихъ женщинъ; 158 ночлежныхъ домовъ и народныхъ кухонь; 37 бесплатныхъ конторъ для пріисканія занятій; 60 мастерскихъ; 11 земледѣльческихъ колоній; 17 сиротскихъ домовъ; 37 больницъ, родильныхъ домовъ и т. п.; 121 постъ для помощи въ случаяхъ уличныхъ несчастій.

Всего 545 гуманитарныхъ учреждений.

Салютисты находятъ, что недостаточно предложить чело-вѣку утѣшенія, обрѣтаемая въ христіанской религіи; необходимо предоставить ему возможность существованія, спосо-бы зарабатывать себѣ хлѣбъ. На этомъ и основанъ весь „Соціальный планъ“ Арміи Спасенія.

Каждый вечеръ, непрерывно, общественныя учрежденія арміи доставляютъ временную поддержку болѣе чѣмъ 10,000 чело-вѣкъ, мужчинъ и женщинъ. За 3½—4 коп. дается по-стель, за 22—23 коп. отдѣльная комнатка. Если у ночлеж-ника нѣтъ и этой скромной суммы, то ее можно заработать на утро послѣ ночлега въ одной изъ мастерской у тѣхъ же салютистовъ.

Дешевыя кухни, учрежденныя въ мѣстахъ скопленія бѣдноты, доставляютъ кушанья цѣною отъ 2 до 15 коп., при чемъ припасы употребляются хорошаго качества, и все пригото-вляется очень чисто и вкусно.

Въ 1900 году было изготовлено свыше двухъ съ поло-виной миллионовъ обѣдовъ. Во время холодовъ и безрабо-тицы дешевыя кухни играютъ важную роль въ жизни мно-гихъ семей.

Въ мастерскихъ арміи въ 1900 г. работало по 25,000 чело-вѣкъ въ недѣлю. Мастерскія эти существуютъ для оказанія трудовой помощи всякаго рода безработнымъ и отличаются поэтому большимъ разнообразіемъ. Есть мастерскія столяр-ныя, слесарныя, плотничьи, чемоданныя, мебельныя, матрас-ныя, живописно-малярныя, лакировальныя, кузнечныя, меха-ническія, жестяныя, полудныя, пекарни, печатни, разборки тряпья, обойныя и др.

Въ Лондонѣ 400 чело-вѣкъ собираютъ въ теченіе года свыше 320,000 пудовъ старой бумаги и тряпья и разбираютъ все это на 62 различныя категоріи.

На спичечной фабрикѣ Армін, устроенной съ такими приспособленіями, что работа на ней совершенно безопасна для здоровья рабочихъ, изготовляется 6,000,000 коробокъ спичекъ.

Пекарни изготовили въ 1900 году 4,000,000 фунтовыхъ хлѣбовъ. Кухни изготовили и продали рабочимъ 6,600 пудовъ мяса, 15,000 пудовъ картофеля, 1,000,000 литровъ супа, 3,400 пудовъ варенья, 16,800 фунтовъ чая.

Все это не можетъ не остановить на себѣ вниманія читателя. Не даромъ Гладстонъ на одномъ публичномъ собраніи сказалъ, что онъ не знаетъ во всей Англіи общества, которое оказало бы болѣе пользы въ дѣлахъ благотворенія и поддержки освобожденныхъ изъ тюремъ, нежели Армія Спасенія.

Мы уже сообщали въ одной изъ предыдущихъ книжекъ „Мисс. Обзор.“ о присужденной учрежденіямъ Арміи Спасенія, предназначеннымъ для содѣйствія нравственному и умственному развитію рабочихъ классовъ, золотой медали.

Огромна энергія руководителей этого общества, а дѣловитость и цѣлесообразность благотворительныхъ предпріятій его заслуживаетъ особеннаго вниманія.

* * *

Новая грозящая Риму схизма. Стремленіе французскихъ католиковъ образовать національную Церковь не только не угасаетъ, но усиливается, если судить объ этомъ по безпокойству ультрамонтанскихъ органовъ.

„Церковь,—говоритъ по этому поводу *La Vérité Française*,—во время своего продолжительнаго существованія подвергалась жестокимъ испытаніямъ, и не однажды ее раздирали безъ пощады расколы и ереси. Приходится постоянно опасаться, какъ бы не настали опять эти тяжкія испытанія. Сохрани насъ Богъ отъ схизмы,—но будемъ поступать, однако, такъ, какъ будто исходъ борьбы съ нею зависѣлъ только отъ насъ“.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Критическое обозрѣніе нѣкоторыхъ изъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами, напечатанныхъ въ епархіальныхъ органахъ за 1901 г.

Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ расколомъ и сектантствомъ служатъ устные собесѣдованія (публичныя и частныя) съ раскольниками и сектантами. „Публичныя собесѣдованія, по словамъ отчета оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева по Вѣдом. Прав. Испов. за 1885 г., весьма много содѣйствуютъ сближенію раскольниковъ съ православными, пріучая ихъ къ откровенности, и сглаживая ту неприязнь, которая такъ долго служила характеристическою чертою въ отношеніяхъ раскольниковъ ко всему православному. Заправители и вожаки раскола поняли, что вести за собой массу людей темныхъ при помощи одного только послабленія и потворства ихъ разнообразнымъ прихотямъ въ настоящее время невозможно и что необходимо представить болѣе или менѣе опредѣленные и состоятельныя основанія для своихъ вѣрованій. Веденіе бесѣдъ по старопечатнымъ книгамъ лишило расколоучителей возможности распространять среди своихъ послѣдователей клевету, будто православное духовенство ненавидитъ старыя священныя книги, боится и не умѣетъ читать ихъ и потому неспособно найти и указать истину. Собесѣдованія приносятъ для самихъ православныхъ ту незамѣнимую пользу, что вообщю, такъ сказать, показываютъ имъ заблужденія раскола и дѣлаютъ ихъ менѣе доступными для увлеченія расколомъ“. Частныя же собесѣдованія сближаютъ борцовъ противъ расколосектантства съ заблуждающимися, даютъ возможность войти въ довѣріе къ послѣднимъ, вызываютъ даже упорныхъ раскольниковъ и сектантовъ на откровенный обмѣнъ мыслей съ православнымъ собесѣдникомъ и этимъ расчищаютъ путь къ воздѣйствію на нихъ въ цѣляхъ сближенія съ православною Церковію.

Въ виду такого важнаго значенія устныхъ собесѣдованій съ раскольниками и сектантами, вести полемическія собесѣдованія всѣ наши противораскольническіе и противосектантскіе миссіонеры считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ и главнѣйшею обязанностью. Нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ печатаются и въ епархіальныхъ органахъ. Къ сожа-

лѣнію, никто и нигдѣ о такихъ бесѣдахъ не упоминаетъ, а потому мало кто ихъ и знаетъ. Между тѣмъ знать о нихъ (особенно малоопытнымъ борцамъ съ расколомъ и сектантствомъ) положительно необходимо. Знакомаясь съ тою или другою бесѣдою, малоопытный миссіонеръ, священникъ, ревнитель православія и т. д. можетъ научиться, какъ нужно ставить тотъ или другой вопросъ, какъ располагать доказательства, какого порядка держаться во время бесѣды, какой приемъ употребить въ томъ или другомъ случаѣ, какъ выйти изъ затрудненія и т. п.; опытный же можетъ замѣтить ошибки православнаго собесѣдника (—не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ) и постарается избѣгать ихъ, иногда увидитъ новую, не практикуемую имъ, постановку вопроса, не извѣстную ему приемамъ и т. д. Такимъ образомъ тѣ и другіе дѣятели миссіи могутъ найти здѣсь такіа *методическія указанія* относительно бесѣдъ съ раскольниками и сектантами, какихъ ни въ одномъ руководствѣ имъ не найти. Притомъ же указанія эти, будучи выхвачены изъ живой практики, окажутъ имъ несомнѣнную пользу въ миссіонерской полемикѣ съ расколомъ и сектантствомъ. Руководствуясь этими соображеніями, мы и начнемъ съ Божіею помощію вести на страницахъ „Мисс. Обзор.“ *критическое обозрѣніе* появляющихся въ духовной періодической печати миссіонерскихъ *собесѣдованій*. Первое наше обозрѣніе мы посвятили нѣкоторымъ изъ собесѣдованій истекшаго 1901 г.

По обилію помѣщенныхъ бесѣдъ особенно выдѣляются изъ епархіальныхъ изданій Екатеринославскія епарх. вѣдомости. Въ нихъ помѣщены а) бесѣды миссіонера Шалкинскаго съ г. Перетрухинымъ о томъ, 1) можетъ ли общество старообрядцевъ, не имѣвшее около 200 лѣтъ ни полноты іерархическихъ членовъ, ни полноты св. церковныхъ таинствъ, именоваться Церковью Христовою, 2) можетъ ли Церковь Христова лишиться всѣхъ истинно-православныхъ епископовъ и полноты церковныхъ таинствъ, 3) о незаконности австрійской іерархіи и 4) о клятвахъ Московскихъ соборовъ 1666—1667 годовъ и о порицаніяхъ полемическихъ писателей на именуемые старые обряды; б) публичное собесѣдованіе съ старообрядцами въ актовомъ залѣ Екатеринославской духовной семинаріи 25 февраля 1901 г.—М. Брунбендера и в) въ приложеніи 16 бесѣдъ съ сектантами 1) о замѣнѣ ветхозавѣтной субботы въ новомъ завѣтѣ воскреснымъ днемъ—свящ. К. Молчанова, 2) о составѣ Церкви Христовой и взаимныхъ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ—свящ. Влад. Аванасенко, 3) о внѣшнихъ знакахъ, сопровождающихъ молитву православнаго христіанина, 4) о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ—свящ. Н. Боголюбова, 5) о почитаніи св. иконъ—свящ. А. Федоровскаго, 6) о православномъ христіанскомъ богослуженіи и о незаконныхъ молитвенныхъ собра-

ніяхъ сектантовъ—свѣщ. К. Потороки, 8) о почитаніи и молитвенномъ призываніи св. ангеловъ, св. угодниковъ Божиныхъ и Пресвятой Богородицы—свѣщ. К. Руденко, 9) о необходимости крещенія младенцевъ (противъ штундистовъ)—свѣщ. В. Хандалѣва, 10) о свѣтильникахъ и еиміамъ—свѣщенника Н. Боголюбова, 11) о священномъ преданіи, 12) Бесѣда съ уклонившимся въ секту шелапутовъ С. Д-ромъ—свѣщ. Зиновія Вышемірскаго, 13) о таинствѣ священства—свѣщ. Н. Назаревскаго, 14) о крестныхъ ходахъ и колокольномъ звонѣ—свѣщ. В. Аванасенко, 15) о молитвахъ за умершихъ—свѣщ. С. Борисова, 16) о таинствѣ св. Причащенія (не оконч.)—свѣщ. П. Соколовскаго.

Первая бесѣда о С. Шалкинскаго начата печатаніемъ въ 1900 г.; здѣсь же помѣщено окончаніе. Послѣ изложенія православнаго ученія о Церкви Христовой (ея устройствѣ, вѣчности и неодолимости) Перетрухину былъ поставленъ вопросъ: *будетъ ли Церковь Христова существовать на землѣ точно въ томъ самомъ устройствѣ, въ какомъ создалъ ее Господь, или же потертитъ какія-либо измѣненія?* Вопросъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ послѣ рѣшенія его ясно видно, кто составляетъ истинную Христову Церковь: мы ли, православные, или раскольники. Перетрухинъ принадлежитъ къ обществу поповцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, тому обществу, въ которомъ около 200 лѣтъ не было ни епископовъ, ни полноты таинствъ церковныхъ, а потому долженъ былъ или сознаться, что ихъ общество есть Церковь *не* Христова, или же доказать невозможное, т. е. что Церковь Христова можетъ потерять два своихъ существенныхъ признака: трехчинную іерархію и полноту таинствъ. Сознаться въ заблужденіи своемъ и своихъ предковъ онъ не захотѣлъ и началъ *зачитывать свидетельствами* въ пользу раскольническаго ученія, о впаденіи въ ересь всѣхъ епископовъ и въ заключеніе сказалъ: „итакъ, свою Церковь мы оправдали, пусть теперь о С. оправдываетъ свою: пусть онъ оправдаетъ соборы 1666—1667 гг., на которыхъ были прокляты всѣ святые обряды... пусть онъ оправдаетъ и единовѣріе, основанное на 16 пунктахъ митр. Платона... Пусть-ка докажетъ, что это единовѣріе не находится подъ клятвою... Но онъ скажетъ, что не объ этомъ теперь вопросъ. Только и отговорки у него: нечѣмъ оправдаться,— такъ и заявляеть, что бесѣда не объ этомъ. И легко, и скоро!“

Всѣхъ свидѣтельствъ П-нъ привелъ 12; всѣ они болѣе или менѣе извѣстны. Давъ ему высказаться, о. Шалкинскій выяснилъ слушателямъ, что собесѣдникъ не далъ отвѣта на поставленный вопросъ, указалъ причину этого и затѣмъ уже перешелъ къ разбору самыхъ свидѣтельствъ. Разбиралъ онъ тщательно каждое свидѣтельство; только когда перешелъ къ 4-му, въ которомъ говорилось, что всѣ апостолы

и епископы могут погрѣшать (1 Иоан. 1, 8. 10), а грѣхъ есть ересь (Б. Катих. л. 125), то сказалъ: „Думаю, братія, что никто изъ васъ не согласится съ такимъ нечестивымъ мнѣніемъ, а потому эти лжеумствованія П. и оставляю, какъ не заслуживающія возраженій. Только и можно сказать на это П., что если всякій грѣхъ есть ересь, а человѣкъ не можетъ не согрѣшить, еще и единъ день житія его будетъ, то и П. не чуждъ грѣха, а потому и онъ еретикъ; грѣшить вашъ Картушинъ, значитъ и тотъ—еретикъ; грѣшать всѣ старообрядцы, слѣдов., всѣ они, по ученію своего защитника, еретики... Мы же, хотя, яко человѣцы, и согрѣшаемъ,—по милости Божіей, еретиками не были и отъ всего еретическаго отбѣгаемъ. Мы согласно съ св. отцами учимъ, что не всякій грѣшникъ есть еретикъ. Мы „еретиками именуемъ какъ тѣхъ, которые издавна чуждыми Церкви объявлены, такъ и тѣхъ, которые послѣ того нами анаемъ преданы“ (7 пр. 2 вс. соб. полн. перев.). Подумайте, братія, до чего доводить васъ вражда противъ св. Церкви. У васъ уже и св. апостолы, и всѣ святые угодники Божіи, вся Церковь Христова стала еретической, такъ какъ нѣтъ никого, кромѣ Господа, кто бы жилъ и не согрѣшилъ... Св. мужи отличали православные грѣхи отъ ересей, а у г. Перетрухина что ни грѣхъ, то ересь: ученіе, какъ видите, новое, не преданное намъ св. отцами“.

Такое доказательство по методу *ad absurdum* нельзя не признать находчивымъ со стороны почтеннаго о. миссіонера и какъ нельзя болѣе нагляднымъ и убѣдительнымъ для темной массы слушателей.

Послѣ разбора свидѣтельствъ о. Ш. упомянулъ о высказанныхъ П. обвиненіяхъ противъ Церкви и сдѣлалъ заключеніе. Такимъ образомъ бесѣда была проведена съ знаніемъ дѣла и въ строгомъ порядкѣ.

К. Плотниковъ.

Бѣликовъ Д. Н. прот. Томскій расколъ. Томскъ, 1901 г., стр. 296
Ц. 1 р. 75 к.

Въ названномъ трудѣ о. Бѣликовъ имѣлъ своею задачею прослѣдить и описать жизнь томскаго раскола «не въ его отдаленномъ прошломъ, а въ быломъ сравнительно недавнемъ»,—за періодъ времени съ 1834 г.,—съ открытія Томской епархіи, и до 1880-хъ годовъ. Значитъ, изъ его книги мы можемъ узнать только о расколѣ Томской епархіи, а не вообще о Сибирскомъ. И дѣйствительно, расколъ этой епархіи представляетъ преимущественный интересъ какъ по своему количеству, такъ и по многимъ характернымъ чертамъ и событіямъ его жизни. Разумѣется, было бы весьма желательно знать томскій расколъ не за послѣдніе 70 лѣтъ, а и болѣе ранній; но это,

вѣроятно, еще дѣло будущаго: нашъ же авторъ не оставляетъ сообщать разные факты изъ далекаго прошлаго, гдѣ только ему дозволяютъ сдѣлать это документы и имѣющіяся у него свѣдѣнія. Документы, на основаніи которыхъ написана его книга, почерпнуты почти исключительно изъ архивовъ—Томскаго губернскаго и консисторскаго. Въ виду особенной жизненности томскаго раскола и его даже пропагаторскаго характера, документовъ этихъ, какъ можно судить по книгѣ, сохранилось достаточное количество. Воспользовался ими авторъ весьма умѣло: а поэтому и въ книгѣ его исторія жизни и разныхъ движеній и броженій въ томскомъ расколѣ представлена весьма полно, цѣлостно и картинно, и представление о томскомъ расколѣ изъ нея выносится ясное, опредѣленное и законченное.

Кратко сказавъ, какъ изъ разнаго рода бѣглецовъ, ссыльныхъ и вольныхъ поселенцевъ Томскій край переполнился разнаго рода раскольниками, авторъ для 1887 г. устанавливаетъ приблизительную цифру ихъ до 81069 душъ обоого пола при 1,104,908 душъ обоого пола всего количества населенія Томской губ. (въ 1882 г.). А прибавивъ и сектантовъ Томскаго края, авторъ полагаетъ, что численность всего вообще томскаго расколосектантства къ 1880 г. должна быть не менѣе 100,000. Толки въ томскомъ расколѣ—тѣ же, что и всюду, преимуществуютъ же—поповщина, стариковщина и поморское согласіе. Отъ стариковщины авторъ различаетъ согласіе часовенныхъ. Первая, по нему, представляетъ среднее между поповщиной и безпоповщиной. Съ послѣдней ее сближаютъ требоисправители изъ простыхъ стариковъ и старухъ; поповщинскій же ея характеръ сказывается въ томъ, что она не возстаетъ противъ священства вообще, и у заправителей ея нѣрѣдко хранятся въ видѣ сухариковъ запасные дары. Отличіе ея отъ часовенныхъ авторъ полагаетъ въ томъ, что послѣдніе, относясь фанатичнѣе къ православной Церкви, къ православнымъ священникамъ прибѣгаютъ очень рѣдко, тогда какъ у стариковщины не считается особенно тяжелымъ грѣхомъ это обращеніе; наставники часовенныхъ вводятся въ ихъ обязанности чрезъ благословеніе отъ другихъ наставниковъ, также преименно получившихъ оное съ Иргиза, Рогожскаго кладбища и т. под.,—у стариковщины этого не требуется. Есть у нихъ нѣкоторыя и обрядовыя разности.—Руководителями у поповцевъ служатъ ихъ лжеепископы и попы. Изъ первыхъ извѣстны — Савватій, Герасимъ, Меводій и теперь здравствующій и правящій—Антоній; поповъ насчитываетъ авторъ до 30. Безпоповцами руководятъ разнаго рода старики и наставники. Съ особенною подробностію авторъ говоритъ о Бѣловодской іерархіи и о неоднократныхъ попыткахъ раскольниковъ прошлаго и недавняго времени отыскать «древлеправославное священство» то въ Бѣловодѣ, то въ Китаѣ.

Характеризуя внутреннюю жизнь томскаго раскола, авторъ отмѣчаетъ сильную настойчивость и удивительную изобрѣтательность раскольниковъ въ обереженіи своей цѣлости и самобытности въ виду практиковавшихся противъ нихъ правительственныхъ мѣропріятій.

Средства, употреблявшіяся раскольниками для этого, были весьма разнообразны: секретъ и таинственность, тайники при домахъ и на пасѣкахъ, упорство въ непослушаніи начальственнымъ распоряженіямъ, самовольное открытіе запечатываемыхъ часовенъ, отстаиваніе даже иногда съ оружіемъ въ рукахъ сводныхъ браковъ, многочисленныя прошенія и ходатайства, подложные указы и т. под. многое другое; все это одно вмѣстѣ съ другими или каждое порознь пу- скалось раскольниками въ ходъ, чтобы только отстоять свою са- мостоятельность. А если къ этому прибавимъ покровительство расколу со стороны ихъ богачей, волостныхъ старшихъ, сельскихъ старостъ и писарей, а часто и со стороны земской полиціи и мировыхъ по- средниковъ, то поймемъ, что раскольники достигали своихъ цѣлей почти всегда и не только росли въ силу естественнаго прироста, но и въ силу массовыхъ соврашеній изъ православія въ расколъ; пой- мемъ и то, какъ тяжело, а нерѣдко и опасно было положеніе среди нихъ немногочисленныхъ православныхъ ихъ односельчанъ. Для иллюстраціи этихъ своихъ положеній авторъ изъ дѣлъ архивовъ приводитъ очень немало характерныхъ разсказовъ и исторій.

Какъ же относилось къ расколу епархіальное духовенство? Оно, по словамъ автора, «ограничивалось внѣшнимъ наблюденіемъ за жизнью расколо-сектантовъ съ донесеніями къ духовной и свѣтской власти, когда въ этой жизни допускались какія-либо правонаруше- нія». Само собою понятно, что результатомъ этихъ отношеній могло быть и, дѣйствительно, было раздраженіе раскольниковъ противъ духовенства, доводившее до жалобъ на него по начальству и до обвиненій его въ безнравственной жизни и въ корыстолюбіи. Эти обвиненія были доведены въ 1863 г. даже до Государя Императора. Епархіальные же архіереи сильно старались о развитіи единовѣрія въ своей епархіи, въ чемъ при помощи разныхъ свѣтскихъ лицъ и успѣвали. Единовѣрцы имѣли даже нѣсколько своихъ церквей и своихъ приходовъ. Но въ общемъ единовѣріе не привилось, такъ что съ теченіемъ времени нѣкоторыя церкви пришлось даже за- крыть. И въ настоящее время только пятая часть изъ всѣхъ едино- вѣрцевъ принадлежитъ къ истиннымъ единовѣрцамъ, — остальные единовѣрцы только по имени.

Послѣднюю главу авторъ посвятилъ описанію разнаго рода сек- тантскихъ толковъ, живущихъ въ Томской епархіи: духоборцевъ, мо- локанъ, субботниковъ, скопцевъ и хлыстовъ.

Таково содержаніе книги о Бѣликова. Исторія томскаго раскола за взятый авторомъ періодъ представлена имъ со всей возможной обстоятельностью; сужденія его характеризуются безпристрастіемъ- историка; изложеніе отличается ровнымъ, спокойнымъ тономъ. Чи- тается книга легко и съ интересомъ. Для интересующихся исторіей нашего раскола она необходима.

М. Челмоць.

Субботинъ Н. Ив. проф. Обличеніе еретичествъ Арсенія Швецова, именуемаго епископа старообрядцевъ, составленное Механиковымъ, по благословенію Иоанна Каргушина, именуемаго архіепископа старообрядцевъ. М. 1900 г.

Его же. «Дружба паче правды», заключенная между еретикомъ Швецовымъ и обличителемъ его Механиковымъ. М. 1900 г., стр. 23, ц. 20 коп.

Нестроенія и разногласія среди старообрядцевъ, пріемлющихъ такъ-называемую Бѣлокриницкую лжеіерархію, продолжаютъ и въ настоящее время. Теперь виновникомъ ихъ возбужденія является извѣстный въ расколѣ лжеархіерей Арсеній Швецовъ съ его еретическимъ ученіемъ „о подлѣтномъ, вмѣстѣ съ вѣками, рожденіи Сына Божія отъ Бога Отца“. Ученіе это, уже осужденное раскольническими архіереями и лицемѣрно отвергнутое имъ самимъ, за послѣдніе года онъ снова выдвинулъ. Пока живъ былъ слабоумный Савватій, Швецовъ оставался неизобличаемымъ; но Каргушинъ возсталъ противъ него, и съ его благословенія былъ написанъ попомъ Механиковымъ въ обличеніе еретичества Арсенія Швецова „Критическій разборъ защиты Бѣлокриницкаго Устава“. Въ сочиненіи этомъ Механиковъ, на основаніи слова Божія и ученія св. отцовъ, весьма подробно изобличаетъ еретичества Швецова и называетъ ихъ собственнымъ ихъ именемъ. Швецовъ не могъ перенести такого пораженія и въ свою очередь написалъ „Исповѣданіе вѣры“, въ которомъ грозитъ анаемой всѣмъ, кто несогласно съ нимъ учить о Сынѣ Божіемъ. Скандалъ получился громаднй: два „владыки“ стояли какъ бы другъ противъ друга, грозя другъ другу отлученіемъ, а обществу—раздѣленіемъ. Трудно было придумать какое-нибудь примиреніе между ними безъ отказа одного изъ нихъ отъ его ученія; но ловкіе расколоучители и здѣсь вышли изъ затрудненія. 10-го ноября 1900 г. было написано и издано ко всеобщему свѣдѣнію „Исповѣданіе православныя вѣры епископа Арсенія Уральскаго и временно Нижегородскаго и священника града Тулы Василія Механикова“. Въ „Исповѣданіи“ этомъ они заявляютъ, что „по довольномъ обмѣнѣ мыслей“, они въ прекращеніе между ними пререканій объявляютъ, что сочиненія ихъ (вышеприведенныя) „отселѣ считаютъ недѣйствительными“... Такъ состоялась для Механикова „дружба паче правды“, когда онъ изъ желанія избѣжать непріятностей отказывается отъ своего справедливаго изобличенія еретичествъ Швецова.

Описанію этихъ событій и подробному разбору вышеназванныхъ сочиненій и посвящены двѣ брошюрки проф. Субботина. Въ приходахъ съ сильнымъ „австрійскимъ“ расколомъ имѣтъ эти брошюры—необходимо, и давать ихъ для чтенія народу—весьма полезно.

М. Челышевъ.

Архимандритъ Сергій. Православное ученіе о спасеніи. Опытъ раскрытія нравственно-субъективной стороны спасенія на основаніи св. Писанія и твореній свято-отеческихъ. Сергіевъ Посадъ. 1895.

На Западѣ вопросъ о спасеніи былъ превратно понятъ богословами, воспитанными въ традиціяхъ римскаго права. Изъ проблемы чисто-нравственной онъ превратился въ юридическую теорію, формальную, сухую и чисто внѣшнюю. Нравственный союзъ Бога съ человѣкомъ получилъ у католиковъ видъ наемническаго отношенія между людьми и Божествомъ. Дѣла людей стали заслугой, вымогающей плату на небесахъ, блаженство—внѣшнимъ придаткомъ, возмездіемъ за неприятную саму по себѣ добродѣтель. Такія воззрѣнія не могли не привести къ печальнымъ послѣдствіямъ въ жизни, и вотъ, какъ горячій протестъ противъ нравственнаго развращенія Римской Церкви, явилась реформація.

„Но... протестантство было чадомъ своего времени и школы. Первые реформаторы выучились говорить и мыслить на томъ же Аристотелѣ и Цицеронѣ, какъ и ихъ католическіе противники“. Они поняли тайну „спасенія чрезъ вѣру во Христа, но не во всей ея полнотѣ и живанности“. „Человѣкъ по природѣ наемникъ“, но самъ онъ не можетъ выполнить лежащаго на немъ долга, отсюда нужно „третье лицо“ юридическаго союза, которое взяло бы на себя обязательство преступника. „Разъ найдено это „третье“, и притомъ не только достаточное, но и превосходящее всякую мѣру, тогда не нужно искать никакого другого удовлетворенія. Если Христосъ заплатилъ за наши грѣхи даже болѣе, чѣмъ они стоили, зачѣмъ еще думать, что нужно самому трудиться для этого удовлетворенія?“. „Что же такое послѣ этого спасеніе? Оно не болѣе, какъ отпущеніе грѣховъ или, избавленіе отъ наказаній за грѣхи, оправданіе въ смыслѣ внѣшнемъ, судебномъ“. Такимъ образомъ и здѣсь остался тотъ же юризмъ. Вѣчная жизнь представляется, какъ условленная плата, которую Богъ „долженъ“ выдать человѣку; только обязующимъ „третьимъ“ для протестантовъ служить не собственная заслуга человѣка, а заслуга Христа.

Ложное направленіе западнаго христіанства особенно сказывается въ безсиліи гармонически сочетать Божественное и человѣческое, благодать и свободу, заслугу Христа и дѣланіе самого человѣка. Добро здѣсь представляется не потребностью человѣческой природы, а игомъ, наложеннымъ на человѣка. Вопреки этому извращенному взгляду, архимандритъ Сергій беретъ на себя задачу развить мысль о тождествѣ блага и нравственнаго добра и показать, что эта истина—не философскій выводъ, а истина христіанская, церковная. Глава первая посвящена разбору юридическаго жизнепониманія прісвѣтъ апостольскаго и отеческаго ученія.

Себялюбіе составляетъ основу этого воззрѣнія, наемничество есть лучшій конкретный образъ его, но и то, и другое строго осуждаются св. Писаніемъ и Преданіемъ. Глава вторая (96—114) раскрываетъ

истинное понятіе о вѣчной жизни и блаженствѣ, отбѣняя ту мысль, что содержаніе вѣчнаго блаженства составляетъ святость, и что добро самоцѣнно и само по себѣ составляетъ высшее благо. При такомъ взглядѣ на будущую жизнь, она сливается съ настоящей, становится естественнымъ предположеніемъ нравственной дѣятельности на землѣ. Царство Божіе внутри человѣка. Если въ св. Писаніи и у отцовъ Церкви мы встрѣчаемъ выраженія, въ которыхъ вѣчная жизнь какъ будто представляется потусторонней, то это значить, что „здѣсь на землѣ нѣтъ полнаго раскрытія вѣчной жизни“ (114—148—Глава III). Здѣсь только полагается начало спасенія, а совершается оно тамъ. Такимъ образомъ, земная и небесная жизнь—только два момента одного и того же процесса.

Понятно, при этомъ, спасеніе нужно разсматривать преимущественно съ внутренней, нравственной стороны (гл. IV, стр. 148—219). Это не есть „событіе, происходящее только въ божественномъ сознаніи, ни дѣло правового вмѣненія на основаніи какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ“; спасеніе „посредствуется переходомъ человѣка отъ грѣха и себялюбія въ царство добра и любви, которое предвкусывается человѣкомъ здѣсь, во всей же полнотѣ будетъ наслѣдовано въ будущемъ вѣкѣ“. Съ этой точки зрѣнія вопросъ объ условіяхъ спасенія, какъ онъ ставится на Западѣ, является вполне предрѣшеннымъ. Разъ спасеніе понимается не въ формальномъ юридическомъ смыслѣ, а какъ дѣло жизни, то, понятно, самая дилемма вѣры и дѣла рѣшительно невозможна (гл. V, 219—252).

Трудъ арх. Сергія, по своей самостоятельности, строгому логическому развитію мыслей и научной основательности (источники вѣроученія обследованы имъ весьма добросовѣстно и обстоятельно), является выдающимся и почти единственнымъ въ нашей систематической богословской литературѣ. Изложеніе вездѣ простое, ясное и изящное. Читается легко и съ большимъ интересомъ. Самый вопросъ таковъ, что его нельзя обойти ни единому мыслящему человѣку, тѣмъ болѣе христіанину. Все это даетъ намъ право надѣяться, что книга арх. Сергія имѣетъ самое широкое распространеніе.

М. Леоповичъ.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Юбилей о. протопресвитера І. Д. Янышева.

30 истекшаго декабря исполнилось *пятидесятилѣтіе* пастырскаго служенія духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитера Іоанна Леонтьевича Янышева. Юбиляръ въ этотъ день служилъ литургію въ церкви Царско-сельскаго дворца, гдѣ пребываютъ Ихъ Величества, и былъ удостоенъ Всемилостивѣйшаго рескрипта и Высочайшаго подарка—портреты трехъ государей въ рамкахъ, усыпанные драгоценными камнями. По возвращеніи изъ дворца, маститый юбиляръ принялъ поздравленіе отъ придворнаго духовенства, которое поднесло икону и собранныя деньги на стипендію. Въ тотъ же день юбиляръ получилъ множество поздравленій отъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Какія иногда цѣли преслѣдовали интеллигентные друзья раскола?

Въ журналѣ „*Вѣра и Церковь*“ печатается очень интересная и во многихъ отношеніяхъ поучительная переписка между Н. И. Субботинимъ и нынѣ покойнымъ архимандритомъ Павломъ (Прусскимъ), настоятелемъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря ¹⁾. Переписка эта составляетъ существенно важный матеріалъ для исторіи раскола и борьбы съ нимъ. Между прочимъ, она даетъ возможность читателю хорошо ознакомиться и съ друзьями раскола изъ интеллигентовъ, а также съ покровителями его изъ лицъ высокаго служебнаго положенія.

Съ интеллигентными друзьями раскола, съ цѣлями, ко-

---

¹⁾ Переписка эта имѣетъ заглавіе также: «Еще пятнадцать лѣтъ служенія Церкви борьбою съ расколомъ».

торыя они преслѣдовали, дружа съ руководящими дѣятелями въ расколѣ, хорошо знакомить, напр., письмо о. арх. Павла отъ 2 мая 1882 г. Въ письмѣ этомъ о. Павелъ имѣлъ поводъ вспомнить о выдающихся друзьяхъ *раскола*, извѣстныхъ Кельсіевъ и Герценъ. Именно онъ вспоминаетъ о своемъ свиданіи съ Кельсіевымъ въ 1863 году (когда о. Павелъ былъ еще раскольникомъ безпоповцемъ). Кельсіевъ тогда хлопоталъ о знакомствѣ со старообрядцами, чтобы имѣть ихъ себѣ помощниками.

По словамъ о. арх. Павла, у Герцена и Кельсіева была цѣль—при посредствѣ старообрядчества уронить Церковь; а когда уронять Церковь, которая составляетъ незыблемую опору государства, оно безъ опоры, неизбѣжно должно пасть. Съ этою цѣлю, говоритъ о. Павелъ,—они и хлопотали о свободѣ старообрядчества и такъ искали сближенія со старообрядцами. Кельсіевъ говорилъ мнѣ: „вы погодите спорить между собою ¹⁾; прежде побѣдимъ общаго врага, а потомъ, на свободѣ, и будете между собою разбираться по любви, кто изъ васъ правъ и кто не правъ“. Мой петербургскій знакомый, у котораго я квартировалъ тогда, пріѣхавъ изъ Пруссіи, и у котораго Кельсіевъ имѣлъ эту бесѣду со мной (купецъ Мартьяновъ), проводивши его, говоритъ мнѣ, между прочимъ: „а что, если бы эти господа чрезъ насъ достигли побѣды надъ никоніанами и правительствомъ, какъ бы тогда они взглянули на насъ?“ Я отвѣтилъ: „тогда они принялись бы и за насъ“. Онъ согласился и прибавилъ: „лучше все терпѣть отъ никоніанъ, нежели имѣть дѣло съ безбожниками“ ²⁾. Но не всѣ старообрядцы могли такъ понимать дѣло, какъ мой пріятель; а у поповцевъ ихъ архіереи даже и очень сочувствовали рѣчамъ Кельсіева, какъ онъ самъ увѣрялъ меня въ этомъ ³⁾. На мой же рѣшительный отказъ принять его предложеніе Кельсіевъ отвѣтилъ: „довѣряетесь вы намъ или не довѣряетесь, а мы все же въ вашу пользу

¹⁾ Онъ разумѣлъ споры между поповцами и безпоповцами и въ безпоповщинѣ между разными ея толками; а у о. Павла тогда именно были споры съ безбрачниками—еѣдосѣвцами.

²⁾ Какое, однако, рѣшительное мнѣніе имѣютъ раскольники объ извѣстнаго сорта интеллигентахъ!..

³⁾ Таковы-то, по характеристикѣ г. Шарпова, „истинно доблестные, истинно русскіе люди“!

будемъ работать, и этимъ заставимъ васъ, хотите или не хотите, за одно съ нами дѣйствовать“ ¹⁾. Теперь вотъ и на дѣлѣ это видно. Герцена не стало и Кельсиева уже нѣтъ, а цѣль ихъ дѣйствія, указанная Герценомъ, твердо преслѣдуется ихъ единомышленниками, и старообрядцы, по доброй волѣ или нѣтъ, но изъ своей пользы за одно съ безбожниками и дѣйствуютъ противъ православной Церкви. У безбожниковъ старообрядчество наше, т. е. расколъ, крѣпкое оружіе противъ Церкви, а вмѣстѣ съ Церковью и противъ государства; поэтому они и охраняютъ его, поэтому такъ его и защищаютъ. Бѣда, бѣда, что государственные люди, стоящіе у кормила правленія, не видятъ и не хотятъ понять этихъ продѣлокъ враговъ государства и такъ помогаютъ имъ чрезъ покровительство расколу уготовлять бѣды для Церкви и государства. Владыка Церкви, Имже царіе царствуютъ, да встанетъ и запретитъ бурѣ и вѣтрамъ, и да будетъ тишина велія! Господь да подастъ разумъ нашему Государю разрушить коварства вражія и насъ да помилуется!“ (См. *Впра и Церковь*, 1901 г. кн. 6, стр. 105—106).

Не безынтересно сужденіе знаменитаго защитника православія и борца противъ раскола о. арх. Павла о Т. И. Филипповѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ г. Субботину (*отъ 13 мая*) о. Павелъ, между прочимъ, писалъ: „Я давно примѣчалъ, что Тертій Иванычъ только на словахъ боекъ и умѣетъ составлять фразы ловкія, но твердой мысли и чтобы въ каждомъ словѣ содержалось значеніе, этого у него нѣтъ, а примѣчается въ его словахъ какая-то односторонность“ (см. *В. и Ц.* стр. 108).

Покойный Тертій Иванычъ и для многихъ раскольниковъ былъ, такъ сказать, предметомъ пререкаемымъ. Очень ужъ блазило многихъ то обстоятельство, что онъ, будучи епитропомъ Гроба Господня, въ то же время былъ предсѣдателемъ театральнаго кружка, — учрежденія больше, чѣмъ нелюбезнаго сердцу раскольниковъ. Неудивительно, если въ глазахъ ярыхъ раскольниковъ онъ представлялся, какъ „великій скоморохъ“.

II.

¹⁾ Какая, однако, упрямая навязчивость на дружбу, на сотрудничество!..

Успѣхи миссіи въ царствованіе Александра III.

Въ только что вышедшей книгѣ „Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія въ царствованіе Императора Александра III“ приведены статистическія данныя, краснорѣчиво свидѣтельствующія о возрастающемъ изъ года въ годъ успѣхѣ дѣятельности внутренней миссіи, которая въ эту эпоху только организовалась и бодро вышла на свое дѣланіе. Вотъ цифры возсоединеній:

Въ 1881 году безусловно	700	и на правахъ единовѣрія	2116
„ 1882 „ „	1720	„ „	1771.
„ 1883 „ „	3049	„ „	989.
„ 1884 „ „	2695	„ „	1409.
„ 1885 „ „	3091	„ „	1301.
„ 1886 „ „	3167	„ „	1279.
„ 1887 „ „	3669	„ „	1503.
„ 1888 „ „	4266	„ „	1464.
„ 1889 „ „	4483	„ „	1828.
„ 1890 „ „	7217	„ „	1848.
„ 1891 „ „	5862	„ „	1800.
„ 1892 „ „	8423	„ „	2250.
„ 1893 „ „	6959	„ „	2048.
„ 1894 „ „	7343	„ „	2639.

Скандалъ среди раскольниковъ. Въ Сызрани, въ мѣстномъ старообрядческомъ австрійскаго толка мѣрѣ, произошелъ крупный скандалъ. Въ Сызрань пріѣхали трое неизвѣстныхъ лицъ, изъ которыхъ одинъ назвался архіереемъ Паисіемъ, другой монахомъ Пантелеймономъ и третій священникомъ Александромъ. Ничего не подозрѣвая, заправили пустили ихъ въ молитвенный домъ, и они поселились даже въ кельѣ во дворѣ этого дома. Спустя, однако, мѣсяць Александръ получилъ отъ хозяйки дома Ш. довѣренность, на основаніи которой и продалъ молитвенный домъ Пантелеймону. Когда же была получена утвержденная купчая крѣпость, новый владѣлецъ началъ гнать заправиль изъ молельни, категорически заявивъ имъ, что теперь они собственники ея и никому болѣе не позволять въ ней распоряжаться. Спустя нѣкоторое время, Александръ женился на бывшей хозяйкѣ молельни Ш. Все это вмѣстѣ взятое ошеломило мѣстныхъ заправиль-старообрядцевъ, и они начали наводить справки о „неизвѣстныхъ“. Оказалось, по полученнымъ справкамъ, что Паисій, Пантелеймонъ и Александръ—лишенные московскимъ духовнымъ совѣтомъ каждый—своего сана. Кромѣ того, заправили молельни, по словамъ „Волгаря“, прогнали даже своего попа Нестора, долго жившаго въ Сызрани, такъ что теперь они остались и безъ пона. и безъ молельни.

Духовное наслѣдство отъ XIX вѣка.—Прежде всего важна апологетическая роль XIX в. предъ безвѣріемъ XVIII вѣка по вопросу о духѣ конечномъ. XIX вѣкъ сдѣлалъ попытку экспериментально-научной постановки вопроса о душѣ и и духовномъ. Тайнственные феномены духа, а ригоріи отвергавшіеся въ XVIII в., какъ наивныя суевѣрія, теперь научно констатируются и изучаются, и не какими-либо полусумасшедшими мистиками, а людьми трезвой науки, со всѣми позитивными ея приемами. Ребячески-отважныя теоріи энциклопедистовъ теперь уже кажутся слишкомъ наивными. И серьезные эволюціонисты уже не столь категоричны въ отрицаніи духовнаго, какъ эти расшалившіеся ребяташки философіи. Изъ эволюціоннаго лагеря все громче начинаютъ раздаваться голоса, что за эволюціей матеріальнаго міра должна наступить эволюція одухотворяющаго начала, — и къ нимъ прислушиваются. „Неовитализмъ“, пожалуй даже, „монизмъ“ — суть явленія уже далеко не матеріалистическаго порядка.

XIX вѣкъ съ документальными данными въ рукахъ оспорилъ XVIII вѣкъ по вопросу о всеобщности и важности религіи и, кажется, открылъ возможность навсегда похоронить отрицательное рѣшеніе этого вопроса въ сколько-нибудь серьезномъ видѣ. Позитивисты открыто заявляютъ, что „наука безсильна противъ религіозной идеи“, „наука стихійно и неуклонно служитъ этой идеѣ“. И это шагъ впередъ.

XIX в. доказалъ единство всего сущаго и разумную стройность мірозданія, — при этомъ такъ экспериментально-научно, что lamentаціи на этотъ счетъ Вольтера и др. кажутся беспочвенной игрой малосвѣдущаго ума. И это — великое дѣло. Сама позитивная наука не безъ гордости указываетъ, что она рѣшила этотъ вопросъ на фактической почвѣ и доказала законмѣрность и правомѣрность альтруистическихъ чувствъ, создала возможность увеличить сознательность нравственно-практической жизни и углубить совѣсть. Въ этомъ много правды.

XIX в. далъ въ руки богослову безцѣнные научные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ научно-богословскаго вѣдѣнія. Въ частности, для нашего православнаго богословія и православно-философіи XIX вѣкъ оказалъ громадную услугу. Строго говоря, расцвѣтъ этихъ наукъ замыкается въ кругѣ XIX вѣка. Въ этомъ вѣкѣ появился рядъ блестящихъ богослововъ и философовъ, которые сумѣли съ нашей богословско-философской мысли отрясти иноземный прахъ и вывести на торную дорожку патристическихъ воззрѣній и православно-христіанскаго міропониманія.

XIX вѣкъ развилъ колоссальную миссіонерскую дѣятельность и пронесъ Евангеліе до послѣднихъ земли. И Россіи при-

надлежитъ въ этомъ случаѣ не послѣдняя роль, хотя и у себя дома. XIX в. сблизилъ всѣ народы земли и проложилъ путь къ вселенскому сознанию своего единства.

Наконецъ, XIX вѣкъ внѣдрилъ въ общество сознание, что трудъ — благо людей, отучилъ отъ сибаритства прошлыхъ вѣковъ и развилъ широкую благотворительность вмѣстѣ съ широкимъ образованіемъ темныхъ массъ. Въ частности, въ Россіи XIX вѣкъ поднялъ національное самосознание и отучилъ отъ вреднаго подражанія иностранцамъ, почему воспитаніе и образованіе становится у насъ на русско-православную почву.

Господь не оставилъ XIX вѣкъ безъ особаго промышленія. Какъ будто въ отвѣтъ на дерзкій вызовъ Лапласа, что онъ побывалъ съ телескопомъ во всѣхъ углахъ вселенной и нигдѣ Бога не видѣлъ, Богъ нарочито обнаружилъ себя позитивному вѣку въ сверхъестественныхъ феноменахъ, такъ сказать, далъ осязать Себя людямъ, которые привыкли все понимать чрезъ осязаніе. Позапрошлый вѣкъ не видалъ столькокихъ знаменій всемогущества Божія, какъ XIX: появленіе чудотворныхъ мощей, чудотворныхъ иконъ, чудесныхъ испѣленій, вызвавшихъ удивленіе даже ученыхъ, появленіе святыхъ личностей—прозорливыхъ и чудотворящихъ, на которыхъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ смотрѣлъ позитивный вѣкъ (смотреть и теперь), и у которыхъ даже образованные позитивисты и философы не находили предразсудкомъ искать совѣта и помощи.—чудесное спасеніе царской семьи и т. п.

Подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ даровъ XIX вѣка, люди на самомъ кончикѣ его стали вспоминать усиленно про Евангеліе и его завѣты, хотя пока толкуя ихъ вкривъ и вкось, стали вспоминать Бога и чаще ходить въ церковь,—религіозныя темы стали модными во всѣхъ литературахъ.

Онъ взялъ на себя всю черновую культурную работу поизслѣдованію силъ и законовъ осязаемой природы; онъ замаялся, ему было некогда поднять взоръ къ небу и подумать. Что успѣлъ онъ сдѣлать, это—провалить грубое безвѣріе и материализмъ. Въ лую работу онъ предоставилъ своему преемнику

Миссіонерскія новости.

— Въ донской епархіи свободная вакансія окружнаго миссіонера съ содержаніемъ священнику изъ окончившихъ курсъ—1200 р., изъ начетчиковъ же 800 р.

— На 2-ю вакансію Тамбовскаго миссіонера назначенъ кандидатъ Казанской академіи помощн. инспектора Олонецкой епархіи Тамбовскій миссіонеръ *И. Базаряновъ*.

— Тамбовскій миссіонеръ *И. Г. Айвазовъ*, по слухамъ, перемѣщается на вакансію епархіальнаго миссіонера Екатеринославской епархіи.

— Въ Олонецкой епархіи на вакансію миссіонера назначается преподаватель мѣстной семинаріи по каедрѣ раскола г. *Островскій*—

О приемахъ духовной полемики.

(Письмо въ редакцію ¹⁾).

Въ прошломъ году въ вашемъ журналѣ былъ кинуть упрекъ свѣтскимъ образованнымъ людямъ въ томъ, что они не читають духовной литературы. Но, позвольте, не писатели ли ваши и ихъ приемы тому виною?

Ваша духовная литература отличается однимъ фатальнымъ свойствомъ, которое сокращаетъ вліяніе ея на читателей на девять десятыхъ. Это свойство—неудобочитаемость, порождающая во многихъ случаяхъ и совершенную нечитаемость. Духовные писатели какъ бы совершенно не хотятъ считаться съ требованіями читающей публики, воспитавшей свои литературные вкусы на произведеніяхъ такихъ мастеровъ слова, какъ Пушкинъ, Тургеневъ, Толстой и др.

Особенно чувствительно пренебреженіе требованіями читателя въ такой щекотливой области, какъ богословская критика и полемика. Русскій интеллигентный читатель совершенно не выноситъ такихъ критическихъ приемовъ, которые хотя бы отдаленно напоминаютъ собою полицейскій протоколъ; онъ не цѣнитъ такого критическаго замаха, считаетъ его сикофанствомъ, а писателя, какой бы эрудиціи и учености онъ ни былъ, разъ онъ принимаетъ на себя обязанности слѣдователя, прокурора или цензора добрыхъ нравовъ,—сикофантомъ. Благодаря несомнѣнной наличности такихъ воззрѣній у читающаго интеллигентнаго большинства, проникательный критикъ, открывающій у своего противника мысли сомнительной цензурности, сдѣлаетъ хорошо и даже мудро, если сдержитъ свой порывъ и умолчитъ о предполагаемой нецензурности, ограничившись раскрытіемъ лишь *несомнѣтельности* мыслей критикуемаго автора.

Это будетъ, говорю, мудро потому, что публика не хочетъ слушать писателей, принимающихъ на себя судебно-административныя функціи, и самыя основательныя и благонамѣренныя рѣчи становятся, такимъ образомъ, гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Это, кромѣ того, будетъ и благоразумно, потому что далеко не всѣ критики непогрѣшимы. Не всегда достаточно одного благонамѣреннаго рвенія, чтобы и на дѣлѣ быть истинно-благомыслящимъ.

Намъ пришлось надняхъ пробѣжать поучительную въ этомъ отношеніи замѣтку профессора Московской Академіи г. Заозерскаго

¹⁾ Печатаемъ настоящее письмо въ силу строго охраняемаго нашей редакціей принципа *audiat et altera pars*.

Ред.

съ многообъщающимъ заглавіемъ: „Странный ревнитель святыхъ семейнаго очага“. Въ подзаголовкѣ стоитъ въ скобкахъ: В. В. Розановъ: Въ міръ не яснаго и не рѣшеннаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. 50 к. *Безцензурное* изданіе.

Ужъ одна эта необычная вставка „безцензурное изданіе“, чего на книжкѣ г. Розанова, конечно, не стоитъ, производить странное впечатлѣніе какого-то сыска и упрека цензурному вѣдомству. А затѣмъ, въ первыхъ же строкахъ статьи авторъ указываетъ, что главнымъ источникомъ его вдохновенія является «лучъ надежды, что, быть можетъ, рецензія предупредитъ появленіе книгъ, подобныхъ» книгѣ г. Розанова...

Разумѣется, откровенность г. Заозерскаго похвальна. Читатель съ первыхъ же строкъ понимаетъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и какъ велико усердіе автора. Но въ виду указанной выше требовательности русской читающей публики, полагающей, что область литературы — область свободнаго *исканія* истины, — считающей, что существующихъ цензурныхъ установленій и дѣятелей вполне достаточно для охраны слабыхъ умовъ отъ соблазна, и что всякая добровольческая дѣятельность въ этой области по меньшей мѣрѣ излишня, — въ виду всего этого откровенность почтеннаго автора нельзя признать практичною и тѣмъ мѣнѣе идущей на встрѣчу литературной миссіи среди свѣтскаго общества. А читатели болѣе требовательные, чѣмъ мы, скажутъ, пожалуй, еще болѣе рѣзкія слова и самую статью г. Заозерскаго отбросятъ прочь.

Нельзя одобрить неумолимой строгости г. Заозерскаго къ г. Розанову по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ не понимаетъ г. Розанова, а во-вторыхъ, онъ самъ стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, которая въ свое время также вызывала покиванія главою.

Г. Розановъ представляется г. Заозерскому въ видѣ какого-то новаго Донъ-Жуана, усердно пополняющаго списокъ „тысячи и трехъ“, а въ промежуткахъ подыскивающаго для такого зазорнаго поведенія богословскія основанія, и, наконецъ, чтобы безвозвратно замарать свой кондуктный списокъ, г. Розановъ „предрекаетъ близкій конецъ христіанству“...

Само собою разумѣется, что такое представленіе о скромномъ авторѣ „Мѣста христіанства въ исторіи“ есть всецѣло плодъ фантазіи московскаго критика. Между современными свѣтскими писателями нѣтъ, быть можетъ, никого, кто бы такъ живо интересовался вопросами Церкви и вѣры, какъ г. Розановъ. Какъ бы ни были странны или ошибочны тѣ или иныя его воззрѣнія, во всякомъ случаѣ, авторъ одушевленъ желаніемъ не разрушенія семьи, а ея возвеличенія и укрѣпленія. Отъ хорошихъ словъ онъ апеллируетъ къ ихъ осуществленію. Отъ христіанства номинальнаго онъ зоветъ къ христіанству реальному, отъ богомыслія — къ богоощущенію. Отъ *ученія* о чистомъ бракѣ онъ призываетъ къ чистотѣ брака на дѣлѣ. Аргументація г. Розанова не отличается желательной ясностью, а толкованіе имъ св. Писанія нерѣдко далеко отходитъ отъ ортодоксальнаго ученія. Но какъ бы ни были велики его заблуж-

жденія, они вызываются не страстью къ отрицанію, а горячим желаніемъ создать условія новой, болѣе чистой жизни.

Если человекъ хромаетъ, ему надо подать костыль, а не перебивать и здоровой ноги. Г. Розановъ занимаетъ въ нашей литературѣ позицію весьма своеобразную, пожалуй даже—одинокую, подверженную нападеніямъ и слѣва, и справа. Кому оказываютъ услугу, проявляя къ этому своеобразному таланту бурсацкую грубость и прокурорскую подозрительность,—ясно само собой.

Грубые нападенія г. Заозерскаго производятъ тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе, что и самъ-то онъ стоитъ на очень сомнительной почвѣ. Спиритуализму Розанова онъ противопоставляетъ, какъ единственно законное, міропониманіе материалистично-механическое, которому чисто-внѣшнимъ образомъ онъ придаетъ христіанскія qualificации. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ г. Заозерскій стремится поразить г. Розанова отъ имени науки (анатоміи, психологіи и пр.), а окончательный счетъ подаетъ отъ имени христіанства. Этотъ подмѣнъ такъ неискусенъ и явенъ, что производитъ впечатлѣніе неудавшагося карточного фокуса. Возьмемъ первый попавшійся примѣръ. Г. Розановъ не находитъ возможнымъ въ соединеніи половъ видѣть лишь одну грубую внѣшность. За этой внѣшностью онъ видитъ еще и появленіе на землѣ новаго живаго существа, новой христіанской души. Чисто механическому объясненію зарожденія («граафовъ пузырьрекъ») онъ противопоставляетъ художественный намекъ на сущность этого явленія въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова:

„Онъ (ангелъ) душу младую въ объятіяхъ несъ“.

Г. Заозерскій ни на секунду не задерживается на этомъ намекѣ и сразу, не колеблясь, становится на сторону „граафова пузырьрка“. Если лермонтовскій ангелъ не совпадаетъ съ свято-отеческимъ пониманіемъ зарожденія христіанской души, то «граафовъ пузырьрекъ» стоитъ въ этомъ отношеніи еще дальше, неизмѣримо дальше. И во всякомъ случаѣ не стороннику механическаго пониманія зарожденія жизни обвинять г. Розанова въ ересьяхъ...

Вопросы, возбуждаемые г. Розановымъ въ осужденной г. Заозерскимъ книгѣ, касаются важнѣйшей стороны человѣческой жизни, и ради выясненія ихъ свѣтскіе люди ждутъ не издѣвательства,—оно никого не убѣждаетъ, — а серьезной рѣчи авторитетныхъ богослововъ.

Е. Елюровъ.

Изъ отношеній интеллигенці и свѣтской печати къ Церкви и духовенству.

Извѣстные органы печати любятъ собирать по бѣлу свѣту всякій соръ, выметенный какимъ-либо провинціальнымъ „писателемъ“ изъ „поповскихъ избъ“. Но систематически печать замалчиваетъ о безобразіяхъ своего брата интеллигента въ отношеніи Церкви и ея служителей. А фактовъ такихъ немало, и часто они возмущаютъ и глубоко соблазняютъ „сихъ малыхъ“, тормозя пастырскую миссію среди православныхъ и среди отпавшихъ. Въ сообщаемыхъ же печатью о духовенствѣ свѣдѣніяхъ въ большинствѣ случаевъ истина жестоко извращается, неправда же никогда не обличается со стороны потерпѣвшихъ,—болышею частью захолустныхъ пастырей, не читающихъ газетъ. А между тѣмъ, по пословицѣ, добрая слава лежитъ, а худая молва бѣжить. По газетнымъ извращеннымъ свѣдѣніямъ составляется у читателей недоброе мнѣніе о духовенствѣ и его дѣятельности. Вотъ почему редакція наша съ этого года открываетъ настоящій отдѣлъ и будетъ по возможности зорко слѣдить за сообщеніями свѣтской печати о духовенствѣ, разоблачать неправду и защищать несправедливо потерпѣвшихъ отъ нападокъ и нареканій враговъ Церкви. Мы не противъ гласности, но мы не миримся съ систематическимъ недоброжелательствомъ, замалчиваніемъ правды о Церкви и духовенствѣ со стороны либеральныхъ органовъ печати. Это новое дѣло „Мисс. Обзор.“ вмѣняетъ себѣ въ свой свящ. долгъ предъ миссіей Церкви. Начнемъ съ фактовъ оглашенныхъ въ газетѣ „Свѣтъ“.

* * *

На южномъ Уралѣ есть заводъ, принадлежащій г. фонъ-Дервизъ, а на заводѣ этомъ есть самодуръ-управляющій.

У этого самодура занемогла жена: случилось это въ ночь подъ праздничный день, и утромъ раздался на церковной колокольнѣ обычный благовѣсть, призывающій обывателей къ молитвѣ. Директоръ нашель, что благовѣсть этотъ беспокоить его супругу, и, ничто-же сумняся, отдалъ приказъ, чтобы благовѣсть былъ немедленно прекращенъ.

Священникъ, само собою разумѣется, не внялъ этому

приказу, и тогда директоръ послалъ рабочихъ... снять колокола.

Этимъ однако директоръ не удовольствовался; онъ началъ всячески тѣснить „непокорнаго“ священника и успокоился тогда только, когда ему удалось выжить его съ завода совершенно. При этомъ, въ видъ своеобразнаго „наказанія“ алополучному служителю Церкви, жалованье выдано было только при вмѣшательствѣ суда! Комментаріи излишни.

* * *

Другой возмутительный случай имѣлъ мѣсто на одной изъ далекихъ окраинъ нашихъ, гдѣ мѣстное желѣзнодорожное начальство воспользовалось зданіемъ недостроенной внутри Церкви для того, чтобы въ этомъ помѣщеніи устроить балъ и шумные проводы какому-то отъѣзжавшему Ивану Ивановичу.

* * *

Два года тому назадъ, при станціи Курскъ Моск.-Кур. жел. д. возвышался совершенно законченный вчернѣ храмъ Божій, въ которомъ въ теченіе всей зимы непрерывно устраивались и проводы начальства, и елки съ музыкой и танцами, и, пользуясь тѣмъ, что при церкви вчернѣ отстроена была и школа, здѣсь же устраивали и „постоянные танцевальные вечера“ съ открытымъ буфетомъ, причемъ самый буфетъ со стойкой, уставленной винами, помѣщался на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящую минуту возвышается престоль, на которомъ приносится безкровная жертва. Устроителемъ этихъ кощунственныхъ пировъ являлся помощникъ начальника депо еврей К—нъ.

Не прекратилось желѣзнодорожное безобразіе и тогда, когда храмъ былъ совершенно оконченъ и освященъ, и когда ктитормъ новаго храма избранъ былъ одинъ изъ тузовъ желѣзнодорожнаго управленія, а именно начальникъ дистанціи К—въ, задумавшій разграничить права молящихся и съ этой цѣлью самый храмъ разграничившій и раздѣлившій на двѣ половины.

Съ этой цѣлью онъ поставилъ поперекъ церкви деревянную рѣшетку, за которую и пропускалъ, по личному своему усмотрѣнію, только „чистую публику“, оставляя простой „черный народъ“ по ту сторонку рѣшетки, считая, въ-

роятно, крестьянъ и бѣдныхъ обывателей недостойными стоять близко къ престолу Божію.

Такая необычайная сортировка молящихся привела къ тому, что храмъ почти совершенно опустѣлъ.

„Господа“ не ходили въ церковь по лѣни и отсутствію усердія къ храму Божію. Простой народъ не шелъ потому, что его тамъ обижали, мѣшая ему подойти къ мѣстнымъ иконамъ и съ вѣрою приложиться къ нимъ... и единственными представителями „народа“ въ этомъ своеобразно поставленномъ храмѣ явились древніе старики и старушки, къ желѣзнодорожной службѣ вовсе не причастные и неспособные, страха ради іудейскаго, уступить свое право молиться, гдѣ и когда имъ это дозволено закономъ и Церковью. Комментаріи излишни...

Въ защиту миссіи и миссіонеровъ.

(Письмо, посланное въ редакцію „С.-Петербург. Вѣдомостей“).

М. Г.

Г. Редакторъ.

Какъ членъ - руководитель Орловскаго миссіонерскаго съѣзда, считаю себя нравственно обязаннымъ возстановить истину, слишкомъ безцеремонно извращенную г. орловскимъ дворяниномъ С. А. Цуриковымъ, въ его статьѣ: „Къ послѣднимъ орловскимъ дворянскимъ выборамъ“, помѣщенной въ № 356 „С.-Петерб. Вѣдомостей“ 1901 г. И во имя правды покорно прошу васъ, м. г., дать мѣсто въ вашей газетѣ настоящему моему возраженію.

1. Г. Цуриковъ въ своей статьѣ заявляетъ: „я былъ *единственнымъ* (курсивъ вездѣ будетъ нашъ) орловскимъ дворяниномъ, который не только присутствовалъ, но и *принималъ участіе* въ занятіяхъ съѣзда миссіонеровъ въ теченіе *цѣлой* недѣли... только *я одинъ* и могъ дворянству всей губерніи выяснить (на выборахъ) *связь* рѣчи Мих. Ал. (Стаховича) со всѣмъ происшедшимъ (?) на съѣздѣ, безъ чего нельзя имѣть вѣрнаго о ней сужденія... Рѣчь Мих. Ал. явилась *логическимъ*, *неизбѣжнымъ*, *роковымъ* послѣдствіемъ всего выяснишагося на съѣздѣ“ и т. д.

Здѣсь все противорѣчить дѣйствительности.

Прежде всего, г. Цуриковъ на сѣздѣ миссіонеровъ былъ совсѣмъ *не единственнымъ* изъ орловскихъ дворянъ. Кромѣ г. Стаховича (приглашеннаго въ качествѣ губернскаго предводителя дворянства *только* на торжественныя, открытыя собранія сѣзда), постоянно присутствовалъ на сѣздѣ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей орловскаго дворянства, бывалъ также на собраніяхъ извѣстный въ Орлѣ дворянинъ-благотворитель (фамиліи его не помню) и др.

Г. Цуриковъ появился на сѣздѣ въ 3 или 4 день его занятій (сѣздъ же продолжался только недѣлю). Онъ былъ допущенъ, по предложенію М. А. Стаховича, для выясненія миссіонерамъ и разрѣшенія ими религіозныхъ его сомнѣній относительно присяги (которой, какъ сообщалось на сѣздѣ, г. Цуриковъ не принимаетъ). На пренія съ г. Цуриковымъ по данному вопросу было посвящено цѣлое засѣданіе. Послѣ того г. Цуриковъ продолжалъ *бывать* на сѣздѣ, но никакъ не *участвовать* на занятіяхъ его.

Далѣе, глубокою неправду утверждаетъ г. Цуриковъ, будто бы рѣчь г. Стаховича находится *въ связи* и составляетъ какое-то *логическое*, да еще *роковое* послѣдствіе всего выяснившася на сѣздѣ. Довольно того, что о намѣреніи г. Стаховича сдѣлать сообщеніе на сѣздѣ было извѣстно уже *въ началѣ* занятій его. На сѣздѣ всѣ, во главѣ съ епископомъ и предсѣдательствующими, были убѣждены, что докладъ г. Стаховича будетъ по юридическому отдѣлу программы по вопросу *о примѣненіи* законовъ по преступленіямъ о вѣрѣ, а никакъ не на *политическую* тему—объ *отмѣнѣ* законовъ... И только въ силу этого не потребованъ былъ предсѣдательствующими, согласно существовавшему постановленію (которое, конечно, было извѣстно г. Стаховичу) докладъ его на предварительный просмотръ.

Затѣмъ, итоги сѣзда собственно подводились, когда г. Стаховичъ не былъ въ засѣданіяхъ, а именно въ субботу, въ понедѣльникъ утромъ и на другой день по произнесеніи имъ рѣчи, а между тѣмъ докладъ Мих. Ал. въ это время уже былъ въ типографскомъ наборѣ...

Засѣданіе сѣзда, на которомъ заслушанъ докладъ г. Стаховича, было *закрытымъ*; а потому рѣчь г. Стаховича появилась въ мѣстной газетѣ совершенно неожиданно для

съѣзда и не только вопреки существующимъ на этотъ счетъ традиціямъ относительно закрытыхъ засѣданій, но и послѣ публичнаго заявленія, сдѣланнаго во время преній, что ни докладъ, ни пренія не должны подлежать гласности.

Нѣтъ, по общему убѣжденію членовъ съѣзда, рѣчь г. Стаховича находилась не только не *въ связи*, а въ *глубокомъ противорѣчїи* со всѣмъ происходившимъ и выяснившимся на съѣздѣ, что, надѣемся, будетъ яснымъ и изъ нижеслѣдующихъ фактическихъ данныхъ.

2. Такъ, г. Пуриковъ свидѣтельствуетъ, что на съѣздѣ выяснилось: а) будто бы въ предѣлахъ Орловской епархіи *имѣется множество сектъ и раскольничьихъ толковъ*, б) что случаи отпаденія отъ православной Церкви *съ каждымъ годомъ учащаются*, случаевъ *массоваго* возвращенія не бывало, напротивъ, случаи *массоваго отпаденія отъ нея повторяются постоянно*. При этомъ массовыя отторженія отъ Церкви совершались и совершаются *зачастую* на глазахъ у мѣстныхъ причтовъ, остающихся безучастными зрителями гибели членовъ своей паствы и проч.

Съ рѣшительностью заявляемъ, что во всей этой іереміадѣ г. Пурикова нѣтъ *ни одного слова* правды, и Орловскій миссіонерскій съѣздъ никакъ не могъ дать ни поводовъ, ни тѣмъ болѣе оснований къ столь произвольнымъ выводамъ автора относительно состоянія расколо-сектантства и пастырской миссіи въ Орловской епархіи. Орловская епархія одна изъ наиболѣе благополучныхъ въ этомъ отношеніи губерній. По статистикѣ, установленной миссіонерами на съѣздѣ, въ ней числится всего лишь обоюго пола раскольниковъ до 7 т., сектантовъ-хлыстовъ 78 душъ, штундистовъ 42.—вотъ и все *воображаемое* г. Пуриковымъ *множество...* сектъ. По справкѣ въ статистическихъ матеріалахъ всеобщей переписи 1897 г. раскольниковъ зарегистрировано 4296 д. или 0, 21% въ отношеніи всего православнаго населенія (около 2 милліоновъ) въ губерніи, сектантовъ-раціоналистовъ 43 д. и мистиковъ (хлыстовъ) 3 д.

Откуда же, спрашивается, г. Пуриковъ заключилъ о *массовыхъ* изъ года въ годъ совращеніяхъ? Они и были лишь въ XVIII в., когда по Орловской епархіи разгуливалъ скопецъ Селивановъ и другіе расколовожди...

Обвиненіе духовенства въ равнодушіи къ массовымъ со-

вращеніямъ, „зачастую“ на глазахъ причтовъ, —граничить съ обычными сектантскими извѣтами на служителей алтаря.

3. Дальнѣйшіе выводы г. Цурикова о характерѣ дѣятельности современной миссіи Церкви сколько несправедливы, столько же и оскорбительны для миссіонерскаго института. Такъ, г. Цуриковъ утверждаетъ: „Миссіонерство *безсилно*, оно не можетъ оказать большой помощи населенію своими внутренними, духовными силами, и единственнымъ (!) вѣрнымъ и дѣйствительнымъ (!) средствомъ, имѣющимся въ ихъ (?) распоряженіи противъ отторженій отъ православной Церкви, является административная репрессія (до ссылки включительно) и преслѣдованіе по суду. Раскольники и сектанты не только не идутъ добровольно на бесѣды съ миссіонерами, но, взирая на нихъ, какъ на *лотѣйшихъ враговъ* своихъ, бѣгутъ отъ нихъ, стараясь всѣми мѣрами спрятаться и укрыться“.

„Миссіонеры, возлагая всю надежду (!) на силу меча земного, сами атрофируютъ (?) въ себѣ умѣнье владѣть мечомъ духовнымъ... Приходское духовенство и миссіонерство лишено возможности напоить духовною жаждою томимыхъ вслѣдствіе ужаса (!), наводимаго на жаждущихъ вмѣшательствомъ гражданской власти въ святое дѣло апостольства“, и проч. Увѣряемъ г. Цурикова съ фактами въ рукахъ, что всѣ эти „ужасы“ созданы его фантазіей, въ дѣйствительности же нѣтъ и быть не можетъ ничего подобнаго тому, что онъ такъ мрачно нарисовалъ. Внутренняя миссіа въ современномъ ея составѣ и организациі—институтъ юный, но она изъ года въ годъ *усиливается* въ своемъ составѣ изъ людей образованныхъ, преданныхъ, свято сознающихъ апостольское значеніе миссіонерскаго служенія и въ своемъ просвѣтительномъ вліяніи на массу. Въ началѣ 90-хъ годовъ почти всѣ миссіонеры были исключительно изъ простецовъ — начетчиковъ (по нимъ-то и судяты о всѣхъ миссіонерахъ), людей съ высшимъ образованіемъ среди миссіонеровъ тогда было два — три человекъ, нынѣ же ихъ до сотни. Небывалое оживленіе и подъемъ миссіонерское дѣло приобрѣло и въ приходскомъ пастырствѣ, а также среди питомцевъ духовныхъ школъ и въ духовной литературѣ. Статистика свидѣтельствуемъ возрастаніе изъ года въ годъ числа воссоединеній на цѣлыя тысячи сравнительно съ прежними годами.

Такъ, въ 1881 г. число возсоединенныхъ было 700 душъ, въ 1885 это число простирается до 4 т., а въ 1894—до 10 т. Тамъ, гдѣ заведены миссіи, отпаденія бывають лишь единичныя, въ старѣхъ очагахъ сектъ и раскола усиліями миссіи видимо приостановлено движеніе. Бесѣды миссіонеровъ привлекають вездѣ огромныя толпы слушателей изъ народа и отпадшихъ. Откуда г. Цуриковъ взялъ, что миссіонеры имѣють право на преслѣдованіе отпадшихъ? Если бы и имѣли они эту повадку, то не могли бы дѣлать этого, такъ какъ не только миссіонеры, но и пастыри Церкви обязаны синодальными инструкціями и циркулярами сами непосредственно *не возбуждать никакихъ дѣлъ противъ отпавшихъ, отнюдь не обращаться къ помощи полиціи или свѣтскихъ властей*, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда угрожаетъ опасность ихъ жизни. При веденіи бесѣдъ съ отпавшими, миссіонерамъ предписывается имѣть „душевное спокойствіе, кротость, снисходительное обращеніе не смущаться дерзостями, но братолюбиво обличать ихъ неприличіе, не отвѣчая безумнымъ по безумію ихъ“ (см. § 13 Инструкц. Св. Синода 1887 г.). „Собесѣдуйте въ духѣ евангельскаго ученія, не уклоняйтесь отъ бесѣдъ съ ними и въ бесѣдахъ ищите не побѣды и одолѣнія, но да будетъ при семъ вашею единственною цѣлію познаніе истины Церкви Христовой, внѣ которой никому не возможно получить спасеніе“,—говорится въ „Пастырскомъ воззваніи епископовъ, въ Казани собравшихся“. Тамъ же миссіонерамъ внушается: „будьте же истинными послѣдователями Христа; любите враговъ вашихъ и ненавидящихъ васъ, любите иновѣрцевъ и заблуждающихся яко братьевъ своихъ, будьте свѣтомъ міра, и тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ“. По закону, право возбуждать преслѣдованіе отпавшихъ принадлежитъ духовной власти и не за отпаденіе отъ православія, а за пропаганду и совращеніе другихъ.

Затѣмъ не только миссіонеры, но и раскольники и сектанты отлично знаютъ, какъ бы ни были богохульны и кощунственны ихъ рѣчи на собесѣдованіяхъ, совопросники не отвѣтственны за нихъ предъ закономъ. Чего же, спрашивается, бояться имъ миссіонеровъ? За что имъ считать ихъ лютейшими врагами? Раскольники нигдѣ и нисколько не боятся ни миссіонеровъ, ни пастырей и не только не бѣгутъ

отъ ихъ бесѣдъ, а наоборотъ, жаждущихъ истины не могутъ удержать отъ посѣщенія бесѣдъ сами раскольничьи наставники, налагающіе епитиміи на тѣхъ, которые посѣщаютъ бесѣды миссіонеровъ. Если гдѣ отпадшіе и уклоняются отъ бесѣдъ, то совсѣмъ по другимъ причинамъ. Жаль, что г. Цуриковъ, допущенный на съѣздъ миссіонеровъ, ничего не забылъ и ничему не научился.

4. Наконецъ, подчеркивая въ своей статьѣ „свѣтлыя мысли“ докладовъ, принадлежавшихъ кандидатамъ университетовъ свящ. о. Фуделю и М. А. Новоселову, г. Цуриковъ не постыдился бросить комомъ „поэтической“ грязи во всѣхъ остальныхъ членовъ съѣзда, сказавъ: „какъ свѣточа лучъ среди непроницаемой тьмы, блеснула рѣчь этихъ людей, но охваченная всеобщимъ мракомъ, она, какъ степной огонекъ въ ночи, замерла“. Въ чемъ это и гдѣ увидалъ авторъ эту непроницаемую тьму?

О. Фудель и г. Новоселовъ—друзья и дѣятели миссіи, и едва ли они останутся равнодушными къ позорящей достоинство миссіи статьѣ г. Цурикова. Г. Цуриковъ почему-то упустилъ изъ виду въ своей широковѣщательной статьѣ и еще одного кандидата университета, присутствовавшего на Орловскомъ съѣздѣ,—г. Тернавцева. Имъ много не только свѣтлыхъ, но и замѣчательныхъ мыслей высказано. Между прочимъ г. Тернавцевъ громко и рѣшительно заявилъ въ засѣданіи 24-го сентября, что рѣчь г. Стаховича—не заслуженное оскорбленіе съѣзду и въ частности духовенству. Тотъ же г. Тернавцевъ „по долгу совѣсти“ печатно засвидѣтельствовалъ, „что рѣчь Стаховича оказалась въ глубокомъ разладѣ съ духомъ съѣзда, что общее настроеніе и духъ совѣщаній заслуживали глубокаго уваженія. Желаніе добраго было движущимъ началомъ... Секты, ихъ ученія, жизнь, взаимныя отношенія были представляемы не какъ станъ враговъ, въ тайнѣ сердца ненавистныхъ и прокливаемыхъ, а съ любовью, „которая не ищетъ своего, а всего надѣется“, съ живымъ участіемъ къ нравственному недугу отпадшихъ, какъ своихъ ближнихъ, и проч. А вѣдь г. Тернавцевъ чловѣкъ независимый и къ миссіи Церкви нимало не причастный.

Да, безцеремонный въ обращеніи съ фактами и истиною апологетъ рѣчи г. Стаховича...

В. Скворцовъ.

Со скрижалей сердца.

Написано не чернилами, а на скри-
жаляхъ сердца плотяныхъ (2 Коръ
3, 3).

Новогоднія думы о знаменіяхъ нашего времени.—Вынужденная оправка къ
исторіи доклада г. Стаховича о свободѣ совѣсти.—Взглядъ гр. Толстого на
тотъ же вопросъ.—Прозорливость о. Іоанна въ данномъ дѣлѣ.—Орловскій дво-
рянинъ въ роли ученика Лойолы.—Къ чему направленъ походъ противъ зако-
новъ, ограждающихъ вѣру и Церковь.—Велика ли на Руси партія патриотовъ?—
Унывать ли?—Письмо куронетки.

Дорогіе читатели! Поздравляю васъ съ новымъ годомъ,
благожелаю вамъ *мира и радостей*, какъ единственно вѣрнаго
залога возможнаго для насъ на землѣ счастья.

Миръ совѣсти, радость исполненнаго долга, лежащаго
на каждомъ изъ насъ, какъ христіанинѣ и гражданинѣ,
только и могутъ мирить, красить и бодрить нашу жизнь
среди бездны скорбей и вражды, такъ густо окутываю-
щихъ нашу современность...

Когда окидываешь взоромъ пережитыя тревоженія про-
шлаго года, напрягаешь прозрѣвающую мысль въ грядущее,
то невольно просится на языкъ скорбное восклицаніе
пророка: „нѣсть мира въ костѣхъ нашихъ!“

Да, нѣтъ мира въ умахъ и совѣсти, нѣтъ радости въ
сердцахъ современнаго человѣка. Какая-то смута гнѣздится
во „внутреннемъ человѣкѣ“ нашего времени, все въ немъ
колеблющая, переоцѣнивающая, ставящая подъ вопросъ всѣ
исконныя устои... И это болѣзненное настроеніе духа чув-
ствуется не въ одномъ интеллигентномъ обществѣ, она
коснулась и народной души рабочаго, фабричнаго класса,
сектантскаго міра...

Нѣтъ ни мира, ни радостей въ современной семьѣ, гдѣ мя-
тушіяся дѣти возстаютъ на трепещущихъ за ихъ судьбу
родителей, а послѣдніе на бунтующихъ дѣтей... Но вотъ

мрачное знаменіе времени: волны разбушевавшейся стихійной безпорядочности среди учащейся молодежи хлещутъ и о борть нашего духовноучебнаго корабля, стремясь его накренить въ сторону той же бездны. Но безпорядки среди дѣтей, рожденныхъ и вскормленныхъ у подножія Креста, у престола вѣры и любви, которая „не безчинствуетъ, все переноситъ“—что-то совсѣмъ трудно мыслимое и невозможное. Нашему ли духовному юношеству не знать, что худыми средствами, нравственно недозволенными способами, не христіанскимъ образомъ дѣйствій никогда ничего добраго, творческаго нельзя ни создать, ни достигнуть.

Не мирно и не радостно настроена наша современная общественная и государственная мысль и жизнь. Тотъ же разладъ, смута, ожесточенная вражда и борьба мнѣній и убѣжденій людей несогласныхъ лагерей.

Вотъ какую характеристику въ этомъ отношеніи даетъ одинъ изъ охранительныхъ органовъ печати прошлому 1901 году: „1901 годъ является въ исторіи Россіи совершенно безпримѣрнымъ. Даже въ самый разгаръ „свободомысленной“ оргіи шестидесятихъ годовъ, до такихъ крайностей мысленнаго произвола русское общество не доходило, не говоря уже о томъ, что этотъ произволь въ то время проявлялся лишь въ ограниченномъ кругу столичной „либеральной интеллигенціи“; въ настоящее же время онъ, къ сожалѣнію, уже разлился по всѣмъ слоямъ всей Россіи.

1901 годъ, лишенный громкихъ, выдающихся событій, является, тѣмъ не менѣе, столь знаменательнымъ въ исторіи Россіи: онъ знаменуетъ собою вторую усиленную попытку „либеральнаго общественнаго мнѣнія“ поставить Россію снова на распутіе и заставить ее усумниться въ великой благодати государственной системы Александра III, доннынъ признаваемой правительствомъ за единственно вѣрную и спасительную для Россіи политику.

Куда же пойдетъ Россія?

Свернетъ ли она съ того прямого національнаго пути, по которому она идетъ вотъ уже въ теченіе двадцати лѣтъ?

„Либералы“, надѣясь на свою численность и на широкое распространеніе своихъ разрушительныхъ доктринъ, говорятъ: да. Мы же съ непоколебимою вѣрою въ Бога и Царя говоримъ: *нѣтъ!*“

Да, въ такой характеристикѣ слишкомъ мало и мирнаго, и радостнаго!..

Патріотическое настроеніе отличаетъ внутреннюю миссію нашей Церкви на всемъ протяженіи ея исторіи, какъ характерная черта; судьбы самодержавной Россіи для миссіи такъ же дороги и священны, какъ и судьбы православной вѣры и Церкви, а потому миссія всегда чутко прислушивалась и отзывалась на тѣ или другія вѣянія и настроенія современной общественной и политической мысли и жизни, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія самымъ чувствительнымъ образомъ отражаются и на подъемѣ духа расколотсва и на дерзающей энергіи его главарей, а слѣдовательно, и на успѣхахъ миссіи. Однако сердце и думы миссіонера, какъ воина Христова, со всею силою естественно захватываютъ судьбы Церкви положеніе и настроенія церковно-религіозной жизни общества и народа въ данное время.

Какимъ же былъ истекшій годъ въ жизни Церкви и въ дѣятельности миссіи? Отвѣтимъ, не обинуясь, что однимъ изъ самыхъ знаменательнѣйшихъ и тоже безпримѣрныхъ! Но опять-таки мира и радостей не знала въ истекшій годъ и Церковь и ея воинствующая мечомъ Слова Божія миссія.

Давно рябившая на поверхности моря церк. общественной жизни мертвая зыбь противленія и отчужденія отъ Церкви интеллигентнаго общества въ истекшемъ году вдругъ разразилась бурнымъ волненіемъ. И развели эту широкую волну два явленія, казалось, совсѣмъ не способныя вызывать такіа бурныя послѣдствія. Это—февральское посланіе Св. Синода объ отпаденіи гр. Л. Н. Толстого отъ Церкви и сентябрьская рѣчь о свободѣ совѣсти, произнесенная Орловскимъ предводителемъ дворянства М. А. Стаховичемъ на миссіонерскомъ съѣздѣ.

Прошлагодня „толстовская“ и „стаховичевская“ исторіи имѣютъ огромной важности значеніе и въ высокой степени поучительный интересъ: онѣ показали, насколько глубоко и враждебно антицерковное теченіе среди извѣстной части русскаго интеллигентнаго общества, въ чемъ его чаянія и куда направляются ближайшія предположенія. Тотъ и другой акты оказались своего рода операціей, разрѣшившей давно и, пожалуй, не для всѣхъ примѣтно зрѣвшій, подожно гноившійся струпъ на нашемъ организмѣ духовномъ.

Послание Св. Синода объ еретичествѣ гр. Толстого и его отпадении отъ Церкви оказалось евангельскимъ мечомъ, раздѣлившимъ наше образованное свѣтское общество на два лагерьа, изъ коихъ одни встряхнули свои чувства вѣры и углубили мысли о религіи, усилили свою преданность Церкви, другіе, наоборотъ, укоренились въ своемъ противленіи и ненавистничествѣ къ Церкви и плотнѣе стали подъ антихристіанское знамя гр. Толстого.

Исторія съ докладомъ Стаховича, если говорить *по душѣ* и *по совѣсти*, имѣетъ свою прямую историческую и логическую связь съ толстовской эпопеей и составляетъ въ сущности дѣла *второй ея акты*.

Мы намѣренно уклонялись печатно отъ обсуждения подробностей исторіи доклада г. Стаховича на миссіонерскомъ орловскомъ съѣздѣ, дабы не подать повода людямъ „его берега“ зачислить и насъ въ ряды „заговорщиковъ“ противъ новаго выбора М. А. Стаховича въ орловскіе предводители дворянства. Теперь же, когда гг. орловскіе дворяне, обѣляя себя, извращаютъ истину; сваливая съ больной головы на здоровую, забрасываютъ грязью чистое миссіонерское дѣло, считаемъ себя вынужденными привести нелипенныя интереса справки по этому характерному дѣлу.

Прежде всего, совсѣмъ напрасно друзья и недруги приписываютъ г. Стаховичу *пальму первенства* въ поднятіи вопроса о свободѣ совѣсти,—въ той формулировкѣ, какая дана этому вопросу въ его докладѣ миссіонерскому съѣзду. Съ другой стороны, напрасно и г. Стаховичъ упрекалъ миссіонеровъ въ томъ, что они якобы забыли „краевой угольный камень“ и пренебрегли „единое на потребу“. Миссія раньше его шумливой рѣчи, тихо, но серьезно обсуждала и рѣшала этотъ вопросъ. А именно, вопросъ этотъ былъ поднятъ совершенно съ тою же по существу аргументаціей, только безъ эффектовъ краснорѣчія и тоже на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани въ 1897 г. 30 іюля. Возбужденъ онъ былъ Иваномъ Трегубовымъ, послѣдователемъ гр. Толстого, сподвижникомъ и секретаремъ извѣстнаго толстовца г. Черткова, автора и издателя въ Лондонѣ листовъ „Свободнаго слова“. Къ слову сказать, извѣстенъ г. Трегубовъ, какъ собиратель матеріаловъ для исторіи нашего сектантства, одно время разсылавшій всѣмъ штундистамъ вопросные пункты. Сектанты,

предположивъ, что историки толстовскіе выхлопочутъ имъ всяческую свободу, рисовали свое положеніе въ невѣроятно мрачномъ видѣ, сочиняли всякія небылицы про полицію и миссіонеровъ. И вотъ изъ этого-то источника наши интеллигенты и свѣтскіе газетные писатели главнымъ образомъ черпали полною рукою свои свѣдѣнія о миссіонерахъ и положеніи сектантства. Не отсюда ли и г. Стаховичъ получилъ „оглашенныя смущенія послѣднихъ лѣтъ“?

Г. Трегубовъ появлялся среди духовоборовъ закавказскихъ и былъ за свою вредную дѣятельность отсюда выдворенъ правительствомъ подъ надзоръ полиціи. И вотъ г. Трегубовъ прислалъ тогда на съѣздъ миссіонеровъ слѣдующаго содержанія телеграмму о свободѣ совѣсти.

„Казань. Миссіонерскому съѣзду.

Господа! во имя Христа и отъ имени гонимыхъ сектантовъ умоляю васъ прекратить гоненія за вѣру и ходатайствовать о дарованіи Россіи свободы совѣсти. Вспомните слова четвертаго вселенскаго собора: „по принужденію нѣтъ вѣры“ и слова Аванасія Великаго: „насиліемъ въ религіи дѣйствуетъ только діаволь“; смотрите Кипарисова „О свободѣ совѣсти“. Иванъ Трегубовъ.

По заслушаніи и обсужденіи представителями съѣзда этой телеграммы, былъ посланъ автору слѣдующій отвѣтъ.

„Туккумъ. Ивану Трегубову.

Законъ преслѣдуетъ не сектантовъ, а распространителей лжеученій. Съѣздъ проситъ ихъ именемъ Христа прекратить дѣйствованіе чрезъ обманъ, подкупъ и клеветы на церковное ученіе. Вспомните слова апостола Петра о еретикахъ.

Архим. *Антоній*“.

Затѣмъ, вторымъ ближайшимъ по времени предшественникомъ г. Стаховича по возбужденію вопроса о свободѣ совѣсти и объ отмѣнѣ каръ и запрета пропаганды лжеученій на св. Руси, былъ гр. Толстой, который въ 1900 г. въ № 20 „Листка Свободнаго Слова“ на стр. 6—7 говоритъ такъ:

„Наконецъ и самое важное (для Россіи), нужно уничтожить всѣ стѣсненія религіозной свободы.

Нужно:

а) уничтожить всѣ тѣ законы, по которымъ всякое от-

ступленіе отъ признанной правительствомъ Церкви карается, какъ преступленіе; б) разрѣшить открытіе и устройство старообрядческихъ часовенъ, церквей, молитвенныхъ домовъ баптистовъ, молоканъ, штундистовъ и др.; в) разрѣшить религиозныя собранія и религиозныя проповѣди всѣхъ исповѣданій; г) не препятствовать людямъ различныхъ исповѣданій воспитывать людей въ той вѣрѣ, которую они считаютъ истинной. Сдѣлать это необходимо потому, что не говоря уже о той выработанной исторіей и наукой и признанной всѣмъ міромъ истинѣ, что религиозныя гоненія не только не достигаютъ своей цѣли, но производятъ обратное дѣйствіе, усиливая то, что они хотятъ уничтожить, не говоря и о томъ, что только вмѣшательство власти въ дѣло вѣры производитъ вреднѣйшій и потому худшій, такъ сильно обличаемый Христомъ, порокъ лицемѣрія,—не говоря уже объ этомъ. вмѣшательство власти въ дѣло вѣры препятствуетъ достиженію высшаго блага какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всѣхъ людей—единенія ихъ между собою. Единеніе же достигается никакъ не насильственнымъ и *не возможнымъ удержаніемъ всѣхъ людей въ разъ усвоенномъ вниманіи исповѣданію одного религіознаго ученія*, которому приписывается непогрѣшимость, а только свободнымъ движеніемъ всего человечества въ приближеніи къ единой истинѣ, которая поэтому одна и можетъ соединить людей“.

Какъ видите, у гр. Толстого вопросъ поставленъ ясно и мотивированъ открыто, безъ маскированья и драпировки въ напыщенныя фразы и благонамѣренныя цѣли.

Теперь извольте сопоставить воззваніе популярнаго толстовца — г. Трегубова къ Казанскому миссіонерскому съѣзду, приведенное заявленіе *urbi et orbi* самого гр. Толстого и предложеніе г. Стаховича Орлов. мисс. съѣзду: развѣ это и по существу, и по формѣ не главы одной и той же эпопеи на тему „о непротивленіи злу“... Г. Стаховичъ, „повторивъ зады“, пошелъ по проторенной дорожкѣ, и напрасно.—скажемъ словами г. Шарашова,—„гг. либералы, инородцы, иновѣрцы, сектанты, атеисты и еврействующіе публицисты (вкупѣ съ нѣсколькими „сановниками“, опубликовавшими свои привѣтствія Стаховичу), прокричали ему либеральное „осанна“, какъ мужественному герою, открывшему Америку; кричали такъ громко, какъ будто ненавистное имъ правосла-

віе совѣтъ уже посрамлено и сокрушено... А если знать и судить объ исторіи рѣчи Стаховича по тому, какъ онъ далеко не смѣло, а подъ сурдинкою „недоумѣннаго вопроса“, провель свой докладъ на съѣздъ, то придется поставить подъ вопросъ геройство орловскаго предводителя дворянства...

По картинному изображенію С. Θ. Шараповымъ (въ его „Заморозкахъ“) достопамятнаго засѣданія 24 сентября, г. Стаховичъ *ворвался* туда какъ бы чрезъ высаженную въ окнѣ раму (чѣмъ? — кулакомъ своего особеннаго положенія!), подобно бурѣ со снѣгомъ, градомъ и вихремъ... Нѣтъ, больше того,—г. Стаховичъ просто прошелся по головамъ живыхъ людей, пользуясь ихъ смиреніемъ и довѣрчивостью, смялъ, ошеломилъ миссіонеровъ, ни на минуту не задумавшись надъ тѣмъ: а что если сломаетъ шею кому-нибудь? Да, это уже по западному, по-парламентски...

Слѣдуя примѣру своего эксцентричнаго предводителя, и другіе орловскіе дворяне съ тою же безцеремонностью продолжаютъ прохаживаться по головамъ живыхъ людей, клеймя въ печати незаслуженнымъ обвиненіемъ бывшихъ на съѣздѣ и вообще миссіонеровъ, какъ мракобѣсовъ и „лютѣйшихъ враговъ народа“. Во имя чего же все это дѣлается, вы спросите? А во имя принципа: цѣль оправдываетъ средства... И вотъ нѣкій дворянинъ Сергѣй Алекс. Цуриковъ въ статьѣ, помѣщенной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, извративъ факты, повыдумавъ массу небылицъ и допустивъ рядъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ выводовъ о состояніи сектантства и о дѣйствіяхъ миссіи, силится доказать, что г. Стаховичъ якобы не могъ оставаться равнодушнымъ послѣ всего *происшедшаго* и выслушаннаго на съѣздѣ и былъ—де вынужденъ сказать свою рѣчь въ защиту народа отъ насилія со стороны „лютѣйшихъ враговъ“ народа,—миссіонеровъ, опирающихся на законы государства. Будто бы, по долгу передоваго дворянина, въ силу возложенной въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III (какое фарисейство!) на предводителей передоваго сословія миссіи—пещись о нуждахъ народа, извольте видѣть, ораторствовалъ М. А. Стаховичъ на миссіонерскомъ съѣздѣ! Это называется валить съ больной головы на здоровую...

Ахъ, „господинъ орловскій дворянинъ Цуриковъ“! какъ же вы *не по-христіански* ведете свою линію... Вержете громы и

молніи на „книжниковъ и фарисеевъ“, а сами-то—*истые гробы поваленные*... Кричите о свѣтѣ, а творите дѣла тьмы, достойныя развѣ только учениковъ Лойолы. Больно за поруганіе правды и стыдно за дворянъ!..

Ужъ вамъ-то, г. Цуриковъ, слишкомъ ясно, что рѣчь вашего принципала рѣшительно никакой,—ни органической, ни логической,—связи съ дѣянiями Орловскаго миссіонерскаго съѣзда не имѣла, и что ближайшій ея мотивъ—это сложившееся въ душѣ впечатлительнаго оратора безотчетное предубѣжденіе противъ миссіонеровъ и его глубокое сочувствіе къ „гонимымъ“ интеллигентнымъ сектантамъ,—людямъ „вашего берега“, каковы г. Пашковъ, отверженный гр. Толстой, поселившіеся за границей агитаторы толстовства кн. Хилковъ, Чертковъ, Бирюковъ, Трегубовъ и Бодянский et tutti quanti. Народное сектантство тутъ не причемъ. Да, именно эта причина,—такое сложилось убѣжденіе у членовъ съѣзда,—и подвигнула Мих. Ал. принять на себя трудъ и роль зоркаго наблюдателя за дѣйствіями и совѣщаніями съѣзда. Вѣдь раньше г. орловскій предводитель дворянства никакого ни участія, ни вниманія къ мѣстной миссіи не выражалъ, не состоялъ онъ даже и членомъ Братства. Миссіонеры нисколько не испугались именитаго цензора своихъ нравовъ, а, наоборотъ, рады были этому наблюденію, ибо они смотрятъ на свое служеніе, какъ на дѣло общецерковное, и знаютъ, что въ дѣятельности ихъ все чисто и искренне, а ошибокъ не бываетъ только у бездѣльниковъ. Они знали, „какого берега“ г. Стаховичъ, и все-таки широко отворили ему не только дверь залы своихъ закрытыхъ научныхъ засѣданій, но и своего сердца.

Казалось, Михаилъ Александровичъ былъ искренне захваченъ ходомъ совѣщаній и жизни съѣзда. Ожидая несомнѣнно встрѣтить въ миссіонерахъ невѣжество, заскорузлость, фанатизмъ и проч., онъ неожиданно увидѣлъ предъ собою не тѣхъ воображаемыхъ „мракобѣсовъ“, а людей съ образованіемъ, преданныхъ дѣлу, одушевленныхъ идеей, съ большимъ спеціальнымъ опытомъ и знаніями, а, главное, людей терпимаго, истинно-христіанскаго отношенія къ дѣлу и людямъ. И вотъ нашъ цензоръ недоумѣваетъ, онъ чутко ко всему прислушивается, зорко присматривается, роется въ изданіяхъ миссіонерскихъ,—ищетъ фактовъ, подтверждающихъ сложившееся у него и въ кругу людей „ихъ берега“ зако-

ренѣлое предубѣжденіе противъ миссіонеровъ, — но кричащихъ фактовъ не оказывалось, тогда онъ нервно заносить въ свою книжку единственный за все время, имѣвшій мѣсто на первомъ засѣданіи, lapsus и кидаетъ этимъ камнемъ въ лицо миссіонеровъ... Это—трубчевская исторія съ сѣкуціей штундистовъ, по постановленію схода, бывшая 20 лѣтъ назадъ. Въ пылу негодованія, строгій судія перепуталъ обстоятельства дѣла, напечатать совсѣмъ несуразное, что будто бы *стѣны въ Церкви*.

А такъ какъ мало же для паѳоса одного прискорбнаго инцидента, то г. Стаховичъ кстати публично пригвождаетъ къ позорному столбу, казалось, симпатичнаго и ему іерея—миссіонера, наивно, въ простотѣ сердца выразившаго свои чувства по поводу ослабленія у него сектантства фразой: „Божьею милостью“ сектантовъ стало 4, а прочіе высланы. А вѣдь какую благою и трудовою прошла на глазахъ Мих. Ал. во все время сѣзда жизнь и дѣятельность этого достойнаго пастыря! Г. Стаховичъ не могъ не видѣть, что улеглось движеніе, благодаря неустаннымъ просвѣтительнымъ трудамъ этого іерея. Вспомните, Мих. Ал., и вы, С. А. (Цуриковъ), нравственный обликъ этого батюшки и сознайтесь, какъ далеко отстоитъ онъ отъ того невыгоднаго представленія, которое невольно должно возникнуть о немъ у читателя подчеркнутой въ рѣчи фразы. Такъ несправедливо и понято ваше заявленіе, въ чемъ можете убѣдиться изъ глумливой статьи одного англійскаго органа, озаглавленной „Божіей милостью“.

Нужно сказать, что кромѣ этихъ двухъ инцидентовъ и передернутой изъ „Миссіонерской памятки“ тирады, г. Стаховичу изысканія и наблюденія на сѣздѣ не дали серьезнаго оружія противъ миссіонеровъ. Поэтому и рѣчь его носить характеръ несогласованной двойственности, — напыщенной похвалы миссіонерамъ вначалѣ и разноса миссіи въ среднѣ и концѣ.

Мы увѣрены, что г. Стаховичъ, если бы захотѣлъ быть откровеннымъ, самъ не одобрилъ бы аргументовъ защиты г. Цурикова,—такъ они несправедливы и фальшивы.

Нѣтъ, если бы рѣчь г. Стаховича представляла собою, дѣйствительно, крикъ наболѣвшей, страдающей души истинно православнаго человѣка, мужественно выступившаго на защиту Матери—Церкви и хранимаго ея безцѣннаго со-

кровища вѣры православной, то не такъ бы радѣтель Церкви поступилъ съ своимъ докладомъ, не то бы онъ и сказалъ въ своей рѣчи, не съ отмѣны законовъ о вѣрѣ онъ началъ бы свои заботы объ уврачеваніи немощей нашего церковно-общественнаго организма.

Намъ думается, если бы цѣлью г. Стаховича было радѣніе о Церкви, если бы онъ вѣровалъ въ превосходство надъ сектами православія, какъ непререкаемой истины, вѣровалъ въ дары спасающей благодати, живодѣйствующей только въ Церкви, а не въ сектахъ, — то онъ бы самъ ужаснулся страшныхъ послѣдствій своего эксцентричнаго проекта, требующаго *одинаковыхъ правъ* на торжество и свободу дѣйствій: православной созидающей правдѣ и сектантской разлагающей лжи — темнымъ суевѣріямъ, гнусности и изувѣрству. Если бы далѣе докладчикъ былъ мужественный православный ратоборецъ за интересы Церкви, то онъ бы, подобно бывшимъ славянофиламъ, прежде всего поднялъ свой протестующій голосъ противъ того, почему государство, органически спаявшись съ Церковью, опираясь на нее, какъ на историческую твердыню, не разрывая внѣшне этого союза съ Церковью, — внутренне вездѣ и во всемъ нарушаетъ его въ жизни своихъ передовыхъ сословій, въ дѣйствіяхъ служилыхъ классовъ, въ наукѣ и просвѣщеніи, въ жизни общественной, словомъ, вездѣ государство отступаетъ отъ идеаловъ истиннаго христіанства, измѣняетъ священнымъ завѣтамъ русскаго православія, чѣмъ порождаетъ смуту и соблазнъ въ умахъ вѣрныхъ чадъ, въ массѣ народной и расколосектантской. Вотъ гдѣ надо искать главный тормазъ дѣятельности миссіи и миссіонеровъ, — въ духѣ жизни и отношеній государства ко Христу и Церкви, а не въ буквѣ законовъ о вѣрѣ, которые опять-таки служатъ интересамъ государства, а не Церкви. А у гг. Стаховича, Цурикова и К^о виноваты во всемъ одни лишь „варвары“ — миссіонеры и „невѣжественное“ духовенство, да устарѣлые законы о вѣрѣ, стѣсняющіе свободу дѣйствій отщепенцевъ, — а сами-то они, — передовые люди, соль земли русскаго, умывъ руки въ неповинныхъ, оставляютъ себѣ лишь ролъ Пилата въ судѣ надъ Церковью и церковниками?

Да мало ли и другихъ болѣе существенныхъ, чѣмъ устарѣлые законы о вѣрѣ, вопросовъ и недуговъ коренится

въ нашемъ церковно-общественномъ организмѣ, которыхъ не можетъ не знать и не видѣть г. орловскій радѣтель о Церкви; почему же о нихъ онъ умолчалъ, если онъ мужественный ораторъ?

„Неужели достаточно закричать: „намъ нужна свобода совѣсти,—дайте свободу совѣсти, чтобы порѣшить рядъ по истинѣ страшныхъ вопросовъ?“, справедливо возражаетъ г. Стаховичу публицистъ С. Ѡ. Шаратовъ (а ужъ онъ ли не супостатъ миссіонеровъ и не другъ раскола!).

Г. Шаратовъ, съ свойственной его писательскому таланту мѣткостью и живостью, далѣе фантазируетъ, какъ г. Стаховичъ безтрепетною рукою подносить къ немедленному утверженію въ законательномъ порядкѣ два положенія: 1) открытое исповѣданіе всякой вѣры передъ взрослыми разрешается; 2) отпаденіе отъ православія съ переходомъ въ какое угодно исповѣданіе не наказуется,—и считаетъ себя благодѣтелемъ родины и освободителемъ Церкви. Но что же вышло бы?—спрашиваетъ г. Ш—въ.—Прежде всего въ широко распахнутую дверь вошли бы цѣлыми полчищами гг. іезуиты съ своею проповѣдью и кознями, увлекающими множество россіянъ въ католичество... Бѣлокриницкая раскольничья іерархія, въ подложности которой народу трудно разобраться,—потянула бы массу народа въ центрѣ Россіи въ „старую вѣру“, штунда, руководимая искусною рукою протестантизма, принялась бы за отѣмченіе духа и вѣры южно-русскаго населенія...

Но, можетъ быть, г. Стаховичъ, внося такое свое предложеніе въ миссіонерскій съѣздъ, не подумалъ о страшныхъ послѣдствіяхъ? А намъ кажется, что онъ очень подумалъ объ этомъ и не менѣе живо представляетъ картину религіознаго разброда Россіи. Вотъ тутъ-то „толстовское непритивленіе“ и даетъ ключъ къ уразумѣнію логики и психологіи г. Стаховича, при всей его политической корректности.

Пусть себѣ секты—зло, такъ не противьтесь же распространенію этого зла внѣшнею силою закона, предоставьте свободно имъ считаться съ Церковью на почвѣ убѣжденій. Да вѣдь и Церковь, тоже мало представляетъ добраго, съ ея „казенной вѣрою“, съ ея нынѣшнимъ іерархическимъ институтомъ, съ ея миссіонерами, съ ея союзомъ съ государственною силою, не противьтесь и ей, а предоставьте ее самой себѣ

кипѣть въ собственномъ соку, въ борьбѣ съ свободными сектами, упразднивъ „насиліе законовъ“, ограждающихъ св. неприкосновенность православія.

Кому жь, гг., не понятно, что союзъ Церкви и государства—это самый сильный тормазъ для прогресса Россіи въ духѣ западнаго парламентаризма и конституціонализма!.. Когда авторитетъ Церкви будетъ потрясенъ въ глазахъ православной народной массы, тогда легко само собой сдвинется самодержавная Русь съ своей вѣковой твердыни православія. Divide et impere... Это—вашъ девизъ?..

Но ошибаетесь, сила Церкви не въ подпорахъ закона, а въ непреложности обѣтованія Христа о необходимости ея, въ благодати, въ таинствахъ... Церкви не одолѣть ни сектамъ, ни ихъ покровителямъ; другое дѣло судьбы государства, лучше пусть подумаютъ о государственномъ строеніи Россіи всѣ тѣ, кто вѣрные слуги Царя и сыны своей родины. Расшатавъ въ народномъ сознаніи православные устои государства, на чемъ вы его утвердите?

Таковою намъ представляется сущность давно начатаго, но шумно разразившагося въ прошломъ году похода противъ Церкви. Шараповъ упрекаетъ г. орловскаго предводителя въ томъ, что онъ появился на каѳедрѣ церковнаго собранія съ однимъ крикомъ и воплемъ, безъ *опредѣленной* „церковно-политической программы“. Нѣтъ, мы съ этимъ не согласны. Г. Стаховичъ явился лишь выразителемъ очень опредѣленной программы нашей извѣстной части интеллигенціи, давно поставившей себѣ первую задачу—смѣлый подкопъ подъ краеугольный камень всего нашего церковно-историческаго государственнаго строенія, подъ силу и значеніе православія, которое людямъ „ихъ берега“ нужно низвести съ высоты величія гоподствующей въ Россіи религіи. Остальные устои тогда сами собою запатаются.

Вотъ почему о. Іоаннъ Кронштадтскій въ своей проповѣди, сейчасъ же послѣ 24 сентября произнесенной, такое суровое осужденіе произнесъ противъ заблужденія г. Стаховича, поставивъ его самого, православнаго по всѣмъ видимостямъ сановника, въ числѣ лжеучителей, рядомъ съ отверженнымъ еретикомъ гр. Толстымъ.

Нѣкоторые устно, а другіе и печатно высказываютъ пред-

положеніе, что о. Іоанна подвели враги Стаховича, что онъ самъ-де не прочиталъ доклада. А мы увѣрены, что о. Іоаннъ явилъ въ этомъ дѣлѣ глубочайшее прозрѣніе того коварства и опасности, которыя скрыты и не видны намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, въ этомъ антицерковномъ походѣ противъ Церкви, знаменосцемъ котораго явился г. Стаховичъ...

Вотъ на какія грустныя думы навело насъ новогоднее размышленіе о знаменіяхъ истекшаго года...

Мы очень бы хотѣли ошибиться во всѣхъ этихъ догадкахъ, а потому рады были встрѣтить въ нѣкоторомъ родѣ возраженіе на пессимистическія предположенія бодромъ упованіи на грядущее будущее—въ статьѣ, одного несравненно болѣе насъ умудреннаго знаніемъ жизни и опытомъ политическаго прозрѣнія, публициста и считаемъ полезнымъ занести его мысли на наши скрижали.

Въ открытомъ письмѣ, прочитанномъ на юбилей князя Мещерскаго 6 января 1902 года, графъ Петръ Кутузовъ прекрасно опредѣлилъ, что значить быть патриотомъ и велика ли въ Россіи партія русскихъ патриотовъ.

„Это значить быть смиреннымъ рабомъ Божиимъ и Его божественныхъ законовъ; это значить быть послушнымъ и всѣмъ сердцемъ преданнымъ сыномъ Христовой Церкви и ея православныхъ преданій и завѣтовъ; это значить быть любящимъ и добрымъ сыномъ родной матери—земли русской и своего несравненнаго русскаго народа, которыхъ совокупность составляетъ для насъ—любезную, а для недруговъ нашихъ—страшную и непонятную русскую государственность; наконецъ, быть патриотичнымъ—значить быть вѣрнымъ и безстрашнымъ дружинникомъ нашихъ вѣнчаныхъ, Богомъ благословенныхъ и всецѣло самодержавныхъ русскихъ Царей, освященныхъ блюстителей и защитниковъ этой русской государственности.

Теперь спрашивается: много ли найдется въ Россіи такихъ патриотовъ? Инымъ, пожалуй, можетъ казаться, что ихъ изодня въ день становится все меньше, что ихъ вообще недостаточно. Это—величайшее заблужденіе; это именно и есть то роковое заблужденіе, изъ котораго и происходятъ недуги русской государственной жизни, смущающіе ея должное теченіе.

Русскихъ людей, патриотичныхъ, согласно мною опредѣленнымъ требованіямъ,—*цѣлый океанъ*, измѣрить который и невозможно и не нужно: это—*весь* природный, безхитростный и твердый въ своемъ смиренномудріи русскій народъ, все

православное населеніе русской земли,—это поголовно всѣ вѣрные, воистину вѣрные дѣти русскихъ Самодержцевъ.

Попробуйте-ка начать ихъ считать и подвести имъ итогъ. Со счету собьетесь и всѣхъ все-таки не перечтете.

Войдите въ любой храмъ, начиная отъ Успенскаго собора до смиреннѣйшей церкви въ отдаленнѣйшихъ тундрахъ сибирскихъ,—и всюду вы очутитесь въ отдѣленіяхъ русскаго народнаго парламента, наполненнаго поголовно дѣйствительными, а не мнимыми, Богомъ призванными представителями отечества, а не „уполномоченными депутатами“... выставленными своими пріятелими. Выйдя изъ храма, пойдите въ хижины и дома поселянъ, рабочихъ и всякаго призванія тружениковъ съ одного конца Россіи до другого—и точно также вы всюду очутитесь среди тѣхъ, къ мѣмъ создалась, росла, крѣпла, расширилась и мужала святая, Богомъ благословенная и только людьми еще мало понятая Русь.

Заговорите съ этимъ смиреннымъ русскимъ людомъ о русскомъ Царѣ,—и вы услышите отъ него, что по слову Его, Царя, отъ мала до велика онъ поголовно и неудержимо, всюду и во всемъ за своимъ Царемъ пойдетъ, все ему желанно совершить по мѣрѣ силъ, не щадя живота своего. Это также есть всеобщій, земско-государственный и никакими лукавствами неупразднимый, нашъ стародавній „парламентъ“, который собою все освящаетъ, все утверждаетъ по волѣ народа и притомъ *неисчислимымъ большинствомъ голосовъ*. Онъ же всѣхъ и обнадеживаетъ... Кого? *Всѣхъ истинныхъ русскихъ патриотовъ*.

Быть такимъ, это, значить, быть *патриотомъ*, или, что то же, *настоящимъ русскимъ*.

Подчиняться же всему этому поневолѣ, чтить Бога только устами, уважать Церковь Христову наружно и фарисейски, служить государству и царямъ или лѣнливо и лукаво, или себялюбиво и холодно, смотрѣть на русскій народъ свысока, да еще очами чужой, мнимой и лишь на прокатъ взятой, иноземной „цивилизаци“, съ ея кумирами золотого тельца и разнузданной вольницы—это уже не значить быть патриотомъ. Это значить быть и русскимъ человѣкомъ вовсе не дѣйствительно, а только *по недоразумѣнію*.

Теперь ясно, насколько можно говорить и спрашивать себя: велика ли на Руси „партія“ русскихъ патриотовъ. Такой партіи нѣтъ и быть не можетъ, какъ не существуетъ ни въ какой странѣ міра особыхъ организованныхъ партій людей здраваго смысла, или людей чистой совѣсти, или людей гражданской чести, какъ не можетъ быть особаго клуба тавлицы умноженія или товарищества приверженцевъ закона всемірнаго тяготѣнія.

Партіи могутъ на Руси создаваться, устраиваться и изощряться въ своемъ искусствѣ только среди тѣхъ, кому нужно противъ основныхъ устоевъ русскаго міросозерцанія рабо-

тать, возмущаться и возставать... Для нихъ ихъ „партія“— это дѣйствительно все, потому что безъ своихъ „партій“ они сами—ничто“.

Таковы факты. Отраднаго все-таки мало, а смуты въ понятіяхъ много. Становится страшно,—не за Церковь, а за русскихъ людей, которые возстаютъ на Церковь. Когда-то православіе было для русскихъ людей самымъ дорогимъ сокровищемъ, тѣмъ многоцѣннымъ бисеромъ, ради котораго можно продать всѣ сокровища въ мірѣ. Такъ ли теперь?!

Что же,—скажемъ словами новогодней статьи одного духовнаго журнала*),—станемъ ли смущаться, станемъ ли унывать, станемъ ли безнадежно опускать свои руки? Да не будетъ этого! Вспомнимъ, какъ однажды Спаситель съ Своими учениками переѣзжалъ на лодкѣ Тиверіадское озеро; поднялась буря, а Спаситель, утомленный дневнымъ трудомъ, спалъ на кормѣ. „Его будятъ и говорятъ Ему: Учитель! неужели Тебѣ нужды нѣтъ, что мы погибаемъ? И вставъ, Онъ запретилъ вѣтру и сказалъ морю: умолкни, перестань. И вѣтеръ утихъ, и сдѣлалась великая тишина. И сказалъ имъ (ученикамъ): что вы такъ боязливы? какъ у васъ нѣтъ вѣры?“ (Марк. 4, 38—40). Вотъ и мы плывемъ по житейскому морю, и вокругъ насъ неспокойно: слышатся раскаты грома, предвѣщающіе бурю; море начинаетъ волноваться. Все это такъ. Но вѣдь нашъ корабль охраняетъ тотъ же самый Кормчій, Который когда-то укротилъ бурю на озерѣ Тиверіадскомъ. Онъ сказалъ: „созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей“. Если мы вѣрны Ему,—Онъ и теперь среди насъ, какъ тогда былъ среди учениковъ; а если такъ, чего бояться? Зачѣмъ унывать? „Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюсь?“ Вспомнимъ, съ какою бодростью шелъ по своему жизненному пути ветхозавѣтный праведникъ, одушевленный вѣрою въ Бога: если бы мнѣ пришлось идти посередѣ сѣни смертныхъ, я и тогда не убоился бы зла, потому что Ты, Господи, со мною,—вотъ гдѣ была его опора, и онъ твердо стоялъ на ней: Намъ ли, новому Израилю, колебаться? намъ ли малодушествовать?

Исторія христіанской Церкви знаетъ такія эпохи, когда, казалось, всѣ силы міра сего, не покоряющагося Христу,

*) Рук. д. Сел. П.

устремлялись на нее. Такова была эпоха гонений. Гражданская власть и языческая наука напрягли всё свои силы, чтобы сокрушить Христову Церковь, но... не сокрушили: она не только устояла среди гонений, но вышла изъ тяжкаго испытанія окрѣпшей и торжествующей. Кровь мучениковъ становилась сѣменемъ новыхъ христіанъ. Скоро сама власть сложила свое знамя у подножія Христа, а наука предоставила свои средства въ распоряженіе христіанскихъ богослововъ. Церковь побѣдила... Старшіе изъ насъ, надо полагать, хорошо помнятъ то время, когда и у насъ, на Руси, стало-было слабѣть вліяніе Церкви: это—шестидесятые годы минувшаго вѣка.

Но шестидесятые годы не расшатали, а укрѣпили нашу родную православно-русскую Церковь. Теперь снова разгорается движеніе, направленное если не противъ Церкви, то въ сторону отъ нея. Не пошатнулась она въ былые годы, не пошатнется—вѣримъ—и теперь: она еще не оскудѣла внутренними силами... Итакъ, будемъ скорбѣть объ отпадающихъ и заблуждающихся, будемъ молиться объ утвержденіи Церкви, но не будемъ унывать, не будемъ отчаиваться: Христосъ посреде насъ!

Что-жь? на этомъ и успокоиться? Нѣтъ, этого мало: христіанскій покой не есть покой бездѣйствія, это—спокойствіе труженика, вѣрящаго въ правоту своего дѣла, спокойствіе борца, увѣреннаго въ конечномъ торжествѣ той истины, которой онъ служить. Аминь, Амины!.. Кто не распишется подъ этими горячими прекрасными словами!

В. Скворцовъ.

Р. С. Помѣщаемъ поступившее къ намъ глубоко-правдивое, интересное письмо, по поводу религіозно-филофскихъ собраній, учащейся женщины. Письмо это еще разъ и съ новой стороны доказываетъ всю важность этого юнаго учрежденія, такъ близкаго намъ и по исторіи возникновенія и по своимъ задачамъ. Къ сожалѣнію, цѣль и назначеніе собраній не всѣмъ понятны даже и въ духовномъ нашемъ мірѣ. Такое непониманіе высказалъ новый органъ столичнаго духовенства „Православно-русское Слово“, шутливо назвавъ въ новогодней статьѣ собранія „неотеологическими“. Но объ этомъ поговоримъ послѣ, а

теперь отвѣчаемъ на задушевный запросъ корреспондентки, что мы охотно готовы провести васъ въ собранія, получивъ письменное или личное заявленіе о желаніи посѣщать оныя; больше никакихъ условій не требуется. Можете обратиться также съ заявленіемъ къ какому-либо изъ объявленныхъ распорядителей. Женщинъ участвуетъ много. Вотъ это письмо.

Милостивый Государь
Г-нъ Редакторъ!

Въ послѣднемъ № „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ встрѣтила вашу замѣтку о возникшихъ въ Петербургѣ „религіозно-философскихъ“ собраніяхъ. Позвольте обратиться къ вамъ за нѣкоторыми разъясненіями по этому вопросу. Какія условія участія въ этихъ собраніяхъ? Какъ и кѣмъ вводятся новые члены, постоянные и посѣтители? къ кому и куда обращаются желающіе? участвуютъ ли женщины въ этихъ собраніяхъ? По этому поводу я хотѣла бы сказать нѣсколько словъ. „Миссія среди интеллигенціи—вопросъ назрѣлый и животрепещущій“, писали вы. Да, и разрѣшенія его едва ли не больше ищущихъ вѣру ждутъ тѣ, кто имѣетъ ее, остается вѣренъ православной Церкви и съ ужасомъ и болѣю слѣдить за толпами уходящихъ отъ нея. Уходятъ чистые, неиспорченные, уходятъ добрые, честные, искренніе. Если въ частности обратиться къ современной женщинѣ, боль станетъ еще мучительнѣе. Вѣдь это сила, вѣдь это мать, жена, сестра, воспитательница, это постоянный, скрытый, но могущественный источникъ нравственнаго вліянія. Онъ оскудѣлъ теперь и замутился. Женщина потеряла „дѣтскую“ вѣру, въ которой прежде воспитывалась, и не можетъ возвратиться къ ней иначе, какъ черезъ вѣру „разумную“,—но кто дастъ ее ей, кто поможетъ ей на этомъ пути? Ея вѣчный авторитетъ мужчина—весь одно заустѣніе; самъ ничего не имѣя, онъ отнимаетъ у нея и то немногое, чѣмъ она еще обладала: противъ его мнимо-научной критики, противъ его мнимо-глубокой мысли не устоитъ ея „молитва по привычкѣ“, а критиковать его она не можетъ. Дайте ей оружіе, придите ей на помощь, возвратите ей потерянный свѣтильникъ. Я знаю, многія женщины мучительно ищутъ его, особенно учащіяся молодыя женщины. *Откройте* имъ доступъ въ ваши собранія, больше—призовите, привлечите ихъ туда,—вѣдь каждая изъ нихъ, возвратясь къ Церкви, приведетъ съ собою и близкихъ ей людей. Вашъ трудъ будетъ великъ, но онъ вознаградится.

Искренно уважающая васъ слушательница Женскаго
Медицинскаго Института *Л. В.*

1901 г. 28 декабря.
Спб.

Основные формы сектантских заблуждений.

(Очеркъ философіи сектъ).

„Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога; а всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста“ (1 Иоан., 4, 2—3).

СЛОВО „секта“ (происходитъ отъ латинскаго слова *sectari*—слѣдовать за кѣмъ, —отсюда *secta*—свита, дружина, шайка, приверженцы) въ своемъ первоначальномъ значеніи не выражаетъ, какъ можно было бы думать, понятія *обособленности*, но скорѣе выражаетъ понятіе *совокупности, согласія* и употребляется въ смыслѣ слѣдованія за какимъ-нибудь вождемъ и безусловнаго подчиненія его авторитету. Въ такомъ именно смыслѣ говорятъ древніе писатели о *сектѣ Антонія*, причемъ разумѣются политическіе приверженцы римскаго государственнаго мужа Антонія (ум. 30 г. до Р. Хр.); также встрѣчается упоминаніе о *сектѣ Эпикура*, причемъ разумѣются послѣдователи греческаго философа Эпикура (ум. 270 г. до Р. Хр.). То же самое слово *секта* обозначаетъ опредѣленное общество, которое руководится въ жизни своими особенными убѣжденіями и взглядами и преслѣдуетъ свои особенныя цѣли; при этомъ, конечно, съ понятіемъ *секты* соединяется понятіе *обособленности* отъ остальной массы. Въ этомъ смыслѣ слово *секта* употребляется неоднократно въ библіи. Такъ, изъ Дѣяній апостольскихъ (24, 5. 14) мы видимъ, что первые христіане обозначались ихъ противниками—іудеями, какъ *секта*,—*секта назореевъ*, въ отличіе отъ іудеевъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Церковь приняла мірообъемлющій харак-

теръ, названіе *секта*, которое презрительно усвоилось христіанамъ ихъ противниками, перестало употребляться по отношенію къ Церкви Христовой и удержалось только для обозначенія небольшихъ христіанскихъ обществъ, которыя, слѣдуя за особыми учителями, отдѣлились отъ единства Церкви, ея ученія и обрядовъ. Но при этомъ и самое слово *секта* принимаетъ свой специфическій, болѣе отрицательный смыслъ, въ какомъ оно употребляется и въ настоящее время: *подъ сектою разумется религиозное общество, которое отдѣлилось отъ господствующей Церкви, такъ какъ оно (общество) не нашло осуществленными въ ней (т. е. Церкви) его идеалы спасенія и святости.*

Каждая секта стремится жить самостоятельно, обособленно, жить *сама по себѣ*, чтобы въ своей замкнутой средѣ осуществить свои религіозные идеалы. Отсюда *секта* характеризуется, какъ нѣчто *самовольное, мятежное, обособленное*. Нѣмецкая евангелическая конференція въ Эпзенахъ (въ 1855 г.) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ понятіе секты. „*Подъ сектами, которыя вызываютъ общія церковныя мнропріятія, разумются всѣ общества, которыя по свойственному имъ ученію и управленію, или же въ силу своего отдѣленія отъ церковнаго ученія и управленія, не находятся въ согласіи относительно ученія и управленія съ открыто признанною въ Германіи Вестфальскимъ миромъ Церковью и отреклись отъ вѣроисповѣданія этой Церкви* 1).

Въ древней христіанской Церкви согласно съ апостольскимъ словоупотребленіемъ (1 Кор. 11, 19; Гал. 5, 20; 2 Петр. 2, 1) уклоненія отъ общепринятаго ученія назывались *ересями* (αἵρεσις отъ αἰρέω), что означаетъ *выборъ*, произвольное принятіе опредѣленныхъ пунктовъ ученія, внѣ совокупной связи ихъ съ остальнымъ ученіемъ и ложное толкованіе ихъ, тогда какъ *слизма* (σχίσμα отъ σχίζω—раскалываніе) обозначаетъ церковный расколъ (1 Кор. 1, 10; 12, 25; 11, 18), возникшій изъ-за церковнаго устройства, обрядовъ или дисциплины. Между прочимъ расколъ прямо ведетъ къ ереси и обратно.

1) См. протоколъ конференціи отъ 13 Іюня 1855 г., сообщенный въ Allgemeines Kirchenblatt für das Evangelische Deutschlands Stuttg. n. 408 и слѣд.

Возникновеніе ересей въ Церкви началось очень рано: оно современно первымъ провозвѣстникамъ истинъ Евангелія—св. апостоламъ. Борьба съ сектантствомъ—это удѣлъ Церкви, предсказанный ей Господомъ во время Его земной жизни и многократно повторенный св. апостолами. Когда Господь предостерегалъ Своихъ послѣдователей отъ лже-пророковъ (Матѣ. 24, 11; Мар. 13, 22), которые внесутъ въ общество христіанъ многіе соблазны, то кого другого Онъ разумѣлъ, какъ не еретиковъ, проповѣдниковъ разныхъ сектантскихъ заблужденій, возбуждающихъ соблазны въ Церкви, которыхъ въ другомъ мѣстѣ (Іоан. 10, 12) Онъ называлъ хищными волками, врывающимися въ стадо (Церковь) и похищающими изъ него овецъ. Апостоль Павелъ предостерегаетъ пресвитеровъ Ефесской Церкви отъ тѣхъ же *хищныхъ волковъ*, проповѣдниковъ еретическихъ заблужденій, въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ: „внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святыи поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ Кровію Своею, ибо я знаю, что, по отшествіи моемъ, войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою“ (Дѣян. 20, 28—30). О томъ же предупреждали христіанъ и другіе апостолы (см. 2 Петр. 2, 1).

Орлиный взоръ евангелиста Іоанна видитъ всѣ секты выходящими изъ одного общаго источника: „*всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога, а всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста*“ (Іоан. 4, 2—3).

Духъ заблужденія можетъ принимать различныя образы: то онъ ходитъ, какъ левъ рыкающій, ища кого поглотить (1 Петр. 5, 8), то онъ принимаетъ видъ ангела свѣтла (2 Кор. 11, 13, 14). Должно также помнить, что и *блвсы вѣрують и трепещуть* (Іак. 2, 19). То обстоятельство, что члены известной сектантской общины въ данное время исповѣдуютъ Христа, *пришедшаго во плоти*, не служитъ еще доказательствомъ, что *духъ антихриста* чуждъ имъ, что они водятся духомъ истины... Исторія Церкви знаетъ много сектъ, которыя начинали съ открытаго признанія Христа, *пришедшаго*

во плоти, и, однако, оканчивали тѣмъ, что отвергали Бога, являющагося во плоти (I Тим. 3, 16). Объясняется это тѣмъ, что основные привѣципы каждой секты, проведенные въ логическомъ порядкѣ до своихъ крайнихъ выводовъ, всегда приводятъ къ отрицанію догмата воплощенія. Мы разумѣемъ, конечно, тѣ секты, которыя, какъ, напр., наши штундисты, хлысты и др., prima facie признають догматъ воплощенія. Итакъ, если будетъ установлено, что ученіе данной секты въ конечныхъ своихъ выводахъ приводитъ къ отрицанію Христа, *пришедшаго во плоти*, то этимъ ясно будетъ доказано и то, что секта водится *духомъ антихриста*. Это положеніе мы и примемъ за критерій, при разсмотрѣніи извѣстныхъ намъ сектъ.

Все христіанство заключается въ одномъ универсальномъ фактѣ: „Слово плоть бысть“. Этими словами св. Іоанна (1, 14) выражена вся сущность евангельскаго ученія. — „За кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго?“ — спрашиваетъ Господь Своихъ учениковъ. — „Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремію, или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты—Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (Матѣ. 16, 13—16). Это исповѣданіе ап. Петра не было результатомъ разсудочнаго соображенія, но оно возникло по вѣрѣ, которая, не отдавая себѣ отчета, какъ она къ этому приходитъ, всею душой привязывается къ богочеловѣческой личности Христа, подобно тому, какъ грудной ребенокъ къ груди и взору матери. Естественный разумъ никогда не можетъ понять факта воплощенія, почему и отвѣтъ Господа Петру былъ слѣдующій: „Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, Сущій на небесахъ“ (Матѣ. 16, 17). Въ христіанствѣ все зависитъ отъ того, какъ человѣкъ относится къ Личности Искупителя, т. е. видитъ ли онъ въ Немъ Единороднаго Сына Божія, единосущнаго Отцу, или нѣтъ. Кто не вѣритъ факту воплощенія Бога, тотъ не христіанинъ. Церковь утверждаетъ на исповѣданіи: „Богъ явился во плоти“ (I Тим. 3, 16). Кто уклоняется отъ этого исповѣданія, хотя бы въ самой незначительной степени, тотъ переходитъ на сторону противника Христа (антихриста), водится духомъ заблужденія.

Фактъ воплощенія отрицають или вслѣдствіе открытаго невѣрія, или въ силу сектантскихъ заблужденій. Это раздѣляетъ враговъ Церкви на два большихъ лагеря — враговъ, съ которыми она ведетъ борьбу начиная съ первыхъ моментовъ своего существованія. Первое нападеніе произошло, какъ и естественно, совнѣ, т. е. со стороны невѣрія частью въ формѣ іудейства, частью — язычества. Къ этому внѣшнему *антихристу* скоро присоединился внутренній — *духъ заблужденія и раздора*, подъ обманчивою маскою христіанъ по имени. Уже во времена апостольскія этотъ *духъ заблужденія* проявилъ себя въ отдѣльныхъ личностяхъ (І Іоан. 2, 18). Съ этого времени онъ всегда существовалъ въ Церкви и будетъ оставаться въ ней до тѣхъ поръ, когда все будетъ покорено Сыну, когда и Самъ Сынъ покорится Покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ (І Кор. 15, 28). Число ложныхъ ученій — легіонъ. Но всѣ они соотвѣтственно сущности христіанской религіи могутъ быть раздѣлены на четыре основныя формы. Христіанство предполагаетъ нужду въ искупленіи и способность къ нему человѣка. Еретическое же пониманіе происходитъ тогда, когда какъ 1) *Личность Христа*, такъ и 2) *природа человѣка представляются такъ, что идея искупленія не имѣетъ значенія*. Въ обоихъ случаяхъ это можетъ происходить двоякимъ образомъ: или отрицають нужду въ искупленіи для человѣка, какъ это дѣлаетъ *неллганство*, или способность человѣка къ искупленію, какъ это и существуетъ въ *манихействѣ*. Въ Личности Христа отрицаются: или Его Божество, или Его реальное человѣчество. Первое дѣлаетъ *свѣнитство*, послѣднее — ересь *докетовъ*. Эти четыре основныя формы способны, въ свою очередь, къ разнообразнымъ модификаціямъ, которыя, перепутываясь между собой, приходятъ къ отрицанію того, что *Христосъ дѣйствительно пришелъ во плоти* ¹⁾. Представимъ краткій историческій обзоръ главнѣйшихъ сектантскихъ заблужденій указанныхъ четырехъ формъ.

Еще до смерти апостоловъ открылся въ Церкви *духъ антихристи* въ томъ, что хотя и признавалось Божеское достоинство въ Лицѣ Искупителя, но отрицалась Его дѣйствительная человѣческая природа: по этому представленію фактъ воплощенія сводился къ пустой мечтѣ, человѣ-

1) Ср. Шлеймахера Christl. Glaube § 22.

чество Христа было только тѣнью, и Его дѣло и страданія были только видимыми (*докетизмъ*). Напротивъ, *евіонитизмъ* видѣлъ во Христѣ исключительно человѣка, который только при крещеніи получилъ божественныя силы. Правда, оба эти направленія не имѣли опредѣленнаго характера, они были спутаны, неясны, неустойчивы, отзывались частію язычествомъ, частію іудействомъ,—были скорѣе общимъ направленіемъ, нежели системою. Во 2-мъ вѣкѣ духъ заблужденія принимаетъ уже устойчивый видъ въ фантастическихъ образахъ *гностицизма*. Но какъ ни различны были гностическія системы, ихъ христологическое основное возрѣніе всегда было одно и то же: *всѣ они отрицали Христа, пришедшаго во плоти*. Личность Христа, которая *едина*, была раздѣлена на двѣ личности: на низшую и высшую, на земную и небесную, связанныя между собою только временно и внѣшне. Объединеніе ихъ произошло не въ утробѣ Богоматери, но только при крещеніи на Иорданѣ. До этого времени Христосъ былъ только человѣкъ, который за свою добродѣтель сдѣлался органомъ и временнымъ вмѣстилищемъ Христа Небеснаго въ этомъ мірѣ. Церковь вынуждена была вести продолжительную борьбу для того, чтобы восторжествовать надъ гностическими спекуляціями, причемъ эта борьба послужила къ тому, что Церковь достигла болѣе яснаго разумѣнія своей вѣры. Наконецъ, гностицизмъ исчезъ, подобно туману передъ солнцемъ; но принципъ его не исчезъ. Онъ ожилъ въ тонкихъ, неуловимыхъ и привлекательныхъ формахъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Около 150 г. прославился своими откровеніями *монтанизмъ* (названный такъ по имени своего основателя Монтана),—откровеніями, по которымъ обѣтованный Христомъ Св. Духъ (*Параклитъ*) приводитъ черезъ „пророковъ“ монтанизма къ концу оставшееся неоконченнымъ дѣло Христа, тогда какъ Церковь, вслѣдствіе господствующей въ ней порчи, не можетъ достигнуть этого. Отсюда отрицаніе значенія церковной іерархіи, богатныхъ даровъ, получаемыхъ вѣрующими въ св. таинствахъ. Очевидно, что исканіе новаго божественнаго свидѣтельства истины заключаетъ въ себѣ пренебреженіе къ прежнему, данному во Христѣ на всѣ времена откровенію, а это, въ свою очередь, ведетъ къ отрицанію во Христѣ Его божескаго достоинства. Въ *мани-*

хействъ 3—5 вв. (названномъ по имени основателя его—Мани, ум. 247 г.) отрицалось истинное соединеніе (примиреніе) въ Иисусъ Христъ божества съ человѣчествомъ, откуда, естественно, вытекала непримиримая противоположность ихъ въ Искупителѣ. Человѣческая природа, какъ таковая, по этому ложному ученію, изначала есть природа *злая, тьма отъ тьмы*, и міръ, къ которому она принадлежитъ, долженъ быть враждебнымъ, ненавистнымъ по отношенію ко всякой божественной жизни. Только искра изъ высшей (божественной) жизни, которая воспламенена въ сферѣ злой матеріи, заключаетъ въ себѣ способность къ освобожденію узъ матеріи, изъ царства тьмы. Самое освобожденіе (искупленіе) не совершается въ дѣйствительности; во всякомъ случаѣ, оно *не моральное*, но лишь *магически-темное*; сверхъестественное остается отличнымъ отъ естественнаго. Отрицаніе способности человѣка къ искупленію въ манихействѣ приводитъ къ ложному ученію и о Христѣ, отрицая въ Немъ Его дѣйствительную человѣческую природу, т. е. *не исповѣдуя Христа, пришедшаго во плоти*. Совершенную противоположность этому ложному ученію представляетъ собою *неліганство* (получило свое названіе отъ имени британскаго монаха Пелагія, около 410 г.), которое хотя и разсматриваетъ человѣческую природу способною къ искупленію, но въ то же время *не нуждающаюся для сего въ божественномъ содѣйствіи*. Человѣкъ по природѣ обладаетъ способностью дѣлать добро и зло, грѣшить и не грѣшить. Поэтому онъ можетъ достигнуть спасенія собственными силами. Благодать внутренняго, освящающаго и возрождающаго вліянія на силы человѣка не имѣетъ. Воплощеніе поэтому излишне, т. е. и *неліганство не исповѣдуетъ Христа, пришедшаго во плоти*.

Если въ *неліганствѣ* духъ заблужденія выступаетъ открыто и смѣло, то въ *донатизмъ* онъ прокрадывается подъ видомъ *атела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), въ скромномъ монашескомъ одѣяніи и съ ореоломъ святости. *Донатисты* (получили названіе отъ Доната, одного изъ своихъ представителей) представляли изъ себя церковную партію 4—5 вв., стоявшую за то, что отпавшіе во время гоненій не должны быть принимаемы обратно въ Церковь. Церковь есть общество *святыхъ*, поэтому всѣ отпадшіе и содѣлавшіе смертные грѣхи послѣ крещенія должны быть извергаемы изъ нея и

ни въ какомъ случаѣ не принимаемы обратно. Если же Церковь дѣлаетъ противное, то она сама дѣлается нечистою, перестаетъ быть святою. Поэтому свое общество они считали обществомъ *чистыхъ, святыхъ*, которое должно обособляться отъ прочихъ, не имѣвшихъ ничего общаго со Христомъ; только своему обществу они приписывали истинное совершеніе таинствъ. Легко видѣть, что при провозвѣщеніи *чистоты* и *святости* всѣхъ членовъ Церкви, въ которой только и возможно спасеніе, терялась *всеобщность* христіанства и *донатизмъ* сталъ въ явное противорѣчіе съ обще-церковнымъ ученіемъ о томъ, что Церковь въ силу заслугъ Господа Іисуса Христа можетъ прощать всѣхъ грѣшниковъ, что она всегда остается святою, не смотря на присутствіе въ ней грѣшниковъ, такъ какъ глава ея, Господь Іисусъ Христосъ, святъ, и святы ея таинства. Такимъ образомъ, *донатисты*, хотя и болѣе скрыто, пришли къ отрицанію *догмата* о *воплощеніи*, т. е. отвергли *Бога, явившагося во плоти* (1 Тим. 3, 16): если искупительныя заслуги Іисуса Христа не имѣютъ характера *всеобщности*, т. е. не распространяются на всѣхъ людей, то и все дѣло искупленія является дѣломъ *не божественнаго* всемогущества, и совершившій его Искупитель — не обладающимъ полнотою божественныхъ свойствъ.

Еретическія ученія, которыя мы бѣгло обозрѣли, суть основныя формы антихристіанства — „*кардиналы ересей*“, которыя во всѣ вѣка Церкви появляются въ весьма разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Но какъ ни многочисленны и ни разнообразны секты, какою бы тонкою діалектикой ни были обвиты основныя положенія ихъ заблужденій, — всѣмъ имъ присуще одно роковое заблужденіе: онѣ, частію скрытно, *отрицаютъ дѣйствительность воплощенія Бога*. Относительно каждой изъ существующихъ сектъ остается достовѣрнымъ одно, что въ основныхъ положеніяхъ ея вѣроученія найдется нѣчто такое, что органически связываетъ ее съ той или иной изъ четырехъ основныхъ формъ сектантскихъ заблужденій, указанныхъ нами выше. Какъ только эта связь будетъ установлена, то естественно, что и относительно каждой изъ современныхъ сектъ остается справедливымъ то, что найдено относительно сектъ древнихъ, т. е. что всѣ онѣ отрицаютъ *Христа, пришедшаго во плоти*, другими словами — водятся духомъ антихриста. Для примѣра возьмемъ одну изъ

наиболѣе распространенныхъ въ нашемъ отечествѣ сектъ—*штундистовъ* и попытаемся провѣрить на ней нашъ способъ обнаруженія въ сектахъ *духа антихриста*. Штундисты догматической стороной своего вѣроученія, а именно тамъ, гдѣ они отвергаютъ первородный грѣхъ, а съ нимъ необходимость крещенія младенцевъ, и не признаютъ возрождающаго и освящающаго дѣйствія на силы человѣка божественной благодати,—примыкаютъ къ *пелагианству*. Легко видѣть, что, подобно сему послѣднему, они, идя простымъ логическимъ путемъ, даже не дѣлая особенныхъ умственныхъ усилій, приходятъ къ отрицанію необходимости искупленія. И этотъ логическій путь кратокъ и ясенъ: если первороднаго грѣха нѣтъ, и паденіе Адама и Евы повредило только лично имъ, то въ такомъ случаѣ и *смерть*, отъ которой искупилъ насъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, не есть слѣдствіе грѣхопаденія, а природное свойство человѣка; проклятія же, которое тяготѣло надъ всѣмъ ветхозавѣтнымъ міромъ, и не должно быть, такъ какъ слѣдствія грѣхопаденія первыхъ людей ограничились только ими одними. Итакъ, штундисты, подобно пелагианамъ, отрицаютъ *догматъ объ искупленіи*, такъ какъ человѣчество, по ихъ мнѣнію, какъ не имѣвшее въ себѣ ни одного изъ послѣдствій первороднаго грѣха, въ искупленіи не нуждалось. Воплощеніе Бога Слова, Его ученіе и смерть искупительнаго значенія не имѣютъ; и безъ этого человѣкъ, въ силу своихъ естественныхъ способностей, можетъ достигнуть состоянія святости, какъ и достигали этого ветхозавѣтные праведники: Ной, Авраамъ и друг. Личность Христа имѣетъ только *нравственное* значеніе, какъ высочайшій примѣръ добродѣтели, каковыми примѣрами служили и ветхозавѣтные праведники. Слѣдовательно, то, что совершилъ Иисусъ Христосъ, какъ только высочайшій примѣръ добродѣтели, могъ совершить и всякій праведникъ (явить собой примѣръ добродѣтелей). Отсюда очевидно, что штундисты въ крайнемъ развитіи своего ученія приходятъ къ отрицанію божескаго достоинства Иисуса Христа, т. е. отрицаютъ *Бога являшагося плотию* (1 Тим. 3, 16. и, такимъ образомъ, впадаютъ въ то заблужденіе, которое ап. Іоаннъ называетъ (1 Іоан. 4, 2—3) *духомъ антихриста*. Нравственною стороною своего вѣроученія штундисты примыкаютъ къ *донатистамъ*. Подобно симъ послѣднимъ, они

утверждаютъ, что Церковь должна состоять изъ однихъ *чистыхъ—святыхъ*. На этомъ основаніи они считаютъ свое общество *обществомъ святыхъ* и всякаго переходящаго въ нихъ вѣру *перекрещиваютъ*. По понятію штундистовъ, Церковь свята не потому, что имѣетъ главою своею Господа Иисуса Христа и освящается благодатными таинствами, но потому, что состоитъ изъ лицъ *святыхъ*. Посему всѣ грѣшники внѣ Церкви и, слѣдовательно, спастись не могутъ, такъ какъ внѣ Церкви, въ чемъ убѣждены и штундисты, спастись невозможно. Такимъ образомъ, по понятію штундистовъ, все дѣло спасенія, совершенное Господомъ Иисусомъ Христомъ, ограничивается тѣснымъ кругомъ *святыхъ*, чѣмъ явно отрицается *всеобщность* искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа, а вмѣстѣ съ этимъ отрицается и Божеское достоинство Иисуса Христа, т. е. отрицается догматъ воплощенія (1 Тим. 3, 16). Въ самомъ дѣлѣ,—если искупительныя заслуги Иисуса Христа не имѣютъ характера *всеобщности*, то и Христосъ не обладаетъ полнотою божественныхъ свойствъ: Онъ *не всемогущъ*, такъ какъ *не могъ* сообщить совершенному Имъ дѣлу искупленія характеръ *всеобщности*. Итакъ, штундисты отвергаютъ *Бога, являшагося плотию*.

Отсюда, по нашему мнѣнію, ясно намѣчается тотъ путь, по которому должна направляться богословская полемика съ штундистами: 1) отправляясь отъ *догматическихъ* положеній сектантовъ (отрицаніе первороднаго грѣха, необходимости крещенія младенцевъ, признаніе Иисуса Христа только примѣромъ добродѣтели и др.), должно доказать имъ, что они, подобно *неллианамъ*, отрицаютъ самое Божеское достоинство Иисуса Христа. Въ этомъ случаѣ лучше всего начинать собесѣдованіе съ *необходимости крещенія младенцевъ*; 2) къ тому же заключенію можно придти, становясь на почву *нравственнаго* ученія сектантовъ, чрезъ раскрытіе указанныхъ нами положеній (признаніе себя штундистами *обществомъ святыхъ* и др.). Въ этомъ случаѣ предметомъ бесѣды должно быть избрано ученіе *о Церкви*.

Подробное раскрытіе доказательствъ въ томъ и другомъ случаѣ не входитъ въ задачу настоящей статьи, составляя предметъ особой науки, къ сожалѣнію у насъ почти забытой,—*методики собесѣдованій съ сектантами*.

А. Дородницынъ.

Отношеніе христіанства къ государству по
воззрѣніямъ гр. Л. Н. Толстого.

ОВИЗНА божественнаго жизнепониманія, по мнѣнію Л. Толстого, заключается въ томъ, что оно смыслъ, счастье жизни полагаетъ не въ служеніи общему благу, въ выполненіи предписаній коллективной воли, а въ служеніи и исполненіи воли Бога,—и въ томъ еще, что двигателемъ жизни здѣсь признается не слава, а любовь. Думается, что новизна христіанскаго жизнепониманія и его отличіе отъ общественнаго вовсе не здѣсь, такъ какъ при всякомъ жизнепониманіи (кромя атеистическаго) цѣлью жизни полагается исполненіе воли Божества, а любовь можетъ существовать и у язычниковъ, и у невѣрующихъ. Вѣдь язычникъ, напр., грекъ или римлянинъ, когда поступалъ во имя своего гражданскаго долга, вѣрилъ, что въ своемъ поведеніи онъ творитъ не общественную только, но и божескую волю. Съ этой стороны, не христіанское только, но и общественное, и личное жизнепониманія могутъ называться „божескими“. Значитъ, новизну христіанства по сравненію съ общественнымъ жизнепониманіемъ надо искать въ томъ, *какую именно волю Божию* возвѣстило оно міру ¹⁾.

Въ античномъ мірѣ воля боговъ не отграничивалась отъ воли государственной: послѣдняя была такъ же священна, какъ первая, потому что обѣ онѣ были одно. Евангеліе съ силой божественнаго авторитета открыло людямъ совершенно независимо отъ мірской власти чистую, отличную отъ общественной, опредѣленную волю Божию. Самостоятельность и суверенитетъ божеской воли по сравненію со всякой человѣческой волей,—вотъ первая и весьма важная

---

¹⁾ Читатель долженъ имѣть въ виду, что мы вслѣдъ за Л. Толстымъ разсматриваемъ христіанство, лишь какъ доктрину.

черта въ содержаніи „божественнаго“ жизнепониманія. Въ нравственномъ сознаніи христіанина эта черта „божескаго“ жизневоззрѣнія выражается въ признаніи имъ безусловно обязательнымъ для него осуществленія въ жизни образа Всесовершенной Личности. Но такое подчиненіе христіанина закону Божію есть въ то же время освобожденіе его отъ всякихъ человѣческихъ законовъ, не согласныхъ съ волей Бога.

Таковъ социально-политическій результатъ, производимый отмѣченной чертой христіанскаго жизнепониманія. Этотъ элементъ въ сознаніи и поведеніи христіанина называютъ „христіанской свободой“. Гр. Л. Толстой съ своей точки зрѣнія подробно описываетъ такую свободу. „Свобода, говоритъ онъ, не можетъ быть дарована или отнята у христіанина или христіанъ. Свобода есть неотъемлемое свойство христіанина. Если же говорится о дарованіи или отнятій свободы отъ христіанъ, то, очевидно, говорится не о дѣйствительныхъ христіанахъ, а о людяхъ, только называющихъ себя христіанами. Христіанинъ не можетъ не быть свободенъ потому, что достиженіе поставленной имъ для себя цѣли никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть воспрепятствовано или хоть бы задержано. Стоитъ человѣку понять свою жизнь такъ, какъ учить понимать и христіанство, т. е. понять то, что жизнь его принадлежитъ не ему—его личности, ни семьѣ, или государству, а Тому, Кто послалъ его въ жизнь; понять то, что исполнять онъ долженъ поэтому не законъ своей личности, семьи, или государства, а ничѣмъ не ограниченный законъ Того; отъ Кого онъ исшелъ, чтобы не только почувствовать себя совершенно свободнымъ отъ всякой человѣческой власти, но даже перестать видѣть эту власть, какъ нѣчто могущее стѣснять кого-либо. Стоитъ человѣку понять, что цѣль его жизни есть исполненіе закона Бога для того, чтобы этотъ законъ, замѣнивъ для него всѣ другіе законы и подчинивъ его себѣ, этимъ самымъ подчиненіемъ лишилъ бы въ его глазахъ всѣ человѣческіе законы ихъ обязательности и стѣснительности... Христіанинъ можетъ подвергаться внѣшнему насилію, можетъ быть лишенъ тѣлесной свободы, можетъ быть не свободенъ отъ своихъ страстей (дѣлающей грѣхъ есть рабъ грѣха), но не можетъ быть не свободенъ въ томъ смыслѣ,

чтобы быть принужденнымъ какою-либо опасностью или какою-либо внѣшнею угрозою къ совершенію поступка, противнаго своему сознанию“¹⁾.

Все это вѣрно, поскольку выражаетъ собою христіанскій завѣтъ: Богу слѣдуетъ повиноваться больше, чѣмъ царю²⁾; однако читатель, конечно, видитъ, что вполнѣ—то отношеніе новаго жизнепониманія къ государству должно опредѣляться самымъ содержаніемъ указываемой этимъ жизнепониманіемъ воли Божіей. Мы обязаны повиноваться Богу болѣе, нежели человѣку, но если самая небесная воля стоитъ въ согласіи съ волей человѣка или предписываетъ намъ повиноваться ему, то само собой понятно, что христіанство въ такомъ случаѣ не отрицаетъ человѣческаго закона. Наоборотъ, если божественный законъ предписываетъ не согласное съ человѣческимъ закономъ или запрещаетъ повиноваться ему, то въ этомъ случаѣ христіанское жизнепониманіе приводитъ къ отрицанію людскихъ законовъ. Значитъ, мы должны теперь узнать, какъ представляетъ себѣ Л. Толстой Божью волю со стороны ея содержанія.

На высоту завѣтовъ божественной воли Л. Толстой возвелъ свое ученіе о безусловномъ самоотреченіи, какъ единственно вѣрномъ пути къ счастью³⁾. Въ связи съ его „божескимъ“ жизневоззрѣніемъ, въ частности съ его ученіемъ о человѣческой личности, самоотреченіе это представляется якобы закономъ природы и Бога и выражается въ пяти заповѣдяхъ: не противься злему или злу насиліемъ, не клянись, не судись, не воюй, не развратничай. Какъ личное и общественное жизнепониманія кристаллизировались въ соответствующихъ формахъ внѣшней жизни—звѣроподобной и политически-организованной, такъ, по разумѣнію Л. Толстого, новое, христіанское жизнепониманіе стремится выразиться въ новомъ укладѣ общественной жизни. Ближайшимъ образомъ основы для новаго строя жизни божеское жизневоззрѣніе даетъ въ перечисленныхъ заповѣдяхъ. Эти заповѣди, содержащія въ себѣ предписанія воли Божіей,

¹⁾ Царство Божіе. Ч. II, стр. 3—4.

²⁾ Дѣян. IV. 19.

³⁾ Сочин. т. XII. Ручной трудъ и умственная дѣятельность; стр. 483—488.

превращаютъ религіозно - нравственное ученіе христіанства въ соціально-политическую доктрину. Л. Толстой пишетъ объ этомъ: „напрасно говорятъ, что ученіе христіанское касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общихъ, государственныхъ. Это только смѣлое и голословное утвержденіе самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли объ этомъ. Хорошо, я не буду противиться злу, подставляю щеку, какъ частный человѣкъ, говорю я себѣ, но идетъ непріятель, или угнетаютъ народъ, и меня призываютъ участвовать въ борьбѣ со злыми—идти убивать ихъ. И мнѣ неизбѣжно рѣшить вопросъ: въ чемъ служеніе Богу и въ чемъ „тогу“? Идти ли на войну или не идти? Я—мужикъ, меня выбираютъ въ старшины, судьи, въ присяжные, заставляютъ присягать, судить, наказывать,—что же мнѣ дѣлать? опять я долженъ выбирать между закономъ Бога и закономъ человѣческимъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ уйти отъ рѣшенія этого вопроса. Личная моя жизнь переплетена съ общей государственной, а государственная требуетъ отъ меня нехристіанской дѣятельности, прямо противной заповѣди Христа... Каждый гражданинъ долженъ прійти въ судъ и быть участникомъ суда и наказаній, т. е. каждый долженъ отречься отъ заповѣди Христа непротивленія злему не словомъ только, но дѣломъ“¹⁾. „Невозможно въ одно и то же время исповѣдывать Христа-Бога, основа ученія котораго есть непротивленіе злему, и сознательно и спокойно работать для учрежденія собственности, судовъ, государства, воинства, учреждать жизнь, противную ученію Христа, и молиться этому Христу о томъ, чтобы между нами исполнялся законъ непротивленія злему и прощенія... Гораздо проще было устраивать и учреждать жизнь по закону Христа, а молиться ужъ о томъ, чтобы были суды, казни, войны, если они такъ нужны для нашего блага“²⁾. Значитъ, новизна „божескаго жизнепониманія“ заключается въ трехъ, важныхъ для насъ, элементахъ: въ признаніи самостоятельности и верховенства воли Божіей по отношенію къ воли государственной; въ усвоеніи волѣ Божіей новаго содержанія въ видѣ, главнымъ образомъ,

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? стр. 22—23.

²⁾ Ibid., стр. 18.

заповѣди о непротивленіи злему силой; наконецъ, въ роковой тенденціи къ созиданію новаго строя жизни на началахъ непротивленія и къ разрушенію стараго, основаннаго на насиліи.

Противъ перваго изъ этихъ трехъ положеній никакой христіанинъ спорить не будетъ: каждому вѣрующему извѣстна азбучная истина, что Богу слѣдуетъ повиноваться больше, чѣмъ царю.

Приходится подробно остановиться на остальныхъ двухъ положеніяхъ съ вытекающими изъ нихъ выводами по отношенію къ государству.

„Христіанство, говоритъ Л. Толстой, въ его истинномъ значеніи *разрушаетъ государство*. Такъ оно было понято и съ самаго начала, за то былъ и распятъ Христосъ, и всегда такъ понималось людьми, не связанными необходимостью оправданія христіанскаго государства. Только со времени принятія главами государствъ номинальнаго, внѣшняго христіанства начали придумываться всѣ тѣ невозможныя хитросплетенныя теоріи, по которымъ христіанство можно совмѣстить съ государствомъ. *Исповѣданіе истиннаго христіанства не только исключаетъ возможность признанія государства, но и разрушаетъ основы его*“¹⁾.

Какія основы государства и какъ разрушаются христіанствомъ по мнѣнію гр. Л. Толстого?

Современные государствовѣды при опредѣленіи понятія о государствѣ, желая отмѣтить всегда и вездѣ присущіе этому институту признаки, ограничиваются указаніемъ на его самостоятельную принудительную власть. Такъ, проф. Н. М. Коркуновъ видитъ въ государствѣ „общественный союзъ, представляющій собою самостоятельное, признанное, принудительное властвованіе надъ свободными людьми“²⁾. Такъ же опредѣляетъ государство Б. Н. Чичеринъ: „оно есть союзъ людей, образующихъ единое цѣлѣе, управляемое верховной властью“³⁾. Такое опредѣленіе мы осмѣливаемся назвать неполнымъ: въ него необходимо ввести признакъ правомѣрности государственной власти. Такъ поступить по-

¹⁾ Царство Божіе; ч. II, стр. 38. Курсивъ здѣсь и далѣе нашъ.

²⁾ Лекціи по общей теоріи права. Спб. 1897, стр. 240.

³⁾ Философія права. Москва. 1900. стр. 30.

нуждаетъ насъ несомнѣнный фактъ повсюднаго подчиненія власти правовымъ нормамъ. Случаи деспотизма не говорятъ нисколько противъ насъ, потому что ни одно деспотическое правительство не считало себя безусловно свободнымъ отъ контроля права и обнаруживало болѣе или менѣе широкое, но всегда частичное нарушеніе правъ. Поступая въ опредѣленныхъ случаяхъ или областяхъ по своему произволу, каждый деспотъ въ другихъ случаяхъ признаетъ надъ собою правовую силу. Самъ проф. Коркуновъ говоритъ: „ограниченіе власти правомъ, и притомъ съ развитіемъ общественной жизни все болѣе и болѣе развивающееся, есть несомнѣнный историческій фактъ. Нѣтъ правительства, которое бы не признавало за собою хотя какихъ-либо юридическихъ обязанностей, и чѣмъ выше стоитъ политическое развитіе общества, тѣмъ кругъ такихъ обязанностей шире“ ¹⁾. Если же самъ авторитетный ученый признаетъ, что подчиненіе праву со стороны власти фактъ повсюдный, общій для всѣхъ государствъ, то онъ и долженъ былъ отмѣтить его въ своемъ опредѣленіи государственной организаціи общества: Въ виду этого, кажется, лучше всего опредѣлить государство, какъ союзъ людей, связанный правовой организаціей и обладающій самостоятельной, признанной, принудительной властью. Коренные устои государственнаго строя общественной жизни—власть и право. Подъ эти-то основы государства подкапывается и старается ихъ упразднить толстовское христіанство. При этомъ его удары поражаютъ власть съ двухъ сторонъ: присущаго ей насилія и управленія чужой волей.

Отричаніе принудительныхъ государственныхъ мѣръ является въ доктринѣ яснополянскаго реформатора прямымъ выводомъ изъ его заповѣди о непротивленіи злему насиліемъ. Толстовецъ говоритъ про себя: „Я не могу участвовать ни въ какой дѣятельности власти, имѣющей цѣлью огражденіе людей и ихъ собственности насиліемъ“ ²⁾.

Вопросъ о непротивленіи злу силой подробно и всесторонне обсуждался въ нашей духовной и свѣтской печати и, можно сказать, получилъ уже окончательное рѣшеніе и не въ пользу Л. Н. Толстого. Наиболѣе основательныя и содер-

¹⁾ Назван. соч., стр. 260—261.

²⁾ Въ чемъ моя вѣра? стр. 223.

жательныя разсужденія на эту тему читатель найдетъ въ сочиненіяхъ проф. А. Ѳ. Гусева („Основныя „религіозныя“ начала гр. Л. Толстого“. Казань. 1893), В. С. Соловьева („Право и нравственность“. Юридич. Библиот. № 14), еп. Антонія (Полн. собр. сочин. т. III. Казань. 1900). Въ настоящей статьѣ, посвященной особымъ спеціальнымъ вопросамъ, излишне повторять то, что сказано другими по вопросу о непротивленіи. Достаточно сказать, что научно-богословская критика признаетъ толстовское ученіе о непротивленіи злему неосновательнымъ и вреднымъ. Ниже самъ читатель увидитъ вредность этого ученія. Противленіе же силой злему надо признать чуждымъ безусловному идеалу христіанской, безгрѣшной жизни, но неизбѣжнымъ и полезнымъ въ наличныхъ условіяхъ существованія человѣчества. Съ точки зрѣнія относительнаго осуществленія идеальной христіанской морали противодѣйствіе злему силой даже одобряется, если оно вызывается нравственно добрыми мотивами и цѣлями. Конечно, этотъ способъ борьбы со зломъ хуже духовныхъ мѣръ противодѣйствія злему, долженъ примѣняться только въ крайнихъ случаяхъ и съ особенной осторожностью.

Ради спеціальныхъ цѣлей журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ лишь о главномъ „текстуальномъ“ основаніи толстовской заповѣди непротивленія. Разумѣемъ 38—48 ст. V гл. Евангелія Маттея: „Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ (Исх. 21, 24). А я говорю вамъ: не противиться злему. Но кто ударить тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую (38—39)... Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ (44)... Филологическое изслѣдованіе подлиннаго текста 39 стиха (μὴ ἀντιστήναι τῷ πονηρῷ) не даетъ ничего новаго для его пониманія сравнительно съ русскимъ переводомъ. Плодомъ такого изслѣдованія является переводъ 39 стиха, предложенный проф. А. А. Некрасовымъ: „*А Я говорю вамъ не то, чтобы не уступить злему человеку, а напротивъ, кто ударить тебя по правой твоей щекѣ, подставь тому и другую*“ ¹⁾. Значить, „Христосъ говоритъ то, что го-

¹⁾ Чтен. греч. текста св. Евангелій. Казань. 1883 стр. 31. Ср. его же: Чтен. греч. т. двѣнадцатой и посланій апостольскихъ. Казань. 1892. стр. 89—90. Также: проф. А. Ѳ. Гусевъ, назван. соч., стр. 67.

ворить: „не противиться злему“. Но это не значить, что Л. Толстой лишь повторяетъ Христову заповѣдь, когда высказываетъ свое правило: „*никогда* не противься влу или злему *насиліемъ*“. Сравнивая формулы обѣихъ заповѣдей, мы находимъ, что графъ прибавилъ къ иреченію Спасителя два своихъ слова: „*никогда*“ и „*насиліемъ*“. Спрашивается, имѣлъ ли Л. Толстой право дѣлать такое добавленіе къ заповѣди Христа, и не искажилъ ли онъ ея смыслъ? Всякій, кто прочтетъ и вдумается въ слова Спасителя, содержащаяся въ 38—48 ст. V гл. Маттея, ясно пойметъ, что они отнюдь не даютъ основанія къ восполненію Его заповѣди словомъ „*насиліемъ*“. Напротивъ, рѣчь Христа рѣшительно исключаетъ такое добавленіе. Пусть читатель возьметъ Евангеліе и слѣдитъ за словами Спасителя съ 38 до 48 стиха, и онъ самъ увидитъ, что сначала Господь запрещаетъ противиться злему вообще, значить,—не только силой, но и словомъ (39—42). Спаситель заповѣдуетъ смиренно и безмолвно подставлять щеку, отдавать рубаху и верхнюю одежду. Далѣе мысль объ абсолютномъ непротивленіи выступаетъ въ рѣчи Христа еще яснѣе и опредѣленнѣе. Въ 44 стихѣ Онъ уже неоспоримо запрещаетъ противленіе словомъ, заповѣдуя лишь благословлять проклинающихъ и молиться за обижающихъ. Если возвести эти наставленія во всеобщій и всегда обязательный законъ, то непременно слѣдуетъ запретить христіанину какъ бы то ни было обличать, увѣщевать злого человѣка. И Л. Толстой оказывается неправымъ въ добавленіи къ заповѣди Спасителя слова „силой“. По подлинному смыслу 38—48 ст. V гл. Евангелія Маттея, *Христосъ заповѣдовалъ* Своимъ послѣдователямъ безмолвно сносить обиды, терпѣть зло, устами же благословлять врага, заповѣдывалъ *не противиться злему даже словомъ*. Уже этотъ несомнѣнный фактъ заставляетъ насъ усомниться въ основательности второго дополненія Христова завѣта словомъ „*никогда*“. Невозможно допустить, чтобы Спаситель далъ наставленіе о безусловномъ непротивленіи и безусловномъ благодѣяніи злему, какъ всегда и для всѣхъ обязательный законъ. Всю жизнь Свою посвятившій на борьбу со злему силой слова и примѣра, не только благословлявшій, но и обличавшій своихъ враговъ, Онъ не могъ дать такого закона. „*Никогда*“ (и никакъ) не противься злему“,—этого не могъ сказать Тотъ,

Кто заповѣдалъ намъ: „если согрѣшить противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его“ ¹⁾. Разъ мы убѣждены, что въ 39 ст. заповѣдуются полное непротивленіе злему, то тѣмъ самымъ вынуждаемся признать, что *эта заповѣдь обязательна не всегда и не всегда, а только иногда*. А если такъ, то ясно, что нельзя включать въ 39 ст. и второго толстовскаго слова „никогда“. Иодлинный смыслъ Христовой заповѣди о непротивленіи, какъ онъ теперь намъ выяснился, таковъ: „никакъ не противься злему, но, наоборотъ, побѣждай его смиреннымъ терпѣніемъ, благотвореніемъ и благословеніемъ, когда это указывается благоразуміемъ и ведетъ къ цѣлямъ любви христіанской“. Всматриваясь пристальнѣе въ евангельскій текстъ, читатель можетъ даже увидѣть въ немъ указанія на то, когда именно надо уступать злему, въ чемъ уступать и какому злему человѣку слѣдуетъ не противиться. Спаситель ясно говоритъ: уступай злему, когда онъ *тебя* обидитъ, и ничего не говоритъ о томъ, какъ поступать при видѣ зла, наносимаго ближнему. Стало быть, Толстой, прибавляя къ изреченію Христа слово „никогда“, поступилъ произвольно, какъ это много разъ указывалось критикой. Но она упустила изъ виду то, что Спаситель еще одной границей очерчиваетъ область уступчивости. Дѣло въ томъ, что всѣми Своими примѣрами Онъ указываетъ зло одного рода, такъ сказать физическое или матеріальное. Боль отъ удара по щекѣ, имущественный ущербъ, принужденіе силой къ труду, — вотъ какое зло Христосъ заповѣдуетъ сносить смиренно и отвѣчать на него готовностью понести большее зло. Онъ *не случайно* сдѣлалъ такой подборъ примѣровъ, но съ цѣлью указать кругъ зла, къ которому особенно приложима Его заповѣдь. Иного предположенія нельзя допустить, нельзя подумать, что здѣсь Спаситель разумѣлъ *всякое* зло, какъ то хотѣлось бы графу. Вѣдь невозможно, напр., въ 41 стихъ вложить такое содержаніе: „и кто принудитъ тебя идти съ нимъ на разбой, иди съ нимъ дважды“. Даже безуміе не можетъ приписать Евангелію подобное наставленіе. Значить, заповѣдь Христа о непротивленіи злу не имѣетъ въ виду всякаго рода зла и злыхъ, не простирается на весь кругъ человѣческихъ злодѣяній. Онъ предписываетъ христіанину

---

¹⁾ Мѣ. XVIII. 15 — 18.

ради воспитанія въ себѣ духовнаго, возвышеннаго характера и для исправленія порочныхъ собратьевъ не дорожить и поступаться охотно и смиренно низшими, матеріальными интересами. И это все говоритъ противъ толстовскаго „никогда“. Наконецъ, въ примѣрахъ Спасителя злымъ называется просто гнѣвливыи, или завистливый, или деспотичный человекъ. Сопротивленіе, оказываемое такимъ характерамъ, обыкновенно вызываетъ въ нихъ большее возбужденіе и готовность къ худшему поступку. Поэтому разумнѣе простить вспыльчивому, не дорожить вещью, которой завидуютъ, подчиняться деспоту, когда дѣло касается зла, аналогичнаго съ указаннымъ въ евангельскомъ текстѣ.

Итакъ, все указываетъ на то, что заповѣдь Христова о полномъ непротивленіи злему удобопримѣнима и обязательна, по мысли Самого Спасителя, не всегда, а иногда. Мы утверждаемъ только это, а отнюдь не желаемъ впасть въ буквализмъ и заявлять, будто въ случаяхъ, подобныхъ указанному Спасителемъ, безусловно обязательно такое поведеніе, какое указывается 38—48 стихами ¹⁾; равно какъ не утверждаемъ, что въ обстоятельствахъ иного рода непременно надо противиться злему силой. Вотъ что мы считали нужнымъ сказать о главномъ текстуальномъ основаніи ученія гр. Л. Н. Толстого о непротивленіи злему силой. Устраняя произвольное толкованіе графа извѣстныхъ словъ Спасителя, наше пониманіе основывается на прочномъ основаніи контекста рѣчи и ея буквального смысла. *Въ 38—48 ст. V гл. Евангелія Матвея указывается полное непротивленіе и положительное благодѣяніе злему, какъ одинъ изъ способовъ борьбы со зломъ.*

На ряду съ этимъ средствомъ Евангеліе, по мнѣнію ученобогословской критики, допускаетъ и одобряетъ и иные способы противодѣйствія злымъ, не исключая принудительныхъ мѣръ. Когда духовныя средства не помогаютъ борцу за правду и добро, онъ долженъ прибѣгнуть къ принужденію силой, руководясь желаніемъ сдѣлать добро самому насильнику.

Какъ признающій и проповѣдующій непротивленіе силой и безусловно отрицающій физическое принужденіе, Л. Тол-

¹⁾ См. Іоан. XVIII. 23.

стой исполнѣ логично требуетъ новаго строя общественной жизни, основаннаго на соблюденіи правила о непротивленіи. Съ такой же послѣдовательностью христіанинъ, считающій нравственно-дозволеннымъ разумное примѣненіе принудительныхъ мѣръ для предупрежденія и уменьшенія зла, не считаетъ себя въ правѣ принципиально отрицать государственную принудительную силу. Болѣе того, такъ какъ онъ признаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненіе физическаго принужденія къ злему человѣку нравственно-обязательнымъ, то считаетъ себя обязаннымъ положительно благословлять государственную силу, направленную разумно къ осуществленію идеальныхъ цѣлей. Съ этой стороны государство цѣнно еще въ томъ отношеніи, что оно даетъ организацію принужденію, отбирая его отъ частныхъ лицъ и подчиняя требованіямъ справедливости. Извѣстно, какими добрыми послѣдствіями сопровождалось отнятіе принудительной власти у отдѣльныхъ лицъ и сосредоточеніе ея въ органахъ государственнаго управленія: хаосъ насилій смѣнился порядкомъ ¹⁾. Такъ какъ евангельская мораль не отрицаетъ принципиально-физическаго принужденія, то она не отрицаетъ принудительной силы даже языческаго государства. Христіанинъ только тогда откажетъ языческому правительству въ повиновеніи, когда оно потребуетъ антихристіанской дѣятельности. По отношенію къ языческому государству христіанинъ будетъ стремиться лишь къ тому, чтобы вдохнуть въ его членовъ духъ христіанской вѣры и жизни, христіанизировать его изнутри, а не къ тому, чтобы уничтожить всякую политическую организацію. Но, признавая за государствомъ обязанность и право разумнаго пользованія принудительной силой, христіанинъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ, чтобы примѣненіе этой силы ограничивалось крайней необходимостью, за предѣлами которой должна царить свобода. Въ дѣйствительности ни одно общество никогда не руководится въ своей жизни только принудительными указаніями власти, а всегда и вездѣ значительная часть общественной жизни остается внѣ воздѣйствія (непосредственнаго) прави-

¹⁾ О культурно-этическомъ значеніи государства см. „Этика“ В. Вундта, стр. 224—240; „Этика“ Г. Гефдингга, стр. 315—359; „Оправданіе добра“ В. Соловьева, стр. 260—290 etc.

тельственнаго принужденія. Л. Толстой напрасно позволяет себѣ отъиваться объ общественной жизни, протекающей подъ контролемъ государства, какъ основанной на одномъ только насиліи: она зиждится на принужденіи и на свободѣ, насиліи и непротивленіи. И если толстовское христіанство произвольно устраняетъ одинъ изъ этихъ устоевъ, то истинная христіанская этика при наличныхъ условіяхъ жизни требуетъ существованія ихъ обоихъ.

Однако, возражать намъ, принудительныя мѣры, какъ посягающія на свободу человѣка и влекущія за собой поведеніе, не имѣющее нравственной цѣнности, стоятъ ниже духовныхъ, и поэтому задачей христіанскаго человѣчества становится устраненіе ихъ. Совершенно вѣрно, отвѣтимъ мы, надо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, при какихъ условіяхъ и какъ произвести это устраненіе. Пока будетъ на свѣтѣ такое зло, которое для своего ограниченія неизбѣжно требуетъ физическаго принужденія, до тѣхъ поръ, очевидно, нельзя будетъ совершенно оставить принудительныя мѣры. Во-вторыхъ,—и это главное,—устранить насильственныя средства можно и слѣдуетъ только сдѣлавши ихъ ненужными, лишними. Это будетъ дѣлаться по мѣрѣ нравственнаго развитія человѣчества и развитія духовныхъ средствъ борьбы со зломъ. Рука объ руку съ такого рода прогрессомъ будетъ уменьшаться сумма насилій на землѣ. Но просто послѣдовать совѣту Л. Толстого и, оставивъ принужденіе, расположить общественную жизнь по закону непротивленія и невозможно исторически, и неразумно. Пока у хромого не окрѣпли ноги, нельзя отнимать у него костыли, иначе онъ принужденъ будетъ ползать и пачкаться въ грязи и пыли. Если же онъ самъ раньше времени броситъ ихъ, то горькій опытъ заставитъ его снова взяться за нихъ. Л. Толстой беретъ одну черту, притомъ—внѣшнюю, изъ жизни, стоящей по внутреннему достоинству на высшей ступени, и хочетъ ее привязать къ наличной жизни, внутреннему содержанію которой она не соотвѣтствуетъ. Христіанство-де въ идеалѣ исключаетъ насиліе, а потому христіанинъ не можетъ имъ пользоваться; но христіанскій идеалъ исключаетъ и духовное противодѣйствіе злу, потому что при осуществленіи идеала исчезнетъ всякое зло, однако, Л. Толстой не отрицаетъ духовныхъ мѣръ въ борьбѣ со зломъ. Когда исчезнетъ зло.

прекратится и всякая борьба съ нимъ, когда исчезнетъ такое зло, которое ограничивается лишь насиліемъ, или когда достаточно будетъ бороться со зломъ однѣми не принудительными мѣрами, тогда исчезнетъ насиліе. Мѣры борьбы со зломъ служатъ и всегда будутъ служить показателями степени нравственнаго развитія человѣческаго и соотвѣтствовать имъ. Чтобы упразднили принудительныя мѣры и ихъ организація, надо стараться о внутреннемъ, нравственномъ возрожденіи общества; здѣсь надо полагать цѣль дѣятельности, а упраздненіе однихъ средствъ борьбы со зломъ произойдетъ, какъ неизбежное послѣдствіе. Надѣяться на то, что человѣчество dorostetъ до такой высоты, когда всякое насиліе исчезнетъ на землѣ, нѣтъ никакихъ основаній; но что оно будетъ смягчаться и уменьшаться, на это даетъ полную надежду исторія насилій.

Какъ изъ графскаго отрицанія всякихъ принудительныхъ мѣръ получается неизбежный выводъ, отрицающій государственную организацію, такъ признаніе истиннымъ христіаномъ дозволительнымъ и даже нравственно-обязательнымъ разумнаго примѣненія принужденія обяываетъ его положительно одобрять государственное принужденіе по скольку оно разумно.

К. Григорьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новая секта хехулитовъ, или каюковъ ¹⁾.

В истекшемъ году намъ пришлось познакомиться съ лицами, принадлежащими по своимъ религіозно-нравственнымъ мыслямъ (не можемъ сказать „убт-жденіямъ“) къ финляндской сектѣ *хехулитовъ*, которые извѣстны среди простаго рабочаго люда нашей сѣверной столицы подъ именемъ „*каюковъ*“. Секта эта представляетъ изъ себя одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ, выросшихъ, вырастающихъ и имѣющихъ постоянно выростать на принципѣ свободнаго толкованія и пониманія Слова Божія, провозглашеннаго лютеранствомъ. Основателемъ своей общины хехулиты считаютъ пастора Лестадиуса, жившаго въ Финляндіи и умершаго 21 февраля 1861 г.; сочиненія пастора Лестадиуса (проповѣди) тщательно хранятся у природныхъ финляндцевъ-хехулитовъ и пользуются большимъ уваженіемъ; эти сочиненія они охотно намъ показывали. Вообще говоря, хехулиты не отличаются той нетерпимостью къ внѣшней, обрядовой сторонѣ православно-христіанской религіи, т. е. иконамъ, крестному знаменію, тайнствамъ и т. п., какую приходится наблюдать въ другихъ сектахъ протестантскаго характера. По мнѣнію хехулитовъ, иконы Словомъ Божиимъ не запрещаются, но и не узаконяются; ношеніе креста на груди и крестное знаменіе тоже для христіанна необязательно, такъ какъ св. крестъ ровно никакой силы въ себѣ не имѣетъ; впрочемъ не вредно, если вѣрующій во Христа, придя въ православный храмъ, станетъ осѣнять себя крестомъ вмѣстѣ съ присутствующими. Но совершенно противно Слову Божию лобызаніе, поклоненіе, возже-ніе лампадъ и другіе виды чествованія иконъ и св. креста, какіе существуютъ въ православной Церкви. Въ виду та-

---

¹⁾ Докладъ, сдѣланный на миссіонерскомъ съѣздѣ въ г. Ямбургѣ 24-го іюля 1901 г.

кихъ возрѣній многіе хехулиты, какъ намъ лично пришлось убѣдиться при посѣщеніи ихъ жилищъ, имѣютъ у себя иконы и различныя священныя изображенія, помѣщающіяся у нихъ, какъ у православныхъ христіанъ, въ почетныхъ углахъ. Хехулиты не признаютъ догмата почитанія святыхъ и призванія ихъ въ молитвахъ и возстаютъ противъ присяги или клятвы именемъ Божиимъ. Воднаго крещенія (и въ частности крещенія дѣтей), причащенія, брака, священства и т. п. хехулиты не отрицаютъ; они только не усвояютъ имъ благодатно-таинственнаго значенія, а смотрятъ просто, какъ на обряды, необходимыя или для гражданскаго благоустройства, или же напоминающіе намъ о томъ или другомъ событіи изъ жизни Христа-Спасителя; для совершенія этихъ обрядовъ нужно обращаться къ священнику, ксендау или пастору, смотря по тому, къ какой вѣроисповѣдной Церкви принадлежитъ хехулитъ; поэтому хехулиты, по откровенному ихъ признанію намъ, ежегодно бываютъ на исповѣди и у св. причащенія; св. причащеніе они называютъ преломленіемъ хлѣба; участвующіе въ этомъ преломленіи вкушаютъ простой хлѣбъ и вино. Посѣщаютъ хехулиты и религіозно-нравственныя собесѣдованія, которыя ведутся столичнымъ духовенствомъ въ разныхъ мѣстахъ, — но при этомъ говорятъ, что духовенство проповѣдуетъ Слово Божіе *нечисто*, смѣшивая доброе зерно св. Писанія съ мякиною. Характерною же и выдающеюся особенностью хехулитовъ въ ряду другихъ сектъ протестантскаго характера составляетъ торжественное отпущеніе грѣховъ, которое у нихъ происходитъ въ собраніяхъ. Эта особенность, насколько намъ пришлось убѣдиться изъ бесѣдъ съ хехулитами, имѣетъ свою историко-психологическую подкладку въ неправильномъ ученіи о спасеніи человѣка другихъ сектъ, возросшихъ на лютеранской почвѣ, и является какъ бы протестомъ противъ этого ученія. Ученіе лютеранъ объ оправданіи одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ приняло сначала въ нѣмецкомъ баптизмѣ, а затѣмъ и въ русскомъ сектанствѣ крайне уродливыя формы; такъ, штундо-пашковцы, или духовные штундисты, съ совершеннѣйшею откровенностью заявляютъ и печатно (см. брошюры „Пшеница или солома?“ Спб. 1880 г., стр. 16; „Лиза, бѣдная пѣвица...“ Спб. 1881 г. и друг.), и устно, что человѣкъ, разъ онъ вѣритъ или по-

вѣрилъ въ искупительныя заслуги Христа Спасителя, долженъ сбросить съ души своей всякія сомнѣнія относительно полученія небснаго блаженства; вѣрующій во Христа не судится (Іоан. III, 18); всякій, вѣрующій, что Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ (1 Іоан. V, 1); а мы знаемъ, что всякій, рожденный отъ Бога, не грѣшитъ (1 Іоан. V, 18), потому что кровь Іисуса Христа очищаетъ его отъ всякаго грѣха (1 Іоан. I, 7). Въ виду этого всякій, вѣрующій во Христа, уже по этому самому и святъ; а какъ таковой, онъ не можетъ сокрушаться о своихъ грѣхахъ; нѣтъ, въ его сердцѣ должна господствовать одна только совершенная радость“. Это нахально-гордое представленіе о своей личной святости сильно претило нравственному чувству какъ тѣхъ послѣдователей штундо-пашковщины, въ которыхъ еще не заглохъ обличительный голосъ совѣсти и не была потеряна способность критически относиться къ сектантскимъ толкованіямъ св. Писанія, такъ и всѣхъ другихъ людей, которые входили съ нѣмецкими баптистами и русскими штундо-пашковцами въ многообразныя столкновенія. Давая отпоръ ученію о мнимой святости штундо-пашковцевъ, всѣ названныя лица стали, наоборотъ, высказывать другое положеніе, что человѣкъ нуждается не только въ постоянномъ покаяніи и плачѣ о своихъ грѣхахъ, но и въ постоянномъ отпущеніи ихъ отъ Бога. „Какъ можетъ человѣкъ здѣсь, на землѣ, называть себя святымъ,—говорили намъ хехулиты (особенно женщины),—когда Слово Божіе опредѣленно учить, что нѣтъ человѣка, который не грѣшилъ бы (3 Царств. VIII, 46),—и если мы говоримъ, что не имѣемъ грѣха, то обманываемъ себя (1 Іоан. I, 8)“. Истинный послѣдователь Христа постоянно долженъ стараться покаяніемъ сбросить съ себя запинаящій грѣхъ (Евр. XII, 1); только свергнувъ съ себя это грѣховное бремя, онъ можетъ считать себя рожденнымъ свыше и вошедшимъ въ общество совершенныхъ христіанъ. Покаяніе и прощеніе грѣховъ и есть, по мнѣнію хехулитовъ, та дверь въ царство небесное, о которой говорилъ Спаситель Никодиму (Іоан. III, 5): желающій поэтому возродиться къ иной благодатной жизни во Христѣ долженъ публично покаяться въ собраніи хехулитовъ и получить отъ нихъ торжественное отпущеніе своихъ грѣховъ. Полученный при отпущеніи „благодатный“

даръ“ нужно затѣмъ „возгрѣвать“ въ себѣ дальнѣйшими „покаяніями“; потребность въ дальнѣйшемъ „покаяніи“ указывается каждому свыше, иногда независимо отъ его воли и сознанія.

Самый процессъ отпущенія грѣховъ на собраніяхъ хехулитовъ совершается такъ. Хехулить или хехулитка, чувствующіе на своей совѣсти какую-либо тяжесть и испытывающіе потребность въ покаяніи, заявляютъ объ этомъ грѣхѣ вслухъ всего собранія съ полнѣйшею откровенностью (при пишущемъ эти строки, напр., однажды молодая дѣвушка каялась въ прелюбодѣйной связи съ солдатомъ). Тогда каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ кающемуся или кающейся и, кладя свою руку на плечо грѣшника, говоритъ: „по вѣрѣ твоей прощается тебѣ грѣхъ твой“, или „именемъ Иисуса Христа прощаются тебѣ грѣхи твои“ и т. п. Вообще у хехулитовъ опредѣленной разрѣшительной формулы для кающихся грѣшниковъ не существуетъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ хехулитовъ исповѣдь и отпущеніе грѣховъ соединяется съ обрядами, поражающими посторонняго наблюдателя своимъ курьезнымъ реализмомъ; такъ, въ дер. Ку—но, Ямбургскаго уѣзда, въ собраніе приносится небольшая кадочка; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ этой кадочкѣ и, наклоняясь надъ ней, шепотомъ исповѣдуетъ свои грѣхи; послѣ того наставникъ покрываетъ верхъ кадочки полотномъ, тщательно и крѣпко увязываетъ это полотно бичевкой, затѣмъ эту кадочку, „наполненную грѣхами“ выносить вонъ и зарываетъ въ землю гдѣ-либо въ укромномъ мѣстѣ. Въ основаніе своего страннаго обычая разрѣшать другъ друга отъ грѣховъ хехулиты приводятъ многія мѣста св. Писанія и особенно слова ап. Іакова: признавайтесь другъ предъ другомъ въ проступкахъ и молитесь другъ за друга (гл. V, ст. 16). А какое же значеніе имѣетъ исповѣдь предъ православнымъ священникомъ? „Ея нельзя отвергать,—отвѣчаютъ на это хехулиты,—ибо Слово Божіе говоритъ намъ: „все, что они (книжники и фарисеи) велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ“ (Мате. XXIII, 3);“ поэтому въ требуемое церковнымъ закономъ время нужно приходиться для покаянія и къ православному священнику. Но вѣдь эту исповѣдь не всегда можно

пользоваться: иногда въ собраніи при чтеніи Слова Божія душу охватить внезапно щемящее чувство скорби о какомъ либо содѣянномъ грѣхѣ; нельзя же бѣжать сейчасъ изъ собранія къ священнику на исповѣдь; нѣтъ, этотъ грѣхъ тутъ и нужно открыть предъ собравшимися и попросить у нихъ прощенія и разрѣшенія отъ духовнаго бремени.—За описанную особенность своихъ религіозныхъ собраній хехулиты и были прозваны нашимъ простымъ народомъ „*каюками*“ (сокращенно - испорченное слово „кающійся“). Что же касается термина „*хехулитъ*“, подъ которымъ они извѣстны въ Финляндіи, то относительно его смысла намъ удалось добыть (хотя и съ большимъ трудомъ) слѣдующія разъясненія отъ самихъ же сектантовъ. „*Хехулитъ*“ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ *веселящійся*. *Веселящимися* насъ называютъ потому, что мы испытываемъ необыкновенную радость послѣ полученнаго въ собраніи разрѣшенія отъ грѣховъ; эта радость не можетъ сокровенно таиться въ нашей душѣ; она стремится вылиться наружу и выразиться въ тѣхъ или иныхъ дѣйствіяхъ (по преимуществу во взаимномъ цѣлованіи, которое женщины даютъ женщинамъ, а мужчины—мужчинамъ), какъ это было, напр., съ царемъ Давидомъ, скакавшимъ предъ ковчегомъ (2 Цар. VI, 14—16), или съ исцѣленнымъ хромымъ, прыгавшимъ и славившимъ Бога (Дѣян. III, 8). Въ виду этой радости, зависящей отъ сознанія отпущенныхъ будто бы грѣховъ, у хехулитовъ (особенно природныхъ финляндцевъ) на собраніяхъ происходили и происходятъ очевидно нѣкоторыя явленія физическаго нервоза (напр., прыганье), которыя даютъ нѣкоторымъ поводъ смѣшивать ихъ со скакунами (хлысты); но для такого смѣшенія хехулитовъ со скакунами въ нашемъ распоряженіи пока еще нѣтъ никакихъ основаній. Намъ лично пришлось наблюдать религіозную аффектацію на собраніяхъ хехулитовъ; ея отличаютъ, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ сектахъ съ мистическимъ элементомъ, женщины; впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что эта аффектація, выражающаяся обычно въ плачѣ, судорожныхъ всхлипываніяхъ и восторженно-громкихъ крикахъ: *Христосъ—Учитель нашъ, Онъ—нашъ, Господь—нашъ...* иногда отличается дѣланностью и направляется, вѣроятно, къ тому, чтобы или замаять неприятную для сектантовъ рѣчь миссіонера, или

произвести должное впечатлѣніе на новаго человѣка, пришедшаго въ собраніе хехулитовъ. Припоминаемъ мы одно собраніе: на немъ завели мы рѣчь о правѣ толкованія св. Писанія законными пастырями и учителями Церкви; незначительныя возраженія, дѣлавшіяся намъ со стороны хехулитовъ по заведенному вопросу, внезапно были прерваны одной женщиной; послѣдняя въ продолженіи 5—6 минутъ восторженно и слезливо выкрикивала безсвязныя фразы объ учительствѣ Христа-Спасителя, но при этомъ она нисколько не теряла, такъ сказать, своего физическаго равновѣсія, сидѣла твердо на стулѣ и продолжала держать на своихъ рукахъ маленькую свою дочь; между тѣмъ остальные присутствующіе внимательно глядѣли на насъ, желая узнать, какое впечатлѣніе мы вынесемъ изъ этой сцены.

На своихъ собраніяхъ хехулиты поютъ или псалмы Давида (особенно любятъ они пѣть псал. I и LXXXIII), или же духовные стихи, переведенные безъ риѣмы съ финскаго языка; пѣніе ихъ довольно нестройное и однообразно-унылое, напоминающее напѣвы нашихъ странствующихъ нищихъ-слѣпцовъ; послѣ пѣнія и молитвы идетъ толкованіе св. Писанія, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ присутствующіе мужчины и женщины, такъ какъ каждому, и самому простому человѣку, Господь, по мнѣнію хехулитовъ, можетъ открыть смыслъ того или другого мѣста библіи. При взаимныхъ встрѣчахъ хехулиты привѣтствуютъ друга друга словами: „*миръ Божій*“ и „*Божіе здоровье*“. Во внѣшнемъ поведеніи они не отличаются особеннымъ ригоризмомъ: многіе изъ хехулитовъ (и мужчины, и женщины) курятъ довольно крѣпкій табакъ и притомъ въ большемъ количествѣ; такъ что человѣку, свободному отъ этой вредной и соблазнительной привычки, бываетъ крайне трудно бесѣдовать съ сектантами въ низенькихъ и тѣсныхъ комнатахъ, составляющихъ обычное помѣщеніе для простого рабочаго люда въ г. С.-Петербургѣ.

При своей сравнительной терпимости въ отношеніи православной Церкви и другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій хехулиты отличаются однако живымъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ пропагандированію идей своей секты. „Всѣмъ должно родиться свыше въ покаяніи,—говорятъ хехулиты.— А къ этому возрожденію можно побудить человѣка только

чрезъ строгое и безпощадное обличеніе его пороковъ. Мы это и дѣлаемъ въ отношеніи мірскихъ грѣшниковъ, т. е. людей, не принадлежащихъ къ нашему обществу. Право на эти обличительныя проповѣди дано намъ въ словахъ, сказанныхъ Господомъ пророку Іезекіилу“ (гл. III, 16—21). Особенно настойчиво хехулиты стараются дѣйствовать со своимъ прозелитизмомъ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ нѣкоторые члены уже приняли хехулитскія воззрѣнія. Вотъ что намъ пришлось услышать отъ одной женщины, мужъ которой перешелъ къ хехулитамъ. „Хехулиты часто устраивали многолюдныя собранія въ нашей квартирѣ, приходили и запросто къ моему мужу; во время всѣхъ этихъ посѣщеній они настойчиво уговаривали меня вынести иконы изъ квартиры или же, по крайней мѣрѣ, перестать ихъ чествовать и возжигать предъ ними лампады. Мужъ запрещалъ мнѣ посѣщать моихъ православныхъ родителей, живущихъ въ Петербургѣ. Мнѣ наконецъ не въ моготу стало терпѣть притаванія сектантовъ, и я пригрозила имъ жаловаться и искать себѣ законной защиты“. Пропаганда, ведомая хехулитами, должна служить предметомъ особенно серьезнаго пастырскаго вниманія, такъ какъ хехулитовъ легко смѣшать съ православными, только экзальтированно настроенными.

Въ настоящее время среди хехулитовъ идутъ большія разногласія и споры, да и вообще все вѣроученіе хехулитовъ отличается характеромъ неустановившимся и мало опредѣленнымъ, почему мы и назвали религіозныя воззрѣнія хехулитовъ „мыслями“, а не „убѣжденіями“. Такое положеніе вещей дѣлаетъ весьма возможнымъ благотворное воздѣйствіе на хехулитовъ со стороны пастырей православной Церкви. Необходимо только, чтобы это воздѣйствіе было послѣдовательнымъ, а не носило бы случайнаго характера; особенную же пользу принесло бы посѣщеніе по праздникамъ хехулитовъ православными пастырями, такъ какъ сектанты воочію убѣдились бы, что православные пастыри служатъ своей паствѣ не изъ-за денегъ, а *охотно и богоугодно* (1 Петр. V, 2), въ силу истинно-христіанской любви, которая не гордится, не ищетъ своего, но все покрываетъ и все переноситъ (1 Коринѣ. XIII, 4—7).

С.-Петербург. спарх. миссіон. *И. Булаковъ.*

Англійскій писатель R. E. C. Long о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ мыслитель и дѣятель.

Въ послѣдніе годы современной социальна-общественной жизни Россіи выступаетъ графъ Толстой въ качествѣ адвоката практическихъ реформъ и ходатая отъ имени того класса, къ которому онъ часто выражалъ полное несочувствіе. Онъ всегда говорилъ, что относится съ одинаковымъ отвращеніемъ ко всякому правительству, основанному на насиліи, безразлично—меньшинства, какъ въ Россіи, или большинства, какъ въ Западной Европѣ. И онъ, конечно, сочувствуетъ насильственному протесту не болѣе, чѣмъ насильственной репрессіи. Однако теперь, подъ давленіемъ обстоятельства, Толстой внезапно появляется на сценѣ, какъ борецъ за русскій либерализмъ, который не менѣе, чѣмъ само русское правительство, является для него воплощеніемъ всѣхъ ненавистныхъ для него идей.

Среди обстоятельствъ, выдвигающихъ передъ нами имя Толстого съ большою силою, чѣмъранѣе, является, во-первыхъ, отлученіе его Св. Синодомъ и, во-вторыхъ, извѣстіе, что онъ занялъ новымъ романомъ, въ которомъ воплотятся всѣ его нравственныя и общественныя доктрины. Отлученіе Толстого не было неожиданнымъ. Утверждая христіанство, онъ въ то же время отрицался отъ Церкви, а Церковь, въ ясномъ сознаніи, что только она—Христова, отвергла его отъ себя. Форма отлученія въ Русской Церкви очень мягка, и Толстой сначала промолчалъ. Но оно вызвало очень сильный протестъ со стороны его жены, которая держится Церкви, и со стороны студентовъ (?), которые столь же мало вѣрятъ въ Церковь, какъ и Толстой, и еще менѣе вѣрятъ въ христіанство. Графиня написала весьма запальчивое протестующее письмо г. Побѣдоносцеву, въ которомъ она откровенно выразила свой взглядъ на принятую Синодомъ мѣру. Поведеніе студентовъ было очень характерично. Въ числѣ 500 они от-

правились въ Казанскій соборъ, гдѣ просили, чтобы ихъ также подвергли анаемѣ ¹⁾).

Отлученіе сопровождалось обращеніемъ къ православнымъ, изъясняющимъ, что графъ можетъ еще спастись, если покается. Но Толстой думалъ не о своемъ собственномъ спасеніи, а о спасеніи русскаго общества. Настоящій отвѣтъ его на актъ Св. Синода заключается въ письмѣ къ властямъ. Оно является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Толстого въ томъ отношеніи, что въ немъ онъ впервые публично выступаетъ въ качествѣ адвоката либеральной реформы. Мѣры, которыя защищаетъ Толстой, не имѣютъ никакого отношенія къ осуществленію христіанскаго ученія, которое въ его глазахъ до сей поры было единственнымъ социальнымъ движеніемъ, достойнымъ сочувствія. Это мѣры, давно примѣненныя другими правительствами, также не христіанскими, и онѣ ни въ какой степени не смягчаютъ того основного зла, которое Толстой находитъ во всякомъ правительствѣ, а именно—упованіе на силу.

Насколько произведенія Толстого извѣстны, въ упомянутомъ письмѣ онъ въ первый разъ, такъ сказать, признаетъ существованіе правительства и даже находитъ его способнымъ къ улучшенію. Тому, кто совершенно не знаетъ жизни Толстого, можетъ показаться, что Толстой оставилъ путь огульных отрицаній и пошелъ по дорогѣ практическихъ реформаторовъ, отличаясь отъ нихъ только своимъ большимъ безстрашіемъ. Но такой взглядъ докажетъ только непониманіе личности Толстого. Онъ всегда былъ *практически чело-вѣкомъ*, въ которомъ его идеи и неотложныя нужды окружающаго его міра всегда вели между собой жестокую борьбу. Въ своемъ письмѣ къ власти Толстой выступаетъ просто, какъ дѣловой русскій либераль. Но несомнѣнно, что какъ только острота настоящихъ обстоятельствъ минуетъ, онъ вновь вернется къ своей роли академическаго изобличителя основъ современной жизни. То обстоятельство, что онъ способенъ входить въ ту и другую роль, не измѣняя ни той, ни другой, свидѣтельствуетъ о *какой-то странной двойственности въ его характеръ*.

* * *

¹⁾ Такого факта не было.

Ред.

Толстой какъ личность. Рѣчь Толстого вообще спокойна, остроумна, полна афоризмовъ и примѣровъ, взятыхъ изъ народной жизни. Но когда онъ начинаетъ говорить о гнетѣ и несправедливости, рѣчь его мѣняется и становится гнѣвной, но не сострадательной даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о такихъ бѣдствіяхъ, за которыя никого нельзя считать отвѣтственнымъ. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, въ которомъ мѣсто чувствительности занято напряженнымъ (и едва ли определеннымъ) чувствомъ справедливаго и несправедливаго. Хотя и очень терпимый къ различію во мнѣніяхъ и привычкахъ, вообще онъ, кажется, нетерпѣливъ, раздражителенъ и не выноситъ противорѣчій. Противорѣчіе по общимъ вопросамъ возбуждаетъ въ немъ досаду. Языкъ его— языкъ человѣка горячаго и властнаго темперамента, для котораго всякая попытка подчинить самого себя отвлеченнымъ правиламъ смиренія и терпѣнія должна быть невыносима. Во время покоя лицо его принимаетъ строгій, суровый и пророчесвенный видъ. О томъ, чего онъ не любитъ, онъ говорить съ саркастическимъ презрѣніемъ, и смѣхъ его, вызванный даже просто веселостью, звучитъ иронически.

* * *

Домъ графини Толстой въ Хамовническомъ переулкѣ. Всѣ (заграницей) привыкли думать, что постоянное мѣстопребываніе Толстого находится въ Ясной Полянѣ, и что онъ избѣгаетъ города, какъ чумы. Между тѣмъ *погода* онъ живетъ въ Москвѣ и можетъ считаться такимъ же горожаниномъ, „какъ лондонскій лордъ-мэръ“.

Комната, гдѣ онъ работаетъ, принимаетъ посѣтителей и вообще живетъ, расположена въ верхнемъ этажѣ дома. Какъ большая часть русскихъ домовъ, распланированныхъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы поддерживать повсюду равномерное тепло, всѣ комнаты дома графини соединяются одна съ другою, и чтобы добраться до комнаты Толстого, нужно сначала пройти цѣлый рядъ другихъ. Здѣсь вы невольно бросите мелькомъ взглядъ на семью Толстыхъ, отношенія одного члена семьи къ другому, ихъ отношенія къ жизни. Взгляды Толстого далеко не встрѣчаютъ въ его семьѣ единодушнаго признанія. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго и это даже оказываетъ Толстому практическую пользу. Отсутствіе единства сразу

бросается въ глаза. Двѣ комнаты, черезъ которыя нужно пройти, чтобы добраться до кельи отшельника, обставлены такъ, какъ это принято въ томъ кругѣ общества, къ которому принадлежитъ Толстой. На всемъ лежитъ печать вкуса, роскоши и свѣтской веселости. Въ мой первый визитъ къ Толстому и въ большую часть слѣдующихъ я находилъ въ этихъ комнатахъ веселое общество; это осколки большого свѣта, въ которомъ Толстой не принимаетъ участія, но съ которымъ ради домашняго единства онъ поддерживалъ отношенія дѣловаго компромисса. Спустившись на двѣ ступени внизъ, вы отворяете маленькую дверь направо, и передъ вами жилище Толстого. Это маленькая комната, освѣщаемая по вечерамъ одной свѣчей, а днемъ—тремя небольшими окнами, обставленная просто, но безъ аффектированной простоты. Два стола, заваленные книгами и газетами, шкафъ съ книгами, софа и пара кресель—вотъ и вся обстановка комнаты; однако при мерцающемъ свѣтѣ свѣчи комната производила впечатлѣніе загроможденности и беспорядка. Было ясно, что здѣсь живетъ человѣкъ, относящійся къ комфорту съ пренебреженіемъ и считающій такое пренебреженіе совершенно естественнымъ.

Но все это производило впечатлѣніе контраста съ прочими частями дома, контраста, имѣющаго высокое символическое значеніе въ глазахъ того, кто изучалъ и жизнь Толстого и его ученіе. Для такого наблюдателя кажется, что домъ Толстого, даже и съ умѣренной степенью роскоши столь несогласимый съ его нравственными принципами, былъ для него подобіемъ того міра, въ которомъ онъ жилъ. Онъ не могъ игнорировать его; онъ не могъ даже попасть въ свою келью, не пройдя мимо него. Но онъ сумѣлъ установить превосходный дѣловой компромиссъ въ своемъ домѣ, живя своею особою жизнью и не отказываясь ни отъ одного дюйма своихъ принциповъ, но признавая, прежде всего, что онъ не въ силахъ принудить жить этими принципами другихъ. Это какъ разъ тотъ самый компромиссъ и двойственность, который въ болѣе широкой области онъ заключилъ между идеями и дѣйствіями, что, несмотря на весь его академическій догматизмъ, сдѣлало изъ него исключеніе между крайними мыслителями именно благодаря его способности слагиваться на дѣлѣ съ міромъ, каковъ онъ есть.

Первый взглядъ на Толстого подтверждаетъ это мнѣніе. Его внѣшность — внѣшность интеллектуальнаго фанатика, но не мечтателя. У него, какъ и у Тургенева, выраженіе преобразившагося мужика. Но въ немъ нѣтъ ничего, похожаго на лучшіе типы христіанскаго крестьянина. У него грубое лицо, широкій носъ съ расширенными ноздрями, жесткій и рѣшительный ротъ и высокій, убѣгающій назадъ лобъ. Изъ подъ косматыхъ, ниспадающихъ бровей блестятъ маленькіе свѣтло-сѣрые глаза. Общее выраженіе лица аскетичное и раздражительное, во взглядѣ — что-то *татарски-жестокое*. Его лицо подходит скорѣе казачьему офицеру, чѣмъ мечтательному, добродушному крестьянину. Общее впечатлѣніе послѣ перваго взгляда на него вполнѣ согласуется съ тѣми намеками, которые можно встрѣтить въ его сочиненіяхъ относительно его прежней жизни. Это лицо человѣка съ нравственными инстинктами и нравственными наклонностями зауряднаго человѣка, который отличается однако отъ заурядныхъ людей фанатической интеллектуальной серьезностью и, вслѣдствіе этого, въ борьбѣ между инстинктомъ и убѣжденіемъ становится на сторону послѣдняго. Въ то же время это лицо человѣка, который, будучи безусловно непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, видитъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и не обольщается своею силою измѣнить ихъ. По-англійски онъ говоритъ правильно, но съ сильнымъ русскимъ акцентомъ. По-русски онъ выражается съ замѣчательной простотою, избѣгая иностранныхъ словъ и постоянно употребляя простонародное *туда и сюда*, вмѣсто *туда, сюда*. Онъ говоритъ медленно, отчеканивая каждое слово съ той лѣнивой интонаціей, которую только тѣнь отдѣляетъ отъ крестьянскаго говора.

* * *

Что бы Толстой сталъ дѣлать? Если бы Толстой имѣлъ болѣе широкую область дѣятельности, онъ отложилъ бы свою личную вѣру въ сторону и занялся бы живымъ дѣломъ немедленнаго удовлетворенія возникающихъ кругомъ нуждъ. Въ той узкой области дѣятельности, которая ему доступна, онъ проявляетъ большую энергію. Если-бы онъ жилъ въ свободной странѣ, онъ навѣрное сдѣлался бы практическимъ государственнымъ дѣятелемъ, или по крайней мѣрѣ практиче-

3*

скимъ революціонеромъ. „Самъ Толстой, конечно, не согласится съ такимъ взглядомъ“, — замѣчаетъ по этому случаю Лонгъ, — „но несомнѣнно, что Толстой вовсе не мечтатель по самой сущности своей натуры, видитъ міръ такимъ, какъ онъ есть“.

Чтобы однако стать дѣлать Толстой еслибы завтра получилъ такое же вліяніе на ходъ дѣлъ въ Россіи, какое имѣетъ на ходъ мыслей? Это очень любопытная спекуляція, при чемъ ни въ литературныхъ трудахъ его, ни въ его личной жизни нельзя почерпнуть достаточно матеріала, бросающаго на этотъ вопросъ правильный свѣтъ. Какъ практическій дѣятель онъ очень хорошо понимаетъ, что его этическія абстракціи могутъ быть осуществлены въ Россіи столь же мало, какъ и во всякой другой странѣ (по крайней мѣрѣ — въ ближайшемъ будущемъ). Но онъ знаетъ Россію, ея нужды и недостатки много лучше, чѣмъ всякій другой въ его положеніи, такъ какъ онъ практически является единственнымъ образованнымъ человѣкомъ, который жилъ какъ равный среди того класса, который на дѣлѣ составляетъ всю Россію, — т. е. среди крестьянъ. И какъ практическій дѣятель онъ съ такой же готовностью привѣтствовалъ бы введеніе реформъ и улучшеній, какъ и всякій либераль въ этой странѣ, хотя, въ то же самое время, никакая либеральная реформа, способствующая поддержанію существующихъ правительствъ (все равно — въ Россіи или на Западѣ), не заставила бы его, безъ всякаго сомнѣнія, смягчить своихъ отвлеченныхъ осужденій всѣхъ основъ современнаго строя жизни.

Что же онъ сдѣлалъ бы, получивъ высшую власть и въ то же время сознавая, что ввести свое крайнее христіанство въ дѣйствіе — немыслимо и невозможно?

При бесѣдѣ относительно образа правленія и социальныхъ реформъ, Толстой былъ категориченъ и придерживался мнѣнія славянофиловъ, что западныя учрежденія всегда были бы ничѣмъ инымъ, какъ нарывомъ на политическомъ тѣлѣ Россіи. Я спросилъ Толстого, какъ болѣе интеллигентные изъ крестьянства и рабочихъ смотрятъ на конституціонныя вожделѣнія образованныхъ классовъ?

„Что вы разумѣете подъ словомъ реформа?“ — спросилъ Толстой.

„Западныя учрежденія вообще—парламентъ, свобода печати, легальныя гарантіи“.—

„Что бы мы стали дѣлать съ вашими легальными гарантіями и западными учрежденіями?“—прервалъ Толстой, по-видимому, изумленный, что возможно предлагать такіе вопросы. „Ваша всегдашняя ошибка заключается въ томъ, что западныя учрежденія вамъ кажутся какой-то стереотипной моделью, по которой должны производиться всякія преобразованія. Это и есть именно то самое самообольщеніе, которое лежитъ въ основѣ половины войнъ и разбойническихъ нападений европейцевъ на иноплеменные народы. Россія нуждается въ реформахъ, но это не восточныя или западныя реформы, а просто мѣры, нужныя народу, и при томъ именно русскому народу, а не другимъ народамъ. Мнѣнія, что т. наз. реформы должны совершаться позападнымъ шаблонамъ, является результатомъ западнаго самомнѣнія и противно какъ христіанству, такъ и здравому смыслу“.

„Но, вѣдь, русскіе отличаются отъ прочихъ европейскихъ народовъ“,—замѣтилъ я,—„не болѣе, чѣмъ европейскіе народы отличаются одинъ отъ другого. Поэтому и политика, пригодная для прочихъ народовъ, пригодна *prima facie*, и для русскихъ“.

„Ни на одно мгновеніе не допускаю, чтобы европейская политика болѣе подходила къ европейскимъ народамъ, чѣмъ русская политика подходитъ къ Россіи: и тѣ и эта одинаково дурны и противны христіанству. (Какъ многіе другіе русскіе, Толстой всегда говоритъ о „Европѣ“ какъ объ опредѣленной географической единицѣ, въ составъ которой Россія не входитъ). Но у всякаго народа есть свой особый духъ, столь же ясно опредѣленный какъ и религіозный духъ, и всѣ эти разговоры о поправкахъ и передѣлкахъ имѣютъ не болѣе практической цѣны, чѣмъ предложеніе о передѣлкѣ религіи Конфуція по образцу христіанской религіи. И что стали бы мы дѣлать съ легальными гарантіями? Я отвѣчаю на этотъ вопросъ заявленіемъ, что для массы русскаго народа законъ совсѣмъ не существуетъ. Они смотрятъ на законъ или какъ я—какъ на нѣчто совершенно внѣшнее для нихъ, съ чѣмъ имъ нечего дѣлать, или же сознательно презираютъ его, какъ преграду и узы для ихъ внутренней жизни. Западная жизнь богаче русской во внѣшнихъ проявленіяхъ—

политическихъ, гражданскихъ и художественныхъ. Для такой жизни законъ необходимъ, и на западѣ смотрятъ на законъ какъ на вѣнецъ и охрану ихъ существованія. Жизнь же русскаго народа менѣе экспансивна, и поэтому русскіе не считаютъ законъ за дѣйствующее начало“ (активный факторъ).

Лонгъ: „Но, вѣдь, русскіе подчиняются законамъ такъ же, какъ и мы?“

Толстой: „Они подчиняются имъ, но не руководятся ими. Не подчиненіе закону, но совершенное пренебреженіе имъ— вотъ что сдѣлало нашъ народъ такимъ миролюбивымъ и такимъ долготерпѣливымъ. И то же небреженіе закономъ сдѣлало нашихъ чиновниковъ величайшими плутами въ мірѣ. Вы спрашиваете—почему? Потому что народныя массы, пренебрегая всякими внѣшними ограниченіями, руководятся въ своей жизни совѣстью. Образованные же чиновники, продолжая придерживаться національнаго пренебреженія къ закону, въ тоже время освободились отъ совѣсти. У нихъ нѣтъ, т. обр., ни принциповъ, ни внѣшней узды, почему они и стали тѣмъ, чѣмъ мы ихъ знаемъ. Если я говорю, что русскіе руководятся въ своей жизни совѣстью, то я не хочу этимъ сказать, что у насъ менѣе нищеты и преступленій, чѣмъ въ Европѣ. Я хочу этимъ сказать только то, что совѣсть занимаетъ у насъ то мѣсто, которое на Западѣ принадлежитъ закону, и какъ у васъ законъ не въ силахъ предотвратить преступленія, точно также и здѣсь совѣсть, благодаря власти тьмы, не непогрѣшима. Практическое же различіе заключается въ томъ, что русскій крестьянинъ совершенно не въ состояніи испытывать къ преступнику презрѣніе или гнѣвъ. Онъ полагаетъ, что преступникъ—человѣкъ, попавшій въ бѣду по недостатку разсудительности или по страсти. Такова правда о такъ назыв. необразованныхъ русскіхъ. Низшіе чиновники въ Сибири въ прямое нарушеніе закона разрѣшаютъ бездомнымъ ссыльнымъ ночевать въ общественныхъ баняхъ (?) Каковы-бы ни были правительственныя распоряженія объ обращеніи съ преступниками, общее отношеніе къ нимъ сочувственно и добродушно“.

Лонгъ: „Въ чемъ лежитъ главное различіе между западными европейцами и русскими?“

Толстой: „Это различіе заключается въ томъ, что русскіе болѣе христіане, чѣмъ европейцы. Да, болѣе христіане. И это отличіе возникаетъ отнюдь не изъ факта болѣе низкой культурности русскаго народа, но вытекаетъ изъ самаго духа народа и обязано тому, что въ теченіи вѣковъ въ ученіи Христовомъ народъ находилъ единственное водительство и защиту. Вашъ народъ со времени реформациі читаетъ Библию и при томъ сознательно-критически. Нашъ народъ только теперь начинаетъ читать, но онъ сохранилъ преданіе и ученіе Христова и, при отсутствіи защищающихъ его законовъ и учреждений, онъ только въ немъ и могъ находить руководство и правило для своей жизни. Этотъ-то элементъ, это упованіе на совѣсть и христіанство въ противоположеніе закону и образуетъ глубокую пропасть между Россіей и западными странами. Различіе между отдѣльными европейскими государствами всегда представлялось мнѣ незначительнымъ. Опредѣленіе француза какъ тщеславнаго, итальянца—какъ легко возбудимаго, англичанина—какъ холоднаго и расчетливаго—можетъ быть очень вѣрнымъ. Но для русскаго и Франція, и Германія, и Англія представляются просто какъ бы отдѣльными областями одного и того же государства, сущность котораго въ отличіе отъ Россіи заключается въ матеріалистическомъ духѣ и въ томъ, что оно основано на законѣ. Въ Россіи совѣсть и христіанство занимаютъ то самое мѣсто, которое на Западѣ занимаютъ матеріалистическія воззрѣнія и законныя формы“.

Лонгъ: „Итакъ вы полагаете, что Россія способна создать дѣйствительно болѣе высокій типъ цивилизациі, чѣмъ западно-европейская?“

Толстой: „Этого я не могу сказать. Если подѣ цивилизацией вы разумѣете Западную цивилизацию, то не можетъ быть и рѣчи о сравнительной высотѣ. Я только говорю, что между нами есть существенное различіе“.

Лонгъ: „Однако допустивъ, какъ вы, что условія русской жизни весьма далеки отъ совершенства,—на что находите вы возможнымъ опереться ради улучшенія этихъ условій?“

Толстой: „Разумѣется, не на то, что вы называете „западническими реформами“. Ибо, признавъ, что между Россіей и Европой нѣтъ ничего общаго, нѣтъ основанія производить

опыты въ Россіи надъ западными реформами. Западная система не сумѣла обезпечить истинной нравственности на самомъ Западѣ: почему же она должна дать лучшіе результаты въ странѣ, для которой она предназначена не была, чѣмъ въ странахъ, для которыхъ она именно и изобрѣтена? Самое большое, что мы можемъ допустить, это то, что русская система также обанкротится. Я же могу лишь повторить, что какъ для Россіи, такъ и повсюду единственнымъ средствомъ улучшенія положенія вещей является развитіе совѣсти и моральнаго чувства населенія“.

Толстой продолжалъ въ томъ же духѣ, проявляя все время полное несочувствіе къ ординарному русскому либерализму и въ частности къ марксизму—его наиболѣе популярной среди молодежи формѣ. Соціализмъ всѣхъ видовъ кажется ему немногимъ лучше деспотизма. Однако о кооперациіи онъ говорилъ съ уваженіемъ, которое не совсѣмъ вяжется съ его абстрактнымъ осужденіемъ всѣхъ проявленій индустриализма.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ жизни безпоповцевъ за послѣднiя
десятилѣтiя ¹⁾.

б) *Постановленiя на собранiи въ Томской губ.*

Благоволениемъ Вседержителя Бога и Отца, иже прежде вѣкъ пребывающаго, ниже начинаема, ниже престаема, и поспѣшенiемъ Единороднаго Его Сына, Слова Божiя, безсмертнаго, и изволившаго спасенiя нашего ради воплотитися отъ Святыя Богородицы и Приснодѣвы Марiи, и дѣйствомъ Святаго Духа истиннаго и животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима, въ Троицѣ славимаго Бога нашего неизреченнымъ Его милосердiемъ. Молитвами и щедротами нашея христiанскiя Заступницы и Приснодѣвы Марiи, къ Ея же мольбамъ призирая, Единочадный Сынъ — Слово Божiе, иже изъ нея прошедь неизреченно; и молитвъ ради святыхъ славныхъ и всехвальныхъ апостолъ, и святыхъ великихъ трехъ святителей: Василiя Великаго, Григорiя Богослова и Иоанна Златоустаго, и святыхъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, и всѣхъ святыхъ; поспѣшенiемъ и заступленiемъ честнаго славнаго и великаго пророка Иоанна Предотечи, Крестителя Господня.

Днесъ собрашася вси православнiи христiяни всѣхъ сибирскихъ странъ и росiйскихъ нѣкихъ *предѣлъ*, и изъ сѣверныхъ поморскихъ архангельскихъ странъ въ домъ христоролюбца и ревнителя древняго благочестiя Никифора Максимова Гилева, въ деревнѣ Гилевой, Томской губернiи, Бiйскаго округа, въ 24-й день мѣсяца iюня 7398—1890 года, на праздникъ рождества честнаго и великаго пророка и Предотечи Иоанна.

Совершивъ Господу Богу обычное молитвословiе, по семь приступили къ соборному разсужденiю о нѣкоторыхъ воз-

---

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ за 1901 г. Окт. стр. 372—380.

никающихъ недоразумѣніяхъ, и по многомъ разсужденіи и опасномъ разсмотрѣніи, постановили слѣдующее:

Первое: Царемъ и властемъ, нетокмо вѣрнымъ, но и невѣрнымъ, по апостолу (Павлу):—яко всяка власть учинена есть отъ Бога; тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется, повинуватися имъ подобаеть и молитися о нихъ, токмо о живыхъ, а не о мертвыхъ, и дани имъ платити, и чести имъ воздаяти; ихъ спасеніе—наше бо безпечаліе суть. А тропарь читать сице:

Спаси, Господи, люди Своя, и благослови достояніе Твое. Побѣды дая царю нашему на сопротивныя. И своя сохраняя крестомъ си люди.

И прочее, по обычаю христіянскому...

Второе: Всеобще соборнѣ судиша и постановиша: глаголеміи старообрядцы—еодосѣвцы, филипповцы, аристовщина, подпольники и самокресты бракоборы подлежатъ сицевымъ еретикамъ:

Еретикъ Сатурнинъ супружества и рожденія, мняше быти отъ діавола, гнушашеся (Евсевій, книга 4, глава 22. Иринеи книга 1, глава 23. Баронія 120 лѣто).

Еретикъ Карпократъ рожденія гнушашеся (Епифаній Кипрскій, на ересь 26-ю. Баронія въ лѣто 120).

Еретикъ Маркіонъ (отъ Понта) бракъ хуляше и брачнымъ не обѣщаша спасенія (Епифаній, на ересь 42-ю. Баронія въ лѣто 146).

Еретикъ Монтанъ съ великими постами и чистымъ житіемъ предъ людьми являшеся, а тайно пространно живяху; хуляше бракъ, и разводовъ не возбраняше, новыя посты налагаше (Евсевій, книга 4, глава 26. Баронія въ лѣто 173).

Еретики Етрактиты, и воздержницы учили, яко бракъ зольсть, и отъ кровомѣшенія, и нечистоты не разньствуеть; а сами тайно нечистое житіе провождаше, отъ Маркіона прія заблужденія, возбраняя пити вина, и мясо ясти (Евсевій, книга 4, глава 27. Василия Велик. прав. 47. Барон. 174 лѣто).

Еретикъ Маненсъ персянинъ бракъ хуляше, а похоти плотскія вся исполняше (Епифаній, на ересь 66, ю. Баронія въ лѣто 277).

Еретикъ Іераксъ, хуляше бракъ, и брашна отъ Бога созданная. А брачнымъ живота вѣчнаго не обѣщаша, токмо

самымъ воздержникомъ (Епифаній, на ересь 67. Иларій, кн. 6. О Троице. Баронія 288).

Еретикъ Евстафій. Проклятъ на Гангръскомъ соборѣ (Кормч. глава 8, листъ 6). Научаше, яко бракъ золь есть, и гнушашеся въ брацѣ жительствоющихъ, мяса ясти возбраняше. женамъ мужей оставляти учаху (Сократъ историкъ (сущій новатъ), книга 2, глава 32. Созоментъ, книга 3, глава 13. Варонія 361 лѣто. Кормчая 7 листъ).

Месалияны, или Евхаиты; разводы въ брацѣ по воли всякаго творяху; брака гнушашеся, и отъ бракъ отступающихъ яко постники пріимають я (Августинъ, на ересь 57-ю. Никонъ Черн. слов. 4, листъ 37. Баронія 361 лѣто).

Воздержники и вретищники, и апотактиты, томужде слову подлежать, иже и наватіане, яко понеже маркіонская отрасль тѣхъ ересь, гнушающіися брака, и отвращающіися вина (Василія Великаго; прав. 47. Никона Черногор. слов. 63, листъ 563. Барон. 254).

Манихеи, еретики, бракъ ненавидаше, и брашна гнушашеся (Бесѣды апост., лист. 2761. Толков. апост. на 284 зачало).

И святіи отцы всѣхъ бракоборовъ и тако мудрствующихъ проклятію и анаемѣ предаша.

Изъ сихъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ *всеобще соборнѣ признали всѣхъ вышепоименованныхъ бракоборовъ* (по 1-му прав. Вас. Велик.) *раскольниками, то-есть еретиками втораго чина.*

Третіе: Всеобще соборнѣ разсудиша и со тщаніемъ разсмотрѣша, и постановиша сице: Приходящихъ къ истиннѣй православноѣ христіанствѣй вѣрѣ (т. е. къ поморцамъ) федосѣевыхъ, филиповыхъ, аристовыхъ, подпольниковъ и самокрестовъ бракоборовъ съ общаго совѣта, предъ святымъ Евангелиемъ, и съ истинно душевнымъ признаніемъ, *поставиши крестить совершенно святымъ крещеніемъ.* А ранѣе сего собора пріобшившихся къ нашей истинно православной Христовой Церкви, то сихъ мы оставляемъ въ судьбахъ Божиихъ, и предковъ въ томъ не винимъ, и принятыхъ ранѣе сего собора не покрещеваемъ; а если кто изъ нихъ усумнится въ своемъ крещеніи, яко не наслѣдова благодать Святаго Духа, то ти могутъ совершенно креститися святымъ крещеніемъ.

А которіи не сумнѣваются въ своемъ крещеніи, тѣхъ оставляемъ въ Божіихъ судьбахъ.

Вышеупомянутые бракоборы, по мудрованію своему, за отверженіе шестой тайны (т. е. брака) подлежатъ проклятію и анаемѣ, отъ Церкви положенной.

И святіи церковніи вселенскіе учителя повелѣваютъ крестити отъ всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ; а ихже пріимали безъ крещенія, сіе творили точію смотрѣнія ради. Въ сообразность же сему, и наши первобытные отцы и предки сихъ вышереченныхъ бракоборовъ принимали безъ крещенія, точію съ единымъ постомъ и обѣщаніемъ; а по сему чаяли отъ нихъ обращенія отъ своего заблужденія ко святѣйшій непорочнѣй христіанской вѣрѣ и считали ихъ не за еретиковъ второчинныхъ, но только за блудниковъ, сирѣчь за подцерковниковъ. Но когда они оказались не заблудниками, но настоящими раскольниками, и нетоко бы отъ своего гнуснаго заблужденія они восхотѣли отстать, но паче же къ нему крѣпчѣ прилѣпишася, и бракъ до конца возненавидѣша, и дѣвство въ законъ, по бѣсовскому наученію, постановиша, и насъ христіанъ, и весь нашъ христіанскій законъ ни во что не вмѣниша, и до конца все отвергли, и на своемъ богомерзскимъ соборѣ (въ 7391—1883 г.) въ Москвѣ всѣхъ нашихъ христіанъ и предковъ нашихъ назвали и сочли за еретиковъ николаитовъ, люторовъ и кальвиновъ, и постановили обще соборнѣ всѣхъ христіанъ, оправдающихъ законный бракъ, снова перекрещивать, и къ сему ихъ нелѣпому, паче рещи скверному и богопротивному постановленію подписались сто одиннадцать отцовъ, то-есть во всей Россіи согласились они, и сочли всѣхъ правомудрствующихъ христіанъ за новыхъ и лютѣйшихъ еретиковъ; то, слѣдовательно, всѣ бракоборскіе главные учителя вознесли хулу на Духъ Святой. О семъ бо во Евангеліи глаголетъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „Аще кто речетъ слово на Сына человѣческаго, то отпустится. Аще же кто похулитъ Духъ Святой, то сему не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущемъ, но повиненъ вѣчному суду“.

Эти-то злыя мудрованія и безчеловѣчныя узаконенія феодаловъ-то бракоборовъ насъ и заставили собраться, и со слезами разбирать, и тщательно изыскать правила и ученія святыхъ апостолъ и святыхъ богоносныхъ отецъ.

Божіею милостію днесь собрашася и со тщаніемъ раз-
смотрѣша и постановиша всеобще соборнѣ, чтобы выше-
реченныхъ бракоборовъ, приходящихъ къ непорочнѣй хри-
стіанской истинной вѣрѣ, совершенно крестить святымъ кре-
щеніемъ.

Къ сему и руки приложиша...

Четвертое: Жителей деревни Солоновки, Томской губер-
ніи, Бійскаго округа,—сіи христіане крещеніе получили въ
лѣто 7270 (1762) отъ поморянина Семена Тимофеева Ка-
меньщикова; то сихъ вышепереченныхъ жителей обще соборнѣ
признаша за настоящихъ христіанъ, пребывающихъ въ нѣ-
драхъ соборной и апостольской Христовой Церкви.

Пятое: Жителей деревни Гилевой, того же округа, кре-
щеніе получившихъ въ лѣто 7290 (1782) отъ поморянина
Сыся Герасимова и подобныхъ ему, постановили слѣдую-
щее: если кто отъ гилевскихъ жителей сумнѣвается въ своемъ
крещеніи, если кто крещенъ отъ неискусныхъ крестителей,
то-есть, не знающихъ и не глаголющихъ правильно бого-
словныхъ Ипостасей во время погруженія, и крестившихъ
въ девять лицъ; и прочее, то тѣхъ подобаетъ совершенно
крестить по правилу 50-му святыхъ апостоль, и 73-му пра-
вилу карагенскаго собора, и 85-му правилу шестаго все-
ленскаго собора. А если которые крещены отъ разныхъ ба-
бушекъ, и не сомнѣваются въ своемъ крещеніи, и которые
получили крещеніе отъ Сыся Герасимова и подобныхъ ему,
то тѣхъ оставляемъ въ судьбахъ Божіихъ, и непокрещаемъ.

Шестое: А которые изъ Гилеевскихъ христіанъ приняты
до сего собора въ сообщеніе съ вѣрными христіанами на-
стоятелемъ Спиридономъ Коростиннымъ, и Петромъ Ефимо-
вымъ, всеобще соборнѣ постановиша сице: принятыхъ до
сего собора исправить по усмотрѣнію отца духовнаго; а ко-
торые не приняты во время собора, тѣхъ подобаетъ испра-
вить двѣнадцатъ-недѣльнымъ постомъ; понеже они всѣ вѣн-
чались въ еретическихъ церквахъ. А которые не вѣнчались,
то тѣхъ подобаетъ принять и дать имъ поста одну недѣлю,
и тысячное правило на кійждо день ¹⁾.

¹⁾ За этимъ до 24 постановленія идутъ мелкія постановленія, ка-
сающіяся частныхъ лицъ; поэтому мы ихъ пропускаемъ.

Двадцать четвертое: Божіею милостію днесь собрался и со тщаніемъ разсмотрѣша, что нынѣ у насъ христіанъ по всѣмъ сибирскимъ странамъ отцы духовные и причетники церковные находятся въ великой скудости и не имѣютъ ничего чѣмъ либо питатися и семейство свое содержать, а отъ паствы своей не собираютъ ни волны, ни млека, и эта ихъ скудость можетъ довести до отчаянія, и до самой гибели. А нѣкоторые уже являются изъ среды духовныхъ пастырей, по невѣжеству своему, берутъ деньги за покаяніе, и за крещеніе, и уподобляются Искаріотскому Іудѣ; а которые деньги за это не берутъ и кормятся отъ своихъ трудовъ, занимаясь крестьянствомъ, или какимъ тягостнымъ ремесломъ, и весь свой разумъ положили въ земной суетѣ, то-есть въ приобрѣтеніи себѣ пищи и одежды, а о духовномъ дѣлѣ нисколько не радятъ, и божественнаго писанія не читаютъ и не испытываютъ, правилъ святыхъ отецъ не знаютъ, и дѣтей духовныхъ правильно наказывать не умѣютъ, а браки сочетаютъ и родства не разбираютъ, и чину церковнаго и обычая христіанскаго сами отцы многіе не знаютъ, то како могутъ иныхъ научить? Слѣпецъ бо слѣпца водая, не оба ли въ яму впадутся? Сіе съ Божіею помощію всеобще соборнѣ разсмотрѣша, и постановиша, согласно божественному писанію: чтобы на отечество избирать людей свѣдущихъ святое писаніе и достойныхъ сему быти — не токмо бо себя единого пасти, но и прочихъ бы могъ научить и наставить на путь спасенія. А питатися и одѣватися, чтобы всѣмъ настоятелемъ сіе имѣти отъ Церкви, сирѣчь, отъ общества христіанъ. А христіаномъ всѣмъ, имѣвшимъ способность къ труду, то-есть не менѣе 18 лѣтъ, каждому платитъ въ Церковь годичную пошлину—по одному рублю съ человѣка (1 р. сер.) въ годъ, а изъ усердія—кто сколько благоволитъ,—а по рублю платитъ всѣмъ обязательно, исключая лишь однихъ сиротъ и дѣтей, или неимущихъ способности къ труду. Пошлина церковная бѣ искони уставлена святыми отцами, о чемъ есть много свидѣтельствъ отъ святаго писанія. А которые отцы духовные будутъ брать деньги за крещеніе, или за исповѣданіе, таковыхъ, по правиломъ святыхъ отецъ, отъ отечества отставлятъ и впредь мздоимцевъ не поставятъ.

Двадцать пятое: Аще которые христіане, а паче причетницы, своевольно съ еретиками ядятъ и пьютъ вмѣстѣ, и

въ корчемницы ходять и пьянствуютъ, и на пирахъ безчинствуютъ, таковыхъ всеобще соборнѣ постановиша отъ Церкви отлучать, и эпитиміями правильно исправлять, то-есть шестинедѣльнымъ постомъ, или по усмотрѣнію отца духовнаго. А которые отцы духовные послабѣвають и о паствѣ не радятъ, и дѣтей духовныхъ не учатъ и не наказываютъ, и безчинствовать имъ не возбраняютъ; то таковыхъ отцевъ всеобще соборнѣ постановиша — отъ отечества и отъ духовныхъ дѣлъ отстранять и впредь таковыхъ потоковщиковъ не поставлять.

Двадцать шестое: Всеобще соборне постановиша, согласно божественному писанію, чтобы безъ вѣдома и безъ благословенія отцевъ духовныхъ браки не совершались. А хотящихъ брачиться жениха и невѣсту, безъ исповѣданія ихъ отцу духовному, бракъ не совершать. Супружество бо, или законный бракъ, есть вещь святая, тѣмже и свято сію свершати достойть.

Двадцать седьмое: Всеобще соборнѣ постановиша, чтобы здѣсь, во всѣхъ сибирскихъ предѣлахъ, всѣмъ христіаномъ при крещеніи младенцевъ, также и взрослыхъ, воспріемниковъ поставлять по одному, потому что здѣсь всѣ перемѣшались въ духовномъ родствѣ, и браки многи совершаются по невѣдѣнію въ родствѣ. Сего ради мы соборнѣ и постановили, чтобы воспріемниковъ двоихъ къ одному младенцу не поставлять. Аще во уставѣ и повелѣваетъ обычай быти двоимъ воспріемникомъ, но мы сему не противимся, а только ради великой скудости христіанъ и необходимой нужды нынѣшняго времени сіе въ сибирскихъ токмо предѣлахъ постановиша, а не повсемѣстно; а въ прочихъ мѣстностяхъ Россіи како изволятъ, тако и творять, се бо есть не догмать, но обычай Церкви христіанской каеолической, а законъ повелѣваетъ воспріемнику быть только единому.

Двадцать восьмое: Всеобще соборнѣ постановиша, что всѣмъ христіаномъ подобаетъ въ домѣхъ и въ общемолитвенныхъ домѣхъ имѣти иконы святыхъ, древле-христіанскія, или нынѣшняго христіанскаго бракопріемлющаго общества, отъ сущихъ христіанъ иконописцевъ. А еретическихъ иконъ въ домѣхъ не держати и имъ не поклонятися. Крестовъ съ надписаніемъ *І. Н. Ц. І.* не принимать. Бога Отца, испущающаго Духъ Святый въ видѣ голубя, на крестахъ и на про-

чихъ иконахъ не писать. Еретикамъ святыхъ иконъ поправлять не отдавать. А мѣдно-литыя бракоборскаго литья оставить по прежнему безъ зазрѣнія; и тѣмъ иконамъ кланяться подобаеъ, и ихъ иконы не хулити, если только по подобающему образу сотворены.

Двадцать девятое: Книги переводныя и называемыя единовѣрческой печати, по нуждѣ и обстоянію нынѣшняго времени, всеобще соборнѣ постановиша принимать и читать, а которыя окажутся не согласны съ древле-печатными и съ древле-письменными, то тѣ книги принимать съ великимъ и опаснымъ разсмотрѣніемъ.

Тридцатое: Милостію и помощію Божіею всеобще соборнѣ разсмотрѣша и постановиша, чтобы всѣмъ христіаномъ соборной и апостольской каеолической Христовой Церкви чинъ содержать, якоже пріяхомъ отъ отецъ нашихъ, сирѣчь: пѣніе знаменное подобаеъ пѣти на *онъ* ¹⁾, а не на рѣчь, понеже бо пѣніе сіе знаменное на *онъ*, въ руссійстѣй земли пріято святыми отцами отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміре, и святіи отцы сіе пѣніе ни въ чемъ не зазрили, то и мы не смѣемъ сего дерзнуть, чтобы его похулить и отвергнуть. А еже при отцахъ святыхъ содержашася сіе оное ангелоподобное пѣніе, есть во свидѣтельство много древле-письменныхъ книгъ знаменнаго пѣнія, на примѣръ, въ Нижегородской губерніи, въ селѣ Городцѣ есть и хранятся сіи оригиналы у Ивана Васильевича Богданова ²⁾.

Божіею помощію и благимъ его изволеніемъ, се днесь собращася и всеобще соборнѣ со тцаніемъ разсмотрѣша и постановиша, что вышеизложенныя статьи сего собора согласны святому божественному писанію, и для сибирскихъ предѣловъ сіи статьи подобаеъ сохранить, и не нарушить, и не поколебать, вѣчно и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

(Послѣ этого слѣдуютъ подписи участниковъ собранія, числомъ 67).

Сообщилъ свящ. В. Прозоровъ.

¹⁾ Т. е. хомовое.

²⁾ Свитокъ написанъ въ 12 стол. знаменіемъ на *онъ*, а не на рѣчь. Гамже есть Псалтырь, писанъ въ 15 стол., а въ нѣй написанъ по знамю, псаломъ, на рѣце вавилонстей тожъ на *онъ*.

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

О преподаваніи Закона Божія въ народныхъ школахъ расколо-сектантскихъ селъ.

РАКЪ извѣстно, къ испытаніямъ на полученіе льготныхъ по воин. повинности свидѣтельствъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ духовнаго вѣдомства могутъ быть допускаемы всѣ воспитанники церковно-приходскихъ школъ, безъ различія исповѣданій, но съ тѣмъ, чтобы испытанія воспитанниковъ неправославнаго исповѣданія и раскольниковъ производились во всемъ согласно требованіямъ, изъясненнымъ въ изданныхъ, по опредѣленію св. синода отъ 8—15 окт. 1886 г., правилахъ для производства сихъ испытаній (опредѣл. Св. Синода отъ 15—25 апр. 1887 г. за № 676). Слѣдовательно, воспитанники инославныхъ исповѣданій и раскольники обязательно должны подвергаться въ вышеупомянутыхъ комиссіяхъ испытанію и по *Закону Божію* въ объемъ программы для церковно-приход. школъ, если только желаютъ получить отъ духовнаго вѣдомства льготы по воин. повинн. свидѣтельства или простыя удостовѣренія объ окончаніи курса церковно-прих. школы. Посему, завѣдывающимъ школами священникамъ и вмѣняется въ обязанность, при приѣмѣ учениковъ въ церк.-прих. школы, предварять родителей дѣтей неправославнаго исповѣданія, что дѣти ихъ обязательно должны *обучаться*, наравнѣ съ воспитанниками православными, *Закону Божію* по утвержденной для означенныхъ школъ программѣ и подвергаться *испытанію* въ знаніи сего предмета въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ духовнаго вѣдомства, такъ какъ безъ соблюденія сихъ условій они не могутъ получить отъ послѣдняго ни льготныхъ по воин. повинн. свидѣтельствъ, ни удостовѣреній объ окончаніи

курса школы (опредѣл. Св. Синода отъ 7—16 нояб. 1890 г.). Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда означенные питомцы церковно-прих. школъ или ихъ родители и заступающіе мѣсто послѣднихъ, по окончаніи дѣтми установленнаго курса ученія, не пожелаютъ выполнить обязательныхъ для всѣхъ вообще воспитанниковъ церк.-прих. школъ требованій для полученія льготныхъ по воин. повин. свидѣтельствъ, то таковымъ питомцамъ предоставляется право получить сіи свидѣтельства путемъ испытанія въ экзаменац. комиссіяхъ министер. народн. просвѣщенія, въ которыхъ производство испытаній имъ происходитъ на точномъ основаніи установленныхъ названнымъ министерствомъ правилъ и программъ для сего рода испытаній (предлож. мин. нар. проsv. начальствамъ учебн. округовъ отъ 15 мр. 1888 г., за № 4140). По правиламъ же министер. нар. проsv., въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ послѣдняго для производства испытаній на право полученія льготныхъ по воинской повинн. свидѣтельствъ: „ученики изъ неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій испытываются по Зак. Божію ихъ исповѣданій..., а ученики изъ раскольниковъ и нехристіанск. исповѣданій освобождаются отъ испытанія по Зак. Божію“ (правила, утвержд. 16 нб. 1885 г., § 19 и § 39, примѣч. а).

Изъ вышесказаннаго ясно, что въ церковно-приход. школахъ *всѣ*, безъ исключенія, воспитанники должны, во 1-хъ, *обучаться* Закону Божію по утвержденной для сихъ школъ программѣ и, во 2-хъ, сверхъ обученія, выдержать по сему предмету *испытаніе* въ экзаменаціон. комиссіяхъ духовнаго вѣдомства, чтобы получить отъ послѣдняго льготныя по воин. повинн. свидѣтельства, или же удостовѣренія объ окончаніи курса церк.-прих. школы.

Въ вѣдомствѣ министер. народн. просвѣщ. дѣло обстоитъ иначе. Рѣшая опредѣленно вопросъ *обученія* Закону Божію въ своихъ народныхъ школахъ для учениковъ инославныхъ христіан. исповѣданій, названное министерство совершенно не рѣшаетъ того же вопроса для воспитанниковъ изъ раскольниковъ и нехристіанъ. Далѣе, требуя отъ питомцевъ инославн. христ. исповѣданій, желающихъ получить отъ министер. нар. проsv. льготныя по воин. повинн. свидѣтельства, прежде выдержать удовлетворительное *испытаніе* и по Зак. Божію ихъ исповѣданій въ образуемыхъ для сего

экзаменац. комиссіяхъ, то же министерство совершенно освобождаетъ отъ испытанія въ названныхъ комиссіяхъ по Зак. Божію лицъ нехристіан. исповѣданій и раскольниковъ.

Насъ интересуесть въ данномъ случаѣ положеніе въ народныхъ школахъ дѣтей раскольниковъ и затѣмъ сектантовъ, причеиъ исключительно въ ихъ отношеніи къ предмету Закона Божія.

Въ церковно-приходскихъ школахъ данный вопросъ разрѣшенъ по отношенію къ дѣтямъ раскольниковъ всесторонне, т. е. дѣти раскольниковъ должны въ сихъ школахъ: во 1-хъ, *обучаться* Закону Божію и, во 2-хъ, выдержать по оному *испытанію* въ экзаменац. комисс. духовнаго вѣдомства, если желаютъ получить отъ послѣдняго льготныя по воин. повинн. свидѣтельства, или же удостовѣренія объ окончаніи курса школы.

Въ вѣдомствѣ же министер. народн. просвѣщенія тотъ же вопросъ *прямо* разрѣшенъ лишь съ одной стороны, именно со стороны отношенія дѣтей раскольниковъ къ *испытанію* по Зак. Божію, отъ котораго они освобождаются въ экзаменац. комиссіяхъ сего министерства (правила, утвержд. 16 нб. 1885 г. § 19 и § 39, примѣч. а). Но такъ какъ министерство даннымъ постановленіемъ имѣло въ виду, по нашему мнѣнію, лишь облегчить условія полученія льготныхъ по *воинской* повинности свидѣтельствъ для дѣтей раскольниковъ ¹⁾, а не изолированіе послѣднихъ отъ религіознаго воздѣйствія Церкви православной, которая числитъ ихъ *своими*, хотя и заблудшими овцами, то оно нигдѣ не говоритъ объ освобожденіи дѣтей раскольниковъ отъ *обученія*, или *слушанія* уроковъ Закона Божія въ теченіе учебнаго времени въ школахъ и, такимъ образомъ, уравниваетъ ихъ въ этомъ пунктѣ съ православными питомцами своихъ школъ. Отсюда ясно, что дѣти раскольниковъ, освобождаясь отъ *испытанія* по Зак. Божію въ *экзаменаціонныхъ комиссіяхъ* министер. народ. просвѣщенія, въ то же время обязаны, на равныхъ съ православными учениками основанія ихъ, *обучаться*

¹⁾ Такое облегченіе вполне понятно, потому что *успѣшное* прохожденіе Закона Божія дѣтьми раскольниковъ можетъ тормозиться родителями послѣднихъ и другими, внѣшкольными условіями, существующими религіозному быту раскольниковъ.

Зак. Божію во все время своего пребыванія въ этихъ школахъ.

Переходя къ вопросу о дѣтяхъ сектантовъ, мы должны замѣтить, что положеніе послѣднихъ въ церк.-прих. школахъ укладывается въ общія рамки, обязательныя для всѣхъ вообще воспитанниковъ сихъ школъ, какъ читаемъ о томъ въ опредѣленіяхъ Св. Синода отъ 15—25 апр. 1887 г., за № 676 и 6—16 нб. 1890 г., изъ которыхъ видимъ, что всѣ, безъ исключеній, питомцы церк.-прих. школъ обязательно должны *обучаться* Зак. Божію по программѣ, утвержденной Св. Синодомъ для этихъ школъ и затѣмъ подвергаться *испытанію* по сему предмету въ экзаменац. комиссіяхъ духовнаго вѣдомства, если желаютъ получить отъ послѣдняго льготныя по воин. повинн. свидѣтельства, или удостовѣренія объ окончаніи курса школы.

Въ вѣдомствѣ же мин. нар. просвѣщ. положеніе дѣтей сектантовъ въ народныхъ школахъ совершенно не выяснено. Существующія въ этомъ министерствѣ и вышеприведенныя нами постановленія, какъ по историческому своему происхожденію, такъ равно и по прямому своему смыслу, касаются только дѣтей раскольниковъ — старообрядцевъ, и отнюдь не могутъ быть примѣняемы къ дѣтямъ сектантовъ.

Между тѣмъ въ практическомъ примѣненіи приведенныхъ постановленій министерства о дѣтяхъ раскольниковъ происходятъ весьма важныя ошибки. Такъ, на примѣръ, г. инспекторъ народныхъ школъ по Л—ому уѣзду сдѣлалъ словесное распоряженіе, чтобы питомцы К—ой земской школы изъ сектантовъ—молоканъ *освобождались* не только отъ *испытанія* по Зак. Божію *въ экзаменац. комиссіяхъ* министер. народн. просвѣщенія, но и отъ *обученія* или слушанія уроковъ по сему предмету въ школѣ *въ теченіе учебнаго года*¹⁾. Въ данномъ распоряженіи г. инспектора народныхъ школъ мы видимъ двойную ошибку, именно: во 1-хъ, существующія въ

¹⁾ Вслѣдствіе такого распоряженія въ названной школѣ дѣти сектантовъ уходятъ домой съ уроковъ Зак. Божія. Это же распоряженіе послужило главной причиной и того явленія, что въ К—ой церк.-приход. школѣ нѣтъ ни одного воспитанника изъ сектантовъ, такъ какъ послѣдніе предпочитаютъ отдавать своихъ дѣтей въ «свою» т. е. земскую школу, въ которой они свободны отъ вліянія правосл. Церкви!.

названномъ министерствѣ правила относительно дѣтей раскольниковъ ошибочно примѣнены имъ къ дѣтямъ сектантовъ и, во 2-хъ, неправильно понято имъ министерское постановленіе, по которому дѣти раскольниковъ *освобождаются* лишь отъ *испытанія* по Зак. Божію въ экзаменац. комиссіяхъ означеннаго министерства, а не отъ *обученія*, или слушанія уроковъ по тому же предмету въ теченіе учебнаго времени въ школѣ, что далеко не одно и то же, какъ съ формальной, такъ особенно съ религіозно-воспитательной точки зрѣнія: *освобожденіе* упомянутыхъ воспитанниковъ отъ *испытанія* по Зак. Божію въ экзаменац. комиссіяхъ имѣетъ цѣлью лишь облегчить имъ условія полученія льготныхъ по воин. повинн. свидѣтельствъ, а *освобожденіе* тѣхъ же учениковъ отъ *обученія* или *слушанія* въ школѣ уроковъ Зак. Божія имѣло бы цѣлью освободить ихъ отъ религіозно-воспитательнаго воздѣйствія Церкви православной!..

Посему, полагаемъ необходимымъ просить въ надлежащемъ порядкѣ г. министра народнаго просвѣщенія разъяснить подвѣдомственнымъ ему начальствамъ учебныхъ округовъ, что: во 1-хъ, постановленія министерства народн. просвѣщенія относительно дѣтей раскольниковъ касаются лишь раскольниковъ—старообрядцевъ, а не сектантовъ; во 2-хъ, дѣти раскольниковъ, освобождаясь отъ испытаній по Зак. Божію въ экзамен. комисс. министерства, въ то же время обязаны обучаться сему предмету въ школѣ на равныхъ съ православными учениками основанія ихъ и, въ 3-хъ, выяснить положеніе въ народныхъ школахъ дѣтей сектантовъ, собственно въ ихъ отношеніи къ предмету Зак. Божія.

Съ своей стороны, мы выскажемся въ пользу уравниванія дѣтей сектантовъ въ данномъ вопросѣ съ дѣтьми раскольниковъ, т. е., чтобы дѣти сектантовъ обязательно обучались въ школѣ Зак. Божію, на равныхъ съ православными учениками основанія ихъ и по общей съ послѣдними программѣ, и чтобы освобождались лишь отъ испытанія по сему предмету въ экзаменац. комиссіяхъ министерства народн. просвѣщенія ¹⁾.

Иванъ Айвазовъ.

¹⁾ Послѣднее съ цѣлью облегчить имъ, какъ и дѣтямъ раскольниковъ и по тѣмъ же соображеніямъ, условія полученія отъ названнаго министерства льготныхъ по воин. повинн. свидѣтельствъ.

Откликъ наболѣвшей души заблудшаго сына
на проповѣдническое отеческое слово архи-
пастыря.

Ваше Преосвященство.

ОГДА вы прощались со своею паствою въ Л—скомъ соборѣ, вы пожелали всѣмъ предстоящимъ мира.

„Прощаясь съ вами,—изволили сказать ваше преосвященство,—я вамъ желаю мира: мира между вами, мира съ вашею совѣстью“. Далѣе, ваше преосвященство изволили высказать, что лучшаго блага вы не могли бы пожелать намъ, и затѣмъ объяснили—почему.

Я былъ въ числѣ предстоящихъ; я жадно ловилъ ваши слова. Никогда я не слыхалъ лучшей проповѣди.

Я скорбѣлъ, что не состою вашимъ духовнымъ сыномъ и что слова эти очевидно сказаны не мнѣ, а всѣмъ православному, бывшимъ въ соборѣ, хотя я не сомнѣвался въ томъ, что вы и мнѣ готовы были бы сказать то же самое.

Мнѣ страшно хотѣлось тогда броситься къ вашимъ стопамъ и умолять васъ дать мнѣ ту же милостыню, въ которой вы не отказывали другимъ, но я не смѣлъ этого сдѣлать, боясь нарушить порядокъ царившій въ соборѣ.

Между тѣмъ, я больше другихъ, можетъ быть, нуждался въ вашемъ горячемъ словѣ.

Во мнѣ не было мира.

Моя душа много лѣтъ блуждала въ потемкахъ. Я давно отпалъ отъ католицизма; тринадцать лѣтъ я не говѣлъ, но я посѣщалъ православные храмы, и православные священники служили въ моемъ домѣ молебны.

Я никогда не былъ убѣжденъ въ томъ, что папа—глава Церкви, и вотъ вы мнѣ сказали въ соборѣ, что Иисусъ Христосъ—глава Церкви; сказали это съ такимъ убѣжденіемъ, такъ просто, что разомъ рѣшили во мнѣ всѣ сомнѣнія. Я

глубоко скорбѣлъ, что вы уѣхали, и что я не могъ уже просить васъ присоединить меня къ православію, но съ вашимъ отъѣздомъ росла и крѣпла во мнѣ мысль обратиться къ православной Церкви и въ ней искать мира,—той Церкви, которая имѣетъ такихъ пастырей, какъ ваше преосвященство. Простите меня за непрошенную откровенность. Я не могу забыть, къ кому я обращаюсь; я сознаю, что разница въ положеніяхъ вашего преосвященства и моемъ слишкомъ велика, чтобы я могъ выразаться просто, но не умѣю, не могу иначе выразить свои чувства, а потому скажу, что на меня вы произвели такое чарующее впечатлѣніе, какого я никогда не испытывалъ. Хотя и мало вы со мною говорили во время посѣщеній Л.—П., но и этого для меня было достаточно; вы подготовили во мнѣ то душевное настроеніе, которое побуждаетъ меня нынѣ искать мира въ православной Церкви; послѣднія же прощальныя ваши слова дали созрѣть моему рѣшенію. Зная его, и жена моя, А. И., также рѣшила присоединиться къ православію. Жена моя вѣроисповѣданія евангелическо-лютеранскаго, дѣти же ея отъ перваго брака православныя. Принявъ такое рѣшеніе, мы обратились къ настоятелю А.—С—скаго монастыря съ просьбой удостоить насъ присоединенія къ православной Церкви Архимандритъ А. милостиво принялъ наши просьбы, обѣщаль испросить благословенія владыки и затѣмъ извѣститъ насъ о днѣ, который будетъ назначенъ для совершенія надъ нами таинства муропомазанія.

Ожидая этого радостнаго дня, я осмѣливаюсь почтительнѣйше просить ваше преосвященство вознести молитву къ Господу Богу, дабы никакая печаль и никакая посторонняя мысль или забота не отвлекали моего вниманія въ день присоединенія и дабы въ душу мою низошелъ тотъ миръ, который вы пожелали своей бывшей паствѣ въ Л.—П.—скомъ соборѣ.

Искренно любящій и глубокопочитающій ваше преосвященство.

В. Д--ни.

22 ноября 1901 года.

Дорогой отецъ.

Съ какою радостію я произношу эти слова, обращаясь къ вашему преосвященству, и какъ давно я не произносилъ ихъ! Своего крестнаго отца я никогда не зналъ, а родного отца я потерялъ 29 лѣтъ тому назадъ.

Теперь я счастливъ, что вновь могу произносить дорогое слово „отецъ“. Предо мною ваше письмо; оно даетъ мнѣ на это несомнѣнное право; я никогда не разстанусь съ нимъ и крестикомъ, при немъ присланнымъ; я постоянно перечитываю это письмо, и оно снова и снова служитъ для меня источникомъ глубокой радости. То же радостное чувство раздѣляетъ и жена моя, и мы вмѣстѣ благодаримъ васъ, дорогой отецъ, за оказанныя намъ великія милости.

Я не могъ тотчасъ отвѣчать, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней должно было состояться наше присоединеніе къ православно-каеолической Церкви, а именно жена моя присоединена 15-го, а я 16-го сего декабря.

Пишу вашему преосвященству подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго мною счастливаго, незабвеннаго дня.

Признаюсь, данное мнѣ порученіе описать, что я перечувствовалъ и испыталъ, свыше моихъ силъ, и только ваше благословеніе даетъ мнѣ храбрость взяться за эту задачу. Начну съ того, что я былъ тронутъ заботливымъ отношеніемъ отца архимандрита ко мнѣ и моей женѣ съ самаго прибытія нашего въ монастырь. Его высокопреподобіе самъ изволилъ руководить нами, опредѣлялъ что и когда намъ надо исполнять, приказывалъ потеплѣе топить печи въ церкви, словомъ, проявлялъ необыкновенное вниманіе къ намъ, недостойнымъ. И вся братія не отставала въ усердіи. Съ какимъ чувствомъ читались всѣ молитвы и правила! Какъ разумно и усердно готовили насъ къ тремъ таинствамъ! Взлелѣянное вашимъ преосвященствомъ высокорелигіозное настроеніе мое расло съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой. Тутъ я позналъ, что монастыри, не менѣе нужны намъ, мірянамъ, чѣмъ самимъ монахамъ. Нигдѣ нельзя такъ успокоиться и сосредоточиться къ принятію святыхъ таинъ, какъ въ монастырѣ! Теплое чувство любви къ этимъ бѣднымъ монахамъ, у которыхъ такая же душа и

сердце, какъ и у меня, все болѣе и болѣе меня охватывало. Что сдѣлалъ я для нихъ, думалось мнѣ?

Почему они такъ усердно молятся за меня? Никогда до этого времени духовенство за меня такъ не молилось. И я, дѣйствительно, ожидалъ „великую и богатую милости“.

Какъ пріятно было мнѣ понимать все мною слышанное! Мнѣ казалось, что я самъ участвую въ служеніи. Такъ приближался ко мнѣ великій день присоединенія къ православной Церкви. То, что я передумалъ и почувствовалъ за это время, не поддается описанію. Надо было родиться въ такой благочестивой семьѣ, въ какой родился я; надо было быть воспитаннымъ въ страхѣ Божіемъ и любви къ ближнему, подобно мнѣ; надо было быть религіознымъ въ дѣтствѣ и юности, подобно мнѣ; надо было перестрадать, читая исторію духовной инквизиціи, Вареломеевской ночи, религіозныхъ войнъ, драгонадъ Людовика XIV, смерти Іоанна Гуса и другихъ, какъ я перестрадалъ; надо было потомъ закрестъся въ мою душу страшнымъ сомнѣніемъ, терзаться ими, блуждать въ потемкахъ, искать истины, услышать слово вашего преосвященства въ Л. соборѣ, найти истину, возродиться къ новой жизни, душевнымъ страданіемъ выносить истину.—чтобы испытать то, что испыталъ я. Но зато, какъ сладко чувство, мною испытываемое! Пожалуй, лучше, что все такъ произошло. Да, несомнѣнно лучше! Теперь я въ лучшемъ положеніи, нежели иные православные съ дѣтства; они, подобно зрячимъ и здоровымъ, не понимаютъ, какое великое благо видѣть свѣтъ Божій и быть здоровымъ. Тяжело заболѣвъ, человекъ думаетъ: „ахъ, какъ хорошо быть здоровымъ“, и, выздоравливая, испытываетъ неизъяснимое наслажденіе. Такъ и иные православные не понимаютъ, какое великое благо быть православнымъ, я же, готовясь къ великому дню, чувствовалъ себя въ положеніи выздоравливающаго, а въ самый день присоединенія получилъ полное исцѣленіе. Предчувствуя близость этого исцѣленія и собравъ послѣднія силы, твердо отвѣчалъ я на вопрошенія отца архимандрита Агаангела: „хощеши ли пріити въ соединеніе вѣры православно-каволическія?“ и другія. Всѣ отвѣты я самъ читалъ по книгѣ чиновъ присоединенія къ православію. Обставлено было присоединеніе такимъ торжествомъ, какого я не ожидалъ. Радостно при-

нялъ я мвропомазаніе и опять думалъ, что я въ положеніи лучшемъ, чѣмъ православные отъ дѣтства, такъ какъ я чувствую радость, какой они чувствовать не могутъ, такъ какъ надъ ними этого великаго таинства болѣе не совершать. По окончаніи чина мвропомазанія меня поздравили мой воспріемникъ Е. Х. О. и другіе близкіе мнѣ люди; у всѣхъ ихъ были слезы на глазахъ. Затѣмъ, за литургіей я причастился пречистыхъ таинъ. По окончаніи литургіи отецъ благочинный В. Г. сказалъ прекрасное слово по поводу нашего присоединенія; я былъ растроганъ до глубины души и не могъ удержать своихъ слезъ; многіе молящіеся плакали; минуты—для меня незабвенныя. Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо я себя чувствовалъ! Да, я возродился къ новой жизни!..

Простите, дорогой отецъ, что слишкомъ много написалъ я; ваше же преосвященство, по добротѣ своей изволили прочесть письмо мое до конца, не смотря на многія занятія и доуки.

Да ниспошлетъ вамъ Господь великія и богатыя милости за ваше любвеобильное сердце! Еще разъ я и моя жена благодаримъ васъ, дорогой отецъ, и просимъ вашего благословенія. Вашего преосвященства благодарный, крѣпко любящій и почитающій васъ сынъ

В. Д.

17 декабря 1901 г.

Генри Друммондъ и Левъ Толстой.

(Значеніе церковныхъ обрядовъ въ религіозной жизни христіанина).

ГЕНРИ Друммондъ—профессоръ естественныхъ наукъ Глазговскаго университета (въ Англіи).

Немногіе, вѣроятно, слышали это имя и мало кто знакомъ съ его религіозно-правственными воззрѣніями. А между тѣмъ они таковы, что именно въ настоящее время всего умѣстнѣе вспомнить о нихъ. Друммондъ, какъ сказано выше, профессоръ и въ будни читаетъ лекціи по физикѣ, а по воскресеньямъ ведетъ бесѣды со студентами на нравственные и религіозныя темы. Эти его бесѣды въ Англіи пользуются громадною популярностью и, будучи отпечатаны, разошлись въ 900 тысячахъ экземпляровъ. Нашелся добрый человѣкъ (С. Долговъ), перевелъ ихъ и на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Самое великое въ мірѣ“. Брошюрка не большая по объему, но по внутреннему содержанию заслуживаетъ того, чтобы о ней вспомнить, особенно въ настоящее время религіознаго шатанія (книга издана въ 1893 г.). Какъ это ни покажется страннымъ, однако это фактъ, что Друммондъ, хотя иновѣрецъ, но многимъ православнымъ не лишне поучиться у него, „какъ подобаетъ въ дому Божіи жити“, и особенно тѣмъ, которые думаютъ, что они всѣхъ и все превзошли и не нуждаются ни въ какихъ наставленіяхъ и пособіяхъ. Это люди, о которыхъ сказалъ еще апостоль Павелъ: самолюбцы, величавы, горды, хульницы, предатели, напыщени, имущіе образъ благочестія, силы же его отвергшіеся (2 Тим. 3, 2—5). Но не для такихъ пишется сіе, а ради тѣхъ, которыхъ они могутъ уловить въ „преумноженіи лъстивыхъ словесъ“,—„для душъ не утвержденныхъ“ (2 Петр. 2 гл.).

Въ послѣднее время мы читаемъ и слышимъ, что не нужна намъ церковная служба, не нужна намъ молитва и

всякое внѣшнее выраженіе одушевляющихъ насъ религіозныхъ чувствъ, ибо религія христіанская есть нѣчто „отвлеченное“. Послушаемъ, что по этому поводу говоритъ Друммондъ, не богословъ, а профессоръ-естественникъ. „Религія христіанская, говоритъ онъ, не есть нѣчто случайное, загадочное и отвлеченное. Это нѣчто совершенно послѣдовательное и приобщается намъ согласно естественнымъ законамъ. Никто, проводящій жизнь во снѣ, не можетъ сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ. Для успѣшнаго возрастанія въ духѣ Христа требуются извѣстныя *средства*. Всякій успѣхъ въ любомъ отношеніи требуетъ приготовленія и прилежанія, такъ и въ религіи. Случайно ничто въ мірѣ не происходитъ, и міръ религіи тоже управляется своими *законами*. По опредѣленнымъ законамъ вырабатывается и христіанскій *опытъ*. Въ религіи люди ищутъ покоя, ищутъ счастья и многіе воображаютъ, что радость и счастье снисходятъ на нихъ съ неба подобно дождю и снѣгу. Но напрасны ожиданія, христіанская жизнь не случайна, а имѣетъ свою причину, и причина всѣхъ причинъ лежитъ во *Христѣ-Богочеловѣкѣ*. Онъ сказалъ: придите ко мнѣ и найдете покой душамъ вашимъ. Но какъ же и какимъ образомъ покой этотъ дается? Прежде всего онъ не дается, а приобрѣтается, ибо сказано далѣе: „научитесь отъ Мене“,—чему же научиться?—„яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“. Вотъ чему нужно учиться у Христа: кротости и смиренію. Въ этомъ и заключается одна изъ цѣлей христіанской религіи—преподать людямъ *искусство жизни*; этому искусству можно научиться, смотря на всю жизнь Спасителя и стараясь подражать ей.

Какія же для этого есть средства и способы? Нѣкоторые, говоритъ Друммондъ, воображаютъ, что для этого достаточно одной рѣшимости (таковъ и есть графъ Л. Толстой) и надѣются на силу своей воли. Но это грубое заблужденіе, подобное тому, какъ если бы пассажиры парохода, остановившагося вслѣдствіе поломки въ машинѣ, рѣшились бы сдвинуть его одною своею силою, не исправивши машины. Итакъ одной рѣшимости мало, нужна еще способность къ воспріятію. Но и этого мало. Нужно еще *нѣчто*. Это нѣчто есть высшая сила—*благодать*. Какъ растетъ дерево? Какъ зрѣетъ плодъ? Какъ растетъ тѣло человѣка?—спрашиваетъ

Друммондъ. Все это совершается подъ невидимымъ давлѣніемъ силъ *извнѣ*. Такъ же совершается и духовный ростъ человѣка, и всякая въ этомъ отношеніи перемѣна въ насъ совершается силою высшею нашей. Въ доказательство этого Друммондъ ссылается на слова апостола Павла къ Коринѣ. (2 Посл. 3, 18): „мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемъ, отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа“. Вотъ откуда въ человѣкѣ происходитъ духовная перемѣна—отъ *постояннаго общенія со Христомъ*. Если, живя съ хорошими людьми, мы дѣлаемся лучшими, то что же сказать о вліяніи на насъ совмѣстной жизни со Христомъ-Богомъ?—Мы, очевидно, должны переродиться. Но это перерожденіе, это преображеніе нашего духовнаго естества совершается не вдругъ, а постепенно, медленно и незамѣтно. Какъ незамѣтно и медленно совершается физическій ростъ человѣка, такъ и еще медленнѣе совершается его духовный ростъ, ибо тѣло растетъ только для временной жизни, а духъ и для вѣчной. А потому въ дѣлѣ духовнаго возрастанія требуется *терпѣніе*, покорное ожиданіе и вѣра въ силу всеосвершающаго Духа. „Азъ насадихъ, говоритъ апостолъ Павелъ Аполлосъ напои, Богъ же возрасти. Тѣмъже ни насаждаютъ есть что, ни напоаяй, но возвращаяй Богъ (1 Кор. 3, 6—7).

Заставить расти никого и ничто нельзя; никто не можетъ прибавить себѣ росту хотя бы на вершокъ, не можетъ этого сдѣлать и для растенія. А потому со стороны человѣка всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы поставить нашу душу въ такія условія, при которыхъ она могла бы свободно, легко и безпрепятственно имѣть общеніе съ Богомъ и возрасти духовно. Какія же эти *условія*?

Для лучшаго уясненія этого важнѣйшаго момента религіозной жизни Друммондъ прибѣгъ къ прекраснѣйшему и убѣдительному сравненію. Рѣчи его и вообще изобилуютъ удачными сравненіями, прекрасно иллюстрирующими его мысли, но данное сравненіе мы находимъ самымъ удачнымъ. Онъ говоритъ: припомните, какъ поступаетъ астрономъ, желая сфотографировать спектръ какого-нибудь свѣтила. Войдя подъ темный сводъ обсерваторіи, онъ первымъ дѣломъ зажигаетъ свѣчу, для того, чтобы при ея свѣтѣ установить инструментъ, при помощи коего можно бы увидѣть

звѣзду. При свѣтѣ свѣчи устанавливается зрительная труба, вкладывается въ аппаратъ пластинка. Вся эта подготовительная работа очень продолжительна, очень утомительна и кропотлива. Установивъ инструментъ и вложивъ въ него пластинку, астрономъ задуваетъ свѣчу. Она больше не нужна, ибо снимокъ дѣлаетъ звѣзда сама. Подобнымъ же образомъ, продолжаетъ Друммондъ, и христіанинъ долженъ ежедневно приводить свой душевный механизмъ въ полное, необходимое для воспріятія Божьяго отображенія. Сдѣлавъ это, онъ ~~можетъ~~ задувъ свою свѣчу. Всѣ приведшіе его къ этому состоянію внѣшніе ~~виды~~ поклоненія, всѣ вспомогательныя средства Церкви (молитва, ~~обряды~~) могутъ быть отодвинуты на второй планъ въ этотъ торжественный и важнѣйшій моментъ общенія души съ Богомъ. Но ~~только~~ на этотъ моментъ. „Мудръ тотъ, добавляетъ Друммондъ, кто быстро опять зажигаетъ свѣчу; *мудре же всѣхъ тотъ, кто никогда ее не тушитъ*“. Какъ знать, чрезъ минуту же его бѣдной, омраченной душѣ можетъ снова понадобится поправка для лучшаго воспріятія Божественнаго Образа; явится необходимость смахнуть пылъ со стекла, вытеретьъ зеркало, отпотѣвшее отъ коснувшася его дыханія жизни. Миръ находится въ постоянномъ движеніи, поэтому и душѣ ежечасно приходится передвигаться, перемѣнять свою установку, чтобы небесная звѣзда постоянно въ ней отражалась. „Слѣдовать Христу“—означаетъ постоянно держать свою душу въ положеніи прямо противъ отражаемаго. Это неослабное укрѣпленіе способностей души при всякихъ превратностяхъ и составляетъ задачу воли.

Отсюда до очевидности ясно, что *дѣло освященія* нашего *есть дѣло постоянное и безпрерывное, дѣло всей нашей жизни*. Созданіе въ насъ новаго сердца есть дѣло всемогущества Божія. Отъ насъ же требуется подвигъ, ибо требуется не только многому учиться, но и отъ многого отвыкать. „Вотъ почему, говоритъ Друммондъ, школа эта особенно трудна для тѣхъ, кто вступаетъ въ нее, когда способности къ ученію на половину утрачены, и развитіе характера уже приняло свое роковое направленіе. *Въ 50 лѣтъ трудно научиться ариметикѣ, тѣмъ труднѣе усвоить христіанство*“. Научиться кротости и смиренію для того, кому они не внушались съ ранняго возраста, будетъ стоить очень дорого“.—Кажется

не трудно понять, къ кому изъ современныхъ намъ лжеучителей эти послѣднія слова могутъ имѣть поучительное примѣненіе. Намъ торжественно и съ гордостію было объявлено, что вотъ *болше года* нѣкто изучалъ всѣ христіанскія истины и *цѣлый годъ* соблюдалъ всѣ обряды Церкви, и ничего изъ этого не вышло, а получилось убѣжденіе, что все это суевѣріе и даже колдовство. Сейчасъ мы видѣли даже изъ словъ иновѣрца, къ чему должны приводить и **дѣйствительно** приводить **эти обряды**, насколько они необходимы и **неизбѣжны** въ дѣлѣ религіознаго общенія съ Богомъ.

Отчего же происходитъ это различіе взглядовъ, отчего источникъ воды живой не утоляетъ иногда жажды къ нему приходящихъ? Отъ недостатка въ людяхъ смиренія и терпѣнія, отъ гордости духовной и самомнѣнія. Великій и талантливый писатель нашъ вообразилъ, что въ дѣлѣ религіи достаточно одного знанія; онъ ознакомился съ обрядами и думалъ, что дѣло возрожденія окончено. Грубое заблужденіе. „Не думайте, говорить такимъ скороспѣлымъ богословамъ Друммондъ, не думайте, что одно знаніе способа уже обезпечиваетъ и результаты его примѣненія. Это похоже на то, какъ если бы купившій поваренную книгу думалъ ея удовлетворить свой голодъ“. Тысячи людей идутъ каждое воскресенье въ церковь въ надеждѣ открыть тайну общенія съ Богомъ. Присутствуя въ церкви, сколько разъ считали они себя близкими къ разрѣшенію этой загадки—и каждый разъ напрасно. Какъ часто, сидя надъ духовными книгами, они думали, что вотъ-вотъ не въ этой, такъ въ слѣдующей главѣ откроется искомое ими, но все оставалось по старому. Страницы книгъ прочитывались, а тайна все оставалась тайною до конца. Почему же они не нашли? Потому, что въ нихъ самихъ не было того, чего они искали. Потому, что освященіе наше заключается въ характеръ, а не въ настроенія; божественность должна обнаруживаться во *всей* нашей повседневной *жизни*, и, слѣдовательно, это дѣло длящееся, а не одного года. Друммондъ порицаетъ тѣхъ, которые настолько нетерпѣливы въ дѣлахъ вѣры, что, не имѣя немедленнаго и видимаго успѣха, впадаютъ въ уныніе и искушеніе бросить начатое и испробовать другой способъ. Осуждая такихъ людей, Друммондъ прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію.

Фотографъ знаетъ, что можетъ дѣлать снимки съ негатива только тогда, когда свѣтитъ на него солнце. Если же онъ безпрестанно будетъ наблюдать, какъ проявляется изображеніе, то онъ только помѣшаетъ проявленію. Коль скоро душа предоставлена воздѣйствію на нее божественнаго свѣта, уже ничто стороннее не въ состояніи ускорить ея освященіе; предоставьте все всемогущему Богу, а, вмѣшиваясь своимъ наблюденіемъ, можете уничтожить начавшееся настроеніе. Это, къ прискорбію, и случилось съ нашимъ талантливимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ писателемъ. Не отдавшись искренно и всѣмъ сердцемъ дѣлу вѣры и не дождавшись терпѣливо плодовъ общенія съ Богомъ, онъ возропталъ гордо на Бога, что Онъ не сотворилъ для него быстро и чудеснаго превращенія его въ ангела. Ибо ясно, что онъ вошелъ въ храмъ не мытаремъ, а фари́сеемъ; не съ цѣлію учиться, а учить, не послужить всѣмъ, но да послужать ему. Онъ усомнился въ силѣ Духа Божія, а такой человекъ, по апостолу, и не можетъ надѣяться что-либо получить отъ Бога (Іак. 1 гл. 7 ст.), ибо мы видѣли выше, что для полученія чего-либо отъ Бога требуется нашъ постоянный подвигъ, подвигъ *цѣлой нашей жизни*. Прекрасное наставленіе даетъ Друммондъ такимъ нетерпѣливымъ искателямъ плодовъ зимю.

„Не въ благоговѣнномъ созерцаніи, говоритъ онъ, а въ живой и серьезной работѣ заключается истинная религія; не въ сферахъ воображенія, а въ сѣрой дѣйствительности совершается истинная жизнь; не въ области идеаловъ, а среди осязаемыхъ вещей вырабатывается освященіе человѣка. Твердая рѣшимость, настойчивость, *упорный и тяжелый трудъ, саморастинаніе, борьба до послѣдняго издыханія*—все это въ дѣлѣ освященія имѣетъ первѣйшее значеніе. Все это нужно для того, чтобы возбуждать косную нашу душу къ дѣятельности, направлять ее туда, гдѣ бы могли дѣйствовать на нее духовныя силы. Созидающійся въ насъ образъ Христа долженъ быть единственной задачей нашей жизни. Ради нея всѣ другія цѣли должны отходить на второй планъ. Время здѣсь ни при чемъ, одно оно не можетъ измѣнить насъ. Это возможно только Христу. Поэтому „облекайтесь во Христа“ и отъ Него, отъ одного Его ждите плодовъ духовныхъ“.

Такъ сильно, такъ мѣтко и православно-вѣрно иновѣрецъ

вразумляетъ православнаго. Профессоръ физики даетъ урокъ вѣры великому, но заблудившемуся писателю. Свидѣтельство Друммонда въ глазахъ нашего писателя-вѣроучителя должно имѣть особую важность, ибо это человѣкъ одного съ нимъ класса, одной ученой среды, это человѣкъ науки, и притомъ какой науки? естественной, о приверженцахъ коей со времени Дарвина мы привыкли думать, какъ о противникахъ всякой религіи и всякаго богопознанія. Но времена измѣнились. И мы видимъ, что тотъ, кто надъ своими сочиненіями выставляетъ слова Христа, является яримъ Его отрицателемъ, а преемники по профессіи отрицателя Бога являются Его вѣрными проповѣдниками. Ищущіе чудесъ только не стараются замѣчать ихъ. И въ наше время Савлы обращаются въ Павловъ, хотя съ другой стороны, къ прискорбію, и среди насъ возстаютъ Юліаны. Причина ихъ появленія указана давно и заключается въ томъ, что только истинное знаніе приводитъ къ Богу.

А потому мы, не смущаясь ложными ученіями тѣхъ, которые говорятъ о томъ, чего не видѣли „безъ ума дмяся отъ ума плоти своея“ (Колос. 2, 18), будемъ, по завѣту апостола, продолжать „творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, хваляще и благодаряще Бога во псалмѣхъ и пѣніяхъ, и пѣснѣхъ духовныхъ“.

Въ этомъ мы видимъ единственное средство общенія съ своимъ Создателемъ и цѣль нашей жизни. Такъ на это, какъ мы видѣли, смотрятъ и люди науки, такъ же смотрятъ и лучшіе служители чистой поэзіи. Одинъ изъ нихъ такъ выражается о призваніи поэта:

Съ иною силою онъ друженъ;
Въ его груди пылаетъ жаръ,
Которымъ зиждется созданье.
Служить Говоритъ—ею призванье.

Говоря далѣе о томъ, какія ему воспѣть дѣла, какія битвы или войны, поэтъ отвѣчаетъ:

Не въ вѣнцѣ сіяетъ Онъ,
Къ Кому душа моя стремится,
Не блескомъ славы окружень,
Не на звенящей колесницѣ,

Не въ торжествѣ величья—нѣтъ,
 Я зрю Его передо мною
 Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ;
 Онъ тихо, мирною стезею,
 Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ,
 Благихъ рѣчей своихъ отраду
 Въ сердца простыя Онъ лѣтъ:
 Онъ правды алчущее стадо
 Къ ея Источнику ведетъ.

Эта картина земной жизни Спасителя такъ воодушевляетъ поэта, что онъ съ грустью изливаетъ свои чувства въ такихъ словахъ:

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
 Когда межъ нами, во плоти,
 Неся мучительное бремя
 Онъ шелъ на жизненномъ пути,
 Зачѣмъ я не могу нести,
 О, мой Господь, Твои оковы,
 Твоимъ страданіемъ страдать
 И крестъ на плечи Твой пріять
 И на главу вѣнецъ терновый.
 О, еслибъ могъ я лобызать
 Лишь край святой Твоей одежды,
 Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ,
 О, мой Господь, моя надежда,
 Моя и сила и покровъ;
 Тебѣ хочу я всё мышленья,
 Тебѣ всёхъ пѣсней благодать,
 И думы дня, и ночи бѣдня
 И сердца каждое біеніе,
 И душу всю мою отдать.

Прочтя эти восторженные слова, можно подумать, что ихъ писало лицо духовное, и даже какой-нибудь отшельникъ. Нѣтъ, это писалъ человѣкъ свѣтскій, графъ А. Толстой, но, очевидно, истинно вѣрующій христіанинъ, который „своихъ всю бодрость силъ, и мысли всё, и всё свои стремленья одной лишь цѣди посвятилъ, хвалить Творца и славить въ пѣснопѣньи“. Не хула на Творца, вложившаго въ насъ драгоценный даръ слова, и не дерзкій вызовъ на бой со всёмъ святымъ и чистымъ; нѣтъ, съ притрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой. во имя Божье онъ выходитъ на бой со всёмъ, что не право и ложно. А потому вотъ вѣчная задача поэта: „хвалить Того, Кого хвалить въ своемъ глаголѣ не

перестануть никогда ни каждая былинка въ полѣ, ни въ небѣ каждая звѣзда“. Итакъ, и въ нашемъ станѣ есть, хотя уже умершій, свой графъ Толстой; послѣдуемъ его призыву и будемъ посвящать Богу всѣ наши мысленія и думы дня, и ночи бдѣнья, и сердца каждое биенье.

Но если бы кто и пожелалъ послѣдовать графу Льву Толстому, то прежде всего столкнулся бы съ неразрѣшимымъ вопросомъ: чему же именно слѣдовать? что даетъ его ученіе взамѣнъ имѣющихся въ православной Церкви религіозныхъ утѣшеній? Какъ и чѣмъ совѣтуетъ онъ приводить души въ такое настроеніе, чтобы его послѣдователямъ храмомъ сдѣлаться Духа Божія? На всѣ эти вопросы духовной жизни у него отвѣтовъ нѣтъ. Стараясь разбить и уничтожить все старое, святое, онъ взамѣнъ того не даетъ ничего. Обычая все прежнее суевѣріемъ, какое же онъ даетъ правовѣріе? На всѣ эти и другіе важные вопросы мы отвѣтовъ не слышимъ. Въ-мѣсто религіи осталось одно пустое мѣсто, или, какъ выражается философъ В. Соловьевъ, одна „дыра“. Онъ сравниваетъ предлагаемую Л. Толстымъ религію съ религіею такъ называемыхъ „дыромоляевъ“¹⁾ и находитъ между ними много общаго, и даже болѣе того, считаетъ „толстовство“ какъ бы продолженіемъ „дыромоляйства“. Ибо какъ тѣ, такъ и другіе вѣруютъ въ пустоту, такъ какъ толстовцы отвергли Христа и Евангеліе, однако называютъ себя христіанами. „Но, говоритъ Соловьевъ, христіанство безъ Христа и Евангеліе безъ вѣры въ воскресеніе есть пустое мѣсто, какъ и дыра въ стѣнѣ“. „Обо всемъ этомъ можно бы и не говорить, добавляетъ Соловьевъ, если бы надъ этой дырой не ставилось поддѣльнаго христіанскаго флага, соблазняющаго и сбивающаго съ толку множество малыхъ сихъ. Когда люди, отвергнувъ Христа, продолжаютъ называть себя истинными христіанами и проповѣдь своего пустого мѣста прикрывать переименованными евангельскими словами, заражая систематическою ложью нравственную атмосферу, тогда общественная совѣсть громко требуетъ, чтобы дурное дѣло было названо своимъ настоящимъ именемъ, ибо *обманъ этотъ не имѣетъ извиненія*“. Такъ открыто и ясно бичуетъ лжеученіе Л. Толстого ученѣйшій

¹⁾ Послѣдователи этой секты, просверливъ въ стѣнѣ своей избы дыру и приложивъ къ ней губы, повторяютъ много разъ: „изба моя, дыра моя, спаси меня“.

философъ В. Соловьевъ въ своей небольшой книжечкѣ, вышедшей въ 1900 г. подъ названіемъ „Три разговора“. Чтобы держать себя добросовѣстно, продолжаетъ авторъ (въ предисловіи), отъ проповѣдниковъ пустоты требовалось только одно—умалчивать объ І. Христѣ, игнорировать Его. Но они предпочитаютъ *наружно* примыкать къ Христову Евангелію. Вотъ чѣмъ особенно и былъ возмущенъ В. Соловьевъ, и вотъ что побудило его написать дѣйствительно ѣдкую сатиру на толстовство, чтобы дать почувствовать иной обманувшейся, но живой душѣ всю нравственную фальшь этого мертвящаго ученія. И дѣйствительно, прочтя означенную книжку, всякій убѣдится и въ бессодержательности толстовскаго лжеученія, и въ логическихъ противорѣчіяхъ онаго. Разборъ толстовства навелъ автора на мысль объ антихристѣ, который будетъ говорить „громкія и высокія слова“ и набросить блестящій покровъ добра и правды на тайну крайняго беззаконія, чтобы, по слову Писанія, „даже и избранныхъ, если возможно, соблазнить“. Показать заранѣе эту личину, подъ которой скрывается злая бездна, было моимъ высшимъ замысломъ, когда я писалъ эту книжку“. Такъ заключаетъ авторъ свое предисловіе, и всякій, прочтя эту книжку, скажетъ, что цѣль эта авторомъ достигнута, и всякій пожелаетъ ему вѣчнаго покоя за доставленіе успокоенія истинно вѣрующимъ православнымъ христіанамъ.

„Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явленіи бывають въ васъ“, говоритъ апостоль Павелъ коринѣскимъ христіанамъ (1-е посл. 11, 19). Такъ мы должны смотрѣть и на ересь нашего времени. Если Господь допустилъ явиться Юліану, то Онъ же воздвигнетъ и Петра—горячаго ревнителя православія. „Истина Христова воскресенія, говоритъ Соловьевъ въ одномъ своемъ письмѣ, есть истина всецѣлая, полная—не только истина вѣры, но также и истина *разума*. Если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каіафа оказался правымъ, а Иродъ и Пилать мудрыми, міръ оказался бы бессмыслицею, царствомъ зла, обмана и смерти“. По поводу же упрековъ, посылаемыхъ христіанству, въ томъ, что оно требуетъ безусловной вѣры въ свои истины,—Соловьевъ указываетъ на одобряемое самимъ Евангеліемъ „добросовѣстное невѣріе“, проявившееся въ лицѣ апостола *Томы*. Это невѣріе, жаждущее полного и окончательнаго удостовѣ-

ренія въ истинѣ, нужно отличить отъ невѣрія лукаваго, сознательно злоупотребляющаго разными полуистинами изъ враждебнаго страха предъ полною истиною. „За эту змѣю, говоритъ Соловьевъ, необходимо слѣдить, раскрывая всѣ ея ухищренныя извороты“, что онъ и сдѣлалъ блестяще.

Говорятъ: „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче“. Подтвержденіе этой истины мы видимъ здѣсь. Вотъ ступилась вѣкъ Церкви православной ночь, и засіяли ея великія свѣтила, архіепископы: Никаноръ Херсонскій и Амвросій Харьковскій, первые мужественные поборники вѣры Христовой и изобличители ереси новой. По волѣ Всевѣдущаго Господа почили они, оставивъ въ наученіе наше писанія свои. Но мы знаемъ, что Господь не преминетъ возставить на защиту Церкви иныхъ, сильныхъ словомъ и дѣломъ, ибо Онъ силенъ, и по слову Его не только люди, но и камни возошють. Не будемъ же страшиться тьмы, ибо Самъ Законоположникъ нашей Церкви „во тьмѣ свѣтитъ и тьма Его не объять“.

Міранинъ,

Крещеніе у столичныхъ пашковцевъ.

В одной изъ окрестностей Петербурга, у небольшого домика, освѣщеннаго теплымъ августовскимъ солнцемъ стоялъ мужчина средняго роста и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, шепталъ слова молитвы: *Величаемъ Тя, Жизнодавче Христе, и чтимъ Крестъ Твой святыи..*

Изъ города доносился протяжный церковной благовѣсть, приглашавшій православныхъ къ ранней литургіи. „Василій,— ты, я вижу, къ обѣдни направляешься“,—проговорилъ мужчина высокаго роста, быстро подходя къ стоявшему.—Да!—отвѣтилъ тотъ.—„Въ слѣдующее воскресенье сходишь, а сейчасъ не желаешь ли пойти со мной на крестины?“—„На какія крестины?“—спросилъ удивленно Василій.—„На пашковскія“,—смѣясь отвѣтилъ пришедшій,—„но скорѣе, некогда, идемъ на станцію!“ и, не дожидаясь отвѣта, онъ взялъ Василія за руку и потащилъ его за собою, говоря: „иди, иди; будетъ интересно, а впереди, можетъ быть, не выпадеть больше случая видѣть“. Василій неохотно повиновался товарищу.

Они скоро дошли до вокзала и, выйдя на платформу, сѣли на ближайшую скамейку.—„Но гдѣ же будутъ крестить?“—недовольномъ тономъ спросилъ Василій товарища.—„Подожди: сейчасъ восемь часовъ, и скоро должны сюда прибыть тѣ, кто намъ нуженъ. А вотъ гляди!“—толкнулъ онъ Василія, указывая ему на входившую на платформу женскую фигуру въ англійскомъ плащѣ.—„Чего же глядитъ эта женщина? Она—англичанка?“—спросилъ Василій.—„Тише, услышитъ!“—Между тѣмъ женщина въ англійскомъ плащѣ вошла на платформу, окинула ее спокойнымъ быстрымъ взглядомъ и, убѣдясь, что еще нѣтъ того, кто ей нуженъ, пошла къ концу платформы.—„Вотъ видишь,—шепталъ Василію товарищъ,—ее сегодня и будутъ крестить“.—„Какъ крестить?! развѣ она—жидовка?“—спросилъ

Василій.—„Нѣтъ, она—русская“.—„Такъ зачѣмъ же ее крестить? если она—русская, то значить крещена. Она—православная?“—„Да, православная“.—„Такъ въ какую же вѣру она будетъ креститься?“—удивленно спросилъ Василій.—„А теперь ее окрестятъ въ евангелическую вѣру“.—„Какъ?“—привскочивъ на скамейкѣ, спросилъ Василій,—какъ же она теперь будетъ называться?“—„Сейчасъ она еще называется православною, а послѣ перекрещиванія будетъ называть себя *евангельской вѣрой*“.—„Да развѣ это—возможно? Вѣдь съ нея и Богъ, и законъ царскій строго взыщутъ, какъ съ отступница отъ истинной вѣры православной. Вѣдь она—отступница?“—„Да!“—произнесъ товарищъ.—„Но знаетъ ли она, что дѣлаетъ?“—безпокойно спрашивалъ Василій.—„Все знаетъ“,—отвѣтилъ товарищъ,—„но тише, куда идетъ“.—„Отступница“ подходила къ нимъ и спокойно смотрѣла на всѣ встрѣчающіеся ей предметы; вдругъ она улыбнулась и быстро пошла влѣво.—„Куда она направилась?“—„Сиди здѣсь, а я стану за вагонъ, иначе они меня узнаютъ“,—и товарищъ Василія скрылся за стоящій близъ скамейки вагонъ. Отступница весело подошла къ вошедшему на платформу мужчинѣ съ небольшой сумочкой въ лѣвой рукѣ и, подавая ему руку, безопасно произнесла: „еще никого нѣтъ“.—„Будутъ!—какъ-то нерѣшительно и озираясь кругомъ проговорилъ вошедшій, и они пошли по платформѣ; отступница спокойно говорила и смотрѣла на бывшую на платформѣ публику, а господинъ съ сумочкой въ рукѣ нервно и отрывисто давалъ отвѣты и подозрительно осматривалъ cadaго проходившаго на платформѣ. Онъ имѣлъ растерянный видъ преступника, который сейчасъ готовится совершить тяжкое преступленіе и въ то же время боится, а нѣтъ ли здѣсь людей, знающихъ о его замыслахъ и поэтому могущихъ схватить его.“—„Кто это?“—спросилъ Василій товарища.—„Это—ихній *помъ*“.—„Какъ *помъ*? Да у него видъ такого же мірянина, какъ и мы съ тобой“.—„Да онъ такой и есть, но только избранъ обществомъ *въ помъ*: вотъ онъ-то и будетъ ее крестить“.—„Почему онъ озирается по сторонамъ, какъ заяцъ въ лѣсу, учуявшій присутствіе человѣка?“—„Будешь бояться, когда знаешь, что дѣлаешь незаконное, за что строго могутъ взыскать по суду, строже, чѣмъ съ нея; поэтому то у нихъ никто и не говоритъ о своемъ крещеніи, нельзя и добиться

какихъ-либо свѣдѣній отъ нихъ объ этомъ таинствѣ“.—„Ему то по дѣломъ: не перекрещиваѣ“,—сердито сказалъ Василій.— „Нѣтъ!“—сказалъ товарищъ Василію,—„я на нихъ смотрю, какъ на жертвы, запутавшіяся въ эту проклятую паутину гнусныхъ обманщиковъ; разъ ты попадешь въ этотъ омутъ, то уже будешь не въ силахъ выкарабкаться изъ него, долженъ служить имъ и не имѣешь возможности отказаться исполнить то, что тебѣ поручаютъ“.—„Что же онъ у нихъ—одинъ?“—„Нѣтъ, не одинъ“.

— „Поѣдемъ или будемъ ждать?—спросилъ *попъ* отступницу,—„уже скоро девять часовъ“, — и онъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на нее.

— „Вы говорите, что *они* должны быть“,—сказала отступница.

— „Но они могутъ пріѣхать съ того вокзала“,—пытливо глядя въ глаза отступницѣ, сказалъ *попъ*. „Такъ поѣдѣте“,—безпечно сказала отступница, и быстро вскочила въ вагонъ; *попъ* послѣдовалъ за ней. Василій усѣлся на скамью противъ отступницы, спутникъ которой все безпокойно посматривалъ то на часы, то на платформу, то на саму отступницу, какъ бы боясь, что она раздумаетъ и выйдетъ изъ вагона; онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана листокъ отъ календаря и подаль его отступницѣ. Та прочитала листокъ и, возвращая его обратно, сказала: „Да, немало такихъ позднихъ сожалѣній; поздно ему работать для неба: потрудился для ада, туда и пошелъ“.—„Да“,—сказалъ довольный ея словами *попъ*.—„крышка накрыта, теперь все уже кончено; надо торопиться, пока еще свободны“,—съ нѣжной улыбкой добавилъ онъ. Заглавіе этого листка гласило „*Запоздавшій*“. Между тѣмъ послышался свистокъ отходившаго поѣзда; „ѣдемъ!“—радостно произнесъ *попъ*. Поѣздъ тронулся. Во всю дорогу *попъ* занималъ свою спутницу, рассказывалъ ей о лѣсахъ и поляхъ, какъ бы желая отвлечь ея вниманіе отъ мысли о предстоящемъ крещеніи. Скоро поѣздъ приблизился къ станціи. Всѣ вышли.

— „Никого еще нѣтъ“,—сказалъ *попъ*, отворачиваясь отъ отступницы.—„Что же намъ дѣлать?“—спросила она.— „Вы побудьте здѣсь, а я пойду: они съ того вокзала должны пріѣхать“.

Минуты черезъ двѣ креститель возвратился и, не глядя

на отступницу, сказалъ: «никого нѣтъ». — „Будемъ ждать“, — спокойно сказала она.

— „Кого они ждуть?“ — спросилъ Василій товарища. — „Никого: онъ ей вретъ. При перекрещиваніи у нихъ никого не бываетъ; они другъ отъ друга это скрываютъ“. — „Почему же?“ — „А чтобы на случай суда не было свидѣтелей совершенія этого акта“. — «Зачѣмъ же они его совершаютъ?» „Это таинство пашковцы не считаютъ необходимымъ; но многіе православные указываютъ имъ на слова Спасителя: *если не будете пить плоти Сына человеческого и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни* (Іоан. VI, 53). Допустить такихъ православныхъ прямо на собранія, гдѣ совершается *чаша и преломленіе*, они опасаются: вдругъ православный возьметъ да и скажетъ объ этомъ собраніи, кому не слѣдуетъ; какъ разъ и пострадаешь. Вотъ они предварительно и накидываютъ новичку изъ православныхъ уздечку, — покрѣпче привязываютъ къ сектѣ вторичнымъ крещеніемъ его въ водѣ; за этакого они уже спокойны; если онъ позволилъ себя вторично перекрестить въ водѣ, то, значить, уже навсегда простился съ православною Церковью и не будетъ измѣнять и рассказывать о тайныхъ собраніяхъ сектантовъ. Вотъ почему немногіе и только послѣ долгаго испытанія допускаются до этихъ обрядовъ (т. е. крещенія и чаши). Впрочемъ, на кого имѣется надежда, что онъ будетъ вѣрно служить сектантской общинѣ, то такого человѣка сами же сектанты наталкиваютъ на эти акты, дабы онъ скорѣе приступилъ къ нимъ; на собраніяхъ, гдѣ бываетъ *преломленіе*, льются свободныя рѣчи о замыслахъ сектантовъ, пускаются въ ходъ различныя клеветы о православныхъ пастыряхъ и миссіонерахъ, даются порученія по дѣламъ сектантской общины и т. п.“

— „Тогда зачѣмъ же они ее крестятъ, если ее можно было допустить и безъ этого *до преломленія*?“ — „Ей было предложено принять участіе въ *преломленіи*, но она сама пожелала сначала *перекреститься*“. — „Да зачѣмъ же?“ — «А вѣроятно, хочетъ знать, каково *пашковское купанье*». Ты видишь, у нея никакого чувства не просвѣчивается.

— „Что же намъ дѣлать?“ — спросилъ между тѣмъ *попъ* свою спутницу. — «Они не могли раньше насъ прибыть?» — безопасно спросила она. — „Съ того вокзала могли“, — сказалъ онъ, от-

ворачиваясь отъ нея, какъ бы боясь встрѣтить ея спокойно-проницательный взглядъ. — «Ну, если они обѣщали быть здѣсь, то надо ждать». — «Нѣтъ, такого обѣщанія не было», — поспѣшилъ заявить *попъ*. «Въ такомъ разѣ легко можетъ случиться, что они уже ждуть насъ тамъ?» «И такъ можетъ быть», — сказала *попъ*. — «Такъ что мы будемъ ждать ихъ здѣсь, а они — насъ тамъ?» — смѣясь, сказала отступница. — «Въ такомъ случаѣ пойдѣте», — нерѣшительно, сердитымъ тономъ сказалъ креститель. «Пойдѣте!» — рѣшительно сказала она, и наша пара направилась въ лѣсъ.

— «Вотъ безстрашная», — сказалъ Василій. — «А она, вѣроятно, держится русской пословицы, что *если волковъ бояться, то и въ лѣсъ нельзя ходить*», — сказалъ улыбаясь товарищъ. — «А далеко имъ идти?» — спросилъ Василій. — «Да часа два слишкомъ, если идти скорымъ шагомъ. Намъ за ними нельзя слѣдовать, а посмотрѣть очень вѣдь любопытно во всѣхъ отношеніяхъ, пойдѣте вправо; придется прыгать по кочкамъ и вязнуть въ пескѣ, за то мы раньше ихъ поспѣемъ къ забору, перейдемъ пески и скроемся отъ ихъ глазъ». Любознательные заговорщики соглядатаи перешли пески и, войдя во второй лѣсъ, сѣли отдыхать. — «А вотъ и они», — сказалъ товарищъ Василю, — «пойдѣте вправо на ту сторону рѣчки: тамъ лѣсъ гуще, и они насъ не замѣтятъ, хотя и будутъ близко къ намъ». «Вотъ и мѣсто собранія», — громко произнесла отступница, — «только никого еще нѣтъ» — «Будутъ», — сказалъ *попъ*, и онъ пошелъ впереди отступницы по берегу рѣчки; перейдя рѣчку, они поднялись въ лѣсъ; остановившись на небольшой полянкѣ, *попъ* сказалъ отступницѣ: «здѣсь можно отдохнуть; вы посидите, а я сейчасъ приду», — и онъ скрылся въ лѣсной чащѣ; отступница начала осматривать лѣсъ и рѣчку, а потомъ устремила свои глаза на чистое голубое небо.

— «Что она звѣзды на небѣ считаетъ?» — сказалъ Василій. — «Молится. Развѣ ты не видишь?» — отвѣтилъ товарищъ. — «Почему же она не крестится?».

— «У нихъ нѣтъ креста: они креста бояться, какъ бѣсы. Ты видѣлъ въ оперѣ «Демонъ», какъ демонъ дрожитъ, видя крестъ на храмѣ монастыря; такъ и многіе изъ нихъ при видѣ креста дрожатъ, блѣднѣютъ и трясутся», — сказалъ товарищъ. — «Почему же они на небо глядятъ молча, когда

молятся?»—спросилъ Василій. «Нѣтъ,—они когда молятся, то наклоняють головы и закрываютъ лице руками». «Какъ мало здѣсь воды»,—сказалъ появившійся *попъ*.—«Да, рѣчка очень мелкая»,—отвѣтила отступница. Въ это время послышался звонъ церковнаго колокола; повидимому, селеніе было близко.

— «Вы были вчера у А.»—спросилъ попъ отступницу.— «Да»,—отвѣтила она.— «Видѣлись съ К.»— снова спросилъ онъ.— «Да!»— «Говорили съ нимъ?»— «Говорила и молилась».— «Такъ и должно быть»,—сказалъ попъ и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: «уже 12».— «Будемъ ждать»,—сказала отступница,— «кто-нибудь да придетъ».— «Тѣ, которые должны были быть, уже не будутъ; а другіе могутъ только помѣшать намъ въ исполненіи нашего дѣла. Вы побудьте здѣсь, а я еще посмотрю, нѣтъ ли кого»,—и онъ снова скрылся въ лѣсной чащѣ. Спустя минутъ пять, онъ подошелъ къ отступницѣ.— «Никого нѣтъ. Больше ждать не будемъ, а пойдемте и одни исполнимъ то дѣло, ради котораго мы сюда пріѣхали», сказалъ попъ, безпокойно глядя на отступницу, какъ бы боясь получить отказъ.

— «Пойдемте»,—сказала та съ нѣкоторымъ недовольствомъ.

Дойдя до густого дерева, находившагося у самаго спуска въ рѣчку, попъ остановился. «Вотъ тутъ гораздо больше воды»,—сказалъ онъ,— «остановимся здѣсь».

— «Вамъ сказалъ К., зачѣмъ вы сегодня сюда ѣдите?»—спросилъ попъ отступницу.— «Да!»—отвѣтила послѣдняя.

„Такъ приступимъ же“, умоляюще проговорилъ креститель и, вынувъ изъ кармана небольшое Евангеліе, началъ читать 3-ю главу Евангелія отъ Матѳея, начиная съ 13-го стиха.

— „Итакъ вы пришли сюда исполнить эту правду?“—спросилъ онъ отступницу, пристально глядя ей въ глаза.

— „Да!“—отвѣтила она равнодушно. „Попросимъ же благословія на это дѣло!“—и, опустивъ голову, мнимый пресвитеръ началъ такъ молиться: „Господи! благодарю Тебя, что Ты искупилъ насъ и омылъ Своею кровію, что Ты страдалъ за наши грѣхи, что Ты оставилъ намъ Свое слово и заповѣдь Твою, которую Ты открылъ исполнить (онъ назвалъ имя отступницы), благослови ее исполнить эту заповѣдь и всякую правду и меня благослови исполнить надъ

ней эту Твою заповѣдь (онъ снова произнесъ имя отступницы). Аминь!“

— „Господи,—въ свою очередь заговорила отступница,—благодарю Тебя за мое искупленіе, за прощеніе всего, что было сдѣлано мною противъ Твоей воли,—за то, что Ты открылъ мнѣ заповѣдь Твою, которую надлежитъ мнѣ исполнить, благослови меня для исполненія Твоей святой воли и всякой правды, также благослови и брата, которому Ты поручилъ исполнить надо мной эту заповѣдь. Аминь!“ — «Аминь!»—закрѣпилъ *понт.*—«Теперь будемъ готовиться къ погруженію»,—сказалъ онъ.—«Вы готовьтесь здѣсь, а я буду на той сторонѣ»,—и *понт.* зашелъ за дерево.

— «Что готовы?»—спросилъ онъ черезъ нѣкоторое время.— «Да!»—сказала отступница.—«Спускайтесь же къ рѣкѣ»,—сказалъ *понт.* и, приблизившись къ отступницѣ, подалъ ей руку; затѣмъ оба они, ступивъ въ воду, пошли на средину рѣки.

— «Смотри, смотри, да они въ одинаковыхъ сарафанахъ»,—удивленно проговорилъ Василій.—«Въ этихъ сарафанахъ они будутъ положены и въ гробъ»,—отвѣтилъ товарищъ.—«Дошли»,—сказалъ, останавливаясь, *понт.* и положилъ при этомъ свою правую руку подъ спину отступницы, а лѣвую на ея грудь. «Ну, теперь довѣрьтесь мнѣ; я сейчасъ васъ погружу»,—пробормоталъ онъ и, положивъ ее навзничъ, опустилъ весь ея корпусъ въ рѣчку, потомъ плеснулъ ей на голову водой и сказалъ: «я крещу (*понт.* произнесъ имя отступницы) во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Послѣ этой кощунственной церемоніи лжепресвитеръ поднялъ отступницу и повелъ ее за руку на берегъ.

— «А дѣтей они тоже крестятъ въ рѣчкѣ?» спросилъ Василій.— «Дѣтей они совсѣмъ не крестятъ»,—отвѣтилъ товарищъ.— «Слѣдовательно, дѣти у нихъ не христіане? Что же будетъ съ ними, если они умрутъ въ дѣтскомъ возрастѣ?»—спросилъ Василій.— «А вотъ разсуди самъ: Господь Иисусъ Христосъ говоритъ, что *никто не приходитъ къ Отцу, какъ только черезъ Меня* (Іоан. XIV, 6), и *кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе* (Іоан. III, 5); а потому дѣти ихъ въ царство небесное войти не могутъ, такъ какъ отцы преградили имъ путь къ этому царству.

Спаситель сказалъ апостоламъ: *пустите дѣтей приходити ко Мнѣ* (Лук. XVIII, 16); эти слова ясно указываютъ на необходимость совершенія надъ дѣтьми таинства крещенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могу назвать себя русскимъ подданнымъ и германскаго императора—своимъ государемъ, если предварительно не приму на себя подданства прусскому правительству; такъ и христіаниномъ можетъ называться только тотъ, кто крестился во имя Иисуса Христа, будетъ ли крещаемый взрослымъ или дитятей. Только *крестившіеся во Христа и облакаются въ Него* (Галат. III, 27); а до тѣхъ поръ тщетна ихъ надежда быть наслѣдниками Господа,—сказалъ товарищъ.—«Слѣдовательно, они—губители многихъ челоувѣческихъ душъ?»—спросилъ Василій.—«По Евангелію выходитъ такъ»—отвѣтилъ товарищъ.

Между тѣмъ *понтъ*, одѣвшись на берегу, подошелъ къ одѣтой уже отступницѣ. — „Прочитаемъ“, — сказалъ онъ, — „4-ю главу Евангелія Матѳея съ перваго стиха“. — „Смотрите, сатана указываетъ Сыну Божію на Писанія“, — началъ *понтъ*, но вдругъ прервалъ свою рѣчь и опустилъ голову. „Почему онъ внезапно замолчалъ?“—спросилъ Василій.—„Вѣроятно, прочиталъ отвѣтъ въ глазахъ новообращенной, что и ты тоже подобенъ сатанѣ, такъ какъ ссылаешься на Писаніе,“—отвѣтилъ товарищъ.—„Сатана пытается покорить Иисуса, но Иисусъ побѣждаетъ его“, — несвязно говорилъ *понтъ*, — „такія искушенія предстоятъ и вамъ“, — продолжалъ онъ, не глядя на отступницу, — „вамъ, можетъ быть, будетъ легче, чѣмъ другимъ, — и, можетъ быть, они васъ минуютъ. Но, можетъ быть, вамъ будетъ и трудно, постарайтесь побѣдить врага, и онъ убѣжитъ отъ васъ. А теперь помолимся!“ Произнеся эти слова, *понтъ* началъ молитвенно благодарить Бога за успѣшное выполненіе Его заповѣди (перекрещиваніе), потомъ просилъ Всевышняго сохранить новообращенную отъ искушенія, отъ зла и отъ міра, просилъ благословить ее обильно Духомъ Святымъ для служенія обществу (т. е. пашковцамъ), сохранить отъ врага, просилъ облегчить новый путь, на который она вступила и которымъ должна идти, просилъ Господа вести ее по этому пути чрезъ всѣ, могущія встрѣтиться, препятствія. Молитва была закончена обычнымъ „аминь“. Отступница тоже благодарила Бога за допущеніе ея къ выполненію Господней заповѣди и просила вести ее

непоколебимо по тому пути, на который поставилъ ее самъ Господь, какъ бы ни былъ труденъ этотъ путь. По окончаніи молитвъ, *попъ* подаль ей руку.— „Поздравляю васъ, — сказалъ онъ, — теперь вы—новая тварь во Христѣ“.— Они пожали другъ другу руки и отправились въ обратный путь, пробираясь черезъ чашу лѣса.

„Куда намъ ѣхать?—спросилъ *попъ* новообращенную, — „домой или на собраніе?“ — „А куда надо, туда и везите меня“, — сказала новообращенная.— „Въ такомъ случаѣ идемъ на тотъ вокзалъ“, — сказалъ *попъ*, и они направились черезъ полотно желѣзной дороги.— „Куда онъ еще хочетъ ее везти?“ — спросилъ *Василій*.— „На собраніе. Ихъ тамъ уже ждутъ, и тамъ онъ объявитъ о ея присоединеніи“.— „Интересно было бы пробраться туда“, — сказалъ *Василій*. — „А вотъ мы сейчасъ сядемъ въ другой вагонъ, а на станціи послѣдшимъ впередъ ихъ и незамѣтно для нихъ придемъ въ собраніе. Домъ, гдѣ они сейчасъ собрались, хорошо я знаю“. Подошелъ поѣздъ, и наши пилигримы направились въ окрестности ближе къ Петербургу.

Сестра *Агніи Двинская*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поученіе начетчика-старообрядца.

(Село Паны, Наровчат. у., Пензен. г.).

Кирей Нефедовъ, богатый мужикъ въ селѣ. Его слово и на сходѣ, и вообще между крестьянами своего села авторитетъ. Односельчане у Кирея получаютъ деньжонки въ ссуду и попутно совѣтъ, какъ нужно жить на бѣломъ свѣтѣ.

Кирей издавна задѣлался раскольниковъ бѣглопоповской секты, накупивъ себѣ толстыхъ старопечатныхъ книгъ временъ первыхъ 5 патриарховъ на Руси, и погрузился въ чтеніе ихъ. И онъ скоро сталъ слытъ за начетчика въ селѣ и по окружности между старообрядцами своего толка. „Этакій разумъ Господь вселилъ въ голову Кирея Михайловича, говорили старообрядцы про него, что и уму не постижимо. Каждой строчки въ писаніи онъ дастъ разводъ, укажетъ что и къ чему... Для насъ слѣпота, а ему книги, что столбовая дорога въ городъ. Ума палата!..“ Кирей зналъ это мнѣніе о себѣ раскольниковъ и гордился имъ.

На праздники къ Кирею Нефедову собирались мужики и бабы послушать „Божье писаніе“. Усадивъ всѣхъ по давкамъ, онъ бралъ одну изъ толстыхъ книгъ, примѣрно: „Маргаритъ“, „Лимонарь“, „Никона Черныя горы“ и пр., развертывалъ ее, крестился, цѣловалъ и потомъ уже приступалъ къ чтенію самой книги. Прочитавъ 2—3 строчки, онъ уже оставливался и давалъ толкованіе прочитанному. Слушатели вздыхали, охали, нѣкоторые даже плакали, хотя ровно ничего не понимали или же понимали очень мало, потому что чтеніе было на старославянскомъ языкѣ. Кругъ возрѣній Нефедова вращался исключительно въ области обрядовъ: какими пальцами должно крестить свое лицо, и какое великое значеніе имѣеть для всякаго христіанина это крестное знаменіе; нужно ли поститься въ понедѣльникъ; справлять ли пятницы въ году предъ Рождествомъ, Троицею и др. дни; какой великій грѣхъ ѣсть раковъ (чертовы сверчки),

колбасу, зайца и пр. въ этомъ родѣ; въ какомъ обрядѣ должно стоять предъ Богомъ на молитвѣ мужчинамъ и женщинамъ, чтобы молитва дошла до Бога, къ небу и пр. и пр. Такихъ предметовъ у Нефедова былъ цѣлый лексиконъ, и онъ твердо зналъ, за какой грѣхъ и какое наказаніе положено. За чаепитіе, за кофе, табакъ, слушаніе музыки, смотрѣніе лицедѣевъ (актеровъ и паяцовъ), убранство женщинами волосъ на головѣ, вмѣсто косы и пр.—на все это у Нефедова былъ готовъ отвѣтъ, и этимъ онъ главнымъ образомъ и поучалъ своихъ слушателей въ праздники. Любовь къ Богу у него заключалась въ почитаніи старинной иконы— и то писанной своимъ же христіаниномъ, а не еретикомъ и чужой вѣры; любовь къ ближнему заключалась только въ помощи своему же единовѣрцу, остальныхъ же можно и надувать, и обманывать, ибо они еретики,—то же, что татары. Воспринимая все это наученіе Кирея, мужики и бабы благодарили потомъ Нефедова, называли его Златоустомъ, а чтобы похвала эта и благодарность не были такъ сухи, словесны, они продавали ему свои избытки дешевле, чѣмъ еретикъ, или на базарѣ. Нефедовъ все скупалъ въ селѣ, продавалъ и превращалъ собранное въ деньги. Такимъ путемъ онъ сколотилъ себѣ немало „презрѣннаго металла“, что побудило его познакомиться и съ банкомъ, и различными акціями, облигаціями и др. государственными бумагами. Но въ эти еретическія дѣла онъ не посвящалъ свою единовѣрную братію, а по прежнему читалъ имъ изъ псалма Давида „сребра своего не даждь въ лихву“. Его поученія слушали—и остатки отъ своего бюджета раскольники несли къ нему и вполне чувствовали себя довольными, что деньги ихъ пребываютъ въ цѣлости.

Подошелъ праздникъ Благовѣщенія Богородицы. Обычное собраніе у Кирея посѣлось на лавкахъ, на печкѣ, на полатяхъ, откуда, свѣсивши свои бороды, мужики и бабы внимательно слушали рѣчь своего доморощеннаго Златоуста. Тишина стояла образцовая, примѣрная, каковой мужики не держатъ даже въ церкви, когда бываютъ за богослуженіемъ.

— А вотъ какое назиданіе предложу я вамъ, братіе, сегодня,—сказалъ Кирей.—Нонѣ праздникъ—то по женской націи (Нефедовъ любилъ пустить иностранное слово, самъ наслушавшись ихъ въ городѣ, при торговлѣ) идетъ, хорошо

бы вашимъ бабамъ подражанье имѣть Пресвятой Богородицѣ. Она, Преблагословенная, шляпокъ не носила, бурнусовъ да платевъ не вдѣвала на себя. Посмотришь вонъ въ городѣ на бабъ то, таково изуверчены всѣ да раскрылены, что не знаешь, какъ и почестъ ее: не то прелюбодѣйца, не то хорошая семейственная баба. На головѣ, что копна, хвостъ тащится, точно у бѣса. Даже руки то съ мордой сатана надумилъ ихъ оболочъ въ какую то сѣтку. Нѣшто Господь Богъ создалъ сіяніе свѣта, чтобы укрывать отъ него свою морду. Мы должны откровеннымъ лицомъ славу Господню лицезрѣть, а не оболакивать себя сѣтками, да разными кожами. Это поруганіе Господу Богу, посмѣяніе надъ его сотвореніемъ. Вотъ ужъ по истинѣ пророкъ предрече: „одебелѣ сердце людей сихъ, и ушима слышаще, не слышаху, и очима зряще, не видяху...“ Гдѣ глаза у мужей то ихъ, что позволяютъ такое распутство своимъ бабамъ? А хвалятся, что онѣ учены и много книгъ знаютъ!—„Буи міра сего“, говоритъ о такихъ св. Писаніе.—„Тщетною философією и лестію, яже по стихіямъ міра“, думаютъ утвердиться эти никоновцы.

— Экій разумъ то Господь наслалъ Кирею Михайловичу,—послышалось съ палатей. Всяко слово у него натрафлено въ линію.

Помолчавъ немного, Кирей Михайловъ продолжалъ: „Мы вотъ соблюдаемъ благочестіе, состоимъ на линіи единственныхъ истинныхъ христіанъ на свѣтѣ, потому всѣ остальные давно уже отступили отъ истинной вѣры и въ ересь вдались, такъ и должны мы во всемъ благочестіе свое проявлять „да видима будемъ предъ человекѣми“. Никоновцы и др. пропаціе уже люди, а мы то не должны брать съ ихъ примѣръ. Мало ли они какъ коверкаютъ себя и превращаютъ въ блудодѣйственный образъ. Иной и браду, и усъ подскоблиль, и главу оточиль, на манеръ арбуза или картошки, а объ одѣянніи его срамно и глаголати: вездѣ урѣзано, оголено, штаны на улицу простерлись, а не въ сапогахъ, гдѣ имъ положено быть; ротъ то и дѣло протапливаетъ огнемъ и дымомъ бѣсовской табаки; истѣе рещи: во всемъ богомерзко и отвратительно. Такъ вотъ я замѣтилъ и у васъ есть отступленіе отъ ученія св. отецъ. Апостоль Павелъ, примѣрно, поучаетъ, что всякая жена должна имѣть

главу покровену и посему св. отцы составили даже особую молитву, какъ должно покрыть главу женѣ и повелѣли ее читать и исполнять этотъ христіанскій обрядъ въ чинѣ вѣнчанія. Знаешь о чемъ я держу рѣчь? Это о повойникѣ¹⁾, который вы носите на головѣ своей“.

— Какъ не знать,—откликнулись бабы:—каждой изъ насъ пощъ освящать его и благословить его носить.

— У никоновцевъ нѣтъ этого обряда; у нихъ прямо вѣнецъ на голову и все,—сказала Авдотья Красноухина.

— Въ городѣ то и совсѣмъ раскрывши вѣнчаютъ,—замѣтилъ на это Кирей.—Утычуть голову разными цвѣтками, волосы растрепютъ, точно ее кто за волосы таскалъ—чего ужъ объ этихъ погибшихъ людяхъ и говорить! Все слово Божіе они ниспровергли и исказили. Нѣтъ, бабыньки, христіанскій законъ не повелѣваетъ намъ держаться поганскаго обычая, и вы не подражайте никоновцамъ, ибо они пропащіе и заблудящіе люди. Дѣвицамъ св. Писаніе указываетъ украшать свои власы въ одну косу, а егда поведутъ ее къ повѣнчанію повелѣно раздѣлить сію косу на двѣ косы и возложить ихъ кругомъ главы ея и по семъ прикрыть ихъ, освященнымъ отъ іерея, повойникомъ. Мужчина никогда не долженъ видѣть обнаженную голову женщины, не точю чужой ему, но и сопряженной ему въ бракѣ.

— Экую премудрость вложилъ Господь въ головушку! Все то онъ знаетъ и на все у него отъ Писанія доводъ прилаженъ,—говорили женщины.—А мы и не знали этого доселѣ!

— Теперь я долженъ другое наставленіе присокупить. Повойникъ носить необходимо завсегда, ибо сіе, какъ поучаетъ пророкъ Давидъ, „красота есть дщери цареви“. Вы не знаете, что это за дщерь такая? Это разумѣйте, что самой Царицѣ Небесной вельми пріятно видѣть такое украшеніе на главѣ вашей. Вотъ это что такое. Она радуется и веселится на небеси, когда видитъ васъ въ такомъ преукрашеніи. Но на смертный часъ вы пріуготовляйте повойникъ такой, чтобы у него на средцѣ (на срединѣ), т. е.,

¹⁾ Повойникъ, тоже что наковка, въ которую убираютъ женщины свои волосы и носятъ ее подъ платкомъ. Иногда повойникъ дѣлается на снуркѣ и этимъ снуромъ обвязываютъ голову, чтобы крѣпче держался повойникъ на головѣ.

Авт.

просто реши, на маковицѣ главы была дырка или скважинка. Это необходимо, потому на страшномъ судѣ Христовомъ будетъ страхъ и трепеть, власы главы нашея будутъ стоять яко тростіе, а посему, если будетъ учинено отверстіе въ повойникѣ, тогда испареніе главы проникнетъ чрезъ сію щель; иначе онъ можетъ скинуться и тогда прѣдъ Царемъ Небеснымъ вы явитесь съ обнаженными главами. а это веліе посрамленіе жены. Къ сему и то возьмите въ память, чтобы сарафанъ былъ всегда черный и на немъ чотыредесятъ (40) пуговицъ на преди (на переднемъ полотнѣ), что означаетъ, яко Пречистая Богоматерь 40 недѣль Христа во чревѣ носила. Видите, какая богословія состоитъ, не голько въ покрытіи главы женою, но и въ каждой пуговицѣ сарафана.

— Святая рѣчь твоя, касатикъ. Весь обиходъ нашъ ты до ниточки разсмотрѣлъ и на всяку статью привелъ Божье писанье. Спасибо тебѣ, кормилецъ, за это! Напиталъ нашу душеньку,—кланялись бабы Кирею Нефедову.

— Чего и не слышали еще ты вложилъ имъ въ головы,—поддакнули мужики.

— А какъ по писанію то надо дѣлать сарафанъ: съ лифомъ аль на промцахъ? Научи, Христа ради, Кирей Михайловичъ,—молили бабы.

— Это въ обтяжку то и безъ рукавовъ? Нѣтъ, сестры о Господѣ, сарафанъ долженъ быть устроенъ со сборками и висѣть на постромкахъ; а то будетъ еретическое платье, только безъ рукавовъ. Такъ безпоповцы носятъ, а по нашему христіанскому обряду сего не должно быть.

— А у насъ и такъ и этакъ дѣлали,—на произволеньи было.

— Не довлѣетъ разликованію быти между христіанами, но паче союзъ и единеніе. Какъ я сказала, такъ и творите. Какъ у мужчинъ кафтанъ со сборами, такъ и у васъ сарафану надлежитъ быти со сборами. Предъ Господомъ Богомъ мы должны явитися въ своемъ христіанскомъ одѣяніи, чтобы Онъ видѣлъ, что мы соблюли Его заповѣди непорочно. И тогда Онъ, видяще, повелитъ намъ на десное стати, а грѣшницы пойдутъ на ошуюю страну.

— И тамъ то знаетъ, что будетъ,—говорили въ толпѣ.— Ну, Кирей, навалилъ ты въ свою голову!

Вскорѣ поученіе Кирея разнеслось по окрестнымъ старообрядческимъ мѣстамъ и толковалось съ различными вариациями.—„Нефедычъ нашъ! Ужъ дочитался и до того, въ чемъ мы должны явиться на страшный судъ. На волосникѣ, говоритъ, дыра должна быть, а сарафанъ никакой, какъ черный только, и съ 40 пуговицами, потому все это Богородица сама носила и намъ заповѣдала такъ дѣлать. Иначе, баить, и въ Царство Небесное не взойдешь“.—„Дотошный, милая, въ книгахъ-то. Точно песь, прикованъ къ имъ! Такъ и лежить, такъ и лежить на нихъ, што твой звѣрь“,—разсуждали по селеніямъ бабы-раскольницы.

Читатель можетъ только дивиться, какими мелочами заняты наши старообрядцы и какими бреднями начетникъ раскола набиваютъ головы своихъ довѣрчивыхъ слушателей. Въ то время, какъ мы говоримъ о прогрессѣ Россіи, заботимся объ улучшеніи условій нашей жизни сообразно съ усовершенствованіями культуры, стремимся поставить себя на европейскій ладъ, народъ нашъ настолько еще погруженъ во тьму невѣжества, что среди его возможны еще цѣлыя засѣданія, на которыхъ разсуждаютъ о волосникѣ, о сарафанѣ и пуговицахъ, какъ атрибутахъ, необходимыхъ для душевнаго спасенія. Въ этомъ состоитъ вся вѣра мужика, весь его умственный кругозоръ. Есть надъ чѣмъ подумать.

Пензенскій епарх. миссіон. свящ. *К. Поповъ.*

Къ характеристикъ современной хлыстовщины ¹⁾.

3) *Письмо того-же автора Даниленко* (19 Ноября 1900 г.)

Я пишу извѣстія отъ себя о благодареніи, Господи, Тебя, что не оставилъ Ты меня жить у аду навсегда, но вывелъ и показалъ путь до самаго рая. А теперь прошу, Господи, у Тебя, приведи меня до небеснаго царствія. А у рая разсмотрѣль, что все, что Ты, Господи, сотворилъ, и все оно радуется. Также человѣка сотворилъ по образу Своему, и все кушать ему повелѣль. Одно дерево, любимое Евою. Адамъ сильно любилъ Еву. Такъ они между собою разсуждали: и будемъ съэтого дерева плоды вкушать познанія добра, не хотимъ смотрѣть познаніе и съ этого дерева зла. Откуда ни взялся сатана, началъ предъявлять и эти плоды. Но Адамъ видитъ, что это великая бѣда. „Отойди отъ меня прочь, сатана, не дѣлать намъ вреда“. А какъ Ева слыхала, Адамъ упрекаль. А сатана такъ ухитрился, свѣтлымъ Ангеломъ явился, что Адамъ у бесѣди и съ нимъ согласился такъ. Когда вмѣстѣ и съ нимъ сталъ. А Еву по саду смотрѣть посылалъ. Сатана у саду ее встрѣчалъ, плоды смерти ей предлагалъ. Ну такъ Богъ Евѣ знать не далъ, что сатана и съ этого дерева и снялъ и Евѣ у руки давалъ, такъ Еву прельщаль. Адамъ въ это время спалъ, какъ Авеля онъ рождалъ; а какъ Каина родилъ, то онъ Авеля убилъ. А Богъ ему и по саду запретилъ ходить. Ну, что дѣлать Адаму и съ Евой? Адамъ больно кричить, а Ева совсѣмъ молчить. Когда Адамъ въ постели лежить, а Ева и съ нимъ не хочетъ дружить; но съ сожалѣніемъ и къ Адаму бѣжить и въ лѣвой рукѣ познанія плоды держитъ зла. Такъ отъ жалости Адаму предлагала, сама плодовъ этихъ не укушала, Адама досыта накормила. Вдругъ Адамъ проснулся, на постели исвернулся, увидѣль свою наготу. Сталъ онъ громко кричать и Еву увѣщевать. А Ева стала совсѣмъ молчать, не хочетъ Адаму ничего отвѣчать. Адамъ сталъ отъ боли и больше кричать. Одинъ разъ пришлось ему быть въ одномъ углу райскаго сада, гдѣ сатана вышла прямо изъ ада. Смотритъ онъ съ Евою улыбулся. Адамъ громко посреди сада закричалъ: „Богъ ты, мой Богъ! почему Ты мнѣ сатаны побить не по-

---

¹⁾ См „Мисс. Обзор.“ Январь стр. 123.

могъ?“ Вдругъ Адамъ и сдѣлалъ тревогъ; а какъ Ева услышала, то Адаму руки и связала. Тутъ вдругъ по всемъ саду птицы крылами захопала и животныя завывли разными голосами, и четвероногіе; и къ Адаму приступили, какъ на добычу. Враны прилетѣли, чуть Адама не проглотили. То неизвѣстно было, откуда Адаму силы прикатили, ажъ у раю всё дерева повредили. А какъ Адамъ отъ связи освободился, то увидалъ, всё силы небесныя ожили, а всё райскія птицы, животныя, четвероногіе его дорожили, всё Еву повалили, а Адаму прикрутили. Ну, Богъ Адама зналъ и подъ Свое правое плечо взялъ, воевать ему приказалъ. Такъ Онъ силу Свою ему далъ. Вдругъ Адамъ сталъ силу принимать и началъ сильно воевать, что стала изъ рукъ кровь брызгать. А какъ подошелъ къ деревьямъ, то всё дерева затрусилась, и птицы и животныя четвероногіе и пресмыкающіеся всё по раю разсыпались; а Ева руками захопала, всёмъ райскимъ животнымъ уроки давала, отъ Адама ихъ не прогоняла. Ну у Адама такъ тогда ненависть устала, и еслибъ подъ мечъ Ева попала, жива уже бы не встала. А Божья любовь Адаму возгоряла, и еслибъ и вся подселенная въ руки его попала, то любовь Божія всё грѣхи ея покрывала. Ну Богъ всё птицы и животныя съ раю прогналъ, а Адаму по раю ходить приказалъ и всё силы ему Свои показалъ. А Ева Адама жалѣть не стала, изъ рая убѣжала и къ галлилеянамъ какъ разъ попала. И одинъ галлилеянинъ такъ сказалъ, что Адамъ совершенно ничего не зналъ, и Еву всетаки прельщалъ; но такъ Евѣ сказалъ: Адамъ то и зналъ, что Богъ ему далъ. А Богъ уже Еву изъ рая согналъ. Теперь будь ты, Ева, съ нами, и будете богами сами, и будете управлять всёми садами, будете пѣть разными голосами вмѣстѣ съ всёми птицами и звѣрями. Но Адамъ эту ночь не дремалъ, всё зданія по раю раскидалъ. А какъ подошелъ къ одному зданію, сталъ онъ столбы дрожать, то животныя стали изъ пещеры бѣжать, и гдѣ бѣ Еву розыскать, и къ Адаму Еву приставлять. Она начала Адама укорять, Адамъ началъ плакать и рыдать, начальную жизнь передавать. Но Ева совсѣмъ не стала принимать, а еще больше стала Адама укорять: „ты ничего, Адамъ, не можешь знать, о чемъ мои мысли стали мечтать“. А тутъ Адамъ еще больше сталъ плакать-горевать, и сталъ Господа своего умолять: дорогой Ты, мой Господи, чтобы я Тебѣ сказалъ, еслибъ Ты мнѣ мысли Евины знать далъ? Я бы никогда Евы не укорялъ, а Тебя, Господи, всегда прославлялъ“. Еслибъ ты подвадцати каменій вмѣстѣ складалъ, и тогда другъ друга всё мысли зналъ.

Еще много имѣю просить, но не на чемъ уже умѣщать. Да и трудно мнѣ писать, что я пера не могу въ рукахъ держать. Теперь вы мнѣ напишите все подробно, почему въ

Петербургъ ѣхать было не удобно, и что сдѣлали съ сестрицею. Намъ духъ предсказаль, что будто врагъ еѣ грудь разрѣзалъ, а тебѣ, братецъ, вязи ломаль. Дома я на свою телеграмму отвѣта ожидаю, поэтому и письма не слаль. Я одного брата въ пятнадцату посылаль, и тамъ онъ о вашемъ письмѣ узналъ; а въ точности мнѣ ничего не сказалъ. Я горько заплакалъ и зарыдалъ, ¹⁾ что пикакого собранія этихъ народовъ не видалъ. Скажи, братецъ, и гдѣ восточная золотая звѣзда? Которая мать двѣнадцатъ рубашекъ дала? И какъ она братьевъ нашла? И какъ братья рубашки признали и куда она дѣла эти рубашки? и куда улетѣли эти бѣлые лебеди и что они теперь дѣлаютъ? и какъ она теперь батеи приобрѣтеть? и изъ чего она теперь рубашекъ надѣлаеть? ²⁾ Если она и молчить, то она хочеть братьямъ рубашки повить. Хотя Кротова ³⁾ и руки будетъ жилѣтъ, по обѣ рукахъ не будетъ жалковать; хотя и кровь будетъ проливать, а рубашки братьямъ надо соткать. Имъ, бѣлымъ лебедямъ, вѣкъ не летать; а царствомъ батюшкинымъ надо владѣтъ. Женихъ ее сталь уже дожидаться, на охоту сталь разсылать, въ дремучихъ лѣсахъ сталь пещеры разыскивать. Сталь отецъ и мать двѣнадцатъ братьевъ помирать, и ничего не могли своимъ дѣтямъ передать, не могли ихъ знать. Скорѣи, братецъ, про всю жизнь святу, отчего я не увижу небесную красоту, и когда я получу твою полноту. Я, какъ вѣрному царю, всегда служу, сына человѣческаго при жизни всегда хвалю. Куда голову его приклоню? Я все, Господь, узнать тебѣ его волю, и составить божью судьбу, я, Господи, у тебя воиновъ прошу. А какъ ты будешь мнѣ воиновъ давать, то я буду воевать. Дѣйствительно, приучать надо къ войнѣ. Скорѣи поспѣшите, нечего уже дремать, смертельныя раны у звѣрей исцѣлять, по сто семнадцати докторовъ собирать. Звѣрямъ стали раны залѣчать; а сынъ человѣческой сталь страдать, что некому помочь давать. Долго ли, Господи, будешь дремать? Врагъ уже всю силу могъ собрать, и по всѣмъ деревнямъ и городамъ воевать. Онъ такъ сталь гордо

¹⁾ Плачь и рыданіе фигурируютъ въ каждомъ письмѣ. На своихъ радѣніяхъ расшатавъ нервы, хлысты при каждомъ удобномъ случаѣ готовы рыдать въ истерикѣ.

²⁾ Сектантская тарабарщина своего рода воровской жаргонъ. Не трудно догадаться, что рубашки разумѣются тѣ бѣлыя рубахи, которыя надѣваются на радѣніяхъ, бѣлые лебеди—хлысты. Намекъ, можетъ быть, на начавшееся противъ нихъ въ Елизаветпольѣ судебное дѣло, въ кое попалъ и Уваръ Ермоленко, скрывающійся отъ суда въ гелодной степи, Туркестанскаго края.

³⁾ Мною весной 1900 года окрещена молодая женщина, по фамиліи Кротова, по рожденію молоканка, потомъ ставшая штундобаптисткой. Ею пробовали завладѣтъ хлысты посредствомъ замужества. Не знаю, она ли здѣсь разумѣется. Свящ. М. Тифловъ.

поступать, что человѣку живому нельзя изнутри пускать. А человѣка некому защищать.

Адресъ мой: станція Дебальцево. Въ село Ольховатку, получить Василю Даниленку.

4) *Къ Увару Ермоленко отъ его послѣдователя изъ Забайкальской области..*

Безцѣнный и милый сердцамъ нашимъ батенька Уваръ Θεодоровичъ и дорогая маменька Θεодосія и всѣ окружающіе васъ братія и сестры! Увѣдомляемъ васъ, что мы до гор. Благовѣщенска не доѣхали, и возвратились опять въ Мысовую, такъ какъ рѣки стали; а туда ѣзда пароходомъ. И хотя мы 1000 верстъ проѣхали по желѣзной дорогѣ; а потомъ воротились, и теперь расположились зимовать въ Мысовой всѣ вмѣстѣ; поэтому просимъ, адресъ пиши старому на Мысовскую Поч. Кон., Заб. об., Братъ же Петръ Воспитанниковъ остался въ Срѣтенскѣ у сына Ивана, а мы воротились: Петръ, Григорій и я съ Любой; а Воспитанниковъ еще не возвратился, вотъ уже болѣе недѣли живеть.

Затѣмъ шлемъ мы нашъ сердечный привѣтъ и до ногъ низкій поклонъ во первыхъ—тебѣ, родимый нашъ батенька, и маменькѣ, и всѣмъ братіямъ и сестрамъ; и просимъ вашихъ святыхъ молитвъ о насъ, грѣшныхъ, къ Творцу міровъ. Увѣдомляемъ, что мы отъ Ивана Петровича ¹⁾ изъ Елизаветполя получили твои два письма большія. Въ одномъ есть примѣры, приведенные для назиданія и возстановленія заблудшихъ, чтобы не брали чужихъ женъ, писанныя на сестру Дашу; тамъ есть и примѣры, упомянутый о Петрѣ Воспитанниковѣ и Θεодосіи Токаревой и т. п. А другое письмо—*посланіе*, ²⁾ писанное твоимъ мальчикомъ, а на концѣ твоею рукою, тоже большое, изъ котораго я усмотрѣлъ, грѣшникъ, что тамъ упомянуто, какъ я былъ у васъ. О, какъ премудръ и непостижимъ ты, богъ нашъ. Я думалъ, что я теперь все узналъ, и позналъ, что увѣровалъ истиннѣ, и довольно; а осмотрѣлся хорошенько и увидѣлъ, что я еще не позналъ духа истины, кто онъ; что хотя былъ у тебя, родимый батенька, но не позналъ тебя и не видѣлъ; но къ утѣшенію моему прочиталъ Откровеніе 3, 17., что еще нагъ и слѣпъ, ³⁾ и еще: кто принимаетъ обличенія—сынъ разумный; а кто отвергаетъ—сынъ безумный,

¹⁾ Должно быть, Шипилова.

²⁾ Въ подлинникѣ слово „посланіе“ написано крупными буквами и подчеркнуто.

³⁾ Плохое утѣшеніе. Въ Откровеніи рѣчь къ Ангелу Лаодикійскому, который не холоденъ, не горячъ, а тепелъ, и за это его Господь извергнетъ изъ устъ своихъ. Потому-то онъ и нагъ и слѣпъ. что тепелъ, а не горячъ и не холоденъ. И авторъ письма, и самъ Уваръ и всѣ хлысты заражены николаитскою ересью, любятъ имѣть женъ разума, и въ своей ереси не найдутъ глазной мази, чтобы сдѣлать глаза свои видящими.

Теперь я, Михаилъ, изолью печаль свою изъ сердца моего предъ тобою. Родимый ты мой батенька! Не отвергни ты меня, грѣшника, отъ лица своего. Я готовъ собирать крохи, падающія со стола твоего. Умились ты, кормилецъ мой! прими меня хоть не какъ сына, но хоть какъ раба; ибо я не достоинъ быть и называться сыномъ твоимъ, потому что размоталъ имѣніе твое, которое ты даровалъ мнѣ. Ибо земная суета весь разумъ мой затмила мракомъ; и хотя я, грѣшникъ, былъ у тебя плотію лично, но жизни твоей не просмотрѣлъ, т. е., жены твоего разума и твоего духа не видалъ и не позналъ, кто онъ и въ числѣ какихъ состоитъ. Такъ какъ я не имѣлъ и не имѣю еще духовныхъ очей, а плотскими глазами хотя и смотрѣлъ, но только на осужденіе другихъ. О, бѣдный и грѣшный я человѣкъ! Неужели ты, родимый мой батенька, призвалъ меня на уловленіе и истребленіе? О, не оставь и не оставь вопіющей души моей изъ мрачной пустыни, научи меня оправданію твоему, открой очи мои и выведи меня на свѣтъ твой благій! Если ты оставишь меня, родимый мой батенька, то куда я пойду и обрещу покой душѣ моей? Укажи мнѣ путь правды и не вспоминай преступленій моихъ! Если ты будешь вспоминать о прежнихъ порокахъ моей жизни, то я разсыплюсь, какъ прахъ, и нельзя собрать меня. Яви милость къ вопіющей душѣ моей и приѣзжай ты къ намъ, родимый ты нашъ. Сколько потребуется на дорогу, пиши, и я вышлю вскорѣ, хотя бы сто рублей. Все это соръ для меня,—одинъ ты,—безцѣнный мой батюшка, дорогъ и милъ для сердца моего; ибо рвется сердце мое изъ плоти моей, желаетъ бесѣдовать съ тобой, бьется, какъ голубь, запутанный въ силкѣ, но не знаетъ, какъ освободиться. О, какъ бы я могъ передать тебѣ, родимый батенька, мое желаніе, дабы оно явилось предъ тобою. Не знаю, грѣшный человѣкъ, какъ. О, прилети, прилети ты къ намъ самъ, орелъ ты нашъ сизокрылый! Собери ты насъ подъ крылья свои, разгони ты отъ насъ всѣхъ хищныхъ птицъ.

Письмо, посланное тобою съ приложеніемъ стиха: „какъ вознесся нашъ Спаситель во седьмыя небеса“, мы получили и очень радовались неописаннымъ (?) словамъ, и при чтеніи пролили источники слезъ, съ благодареніемъ Господа Бога за милость его.

Отъ сего письма остаемся живы и здоровы ваши вѣрные и неизмѣнные слуги: Петръ, Григорій, Михаилъ и Любовь. Октября 21 дня 1900 года.

Просимъ тебя, родименькій батенька, по полученіи сего письма, пиши намъ, будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ.

Свящ. *Михаилъ Тифловъ.*

(Продолженіе будетъ).

По поводу газетныхъ сужденій о нашемъ сектантетвѣ.

Грустную картину успѣховъ зловѣрія въ нашемъ отечествѣ рисуешь опубликованный недавно въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ всеподданнѣйшій отчетъ господина оберъ-прокурора св. синода. Штунда дѣлаеть все новыя завоеванія, проникая въ тѣ губерніи, гдѣ ее раньше не было, достигая, благодаря переселенческимъ движеніямъ, восточныхъ окраинъ нашего отечества (Владивостокской епархіи).

Правда, въ каждомъ мѣстѣ новыя появленія успѣха штунды, какъ и вообще всякой секты, выражаются въ приобрѣтеніи иногда нѣсколькихъ прозелитовъ, очень рѣдко нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ или цѣлой деревни. И мы могли бы сказать, что эти успѣхи естественны и неизбежны. Въ самомъ дѣлѣ, въ любомъ обществѣ православныхъ людей развѣ всѣ одинаково горячо вѣрують, одинаково привержены къ Церкви? Развѣ каждый изъ насъ не можетъ указать изъ среды извѣстныхъ ему людей личностей, почти совершенно равнодушныхъ къ религіознымъ обязанностямъ? А всякое равнодушіе къ вѣрѣ есть уже удобная почва для сектантской пропаганды, особенно въ массахъ темныхъ и невѣжественныхъ. Благодаря всѣмъ этимъ естественнымъ и постояннымъ причинамъ, коренящимся въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ воспитанія и жизни отдѣльныхъ людей, каждая нелѣпая религіозная доктрина можетъ рассчитывать на то, что если не здѣсь, то тамъ найдетъ себѣ въ нѣсколькихъ умахъ подходящую и благодарную почву. Однимъ словомъ, „подобаетъ и ересямъ быти“ въ истинной Церкви и никогда Церковь не была свободна и не освободится отъ этого внутренняго врага своего.

Въ „словѣ истины“, звучащемъ въ живой церковной проповѣди, въ бесѣдахъ, въ обличеніяхъ, Церковь имѣеть сильное оружіе противъ этого внутренняго врага, оружіе, котормъ она и борется съ большимъ или меньшимъ успѣ-

хоть противъ него. А въ послѣднее время эта борьба нашей православной Церкви съ расколомъ и сектантствомъ получила и правильную организацію: вся Россія покрыта сѣтью противораскольническихъ и противосектантскихъ учрежденій и лицъ, не только преграждающихъ путь дальнѣйшему развитію сектантства, но и отвоевывающихъ у него захваченныя области.

Если трудно судить объ успѣхѣ и шансахъ физической борьбы, войны, пока она не кончена и когда долго еще ждать ея окончанія, то тѣмъ труднѣе судить объ успѣхѣ и измѣрять шансы борьбы духовной въ самомъ разгарѣ ея особенно такой, постоянной, непрерывной борьбы, какова борьба Церкви съ сектантствомъ.

подавить ли и какъ скоро подавить русскія Церкви народившіяся въ Россіи секты? Не задавятъ ли онѣ ея своею тяжестью? Можно ли ставить такіе вопросы и можно ли дѣлать попытки, если не отвѣтить на нихъ окончательно и увѣренно, то по крайней мѣрѣ готовить отвѣтъ и заглядывать въ далекое будущее? Во всякомъ случаѣ, нужно не мало самоувѣренности, чтобы заглядывать въ будущее великой борьбы Церкви съ отщепенцами ея, чтобы дѣлать даже предположительныя предсказанія объ этой борьбѣ и дѣлать ихъ не на основаніи всесторонняго и глубокаго изученія вопроса, а на основаніи нѣсколькихъ статистическихъ цифръ.

Свѣтская печать всегда отличалась самоувѣренностью въ своихъ сужденіяхъ по вопросамъ вѣры и Церкви.

Поэтому насъ не долженъ поразить своею новостью и тотъ неожиданный выводъ, который сдѣлала одна газета изъ названнаго „Отчета“, выводъ относительно настоящаго положенія и, такъ сказать, шансовъ борьбы русской Церкви въ лицѣ ея духовенства съ сектантствомъ.

Газета ¹⁾ находитъ, что „свѣдѣнія, изложенныя въ отчетѣ, представляютъ драгоцѣнныя свидѣтельства, впрочемъ болѣе печальнаго, нежели отраднаго свойства“. Вотъ вкратцѣ то впечатлѣніе, которое авторъ вынесъ изъ чтенія „Отчета“: „если смотрѣть на духовенство и его сектантскихъ против-

---

¹⁾ См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 178, статья „Да будетъ едино стадо“! гр. Петра Кутузова.

никовъ, какъ на два враждующихъ лагеря, то изъ обнародованнаго отчета видно ясно, что армія противоправославная является въ роли успѣшно осаждающей, а армія русскаго духовенства—въ роли тяжко осажденныхъ, постепенно теряющихъ одну позицію за другой. А если такъ пойдетъ и далѣе, къ чему мы придемъ? На это отчетъ, по крайней мѣрѣ, въ этой своей части не даетъ ни отвѣта, ни даже какого-либо свѣтлаго луча для прозрѣнія въ будущее“.

Представимъ себѣ, что заграничному читателю, совершенно незнакомому доселѣ съ положеніемъ дѣла, незнающему ни численности, ни области распространенія въ Россіи сектантства (т. е. главнымъ образомъ штунды, такъ какъ о ней преимущественно въ отчетѣ рѣчь, и ее имѣетъ въ виду авторъ статьи), попалась бы въ руки эта статья, какое представленіе долженъ бы составить онъ по приведенной тирадѣ о ходѣ у насъ сектантской пропаганды? Онъ могъ бы и долженъ былъ бы подумать, что скоро вся Россія станетъ сектантской (напр. штундистской), что „тяжко осажденная армія“ русскаго духовенства не сегодня—завтра совѣмъ сложитъ оружіе и что у нея скоро будутъ отбиты „последнія позиціи“. Можно ли газетѣ, рассчитывающей на заграничное распространеніе, такъ легкомысленно писать? Даетъ ли какой-нибудь поводъ къ такимъ мрачнымъ опасеніямъ „Отчетъ“, на основаніи котораго авторъ строить свои заключенія?

Въ самомъ „Отчетѣ“ мы встрѣчаемъ отвѣтъ на поставленный авторомъ вопросъ, отвѣтъ, основанный на почвѣ фактическихъ данныхъ и совершенно расходящійся съ мнѣніемъ автора, но почему-то просмотрѣнный авторомъ.

Вотъ что „Отчетъ“ говоритъ о причинахъ области и степени распространенія у насъ штунды, этого главнаго и опаснѣйшаго вида русскаго сектантства: „штунда находитъ благоприятную для себя почву тамъ, гдѣ при *скопленіи населенія* (какъ, на примѣръ, въ новыхъ группахъ переселенцевъ) *нѣтъ православныхъ храмовъ со школами* и постояннаго богослуженія. Къ сожалѣнію удовлетворить этой существенной нуждѣ повсюду не позволяетъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, которыя, по обширности русскихъ пустынь, требовались бы въ громадномъ количествѣ, такъ что этотъ недостатокъ можетъ быть восполняемъ лишь постепенно и мало-по-малу. Усилившееся въ послѣднее время промыш-

ленное движеніе повело къ учрежденію во многихъ мѣстахъ заводовъ, привлекающихъ къ работѣ нерѣдко многотысячную массу рабочаго населенія, которая остается безъ Церкви и богослуженія,—чѣмъ и пользуются проникающіе въ рабочую среду проповѣдники штунды. Къ сожалѣнію руководство новымъ заводскимъ дѣломъ *находится часто въ рукахъ иностранцевъ и шовтерцевъ*, совершенно равнодушныхъ къ удовлетворенію духовныхъ потребностей рабочаго населенія“.

И такъ штунда, какъ и другія рационалистическія секты, дѣлають завоеванія въ тѣхъ областяхъ, которыя лежать внѣ сферы непосредственнаго вліянія духовенства, куда не достигаетъ—или достигаетъ не въ достаточной степени это вліяніе. Въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя поставлены подъ постоянное благодѣтельное вліяніе православнаго храма и православнаго священника, сектантство находитъ незначительное распространеніе. Если такъ, то кто же является въ этой борьбѣ *устынно осаждающимъ*? Духовенство ли, одно присутствіе котораго парализуетъ дѣйствіе сектантства, или же сектантство, старающееся свить себѣ гнѣздо подальше отъ православнаго храма и духовенства, отъ ихъ дѣйствительнаго и могучаго вліянія на народныя массы?

* * *

Болѣя душою и страшась за созданное воображеніемъ его тяжелое положеніе русской Церкви о борьбѣ съ сектантствомъ, авторъ упомянутой статьи не задумывается смѣло предложить вѣрное и рѣшительное средство для поправленія дѣла, для уничтоженія въ самомъ корнѣ всякаго сектантства въ Россіи. Средство это настолько простое и легкое, что нужно только удивляться, какъ оно до сихъ поръ не примѣнено къ дѣлу, какъ не додумались и не рѣшились на него. Вѣроятно, по мнѣнію автора, одна важность и упорство русскаго духовенства виною въ немъ...

Въ чемъ, думали ли бы вы, заключается это средство, эта панацея противъ всѣхъ рационалистическихъ сектъ? Не только секты, но и самое религіозное вольномысліе въ Россіи, включая сюда и толстовщину, исчезнуть въ Россіи, если только Церковь русская ни больше, ни меньше, какъ *сниметь жлътвы прежнихъ своихъ соборовъ на старообрядчество*.

Не правда ли, совѣтъ довольно неожиданный? Кажется,

трудно представить себѣ противоположности болѣе рѣдкія, явленія болѣе разнородныя и разнохарактерныя, чѣмъ старообрядчество и рационалистическое сектантство. Казалось бы самое большее, чего можно было бы ожидать отъ предлагаемаго авторомъ снятія клятвъ съ старообрядчества—это, воссоединенія съ Церковью этого послѣдняго.

И въ достиженіи такого скромнаго результата не только можно, но и есть всѣ основанія сомнѣваться. Учрежденіемъ единовѣрія Церковь русская разъяснила, что клятвы ея были наложены не на обряды сами по себѣ, а на упорство и противленіе церковной власти, скрывавшее себя за старымъ обрядомъ. И не смотря на это разъясненіе немногіе лишь дѣзъ старообрядцевъ пожелали воссоединиться съ православною Церковью (приняли единовѣріе). Этотъ фактъ со всею ясностью показалъ, что не столько старыми обрядами дорожить нашъ расколъ, сколько своею обособленностью и отдѣленіемъ отъ русской Церкви, что онъ не только не ищетъ примиренія съ Церковью, но бѣжитъ и боится такого примиренія, видя въ немъ утрату мнимой своей независимости и самостоятельности.

Итакъ, что же Церковь еще можетъ сдѣлать, чтобы возвратитъ къ себѣ своихъ строптивыхъ чадъ? Авторъ разсматриваемой статьи, знающій объ учрежденіи единовѣрія и о томъ, какъ мало оно достигло, не отвѣчаетъ прямо на этотъ вопросъ, ограничиваясь общими и неопредѣленными мѣстами—о примиреніи и единеніи Церкви съ старообрядчествомъ. Но насколько можно его понять, онъ хочетъ, кажется, чтобы Церковь православная признала старообрядчество во всей цѣлости его теперешней организаціи, признала другою, рядомъ съ нею существующею Церковью, и вступила съ этою Церковью въ такое же единеніе и союзъ, какой возможенъ между двумя самостоятельными и независимыми Церквями. Мало того, авторъ требуетъ отъ православной Церкви, чтобы она признала свою вину предъ старообрядчествомъ, чтобы она покаялась предъ ними, сознала, что она поступила съ нимъ „противохристіански“ (выраженіе автора). Тогда, по желанію автора, старообрядчество соединится и сплотится съ православною Церковью для дружнаго отпора матеріализму и невѣрію. Не въ примиреніи ли, говоритъ авторъ, съ древне-русскими си-

лами вѣрныхъ сыновъ, по старымъ обрядамъ чтущихъ Бога и христіанство, не въ упраздненіи ли клятвъ, на нихъ противохристіански (?) наложенныхъ русскимъ соборомъ, не въ единодушномъ ли и братскомъ объединеніи съ ними „единными усты и единымъ сердцемъ“ для отпора матеріализму лежитъ путь къ духовному и религіозно-нравственному перевоспитанію русскаго народа“.

Основаніемъ для такихъ большихъ надеждъ, которыя авторъ возлагаетъ на примиреніе Церкви съ старообрядчествомъ, служитъ самая исторія русской Церкви со времени возникновенія старообрядчества, исторія, конечно, своеобразно понимаемая и истолковываемая авторомъ. По мнѣнію его, всякое нестроеніе, вольномысліе и невѣріе въ Россіи пошло именно съ отдѣленія отъ Церкви старообрядчества. До этого тихо и спокойно было въ русской Церкви: всѣ чады ея горячо вѣровали и читали Бога. Старообрядчество своимъ отдѣленіемъ повергло въ сомнѣніе Церковь. Съ отпаденіемъ его, какъ бы вдругъ изсякла вѣра и благочестіе въ ней, и вотъ она теперь оказывается безсильною противъ напора всякаго рода зловѣрія и нечестія. Авторъ готовъ даже считать всѣ религіозныя нестроенія въ Россіи прямымъ наказаніемъ Божиимъ за тяжкій грѣхъ русской Церкви и ея духовенства противъ древняго старообрядчества. „Все что незаслуженно и непоправимо было вынесено русскимъ православнымъ (!) старообрядчествомъ за его фанатическую вѣру и преданность ученію Церкви и старымъ обрядамъ, все это теперь какъ бы по пущенію Божию обратилось противъ самой Церкви и преимущественно противъ ее представителей—духовенства“.

Авторъ ошибается, когда думаетъ, что религіозное вольномысліе появилось въ Россіи послѣ отдѣленія старообрядчества отъ Церкви. Существовало оно и раньше, грозило даже большими гласностями Церкви и требовало сильной, напряженной борьбы противъ него съ ея стороны (ереси стригольниковъ и жидовствующихъ). Затѣмъ авторъ рисуетъ нашъ расколъ въ слишкомъ уже привлекательномъ свѣтѣ. Темныя стороны раскола извѣстны всѣмъ. Между толками его были и есть явно безнравственныя, у которыхъ по истинѣ „богъ чрево и слава въ студии ихъ“. Ужели и такіе (толки) способны противодѣйствовать современному матеріализму и

невѣрію? Ужели и съ нашими толками былъ бы полезенъ православной Церкви союзъ и единеніе? Не запятнала ли бы она себя такимъ союзомъ и такимъ единеніемъ?

Отдѣльныя свѣтлыя личности могутъ существовать и въ расколѣ (напр., недавно умершій Солдатенковъ). Но идеализировать такъ ради нихъ весь расколъ, явно возвышать его надъ православною Церковью можно только изъ нѣкоторой затаенной вражды къ русской Церкви и ея духовенству. Это значитъ забывать о дѣлахъ сонма борцовъ за вѣру, подвижниковъ и ревнителей благочестія, которыхъ выдвинула и продолжаетъ выдвигать русская православная Церковь, ея духовенство и монашество. Конечно, есть плевелы и наивѣ русской Церкви и въ ереси духовенства ея. Но порочить и чернить изъ-за нихъ всю Церковь—это значитъ забывать, что вселенская Церковь, а слѣдовательно, и такая громадная часть ея, какъ русская Церковь, въ основѣ своей свята и непорочна. Сильна она и собственною силою своею для борьбы со вратами адовыми,—и нѣсколько тысячъ раскольниковъ, которыя соединились бы съ нею, немного прибавили бы къ ея духовной мощи, которая есть Богъ и истина.

М. Ск.

Изъ миссіонерской полемикѣ.

Разборъ хлыстовскаго ученія о воплотившемся Сынѣ Божіемъ, Іисусѣ Христѣ.

Хлыстовское ученіе объ Іисусѣ Христѣ.

СНОВНОЙ догматъ христіанскаго ученія, догматъ о Святой Троицѣ въ мистической, тайной сектѣ хлыстовъ всецѣло извращается, искажается въ самомъ своемъ существѣ. По ученію хлыстовъ Богъ единъ по существу и по лицу. Если хлысты и упоминаютъ въ своихъ распѣвцахъ, или радѣльныхъ стихахъ, которые они поютъ при своихъ молитвенныхъ собраніяхъ, о второмъ и третьемъ лицахъ Св. Троицы: о Сынѣ Божьемъ, Христѣ и Святомъ Духѣ, то они признаютъ Сына Божія и Духа Святаго не особыми лицами, какъ учитъ о семъ православная Церковь, а считаютъ ихъ только нравственными качествами, силами, отдѣльными проявленіями одного и того же единого Божества, открывающагося въ мірѣ, то въ образѣ Христа, то въ образѣ Святаго Духа въ хлыстовскихъ пророкахъ ¹⁾. Со стороны человѣка необходимымъ условіемъ для воплощенія Христа въ человѣкѣ является его извѣстная нравственная настроенность, нравственная подготовка добродѣтели: постъ, молитва за враговъ, кротость и дѣланіе добра. А для Божества побужденіемъ къ воплощенію Христа въ человѣкѣ является необходимость подновленія въ человѣческомъ родѣ истиннаго богопознанія и богопочитанія. Упадокъ истиннаго богопознанія и богопочитанія въ людяхъ для Божества служить поводомъ къ новому откровенію Себя

---

¹⁾ Хлыстовское ученіе о Богѣ напоминаетъ и во многомъ сходно съ ученіемъ о Богѣ древнихъ пантеистовъ.

въ людяхъ путемъ воплощенія Христа въ человѣкъ, который своею проповѣдью, дѣлами и жизнью снова возстановляетъ въ человѣческомъ родѣ истинное богопознаніе и богочитаніе. Христосъ евангельскій, богохульствуютъ хлысты, родился обыкновеннымъ естественнымъ порядкомъ отъ Іосифа и Маріи. На тридцатомъ году Его жизни, ради чистоты и непорочности Его сердца и святости дѣлъ, вселился въ Него Сынъ Божій, второе Лицо Св. Троицы. Съ этого времени Иисусъ Назорей сталъ Христомъ, удостоился нравственнаго усыновленія Богу Отцу, названъ былъ Сыномъ Божиимъ по своему естеству, равнымъ Богу Отцу по своимъ божескимъ свойствамъ—святости, вѣчности, всемогуществу и проч. Такого нравственнаго усыновленія Богу Отцу могутъ достигать и другіе люди путемъ упражненія въ нравственныхъ подвигахъ добродѣтели. Такихъ христовъ есть и можетъ быть столько, сколько есть и можетъ быть высокихъ праведниковъ на землѣ. Нужна только пламенная молитва со стороны людей и Христосъ снова воплотится, сдѣлается видимымъ. Потому почти всегда хлысты свои радѣнія, или общія молитвенныя собранія начинаютъ пѣніемъ такого стиха:

„Дай намъ, Господи,
Къ намъ Иисуса Христа;
Дай намъ, сударь, Сына Божія...“

Поэтому въ сектѣ хлыстовъ ученіе о перевоплощеніи Христа Спасителя, описаннаго въ Евангеліи, или о многократныхъ воплощеніяхъ Христа, Сына Божія въ людяхъ составляетъ главный и основной догматъ всего хлыстовства. Изъ этого догмата, какъ изъ общаго основанія съ логическою послѣдовательностью выводятся и всѣ другія болѣе частныя и второстепенныя положенія хлыстовской ереси и ея отношенія къ православной Церкви.

Свое еретическое ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Христа въ людяхъ хлысты, для большаго успѣха при распространеніи его между православными, стараются обосновать на нѣкоторыхъ отрывочныхъ мѣстахъ св. Писанія, взятыхъ безъ связи съ предшествующими и послѣдующими мѣстами. Богъ весьма ясно и опредѣленно устами стараго (Евангельскаго) Христа, говорятъ хлысты, предсказалъ о возможности и даже необходимости повторенія воплощеній.

Онъ говоритъ: *Кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ и сестра и мать* (Мар. 3, 34). *Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). *Въ началъ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ* (Іоан. 1, 1). *Вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ; и буду ихъ Богомъ; и они Моиъ народомъ* (Іоан. 1, 14. 2 Кор. 6, 16. Лев. 26, 12). Изъ указанныхъ мѣстъ св. Писанія хлысты дѣлаютъ такіе выводы. Христось, описанный въ Евангелии, не одинъ. И теперь у Христа евангельскаго могутъ быть братья, сестры, матери, то есть, христы-боги, пророчицы, богородицы, которые становятся такими чрезъ усердное исполненіе воли Божіей, тщательное соблюденіе хлыстовскихъ заповѣдей. И въ церковной пѣснѣ поется: „Христось рождается“. Значить Онъ не одинъ только разъ родился, а рождается и теперь и будетъ рождаться и послѣ нашего времени ¹⁾. Евангельское писаніе о Христѣ нельзя понимать по буквѣ, буквально. *Буква убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). И въ другой церковной пѣснѣ поется: „тайно образующе“. Въ Писаніи нужно отыскивать таинственный смыслъ. Исторію воплощенія Христа хлысты распространяютъ и на ветхій завѣтъ. Родословіе Иисуса Христа по плоти, изложенное въ евангелияхъ Матѳея и Луки, хлысты объясняютъ какъ исторію многократныхъ воплощеній Христа. *Авраамъ родилъ Исаака; Исаакъ родилъ Иакова; Иаковъ родилъ Иуду и братьевъ его* (Мат. 1, 2). Какъ это мужчина рождаеть мужчину, задаетъ себѣ вопросъ хлыстовскій толкователь этого мѣста въ своемъ собраніи? И отвѣчаетъ. Это означаетъ, что христы были и въ ветхомъ завѣтѣ. Духъ Христовъ переселялся по смерти одного праведника въ другого. Всѣ лица мужескаго пола, упоминаемыя въ родословіяхъ, какъ предки Христа Спасителя по плоти, суть праведные люди ветхаго завѣта, въ которыхъ вселялся Сынъ Божій, суть христы. Подтвержденіе этой мысли хлысты видятъ, между прочимъ, и въ словахъ пророка Моисея при купинѣ, когда онъ назвалъ *Господа Богомъ Авраама и Богомъ Исаака, и Богомъ Иакова* (Лк. 20, 37). Под-

¹⁾ О явленіи лжехриста Ивана Тимоеева Суслова хлысты находили предсказаніе въ слѣдующихъ словахъ книги Ездры: *Откроется Сынъ Мой Иисусъ въ тѣмнѣ, которые съ Нимъ, и оставшіеся будутъ наслаждаться четырьмя лѣтъ* (3 Ездр. 7, 28).

твержденіе своего ученія о перевоплощеніи Христа, хлысты стараются отыскивать и въ святоотеческихъ твореніяхъ и сочиненіяхъ современныхъ пастырей, истолковывая все заимствованное ими оттуда совершенно произвольно въ смыслъ притчи.

Основанія православнаго ученія объ Иисусѣ Христѣ, какъ второмъ Лицѣ Св. Троицы, воплотившемся Сынѣ Божіемъ.

Первый, основной и важнѣйшій догматъ всей христіанской вѣры есть догматъ о Пресвятой Троицѣ. Богъ, будучи единымъ по существу, троиченъ въ лицахъ: Первое Лицо есть Богъ Отецъ, Второе Лицо есть Богъ Сынъ, Третье Лицо есть Богъ Духъ Святыи. Эти Три Лица, или Ипостаси нельзя сливать вмѣстѣ въ одно лицо и нельзя раздѣлять ихъ по Божескому существу. Богъ Отецъ есть истинный Богъ, Богъ Сынъ есть истинный Богъ и Богъ Духъ Святыи есть истинный Богъ; но эти три лица не три Бога, но одинъ Богъ. Этотъ догматъ есть самый непостижимый изъ всѣхъ христіанскихъ догматовъ, есть таинство таинствъ христіанской вѣры. Второе Лицо Св. Троицы, воплотившійся Сынъ Божій, Христось Спаситель говорилъ, что Онъ посланъ былъ на землю Богомъ Отцемъ, Первымъ Лицомъ Св. Троицы (Іоан. 20, 21) и что Онъ умолилъ Отца, Который пошлетъ на землю Духа Святаго, Третье Лицо Св. Троицы, Который будетъ наставлять апостоловъ и Церковь на всякую истину (Іоан. 14, 16, 26; 16, 13). Эти три Лица Св. Троицы, или Ипостаси, будучи отличены одно отъ другого по своимъ личнымъ ипостаснымъ свойствамъ, по своему Божескому существу составляютъ одно нераздѣльное. Апостоль Іоаннъ пишетъ: *три свидѣтельствуютъ на небѣ: Отецъ, Слово, и Св. Духъ, и сіи три суть одно* (1 Іоан. 5, 7).

Въ предвѣчномъ совѣтѣ Св. Троицы, прежде созданія міра, было опредѣлено совершить спасеніе человѣческаго рода чрезъ Второе Лицо Св. Троицы, воплотившагося Единороднаго Сына Божія, Который и явился въ послѣднія времена (1 Петр. 1, 19—20), въ полноту времени (Гал. 4, 4). Вѣрою въ Него, какъ имѣющаго нѣкогда придти на землю обѣтованнаго Мессію, жили и спасались всѣ ветхозавѣтные патріархи, пророки и праведники. Онъ былъ предметомъ

постояннаго пламеннаго ожиданія всей ветхозавѣтной Церкви (Мѡ. 13, 17; Лк. 10, 24; Евр. 11, 13, 39). Все ветхозавѣтное домостроительство спасенія человѣческаго рода, начавшееся въ раю первообѣтованіемъ о сѣмени жены, имѣющемъ стереть главу змія (Быт. 3, 15), приготовляло ветхозавѣтный міръ къ принятію Мессіи (Гал. 3, 24). Дабы истинныя чада Церкви Божіей могли узнать истиннаго Мессію и не увлекались обманомъ лжемессіи, являвшихся и послѣ Христа Спасителя (Дѣян. 5, 36—37), Духъ Святой устами ветхозавѣтныхъ пророковъ (2 Петр. 1, 21), предсказалъ всѣ обстоятельства явленія и жизни на землѣ воплотившагося Сына Божія, Христа, начиная съ одного изъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, отъ котораго Онъ родился, времени и мѣста Его рожденія до Его славнаго вознесенія на небеса и второго пришествія на землю для страшнаго суда, когда Христосъ Спаситель потребуеть отъ человѣческаго рода отчета въ томъ, какъ онъ воспользовался проповѣдію Евангелія и плодами крестныхъ искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, благодатными дарами, споспѣшествующими и необходимыми для дѣла спасенія человѣческаго рода. Пророкъ Моисей болѣе чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ и царь Давидъ болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ предсказали, что Христосъ Спаситель родится отъ сѣмени жены (Быт. 3, 15), отъ сѣмени Авраама (Быт. 22, 18) и сѣмени Давида (Псал. 89, 36—37. Іерем. 23, 5 — 6). И въ св. книгахъ новаго завѣта мы видимъ точное исполненіе этихъ пророчествъ (Мат. 3, 15; Гал. 4, 4; Мат. 1, 1; Лук. 3, 23 — 34; Гал. 3, 16; Іоан. 7, 42; Дѣян. 2, 30; 13, 23; Рим. 1, 3; 2 Тим. 2, 8). Патріархъ Іаковъ болѣе чѣмъ за 1800 лѣтъ предсказалъ, что Христосъ—*Примиритель* (человѣка съ Богомъ) родится отъ колѣна Іудина и тогда, когда въ царствѣ іудейскомъ прекратится рядъ своихъ, происходящихъ изъ своего народа и племени, царей, когда іудейское царство подпадетъ подъ власть иноплеменныхъ, чуждыхъ для іудейскаго народа по своему происхожденію, царей (Быт. 49, 10). Въ Евангеліи мы читаемъ исполненіе сего пророчества, что Христосъ родился во дни іудейскаго царя Ирода (Мат. 2, 1), который, по свидѣтельству историка Евсевія, былъ у іудеевъ первымъ иноплеменнымъ царемъ, происходившимъ по отцу отъ идумеянина, а по матери отъ аравитянки (Церк. ист. кн. 1 гл. 6).

Царство іудейское въ это время до того было унижено, что вошло въ составъ Сирской провинціи. Пророкъ Михей болѣе чѣмъ за семьсотъ лѣтъ предсказалъ, что Христосъ Спаситель родится въ іудейскомъ городѣ Виелеемѣ (Мих. 5, 2). И евангелисты свидѣтельствуютъ, что Христосъ Спаситель, дѣйствительно, родился въ Виелеемѣ іудейскомъ (Мат. 2, 1—6; Лук. 2, 4—6). Пророкъ Самуиль болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ предсказалъ, что Христосъ Спаситель назовется назореемъ (Суд. 13, 5). Исполненіе этого пророчества мы видимъ въ Евангеліи Матѳея (2, 23). Пророкъ Исаія болѣе чѣмъ за семьсотъ лѣтъ предсказалъ, что Христосъ родится отъ Дѣвы и будетъ названъ Еммануиломъ (Исаія 7, 14), что значить „съ нами Богъ“. Изъ Евангелія мы видимъ, что пророчество это вполнѣ сбылось (Матѳ. 1, 21 — 23. 25; Лук. 1, 27. 31; 2, 7).

А такъ какъ нѣкоторые изъ еретиковъ, а въ томъ числѣ и хлысты нерѣдко богохульно отвергають приснодѣвство Божіей Матери, то необходимо самымъ текстомъ св. Писанія доказать эту святую истину. *Рождество Іисуса Христа было такъ: по обрученіи Матери Его Маріи съ Іосифомъ, прежде нежели сочтались они, оказалось, что она имѣетъ во чревтѣ отъ Духа Святаго* (1, 18). Праведный Іосифъ, зная, что онъ не имѣлъ съ Дѣвою Марією супружескихъ сношеній и видя ее имѣющею во чревѣ, ея беременность, усумнился въ ея цѣломудріи и хотѣлъ воспользоваться бывшимъ у евреевъ правомъ мужа отпустить отъ себя жену, которая не понравилась мужу. По строгости суда ветхозавѣтнаго закона Іосифъ обручникъ имѣлъ право Дѣву Марію, по его мнѣнію, не сохранившую добрачнаго цѣломудрія, привести на судъ городскихъ старѣйшинъ и потомъ побить ее камнями (Втор. 22, 23—24). Но обручникъ Іосифъ, по свидѣтельству евангелиста, былъ *праведенъ*, а потому, не желая огласить ее, обезславить передъ всѣмъ городомъ и подвергнуть жестокой смертной казни, по мягкосердечію своего характера, хотѣлъ, написавши и давши ей въ руки разводное письмо (Втор. 24, 1), тайно отпустить ее. Но когда онъ подумалъ это, ангелъ явился ему во снѣ и сказалъ: Іосифъ, сынъ Давидовъ, не бойся принять Марію жену твою; ибо родившееся въ ней отъ Духа Святаго. *Сіе произошло, да сбудется реченное Господомъ чрезъ пророка, который говоритъ: се Дѣва во чревтѣ*

пріиметь, и родитъ сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, что значитъ съ нами Богъ (Исаіа 7, 14). Праведный Іосифъ поступилъ такъ, какъ повелѣлъ ему ангель. *И не зналъ Ея, какъ наконецъ Она родила Сына Своего первенца, и онъ нарекъ имя Ему Исусъ* (Мат. 1, 25). Слово *зналъ*, когда въ Библии употребляется для обозначенія отношеній между мужчиной и женщиной, то оно указываетъ именно на супружескія отношенія. Подтвержденіе этого мы можемъ видѣть въ тѣхъ мѣстахъ Библии, гдѣ говорится о супружескихъ отношеніяхъ первыхъ людей. *Адамъ позналъ Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина* (Быт. 4, 1). *И позналъ Каинъ жену свою; и она зачала и родила Еноха* (Быт. 4, 17). *И позналъ Адамъ еще Еву, жену свою, и она родила сына и нарекла имя ему Сивъ* (Быт. 4, 25). И о праведномъ Іосифѣ, обручникѣ Дѣвы Маріи въ Евангеліи читаемъ, что онъ не зналъ Ея, то есть не имѣлъ съ ней супружескихъ отношеній. Это незнаніе праведнымъ Іосифомъ Дѣвы Маріи несомнѣнно продолжалось и послѣ рожденія Богомладенца Іисуса. Хотя въ славянскомъ текстѣ объ этомъ сказано такъ: *и не знаеше Ея, дондеже роди Сына Своего первенца*, а въ русскомъ переведено такъ: *и не зналъ Ея, какъ наконецъ Она родила Сына Своего первенца*, но здѣсь слова *дондеже* и *какъ* отнюдь не означаютъ, что послѣ рожденія праведный Іосифъ позналъ Марію. Если онъ и до рожденія оставилъ Св. Марію Дѣвою неприкосновенною, то, говорить св. Іоаннъ Златоустъ, посуди самъ, могъ ли такой праведникъ, какъ Іосифъ, видя какъ Св. Марія столь чудно содѣлалась Маріею и удостоилась родить неслыханнымъ образомъ и произвести необыкновенный плодъ, могъ ли онъ послѣ этого коснуться Св. Дѣвы Маріи. Слово же *дондеже*, доколѣ, какъ—въ св. Писаніи часто не означаетъ предѣла времени, послѣ котораго обозначаемое имъ состояніе измѣнилось, а употребляется въ значеніи неопредѣленнаго времени. Воронъ, выпущенный Ноемъ изъ ковчега, читаемъ въ Библии, не прилеталъ доколѣ, *пока* не осушилась земля отъ воды. Но онъ и послѣ того не прилеталъ (Быт. 8, 7; Пс. 71, 7). Точно также и слово *Первенца*—первороднаго не означаетъ того, что и послѣ Него были Св. Маріею рождены дѣти. „Христосъ есть и первородный, какъ родившійся первымъ, и однородный, какъ не имѣющій братьевъ“ (Блаж. Теофилактъ). А если у евангелиста Маттея говорится, что въ одно время народъ,

слушая притчи Христа Спасителя и удивляясь Его мудрости, говорилъ о Христѣ: „не плотниковъ ли Онъ сынъ? Не Его ли мать Марія, и братья Его Іаковъ и Іосій, и Симонъ, и Іуда? И сестры Его не всѣ ли между нами? (13, 55), то эти лица были не родными по плоти братьями и сестрами Христа, а были дѣтьми Іосифа обручника отъ его перваго брака, какъ объясняютъ это св. отцы и учителя Церкви: Григорій Богословъ, Епифаній кипрскій, Кириллъ александрійскій, Иларій пиктавійскій, Евсеій памфилъ и другіе.

Св. Дѣва Марія родила такого человѣка, который, какъ зачатый силою и дѣйствіемъ Св. Духа, съ самаго зачатія былъ уже воспринятъ въ Ипостась, въ личное единеніе съ Сыномъ Божіимъ; Она родила Богочеловѣка, почему архангелъ уже при благовѣстіи о Его рожденіи назвалъ Его Сыномъ Божіимъ (Лук. 1, 32). Да и самое искупленіе человѣческаго рода отъ грѣха, проклятія и смерти могло быть совершено только Богочеловѣкомъ, чуждымъ всякаго грѣха (Іоан. 14, 30; Евр. 4, 15). Смерть грѣшнаго человѣка послужила бы для искупленія только его личной вины, а отнюдь не грѣховъ всего человѣчества.

Пророкъ Давидъ за тысячу лѣтъ предсказалъ, что цари придутъ съ дарами поклониться Богомладенцу Христу (Псал. 71, 10 — 11). И евангелистъ Матѳей свидѣтельствуетъ, что когда родился Христосъ, то волхвы съ востока пришли къ новорожденному Младенцу съ дарами изъ золота, ладана и смирны и поклонились Ему (Мат. 2, 1 — 12). Пророкъ Іеремія за шестьсотъ лѣтъ предсказалъ, что по случаю рожденія Христа Спасителя будетъ избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ, населенныхъ колѣномъ іудейскимъ, происшедшимъ отъ второй жены патриарха Рахили (Іерем. 31, 15). И у евангелиста Матѳея мы читаемъ, что царь іудейскій Иродъ, узнавши отъ волхвовъ о рожденіи царя іудейскаго въ Виѳлеемѣ и боясь, что этотъ новорожденный царь со временемъ, когда выростетъ, отниметъ царскую власть надъ Іудеею у Ирода, послалъ избить въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ отъ двухъ лѣтъ и ниже по времени всѣхъ младенцевъ мужскаго пола. И вслѣдъ за этимъ повѣствованіемъ евангелистъ приводитъ и самое предсказаніе о семъ пророка Іереміи (2, 16 — 18). Пророкъ Осія за восемьсотъ лѣтъ предсказалъ о возвращеніи Богомла-

денца Христа съ Его Матерію и Іосифомъ изъ Египта, куда они бѣжали по повелѣнію ангела отъ Ирода, искавшаго убить Богомладенца Христа (Осіи 11, 1). Евангелистъ Матѳеѳей свидѣтельствуемъ объ исполненіи этихъ пророчествъ (2, 15). Пророки Исаія за семьсотъ лѣтъ и Малахія за четьреста лѣтъ предсказали, что предтечею открытаго служенія Христа спасенію рода человѣческаго будетъ Іоаннъ Креститель (Исаія 40, 3. Мал. 3, 1. 4, 5). И въ Евангеліи во многихъ мѣстахъ читаемъ объ исполненіи сихъ пророчествъ (Мат. 3, 1—3; 11, 10; 17, 10—13; Мар. 1, 2—4; 9, 11—13; Лук. 1, 76; 3, 4; 7, 27; Іоан. 1, 23). Пророки Моисей болѣе чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ, Давидъ болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ, Исаія за семьсотъ лѣтъ и Даніиль почти за пятьсотъ лѣтъ предсказали, что Христосъ будетъ помазанъ отъ Св. Духа (Исаіи 11, 2; 42, 1; 61, 1; Дан. 9, 24), будетъ пророкомъ, подобнымъ Моисею (Втор. 18, 15—18), будетъ священникомъ по чину Мельхиседекову (Псал. 109, 4), будетъ ходатаемъ новаго завѣта (Исаіи 2, 6; 55, 3—4; Дан. 9, 27; 3, 1). И въ книгахъ новаго завѣта мы видимъ ясное исполненіе всѣхъ этихъ пророчествъ (Матѳ. 3, 16; 12, 18; Мар. 1, 10; Лук. 3, 22; 4, 1; Іоан. 1, 32; 3, 24; Дѣян. 4, 27; 10, 38; Іоан. 1, 45; Дѣян. 3, 22; 7, 37; Евр. 5, 6; 7, 17; 22, 8, 6; 9, 15; 12, 24). Пророски Давидъ и Исаія предсказали, что открытое служеніе Христа дѣлу спасенія рода человѣческаго начнется въ Галилеѣ (Исаіи 8, 23; 9, 1), что ученіе его будетъ въ притчахъ (Псал. 77, 2), что Онъ будетъ чудесно исцѣлять людей отъ болѣзней (Исаіи 35, 5—6; 53, 4). Исполненіе всѣхъ этихъ пророчествъ мы видимъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о дѣлахъ и ученіи Христа Спасителя (Мат. 4, 12—16; Мар. 1, 14; Мат. 13, 34—35; Мар. 4, 33—34; Мат. 8, 17; 11, 4—5; Лук. 7, 21—22).

Выше было сказано, что хлысты признають Христа Спасителя, описаннаго въ Евангеліи, за простаго человѣка, подобнаго лжехристамъ, которые у нихъ появляются въ настоящее время. А такъ какъ Христосъ Спаситель Свое Божественное достоинство проявлялъ въ знаменіяхъ и чудесахъ, обнаруживалъ Свою Божественную власть надъ смертію, болѣзнями, бѣсами, видимою природою: воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ больныхъ, прогонялъ бѣсовъ, повелѣвалъ вѣтрамъ, ходилъ по водамъ и проч. и каждый мало-

грамотный христіанинъ въ этихъ чудесахъ признаетъ проявленіе Божественной силы Христа Спасителя, то хлысты и особенно представители ихъ секты стараются всѣ евангельскія и библейскія сказанія о чудесахъ объяснить въ смыслѣ притчей, иносказаній, историческія повѣствованія вытолковываютъ въ духовномъ, возводномъ смыслѣ. Дѣвица или женщина, путемъ проповѣди хлыстовскаго ученія успѣвшая нѣкоторыхъ изъ православія или другого какого либо исповѣданія склонить къ принятію хлыстовской ереси, есть богородица. Упомянутые въ книгахъ св. Писанія мертвые и потомъ воскрешенные, больные, хромые, слѣпые, бѣсноватые и потомъ исцѣленные—суть люди, которые прежде не вѣровали хлыстовскому ученію и были грѣшниками, а потомъ увѣровали, уразумѣли слово, научились дѣлать добро, то есть, воскресли духовно и исцѣлились духовно. Путемъ такого ложнаго толкованія св. Писанія хлысты получаютъ возможность кощунственно на ряду съ Христомъ Спасителемъ становить представителей своей секты, лжехристовъ, говоря, что ихъ христы могутъ творить и творять такія же чудеса ¹⁾.

По поводу такихъ хлыстовскихъ толкованій св. Писанія нужно замѣтить слѣдующее. Подъ притчами разумѣтся раскрытіе какой-либо отвлеченной мысли подъ видимыми образами, предметами, взятыми изъ видимой природы. Приточный, возводный, иносказательный смыслъ нѣкоторыхъ рѣчей Христа Спасителя прежде всего виденъ изъ самаго текста евангельскаго. Такія рѣчи Христа Спасителя или прямо въ Евангеліи называются „притчами“ (Мат. 13 гл.), или въ такихъ рѣчахъ встрѣчается слово „подобно“. Царствіе небесное, напимѣръ, говоритъ Христось Спаситель, *подобно* хозяину дома, который рано поутру вышелъ нанять работниковъ въ виноградникъ свой (Мат. 20, 1). Или вслѣдъ за поученіемъ Христа, предложеннымъ въ притчѣ, Христось,

¹⁾ При разборѣ Окружнымъ судомъ дѣла о хлыстовской пропагандѣ въ Кагальницкой станицѣ, Донской области, одинъ изъ свидѣтелей, между прочимъ, объяснилъ, что когда на одномъ радѣніи у хлыстовъ читалось изъ Евангелія мѣсто объ исцѣленіи бѣсноватыхъ и больныхъ Христомъ Спасителемъ (Мар. 1 гл.), то казакъ Илья Гамаркинъ, именуемый лжехристось, говорилъ: все это и я дѣлалъ, а мы, говорилъ свидѣтель, смотря на Илью плакали, что и у насъ открылась такая благодать.

какъ сердецѣдецъ, видя, что слушатели не поняли Его поученія, сейчасъ же дѣлалъ и объясненіе притчи. Въ одно время, на примѣръ, Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: *смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской*. Ученики же думали: это значить, что хлѣбовъ они не взяли. Уразумѣвъ это, Исусъ сказалъ имъ: что помышляете въ себѣ, маловѣрные, что хлѣбовъ не взяли... какъ не разумѣете, что не о хлѣбѣ сказалъ Я вамъ: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Тогда они поняли, что Онъ говорилъ имъ беречься не закваски хлѣбной, но ученія фарисейскаго и саддукейскаго (Матѳ. 16, 6—8, 11—12). Или же самъ евангелистъ, написавши извѣстныя слова въ иносказательномъ смыслѣ, затѣмъ сейчасъ же поясняетъ ихъ. Вотъ такой примѣръ. Христосъ сказалъ ученикамъ: *Лазарь, другъ нашъ, уснулъ, но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи, если уснулъ, то выздоровѣетъ*. Затѣмъ сейчасъ же евангелистъ отъ себя замѣчаетъ, что Исусъ говорилъ о смерти его, а они думали, что Онъ говорилъ о снѣ обыкновенномъ (Іоан. 11, 11—13). Ни въ одномъ же изъ евангельскихъ повѣствованій о чудесахъ, сотворенныхъ Христомъ Спасителемъ, нѣтъ замѣчанія, что ихъ нужно понимать, какъ притчи. Всѣ видѣвшіе сіи чудеса понимали ихъ, какъ дѣла сверхъестественныя, возможныя только для Бога, что никто изъ людей естественными человѣческими силами не можетъ творить ихъ. И Христосъ Спаситель ни однажды не замѣтилъ по этому поводу, что чудеса, совершенныя Имъ, понимаются неправильно, что ихъ нужно понимать въ другомъ какомъ-либо переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ притчи. Понимая чудеса, совершенныя Христомъ Спасителемъ въ смыслѣ дѣйствительныхъ, сверхъестественныхъ событій, ни ученики Христа Спасителя, ни другіе слушатели и очевидцы Его чудесъ, никогда не просили Его объяснить самыя чудеса, какъ дѣла непостижимыя для человѣческаго разумѣнія.

Что евангельскія повѣствованія о чудесахъ Христа Спасителя нужно понимать въ смыслѣ историческихъ, дѣйствительныхъ, видимыхъ чувственными очами человѣка событій, это съ непрекаемою ясностью видно и изъ того, что даже враги Христа Спасителя, книжники и фарисеи, которые въ прославленіи Христа знаменіями и чудесами видѣли под-

рывъ своего значенія и уваженія въ народѣ, а потому естественно желали ослабить въ народѣ впечатлѣніе и обаяніе, производимое на народъ чудесами Христа, и тѣ никогда не рѣшались отвергать историческую дѣйствительность и очевидную несомнѣнность чудесъ, совершаемыхъ Христомъ. Будучи враждебно настроены противъ Христа Спасителя и желая умалить въ глазахъ народа значеніе чудесъ, совершенныхъ Имъ, книжники и фарисеи нерѣдко пытались, упрекать Христа, что онъ совершеніемъ чудесъ нарушаетъ законъ Моисея, совершаетъ чудеса, по ихъ понятію, въ недозволенное время, въ субботу, день покоя, когда законъ Моисея воспрещалъ заниматься обыкновенными житейскими дѣлами. Низводя чудеса Христа въ рядъ обыкновенныхъ дѣлъ, книжники и фарисеи обвиняли Христа въ нарушеніи закона Моисея, но никогда не осмѣливались не только отвергать, но даже и заподозривать несомнѣнную дѣйствительность и очевидность чудесъ, такъ какъ свидѣтелемъ несомнѣнной очевидности чудесъ былъ народъ, который, при первой попыткѣ враговъ Христа заподозрить дѣйствительность чудесъ, могъ обличить заподозривателей въ неправдѣ. Возьмемъ для примѣра одно изъ такихъ Евангельскихъ повѣствованій. *Въ одной изъ синагогъ училъ Христосъ въ субботу. Тамъ была женщина, восемнадцать лѣтъ имѣвшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться. Иисусъ, увидѣвъ ее, подошелъ и сказалъ ей: женщина! ты освобождаешься отъ недуга твоего. И возложилъ на нее руки; и она тотчасъ выпрямилась и стала славить Бога. При этомъ начальникъ синагоги, негодуя, что Иисусъ исцѣлялъ въ субботу, сказалъ народу: есть шесть дней, въ которые должно дѣлать; въ тѣ и приходите исцѣляться, а не въ день субботній* (Лук. 13, 10—14). Еслибы, согласно хлыстовскому толкованію, въ этомъ евангельскомъ разсказѣ подъ духомъ немощи, державшемъ женщину въ скорченномъ положеніи, разумѣть духа немощи дѣлать добрыя дѣла, согласныя съ хлыстовскими заповѣдями, а подъ исцѣленіемъ, совершеннымъ Христомъ, наученіе, преподаваемое Имъ женщинѣ о томъ, какъ творить добрыя дѣла, то усвоеніе этого наученія женщиною, какъ психологическое явленіе, доступное только внутреннему сознанію женщины, внутреннему самонаблюденію и недоступное для внѣшняго наблюденія постороннихъ, окружавшихъ ее лицъ, очевидно

не могло бы у начальника синагоги вызвать такого замѣчанія женщинъ: *есть шесть дней, въ которые должно дѣлать; въ тѣ и приходите исцѣляться, а не въ день субботній.* Во вторыхъ, еслибы подѣ исцѣленіемъ скорченной разумѣть наученіе, то начальникъ синагоги, основываясь на законѣ Моисея, и не могъ сказать, что въ субботу нельзя поучаться въ законѣ. День субботній, по закону Моисея, какъ посвященный на служеніе Богу, евреи должны были проводить въ добрыхъ дѣлахъ—молитвѣ и поученіи въ законѣ Господнемъ. Еще подобный примѣръ. *Случилось Христу въ субботу придти въ домъ одного изъ начальниковъ фарисейскихъ... и вотъ предсталъ предъ Него чловѣкъ, страждущій водяною болѣзнію. По сему случаю Иисусъ спросилъ законниковъ и фарисеевъ: позволительно ли врачевать въ субботу. Они молчали. И прикоснувшись исцѣлилъ его и отпустилъ* (Лук. 14, 1—4).

Опять, если подѣ исцѣленіемъ разумѣть наученіе, то почему же законники и фарисеи молчали на вопросъ Христа Спасителя: позволительно ли учить въ субботу? Не только законникамъ и фарисеямъ было хорошо извѣстно, что именно въ субботу по преимуществу предѣ другими днями нужно поучаться въ законѣ Господнемъ, но и всѣмъ евреямъ это было вполне извѣстно. И вопросъ Христа Спасителя не представлялъ бы никакого затрудненія для отвѣта. Подобныя же евангельскія повѣствованія о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ Иисусомъ Христомъ въ субботу, есть и въ другихъ мѣстахъ Евангелія: Марк. 3, 1—6; Іоан. 5, 1—18; 9, 1—16. Евангелистъ Матѳей повѣствуетъ о чудесномъ насыщеніи Христомъ семью хлѣбами и небольшимъ количествомъ рыбы четырехъ тысячъ чловѣкъ (Матѳ. 15, 33—39). Если, согласно хлыстовскому толкованію, въ этомъ чудѣ нужно разумѣть духовное насыщеніе алчущихъ и жаждующихъ правды, то какъ понимать слѣдующія слова Христа Спасителя, что народъ *уже три дня находится при Мнѣ, и нечего ему пить*; отпустить же его не ѣвши не хочу, чтобы не ослабѣлъ въ дорогѣ (Матѳ. 15, 32). Недостатка въ духовной пищѣ у Господа не могло быть. Онъ для того и явился на землѣ, чтобы дать людямъ духовную пищу для вѣчной жизни (Іоан. 6, 27). Эту духовную пищу Христось Спаситель предлагалъ людямъ всегда и вездѣ: и на морѣ, и на горѣ, и въ пустынѣ, и въ селахъ, и въ городахъ, сло-

вомъ вездѣ, гдѣ только являлся Господь. Далѣе. Если подѣ чудеснымъ насыщеніемъ семью хлѣбами и небольшимъ количествомъ рыбы разумѣть духовное насыщеніе алчущихъ и жаждующихъ правды, то для чего евангелисты включаютъ въ число ѣвшихъ дѣтей, между ними, нужно полагать, были и несмысленные младенцы, которые не могли слушать, понимать и насыщаться ученіемъ Христа Спасителя. О чудесахъ Христа Спасителя, какъ дѣйствительныхъ, историческихъ событіяхъ, извѣстныхъ очевидцамъ и современникамъ оныхъ, свидѣтельствуютъ писатели и іудейскіе и языческіе. Современный Христу іудейскій историкъ Іосифъ Флавій пишетъ, что въ его время явился въ Галилеи великій чудотворецъ—Христосъ. А учитель христіанской Церкви Тертуліанъ свидѣтельствуетъ, что римскій императоръ Тиверій Августъ, собравши свѣдѣнія объ Исусѣ Христѣ, предлагалъ римскому сенату внести Христа Спасителя въ число боговъ, чтимыхъ римлянами.

Такимъ образомъ, прежде всего самый евангельскій текстъ повѣствованій о знаменіяхъ и чудесахъ, совершенныхъ Христомъ Спасителемъ, даетъ много ясныхъ и твердыхъ основаній къ отрицанію хлыстовскаго ученія, что евангельскія рассказы о чудесахъ нужно понимать въ смыслѣ притчей, иносказаній.

Пророкъ Даніиль за пятьсотъ лѣтъ предсказалъ съ точностью время смерти Христа Спасителя, прекращеніе ветхозавѣтныхъ жертвъ и установленіе новаго завѣта, что должно совершиться въ семидесятую седмицу лѣтъ, то есть отъ 486 $\frac{1}{2}$ года по 490 годъ отъ появленія второго указа персидскаго царя Артаксеркса (Неем. 2 гл.), изданнаго въ двадцатый годъ его царствованія, за 453 года до Рождества Христова, о возстановленіи Іерусалима послѣ разрушенія его полководцемъ Навуходносора Навузарданомъ (Іерем. 52 гл.), когда Неемія, виночерпій царя Артаксеркса, помолвившись Богу, выпросилъ у царя дозволеніе возвратиться въ Іудею, довершить недостававшее въ храмѣ Божіемъ, обстроить городъ Іерусалимъ стѣнами, башнями, призвать въ него жителей и возбудить у священниковъ ревность къ исполненію закона Божія (Творенія блаж. Θεодорита Кирскаго часть 4 стр. 182—183. Москва. 1857 г.). Въ евангеліяхъ мы видимъ, что Христосъ Спаситель, дѣйствительно, въ

послѣднюю седмицу изъ семидесяти седмиць со времени изданія указа царя Артаксеркса Нееміи, принесши себя въ жертву за грѣхи людей на крестѣ, отмѣнили кровавыя ветхозавѣтныя жертвы (Евр. 10, 1—18). Пророки Захарія за пятьсотъ лѣтъ и Малахія за чотыреста лѣтъ предсказали торжественный входъ Христа во Іерусалимъ (Зах. 9, 9) и явленіе Его во храмъ (Мат. 3, 1), и въ Евангеліи мы видимъ исполненіе этихъ пророчествъ (Мат. 21, 4—9; Іоан. 12, 12—16; Мат. 21, 12; Мар. 11, 15; Лук. 19, 45; Іоан. 2, 13—16). Пророки Давидъ и Исаія предсказали, что Христось на землѣ будетъ въ уничиженномъ состояніи (Исаія 53, 2), будетъ отличаться кротостію и смиреніемъ (Исаія 42, 2), любвеобильностію и состраданіемъ къ людямъ (Ис. 40, 11; 42, 3), чистымъ безукоризненнымъ характеромъ (Исаи 11, 5; 53, 9), ревностію по Богъ (псал. 68, 9). И всѣ эти пророчества оправдались на Иисусѣ Христѣ (Мат. 13, 55; Мар. 6, 3; Лук. 9, 58; Іоан. 6, 42; Филип. 2, 7; Мат. 11, 29; 12, 16—19; Лук. 22, 27; Фил. 2, 8; Мат. 9, 36; 12, 15—20; 14, 14; 20, 34; Мар. 6, 34; Лук. 19, 41; Дѣян. 10, 38; 2 Кор. 5, 21; 1 Петр. 1, 19; 2, 22; 3, 18; I Іоан. 3, 5; Мат. 21, 12—13; Мар. 11, 15—17; Лук. 19, 45; Іоан. 2, 14—17). Тоже пророки—Давидъ и Исаія предсказали, что Христа Спасителя будутъ презирать (Псал. 21, 6; 68, 7, 9, 20; Исаи 49, 7; 53, 3), что Онъ будетъ отвергнутъ братьями (Псал. 68, 8; Исаи 53, 3), князьями и начальниками языческими и іудейскими (Псал. 2, 1—2; 117, 22), будетъ для іудеевъ предметомъ ненависти, камнемъ претыканія и соблазна (Псал. 68, 4; 108, 5; Псал. 8, 14). И эти пророчества исполнились на Иисусѣ Христѣ (Мат. 13, 54—57; Мар. 6, 3; 9, 12; 23, 11; Іоан. 6, 42; 9, 29; Рим. 15, 3; Мар. 3, 21; Іоан. 1, 11; 7, 5; Мат. 27, 18; Мар. 15, 10; Іоан. 15, 18—25; Мат. 2, 3—18; Лук. 23, 12; Дѣян. 4, 25—27; Мат. 21, 42—45; Іоан. 7, 48; 9, 29; Дѣян. 4, 11; I Кор. 2, 8; Мар. 12, 10—12; Лук. 20, 17—19; I Петр. 2, 7—8; Римл. 9, 32—33). Пророки Давидъ, Исаія, Даніиль, Моисей и Захарія предсказали, что Христось Спаситель будетъ преданъ врагамъ однимъ изъ Его учениковъ (Псал. 40, 9), оставленъ своими учениками (Зах. 13, 7), будетъ проданъ за тридцать сребренниковъ (Зах. 11, 12), что за эти деньги потомъ будетъ куплено поле горшечника (Зах. 11, 13), что Онъ будетъ страдать и мучиться за грѣхи всего народа (Исаи 53, 4. 6—11; 63, 1—5),

что Ему нанесутъ удары-побои по ланитамъ, будутъ плевать въ лицо и оскорблять (Исаи 50, 6; Мих. 5, 1; Псал. 21, 7—8; Исаи 68, 19—20; Псал. 88, 51), что Онъ будетъ обвиняемъ ложными свидѣтелями (Псал. 26, 12; 34, 11), что Его руки и ноги будутъ прободены (Псал. 21 16; Зах. 13, 6), что Ему дадутъ пить уксусъ съ желчью (Псал. 68, 21), что Онъ будетъ какъ бы оставленъ Богомъ (Псал. 21, 1), поставленъ въ число злодѣевъ (Исаи 53, 12), съ молчаніемъ будетъ терпѣть это отъ своихъ гонителей (Ис. 53, 7) и будетъ даже ходатайствовать за своихъ убійцъ (Ис. 53, 12; Псал. 108, 4), которые осудятъ Его на смерть (Ис. 53, 12; Дан. 9, 26). Изъ книгъ новаго завѣта мы видимъ, что всѣ эти пророчества сбылись на Христѣ Спасителѣ: предательство—Мат. 26, 23—25; оставленіе учениками—Мат. 26, 31. 56; Мар. 14, 27. 50; Иоан. 16, 32; сребренники — Мат. 26, 14—16; 27, 9; Мар. 14, 10—11; Лук. 22, 4—6; поле горшечника—Мат. 27, 6—10; мученіе за грѣхи народа—Мат. 20, 28; 26, 67; Мар. 10, 45; 14, 33—36; Лук. 22, 42. 44; Иоан. 12, 27; Дѣян. 3, 18; I Петр. 2, 21; 3, 18; удары, плеваніе въ лицо и оскорбленія—Мат. 26, 29—62; 27, 39—49; Мар. 14, 65; 15, 19; 29—39; Лук. 22, 63—64; Иоан. 18, 22; 19, 3; обвиненіе лжесвидѣтелями — Мар. 26, 59—62; Мар. 14, 55—60; Лук. 23, 10; прободеніе рукъ и ногъ—Мат. 27, 35; Мар. 15, 24; Лук. 23, 33; Иоан. 19, 18; 20, 25—27; желчь и уксусъ—Мат. 27, 34. 48; Лук. 23, 35—37; Иоан. 19, 28—30; кажущееся оставленіе Богомъ—Мат. 27, 46; Мар. 15, 34; поставленіе въ число злодѣевъ—Мат. 27, 38; Мар. 15, 27—28; Лук. 22, 37; 23, 33; молчаніе предъ гонителями—Мат. 26, 62; 27, 12—14; Мар. 14, 60—61; 15, 3—5; Лук. 23, 9; Дѣян. 8, 32—35; ходатайство за убійцъ—Лук. 23, 34, осудившихъ на смерть—Мат. 27, 50; Мар. 15, 44; Лук. 23, 46; Иоан. 19, 33; Дѣян. 10, 39; 13, 27—29. Пророки Моисей, Давидъ, Исаи, Иоиль (за 700 лѣтъ), Амосъ (за 700 лѣтъ) и Захарія пророчествовали, что смерть Христа Спасителя будетъ сопровождаться чудесами (Иоил. 2, 30—31; Амос. 8, 9), что раздѣлятъ Его одежды и будутъ бросать о нихъ жребій (Псал. 21, 18), что ни одна изъ костей Его не будетъ повреждена (Исх. 12, 46; Числ. 9, 12. 46; Псал. 33, 20), Онъ будетъ прободенъ (Зах. 12, 10), похороненъ будетъ богатыми (Исаи 53, 9), тѣло Его не подвергнется тлѣнію (Псал. 15, 10), что онъ воскреснетъ и вознесется на небеса (Псал. 15,

10; 23, 7-10; 67, 18; 109, 1; Исаи 53, 9). Въ св. книгахъ новаго завѣта видимъ исполненіе и этихъ пророчествъ: чюдеса по смерти—Мат. 27, 45; Мар. 15, 33; Лук. 23, 44—45; раздѣленіе одеждъ—Мат. 27, 35; Мар. 15, 24; Лук. 23, 34; Иоан. 19, 23, 34;—о цѣлости костей—Иоан. 19, 33, 36;—о прободеніи—Иоан. 19, 34, 37; погребеніе богатыми—Мат. 27, 57, 60; Мар. 15, 43—46; Лук. 23, 50—53; Иоан. 19, 38—42; нетлѣніе тѣла—Дѣян. 2, 25—31; 13, 35—37; воскресеніе и вознесеніе на небеса—Мат. 16, 6; 28, 6—7; Лук. 24, 6, 34, 51; Иоан. 20, 14; Дѣян. 1, 9; 2, 24, 32—35; 13, 30, 37; Ефес. 4, 8—10. Пророки: Давидъ, Исаія, Іеремія, Іоиль, Захарія, Данииль и Михей предсказали, что Христосъ по своемъ вознесеніи на небо сядетъ одесную Бога Отца (Псал. 109, 1), что Онъ пошлетъ своимъ ученикамъ Святаго Духа (Псал. 67, 18; Іоил. 2, 28—29), что Онъ будетъ первосвященникомъ на небѣ и ходатаемъ за грѣшниковъ (Зах. 6, 13), будетъ краеугольнымъ камнемъ въ Церкви (Псал. 117, 22; Иоан. 28, 16) и ея верховнымъ пастыремъ (Исаи 34, 23; 40, 11), свѣтомъ и спасеніемъ народовъ (Исаи 11, 10; 42, 1, 6; 49, 6; 55, 4—5) и будетъ царствовать съ правдою надъ всѣми народами вѣчно (Числ. 24, 17; Псал. 2, 7—9; 44, 6—7; 71, 2—8; Исаи 9, 6; 11, 4; 42, 3; Іерем. 23, 5; 33, 15; Дан. 7, 14; Мих. 7, 4). И эти пророчества о Христѣ Спасителѣ исполнились и исполняются доселѣ, какъ мы видимъ изъ книгъ св. Писанія новаго завѣта: сѣдѣніе одесную Бога Отца—Дѣян. 2, 34; Рим. 8, 33—34; Евр. 1, 3, 10, 12; посольство Св. Духа ученикамъ—Дѣян. 2, 1—4, 16, 18; первосвященство и ходатайство на небѣ—Рим. 8, 33—34; Евр. 7, 25; краеугольный камень Церкви—Мат. 16, 16—18; 21, 42; Мар. 12, 10; Лук. 20, 17; Дѣян. 4, 11; I Петр. 2, 6—7; I Кор. 3, 11; Ефес. 2, 20; верховное пастырство въ Церкви—Иоан. 10, 11, 14; Евр. 13, 20; I Петр. 2, 25; 5, 4; свѣтъ и спасеніе народовъ—Мат. 12, 18, 21; Мар. 16, 15—16; Лук. 2, 32; 24, 47; Иоан. 1, 4—9; 8, 12; 10, 16; 12, 46; Дѣян. 11, 17—18; 13, 47; вѣчное съ правдою царствованіе надъ всѣми народами—Лук. 1, 32—33; Иоан. 5, 30; Филип. 2, 9—11; Откр. 19, 11. Наконецъ ветхозавѣтные пророки Самуиль, Давидъ, Соломонъ, Данииль, Іоиль и Самъ Христосъ Спаситель и апостолы предсказали, что воплотившійся Сынъ Божій, на Которомъ со всею ясностью и неукоснительною точностію исполнились ветхозавѣтныя про-

рочества о Его первомъ пришествіи на землю и открытомъ и униженномъ служеніи дѣла спасенія человѣческаго рода, о Его смерти, воскресеніи, вознесеніи на небеса и послѣдующемъ духовномъ царствованіи надъ міромъ, снова во второй разъ придетъ на землю въ Своемъ прославленномъ тѣлѣ съ силою и славою многою для окончательнаго страшнаго суда надъ міромъ, потребовать у людей отчета въ томъ, какъ они воспользовались евангельскою проповѣдію и плодами искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, то есть благодатными дарами, необходимыми для нашего спасенія (1 Пар. 16, 33; Псал. 9, 7—8; 49, 1—6; 95, 13; 97, 9; 109, 5—6; Еккл. 13, 17; Исаи 1, 27—28; 2, 10—21; Дан. 7, 10; Иои. 2, 30; 3, 13—17; Мат. 11, 21—24; 16, 27; 24, 30—31; 25, 31—46; Лук 10, 12—14; Іоан. 5, 25—29; Дѣян. 17, 31; Рим. 14, 10; 2 Кор. 5, 10; 2 Солун. 4, 16—17; Евр. 9, 27). Второе пришествіе Христа Спасителя на землю по обстоятельствамъ, при которыхъ оно произойдетъ, будетъ совершенно отлично отъ перваго Его пришествія. Первое пришествіе Сына Божія на землю не предварялось никакими особыми чрезвычайными явленіями въ видимой природѣ, кромѣ звѣзды на востокѣ, которую замѣтили волхвы. Въ первое Свое пришествіе на землю Христосъ родился по плоти отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, по наитію Св. Духа, младенцемъ; возрасталъ, какъ человѣкъ, по законамъ человѣческой природы, ѣлъ, пилъ, чувствовалъ усталость, спалъ, скорбѣлъ и даже плакалъ; словомъ, въ первое Свое по плоти пришествіе на землю Христосъ Спаситель явился въ самоуниженномъ смиренномъ человѣческомъ образѣ раба и жилъ на землѣ тридцать три года съ половиною. Второе пришествіе Сына Божія на землю будетъ предварено особыми чрезвычайными явленіями, какъ въ человѣческомъ родѣ, такъ и въ видимой природѣ. Люди будутъ переживать такую невыносимо тяжелую скорбь, *какой не было отъ начала міра... и не будетъ*. Послѣ скорби дней тѣхъ солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются. Явится на небѣ знаменіе Сына Человѣческаго, то есть, крестъ, побѣдное знаменіе Христа Спасителя надъ адомъ и смертію. Самое второе пришествіе на землю Христа Спасителя въ прославленномъ тѣлѣ будетъ быстро, мгновенно, подобно молніи. *Какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада; такъ*

будетъ пришествіе Сына Человѣческаго (Матѳ. 24, 27), грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою. Всѣ племена земныя, невѣровавшія ученію Христа Спасителя, увидѣвши Его идущаго судить ихъ, восплачутся. Онъ пошлетъ своихъ ангеловъ съ громогласною трубою, дабы собрать избранныхъ Его со всей вселенной. Всѣ ветхозавѣтныя пророчества о первомъ пришествіи на землю воплотившагося Сына Божія, о Его жизни и дѣлахъ на землѣ, какъ мы видѣли изъ книгъ св. Писанія новаго завѣта, исполнились со всею неукоснительною точностію. А это всѣмъ православнымъ христіанамъ даетъ полную и несомнѣнную увѣренность, что и пророчества о второмъ пришествіи на землю воплотившагося Сына Божія для страшнаго суда исполнятся.

Христось, описанный въ Евангеліи, есть Единородный Сынъ Божій (Іоан. 1, 14, 18; 3, 16; І Іоан. 4, 9), истинный и вѣчный Богъ (І Іоан. 5, 20), равный по Божеству—Божеокимъ достоинствамъ и совершенствамъ Богу Отцу (Іоан. 5, 17; 19, 21—26; Іоан. 10, 28—29; 14, 7), всемогущій (Іоан. 5, 17; 19, 21; Мат. 28, 18; 1 Кор. 1, 23, 24; Ефес. 1, 21) Творецъ всего видимаго и невидимаго (Іоан. 1, 3, 10; 1 Кор. 8, 6; Колос. 1, 16; Евр. 1, 2, 10; 9, 2). Христу Спасителю приличествуетъ Божеское поклоненіе и почитаніе (Іоан. 5, 23; Филип. 2, 10—11). Христось Спаситель есть Богъ, явившійся во плоти (1 Тим. 3, 16; Кол. 9, 2) для искупленія людей отъ грѣха (Петр. 2, 22; І Іоан. 3, 5; Тит. 2, 14), проклятія (Гал. 3, 13) и вѣчной грѣховной смерти (Іоан. 10, 28). У насъ *одинъ* Господь Исусъ Христось (1 Кор. 8, 6). Если мы знали Христа по плоти, то *нынѣ* уже не знаемъ (2 Кор. 5, 16). Христось есть единый Спаситель всѣхъ людей (Дѣян. 4, 12; 1 Тим. 2, 5—6) и единымъ остающійся на вѣки (Евр. 13, 8), Алфа и Омега, Начало и Конецъ, Первый и Послѣдній (Откр. 1, 10, 17; 2, 8; 22, 13). Другихъ, новыхъ воплощеній Сына Божія и явленій истинныхъ Христовъ на землѣ, подобныхъ первому явленію Сына Божія во плоти на землѣ, описанному въ Евангеліи, быть не можетъ и въ нихъ нѣтъ нужды, такъ какъ Христось единокрatнымъ принесеніемъ Себя въ жертву искупилъ людей отъ всякаго грѣха (Евр. 9, 28; 10, 14), совершилъ искупленіе вполне достаточное, довольющее для удовлетворенія правосудію Божію (Рим. 5, 15—17; Евр. 9, 2; 10, 12, 14).

Такимъ образомъ подробное обслѣдованіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ о явленіи Сына Божія во плоти на землѣ, Его жизни, дѣлахъ и чудесахъ, страданіяхъ, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небеса и сопоставленіе этихъ пророчествъ въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ даетъ возможность вѣрующему христіанину по ветхозавѣтнымъ пророчествамъ изучить новозавѣтную евангельскую исторію жизни Христа Спасителя и Его искупительной жертвы за грѣхи человѣческаго рода. На такое значеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ указываютъ и Самъ Христосъ Спаситель невѣровавшимъ въ Него іудеямъ: *изслѣдуйте писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. 5, 39). Такъ Промыслъ Божій, неуспынно пекущійся о спасеніи человѣческаго рода, предувѣдомлялъ его и подготавливалъ къ принятію Искупителя. Поэтому и апостолы, обращаясь съ проповѣдію о Христѣ къ евреямъ, въ подтвержденіе своихъ рѣчей ссылались на ветхозавѣтные пророчества, какъ, напримѣръ, ап. Петръ въ день Пятидесятницы (Дѣян. 2 гл.) и ап. Павелъ въ Римѣ (Дѣян. 28, 23) и проч. А потому если бы были возможны и необходимы для спасенія людей новыя воплощенія и явленія Сына Божія на землѣ, то въ св. Писаніи Христосъ Спаситель не былъ бы названъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ (Гал. 4, 4). Алфюю и Омегою, Началомъ и Концомъ, Первымъ и Последнимъ (Откр. 1, 10. 17; 2, 8; 22, 13). Духъ Святыи съ поразительною ясностію, подробностію и точностію за нѣсколько сотъ лѣтъ устами пророковъ предсказавшій все обстоятельства рожденія, смерти, воскресенія и вознесенія на небеса Христа Спасителя, описаннаго въ Евангеліи, несомнѣнно устами тѣхъ же или другихъ боговдохновенныхъ пророковъ предсказать бы людямъ, предувѣдомилъ бы ихъ и о новыхъ воплощеніяхъ и явленіяхъ Сына Божія на землѣ, такъ какъ Онъ неуспынно печется о спасеніи людей. Но въ св. Писаніи не только нѣтъ пророчествъ о новыхъ воплощеніяхъ и явленіяхъ Сына Божія, Христа на землѣ, но ясно и рѣшительно запрещается думать о новыхъ явленіяхъ и принимать вновь являющихся Христовъ. Св. Писаніе называетъ лжехристами и повелѣваетъ удаляться и беречься ихъ. *Иисусъ сказалъ: берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ. Ибо многіе приидутъ подъ Моимъ именемъ, и будутъ гово-*

рить: я христомъ, и многихъ прельстятъ. Ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки, и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно и избранныхъ (Мат. 24, 4. 5. 24). Въ виду такихъ ясныхъ и рѣшительныхъ предостереженій мы не только не должны принимать вновь являющихся Христовъ; но и пророковъ и чудотворцевъ, если они будутъ являться на землѣ, только тогда признавать за истинныхъ посланниковъ Божіихъ, когда они будутъ творить чудеса и пророчествовать не въ свое имя, но во имя Единого Бога, во Святой Троицѣ славимаго, и во имя Христа Спасителя евангельскаго. И послѣдній антихристъ и его помощники, желая уподобиться своими дѣлами Христу евангельскому и Его апостоламъ, тоже будутъ творить чудеса, какъ видно изъ вышеуказанныхъ словъ Христа Спасителя; но они, какъ противники Христа Евангельскаго, будутъ творить чудеса не божественною силою, а силою веельзевула, князя бѣсовскаго, какъ его слуги и орудія; будутъ творить чудеса не во имя истиннаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, и Христа Евангельскаго, такъ какъ они все это будутъ отвергать.

Въ виду яснаго и неукоснительнаго исполненія всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи на Иисусѣ Христѣ напрасны и ожиданія субботниковъ имѣющаго быть явленія Мессіи на землѣ. Ихъ невѣріе Мессіи Евангельскому есть невѣріе Самому Богу Отцу, посылавшему ветхозавѣтныхъ пророковъ для изреченія обѣтованій о Мессіи Иисусѣ Христѣ, на Коемъ они вполнѣ оправдались.

Прот. Н. Кутеповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Миссіонерская бесѣда о вѣчности Церкви Христовой ¹⁾.

Въ сентябрѣ 1899 года мною было проведено нѣсколько публичныхъ собесѣдованій съ раскольниками города Ростова. Выступавшій тогда въ защиту раскола крестьянинъ села Городища, слѣпецъ П. И. Подрядчиковъ, сознавшись въ своемъ безсиліи оправдать ученіе раскола, заявилъ, что онъ, съ согласія ростовскихъ раскольниковъ, пригласить въ Ростовъ для собесѣдованій со мной кого-либо изъ видныхъ защитниковъ раскола.

И дѣйствительно, 16 января 1900 года я получилъ отъ предсѣдателя Ростовскаго миссіонерскаго комитета, священника о. Константина Молчанова, телеграмму о пріѣздѣ въ Ростовъ защитника раскола Усова. 17 января я поѣхалъ въ Ростовъ, предварительно сообщивъ телеграммой о. Молчанову, что бесѣды начнутся 18.

18 января мы съ о. К. Молчановымъ поѣхали къ лже-священнику Филиппу Привалову, у котораго остановился И. Г. Усовъ.

Познакомлю читателей „Мисс. Обзор“. съ г. Усовымъ. Это—низенькій, нѣсколько сгорбленный молодой человекъ, лѣтъ 32—35, худощавый, съ маленькой, остренькой черноватой бородкой, съ быстро бѣгающими хитрыми глазами. Одѣтъ онъ былъ тогда въ московскую поддевку съ сборками, обуть въ „смазные“ сапоги „съ дутыми глянцевыми бураками“; волоса на голевѣ густо намажены и тщательно расчесаны на двѣ равныя половины („прямой рядъ“) и подстрижены „въ скобку“; говорить Усовъ въ домашней бесѣдѣ тихо, вкрадчиво, съ слащавой улыбочкой на устахъ.

Когда мы вошли въ квартиру Привалова, тамъ былъ на-

---

¹⁾ Это мое собесѣдованіе происходило съ защитникомъ раскола И. Г. Усовымъ, въ январѣ 1900 года въ Ростовскомъ на Дону городскомъ соборѣ.

лицо весь ростовскій раскольничій „причетъ“ и нѣкоторые купцы—представители раскола.

Познакомившись съ Усовымъ (остальныхъ я уже почти всѣхъ зналъ), мы рѣшили въ этотъ же день начать собесѣдованія по слѣдующей программѣ вопросовъ:

Бесѣда первая. „О вѣчности Церкви Христовой съ трехчинной іерархіей и семью таинствами“,

Бесѣда вторая. „О незаконности и безблагодатности австрійской іерархіи“, и

Бесѣда третья. „О причинахъ отдѣленія раскольниковъ-старообрядцевъ отъ православной Церкви“.

Въ 12 часовъ дня, 18 января, съ колокольной городской собора раздался звонъ, возвѣщавшій о собесѣдованіяхъ. Народъ переполнилъ обширный соборъ, окруживъ плотною стѣною со всѣхъ сторонъ устроенное среди собора возвышеніе для собесѣдованій. Каждое собесѣдованіе начиналось пѣніемъ молитвы Духу Святому: „Царю небесный“ и оканчивалось пѣніемъ же „Достойно есть“ и тропаря: „Спаси, Господи, люди Твоя“; во время краткихъ перерывовъ бесѣды пѣвчими городскихъ церквей исполнялись догматики древняго знаменнаго распѣва. Городское духовенство, во главѣ съ благочиннымъ о. А. Крыловымъ, усердно посѣщало собесѣдованія, а нѣкоторые священники, какъ, напри- мѣръ, о. К. Молчановъ и с. Батайска о. П. Шикуновъ, принимали и участіе въ нихъ.

Предпославъ сіи предварительныя краткія и общія свѣдѣнія о собесѣдованіяхъ, приступаю и къ подробному описанію ихъ, вмѣнивъ себѣ въ непремѣнную обязанность указать *всѣ* доказательства, какія только могъ придумать и привести въ защиту незащитимаго раскола г. Усовъ.

Вотъ содержаніе нашей первой бесѣды о вѣчности Церкви Христовой съ трехчинной іерархіей и семью таинствами.

Миссіонеръ. Св. апостоль Павелъ, уподобляя Церковь Христову тѣлу человѣка, въ первомъ своемъ Посланіи къ Коринѣянамъ говоритъ: *какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ* (12 гл. 12 ст.). „Сіе есть,—поясняетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—такъ и Христово тѣло, еже есть Церковь“. *Тѣло же,—продолжаемъ слова св. апостола,—не изъ одного члена, но изъ многихъ... А если бы всѣ были одинъ членъ,*

то гдѣ было тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно... И вы тѣло Христово, и порознь члены... И иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви, во-первыхъ, апостолами, во-вторыхъ пророками, въ-третьихъ учителями... *Всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли учителя?*... (1 Кор. 12, 14—29). Тѣло человѣка состоитъ изъ многихъ членовъ: головы, рукъ, ногъ и проч., но всѣ эти члены составляютъ одно тѣло, всѣ одинаково заботятся другъ о другѣ: страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены. И св. Церковь Христова, составляя одно тѣло Христово, состоитъ изъ многихъ членовъ, выполняющихъ разное служеніе, но крѣпко связанныхъ между собою узами взаимной христіанской любви, единствомъ вѣры и благодатныхъ даровъ.

Первый и главный членъ видимой, существующей на землѣ, Церкви—суть епископы, преемники апостольскаго служенія. „У насъ мѣсто апостоловъ занимаютъ епископы“, говоритъ блаж. Іеронимъ (27 посл. къ Маркеллу). „Епископъ представляетъ собою лице Христа и есть намѣстникъ Господа“, учитъ св. Амвросій Медиоланскій (толков. на 1 Посл. къ коринѣ). „Епископы убо по образу Господа нашего Іисуса Христа, и глава церковнаго тѣлеси именуемы суть“ (Кормч. л. 15 об. въ толков. на 55 апост. правило). „Что бо есть епископъ, аще не паче всякаго начальства и власти надъ всѣми начальствуяй, елико возможно начальствовати чловѣку, подражающему по силѣ Христу Богу“ (Св. Игнатій Богон. 1 посл. Тралл.). „Церковь безъ епископа быти не можетъ“ (Златоустъ; 154 л. об. въ Маргар. втор. счета) „и никогда не была“ (Полинод. Захар. Коп.), ибо „епископъ въ Церкви, и Церковь во епископѣ, и не находящіяся въ единеніи съ епископомъ не находятся и въ Церкви“ (св. Киприанъ 69 посл.). Кромѣ епископовъ, необходимыми членами Церкви Христовой являются священники и діаконы: „пресвитеры и діакони (говорится въ толкованіи 55 пр. св. апостоль) по образу суще рукъ, яко тѣми церковное правленіе содѣваетъ епископъ“. „Епископъ (Бога) Отца всѣхъ образъ есть: пресвитеры же, яко сонмъ Божій и союзъ апостоловъ Христовыхъ: безъ нихъ Церковь нѣсть избранна, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподобныхъ. Иже безъ епископа и пресвитеровъ и безъ діаконвъ что-либо творить:

таковѣй оскверняется совѣстію и невѣрнаго горшій есть“ (св. Игнатій Богом. 1 посл. Тралліан). Кромѣ головы и рукъ, тѣло человѣка имѣеть поги. Точно также и въ церковномъ организмѣ нѣкоторые члены—міряне—уподобляются ногамъ (толков. на 64 пр. шест. всел. соб.). „Суть въ Церкви, говоритъ св. І. Златоустъ, многи на высоту исправлени, якоже глава, небесная сматряюще, якоже очи, иже въ главѣ, много отъ земли отстояще, ничто же обще имущей къ ней, инѣи ногъ чинъ содержатъ, землю пошрающихъ“ (бесѣды на 14 посл. стр. 1677). Итакъ, Церковь Христова, подобно тѣлу человѣка, имѣеть разные члены: голову, руки, ноги,—т. е., епископовъ, священниковъ, діаконъ и мірянъ. Если человѣкъ не имѣеть головы, онъ уже не человѣкъ, а безжизненный и безглавый трупъ, неизбѣжно подлежащій разложенію; если человѣкъ не имѣеть рукъ или ногъ, онъ физически неполный человѣкъ. И общество христіанъ, если не имѣеть епископовъ, есть общество безглавое, безжизненное: „Отъ окаяннаго Севира произыде еретичествованіе акефалитовъ, сіе есть безглавыхъ, нареченныхъ тако того ради, яко не хотяху быти надъ епископами православными начальствующими церквамъ, якоже глава начальствуетъ прочимъ членамъ“ (Чет. Минея Авг. 30 дня, л. 139 об. изд. 1835 г.). „Главы кромѣ не можетъ жити человѣкъ“, говоритъ св. Златоустъ: не можетъ духовно и спасительно жить и безглавое общество христіанъ, не имѣющее епископа „Егда ту нѣсть архіерея, таковѣмъ не дается Духъ Святый, якоже вѣруемъ“ (Тактик. препод. Никона Черн. сл. 23, л. 141 об.).

Представивъ кратко ви́шій видъ Церкви Христовой, т. е. показавъ, изъ какихъ членовъ она состоитъ и должна вѣчно, неизмѣнно состоять, скажемъ нѣсколько словъ и о духовныхъ ея признакахъ.

Не всякое христіанское общество, имѣющее трехчинную іерархію, можно назвать Церковію Христовою, и только то, которое, кромѣ трехчинной іерархіи, имѣеть и всѣ спасительныя средства, яже къ животу и благочестію. А такими средствами и служить—полная вѣра во все евангельское ученіе, исполненіе всѣхъ божественныхъ заповѣдей, содержаніе и постоянное совершеніе богоустановленныхъ спасительныхъ седми церковныхъ таинствъ: крещенія, м-

ропомазанія, причащенія, покаянія, священства, брака и елеосвященія. Такъ какъ старообрядцы, съ которыми мы имѣемъ бесѣду, довѣряютъ старопечатнымъ книгамъ, то для подтвержденія своихъ словъ мы и находимъ возможнымъ указать свидѣтельства изъ старопечатныхъ книгъ. Такъ, въ книгѣ Великій Китихизисъ говорится: „Се есть Церковь соборная, яже всему Евангелію и всему ученію вселенскихъ соборовъ вѣруетъ, а не части“ (л. 121). Нѣсколько выше, на вопросъ: что есть Церковь Божія,—дается отвѣтъ, что Церковь Божія есть *собраніе* всѣхъ вѣрныхъ Божіихъ, такихъ, которые, содера непоколебимую единую православную вѣру и пребывая въ любви нелицемѣрной, обლობзаютъ ученіе Евангельское непоколебимое, которые, пребывая въ законѣ христіанскомъ незазорно, достойни суть пріимати св. божественныя совершенныя тайны, и которые, находясь подъ единою Главою, Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, подчиняются правленію, или спасительному руководству совершенныхъ святыхъ, отъ Него поставленныхъ, т. е. епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. На листахъ 365, 366, 360 и 395 той же книги сказано, что всѣхъ церковныхъ таинствъ, „ихже святая Церковь *всегда употребляетъ*“, должно быть непременно, ни больше и не меньше седми.

Всѣ старообрядческія общества по отдѣленіи своемъ отъ св. православной Церкви не имѣли ни полноты священной трехчинной іерархіи, ни полноты святыхъ седми церковныхъ спасительныхъ таинствъ. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ, извѣстные подъ именемъ бѣглоповцевъ, „окормлялись“, какъ они выражаются, одними бѣглыми священниками безъ епископовъ. т. е. имѣли только руки, отсѣченныя отъ чужого тѣла; къ числу этихъ старообрядцевъ принадлежало и общество австрійцевъ; другіе оставались совершенно безъ священныхъ лицъ (безпоповцы), составляя все свое церковное тѣло изъ одного члена—ногъ, т. е. мірянъ, вопреки словамъ св. апостола Павла: „если бы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло“ (1 Кор. 12, 19)? У первыхъ изъ этихъ старообрядцевъ не совершалось таинствъ великаго совершенія св. мѣра и рукоположенія, а у послѣднихъ: мѣропомазанія, причащенія, священства и елеосвященія. Слѣдовательно, эти общества не имѣли ни внѣшнихъ, ни духовныхъ признаковъ св. Христовой Церкви. Гдѣ же пребывала и пребываетъ св.

Церковь съ полнотою іерархіи и таинствъ? Вѣдь удобнѣе солнцу угаснути, нежели Церкви безъ вѣсти быти? А между тѣмъ среди старообрядческихъ обществъ не было даже и признаковъ ея. Гдѣ же она, свѣтлѣйшая солнца, пребывала? Тамъ, гдѣ эти несчастные, ослѣпленные враждою, злобою и сомнѣннымъ мудрованіемъ, не хотѣли видѣть и доселѣ отвращаются признать ея. Какъ для лишившихся зрѣнія невиденъ свѣтъ солнца, такъ и для старообрядцевъ св. Церковь находится какъ бы подъ нѣкимъ мракомъ. Но она, Непорочная Невѣста небеснаго Жениха; какъ раньше патр. Никона, такъ и послѣ его пребываетъ и пребудетъ до второго пришествія Христова такую же, какую создана вначалѣ. Ученіе старообрядцевъ, что св. Церковь Христова, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ ей, чисто внѣшнихъ условій, можетъ лишиться и епископовъ и священниковъ, и діаконовъ, и нѣкоторыхъ божественныхъ таинствъ, ясно противорѣчитъ словамъ Господа, изрекшаго Своими пречистыми устами, что *врата ада*, т. е. совокупность всѣхъ силъ діавола, — *не одолѣютъ ей* (Матѣ. 16, 18). И, дѣйствительно, кто знаетъ исторію Церкви Христовой, тотъ не можетъ не удивляться силѣ и крѣпости Церкви Божіей, *яже есть* несокрушимый *столпъ* и *незыблیمое утвержденіе истины*. Съ самыхъ первыхъ дней своего существованія на землѣ, она подвергалась нападеніямъ то со стороны іудеевъ, то отъ язычниковъ, то отъ лжебратій—еретиковъ, но никогда не увядала, никогда не падала и не ослабѣвала, ибо борющіеся съ нею боролись съ Самимъ непобѣдимымъ Богомъ, а потому всегда не она, а враги ея оставались побѣжденными и посрамленными въ своемъ безсиліи. „Колицы ратоваша Церковь, и ратовавшіи погибоша... Борима есть и не побѣждается. И чего радипусти брань? Яко да покажетъ ея свѣтлѣйшую побѣду!“—воскликаетъ св. Іоаннъ Златоустъ. Никто не можетъ указать намъ такого случая изъ исторіи св. Церкви, чтобы она лишалась всѣхъ епископовъ, чтобы еретики увлекли всѣхъ ихъ въ свои пагубныя сѣти. Поэтому безпримѣрное состояніе глаголемыхъ старообрядцевъ, лишившихся всѣхъ епископовъ, не можетъ быть оправдано ни Словомъ Божіимъ, ни ученіемъ св. отцовъ, ни даже какими либо историческими событіями. Слѣдовательно, ихъ ученіе не истинное, ихъ состояніе внѣ общенія со св. Церковію неспасительное: „вси

иже нынѣ въ Церкви святѣй не будутъ, тѣи во озеро оное огненное ввержени будутъ“, такъ какъ „иже не пребываетъ въ сей соборнѣй Церкви, тѣхъ Христосъ не спасетъ и Духа Святаго сицевѣи не имутъ“ (Вел. Катих. л. 121).

Послушаемъ теперъ, чѣмъ будетъ оправдывать себя и свое общество г. Усовъ.

Усовъ. Въ виду того, что я не перебивалъ моего собесѣдника, и онъ не имѣетъ права перебивать мою рѣчь до тѣхъ поръ, пока я ее не кончу: на публичныхъ бесѣдахъ мы съ нимъ равноправны. Я знаю, что мои объясненія придутся ему не по вкусу: онъ будетъ и ежиться, и краснѣть, и обязать молчать. Итакъ, господа старообрядцы, слушайте со вниманіемъ. Прежде всего объявляю, что о. миссіонеръ сказалъ много правды, указалъ много мѣстъ изъ Писанія, но это достоинство его еще не особенно велико, ибо и диаволь знаетъ писаніе и иногда приводитъ его. О. миссіонеръ, говоря иногда правду, густо переплеталъ ее и неправдою, такъ что неправды-то онъ въ сущности наговорилъ больше, чѣмъ правды. Первая его неправда: онъ учитъ, что подъ словомъ Церковь пужно понимать людей разныхъ степеней и въ этихъ людей вѣрять. Это такая неправда, которую нельзя назвать иначе, какъ идолопоклонствомъ. Мы должны вѣровать, буди вамъ это, о. миссіонеръ, извѣстно, не въ людей, а во единого точію Бога. И когда говоримъ: „вѣрую во едину святую-соборную и апостольскую Церковь“, то опять-таки исповѣдуемъ этими словами свою вѣру не въ людей, а въ Бога, Главу сей Церкви. Вижу, что о. миссіонеръ пораженъ и удивленъ этимъ: онъ не зналъ и не ожидалъ такого возраженія, но мы ему покажемъ, что оно не ново и не намъ принадлежить. Въ книгѣ Великій Катихизисъ на 17 листу мы читаемъ: „ко единому ли Самому Богу вѣру имѣти до-стоить, или и ко святымъ Его“? — „Вѣру убо имама къ Богу, въ Него же и крестихомся“. „Сіе же како имама разумѣти, еже глаголемъ: вѣрую во едину святую соборную и апостольскую Церковь, въ челоуѣки ли мы то вѣримъ, или во иное что?—Не въ челоуѣки, но въ проповѣданіе и догматы ихъ божественные, сирѣчь, полагаемъ на уставахъ церковныхъ, и преданія соборная и апостольская“. Далѣе на 119 л.: „вѣруемъ во едину святую соборную и апостольскую Церковь, сирѣчь, уповаемъ на ученія и догматы свя-

тѣхъ апостоловъ, и святыхъ вселенскихъ седми соборовъ, а не въ люди вѣримъ“. Мои слова, какъ слышали вы сейчасъ, подтвердило и писаніе, значить, я вѣрно сказалъ, что о. миссіонеръ проповѣдуетъ ложь. А кто проповѣдуетъ ложь, тотъ во истинѣ не стоитъ, и есть сынъ сатанинъ. Мы обязуемся вѣровать не въ людей, а во Евангеліе, а посему и подъ святою Церковію Божіею должно понимать божественное и спасительное ученіе. И такое ученіе принадлежитъ опять не лично мнѣ, а преподобному отцу, Максиму Исповѣднику, который, обличая вѣрующихъ, подобно о. миссіонеру, въ людей, говорилъ: Христосъ Господь католическою Церковію нарече правое и спасенное вѣры исповѣданіе“. Затѣмъ о. миссіонеръ говорилъ, что св. Церковь должна имѣть три признака: вѣру во Евангеліе, трехчинную іерархію и семь тайнствъ. Это вѣрно. Но почему же онъ говорить больше все о двухъ послѣднихъ, а о первомъ умалчиваетъ? Не кроется ли въ этомъ умалчиваніи его лукавство и затмѣніе истины?

Вѣдь въ этомъ первомъ признакѣ вся и сила: гдѣ есть полная вѣра во св. Евангеліе, тамъ и св. Церковь, а гдѣ нѣтъ этой вѣры, тамъ нѣтъ и Церкви. Если же та будетъ вѣровать и учить такъ же, какъ и о. миссіонеръ, то надъ нами умные люди только посмѣются и, чтобы не оскорбить насъ, изъ вѣжливости припишутъ намъ самый безобидный признакъ—назовутъ насъ близорукими. Видимъ мы, что есть полнота іерархіи и тайнствъ, должны вѣрить, что тамъ и Церковь. Этакъ мы пожалуй и всѣхъ безсловесныхъ животныхъ назовемъ людьми. Мы видимъ, что у человѣка два глаза, видимъ и у животныхъ тоже два глаза—значить, — они люди! Такой здравой логики придерживается нашъ почтенный о. миссіонеръ; предъ такимъ его здравомысліемъ мы, конечно, не можемъ не преклоняться. Нѣтъ, о. миссіонеръ, не въ обиду будь вамъ сказано, вы не продумали хорошенько того, что наговорили. Я исправлю вашу ошибку и скажу, что св. Церковь имѣетъ только одинъ существенный признакъ—вѣру во св. Евангеліе, а другіе указанные ваши два признака несущественны. Поэтому, хотя наша св. Церковь и оставалась безъ епископовъ, но всегда пребывала вѣрна ученію евангельскому, слѣдовательно, и неодолимо отъ вратъ адовыхъ. Что, дѣйствительно, и безъ епископовъ

Церковь Христова остается neodолѣнною отъ вратъ адовыхъ, въ этой мысли утверждаетъ насъ и св. Іоаннъ Златоустъ слѣдующими словами: „Невозможно переплыть море безъ корабля, а корабль этотъ означаетъ единую святую соборную апостольскую Церковь; господинъ сего духовнаго корабля Самъ Всемогущій Богъ Отецъ; кормчій Единородный Сынъ Его; благопріятный вѣтеръ—Духъ Святой; подчиненные правители корабля—Церкви: Апостолы и ихъ преемники пастыри и учителя церковные; плывущіе на семъ кораблѣ— всѣ правовѣрующіе хрістіане; дно и основаніе сего корабля есть правая вѣра во Святую Троицу; бока корабля, передняя часть его и кормило—означаютъ правые догматы вѣры, заповѣди Божіи, преданія Церкви, правила апостольскія и вселенскихъ соборовъ и вообще постановленія церковныя; мачта — святой крестъ Христовъ, которымъ все въ Церкви скрѣпляется и утверждается; паруса — любовь; якорь — надежда. Духовный сей корабль Церкви изъ разныхъ мѣстъ и странъ перевозитъ чрезъ житейское море всѣхъ правовѣрующихъ и истинныхъ хрістіанъ въ небесный Іерусалимъ, и хотя обуреваются многими вѣтрами и волнами, но никогда не подвергается крушенію. Сколько враговъ и гонителей ни возставали на святую Церковь, она никогда не была побѣждена, потому что утверждается словомъ Господнимъ: *созижду Церковь Мою, врата ада не одолѣютъ ей* Матѳ. зач. 67“ (Дьяченко: „Уроки и примѣры христ. вѣры“, изд. 1894 г. стр. 421). Пояснимъ эти слова. Святая, соборная и апостольская Церковь есть корабль Всемогущаго Бога Отца. Кормчій корабля Сынъ Божій; дно и основаніе—правая вѣра; бока и передняя часть и кормило—правые догматы, апостольскія правила и святоотеческіе уставы и преданія. Все это у насъ было и есть: мы въ догматахъ вѣры никогда не погрѣшали, отъ апостольскихъ и соборныхъ правилъ, отъ ученій и преданій святоотеческихъ не отступали и на едину іоту; слѣдовательно, мы всегда пребывали на этомъ св. кораблѣ. Хотя у насъ и не было единомысленныхъ епископовъ, но они и не входятъ, равно какъ и міряне, въ составъ корабля, а суть только подчиненные *правители* корабля, а міряне—плывущіе на немъ; верховный же правитель — Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ всегда съ нами; поэтому нельзя сказать, не погрѣшивъ противъ истины, и того, что мы оставались безъ

правителя. Небытіе съ нами единомысленныхъ епископовъ ставить намъ въ обвиненіе нельзя даже и потому, что это не ересь, не заблужденіе, а событіе историческое; за событія же никого нельзя обвинять, такъ какъ всѣ они совершаются, какъ въ жизни частнаго лица, и тѣмъ болѣе въ жизни св. Церкви, совершаются по волѣ Божіей, посему — дерзающіе обвинять насъ — обвиняютъ Самого Бога. Миссіонеры никоніанской Церкви обыкновенно смущаютъ маломощныхъ и малограмотныхъ нашихъ братій такими словами, что всѣ епископы не могутъ уклониться въ ересь, но привести доказательство въ подтвержденіе этихъ словъ не могутъ. Всѣ ихъ доказательства содержать только ту мысль, что обязательно должно подчиниться истинно-православнымъ епископамъ. Но съ этимъ мы всегда согласны: православныхъ епископовъ должно слушаться, но если ихъ нѣтъ? Неужели тогда должно подчиняться еретическимъ? Но съ этимъ и о. миссіонеръ не согласится и опять скажетъ: всѣ православные епископы не могутъ сдѣлаться еретическими. А мы докажемъ, что могутъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ само Слово Божіе, повѣствующее, что *всѣ апостолы впадали въ полнѣйшее невѣріе*. Вижу, что о. миссіонеръ опять пораженъ: всѣ его доказательства разрушены, подобно мыльнымъ пузырямъ, однимъ только дуновеніемъ Евангельскаго событія. Въ такомъ случаѣ прочитаемъ по самой божественной книгѣ. Слушайте: „Во едину же отъ субботъ зѣло рано приидоша на гробъ, носяще, яже уготоваша ароматы, и другія съ ними. Обрѣтоша же камень отваленъ отъ гроба. И вшедше не обрѣтоша тѣлесе Господа Іисуса. И бысть недомысливающимся имъ о семъ, и се мужи два стаща предъ ними въ ризахъ блестящихся. Пристрашнымъ же бывшимъ имъ и поклоншимъ лица на землю, рекоста къ нимъ: что ищите живаго съ мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста: помяните яже глагола вамъ, еще сый въ Галилеи, яко подобаетъ Сыну человѣческому предану быти въ руцѣ чловѣкъ грѣшникъ, и пропяту быти, и въ третій день воскреснути. И помянуша глаголы Его: и возвращеша отъ гроба, возвѣстиша вся сія единомунадесяте и всѣмъ прочимъ. Бяше же Магдалина Марія, и Іоанна, и Марія Іаковля и прочія съ ними, яже глаголаху ко апостоломъ сія. И явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ, и не вѣроваху имъ“ (Лук. зач. 112). Въ Евангеліи отъ

Марка: „Воскресъ же Іисусъ завтра въ первую субботу явился прежде Маріи Магдалины, изъ неяже изгна семь бѣсовъ. Она же шедши возвѣсти съ нимъ бывшимъ... И они слышавше, яко живъ есть, и видѣнъ бысть отъ нея, не яша вѣры, по сихъ же двѣма отъ нихъ грядущема явился имъ образомъ, идущема на село. И та шедша возвѣстиста прочимъ: и ни тѣма вѣры яша. Послѣди же возлежащимъ имъ единомунадесяте явился, и поноси невѣрствію ихъ и жестосердію: яко видѣвшимъ Его возставша не яша вѣры“ (зач. 71). Изъ этихъ евангельскихъ словъ мы усматриваемъ, что не одинъ, не два, а всѣ безъ исключенія апостолы впадали въ невѣріе. Если же всѣ апостолы, ближайшіе ученики Господа, ежедневно услаждавшіеся Его небеснымъ ученіемъ, могли впасть въ невѣріе Господу, то о преемникахъ апостольскихъ — епископахъ, которые никогда съ Господомъ усты ко устамъ не бесѣдовали, и говорить нечего. Вотъ наше основаніе и оправданіе о возможности паденія въ ересь всѣхъ епископовъ. Что же касается до церковныхъ таинствъ, то всѣмъ заявляю, что таинства мы никогда не отвергали: ихъ обязательно въ Церкви Христовой должно быть семь — такъ старообрядцы учили всегда и учатъ теперь. Возражать, что у насъ были не всѣ таинства, по это неправда. Нужно знать, что таинства раздѣляются на повторяемыя и неповторяемыя; къ числу неповторяемыхъ, т. е. совершающихся надъ христіанномъ только одинъ разъ, принадлежатъ крещеніе и священство, такъ что если эти таинства совершены даже и еретиками, то православная Церковь, принимая еретиковъ, эти таинства надъ ними не повторяетъ. Правда, у насъ не совершалось таинство рукоположенія во священныя степени, но каждый приходящій къ намъ отъ ереси священникъ имѣлъ священство, а посему мы никогда безъ семи таинствъ не оставались. Итакъ, наше общество было и есть та святая Церковь, которую создалъ Господь неотлѣнно отъ вратъ адовыхъ.

Миссіонеръ. Г. Усовъ неоднократно высказывалъ, что я поражаю его ученіемъ и удивляюсь его доказательствамъ, хотя я этого ничѣмъ и не проявилъ. Вѣроятно, онъ самъ сознаетъ, что его неосновательному ученію нельзя не удивляться. И, дѣйствительно, странно слышать изъ устъ мнимаго приверженца и защитника буквы старопечатной книги.

опроверженіе ученія, изложеннаго въ этихъ книгахъ. Невольно удивишься и подумаешь: съ кѣмъ я имѣю дѣло—съ старообрядцемъ или сектантомъ? Выдаетъ онъ себя за старообрядца, берется защищать старообрядчество, а въ словахъ и мысляхъ его проглядываетъ—далеко не старообрядецъ. Настоящій старообрядецъ предъ старопечатной книгой благоговѣтъ, начинаетъ читать ее не иначе, какъ предварительно перекрестившись, каждому слову ея довѣряетъ, какъ непреложной истинѣ, а Усовъ наоборотъ. Когда я прочиталъ изъ старопечатнаго Катихизиса вполне точное опредѣленіе понятія о Церкви, какъ *собраніи всѣхъ вѣрныхъ Божіихъ*, вѣрующихъ всему Евангельскому ученію, подчиняющихся богопоставленнымъ пастырямъ и освящающихся св. церковными таинствами, Усовъ съ такимъ ученіемъ не только не согласился, но обозвалъ его неправдой и даже идолопоклонствомъ! Прошу, братія, на это обратить особенное вниманіе. Это заявленіе Усова важно въ томъ отношеніи, что показываетъ неискренность защитниковъ раскола въ приверженности къ старопечатнымъ книгамъ: они принимаютъ изъ этихъ книгъ только то, что при поверхностномъ чтеніи будто бы оправдываетъ ихъ, а все обличающее ихъ заблужденіе называютъ неправдой, не стѣсняются публично заявлять, что старопечатныя книги научаютъ насъ идолопоклонству, хотя эта грубая несправедливость: Великій Катихизисъ, называя Церковь Божію собраніемъ всѣхъ вѣрныхъ Божіихъ, учитъ вполне согласно приведеннымъ мною въ началѣ бесѣды словамъ апостола Павла. Не принимая этого ученія и не создавъ новаго, Усовъ невольно впадаетъ въ явныя противорѣчія. Онъ сначала сказалъ, что „подъ святою Церковію должно понимать божественное ученіе“. Но и это ученіе не ново, и нисколько не поражаетъ насъ. Мы знаемъ, что Усовъ—ученикъ раскольника Швецова, осужденнаго за еретическія мнѣнія даже и самими раскольниками, поэтому считаемъ вполне естественнымъ, слыша отъ ученика повтореніе лжеученія своего учителя. Мысль, что подъ словомъ Церковь должно понимать ученіе, а не христіанъ, Швецовымъ высказана уже давно и православными миссіонерами избличена, какъ неправославная. Да не только православные, но и единомысленные Усову раскольническіе защитники не соглашаются со Швецовымъ. Такъ, напримѣръ,

Антонъ Егоровъ пишетъ: „Анисимъ Васильевъ (Швецовъ) такую дичь пореть, такъ и слушать не хочется.—проповѣдуетъ Церковь совсѣмъ безъ народа“ („Арх. раск. архіер. Амвросія“, изд. К. Попова, стр. 289). Эту же „дичь пореть“, по выраженію Егорова, и Усовъ. Что такое ученіе дѣйствительно „дичь“ видно уже и изъ того, что въ концѣ своей рѣчи Усовъ сказалъ: „наше общество всегда было и есть та св. Церковь, которую создалъ Господь“. Этими словами Усовъ уже отказывается отъ своего первоначально высказаннаго ученія: называетъ св. Церковію не ученіе, а людей, принадлежащихъ къ своему обществу. Поэтому вполне примѣнимы къ Усову слѣдующія слова книги Кирилловой: „Златоустый глаголетъ, дѣтемя убо свойство есть, неуставнымъ быти въ разумѣ, слушающе ложнаго ученія. Нынѣ сіе, а потомъ иное, преходяще вся разумная хотяще солгати. Тако убо и еретицы творять“ (л. 17). Этого сопоставленія противорѣчій Усова въ его ученіи о безлюдной Церкви, кажется, было бы достаточно, но мы находимъ нужнымъ показать неосновательность его и болѣе подробно. Христосъ Спаситель о Своей Церкви сказалъ: *создамъ Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*. По словамъ Усова это значитъ: „создамъ ученіе Мое, и врата адовы не одолѣютъ его“. А такъ какъ св. Церковь создана въ день Сошествія Св. Духа, то до этого дня, по ученію Усова, не было еще ученія Спасителя. Далѣе св. ап. Павелъ говоритъ: „Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною (въ крещеніи), чтобы представить ее себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна, или порока, и—чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна“ (Еф. 5, 25—27). Если понимать по-усовски подъ словомъ Церковь „ученіе“, то выйдетъ изъ этихъ словъ такая ересь, съ которой не согласится и самъ Усовъ. „Христосъ возлюбилъ Церковь“, т. е. ученіе добавитъ Усовъ, и предалъ Себя за него... чтобы освятить, очистить его въ крещеніи... чтобы представить его Себѣ славнымъ ученіемъ, не имѣющимъ пятна, или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы оно было свято и непорочно“. Но неужели ученіе Спасителя нуждается въ очищеніи и освященіи? Неужели до страданій Господа Его ученіе было ученіемъ не славнымъ, имѣющимъ пятна и пороки, и было не свято? Согласитесь же, братія

старообрядцы, что учение вашего защитника есть непростительное богохульство.

Укажемъ примѣры изъ старопечатныхъ книгъ, которыя всегда отличали учение отъ содержащихъ сіе учение, т. е. св. Церкви. Кн. Кириллова говоритъ: „*Церковь Христова православная и вѣра всегда пребываетъ въ соединеніи неизмѣнно по вся дни до скончанія вѣка, и показываетъ и держитъ истинное и нераздѣльное, и ни въ чемъ неразрушено учение преданія своего всегда во вся вѣки*“ (л. 93 об.). Слѣдовательно, Церковь Христова, и по учению книги Кирилловой, есть общество христіанъ, которое содержитъ и показываетъ истинное учение. А Усовъ утверждаетъ, что не люди, а одно только учение безъ людей есть Церковь Божія. Странное учение и неудобъ-пріемлемое. Можетъ ли быть учение безъ учащихъ, слышаніе безъ слышащихъ, вѣра безъ вѣрующихъ? „Какъ призывать того, въ кого не увѣровали? Какъ вѣровать въ того, о комъ не слышали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго (Римл. 10, 14)? Усовъ утверждаетъ, что учение о безлюдной Церкви принадлежитъ преподобному Максиму Исповѣднику, который изрекъ: „Господь каѳолическою Церковію нарече правое и спасенное вѣры исповѣданіе“. Но, во-первыхъ, „исповѣданіе вѣры“ безъ людей, исповѣдующихъ вѣру, быть не можетъ, а во-вторыхъ, въ Благовѣстномъ Евангеліи читаемъ: „*исповѣданіе, еже исповѣда Петръ, основаніе хочетъ быти вѣрующимъ*“ (Матѣ. зач. 67, л. 128 об.), т. е. *Церкви*. Изъ этого ясно видна неосновательность усовскаго лжеученія о Церкви безлюдной.

Усовъ проповѣдуетъ, что вѣровать должно не въ людей; а въ Бога. И это доказываетъ словами книги В. Катихизисъ. Но вопросъ у насъ не о томъ, въ кого мы должны вѣровать, а томъ, что должны понимать подъ словомъ Церковь. Усовъ какъ будто бы не понимаетъ вопроса и съ намѣреніемъ начинаетъ читать слова, не отвѣчающія на прямой вопросъ. Цѣль его для насъ понятна. Но и прочитанныя Усовымъ слова книги В. Катихизисъ не оправдываютъ, а обвиняютъ его, ибо изъ нихъ видно, что авторъ сей книги понималъ подъ словомъ Церкви *не учение, а челоѣковъ*. „Се же како имама разумѣти, еже глаголетъ: вѣрую во едину святую соборную и апостольскую Церковь; *въ челоѣвки ли мы то вѣримъ?*“ Не отвергая того, что Церковь есть *челоѣвки*, или,

какъ говорить та же книга въ другомъ мѣстѣ, „собраніе всѣхъ (человѣковъ) вѣрныхъ Божіихъ“, писатель Катихизиса отвѣчаетъ, что *вѣровать* мы должны не въ человѣки, а въ проповѣданіе и догматы *ихъ* божественные, т. е. мы должны принимать ученіе пастырей церковныхъ: не въ самихъ пастырей, какъ человѣковъ, должны мы вѣровать, а въ ихъ ученіе. Гдѣ же тутъ идолопоклонство? Прежде чѣмъ изрыгать такія словеса, Усовъ долженъ былъ бы припомнить, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть невидимая Глава и Основаніе святой Церкви, такъ что все, что творится во святой Церкви къ ея благу, творится имъ: „безъ Мене бо, сказалъ Онъ, не можете творити ниче соже“; поэтому, вѣруя въ Церковь и принимая ученіе Слова Божія, постановленія апостольскія и соборныя, мы вѣримъ въ Бога, а не въ людей, излагавшихъ сіе ученіе. Единственнымъ признакомъ истинной Церкви Христовой Усовъ признаетъ только вѣру во св. Евангеліе, а священная іерархія и святыя таинства, по его лжеученію, *признаки несущественныя*, т. е. такіе, безъ которыхъ св. Церковь можетъ свободно обойтись. Такимъ ученіемъ Усовъ опередилъ даже лютеранъ и нашихъ русскихъ штундистовъ и баптистовъ: эти еретики много ближе къ истинѣ, чѣмъ Усовъ, такъ какъ они не вполне отвергаютъ необходимость таинствъ и совершителей ихъ. Чтобы не утомлять слушателей многими доказательствами, прочитаемъ одно. Таинъ церковныхъ, говоритъ В. Катихизисъ, должно быть въ истинной Церкви Христовой семь: „сихъ же таинъ аще кто по чину святыхъ соборныхъ и апостольскихъ Церкве восточныхъ не употребляетъ, но пренебрегаетъ я (какъ Усовъ), той безъ нихъ, яко безъ извѣстныхъ средствъ онаго крайняго блаженства сподобитися не можетъ“ (л. 395 об.). Но таинны эти совершать „никто же можетъ, развѣ святителей хиротонисанныхъ, имъ же дана есть власть отъ Господа Бога рукоположеніемъ наслѣдниковъ апостольскихъ“ (л. 358). Слѣдовательно, гдѣ нѣтъ священноіерархическихъ лицъ, тамъ не можетъ быть законнаго совершенія таинствъ, а гдѣ нѣтъ совершенія таинствъ, тамъ нѣтъ и самаго христіанства, нѣтъ спасенія. „Безъ епископа, поучаетъ бл. Симеонъ Солунскій, ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане“ (кн. 1, гл. 77). Какъ же Усовъ дерзаетъ проповѣдывать, что іерархія и та-

инства не нужны, когда безъ нихъ не можетъ быть и самаго христіанства, самой Церкви? Несправедливо обвиняетъ меня Усовъ и въ томъ, что я будто бы умалчиваю о первомъ признакѣ Церкви Христовой—вѣрѣ во св. Евангеліе: я считаю этотъ первый признакъ такъ же существеннымъ, какъ другіе два. Тупая же острота Усова относительно приписываемой мнѣ нездравой логики, по законамъ которой будто бы я могу называть человѣкомъ и всякое животное, есть ни больше ни меньше, какъ дѣтская выходка, рассчитанная на то, чтобы выставить себя предъ слушателями остроумнымъ. Если нельзя назвать человѣкомъ животное, хотя оно имѣетъ и два глаза, точно также нельзя назвать св. Церковію и еретиковъ, не имѣющихъ всѣхъ признаковъ св. Церкви; нельзя назвать св. Церковію и русскихъ раскольниковъ, которые не имѣли ни іерархіи, ни таинствъ въ той полнотѣ, какую благоволили предать во своей св. Церкви Спаситель.

Усовъ говоритъ, что хотя старообрядцы и оставались безъ епископовъ, но всегда были вѣрны евангельскому ученію. Такъ ли это? Лица, проповѣдующія возможность существованія Церкви безъ трехчинной іерархіи и седми таинствъ, не могутъ быть истинными послѣдователями св. Евангелія. Во св. Евангеліи сказано, что предъ Своимъ вознесеніемъ на небеса „приблизившись Іисусъ сказалъ имъ (апостоламъ): дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Итакъ—идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. Аминь“, т. е. во истину такъ, утверждаетъ св. евангелистъ (Матѳ. 28, 18—20). „Не видишь ли силы Его?—воскликаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, толкуя эти слова.—И не видишь ли притомъ, съ какимъ снисхожденіемъ Онъ говоритъ это? Не съ нами только *будетъ находится* (замѣтьте: *будетъ находится*), говоритъ Онъ, но и со всѣми тѣми, которые послѣ нихъ будутъ вѣровать. Ибо апостолы не могли пребывать *до скончанія вѣка*; но Онъ говоритъ ко всѣмъ вѣрнымъ, какъ бы къ единному тѣлу (а въ составъ этого тѣла входитъ и трехчинная іерархія). Не говорите Мнѣ, сказалъ Онъ, о препятствіяхъ обстоятельствъ; Я съ вами; Я - разрушающій всѣ обстоятельства“. Въ другомъ мѣстѣ во св. Евангеліи читаемъ притчу Господа о мнасахъ и рабахъ, получившихъ сіи мнасы (Лук.

зач. 95). Въ толкованіи на эту притчу бл. Теофилактъ, архіеп. болгарскій, говоритъ: „Рабомъ же своимъ десять мнась вда; раби же имъ же Церкви поручи; десять глаголемъ быти совершеннаго ради церковнаго состоянія; ибо въ Церкви чинъ совершеніе имать, предстоящими украшеніе и ни большимъ лѣпо быти, ни мнѣе; еже слова богатію тріе сіе образи въ Церкви, очищеніе, просвѣщеніе и совершеніе; три сія дѣйства, наслѣдуема чиновъ, *діакони* очищаютъ оглашеніемъ ученія; *пресвитери*, просвѣщаяще крещеніемъ; *архіереи* же священныя чины поставляютъ и совершаютъ, еже есть рукоположеніе. Видиши ли чины къ дѣйствомъ ни вящше ни мнѣе реку предстоящихъ“ (л. 205). А Усовъ учитъ, что *историческія событія* могли разлучить Господа съ епископами, что въ Церкви Христовой можетъ быть этихъ чиновъ и меньше, и даже совершенно не быть, да они и не нужны, такъ какъ не составляютъ существеннаго признака Церкви Христовой. Св. апостолъ Павелъ поучаетъ; „И Онъ (Господь) поставилъ (въ Своей Церкви) однихъ апостолами (а преемники апостоловъ — епископы, 14 пр. неокес. соб.), другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова, доколѣ всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова; дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія“ (Ефес. 4. 11—14). „Сирѣчь дондеже вси покажемся Едину вѣру имуще. сіе бо есть Единеніе вѣра; егда вси едино есмы. егда вси подобнѣ союзъ познаемъ. даже дотолѣ дѣлати подобаетъ“ (Златоустъ бесѣд. на 14 посл. стр. 1689). А Усовъ учитъ, что въ то время, когда люди не достигли единенія вѣры, когда на землѣ еще цѣлые милліоны невѣрующихъ во Христа, св. Церковь можетъ будто бы быть безъ богопоставленныхъ дѣлателей, пастырей св. Церкви—епископовъ. Гдѣ же тутъ полная вѣра Евангелію и апостольскому ученію? Она только на словахъ, а не на дѣлѣ.

Приводилъ далѣе Усовъ въ оправданіе свое слова изъ книги священника Гр. Дьяченко о духовномъ кораблѣ—Церкви, приписывая эти слова св. І. Златоусту. Но у св.

Іоанна такихъ словъ нѣтъ. Да и въ словахъ о. Дьяченко нѣтъ оправданій для старообрядцевъ. Этотъ духовный корабль, хотя и имѣеть невидимымъ Кормчимъ Господа, но тѣмъ не менѣе, по словамъ о. Дьяченко, имѣеть еще подчиненныхъ Господу, „правителей“, т. е. епископовъ. А „правителей“ этихъ и по сознанию Усова ихъ корабль не имѣлъ, значить, ихъ общество нельзя назвать такимъ кораблемъ: на Христовомъ кораблѣ посажены епископы—правителями, а старообрядческимъ кораблемъ кто управлялъ? „Самъ Господь“, отвѣчаетъ Усовъ. Но Господь управляетъ Церковію, хотя и Самъ, но чрезъ посредство епископовъ, которымъ и вручилъ всю Свою власть на управление Церковію. Церковь безъ епископовъ называется неустроенною: „Не восхотѣ Господь достояніе Свое *неустроенно* оставить на землѣ“, говорится въ Книгѣ о вѣрѣ, но поручилъ управление ея пастырямъ—архіепископамъ и епископамъ, съ которыми обѣщался пребывать и невидимо пребываетъ во вся дни до скончанія вѣка (л. 59 об.). А на неустроенномъ кораблѣ далеко не уѣдешь. Общество, не имѣющее единовѣрныхъ себѣ епископовъ, не можетъ даже и называться кораблемъ—Церковію: „Ты долженъ знать, учить св. свящ. муч. Кипріанъ, что епископъ въ Церкви, и Церковь во епископѣ, и не находящіяся со епископомъ, не находятся и въ Церкви“ (пис. 69). „Не можетъ бо Церкви безъ епископа быти“ (Златоустъ). Усовъ говоритъ, что небытіе съ ними епископа не ересь, а историческое событіе; за историческія же событія нельзя никого обвинять, кромѣ Бога, такъ какъ всѣ они совершаются по волѣ Божіей. Но гдѣ же и когда Господь выразилъ свою волю о томъ, чтобы всѣ епископы уклонились въ ересь? Неужели, по ученію Усова, Богъ желаетъ всѣмъ епископамъ пребывать въ ереси и погибать? Далѣе. Всѣ ереси, всѣ отступленія, даже наши личные грѣхи тоже *событія*, случившіяся во времени, а посему и историческія; такъ неужели и въ этихъ событіяхъ мы будемъ обвинять Бога? Нѣтъ, г. Усовъ, такія разсужденія ваши нельзя называть иначе, какъ богохульствомъ. По волѣ Божіей, говорите вы, всѣ епископы впали въ ересь. Но такъ какъ безъ епископовъ не можетъ быть ни Церкви, ни христіанства, то, значить, воля Божія направлена, по вашему лжеученію, къ уничтоженію всего того, ради чего пострадалъ Господь.

Нѣтъ, воля Божія намъ извѣстна изъ слѣдующихъ словъ Господа: „создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея... Небо и земля прейдутъ, а словеса Моя не пройдутъ Церковь Христова будетъ существовать вѣчно,—такова воля Божія; вѣчно будутъ существовать и епископы, безъ которыхъ не можетъ быть и Церкви. „Вся совокупность дарованій сосредоточивается въ апостольствѣ (епископахъ), какъ въ главѣ... такъ что если бы оно прекратилось, то все разстроилось бы и разрушилось“ (Злат. Бесѣд. на разн. мѣста, стр. 318), но св. Церковь разстроиться и разрушиться не можетъ, не можетъ прекратиться въ ней и другопреемственный рядъ епископовъ. А такъ какъ у старообрядцевъ не было епископовъ, то ихъ общество и есть разрушенное и разстроившееся. Исторія показываетъ, что, дѣйствительно, русскій расколъ сначала далъ много трещинъ, а потомъ и совершенно рассыпался на мелкія частицы.

Думаетъ Усовъ оправдать себя клеветою на св. апостоловъ, которые будто бы впадали въ невѣріе Господу. Но никогда этого съ св. апостолами не было. Въ Евангеліи отъ Марка ясно говорится, что св. апостолы не вѣровали не Господу, какъ ложно учитъ Усовъ, а женамъ-мироносицамъ и двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ. „Наконецъ, сказано во св. Евангеліи, явился (Воскресшій Господь) самимъ одиннадцати, возлежащимъ на вечера, и упрекалъ ихъ за невѣріе и жестокосердіе, что *видѣвшимъ Его* воскресшаго *не повѣрили* (гл. 16). Не повѣрили же они имъ, по объясненію св. І. Златоуста, потому, „что они и не знали ясно тайны домостроительства, не имѣли яснаго знанія ни о Его воскресеніи, ни о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя Онъ намѣренъ былъ совершить послѣ сего, *это было скрыто отъ нихъ*... что другіе другихъ воскрешали, это они видѣли: а чтобы кто-нибудь самъ себя воскресилъ, и такъ бы воскресилъ, чтобы никогда послѣ того ни умирать, такого чуда никогда не видали. И сего-то они не понимали, хотя Онъ и часто говорилъ (имъ) о томъ... *Въ сокровенъ глаголъ сей отъ нихъ* (Лук. 18, 34); они все еще оставались какъ бы въ нѣкоемъ мракѣ, не зная, что должно Ему воскреснуть“ (Бесѣды Златоуста на Ев. Матѣ. ч. 3, стр. 110; ч. 2, стр. 427). Слѣдовательно, Усовъ грубо клеветаетъ на св. апостоловъ, обвиняя ихъ въ невѣріи Господу. Не повѣрили они только вѣстникамъ о Его

воскресеніи, такъ какъ въ то время они еще не имѣли въ себѣ Духа Святаго. Послѣ же сошествія на нихъ Духа Святаго они остались навсегда вѣрными исполнителями велѣній Господа. Значитъ, Усовъ и въ данномъ случаѣ, является не истиннымъ послѣдователемъ евангельскаго ученія, а лжеучителемъ. Примѣра, оправдывающаго 180-лѣтнее пребываніе своего общества безъ епископовъ и полноты церковныхъ таинствъ, такимъ образомъ онъ не указалъ, а потому мы вправѣ вопросъ этотъ считать нерѣшеннымъ и старообрядческое общество не оправданнымъ. Последнее заявленіе Усова, что въ Церкви Христовой обязательно должно быть семь церковныхъ таинствъ, служить также обвиненіемъ для старообрядцевъ, не имѣвшихъ полноты сихъ таинствъ, на примѣръ, таинства хиротоніи, или рукоположенія, и совершенія св. мвра, и доказываетъ, что они находились и теперь находятся внѣ св. Церкви. Защитникъ ихъ, кривя душою, утверждаетъ, что каждый священникъ есть священство, т. е. таинство хиротоніи, или рукоположенія. Но, быть, можетъ онъ учить такъ по невѣдѣнію; въ такомъ случаѣ прочитаемъ ему, что должно понимать подъ таинствомъ священства. „Которая есть четвертая тайна?“—спрашивается въ Маломъ Катихизисѣ и отвѣчается: „Священство установленное отъ Христа во апостолѣхъ. ихъ же возложеніемъ рукъ на епископахъ, отъ епископовъ же на священникахъ, яже освящени бывають чиномъ церковнымъ на строеніе святыхъ таинъ и на преподаваніе спасительнаго ученія Христова... рукоположенія же сила никтоже имать, точю епископове... Вещь или образъ тайны священства есть возложеніе рукъ епископскихъ на главѣ приѣмлющаго священство. совершеніе же, учиненная тому молитва; юже епископъ единою съ возложеніемъ рукъ, надъ главою освящающагося глаголетъ: „еже есть божественная благодать“. Вотъ въ чемъ состоитъ таинство священства. А такъ какъ у раскольниковъ-старообрядцевъ епископовъ не было, то некому было и совершать сіе таинство, равно какъ некому было и освящать мвро. Слѣдовательно, у нихъ не могло быть,—за отсутствіемъ полноты іерархическихъ чиновъ,—полноты церковныхъ таинствъ, не могло быть и, дѣйствительно, не было и св. Церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Шалкинскій.

Миссіонерство, секты и расколъ

(ХРОНИКА).

Состояніе раскола въ Черниговской епархіи.

Окружники. Усиленіе пропаганды раскола. Главные столпы окружничества. Борьба изъ-за „каѳедры“ между лжеепископами. *Противооужники.* Раздоры и смуты въ средѣ противооужниковъ. *Бѣглоповщина.* Общее состояніе раскола въ Черниговской епархіи и отношенія его къ православной Церкви.

Въ Черниговской епархіи существуютъ слѣдующіе виды раскола: поповцы по австрійскому священству, съ подраздѣленіемъ ихъ на оужниковъ и противооужниковъ, бѣглоповцы и безпововцы. Но въ послѣднее время поповщина австрійскаго поставленія замѣтно беретъ перевѣсъ надъ безпововщиной и бѣглоповщиной и теперь самое видное мѣсто въ Стародубѣ принадлежитъ такъ называемымъ оужникамъ. Они становятся все сильнѣе и сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Стародубѣ братья Мельниковы. Дѣятельность этихъ вожаковъ оужничества упорна и постоянна, не смотря на нѣкоторыя преграды, встрѣчаемыя ими на своемъ пути. По словамъ епархіальнаго миссіонера о. Рябухина, „съ появленіемъ на горизонтѣ расколостародубья братьевъ Мельниковыхъ и самого прелукавѣйшаго отца ихъ—лжепопа Евфимія, наше расколостародубье становится особенно популярнымъ въ глазахъ раскола“. Въ домѣ Мельниковыхъ нерѣдко получаютъ рѣшеніе или же принимаютъ извѣстное направленіе многія дѣла австрійскаго раскола. Старшій братъ Василій, проживая въ Новозыбковѣ, имѣетъ постоянныя письменныя сношенія съ канцеляріей лжеепископа Арсенія Швецова, у котораго секретаремъ въ настоящее время состоитъ другой братъ—Теодоръ, а писцами—два брата Усовы—жители посада Святской. Какъ самъ отецъ—попъ Ефимъ, такъ и дѣти его усердно развѣзжаютъ

по разнымъ раскольническимъ центрамъ съ цѣлью пропаганды раскола; они бываютъ не только въ посадахъ Черниговской епархіи, но и въ Могилевской губерніи, заглядываютъ и въ Москву, и въ Нижній. Посѣщая посады Черниговской губерніи, Теодоръ Мельниковъ и его сотрудникъ—Иванъ Усовъ, извѣстный составитель „замѣчаній на 105 вопросовъ“, по порученію Швецова, распространяютъ въ нихъ разныя подпольныя раскольническія изданія, устраиваютъ собранія главарей раскола, даютъ имъ руководственныя наставленія и пр. Для пріобрѣтенія наибольшаго вліянія на Стародубскихъ раскольниковъ и для снисканія авторитета въ ихъ глазахъ, Мельниковы въ такихъ случаяхъ много баснословятъ о своихъ побѣдахъ на публичныхъ бесѣдахъ съ православными миссіонерами, происходившихъ въ губерніяхъ Московской, Нижегородской, Екатеринославской и по всему Кавказу. Мало этого. Для привлеченія раскольниковъ на сторону Бѣлокриницкаго священства они распустили молву, что „славное раскольническое казачество не въ далекомъ будущемъ постарается исходатайствовать у русскаго правительства признаніе Бѣлокриницкаго священства равноправнымъ съ духовенствомъ господствующей Церкви“ и что „послѣ этого старообрядцы свободно будутъ строить величественные храмы съ колокольнымъ звономъ, совершать торжественныя крестныя ходы и т. п., а въ концѣ концовъ старообрядчество вступитъ въ рѣшительную борьбу съ господствующею Церковію и весь коренной русскій простой людъ сброситъ съ себя никоніанство и приметъ старожитность первыхъ російскихъ патріарховъ“. Конечно, всѣ эти сказки производятъ свое впечатлѣніе на довѣрчивыхъ простолюдиновъ.

Не ограничиваясь этимъ, главари окружнической партіи стараются распространять окружничество насчетъ другихъ раскольническихъ партій въ Стародубѣ; съ этою цѣлью передовые окружническіе дѣятели, подъ руководствомъ всѣхъ же Мельниковыхъ и К^о, открываютъ новые штаты своихъ причтовъ въ бѣглопоповскихъ центрахъ, обезпечивая ихъ жалованьемъ изъ особо учрежденнаго для этой цѣли раскольническаго фонда, причемъ на новыя мѣста стараются опредѣлить питомцевъ Швецовско-Мельниковской школы. Такъ, въ 1897 и 1898 г. г. ими открыты трехклерные причты

въ бѣглопоповскихъ центрахъ—посадахъ Лужкахъ и Чуровичахъ, а въ 1899 году вновь открытъ причтъ въ бѣглопоповскомъ же центрѣ—посадѣ Митьковкѣ. Въ семь же году Мельниковы склонили на свою сторону противоокружническаго попа Василя Мясникова, имѣющаго жительство въ посадѣ Добрянкѣ, а за Мясниковымъ послѣдовали и многіе изъ его паствы. Поповъ, которые оказываются малоспособными вести пропаганду въ пользу окружничества, заправили окружниковъ удаляютъ съ мѣстъ; такъ въ посадѣ Климовѣ удаленъ былъ за это попъ Миронъ.

Главными центрами окружнической партіи являются попрежнему посады: Клинцы, Елюпка и Святская. Въ Елюнкѣ проживаютъ два окружническихъ попа—Терентій Воскобойниковъ и попъ Димитрій. Здѣсь же, какъ извѣстно, проживаютъ раскольники-милліонеры Гусевы.

Говоря о наиболѣе выдающихся событіяхъ въ мірѣ окружниковъ за послѣдній годъ, нельзя обойти молчаніемъ ту борьбу изъ-за „каедръ“, какая ведется теперь между лжеепископами Сильвестромъ и вновь явившимся Порфириемъ. Борьба эта вызвана была слѣдующими обстоятельствами. Извѣстно, что всѣ, такъ называемые, окружническіе вожаки заправили, или представители окружничества въ существѣ дѣла совершенно безразлично относятся къ окружному посланію; для нихъ важно только и желательно объединить, сплотить стародубскій расколъ въ единое цѣлое подъ своимъ управленіемъ, такъ чтобы онъ чрезъ это являлся наиболѣе сильнымъ врагомъ православной Церкви. Для этой цѣли мнимые сторонники окружного посланія, не отказываясь отъ имени окружниковъ, готовы обѣими руками подписаться подъ актомъ объ уничтоженіи окружного посланія, лишь-бы только это вело къ присоединенію къ нимъ стародубскихъ противоокружниковъ. Но лжеепископъ Сильвестръ издавна извѣстенъ, какъ искренній сторонникъ окружного посланія, а потому онъ никогда не соглашался подписываться подъ опредѣленіями объ уничтоженіи „посланія“, за что его и не любятъ мнимо-окружники. Еще года два тому назадъ соборъ окружниковъ грозилъ ему увольненіемъ и схимою за то, что онъ не согласился подписаться къ соборному опредѣленію объ уничтоженіи окружного посланія въ цѣляхъ примиренія съ противоокружническими епископами. Но Сильвестръ

на покой идти не желаетъ. Между тѣмъ явился сюда новый лжевладыка,— вышеупомянутый Порфирій. Происходя изъ мѣщанъ посада Клинцовъ, онъ болѣе 20 лѣтъ проживалъ сначала въ званіи лжеинока, а потомъ—лжедіакона и лжеіерея, при Сильвестрѣ, при чемъ имѣлъ весьма большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ окружническомъ обществѣ. По рекомендаціи Мельниковыхъ, этотъ Порфирій былъ поставленъ въ Москвѣ въ епископы г. Самары. Но какъ самому Порфирию, такъ и его покровителямъ не того хотѣлось, чтобы онъ оставилъ Клинцы и отправился въ Самару, а напротивъ того,— чтобы онъ, сдѣлавшись епископомъ, замѣстилъ Сильвестра. Съ этою цѣлію изъ Москвы онъ отправился не на свою кафедру, а возвратился въ Полосьянскій монастырь (въ 15 верстахъ отъ Клинцовъ) и проживалъ здѣсь около трехъ мѣсяцевъ. Тогда-то и начались снова усиленныя попытки усадить Сильвестра на покой, чтобы его мѣсто предоставить Порфирию. Съ этою цѣлію мѣстные купцы и Мельниковы начали писать посланія въ Московскій раскольничій духовный совѣтъ о томъ, что владыка Сильвестръ старъ и дряхлъ мало совершаетъ архіерейскихъ службъ, плохо править епархіями и т. п. Но Сильвестръ съ своей стороны отписывался. Указывая на несправедливость доносовъ на него, онъ заявилъ духовному совѣту, что совсѣмъ нежелаетъ удалиться на покой и согласенъ только въ крайнемъ случаѣ оставить у себя Порфирія хорепископомъ или викаріемъ. Результатомъ этихъ пререканій было то, что Порфирій всетаки вынужденъ былъ удалиться изъ Полосы въ Москву, а оттуда, вѣроятно, въ Самару, согласно своему назначенію.

Что касается партіи *противоокружниковъ*, то здѣсь за послѣднее время особенно часты стали раздоры и смуты, характеризующіе внутреннее разложеніе противоокружничества. Такъ, лжеепископъ Михаилъ, стоящій во главѣ противоокружниковъ и проживающій въ посадѣ Воронкѣ, не влюбивъ Воронковского попа Антипа Демидова, въ концѣ 1898 года удалилъ его съ прихода за то, что сынъ его Петръ началъ открыто защищать православную Церковь. Назначенный на его мѣсто Іоаннъ Ромадинъ оказался фанатичнымъ противоокружникомъ и лютымъ врагомъ окружниковъ и единовѣрцевъ. Прежде всего онъ запретилъ своимъ пасомымъ имѣть какое бы то ни было общеніе съ окружниками. За-

тѣмъ, являясь на публичныя бесѣды съ миссіонеромъ, священникомъ о. Василиемъ Родіонцевымъ, Ромадинъ открыто похулялъ четвероконечный крестъ и имя Спасителя *Исуса*, выражаясь объ нихъ въ духъ первыхъ расколочителей. Поэтому большинству раскольниковъ-противоокружниковъ новый попъ весьма нравился, и они усердно посѣщали его моленныя, въ которыхъ онъ служилъ, такъ что въ великомъ посту, напр., говѣвшихъ у Ромадина было болѣе 3000 душъ. Но въ послѣдствіи съ Ромадинымъ произошла замѣчательная переменѣна: онъ сталъ охладѣвать къ расколу и сильно тяготѣть къ православной Церкви. Произошло это, по собственному его сознанию, отъ того, что началъ внимательно читать полемическія противъ раскола книги, которыя доставлялъ ему о. Родіонцевъ, и бесѣдовать съ миссіонеромъ. Для бесѣдъ съ о. Родіонцевымъ Ромадинъ ходилъ въ квартиру его. Все это не только удивляло, но и крайне раздражало раскольниковъ и они всячески старались препятствовать своему попу бесѣдовать съ миссіонеромъ и вообще имѣть съ послѣднимъ какое-либо общеніе. Однажды, когда Ромадинъ сидѣлъ въ квартирѣ о. Родіонцева и бесѣдовалъ съ нимъ, раскольники толпою окружили домъ, а болѣе дерзкіе изъ нихъ вошли даже въ комнату, гдѣ происходила мирная бесѣда миссіонера съ раскольническимъ попомъ, и стали укорять послѣдняго говоря: „зачѣмъ ты, батюшка, зашелъ сюда?“ Когда-же Ромадинъ въ отвѣтъ на это сталъ открыто обличать неправоту раскола, то нѣкоторые изъ раскольниковъ схватили его и насильно увели домой, сопровождаемые стономъ и воплемъ женщинъ: „родимый ты нашъ батюшка! куда это ты зашелъ?!“ — Чтобы сгладить дурное впечатлѣніе, произведенное описанными дѣйствіями на неокружниковъ, раскольники распространили слухъ, что Ромадинъ помѣшался и въ припадкѣ сумасшествія зашелъ къ о. Родіонцеву. Въ первое же послѣ этого воскресеніе, послѣ литургіи, Ромадинъ, желая обличить ложь такихъ слуховъ, остановилъ народъ и сказалъ: „мои чада провозгласили меня сумасшедшимъ, но пусть лучше тотъ сойдетъ съ ума, кто говоритъ это, а я, благодаря Господа, въ здоровомъ умѣ и твердой памяти“. — Въ другой разъ, въ августъ мѣсяцъ, Ромадинъ въ молельнѣ, въ присутствіи лже-владыки Михаила, остановилъ народъ и публично заявилъ,

что онъ лжеепископа Михаила не признаетъ за епископа, а также и все раскольничье духовенство признаетъ незаконнымъ. Всѣ были поражены этимъ, а лжеепископъ Михаилъ кричалъ: „о. Іоаннъ отъ меня запрещается!“ Тогда Ромадинъ заявилъ, что онъ пойдетъ къ вечернѣ въ Богоявленскую единовѣрческую церковь; дѣйствительно пришелъ туда и даже пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Все это въ конецъ смутило и озадачило раскольниковъ, которые толпами ходили возлѣ Богоявленскаго храма. Казалось, Ромадинъ былъ на порогѣ присоединенія къ православной Церкви, но узы раскола крѣпки, и онъ доселѣ еще пребываетъ въ немъ, чему главною причиною является его матеріальная зависимость отъ раскольниковъ. — Между тѣмъ удаленный съ прихода воронковскій попъ Антипъ Демидовъ отправился въ Нижній Новгородъ и здѣсь передался въ подчиненіе лжеепископу Іосифу, который за это особою грамотою разрѣшилъ Антипу „совершать богослуженіе въ простыхъ домахъ и исправлять всѣ духовныя требы, не смотря ни на какія михайловскія запрещенія“. Возвратясь въ Воронокъ, Антипъ въ своемъ жиломъ домѣ поставилъ маленькую пятиглавую церковь съ походнымъ антиминомъ (вѣроятно выданнымъ ему Іосифомъ) и сталъ служить въ ней обѣдни, успѣвши привлечь на свою сторону не мало прихожанъ. Такимъ образомъ въ посадѣ Воронкѣ образовалась вторая противоокружническая секта Іосифовской части, вслѣдствіе чего въ расколѣ идутъ различные толки и споры.

Кромѣ посада Воронка, болѣе замѣтными центрами противоокружнической партіи являются посады Лужки и Добрянка. Въ Лужкахъ проживаетъ противоокружническій попъ Михаилъ, отличающійся особеннымъ фанатизмомъ, благодаря чему и имѣетъ большое вліяніе въ средѣ раскольниковъ. Онъ ведетъ внѣшне-аскетическую жизнь, въ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ православными весьма остороженъ, среди раскольниковъ проповѣдуетъ неустанно. Все это не можетъ не нравиться раскольникамъ.

Что касается *бѣглопоповщины*, то послѣдователи ея проживаютъ еще во многихъ мѣстностяхъ и посадахъ Стародубскаго края. Во главѣ бѣглопоповцевъ стоитъ бѣглый попъ Илья, проживающій въ посадѣ Лужкахъ и отсюда разбѣгающій по своимъ прихожанамъ въ разныя селенія.

Бросая взглядъ на общее состояніе старообрядческаго раскола въ Черниговской епархіи за 1898—1899 г.г., мы видимъ, что итоги получаются весьма внушительные и мало отрадные для дѣятелей миссіи. Прежде всего мы видимъ здѣсь значительный штатъ раскольничьяго духовенства, во главѣ котораго стоятъ три бѣлокриницкихъ лже-архіерея, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находится болѣе 20 поповъ, нѣсколько діаконовъ и до 50 псаломщиковъ. Въ вѣдѣніи же ихъ находится два мужскихъ окружническихъ и два мужскихъ противоокружническихъ монастыря, въ коихъ проживаетъ свыше 100 человѣкъ братіи. Затѣмъ въ этой арміи воинствующаго раскола слѣдуютъ: начетчики, уставщики, чтены и пѣвцы. Кромѣ этихъ духовныхъ бѣлокриницкихъ радѣтелей и дѣятелей въ пользу раскола, на фонѣ Стародубскаго раскола ярко выступаютъ его главные вожаки—Мельниковы, которые стремятся объединить дѣятельность различныхъ вліятельныхъ и сильныхъ лицъ въ расколѣ и направить ихъ къ одной цѣли во вредъ православной Церкви и къ ослабленію значенія православной миссіи.

Говоря объ отношеніи различныхъ раскольническихъ партій къ православной Церкви, нужно отмѣтить, что, по отзывамъ о.о. миссіонеровъ, гораздо враждебнѣе другихъ раскольническихъ партій настроены къ православной Церкви окружники, при чемъ не столько изъ религіозныхъ побужденій, сколько изъ-за расчета и иныхъ интересовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей. Поэтому окружники, хотя по принципиальному своему ученію стоятъ, повидимому, ближе къ ученію православной Церкви, но на дѣлѣ являются наиболѣе опасными ея врагами и именно этою самою мнимою близостью къ ней. Противоокружники относятся къ православной Церкви также весьма враждебно,—узы раскола здѣсь очень прочны и ими онъ крѣпко держитъ въ своихъ сѣтяхъ своихъ послѣдователей. Наконецъ, бѣглопоповцы отличаются особеннымъ фанатизмомъ и живутъ между собою очень сплочено, а потому почти не поддаются какому-либо миссіонерскому воздѣйствію. Для характеристики общаго отношенія раскольниковъ къ православной Церкви приведемъ отзывъ епархіальнаго миссіонера, о. Родіонцева о раскольникахъ посада Лужки, гдѣ гнѣздятся всѣ три партіи Стародубскаго раскола—и окружники, и противоокружники и бѣглопоповцы:—„Бога-

тые люди въ Лужкахъ, говорить о Родіонцевъ, пока очень далеки отъ православія; привыкли жить по своей волѣ, они отличаются гордостью и надменностью. Мастеровые же и вообще простой народъ въ матеріальномъ отношеніи зависятъ отъ нихъ, вслѣдствіе чего, если кто и желаетъ оставить расколъ, но боится притѣсненій и попрежнему остается въ расколѣ, хотя бы и не вѣрилъ въ него“. Отзывъ этотъ характеренъ тѣмъ, что рисуетъ въ общемъ настроеніе и отношеніе къ православной Церкви раскольниковъ не однихъ только Лужковъ, но раскольниковъ и всей Черниговской епархіи.

Въ какомъ же состояніи находилась миссія среди раскольниковъ и каковы ея результаты за отчетный 1898—1899 годъ? Борьба съ расколомъ въ Черниговской епархіи состояла въ противораскольнической дѣятельности двухъ миссіонеровъ, въ такой же дѣятельности пастырей зараженныхъ расколомъ приходовъ и въ содѣйствіи дѣлу миссіи нѣкоторыхъ частныхъ лицъ какъ изъ среды православныхъ, напр., воронковского купца Д. В. Карамина, такъ и изъ среды самихъ раскольниковъ.

Дѣятельность о. о. миссіонеровъ заключалась въ томъ, что они почасту вели съ раскольниками бесѣды, какъ публичныя, такъ и частныя, такъ сказать, келейныя бесѣды; въ томъ, что ограждали православныхъ отъ увлеченія въ расколъ; въ томъ, что руководили священниками и другими лицами, принимавшими болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ противораскольнической миссіи. Всего о. о. миссіонерами въ отчетномъ году было произведено 45 публичныхъ бесѣдъ, кромѣ множества частныхъ по разнымъ случаямъ.

Кромѣ о. о. миссіонеровъ, въ борьбѣ съ расколомъ трудились усердно священники тѣхъ мѣстностей, гдѣ расколъ пустилъ свои корни. Такъ, священники посада Чуровичъ о. Михайль Острицкій и посада Еліонки о. Феодоръ Маслюковъ неоднократно производили публичныя бесѣды съ раскольниками; священникъ посада Лужковъ о. Юдинъ путемъ частыхъ сношеній и бесѣдъ съ бѣглопоповцами удерживаетъ ихъ отъ массоваго перехода къ бѣлокрипичному священству; священникъ посада Клинцовъ о. Василій Еремѣевъ разными мѣропріятіями достигъ того, что окружническіе лжепопы перестали совращать въ расколъ

православныхъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ съ раскольниками; такъ священникъ посада Святской о. Феодоръ Храмцовъ сумѣлъ настолько расположить къ церковно-приходской школѣ родителей - раскольниковъ, что они очень охотно отдають туда своихъ дѣтей, такъ что въ настоящее время болѣе 90% учащихся въ школѣ дѣтей—дѣти раскольниковъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ даже посѣщаютъ единовѣрческій храмъ и участвуютъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи, а нѣсколько учениковъ приняли православіе. Посѣщеніе многихъ стародубскихъ раскольническихъ посадовъ преосвященнымъ Михаиломъ, епископомъ Новгородѣвверскимъ, (нынѣ епископъ Ковенскій) также сильно способствовало успѣхамъ миссіи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1899 года имъ были посѣщены посады: Лужки, Воронокъ, Княжая, Климовъ, Еліонка, Клинцы и города—Стародубъ и Новозыбковъ. Вездѣ истовое богослуженіе преосвященнаго, его проповѣди и бесѣды производили на раскольниковъ сильное впечатлѣніе, хотя многіе изъ нихъ и встрѣчали православнаго архіерея съ немалымъ предубѣжденіемъ, которое, впрочемъ, скоро разсѣивалось, когда раскольники ближе присматривались къ нему. Въ Лужкахъ и Еліонкѣ раскольники даже поднесли преосвященному хлѣбъ-соль. Служеніе преосвященнаго въ посадѣ Воронкѣ и его полное отеческой благоснисходительности къ заблуждающимся обращеніе съ раскольниками подѣйствовали на нихъ настолько благотворно, что двое изъ нихъ не пожелали болѣе оставаться въ расколѣ и въ скоромъ времени послѣ отъѣзда преосвященнаго изъ Воронка присоединились къ святой Церкви. Вообще же, раскольники не могли не усмотрѣть того великаго превосходства, какимъ отличаются православные законные епископы и въ своемъ богослуженіи, и въ проповѣдяхъ, и въ бесѣдахъ, отъ ихъ полуневѣжественныхъ лже-владыкъ, взаимно другъ друга проклинающихъ *).

*) Для характеристики взаимныхъ отношеній раскольничихъ лже-епископовъ, приведемъ нѣсколько выраженій изъ письма Іосифа Нижегородскаго къ одному лже-попу (Антипу Демидову изъ посада Воронокъ) отъ 7 марта 1899 года: „Михаиль (противоокружническій лжеепископъ)—явный прелюбодѣй, осквернилъ мою законную жену (т. е. отбилъ часть прихожанъ у Іосифа), а потомъ наскочилъ на законную жену владыки Симеона; кто за нимъ (Михаиломъ) слѣдуетъ,

священнымъ Михаиломъ, по замѣчанію миссіонера свящ. Родіонцева, были причиною того, что со стороны раскольниковъ не стало слышно похвалыбы истовыми архіерейскими богослуженіями, совершаемыми ихъ лже-архіереями“.

Наконецъ, говоря о плодахъ миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ Черниговской епархіи за 1898—1899 г., нельзя, конечно, всѣ результаты миссіи сводить къ числу обратившихся изъ раскола въ православную Церковь и по этимъ только обращеніямъ опредѣлить успѣхи миссіи. Здѣсь необходимо принимать во вниманіе и то нравственное вліяніе, какое оказываютъ дѣятели миссіи на волю, умы и сердца какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ своимъ богослуженіемъ, своими всенародными и частными бесѣдами, на которыхъ для всѣхъ ясно и очевидно была раскрываема ими вся ложь и заблужденія раскола и чистая, неповрежденная истина православія. Эти бесѣды, ведшіяся дѣятелями миссіи съ неослабнымъ усердіемъ, имѣли то великое значеніе, что однихъ совершенно отвращали отъ раскола и приводили къ святой Церкви; въ-другихъ—въ значительной степени поколебали довѣріе къ нему; третьихъ, наконецъ, во время удержали отъ совращенія въ расколъ и укрѣпили въ нихъ святуя преданность Церкви православной.—Но помимо этихъ нравственныхъ и, такъ сказать, не всегда ощутительныхъ результатовъ дѣятельности миссіи, были еще и другіе, болѣе осязательные, болѣе очевидные, плоды дѣятельности ея—это не малочисленные случаи обращенія раскольниковъ въ православіе на правахъ единовѣрія. Такъ, по отчетамъ о о. епархіальныхъ миссіонеровъ, всѣхъ обратившихся изъ раскола и воссоединившихся съ святою Церковію было въ отчетномъ году 104 человека обоого пола. Такъ Единый Пастыреначальникъ Христосъ, при посредствѣ пастырей Своего словеснаго стада, мало-по-малу приводитъ во святуя ограду Своей Церкви блуждающихъ внѣ его спаситель-

---

всѣ есть предатели антихриста, не знающіе Бога и закона“. Съ своей стороны лже-епископъ Михайль, вмѣстѣ съ Кирилломъ Балтскимъ и Петромъ Бессарабскимъ, писали въ одной грамотѣ: „Іосифъ Нижегородскій—беззаконный, безстудный, заправильно изверженный, и да будетъ неразрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока не оставитъ своего незаконнаго дѣйствія“ и т. д.

ной ограды,—въ дебряхъ раскола—Своихъ словесныхъ овецъ. Такъ, Господу содѣйствующему и слово укрѣпляющую послѣдствующими знаменьями“, укрѣпляется и расширяется дѣятельность православной миссии среди раскольниковъ въ Черниговской епархіи.

М. Г.

Русское сектантство и противосектантская миссія въ Закавказскомъ краѣ ¹⁾.

Избравъ Закавказскій край мѣстомъ ссылки для зловреднѣйшихъ русскихъ сектантовъ и предоставивъ имъ, при переселеніи сюда, большія общественныя льготы, русское правительство, не смотря на то, что сектантская пропаганда не могла быть страшна здѣсь для православія, все же отнеслось къ религіознымъ вѣрованіямъ переселенцевъ со всею строгостью существовавшихъ законовъ. Въ „наставленіи“ прежде всего требовалось, чтобы со стороны сектантовъ не было публичнаго оказательства раскола, соблазнительнаго для православія; также запрещалось „такое пѣніе внутри молелевъ, которое было бы слышно внѣ оныхъ“, возбранялось торжественное совершеніе браковъ, погребеній и пр. и пр.

Какъ же, спрашивается, руководясь подобнымъ наставленіемъ, относилась къ сектантамъ мѣстная администрація, и какія мѣры принимала въ борьбѣ съ ними духовная власть?

Нужно сказать правду, что печальные уроки таврической исторіи автономной жизни сектантовъ не послужили никому ни въ пользу, ни въ назиданіе; и здѣсь, въ Закавказскомъ краѣ, повторяются тѣ же ошибки невмѣстательства власти во внутреннюю общинно-бытовую жизнь сектантовъ, то же умиленіе администраціи предъ экономическимъ благосостояніемъ и трудолюбіемъ сектантскаго населенія, то же невниманіе къ духу и характеру ихъ религіозныхъ воззрѣній. Увеличивая земельные надѣлы сектантовъ путемъ предоставленія имъ, якобы лучшему колонизаціонному элементу, самыхъ плодородныхъ земель, восхваляя до не-

¹⁾ „Миссіонер. Обзор.“ ноябр.

бесѣ въ своихъ отчетахъ добродѣтели ихъ и во многомъ предпочитая ихъ предъ православными переселенцами и мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ, мѣстная администрація или послабляла, или совершенно бездѣйствовала въ дѣлѣ пресѣченія сектантскихъ беззаконій. Характеризуя выше религіозно-нравственное состояніе сектантовъ здѣшняго края, мы уже указывали на то, какой религіозной свободой противозаконно пользуются они здѣсь до настоящаго времени.

Мѣстное духовенство также ничего не сдѣлало въ борьбѣ съ сектантствомъ. Оно не стремилось помочь дѣлу спасенія этихъ несчастныхъ отщепенцевъ, не пыталось разсѣять страшную тьму сектантскихъ заблужденій свѣтомъ православной истины. Да и что, на самомъ дѣлѣ, могло сдѣлать мѣстное духовенство для вразумленія многихъ тысячъ сплоченныхъ, какъ стѣна, упорныхъ сектантовъ, когда свѣтъ духовнаго учительства и просвѣщенія едва мерцалъ въ самомъ мѣстномъ духовенствѣ, когда въ немъ не хватало силъ для просвѣщенія и огражденія вѣрныхъ чадъ Церкви отъ прираженія къ нимъ лжеученій сектантства, магометанства и язычества недавно присоединеннаго края!

Благодаря такому отношенію духовенства и свѣтской власти къ русскимъ сектантамъ Закавказскаго края, послѣдніе зажили здѣсь совершенно изолированной общинной автономной жизнью—съ своимъ сельскимъ начальствомъ, съ своимъ чисто бытовымъ правомъ, съ ревниво оберегаемыми традиціями секты.

Не смотря, однако, на всю обособленность и сплоченность, закавказское сектантство представляло удобную и доступную для миссіи почву. Но въ то время, какъ миссія православной Церкви бездѣйствовала и кавказскіе администраторы смотрѣли умиленнымъ взглядомъ на однѣ лишь внѣшнія стороны добродѣтельной жизни сектантовъ,—въ это темное царство пробрались самые опасные, недремлющіе враги Церкви—протестантствующіе нѣмецкіе штундо-баптисты. Еще въ 60-хъ годахъ они выдвинули для сѣянія своихъ плевелъ на закавказской молоканской нивѣ—всѣ лучшія наличныя проповѣдническія силы и своей строго организованной пропагандой успѣли многихъ изъ молоканъ увлечь въ свои сѣти. Немалую услугу дѣлу пропаганды штундо-баптизма въ здѣшнемъ краѣ оказала мѣстная адми-

нистрація ошибочнымъ примѣненіемъ на первыхъ порахъ къ штундѣ неправильно понятаго закона о нѣмецкихъ баптистахъ отъ 27-го марта 1879-го года.

Въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ въ среду закавказскихъ духоборцевъ пробрались съ своей анархической пропагандой интеллигентные просвѣтители—толстовцы, которые въ теченіе какихъ-нибудь 3—4 лѣтъ настойчивой, ловко задуманной и искусно проведенной пропагандой своего пагубнаго лжеученія успѣли заронить искру въ горючій матеріалъ, и искра эта произвела страшный пожаръ анархическаго движенія среди духоборческаго невѣжественной толпы. Какъ извѣстно, движеніе это выразилось въ грубомъ отрицаніи государства и законовъ, всякой власти, въ неповиновеніи требованіямъ правительства, въ уклоненіи отъ исполненія воинской повинности и податей. Естественно и неизбѣжно долженъ былъ послѣдовать въ отношеніи духоборовъ-анархистовъ цѣлый рядъ тяжкихъ для главарей и массы правительственныхъ репрессій, закончившихся, какъ извѣстно, добровольнымъ выселеніемъ мятежной партіи сектантовъ въ Америку. Такимъ образомъ, братья наши по плоти и крови, отщепившись отъ православнаго корня, отвернувшись отъ исконныхъ началъ общерусской народной жизни, находясь въ теченіи многихъ лѣтъ въ своей духовной жизни безъ разумнаго руководства и мощнаго содѣйствія со стороны миссіи Церкви и мѣстныхъ властей, погибли и для царствія Божія и для государства Россійскаго!

Закончившаяся такъ печально толстовская пропаганда среди закавказскихъ духоборцевъ побудила, наконецъ, и духовную власть принять съ своей стороны должныя мѣры. Прибывшій въ 1896 году для изслѣдованія духоборческаго движенія чиновникъ особыхъ порученій по сектантскимъ дѣламъ при Оберъ-Прокурорѣ Свят. Синода В. М. Скворцовъ первый высказалъ въ своей докладной запискѣ мысль о необходимости открытія въ Грузинской епархіи двухъ должностей епархіальныхъ противосектантскихъ миссіонеровъ. Высказанная В. М. Скворцовымъ мысль встрѣтила живое сочувствіе со стороны высокопреосвященнѣйшаго Экзарха Грузіи Владиміра, нынѣ митрополита Московскаго, по ходатайству котораго въ слѣдующемъ же году были учре-

ждены Святѣйшимъ Синодомъ въ Грузинскомъ Экзархатѣ двѣ должности епархіальныхъ противосектантскихъ миссіонеровъ.

Ставъ во главѣ совершенно новаго здѣсь миссіонерскаго служенія, миссіонеры скоро убѣдились, что на этомъ многотрудномъ поприщѣ предъ 56-ю тысячной сектантской арміей они стоятъ совершенно одиноко. Только надежда на помощь Божию, сознаніе правды и святости дѣла, которому они служатъ, поддерживали и ободряли ихъ въ многотрудной дѣятельности... Несмотря на то, что миссіонерскія бесѣды съ сектантами являлись какъ бы первымъ опытомъ въ здѣшнемъ краѣ, все же нельзя не замѣтить нѣкотораго благотворнаго вліянія ихъ какъ на православныхъ, такъ и на сектантовъ. Православные, проживая въ сектантскихъ селеніяхъ, находятъ въ этихъ бесѣдахъ немалое утѣшеніе для себя и утвержденіе въ истинахъ своей вѣры; поэтому, при первомъ же появленіи миссіонера въ то или другое сектантское селеніе, они сейчасъ же собираются вокругъ нихъ, прося побесѣдовать съ отступниками по тому или другому вопросу православной вѣры. Такъ на бесѣды въ селеніи Пришибѣ, Ленкоранскаго уѣзда, приходили, вмѣстѣ съ своимъ священникомъ, чуть не всѣ православные жители сосѣдняго селенія Михайловки, такъ что не только обширный молоканскій молитвенный домъ не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ послушать бесѣду, но и по улицѣ было трудно пройти отъ многочисленнаго стеченія народа.

Не проходили безслѣдно собесѣдованія и для сектантовъ. Недовѣрчиво относясь къ миссіонерамъ при первой встрѣчѣ, они скоро убѣждались, что миссіонеръ пріѣзжаетъ къ нимъ не для притѣсненій и преслѣдованій ихъ, а исключительно съ цѣлью кроткой бесѣды о вѣрѣ и для разрѣшенія недомѣнныхъ религіозныхъ вопросовъ. Увѣрившись въ этомъ, они не только охотно начинали посѣщать бесѣды и свободно выступать на нихъ, но часто до того заинтересовывались ими, что приходили къ миссіонерамъ на квартиру, чтобы на свободѣ поговорить по тѣмъ или инымъ религіознымъ вопросамъ. Ново-Ивановскіе штундо-баптисты, Елисаветпольской губерніи, во главѣ съ своимъ наставникомъ, пріѣзжали даже въ Тифлисъ, чтобы посовѣтоваться съ миссіонеромъ и пріобрѣсти, по его указанію, различныхъ книгъ богословскаго содержанія. Встрѣчались не единственные даже случаи,

что послѣ цѣлаго ряда проведенныхъ миссіонеромъ бесѣдъ молокане того или иного селенія публично заявляли о своемъ желаніи присоединиться къ православной Церкви. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ сектантовъ, особенно же духоборцы и субботники, весьма неохотно и плохо посѣщаютъ наши бесѣды, а если и приходятъ, то ведутъ себя на нихъ очень несдержанно и шумно. Вообще же нужно сказать, что, при усиленной и правильно организованной дѣятельности приходской миссіи православной Церкви, число членовъ послѣдней могло бы значительно пополниться въ Закавказскомъ краѣ на счетъ русскаго сектантства.

Заканчивая свой краткій очеркъ русскаго сектантства и противосектантской миссіи въ Закавказскомъ краѣ, мы не можемъ не отмѣтить одного весьма радостнаго для здѣшней миссіи событія, именно, состоявшійся 26—27 сент. 1901 г. въ городѣ Баку первый въ Грузинской епархіи миссіонерскій благочинническій съѣздъ духовенства. На съѣздѣ присутствовали два епархіальныхъ миссіонера и до пятнадцати православныхъ священниковъ, во главѣ съ благочиннымъ церквей Бакинской губерніи—прот. А. Юницкимъ. Опредѣливъ количество сектантовъ въ Бакинской губерніи и приписавъ сектантскія селенія къ православнымъ приходамъ, съѣздъ выработалъ немало духовныхъ мѣръ къ улучшенію религіозно-нравственнаго состоянія православнаго населенія и къ вразумленію и обличенію сектантовъ Бакинской губерніи. Дай Богъ, чтобы положенное Бакинскимъ благочиніемъ начало миссіонерскимъ съѣздамъ послужило добрымъ примѣромъ и для другихъ благочиній Грузинской епархіи!

Епарх. противосект. миссіонеръ *В. Обтемперанскій*.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Буддисты, христіанство и политика въ Японіи. Современные буддисты не занимаютъ въ настоящее время въ Японіи того положенія, которое принадлежало имъ во времена Такугавы. Тогда буддизмъ не только отождествлялся съ великолѣпными мавзолеями, украшавшими страну, но употреблялся какъ офиціальное орудіе для подавленія христіанства. Каждый японецъ долженъ былъ озаботиться, чтобы его имя было внесено въ церковные списки, и чтобы подробный отчетъ объ исполненіи имъ его религіозныхъ обязанностей могъ удовлетворить священниковъ, ибо только при соблюденіи этого онъ могъ избѣжать подозрѣнія въ христіанствѣ и рассчитывать на безопасность отъ тѣхъ ужасныхъ истязаній, которымъ подвергались послѣдователи запрещенной вѣры. Такимъ образомъ буддистскіе священники являлись руководителями совѣсти японца и защитниками его противъ офиціальныхъ обвинителей. Японецъ имѣлъ, т. обр., огромный интересъ въ пріобрѣтеніи милостей буддійскаго духовенства, а оно, въ свою очередь, извлекло въ свою пользу все, что было можно, изъ политической системы, дѣлавшей его—рѣшителями судьбы и самой жизни каждаго японца. Часто говорятъ, что твердая почва, пріобрѣтенная въ Японіи философией Вангъ-Янгъ-Мина, начиная съ 17 стол., является огромнымъ препятствіемъ для распространенія между японцами христіанства, благодаря утвержденію въ умахъ народа слѣдующихъ положеній: божество не можетъ быть одновременно антропоморфнымъ и вездѣсущимъ; человѣку не должно покоиться о сверхъестественномъ; награды или наказанія слѣдуетъ искать только въ своей совѣсти; истинная религія можетъ быть универсальной, но одинаковость обрядностей и формъ у различныхъ національностей—дѣло немислимое.

Нѣтъ сомнѣнія, что для многихъ образованныхъ японцевъ философія Вангъ-Янгъ-Мина является серьезнымъ препятствіемъ къ усвоенію христіанства и предрасполагаетъ ихъ противъ утилитаріанизма современной Европы. Что касается народныхъ массъ, то здѣсь рѣшающимъ вліяніемъ является ихъ наслѣдственно-воспитанное убѣжденіе, что буддизмъ не только преддверіе рая, но также и щитъ противъ гнета свѣтской власти. Изъ поколѣнія въ поколѣніе исполненіе церковнаго долга (по буддійскому ритуалу) ассоціировалось у нихъ съ идеей о домашней безопасности и личной свободѣ, и такимъ образомъ ихъ вѣра обратилась почти въ инстинктъ. Однако буддійское духовенство ясно понимаетъ, что дѣло не можетъ находиться въ такомъ положеніи вѣчно, и считаетъ,

что нѣтъ лучшаго средства укрѣпить вѣру, какъ вновь предоставить ему въ какой-либо формѣ официальное положеніе. Оно давно уже работаетъ въ этомъ направленіи, но такъ какъ до настоящаго времени не добились и малѣйшей тѣни успѣха, то многіе священники рѣшили выступить непосредственно на политическое поприще. Для начала была сдѣлана слѣдующая попытка.

Послѣ освобожденія посольствъ въ Пекинѣ, охранѣ японскихъ войскъ былъ предоставленъ тотъ участокъ города, гдѣ находится Ламайскій храмъ. Самъ Лама искалъ безопасности въ бѣгствѣ, и прекрасныя зданія со всеми ихъ сокровищами были оставлены на милость побѣдителей. Японцы отнесли къ священному для китайцевъ мѣсту съ уваженіемъ, оберегали его отъ святотатства и въ заключеніе передали владѣльцамъ въ томъ видѣ, въ какомъ заняли. Само собою разумѣется, что благодарность китайцевъ была очень велика, и между японцами и Ламой установились такія отношенія, что Лама рѣшилъ лично посѣтить Японію. Японскіе буддисты заранѣе „учли всѣ возможности“, которыя связаны съ этимъ счастливымъ для нихъ случаемъ. Такъ какъ сундуки Ламы пусты, то они немедленно собрали средства для его путешествія въ 11 іюля текущаго года знаменитый іерархъ высадился въ Кобѣ (японскій портъ). Пріѣздъ такой особы, важный и самъ по себѣ, приобрѣлъ особое значеніе благодаря искуснымъ приемамъ буддистовъ.

Благодаря событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ Китаѣ въ минувшемъ году, кредитъ христіанства въ этой странѣ сильно подорванъ.

По мнѣнію многихъ, даже европейцевъ, возбудителями и даже прямыми виновниками боксерскаго возстанія являются миссіонеры; дѣянія европейцевъ въ часъ побѣды были безславны; поведеніе европейскихъ войскъ въ Чи-ли и Манчжуріи доказало (по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто держался этого же взгляда и прежде), что узы, налагаемыя христіанской моралью, не способны обуздать звѣря въ человѣкѣ и безсильны передъ первымъ же искушеніемъ. Съ другой стороны, японскія войска, номинально исповѣдывающія ученіе Будды, отличались порядкомъ, милосердіемъ къ побѣжденнымъ, защитой домовъ и собственности мирныхъ китайцевъ. Этимъ контрастомъ и рѣшили воспользоваться буддисты при такомъ счастливымъ событіи, какъ визитъ Ламы Японіи. Совершенно естественно, что Лама, какъ верховный представитель буддизма на востокѣ, нашелъ вполне умѣстнымъ выразить публичное одобреніе поведенію своихъ единовѣрцевъ. Дѣло было обставлено артистически. Сначала Лама ограничился выраженіемъ удовольствія, что ему удалось навѣстить страну, гдѣ буддизмъ имѣетъ многихъ и столь искреннихъ послѣдователей. Затѣмъ, при слѣдующемъ случаѣ, онъ началъ

говорить о благодарности, которой онъ обязанъ японскимъ войскамъ за охрану священнаго зданія въ Пекинѣ и возвращеніе его въ цѣлости со всѣми его сокровищами. При слѣдующемъ случаѣ онъ выразилъ надежду, что Тибетъ и Японія, исповѣдая общую религію, могли бы всегда находиться въ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Наконецъ, во время своего послѣдняго приѣма въ Токио, онъ объявилъ, что Японія, Китай и Корея—всѣ почерпнули свою религію изъ одного и того же чистаго источника, и что превосходство этой религіи надъ христіанствомъ доказано во время недавнихъ смуть въ Китаѣ.

Должно замѣтить, что Лама старательно ограничивался исключительно религіозной стороной вопроса. И его заключительная рѣчь не имѣла бы политическаго значенія, еслибы ей не было предпослано, какъ предисловіе, привѣтствіе виконта Міуры, выдающагося политика, настаивающаго на неотвратимой необходимости, при существующихъ обстоятельствахъ, тѣснаго единенія между Китаемъ, Японіей и Кореей и полагающаго, что единственнымъ цементомъ этого союза можетъ быть только буддизмъ. Такимъ образомъ ясно, что буддизмъ сталъ союзникомъ политической партіи—„Национальнаго Союза“, который избралъ девизомъ цѣлость Китайской имперіи и расчитываетъ связать народы дальняго Востока противъ западнаго вторженія религіозными крѣпами.

Для такого назначенія буддизмъ не носитъ въ себѣ достаточно жизнедѣятельности, но попытка его представителей выдвинуть его для такой несвойственной ему роли во всякомъ случаѣ очень любопытна.

Къ изложенному, однако, слѣдуетъ прибавить, что попытка обратить ученіе Будды въ орудіе политической борьбы далеко не находитъ себѣ всеобщаго одобренія въ самой Японіи. Нѣкоторые японцы спрашиваютъ, на какомъ основаніи Лама за всѣ безчинства и преступленія, совершенныя европейскими войсками, дѣлаетъ отвѣтственнымъ христіанство, а въ безчинствахъ и преступленіяхъ, совершенныхъ боксерами, не хочетъ винить буддизма? Очевидно, что если за вины христіанъ должно отвѣчать христіанство, то за вины буддистовъ будетъ отвѣтственъ буддизмъ. И наоборотъ, если буддизмъ не при чемъ въ преступленіяхъ боксеровъ, то и христіанству нельзя ставить въ вину безчинствъ христіанскихъ войскъ. Впрочемъ эти софизмы слишкомъ сильно отзываются лицемѣріемъ англійскихъ клерджименовъ, и японское происхожденіе ихъ весьма сомнительно.

Другіе замѣчаютъ: пусть ужъ „дѣлаютъ религіозный капиталъ“ на рыцарскомъ поведеніи и великодушіи японскихъ войскъ; но какую услугу можетъ оказать буддійской морали виконтъ Міура, тотъ самый министръ, который навсегда опозорилъ себя соучастіемъ въ убійствѣ Корейской королевы?

Все это свидѣтельствуесть, между прочимъ, о томъ, какъ неосторожно примѣшивать религію въ область политики.

(Times).

* * *

Халдейскій патріархъ. Французское правительство потребовало недавно у турецкаго правительства признанія халдейскаго патріарха.

Вотъ положеніе этого іерарха въ Восточной Церкви.

Въ 428 г. константинопольскимъ патріархомъ былъ избранъ Несторій. Выступивъ борцомъ противъ ученія Арія, онъ самъ, въ свою очередь, впалъ въ ересь, противоположную по своему содержанію ереси Арія, признавъ въ Иисусѣ Христѣ двойственность естества.

Ефесскій соборъ 431 г. осудилъ ученіе Несторія, который былъ вынужденъ оставить патріаршій престолъ.

Но въ Сиріи и Антиохіи у Несторія оказались ревностные приверженцы, и ученіе его о двойственности естества второй Ипостаси продолжало распространяться подъ видомъ истиннаго и единственно христіанскаго. Главное ядро послѣдователей этого ученія жило въ Месопотаміи, почему несторіане извѣстны обыкновенно подъ именемъ ассирійскихъ или халдейскихъ христіанъ.

Константинопольскіе императоры, ревнуя о спасеніи душъ заблудшихся, прилагали всѣ средства для искорененія ереси и возвращенія заблудшихся въ лоно материнской Церкви. Тогда несторіане ушли въ значительномъ числѣ въ Персію, гдѣ встрѣчаются и теперь.

Несмотря на все это и даже на самый исламъ, заступившій мѣсто Восточной Имперіи, несторіанство и по сей день все еще живо въ народахъ Месопотаміи. Число ихъ опредѣляется въ настоящее время въ 400.000 человекъ, причемъ они раздѣляются на двѣ вѣтви: національную Церковь и „возсоединившуюся“, т. е. латинизированную. Къ національной Церкви принадлежитъ 320.000 человекъ, къ латинской 80.000.

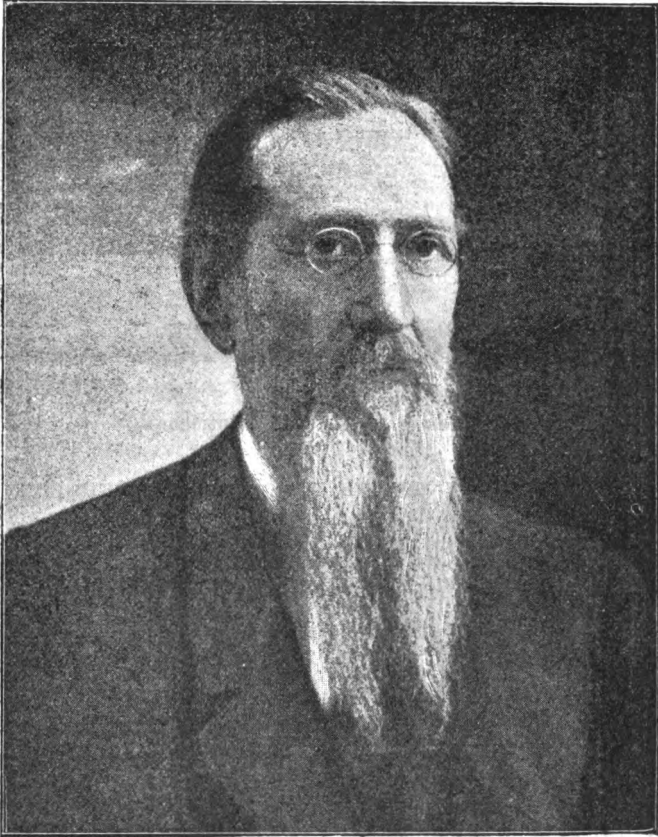
Два мѣсяца тому назадъ латино-несторіанскій патріархъ Іосифъ Өома умеръ и соборъ архіепископовъ и епископовъ, собравшій въ Моссултѣ, избралъ новымъ халдейскимъ патріархомъ монсиньора Эмманула, изъ-за неутвержденія котораго Турціей Франція и поднимаетъ теперь шумъ.

* * *

Успѣхи мормонства. Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается 2.000 мормонскихъ миссіонеровъ. Каждый изъ нихъ обязанъ посѣтить всѣ безъ исключенія

дома въ назначенномъ ему округѣ и трижды побесѣдовать со всякимъ, кто подаетъ малѣйшую надежду на обращеніе.

Мормонство, по мнѣнію одной изъ проповѣдницъ реформатской церкви, представляетъ опасность троякаго рода: соціальную, политическую и религіозную. Соціальную—такъ

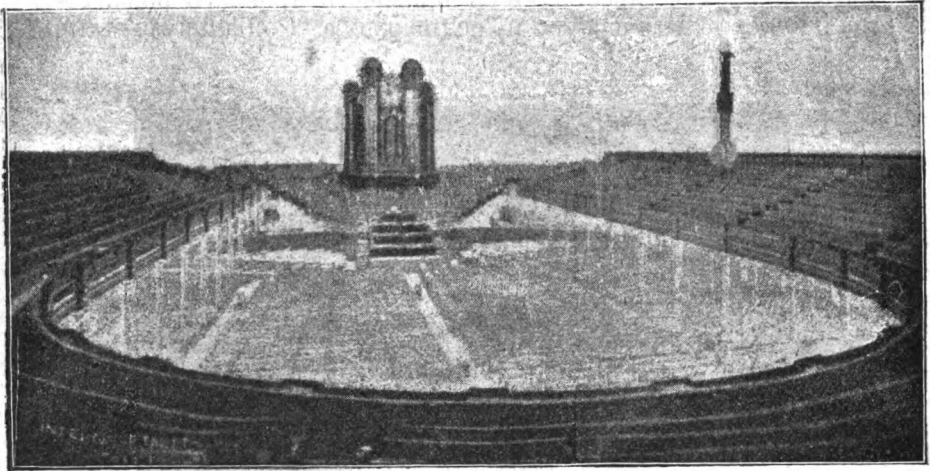

Іосифъ Смитъ, глава партіи мормоновъ.

какъ доктрины мормонства враждебны семьѣ и воспитанію; политическую—такъ какъ мормоны уже теперь контролируютъ четыре штата и имѣютъ вліяніе въ трехъ; и, наконецъ, религіозную—такъ какъ мормонство ставитъ въ исключительное положеніе старѣйшинъ, давая религіозную санкцію всему, чтобы имъ заблагоразсудилось сдѣлать.

Во всякомъ случаѣ предсказаніе, данное въ первыя времена мормонства, что ученіе это въ теченіе полустолѣтія

Внутренній видъ храма мормонъ.

пробьетъ себѣ дорогу черезъ весь американскій материкъ, исполнилось въ полномъ размѣрѣ.

* *
*

Въ пользу мира. Daily News обнародовали весьма важный документъ: манифестъ, подписанный 5.270 священниками, принадлежащими къ различнымъ англійскимъ сектамъ, и домогающійся заключенія мира съ бурами. Само собой разумѣется, что подъ такимъ документомъ не стоитъ подписи ни одного священника, принадлежащаго къ господствующей англиканской церкви. Манифестъ требуетъ предоставленія бурямъ автономіи, амнистіи для жителей Капской колоніи, присоединившимся во время войны къ бурамъ, и вознагражденія за уничтоженныя во время войны дома и фермы.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ числѣ священниковъ, подписавшихъ манифестъ, встрѣчаются лица, принадлежащія къ различнымъ политическимъ партіямъ, такъ что манифестъ этотъ является не партійнымъ дѣломъ, а дѣйствительно плодомъ христіанскаго человѣколюбиваго настроенія, признаки котораго не обнаружили лишь въ средѣ господствующей Церкви.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Лѣтопись духовной печати о расколѣ.

„Миссіонер. Обзорѣніе“, желая дать своимъ читателямъ болѣе цѣлостный обзоръ статей о расколѣ, печатавшихся въ духовныхъ журналахъ прошлаго года, преднамѣренно отложило свою лѣтопись до настоящаго новаго года. Такъ какъ, безспорно, наиболѣе выдающіяся статьи помѣщены были въ московскомъ жур. „Душеполезное Чтеніе“ и принадлежать, главнымъ образомъ, опытному перу почтеннаго расколовѣда Н. И. Субботина, благодареніе Богу, продолжающаго свою литературную миссію на пользу Церкви, то мы и начнемъ наше обзорѣніе съ этого журнала.

Вотъ тѣ статьи, принадлежащія Н. И. Субботину и заслуживающія особаго вниманія и интереса дѣятелей противораскольничьей миссіи: 1) „*Какое понятіе о расколѣ, его характеръ и отношенія къ православной Церкви даетъ нынѣшняя раскольничья литература?*“ 2) „*Объ исповѣди бѣлаго греческаго митрополита Амвросія предъ бѣлымъ раскольничьимъ попомъ Геронимомъ*“; 3) „*Дружба паче правды*“, заключенная между еретикомъ Швецовымъ и обличителемъ его Механиковымъ“ и 4) „*Замѣтка объ основателяхъ Бѣлой Криницы*“.

Изъ другихъ статей слѣдуетъ отмѣтить: „*Разсмотрѣніе изданной поповцами австрійскаго согласія книги: „Разборъ отвѣтовъ на 105 вопросовъ*“, Е. Антонова, и стоятъ упоминанія: *письмо преосвящ. Теофана - Затворника о сектантахъ и слово о. Иоанна Кронштадтскаго противъ современной толстовской ереси, сказанное въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.*

Въ первой статьѣ, представляющей собою окончаніе „Мыслей и замѣтокъ по вопросамъ о расколѣ“, напечатанныхъ въ „Душеп. Чт.“ за 1900 г., Н. И. Субботинъ знакомитъ съ способами и приемами новыхъ раскольничьихъ писателей, употребляемыми какъ въ защитѣ раскола, такъ и въ нападеніи на Церковь. Приемы эти относительно *новые*. Такъ, а) нынѣшніе раскольничьескіе писатели австрійско-окружническаго толка не признаютъ авторитета за старопечатными книгами, не считаютъ ихъ непреложно - истинными и даже, когда нужно, доказываютъ ихъ неоснователь-

ность и недостоверность, хотя въ то же время приводятъ изъ нихъ свидѣтельства въ подтвержденіе любимыхъ раскольническихъ мнѣній. б) Взамѣнъ старопечатныхъ книгъ для защиты своихъ мнѣній они ищутъ помощи въ сочиненіяхъ нашихъ „ніконіанскихъ“ свѣтскихъ и духовныхъ писателей, даже въ иностранныхъ книгахъ, католическихъ и протестантскихъ, почему съ рѣдкимъ усердіемъ слѣдятъ за всѣми выходящими въ свѣтъ сочиненіями православныхъ и даже протестантскихъ (въ русскомъ переводѣ) писателей, стараясь отыскать въ нихъ хотя что-нибудь благопріятствующее ученіямъ раскола. Но „вылавливая у нихъ всякое благопріятное для раскола свидѣтельство и даже выраженіе, они обыкновенно, съ свойственною имъ беззащитностью, совершенно игнорируютъ, или замалчиваютъ иногда прямыя даже обличенія раскола, находящіяся у тѣхъ же самыхъ авторовъ и въ тѣхъ же самыхъ сочиненіяхъ“. в) Складъ рѣчи, или языкъ нынѣшнихъ раскольническихъ писателей австрійско-окружническаго толка мало отличается отъ современнаго литературнаго языка и совсѣмъ отличенъ отъ того, какимъ писали прежде вполне грамотные раскольническіе авторы (Денисовы, Иванъ Алексѣевъ и др.) и какимъ пишутъ доселѣ малограмотные, воспитавшіеся на старопечатныхъ книгахъ. г) вмѣстѣ съ бойкой литературной рѣчью нынѣшніе раскольническіе писатели усвоили себѣ діалектическое искусство сбивать читателей, особенно изъ старообрядцевъ, ловко составленными софизмами. д) Наконецъ, самую примѣчательную особенность этихъ писателей составляетъ господствующая въ ихъ сочиненіяхъ озлобленная и крайне дерзкая брань на православную Церковь, ея священноначаліе и ея защитниковъ. Въ этомъ отношеніи они, если не превзошли знаменитаго протопопа Аввакума, то едва ли не сравнялись съ нимъ.

Вторая статья Н. И. Субботина представляетъ собою разборъ брошюры „Объ исповѣди преосвященнаго Амвросія митрополита Бѣлокриницкаго“, напечатанной въ какой-то Черновицкой типографіи въ цѣляхъ защиты австрійскаго раскола. Съ нашей *православной* точки зрѣнія, вопросъ объ исповѣди Амвросія, какъ она происходила, *самъ по себѣ* не имѣетъ въ сущности *никакого* значенія. Еслибы Амвросій исполнилъ исповѣдь предъ бѣглымъ іеромонахомъ Іеронимомъ во всей точности по старопечатному Потребнику, то исповѣдь его, какъ принесенная предъ *бѣглымъ* раскольническимъ попомъ, не имѣвшимъ власти на совершеніе священнодѣйствій, не имѣла бы силы и значенія таинства, точно такъ же, какъ и совершенное имъ перемазаніе Амвросія фальшивымъ муромъ, т. е. простымъ масломъ не было таинствомъ миропомазанія. То и другое дѣйствіе, совершенно независимо отъ того, *какъ они совершены*, имѣютъ для насъ

значеніе въ томъ только смыслѣ, что, подчинившись имъ, Амвросій чрезъ это именно отступилъ отъ общенія съ православною Церковью и вступилъ въ соединеніе съ обществомъ, канонически отлученнымъ отъ Церкви, за что и самъ, по силѣ церковныхъ правилъ, подпалъ подъ отлученіе, лишился права на совершеніе архіерейскихъ дѣйствій, и потому совершяя имъ въ расколѣ поставленія нѣсколькихъ лицъ въ священныя саны расколъ незаконно и вся происшедшая отъ него іерархія—незаконная, недѣйствительная, безблагодатная. Для самихъ же старообрядцевъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли состоялась исповѣдь Амвросія предъ Іеронимомъ, т. е. была ли совершена правильнымъ, какъ положено въ Потребникѣ, порядкомъ, особенно прочелъ ли Амвросій на исповѣди символъ вѣры съ именемъ *Исусъ*, съ приложеніемъ *истиннаго* въ 8 членѣ, *нѣтъ*, вмѣсто *не будетъ*, конца—въ 7-мъ,—покался ли и получилъ ли отъ духовнаго отца прощеніе и разрѣшеніе не только въ нравственныхъ прегрѣшеніяхъ, но, самое главное, въ содержаніи тѣхъ мнимыхъ ересей, за которыя расколъ отдѣляется отъ православной Церкви, имѣетъ весьма важное значеніе. Если нѣтъ, то, значить, Іеронимъ солгалъ передъ народомъ, присутствовавшимъ въ Церкви, „объявивъ достоинство митрополита“, т. е. объявляя, что по вѣрѣ и по жизни онъ достоинъ быть липованскимъ митрополитомъ; значить, Амвросій сдѣлался митрополитомъ старообрядцевъ и основалъ имъ іерархію, не раскаявшись предъ духовнымъ отцомъ и не получивъ отъ него прощенія и разрѣшенія въ тѣхъ мнимыхъ ересяхъ, за которыя именно всѣхъ православныхъ архіереевъ, и его самого въ томъ числѣ, не признаютъ они за дѣйствительныхъ архіереевъ, имущихъ благодать архіерейства и власть поставлять другихъ въ священныя саны; значить, іерархію, имъ основанную, сами старообрядцы должны признать незаконною, безблагодатною, недѣйствительною. Послѣ этого понятно, почему авторъ брошюры усиливается доказать, что Амвросій зналъ славянскій и русскій языкъ, а потому на исповѣди могъ будто бы объясняться съ Іеронимомъ. Но усилія его напрасны: Н. И. Субботинъ съ историческими документами въ рукахъ ясно доказалъ въ своей статьѣ, что Амвросій *никогда не зналъ* ни русскаго, ни славянскаго языка и объясняться на нихъ не могъ.

По благословенію Іоанна Каргушина, именуемаго архіепископа старообрядцевъ, извѣстный раскольническій писатель лжесвященникъ въ Тулѣ, Василій Механиковъ, написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Защита Бѣлокриницкаго Устава предъ судомъ православія“. Въ этомъ сочиненіи онъ съ достаточною полнотою и основательностію обличилъ еретичества извѣстнаго раскольническаго лжеепископа Арсенія Швецова, которыя послѣдній упорно проповѣдуетъ, защи-

шая Бѣлокриницкій Уставъ, а въ частности внесенныя сюда Павломъ Бѣлокриницкимъ еретическія мнѣнія о подлѣтномъ, вмѣстѣ съ вѣками, рожденіи Сына Божія и исхожденіи Св. Духа отъ Бога Отца. Въ 1900 г. Н. И. Субботинъ огласилъ это сочиненіе въ печати. Въ австрійскомъ расколѣ по этому случаю начались волненія: большинство ревнителей австрійскаго раскола было смущено сочиненіемъ „отца Василія“ о ересьяхъ „владыки Арсенія“. Чтобы положить конецъ смущенію и недовольству, Картушинъ предложилъ Механикову и Швецову написать и подписать удостовѣреніе, что они, оставаясь каждый при своемъ мнѣніи, одинаково исповѣдуютъ православную вѣру, а потому и прекращаютъ всѣ пререканія. Это удостовѣреніе подъ заглавіемъ: „Исповѣданіе православныя вѣры епископа Арсенія Уральскаго и временно Нижегородскаго и священника града Тулы Василія Механикова“ подписано ими 10 ноября 1900 г. Сказавъ, что примиреніе Механикова со Швецовымъ, не отказавшимся „попирать благочестіе“ своими еретичествами, будучи непонятно какъ по отношенію къ Швецову, такъ и Механикову, есть *дружба паче правды* и, по своей лживости и лицемерію, составляетъ позорное явленіе въ австрійскомъ расколѣ, изоглавшемся въ послѣднее время до послѣдней крайности, Н. И. Субботинъ приводитъ въ своей статьѣ подлинный текстъ этого мирнаго договора и подробно разбираетъ его, показывая со всею ясностію его несостоятельность и ложь отъ начала до конца.

Четвертая статья Н. И. Субботина представляетъ собою простую поправку къ сказанному на 116—118 стр. его „Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“ объ основателяхъ Бѣлой Криницы.

Сочиненіе Е. Антонова († 1901 г.), долгое время бывшаго неутомимымъ разоблачителемъ хитросплетеній раскольническихъ писателей новаго пошиба—Швецова, Перетрухина, Механикова—обязано своимъ происхожденіемъ слѣдующимъ обстоятельствамъ. 11 марта 1890 г. на одной изъ публичныхъ бесѣдъ, происходившихъ тогда въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Виссаріона, еп. Дмитровскаго (нынѣ Костромскаго), нѣсколько членовъ раскольническаго братства св. Креста представили преосвященному тетрадь своихъ вопросовъ съ требованіемъ—прочитать эти вопросы тутъ же на бесѣдѣ и потомъ дать на нихъ письменные отвѣты. Подателямъ вопросовъ было замѣчено, что на устныхъ бесѣдахъ письменное разсмотрѣніе и рѣшеніе вопросовъ совершенно неумѣстно. Тогда податели тетради, взявъ ее обратно, немедленно и съ нескрываемымъ торжествомъ вышли изъ собранія и стали распространять слухъ, что православные собесѣдники потому не согласились дать письменные отвѣты, что не въ состояніи сдѣлать это. Чтобы положить конецъ самохвалству раскольниковъ, Е. А. Антоновъ,

люды руководством о. архим. Павла (Пруссаго), составилъ весьма обстоятельныя „Отвѣты на 105 вопросовъ, сочиненныхъ старообрядцами австрійскаго согласія“. Появленіе этого сочиненія было крайне неприятно раскольникамъ, и потому они рѣшились опровергнуть его. За это дѣло взялся не безызвѣстный въ расколѣ писатель Усовъ, который цѣлыхъ пять лѣтъ трудился подъ руководствомъ Швецова и Механикова и составилъ огромную книгу подъ заглавіемъ „Разборъ отвѣтовъ на сто пять вопросовъ“, которая и служить предметомъ „Разсмотрѣнія“ Е. Антонова. „Разсмотрѣніе“ начато печатаніемъ въ Братскомъ Словѣ, а по прекращеніи послѣдняго, продолжается въ Душеполезномъ Чтеніи, начиная съ 1900 г. Оно представляетъ выдающійся интересъ для православныхъ, особенно для изучающихъ расколъ и соприкасающихся съ нимъ въ жизни, такъ какъ въ немъ, можно сказать, собрано все, что выставляется расколомъ поповщиной противъ православной Церкви, и все, что обличаетъ заблужденія раскола. Е. А. Антоновъ приложилъ все стараніе, чтобы вразумить Усова и К^о: отмѣчаетъ всѣ слабыя стороны ихъ „Разбора“ и разоблачаетъ ихъ хитросплетенія, а Н. И. Субботинъ въ своихъ примѣчаніяхъ дополняетъ недосказанное и указываетъ тѣ особенности, которыми отличается новѣйшая раскольничья литература, созданная Швецовымъ и его питомцами, вышедшими изъ „Безводненской Академіи“. Въ напечатанной части, составляющей 2-й вып. „Разсмотрѣнія“, содержатся краткія свѣдѣнія о происхожденіи, задачѣ и значеніи его и затѣмъ разсматриваются разборы отвѣтовъ на 23—34 вопросы.

Въ письмѣ преосвящ. Теофана-Затворника содержится нѣсколько указаній относительно борьбы съ сектантами, а въ словѣ о. Іоанна Кронштадтскаго краткое, но сильное и авторитетное обличеніе ученія Толстого, отвергающаго необходимость живой, разумной, твердой вѣры въ Сына Божія Единороднаго, Господа І. Христа, какъ Искупителя рода человѣческаго.

Въ январьской книжкѣ Душеполезнаго Чтенія, замедлившей выходомъ въ нынѣшнемъ году, по случаю смерти своего редактора профессора-протоіерея Д. Ѳ. Касицына († 3 декабря), въ ряду интересныхъ правоучительныхъ статей помѣщена новая статья Н. И. Субботина подъ заглавіемъ: „Правда паче дружбы“, которая имѣетъ тѣсную связь съ его же статьей „Дружба паче правды“, только что разсмотрѣнной нами, а потому считаемъ необходимымъ разсмотрѣть ее теперь же. Въ своей новой статьѣ маститый профессоръ пишетъ, что по поводу его статьи „Дружба паче правды, заключенная между еретикомъ Швецовымъ и обличителемъ его Механиковымъ“, Механиковъ прислалъ въ редакцію Душеполезнаго Чтенія два своихъ сочиненія: 1) „По-

правка къ статьѣ: „Дружба паче правды“ проф. Н. И. Субботина“ и 2) „Дополнительное объясненіе къ исповѣданію вѣры отъ 10 сего мѣсяца еписк. Арсенія Уральскаго и временно-Нижегородскаго и свящ. г. Тулы Василия Механикова“. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій онъ указываетъ причины, побудившія его подписать „Исповѣданіе вѣры“ 10 ноября 1900 г., и сообщаетъ интересное свѣдѣніе о томъ, что произошло за подписаніемъ этого „Исповѣданія“. А произошло вотъ что. Вскорѣ же послѣ подписки Механиковъ „ужасно пожалѣлъ объ этой невольной оплошности своей“, „лично“ (вѣроятно, наединѣ) поговорилъ со Швецовымъ и, когда увидѣлъ изъ разговора, что тотъ попрежнему держится своего еретическаго ученія о Св. Троицѣ, то 14 ноября „формально заявилъ“ своему „архіепископу“ Іоанну Каргушину, что „*уничтожаетъ свою подпись* подъ общимъ исповѣданіемъ вѣры и что до тѣхъ поръ не перестанетъ считать *дѣйствительными* свои критическіе разборы сочиненій Швецова въ защиту Бѣлокриницкаго Устава, пока не будетъ сдѣлано на нихъ опроверженіе, при достаточномъ основаніи изъ слова Божія и ученія святыхъ отцовъ“; затѣмъ послалъ Швецову „Дополнительное объясненіе къ исповѣданію вѣры отъ 10 ноября 1900 г.“, гдѣ въ 8 пунктахъ имъ изложено православное ученіе о Лицахъ Святой Троицы, убѣдительно прося подписать его. Но Швецовъ „подъ разными предлогами рѣшительно отказался отъ этого подписа и повторилъ почти всѣ тѣ же возрѣнія“, противъ которыхъ сдѣланы были „основательныя замѣчанія“ въ прежнихъ „критическихъ разборахъ“ Механикова. Тогда Механиковъ началъ со Швецовымъ „новую полемику“,—послалъ ему 20 декабря обширное (на 40 страницахъ) письмо, въ которомъ „подробно разобралъ его мнимыя основанія для отказа“ отъ подписи изложеннаго въ 8 пунктахъ православнаго ученія о Лицахъ Св. Троицы. „На этомъ, пишетъ Механиковъ, дѣло и остановилось“.

К. П.

Критическое обозрѣніе полемическихъ бесѣдъ, помѣщенныхъ въ епархіальныхъ изданіяхъ.

„Можетъ ли Церковь Христова лишиться всѣхъ истинно-православныхъ епископовъ и полноты церковныхъ таинствъ?“

Вторую бесѣду ¹⁾ о Шалкинскій началъ, какъ и слѣдовало, краткимъ повтореніемъ предыдущей, при чемъ сдѣлалъ выводъ, что общество старообрядцевъ, не имѣвшее около 200 лѣтъ ни полноты іерархическихъ членовъ, ни полноты святыхъ церковныхъ таинствъ, Церковью Христо-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ Январь.

вой именоваться не можетъ, а потому и повинно въ грѣхѣ раскола, котораго и кровь мученическая не можетъ загладить. Затѣмъ онъ доказалъ, хотя и съ недостаточною полнотою, что въ Церкви Христовой должны быть три чина іерархіи и семь таинствъ, и сдѣлалъ такой выводъ: „въ нашемъ (старообрядческомъ) обществѣ не было епископовъ, слѣдовательно, не было трехчинной іерархіи, не было законнаго совершенія таинствъ, а нѣкоторыя таинства совершенно некому было „строить“ (В. Катих. л. 358). Пусть же Перетрухинъ докажетъ, что св. Церковь можетъ дойти до такого состоянія“.

Вмѣсто прямого отвѣта Перетрухинъ, по обычаю раскольничьихъ апологетовъ, началъ городить околесицу. Назвавъ *нелпностью* ученіе о невозможности существованія Церкви безъ епископа, онъ сослался на св. І. Златоуста и св. Аванасія Великаго, которые будто бы учатъ о возможности такого существованія, и затѣмъ съ запальчивостью заговорилъ: „Чего же говорить о. Сергѣй, что безъ епископовъ Церковь не можетъ быть? Кто выше-то—святые отцы или о. С. Вѣдь тоже проповѣдникомъ считается, а какую нелпность проповѣдуетъ!“ Попытался онъ, далѣе, доказать, что въ ихъ обществѣ священство было, такъ какъ были священники, что таинства не совершались въ ихъ обществѣ не по ихъ винѣ, а по винѣ православныхъ, которые тѣснили и преслѣдовали ихъ. Когда же о. Ш. попросилъ отвѣтить на вопросъ прямо, то П. сказалъ: „хотя у насъ „повидимости“ не было совершенія всѣхъ семи церковныхъ таинствъ, но мы принимали ученіе о нихъ и ученіе о епископахъ, а посему никогда безъ нихъ и не были“. Послѣ этого о. Ш. слѣдовало указать, что въ отвѣтѣ П. имѣетъ отношеніе къ предмету бесѣды, а что нѣтъ, и разобрать первую часть отвѣта по существу; между тѣмъ онъ началъ со второй половины, а именно: сталъ доказывать, что гоненіямъ и мученіямъ подвергались и еретики, но мученіе имъ не на пользу; что чрезъ гоненія святая Церковь „во утѣшеніи вельми процвѣтаетъ“, а общество старообрядцевъ, вслѣдствіе гоненій, всего лишилось,—и лишь послѣ этого занялся разборомъ первой половины. Разборъ сдѣланъ умѣло и основательно, а нѣкоторые изъ употребленныхъ при этомъ приемовъ заслуживаютъ подражанія. Такъ, сославшись на то, что П. неоднократно называлъ *нелпностью* ученіе о томъ, что Церковь безъ епископовъ быть не можетъ, о. Ш. *сравниваетъ* это ученіе съ ученіемъ І. Златоуста, бл. Симеона Солунскаго, св. священномуч. Кипріана и св. Игнатія Богоносца и дѣлаетъ такой выводъ: „слышите, всѣ эти учителя и отцы св. Церкви ясно утверждаютъ, что безъ епископовъ не можетъ быть не только Церкви, но даже и самого христіанства. П. дерзаетъ публично говорить, что эти св. отцы

и учителя говорят *нелѣпность*! А еще хвалится тѣмъ, что подражаетъ въ вѣрѣ первымъ пяти русскимъ патріархамъ. Да развѣ какой-либо изъ этихъ патріарховъ называлъ святоотеческое ученіе нелѣпостью? Нѣтъ, до такой дерзости доходятъ только еретики штундисты, баптисты, толстовцы, подражателемъ которыхъ является и П.⁴. Такой приемъ хорошъ и производитъ на слушателей сильное впечатлѣніе, но послѣдней фразы не слѣдовало употреблять, потому что П. едва ли изъ подражанія штундистамъ, толстовцамъ и т. д. называлъ нелѣпостью указанное ученіе, зачѣмъ же обижать его напрасно?

Другой хорошей приемъ, употребленный о. Ш., это—указаніе противорѣчій въ словахъ П., который то скажетъ: „у насъ не было совершенія всѣхъ тайнъ“, то: „мы никогда безъ нихъ не были“, то старается оправдать неимѣніе въ своемъ обществѣ епископовъ, то сразу объявить: „у насъ епископы были всегда: мы ихъ не лишились“...

Третьей хорошей его приемъ—это подтвержденіе ученія православной Церкви доказательствами изъ сочиненія самого Перетрухина. Вотъ какъ онъ употребилъ его. Указавши вышеприведенныя противорѣчія въ словахъ П., о. Ш. продолжалъ: „Чтобы вамъ еще яснѣе была вся неправда и ложь изворотовъ г. Перетрухина, я хочу познакомить васъ съ слѣдующими словами самого Перетрухина, написанными имъ въ его книгѣ: „Мечъ духовный“. Вамъ всѣмъ извѣстно, что у васъ не было трехчинной іерархіи и семи тайнствъ. А Перетрухинъ въ своемъ „Мечѣ“ говоритъ: „Въ Церкви Богъ установилъ священство и семь тайнствъ церковныхъ, якоже видимъ изъ словъ св. апостола Павла: внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святыи постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею (Дѣян. зач. 44). Въ благовѣстномъ же Евангеліи въ толкованіи на зачало 95 отъ Луки объясняется, что *въ Церкви должны быть три чина іерархіи* (Отв. на 4 вопр. безпоповцевъ). У васъ не было *священства*. А Перетрухинъ говоритъ безпоповцамъ: „Священства ли взыщеши? и сего они не имѣють; безъ священства же спасіе не возможно“ (Отв. на 3 вопр.). Въ началѣ своихъ отвѣтовъ (въ предисловіи) Перетрухинъ уподобляетъ даже безпоповцевъ еретикамъ за то, что нѣдци изъ нихъ даже не вѣруютъ онымъ (трехчинной іерархіи) пребывати до скончанія вѣка, вопреки св. Евангелію и ученію святыхъ (Лук. зач. 95. Кирил. л. 77, Кн. о вѣрѣ гл. 7). Но и самъ, подобно безпоповцамъ, также учитъ, что Церковь Христова можетъ лишиться главнаго іерархическаго лица. Въ иномъ мѣстѣ Перетрухинъ говоритъ: „наша православная христіанская Церковь приемлетъ всѣ совершенно семь тайнствъ церковныхъ, и вселюбезно проповѣдуетъ онымъ быти до втораго пришествія Христова. И сіе

неоспоримо“ (1 гл. отв. на 11 вопр.). Общество, неимѣющее всѣхъ семи таинствъ, Перетрухинъ называетъ „нечистымъ колодеземъ“. „Вотъ таковой-то, говоритъ, есть нечистый колодезь, лишившійся благодатныхъ даровъ, въ преподаваніи семи церковныхъ таинствъ, преданныхъ отъ Христа Спасителя; и отъ такового то ихъ безблагодатнаго источника уже не можетъ изливаться приснотекущая, чистая вода ученія Божественнаго писанія; о такихъ безошибочно можно заключить, что эти безпоповскія общины есть сонмъ злыхъ и нечестивыхъ людей (Кат. гл. 25). Понеже по всей поднебеснѣй не имѣютъ семи церковныхъ таинствъ“ (Отв. на 3 вопр. безпоповц.). Такъ какъ и ваше общество „по всей поднебеснѣй“ не имѣло семи церковныхъ таинствъ, то и оно, по суду Перетрухина, есть нечистый, безблагодатный колодезь, сонмъ злыхъ и нечестивыхъ людей, а не святая Церковь“.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Перетрухинъ пытался доказать, что судьбы Церкви Божіей въ рукахъ ея Создателя, Который можетъ оставить ее съ епископами и таинствами, можетъ лишить ее всего этого и потомъ опять даровать по примѣру ветхозавѣтнаго жертвеннаго огня (2 Маккав. 1 гл.). Но о. Ш. кратко и основательно показалъ всю неосновательность и этихъ доказательствъ.

Кстати. Отъ одного миссіонера мнѣ пришлось слышать, что будто бы послѣднее доказательство нынѣшними раскольниками *оставлено* и болѣе не приводится, почему комиссія, пересматривавшая программу ученія о русскомъ расколѣ, выпустила его; между тѣмъ, какъ видно изъ бесѣды о. Ш. съ П., это доказательство не оставлено даже такимъ виднымъ апологетомъ раскола, какъ Перетрухинъ. Да едвали оставлять его скоро и другіе, потому что оно не лишено *видимой* основательности и можетъ произвести впечатлѣніе на слушателей. Если же такъ, то не поспѣшила ли упомянутая комиссія со своимъ заключеніемъ объ этомъ доказательствѣ? Нужно „скоростію дѣла не охулити“.

Въ третьей бесѣдѣ: „*О незаконности австрійской іерархіи*“ о. Ш. на основаніи св. Писанія, Кормчей и словъ блж. Августина сначала доказалъ, что въ истинной Церкви Христовой должно быть во всѣ времена друго-преемственное *посланничество* священно-іерархическихъ лицъ: Богъ Отецъ *послалъ* на Первосвященническое служеніе І. Христа; І. Христосъ *послалъ* св. апостоловъ; св. апостолы *послали* своихъ преемниковъ—епископовъ, а эти послѣдніе—своихъ преемниковъ; въ заключеніе же спросилъ: кто послалъ митр. Амвросія на Бѣлокриницкую кафедру и кто былъ его предшественникомъ по кафедрѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ П. замѣтилъ, что преемственная передача епископской власти должна быть во времена мира, а во времена гоненій на св. Церковь эти правила не обязательны для выполненія.

Такъ это было, напр., во времена иконоборческой ереси: до патр. Тарасія преемство епископовъ продолжалось, а послѣ него прекратилось; точно такъ было и у насъ: до лѣтъ патр. Никона оно продолжалось, а потомъ прекратилось, и митр. Амвросій, подобно Тарасію, былъ рукоположенъ еретиками. Затѣмъ въ доказательство своихъ словъ П. привелъ 15 пр. второ-перваго собора, 8 пр. 1 всел. соб. и попытался обвинить православную Церковь въ новатіанской ереси, такъ какъ патр. Никонъ и его послѣдователи запрещаютъ допускать къ таинству причащенія отъявленныхъ разбойниковъ. Но о. Ш. показалъ всю неосновательность его доказательствъ и снова поставилъ свой вопросъ. Отвѣта не послѣдовало и бесѣда на этотъ разъ кончилась.

Въ этой бесѣдѣ невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что всѣ тексты св. Писанія о. Ш. приведены *по-русски*. Конечно, для ясности хорошо приводить ихъ такъ, но вездѣ ли это можно? Если въ Москвѣ въ 1899 или 1890 г. на собесѣдованіи одинъ изъ защитниковъ раскола требовалъ, чтобы тексты св. Писанія приводились по *патріаршей* библіи (каковой и не существуетъ), а вообще раскольники довѣряютъ безусловно лишь Острожской (1580—1581 г.) и Московской (1663 г.) библіи; то едвали для большинства ихъ будутъ убѣдительны мѣста св. Писанія, приведенныя по русской библіи.

На слѣдующій день бесѣда продолжалась. П., по своему обычаю, сначала прочелъ по тетрадкѣ описаніе предыдущей бесѣды, затѣмъ сказалъ, что у митр. Амвросія предмѣстниковъ не было и что послалъ его въ Бѣлую Криницу самъ Богъ; сдѣлалъ, даѣе, нѣсколько замѣчаній въ доказательство того, что бѣглые священники и митр. Амвросій, по совершеніи надъ ними миропомазанія, оставались лицами священными, причемъ сослался на 19 и 8 пр. 1 всел. соб. и 69 пр. Кареаг. соб., а въ заключеніе рѣшительно заявилъ, что кто не признаетъ митр. Амвросія законнымъ митрополитомъ, а происшедшихъ отъ него епископовъ и священниковъ—законными пастырями, тотъ не подчиняется церковнымъ правиламъ, преданнымъ святыми отцами, и есть анаѣема (Кормч. л. 641). „Не убѣжитъ этой анаѣемы, прибавилъ онъ, и о. С. и всѣ тѣ, которые не признаютъ нашей іерархіи законной“. Въ отвѣтъ на его слова о. Ш. сдѣлалъ краткое замѣчаніе о клятвѣ, которой будто бы онъ подлежитъ, подробно выяснилъ важное значеніе епископа въ Церкви Христовой, доказалъ, что митр. Амвросій—отнюдь не Божій посланникъ, разъяснилъ еще разъ 8 пр. 1 всел. соб., при чемъ въ противовѣсъ Перетрухинскому толкованію этого правила по редакціи, приведенной въ посланіи къ Мартирію, сослался на лжесвященника Механикова (вотъ еще приемъ достойный подражанія) и сдѣлалъ краткое за-

мѣчаніе о 69 пр. Кареаг. соб. и словахъ бл. Августина, приведенныхъ Перетрухинымъ. Послѣ этого поднялся шумъ среди старообрядцевъ, которые были недовольны предыдущими бесѣдами и требовали бесѣды о клятвахъ, возлагаемыхъ на нее большія надежды. Но при помощи болѣе вліятельныхъ старообрядцевъ порядокъ возстановился и П., требовавшій передъ тѣмъ, чтобы его рѣчь была послѣдней, на что о. С. согласился, но съ оговоркою; „если въ ней не будетъ ничего несправедливаго“, сталъ доказывать, что Амвросій поступилъ по примѣру свв. Аванасія и Евсевія Самосатскаго, которые во время гоненія совершали рукоположеніе не въ своей области; что еретиковъ, принятыхъ чрезъ мвропомазаніе, не слѣдуетъ снова рукополагать, какъ будто бы учить объ этомъ и Питиримъ еп. Нижегородскій въ своей Пращицѣ (вопр. 168); что единоличное рукоположеніе митр. Амвросіемъ Кипріана Тимофеева въ преемники себѣ имѣеть для своего оправданія рядъ примѣровъ, которые и приводятся далѣе. О. Шалкинскій внимательно разсмотрѣлъ всѣ приведенныя доказательства и объявилъ бесѣду закрытой.

Въ этой бесѣдѣ, кромѣ выше отмѣченныхъ чертъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ о. С. Ш. отвѣчалъ на дерзости и оскорбленія Перетрухина. Твердо помня, что *рабу Господню не подобаетъ сваритися*, а слѣдуетъ вооружаться божественнымъ терпѣніемъ; что дерзости и оскорбленія со стороны Перетрухина имѣють цѣлю вывести его изъ терпѣнія и чрезъ это лишить возможности спокойно и безпристрастно обсудить вопросъ, о. С. сказали: „Тяжкое оскорбленіе нанесъ лично мнѣ и Русскому Правительству вацгъ защитникъ, утверждая, что я и подобные мнѣ миссіонеры не говорять правды, потому что за это получаютъ жалованье отъ правительства, но Богъ съ нимъ; духъ злобы и гордости заставляеть его изрыгать эти недостойныя русскаго человѣка слова. Страшно подумать, какая дерзость, какое неуваженіе къ правительству проглядываетъ въ словахъ Перетрухина: правительство платитъ деньги за то, чтобы лгали! И послѣ этого еще обвиняють правительство за то, что оно не позволяетъ публично издѣваться надъ православіемъ. А эти слова развѣ не дерзость, развѣ не издѣвательство? Правительство нанимаетъ лгать и кого-же? священниковъ! Нѣтъ, г. Перетрухинъ, лично я прощаю вамъ эту дерзость, но прошу подобныхъ фразъ впередъ не произносить, такъ какъ онѣ совершенно неумѣстны, но крайне оскорбительны, а вѣдь мы сюда собрались не для того, чтобы изошряться въ придумываніи оскорбленій, а чтобы примириться, уничтожить двухвѣковую распрю одноплеменнаго народа, посѣянную врагомъ рода человѣческаго. А такими приѣмами собесѣдованій, гдѣ затрогивается и оскорбляется личность, гдѣ все сводится къ тому, чтобы

вывести собесѣдника изъ терпѣнія и чрезъ это лишить его возможности спокойно и безпристрастно обсуждать религіозные вопросы, едвали мы чего-нибудь достигнемъ хорошаго. Оставимъ-же эти недостойные серьезныхъ людей приемы и будемъ продолжать собесѣдованіе въ духъ христіанской любви и кротости.

Бесѣда „*О клятвахъ Московскихъ соборовъ 1666—1667 годовъ и о порицаніяхъ полемическихъ писателей на именуемые старыя обряды*“ только начата печатаніемъ, а потому мы скажемъ о ней по напечатаніи.

Что же касается „*Публичнаго собесѣдованія съ старообрядцами въ актовомъ залѣ Екатеринбургской дух. семинаріи 25 февраля 1901 г.*“, то оно не удовлетворяетъ одному изъ главныхъ требованій: не уклоняться отъ главнаго предмета бесѣды. Правда, требованіе это трудно выполнимо на практикѣ, такъ какъ собесѣдники-старообрядцы отчасти по непривычкѣ къ логическому мышленію, отчасти изъ-за желанія замаскировать свою несостоятельность въ какомъ-нибудь предметѣ или избѣжать затруднительнаго для нихъ вопроса, часто уклоняются отъ главнаго предмета и удержать ихъ отъ уклоненій (особенно намѣренныхъ) трудно; но всетаки для опытнаго миссіонера возможно, а по существу дѣла и необходимо, потому что когда въ бесѣдѣ затрогивается много вопросовъ, то у слушателей все сказанное перепутается въ головѣ и бесѣда не принесетъ существенной пользы.

К. Плотниковъ.

Ленція по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ. Архимандрита Михаила (Грибановскаго), скончавшагося въ санѣ епископа Таврическаго и Симфер. 19 Августа 1898 г. Казань 1899.

„Предлагаемыя лекціи, читанныя студентамъ I курса Петербургской Духовной Академіи доцентомъ Академіи, Архимандритомъ Михаиломъ (Грибановскимъ), въ 1888 и 1889 учебномъ году, были отпечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1899 г. и затѣмъ изданы отдѣльнымъ оттискомъ. Въмѣсто предисловія помѣщено превосходное Слово, сказанное преосвященнымъ Антоніемъ Храповицкимъ надъ гробомъ Епископа Михаила“.

Введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ занимается рѣшеніемъ предварительныхъ вопросовъ, устанавливаетъ общіе основныя принципы, которые затѣмъ уже трактуются остальными богословскими науками, какъ неоспоримыя аксіомы. Главнѣйшіе ея вопросы—это вопросъ о сущности религіи и неразрывно связанный съ нимъ и изъ него вытекающій вопросъ о Божественной или что тоже истинной религіи, а также вопросы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ съ общей, прин-

ципiальной точки зрѣнiя. Универсальная проблемма философіи является, такимъ образомъ, задачей богословскаго „Введенiя“.

Но какъ всякая философская система начинается съ теорiи познаниа, съ установленiя методовъ и источниковъ изслѣдованиа, такъ и христіанская философія должна предварительно рѣшить гносеологической вопросъ.

Съ этого начинается и архимандритъ Михайль.

„Задача нашей науки доказать истинность православнаго христіанскаго вѣроученiя. Откуда же почерпать основанiя для доказательства этой истины?“

По учебнику преосвященнаго Августина эти основанiя находятся въ священномъ Писанiи, св. Преданiи и въ основанiяхъ разума. Чтобы подтверждать что-нибудь текстомъ св. Писанiя, для этого нужно напередъ вѣрить въ истинность этого текста. Съ другой стороны, наша наука не можетъ быть построена изъ внѣшняго опыта, ибо безконечное не дано въ немъ. Остается, такимъ образомъ, внутреннiй опытъ. Въ человѣческомъ самосознанiи и самоопредѣленiи мы находимъ положительную безконечность и, изучая ихъ, приближаемся къ пониманию той положительной безконечности, которая есть Богъ. Равнымъ образомъ, вопросы о разумности и цѣлесообразности міра, о злѣ и свободѣ человѣка могутъ быть рѣшены на основанiи законовъ нашего самосознанiя и посредствомъ изслѣдованиа данныхъ нашего внутренняго опыта. Т. е. основной принципъ гносеологии арх. Михайла состоитъ въ томъ, что „нравственный опытъ лежитъ въ основѣ всякой богословско-философской науки“.

Что же говоритъ этотъ опытъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ?

Вопросъ о Богѣ состоитъ прежде всего въ томъ, есть ли Онъ въ дѣйствительности, существуетъ ли Онъ какъ реальность, а затѣмъ уже въ томъ, что Онъ есть, какъ мы должны мыслить и опредѣлять Его.

Идея Безусловнаго—реальна, она есть субъективное откровенiе объективнаго образа Безусловнаго. Но отъ объективнаго слѣдствiя можно заключать къ объективной причинѣ. Поэтому, бытiе идеи Безусловнаго достоверно, это непосредственная связь самосознанiя нашего съ бытiемъ Безусловнаго. Второй вопросъ о Богѣ выраженъ въ Ведахъ: „какъ твое имя; какъ тебя назвать?“ Вопросъ идетъ о природѣ Божества. Съ этой стороны Оно опредѣляется прежде всего, какъ единое и сущее, какъ $\tau\acute{o} \epsilon\nu$ и $\tau\acute{o} \theta\epsilon\upsilon$. По отношенiю же къ міру Оно является причиной и цѣлью всего существующаго, безконечно возвышенной надъ всѣмъ—тѣмъ, что Оно есть самопричина и самоцѣль. А какъ таковое Оно должно быть личностью. Показавъ несостоятельность возраженiй противъ личности Божества, арх. Михайль справедливо замѣчаетъ, что какъ единство, такъ и бытiе намъ даны собственно только въ личности. До понятiя о Богѣ, какъ личности, можетъ еще дойти человѣческой разумъ.

Авторъ съ особою внимательностью останавливается на откровенномъ ученiи о св. Троицѣ и, кратко замѣтивъ объ отрицатель-

ныхъ теоріяхъ (древнихъ и новыхъ антитринитаріяхъ), предлагаетъ очеркъ попытокъ уяснить Троичность Лицъ и Единство Божества. Съ особымъ вниманіемъ онъ разсматриваетъ святоотеческое ученіе и старается прояснить его при помощи современныхъ научныхъ и философскихъ воззрѣній. Отдѣлы о твореніи міра, о человѣкѣ, о безсмертіи человѣка, о религіи, о происхожденіи зла и свободѣ не представляютъ ничего особенно оригинальнаго. Въ отдѣлѣ о религіи авторъ критикуетъ дѣленіе религій на естественныя и сверхъестественную. Религія можетъ быть только сверхъестественной, и названіе религіи естественной заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Разъ есть религія, есть союзъ Бога, есть сверхъестественное. Но дѣло въ томъ, что неистинной религіи не можетъ быть, и у язычниковъ были лишь субъективныя вѣрованія, но не религія. Все изслѣдованіе отличается научной серьезностью и основательностью, сжатымъ, строго логическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ яснымъ и простымъ изложеніемъ. Принимая во вниманіе, какъ бѣдна эта богословская отрасль солидными систематическими трудами, нельзя не рекомендовать лекцій преосв. Михаила вниманію интересующихся коренными вопросами вѣры и знанія.

Издана книга весьма хорошо.

М. Леоновичъ.

Варавва. Повѣсть время Христа. Маріи Корелли. Переводъ ин. Е. Ф. Мропоткиной. Спб. 1902 г. 363 стр. Ц. 1 р. 2-ое изд. книгопр. И. Л. Тузова.

Произведеніе Маріи Корелли принадлежитъ къ разряду тѣхъ длинныхъ на фонѣ священныхъ событій повѣстей и рассказовъ, которыми въ такомъ изобиліи снабжаетъ насъ родина автора. Имя историческаго разбойника, стоящее въ заголовкѣ повѣсти, указываетъ, что предметомъ ея служатъ послѣднія событія земной жизни Спасителя и Его крестная смерть и воскресеніе.

Пытливый и безпокойный умъ человѣческой не довольствуется обычно краткимъ и яснымъ евангельскимъ рассказомъ о великомъ дѣлѣ Искупителя и очень часто поддается искушенію поднять завѣсу надъ мрачной страницей общеміровой исторіи, чтобы уяснить себѣ, если не смыслъ Страстей Христовыхъ, то, по крайней мѣрѣ, смыслъ участія въ нихъ людскаго и всей исторической обстановки, въ которой совершилось по предвѣчному опредѣленію это неслыханное преступленіе, лежащее, съ одной стороны, несмыслимымъ пятномъ на имени человѣческомъ—съ другой, по своимъ вѣчнымъ результатамъ, носящее въ себѣ залогъ всепрощенія и сѣмя новой, безсмертной жизни,

Христіанское чувство и богословствующая мысль автора стараются по возможности оправдать и извинить всѣхъ ближайшихъ участниковъ, которымъ выпало на долю нести на себѣ первую тяжесть общечеловѣческаго грѣха и затмѣнія совѣсти.

Вся повѣсть написана съ явнымъ намѣреніемъ освѣтити факти исторіи въ современномъ ихъ пониманіи. Для этого необходимо было вывести въ повѣсти человѣка, который стоялъ бы выше тогдашней толпы. Выразителемъ мыслей автора здѣсь и является нѣкто Мельхіоръ, какъ онъ самъ послѣ объясняетъ — бывший царь, одинъ изъ тѣхъ, которые пришли поклониться Необычному Младенцу. Мельхіоръ тогда же «сложилъ свой вѣнецъ къ ногамъ Младенца съ клятвой вѣрности» и съ тѣмъ, чтобы «слѣдить за Нимъ отъ колыбели до креста» (361 стр.). Этотъ пророчествующій человѣкъ, пришедшій неизвѣстно изъ какой страны, обладаетъ прямо немислимымъ по тому времени жизнепониманіемъ, и онъ-то истолковываетъ всѣ факты, проходящіе передъ его глазами.

Въ преданіи Христа смерти было что-то роковое, и нѣтъ возможности обвинить въ этомъ кого-нибудь одного. Достойно только примѣчанія, что «распялъ Посланника Бога такъ называемый священникъ Бога»—Каіафа (145, 164, 362). Отсюда авторъ дѣлаетъ общее заключеніе, что самыми непримиримыми врагами свободы духа, которую проповѣдывалъ Христосъ, были и будутъ жрецы религіи. Анна и Каіафа боялись Христа, какъ Человѣка, думающаго самостоительно, пришедшаго пошатнуть ихъ теоріи, законы и авторитетъ надъ людьми. «Ничего нѣтъ болѣе страшнаго для священства, какъ свобода мысли, свобода совѣсти и презрѣніе къ общему мнѣнію» (24). Священники вели всю интригу, и пылкій Іуда былъ лишь жалкимъ орудіемъ въ рукахъ, которымъ они играли чрезъ его сестру Іудию, какъ будто въ его же видахъ прославленія Христа (164). Сребренники были простой формальностью, уловкой: Іуда ихъ не требовалъ, принялъ нехотя, по настоянію священниковъ, прикрывающихся закономъ, котораго Іуда не понималъ (167). Ученикъ предалъ Христа изъ любви къ Нему (156), чтобы показать всенародно Его славу, которую Назорей необходимо долженъ былъ проявить, будучи выданъ священникамъ и осужденъ ими, какъ преступникъ.

Въ этомъ пунктѣ съ Іудой былъ солидаренъ даже и Симонъ Петръ: онъ почти одобрилъ планъ, хитро набросанный Іудию Искаріотъ (158, 162). Нужно думать поэтому, что и Іуда «получить справедливость въ концѣ, не смотря на то, что грѣхъ его никогда не забудется людьми» (220, 240).—«Лѣтопись людей не лѣтопись Бога!» Ненавидѣвшая Назорея Іудию, измучившись душой за погибшаго брата и раскаявшись, тоже нашла своего «Царя» (334). Она была, пожалуй, даже первой христіанкой, понявшей силу креста, какъ символа спасенія. Она первая сдѣлала изображеніе креста драгоценнымъ, нося его, какъ утѣшающій муки талисманъ, въ своемъ горестномъ изступленіи.

Варавва—это воплощеніе горячаго и страстнаго человѣка, жаждущаго вѣры и сомнѣвающегося—«типъ грубаго человѣчества, противъ котораго всегда ведетъ борьбу Божественный Духъ», въ данномъ случаѣ—услѣшно.

Въ лицѣ его, какъ Іудея, Мельхіоръ провидитъ грядущія судьбы

отверженнаго народа еврейскаго. Всѣми презираемые евреи будутъ владычествовать надъ міромъ силою золотого тельца (226, 78).

Въ апостолѣ Петрѣ у автора проглядываетъ явная тенденція видѣть всё зародыши жестокаго, гордаго и властолюбиваго папства, объясняющаго по своему ученію Христа. «Привязанность души Петра къ вещамъ земнымъ, по словамъ Мельхіора, будетъ ему всегда мѣшать и испортитъ его миссію» (160). Вѣра его сильна, на ней будетъ держаться все зданіе, построенное апостоломъ, но и «сомнѣніями его тоже будутъ жить, ложь его будетъ сѣменемъ цѣлыхъ неурожаевъ неправды» (161). «На этой неправдѣ люди построятъ цѣлое зданіе лжи, въ которомъ Учитель, отвергнутый имъ, не будетъ участвовать» (150). «Мечта его объ обладаніи міромъ осуществится его послѣдователями» (170). Жестокій Петръ, снисходительный къ своимъ ошибкамъ, не знаетъ жалости по отношенію къ другимъ грѣшникамъ (331); онъ съ первыхъ же шаговъ начинаетъ извращать ученіе всеобъемлющей Христовой любви (336).

Переходимъ къ описанію Спасителя.

Едва ли можно изобразить въ художественномъ и цѣломъ представленіи духовный Обликъ Самого Божественнаго Страдальца. Перо, схватывая частности, безсильно передать всю святую прелесть Богочеловѣка, какъ безсильна была когда-то кисть художника передать Его тѣлесный обликъ. Попытки автора не выходятъ за предѣлы изображенія потрясающаго впечатлѣнія, которое производилъ Искупитель на всѣхъ видѣвшихъ Его. Этому впечатлѣнію покрывается не только Пилать, противъ воли приговорившій Христа къ смертной казни, но и жестокая Іудея, даже главный виновникъ ужаснаго событія—Каіафа. Озлобленный Варавва при одномъ ваядѣ на Христа теряетъ всю свою жестокость и сознается Мельхіору, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ Ликъ Назорея—не можетъ отнять жизнь у кого бы то ни было (230).

Не находя словъ для изображенія Самого Божественнаго Существа, авторъ обливаетъ Христа то необычнымъ и яркимъ солнечнымъ освѣщеніемъ, то заставляетъ видѣть присутствующихъ (Пилать, Варавва) надъ Его главой необычное небесное сіяніе, вродѣ вѣнца—нимба.

Но тамъ, гдѣ авторъ останавливается на плотности Богочеловѣка, фантазія его выливается въ черезчуръ тяжелыя и рѣзкія формы, никакъ не мирящіяся съ представленіемъ одухотвореннаго и чуждаго грубыхъ чертъ Облика Необычнаго Человѣка.

Получается впечатлѣніе, что Христось, какъ всякій человѣкъ занятый ручнымъ трудомъ, представлялъ Собою типъ богатыря со всѣми его тѣлесными функціями. Онъ выше и крупнѣе даже Симона Киринаянина (72), несшаго крестъ, который оказался не подъ силу четверымъ могучимъ палачамъ. Самый крестъ Искупителя дѣлался не по обычной мѣркѣ, а какъ будто по особому заказу. Достаточно привести на выдержку хотя бы слова главнаго палача, занятаго выборомъ историческаго орудія казни, на которомъ «приходилось поднять настоящаго Геркулеса... Развѣ ты не видишь какого

Онъ высокаго роста, какіе у Него мускулы... Былъ бы я на Его мѣстѣ, я однимъ ударомъ уничтожилъ бы всю стражу...» (62—63).

Нѣкоторыя событія евангельской исторіи передаются въ повѣсти частію невѣрно, частію неточно. Пилатъ, повинувшійся волѣ народа и закону (?), собственноручно бичуетъ Спасителя (70—74). Прободеніе ребра было послѣ словъ Искупителя—«Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой», а не послѣ Его кончины (142). Ударомъ копья именно и положенъ конецъ страданіямъ Богочеловѣка (188). Воскрешеніе Лазаря отдалается, по крайней мѣрѣ, на полтора года отъ Пасхи страданій, какъ видно это изъ воспоминаній заключеннаго Вараввы (20—21).

Есть въ книгѣ прямо странныя заключенія. Такъ: Іосифъ, родственникъ и обручникъ Маріи, не знаетъ мѣста Ея рожденія и склоненъ думать, что если Она и принадлежитъ какой странѣ—то Египту, такъ какъ (?) туда во время избіенія младенцевъ приказано было ему бѣжать съ обрученной Дѣвой. О происхожденіи Пресвятой Дѣвы изъ Египта ¹⁾ говоритъ Пилату и Іосифъ Аримаеянинъ. Можно подумать, что Самъ І. Христосъ не только не происходилъ изъ рода Давидова, но не былъ даже и евреемъ (189).

Такимъ образомъ изъ краткаго обзора содержанія вышеозаглавленной повѣсти можно видѣть, что она въ миссіонерскомъ, христіанско-просвѣтительномъ отношеніи, окажетъ плохую услугу. Но подобныя книги имѣютъ сбытъ, расходятся и съ жадностью читаются тою частію нашей публики, которой эпически спокойный рассказъ Евангелія представляется слишкомъ скучнымъ и мало ея воодушевляетъ. Произведенія этого рода литературы служатъ для нѣкоторыхъ почти единственнымъ обстоятельнымъ источникомъ свѣдѣній о земной жизни Искупителя, Его проповѣди и дѣйствіяхъ, полныхъ Божественной силы и мудрости. Нужно помнить однако, что эти сила и мудрость воспринимаются не столько знаніемъ исторической обстановки, сколько проникновеніемъ общимъ возвышеннымъ духомъ дѣла Спасителя во всей ихъ цѣлокупности и вѣрно и любовно къ Богочеловѣку безъ всякихъ художественныхъ прикрасъ, которыя въ большинствѣ случаевъ только оскорбляютъ Его Святую чистоту.

Романическая интрига и заманиванье едвали вообще допустимы тамъ, гдѣ съ жизнью міра непосредственно соприкасается Сила Божія—въ данномъ случаѣ—въ особенности.

Переводъ книги сдѣланъ очень тщательно. Онъ живо, легко и образно передаетъ всѣ общія картины и частныя описанія. И если бы повѣсть не имѣла главнымъ своимъ предметомъ подрисовку фактовъ и слишкомъ смѣлое объясненіе смысла единственнѣйшихъ событій—она читалась бы съ большимъ интересомъ.

В. К.—*ст.*

¹⁾ Египетъ у автора вообще представляется таинственной страной чудесъ (362), такъ что все необъяснимое можетъ, повидимому, зародиться только тамъ.

Проф. И. Г. Троицкій. О талмудѣ: его происхожденіи, составѣ и употребленіи у современныхъ евреевъ; характеристика талмуда со стороны его содержанія. Изданіе Православнаго благотворительнаго общества ревнителей вѣры и милосердія. СПб. 1901. Стр. 44. Ц. 20 к.

Брошюра покойнаго профессора СПб. Д. Академіи представляетъ собой строго-научное и безпристрастное изслѣдованіе исторіи талмуда и его содержанія. Въ первой части (1—19) выясняется политическія и социальнo-экономическія условія и религіозно-нравственныя причины возникновенія основныхъ талмудическихъ учений, составляющихъ, такъ называемую, *мишну*,—главную часть талмуда; здѣсь же сообщаются краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изданіяхъ *мишны*, какъ безъ *гемары* (т. е. объясненій къ *мишнѣ*, составленныхъ палестинскими или месопотамскими еврейскими учеными), такъ и съ *гемарой*,—а также интересныя данныя о значеніи талмуда для современныхъ евреевъ и о попыткахъ секты караимовъ сбросить съ еврейскаго народа иго талмудическихъ воззрѣній и правилъ жизни.

Во второй части брошюры (20—44) характеризуется самое содержаніе талмуда со стороны наиболѣе интересныхъ и важнѣйшихъ въ богословскомъ отношеніи пунктовъ его, таковы: истина бытія единаго личнаго Бога, Его свойства, твореніе міра, въ частности челоуѣка,—земная и загробная жизнь послѣдняго; далѣе, нравственныя воззрѣнія талмуда и, наконецъ, весьма любопытныя для христіанъ свидѣтельства талмуда о Христѣ и Богоматери, Ихъ именахъ, ученикахъ Спасителя и первыхъ временахъ христіанства.

Достоинство брошюры—сжатое, но ясное, строго-научное, доказательное изложеніе, сопровождаемое ссылками на отдѣлы талмуда, преимущественно *авилонскаго* (т. е. съ месопотамской *гемарой*), какъ болѣе обработаннаго въ литературномъ отношеніи, а потому получившаго всеобщее распространеніе среди евреевъ. Въ виду интереса, возбуждаемаго въ обществѣ норѣшеннымъ до сихъ поръ еврейскимъ вопросомъ, настоящую брошюру можно рекомендовать читателямъ, желающимъ *sine ira et studio* ознакомиться съ исторіей и главными предметами содержанія талмуда.

А. Ф.—т.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Тридцатипятилѣтіе святительскаго служенія высокопреосвященнаго митрополита Теогноста.

22 января исполнилось 35-лѣтіе святительскаго служенія высокопреосвященнаго Теогноста, митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

Ровно 35 лѣтъ тому назадъ, 22 января 1867 года, высокопреосвященный Теогностъ, въ то время архимандритъ и ректоръ Подольской семинаріи, былъ посвященъ въ Кіевъ митрополитомъ Арсеніемъ въ санъ епископа Балтскаго, викарія Подольской епархіи. Въ рѣчи, которую произнесъ новонареченный епископъ Теогностъ, онъ исповѣдывалъ свое великое недостойнство и смиреніе, въ сознаніе недостаточности своихъ силъ для осуществленія высокой задачи епископскаго служенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ надеждѣ на помощь Божію, выразилъ ревность, его одушевлявшую, и желаніе всѣми силами стремиться къ достиженію задачи, какая тогда, по его пониманію, предстояла новому епископу.

Задачу епископскаго служенія онъ понималъ въ борьбѣ съ религіознымъ вольномысліемъ, которое тогда особенно сильно стало заявлять о себѣ, въ защитѣ и охраненіи православія, въ просвѣщеніи простаго народа, тогда только-что получившаго свободу, въ духѣ православной вѣры и русскихъ народныхъ началъ, наконецъ, въ заботѣ объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній и матеріальномъ обезпеченіи всего духовенства.

Послѣдующая 35-лѣтняя архипастырская дѣятельность высокопреосвященнаго Теогноста была и является доселѣ непрерывнымъ подвигомъ смиреннаго архіерея-инока, направленнымъ къ осуществленію глубоко-созданной и понятой высокой задачи.

Ревность къ православію и Церкви православной онъ

выразилъ въ заботахъ о возстановленіи древнѣйшихъ православно-русскихъ святынь, а также въ учрежденіи особыхъ институтовъ, напริมѣръ, церковно-историческаго комитета Подольской епархіи, который принялъ на себя заботу изученія прошлаго Подольской епархіи и доказательства, что этотъ край издревле былъ православнымъ и русскимъ. Въ противовѣсъ вольномыслию, распространившемуся среди общества, онъ призвалъ къ дѣятельности церковныя братства, которыя имѣли цѣлю оживить и усилить духъ церковности, православной вѣры среди колеблющихся, сомнѣвающихся, или же просто равнодушныхъ. Съ цѣлю просвѣщенія простаго народа въ духѣ православной вѣры и русской народности, онъ особенно заботился о распространеніи церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ Богъ судилъ ему служить.

Въ настоящее время митрополитъ Теогность обратилъ особенное вниманіе Кіевскаго духовенства на усиленіе церковно-школьнаго дѣла въ епархіи и особенно на привлеченіе въ школы дѣвочекъ, которыя, какъ будущія матери семействъ, могутъ быть особенно полезными насадительницами духа церковнаго среди нашего народа.

Кіевская паства радостно празднуетъ знаменательный день въ жизни своего архипастыря. Можно быть вполне увѣренными, что и паствы другихъ епархій, гдѣ служилъ митрополитъ Теогность и гдѣ онъ всегда пользовался любовью, усердно молились въ этотъ день о маститомъ архипастырѣ. 8 сентября сего года исполняется 50-лѣтіе должностной дѣятельности высокопреосвященнаго Теогноста.

Религіозно-просвѣтительный союзъ при Обществѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ С.-Петербурѣ.

По благословенію высокопреосвященнаго Антонія, митрополита С.-Петербуркскаго, при Обществѣ учрежденъ религіозно-просвѣтительный союзъ изъ членовъ Общества обоаго пола, которые, желая быть активными членами Общества, принимаютъ на себя трудъ чтенія священныхъ и назидательныхъ книгъ вездѣ, гдѣ потребуется въ этомъ надоб-

ность. Совѣтъ, по благословенію его высокопреосвященства, выработалъ слѣдующія правила религіозно-просвѣтительнаго Союза:

1) При Обществѣ учреждается особый „Религіозно-просвѣтительный Союзъ“ изъ членовъ Общества, принимающихъ на себя обязанность заниматься чтеніемъ книгъ священнаго Писанія, святоотеческихъ твореній, житій святыхъ и другихъ книгъ религіозно-нравственнаго и поучительнаго содержанія для заключенныхъ въ тюрьмахъ, для больныхъ въ больницахъ, для призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и другихъ богоугодныхъ заведеній, а также въ домахъ трудолюбія и ночлежныхъ домахъ.

2) При обсужденіи чтеній съ слушателями и вообще при разговорахъ съ ними члены должны имѣть въ виду приведеніе ихъ въ послушаніе святой православной Церкви, настаивая на необходимости ежедневной молитвы, частаго посѣщенія богослуженія въ храмахъ, исполненія долга исповѣди и св. причастія.

3) Союзъ состоитъ въ вѣдѣніи Совѣта Общества, который сносится съ начальствами учреждений, избранныхъ для устройства въ нихъ чтеній членами Союза, о разрѣшеніи этихъ чтеній, ихъ времени и мѣстѣ и проч.

4) Совѣтъ непосредственно или чрезъ наблюдателей приглашаетъ мѣстныхъ священниковъ, настоятелей церквей къ участію и содѣйствію членамъ Союза, въ веденіи ими чтеній.

5) Въ число членовъ Союза принимаются лица обоюго пола, совершеннолѣтнія, православныя, извѣстныя своею преданностью православной Церкви и ревностью о христіанскомъ просвѣщеніи ближнихъ, по рекомендаціи ихъ духовниковъ или трехъ членовъ Союза.

6) Каждый членъ имѣетъ особый билетъ на право вести чтенія, съ печатью Общества, за подписью предсѣдателя и дѣлопроизводителя Совѣта и наблюдателя Союза, предъявляемый по требованію.

7) Во главѣ Союза поставляются священники—наблюдатели, избираемые Совѣтомъ Общества.

8) Наблюдатели суть духовные руководители членовъ Союза по всѣмъ вопросамъ ихъ дѣятельности: для этого— а) они собираютъ членовъ Союза, по мѣрѣ надобности, въ собранія; б) рекомендуютъ книги для чтеній, примѣнительно

положенію слушателей, или одобряютъ таковыя по предложенію членовъ; в) обсуждаютъ и предлагаютъ къ исполненію въ томъ или другомъ случаѣ программу чтеній; г) поощряютъ чтенія на мѣстѣ; д) разрѣшаютъ недоумѣнія членовъ, вынесенныя ими изъ практики.

9) Словесно въ собраніяхъ и письменно въ концѣ года члены представляютъ наблюдателямъ свѣдѣнія о своей дѣятельности: о мѣстѣ, числѣ и предметахъ чтеній, объ отношеніи къ нимъ слушателей и вліяніи на нихъ чтеній.

10) Наблюдатели въ началѣ января каждаго года представляютъ въ Совѣтъ подробный отчетъ о числѣ членовъ, мѣстахъ веденія ими чтеній и числѣ ихъ, и всѣ свѣдѣнія о жизни Союза въ теченіе истекшаго года, для включенія его въ общій годовой отчетъ Общества.

11) Веденіе списка членовъ Союза, учреждений, въ коихъ ведутся чтенія, и другія канцелярскія работы возлагаются на кого либо изъ членовъ, по избранію самихъ членовъ Союза.

Нельзя не пожелать, чтобы многополезное столичное начинаніе нашло откликъ и въ другихъ городахъ.

Кіевскія богословскія чтенія.

Съ 13 января сего года въ Кіевѣ открыты Религіозно-Просвѣтительнымъ Обществомъ богословскія чтенія. Первое было предложено заслуженнымъ профессоромъ Кіевской духовной академіи В. Θ. Пѣвницкимъ на тему — „Объ отношеніи къ Церкви нашего образованнаго общества“. Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго. Интересъ избраннаго предмета чтенія, равно и личность досточимаго лектора, издавна пользующагося особенной извѣстностію въ Кіевѣ своимъ краснорѣчіемъ, уже не одинъ годъ выступавшаго своими неподражаемыми богословскими чтеніями отъ имени Кіевского религіозно-просвѣтительнаго Общества, — на этотъ разъ привлекли необычайно большое количество слушателей, получившихъ великое духовное утѣшеніе отъ чтенія.

По окончаніи чтенія пѣлъ архіерейскій хоръ Михайлов-

скаго монастыря. Затѣмъ преосвященный, предсѣдатель Общества—еп. Сергій, взоидя на кафедру, произнесъ рѣчь по тому-же вопросу объ отношеніи къ Церкви нашего общества. Между прочимъ онъ остановилъ вниманіе на томъ, какъ лица образованныя, выдавая себя за знатоковъ свящ. Писанія, въ дѣйствительности же въ этомъ отношеніи слишкомъ неискусны, въ образецъ чего преосвященный указалъ мѣсто въ извѣстной рѣчи г. Стаховича, читанной на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, „Идѣ-же Духъ Господень—ту свобода“. Чтобы показать несообразность сопоставленія приведеннаго текста свящ. Писанія съ требованіями, предложенными г. Стаховичемъ, преосвященный, указавъ на поводъ къ написанію 2-го послан. къ Коринѳянамъ, изъяснилъ стихи 12—17 главы 3-ей этого посланія. Остановясь подробно на ст. 17—*„Господь же Духъ есть: а идѣже Духъ Господень, ту свобода“*, преосвященный привелъ отеческія толкованія этого текста—Златоуста, Блаж. Феодорита и др., изъ чего слѣдовало, что въ данномъ мѣстѣ идетъ рѣчь, во 1-хъ, о Третьемъ Лицѣ Святой Троицы, и, во 2-хъ, отнюдь не о свободѣ слова,—мнѣнія, сомнѣнія или исповѣданія,—а о свободѣ, осѣняемой Духомъ Божіимъ, при чтеніи и разумѣніи свящ. Писанія ветхаго завѣта, въ пониманіи *„конца престающаго“*, который есть Христосъ,—и вообще о свободѣ человѣка отъ грѣховъ и страстей, чтобы ему, пользуясь этою свободою, быть рабомъ Божіимъ, а не употреблять свободу для прикрытія зла (1 Петр. 2, 16).

Далѣе въ своей бесѣдѣ преосвященный изъяснилъ, что высочайшею свободою пользовался человѣкъ только въ первоначальномъ раѣ, когда онъ свободно могъ избирать и избиралъ одно лучшее, находясь во всесовершенномъ послушаніи волѣ Божіей. А когда послушаніе было нарушено, утрачена была и свобода, ибо человѣкъ, переставши быть сыномъ Божіимъ, сдѣлался рабомъ грѣха. Съ тѣхъ поръ свобода человѣческая должна быть опредѣляема, какъ способность разумно избирать и дѣлать лучшее; но эта свобода всегда стѣсняется тѣмъ, что *„еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе не обрѣтаю“* (Рим. 7, 18). Вотъ для того-то, чтобы не только хотѣти, а и дѣлать добро нужна намъ помощь Духа Господня. Отрывочное знаніе Слова Божія, священнаго Преданія и поверхностное отношеніе къ таин-

ствамъ и обрядамъ Церкви дѣлають, такимъ образомъ, самихъ провозвѣстниковъ мнимой свободы лишь общающимися свободу, рабами тлѣнія (2 Петр. 2, 19).

Призвавъ Божіе благословеніе на множество слушателей, преосвященный просилъ и впредь съ такимъ же усердіемъ слушать слово истины отъ служителей Слова, дабы „не увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, не прельщаться философіею и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ (Колосс. 2, 8). Закончилось первое богословское чтеніе пѣніемъ задостойника Богоявленія Господня и Архипастырскимъ благословеніемъ.

Слѣдующія богословскія чтенія членовъ Кіевскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духъ православной Церкви будутъ происходить въ такомъ порядкѣ. Второе—доцента акад. Д. И. Богдашевскаго—„О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи противъ современнаго раціонализма“—20 января. Третье—проф. А. А. Дмитріевскаго—„Книга требникъ и ея значеніе въ жизни христіанина“ (по поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу)—3 февраля. Четвертое—доцента акад. В. П. Рыбинскаго—„Библия, какъ основа религіозно-нравственнаго просвѣщенія“—10 февраля. Пятое—проф. М. Ф. Ястребова—„Что такое Церковь“—17-го февраля. Шестое—проф. В. Н. Малинина—„Религіозныя воззрѣнія Н. В. Гоголя“—10 марта. Седьмое—доцента акад. Н. К. Маккавейскаго—„Педагогическія воззрѣнія графа Л. Толстого“—17 марта. Восьмое—инспектора академіи архимандрита Платона—„Можно-ли жить по-христіански безъ вѣры въ Христа-Бога“—31 марта.

Редакція наша надѣется познакомить читателей съ этими чтеніями чрезъ напечатаніе ихъ на страницахъ „Мисс. Обзоръ.“

Намъ пишутъ:

Изъ Казани. (Открытіе собесѣдованій со старообрядцами при Казанской духовной семинаріи).

Вслѣдствіе сдѣланнаго Св. Синодомъ распоряженія о томъ, чтобы преподаватели ученія о расколѣ и сектанствѣ въ духовныхъ семинаріяхъ вели публичныя со старообрядцами и другими мѣстными сектантами собесѣдованія, 2-го

декабря, по благословленію высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, архіепископа казанскаго и свѣяжскаго, происходило открытіе означенныхъ собесѣдованій при казанской семинаріи, которыя будетъ вести преподаватель, священникъ Н. А. Воронцовъ. Послѣ литургіи ректоромъ семинаріи, протоіереемъ А. Ѳ. Зеленецкимъ, было совершено молебствіе, а вечеромъ происходила первая бесѣда. Бесѣду почтили своимъ присутствіемъ преосвященный Арсеній, епископъ чистопольскій, ректоръ академіи, профессоръ Н. И. Ивановскій и нѣкоторые изъ городского духовенства съ ректоромъ и инспекторомъ семинаріи во главѣ. Бесѣда происходила въ семинарскомъ корридорѣ близъ церкви, переполненномъ воспитанниками семинаріи и собравшимся народомъ; очень многіе изъ приходящихъ не могли уже помѣститься и возвращались обратно.

Бесѣду открылъ преосвященный Алексій, сказавъ нѣсколько душевныхъ словъ о значеніи собесѣдованій именно въ семинаріи, гдѣ воспитывающіеся готовятъ къ высокому, но вмѣстѣ и трудному пастырскому служенію, которымъ предстоитъ въ жизни самимъ быть борцами за святую Церковь и отражать всякія враждебныя противъ нея нападенія. Въ заключеніе своего архипастырскаго слова преосвященный преподавалъ всѣмъ Божіе благословеніе, пожелавъ успѣшнаго веденія бесѣдъ.

Послѣ владыки взошелъ на кафедру профессоръ Н. И. Ивановскій и въ своей рѣчи прежде всего напомнилъ о томъ, что 30 лѣтъ назадъ здѣсь, въ этомъ самомъ помѣщеніи, онъ начиналъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ свои бесѣды; много послѣ этого перемѣнилось мѣстъ его собесѣдованій и вотъ теперь, если не онъ, то дѣти и ученики его возвращаются на старое „пепелище“, въ стѣны семинаріи, гдѣ онъ болѣе 20 лѣтъ былъ и преподавателемъ. При этомъ, неувѣренный въ началѣ, будутъ ли его бесѣды имѣть будущность, получаютъ ли развитіе, не прекратятся ли черезъ два — три года, не оставивъ слѣда, — такъ какъ въ первые года многіе смотрѣли на нихъ очень легко, какъ на „толченіе воды въ ступѣ“, — профессоръ передалъ рассказъ изъ книги *Дѣяній Святыхъ Апостолъ*, 5 главы. „Живо припоминается мнѣ, говорилъ онъ, одно изреченіе, записанное св. Лукою въ *Дѣяніяхъ Апостольскихъ*. Однажды св. апостолы Христовыхъ привели на еврейское сонмище, и бывший

тутъ первосвященникъ сказалъ имъ: сколько разъ говорили мы вамъ, чтобы не смѣли учить, какъ учите. Апостолы отвѣтили, что Богу должно болѣе повиноваться, чѣмъ людямъ и тутъ же начали проповѣдывать о Господѣ Іисусѣ. Тогда, при общемъ гнѣвномъ смятеніи, одинъ фарисей Гамаліиль, всѣми уважаемый, сказалъ: подумайте, оставьте этихъ людей: ибо *если ихъ дѣло отъ человека, то оно само собой разорится, если отъ Бога, то вы не можете разорить* (5 гл. 27—39 ст.). Прошло 30 лѣтъ, какъ начаты собесѣдованія, и они не только не прекратились, но теперь ведутся уже не въ одномъ мѣстѣ Казани, а въ нѣсколькихъ и вездѣ находятъ слушателей. Открывается здѣсь и еще новое мѣсто и дай Богъ, чтобы и оно процвѣло“. Затѣмъ, такъ какъ вопросъ для бесѣды былъ поставленъ о исповѣдуемой въ символѣ вѣры Христовой Церкви, то Николай Ивановичъ объяснилъ въ своей рѣчи всю важность этого вопроса. Въ частныхъ примѣрахъ онъ показалъ, что о чемъ бы ни заговорили мы со старообрядцами,—о перстахъ ли, о клятвахъ ли, о порицательныхъ ли выраженіяхъ, въ нѣкоторыхъ полемическихъ книгахъ находящихся, или о чемъ другомъ,—вездѣ вопросъ сведется въ концѣ концовъ къ тому, осталась ли и при этомъ Церковь православною, лишилась ли благодати Св. Духа, или стала уже еретическою, обнаженною благодати спасающей. При этомъ онъ указывалъ и общіе руководственные отвѣты по означеннымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, по его словамъ вопросъ о Церкви, о ея устройствѣ, чистотѣ и святости есть первый и послѣдній вопросъ при всѣхъ собесѣдованіяхъ со старообрядцами. Въ заключеніе онъ коснулся и нареканій на недостатки въ жизни частныхъ лицъ, при чемъ онъ сравнилъ Церковь съ Ноевымъ ковчегомъ, назвавъ ее ковчегомъ новозавѣтнымъ. „Какъ первый сохранилъ живущихъ существъ отъ потопленія, такъ и послѣдній,—и только онъ одинъ хранитъ отъ гибели. И въ первомъ, въ ряду живыхъ существъ, были и нечистыя животныя, но благоразумно ли было-бы, видя ихъ, бросаться въ воду? Такъ и при существованіи новозавѣтнаго ковчега, не для спасенія праведныхъ созданнаго, но для очищенія грѣшныхъ, и плывущаго по волнамъ обуеваемаго житейскаго моря, благоразумно ли, видя нечистоту многихъ, бросаться изъ него на слабыя, дырявыя судишки

или просто голыя доски, что и представляютъ собою разныя согласія,—въ надеждѣ доплыть на нихъ до тихой пристани?! Нужно смотрѣть не на тѣхъ, кто въ корабль, а на то, крѣпко ли устроенъ корабль, есть ли пища на немъ изобильная, есть ли во что одѣться и управляется ли онъ тѣми, кому Христомъ ввѣренъ, чтобы вести его по житейской пучинѣ, въ коей множество подводныхъ камней. Вотъ, объ этомъ-то устроении новозавѣтнаго корабля Христова,—т. е. Церкви Божіей—и будутъ ваши первыя бесѣды“.

По окончаніи рѣчи профессора о. Николай Воронцовъ и началъ свою бесѣду. На основаніи Слова Божія, твореній святоотеческихъ (свв. Кипріяна и Златоуста) и уважаемыхъ старопечатныхъ книгъ онъ изложилъ ученіе о необходимости для спасенія принадлежать къ Христовой Церкви, раскрылъ понятіе о ней, указавъ разныя значенія слова „Церковь“, и указалъ существенные ея признаки. Каждое положеніе онъ подтверждалъ свидѣтельствами Писанія. Рѣчь его лилась свободно и имѣла пастырски-назидательный характеръ. Въ основу бесѣды было положено „Руководство по обличенію раскола“ профессора Ивановскаго. По окончаніи сказаннаго, возражателей не явилось, и бесѣда была закончена. На слѣдующей бесѣдѣ предположено по указаннымъ признакамъ истинной Христовой Церкви указать, гдѣ, въ какомъ обществѣ она находится, т. е. у православныхъ ли, или гдѣ либо у старообрядцевъ. Бесѣда начата была молитвою „Царю Небесный“ и окончена пѣніемъ „Достойно есть“. Все сказанное выслушано было съ напряженнымъ вниманіемъ. По окончаніи бесѣды преосвященный Алексій долго благословлялъ народъ.

Итакъ, доброе начало положено. Дай Богъ, въ добрый часъ!

N. N.

Изъ Тамбова. Въ залѣ народныхъ чтеній Нарышкинской читальни, при участіи хора архіерейскихъ пѣвчихъ, 26 и 28 декабря состоялись два вечернихъ чтенія: „о свободѣ совѣсти, въ связи съ докладомъ г. Стаховича и миссіонерскимъ съѣздомъ въ Орлѣ“. Лекторомъ былъ мѣстный епархіальный миссіонеръ И. Г. Айвазовъ. Содержаніе чтеній:

1-го—Предисловіе. Введеніе. Миссіонерскій съѣздъ. Докладъ г. Стаховича въ связи съ критикой онаго; 2-го—Мнѣнія періодической прессы по поводу доклада г. Стаховича. Вопросъ о „свободѣ совѣсти“. Оба чтенія были платными. Чистый сборъ поступилъ на учрежденіе въ епархіи при Тамбовскомъ братствѣ „Миссіонерскаго фонда“ для пособія лицамъ, преимущественно крестьянамъ, оказавшимся въ безпомощномъ состояніи по переходѣ изъ раскола и сектантства въ православіе. При весьма низкихъ цѣнахъ на мѣста: отъ 55 коп. до 15 коп. включительно, сборъ равнялся за билеты: 91 р. 70 коп., за программы 5 р. 90 коп., пожертвованіе отъ В. М. Аносова 44 р. 50 коп.,—итого 142 р. 10 коп. За вычетомъ всѣхъ расходовъ по устройству чтеній въ „Миссіонерскій фондъ“ поступило—80 рублей.—Съ 8 января въ книжномъ складѣ Тамбовскаго братства (Большая ул. соб. д.) будетъ продаваться книга того же лектора: „Орловскій миссіонерскій съѣздъ въ связи съ вопросомъ о „свободѣ совѣсти“, по поводу доклада г. Стаховича“, въ составъ которой войдутъ полностью и два вышеозначенныя публичныя чтенія. Цѣна книги 75 коп. безъ пересылки.

Чистый сборъ отъ продажи книги также поступитъ въ пользу „Миссіонерскаго фонда“.

Изъ жизни внѣшней миссіи.

Какъ извѣстно, въ Церкви нашей подвизаются два рода миссій,—*внѣшняя и внутренняя*. Первая имѣетъ объектомъ своихъ христіански-просвѣтительныхъ заботъ огромной численности не христіанское населеніе Россіи, исчисленное всероссійскою переписью 1897 г. въ количествѣ 15 милліоновъ душъ, въ томъ числѣ 14 милліоновъ магометанъ. Внѣшняя миссія имѣетъ свой распорядительный центръ въ лицѣ всероссійскаго московскаго миссіонерскаго общества и печатный органъ „Православный Благовѣстникъ“, обязательно выписываемый во всѣ храмы Московской епархіи. Однако свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности внѣшней миссіи мало популяризируются въ обществѣ; оттого и не растетъ сочувствіе къ этому св. дѣлу среди православныхъ ревнителей вѣры въ той мѣрѣ, какимъ, напр., пользуются подобныя инославныя

общества. „Миссіонер. Обзорѣніе“, будучи органомъ внутренней миссіи, однако не можетъ, по самому своему характеру, равнодушно проходить около печальныхъ и радостныхъ фактовъ и изъ жизни внѣшней миссіи. А потому считаемъ нелишнимъ отмѣтить слѣдующія не лишеныя интереса свѣдѣнія.

Преосвященный приамурскій Никодимъ въ прошломъ ноябрѣ, въ предложеніи епархіальной консисторіи, высказалъ, что при обзорѣниі имъ прошлымъ лѣтомъ мисс. становъ были наблюдаемы слѣдующія печальныя явленія.

Всѣ миссіонеры-священники рѣшительно почти не знаютъ ни одного слова изъ языка своихъ пасомыхъ инородцевъ, такъ что нѣкоторые слово „Богъ“ не могли сказать мнѣ по инородчески, отъ чего, конечно, происходитъ то, что совершенно не знающія русскаго языка инородческія женщины и дѣти навсегда остаются и будутъ оставаться внѣ пастырскаго вліянія священниковъ. 2) Инородцы почти никогда не видятъ церковнаго богослуженія, такъ какъ церквей они не посѣщаютъ, а если и бываютъ въ селахъ въ дни богослуженій, то ютятся или въ оградѣ, или у церковныхъ дверей, потому что русскіе православные прихожане, какъ мною замѣчено, и какъ многіе сообщали мнѣ, относятся къ инородцамъ брезгливо и хотя, можетъ быть, безмолвно, но очень ясно показываютъ, что они—вовсе не желательные посѣтители храма. Женщины и дѣти (изъ неучащихся въ школахъ) навсегда остаются незнакомыми даже съ внѣшнимъ видомъ богослуженія, потому что не отлучаются изъ юртъ въ селенія, гдѣ находятся церкви, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ. Если о.о. миссіонеры во время посѣщеній стойбищъ, можетъ быть, и служатъ иногда молебны, то это случается, во 1-хъ, не часто, во 2-хъ, молебень, не литургія и не можетъ въ такой степени дѣйствовать на чувство, а въ особенности—совершаемый въ обыденной обстановкѣ жилой фанзы съ ея грязью, присутствіемъ иногда собакъ и т. п. 3) Инородцы не молятся у себя дома и даже не знаютъ, какъ молиться и что говорить во время молитвы, въ чемъ я лично убѣдился, бесѣдуя съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Въ виду этого преосвященный Никодимъ предложилъ миссіонерамъ:

- 1) чтобы они непременно старались изучить языкъ ино-

родцевъ, а такъ какъ это не легко, то они обязываются теперь же завести особыя книжки, въ которыхъ должны быть написаны на русскомъ языкѣ и по-инородчески краткія фразы религіозно-нравоучительнаго содержанія. Этими книжками и должны пользоваться миссіонеры при наученіи инородцевъ истинамъ вѣры; 2) чтобы миссіонеры въ болѣе многлюдныхъ стойбищахъ совершали молебны, бдѣнія, панихиды, лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, зимою въ особыхъ небольшихъ фанзахъ, къ устройству которыхъ миссіонеры должны стремиться, располагая къ сему и инородцевъ и обращаясь за вспомошествованіемъ въ мисс. комитетъ. Въ этихъ фанзахъ-часовняхъ о.о. миссіонеры могли бы совершать хотя изрѣдка даже и божественныя литургіи на переносныхъ антиминсахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроить подобныя часовни нельзя, миссіонеры могутъ весною и лѣтомъ служить литургію на открытомъ воздухѣ, на особомъ чистомъ мѣстѣ и на походномъ складномъ престолѣ, который миссіонерамъ непременно слѣдуетъ имѣть. Описаніе его устройства будетъ указано особо чрезъ начальника миссіи. 3) Чтобы о.о. миссіонеры во время посѣщенія стойбищъ научали инородцевъ молиться утромъ и вечеромъ, предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи. Молитвамъ лучше всего учить инородцевъ на ихъ языкахъ.

Недостаточное знакомство съ иногородческими нарѣчіями, наблюдаемое у многихъ сибирскихъ миссіонеровъ, доселѣ еще замѣчается мѣстами и у священниковъ иногороднихъ приходовъ въ Европейской Россіи, почему въ нѣкоторыхъ епархіяхъ обращается вниманіе на изученіе мѣстныхъ инородческихъ нарѣчій воспитанниками духовныхъ школъ, будущими священниками. Новыя по этому предмету свѣдѣнія имѣются изъ таврической противомусульманской миссіи, поставленъ вопросъ о преподаваніи татарскаго языка въ таврической семинаріи и симферопольскомъ духовномъ училищѣ. Сужденіямъ объ этомъ предметѣ было посвящено особое собраніе таврическаго миссіонерскаго комитета 16 декабря минувшаго года. Собраніемъ было постановлено:

1) Преподаваніе татарскаго языка ввести въ курсъ учебныхъ предметовъ семинаріи и училища, какъ предметъ необязательный, съ тѣмъ, чтобы семинарскимъ и училищнымъ начальствами были располагаемы къ изученію языка особенно

тѣ изъ учащихся, которые, по мѣсту жительства родителей, находятся въ близкомъ сосѣдствѣ съ татарскими поселеніями; для всѣхъ же, изъявившихъ желаніе изучать татарскій языкъ, этотъ предметъ долженъ быть обязательнымъ до окончанія полнаго по нему курса; 2) для татарскаго языка назначить 3 еженед. урока въ училищѣ (1 въ 3 кл. и 2 въ 4 кл.) и 4 ежен. урока въ семинаріи (по 1 въ первыхъ четырехъ классахъ); преподаваніе языка въ семинаріи и училищѣ поручить одному лицу, владѣющему татарскимъ языкомъ, какъ природнымъ, и хорошо знающему русскій языкъ изъ получившихъ высшее или среднее образованіе въ Россіи, съ вознагражденіемъ по 750 руб. въ годъ; для изучающихъ языкъ ввести изученіе корана съ обличеніемъ его, по 1 уроку въ 5 и 6 кл., возложивъ преподаваніе полемики на одного изъ наличныхъ преподавателей богословскихъ предметовъ, съ платою по 150 р. въ годъ.

Вмѣстѣ съ указанными предполагаются и осуществляются и другія полезныя для миссіонерства мѣры. Въ Благовѣщенской епархіи мѣстный преосвященный призналъ нужнымъ озаботиться приготовленіемъ для инородческихъ школъ учителей изъ инородцевъ и потому предложилъ миссіонерамъ—прискивать бѣдныхъ инородческихъ мальчиковъ и отдавать ихъ въ школу при начальникѣ мѣстной миссіи, въ Черемховскую и въ имѣющую открыться въ г. Николаевскѣ или въ другомъ мѣстѣ второклассную миссіонерскую школу. Въ таврической епархіи миссіонерскимъ комитетомъ рѣшено устроить новую русско-татарскую школу въ Бахчисараѣ, съ миссіонерскою цѣлью. Въ пермской епархіи дано дальнѣйшее движеніе дѣлу перевода нужныхъ книгъ на инородческіе языки. Въ послѣдніе 3—4 года въ этой епархіи переведено нѣсколько новыхъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Книга по Закону Божию на пермяцкомъ языкѣ, съ объяснительной статьей директора казанской иногородческой семинаріи, пермскимъ епархіальнымъ совѣтомъ уже разослана по инородческимъ церковнымъ школамъ инвенскаго края, какъ школьное пособие.

Письмо въ редакцію.

Уважаемая редакція!

Недавно „Миссіонерское Обозрѣніе“ усмотрѣло важный пробѣлъ въ дѣятельности нашихъ миссіонеровъ, гоняющихся съ обухомъ за сектантской мухой: редакція въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ совершенно справедливо замѣтила, что самой значительной и опасной по своему вліянію и антицерковному направленію сектой на святой Руси является интеллигенція. Совершенно справедливо! Но „Миссіонерское Обозрѣніе“ не должно думать, что вражда интеллигенціи къ Церкви есть слѣпая, бессмысленная вражда, и что вражда эта находится во время внутренней связи съ интеллигентностью; антицерковное направленіе постепенно распространяется на другіе классы русскаго народа и можетъ со временемъ дойти до низшихъ его слоевъ.

Такія отношенія между Церковью и обществомъ не только представители Церкви, но и представители истинной интеллигенціи не могутъ назвать нормальными въ государственной и общественной жизни Россіи.

Благо послѣдней, повѣрьте, не менѣе дорого русскому интеллигенту, чѣмъ вамъ, представителямъ Церкви. Вотъ почему я, одинъ изъ рядовыхъ русской интеллигенціи, рѣшился откликнуться на ваше вѣрное замѣчаніе, въ надеждѣ помочь хоть немного правильной постановкѣ и вѣрному рѣшенію предстоящей русскому миссіонерству важной задачи, а если и не потому, то все же—*audiatur et altera pars*. Вы можете распорядиться съ письмомъ, какъ вамъ угодно; сочтете ли нужнымъ напечатать и отвѣтить на него или нѣтъ, мнѣ все равно, но, можетъ быть, не откажетесь дочитать его до конца.

Общеизвѣстно, кажется, историческое наблюденіе, что всякое сектантство, всякое отдѣленіе отъ официальной Церкви имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ ненормальное состояніе этой Церкви. Сектанты въ большинствѣ случаевъ неудачно разрѣшаютъ свою задачу, они заблуждаются, но это обыкновенно лучшіе люди своего времени: они жаждутъ, они ищутъ истины, въ то время какъ другая часть общества, остающаяся въ лонѣ Церкви, къ истинѣ равнодушна и довольствуется обрядомъ.

Лучшіе представители Церкви, знакомые съ исторіей, должны искать и лѣчить глубокія основныя причины недуга, а не ограничиваться безконечной борьбой съ его внѣшними проявленіями. Сколько уже разъ повторялись въ исторіи эти ошибки, и мы все еще не научены опытомъ. Довольно одного примѣра: вспомните Гусса; вмѣсто того, чтобы реформировать внутренній строй церковной жизни, римская Церковь освѣтила Европу огромнымъ костромъ, на которомъ мученически гибли ея „враги“, но причины не-

дуга остались нетронуты, и въ результатѣ—нѣмецкая реформація... Вернемся въ Россію. Вы обвиняете русскую интеллигенцію въ антицерковномъ направленіи. Мнѣ кажется, чтобы устранить это ненормальное явленіе, остается одно средство: лучшіе русскіе миссіонеры, искренне преданные своей идеѣ, должны заняться проповѣдью чистаго, безкорыстнаго христіанства—*среди русскаго духовенства*. Интеллигенція можетъ только тогда принадлежать къ Церкви, когда въ ея представителяхъ видить искреннее отношеніе къ проповѣдываемымъ истинамъ, когда они дѣйствительно проникнуты христіанскимъ направленіемъ.

Но оглянитесь кругомъ, присмотритесь къ фактамъ, соберите всю свою искренность и скажите: можно ли признать таковыми пастырей нашей Церкви? Назовете ли вы меня клеветникомъ, если я скажу вамъ, что эти пастыри сами не вѣрятъ въ то, что они проповѣдуютъ? Какъ же мы должны увѣрывать? И если мы вѣримъ, зачѣмъ мы пойдемъ къ нимъ?—За обрядомъ безъ чувства? за формой безъ содержанія?...

Я жилъ въ деревнѣ и въ городѣ, присматривался къ жизни духовенства, тамъ и здѣсь, бывалъ въ монастыряхъ, слѣдилъ за газетными фактами, я знакомъ лично съ нѣкоторыми пастырями...

Далѣе авторъ повѣтствуетъ о своихъ наблюденіяхъ по части некрасивыхъ случаевъ изъ жизни приходскаго духовенства и монашества. Тутъ фигурируютъ и взаимныя ссоры, и дразги, случающіяся въ причтахъ изъ-за доходовъ и требъ, и скопидомство, и равнодушіе духовенства къ духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ своихъ паствъ, и хожденіе съ иконами по домамъ. Строгой обличитель о монастыряхъ говорить, что они превратились въ убѣжища для желающихъ праздно и сытно провести свою жизнь. Что здѣсь красокъ авторъ не пожалѣлъ, читатель можетъ догадаться изъ восклицанія.

Мнѣ стыдно продолжать рассказывать вамъ вещи общеизвѣстныя, при свѣтѣ дня тысячи разъ повторяющіяся. Неужели наши миссіонеры этого слона не замѣтили? Вы скажете, быть можетъ: не судите и не судимы будете. Мы рады не судить, но ходить по улицѣ съ закрытыми глазами невозможно, а видѣть и оставаться къ этому злу равнодушнымъ—безнравственно. Церковь сама роетъ подъ собой пропасть. Нужны серьезныя реформы. Дайте священнику приличное жалованье, но запретите ему торговать тайнствами. Введите въ духовное образованіе больше гуманитарныхъ элементовъ, дайте духовенству болѣе широкое развитіе...

У васъ хватило мужества бросить въ лицо русской интеллигенці обвиненіе во враждебности (подразумѣвается: незаслуженной) къ Церкви, но въ васъ врядъ ли хватитъ мужества сознать глубокую вину самой Церкви въ печальномъ для нея явленіи.

Оно понятно: требуется героизмъ. Христіанская Церковь, какъ западная, такъ и восточная, въ продолженіе двухъ тысячелѣтній до него еще не дошла.

Отдаляясь все болѣе и болѣе отъ завѣтовъ Спасителя, замѣняя смыслъ закона буквой, заповѣдь любви, простую и высокую, обрядомъ и многословными, но бездушными формулами, она всегда предпочитала громить своихъ „враговъ“ проклятіями и сжигать ихъ на кострахъ. Не сомнѣваюсь, предпочтетъ и современная русская Церковь.

Развѣ что историческій опытъ и простой расчетъ благоразумія и дальновидности заставитъ иной путь выбрать.

Интеллигентъ.

Толстовскій фондъ „воскресенія“. Въ Америкѣ вышелъ въ свѣтъ „Отчетъ фонда *Воскресенія*“, основаннаго для распредѣленія прибылей отъ продажи романа гр. Толстого „Воскресеніе“. Брошюра содержитъ 26 стр.; въ ней говорится, что сдѣланный м—съ Эльмеръ Модъ переводъ „Воскресенія“, написаннаго для вспомошествованія духоборамъ—эмигрантамъ, далъ всей прибыли 1.500 долл.; изъ нихъ 1.360 долл. поступили отъ издателей иллюстрированнаго американскаго изданія, а 140 д.—отъ издателя того же перевода безъ иллюстрацій. Въ отчетѣ упоминается между прочимъ „о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ въ управленіи дѣлами фонда“. Одно изъ такихъ затрудненій возникло вслѣдствіе письма мр. John Bellows, клерка духоборческаго братства; въ этомъ письмѣ авторъ заявляетъ администраціи фонда, что содержаніе „Воскресенія“ противно христіанской нравственности, а потому оңъ возвращаетъ чекъ на 150 д., полученный на имя братства. Возвращая чекъ, мр. Bellows дѣйствовалъ на свой страхъ! „Давало ли ему право на это само братство,—говоритъ авторъ отчета,—я не могу сказать“.—Газета, сообщающая это извѣстіе, прибавляетъ, что въ Америкѣ ждуть съ большимъ интересомъ объясненій по этому поводу отъ духоборческаго братства и отзыва графа Толстого.

Со скрижалей сердца.

Виновенъ ли графъ Толстой въ Павловскомъ погромѣ?

(Письмо въ редакцію).

Давая мѣсто нижеслѣдующему мнѣнію извѣстнаго профессора А. Ѡ. Гусева, мы ясно сознаемъ, какъ жестоко его твердое слово для людей нашего духовно-истеричнаго времени, а также живо представляемъ тотъ вопль негодованія, которое способно вызвать заявленіе маститаго профессора-апологета среди людей, на словахъ ратующихъ «за свободу слова, за свободу мнѣній и сомнѣній», а на дѣлѣ деспотически нетерпимыхъ къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ людей иного образа мыслей и настроенія. Повторяемъ, что для насъ принципъ *audiatur et altera pars*— не есть пустой звукъ или фиговый листъ для прикрытія душевной наготы,— а потому смѣло помѣщаемъ письмо проф. Гусева.

Редакторъ.

Этого вопроса неоднократно касались русскіе журналы и газеты. Либеральные изъ нихъ старались и стараются всячески снять съ Л. Н. Толстого даже и нравственную отвѣтственность за то въ высшей степени возмутительное и преступное дѣяніе, которое дозволили себѣ сектанты слободы Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Въ журналѣ *Вѣстникъ Европы* ¹⁾ со всею рѣшительностью говорилось, что указанное дѣяніе безусловно противорѣчитъ основному принципу этики гр. Толстого,—принципу непротивленія злу силою,—и потому никакъ не могло быть совершено подѣ влияніемъ толстовскаго ученія. Такого рода либеральныя печатныя рѣчи въ концѣ всего повліяли и на тѣхъ, которые первоначально поставляли павловское страшное дѣло въ непосредственную зависимость отъ вліянія толстовскихъ идей. Пишущему эти строки приходилось въ послѣднее время читать и въ такъ называемыхъ консервативныхъ періодическихъ изданіяхъ замѣчанія о томъ, что *мнѣ* судебное разслѣдованіе можетъ разъяснить, есть ли какая-нибудь

---

¹⁾ Ноябрь. книжка за 1901 годъ.

связь между толстовскимъ ученіемъ и совершеннымъ павловскими сектантами великимъ злодѣйствомъ.

Въ виду этого ожидалось, что г. Терлецкій, напечатавшій въ первой книжкѣ *Миссіонерскаго Обзорня* статью подъ заглавіемъ: «Смыслъ Павловскаго страшнаго дѣла», выяснитъ на основаніи сочиненій Л. Толстого *нравственное* соучастіе или неучастіе этого писателя въ указанномъ злодѣйствѣ. Между тѣмъ, наши ожиданія не оправдались. Г. Терлецкій, съ одной стороны, говоритъ, что нельзя обвинять гр. Толстого за искаженіе его ученія разными лицами, а съ другой стороны, утверждаетъ, что „неумолимая логика фактовъ навсегда связываетъ имя Л. Н. Толстого съ дикими сценами павловскаго побоища» ¹⁾, причемъ, однако, не приводитъ *никакихъ фактовъ* въ подтвержденіе послѣдней изъ своихъ мыслей. Между тѣмъ, есть *безспорные* факты, доказывающіе, что сектанты слободы Павловокъ, разрушая церковь-школу и предпринимая попытку разрушить приходскій храмъ, поступали *согласно* съ идеями и воззрѣніями Л. Толстого.

Имѣя въ виду евангельское повѣствованіе объ изгнаніи Иисусомъ Христомъ изъ храма торгашей и животныхъ (Іоан. 2, 14—15), гр. Толстой истолковываетъ это повѣствованіе въ томъ смыслѣ, будто Спаситель сдѣлалъ попытку *разрушить* самый храмъ *іерусалимскій* и чрезъ то, значить, внушалъ Своимъ послѣдователямъ разрушать храмы. Вотъ подлинныя слова Л. Толстого касательно этого. «По евангелисту Іоанну, говоритъ онъ, первое дѣло Иисуса есть такъ называемое очищеніе храма, *въ дѣйствительности же уничтоженіе храма*, и не какого-нибудь храма, а храма *въ Іерусалимѣ*, того, который считается домомъ Бога, святыней изъ святынь» ²⁾. Попытка Иисуса Христа, якобы, разрушить самый храмъ *іерусалимскій*, по словамъ гр. Толстого, была необходимымъ «очищеніемъ почвы для посѣва» Его ученія о возвѣщенномъ имъ Богѣ и объ особомъ служеніи Ему со стороны людей ³⁾. Не имѣя возможности сразу уничтожить *іерусалимскій* храмъ, Спаситель, по увѣренію Л. Толстого, «*уничтожилъ все, что нужно для богослуженія въ немъ*» ⁴⁾.

Изъ этого ясно, что именно гр. Толстому принадлежитъ мысль о необходимости разрушенія и христіанскихъ храмовъ, и что онъ, по своему міровоззрѣнію, вполне сочувствуетъ сектантскимъ попыткамъ къ ихъ разрушенію. Я въ правѣ утверждать, что собственно Л. Толстой и возбудилъ такъ

¹⁾ Стр. 29 въ 1 кн. *Миссіонерскаго Обзорня* за 1902 годъ.

²⁾ Стр. 134 въ изданной г. Черпаковымъ книгѣ: «Изложеніе Евангелія съ примѣчаніями Л. Н. Толстого, взятыми изъ его сочиненій: «Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій».

³⁾ Ibid., стр. 134—134.

⁴⁾ Ibid., стр. 134.

или иначе въ сектантахъ мысль предпринять разгромъ церкви-школы и приходскаго храма. Произошло ли это возбужденіе къ кощунственному злодѣянію путемъ чтенія сектантами сочиненій гр. Толстого, или чрезъ устныя рѣчи наиболѣе ярыхъ его послѣдователей, или же какъ-нибудь иначе, главнымъ нравственнымъ виновникомъ гнуснаго и варварскаго дѣянія остается всетаки Л. Толстой. До какой степени въ *мысли* его заманчива и хороша мысль о разрушеніи храмовъ, это ясно свидѣтельствуется уже тѣмъ, что именно онъ первый дерзнулъ прибѣгнуть даже къ *обману*, чтобы какъ-либо провести ее въ народное сознаніе. До гр. Толстого никто изъ враговъ христіанства не отваживался взвести на Христа клевету, будто Онъ пытался разрушить іерусалимскій храмъ и ставилъ Своей задачей уничтожать все нужное для іудейскаго богослуженія. Нашъ же писатель дерзнулъ сдѣлать это, для чего *умышленно извратилъ* евангельское повѣствованіе. Въ послѣднемъ ясно сказано, что Спаситель именно по ревности о храмѣ, *какъ домъ Божіемъ*, изгналъ изъ него торговцевъ и ими приведенныхъ животныхъ (Іоан. 2, 17), и что подъ храмомъ, о разрушеніи и воздвиженіи котораго потомъ говорится въ Евангеліи, Онъ разумѣлъ лишь тѣло Свое, имѣвшее умереть и затѣмъ воскреснуть (ст. 19—22). Между тѣмъ Л. Толстой, *вопреки яснымъ и неоспоримымъ словамъ Евангелія*, утверждаетъ, будто Христосъ дѣлалъ и говорилъ совершенно иное. Не очевидно ли, что гр. Толстой *нарочито* постарался навязать Спасителю *собственныя свои* воззрѣнія и вождельнія, чтобы побудить своихъ послѣдователей къ соотвѣтственнымъ съ ними дѣйствіямъ? Иначе нельзя объяснить съ достаточной резонностью преднамѣренное и явное искаженіе Л. Толстымъ того, что находимъ къ Евангеліи. Во всякомъ же случаѣ остается безспорнымъ фактомъ, что именно Онъ умышленно приписалъ Самому Христу такое варварское дѣло, какъ покушеніе на разгромъ храма Божія, и съ сочувствіемъ говорить объ этомъ. Что же послѣ этого оставалось и остается дѣлать болѣе прямолинейнымъ послѣдователямъ гр. Толстого? Коль скоро, по *утверженію* послѣдняго, Самъ Спаситель предпринималъ разрушеніе храма, то павловскіе сектанты творили годное Л. Толстому дѣло.

Гр. Толстого нужно считать, *по требованію здраваго смысла и совѣсти*, главнымъ виновникомъ ужаснаго злодѣянія, совершившагося въ Павловкахъ. Ссылки либеральной печати на то, что кардинальнымъ правиломъ этики гр. Толстого является мысль о непротивленіи злу силою, нисколько не говорятъ противъ этого. Во-первыхъ, Л. Толстой самъ допускаетъ нѣкоторыя исключенія изъ этого правила. Такъ, на-примѣръ, дозволительно, по его словамъ, употребленіе *насилія* для избавленія ребенка отъ предстоящаго ему зла ¹⁾.

¹⁾ Стр. 223 въ женевак. изданіи сочиненія: *Въ чемъ моя вѣра*.

Значить, онъ можетъ допустить, въ качествѣ исключенія же и разрушеніе храмовъ его послѣдователями. Во-вторыхъ, гр. Толстой,—какъ я уже замѣчалъ,—не безъ особаго умысла и не безъ особой цѣли настойчиво навязываетъ Христу покушеніе на разгромъ іерусалимскаго храма и уничтоженіе предметовъ, условливавшихъ самую возможность іудейскаго богослуженія. Наконецъ, этотъ писатель не только не оговорился ни въ одномъ своемъ сочиненіи, что разрушеніе храмовъ дѣло гнусное и недозволительное, но явно одобряетъ то, что онъ кощунственно и обманнымъ образомъ приписалъ Спасителю. Какъ же, въ виду этого, не считать Л. Толстого *главнымъ* нравственнымъ виновникомъ преступнѣйшаго злодѣяства, совершеннаго въ Павловкахъ лицами, *несомнѣнно* совращенными въ *толстовское* лжеученіе?

Полагаю даже, что если *не пренебрегать* требованіями справедливости, то *слѣдовало бы* привлечь гр. Толстого и къ *юридической* отвѣтственности. Вѣдь то, что онъ *обманно* навязываетъ Спасителю, является въ сущности *подговариваніемъ* къ разрушеніямъ храмовъ. Это тѣмъ болѣе *должно* сказать, что Л. Толстой не только не противодѣйствуетъ, но *всячески содѣйствуетъ* печатанію и распространенію своихъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ *подстрекательство* и къ разрушенію храмовъ. Въ Швейцаріи, въ этой республиканской и *par excellence* свободной странѣ, недавно обнародованъ Союзнымъ Совѣтомъ законопроектъ, въ силу котораго лица, виновныя въ *какомъ бы то ни было* подстрекательствѣ гражданъ къ нарушенію долга по отбыванію воинской повинности, должны подлежать карѣ—тюремному заключенію. У насъ же гр. Толстой уже давно, но безнаказанно, упражняется въ подстрекательствѣ не только къ нарушенію обязанностей по отбыванію воинской повинности, но и къ разрушенію храмовъ. Я все ожидалъ, что наши либералы, любящіе толковать о «правомъ порядкѣ» и о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, заговорятъ же, наконецъ, о необходимости примѣнить и къ Л. Толстому постановленія русскаго законодательства, воспрепятствующія творить то, что онъ давно и настойчиво творить. Убѣдившись же, что нашимъ либераламъ дороги отнюдь не интересы правды и добра, а нѣчто совсѣмъ иное, дерзаю печатно возбудить вопросъ о привлеченіи гр. Толстого къ *юридической* отвѣтственности, по крайней мѣрѣ, за павловское ужасное дѣло. По моему убѣжденію, грѣшно карать только исполнителей, а вдохновителя оставлять въ покоѣ.

Профессоръ А. Гусевъ.

Казань.

1-е февраля 1902 года.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 15 февраля 1902 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.

О дѣленіи русскихъ сектъ на рационалистическія и мистическія.

В НАШЕЙ ученой литературѣ о русскомъ сектантствѣ, насколько помнится, совсѣмъ не поднимался вопросъ объ основаніяхъ и ихъ солидности для дѣленія сектъ на рационалистическія и мистическія. Разъ введенное, это дѣленіе продолжаетъ существовать и доселѣ. Подъ рационалистическими сектами принято разумѣть секты духоборцевъ, молоканъ, со всѣми подраздѣленіями ихъ, штундистовъ, анабаптистовъ и сектантовъ „Деснаго братства“; подъ мистическія секты подведены—хлысты, скопцы. Едвали ошибемся, если скажемъ, что такое дѣленіе сектъ съ подведеніемъ ихъ подъ двѣ рубрики было сдѣлано проф. Н. И. Ивановскимъ въ его „Руководствѣ по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ рационалистическихъ и мистическихъ“. Слѣдуя по его стопамъ, то же самое дѣлають и о. Кутеповъ Н. („Краткая исторія и вѣроученіе русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ ересей“. Москва. 1891 г.) и г. Маргаритовъ С. („Руководство по исторіи и обличенію русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектъ“, в. I. Кишиневъ. 1894 г.). Не говоримъ уже объ обычномъ литературномъ пользованіи этимъ дѣленіемъ. На какихъ же основаніяхъ вышепоименованные авторы производять такое дѣленіе? Болѣе или менѣе подробная мотивировка такого дѣленія дается г. Маргаритовымъ. Вотъ она: „Первыя (рационалист. секты) отвергають авторитетъ Церкви и допускають свободомысліе въ толкованіи св. Писанія. Отличительная особенность вторыхъ (мистич. сектъ) та, что принадлежащіе къ этимъ сектамъ — не люди разсудка, какъ рационалисты, а мистики, люди безотчетнаго чувства; они учать о непосредственномъ отношеніи человѣка къ Богу; члены ихъ дѣлаются богами, христами, пророками, богородицами, пророчицами“.

Больше этого мы нигдѣ и ничего не встрѣчали въ качествѣ основаній для общепринятой дѣлимости сектъ; всѣ какъ будто бы молчаніемъ своимъ признаютъ, что приведенная мотивировка весьма основательна и достаточна. Разберемся же въ основаніяхъ этого дѣленія сектъ. Посмотримъ, насколько рacionales первыя и мистичны вторыя, и въ чемъ заключается самый рacionales и мистицизмъ тѣхъ и другихъ?

Основной признакъ принадлежности извѣстнаго лжеученія къ ряду рacionales сектъ заключается въ отверженіи сектантами авторитета Церкви и въ свободомысліи при толкованіи св. Писанія. Но какъ отверженіе авторитета Церкви, такъ и свободомысліе въ толкованіи св. Писанія не суть сами по себѣ основныя и независимыя начала: онѣ только выводъ изъ какого-л. другого болѣе общаго и принципиальнаго положенія. Такихъ положеній, изъ которыхъ могутъ быть выведены эти начала, по нашему мнѣнію, можетъ быть два. Первое — формальный принципъ, — это требованіе строгой логики, не обращающей вниманія на выводы и на основательность, вѣрность и истинность главной послылки; это, говоря проще, абстрактный рacionales. Его начало — обоснованіе всего на началахъ разума; его средство — неумолимая, бездушная логика; его цѣль — чтобы все, по крайней мѣрѣ, съ теоретической стороны, было согласно съ требованіемъ разума. Таковъ рacionales такъ называемой тюбингенской школы: это, такъ сказать, рacionales ради и по требованіямъ рacionales же. Разумѣется, такой рacionales имѣетъ въ своемъ выводѣ по отношенію къ богословію требованіе отверженія авторитета Церкви и свободомысліе въ толкованіи св. Писанія. Но можетъ быть рacionales другого рода, рacionales выводной, а не основной; рacionales — не требованіе законовъ логики, а какихъ-л. другихъ болѣе или менѣе общихъ и коренныхъ началъ извѣстнаго вѣроученія, рacionales условный, поскольку онъ требуется извѣстной вѣроучительной системой. Само собой понятно, что и такой рacionales потребуетъ отверженія авторитета Церкви и свободомыслія въ толкованіи св. Писанія. Но какая громадная разница между первымъ и вторымъ рacionales! Первый отвергаетъ авторитетъ Церкви и толкуетъ свободно св. Писаніе въ силу

невозможности для него допущенія иного отношенія къ нимъ со стороны разсудка человѣческаго, въ силу того, что самъ разумъ человѣка будто бы требуетъ свободы себѣ въ дѣлахъ вѣры и спасенія, и что поэтому ограниченіе свободы будто бы будетъ насиліемъ надъ разумомъ, попраніемъ правъ и законовъ его бытія и дѣйствованія. Второй раціонализмъ требуетъ отверженія авторитета Церкви и свободнаго толкованія св. Писанія только потому, что этого требуютъ основныя положенія того или иного вѣроученія, а не разумъ. Это отверженіе можетъ быть названо раціонализмомъ развѣ только потому, что совершается оно по законамъ разума, потому, что разумъ участвуетъ и, такъ сказать, руководитъ процессомъ отрицанія. Слѣдовательно, это раціонализмъ условный, выводной, а не самостоятельный и основной.

Всякій, знакомый съ вѣроученіемъ нашихъ сектантовъ, такъ называемыхъ, раціоналистическихъ, конечно, согласится съ нами, что ихъ раціонализмъ не перваго, а втораго характера, что ихъ отрицаніе вытекаетъ не изъ требованій разума и логики, а изъ основныхъ положеній ихъ вѣроученія¹⁾. Это, впрочемъ, легко подтвердить указаніемъ на самихъ сектантовъ, собственно на ихъ умственный и нравственный складъ, и на ихъ вѣроученіе. Сектанты наши — духоборцы и молокане—какъ въ началѣ своего появленія, такъ и теперь, люди почти исключительно вышедшіе изъ простонародія. Какъ таковые, они, разумѣется, не получили нигдѣ образованія. Самые образованные изъ нихъ—ихъ главные вожди и руководители—не больше, какъ простые начетчики съ недурной логикой и смекалкой. Понятно, поэтому, что имъ далеко было до тюбингенскаго раціонализма. А если припомнимъ, что, съ одной стороны, наука съ философійей у насъ даже въ 18 столѣтіи, среди даже и не простого народа, далеко не была въ уваженіи, ея боялись, а съ другой стороны—вѣра въ авторитетъ Церкви и уваженіе къ пастырямъ и ихъ проповѣди было слишкомъ велики у русскаго простонародія,—то становится само собой яснымъ, что и раціонализмъ такихъ

¹⁾ Считаю необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, замѣтить, что мы, въ данномъ случаѣ, не разумѣемъ штундистовъ, пашковцевъ и др. сектантовъ, появившихся въ послѣднія тридцать лѣтъ, ибо говоримъ о нашихъ давнихъ раціоналистахъ-сектантахъ.

людей-сектантовъ не могъ быть по своему источнику и характеру рационализмомъ тюбингенской школы; онъ могъ быть только требованіемъ ихъ вѣрующей мысли, заблудившейся въ основныхъ началахъ своей вѣры. Несродный душѣ русскаго человѣка формальный рационализмъ не могъ побудить его ни къ какимъ отрицаніямъ, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ вѣры: это могла заставить его сдѣлать только сама вѣра, сами его религиозныя основоположенія. Такъ, дѣйствительно, и было. Чѣмъ вызывалось у сектантовъ отрицаніе авторитета Церкви и свободомысліе въ толкованіи св. Писанія? Обратимся къ ихъ догмѣ.

Еще первый неизвѣстный распространитель духоборческаго ученія толковалъ, что „въ душѣ человѣка пребываетъ Самъ Богъ и Самъ наставляетъ ее внутреннимъ образомъ“. Силуанъ Колесниковъ, Побирохинъ и ихъ послѣдователи, развивая это ученіе, пришли къ признанію того факта, что каждый изъ нихъ, духоборцевъ, внутренне озаряется и просвѣщается отъ Бога; Божество, по ихъ понятію, пребываетъ въ душѣ cadaго духоборца. А если такъ, то, понятно, что ни о какой Церкви внѣшней у духоборцевъ не могло быть и рѣчи. За чѣмъ имъ эта Церковь, коли они всѣ внутренне озаряются отъ Божества?.. Моя Церковь, говорится въ катихизическомъ оглашеніи духоборцевъ, построена не на горахъ, не въ бревнахъ, а у меня Церковь въ душѣ“¹⁾. Значить, отверженіе авторитета Церкви у духоборцевъ требуется неразумомъ, а ихъ основнымъ ученіемъ о просвѣщеніи cadaго духоборца отъ Бога непосредственно. Изъ этого же положенія проистекаетъ и свободное отношеніе ихъ къ св. Писанію. Именно—въ силу ихъ руководства „животною книгою“, какъ плодомъ внутренняго непосредственнаго озаренія отъ Бога, имъ Библия уже должна была казаться ненужной или, по крайней мѣрѣ, неважной для наученія. — Таковъ точно рационализмъ и молоканъ. Ихъ отрицаніе основывается исключительно на томъ, неправильно понятомъ и истолкованномъ, пунктѣ ихъ вѣроученій, что они—молокане—суть духовные христіане (обряд. VII) и что, поэтому, „для достиженія нравственнаго совершенства и полученія:

¹⁾ О. Новицкій. Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2. 1882 г. стр. 220. 240.

вѣчнаго спасенія имъ подаются благодатные дары Св. Духа, но не чрезъ видимые какіе-нибудь знаки, а духовно. Поэтому таинства, возрождающія и освящающія христіанина, должны быть понимаемы духовно (IX) ¹⁾. Поэтому и не нужна вообще обрядовая сторона, какъ учили первые молокане. А тогда зачѣмъ и авторитетъ Церкви? А такъ какъ все это нужно было подтвердить св. Писаніемъ, которое они признали за основной источникъ вѣроученія, и такъ какъ съ другой стороны—въ св. Писаніи нѣтъ для этого основаній, то, естественно, явилось свободное отношеніе къ его пониманію, оправдываемое тѣмъ, что Богу надлежитъ поклоняться „духомъ и истиной“ (Іоан. 4. 24), что и буква убиваетъ, духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мале“ (Іоан. 6. 63; 2 Кор. 3. 6.).

Итакъ, раціонализмъ духоборцевъ и молоканъ не есть раціонализмъ въ собственномъ смыслѣ; ихъ отрицаніе является не въ силу непримиренія внѣшней стороны Богопочтенія съ законами разума, не въ силу требованій разума,—а въ силу требованій основныхъ положеній ихъ вѣроученія. А это отрицаніе будетъ не раціоналистическимъ, а только вѣроучительнымъ, и за него сектанты эти не заслуживаютъ названія послѣдователей раціоналистическихъ сектъ. Даже болѣе этого: сами-то основныя положенія ихъ вѣроученія исполнѣ мистическія. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди. Теперь же выйдемъ, что отъ подобнаго отрицанія не свободны и т. наз. мистическія секты, и ихъ отрицаніе—такого же характера.

На самомъ дѣлѣ и хлысты, и скопцы, какъ и молокане и т. под. не признаютъ авторитета Церкви; они даже стараются избѣгать самаго этого слова, а св. Писаніе или считаютъ (хлысты) второстепеннымъ источникомъ, какъ и духоборцы, или понимаютъ (скопцы) совершенно духовно и толкуютъ аллегорически, какъ молокане. Точно такъ же, какъ духоборцы и молокане, они относятся и къ обрядовой сторонѣ религіи: они ее отрицаютъ, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой она признается въ православной Церкви. Значитъ и здѣсь нѣтъ ничего особеннаго у духоборцевъ и молоканъ въ сравненіи

¹⁾ Ученіе молоканъ по изложенію Семена Ухленна. См. у Ливанова. Раскольники и острожники. т. I. стр. 365 и д.

ніи съ хлыстами и скопцами. Правда, у послѣднихъ выработался съ теченіемъ времени свой своеобразный ритуаль; но это же самое находимъ и у духоборцевъ и особенно у молоканъ. У этихъ есть также богослужебныя собранія, есть молитвы и пѣнопѣнія, есть религиозныя обряды и обычаи. Слѣд., и съ этой стороны мы не видимъ никакого существеннаго различія у сектантовъ, на основаніи котораго можно бы было однихъ изъ нихъ считать принадлежащими къ рационалистическимъ сектамъ, а другихъ къ мистическимъ.

Если отъ вѣроученія перейдемъ къ самимъ вѣроучителямъ—сектантамъ, то прямо становится стыдно за удостоеніе ихъ названія „раціоналистами“. Въ ихъ требованіи все имъ доказать буквой св. Писанія далеко ли они ушли отъ нашихъ старообрядцевъ? Не такіе ли они буквалисты, какъ и эти послѣдніе? Разница только въ томъ, что старообрядцы возлюбили букву старыхъ книгъ, а сектанты — св. Писанія; въ духъ же его они и не желаютъ вникнуть.

Мы рассмотрѣли тѣ основанія, по которымъ духоборчество и молоканство причисляются къ раціоналист. сектамъ, и нашли, что 1) раціонализма въ собственномъ смыслѣ у нихъ нѣтъ, что 2) ихъ раціонализмъ есть простое отрицаніе обрядности правосл. Церкви, вытекающее не изъ требованій разсудка, а изъ основныхъ положеній ихъ догматики, и что 3) такой же почти раціонализмъ мы встрѣчаемъ и у хлыстовъ съ скопцами. А отсюда ясно становится, что эти основанія нельзя брать за мѣрку при причисленіи нѣкоторыхъ сектъ къ раціоналистическимъ. Но, можетъ быть, есть другія какія-нибудь основанія? Ни одинъ изъ историковъ русскихъ сектъ и ихъ изслѣдователей не указываетъ ихъ, да и указать не можетъ, ибо ихъ нѣтъ. А если такъ, то, слѣд., мы имѣемъ право не признавать вѣрнымъ и основательнымъ причисленіе духоборчества и молоканства къ сектамъ раціоналистическимъ.

Посмотримъ теперь, что за мистицизмъ лежитъ въ основѣ мистическихъ сектъ, и нѣтъ ли его въ сектахъ духоборцевъ и молоканъ.

Соглашаемся, что въ основѣ вѣрованій хлыстовъ и скопцовъ лежитъ глубокой мистицизмъ, что тѣ и другіе люди безотчетнаго чувства, что они учатъ о непосредственномъ

отношеніи челоѵѳка къ Богу. Со всѣмъ съ этимъ нельзя не согласиться, но это все же не отнимаетъ права спросить: развѣ ничего подобнаго мы не видимъ у духоборцевъ и молоканъ? Разберемъ повнимательнѣе въ этомъ.—Основными пунктами догматическаго ученія хлыстовъ и скопцовъ служить ученіе о перевоплощеніяхъ Христа, доводящее ихъ до челоѵѳкообожанія. Но развѣ ученіе духоборцевъ о внутреннемъ озареніи вѣрующаго непосредственною благодатію Св. Духа, о пребываніи въ душѣ челоѵѳка Самого Бога далеко отъ челоѵѳкообожанія? Если Самъ Богъ живетъ въ душѣ духоборца, то, слѣд., этотъ слишкомъ близокъ къ Богу, онъ—храмъ Бога. Такъ, дѣйствительно, смотрѣлъ на себя и своихъ послѣдователей Побирохинъ. Онъ училъ, что духоборцы суть сыны Божіи и онъ самъ сынъ Божій въ такомъ смыслѣ, въ какомъ назвалъ Себя Сыномъ Божіимъ Исусъ Христосъ, а потому и окружилъ себя 12-ю апостолами. Такъ же училъ и Капустинъ. Приблизительно такъ же учать и позднѣйшіе духоборцы ¹⁾. Какъ ни странно, но то же самое нужно сказать и о молоканахъ. Еще Уклеинъ, окруживъ себя 70 апостолами, вошелъ въ Іерусалимъ (Тамбовъ) въ качествѣ пророка. Примѣру Уклеина послѣдовали и другіе руководители молоканъ, восхищавшіе себя значеніе пророковъ, чудотворцевъ, особо посланныхъ Богомъ лицъ. А въ 1836 г. молоканинъ Лукьянъ Петровъ прямо-таки объявилъ себя за лжехриста ²⁾. Правда, такой мистицизмъ у молоканъ не вытекалъ изъ ихъ основнаго ученія, какъ у хлыстовъ и духоборцевъ; но для насъ въ данномъ случаѣ это неважно: намъ важенъ самый фактъ этого мистицизма. А объявленіе нѣкоторыми изъ нихъ себя за христовъ и пророковъ и признаніе ихъ за таковыхъ со стороны немалочисленной толпы послѣдователей ихъ,—развѣ все это не аналогично съ хлыстовскимъ челоѵѳкообожаніемъ? Развѣ все это не говоритъ, что и духоборцы, и даже молокане при всемъ своемъ рационализмѣ люди чувства, что и они учать о непосредственныхъ отношеніяхъ челоѵѳка къ Богу?—Еще въ большей степени мистицизмъ духоборцевъ и отчасти моло-

¹⁾ Подробнѣе см. у Новицкаго «Духоборцы», стр. 221 ср. 229—232.

²⁾ См. у Ивановскаго въ Руководствѣ, ч. 3. стр. 194 и дал. Маргаритовъ, стр. 16 и дал.

какъ сказывается въ ученіи ихъ объ источникахъ вѣрованія. Духоборцы, какъ и хлысты, признають за таковыя источники внутреннее озареніе отъ Духа Св. и какъ плодъ этого озаренія—слова „животной книги“. Не ясно ли, что эта животная книга слишкомъ напоминаетъ собой пророчества хлыстовъ? Какъ эти, такъ и та суть непосредственные глаголы Божіи чрезъ человѣка. — Правда, такого мистицизма въ ученіи объ источникахъ не замѣчается у молоканъ. Но этого же не замѣчается и у екенцовъ; однако они справедливо относятся къ мистическимъ сектантамъ. А главное—развѣ не мистическое начало лежитъ въ основѣ свободнаго, духовнаго, аллегорическаго пониманія Библии, какъ молоканами, такъ и сконцами? Совсѣмъ не рационализмъ побуждаетъ ихъ такъ понимать и толковать Библию, а признаніе себя за людей духовно озаренныхъ, непосредственно просвѣщенныхъ благодатію Св. Духа ¹⁾. Неудивительно поэтому появленіе въ молоканствѣ такого толка, какъ прыгуновъ, которые въ своихъ богослужебныхъ собраніяхъ воспроизводятъ хлыстовскія радѣнія съ скаканіями и прыганіями, съ верченіемъ и пророчествами. Не могло бы этого явиться у молоканъ, если бы молоканство въ сущности своей не было мистической сектой.

Не преувеличимъ, думаемъ, если изъ всего вышесказаннаго сдѣлаемъ тотъ выводъ, что и мистицизмъ не есть кака-либо специальная принадлежность такъ называемыхъ мистическихъ сектъ. Онъ лежитъ въ основѣ вѣрованій и у духоборцевъ съ молоканами. И эти послѣдніе по преимуществу люди непосредственнаго чувства. Разница между ними не качественная, а количественная. Она заключается только въ большей или меньшей степени присутствія мистическаго элемента въ тѣхъ и другихъ сектахъ и только, а не въ своеобразности и исключительности мистицизма мистическихъ сектъ, какъ это хочетъ видѣть проф. Н. И. Ивановскій ²⁾. Онъ соглашается, что „мистическія начала проявляются и въ рационалистическихъ сектахъ, но мистицизмъ первыхъ (хлыстовъ и сконцовъ) своеобразенъ и исключителенъ... Духоборець, прыгунъ, танцующій баптистъ далеко не хлыстъ. Мистическія бредни сектантовъ перваго разряда (т. е. хлыстовъ и

¹⁾ См. обрядники ихъ у Ливанова, т. I, стр. 305 и дал.

²⁾ Мисс. Обозр. 1896 г., март. I. кн., стр. 8.

скопцовъ) доходить до челоѡкообожанія, до представленія многихъ „христовъ“, „боговъ“ и т. под. Совершенно вѣрно, что духоборець, прыгунъ, танцующій баптистъ далеко не хлыстъ, ибо тогда всѣ они были бы хлыстами. Слѣд., существованіе различія не ведетъ еще къ отрицанію единства ихъ основныхъ началъ. И мы, разумѣется, не хотимъ сказать, что присутствіе мистическихъ началъ въ т. наз. рационалистическихъ сектахъ ведетъ къ отождествленію этихъ сектъ, а только утверждаемъ, что это мистическое начало есть и въ такой значительной степени, что далеко не даетъ права дѣлить секты на мистическія и на рационалистическія. Кроме того, что же это за своеобразность и исключительность мистицизма у хлыстовъ и тѣмъ болѣе у скопцовъ? Пророковъ и лжехристовъ встрѣчаемъ и у духоборцевъ и у молоканъ: челоѡкообожаніе, значить, у тѣхъ и у другихъ существуетъ. Правда, духоборцы и молокане не только не отрицаютъ брака и семью, но всячески ратуютъ за то и другое. Но развѣ это различіе важно при такомъ разительномъ сходствѣ ихъ основного ученія объ уподобленіи челоѡка божеству?! Тѣмъ болѣе о своеобразности и исключительности мистицизма хлыстовъ не можетъ говорить ихъ скрытность, ихъ лицемеріе по отношенію къ православной Церкви.. И молокане съ духоборцами на первыхъ порахъ своего существованія, когда ихъ преслѣдовали за самое содержаніе ихъ ученія, тоже были скрытными, тайными сектантами. Уничтоженіе преслѣдованіе хлыстовъ за самое ихъ ученіе, и они оставляютъ свою скрытность и лицемеріе. Объ этомъ говоритъ самъ же проф. Ивановскій въ заключеніи своей статьи, помѣщенной въ январской книжкѣ Журн. мин. юстиціи за 1896 г.

Всѣми этими разсужденіями мы хотѣли выяснитъ ту мысль, что и мистицизмъ хлыстовства съ скопчествомъ не есть 1) ихъ только однихъ принадлежность, что онъ присущъ и духоборчеству съ молоканствомъ¹⁾, 2) что онъ въ послѣднихъ настолько значителенъ, что даетъ право заключать къ внутреннему родству между разсматриваемыми нами сектами. А отсюда ясно и то общее положеніе, что нѣтъ оснований къ дѣленію сектъ на рационалистическія и мистическія. Какъ

¹⁾ А также штундѣ съ малеванщиной и адвентизмомъ

Ред.

раціоналистическій, такъ и мистическій элементы присущи одинаково какъ тѣмъ, такъ и другимъ сектамъ. Можно лишь говорить о большей или меньшей степени присутствія того и другого элемента въ тѣхъ или другихъ сектахъ. Это, по нашему мнѣнію, ведетъ не къ необходимому дѣленію сектъ, а скорѣе къ признанію единства ихъ первоначальнаго происхожденія, къ признанію ихъ внутренняго родства и внутренней зависимости однѣхъ сектъ отъ другихъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, скажемъ кратко, нужно только не забывать того простаго факта, что выродились эти секты изъ религіознаго сознанія одного и того же народа, который одинаково всюду и раціоналистъ, и мистикъ, — явились онѣ въ скоромъ времени одна послѣ другой, — явились почти въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, — явились съ большей или меньшей склонностью къ раціонализму или къ мистицизму въ зависимости отъ жизненныхъ и интеллектуальныхъ условій времени и сознанія самого народа. — Итакъ, раздѣленіе сектъ на раціоналистическія и мистическія на данныхъ основаніяхъ, указанныхъ гг. Ивановскимъ, о. Кутеповымъ, Маргаритовымъ, не резонно. А другихъ основаній представить нельзя; слѣд., ненужно и держаться такого дѣленія. Это, кажется, начинаютъ мало-по-малу признавать въ литературѣ; по крайней мѣрѣ начинаютъ говорить объ условности такого дѣленія.

Но, во 1-хъ, о безусловномъ дѣленіи не могло быть и рѣчи, ибо сами живемъ и мыслимъ въ условіяхъ извѣстныхъ, а во 2-хъ, условность этого дѣленія, уже сознанная и все-таки продолжающая держаться, должна чѣмъ-нибудь быть и оправдываема. Скажутъ, что нуженъ же какой-нибудь критерій для общей характеристики существующихъ сектъ; тогда почему именно этотъ критерій — большій или меньшій раціонализмъ или мистицизмъ — принимается за признакъ дѣлимости? Скажутъ, что при такомъ дѣленіи удобнѣе изучать секты. Опять неправда. Это дѣленіе, по которому сначала изучаются секты раціоналистическія — и прежде всего духоборчество съ молоканствомъ, привноситъ много запутанности въ сознаніе изучающихъ ихъ. Встрѣчаясь часто съ мистическимъ элементомъ въ вѣроученіи этихъ первыхъ сектъ, трудно бываетъ сопоставить его съ мистицизмомъ послѣднихъ сектъ. Отсюда не улавливаются въ желательной

степени пункты сходства между этими вѣроученіями. А это весьма важно. По изученіи же хлыстовщины остаешься съ такимъ недоумѣніемъ: что-де, вѣдь многое изъ ихъ вѣроученія встрѣчалось и прежде въ вѣроученіи другихъ сектъ, — нѣтъ ли между ними какого-нибудь сходства или даже родства? Не говоримъ уже о томъ, что при такомъ изученіи нельзя слѣдить за развитіемъ русскаго сектантства, и, слѣдовательно, за развитіемъ русскаго религіознаго самосознанія въ путяхъ его уклоненія отъ истины православія. Немаловажно и практическое неудобство. Намъ приходилось встрѣчаться съ лицами, близко стоящими къ сектантству. Ихъ ставить положительно втупикъ замѣчаемое ими смѣшеніе рационалистическихъ и мистическихъ элементовъ въ сознаніи и въ вѣроученіи какого-нибудь новаго сектанта или новой общины. Имъ, изучившимъ сектантство по этой системѣ раздѣленія и привыкшимъ видѣть только то-то и то-то въ известной сектѣ, естественно, трудно отдать себѣ отчетъ при встрѣчѣ съ помѣсью различныхъ вѣроученій въ одномъ какомъ-нибудь ученіи. И вотъ они и недоумѣваютъ, что это за новое явленіе, какъ оно могло явиться, радоваться ему или печалиться. Такъ это дѣленіе убиваетъ живую мысль о томъ, что между этими сектами не только возможны, но даже должны происходить частыя смѣшенія, частыя заимствованія однѣми отъ другихъ.

Наконецъ, и то нужно имѣть въ виду, что и русское законодательство по дѣламъ вѣры и Церкви православной не знаетъ дѣленія сектантовъ на рационалистовъ и мистиковъ.

Если дѣленіе на секты рационалистическія и мистическія и не основательно, и не оправдывается нуждой, и даже вредно, то какъ же изучать эти секты? Нужно-ли ихъ дѣлить и какъ? Или можетъ быть какой-нибудь другой порядокъ ихъ изученія?—По нашему мнѣнію резоннѣе и гораздо полезнѣе изучать секты безъ всякаго ихъ дѣленія, изучать въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, начиная съ хлыстовщины. Это потому, что изученіе въ порядкѣ появленія покажетъ намъ исторію появленія каждой секты, выяснитъ ту почву, на которой возникла она, — тѣ условія и мотивы, которыми вызвана, и то родство и зависимость, въ которыхъ она стоитъ къ предшествующему сектантскому направленію. А это будетъ весьма полезно для изучающаго.

Оно выяснитъ ему духъ и потребности русскаго народа, укажетъ, на что онъ обращаетъ преимущественное свое вниманіе, что его волнуетъ и возмущаетъ, отъ чего онъ отвращается и чего ищетъ. Только при такомъ изученіи можно будетъ прослѣдить весь внутренній процессъ религіозныхъ терзаній и радостей народа, его исканій, желаній и идеаловъ. А разъ это будетъ узнано, то легко можно будетъ придти къ нему съ помощью. Если извѣстны будутъ главные мотивы и предметы его волненій, то легко ихъ и уврачевать; если извѣстно будетъ, что въ жизни и ученіи православной Церкви его смущаетъ, то легко будетъ и разъяснить ему это и убѣдить его. Дѣленіе же на рационалистическія и мистическія секты не только затрудняетъ, но часто дѣлаетъ положительно невозможнымъ опредѣлить то общее и существенное, что волнуетъ и смущаетъ всѣхъ сектантовъ въ православной Церкви, чего они ищутъ и избѣгаютъ и что составляетъ ихъ внутреннюю основу и сущность. Значитъ, хронологическій порядокъ изученія русскихъ сектъ полезенъ не только съ теоретической, но и съ практической стороны, не только для того, чтобы опредѣлить и изъяснить религіозное самосознаніе народа и его идеалы, но и для того, чтобы затѣмъ и направить это самосознаніе на правый путь чрезъ открытіе ему его заблужденія и выясненія истины.— Впрочемъ, такой порядокъ изученія покажетъ, ужъ если нужно дѣлить секты, и—критерій для дѣленія ихъ. Критеріемъ этимъ будетъ участіе самаго главнаго фактора въ сектаторскомъ движеніи—*самихъ русскихъ людей*—въ созданіи тѣхъ или другихъ сектъ. Этотъ критерій раздѣлитъ секты на секты XVII и XVIII в., или секты послѣднихъ десятилѣтій 19 в., т. е. на секты чисто русскаго происхожденія, и на секты въ своей сущности къ намъ занесенныя,—на секты, вызванныя условіями и характеромъ русской жизни, и на секты, хотя и возникшія на почвѣ русской дѣйствительности, но чужестранныя по ихъ виновникамъ и основнымъ пунктамъ вѣроученія. Но это вопросъ большой важности и требуетъ основательнаго и подробнаго освѣщенія и разрѣшенія, чѣмъ, быть можетъ, займутся болѣе насъ компетентныя лица.

М. Чельцовъ.

Вѣроисповѣднѣй составъ Россіи и обязатель- ность для русскаго гоеударетва исторической вѣроисповѣдной политики.

I.

Центральный статистическій комитетъ опубликовалъ одну изъ важнѣйшихъ частей переписи 1897 года: „Распредѣленіе населенія Имперіи по главнымъ исповѣданіямъ“. Этотъ выпускъ дополняется другимъ: „Распредѣленіе старообрядцевъ и сектантовъ по толкамъ и сектамъ“.

Нельзя не поблагодарить комитетъ за эти важные труды, дающіе, наконецъ, возможность судить о вѣроисповѣдномъ составѣ Россіи не по устарѣлымъ даннымъ и не по догадкамъ, а по точному подсчету цифръ, собранныхъ при условіяхъ, наиболѣе обезпечивающихъ ихъ точность. Конечно и они не безъ пробѣловъ, но, во всякомъ случаѣ, это лучшее, что мы имѣемъ, послѣднее слово нашей статистики.

Перепись была, какъ извѣстно, произведена по всей Имперіи, за исключеніемъ Финляндіи, и зарегистрировала 125.668,190 душъ населенія. Оно распадается на слѣдующіе вѣроисповѣдныя разряды:

	Число	%
1) Православные (съ единовѣрцами).	87.382,000	69,54
2) Раскольники и сектанты	2.178,700	1,72
3) Римско-католики.	11.420,000	9,02
4) Протестанты (безъ Финляндіи)	3.744,000	2,98
Протестанты съ присоединеніемъ		
2 ¹ / ₂ мил. финляндцевъ.	6.244,000	5 ⁰ / ₁₀₀
5) Остальные христіане ¹⁾	1.220,000	0,97
6) Іудеи	5.220,000	4,13
7) Магометане	13.889,000	11,08
8) Остальные нехристіане ²⁾	745,000	0,24

¹⁾ Чрезмѣрная общность этой графы вызываетъ сожалѣніе. Вѣроятно, она почти цѣликомъ относится къ армяно-григоріанамъ.

²⁾ Вѣроятно, буддисты и шаманисты, число которыхъ порознь также слѣдовало бы опубликовать.

Такимъ образомъ, наша Имперія включаетъ представителей почти всѣхъ вѣроисповѣданій земного шара, но надъ всѣми ими безусловно господствуетъ огромная масса *православныхъ*, составляющихъ болѣе $\frac{2}{3}$ населенія ея.

Для сравненія вѣроисповѣднаго состава Имперіи наилучшій матеріалъ даютъ подсчеты „Военно Статистическаго Сборника“, относящіеся къ 1867 году, то-есть за 30 лѣтъ до переписи 1897 года. Но перепись не касалась Финляндіи, а въ „Военно-Статистическомъ Сборникѣ“ — весьма слабы цифры относящіяся къ Средней Азіи. Поэтому, для того, чтобы сравнить возможно болѣе *точно* данныя, исключимъ изъ счета обѣ эти окраины—одну чисто-протестантскую, другую чисто-магометанскую. Тогда мы получимъ для 1867 года населеніе $74\frac{1}{2}$ милліона, а для 1897 года 118 милліоновъ ¹⁾. Въ данныхъ 1867 года должно еще исправить цифру расколосектантства. Тогда она опредѣлялась исключительно по духовнымъ отчетамъ, причемъ отличались „записные“ раскольники и „склонные къ расколу“. Эти двѣ рубрики, очевидно должны быть соединены въ одну ²⁾.

Процентное распредѣленіе вѣроисповѣданій получится тогда слѣдующее (сотыя доли ‰, для краткости, отбрасываю):

	‰ къ населенію	
	1867 г.	1897 г.
1) Православные	73,8	73,9
2) Раскольники и сектанты . . .	2	1,9
3) Римско-католики	9,3	9,5
4) Протестанты	3,2	3,1
5) Армяне-грегоріане	} 1,3	
6) Уніаты		
7) Прочіе христіане	—	1,3
8) Евреи	3,1	4,2
9) Магометане	5,3	5,8
10) Прочіе нехристіане	0,8	0,5

Въ общемъ характерѣ — вѣроисповѣдная картина Россіи

¹⁾ Полныя числа для 1867 года—78 милліоновъ, а для 1897 года—128 милліоновъ.

²⁾ Мы здѣсь сравниваемъ численность расколо-сектантства несомнѣннаго, не вдаваясь въ гаданіе о числѣ укрывающихся.

остаётся, такимъ образомъ, совершенно та же. Въ частностяхъ же есть измѣненія, весьма заслуживающія вниманія.

Такъ, приходится заключить, что % раскольниковъ и сектантовъ скорѣе уменьшается, нежели увеличивается. Пр. центъ православныхъ, напротивъ, скорѣе возрастаетъ. Въ другихъ исповѣданіяхъ довольно неожиданно уменьшеніе % протестантизма.

Римско-католики, іудеи и магометане, наоборотъ, чрезвычайно сильно растутъ въ числѣ.

Для болѣе точнаго уясненія себѣ движенія населенія различныхъ исповѣданій мы можемъ еще сравнить количество послѣдователей каждаго изъ нихъ въ 1867 году и въ 1897 году и опредѣлить, насколько каждое изъ нихъ выросло за 30 лѣтъ ¹⁾. Получаемъ слѣдующее:

	1867 г.—1897 г. Приростъ составляли: въ ‰/о:		
Евреи	2,3 мил.	5,1 мил.	121 ⁰ / _о
Магометане	4,1 „	6,9 „	70
Католики	6,9 „	11,4 „	68
Православные	54 „	87 „	61
Протестанты	2,3 „	3,7 „	57
Раскольники и сектанты	1,5 „	2,1 „	41

Евреи, такимъ образомъ, оказываются на первомъ мѣстѣ по приросту. Но это зависитъ, вѣроятно, отъ невѣрности исчисленія ихъ въ 1867 году.

Вообще для провѣрки и дополненія приведенной таблицы необходимо еще взглянуть на *естественное* движеніе населенія каждаго исповѣданія. Для этого приходится уже ограничиться только 50 губерніями Европейской Россіи, о которыхъ имѣются свѣдѣнія ²⁾:

	На 1.000 человекъ		
	Родилось.	Умерло.	Приростъ.
1) Православные	52	35	17
2) Магометане	44	27	17
3) Римско-католики	38	22	16
4) Евреи	32	16	16
5) Протестанты	31	20	11
6) Раскольники и сектанты	29	20	9

¹⁾ Въ предѣлахъ Имперіи, кромѣ Финляндіи и Средней Азіи.

²⁾ «Статистика Россійской Имперіи». Т. XLVII. Спб. 1899 г.

Такимъ образомъ, если эти цифры 50 губерній Европейской Россіи вѣрны и въ отношеніи всей Имперіи, то *православное* населеніе имѣетъ огромный естественный приростъ, а по плодовитости стоитъ на *первомъ* мѣстѣ. Его размноженіе подрывается лишь необычайною смертностью, но даже и при этомъ стоитъ выше всѣхъ, наравнѣ съ магометанами.

На второмъ мѣстѣ идутъ магометане. Затѣмъ идутъ католики и евреи. Протестанты же размножаются медленнѣе всѣхъ, кромѣ расколо-сектантовъ, которые поражаютъ ничтожнымъ приростомъ, зависящимъ отъ крайне слобой рождаемости.

Статистическія данныя не дозволяютъ разграничить рождаемость и смертность раскольниковъ и сектантовъ: они показаны въ одной графѣ. Но извѣстно, что среди старообрядцевъ-поповцевъ общественный бытъ отличается, большею частію, строгою нравственностью, такъ что въ этой части раскола рождаемость должно предполагать не ниже православной, а смертность, вѣроятно, и ниже.

Поэтому трудно предположить у нихъ слабый приростъ. Но если такъ, то у остальной половины раскола, то-есть у части безпоповства и въ сектанствѣ ничтожность рождаемости должна быть поразительною, и *естественный приростъ безпримѣрно низокъ* ¹⁾. Должно, поэтому, предполагать, что эти секты удерживаются на своемъ нынѣшнемъ численномъ уровнѣ въ значительной части путемъ прозелитизма, то-есть *сворачиванія* изъ православія и старообрядческаго раскола.

Нельзя не предположить также нѣкотораго прозелитизма у римско-католиковъ, которые *естественнымъ* путемъ увеличиваются гораздо слабѣе православныхъ, а фактически выросли на 68%, тогда какъ православные всего на 61%. То же самое должно полагать и о магометанствѣ, которое выросло гораздо сильнѣе, чѣмъ это объяснимо его, хотя и могучимъ, естественнымъ ростомъ.

Впрочемъ, нельзя также не ввести въ объясненіе этого

¹⁾ Устанавливаемое статистическими данными переписи это безусловно важное обстоятельство дѣлается совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что почти всѣ безпоповщинскіе раскольничьи толки—*бракоборные* и семейная жизнь у безпоповцевъ поставлена въ условія крайне неестественныя и ненормальныя, тоже нужно сказать и о *мистическихъ* нашихъ сектахъ. Ред.

явленія еще *эмиграцію* въ предѣлы коренной Россіи и Сибири магометанъ изъ Средней Азіи.

Что касается поразительнаго роста еврейскаго исповѣданія, то должно полагать, что цифра евреевъ за 1867 годъ была крайне уменьшена, какъ это всегда и предполагалось, въ виду уклоненія множества евреевъ того времени отъ регистраціи. Быть можетъ, впрочемъ, есть у насъ и нѣкоторый приливъ евреевъ изъ-за границы.

Въ общемъ итогѣ, движеніе исповѣданій показываетъ, что *численное преобладаніе православія въ имперіи сохраняется очень прочно*. При всемъ прозелитизмѣ сектантскомъ, инославномъ и нехристіанскомъ, при всемъ перемѣнчивомъ движеніи нѣкоторыхъ частей населенія изъ одной вѣры въ другую, очевидно, что *внутреннія бытовья условія православнаго міра, а ровно миссіонерская дѣятельность Церкви—во всякомъ случаѣ проявляютъ и большую устойчивость и активную силу*.

Территориальное распредѣленіе вѣроисповѣданій по Имперіи представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Православные занимаютъ всю толщу коренной Россіи, перекинувшись по Сибири до Великаго Океана. Христіане инославные сосредоточены на западной окраинѣ—въ Финляндіи, Балтійскомъ краѣ, Польшѣ, на южномъ Кавказѣ. Магометане занимаютъ сплошь среднюю Азію, проникая по Приуралью до Казани, а на югѣ—по Кавказу и Крыму. Язычники разнаго рода вкраплены отъ Урала до Амура и Камчатки.

Такою Россія осталась и за послѣднія 30 лѣтъ, однако, по всѣмъ частямъ ея замѣчается нѣкоторое перемѣшиваніе населенія.

Такъ процентъ православныхъ въ коренной Россіи понизился съ 84 до 81,8, но возросъ по окраинамъ: въ Балтійскихъ губерніяхъ съ 9% до 10%, въ Привислянѣ съ 0,2% до 7%, въ Средней Азіи съ 5% до 8,3%.

Католики уменьшились въ Привислянѣ съ 77% до 74,3%, но увеличились во множествѣ отдѣльныхъ русскихъ губерній.

Протестанты въ Эстляндіи съ 95% уменьшились до 89%, въ Лифляндіи съ 80% до 79%, въ Курляндіи съ 82% до 76%.

Нѣсколько уменьшился ихъ процентъ и въ другихъ мѣст-

ностяхъ прежняго ихъ скопленія: въ С.-Петербургской губерніи онъ уменьшился съ 13,78% до 12,59%, въ Саратовской съ 5,75% до 5,63%, въ Таврической съ 7,68% до 4,81%.

Въ Привислянѣ процентъ протестантовъ тоже понизился съ 4,75 до 4,46. Но въ рядѣ другихъ мѣстностей процентъ протестантовъ сильно возросъ, вслѣдствіе очевиднаго движенія съ запада:

Псковская губернія	съ 0,34%	до 2,23%
Ковенская	»	» 3,14 » 4,47%
Волынская	»	» 0,38 » 5,80%
Черниговск.	»	» 0,15 » 2,50%
Екатериносл.	»	» 1,86 » 3,02%
Самарская	»	» 5,08 » 6,24%
Херсонская	»	» 2,46 » 2,50%

Очень усиливается процентъ ихъ на Кавказѣ: въ Терской обл. съ ничего до 1,1%, въ Черноморской губ. съ ничего до 2,65%. Въ Сибири процентъ ихъ повысился незначительно.

Въ общей сложности, увеличеніе числа протестантовъ доходить до тревожной быстроты и силы только въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, особенно потому, что выражаетъ не простое расселеніе нашихъ же нѣмцевъ (что, конечно, даже желательно и полезно), но новый приливъ ихъ изъ-за границы.

Изъ остальныхъ исповѣданій — процентъ евреевъ увеличился рѣшительно по всѣмъ губерніямъ, какъ въ чертѣ осѣдлости, такъ и внѣ ея, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Имперіи.

Огромный ростъ магометанскаго исповѣданія, уже отмѣченный выше, производитъ грозное впечатлѣніе.

Въ 1867 году послѣдователей его считалось у насъ 5½ милліоновъ, а къ 1897 году, черезъ размноженіе, прозелитизмъ и отчасти присоединеніе къ намъ новыхъ магометанскихъ областей насчитывается 13½ милліоновъ. Особенно замѣтенъ этотъ ростъ въ нѣкоторыхъ поволжскихъ и уральскихъ губерніяхъ, а въ Астраханской губ. процентъ магометанъ увеличился съ 7 на 30.

II.

Теперь рассмотрим расколо-сектантство, какимъ оно является по переписи 1897 года.

Если другія рубрики вѣроисповѣданій рисуютъ по преимуществу междуплеменные отношенія Имперіи, то расколо-сектантство есть уже внутренній вопросъ самого русскаго племени, такъ что имѣеть, въ сущности, наиболѣе значенія.

Какъ сказано выше, перепись показала неожиданно малое число раскольниковъ и сектантовъ. По этому поводу г. А. М. З. въ «Свѣтъ» (№ 319) выражаетъ сомнѣніе въ точности этихъ цифръ переписи, причемъ указываетъ, что въ 1889 году «Военно-Статистическій Сборникъ» насчитывалъ раскольниковъ и сектантовъ до 8 милліоновъ.

Но г. А. М. З. долженъ бы посмотрѣть, какъ высчитана эта произвольная цифра.

«Военно-Статистическій Сборникъ»—вообще изданіе выдающееся, умное и основательное. Но г. де-Ливронъ, офицеръ генеральнаго штаба, составлявшій данный отдѣлъ вовсе не специалистъ по расколо-сектантству, и его авторитетность не идетъ дальше точности цифръ, никакъ не распространяясь на его предположенія. Цифры раскольниковъ и сектантовъ онъ имѣлъ по отчетамъ духовнаго вѣдомства въ которыхъ показано за 1859 годъ:

1) Исповѣдывавшихся и приобщавшихся . . .	35 милл.
2) Исповѣд. но не приобщавш.	2.190.000
3) Не исповѣд. по малолѣтству	9 милл.
4) Не испов. по уважит. причин.	819.000
5) Не исповѣд. по нерадѣнію :	3.417.000
6) Не испов. по наклонности къ расколу . . .	726.000

Записныхъ раскольниковъ тогда было около 800.000. Составитель отдѣла предположилъ совершенно произвольно, будто не только шестая категорія принадлежитъ къ расколу, но также «почти вся» вторая (не приобщавш. послѣ исповѣди) и пятая (нерадѣніе). Да къ этому онъ присоединилъ уже безо всякихъ основаній еще часть другихъ категорій. Очевидно, однако, что не исповѣдывающихся по нерадѣнію—

между православными масса. Поэтому къ расколу должны были быть несомнѣнно причислены только:

1) Записные	806.000
2) Наклонные къ расколу	726.000
	<u>1.532.000</u>

Присоединяя къ этому даже всю вторую категорію ¹⁾, получимъ всего 3¹/₂ милліона, и далѣе этой цифры «Военно-Статистической Сборникъ», оставаясь въ предѣлахъ фактовъ, не имѣлъ права идти. Въ дальнѣйшихъ произвольныхъ прибавкахъ,—его составители уже не могутъ быть выставлены, какъ нѣчто авторитетное.

Въ «Новомъ Времени» (№ 9269) г. Ѳ. М. («О количествѣ старообрядцевъ въ Россіи») выражаетъ сомнѣнія въ точности данныхъ переписи относительно раскола и сектантства (называемыхъ имъ «старообрядчествомъ»). Эта статья еще гораздо слабѣе. Она основана на отдѣльно выхваченныхъ данныхъ и особенно на гаданіяхъ покойнаго Юзова, который въ своихъ стремленіяхъ преувеличить число нашихъ раскольниковъ переходилъ всѣ предѣлы сколько-нибудь дозволительной тенденціозности. Отношеніе самого г. Ѳ. М. къ точности цифровыхъ данныхъ достаточно характеризуется заключительными его строками:

„Если основываться на свѣдѣніяхъ, добытыхъ переписью, то придется придти къ заключенію, что у насъ въ Россіи почти не существуетъ старообрядцевъ Бѣлокриницкой іерархіи; противъ которыхъ собственно и создано у насъ миссіонерство. Миссіонеры въ годовыхъ отчетахъ указываютъ, что ежегодно обращается изъ раскола 50 тысячъ. Откуда же гг. (?) миссіонеры набираютъ старообрядцевъ для обращенія въ православіе, если такъ ничтожно ихъ количество по даннымъ переписи? Очевидно, что надежды, возлагавшіяся на всеобщую перепись, не оправдались. Въмѣсто того, чтобы раскрыть дѣйствительное число старообрядцевъ, она только ихъ прикрыла. Не вѣрнѣ ли будетъ считать количество старообрядцевъ по-старому, болѣе 15 милліоновъ? Эта цифра будетъ ближе къ истинѣ (!?), чѣмъ цифры переписи“.

¹⁾ Хотя многіе не приобщались, въ старину, по недостойнству, а очень многіе приобщаются въ чужихъ церквахъ.

Г. Θ. М., видно, очень недолголюбиваетъ «гг. миссіонеровъ», но все же долженъ бы заглянуть въ отчеты, прежде чѣмъ публично говорить о нихъ.

Въ отчетахъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода пѣтъ 50,000, ежегодно обращаемихъ изъ раскола. Ихъ число по отчетамъ колеблется всего только между шестью и десятью тысячами. Конечно, если такъ обращаться съ цифрами, какъ обращался Юзовъ, или какъ теперь г. Θ. М., то можно насчитать на 100 милліоновъ жителей хоть и цѣлый милліардъ раскольниковъ.

Въ дѣйствительности всѣ сколько-нибудь точныя данныя заставляють признать, что число раскольниковъ у насъ далеко не особенно значительно. Принимая наиболѣе широко цифры «Военно-Статистическаго Сборника», 30 лѣтъ назадъ у насъ было отъ 1.532.000 до 3¹/₂ милліоновъ раскольниковъ и сектантовъ. Теперь перепись показала число ихъ въ 2.157.000.

Отвергать эту цифру только потому, что она меньше прежней, или осталась безъ возрастанія — очень странно. Почему же въ Россіи раскольники и сектанты непремѣнно должны численно умножаться? Мы знаемъ, что не мало раскольниковъ и сектантовъ ежегодно присоединяется къ православію. Мы видимъ, что естественный приростъ этого слоя феноменально ничтоженъ. Не было бы ничего удивительнаго, еслибы при этихъ условіяхъ число расколо-сектантовъ не возросло или уменьшилось. Несомнѣнно, что и при переписи 1897 года было не мало лицъ, скрывшихъ свою принадлежность къ расколу и сектантству. Но нѣтъ основаній преувеличивать ихъ число. Мы видимъ, что перепись пользовалась достаточнымъ довѣріемъ, чтобы о себѣ дали открытыя показанія болѣе 115.000 человекъ разныхъ «нѣтовцевъ» и «бѣгуновъ» и болѣе 5.000 хлыстовъ и скопцовъ. Между тѣмъ, всѣ опасующіеся объявить свою принадлежность ко вредной сектѣ, могли легко записаться просто раскольниками, безъ обозначенія толка и секты, какъ это и сдѣлала почти милліонная масса.

Итакъ, цифрамъ переписи нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять, и ужъ во всякомъ случаѣ нельзя прикидывать къ нимъ сколько-нибудь большого процента.

Любопытною взаимною провѣркой переписи и духовныхъ

отчетовъ могутъ служить отчеты синодальнаго оберъ-прокурора за 1895 годъ. Тамъ перечислены расколо-сектанты 27 епархій, наиболѣе обильныхъ расколомъ (всего у насъ 59 епархій). Въ нихъ насчитано 1.300.000 человѣкъ. Перепись въ тѣхъ же 27 епархіяхъ, то-есть въ 33 губерніяхъ, даетъ 1.500.000 человѣкъ. Совпаденіе очень близкое ¹⁾.

Вообще цифру переписи расколо-сектантовъ должно признать весьма близкою къ истинѣ, и на основаніи этого нельзя не думать, что расколо-сектантство у насъ менѣе значительно, нежели доселѣ предполагалось произвольно, на глазомѣрь, по шуму, производимому этимъ слоємъ. Нельзя также сомнѣваться, что православіе болѣе обращаетъ раскольниковъ и сектантовъ, нежели теряетъ отъ ихъ пропаганды. Никакого другого вывода статистика не даетъ права сдѣлать.

Къ сожалѣнію, перепись 1897 года не дала возможности классификаціи 2.137.000 раскольниковъ и сектантовъ, ибо изъ нихъ почти половина (969.000) не показали, къ какому толку или сектѣ они принадлежатъ. Перепись только доказала, что дробленіе сектантства идетъ все дальше, ибо, кромѣ прежнихъ, она открыла еще новыя секты (Мытинскую, Старо-Калистратовскую, Кармацкую, Верховскую, Лурицкую), доселѣ неизвѣстныя специалистамъ.

Несомнѣнно, однако, что наибольшая часть 960.000, уклонившихся отъ подробныхъ указаній, должна принадлежать къ разнымъ крайнимъ и вреднымъ сектамъ. Наоборотъ, мы можемъ съ вѣроятностью предположить, что расколъ старообрядства, священство приемлющаго, не имѣлъ основаній скрываться, а даже скорѣе наоборотъ. При постоянныхъ стараніяхъ Бѣлокриницкаго раскола расширить свои права,—ему выгодно было показать себя возможно болѣе многочисленнымъ.

Поэтому переписная цифра Бѣлокриницкой или Австрійской общины—268.000 чел. обоого пола, несомнѣнно очень близка къ истинѣ. Но тогда нельзя не признать, что эта община, при всемъ своемъ богатствѣ и благоустройствѣ,—неожиданно незначительна по числу. Даже бѣглопоповцы

¹⁾ Хотя по отдѣльнымъ епархіямъ замѣчается иногда большая разница.

(180.000) мало ей уступаютъ, а безпоповцы значительно превосходятъ (571.000). Между тѣмъ 268.000 членовъ Австрійской общины, развившей цѣлую іерархію, и гордой своею внутреннею дисциплиною, при всей своей малочисленности, всетаки распадаются на цѣлые четыре толка.

Если бы числовая группировка расколо-сектантскаго слоя была сколько-нибудь возможна по даннымъ переписи, то не безынтересно было бы прослѣдить и его территориальное распредѣленіе. Но при такой массѣ укрывающихся отъ точныхъ показаній, анализъ территориальнаго распредѣленія теряетъ свое значеніе. Можно лишь отмѣтить, что въ Московско й губерніи значится 97.000 раскольниковъ, изъ коихъ 65.000 не указали толка и секты. Въ С.-Петербургской губерніи, изъ 19.000, не указали толка и секты цѣлыя 12.000 ¹⁾.

Изъ этого можно косвенно получить подтвержденіе, что столицы служатъ центрами не для однихъ раскольниковъ-старообрядцевъ, но также и для крайнихъ и вредныхъ сектъ.

III.

Анализъ вѣроисповѣднаго состава Россіи, въ его движеніи за послѣднія 30 лѣтъ, даетъ лучший отвѣтъ на поднятый нынѣ вопросъ о коренномъ измѣненіи нашей вѣроисповѣдной политики.

Статистическія данныя рисуютъ вѣроисповѣдное состояніе Россіи лучше, чѣмъ отвлеченныя теоретическія формулы. Эти твердыя фактическія данныя должны руководить разумнымъ человѣкомъ въ его положеніяхъ и рѣшеніяхъ болѣе, нежели трескучія фразы поборниковъ религіознаго переворота въ Россіи.

Между тѣмъ, эти фактическія данныя служатъ лишь новымъ доказательствомъ того, что историческая вѣроисповѣдная политика Русскаго государства остается доселѣ для него *обязательною*.

Дѣйствительно, нельзя не видѣть, что Русское государство держится чисто *православнымъ* народомъ. Въ общемъ составѣ

¹⁾ Нужно предполагать, что эти цифры не показавшихъ своей секты падаютъ на послѣдователей новѣйшаго сектантства, именуемаго *штундою*, адепты которой изъ народа не любятъ открыто называть себя этимъ не русскимъ именемъ. *Ред.*

125-милліоннаго населенія Имперіи, число членовъ православної Церкви составляетъ 87 *слишкомъ милліоновъ*.

Эта громадная преобладающая цифра станетъ еще болѣе внушительною, если мы вспомнимъ, что изъ 11 милліоновъ римско-католиковъ, 5 милліоновъ протестантовъ, и 17 милліоновъ магометанъ лишь самая небольшая часть можетъ считаться сколько-нибудь органическою частицей націи; ибо въ безмѣрно-громадномъ количествѣ эти массы иновѣрцевъ скоплены лишь по окраинамъ—въ Финляндіи, Балтійскомъ краѣ, Привислянѣ, на Кавказѣ и въ Средней Азіи,—тяготѣя каждая къ другимъ политическимъ центрамъ и политическимъ идеямъ. Не на ихъ добровольномъ и сознательномъ желаніи держится цѣлость и величіе Русскаго государства. Оно держится тѣми 87 милліонами, которые составляютъ православную Церковь, а потому Россія не можетъ въ своей вѣроисповѣдной политикѣ покидать точку зрѣнія православной Церкви.

Становясь на чисто-практическую почву, обязательную для государственнаго дѣятеля, нельзя не видѣть, что въ допущеніи той или иной степени религіозной свободы государство должно сообразоваться не съ отвлеченными философскими принципами, а со взглядами Церкви, имѣвшей 30 лѣтъ назадъ въ своихъ рядахъ 55 милліоновъ послѣдователей, а теперь имѣющей ихъ уже 87 милліоновъ. Это такая реальная сила, которая для государства важнѣе всякихъ отвлеченностей.

Политическая обязательность для государства держаться впредь своей исторической вѣроисповѣдной политики могла бы еще подвергаться оспариванію, еслибы факты показывали нецѣлесообразность ея съ точки зрѣнія роста той основной силы, на которой держится Русское государство. Но факты показываютъ совершенно обратное.

Численность паствы православной Церкви не только не уменьшается, но могущественно возрастаетъ. Если прежде государство дорожило взглядами 55 милліоновъ своихъ подданныхъ, то тѣмъ болѣе теперь приходится дорожить взглядами 87 милліоновъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что эта вѣроисповѣдная политика не могла быть чуждою тѣхъ успѣховъ, которые за 30 лѣтъ обнаружило объединеніе Русскаго народа въ православіи. Отбрасывая чисто-инославныя

и иновѣрныя окраины, мы видимъ, что въ предѣлахъ 50 губерній коренной Россіи, Кавказа и Сибири *процентъ православныхъ возросъ*. Мы видимъ, наоборотъ, что *процентъ раскольниковъ и сектантовъ уменьшился*. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ основаній измѣнять ту вѣроисповѣдную политику, при которой все это достигается.

Но если эти соображенія говорятъ въ общемъ *противъ* переворота въ нашей вѣроисповѣдной политикѣ, то статистическія данныя заставляютъ, сверхъ того, въ частности пожелать и несравненно большаго, а именно *усиленія* государственной помощи миссіонерской дѣятельности Церкви.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ православная масса сплочена и гдѣ въ историческихъ условіяхъ не имѣется ничего особенно неблагоприятнаго для дѣйствія православной Церкви, мы можемъ быть удовлетворены положеніемъ, открываемымъ статистическими данными за послѣднія 30 лѣтъ.

Но тамъ, гдѣ инославіе или иновѣріе является очень могущественнымъ,—мы не можемъ иногда не испытывать тревожнаго чувства.

Такъ, по статистическимъ даннымъ, едвали возможно сомнѣваться въ успѣшномъ дѣйствіи *римско-католической* пропаганды на западной окраинѣ, и уже совершенно ясно, что на востокѣ *магометанство* могущественно борется противъ православія.

Такіе факты, какъ *уменьшеніе* процентнаго отношенія православныхъ къ магометанамъ въ цѣломъ рядѣ поволжскихъ и уральскихъ губерній—крайне ненормальны, если даже дѣло не доходитъ до такой крайности какъ въ губерніи Астраханской. Въ послѣдней—процентъ *магометанъ съ 7 дошелъ уже до 30!* Еще немного такого прогресса, и Астрахань станетъ болѣе магометанскою, нежели во времена своей независимости... Нельзя не видѣть всей ненормальности такого положенія, особенно въ виду воинствующаго характера, все болѣе принимаемаго міромъ Ислама.

Между тѣмъ, трудно удивляться такому положенію. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Церковь православная твердо поддерживается самимъ населеніемъ, наша вѣроисповѣдная политика, даже при тѣхъ послабленіяхъ и томъ сочувствіи, которое мѣстные дѣятели позволяютъ себѣ иногда въ отношеніи враговъ православія (какъ бывало въ отношеніи штунды

и т. п.), въ этихъ мѣстностяхъ православіе всетаки побѣждаетъ. Но тамъ, гдѣ значительная часть населенія лишь очень поверхностно усвоила себѣ православіе,—матеріальная слабость миссіи и несоблюденіе мѣстными властями обязанности помогать ей своимъ сочувственнымъ отношеніемъ могутъ сказываться очень печальными послѣдствіями. Это мы и видимъ въ рядѣ поволжскихъ и уральскихъ губерній. Здѣсь, очевидно, со стороны государства требуется гораздо болѣе энергичное соблюденіе нашей исконной вѣроисповѣдной политики.

Она сводится не къ какимъ-нибудь мѣрамъ насилія, но къ усиленію помощи Церкви. А это усиленіе состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы въ такихъ угрожаемыхъ мѣстностяхъ представители всѣхъ вѣдомствъ и чиновъ отнюдь не дозволяли себѣ вида индифферентизма, или даже предпочтенія къ иновѣрцамъ, но являлись въ своемъ личномъ и служебномъ поведеніи тѣмъ, чѣмъ должны быть по закону слуги и агенты православнаго государства. *Во-вторыхъ, государственная власть несомнѣнно должна усилить здѣсь свою матеріальную помощь церковной миссіи.*

Должно вспомнить, что наша миссіа въ магометанскихъ областяхъ повсюду численно ничтожна. Въ то время, когда магометанство изъ Казани обратило къ Исламу всю Киргизскую степь, мы лишь въ самое послѣднее время организовали Киргизскую миссію, и—какъ организовали! Она состояла первоначально изъ 2—3 человекъ, да и теперь ихъ немногимъ больше, а огражденіе, на примѣръ, имущественныхъ интересовъ православныхъ киргизовъ отъ произвола магометанъ и доселѣ составляетъ одну мечту. Мы доселѣ считаемъ себя очень щедрыми, когда даемъ на миссіонерскія нужды десятки тысячъ тамъ, гдѣ онѣ требуютъ сотенъ тысячъ. А между тѣмъ, это такіе расходы, которые, съ государственной точки зрѣнія, принадлежатъ къ наиболѣе производительнымъ, ибо для охраны національно-государственной безопасности даютъ больше, нежели издержки на вооруженную силу.

Во всѣхъ мѣстностяхъ, угрожаемыхъ иновѣрною пропагандой, наша вѣроисповѣдная политика должна поставить себѣ цѣлью усиленную миссію православія съ тѣмъ, чтобы въ обращенныхъ изъ иновѣрцевъ создавать населеніе *болѣе* развитое, просвѣщенное и состоятельное, нежели ихъ ино-

вѣрные сородичи, а не превращать ихъ въ паріевъ, какъ бываетъ иногда теперь. Миссія должна получить здѣсь средства совершать ту же великую работу, какую совершила на Алтаѣ.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, перепись 1897 года указываетъ для всѣхъ, желающихъ руководствоваться фактами, а не фантазіями, что *православное дѣло* въ современной Россіи лежитъ и должно лежать въ основѣ *государственной дѣла* въ такой же степени, какъ было прежде, въ нѣкоторыхъ же отдѣльныхъ случаяхъ болѣе, чѣмъ прежде.

Таковъ отвѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ на требованія „свободы совращенія“, раздающіяся нынѣ въ иныхъ органахъ печати и со стороны иныхъ представителей дворянства ¹⁾.

Левъ Тихомировъ.

---

¹⁾ Москов. Вѣд.

Отношеніе христіанства къ государству по
воззрѣніямъ гр. Л. Н. Толстого ¹⁾.

ПРИНЦИПАЛЬНО отрицая насиліе, какъ безусловное зло, Л. Толстой также радикально отрицаетъ всякое „вѣлствительство“ одного челоуѣка надъ другимъ. Онъ разсуждаетъ такъ: „Для того, чтобы пріобрѣсти власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолубіе же соединяется не съ добротой, а съ противоположными добротѣ качествами: съ гордостью, хитростью, жестокостью. Безъ возвеличиванія себя и униженія другихъ, безъ лицемѣрія, обмановъ, безъ тюремъ, крѣпостей, казней, убійствъ, не можетъ ни возникнуть, ни держаться никакая власть“ ²⁾. „Властвовать значитъ насиловать, насиловать значитъ дѣлать то, что не хочетъ тотъ, надъ которымъ совершается насиліе, и чего навѣрное для себя не желалъ бы тотъ, который совершаетъ насиліе, слѣдовательно, властвовать значитъ дѣлать другому то, чего мы не хотимъ, чтобы намъ дѣлали, т. е. дѣлать злое“ ³⁾. „И потому всѣ вѣроятія за то, что властвовали всегда и теперь властвуютъ не болѣе добрые, а, напротивъ, болѣе злые, чѣмъ тѣ, надъ которыми властвуютъ... Не можетъ быть того, чтобы болѣе добрые властвовали надъ болѣе злыми. По ученію Христа, добрые это тѣ, которые смиряются, терпятъ, не противятся злу насиліемъ, прощаютъ обиды, любятъ враговъ; злые это тѣ, которые величаются, властвуютъ, борются и насилуютъ людей, и потому, по ученію Христа, нѣтъ сомнѣнія о томъ, гдѣ добрые,—среди властвующихъ или покоряющихся, и гдѣ злые,—среди покоряющихся или властвующихъ. Даже какъ-то смѣшно говорить о властвующихъ христіанахъ“ ⁴⁾. На-

---

¹⁾ См. «Мисс. Обоар.» Февраль, стр. 235—247.

²⁾ Царство Божіе, ч. II, стр. 45.

³⁾ Ibid. стр. 46—47.

⁴⁾ Ibid. стр. 47.

конецъ, власть—зло еще потому, что „обладаніе ею развращаетъ людей: всѣ знаютъ, что люди, находящіеся у власти—будь они императоры, министры, полиціймейстеры, городовые—всегда, вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности“¹⁾.

Эти попытки гр. Л. Толстого доказать, что грѣшно обладать властью, что власть—установленіе безнравственное и противохристіанское,—эти попытки заставляютъ улыбнуться даже серьезнаго человѣка. Здѣсь, что ни мысль, что ни доказательство,—то софизмъ или фальшь, неправда.

Разсмотримъ первую мысль: „Для того, чтобы пріобрѣсти власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбіе же соединяется не съ добротой, а съ противоположными добротѣ качествами“. Значитъ, только властолюбивый и жестокий человѣкъ, по мнѣнію графа, можетъ стать у власти, для христіанина же это невозможно. Стоитъ только построить аналогическое сужденіе по болѣе понятному вопросу, чтобы увидѣть поддѣлку графа. Для того, чтобы принимать пищу, по логикѣ Толстого, требуется любить это дѣло; значитъ—быть чревоугодникомъ. Чревоугодіе же, само по себѣ предосудительное, соединяется еще не съ добротой, а со скупостью; слѣдовательно, только скупой и сластолюбивый можетъ ѣсть и пить, а христіанину этого дѣлать нельзя и приходится помирать съ голоду. Какъ видно, корень графскаго софизма кроется въ томъ, что онъ представляетъ собою заключеніе отъ частнаго къ общему. Л. Толстой возводитъ здѣсь частный случай во всеобщій фактъ, опираясь на пару словъ (обладаніе властью—властолюбіе). Всякому же извѣстно, что на самомъ дѣлѣ стремленіе къ власти не всегда вызывается властолюбіемъ, какъ здоровый аппетитъ рабочаго человѣка не есть еще чревоугодническая похоть. Иногда, дѣйствительно, обладаніе властью соединяется съ властолюбіемъ, но бываетъ, что къ власти стремится человѣкъ, воодушевленный святой жаждой широкой и полезной для общества дѣятельности. Часто же случается, что власть пріобрѣтается человѣкомъ, не какъ властолюбіемъ намѣченная цѣль, а какъ естественный и справедливый результатъ его полезной работы, какъ нѣчто сопутствующее его труду

¹⁾ Ibid. ч. I, стр. 244—245.

и содѣйствующее ему. Извѣстно также, что власть, особенно—верховная, государственная, дается человѣку въ силу природенныхъ правъ и удерживается имъ по самымъ разнообразнымъ мотивамъ до долга включительно. Наконецъ, иногда власть предлагается извѣстному лицу, какъ наиболее способному употребить ее на общую пользу. Такимъ путемъ происходитъ распредѣленіе государственной власти между служилыми людьми, и если кто изъ нихъ принимаетъ власть, руководясь любовью, доброжелательствомъ къ людямъ, ревностью по общему благѣ, тотъ поступаетъ нравственно-одобрительно. Что касается подходящихъ сюда историческихъ фактовъ, то ихъ можно насчитать очень много, начиная съ Солона и Цинцината и кончая бурскими вождями Деветомъ, Ботой и др. Для русскаго человѣка можно указать болѣе извѣстный примѣръ кн. Пожарскаго, самоотверженно согласившагося на просьбу народнаго ополченія принять надъ нимъ начальствованіе и вести его на освобожденіе Москвы отъ поляковъ и измѣнниковъ. Значить, далеко не всегда обладаніе властью предполагаетъ властолюбіе, какъ нечистое, безнравственное настроеніе, порицаемое христіанствомъ. Могутъ быть и существуютъ другіе мотивы и цѣли приобрѣтенія и обладанія властью, не только не безнравственные, но вполне согласные съ христіанскимъ правоученіемъ, поскольку въ нихъ живетъ благорасположеніе къ людямъ. Сама по себѣ власть, какъ необходимое въ человѣческомъ общежитіи явленіе, не есть ни добро, ни зло, но можетъ вести къ тому и другому, и поскольку она во имя идеальныхъ задачъ ведетъ къ добру, постольку она положительно освящается христіанствомъ.

Однако, не слишкомъ ли смѣло признавать такое отношеніе христіанства къ власти, когда „безъ возвеличиванія себя и униженія другихъ, безъ лицемѣрія, обмановъ, безъ тюремъ, крѣпостей, казней, убійствъ, не можетъ ни возникнуть, ни держаться никакая власть“. Конечно, очень печально, что власть въ настоящее время безъ всего этого не обходится, но вѣдь такую мрачную оправу имѣетъ и вообще наша жизнь: никто не можетъ прожить свой вѣкъ безъ грѣха; однако, нельзя же въ виду этого рекомендовать человѣку самоубійство. Вездѣ, гдѣ есть человѣкъ, тамъ есть и пороки, и добродѣтели, гдѣ есть жизнь, движеніе, тамъ

случаются и паденія: покой и безгрѣшность только на кладбищѣ. Задача человѣка не прекращать жизнь и движеніе, а только очищать ихъ. Нѣтъ основаній упразднить власть, а необходимо лишь одухотворить ее нравственно-добрыми мотивами, цѣлями и средствами, и устранять отъ нея все вредное и худое.

Но „даже какъ-то смѣшно говорить о властвующихъ христіанахъ: властвовать значить дѣлать другому то, чего мы не хотимъ, чтобы намъ дѣлали, т. е. дѣлать злое“. Если властвовать равносильно дѣлать злое, то безспорно, что власть—противонравственное и антихристіанское установленіе. Однако, логическое хитросплетеніе Л. Толстого не такъ мудрено, чтобы его не распутать. Власть здѣсь отождествляется съ насиліемъ, но это не точно: властвовать значить руководить, управлять дѣйствіями людей, направлять ихъ работу такимъ образомъ, чтобы цѣль была достигнута наилучшимъ образомъ. Насиліе здѣсь возможно и бываетъ только тогда, когда часть подчиненныхъ не хочетъ идти къ намѣченной другими и властью цѣли. Когда же дѣло совершается по общему желанію, то ни о какомъ насиліи не можетъ быть и рѣчи, хотя власть—на лицо. Командиръ на кораблѣ нисколько не насилуетъ прислуги и пассажировъ, когда распоряжается въ случаѣ нужды ихъ дѣятельностью и поведеніемъ, такъ какъ и прислуга, и пассажиры вмѣстѣ съ начальникомъ желаютъ одного—благополучнаго окончанія плаванія. Въ такой власти, очевидно, нѣтъ ничего безнравственнаго и преступнаго. Государственная власть *in principio* существуетъ по общей волѣ людей, чего не отрицаетъ и Л. Толстой, заявляющій, что современный строй жизни есть „прежде всего произведеніе общественнаго мнѣнія“ ¹⁾. Только очень немного найдется чистыхъ анархистовъ, отрицающихъ всякую власть вообще. Какъ держащаяся на коллективной волѣ, она *eo ipso* не есть голое насиліе, а желательное и неизбежное управленіе. Правда, намѣренія властей часто расходятся съ волей всѣхъ и осуществляются всегда съ большимъ или меньшимъ насиліемъ, но это неустранимое вполнѣ явленіе зависитъ отъ невозможности единомыслія и единоволія всѣхъ членовъ даннаго государ-

¹⁾ Царство Божіе, ч. II, стр. 80.

ства, заставляеть только уменьшать число насилій, а не упразднять окончательно всякую власть. Поскольку власть есть управленіе, руководство, постольку она не противорѣчитъ христіанству, а движимая добрыми мотивами и цѣлями, она положительно освящается имъ.

Что касается того заявленія Л. Толстого, по которому властвовать значить „дѣлать злое“, то его можно разсматривать какъ одинъ изъ парадоксовъ графа, созданный евдемонистической тенденціей его ученія. Какъ дають понять собственныя слова Л. Толстого, этимъ парадоксомъ утверждается, что нравственное и пріятное, добро и удовлетвореніе всякаго наличнаго желанія—одно и то же, что причинять неудовольствіе человѣку значить дѣлать зло. На самомъ же дѣлѣ между тѣмъ и другимъ большая разница. Удовлетвореніе преступныхъ, порочныхъ стремленій пріятно, но безнравственно, а борьба съ ними тяжела, но нравственно-одобрительна. Добро есть осуществляемая человѣкомъ истина о себѣ, а не совокупность пріятныхъ ощущеній; поэтому тотъ, кто содѣйствуетъ реализаціи добра даже разумнымъ принужденіемъ къ тому людей, тотъ отнюдь не дѣлаетъ зла, хотя и причиняеть имъ непріятность. Несомнѣнно также, что и самъ Л. Толстой не усмотрѣлъ бы злодѣянія въ поступкѣ начальника судна, когда этотъ ради дѣла прервалъ бы послѣобѣденный отдыхъ матросовъ и вызвалъ въ нихъ чувство неудовольствія.

Послѣдній аргументъ, которымъ гр. Л. Толстой хочетъ доказать противонравственный и антихристіанскій характеръ всякой власти, состоитъ въ утвержденіи той мысли, что обладаніе властью роковымъ образомъ развращаетъ человѣка. Здѣсь Л. Толстой впадаетъ въ обычную для него ошибку: онъ частный случай возводитъ въ законъ, игнорируя случаи и факты другого рода, которые можно—по графской логикѣ—обобщить въ другой законъ, противоположный первому. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ всегда власть дѣйствуетъ на человѣка развращающимъ образомъ? Развѣ всякій человѣкъ, овладѣвъ властью, дѣлается оттого „болѣе склоннымъ къ безнравственности?“ Въ какомъ свойствѣ власти кроется такое ядовитое жало? Власть сама по себѣ отнюдь не управляетъ душу человѣка; она открываетъ только болѣе или менѣе широкую дверь для раскрытія, обнаруженія его воли

и сердца. Все тутъ зависить, значить, отъ того, какова эта воля, каково это сердце,—отъ психической зрѣлости и нравственнаго развитія человѣка. „Добрый человѣкъ изъ хорошей сокровищницы износить доброе, злой человѣкъ изъ дурной сокровищницы выносить худое“, власть же только раскрываетъ шире двери этихъ сокровище-хранилищъ. Конечно, злой человѣкъ, пользуясь властью, еще болѣе утвердится въ порокѣ, но и добрый человѣкъ, распоряжаясь властью разумно, все болѣе упражняется и крѣпнеть въ добродѣтели. Таковъ, думается, долженъ быть взглядъ на власть у всякаго безпристрастнаго человѣка; Толстой же судить о ней чрезвычайно пристрастно, тенденціозно. Когда ему надо, онъ чернитъ власть всѣми способами, въ другихъ же случаяхъ отзывается о ней съ хорошей стороны. Читатели „Царства Божія“, наслушавшись въ первой части этого сочиненія о деморализующемъ вліяніи власти, во второй—съ удивленіемъ прочитываютъ о совершенно иномъ вліяніи ея. „Худшіе элементы общества, учить здѣсь графъ, *захвативши власть* и находясь въ обладаніи ею, *подъ вліяніемъ* *отрезвляющаго свойства, всегда сопутствующаго ей, становясь сами все менѣе и менѣе жестокими*, дѣлаются неспособными употреблять жестокія формы насилія, и вслѣдствіи того уступаютъ свое мѣсто другимъ, надъ которыми *совершается тотъ же процессъ смяченія и*, какъ-бы сказать, *безсознательнаго охристіаненія*. Съ людьми совершается нѣчто подобное процессу кипѣнія. Всѣ люди большинства нехристіанскаго жизнепониманія всегда стремятся къ власти и борются, достигая ее. Въ борьбѣ этой наиболѣе жестокіе, грубые, наименѣе христіанскіе элементы общества, насилуя наиболѣе кроткихъ, чуткихъ къ добру, наиболѣе христіанскихъ людей, выступаютъ посредствомъ своего насилія въ верхніе слои общества. И тутъ надъ людьми, находящимися въ этомъ положеніи, совершается то, что люди, находясь во власти и въ обладаніи послѣдствій власти, славы и богатства, доходя до извѣстныхъ различныхъ, поставленныхъ ими самими себѣ въ своихъ желаніяхъ, цѣлей, познаютъ тщету ихъ и возвращаются къ тому положенію, изъ котораго вышли. Карль V, Іоаннъ IV, Александръ I, познавъ всю тщету и зло власти, отказывались отъ нея, потому что видѣли уже все зло ея и были не въ силахъ спокойно пользоваться на-

силіемъ, какъ добрымъ дѣломъ, какъ они дѣлали это прежде. Но не одни Карлы и Александры проходятъ этотъ путь и признаютъ тщету и зло власти: черезъ этотъ безсознательный процессъ смягченія проходитъ всякій человѣкъ, приобрѣтши ту власть, къ которой онъ стремится, всякій, не только министръ, генераль, милліонеръ—купецъ, но столоначальникъ, добившійся мѣста, котораго онъ желалъ десять лѣтъ, всякій богатый мужикъ, отложившій одну, другую сотню рублей... „Насиліе выбираетъ и привлекаетъ къ себѣ худшіе элементы общества, перерабатываетъ ихъ и, улучшая и смягчая, возвращаетъ ихъ назадъ обществу“¹⁾. На поляхъ того экземпляра „Царства Божія“, который былъ у насъ подъ руками, противъ послѣднихъ словъ его знаменитаго автора, какой-то читатель, не удержавшись отъ выраженія своихъ чувствъ, начерталъ: „да здравствуетъ насиліе!“ Разумѣется, мы подъ такимъ благопожеланіемъ по адресу насилій не подпишемся, но восклицаніе неизвѣстнаго читателя весьма замѣчательно, поскольку выражаетъ собой его чувства изумленія и неожиданности предъ перомъ графа, зачеркивающего во второй части своего сочиненія то, что написалъ въ первой. Тамъ, желая подкопаться подъ государственную власть, Л. Н. Толстой приписалъ ей роковое развращающее вліяніе на людей; здѣсь, вынужденный указывать пути распространенія христіанскаго жизнепониманія въ современномъ обществѣ, онъ, нисколько не смущаясь, среди такихъ путей указываетъ на только что всячески очерненную имъ власть. Тамъ власть развращаетъ людей, здѣсь она улучшаетъ, смягчаетъ ихъ характеры, морализируетъ ихъ сердца и даже христіанизируетъ ихъ!!. Смотря по надобности, власть и правительство превращаются подъ перомъ графа то въ губительный тартаръ, то въ спасительное чистилище, изъ чего ясно видно, что перомъ графа водить не строгое, всегда вѣрное себѣ безпристрастіе и правдолюбіе, а „надобность“ минуты, тенденціозность страсти. Съ другой стороны, все это убѣждаетъ читателя, что самъ Л. Толстой volens nolens признаетъ и развращающее, и морализирующее вліяніе власти, зависящее не отъ самой власти, а отъ того, кто вступаетъ въ обладаніе ей. Значить, власть сама по себѣ не

1) „Царство Божіе“, ч. II, стр. 53—56.

«есть ни добро, ни зло, можетъ же вести не ко злу только, но и къ добру. Если же власть способна созидать добро, то, разумѣется, никакъ нельзя сказать: „смѣшно говорить о властвующихъ христіанахъ“. Напротивъ, очень желательно, чтобы именно добрые христіане стояли у власти и пользовались ею во имя христіанскихъ идеаловъ.

Съ властью неразрывно связано подчиненіе, на которомъ зиждится сила власти, какъ это выражено нами въ опредѣленіи государства, какъ союза людей съ *признанной* властью. Христіанство гр. Л. Толстого пытается сокрушить и эту опору государства. Графъ пишетъ: „христіанинъ, подчиняясь одному внутреннему, божественному закону, не только не можетъ исполнять предписанія внѣшняго закона, когда они не согласны съ сознаваемымъ имъ божескимъ закономъ любви, какъ это бываетъ при правительственныхъ требованіяхъ, но не можетъ признавать и обязательства повиновенія кому и чему-бы то ни было, не можетъ признавать того, что называется, подданствомъ. *Для христіанина обѣщаніе подданства* какому-бы то ни было правительству,—тотъ самый актъ, который считается основаніемъ государственной жизни, *есть прямое отреченіе отъ христіанства*, потому что человекъ, безусловно впередъ обѣщающійся подчиняться тѣмъ законамъ, которые составляютъ и будутъ составлять люди, этимъ обѣщаніемъ самымъ положительнымъ образомъ отрывается отъ христіанства, состоящаго въ томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ жизни подчиняться только сознаваемому имъ въ себѣ божескому закону любви. Можно было при языческомъ міросозерцаніи обѣщаться исполнять волю свѣтскихъ властей, не нарушая волю Бога, понимаемую въ обрѣзаніи, субботахъ, опредѣленной временемъ молитвѣ, поддержаніи отъ извѣстнаго рода пищи и т. п. Одно не противорѣчитъ другому. Но тѣмъ-то и отличается христіанское исповѣданіе отъ языческаго, что оно требуетъ отъ человека не извѣстныхъ внѣшнихъ отрицательныхъ дѣйствій, а ставить его въ иное, чѣмъ прежде, отношеніе къ людямъ, изъ котораго могутъ вытекать самые разнообразныя, не могущія быть впередъ опредѣленными поступки, и потому христіанинъ не можетъ обѣщаться не только исполнять чью-либо другую волю, не зная въ чемъ будутъ состоять требованія этой воли, не только не можетъ повиноваться измѣняющимся

законамъ человѣческимъ, но не можетъ и обѣщаться что-либо опредѣленное дѣлать въ извѣстное время или отъ чего-либо въ извѣстное время воздерживаться, потому что онъ не можетъ знать, чего и въ какое время потребуеть отъ него тотъ христіанскій законъ любви, подчиненіе которому составляетъ смыслъ его жизни. Христіанинъ, обѣщаясь впередъ *безусловно* исполнять законы людей, этимъ обѣщаніемъ заявилъ бы то, что внутренней законъ Божій не составляетъ уже для него единственный законъ его жизни. Христіанину обѣщаться въ повиновеніи людямъ или законамъ людскимъ все равно, что нанявшемуся къ хозяину работнику обѣщаться вмѣстѣ съ тѣмъ исполнять *все* то, что ему прикажутъ еще и чужіе люди. Нельзя служить двумъ господамъ. Христіанинъ освобождается отъ человѣческой власти и тѣмъ, что признаетъ надъ собой одну власть Бога, законъ которой, открытый ему Христомъ, онъ сознаетъ въ самомъ себѣ, и подчиняется только ей... Освобожденіе это совершается не посредствомъ борьбы, а происходитъ вслѣдствіе того, что, во-первыхъ, христіанинъ признаетъ законъ любви, открытый ему его Учителемъ, совершенно достаточнымъ для отношеній людскихъ, и потому считаетъ всякое насиліе излишнимъ и незаконнымъ, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что тѣ отношенія, страданія, угрозы страданій и лишеній, которыми общественный человѣкъ приводится къ необходимости повиновенія, для христіанина, при его иномъ пониманіи жизни, представляются только неизбѣжными условіями существованія, которыя онъ, не борясь противъ нихъ насиліемъ, терпѣливо переноситъ, какъ болѣзни, голодь и всякія другія бѣдствія, но которыя никакъ не могутъ служить руководствомъ его поступковъ. Руководствомъ поступковъ христіанина служить только живущее въ немъ божественное начало, ничѣмъ не могущее быть стѣсненнымъ или направленнымъ“ ¹⁾.

Какъ видно, Л. Толстой пытается возстановить христіанина противъ подчиненія государственной власти тѣмъ соображеніемъ, что истинный послѣдователь Христа имѣетъ для своей жизни высочайшій и совершеннѣйшій законъ Божій, который дѣлаетъ законъ человѣческой или ненуж-

¹⁾ «Царство Божіе», ч. II, стр. 4—7.

нымъ, когда этотъ согласенъ въ своихъ требованіяхъ съ закономъ Христовымъ, или отрицаетъ людской законъ, какъ антихристіанскій, когда его повелѣнія противорѣчатъ закону евангельскому. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ христіанину давать торжественное обѣщаніе исполнять государственные законы, когда онъ знаетъ и обязанъ исполнять верховный законъ Божьей воли? Зачѣмъ ему повиноваться человѣческой власти, когда въ немъ царитъ Самъ Господь? Въ отвѣтъ на эти вопросы приходится сказать, что и отказываться безусловно отъ повиновенія законамъ человѣческимъ нѣтъ никакихъ причинъ. Поскольку эти законы согласны съ волей божественной и выражаютъ ея требованія примѣнительно къ наличному моменту жизни, постольку они обязательны для каждаго христіанина. Значитъ, высказывая торжественное обѣщаніе подчиняться такимъ законамъ государственной власти, христіанинъ отнюдь не отрекается отъ своей вѣры, а еще болѣе въ ней утверждаетъ, давая обѣщаніе исполнять законъ христіанскій. Въ заявленіи же христіаниномъ твердой рѣшимости исполнять законъ евангельскій, кажется, нѣтъ ничего недостойнаго званія ученика Христова. Языческое государство по основнымъ своимъ принципамъ и идеалу антихристіанское, но и языческой власти христіанинъ не имѣетъ причинъ отказывать въ повиновеніи, когда она требуетъ отъ него поведенія не противнаго праву—и вѣроученію Евангелія.

Напрасно графъ настойчиво заговариваетъ о „безусловномъ подчиненіи“, котораго будто бы требуетъ государство, и которое дѣйствительно противорѣчитъ идеѣ христіанскаго общества, какъ царства Божія. Такого подчиненія христіанинъ не можетъ оказывать, и обѣщать такого подчиненія никакой здравомыслящій христіанинъ, дѣйствительно, не станетъ. Христіанство допускаетъ и узаконяетъ только условное подчиненіе власти; его послѣдователи призываются въ извѣстныхъ случаяхъ заявить земнымъ владыкамъ: „судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога?“¹⁾ Отрицать же безусловное повиновеніе человѣческому закону вовсе не значитъ отрицать всякое повиновеніе и всякую власть, а только—противохристіанскія

¹⁾ Дѣян. 4, 19.

требованія власти; это значитъ ограничивать волю человѣческую волей Божіей. Та мысль гр. Толстого, что „христіанинъ не можетъ обѣщаться исполнять чью-либо другую волю, не зная, въ чемъ будутъ состоять требованія этой воли“, ничего не говоритъ противъ „подданства“. Вѣдь принесеніе присяги на подданство, какъ извѣстно, потому и пріурочено къ извѣстному возрасту гражданина, чтобы онъ зналъ, какими обязательствами предъ Богомъ и людьми связываетъ онъ свою волю въ присягѣ, а не обѣщался бы слѣпо. Во-вторыхъ, хотя христіанинъ, обѣщающій власти повиновеніе, и не знаетъ напередъ, какія именно требованія предъявитъ ему государство, въ присягѣ онъ всетаки не отрицается отъ христіанства, такъ какъ обѣщается исполнять только тѣ законы, которые *по суду общехристіанской совѣсти* признаются согласными съ евангельскимъ вѣро- и нравоученіемъ. Для всякаго понятно, что не можетъ христіанинъ призывать Бога во свидѣтели своей рѣшимости слѣдовать какимъ-нибудь безбожнымъ, противохристіанскимъ велѣніямъ. Но все это нисколько не ведетъ къ отрицанію власти и государства, къ неповиновенію правительству, а требуетъ лишь условнаго подчиненія ему. Говорить объ этомъ значитъ, строго говоря, разъяснять трузизмъ; но говорить приходится въ виду того, что Л. Толстой, представивъ дѣло такъ, какъ будто подданство есть дѣйствительно безусловное подчиненіе человѣческой власти, затѣмъ объявляетъ, что „обѣщаніе подданства есть прямое отреченіе отъ христіанства“. Только человѣкъ, исповѣдующій толстовскій догматъ непротивленія, можетъ видѣть здѣсь непримиримое противорѣчіе повиновенія власти Христову ученію; иныхъ же основаній къ признанію такого противорѣчія нѣтъ.

Съ другой стороны, есть положительныя основанія, и очень вѣскія, къ повиновенію власти, разумѣется, правомѣрной. Главная изъ такихъ причинъ заключается въ томъ, что право, осуществителемъ котораго является государственная власть, стоитъ въ тѣсной связи и родствѣ съ нравственностью, и какъ нѣчто цѣнное и необходимое требуется закономъ нравственнымъ ¹⁾. Право есть обладающее принуди-

¹⁾ О правѣ и нравственности въ ихъ взаимоотношеніи см. „Пра-

тельной силой ограниченіе равенствомъ свободы въ совершении злыхъ дѣяній и охраненіе полной свободы къ добру. Родство его съ моралью понятно. Право руководится идеей равенства, справедливости „уравнивающей“ и „распредѣляющей“; это требуется отъ человѣка и этикой. Право ограничиваетъ свободу въ осуществленіи нравственно-преступныхъ цѣлей; къ тому же стремится и мораль. Право охраняетъ для человѣка возможность безпрепятственнаго нравственнаго совершенствованія; этика указываетъ путь совершенства и приглашаетъ на него людей. Исторія свидѣтельствуетъ, что право всегда находилось и развивалось подъ воздѣйствіемъ нравственныхъ идеаловъ. Разумное право и нравственность—неизмѣнные друзья и всегда работаютъ согласно надъ одной задачей—совершенствованіе человѣчества. Если отъ здравыхъ требованій права отнять ихъ формальныя отличія отъ нравственныхъ заповѣдей, то въ остаткѣ получатся чистыя повелѣнія нравственнаго закона. Такъ какъ христіанинъ обязанъ выполнять требованія нравственнаго закона, то *eo ipso* онъ призывается и къ выполненію закона государственной власти, какъ отчасти выражающаго, а еще болѣе—долженствующаго выражать предписанія морали. Если же христіанинъ—гражданинъ приглашается къ особо-торжественному заявленію рѣшимости подчиняться правомѣрной власти, то это объясняется чрезвычайною цѣнностью правового строя для общества. Имъ обеспечивается сумма условій, необходимыхъ для жизни общества, желающаго по достоинству зваться человѣческимъ. Право—это устой, поставленный на одной изъ низшихъ ступеней нравственнаго развитія общества и удерживающій его отъ приниженія, паденія нравственнаго; это черта, подъ которой—безправіе, произволъ и анархія, надъ которой—обезпеченный просторъ для всякаго развитія и совершенствованія. Всякій, кто признаетъ цѣнность этой плотины, сдерживающей болото преступности, тотъ вынуждается признать особо-важное для жизни значеніе состава

во и нравственность“ В. Соловьева, „Нравственность и право“ В. Щеглова. Статьи проф. Ю. С. Гамбарова и Новгородцева въ Сборн. общихъ юридич. знаній. Спб. 1899. Вып. I. Этика В. Вундта и Г. Геффдинга. A. Freundelenburg. *Naturrecht*. 1868. и мн. др.

вляющихъ ее устоевъ—правиль и законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ признать и резонность требованія отъ гражданъ особенныхъ обѣщаній исполнять эти законы. Христіанинъ обязанъ выполнять по мѣрѣ силъ высочайшій законъ нравственности, въ чемъ его нельзя стѣснять, но особенно онъ призывается исполнять нравственно-общественныя требованія власти, какъ касающіяся нравственно-матеріальнаго благополучія цѣлаго общества, безъ которыхъ оно не можетъ существовать. Значить, подчиненіе государственной (правомѣрной) власти не только не противорѣчитъ христіанству, но даже требуется имъ. Противорѣчія здѣсь возникаютъ нерѣдко, но роковая пропасть между христіанствомъ и государственностью существовало бы лишь въ томъ случаѣ, когда евангельское ученіе совершенно бы запрещало физическое принужденіе.

Одно изъ главныхъ началъ, связывающихъ христіанство съ государствомъ, есть право. Л. Толстой отрицаетъ право, какъ насиліе, хотя насиліе не есть неизбѣжная принадлежность права, а съ другой стороны, мы твердо знаемъ, что христіанство допускаетъ и санкціонируетъ разумныя принудительныя мѣры въ борьбѣ со зломъ. Также рѣшительно графъ возстаетъ противъ субъективнаго права, противъ всякихъ правъ человѣка. Здѣсь онъ, какъ и вездѣ почти, ничего не говоритъ новаго, вполне оригинальнаго, довольствуясь переводомъ позитивистическихъ взглядовъ на богословскій языкъ. О. Контъ училъ, что „понятіе права должно исчезнуть изъ политической области, какъ понятіе причины изъ области философской, а должно остаться одно понятіе обязанностей всѣхъ ко всѣмъ“. И это потому, между прочимъ, что мы отъ рожденія оказываемся въ неоплатномъ долгу у своихъ предковъ и современниковъ, а обязанности по отношенію къ нимъ все растутъ и накаплиются. Л. Толстой перифразируетъ эти мысли такъ: „правъ человѣкъ ни на что не имѣетъ и не можетъ имѣть; онъ только имѣетъ обязанности за благо, данное ему, и потому ему нельзя считаться ни съ кѣмъ. Отдавъ всю свою жизнь, онъ, всетаки, не можетъ отдать того, что ему дано, и потому Хозяинъ не можетъ быть несправедливъ къ нему“¹⁾.

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? стр. 150.

Мои права *de facto* возникают не изъ чего другого, какъ изъ обязанностей другихъ людей: признаніе окружающихъ меня людьми извѣстныхъ обязанностей относительно меня создаетъ сферу моего права. Даруемая мнѣ обществомъ права я могу отрицать, могу ими не пользоваться; но я не въ состояніи отрицать и не пользоваться однимъ правомъ, безъ котораго не можетъ быть человѣческой жизни,—*правомъ свободнаго, безпрепятственнаго выполненія своихъ обязанностей* къ Богу и къ людямъ. Если кто посягаетъ на мою собственность или личность, я долженъ протестовать словами, а иногда и силой, противъ попраиія не столько моихъ правъ, сколько — обязанностей самого посягающаго. Какъ видно, *права неизбѣжно даны*, и намъ слѣдуетъ только разумно пользоваться ими во имя идеаловъ любви христіанской. И изъ разныхъ частныхъ правъ христіанина, которыми сужаетъ его общество, одно важнѣйшее не можетъ отрицать ни одинъ въ свѣтѣ человѣкъ—это право на выполненіе обязанностей „человѣка“. Самъ Л. Толстой *volens-nolens* не можетъ отказать человѣку въ такомъ правѣ, иначе ему пришлось бы отрицать условіе самой истинной жизни. Онъ можетъ только отрицать на самомъ дѣлѣ лишь насильственную борьбу за право, а словесной борьбѣ за „права христіанина“ онъ посвящаетъ много труда ⁶⁾. Съ этой стороны, снова вопросъ о правахъ рѣшается положительно и остается также рѣшенный вопросъ о непротивленіи и противленіи силой.

Если Христосъ ничего не говоритъ о гражданскихъ правахъ человѣка, то Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не высказывался и противъ нихъ, какъ то дѣлаетъ Л. Толстой. Умолчаніе Спасителя объ этомъ объясняется очень просто тѣмъ, что, во-первыхъ, Онъ не былъ проповѣдникомъ морали общественной, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что люди безъ авторитетныхъ побужденій всегда съ особенной силой отстаиваютъ свои права, эгоистически пренебрегая обязанностями. Но косвенно Христосъ призналъ права человѣка-гражданина, когда санкціонировалъ государственный строй жизни. Однако, къ евангельской, въ тѣсномъ смыслѣ слова, аргументаціи мы обратимся ниже.

К. Григорьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁶⁾ См. Л. Толстой. Объ отношеніи къ государству. Лондонъ. 1897.

Нѣмецкій баптизмъ въ Россіи ¹⁾.

II.

Появленіе и распространеніе баптизма: 1) въ Курляндіи. Первые пропагандисты. Миссіонеры изъ Мемеля--Нимецъ и др. Удаленіе Нимеца, его попытки вернуться. Временное правительств. распор. о баптистахъ 1861 г. Приказъ прибалт. генераль-губернатора 1865 г. Развитие бапт. пропаганды въ 70-хъ годахъ. 2) въ Польшѣ. Миссіонеры Ассманъ, Альфъ и Кельмъ. 3) на Волыни и въ Бессарабіи. Переселеніе баптистовъ изъ Польши; пропаганда. 4) въ Новороссіи. Пропаганда и утвержденіе секты въ кол. Новый Данцигъ и Старый Данцигъ. Распространеніе по другимъ колоніямъ. Миссіонерская и организаціонная поѣздка Онкена по колоніямъ въ 1869 г.

1. Нѣмецкій баптизмъ въ чистомъ видѣ утвердился въ Россіи прежде всего въ Курляндіи ²⁾.

Въ 50-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Курляндіи обнаружилось пѣтическое броженіе. Среди лицъ, пѣтически настроенныхъ, и началъ свою жатву баптизмъ. Миссіонерскимъ пунктомъ по отношенію къ Курляндіи послужилъ городъ Мемель. Здѣсь чернорабочіе изъ Либавы и другихъ мѣстъ получили первое знакомство съ баптизмомъ; отсюда вышли первые миссіонеры для Прибалтійскаго края.

Баптистская пропаганда была замѣчена администраціей въ 1857 г. Незадолго предъ этимъ въ Либавѣ лавочникъ Кандисъ составилъ пѣтистическій кружокъ съ сепаратистическими тенденціями; привлеченный къ отвѣтственности, онъ скрылся въ Америку. Тогда явился изъ Пруссіи столяръ Мейеръ, объединилъ лицъ, участвовавшихъ въ собраніяхъ Кандиса и далъ движенію баптистскую окраску. 3-го марта

---

¹⁾ „Миссіонер. Обзор.“, январь, стр. 64—78.

²⁾ Источники: Busch. „Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik der Kirchen und Schulwesens der Evangel. Luther. Gemeinden in Russland.“ St. Petersburg 1867. I B. 747 — 755. Pank. „Zur Geschichte des Auftretens und der Ausbreitung des Baptismus in Kurland.“ Mittheilungen u. Nachrichten für die Evangel. Kirche in Russland. 1885. 45 t. 237—255 и др. журн.

1857 г. полиція накрыла молитвенное собраніе баптистовъ подъ руководствомъ Мейера. Магистратъ наказаль участниковъ арестомъ и донесъ губернатору, а пробствъ консисторіи, которая предписала пасторамъ усилить пастырскую дѣятельность. Въ 1858 г. въ Гробинь явился изъ Пруссіи сапожникъ Брандманнъ, который привлекъ на свою сторону латышскаго учителя Карльсона и вмѣстѣ съ нимъ сталъ проповѣдывать въ приходахъ Ландзень-Газау, Гробинь, Пильтень и Гольдингень. Дѣятельность случайныхъ пропагандистовъ была поддержана изъ Мемеля. Въ 1859 г. прибыли въ Либаву два главныхъ проводника Мемельской баптистской общины Немецъ и Дегге. Они устраивали собранія, совершали преломленіе хлѣба и назойливо пропагандировали.

Курл. консисторія просила о высылкѣ пришлыхъ миссіонеровъ и о запрещеніи имъ вѣзда въ Россію. Однако высылка Немеца и по томъ Брандманна не прекратила движенія. Въ іюнѣ 1861 г. 22 человекъ изъ Ландзень-Газау, Пильтена и Апприкена отправились въ Мемель для принятія крещенія. Подобныя паломничества въ Мемель предпринимались и ранѣе за неимѣніемъ своего пресвитера. Въ 1861 г. была учреждена первая самостоятельная баптистская община въ Курляндіи. Портной Адамъ Гертнеръ въ теченіе нѣкотораго времени подготовлялся въ Мемелѣ къ должности пресвитера и получилъ посвященіе. Вскорѣ послѣ возвращенія Гертнеръ ночью, при многочисленномъ стеченіи народа, крестилъ въ Сиргенѣ подъ открытымъ небомъ 60 человекъ. Впослѣдствіи онъ совершалъ крещенія открыто и днемъ.

По сообщенію мѣстнаго пастора, въ 1864 г. въ Газаускомъ приходѣ было до 20 некрещенныхъ дѣтей и нѣсколько паръ повѣнчанныхъ по баптистскому обряду. Въ другихъ мѣстахъ Курляндіи баптисты тоже имѣли успѣхъ.

Немецъ, высланный изъ Либавы, не захотѣлъ оставить безъ борьбы новое поле дѣятельности. Онъ послѣдовательно, но безуспѣшно, обращался во всѣ инстанціи съ просьбой о разрѣшеніи ему пастырскихъ посѣщеній баптистовъ, проживающихъ въ Курляндіи и принадлежащихъ къ Мемельской общинѣ. Въ прошеніи, направленномъ въ генеральную консисторію, Немецъ, между прочимъ, заявлялъ, что цѣлю своихъ поѣздокъ по Курляндіи онъ полагаетъ „не только

пастырское попеченіе о проживающихъ тамъ баптистахъ, но считаетъ также своимъ долгомъ возвѣщать Слово Божіе невѣрующимъ и невозрожденнымъ людямъ, почему и просить позволенія открыто проповѣдывать“¹⁾). На гамбургской генеральной конференціи 1863 года была составлена петиція на имя Государя Императора о дарованіи свободы вѣроисповѣданія баптистамъ, проживающимъ въ Россіи. Въ 1864 году Онкенъ съ мемельскимъ пресвитеромъ Нимецомъ пріѣзжали въ Петербургъ хлопотать о томъ же. Но всѣ эти попытки не имѣли успѣха.

Тѣмъ не менѣе положеніе баптистовъ было стѣснено только въ первое время ихъ пропаганды въ Курляндіи. Просьбы магистратовъ, пасторовъ и консисторій объ обузданіи баптистской пропаганды вызвали временное распоряженіе правительства о баптистахъ 1861 г. Этимъ распоряженіемъ, между прочимъ, возлагалась на полицію обязанность слѣдить, чтобы баптисты не держали тайныхъ собраній. Временное мѣропріятіе 1861 г., проводимое въ жизнь чрезъ посредство мѣстныхъ магистратовъ и зависимой отъ нихъ полиціи, значительно стѣснило пропаганду и отчасти вызвало какъ петицію баптистской конференціи 1863 г., такъ и поѣздку Онкена въ 1864 г. Но вскорѣ дѣятельность магистратовъ, полиціи и пасторовъ была стѣснена. Прибалтійскій генераль-губернаторъ, узнавши, что баптисты за исполненіе своихъ обрядовъ и уклоненіе отъ лютеранскаго богослуженія наказываются мѣстной полиціей арестомъ отъ 8 до 14 дней, усмотрѣлъ въ этомъ неумѣстное преслѣдованіе и издалъ въ 1865 году приказъ, чтобы всѣ дѣла о нарушеніи баптистами узаконеній представлялись на усмотрѣніе генераль-губернатора, отъ котораго зависѣло давать имъ движеніе или прекращать.

При снисходительности администраціи и правительства баптизмъ сталъ быстро распространяться. Въ 1872 г. только одинъ Зельбургскій діоцезъ²⁾ былъ свободенъ отъ баптистовъ³⁾. Въ 1877 году въ Ригѣ былъ открытъ молитвенный домъ на 1400 человекъ⁴⁾. Бернайке, миссіонеръ прусскаго округа, посѣтившій въ 1878 г. Ригу, былъ обрадованъ цвѣ-

1) Pank. 242.

2) Діоцезъ соответствуетъ нашему благочинническому округу.

3) Pank. 250.

4) Missionsblatt getaufter Christen 1878. 85—86. 127—128.

тущимъ состояніемъ нѣмецкой баптистской общины ¹⁾. Въ 1879 г. въ Курляндіи и Лифляндіи дѣйствовало 27 проповѣдниковъ и миссіонеровъ, обращено въ баптизмъ 358 чело-вѣкъ, всѣхъ баптистовъ было 3221, въ распоряженіи кото-рыхъ находилось 45 молитвенныхъ домовъ, 65 воскресныхъ школъ, на нужды миссіи было собрано 9.947 р. ²⁾.

Баптистскія общины прибалтійскаго края первоначально принадлежали къ прусскому округу германскаго союза баптистовъ ³⁾. Когда число общинъ значительно увеличилось, онѣ выдѣлились въ особый балтійскій округъ того же союза. Окружныя конференціи балтійскаго округа происходили большею частію въ Виндавѣ ⁴⁾. Союзная касса оказывала матеріальное содѣйствіе усиленію пропаганды въ новомъ округѣ и собирала для этой цѣли пожертвованія. Сюда привлекалась помощь не только изъ Германіи, но также изъ Америки и Англіи; такъ, пресвитеры Геррманъ и Румбергъ чрезъ Missionsblatt обращались съ просьбой о новыхъ пожертвованіяхъ и съ благодарностію за сдѣланныя къ братьямъ Германіи и Швейцаріи ⁵⁾. Бернайке отъ имени рижской общины просилъ помощи у баптистовъ Германіи, Англіи и Америки ⁶⁾. Миссіонеры прусскаго округа во время своихъ поѣздокъ заѣзжали и въ Курляндію. Постоянные дѣятели баптизма въ Курляндіи въ большинствѣ были уроженцы Германіи и воспитанники гамбургской баптистской семинаріи.

2. Почти одновременно съ Курляндіей обнаружился баптизмъ въ нѣмецкихъ поселеніяхъ Польши. Здѣсь на границахъ съ Германіей издавна поселилось много нѣмцевъ. Близость Пруссіи способствовала занесенію сюда баптистской пропаганды. Въ 60-хъ годахъ между нѣмцами въ Польшѣ началось религіозное броженіе; оно готово было потухнуть, какъ явился изъ Гамбурга баптистъ Ассманъ и началъ проповѣдывать объ упадкѣ Церкви, безнравственной жизни ду-

¹⁾ Mittheilungen u. Nachrichten für die Evang. Luther. K. in Russland. 1880. 473. Изъ Missionsblatt.

²⁾ Mittheilungen u. Nachrichten. 1880. 474. Изъ Wahrheitszeuge.

³⁾ Missionsblatt 1878. 125.

⁴⁾ ibidem 85.

⁵⁾ Missionsblatt 1878. 128.

⁶⁾ Mittheilungen u. Nachrichten. 1880. 473.

ховенства и т. п. Ревностнымъ помощникомъ Ассмана сдѣлался бывший учитель Альфъ, уволенный отъ должности за увлеченіе мистицизмомъ. Альфъ отправился въ Гамбургъ; по приготовленіи въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ получилъ посвященіе во пресвитера и возвратился въ Польшу, гдѣ нашелъ себѣ усерднаго помощника въ другомъ учителѣ—Кельмѣ. Пропагандисты пользовались успѣхомъ, что обратило вниманіе лютеранскаго духовенства и вызвало стѣсненія со стороны администраціи. Многие баптисты, вслѣдствіе стѣсненій, подѣ руководствомъ Кельма переселились на Волынь; но Альфъ остался на мѣстѣ и, несмотря на преслѣдованія, продолжалъ пропаганду, за что не одинъ разъ платился тюремнымъ заключеніемъ, какъ самъ онъ заявлялъ на гамбургской конференціи 1867 г. ¹⁾. Ему помогали миссіонеры изъ Германіи. Смягченіе въ отношеніи администраціи и ревность пропагандистовъ привели къ тому, что въ предѣлахъ Польши образовался особый польскій округъ германскаго союза баптистовъ. Первоначально баптистскія общины, вошедшія въ составъ этого округа, примыкали къ прусскому округу нѣмецкаго союза.

3. Баптисты, переселившіеся подѣ руководствомъ Кельма на Волынь, развили здѣсь въ большихъ размѣрахъ миссіонерскую дѣятельность. До 15 миссіонеровъ, говоритъ Бушъ, дѣйствовало между лютеранами, не давая имъ покоя ни днемъ, ни ночью. Въ короткій срокъ перекрестилось 200 чело-вѣкъ по преимуществу изъ польскихъ эмигрантовъ. Во время польскаго возстанія (1861—1863 г.) движеніе нѣмцевъ изъ Польши на Волынь и въ Бессарабію усилилось; среди нихъ было много баптистовъ. Кромѣ Польши, Пруссія высылала на Волынь своихъ баптистовъ въ качествѣ колони-стовъ и въ качествѣ миссіонеровъ. Благодаря этому баптизмъ прочно укоренился на Волыни и въ Бессарабіи; онъ нашелъ здѣсь воспріимчивую почву, подготовленную постояннымъ религіознымъ броженіемъ. Въ 1867 году число бапти-стовъ на Волыни, по сообщенію Буша, простиралось уже до 3000 чело-вѣкъ ²⁾.

¹⁾ Mittheilungen u. Nachrichten für die Evang. Luther. Kirche in Russland. 1868 37.

²⁾ Busch. „Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik der Kirchen und Schulwesens der Ev. Luth. Gemeinden in Russland“. St. Petersburg. 1867. 201—203.

4. Братства крестьящихся по вѣрѣ меннонитовъ Екатеринославской и Таврической губерній и баптистскія общины Волыни и Бессарабіи выдѣлили изъ своей среды дѣятельныхъ пропагандистовъ, которые при содѣйствіи заграничныхъ миссіонеровъ разнесли баптизмъ по всѣмъ колоніямъ Россіи. Ихъ усиліями въ самомъ скоромъ времени образовались свои центры баптизма въ Новороссіи.

Въ 1864 г. новоменнониты Іоганнъ Вилеръ (хортицк. окр.) и Беккеръ (молочанск. окр.) явились въ колонію Новый Данцигъ Херсонскаго уѣзда. Здѣсь они устраивали въ частныхъ домахъ собранія и проповѣдывали о необходимости крещенія въ зрѣломъ возрастѣ. 5-го мая они крестили въ рѣкѣ Ингулѣ 11 новоданцигскихъ колонистовъ, въ числѣ которыхъ были лютеране, реформаты и католики. Новокрещенные избрали себѣ пресвитеромъ Энгеля, который, получивши посвященіе, уже самъ совершалъ крещеніе надъ присоединяющимися. Послѣдователи баптизма обнаружались въ кол. Альтъ-Швецендорфъ и въ кол. Добрая близъ Н. Данцига¹⁾.

Однако успѣхъ пропаганды былъ скоро приостановленъ. Новоданцигскіе колонисты составили приговоръ, которымъ признали секту вредной для семейнаго и общественнаго благополучія, и обратились съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ для прекращенія пропаганды и о выселеніи всѣхъ присоединившихся къ сектѣ колонистовъ. Такая мѣра не нашла поддержки въ администраціи края. Новороссійскій генераль-губернаторъ, по сношеніи съ высшимъ правительствомъ, рѣшилъ удалить только главныхъ пропагандистовъ и руководителей секты. Было выслано за границу 5 человекъ. На мѣсто изгнанныхъ выступили новые пропагандисты—и прозелитизмъ продолжался. Колонисты обратились съ вторичнымъ прошеніемъ о высылкѣ всѣхъ сектантовъ. Опять рѣшено было въ 1865 г. выслать только 8 человекъ, арестованныхъ за распространеніе секты²⁾. Двое изъ ранѣе высланныхъ въ концѣ 1864 г. вернулись обратно съ турецкими паспортами; за самовольное возвращеніе и пропаганду они присуждены были къ ссылкѣ въ Сибирь. Какъ пред-

¹⁾ Busch. 259.

²⁾ Дородницынъ. «Нѣмецкіе миссіонеры необаптизма». Чт. въ Общ. люб. дух. проsv. 1893 г. Мартъ. 332.

назначенные къ высылкѣ за границу, такъ и присужденные къ ссылкѣ, отреклись отъ баптизма и были помилованы подъ условіемъ надзора за ними со стороны общества. Отречение было, конечно, притворное и вызывалось желаніемъ остаться на старомъ мѣстѣ. Но условія жизни подъ строгимъ надзоромъ не расположеннаго къ сектантамъ колонистскаго общества были настолько тяжелы, что въ томъ же 1865 г. 10 семействъ изъ Новаго Данцига испросили увольненіе изъ русскаго подданства и переселились въ Турцію, гдѣ около Добруджи (теперь въ Румыніи) основали колонию Каталуй.

Баптистская закваска все-таки осталась въ Новомъ Данцигѣ. Баптисты продолжали пропаганду сначала тайно, а потомъ открыто при содѣйствіи миссіонеровъ, являвшихся изъ-за границы, какъ сообщалъ въ 1869 г. генераль-губернатору смотритель колоній. Чтобы менѣе стѣснялъ надзоръ колонистскаго общества, сектанты выселились изъ Новаго Данцига въ особый хуторъ Штейнгутъ ¹⁾.

Въ колоніи Новый Данцигъ баптизмъ встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе и преслѣдованіе, но все-таки не сложилъ своего оружія; по этому можно судить объ интенсивности баптистской пропаганды. Сильное противодействіе баптизму въ Новомъ Данцигѣ со стороны колонистскаго общества и администраціи, кажется, вызвано отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что миссіонерами баптизма выступили здѣсь бывшіе вожаки прыгуновъ, можетъ быть, еще не вполне отрѣшившіеся отъ всѣхъ особенностей прыгунства.

Большій успѣхъ имѣлъ баптизмъ въ кол. Старый Данцигъ Елизаветградскаго уѣзда, Херсонской губ. Эта колонія сдѣлалась центромъ баптистской пропаганды, излюбленнымъ мѣстомъ заграничныхъ миссіонеровъ баптизма въ Россіи. Первымъ послѣдователемъ баптизма и миссіонеромъ здѣсь выступилъ мѣстный шульць (староста) Ефремъ Прицкау, у котораго уже въ 1862 г. были послѣдователи. Въ 1864 г. пропаганда велась открыто; молитвенныя собранія происходили въ домѣ Прицкау, гдѣ проповѣдывали также странствующие миссіонеры ²⁾. Ефрему Прицкау помогали въ про-

¹⁾ Дородницынъ. «Нѣмецкіе миссіонеры необаптизма». Чт. въ Общ. люб. дух. проsv. 1893 г. Мартъ. 332, 334—335.

²⁾ Odessauer Zeitung. 1868. №144.

пагандѣ сынъ его Іоганнъ, который для большаго усовершенствованія въ семъ дѣлѣ отправленъ былъ отцомъ въ гамбургскую баптистскую семинарію. По возвращеніи изъ Гамбурга Іоганнъ Прицкау былъ избранъ сначала учителемъ, потомъ пресвитеромъ староданцигской баптистской общины и началъ свою миссіонерскую дѣятельность какъ въ своей, такъ и въ другихъ колоніяхъ южной Россіи ¹⁾.

Оппозиція баптистамъ со стороны колонистскаго общества была оказана самая слабая, и та въ скоромъ времени была совершенно парализована: въ 1867 г. въ волостномъ правленіи колоніи Ст. Данцигъ получили предписаніе смотрителя колоній, чтобы послѣдователи баптизма не подвергались изсязаніямъ и преслѣдованіямъ ²⁾. Предписаніе истолковано было въ смыслѣ совершеннаго признанія и разрѣшенія пропаганды. Въ Старомъ Данцигѣ баптисты скоро составили большинство. Пользуясь своимъ перевѣсомъ, они завладѣли домомъ, выстроеннымъ для лютеранской школы, и устраивали въ немъ собранія ³⁾.

Колоніи Новый Данцигъ и Старый Данцигъ, по условіямъ проникновенія и внѣдренія баптизма, являются типичными для другихъ колоній.

Въ южной части Херсонской губерніи, въ уѣздахъ Одескомъ и Николаевскомъ, баптизмъ привился прежде всего въ кол. Рорбахъ, Вормсъ, Ландау и др. Къ концу 60-хъ годовъ почти во всѣхъ колоніяхъ Херсонской губ. посѣяны были сѣмена новой секты. Въ Екатеринославской и Таврической губ. продолжало развиваться новоменнонитство, захватывая въ своемъ движеніи лютеранъ, реформатовъ и католиковъ. Въ Волынской губ. и Бессарабіи распространялся баптизмъ. Секта проникла въ колоніи на Кавказъ и на Волгу. Въ Гамбургъ отовсюду приходили радостныя извѣстія и, вотъ, глава континентальнаго баптизма Іоганнъ Гергардъ Онкенъ самъ отправляется въ миссіонерскую поѣздку по югу Россіи, чтобы укрѣпить удачно начатое дѣло.

¹⁾ Дородницынъ. «Нѣмецкіе миссіонеры необаптизма». Чт. въ Общ. люб. д. пр. 1893 г. Мартъ. 347—348.

²⁾ Дородницынъ. «Свѣтская администрація въ борьбѣ со штундой». Чт. въ Общ. люб. д. пр. 1893 г. Іюль—Августъ. 409.

³⁾ «Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югъ Россіи». Кіевская Старина. 1884 Октябрь. 314.

Онкенъ прибылъ въ Россію въ концѣ августа 1869 года. 16-го сентября онъ былъ въ Старомъ Данцигѣ, проповѣдывалъ и крестилъ нѣмцевъ, за что былъ арестованъ полиціей, но скоро получилъ свободу и уже потомъ безпрепятственно совершалъ свои миссіонерскія поѣздки. Въ сопровожденіи Прицау Онкенъ отправился въ Екатеринославскую губ., оттуда обратно въ Херсонскую и потомъ въ Таврическую къ молочанскимъ меннонитамъ ¹⁾. Онъ посѣтилъ всѣ болѣе или менѣе выдающіяся мѣста баптистской пропаганды; былъ, между прочимъ, въ Одессѣ, гдѣ только что зарождалась баптистская община.

Главная цѣль Онкена заключалась, конечно, въ томъ, чтобы объединить, направить и усилить мѣстную пропаганду, согласить и примирить дѣятельность миссіонеровъ новоменнонитовъ и собственно баптистовъ, между которыми были нѣкоторыя разности. Къ поѣздкѣ Онкена нужно отнести образованіе соединеннаго крестьянскаго по вѣрѣ меннонитскаго братства ²⁾, ради чего онъ и былъ въ меннонитскихъ колоніяхъ хортицкаго и молочанскаго округовъ. Подъ его же, по всей вѣроятности, руководствомъ сформировался русско-турецкій округъ нѣмецкаго баптистскаго союза, какъ мѣстный центръ организованной пропаганды. Поѣздка Онкена оказала сильное содѣйствіе успѣху баптизма въ Россіи. Впечатлѣніе, произведенное имъ, долго не могло изгладиться. Августъ Либигъ въ 1876 г. писалъ ему изъ Одессы, что всѣ баптисты юга Россіи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его вторичнаго посѣщенія ³⁾.

Свящ. К. Велтистовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Дородницынъ. «Миссіонеры необаптизма». Ч. въ Общ. люб. д. пр. 1893. Мартъ. 348—351. Дородницынъ говоритъ объ Іоганнѣ Гергардѣ, котораго отличаетъ отъ Онкена; но это раздвоеніе одной личности. Авторъ «Матеріаловъ для ист. и распр. шт.» подъ тѣмъ же годомъ сообщаетъ о пріѣздѣ Онкена. Ср. Missionsblatt 1877. 14.

²⁾ Екатериносл. Епарх. Вѣд. 1888 № 199.

³⁾ Missionsblatt. 1877, 14.

**Англійскій писатель R. E. C. Long о графѣ Л. Н. Толстомъ,
какъ мыслитель и дѣятель ¹⁾.**

Толстой, какъ примѣръ. Вопросъ о томъ, насколько буквально графъ Толстой прилагаетъ свои принципы на дѣлѣ, подвергается частымъ обсужденіямъ, особенно въ Россіи, среди тѣхъ, кто не знаетъ его лично. Благодаря недостатку гласности и затруднительности свободнаго обсуждения, въ умахъ образованныхъ русскихъ людей по отношенію къ своему славному соотечественнику господствуетъ полная неопредѣленность. Однажды, не задолго до перваго свиданія моего съ Толстымъ, мнѣ пришлось присутствовать при спорѣ двухъ студентовъ. Какъ обыкновенно, оба студента считали себя уже зрѣлыми политическими мыслителями, при чемъ одинъ былъ славянофиломъ и реакціонеромъ, другой (сынъ мелкаго купца) фанатическимъ пропагандистомъ всѣхъ новыхъ доктринъ, начиная съ марксизма и кончая толстовствомъ. Ни тотъ, ни другой не знали о жизни Толстого рѣшительно ничего, и оба пускались на изумительныя басни, столь обычныя въ Россіи.

„Это величайшее лицемеріе“, сказала славянофиль. „Разъ человѣкъ, проповѣдуя бѣдность, самъ однако живетъ въ роскоши и держитъ два дворца на тѣ миллионы, которые получаетъ за свои романы, то онъ бы лучше—“.

„То ему бы лучше молчать“,—прервалъ радикаль. „Такъ бы слѣдовало поступать вашему дядѣ, епископу, который тоже проповѣдуетъ бѣдность. Но Л. Н. вовсе не живетъ въ роскоши“.—И студентъ продолжалъ, мѣшая былъ съ небылицами. Его противникъ противопоставлялъ Толстому о. Іоанна Кронштадтскаго, продолжая упрекать Толстого за его «два дворца» и за проповѣдь общности имущества.

Такія воззрѣнія — весьма распространены въ извѣстномъ классѣ русскаго общества, гдѣ полагаютъ, что разъ Толстой не ходитъ голымъ и не умираетъ съ голоду,—что было бы логическимъ приложеніемъ край-

---

¹⁾ См. Февр. кн., стр. 255—264.

няго христіанства, то онъ, слѣдовательно, является пропагандистомъ такихъ правилъ поведенія, соблюденіе которыхъ, какъ онъ знаетъ самъ, совершенно невозможно. Но отвѣтъ на вопросъ, насколько Толстой прилагаетъ къ своей ежедневной жизни проповѣдуемые имъ принципы, въ дѣйствительности очень простъ. Та двойственность умственнаго багажа Толстого, которая прежде всего бросается въ немъ въ глаза постороннему человѣку, здѣсь служить ему хорошую службу, освобождая его отъ необходимости вступать въ сдѣлки съ совѣстью. Ибо если, въ качествѣ проповѣдника нравственности, онъ исповѣдуетъ доктрины, которыя, при настоящемъ положеніи вещей, невозможно примѣнять, оставаясь въ то же время дѣятелемъ и реформаторомъ, то, какъ человѣкъ дѣловой, онъ сразу видитъ тѣ ограниченія, которыя должны быть примѣнены къ его доктринамъ. Онъ довольствуется примѣненіемъ своихъ отвлеченныхъ правилъ жизни постольку, поскольку это совмѣстно съ высшею степенью дѣятельности, которая ему доступна. Онъ видитъ, что соблюдая свое ученіе буквально, онъ, быть можетъ, достигъ бы идеала «спасенія своей души», но цѣна его, какъ творящей добро силы, свелась бы къ нулю. И онъ предпочитаетъ, рискуя гибелью своей души, лучше входить въ соглашеніе съ дѣйствительностью, чѣмъ упускать тѣ спеціальныя счастливыя «возможности», которымъ онъ обязанъ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Отсюда-то мы и видимъ, что онъ, отрицая всякое правительство, тѣмъ не менѣе одобряетъ или осуждаетъ, сообразно ихъ индивидуальнымъ достоинствамъ, отдѣльныя дѣйствія правительства; отказываясь платить налоги, онъ позволяетъ платить ихъ за него своимъ близкимъ; осуждая промышленность, онъ помогаетъ и сочувствуетъ индустриальнымъ рабочимъ; отрицаетъ право собственности и, однако, беретъ деньги за свои труды, если полагаетъ, что сумѣетъ распорядиться этими деньгами цѣлесообразнѣе другихъ (такъ было съ «Воскресеніемъ», проланнымъ для помощи духоборцамъ). Такъ наз. ученіе Толстого всегда умѣряется потребностями текущей жизни. Отвлеченныя правила жизни соблюдаются имъ точно, пока только они не ограничиваютъ его дѣятельности, направленной къ непосредственному добру.

Такъ, Толстой, какъ практической дѣятель, всегда готовъ

выступить въ качествѣ посредника между крестьянами окружающихъ его сель и мѣстными властями, хотя, какъ мыслитель, онъ начисто отрицаетъ право первыхъ на противленіе, а у вторыхъ—даже на существованіе. И дѣйствительно, корень его доктрины «не противься злему» остается у него не болѣе, какъ нравственною отвѣтственностью.

Жгучее осужденіе несправедливости едвали можетъ считаться проявленіемъ идеи непротивленія злему. Но Толстой щедръ на горькія осужденія; и въ то самое время, какъ провозглашаетъ категорически, что противленіе никогда не можетъ быть оправдано, самъ же первый выражаетъ тѣмъ свое сочувствіе всякому справедливому возмущенію. Совершенно вѣрно, что въ своихъ напечатанныхъ статьяхъ и обнародованныхъ письмахъ онъ рѣдко выражаетъ такія настроенія. Но эти письма и статьи посвящены *отвлеченному* изложенію причинъ политическихъ и общественныхъ золъ и неурядицъ. Въ частныхъ же разговорахъ, разсматривая тѣ же вопросы съ практической точки зрѣнія, онъ судить о нихъ въ свѣтѣ ихъ непосредственныхъ достоинствъ—добрыхъ и злыхъ. Такъ, если вы спросите мнѣніе Толстого о какой-либо отдѣльной войнѣ, онъ не колеблясь выскажетъ свое мнѣніе о томъ, на чьей сторонѣ правое дѣло, и даже выразитъ нравственное удовлетвореніе отъ успѣховъ правой стороны. Но спросите его черезъ 10 минутъ, существуютъ ли исключенія изъ правила: „не противься злему“,—и онъ безъ колебаній отвѣтитъ: „нѣтъ“.

Способность къ компромиссу въ приложеніи крайнихъ мнѣній—рѣдчайшее изъ всѣхъ качествъ дѣйствительно убѣжденныхъ социальныхъ реформаторовъ—замѣчательнымъ образомъ проявляется въ семейной жизни Толстого. Совершенно вѣрно то, что графъ Толстой живетъ если не во дворцахъ, то во всякомъ случаѣ въ домахъ, которые безспорно лучше девяносто девяти изъ сотни домовъ его соотечественниковъ. Не менѣе вѣрно и то, что какъ ни примитивно его одѣяніе, однако, оно удовлетворяетъ своему назначенію, чего нельзя сказать объ одеждѣ большинства русскихъ крестьянъ. Пища его, хотя и проста, но разумѣется лучше и гораздо регулярнѣе, чѣмъ у нихъ. Черный кофе нельзя считать предметомъ первой необходимости, точно также и велосипедъ, однако я видѣлъ, что графъ пилъ послѣ

обѣда кофе и въ предмѣстьяхъ Москвы ѣздила на велосипедѣ и верхомъ на конѣ безъ всякихъ угрызений совѣсти.

Фактъ тотъ, что Толстой, не отступая отъ своихъ убѣжденій, давно уже пережилъ первый пылъ реформаторскихъ увлеченій. „Оставь все и слѣдуй за мной“—доктрина неудобовыполнимая и во всякомъ случаѣ несовмѣстимая съ наивысшимъ извлеченіемъ пользы изъ своихъ силъ. Даже Шелли, бывшій величайшимъ воплощеніемъ бѣлокалильнаго пропагандизма, какое только было порождено минувшимъ столѣтіемъ,—и тотъ иногда ѣлъ мясо и былъ женатъ дважды. И Толстой всегда готовъ пожертвовать золотникомъ самоусовершенствованія ради фунта практическаго добра. У него нѣтъ того себялюбія, которое побуждаетъ стремиться къ безусловному осуществленію своихъ ученій. Толстой хорошо понимаетъ, что та или иная уступка условностямъ—является дешевой платой за то уваженіе и помощь, которыя оказываютъ ему въ семьѣ, и за обладаніе средствами совершенствовать свои работы. Его позиція, б. м., не логична, но въ борьбѣ между логикой и пользой логика всегда проигрывала. И вотъ, лѣто онъ проводитъ въ имѣніи, занимаясь пашней, косью и жатвой, помогая убирать хлѣбъ какой-нибудь вдовѣ, вступаясь за бѣдняковъ предъ сборщиками податей и подавая крестьянамъ совѣты, какъ лучше вести хозяйство. При этомъ то обстоятельство, что онъ живетъ во „дворцѣ“, нисколько не беспокоитъ его совѣсти. И зимою, живя въ Москвѣ, онъ не считаетъ своей непремѣнной обязанностью отгребать снѣгъ отъ фасада своего дома. Онъ знаетъ, что и для Евангелія, и для распространенія его лучше отдавать свое время перу, и что если его здоровье требуетъ упражненія или отдыха, то не грѣхъ владѣть для этого велосипедомъ или верховою лошадью, хотя для большинства человечества это недоступная роскошь.

Здѣсь будетъ, кажется, кстати привести выдержку изъ книги о Толстомъ Э. Моде, могущую бросить нѣкоторый свѣтъ на обсуждаемую двойственность Толстого.

«Благодаря такъ называемымъ «Толстовскимъ колоніямъ», въ которыхъ поселялись лица, стремящіяся упростить свою жизнь и возвратиться къ землѣ, распространено мнѣніе, что Толстой поощряетъ подобнаго рода опыты. Приводимыя ниже строки изъ письма Толстого, написаннаго въ мартѣ 1896 г.

небольшой группѣ лицъ, жившихъ въ Кройдонѣ, называвшихъ себя «Братской церковью» и собиравшихся основать колонію въ Пурлеѣ, въ Эссексѣ, могутъ исправить это мнѣніе.

«Прошлой ночью я видѣлъ во снѣ, что былъ въ Кройдонѣ у васъ и познакомился со всѣми вашими друзьями, съ г. Бекеромъ и нѣкоторыми дамами, и мы имѣли съ ними большой разговоръ на тему, которая всегда близка моему сердцу, т. е. всѣ мы должны направить всю нашу силу *не на нашу внѣшнюю обстановку* (во снѣ я видѣлъ, что вы живете въ коммунѣ въ одномъ большомъ домѣ), *но на внутреннюю жизнь*».

Четыре мѣсяца спустя онъ писалъ опять.

«Я думаю, что значительная часть всего зла міра обязана нашему желанію видѣть *осуществленіе* того, къ чему мы стремимся, *но къ чему еще не вполне готовы*, благодаря чему жизнь наша становится лишь подобіемъ, видимостью того, что должно быть... Мы созданы такъ, что не можемъ достигнуть совершенства ни по одиночкѣ, ни группами, но—по самой природѣ дѣла—только всѣ вмѣстѣ».

Все это характерно не только для графа Толстого, но для русскихъ вообще. Русскій съ великой поспѣшностью устремляется приводить въ дѣйствіе всякую свою мысль (обстоятельство, благодаря которому революціонеры-теоретики опасѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было), и въ то же самое время онъ меньше всего можетъ быть признанъ поклонникомъ абсолютныхъ идеаловъ какъ въ области мысли, такъ и въ области дѣйствія. Такъ оно въ литературѣ, такъ и въ самой русской жизни. Лучшіе русскіе романы отличаются отъ романовъ европейскихъ полнымъ отсутствіемъ въ обрисовкѣ человѣческихъ характеровъ абсолютныхъ типовъ добра или зла, красоты или безобразія. Во всѣхъ произведеніяхъ Толстого и Тургенева нѣтъ ни единого характера, олицетворяющаго собою какое-нибудь абсолютное качество, хорошее или дурное. Фанатикъ или человѣкъ, охваченный какой-либо *idée fixe*, неизмѣнно приходитъ у нихъ къ дурному концу. Разумный компромиссъ между идеями и фактами является существеннымъ условіемъ всякаго плодотворнаго труда. Эта особенность русскихъ идей замѣчательно иллюстрируется въ извѣстномъ романѣ Тургенева «Новь».

Герой ея, Неждановъ, человѣкъ съ *idée fixe*, терпитъ полную неудачу въ попыткѣ приложить свои идеи къ жизни. И тѣ же самыя идеи, лишь не доведенныя до краснотельной температуры и потому болѣе легко приложимыя къ существующимъ условіямъ, торжествуютъ въ рукахъ практическаго Соломина. По рассказамъ, одной изъ любимыхъ книгъ Толстого является извѣстный трудъ Морлея «О компромиссѣ». Это весьма вѣроятно. Самая жизнь Толстого является удивительнымъ примѣромъ приложенія крайнихъ идей къ дѣйствию. Онъ придерживается буквальныхъ предписаній христіанства столь точно, сколько это возможно для человѣка, который вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнитъ и практическое добро.

Но въ столкновеніяхъ между его идеями и непосредственными нуждами окружающаго міра, побѣду одерживаетъ всегда практическая сторона его характера.

* * *

Графъ Толстой и русскіе люди. Каковы дѣйствительныя отношенія къ Толстому народа, которому онъ служить и который идеализируетъ? Каковы взгляды народа на Толстого, какъ на общественную силу?

Мы знаемъ, что правящіе классы не довѣряютъ и боятся его, и что образованные русскіе, относясь къ Толстому съ восхищеніемъ, какъ къ художнику, осмѣиваютъ его, какъ моралиста и политическаго философа. Самъ же Толстой выше всего ставитъ именно свое нравственное учительство; художественныя же произведенія свои онъ считаетъ въ лучшемъ случаѣ лишь орудіемъ и притомъ, какъ онъ неоднократно заявлялъ, негоднымъ орудіемъ.

Итакъ—правящіе классы не довѣряютъ Толстому; интеллигенція, уважая его за нравственное мужество и смѣлое заступничество за слабого, на толстовское апостольство смотритъ съ полнымъ пренебреженіемъ.

Какъ же относится къ Толстому та непоколебимая скала, на которую опирается Россія, — народъ? Но народъ безмолвенъ, и надо глубокое знаніе русской жизни, чтобы дать на этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ.

Толстой самъ говорилъ, что многіе изъ окрестныхъ крестьянъ смотрятъ на него, только какъ на рогъ изобилія:

и заступника во время какой-нибудь бѣды. Какъ русскіе мужики смотрятъ на непрошенныхъ благодѣтелей, Толстой показалъ въ «Воскресеніи», гдѣ князю Нехлюдову никакъ не удается убѣдить ихъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ; извѣстенъ также фактъ, что когда во время уничтоженія крѣпостного права просвѣщенные и доброжелательные помѣщики хотѣли дать освобождаемымъ щедрые надѣлы, то крестьяне уклонялись отъ этого, подозрѣвая какую-нибудь ловушку. Мужичья недовѣрчивость, оставшаяся по наслѣдству отъ временъ рабства, сильна между русскими и теперь.

Въ то же время крестьяне чрезвычайно отзывчивы на доброе обращеніе съ ними, если только они убѣждены, что оно безкорыстно. Но ему нужно прежде убѣдиться въ этомъ, и Толстой не избѣгъ судьбы, предуготовленной его предками.

Какъ смотрятъ крестьяне на Толстого въ его роли реформатора и проповѣдника? — «Я прилагалъ не мало стараній для разрѣшенія этого вопроса. Самый одобрительный отзывъ, который мнѣ пришлось услышать отъ мужика о Толстомъ, заключался въ короткой фразѣ: «онъ хорошій баринъ». Этотъ крестьянинъ читалъ «Войну и миръ» и небольшую брошюру Толстого о трезвости. У большинства же мужиковъ я встрѣчалъ замѣчательное единодушіе въ опасливой подозрительности. Нѣкоторые ожидали его, какъ безбожника, другіе рассказывали самыя нелѣпныя басни объ отношеніяхъ его къ правительству; такъ одинъ хладнокровно сообщилъ мнѣ, что графъ состоитъ у властей на жалованьѣ за то, что заохочиваетъ народъ къ военной службѣ. Говоря кратко, народныя массы знаютъ только объ имени Толстого и еще о томъ, что онъ носитъ крестьянскую одежду.

А духоворческія волненія, такъ печально окончившіяся, подъ чьимъ вліяніемъ возникли? А возникновеніе и успѣшное развитіе секты толстовцевъ среди крестьянъ Харьковской и другихъ губерній не говоритъ ли о довольно сильномъ вліяніи Толстого на народъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что такому отсутствію *сильнаго вліянія*, съ одной стороны, и громкой славѣ за границей, съ другой, и слѣдуетъ приписать ту снисходительность, съ которою русское правительство относится къ Толстому. Какъ

Философъ, Толстой безъ сомнѣнія имѣетъ больше послѣдователей въ любомъ самомъ незначительномъ государствѣ Европы, чѣмъ въ своей великой родинѣ. Поэтому правительству нечего опасаться какихъ—либо практическихъ осложненій со стороны „толстовства“. Единственной, приложимой къ текущей дѣйствительности, частью ученія Толстого является его антимилитаризмъ. Но антимилитаризмъ русскаго сектанства значительно болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ толстовство, и слѣдовательно обязанъ своимъ зарожденіемъ не Толстому, хотя Толстой своими писаніями въ заграничной печати безспорно оказалъ имъ значительную нравственную поддержку.

За границей вліяніе Толстого безспорно возрастаетъ; почему же оно не возрастаетъ соразмѣрно тому и въ самой Россіи?

Иностранцевъ привлекають къ себѣ новизна и непримиримый, не входящій ни въ какія сдѣлки характеръ его ученія, пока оно остается въ области чистаго отвлеченія. Въ Россіи же это ученіе далеко не ново. Демократическая вѣра въ народъ на много лѣтъ старѣе Толстого. Великое русское общественное движеніе середины истекшаго столѣтія, движеніе, по отношенію къ которому Толстой является лишь наслѣдникомъ, породило множество образованныхъ мужчинъ и женщинъ, которые пробовали на время достигнуть того, что Толстой сдѣлалъ навсегда,—а именно опрощенія. Эти люди такъ же, какъ и Толстой, были убѣждены, что только при условіи такого опрощенія они могутъ слиться съ народомъ, и что, только раздѣляя бремя его жизни, они смогутъ поднять народъ изъ праха. Тургеневъ, бытописатель этого движенія, показываетъ намъ, какъ это движеніе кончилось разочарованіемъ и разбитыми иллюзіями. Этотъ порывъ былъ слишкомъ пылокъ, чтобы его хватило надолго, и слишкомъ мало согласовался съ дѣйствительностью, чтобы имѣть успѣхъ хотя бы на время. Мечтатель Тургенева, не умѣвшій найти съ народомъ иной общей почвы, кромѣ совмѣстнаго съ нимъ отравленія себя кабацкой сивухой,—типъ извѣстный и весьма характеристичный. Даже практичный Базаровъ, не допускавшій ни мечтаній, ни идеаловъ, находилъ, что мужики не въ состояніи понимать его языка. Послѣдователи Тургеневскихъ героевъ въ дѣйствительной жизни имѣли

не болѣе успѣха. Самоубійство, Сибирь или эмиграція были удѣломъ огромнаго большинства изъ нихъ. Но первый жаръ этого преобразовательнаго движенія уже остылъ, когда Толстой попалъ, не сознавая того, подъ его вліяніе, и первый русскій, которому удалось показать, насколько осуществимо отождествленіе съ народомъ,—имѣлъ въ своемъ отечествѣ очень мало послѣдователей. За границей же, съ другой стороны, такъ называемое „толстовское ученіе“ ново, и нѣтъ въ Европѣ такой страны, гдѣ оно не находило бы себѣ большаго или меньшаго числа приверженцевъ.

Успѣхъ Толстого въ дѣлѣ опрощенія и сближенія своей жизни съ народной особенно замѣчательнъ потому, что для этого, казалось, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Онъ происходилъ изъ семьи, роскошь которой, по рассказамъ, была такъ велика, что его дѣдъ, напр., посылалъ стирать свое бѣлье въ Голландію; его воспитаніе протекало при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ; его семейныя привязанности были очень запутаны, и перемѣна въ его возрѣніяхъ начала совершаться въ тотъ моментъ, когда старый пылъ самопожертвованія былъ потушенъ разочарованіемъ. Сверхъ того, какъ человѣкъ практической, онъ всегда имѣлъ совершенно отчетливое представленіе объ условіяхъ русской жизни. Истинное объясненіе его успѣха заключается, повидимому, въ томъ, что его никогда не сбывало съ пути реформаторское рвеніе.

Въ качествѣ образца и учителя онъ избралъ себѣ крестьянина Сютяева, и смотритъ онъ на крестьянскую жизнь не какъ на нѣчто такое, что нужно поднять и возвысить до собственнаго уровня,—но какъ на идеаль, уже осуществившійся въ дѣйствительности. Русскіе реформаторы смотрѣли на крестьянство, лишь какъ на очень цѣнный сырой матеріалъ, который проявитъ свою истинную цѣну лишь послѣ того, какъ пропитается революціонною моралью и революціонными политическими идеями.

Толстой же никогда не чувствовалъ расположенія къ революціи; что же касается морали, то именно въ народѣ онъ находилъ лучшіе и чистѣйшіе образцы ея. Онъ убѣжденъ, что культура не оказываетъ на нравственность возвышающаго вліянія, и вслѣдствіе этого сталъ скорѣе ученикомъ, чѣмъ учителемъ въ великой крестьянской школѣ. Здѣсь

чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ слояхъ своего народа. Онъ встрѣчалъ истинно этическую троицу: чистоту, смиреніе и любовь.

Поэтому онъ уважаетъ народъ не за то, чѣмъ онъ будетъ или можетъ быть, а за то, что онъ есть.

Ясно, что именно въ этомъ заключается отличіе Толстого отъ сотенъ другихъ русскихъ, посвящающихъ свою жизнь своему народу и приобретающихъ за то въ лучшемъ случаѣ репутацію „чудаковъ“ и добродушное презрѣніе народа, который не понимаетъ ихъ и самъ непонятенъ для нихъ.

Толстой находитъ, что народъ осуществляетъ не только его нравственное ученіе, но и эстетическія доктрины. Народная жизнь, — говоритъ онъ, — не только базисъ всякой истинной морали, но и всякаго истиннаго искусства. То, что непонятно самому немудрому изъ малыхъ сихъ, не устаютъ повторять онъ, то не истинное искусство. Искусство не требуетъ комментарій; оно заразительно по самой природѣ своей; если же нѣтъ—оно не истинное искусство. Оно — „средство общенія“, „условіе человѣческой жизни“. Замѣчаніе одного знаменитаго соотечественника его, что Тургеневскія „Записки охотника“ исчерпали всю русскую народную жизнь, вызвало въ немъ гнѣвъ, и онъ съ негодованіемъ спрашивалъ:

„Жизнь народа исчерпана?—жизнь народа съ его многообразнымъ трудомъ, опасностями на землѣ и на морѣ, отношеніями къ нанимателямъ, хозяевамъ, товарищамъ, къ людямъ иныхъ вѣръ и народностей, его странствованія и скитанія, борьба съ природой, дикими звѣрями, его отношенія къ домашнимъ животнымъ, всѣ задачи его личной и семейной жизни,—всѣ эти интересы, насквозь проникнутые религіознымъ чувствомъ... неужели все это уже исчерпано и должно дать дорогу описаніямъ того, какъ одинъ герой поцѣловалъ руку своей дамы, другой плечо, а третій еще что-нибудь,—неужели все это должно дать дорогу тому *другому* искусству, единственной задачей котораго служить лестъ тщеславію, заполненіе скуки и возбужденіе эротизма?“

Это не искусство,—говоритъ онъ.

Мы касаемся здѣсь возрѣній Толстого на искусство, потому что они находятся въ нѣкоторой координаціи съ его нравственными возрѣніями и дополняютъ ихъ. Какъ жизнь

народа, по мнѣнію Толстого, лучшая, въ принципѣ, изъ извѣстныхъ намъ формъ существованія, такъ и его искусство, а также искусство, создаваемое по его образцу,—есть лучшее изъ всѣхъ видовъ искусства. Изъ этого видно, что моральныя и эстетическія воззрѣнія Толстого взаимно неразрывны, и самая производительность Толстого какъ художника,—въ томъ смыслѣ, какъ это понимается Толстымъ,—во много разъ усиливается образомъ его жизни. Трудъ, которому онъ отдается въ полѣ и на пашнѣ, странствованія изъ деревни въ деревню, посѣщеніе ночлежныхъ домовъ и тюремъ, наставленіе крестьянъ въ имѣніи, басни и сказки, написанныя специально для народа, его популярныя изложенія научныхъ и моральныхъ вопросовъ,—все это не только составляетъ часть того, что онъ считаетъ идеальной жизнью, но и необходимую часть, такъ сказать, вооруженія и снаряженія всякаго истиннаго художника. Именно благодаря обращенію съ народомъ Толстой приобрѣлъ себѣ тотъ могущественный стиль и благодную и живительную рѣчь, которая льется потокомъ, когда она увлечется горячей бесѣдой.

Не смотря на все это, было бы невѣрно сказать, что Толстой пользуется въ какомъ-нибудь классѣ русскаго народа широкимъ влияніемъ. Невозможно, конечно, сказать, что сдѣлаетъ изъ его ученія грядущее. Въ настоящее же время массы русскаго народа слишкомъ подвержены мистическимъ эволюціямъ, чтобы испытывать какое-либо влеченіе къ рационалистическому вождю, еще облеченному въ плоть и кровь. Но нѣтъ сомнѣнія, что если народъ останется при настоящемъ уровнѣ культуры и впредь, то черезъ 50 лѣтъ онъ въ состояніи воскресить толстовство, какъ религіозный культъ, придавъ основателю его сверхъестественныя атрибуты и окруживъ имя его такими легендами и баснями, отъ которыхъ Толстой пришелъ бы въ ужасъ.

И въ то же самое время Толстой, какъ живой человѣкъ, въ своемъ непосредственномъ кругѣ пользуется несравненно большимъ значеніемъ, чѣмъ какъ пророкъ въ болѣе широкой области.

Но если Толстой не имѣетъ широкаго влиянія въ Россіи, то какова же его цѣна, какъ представителя русскихъ идей?

На это впереди всего слѣдуетъ отвѣтить, что его фило-

софія есть общечеловѣческая философія въ ея приложеніи къ жизни (хотя Толстой и находитъ, что сѣмена ея болѣе широко разсѣяны именно въ Россіи, чѣмъ въ другихъ странахъ) и еще болѣе общедоступна, чѣмъ его художественныя произведенія. Однако Толстой дѣйствительно служить правдивѣйшимъ выразителемъ русской жизни. Если онъ и не создалъ секты, но за то самъ онъ порожденъ русскимъ сектантствомъ. Въ своемъ отечествѣ Толстой не учитель, а ученикъ. И только за границей Толстой вырастаетъ въ ростъ революціоннаго апостола новыхъ нравственныхъ воззрѣній. Отношенія же его къ соотечественникамъ заключаются въ томъ, что онъ выражаетъ, обнаживъ отъ мистицизма, практическую религію, воодушевляющую огромное число русскихъ сектантовъ, каковы духоборцы, молокане, штундисты и бѣгуны. Насколько онъ правъ, объявляя, что и масса русскаго народа вообще пропитана тѣмъ же самымъ духомъ, — это другой вопросъ. И если онъ правъ въ этомъ, то все-таки остается вопросомъ, являются ли здѣсь опредѣляющимъ факторомъ племенные особенности русскаго народа, какъ полагаетъ Толстой, или просто низкій уровень культуры этой страны и ея населенія. Но и тотъ, и другой взглядъ въ равной мѣрѣ, какъ кажется, долженъ привести къ отрицанію всеобщей приложимости его ученія. Если русскій мужикъ—истинная соль земли, благодаря своей расѣ и исторіи, то какъ же быть народамъ другихъ племенъ и историческихъ условій? Если же онъ лучше другихъ только потому, что ведетъ первобытную жизнь, то какъ же быть съ будущимъ его и будущимъ болѣе передовыхъ расъ? Вѣдь Толстой не мечтатель и понимаетъ очень хорошо, что машину цивилизаціи, если угодно: „лже-цивилизаци“—не оставишь. Когда такіе вопросы ставятъ Толстому, какъ практическому дѣятелю, онъ отвѣчаетъ на нихъ, какъ академическій мыслитель, заявляя, что послѣдствія его не касаются, что они ничего не значатъ, какъ они ничего не значатъ для проповѣдника абсолютнаго воздержанія въ „Крейцеровой Сонатѣ“. Каждый долженъ поступать, какъ велитъ совѣсть. А остальное—пусть хоть пропадетъ.

„Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“—Денисова, какъ образецъ раскольничьей агіологіи.

Авторъ «Исторіи» Денисовъ начинаетъ свое писаніе съ уподобленія себя Гомеру, живописующему осаду Трои, при чемъ выражаетъ намѣреніе выполнить свой трудъ съ соблюденіемъ полной исторической достовѣрности, поскольку это возможно для него, какъ неочевидца, и безъ всякой тенденціозности (л. 2 об.). Высказавъ нѣсколько общеизвѣстныхъ замѣчаній о началѣ монастыря, объ основаніи и причинахъ возвышенія его, онъ ведетъ рѣчь о наиболее извѣстныхъ подвижникахъ соловецкихъ и въ непрерывную цѣпь ихъ постепенно вводитъ такихъ мужей, обстоятельства жизни которыхъ принижали личность церковныхъ іерарховъ (Елеазаръ, л. 5 об.), или такихъ, которые, какъ бы противустояли самой Церкви (Игнатій, л. 9). Въ Соловецкой обители, начинаетъ Денисовъ, праведники никогда не оскудѣвали, но особенно (будто бы) явили себя во дни Никона, когда вѣтры лжеученій пронизали Церковь и поколебали самые устои ея; когда чрезъ новопечатныя книги вводились въ церковную практику разныя новшества; когда сочувствующіе нововведеніямъ уловлялись всѣми неблаговидными способами; когда призракъ смерти носился надъ главами непокорныхъ (л. 10 об.). Силѣ кто могъ противиться? Такія лица, какъ епископъ Павелъ и прот. Аввакумъ составляли исключеніе. Соловецкіе монахи были благоразумны и дѣйствовали осмотрительно: они приняты книги, но лишь для того, чтобы удостовѣриться въ степени ихъ непригодности. Это вызвало гнѣвъ царя и послужило поводомъ къ отправленію въ Москву челобитной (л. 13 об.). По вызову царя, поѣхалъ и архимандритъ Саввина монастыря Никаноръ, заявившій себя въ Соловкахъ приверженцемъ старообрядства. Предъ соборомъ іерарховъ онъ лицемѣрно измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, почему и былъ отправленъ въ

Соловки для увѣщанія, вмѣстѣ съ Іосифомъ и вновь назначеннымъ архимандритомъ Варесломеемъ. Монастырь встрѣтилъ прибывшихъ своихъ наставниковъ съ честью, а покаявагося Никанора—съ любовію (л. 15). Обращеніе Никанора снова возбудило гнѣвъ царя; послѣдовалъ вызовъ его въ Москву, на что соборъ старцевъ отвѣчалъ отказомъ, а чрезъ опытнаго и богословски ученаго (?) мужа Фирсова рѣшили просить царя сохранить у нихъ нерушимость вѣры ихъ. На пути Фирсовъ былъ задушенъ и просьбы монаховъ остались безъ удовлетворенія. Между тѣмъ въ монастырь стали наѣзжать различные учителя, съ цѣлью склонить братію къ принятію еретическихъ новшествъ. Но всѣ ихъ ухищренія и искушенія послужили лишь къ обнаруженію твердости убѣжденія отцовъ, даже до желанія мукъ. Непреклонность иноковъ окончателно вооружила царя и онъ послалъ войско (л. 16 об.), Осадой монастыря сотеннымъ отрядомъ Волохова открылся рядъ ихъ страданій, рядъ подвиговъ самоотверженія и самоотреченія. Не много оказалось въ обители лицъ, не нашедшихъ въ себѣ силъ перенести предстоящія муки и удалившихся изъ обители, большинство же не поколебалось духомъ, не устрашилось мысли о предстоящемъ. Въ 1670 г. иноки принуждены были затвориться въ монастырѣ (л. 17 об.) и лишиться возможности выходить даже за ограду его подъ страхомъ мученій, которымъ многіе, дѣйствительно, и подверглись. Эти отцы: Пименъ, Іоаннъ и Григорій, кровію запечатлѣвшіе твердость въ вѣрѣ (л. 18), или — Сила и Алексѣй, узники о Господѣ и въ узахъ учившіе страны поморскія, и Іоаннъ, за перехваченное воеводой вѣроучительное посланіе мученный всячески, смерть же вкусившій черезъ усѣченіе честной главы (л. 19). Всѣ жестокости, которыя воевода чинилъ около трехъ лѣтъ, оказались совершенно безплодными для его дѣла, почему царскимъ приказомъ онъ и былъ отозванъ въ Москву (л. 20 об.).

Назначенный на мѣсто Волохова Іовлевъ оказался человекомъ лютымъ въ высочайшей степени, доказательствомъ чему служить фактъ сожженія монастырскаго скота со всѣми хозяйственными постройками. Впрочемъ, за этотъ постыдный подвигъ Іовлевъ вскорѣ былъ пораженъ гангреной и, какъ неспособный, былъ лишенъ званія и власти. Но вновь прибывшій съ добавочнымъ отрядомъ Мещеринновъ превзошелъ

жестокостью первыхъ двухъ. Лютый и неукротимый нравъ его уничтожилъ всякую надежду отцовъ на благопріятный исходъ борьбы; имъ оставалось уповательно положиться на Бога и, не прибѣгая къ безсильнымъ человѣческимъ средствамъ обороны, въ Богѣ видѣть свое спасеніе (л. 22). Истинность ихъ надежды и дѣла, святость отцовъ и ихъ подвига была доказана появившейся среди враговъ язвой, безуміе же послѣднихъ открылось въ ихъ кощунственномъ пограніи святыни (л. 23). Безсильными оказались враги поколебать духовную крѣпость отцовъ, неудачей окончились ихъ попытки огнемъ и желѣзомъ разорить святое мѣсто (л. 24). Зосима, Савватій и Германъ были хранителями обители и предстателями за нее предъ Богомъ. Въ этомъ отцы были увѣрены чрезъ видѣніе свѣщевжигательнаго старца (л. 25). Но неудачи не образумили воиновъ: они продолжали свои губительныя дѣйствія. На 23 декабря назначили даже приступъ,—но молитва вѣры иноковъ и мужество стражи монастырской препобѣдили козни враговъ (л. 26 об.). Уже отчаяніе проникло въ сердце воеводы: грозныя твердыни монастыря стояли непоколебимыми. Но вотъ и въ средѣ праведниковъ нашелся измѣнникъ, который, поправъ отеческіе завѣты, нарушивъ свои клятвы, предалъ обитель на разореніе, а братій своихъ на муки. 28 января, пользуясь темнотою ночи и нерадивостью стражи, Θεоктистъ съ отрядомъ воиновъ проникъ въ монастырь и отворилъ ворота воеводѣ (л. 29). Часть стражи (32 челов.) погибла, а безсильные иноки укрылись въ келіяхъ и только обѣщаніе безопасности, данное воеводой, побудило ихъ выйти къ своему мучителю, дабы съ честію встрѣтить его (л. 30). Но воевода не сдержалъ своей клятвы. Онъ подвергъ отцовъ истязанію, глумленію и смерти. Всѣхъ пострадавшихъ въ обители насчитывается болѣе 300, впрочемъ, число ихъ можно довести и до 500 (л. 36 об.). Надо было видѣть то единодушіе, ту готовность, съ которой всѣ преподобные (?) отцы шли на мученія, надо было слышать тѣ пророческія вѣщанія, которыя они изрекали о судьбѣ воеводы и царя (л. 37), чтобы убѣдиться всякому въ ихъ святости (л. 39). И вотъ опустѣло святое мѣсто обитанія святыхъ: тѣлеса мучениковъ лежали въ окрестности монастыря, а исповѣдники томились въ отдаленныхъ мѣстахъ (л. 37 об.). Исполнились пророчества

мучениковъ: за недѣлю до разоренія обители занемогъ царь; онъ и самъ былъ убѣжденъ, что болѣзнь явилась наказаніемъ за утѣсненіе обители, почему и приказалъ снять осаду съ монастыря. Но уже было поздно: Мещериновъ совершилъ свое преступное дѣло, и въ тотъ же день скончался царь. За свои жестокости воевода былъ наказанъ проказой и вскорѣ отъ временной къ вѣчной мукѣ взятъ былъ (л. 42 об.). Тѣла мучениковъ лежали непогребенными болѣе трехъ мѣсяцевъ. Когда же земля очистилась отъ снѣга, тѣла оказались лежащими еще на льду и совершенно нетлѣнными, вселяя благоговѣйный ужасъ въ сердца поклонявшихся имъ (л. 43 об.).

Опустѣвшая, осиротѣлая обитель была заселена монахами изъ другихъ монастырей, и поскольку прежніе были благочинны, воздержны и боголюбивы, постольку послѣдніе оказались безчинными, неблаголѣпными и непреподобными (л. 47). Что касается святости страдальцевъ соловецкихъ, то она не подлежитъ (?) сомнѣнію. Какъ вѣрные сыны святыхъ своихъ наставниковъ, свою вѣрность кровію запечатлѣвшіе и въ духовномъ союзѣ со своими небесными покровителями неизмѣнно пребывающіе, отцы соловецкіе богоугодны и святы (л. 52) и къ лику мучениковъ сопричтены (л. 53 об.). Кровь ихъ, напитавшая землю, оказалась добрымъ сѣменемъ, которое принесло великій плодъ. Оставшіеся въ живыхъ монахи разнесли вѣсть о благочестіи, мужествѣ и страданіяхъ соловецкихъ иноковъ и просвѣтили окрестные города и села свѣтомъ истиннаго благочестія, таковы: Епифаній, Савватій, Игнатій, сожженный воинами въ Палеостровскомъ монастырѣ (л. 58), Епифаній дивный (л. 60), Геннадій (л. 62 об.) и т. д. Число учениковъ соловецкихъ святителей (?) возрастало быстро и вскорѣ невозможно стало опредѣлить его (л. 64), но всѣ они насыщали словомъ своимъ жаждущія души (л. 64 об.) и распространяли славу своей обители.

Описанное страшное событіе, заключаетъ Денисовъ, возбуждаетъ въ насъ прежде всего печаль о перенесенныхъ преподобными мукахъ, а слава дивныхъ мучениковъ возбуждаетъ въ насъ и радость; отъ насъ же требуетъ благодарности за данный намъ образецъ жизни добродѣтельной и смерти славной (л. 67). Долгъ каждаго вѣрующаго подра-

жать подвигу отцовъ, да пребудеть въ сердцахъ нашихъ тотъ образъ благочестія, который воплощали въ себѣ святыя отцы и да уклоняемся мы, отъ чего они отвращались, чтобы ихъ же чести и намъ сподобиться (л. 69).

Заключительныя слова исторіи прямо выражаютъ ту основную мысль и цѣль, которыя авторъ преслѣдовалъ въ своемъ трудѣ. Эта цѣль въ томъ именно и состоитъ, чтобы въ фактѣ возмущенія иноковъ набрать и сгруппировать тѣя черты и самый фактъ представить въ такомъ видѣ, чтобы явилась возможность наглядно показать, какъ будто бы несправедливо было гоненіе на приверженцевъ святой старины, утвержденной, освященной и, какъ сама истина, неоспоримой, какъ высока и неотразимо обаятельна самая личность борцовъ за истину и какъ поэтому необходимо для всякаго осуществлять долгъ слѣдованія примѣру отцовъ. Авторъ, такимъ образомъ, прямо поставляетъ своей задачей распространеніе раскола. Необходимо поэтому разсмотрѣть подробно пути и способы, чрезъ посредство которыхъ Денисовъ осуществляетъ эту цѣль.

Прежде всего читателя поражаетъ преобладаніе въ исторіи разсужденій, размысленій и нравственныхъ приложений надъ фактической стороною, т. е. стремленіе автора подѣйствовать именно на чувство читателя. Хотя этотъ методъ, точнѣе—маневръ, Денисова психологически и понятенъ, но все-таки исторіи такъ не пишутся. Правда, для людей того времени съ ихъ мистической настроенностью, людей съ низкимъ уровнемъ умственного развитія, съ повышенной чувствительностью всѣ скорбныя воздыханія и слезныя воззванія были аргументомъ достаточнымъ для убѣжденія въ чемъ бы то ни было, но въ отношеніи къ Денисову, чловѣку возвышавшемуся надъ толпой, эти изліянія, при общей скудости исторической части его сочиненія, доказываютъ лишь его желаніе, за отсутствіемъ фактической доказательности, подѣйствовать на фанатизмъ толпы, увлечь ее за собой краснымъ словомъ и, подкупивъ напыщенностію чувство, уничтожить самую возможность сомнѣнія въ истинности повѣствованія. Чтобы предупредить возникновеніе сомнѣній въ умахъ читателей, Денисовъ прибѣгаетъ къ испытанному уже маневру: касаясь личности иноковъ—возмутителей соловецкихъ, наиболѣе извѣстныхъ, Денисовъ со всяческой натяжкой ста-

рается отыскать сходство между обстоятельствами ихъ жизни и смерти съ жизнью и кончиной св. Зосимы и Савватія. Эту связь Денисовъ устанавливаетъ, доказывая непрерывность храненія и неуклонность слѣдованія этихъ иноковъ завѣтамъ своихъ первоучителей. Подобная аналогія, разъ она была приведена въ исторіи, давала автору возможность ставить такія посылки, изъ которыхъ онъ безъ всякаго риска могъ выводить самыя невѣроятныя по рѣшительности заключенія. Денисовъ получалъ возможность утверждать, 1) что личность возставшихъ иноковъ слишкомъ высока и чиста, чтобы ее можно было оскорблять нечистыми подозрѣніями, и 2) что поэтому и дѣянія ихъ нельзя разсматривать и критиковать, какъ поступки обыкновенныхъ людей. Пусть даже явилась бы возможность въ чемъ либо укорить отцовъ, обыкновенный смертный сдѣлать этого не можетъ безъ риска впасть своимъ богонепросвѣщеннымъ разумомъ въ страшную ошибку и безъ опасенія оскорбить св. Савватія чрезъ оскорбленіе его служителей. Такимъ образомъ, Денисовъ ставитъ своихъ отцовъ въ положеніе недотрогъ, а себя возводитъ на степень агиографа. Такое положеніе автора и дѣйствующихъ въ его произведеніи лицъ чрезвычайно для нихъ выгодно. Для темнаго человѣка всякое сомнѣніе въ области, соприкасающейся съ религіей, кажется разрушеніемъ самой вѣры, а—примѣнительно къ исторіи—непризнаніе вновь открытыхъ Денисовымъ святыхъ и недоувѣріе къ указанному характеру, смыслу и значенію ихъ подвиговъ означало вольнодумное неуваженіе къ общепочитаемымъ святымъ подвижникамъ соловецкимъ. Исторія Денисова, вслѣдствіе такой постановки факта возмущенія, въ душѣ читателя съ твердымъ характеромъ поселяла разладъ а людей мягкосердечныхъ прямо увлекала въ сѣти историка.

Уваженіе къ подвигу соловецкихъ отцовъ Денисовъ хочетъ внушить чрезъ указаніе мотивовъ къ возстанію ихъ. Нарисовавъ картину безотраднaго и безвыходнаго положенія монаховъ, Денисовъ ставитъ предъ ними такую, можетъ быть, и невозникавшую въ ихъ головахъ мысль: что избрать,—наслажденіе, или мученіе? (ист. л. 16 об.) первое было возможно только черезъ измѣну отеческимъ завѣтамъ, второе, хотя и обѣщало небесную награду, покупалось цѣною мукъ. Отцы выбрали второе и такимъ образомъ явились бор-

цами за идею нерушимости древняго благочестія, людьми твердыми въ вѣрѣ до самоотреченія. Такая ревность есть необходимое условіе освященія и святости (л. 50 и 51 об.), а потому отцы явились поборниками освящающей истины и спасающаго закона, словомъ, защитниками всего того, что должно быть дорого каждому христіанину. Такая мысль, проникая въ сознаніе читателя, уничтожаетъ всякія сомнѣнія въ святости дѣла отцовъ, тѣмъ болѣе, что скорбно-зажигательныя рѣчи Денисова уже возбудили сочувствіе къ страдальцамъ, а имя Савватія уже подорвало силу всякихъ возраженій.

Выполнивъ задачу историка-апологета, Денисовъ выступаетъ во всеоружіи агіографа. Онъ расхваливаетъ монаховъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: они, по его исторіи, люди добродѣтельные (л. 38 об.), адаманты (16 л.), крѣпкодушные (л. 17), гроздь сладчайшій (л. 19), преподобные (л. 25), страсотерпцы, чудотворцы, за свое сомоотреченіе (л. 54) и святую смерть (*ibid.*—об.) подобны Маккавеямъ. И тѣлеса-то монаховъ святы (л. 43) и души-то ихъ честны (35), честны и главы ихъ, а руки преподобны... Если личность монаховъ достойна удивленія, то и взирать на нихъ нужно съ благоговѣніемъ (л. 66 об.); если подвиги ихъ неопѣненны, продолжаетъ авторъ, то каждый не только долженъ прославлять ихъ (68), но и подражать имъ (68). Такимъ образомъ, ореолъ святости, которымъ была окружена соловецкая обитель, въ связи съ несчастнымъ фактомъ наказанія возмущившихся монаховъ, далъ Денисову возможность соорудить мартирологъ святыхъ. Денисовъ позабылъ только, что монахи были возведены во святые самими же раскольниками.

Та же незначительная доля исторической правды, которая была въ „Исторіи“ Денисова, достаточна для объясненія вліянія исторіи на распространеніе раскола. Нельзя, напр., отрицать факта сожженія монастырскаго скота и строеній (что подтверждаетъ и архим. Досиѳей), или разграбленія монаст. казны (что засвидѣтельствовано документально). А вѣдь къ этимъ фактамъ Денисовъ привязываетъ болѣзнь Ювлева какъ наказаніе Божіе (л. 21), и на нихъ ссылается, какъ на показателя полнаго пренебреженія Мещерина къ святынь (л. 38). Вообще подъ перомъ Денисова каждый

мелкій фактъ обращается въ грозное оружіе противъ православныхъ. Съ точки зрѣнія автора это понятно. Разъ онъ пишетъ агіологію, то всякое насиліе противъ героевъ, онъ долженъ трактовать, какъ поспраніе святыни, какъ возстаніе государства и его церковныхъ клеветовъ на истинную паству Христа, на наслѣдниковъ Его царствія (л. 64). Такой постановкой дѣла въ „исторіи“ вопросъ, возможно ли спасеніе внѣ общества раскольниковъ—предрѣшался: въ отрицательномъ смыслѣ, и потому авторъ смѣло заявляетъ: „шестуимъ вслѣдъ отцамъ, да и въ будущемъ вѣдѣ безконечныя радости сподобимся (69)“.

Теперь у читателя могло остаться недоумѣніе лишь въ томъ, насколько отцы были свободны отъ тѣхъ политическихъ тенденцій, которыя, по причинѣ вполне понятной, въ умѣ всѣхъ тѣсно были связаны съ возстаніемъ монаховъ. И Денисовъ горячо отстраняетъ возможность такого предположенія. Великое насиліе исходило исключительно отъ царскихъ воиновъ, а монахи только и дѣлали, что молились (л. 22) да—какимъ то образомъ—посрамляли крѣпость царскаго войска крѣпостью своего духа. Но вѣдь нельзя же, понялъ даже Денисовъ, оградить чернецовъ однѣми ихъ молитвами; и вотъ на сцену выступаютъ стражи и слуги монастырскіе, которые какъ то очень мягко и ласково отгоняютъ солдатъ отъ обители (26 об.). За то на головы православныхъ градомъ сыплются обвиненія во всевозможныхъ преступленіяхъ. Если ко всему этому прибавить описаніе какихъ то вѣщихъ сновъ (25), пророчествъ (7), дивныхъ явленій (47 и 62), чудесъ (8 и 43 об.), кровавыхъ мученій, то въ итогѣ получится повѣсть свойства достаточно соблазнительнаго для каждаго читателя. Къ этому нужно присоединить и то, что Денисовъ умѣло подбираетъ и подтасовываетъ факты, сгущаетъ въ нужныхъ для него мѣстахъ краски, о нелестномъ умалчиваетъ, полезное выдвигаетъ, и все это направляетъ къ одной цѣли: уловить въ свои сѣти доврчивый людъ. Напр., изъ всѣхъ соловецкихъ выходцевъ Денисовъ упоминаетъ объ одномъ только Теокистѣ (л. 27). Если бы, какъ добросовѣстный писатель, онъ не умолчалъ и объ остальныхъ 10 бѣглецахъ, то этимъ рисковалъ бы заронить искру сомнѣнія въ безупречности самыхъ принциповъ, защищаемыхъ отцами... Денисовъ понималъ это и говорилъ

объ одномъ именно потому, что измѣна одного вызываетъ въ читателѣ презрѣніе къ нему и жалость къ пострадавшимъ отъ него. Описывая поступокъ Теоکتиста, Денисовъ не скупится на темныя краски съ цѣлью усилить чувство сожалѣнія къ отцамъ, такое чувство, которое не только мирится съ мыслью о святости ихъ, но благодаря этой мысли переходитъ въ любовь къ нимъ. Въ то время каждая мелочь привлекала вниманіе и получала громадное значеніе. Это значеніе обуславливалось отчасти авторитетомъ Денисова и его умѣньемъ изъ ничего выводить многое, а преимущественно тѣмъ, что общая и основная сторона возмущенія была обращена въ сторону раскольниковъ. Отсюда становится понятнымъ и то, почему инсинуаціи и прикрасы Денисова принимались на вѣру и достигали своей цѣли.

Фактъ открытаго и вооруженнаго возстанія цѣлой обители, во имя какихъ бы то ни было религіозныхъ идей или церковныхъ принциповъ, былъ явленіемъ неслыханнымъ, исключительнымъ на Руси. Уже одинъ этотъ фактъ, независимо отъ той или иной его постановки, создавалъ для раскольниковъ чрезвычайно выгодное положеніе. Для людей того времени, мало понимавшихъ значеніе церковныхъ реформъ, истина могла быть скорѣе на сторонѣ монаховъ, которымъ было меньше поводовъ дѣйствовать корыстно и пристрастно, чѣмъ правительству и его патріарху. Мысль эта еще болѣе укрѣплялась при сознаніи, что борцами являются служители Зосимы и Савватія. Тотъ ореолъ святости, которымъ была окружена въ религіозномъ представленіи всѣхъ обитель соловецкихъ святителей, требовалъ полной ея неприкосновенности; одна мысль о насиліи и попраніи святаго мѣста могла возмущать религіозное чувство. Естественно, что святость обители переносилась и на ея насельниковъ: авторитетъ Савватія ограждалъ монаховъ и дѣлалъ ихъ людьми, неподлежащими обычному измѣренію, недоступными для нравственнаго контроля. Если имя Савватія всегда вызывало симпатію къ работникамъ во славу его, то естественно, что ихъ страданія вызывали волненіе и ужасъ. При томъ сущность и положеніе раскола тогда еще не опредѣлились; вся выгода православныхъ, лишь практическая, состояла въ томъ, что на ихъ сторонѣ была свѣтская власть; но вѣдь такая выгода въ вопросахъ религіозныхъ очень часто имѣетъ отрицатель-

ное значеніе. Вопросъ о томъ, кто правъ, кто виноватъ, предрѣшался событіями, почему соловецкая исторія и оказалась чреватой послѣдствіями. Денисовъ сознавалъ, что монахи чрезъ посредство обители, какъ свѣточа правосѣрія, являются въ сознаніи всѣхъ истинно православными, на основаніи чего онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ доказываетъ ихъ превосходство въ нравственномъ отношеніи надъ врагами (л. 46, 47), а чрезъ такое противоположеніе пытается отторгнуть православныхъ отъ Церкви.

Какое же значеніе имѣли въ исторіи распространенія раскола такія попытки Денисова? Отцы соловецкіе, говоритъ Денисовъ, какъ люди святые, достойные благоговѣйнаго отношенія къ нимъ, являются учителями неложными. Какое значеніе имѣло такое заключеніе, видно изъ словъ Ив. Филиппова (въ ист. Выгов. пуст.): „Епифаній нашу обонѣжскую страну своимъ ученіемъ благодатнымъ просвѣтиша, прекрасный виноградъ учительнымъ оплотомъ оградиша и слезными потоки напоиша“ (л. 56). Денисовъ съ гордостью заявляетъ (л. 55 об.) о томъ успѣхѣ, какой имѣли отцы (Епифаній, Савватій, діак. Игнатій), вышедшіе изъ обители до прекращенія въ ней бунта. Это горделивое заявленіе, конечно, поселяло чувство удовлетворенія въ сердцахъ его послѣдователей и увеличивало уклонъ въ страну раскольниковъ въ средѣ колеблющихся. На основаніи успѣха устной проповѣди можно судить и о значеніи письменнаго свидѣтельства о мученичествѣ мужей святыхъ и чудотворящихъ, и это тѣмъ болѣе, что молвой о перипетіяхъ борьбы отцовъ толпа была уже достаточно заинтересована и приготовлена къ принятію этой проповѣди. Она съ жадностью набросилась на исторію Денисова. Успѣхъ его проповѣди доказывается громадной распространенностью его исторіи, особенно на сѣверѣ, гдѣ святость и слава обители чувствовались болѣе осязательно. Списки исторіи тамъ можно было увидать почти у каждаго грамотнаго (Игнат. архіеп. Ист. сол. обит. изд. 1847 г. стр. 1—3), и въ глазахъ раскольниковъ она имѣла значеніе евангелія для православнаго. Исторія Денисова считается главной причиной укорененія раскола въ Архангельской губерніи (письмо О. Макарова къ архим. Донату у Сырцова стр. 6). Нѣтъ поводовъ недовѣрять словамъ Денисова о миссіонерскихъ трудахъ соловецкихъ

выходцевъ. А эти подвиги были очень значительны, напр., Игнатій просвѣтилъ обонѣжскія и каргопольскія страны, а также положилъ начало выгорѣцкой пустыни (л. 58), Евфимій поучалъ въ Олонецкомъ уѣздѣ и странахъ поморскихъ (л. 60), а Геннадій со своей проповѣдью доходилъ даже до Нижняго (л. 62 об.). Исторія объ отцѣхъ несомнѣнно способствовала распространенію безпоповщины, тенденціи которой упорно проводятся здѣсь. Гнѣвъ царя, пишетъ Денисовъ, уничтожилъ всякую надежду отцовъ на человѣческую помощь и они лишь къ Богу прибѣгали съ молитвой о семь (л. 21 об.). Въ число этихъ молитвъ, уже, конечно, не входило моленіе о царѣ: отъ него отцы могли ожидать лишь наказанія. А слова: „самодержца душу въ руцѣ своей имѣю“ (л. 32, 37, 49 об.), которыя Денисовъ вложилъ въ уста „священномученика“ Никанора, подрывали убѣжденіе православнаго въ самой компетенціи монарха въ вопросахъ вѣры и совѣсти. Итакъ взглядъ и отношеніе безпоповцевъ къ государю находили свое полное обоснованіе въ „исторіи“. Правда, Денисовъ замалчиваетъ проповѣдь Никанора противъ священниковъ и безпоповщинскую практику монаховъ въ послѣднее время осады (Акт. ист. IV, 531, 538), но прямо и не отрицаетъ этого (л. 21 об; 26), а между тѣмъ всю церковную іерархію огуломъ обвиняетъ въ ереси (л. 55). Насколько вообще теоріи безпоповцевъ отвѣчали убѣжденіямъ Денисова видно изъ того, что основатель Выговской пустыни, этого очага безпоповщины, усиленно расхваливается въ исторіи (л. 58), а тѣ чины и уставы, которые онъ далъ выговцамъ, прямо называются соловецкими, и, так. обр., даетъ право смотрѣть на соловецкій монастырь, какъ на источникъ, заразившій выговскую пустынь идеями безпоповцевъ.

Теперь, если провѣрить свѣдѣнія, предлагаемыя Денисовымъ, на основаніи историческихъ данныхъ, то окажется, что его исторія представляетъ фактъ возмущенія въ искаженномъ видѣ. О составѣ монастырской братіи Денисовъ говоритъ лишь, что слухъ о благочестіи соловецкихъ насельниковъ привлекъ еще многихъ иноковъ и мірянъ (л. 12). Но другіе современники говорятъ, что въ число братіи призвали люди, нетерпимые въ обществѣ (посл. Игн. Тоб. гл. 38). А каковы были монахи, о благочестіи которыхъ распространилась слава, можно судить потому, что въ 1657 г.

Никону пришлось подтвердить свое приказаніе архим. Илія, чтобы въ монастырѣ не было хмѣльнаго питья (Ист. оп. сол. мон. ч. III стр. 228). Самъ Илія, котораго такъ хвалятъ Денисовъ (л. 1, 5 и 11 об.), подъ конецъ своего настоятельства запилъ (Мат. для ист. раск. т. III, стр. 11), а удостоенный особеннаго расположенія отцовъ Никаноръ (л. 15) пять лѣтъ не былъ у причастія (Акты ист. IV, 54). Не высокаго сорта и побужденія вызвали отцовъ къ бунту: I) ненависть къ Никону, доказавшая II) честолюбіе монаховъ, и III) желаніе обезпечить себѣ привольное житъе (Сырц. стр. 20, 25, 197 и 198). Въ самомъ бунтѣ отцы, по словамъ исторіи, не принимали никакого участія, а только „благонощными стояніями противу вооружались“ (л. 22); между тѣмъ ранѣе было замѣчено въ исторіи (л. 16), что нѣкоторые изъ отцовъ подбивали собратій къ открытому бунту: „да не осквернятся кровію священныя руки“.

Участіе въ бунтѣ архим. Никанора уничтожаетъ уже всякую возможность выгораживать братію. Да и вообще къ исторіи приходится относиться съ недоувѣріемъ. Напр., исторія говоритъ, что Никаноръ не поѣхалъ въ Москву по вызову царя, повинувась рѣшенію о томъ собора старцевъ. Но для чего же онъ написалъ царю, что не поѣхалъ ради немощи: „старость постигаетъ, болѣзни приходятъ“ (Мат. д. ист. р. т. III, 13)? Но если даже и вѣрить исторіи, что монахи не участвовали въ кровопролитіи, то все таки нельзя обвинять Мещеринова за тѣ мѣры строгости, которыя онъ примѣнилъ къ отцамъ: разъ монахи оказались способными только скрываться за спинами прямыхъ участниковъ бунта, руководить ихъ преступными дѣйствіями и даже всячески подбодрять, они подлежали наказанію. Какъ мало было правды въ словахъ монаховъ, что они научились царя почитать прежде всего (л. 31 об.), видно изъ царской грамоты на имя Іовлева; здѣсь предписывается насилія надъ монахами не чинить, а только чрезъ утѣшеніе привести непослушныхъ къ покорности ему—государю (Приб. къ акт. ист. V, 352). И если монахи признавали законность царской власти (л. 32 об.), то и всякое послушаніе они должны были считать за преступленіе, а иначе—подлежали соотвѣтствующему наказанію.

Насколько же не правъ былъ Денисовъ, возводя соловецкихъ бунтарей въ чинъ мучениковъ? Послать къ стѣ-

намъ монастыря войска, „дабы страхомъ оружія подклонить непокорныхъ своей волѣ“ (л. 16 об.), государь былъ вынужденъ, но онъ не желалъ употребить силу на разореніе обители. Онъ запретилъ не только творить насиліе надъ братіей, но даже и стрѣлять по монастырю (Приб. къ акт. ист. V, 352). За произволъ же частныхъ лицъ правительство не отвѣчаетъ, а потому случайныя жертвы этого произвола не могутъ быть названы мучениками, пострадавшими во время оффиціального гоненія на вѣру и Церковь. И вотъ соловецкихъ отцовъ: Пимена, Григорія (л. 18), двухъ Іоанновъ и Алексѣя приходится выводить изъ лика мучениковъ. Денисовъ, конечно, понималъ, что только гоненіе за вѣру со стороны предержавшей власти рождаетъ мучениковъ и что всякая другая насильственная смерть всѣми рассматривается, какъ простое убійство, заявляя, что о казняхъ Мещеринова государь ничего не зналъ (л. 40 об.), онъ не имѣлъ права выставять эти казни слѣдствіемъ возстанія государства на истинную Церковь. Правда, соборъ 1666 г. выразилъ мнѣніе о необходимости подвергнуть упорствующихъ тѣлесному озлобленію, но это мнѣніе гражданской властью было видоизмѣнено: царь запретилъ творить насиліе надъ непокорными, а лишь чрезъ утѣсненіе (и лишенія) привести ихъ къ покаянію. Постановленіе собора было приведено въ исполненіе гражданской властью, слѣдовательно, раскольники были поставлены въ положеніе возставшихъ на царскую власть, бунтовщиковъ, нарушившихъ спокойствіе государства и поэтому подлежащихъ карѣ. Произведя бунтъ въ монастырѣ, раскольники нарушили и требованіе о неприкосновенности и неосквернимости святого мѣста. Пропаганда раскольничьихъ идей выходцами соловецкими давала возможность подзрѣвать бунтовщиковъ въ стремленіи возбудить въ народѣ движеніе въ свою пользу, а чрезъ это организовать силу въ противовѣсъ царскому вліянію. Чрезъ противопоставленіе показаній исторіи Денисова другимъ свидѣтельствамъ можно видѣть, настолько справедливы были дѣйствія правительства по отношенію къ возмущившимся. Посланное со стрѣльцомъ къ монахамъ предложеніе Волохова покориться государю вызвало съ ихъ стороны только угрозы (ист. Соловьева т. 2, стр. 459). Слѣдовательно, въ самомъ началѣ возстанія монастырь объявилъ себя противникомъ государя. Денисовъ

пишетъ, что Волоховъ „веліе насиліе и нужду монастырю творяше“ (л. 17 об.), а архим. Іосифъ говоритъ царю, что Волоховъ „никакого промыслу надъ мятежниками не чинить“ (ист. Сол. *ibid.* Ср. Приб. къ акт. ист. V, 840).

Слѣдующій воевода Іовлевъ называется въ „исторіи“ челоувѣкомъ лютымъ (л. 21 об.). Между тѣмъ онъ тотчасъ по пріѣздѣ общалъ монахамъ прощеніе при ихъ ряскаяніи (письмо Іовлева чрезъ сотн. Н. Порошина). Наконецъ, самъ царь лично посылалъ грамоту въ монастырь съ обѣщаніемъ отпустить всѣ вины покаявшимся (грам. отъ 1673 г. 12 мая). Несмотря на то, что противленіе монаховъ началось съ 1657 г., правительство до 1666 г. употребляло исключительно мѣры увѣщанія и обличенія: только непреклонное упорство иноковъ заставило его прибѣгнуть къ осадѣ, какъ крайнему средству. Вина въ озлобленіи святаго мѣста должна падать такимъ образомъ всецѣло на головы сидѣльцевъ соловецкихъ. Изъ числа этихъ сидѣльцевъ по словамъ „исторіи“ болѣе 500 челов., хотя число 300 та же „исторія“ считаетъ болѣе точно выражающей количество страдальцевъ (л. 36 об.). Въ синодики же старообрядцы вписали имена только 83-хъ пострадавшихъ (сборн. библ. Макарія № 47 ср. Акт. ист. IV, 533). Не вѣрно указывается въ исторіи время взятія обители и время смерти царя (л. 40, 41 ср. Игн. Тоб. посл. 3 гл. 39, лѣт. сол. под. 1676 г., собр. госуд. грам. IV № 104 стр. 336). Нѣкоторые факты прямо измышляются, напр., умерщвленіе Фирсова (л. 15 ср. Приб. къ акт. ист. V, 458), а великое множество невыгодныхъ для старообрядцевъ происшествій замалчивается. Въ описаніи нѣкоторыхъ событій замѣчается странная непослѣдовательность: описаніе факта сожженія Игнатія противорѣчитъ самымъ принципамъ Аввакума (Мат. для ист. раск. т. V, стр. 254, ист. Выг. пуст. изд. 1862 г. стр. 276). Описаніе видѣній, чудесъ уже всей исторіи сообщаетъ характеръ легендарнаго сказанія. Видѣніе свѣщевжигательнаго старца (л. 25) совершенно сходно съ видѣніемъ опальнаго Николая, и оба явились плодомъ разстроеннаго воображенія; восхищеніе младенца, а при видѣ пламени, которое поднималось къ небу и будто бы уносило Іоанна, обнаруживаетъ въ Денисовѣ младенческую довѣрчивость. Что касается неглѣнія тѣлъ убитыхъ (л. 43), то и въ этомъ нельзя усмотрѣть ничего сверхъестественнаго: тѣла

все время лежали на льду замороженными и, не пропуская солнечной теплоты, замедляли процесс таянія (ср. опис. сол. обит. Досифея стр. 163, Осм. опис. Бѣлоз. мон. стр. 53). Свѣтъ, появившійся надъ мѣстами погребенія нетлѣнныхъ тѣлъ мучениковъ (л. 47), прямо указывалъ на выдѣленіе газа при процессѣ гніенія органическихъ веществъ и никакое небесное знаменіе въ объясненіе даннаго явленія не годится.

Такимъ образомъ, „исторія“ въ описаніи главныхъ и наиболѣе поражающихъ читателя фактовъ не выдерживаетъ критики. Она должна была порождать сомнѣніе въ умахъ современниковъ. Если же этого не случалось, то лишь потому, что одни не могли примириться съ фактомъ разгрома монастыря, для другихъ кое что означалъ авторитетъ Денисова, а иные по малознанію вообще, по привычкѣ вѣрить въ каждую печатную строку, или за невозможностью разобратъ въ пестрой массѣ слуховъ, и искренно увлекались „исторіей“. Это увлеченіе, къ сожалѣнію, оказывается возможнымъ для нѣкорыхъ и въ наше время, хотя вообще „исторія объ отцѣхъ“, является мертвымъ памятникомъ.

Ив. Касаткинъ.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Какое значеніе пастьрскаго посоха, и есть-ли указаніе въ священномъ Писаніи о немъ, какъ принадлежности священническаго сана?

Посохъ, или жезлъ, издревле считается знакомъ власти, палицею славною (Іерем. 48, 17; Іезек. 19, 11). При рукоположеніи архіерея и при возведеніи въ чины архимандрита и игумена имъ дается жезлъ съ нѣкоторою торжественностію. Послѣднимъ архіерей, вручая его, говоритъ: „Прими сей жезлъ, имже утверждеи паству твою, да правиши: яко ли слово имаши отдати за ю нашему Богу во дни суда“. Въ архипастырскомъ поученіи, положенномъ на этотъ случай, съ большею ясностію излагаются пастьрскія обязанности: „Врученную тебѣ,—говорится между прочимъ,—путеводи по заповѣдямъ Архипастыря и Владыки Спаса Христа, со всякимъ прилежаніемъ и тщаніемъ, не склоняя на десное или шуе, но путемъ среднимъ, иже именуется царскій путь: и проводи ю отъ тлѣнныхъ къ нетлѣннымъ, отъ земныхъ къ небеснымъ: якоже и Моисей, но еже взяти ему жезлъ отъ Господа Бога, преведе людъ израильскій изъ работы египетскія въ землю обѣщанную. Дадеса тебѣ жезлъ сей не для властельства мірскаго, еже гордетеса надъ порученными тебѣ, или и бити я безсловесно: но яко кормчій кормило вручися тебѣ, во правительство корабля духовнаго, плавающаго по многобурно-волненномъ мори житія сего: жезлъ яко истинно пастьрю и не яко наемнику... Паси благодатное тебѣ стадо, яко отецъ чадомъ равную любовь показуя“... (Чиновн.). Тѣ же обязанности внушаются архипастыремъ іерею при его рукоположеніи. Хотя не вручается ему жезлъ лично самимъ владыкою, но отсюда еще не слѣдуетъ, что іереи безъ жезла должны быть. Самъ Христось Спаситель, посылая учениковъ Своихъ, не велѣлъ имъ брать съ собою

ни денегъ, ни хлѣба, ни одежды въ запасъ, а посохъ велѣлъ взять (Марк. 5, 8).

Принимая все это во вниманіе, нельзя не признать значенія пастырскаго жезла; значеніе это — немаловажное. Священника съ жезломъ узнають, гдѣ бы онъ ни былъ, отличаютъ его отъ діакона, отъ монаха послушника, и относятся къ нему съ подобающимъ уваженіемъ, а нѣкоторые добрые христіане пользуются встрѣчею со священникомъ, чтобы получить отъ него благословеніе именемъ Божиимъ. Во всякомъ случаѣ, священникъ съ своимъ знаменемъ пастырства *не теряетъ ничего, а приобретаетъ немало* въ пользу своего званія. Недаромъ раскольническіе попы предвосхищаютъ право законныхъ пастырей: они дерзновенно, попирая запрещеніе и законъ, часто одѣваются, какъ священники, и ходятъ съ священническимъ жезломъ. Для священника нельзя опредѣлить и времени и мѣста для выполненія пастырства: онъ всегда и вездѣ можетъ встрѣтить случай, который призываетъ его къ дѣлу; къ нему всегда, — и на пути и при посѣщеніи домовъ, — могутъ обращаться за благословеніемъ, за помощью, совѣтомъ, утѣшеніемъ, и тому под. Слѣдовательно, священникъ въ своемъ приходѣ долженъ всегда быть въ своемъ видѣ, съ пастырскимъ жезломъ. Издревле священники такъ и смотрѣли на свой посохъ. Не очень давно (до семидесятыхъ годовъ) и въ православной Россіи пастыри непремѣнно имѣли его и носили въ своемъ приходѣ при исполненіи требъ. Новопоставленные іереи, приготовляя себѣ ко дню рукоположенія священническую одежду, непремѣнно приобретали и жезлъ пастырскій (посохъ, трость). Нынѣ же, къ сожалѣнію, не всегда можно встрѣтить священника съ жезломъ; многіе молодые совершенно не имѣютъ его, считая эту пастырскую принадлежность какъ бы ненужною. Такое отношеніе къ посоху, если и не свидѣтельствуетъ объ упадкѣ въ настоящее время пастырской дѣятельности, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть признано желательнымъ: оно даетъ инымъ, особнно недоброжелателямъ православія, поводъ думать о православныхъ пастыряхъ не въ ихъ пользу. Оставляя свой жезлъ безъ вниманія, православный русскій священникъ въ самомъ дѣлѣ какъ бы уступаетъ его лжепастырямъ, и когда же? — въ виду гибельной ихъ дѣятельности, когда онъ долженъ дожить всѣми знаками своего священническаго достоинства

Ж. Е. В.

Что отвѣчать раскольникамъ на ихъ отговорки отъ бесѣды съ православнымъ миссіонеромъ или священникомъ?

Чтобы уклониться отъ бесѣды съ миссіонеромъ или священникомъ, раскольники иногда всячески отговариваются, такъ что прежде, чѣмъ начать самую бесѣду, необходимо отвѣтить на ихъ отговорки. Такъ они говорятъ.

1. *Какое вамъ дѣло до насъ, учите лучше своихъ; вотъ они пѣяствуютъ и проч., а мы не ваши.* На это приходится отвѣчать: свои (наши) грѣшатъ, но и каются во грѣхахъ и чрезъ то получаютъ прощеніе. Что же касается нашего дѣла до васъ, то Самъ Спаситель заповѣдалъ, при потерѣ и одной заблудшей овцы, оставить все стадо и идти искать эту заблудшую. Избравъ изъ своихъ послѣдователей двѣнадцать, которыхъ назвалъ посланниками, Онъ сказалъ имъ: «идите къ погибшимъ овцамъ дома Израилева...» и далѣе: «научите вся языки, учаше ихъ соблюдать все, что заповѣдалъ вамъ» (Матѣ. 28, 18 и Иоанна 20, 21 ст.).

Еще ранѣе Иисуса Христа пророкъ Моисей, написавъ законъ, отдалъ его священникамъ и заповѣдалъ имъ: «читай сей законъ предъ всѣмъ Израилемъ вслухъ его. Собери народъ мужей, женъ и дѣтей... чтобы они слушали и учились и чтобы боялись Господа... и старались исполнять всѣ слова закона сего». (Второзак. 31, 9—12 ст.).

«Уста священника должны хранить вѣдѣніе, и законъ ищутъ отъ устъ его, потому что онъ вѣстникъ Господа Саваога», говоритъ и другой пророкъ (Малах. 2, 7 ст.).

«Горе мнѣ, если не благовѣствую», говоритъ св. апостоль Павелъ къ Римлянамъ.

«Проповѣдуй слово, научи, запрети, умоли... «заповѣдалъ онъ и ученику своему Тимоѳею.

«Какъ услышать безъ проповѣдующаго? И какъ проповѣдуютъ, если не будутъ посланы», говоритъ онъ же.

Говорить же: «мы не ваши», не значить-ли забывать слова Самого Спасителя: «Кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня» (Матѣ. 10, 40). «Какъ Ты послалъ Меня въ міръ, такъ и Я послалъ ихъ (Іоан. 17, 13). Не значить ли забывать и

слова св. Игнатія Богоносца: «повинуйтесь пресвитерамъ, какъ апостоламъ Іисуса Христа (286 л.). Всѣ почитайте... пресвитеровъ, какъ собраніе Божіе... какъ сонмъ апостоловъ. Безъ нихъ нѣтъ Церкви (286 л.)».

2. *Что намъ бесѣдовать? Мы все равно не послушаемъ васъ, а въ какой вѣрѣ были, въ такой и останемся.* Св. апостоль Павелъ писалъ Коринтянамъ: «испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ-ли вы?» (2 Коринт. 13, 5 ст.). Какъ же намъ не побесѣдовать, какъ не испытать себя въ истинной-ли мы вѣрѣ, — той вѣрѣ, которую проповѣдалъ Самъ Христосъ и Его святые апостолы. „Вѣра есть... даръ Божій... ея же человекъ освящается и всею силою хранить вся, яже Господь подаде ему Церковію своею разумѣти, яже во Святѣмъ Евангеліи писанное и не писанное», учитъ старая книга Филаретовскій великій катихизисъ, на 11 листѣ. А на оборотѣ 12 листа онъ же говоритъ: «Вѣра есть даръ Божій, иже понуждаетъ насъ къ Божественныхъ словесъ послушанію... вѣра есть, егда Пречистыхъ... Христовыхъ Таинъ причащаемся и пріемлемъ; тогда хлѣбъ въ самое тѣло и вино въ самую Кровь... Христовы пріемлемъ». «Вѣры иныя не суть православныя, говоритъ онъ далѣе на 21 листѣ, понеже не во словеси Божіи утверждаются, ниже по преданію святыхъ апостоль... жительствуютъ... и бѣсы вѣрують, говоритъ онъ, и трепещуть...» «Познати бо имуть истинное ученіе о вѣрѣ отъ Церкви Христовы и отъ учителей церковныхъ», учитъ тотъ же катихизисъ на обор. 18 листа.

«Кто отъ Бога, тотъ слушаетъ слова Божіи», говоритъ Спаситель въ Евангеліи (Іоанна 8, 47); мы же проповѣдуемъ не свое ученіе, а слово Божіе.

«Знающій Бога, слушаетъ насъ, кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ насъ. По сему мы узнаемъ духа истины и духа заблужденія», говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 4, 6). «Непокорный непокоренъ не человекъ, но Богу», говоритъ и св. апостоль Павелъ къ Фессалоникійцамъ (1 Фессалон. 5, 12). Напротивъ, Господь заповѣдалъ въ Евангеліи слушать даже фарисеевъ: «все, что велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте, по дѣламъ же ихъ не поступайте» (Матѣ. 23, 3 ст.).

3. *Намъ бесѣдовать теперь некогда: мы заняты, надобно идти на работы.* «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ», сказалъ Саситель, показывая преимущество духовнаго хлѣба предъ тѣлеснымъ.

«Марѳа, Марѳа... заботишься о многомъ; Марія же избрала благую часть...» (Лук. 10, 41—42).

«Кто любитъ наставленіе, тотъ любитъ знаніе, а кто ненавидитъ обличенія, тотъ невѣжда», говоритъ Премудрый. (Притч. 12, 1).

«Кто хранитъ наставленіе, тотъ на пути къ жизни» (Притч. 10, 17).

«Какая польза человекъ, если пріобрѣтетъ весь міръ, душѣ же своей повредитъ?»

«Идѣ же святыя книги и чтеніе, тамо веселіе праведнымъ и спасеніе душамъ», говоритъ преподобный Ефремъ Сиринъ (л. 197 об.).

«Не послушаете Моего праведнаго Евангелія, ни блаженныхъ ученикъ, ни Азь услышу рыданія вашего», учитъ онъ же (212 обор.).

Миссіон.-свящ. *А. Казанскій.*

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

Вопросы религіи въ обезужденіи такъ называемыхъ передовыхъ свѣтскихъ людей.

(Картинки съ натуры).

ВѢТНІЯ каникулы я провожу всегда на своей родинѣ и занимаюсь ради физическихъ упражненій полевыми работами. Однажды, во время сѣнокоса, меня позвали съ луга домой, куда пріѣхали какія-то двѣ дамы. Оказалось, что одна изъ нихъ была сестра моего пріятеля Николая Андреевича—Настасья Андреевна, а другая нѣкая—Раиса Алексѣевна. Послѣ первыхъ пріѣздовъ заговорила Настасья Андреевна.

„Представьте себѣ, Раиса Александровна,—обратилась она къ своей компаніонкѣ,—М. С. чуть не съ годъ знакомъ съ моимъ братомъ, но до сихъ поръ ни меня, ни мужа моего и въ глаза не видалъ. Вамъ это непростительно. Братъ объясняетъ вашъ поступокъ обыкновенною застѣнчивостью, будто бы непривычкою бывать въ обществѣ,—я, конечно, этому не вѣрю: я нахожу, что здѣсь просто демократическая гордость. А гордость—порокъ,—улыбнувшись добавила барыня,—который разумѣется вы должны оставить; вы непременно должны бывать въ нашемъ обществѣ; слышите: непременно!

Затѣмъ вторая причина: вы должны объяснить поведеніе моего брата, которому, простите за вульгарное выраженіе, дурь какая-то въ голову лѣзетъ: бросить кандидатскій дипломъ, бросить свѣтлую будущность, связи и проч. и идти въ деревенскую глушь, чтобы заниматься тамъ съ заскарузлыми крестьянскими ребятами. Подумайте, что за донкихотская идея! Не безъ вашего же вліянія произошла съ нимъ непонятный для меня кризисъ!

Наконецъ, третья причина: я устраиваю завтра вечеръ или просто собраніе, на которомъ непременно желаю видѣть и васъ. При этомъ пріятно заявляю вамъ, что содержаніе завтрашняго вечера будетъ довольно разнообразное, предназначенное съ специальной цѣлью для обсуждения какихъ-то тамъ сложныхъ жизненныхъ вопросовъ, лично для меня и для Раисы Александровны очень туманныхъ; но для васъ съ братцемъ, вѣроятно, очень интересныхъ. Познакомитесь еще съ новыми личностями изъ круга идейной молодежи и можетъ быть,—весело заключила она,—осчастливите чело-вѣчество открытіемъ новой Америки“.

Перебросившись еще двумя-тремя фразами, обѣ поспѣтительницы встали и, наскоро простившись со мной, предварительно заручившись моимъ согласіемъ побывать на „интересной бесѣдѣ“, отправились къ поджидавшему ихъ экипажу.

Въ назначенные часы вечеромъ я постарался явиться въ богатый барскій домъ, гдѣ все общество было ужъ въ сборѣ. Шли обычные барскіе разговоры въ перемѣшку съ игрой на роялѣ. Когда общество нашумѣлось и наговорилось о всякихъ пустякахъ, изъ среды его отдѣлилась крупная, плотно сложенная фигура мужчины среднихъ лѣтъ. Его звали Артуръ Александровичъ. Онъ занималъ должность мѣстнаго врача, но большую часть времени проводилъ въ кружкахъ интеллигентной молодежи, гдѣ онъ принимался за агитатора въ распространеніи разныхъ смѣлыхъ идей и предпріятій, въ особенности, если эти предпріятія не беспокоили его лично. Въ противномъ случаѣ, когда, напр., дѣло грозило опасностью, Артуръ Александровичъ умѣлъ во-время ретироваться.

Онъ первый далъ толчекъ къ открытію бесѣды, первый началъ ее вступительной, длинной рѣчью, въ которой привелъ „массу фактовъ“ въ пользу развиваемой имъ идеи. Этими фактами онъ наиболѣе привлекалъ вниманіе своихъ слушателей и возбуждалъ общій интересъ.

Для насъ, конечно, нѣтъ резонновъ передавать рѣчь доктора всю сполна: придется ограничиться только тѣмъ, что, по мнѣнію оратора и публики, составляло сущность вопроса.

Вотъ приблизительно какую повелъ рѣчь Артуръ Александровичъ.

— „Господа! многіе близорукіе люди изъ образованнаго класса интеллигенціи жалуются на то, что будтобы наше время останется одной изъ темныхъ страницъ въ исторіи человѣческой лѣтописи, что канунъ исхода 19-го столѣтія ничѣмъ себя не ознаменовалъ въ смыслѣ движенія жизни впередъ, никакими, такъ сказать, пріятными для насъ событіями. Это, по моему, неправда. Напротивъ, подобныхъ событій прошло и проходитъ чрезвычайно много предъ нашимъ взоромъ, но мы ихъ не замѣчаемъ, или, лучше сказать, не хотимъ замѣтить. А не замѣчаемъ потому, мнѣ кажется, что очарованные успѣхами научныхъ открытій, разными техническими усовершенствованіями и знаніями, привыкли сосредоточивать вниманіе исключительно на вѣдшей сторонѣ прогресса; между тѣмъ внутренняя область—область нравственнаго развитія людей, проявленіе безконечнаго разума въ жизни для насъ не интересно, мы сознательно ее обходимъ. Конечно, если такъ смотрѣть на дѣло, то, дѣйствительно, ничего нѣтъ отраднаго въ жизни, никакими добрыми событіями не даритъ насъ истекающее 19-е столѣтіе, и мы самые жалкіе въ этомъ отношеніи сыны его. Но, повторяю, это неправда. Есть свѣтъ въ жизни. Есть весьма поразительныя явленія среди насъ. А народъ? что-жь мы забыли о немъ! Развѣ-жь, угнетенный, не выступилъ теперь на свѣтъ Божій? Да, онъ выступилъ, и, если хотите, я укажу когда: онъ выступилъ, когда пересталъ вѣрить въ непогрѣшимость государственной Церкви съ ея представителями, умышленно держащими народъ во тьмѣ. Онъ выступилъ и не такъ, какъ интеллигенція, которая хотя давно не считаетъ себя за вѣрныхъ чадъ Церкви, однако, изъ своекорыстныхъ расчетовъ, не прочь иногда облечься въ личину православія. Напримѣръ, всякій губернаторъ, камергеръ, судья, чиновникъ, жандармъ, учитель находятъ же для себя молиться большимъ крестомъ, принимать попа съ требами и ходить къ нему на исповѣдь,—находятъ, потому что это для нихъ выгодно: оно приноситъ имъ извѣстное спокойствіе и животное наслажденіе въ жизни. Не то совсѣмъ простой народъ. Онъ, если вѣрить, то вѣрить до боли, до самопожертвованія; а если не вѣрить, или вѣрить по своему, то—честно, въ открытую, не боясь никакихъ угрозъ, никакихъ насилій. Онъ за свою твердую вѣру и убѣжденія го-

товъ перенести все. Достаточно указать хотя бы на расколь, или всего лучше—на современные секты. Кто изъ образованныхъ можетъ проявить столько мужества и стойкости въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ эти люди? Вотъ, слѣд., на кого бы я хотѣлъ обратить ваше вниманіе, господа. Вотъ гдѣ нужно признать настоящую жизнь, гдѣ идетъ глухая подземная работа, результаты которой, должно предполагать, приведутъ людей къ мирному единенію другъ съ другомъ, во имя любви и милосердія.

Я знаю, что вы меня сейчасъ обличите въ излишней идеализации народа и, наоборотъ, въ замалчиваніи о лучшихъ чертахъ изъ жизни интеллигенціи.

Напрасно,—ни того, ни другого я по своимъ взглядамъ неспособенъ сдѣлать. Я только констатирую фактъ, я говорю о паразитическомъ движеніи къ свѣту „темной массы“ въ противоположность другому факту—факту застоя, или, лучше сказать, равнодушія къ жизни образованныхъ классовъ, у которыхъ оно переходитъ иногда въ полное разочарованіе въ послѣдней.

Итакъ, господа, началось движеніе, котораго мы, по своему самолюбію, ни умалять, ни отрицать не въ силахъ, движеніе—отрадное, полное надежды „на близкія времена“, движеніе, которое мы замѣчаемъ теперь среди общества *новыхъ* христіанъ и преимущественно духоборовъ. Словомъ, съ успѣхомъ просвѣщенія съ одной стороны, и съ пропагандой съ другой—въ народѣ пробудилась сильная любознательность и желаніе зажить болѣе человѣческой жизнью, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего прежняго ложнаго положенія, въ которомъ онъ очутился, благодаря „обманамъ вѣры“.

Кстати мнѣ недавно пришлось пробѣжать весьма интересное письмо Л. Н. Толстого, какъ разъ по поводу означеннаго движенія, каковое движеніе нашъ уважаемый писатель встрѣчаетъ съ обычнымъ ему сочувствіемъ и съ искреннею готовностью помочь народу, въ чемъ находитъ для себя возможнымъ. Письмо это важно еще въ томъ отношеніи, что оно освѣщаетъ труднѣйшую проблему для насъ, именно, какъ надо понимать христіанское вѣроученіе; оно важно и какъ руководство для проповѣдыванія христіанской морали народу.

Дѣло въ томъ, что хотя, какъ я сказалъ, въ народѣ идетъ работа на „добываніе жизни“, т. е. на пользу водворенія

парства Божія на землѣ, но этой работѣ много препятствуютъ личные счѣты каждаго изъ-за религіозныхъ убѣжденій, изъ-за догматовъ вѣры; а потому самый идеаль единенія будетъ неосуществимъ при данныхъ условіяхъ до тѣхъ поръ, пока не устранишь таковыя.

Вотъ, по моему крайнему убѣженію, что хотѣлъ сказать Л. Н. въ своемъ письмѣ. Какъ видите, вопросъ чрезвычайно сложный, и съ моей стороны было бы ошибкой не прочесть вамъ самага письма, правда, коротенькаго, но такъ много говорящаго чувству человѣка“.

Вслѣдъ за сказаннымъ Артуръ Александровичъ вынулъ изъ кармана своего сюртука тощую гектографированную тетрадку и приготовился къ чтенію.

„Ко мнѣ, пишетъ Л. Н., обращались и обращаются молодые люди изъ народа, *усомнившіеся* въ истинѣ ученія Церкви, въ которой они воспитаны, спрашивая меня, въ чемъ состоитъ мое ученіе, какъ я понимаю христіанское ученіе? Такіе вопросы всегда огорчаютъ и даже оскорбляютъ меня“.

Здѣсь Артуръ Александровичъ хотѣлъ было остановиться, чтобы сдѣлать кое-какія отъ себя поясненія, но его попросили читать дальше.

— Читайте же, Артуръ Александровичъ, вѣдь это очень интересно,—говорили мужскіе голоса,—послѣ, конечно, мы обсудимъ и, пожалуй, составимъ собственную программу, согласно совѣту Л. Н., но теперь читайте и пожалуйста безъ перерывовъ.

— Ахъ, какъ это все занимательно!—нетерпѣливо засуетились дамы.

— Ну-съ, Л. Н. Толстой не признаетъ себя за новаго проповѣдника новаго ученія,—продолжалъ Артуръ Александровичъ,—и говоритъ, „что у него нѣтъ никакого ученія, а что если и есть, то оно такое же христіанское, какъ изложено въ Евангеліяхъ“. И чтобы понять христіанское ученіе, каково оно въ дѣйствительности, нужно, главное, не толковать Евангелія, а понимать ихъ, какъ они написаны. И потому на вопросъ о томъ, какъ надо понимать ученіе Христа, я отвѣчаю: если хотите понять ученіе Христа, читайте Евангеліе, читайте, отрѣшившись отъ всякаго предвзятаго пониманія, съ однимъ желаніемъ понять то, что сказано въ

Евангеліяхъ. Но именно потому, что Евангеліе есть священная книга, ее надо читать обдуманно съ толкомъ и разборъ, а не какъ попало, подрядъ, приписывая одинаковое значеніе всякому слову, которое въ ней находится.

Для того, чтобы понять всякую книгу, необходимо выдѣлить изъ нея все вполнѣ понятное отъ непонятнаго и запутаннаго и изъ этого выдѣленнаго понятнаго составить себѣ понятіе о смыслѣ и духѣ всей книги, и тогда на основаніи вполнѣ понятнаго, выяснитъ для себя мѣста не вполнѣ понятныя и запутанныя.

Такъ мы читали всякаго рода книги. Тѣмъ болѣе такъ необходимо читать Евангеліе, — книгу, прошедшую чрезъ многосложныя соединенія, переводы и переписки, составленную 19 вѣковъ тому назадъ *людьми малообразованными и суевѣрными*“.

— Именно, суевѣрными и малообразованными, — кто-то не стерпя крикнулъ изъ толпы собесѣдниковъ въ тотъ моментъ, когда Артуръ Александровичъ глубокомысленно задумался на послѣднихъ словахъ письма, собираясь, вѣроятно, опять вставить свои поясненія. — И я бы, господа, отъ себя предложилъ такой совѣтъ, — продолжалъ неизвѣстный господинъ, — не начать ли намъ сейчасъ высказывать свои замѣчанія по поводу непонятныхъ для насъ мѣстъ въ Евангеліи, которыя, конечно, нужно принять, какъ вставки, появившіяся въ священной книгѣ, благодаря усердію церковниковъ; но онѣ-то собственно и затемняютъ истинный смыслъ христіанскаго ученія. Итакъ, сдѣлаемъ это, господа, въ видѣ предварительнаго обсужденія вопроса, и я увѣренъ, что мы сейчасъ же придемъ къ какому-нибудь результату, т. е. получимъ изъ Евангелія существенное и важное, что необходимо для жизни. Вѣдь согласитесь, что объ этомъ существенномъ ни у кого изъ насъ не должно быть споровъ: мы всѣ знаемъ, что любить ближняго должно, не завидовать, не клеветать на него и т. д.

Сказавъ это, неизвѣстный господинъ вопросительно остановилъ свой взоръ на публикѣ и даже просіялъ въ лицѣ, точно дѣйствительно сдѣлалъ не вѣсть какое открытіе. Прошло минутъ пять убійственнаго молчанія. Публика страшно переконфузилась и не знала, чѣмъ объяснять странный поступокъ этого господина, хотя, судя по письму Л. Н. Тол-

стого, въ немъ (въ поступкѣ) ничего не было страннаго. Страннымъ скорѣе должно казаться самое письмо и страннымъ то, что многіе изъ нашего собранія, какъ ни лестно было принять на себя роль реформатора христіанской религіи—многіе изъ такихъ господъ почти со школьнаго возраста и не заглядывали въ Евангеліе.

Такимъ образомъ, впечатлѣніе получилось сильное, но только неизвѣстно отъ чего болѣе: отъ чтенія ли письма гр. Толстого, или отъ неожиданнаго предложенія страннаго господина.

Этимъ общимъ замѣшательствомъ всего удачнѣе, по моему, воспользовался Николай Андреевичъ. Сидѣвшій отдѣльно за круглымъ небольшимъ столикомъ, около книгъ хмурымъ и нѣсколько взволнованнымъ, онъ заговорилъ и всѣ точно обрадовались ему и облегченно вздохнули.

— „Господа!—началъ Николай Андреевичъ, — все это, дѣйствительно, важно, что написалъ Л. Н. Толстой въ прочитанномъ нами его письмѣ. Важно, во-первыхъ, кто пишетъ, а во-вторыхъ, о чемъ пишетъ. Впрочемъ, о лицѣ автора я не считаю себя въ правѣ распространяться; но противъ того, что онъ пишетъ,—нахожу должнымъ возражать.

Какъ извѣстно, графъ Л. Н. до сего времени только одинъ бралъ на себя роль „реформатора“ христіанской религіи, одинъ вооружался необычайною смѣлостью исправлять и передѣлывать по своему св. Евангеліе. А мы, образованная интеллигенція, индифферентны къ религіи, мы только съ любопытствомъ слѣдили за капризнымъ талантомъ графа, и ради этого таланта, готовы были извинить графу всю его смѣлость и всѣ несообразности касательно религіи. Значить, у насъ еще хранилось извѣстное чувство уваженія къ послѣдней, такъ какъ врядъ ли кто изъ насъ рѣшился бы слѣдовать примѣру Толстого въ вопросахъ выше нашего разумнія, въ вопросахъ, которые милліонами людей принимаются лишь на вѣру.

Но теперь вы видите, какъ страшно измѣнились обстоятельства, благодаря продолжительному вліянію на насъ талантливаго русскаго писателя; теперь не только вы, образованная часть интеллигенціи, но, по совѣту графа, всякій можетъ сдѣлаться реформаторомъ религіи и исправителемъ св. Евангелія, всякій, хотя бы онъ былъ полный невѣжда

въ знаніяхъ христіанскаго вѣроученія, хотя бы онъ былъ глупый и нравственно испорченный человѣкъ! Непонятно? Не вѣрится даже, чтобы Л. Н. могъ предложить такой совѣтъ, а тѣмъ болѣе молодымъ людямъ, которые только вступаютъ въ жизнь, въ пору развитія въ нихъ всякихъ страстей, склонностей и увлеченій, и что такъ вѣрно изобразилъ когда-то въ своихъ произведеніяхъ самъ Толстой. Для меня здѣсь, главнымъ образомъ, непонятно то, съ какой стати Толстой Евангеліе называетъ священной книгой, если онъ ставитъ ее въ рядъ со всѣми другими произведеніями человѣческаго ума и какъ ко „всякой книгѣ“ (можетъ быть не исключая и французскихъ романовъ) прилагаетъ къ ней одинаковую критическую оцѣнку. Развѣ онъ не знаетъ, что ни одна народность, никто изъ послѣдователей религій не относились такъ легкомысленно къ своимъ священнымъ книгамъ (пока онѣ для нихъ были священны), какъ именуемые христіане изъ образованныхъ—къ Евангелію. Примѣръ Толстого въ этомъ случаѣ совершенно небывалый. Даже попытки Тюбенгенской школы не могутъ идти въ сравненіе съ этимъ примѣромъ. Тамъ хоть была борьба науки съ религіей, по недоразумѣнію первой. Здѣсь, спрашивается, во имя чего предпринимается походъ почти безграмотныхъ людей на религію? Неужели во имя восхваляемаго вами туманнаго единенія человѣчества на началахъ будто бы христіанскихъ, но безъ Христа?!

— Совершенно вѣрно: единеніе людей,—загорячился докторъ,—причемъ „всѣ элементы для новой жизни человѣчества, какъ единого цѣлаго“, уже готовы и только ждутъ энергичнаго толчка, который, конечно, и произойдетъ, если мы сначала уничтожимъ религіозную вражду между людьми изъ-за какихъ-то тамъ спорныхъ церковно-догматическихъ вопросовъ, изъ-за того, что „одни, какъ говоритъ Толстой, думаютъ, что все дѣло въ искупленіи; другіе, что все дѣло въ благодати, пріобрѣтаемой черезъ таинства; третьи, что все дѣло въ повиновеніи Церкви“. При этихъ безконечныхъ спорахъ между спорящими зачастую разгорается взаимная ненависть, сыплятся взаимныя проклятія и даже совершаются цѣлыя злодѣянія. Спрашивается, изъ-за чего вся эта ужасная рознь между людьми? Изъ-за того, что люди, не понявъ простоты христіанскаго ученія, сосредоточили мысль на ле-

гендахъ, да на суетвѣри. „Христось (Богъ по ученію Церкви),— замѣчаетъ Толстой,—сошелъ на землю, чтобы открыть людямъ божественную истину для ихъ руководства въ жизни. Человѣкъ простой, глупый человѣкъ, если хочетъ передать людямъ важное для нихъ указаніе (!!)(какое же это важное указаніе можетъ передать людямъ глупый человѣкъ?!), всегда сдѣлаетъ такъ, что люди поймутъ его. И вдругъ Богъ пришелъ на землю только за тѣмъ, чтобы спасти людей и Богъ этотъ не сумѣлъ сказать то (что желательно было бы для Толстого), что Ему нужно было сказать такъ, чтобы люди не перетолковывали его такъ, что всѣ разошлись въ ихъ пониманіи. Не можетъ этого быть, если Христось былъ Богъ“. Разумѣтся, не можетъ быть,—продолжалъ докторъ,—не можетъ быть споровъ относительно личности Христа; тѣмъ болѣе, что въ наше время масса мыслящихъ людей давно пришли къ тому убѣжденію, что заслуги христіанства для міра заключаются не въ вышеозначенныхъ спорныхъ догматическихъ вопросахъ, а въ его высокоомъ нравственномъ ученіи, которое, при томъ, какъ ученіе демократическое, одно только можетъ соединить человѣчество во едино. Кромѣ того, не надо забывать, что христіанство, какъ продуктъ исторіи прогресса, какъ сила общественнаго самосознанія, явилось изъ человѣчества и для человѣчества. Слѣдовательно, религія христіанская (коли принимать ее съ этой стороны) не есть религія національной исключительности и церковной обособленности: она есть религія мира и любви, удовлетворяющая наивысшимъ духовнымъ потребностямъ нашимъ. Съ такой именно стороны мы стали теперь понимать христіанство. Говорю теперь, разумѣя, конечно, не одно внѣшнее культурно-историческое развитіе человѣчества, но и прогрессъ въ его духовной жизни—въ области накопленія альтруистическихъ чувствъ, какъ ближайшихъ точекъ, приводящихъ людей къ единенію.

Альтруизмъ—это знаменіе нашего времени, которое не хотять поять развѣ одни близорукія и крайне ограниченныя личности. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій кто возьметъ теперь въ руководство жизни Евангеліе, возьметъ изъ него то, что способствуетъ къ миру и единенію. Остальное же, что дорого лишь для одного церковнаго насилія, держащаго народъ въ рабствѣ и невѣжествѣ, отбросить.

Вѣрею или нѣтъ, что мы теперь и умнѣе, и добрѣе, и ближе стоимъ къ христіанству, менѣе способны на какія бы то ни было ошибки—это вопросъ другой, о которомъ рѣчь будетъ впереди; но для меня одно здѣсь ясно,—сказаль Николай Андреевичъ,—что человѣчество не могло создать христіанства, не будучи имъ само создано и преобразовано въ новую форму жизни. Въ этомъ отношеніи ваша идея нисколько не подрываетъ и не уничтожаетъ высшую религіозную идею—идею *откровенія*; а, напротивъ, подтверждаетъ такую. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ вы говорите, христіанство вышло изъ человѣчества и для человѣчества, какъ продуктъ историческаго прогресса, если только *теперь* мы вступаемъ въ христіанское міропониманіе, только *теперь* можемъ именоваться христіанами, то почему-жь, однако, христіанство явилось въ срединѣ исторіи человѣчества, а не въ концѣ ея, какъ бы слѣдовало по теоріи прогресса? Одно изъ двухъ: или тогда не существовало ни Христа, ни Его ученія, или же оно существовало, но явилось не въ силу историческаго развитія, а въ силу особой промыслительной дѣятельности Творца, какъ религія богооткровенная.

Но я знаю, что Толстой нигдѣ не обмолвился ни единымъ словомъ противъ достовѣрно исторической личности Христа, Его дѣлъ и ученія. Толстой, я помню, убѣдительно доказывалъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ, что жизнь Христа и Его ученіе (т. е. часть ученія принятая Толстымъ) есть особый выдающійся моментъ въ исторіи, „которому равнаго не было и, можетъ быть, не будетъ“.

Возведя, такимъ образомъ, основателя христіанства на высоту недосыгаемую ни для кого изъ людей, вы, мнѣ кажется, сильно противорѣчите сами себѣ, отождествляя прогрессъ съ христіанствомъ. Я думаю, что не благоразумнѣе ли будетъ оставить христіанство въ покоѣ, или, по крайней мѣрѣ, не судить о немъ съ вашей узкой точки зрѣнія прогресса (какъ вы его понимаете). Тогда бы вы скорѣе могли подражать всѣмъ тѣмъ благоразумнымъ прогрессамъ, которые давно признали, что выше христіанской этики ничего нѣтъ—ни въ области науки, ни въ ученіи великихъ моралистовъ древняго и новаго міра. Да и Толстой, при всемъ его желаніи втиснуть христіанство въ прогрессъ, съ філософскими регаліями въ сущности не предрѣшаетъ вопроса,

который, какъ тайна, до сихъ поръ остается загадкой и соблазномъ для человѣческаго разума, отрицающаго идею откровенія. Что-жъ поэтому удивительнаго, если мудрецы древняго міра, обуреваемые гораздо грубѣйшими соблазнами, скептически отнеслись къ новому ученію.

Возьмемъ ученіе Христа о братствѣ всѣхъ людей, какъ дѣтей одного Отца Небеснаго, о равенствѣ ихъ предъ Богомъ и попробуемъ какъ-нибудь примирить съ этимъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ институтъ древняго рабства. Мы слышали, что въ вѣчномъ царствѣ Христа „нѣтъ ни свободнаго, ни раба, но всѣ едино и Христосъ во всѣхъ“, что рабъ имѣетъ такую же безсмертную душу, искупленную Кровію Спасителя міра, какъ душа мудреца, царя и вольможи ¹⁾.

Такимъ образомъ, вопросъ о рабствѣ христіанскими проповѣдниками былъ поставленъ не только съ нравственной, но, такъ сказать, и съ философской точки зрѣнія, а потому долженъ бы встрѣтить поддержку со стороны мудрецовъ того времени. Также и многія другія христіанскія истины должны бы, кажется, еще издали быть привѣтствованы развитымъ философскимъ сознаниемъ. Вѣдь не даромъ же мы о всѣхъ великихъ людяхъ и замѣчательныхъ мыслителяхъ или говоримъ какъ объ истолкователяхъ своей эпохи, или величаемъ ихъ вѣщими пророками грядущей. На ихъ обязанности лежитъ впервые замѣтить наступающей разсвѣтъ жизни и открыть путь къ нему обществу, которое, по теоріи прогресса, слѣдуетъ въ хвостѣ за своими вожаками. Такъ было во всѣ времена и у всѣхъ народовъ: было то, что гении міра иногда на цѣлое столѣтіе опережали свое общество, изъ котораго они сами вышли; такія явленія повторяются и теперь. Но христіанство, какъ намъ извѣстно, избрало совершенно другой путь въ своемъ поступательномъ движеніи. Во-первыхъ, обойдя всѣхъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей, которые очутились назади, и уничтоживъ вѣковые предразсудки о рабствѣ, христіанство остановилось на „соблазнѣ креста“. Во-вторыхъ, тотъ, кто принялъ образъ

¹⁾ Здѣсь разумѣется нравственная свобода, а не политическая, низшая, подчиненная послѣдней. Съ признаніемъ нравственной свободы, т. е. съ воспитаніемъ въ себѣ христіанскихъ началъ, внѣшняя форма жизни не имѣетъ подавляющаго гнета надъ человѣкомъ, какъ доказывается историческими данными и опытомъ личной жизни.

презираемаго всѣми раба, кто проповѣдывалъ смиреніе, терпѣніе и кротость, кто освятилъ всякій честный трудъ, идущій на пользу ближняго, тотъ былъ отвергнутъ даже самыми возвышенными умами.

Все это былъ соблазнъ, все это ново и, казалось, неожиданно вошло въ классическую цивилизацію, а потому самому ни наука, ни философія ученіе христіанское не могли признать за *свое*, чѣмъ, разумѣется, и подтвердили истину, что ученіе это, ученіе объ Истинѣ, воплощенной въ лицѣ Христа, „не отъ міра сего“. Если бы оно было отъ міра— „міръ убо своя любилъ“, какъ сказалъ Христось.

— Нѣтъ, отъ міра сего! — загорячился снова докторъ. Онъ даже всталъ и волнуясь началъ быстро шагать по комнатѣ. — Дѣло въ томъ, — говорилъ онъ, — что вы взялись во что бы то ни стало оправдать извѣстное народное суевѣріе относительно „человѣка Иисуса“, котораго Церковь по своимъ расчетамъ возвела въ Бога. Вотъ, по моему, гдѣ скрывается удивительное противорѣчіе, отъ котораго донинѣ не въ силахъ выпутаться людское недоуміе, привыкшее надѣлять божество человѣческими атрибутами. Между тѣмъ, что касается духа разсматриваемаго вами времени и хорошихъ добрыхъ чувствъ, живущихъ въ народѣ, чисто христіанскихъ чувствъ, то объ этомъ свидѣтельствуетъ и само Евангеліе—фактомъ народнаго энтузіазма ко Христу, какъ къ чудному Учителю жизни, Который долженъ былъ смѣнить ветхій законъ, со всею ревностію поддерживаемый книжниками и фарисеями.

Для большаго поясненія своихъ мыслей я вамъ, пожалуй, приведу одно замѣчательное событіе изъ Евангелія. Вотъ оно. „И привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣянніи. Учитель!—сказали Ему фарисеи и законники, — Моисей повелѣлъ побивать *таковыя* камнями. Кто изъ васъ безъ грѣха, — отвѣчаетъ Христось, — пусть первый возьметъ камень и броситъ въ нее“. Сказавъ это, Онъ „приклонился долу и нача перстомъ писати на землѣ“.

— Чудная картина! — продолжалъ восторженно Артуръ Александровичъ, — какъ приблизится намъ къ ней? О чемъ думалъ Спаситель, когда писалъ эти невѣдомыя для чело- вѣчества слова! Не хотѣлъ Онъ сказать намъ такъ: фарисеи и вообще всѣ тѣ, кто поставилъ главною цѣлью въ своей

жизни исполнять букву закона, которая есть продуктъ вашей нелѣпости, вашего жестокаго сердца, которое я своимъ ученіемъ пришелъ исцѣлить,—знайте, что вы, отдаваясь во власть узкой формы обрядности, т. е. буквы, дѣлаетесь ея данниками, ея рабами. Между тѣмъ въ глубинѣ вашихъ душъ чуть замѣтно блеститъ лучъ божественнаго свѣта, который, озаряя вашъ разумъ, сковываетъ вамъ руки исполнить свой жестокой приговоръ надъ бѣдной женой.

„Они же слышавше, и совѣстію обличаеми и исхождаху единъ по единому... и оста единъ Иисусъ и жена посредѣ сущи... Жено, гдѣ суть, иже вождаху на тя? Нѣкій же тебѣ осуди, рече же Иисусъ, ни Азъ тебѣ осуждаю: иди и отсели къ тому не согрѣшай“.

Смысль этихъ словъ приблизительно слѣдующій: женщина! гдѣ твои обвинители по старому закону? Ихъ нѣтъ. Посмотри: формы этого закона уже измѣнились и становятся излишними даже въ огрубѣлыхъ сердцахъ фарисеевъ, что же нужно сказать объ остальной лучшей части общества?!

— Примѣръ вы взяли дѣйствительно удачный,—сказалъ Николай Андреевичъ,—но и этотъ примѣръ доказываетъ скорѣе, что христіанство явилось на помощь „немощи“ чело-вѣческой, нисколько, впрочемъ, не отрицая самодѣятельности въ каждомъ изъ людей. Въ послѣднемъ оно благословило не только трудъ, усиліе, но и всякое благое намѣреніе во славу Божію. И какая это помощь! поистинѣ помощь божественная, споспѣшествующая всему доброму—благодать Христова! Развѣ это не фактъ, что многіе изъ *грѣшниковъ* и *грѣшницъ*, подобно приведенной ко Христу женѣ, „вѣруя въ свѣтъ“, перестали грѣшить, свято соблюдали 7-ю заповѣдь,—фактъ свидѣтельствуется всѣми истинными послѣдователями Христа, отъ самаго начала христіанства и до-нынѣ?

Между тѣмъ отъ того же грѣха люди дохристіанскаго періода не могли избавиться даже подъ страхомъ смерти и боязни гнета общественнаго презрѣнія, каковой гнетъ для иныхъ бываетъ не легче смерти. Наоборотъ, при началѣ христіанской эры—взять хотя бы вѣкъ Нерона—древній образованный міръ прямо утопалъ въ порокахъ, несмотря на высокую моральную проповѣдь Сенеки, съ которымъ, какъ нѣкоторые думаютъ, состоялъ въ перепискѣ и ап. Павелъ.

Ясно, что здѣсь дѣло заключается не въ одной морали

и ни въ природномъ влеченіи человѣка къ добру. Ни классическая цивилизація, ни прогрессъ, ни философская мудрость, ничто не облегчило въ мірѣ яда зла и не сдѣлало того, что было сдѣлано христіанствомъ для всѣхъ „страждущихъ и обремененныхъ“, которыхъ Христосъ-Спаситель впервые призвалъ въ царство Божіе, „пришедшее въ силѣ“.

— Тѣмъ не менѣе христіанство не уничтожило совсѣмъ зла, а съ нимъ и страданій,—замѣтилъ докторъ,—и христіанство безъ культуры, безъ просвѣщенія врядъ ли было всемогущимъ?

— О томъ, имѣеть ли силу христіанская религія одна безъ помощи науки—доказываетъ исторія развитія христіанства среди людей простыхъ, неученыхъ, доказываетъ и жизнь нашихъ вѣрующихъ крестьянъ. Но будетъ ли имѣть ту же силу наука и даже большую, какъ увѣряютъ насъ,—вопросъ сомнительнаго будущаго. Еще болѣе сомнительнымъ мнѣ кажется ваша идея о единеніи людей, объ уничтоженіи страданій на землѣ и проч. Если вы и толкуете о христіанствѣ и прогрессѣ, то вносите много *своего*, вводнаго, что, по моему мнѣнію, не вяжется ни съ истиннымъ прогрессомъ, ни съ христіанствомъ и что поэтому грозитъ опасностью, какъ первому, такъ и второму.

— Продолжайте, Николай Андреевичъ, — слышалось нѣсколько голосовъ изъ собранія,—мы готовы васъ выслушать и будемъ признательны, если найдемъ въ вашихъ разглагольствованіяхъ нѣчто занимательное, интересное, а главное похожее на истину.

С. Бронницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ревнитель православія и штундиеты.

СЕГОДНЯ заходилъ ко мнѣ съ работою сапожникъ Кондратьевъ. Я зналъ, что онъ съ недавняго времени присталъ къ кружку ревнителей православія, простецовъ, борющихся съ штундистами; онъ зналъ, что я—миссіонеръ. Естественно, разговоръ зашелъ о штундистахъ. Кондратьевъ сталъ рассказывать, какъ успѣшно они ведутъ пропаганду въ его околоткѣ—сосѣднемъ базарѣ и толкучкѣ. „Дявола не нужно,—говорилъ онъ,—такъ они подойти умѣютъ. А ужъ хитры?! Хоть кого оплетутъ! На что, кажись, крѣпки были въ вѣрѣ богоданная маменька моя, Анисья Сидоровна, да и ихъ смутили окаянные! И не найдись добрый человѣкъ, не вырваться бы имъ изъ ихнихъ рукъ! Мееодьева, чай, знаете?“.

Я зналъ и торговку Анисью Сидоровну, недавно возвратившуюся изъ штундизма въ православіе, и еще лучше зналъ Мееодьева, ревностнаго пособника миссіи. Зналъ отчасти и исторію совращенія Анисьи въ штундизмъ и возвращенія ея въ православіе. Но эта исторія мнѣ была извѣстна больше по слухамъ. Поэтому я попросилъ Кондратьева рассказать мнѣ поподробнѣе всѣ обстоятельства этого дѣла. Кондратьевъ охотно согласился. Вотъ этотъ рассказъ, который записываю подъ живымъ впечатлѣніемъ его.

„Вы знаете въ лицо Анисью Сидоровну, — началъ свой рассказъ Кондратьевъ,—глядѣть любо на нихъ! А по наружи и внутренность. Скажу вамъ, господинъ мой, что такой женщины не только у насъ въ околоткѣ, а, почитай, и въ цѣломъ приходѣ не сыщется. Хоча и близки они мнѣ, а, видитъ Богъ, не лгу. Первое дѣло—доброта! Заработки ихъ не малые, дѣтей своихъ нѣтъ, вотъ и благодѣтельствуютъ людямъ! Сколькихъ на ноги поставили, сколькимъ слезы утерли! И не то, чтобы для славы, аль почести. Подадутъ такъ, что и поблагодарить невозможно: либо денегъ

подъ скатерть положить, либо ребятишкамъ въ руки сунуть, за квартиру напередъ, по тайности, заплатятъ, инструментъ на обработокъ купятъ... Кругомъ возьмите меня, всѣмъ имъ обязанъ! Пригрѣли сироту, да и по сей день благодѣтельница ствуютъ!“..

У Кондратьева навернулись слезы. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:—„А къ церкви прилежаніе?.. Бывало въ воскресенье, аль праздничекъ, идутъ маменька въ церковь, какъ монашенка: одежда на нихъ всегда черная, платокъ на головѣ—черный. Отстоятъ обѣдню, закажутъ молебенъ, аль панихидку, нищихъ награждать, а то и возьмутъ кого-либо изъ странныхъ къ себѣ пообѣдать. У нихъ въ праздникъ полна квартира людьми, крестники да крестницы придутъ, и все такъ благородно, по закону христіанскому. Не бываетъ того, чтобы пьянство, али свары какія. Серьезная женщина! И мужъ у нихъ Иванъ Семеновичъ такой же человекъ, умственный: все молчитъ больше! Никто бы не сказалъ, чтобы пакость эта самая, штунда значить, въ домѣ завелась, да еще отъ маменьки!“

Кондратьевъ взволновался и замолкъ. Видно было, что онъ до сихъ поръ не можетъ помириться съ происшедшимъ. Потомъ онъ продолжалъ. „Штунда эта, извѣстное дѣло, все больше по базару шляется, все шныряетъ съ евангеліемъ, да смуту сѣетъ. У нихъ есть свой нюхъ. Гдѣ чуютъ поживу, тамъ сейчасъ отъ Писанія: всѣ мы братья, молъ, будемъ любить другъ друга, Господь спасъ насъ, братіе, за насъ пострадалъ на крестѣ и мы теперь святые. Вотъ и слушаютъ ихъ, развѣсивъ уши, если не найдется только разумный человекъ и не покажетъ, какіе они есть святые. Ну, а гдѣ ихъ не слушаютъ, тамъ они съ другой стороны начинаютъ, все больше смѣхомъ, да ругательствами берутъ: пьяницы вы—де и язычники! У насъ, взаправду, есть тотъ грѣхъ. На базарѣ куда не взгляни, всюду соромъ: тамъ мужикъ да баба пьяные валяются, тамъ ссорятся, да дерутся, а тамъ и вовсе непотребное творится. Нашему брату, что съ понятіемъ, больно совѣстно за своихъ предъ штундистами. А тѣ только того и ждутъ. Самъ не увидишь, они пальцемъ укажутъ: на-те, молъ, глядите, какіе вы христіане. Вдохнешь только, да отплюнешься, а иной разъ такое имъ слово въ отвѣтъ загнешь, съ досады значить, что послѣ самому

стыдно за себя, а они рады тому, еще пуще величаются своею добродѣтелью“...

„Ну, къ маменькѣ съ этой стороны не подступить. Кругомъ взять, укора не найдешь, а на счетъ другихъ тоже съумѣетъ отвѣтъ дать: разсудительная женщина! Да врагъ надоумѣлъ, какъ подойти. Нужно вамъ знать, что рядомъ съ лавкой Ивана Семеновича стоитъ галантерейный рундукъ Свиргунова. Свиргуновъ уже лѣтъ десять открыто состоитъ въ штундизмѣ. Штундисты и рундукъ ему купили съ годъ тому назадъ, а допрежь сего торговалъ въ разноску, по бѣдности. Жена его тоже штундистка. Вотъ и стали въ лавку къ маменькѣ заходить сперва Свиргуновы, а за ними и другіе личности. Пошли о вѣрѣ разговоры и не то, чтобы маменьку въ вѣру свою соблазнять, аль на православную Церковь хулу какую наносить, нѣтъ все больше говорятъ по хорошему, по Писанію. Маменька у насъ неграмотная, уже будучи въ штундѣ понемногу разбирать научилась, а допрежь сего только слушали, какъ мужъ ихъ Иванъ Семеновичъ Четь-Миней читалъ. Иванъ Семеновичъ о ту пору, какъ на грѣхъ, прихварывалъ и въ лавкѣ сидѣла маменька все больше одна, развѣ мы съ женой иногда зайдемъ скуку раздѣлить. Видѣли мы, что почали штундисты въ лавку таскаться, видѣлъ и Иванъ Семеновичъ, да развѣ могло въ голову прійти, чтобы изъ этого худо вышло? Иванъ Семеновичъ только морщился, да говорилъ укорительно: и на что вы молъ, Анисья Сидоровна, съ еретиками разговариваете, на васъ, молъ, за это по правилу св. отецъ св. и вселенскихъ соборовъ епитимію наложить слѣдуетъ и подъ запрещеніе поставить. А маменька улыбаются, да говорятъ: „это я слушаю ихъ для души спасенія, можетъ и они въ разумъ придутъ, они мнѣ прочитають, а я имъ расскажу про житія св. отецъ, вотъ они и уразумѣють свою погибель“. И не знали А. С., что погибель эта самая подъ ними, что этимъ чтеніемъ да разговорами опутываетъ ихъ сатана. Опосля уже сами рассказывали, какъ штундисты вошли къ нимъ въ душу. да закрыли свѣтъ. „Вамъ, говорятъ, Анисья Сидоровна, вѣнецъ должно получить!“—„За что, говорю, вѣнецъ, какой говорю, вѣнецъ?“—„За добродѣтельную жизнь вашу, за ваши молитвы, да милостыни!“—„Да что вы говорите, я тридцать пять лѣтъ, какъ съ мужемъ вѣнчана, въ церкви“.—„Не

понимаете вы насъ, говорятъ, что вы вѣнчаны по плоти, а нынѣ нужно вамъ получить вѣнецъ по духу, вѣнецъ покаянія и добрыхъ дѣлъ.— „Да какой такой вѣнецъ, говорю, расскажите вы мнѣ!“— „А вѣнецъ сей есть крещеніе!“— „Я крещена уже.“— „Ваше крещеніе есть плотское, а крещеніе есть не омытіе плотской нечистоты“... И пошли, пошли улещивать... И кончилось тѣмъ, что омыли ее, окаянныя, повели на Оболонь и крестили по своему“...

„Охъ, господинъ мой, не скоро это сдѣлалось. Еще долго шли разговоры у нихъ съ маменькой, да все о томъ, что добродѣтель у нихъ, то есть у маменьки, немалая и въ разумѣ они большомъ состоятъ. Маменька и уши развѣсили: лестно, значить, похвалу получать... Ну вотъ и стали мы примѣчать съ Иваномъ Семеновичемъ, что началось съ маменькой что-то неладное: будто не своей стали! Изъ лавки и дому неизвѣстно куды отлучаются, съ Иваномъ Семеновичемъ въ церковь перестали ходить: все нарываютъ одной уйтить, въ монастырь, къ поздней обѣднѣ, говорятъ... Такое беспокойство, раздраженіе! Нищимъ не подають, слово рѣзкое говорить стали. Къ знакомымъ не ходятъ, къ себѣ принимать перестали... Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже! Мимо церкви Божіей идутъ—не перекрестятся, священника, аль монаха завидятъ—сторонятся. Бѣдный человѣкъ подойдетъ—гонять: „пьяницы вы, говорятъ, лядачіе!“ Съ Свиргуновыми въ великой дружбѣ стали: изъ лавки и не выходятъ, только Ивана Семеновича да меня и стѣсняются. Явное дѣло—въ штунду пристали маменька!.. Охъ, бѣдная наша голова, не хотѣлось вѣрить, ничего не подѣлаешь, пришлось! Приунылъ Иванъ Семеновичъ, приуныли и мы съ нимъ. Пробовали было поговорить съ маменькой, образумить, такъ гдѣ тамъ! „Не смущайте, говорить, души моей, а лучше молитесь, чтобы и вамъ Господь далъ познать истину, какъ я познала!“—а сама глаза въ землю опустивши стоять, такая сумная (скучная), да сердитая. Не разговариваютъ съ нами, да и мы боимся говорить, боимся имъ досаду сдѣлать, супротивное слово сказать: въ великой чести завсегда у насъ маменька были!..“

„Словно туча черная на насъ нашла. Иванъ Семеновичъ попивать сталъ, цѣлый день въ лавкѣ, аль за товаромъ, а приходитъ домой выпивши, ни съ кѣмъ не разговариваетъ, не обѣдаетъ, а норовитъ скорѣе къ себѣ въ чуланъ спать

завалиться, чтобъ у маменьки, значить, меньше на глаза быть. А маменька видятъ, да злобно только радуются: никакого состраданія у нихъ не осталось къ старику. Богъ ты мой! Стали мы съ женой судить, да рядить, какъ изъ бѣды маменьку вызволить. Пойти бы къ батюшкѣ своему посоветываться, да одно дѣло—сраму не хотѣлось наложить на свою фамилію, а другое—ужь больно не милосердѣ, прости Господи, нашъ батюшка: никакого поучительнаго слова у него не услышишь... А маменька межъ тѣмъ большую силу стали приобрѣтать у штундистовъ, выучились грамотѣ и уже другихъ учить стали, въ родѣ какъ пресвитерша, по ихнему; а все за богатство имъ и въ штундѣ поклонялись, да за разумъ ихъ, да добродѣтельную жизнь. На Троицу, слышимъ мы, что и крещеніе штундовое приняли съ великимъ торжествомъ. Что жъ тутъ подѣлаешь съ нашимъ умомъ, думалъ я, и нехорошія мысли, господинъ мой, стали ходить въ головѣ: задумалъ крѣпко отомстить я за маменьку, да за старика Ивана Семеновича и перво на-перво Свиргунову. А Свиргуновъ сталъ обходить меня, остерегался... Но Господь смиловался надъ нами и самъ послалъ, Милосердный, помощь свою великую“.

„Дѣло было въ августѣ, вскорѣ послѣ Спасъ-Преображенія. Заходитъ разъ въ лавку, такъ часовъ около двѣнадцати, незнакомый человѣкъ съ сапожнымъ товаромъ, оглядѣлся, поклонился, да прямо къ маменькѣ. О ту пору въ лавкѣ случились и мы съ Иваномъ Семеновичемъ. Слышимъ, а незнакомый человѣкъ говоритъ тихо маменькѣ: „вы, дорогая моя, говорятъ истину познали?“ Ну, думаю, новый „братъ“ явился: за послѣднее время много ихъ, проходимцевъ, стало въ лавку таскаться. Одначе сижу, прислушиваюсь, а у самого сердце такъ и стучить: охъ, быть бѣдѣ, думаю. А человѣкъ тотъ говоритъ маменькѣ: „великое дѣло Господь сотворилъ вамъ, дорогая моя сестра, если вы познали истину“. Тутъ глянули маменька въ сторону Ивана Семеновича. Глянулъ и я. Вижу: сидитъ Иванъ Семеновичъ блѣдный такой блѣдный, а глаза такіе страшные, страшные, смотрятъ на нихъ, да разговоръ слушаютъ. Испугались, видно, маменька и говорятъ тихо тому человѣку: «приходите, братъ, послѣ обѣда, сейчасъ нельзя, видите, мужъ сердить!» А человѣкъ тотъ говоритъ имъ: «отчего нельзя? истина, говорить не

боится ни вашего мужа, ни цѣлаго свѣта!».. Какъ вскинется тутъ Иванъ Семеновичъ, да какъ бросится къ человѣку тому, «убивецъ, кричитъ, убилъ старуху, убей и меня за одну на, сыми крестъ, рѣжь меня!» Потерялъ совсѣмъ разумъ старикъ. Бросился и я къ нимъ. Ну, думаю, не выйти тебѣ живымъ изъ лавки. А человѣкъ тотъ перекрестился, да и говорить: «Господь съ вами, люди добрые! Зачѣмъ крестъ снимать, коли вы христіане, да и я тоже. Крестъ—сила Божія и намъ безъ креста, говорить, никакъ невозможно, а не токмо что сымать его. Успокойтесь, говорить, дорогіе мои». И началъ онъ, началъ говорить отъ Писанія. «Коли, говорить, вы познали истину, то знаете, что есть крестъ для христіанина: на немъ Христосъ діавола поразилъ и смерть упразднилъ, имъ апостолы похвалялись, это слава и знамя христіанское»...

„Стали мы, слушаемъ, ничего въ толкъ не возьмемъ. А маменька и рта раскрыть не могутъ, только глаза таращатъ въ удивленіи: не ждали, видно, такихъ рѣчей. А какъ окончилъ онъ рѣчь свою, маменька говорятъ ему: „такъ вы, значить, не братъ нашъ, не вѣрующій?“—„Какъ, говорить, не братъ вашъ, не вѣрующій? Братъ, говорить, потому что одинъ у насъ Отецъ съ вами—Богъ, и вѣрующій, ибо я вѣрую въ Бога, и въ Единороднаго Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, и въ Духа Святаго. И не токмо, говорить, вѣрующій, но еще и православный христіанинъ, потому что почитаю Церковь за мать, какъ Бога за отца“..

„Боже ты мой! Схватились мы тутъ съ Иваномъ Семеновичемъ, да хорошо еще, что не поздно схватились, подаемъ стулъ, а Иванъ Семеновичъ и говорить ему: «прости ты насъ, ради Христа, не знаемъ мы тебя и ни вѣсть за кого приняли. Скажи же намъ, что ты за человѣкъ и чего ты пришелъ: ангелъ ты съ неба, аль что другое?» Сѣлъ онъ, перекрестился, да и говорить: „Нѣтъ, дорогіе мои, не ангелъ я, а простой, грѣшный человѣкъ, Мееодьевъ по фамиліи, а по ремеслу сапожникъ. Хожу, вотъ, да продаю товаръ. А на досугѣ читаю слово Божіе и, ходючи, люблю побесѣдовать съ людьми о вѣрѣ Христовой, у однихъ я послушаю, да поучусь, а другимъ и самъ бываю полезенъ. Слышалъ я, говорить, что жена ваша оставила спасительный путь Церкви Христовой и пошла во слѣдъ хулителей Церкви. Вотъ

и думаю, дай найду, побесѣдную, не поможетъ-ли мнѣ Господь указать ей ту погибель, куда ее завлекли“...

„И сталъ онъ говорить, господинъ мой, да все отъ Писанія: какъ началась вѣра христіанская, какъ изначала всѣ были въ одной вѣрѣ, въ одной Церкви, а послѣ раздѣлились и стали враждовать между собою, какъ на послѣдокъ и въ нашей Церкви появились смутьяны, которые захотѣли сами себѣ быть учителями и священниками, это значитъ штунда эта самая, и какъ они не есть истинные христіане, потому значитъ, что не на Лозѣ. Да такъ говорить все жалобно, жалобно. Чуть не плачемъ мы со старикомъ, поддакиваемъ, да на маменьку посматриваемъ: что, молъ, не одни ваши отъ Писанія говорить умѣютъ, а и межъ нашими нашелся добрый человекъ, да правду истинную, какъ ножомъ, отрѣзываетъ. А маменька стоятъ, опустивши голову, и ничего въ отвѣтъ не говорятъ. На послѣдокъ сталъ Мееодьевъ маменьку пробирать: „вы, говорить, голубушка, хорошо жили по христіански, а вотъ послушали самозванцевъ-учителей и отпали отъ Церкви Христовой, отбросили отъ себя вѣнецъ, который готовилъ вамъ Господь Богъ“.

„Какъ услышать эти слова маменька, какъ вскинутся: „не правда, говорятъ, я приняла крещеніе: это мой вѣнецъ отъ Господа Бога, а вы приняли за мѣсто вѣнца печать антихристову, да и полагаете ее на себѣ, второй разъ распинаете Христа“.

„Кричатъ маменька и чуть не плачутъ отъ досады, а Мееодьевъ говорить имъ: „успокойтесь, дорогая моя, я вамъ изъясню это ваше недоумѣніе“. И началъ тутъ Мееодьевъ объяснять про крещеніе православное, какъ оно и для чего въ дѣтствѣ бываетъ и на вѣкъ остается нерушимое и про крестъ, что онъ есть знаменіе нашего спасенія и орудіе на діавола. „А на счетъ печати антихристовой вы, говорить, дорогая моя, не сумлевайтесь: будетъ она, говорить, эта печать-то, да токмо не крестъ будетъ ею. Въ Писаніи, говорить, сказано, что подъ печатью антихристовою нужно разумѣть имя звѣря, или число имени его: шестьсотъ шестьдесятъ шесть. А что крестъ будетъ печатью людей Божіихъ, такъ это, дѣйствительно: не даромъ, говорить, Писаніе именуетъ крестъ Христовымъ и называетъ его силою Божіею. Антихристъ пойдетъ противъ всего Христова, ну значитъ и

противъ креста, а не то, что бы онъ взялъ-то крестъ Христовъ да за печать свою“.

„Слушаютъ маменька, да такъ не хорошо взглядывають на Мееодьева. „Ничего, говорятъ, я не знаю, я неграмотная. Приходите, говорятъ, опосля. Вотъ я поговорю съ братьями. а можетъ еще лучше, вы сами съ ними поговорите... Они грамотные и вамъ дадутъ отвѣтъ“.

— „Съ нашимъ удовольствіемъ, отвѣчаетъ Мееодьевъ, завсегда готовъ побесѣдовать съ вами и со всѣми братьями вашими, только позовите“, говоритъ. Всталъ, перекрестился, поклонился сперва намъ, а послѣ маменькѣ и говоритъ: „прощайте, да пошлетъ всемилостивый Господь миръ, и радость, и свѣтъ истины въ вашу душу!“. Маменька ничего не отвѣтила. Вышелъ Мееодьевъ изъ лавки, мы за нимъ. „Господинъ, говоримъ, какъ величать-то васъ? Вы, може, миссіонеръ?“— „Нѣтъ, други, говоритъ, я простой человѣкъ, а занялся этимъ дѣломъ, потому что, говоритъ, жаль людей православныхъ. Приходите, говоритъ, ко мнѣ на квартиру, побесѣдуемъ, да хозяйку то приведите. Авось, говоритъ, удастся вызволить ее изъ погибели“. Низко ему мы поклонились.— „Потрудись, говоримъ, господинъ, смилосердуйся, по гробъ жизни благодарны будемъ!“ Сказалъ онъ намъ свой адресъ и простился съ нами. Вернулись мы въ лавку. а маменька сейчасъ-шастъ изъ лавки. Видимъ, къ своимъ штундамъ-учителямъ побѣжала“...

„Вернулись только вечеромъ, прямо домой пришли. Смотримъ, лицо такое недоброе, съ усмѣшкой глядятъ на насъ. „Что, говорятъ, думаете, что послушала вашего грамотея, да уже отстану отъ истины? Пускай приходитъ онъ, грамотей то вашъ, къ Свиргунову, да послушаетъ, что они ему скажутъ, може прикусить языкъ-то, если самъ не захочетъ познать истину!“ Боже мой, Боже мой, и что-то сатана дѣлаетъ съ людьми! Какъ услышали мы такія рѣчи отъ маменьки, упали мы духомъ, а Иванъ Семеновичъ совсѣмъ дошелъ до отчаянія. Поблѣднѣлъ весь, дрожить и говорить такимъ страшнымъ голосомъ: „коли такъ, не жена ты мнѣ больше, пропади ты, говоритъ, анаема!“ Схватилъ шапку, крѣпко хлопнулъ дверью и ушелъ. Опосля узнали, что дѣлую ночь, какъ безумный, бродилъ старикъ по городу“...

„Остались въ комнатѣ маменька, да мы съ женой. Стоять

маменька, вся помертвѣлая. Не ждали, видно, такого отпору отъ старика Ивана Семеновича, за всю жизнь супружескую не слыхали они отъ него дурного слова. Стоимъ и мы, молчимъ, словно громомъ пришибленные. Вдругъ жена моя заплакала, да и повалилась маменькѣ въ ноги. «Маменька, кричитъ она и плачетъ, что жъ это будетъ съ нами, пожалѣйте вы насъ, пожалѣйте вы старика отца; бросьте вы этихъ губителей окаянных!» Сѣли маменька, сами заплакали. «Не могу, говорить, я ихъ, донечка, бросить, не могу отстать отъ истины». — «Да на что вамъ, говорю я, истина еще, кромѣ той, въ какой вы жили честно пятьдесятъ лѣтъ». — «То я еще въ невѣдѣніи была, отвѣчаютъ, въ простотѣ, какъ бы въ младенчествѣ, а теперь ужъ въ разумъ вошла совершенный». — „Маменька, говорю, это гордость въ васъ говорить, а вы вотъ побесѣдуйте съ Меодьевымъ, я его приведу, онъ вамъ все объяснитъ». — «Что мнѣ съ нимъ бесѣдовать, отвѣчаютъ, братья очень недовольны и такъ на меня, что я его въ лавку пустила, да слушала. Онъ у нихъ извѣстный человѣкъ, развратитель, у духовенства на жалованіи состоитъ. Ему, говорятъ, за каждаго человѣка по пяти рублей даютъ. Пусть, говорили братія, придетъ къ нимъ на собраніе, Тамъ ему покажутъ, какъ съ толку сбивать людей!?!». Вижу я, что хоша твердо стоятъ маменька на своемъ, да чувствую, что уже поколеблены, слезы на глазахъ и слова какъ то помягче изъ устъ выходятъ. Ну, думаю, будь, что будетъ, — «Такъ вотъ, говорю, маменька, пойду я завтра къ Меодьеву, попрошу его сходить съ нами къ вашимъ братьямъ, а по нашему, супостатамъ. Коли выйдетъ правда на ихъ сторонѣ, оставайтесь съ Богомъ у нихъ и мы за вами пойдѣмъ, а если нѣтъ, если они выйдутъ лгунами, да обманщиками, то не губите вы души своей и нашей. Видитъ Богъ, говорю, добромъ это дѣло не окончится». — „Ничего я тебѣ, Иванушка, не скажу теперь“, отвѣчаютъ маменька, а сами еще пуще плачутъ“...

„Охъ, господинъ мой, не переживали мы еще такой ночи! Сидятъ маменька на стулѣ, я на лавкѣ подлѣ нихъ, а жена на полу, положила голову на колѣни къ маменькѣ, и такъ долго всѣ молчимъ. А потомъ маменька говорятъ: „давно я, дѣточки, съ вами разговаривала, какъ будто въ странѣ далекой все время была. И вы мнѣ казались чужими, и я была

для васъ чужой. Охъ, и въ самомъ дѣлѣ, не хорошо это!... А и какъ мы обрадовались, какъ услышали отъ нихъ это слово. «Маменька, говоримъ, голубушка вы наша, благодѣтельница, такъ вернитесь вы къ намъ! Мы все забудемъ, какъ бы ничего не было!».—«Охъ, не знаю, дѣточки, отвѣчаютъ, что будетъ!». А послѣ того говорятъ: «куда то ушелъ старикъ? Обидѣла его я! Пойди за нимъ, говорятъ мнѣ, Иванушка, поищи его, не случилось бы чего худого». Мнѣ и самому было безпокойно за старика. Взялъ я шапку и вышелъ. Часа три ходилъ я. Исходилъ всю Глубочицу, Оболонь, весь Подоль, прошелся по набережной ажъ до моста, а съ Иванъ Семеновичемъ не встрѣтился. Уже на возвратномъ пути, подходя къ дому, нагналъ его. «Гдѣ, говорю, вы были, батюшка?» Онъ только рукой махнулъ. «Тамъ, говоритъ, гдѣ краще, чѣмъ въ своей хатѣ?».—«Такъ и такъ, говорю, обѣщались маменька побесѣдовать съ Меоодьевымъ».—Ничего не отвѣтилъ старикъ. Вошли мы на квартиру. Маменька съ женой спятъ на лавкѣ, склонившись другъ къ другу. Заснули видно, насъ поджидаячи. Ушелъ старикъ за свою перегородку, а я тихонько разбудилъ жену и велѣлъ идти къ себѣ, а самъ, умывшись, отправился къ Меоодьеву.

„Прихожу, а Меоодьевъ уже встали, за работой сидитъ. Квартира у него махонькая комнатка; въ одномъ углу иконы, въ другомъ—верстачекъ. Кровати нѣтъ, постель у стѣны сложена. Бѣдность! Однако, въ комнатѣ чистота. Въ семьѣ у него жена, да двое дѣточекъ, малолѣточки еще“.

„Сговорились мы съ Меоодьевымъ такъ, что я зайду за нимъ, когда можно будетъ идти къ Свиргуновымъ. Прихожу домой. Маменька дома, старикъ Иванъ Семеновичъ въ лавку ушелъ. „Что жъ, маменька, говорю, былъ я у Меоодьева, обѣщался послѣ обѣда придти“. Маменька блѣдная такая, очей не поднимаютъ. «Были они у меня сегодня, говорятъ, звали къ себѣ-то въ воскресенье». На завтра, въ субботу, пришлось Успеніе Божіей Матери, и мы съ женой, да съ Иваномъ Семеновичемъ ходили на праздникъ въ Лавру, тамъ видѣлись съ Меоодьевымъ и сговорились съ нимъ идти въ воскресенье къ Свиргунову на бесѣду“.

„Меоодьевъ зашелъ за нами послѣ обѣда съ Филимономъ, знакомымъ ему человѣкомъ. Застыдились маменька, какъ увидѣли Меоодьева, поклонились ему, да и говорятъ: «про-

стите меня грѣшную. Я вамъ, говорятъ, въ лавкѣ много со-губила!». Успокоилъ маменьку Меодьевъ, и отправились мы всѣ вмѣстѣ къ Свиргунову. Иванъ Семеновичъ, не захотѣлъ, уперся, говорить, на этихъ душегубовъ мнѣ и глядѣть тошно“...

„Пошли мы. Маменька идутъ, какъ къ смерти пригово-ренная, въ родѣ какъ арестантъ подѣ конвоемъ. Приходимъ, а Свиргуновъ сидитъ, дожидается. Возлѣ него еще одинъ штундистъ, на подмогу, значить, приглашенъ, въ рукахъ евангеліе держитъ. Перекрестились мы, а Меодьевъ и говорить: „миръ дому сему“.—„Съ миромъ принимаемъ“, отвѣ-чаетъ Свиргуновъ. „Садитесь“, говоритъ. Сѣли, кто на лавку, кто на стулъ, а маменька стали возлѣ печи, совсѣмъ какъ мертвая, только глаза блестятъ. Молчимъ, разговоръ не клеится, Меодьевъ зачинать не хочетъ. Анъ Свиргуновъ и говорить: „что это у васъ за праздникъ сегодня?“.—„Развѣ вы не знаете, отвѣчаетъ Меодьевъ,—Воскресенье Господа нашего Иисуса Христа, праздникъ для всѣхъ христіанъ!“.— „Да я не о томъ говорю, перебываетъ Свиргуновъ, у васъ праздникъ на праздникѣ сидитъ, вотъ и нонче, говоритъ, кромѣ дня воскреснаго еще у васъ какой-то праздникъ?“.— „Нерукотвореннаго образа“, отвѣчаетъ Меодьевъ.—„Какого такого Нерукотвореннаго образа,—спрашиваетъ, усмѣхнув-шись, Свиргуновъ,—я что-то не начитывалъ въ Писаніи про нерукотворенные образа, все тамъ говорится про рукотво-ренные образа, золото и серебро, издѣлія рукъ человѣче-скихъ,—идольскія, значить, изображенія!“.—„Плохо же вы читали, отвѣчаетъ ему Меодьевъ: да только намъ, говорить, въ прятки не зачѣмъ играть, коли вы честный человѣкъ. Вы, говорить, небось знаете исторію Нерукотвореннаго образа, какъ послалъ его царю эдесскому Самъ Господь Иисусъ Хри-стосъ?“.—„Да мы этого не признаемъ, возражаетъ ему Свир-гуновъ, это, говорить, изъ Преданія, а вотъ въ Писаніи, говорить, сказано: „сіе рукотворенное проклято, оно и сдѣлав-шій его“.—„Это вѣрно, говорить Меодьевъ, да только это къ идоламъ языческимъ относится, а не къ священнымъ рукотвореннымъ образамъ Божиимъ“.—„Да гдѣ про эти образа говорится?“—спрашиваетъ Свиргуновъ.— „А вотъ здѣсь, отвѣчаетъ Меодьевъ, давайте-ка сюда Библию, да по-читаемъ“. Взялъ Библию изъ рукъ штундиста, раскрылъ и

давай читать. „Это про херувимовъ, кричить, а не про образа говорится“.— „А развѣ здѣсь херувимы живые, спрашиваетъ Мееодьевъ, не живые, а только лишь образа херувимскіе, изъ золота, значить, сдѣланные, да еще на занавѣсяхъ вышиты, въ родѣ какъ бы красками написаны“...

„И почали они, господинъ мой, спорить... Да только скоро мать Свиргунову: противъ Мееодьева не въ одномъ словѣ изъ Писанія не выстоитъ. Кричить, горланить, ну, а чтобы насчетъ Писанія,—пустой, какъ есть, человѣкъ!.. А Мееодьевъ на память все вычитываетъ, какъ ножомъ рѣжетъ. „Нѣту сего въ Писаніи, кричить Свиргуновъ, это ты выдумываешь“.— «А вы лучше поищите, отвѣчаетъ съ усмѣшкой Мееодьевъ, авось найдете!». Ищетъ Свиргуновъ, ищетъ, разовъ десять перевернетъ Библию, а того, что скажетъ Мееодьевъ, не найдетъ, пока самъ Мееодьевъ не покажетъ. Прочтетъ, выходитъ въ одно слово съ Мееодьевымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже для Свиргунова: ужъ онъ и Библию не хочетъ читать: «Что мнѣ, говорить, безъ толку читать? Я, говорить, еще съ братьями посовѣтуюсь: може это мѣсто иначе понимать должно!.. Совсѣмъ острамился человѣкъ, ругаться начинаетъ. „Вонъ, кричить изъ моей квартиры, не то полицію позову!“—«Зовите, говорить Мееодьевъ, вы насъ сами позвали и мы вамъ никакого оскорбленія въ вашей кватерѣ не нанесли. Одначе уйдемъ, не для чего оставаться!“...

„Оборотился Мееодьевъ къ маменькѣ, да и говорить: «вотъ видите, дорогая моя, какіе ваши учителя, Слова Божія не знаютъ, да и читать не хотятъ, изъ квартиры выгоняютъ“...—

„Не слушай его, кричить Свиргуновъ, у насъ на собраніи въ десять разъ лучше его толкуютъ Слово Божіе!“.— «Да я и не толкую, отвѣчаетъ Мееодьевъ, я только читаю, а стараюсь понимать, какъ вся Церковь Христова понимаетъ, а не такъ, чтобы своимъ необразованнымъ умомъ, какъ вы дѣлаете!»... Такъ бы и бросился Свиргуновъ на Мееодьева, кричить, убить готовъ, да боится насъ: Филимонъ, крѣпкій человѣкъ, и не разъ уже устранялъ его рукою отъ Мееодьева. „Уходите, кричитъ онъ, уходите, не хочу я съ вами больше разговаривать!“.— «Мы уйдемъ, отвѣчаетъ Мееодьевъ, да только пусть и Анисья Сидоровна съ нами уходитъ!». А маменька плачутъ, лицо руками закрыли. «Что жъ, пойдешь, аль съ нами остаешься?». Маменька еще пуще плачутъ, что-

то шепчуть губами, не разберешь. Тутъ я подошелъ къ имъ, говорю: „маменька, дорогая, пойдѣмъ съ нами, пойдѣмъ въ христіанскій домъ къ старику Ивану Семеновичу, вы видите, какіе они есть обманщики, настоящаго слова Божія не понимаютъ, а такъ въ родъ какъ бы фальшивые монетчики!“. Вздохнули маменька, говорятъ сквозь слезы: „пойдемъ, Иванушка!“—а потомъ поклонились Свиргунову; «прощайте», говорятъ. Не ожидалъ того Свиргуновъ, какъ закричить: «а, уходишь? уходи, уходи, говорить, намъ такихъ ненадобно!»...

„Вышли мы на вольный воздухъ, идемъ домой, молчимъ слово нѣту. А какъ пришли, просятъ маменька Меодьева зайти къ нимъ. Дѣло было уже совѣтъ къ вечеру. Ивана Семеновича не оказалось дома. Маменька распорядилась самоваръ поставить, и почалъ вновь Меодьевъ говорить, да читать отъ Писанія, все больше на счетъ того, почему намъ должно оставаться съ своей Церкви, а не у другихъ искать спасенія. Слушаемъ мы, словечка не проронимъ. Слушаетъ и маменька, просвѣтлѣла, перестала плакать. Поставили самоваръ на столъ, да только за разговорами такъ и не пилъ чаю никто. Часамъ къ восьми, пришелъ старикъ, Иванъ Семеновичъ. Обрадовался, какъ увидѣлъ насъ за бесѣдой. „Слава тебѣ, Господи, говорить, что въ домъ вновь христіанское обращеніе началось“. Сѣли мы за столъ, приглашаемъ Меодьева закусить. Меодьевъ всталъ, перекрестился, да и говорить: „дай же, Господи, чтобы наша нонѣшняя бесѣда не пропала даромъ, чтобъ Анися Сидоровна спознала свой грѣхъ, да вернулась къ нашей матери-Церкви“. Маменька опять въ слезы. „Не знаю, говорить, что и дѣлать мнѣ бѣдной?“...—„А вы перекреститесь, говорить Меодьевъ, да скажите: Господи, помоги моему невѣрью!“.—„Перекреститесь, Анися Сидоровна“, говорить Иванъ Семеновичъ, „перекреститесь маменька“, просимъ и мы съ женой. Постояли маменька съ минуту, а потомъ подняли голову, посмотрѣли на Меодьева и говорятъ такимъ дрожащимъ голосомъ: „Господи, если это грѣхъ, пусть будетъ на его душѣ!“—и въ это время перекрестились. А Меодьевъ и говорить: „за крестъ Христовъ не токмо я все готовъ на душу свою принять, а и отлученъ быть отъ братьевъ моихъ: только бы всѣ вѣрили во Христа, да въ Церковь Его святую!“...

„Эхъ, и радость же была! Часовъ до двѣнадцати просидѣли мы за бесѣдой. Мееодьевъ все направлялъ маменьку на православный путь. Съ роду мы такихъ рѣчей не слыхивали, какія онъ говорилъ: такой ему, значить талантъ отъ Бога данъ, чтобы наставлять людей. Проводили мы его и слезно просили быть съ нами знакомымъ, не оставлять насъ поученіемъ. Обѣщался заходить и къ себѣ приглашалъ, особливо маменьку. „Съ вами, говоритъ, Анисья Сидоровна, надо мнѣ еще поговорить, еще дѣло не кончено. Примиритесь, говорить, надо съ Церковію, вновь вступить въ нее“...

„Ходили маменька на другой день къ нему, да вернулись скорбная. Мееодьевъ настаивалъ, что нужно имъ въ приходской церкви принять чинъ отреченія отъ ереси этой штунды, исповѣдываться и причаститься. А маменька не хотѣли этого, конфузно было, да и совѣсть еще не совсѣмъ спокойна была, все штундистскія мысли изъ головы выбросить не могли, все бывало спрашиваютъ: а почему въ православіи это такъ, а другое не такъ, по своему все перевернуть хотѣлось. И началась вновь борьба съ маменькой, не день и не два дня. Штундисты почуяли, что дѣло еще съ маменькой не кончено и давай ее вновь смущать. Въ домъ, да лавку-то приходитъ, боялись, а старались на улицѣ встрѣтить, да словами уловить. Приходитъ, бывало, Мееодьевъ,—спасибо ему, не оставлялъ насъ,—а маменька ему и давай передавать штундистскія рѣчи: вотъ-де что мнѣ говорили... А сами-то, видно, не столько разговоръ передать, сколько отъ себя хотятъ спросить Мееодьева. Да не такой Мееодьевъ человекъ, чтобы оставить доброе дѣло. Много имѣлъ терпѣнія и на все отвѣты давалъ и наставленія, только напоследокъ, недѣли такъ черезъ двѣ, сталъ уже корить маменьку: зачѣмъ-де вы слушаете этихъ душегубовъ — окаянныхъ? Бросьте вы ихъ, говорить, навсегда, да присоединяйтесь къ Церкви!. Но маменька все упрямылись: тянуло ихъ, видно, къ штундистамъ. Одначе въ церковь съ нами ходить начали, только не въ свою, приходскую, а въ монастырь больше“.

„Наконецъ, Богъ далъ, и присоединиться къ Церкви маменька согласились, только крѣпко просили, чтобы не въ своей, а гдѣ-нибудь подальше, конфуза ради. Знали мы, что на Подолѣ живеть священникъ, который это дѣло хорошо понимаетъ. Пошелъ къ нему Мееодьевъ и рассказалъ, что,

моль, такъ и такъ, женщину къ Церкви присоединить нужно. Батюшка разспросилъ все въ подробности и велѣлъ придти съ маменькой въ воскресенье къ службѣ. Пришли мы. Послѣ служенія подозвалъ батюшка маменьку къ алтарю, побесѣдовалъ съ нею, подвелъ къ иконамъ и прочелъ молитву. Маменька были очень растроганы, плакали, благодарили батюшку за наставленіе и обѣщались придти въ слѣдующую недѣлю отговѣться“...

„И далъ намъ Богъ великую радость эту, господинъ мой. Отговѣлись, выисповѣдались и причастились. Повеселѣли маменька: точно камень, говоритъ, отъ сердца отвалился, а съ маменькой и мы всѣ точно другой разъ на свѣтъ родились. Вновь стало въ домѣ любо да радостно, какъ будто еще лучше стало. Маменька еще больше стала благодѣтельствовать, грѣхъ свой покрываютъ. Товарки-то, лавочницы смѣются, перекруткой зовутъ, про штунду напоминаютъ да про крещеніе ихнее на Оболони разспрашиваютъ, но маменька крѣпко смирились, ничего напротивъ не говорятъ, только вздохнуть, да голову опустятъ. Любятъ они евангеліе читать, да псалмы пѣть. Часто имъ читаетъ, по ихъ просьбѣ, евангеліе Иванъ Семеновичъ. Собираемся да слушаемъ тогда и мы съ женой. Мееодьевъ сталъ теперь у нихъ самымъ дорогимъ гостемъ. Какъ отца родного встрѣчаютъ и о каждомъ дѣлѣ совѣтуются. А совѣты Мееодьевъ подаетъ все больше такіе, чтобы спасти погибшія души. И не одну уже душу отвлекли маменька съ Мееодьевымъ отъ штундистской гибели!“..

„Такъ-то, господинъ дорогой, закончилъ разсказъ свой Кондратьевъ, простите, что разболтался. Вамъ это дѣло лучше извѣстно, а только и мы стали понимать, что за народъ эти самые штундисты. Бѣда человѣку сойтись съ ними, а еще большая бѣда, если, сохрани Богъ, въ семьѣ заведется штундистъ: прощай тогда миръ да согласіе, радость да любовь христіанская! Руки сложить на груди, глаза на небо подниметь, слова сладкія говорить, да евангеліе изъ за пазухи вынимаетъ, а для бѣднаго простого человѣка—хуже волка лютаго! Ругатели, одно слово!“ И Кондратьевъ безнадежно махнулъ рукой.

Свящ. С. Поттхинъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Разборъ хлыстовскихъ возраженій противъ православнаго ученія объ Иисусѣ Христѣ.

ИЗВОДЯ Христа Спасителя, описаннаго въ Евангелии, въ рядъ обыкновенныхъ посланниковъ Божіихъ, какими были пророки и апостолы, хлысты въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются на слова изъ Евангелія Іоанна: 1) *въ началъ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ* (Іоан. 1, 1). Слово было Богъ—эти слова, говорятъ хлысты, означаютъ: кто имѣетъ слово, тотъ можетъ сдѣлаться и Богомъ. Для этого только нужно, подобно Христу Евангельскому, пропоститься сорокъ дней (Матѣ. 4, 2). Основываясь на семъ ученіи евангелиста Іоанна о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія отъ Бога Отца (Іоан. 1, 2), хлысты отвергаютъ свидѣтельство евангелиста Маттея о единokratномъ рожденіи Христа Спасителя, какъ Богочеловѣка во времени отъ сѣмени Авраама и Давида. Но неправильность такого объясненія словъ евангелиста Іоанна открывается изъ слѣдующихъ словъ той же главы Евангелія. *Все чрезъ Него* (то есть чрезъ Слово) *начало быть, и безъ Него ни что не начало быть, что начало быть* (1, 3). Все существующее въ мірѣ видимомъ, человѣческой родъ и міръ Ангельскій получило свое начало, произошло отъ Слова, то есть отъ Второго Лица Св. Троицы, Сына Божія. Евангелистъ Іоаннъ здѣсь подъ Словоу разумѣетъ не обыкновенное слово, состоящее изъ членораздѣльныхъ звуковъ, которое произноситъ каждый человѣкъ, не рѣчь его, а Слово Божественное, Ипостасное, Сына Божія, чрезъ Котораго созданъ міръ, какъ говоритъ евангелистъ Іоаннъ далѣе: *міръ чрезъ Него началъ быть* (1, 10). Обыкновенное человѣческое слово или человѣкъ своимъ словомъ не только не въ

1) См. „Мисс. Обоз. Февраль, стр. 321—341.

состояніи создать цѣлаго міра, но и самомалѣйшаго предмета въ мірѣ, напримѣръ, хотя мухи. Христось въ Евангелии называется различными именами, напримѣръ, *дверью* (Іоан. 10, 9), *путемъ, истиною и животою* (Іоан. 14, 6). Но кто же изъ людей, имѣющихъ здравый смыслъ и понимающихъ евангельское ученіе, можетъ на основаніи этихъ названій, какія прилагаетъ къ Себѣ Христось Спаситель, сравнивать Его съ обыкновенною дверью, какія имѣются въ домахъ, или съ обыкновенною дорогою, по которой ходятъ и ѣздятъ люди. Каждый человѣкъ, знакомый съ евангельскимъ ученіемъ, пойметъ, что Христось Спаситель называетъ Себя дверью или путемъ потому, что Его ученіе открываетъ дверь или показываетъ путь въ царство небесное. Точно также и Словомъ Христось называется потому, что Онъ принесъ съ неба ученіе—слово. Это одно названіе не обнимаетъ всей сущности Богочеловѣческихъ свойствъ Христа Спасителя, а указываетъ только на одну изъ сторонъ совершеннаго Имъ дѣла искупленія человѣческаго рода.

2) Считаая Христа Спасителя обыкновеннымъ посланникомъ Божиимъ и доказывая возможность многократныхъ воплощеній Христа, хлысты въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются еще на слѣдующія слова Христа: *кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и мать* (Мат. 12, 50; Мар. 3, 35; Лук. 8, 21). Изъ этихъ словъ хлысты дѣлаютъ такой выводъ, что христовъ и прежде могло быть много, и теперь можетъ быть не мало. Каждая благочестивая женщина, исполняющая слово Божіе, можетъ зачать и родить Христа, и быть Христородицею или Богородицею, какъ объ этомъ пишется въ книгахъ, употребляемыхъ въ православной Церкви. При этомъ хлысты иногда ссылаются на слова, находящіяся въ сборникѣ поученій, изданномъ по благословенію Св. Синода въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, гдѣ въ словѣ на день Благовѣщенія читаемъ: „Если таковымъ образомъ (путемъ добродѣтелей) приготовитъ себя (человѣкъ), то можетъ себѣ зачать, носить и родить Иисуса Христа, и душа наша можетъ подобною быть блаженной утробѣ Святыя Дѣвы, носившей Господа Иисуса... Его (Христа) въ насъ пришествіе есть явленіе благихъ дѣлъ, яко плодовъ Духа Святаго. О, когда бы и мы Богородицами называться могли, когда бы и намъ

сказано было: блаженна душа ваша, носящая Христа. Чѣмъ бы мы тогда различествовали отъ херувимовъ, на нихъ же опочиваетъ Богъ, тѣмъ только, что они безъ плоти, а мы во плоти то же бы съ ними званіе совершали“ (Сборникъ словъ на дни праздничные, воскресные, царскіе и другіе случаи. Часть 3, слово въ день Благовѣщенія, стр. 85 и 86). Но въ вышеуказанныхъ словахъ Евангелія, а равно и въ словахъ сборника поученій говорится только о нравственной духовной близости Христа Спасителя къ людямъ, исполняющимъ слово Божіе. Подобные обороты рѣчи употребляются и въ нашемъ обыденномъ разговорѣ. По подражанію одного человѣка другому въ его жизни и поведеніи мы нерѣдко говоримъ: онъ какъ родной сынъ ему, или онъ какъ родной братъ ему и проч. Въ вышеприведенныхъ словахъ Евангелія нѣтъ никакого основанія видѣть указаніе на возможность многократныхъ воплощеній Христа и рожденій Его отъ благочестивыхъ женщинъ, исполняющихъ слово Божіе, какъ думаютъ хлысты. Во Исусѣ Христѣ было не нравственное только и духовное единеніе Божества съ человѣчествомъ, не воздѣйствіе только или особое вліяніе Божественной природы на человѣческую, чему примѣры мы видимъ въ пророкахъ, апостолахъ и другихъ мужахъ, а единеніе въ особенномъ смыслѣ, въ вочеловѣченіи Божества, въ существенномъ единеніи Божественнаго естества съ человѣчествомъ, съ тѣломъ и душою человѣка. Христось евангельскій былъ воплотившійся Богъ въ полномъ смыслѣ этого слова; Его Божество въ Немъ было неотдѣлимо отъ человѣчества; въ Немъ обитала вся полнота Божества (1 Тим. 3, 16; Кол. 2, 9). Онъ былъ Творцомъ всего видимаго и невидимаго (Іоан. 1, 3. 10; I Кор. 8, 6; Колос. 1, 16; Евр. 1, 2. 10), единымъ Учителемъ (Мате. 23, 8), единымъ Спасителемъ всѣхъ (Дѣян. 4, 12; I Тим, 5—6) и Основателемъ спасенія (I Кор. 3, 11). Онъ повелѣвалъ природой, утишалъ бурю (Марк. 4, 37—39), изгонялъ бѣсовъ (Мате. 8, 16; Мар. 1, 14. 7, 29. 16, 9; Дѣян. 10, 38), воскрешалъ мертвыхъ (Іоан. 11, 43—44; Мар. 5, 36—42; Лук. 7, 12—15). Такія дѣла могъ творить только воплотившійся Богъ, Котораго апостоль Іоаннъ въ Откровеніи называетъ Алфой и Омегой, началомъ и концомъ, первымъ и послѣднимъ (1, 17. 2, 8. 22, 13). Въ виду такихъ свойствъ Христа Спасителя, описаннаго въ Евангеліи, смѣшивать Его

съ обыкновеннымъ, хотя бы и облагодатствованнымъ человекомъ могутъ только тѣ, кто или вовсе не знаетъ св. Писанія, или не вѣруеть ему въ ученіи о Христѣ Спасителѣ, какъ Богочеловѣкъ.

3) Подтверженіе мысли, что Христосъ былъ обыкновеннымъ человекомъ, посланникомъ Божиимъ, подобнымъ пророкамъ и апостоламъ, хлысты видятъ еще въ слѣдующихъ словахъ изъ Евангелія: *младенецъ Иисусъ возрасталъ, укрѣплялся духомъ и исполнялся премудрости; и благодать Божія была на Немъ* (Лук. 2, 40). Хлыстамъ на это нужно замѣтить, что въ указанныхъ словахъ Евангелія говорится о тѣлесномъ возрастѣ Христа, какъ человѣка, и о развитіи до той степени Его человѣческихъ способностей, чтобы чрезъ нихъ въ полной мѣрѣ могло проявляться Божеское естество Христа, которое воплотилось въ человѣчествѣ. Христосъ Спаситель, никогда не былъ обыкновеннымъ человекомъ. Христосъ былъ воплотившимся Сыномъ Божиимъ еще при самомъ зачатіи, при словахъ архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи: *ты обрѣла благодать у Бога. И вотъ ты зачнешь во чревь, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисусъ: Онъ будетъ великъ, и наречется Сыномъ Всевышняго, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его; и будетъ царствовать надъ домомъ Иакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца* (Лук. 1, 30—32). Изъ этихъ словъ архангела видно, что уже при зачатіи во чревѣ Пресвятой Дѣвы Маріи Христосъ былъ воплотившимся Сыномъ Божиимъ, Вторымъ Лицомъ Св. Троицы, что Христосъ, какъ зачатый силой и дѣйствіемъ Св. Духа, съ самаго зачатія былъ воспринятъ въ Упостась, въ личное единеніе съ Сыномъ Божиимъ. Самое зачатіе Христа Спасителя во чревѣ Пресвятой Дѣвы Маріи было величайшимъ, единственнымъ въ исторіи міра и человѣчества чудомъ. Въ бесѣдѣ съ Никодимомъ Христосъ сказалъ: *рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ* (Іоан. 3, 6). Но Христосъ Спаситель принялъ плоть отъ Пресвятой Дѣвы Маріи не чрезъ мужское сѣмя, но по нитію Св. Духа. Въ самомъ зачатіи Христа Спасителя, согласно словамъ пророка Исаи, Господь роду чловѣческому далъ знаменіе (Исаи 7, 14), величайшее чудо. Поэтому Пресвятая Дѣва родила не просто только облагодатствованнаго младенца, человѣка, но Богочеловѣка, который по плоти былъ

младенцемъ, но вмѣстѣ былъ и Творцомъ всего видимаго міра. Словами архангела: *и царству его не будетъ конца* (Лук. 1, 32), опровергается и та хлыстовская мысль, что какъ каждое человѣческое царство не можетъ быть безъ царя, такъ и міръ не можетъ оставаться безъ Христа, и что постоянно, во всякое время, на землѣ должны быть Христы, какъ и читаемъ у апостола: *Иисусъ Христосъ вчера и сегодня, и во вѣки тотъ же* (Евр. 13, 8). Изъ словъ архангела Гавріила видно, что Христосъ вѣчно царствуетъ надъ міромъ только духовно, невидимо, *возсѣдая одесную Бога Отца* (Мар. 16, 19; I Петр. 3, 22; Дѣян. 2, 23; 7, 55—57; Рим. 8, 33—34; Кол. 3; Евр. 1, 3). Въ доказательство же необыкновенныхъ для человѣка умственныхъ способностей отрока Иисуса Евангелистъ рассказываетъ о Его бесѣдѣ съ учеными въ храмѣ. Въ то время Иисусу было только двѣнадцать лѣтъ, но знаніемъ св. Писанія, отвѣтами и вопросами собесѣдникамъ Христосъ привелъ въ удивленіе всѣхъ, слушавшихъ эту бесѣду (Лук. 2, 46—47). И другой евангелистъ замѣчаетъ, что, когда Христосъ Спаситель началъ Свою евангельскую проповѣдь, народъ, слушая ученіе Христа, дивился, какъ Онъ, не учившись, такъ отчетливо знаетъ св. Писаніе (Іоан. 7, 15). Оба эти замѣчанія евангелистовъ ясно показываютъ, какимъ путемъ Иисусъ приобрѣлъ разумніе Писанія. Постепенность у Христа была не въ приобретеніи познаній, а только въ обнаруженіи умственныхъ сокровищъ и притомъ эта постепенность въ обнаруженіи зависѣла единственно отъ постепенности развитія силъ и способностей тѣлесныхъ. Человѣческая природа Иисуса Христа требовала времени для своего развитія до зрѣлости, до способности служить духу. Но для приобретенія познаній въ св. Писаніи, какъ всякому понятно, Христу, какъ Богу, не было нужды ни въ какихъ подвигахъ, почему Онъ, не учившись, зналъ Писаніе (Іоан. 7, 15).

4) Основаніе къ признанію возможности многократныхъ воплощеній Сына Божія, Христа въ праведныхъ людей, хлысты видятъ еще въ слѣдующихъ словахъ св. Писанія: *кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). *Вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ, и буду ихъ Богомъ; и они будутъ Моимъ народомъ* (2 Кор. 6, 16; Лєв.

26, 12). *Блаженны чистые сердца, ибо они Бога узрятъ* (Матѣ. 5, 8). Чтобы понять смыслъ этихъ словъ, необходимо обратить вниманіе на связь рѣчи у евангелиста. Евреи, гордые своимъ сознаніемъ происхожденія отъ Авраама, отца вѣрующихъ, ожидали что Мессія явится къ нимъ въ образѣ политическаго царя, который устроитъ земное, видимое, политическое царство. Отъ такого понятія о Мессіи, уже послѣ явленія Христа Спасителя, долго не могли отрѣшиться и Его ученики, почему на слова Христа: кто соблюдетъ заповѣди Мои, того и Я возлюблю, *и явлюсь ему Самъ*, ученикъ и апостоль Христа Іуда Іаковлевъ сказалъ: что это значить, что Ты хочешь явить Себя намъ, а не міру, какъ могущественный царь славнаго земнаго царства? Христосъ Спаситель въ отвѣтъ на вопросъ Іуды усиливаетъ мысль о Своемъ духовномъ, таинственномъ, въ благодатныхъ дарахъ въ таинствахъ, явленіи Себя вѣрующимъ. Мысль о духовномъ Своемъ явленіи вѣрующимъ сердцамъ Христосъ Спаситель поясняетъ и усиливаетъ указаніемъ на то, что явленіе Его будетъ вмѣстѣ съ явленіемъ и Бога Отца, Котораго никто изъ людей никогда не видѣлъ и видѣть не можетъ (Іоан. 1, 18; I Иоан. 4, 12; I Тим. 6, 16), ибо Онъ есть огонь посядающій (Втор. 4, 24; Евр. 12, 29). Эти слова Христа Спасителя означаютъ то же, что и слова, сказанныя Христомъ фарисеямъ на ихъ вопросъ: когда придетъ Царствіе Божіе: *не придетъ Царствіе Божіе приметнымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо Царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 20—21); оно не пища и питіе, но праведность и миръ, и радость во Святомъ Духѣ (Рим. 14, 17). И слова Христа Спасителя: обитель у него (вѣрующаго) сотворимъ,—означаютъ духовное общеніе со Христомъ и Отцомъ во Св. Духѣ, внутреннее, духовное общеніе и единеніе Бога, въ Троицѣ славимаго, съ вѣрующимъ въ Искупителя и оправдывающимъ свою вѣру дѣлами, то есть имѣющимъ чистое сердце, проводящимъ жизнь въ пѣломудріи, не сознающимъ за собою никакого лукавства. „Какъ зеркало тогда отражаетъ образы, когда чисто, такъ можетъ созерцать Бога и разумѣть Писаніе только чистая душа“ (Толкованія Теофилакта Болгарскаго). А кто не вѣруетъ во Христа Спасителя, не любитъ Его, а потому и не исполняетъ словъ Его, тотъ не можетъ войти въ духовное, таинственное общеніе со Христомъ, и

тѣмъ людямъ, то есть міру, не можетъ явиться Христосъ съ Своимъ Отцомъ во Св. Духѣ. На то же нравственное, духовное, таинственное и благодатное общеніе между Христомъ Спасителемъ и вѣрующими въ Него указываютъ и слова св. Писанія ветхаго завѣта: *всемось въ нихъ и буду ходить въ нихъ; и буду ихъ Богомъ; и они будутъ Моимъ народомъ* (2 Кор. 6, 16; Лев. 26, 12) и слова Христа о созерцаніи Бога людьми, имѣющими чистое сердце. Такимъ образомъ въ вышеуказанныхъ мѣстахъ св. Писанія нѣтъ никакого основанія къ ученію о возможности многократныхъ воплощеній Христа Спасителя въ людяхъ.

5) Основаніе къ мысли о возможности многократныхъ воплощеній Христа Спасителя въ людяхъ хлысты видятъ еще въ словахъ пророка Моисея при купинѣ, когда онъ назвалъ Господа *Богомъ Авраама, и Богомъ Исаака, и Богомъ Иакова* (Луки 20, 37), и въ евангельскихъ родословіяхъ Христа Спасителя у евангелистовъ Матѳея (1, 1—16) и Луки (3, 23—38), изъ коихъ первый указываетъ предковъ Христа по плоти въ восходящемъ порядкѣ, начиная отъ Авраама и восходя до Иосифа, обручника Пресвятой Дѣвы Маріи, а второй ведетъ счетъ предковъ Христа по плоти въ нисходящемъ порядкѣ, начиная съ Иосифа обручника и спускаясь до Адама. По поводу указанныхъ мѣстъ св. Писанія нужно замѣтить, что словами, сказанными при купинѣ, Богъ увѣряетъ Моисея въ томъ, что Онъ будетъ особенно близокъ къ нему, будетъ покровительствовать и помогать ему, какъ покровительствовалъ и помогалъ благочестивымъ патриархамъ Аврааму, Исааку и Иакову. Это увѣреніе отъ Бога было необходимо Моисею для того, чтобы онъ безъ малодушія и боязни принялъ на себя то служеніе и званіе, отъ котораго онъ отказывался и которое возлагалъ на него Богъ, избравшій его въ вождя еврейскаго народа. Моисей долженъ былъ вывести евреевъ изъ египетскаго рабства, быть величайшимъ пророкомъ, законодателемъ и устройтелемъ ветхозавѣтной Церкви. Въ словахъ Бога къ Моисею при купинѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія къ той мысли, что Богъ воплощался въ Авраама, Исаака и Иакова. По поводу же родословія Христа по плоти у евангелистовъ нужно сказать слѣдующее. У евреевъ было въ обычаѣ, при описаніи жизни какого-либо важнаго лица, перечислять и предковъ этого лица, чему

подтверженіе мы можемъ видѣть въ книгахъ Моисея, Руен, Царствъ и Паралипоменонъ. Но евангелисты, описывая родословіе Христа Спасителя, имѣли въ виду показать исполненіе пророчествъ о происхожденіи Мессіи именно отъ тѣхъ лицъ, коимъ въ древности было дано обѣтованіе о происхожденіи отъ нихъ Христа Спасителя. Несостоятельность хлыстовской мысли, что въ родословіяхъ евангелистовъ указываются лица, въ которыхъ обиталъ духъ Христовъ, преемственно переходившій отъ одного лица въ другое, видна изъ того, что между предками Христа по плоти евангелисты упоминаютъ не однихъ только праведниковъ, въ которыхъ, по мнѣнію хлыстовъ, обиталъ духъ Христовъ, но и грѣшниковъ. Такъ, напримѣръ, евангелистъ Матѳеи пишетъ, что Салмонъ родилъ Вооза отъ Рахавы (Раавы, — Мѳ. 1, 5), которая была блудницей и иноплеменницей (Ис. Нав. 2, 1), что Соломонъ былъ рожденъ Давидомъ чрезъ прелюбодѣяніе его съ женою Уріи Хеттеянина, Вирсавіей (2 Цар. 11, 4—5; Матѳ. 1, 6). Между тѣмъ, по ученію хлыстовъ, Христосъ, или Его духъ переходилъ только отъ праведника къ праведнику же, а не грѣшнику. И только ничѣмъ не сдерживаемый произволъ хлыстовъ въ толкованіи св. Писанія побуждаетъ ихъ утверждать, что всѣ упоминаемые въ родословіяхъ евангелистовъ предки Христа по плоти были людьми, въ коихъ Христосъ, Сынъ Божій, Второе Лицо Св. Троицы воплощался еще и въ ветхомъ завѣтѣ.

6) Основаніе къ мысли о возможности многократныхъ воплощеній Христа Спасителя въ людяхъ хлысты видятъ еще въ словахъ апостоловъ Іоанна и Павла: *всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста* (1 Іоан. 4, 3). *Кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его* (Рим. 8, 9) и въ словахъ церковной пѣсни: Христосъ раждается, славите (катавасія отъ канона праздника Рождества Христова). Апостоль Іоаннъ утверждаетъ ту мысль, что Христосъ Спаситель, описанный въ Евангеліяхъ, имѣлъ дѣйствительную человѣческую плоть, а не призрачную и кажущуюся, какъ о Немъ учили еретики, называемые докетами, по апостолу плоть Христа Спасителя была не призракомъ и привидѣніемъ для глазъ человѣка, а ее можно было осязать руками (1 Іоан. 1, 1; Іоанн. 20, 25—28; 21, 20). Христосъ Спаситель, дѣйствительно,

какъ человѣкъ, ѣлъ, пилъ и въ свое время страдалъ на крестѣ за грѣхи людей. Если же признать, что Христосъ Спаситель имѣлъ плоть призрачную, тогда нужно признать, что Онъ и не могъ страдать Своею плотію на крестѣ, нужно будетъ отвергнуть и самое искупленіе человѣческаго рода отъ грѣховъ Христомъ Спасителемъ, для чего собственно и приходилъ на землю во плоти Сынъ Божій. Поэтому ап. Іоаннъ людей, отвергающихъ дѣйствительность воплощенія Христа, называетъ противниками Христа, антихристами. Видѣть въ указанныхъ словахъ апостола основаніе къ той мысли, что Сынъ Божій, Второе Лицо Св. Троицы, въ видимой человѣческой плоти постоянно живетъ на землѣ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Относительно же вышеуказанныхъ словъ ап. Павла нужно замѣтить, что въ восьмой главѣ посланія къ римлянамъ онъ сравниваетъ жизнь по плоти съ жизнью по духу. Вы, обращаясь къ римскимъ христіанамъ, говоритъ апостоль, живете не плотскою, грѣховною жизнью, но духовною, богоугодною, потому что въ васъ обитаетъ Духъ Божій. А кто не живетъ духовно, кто не имѣетъ въ себѣ Духа Христова, то есть не питаетъ въ себѣ тѣхъ святыхъ мыслей и чувствованій, какія были во Христѣ, того я не считаю христіаниномъ. Выраженіе—*Духъ Христовъ* у апостола въ первомъ стихѣ той же главы замѣняется однимъ словомъ *духъ*; въ противоположность *плоти*. Поэтому выраженіе имѣть Духа Христова равносильно, означаетъ одно и то же съ выраженіемъ быть во Христѣ, имѣть Христа въ себѣ (Православно-догматическое богословіе Митрополита Макарія. Москва. Изданіе 4-е, т. 1, стр. 282), исполнять ученіе Христа, быть истиннымъ христіаниномъ. Но быть истиннымъ христіаниномъ отнюдь не одно и то же, что быть воплотившимся Христомъ. Воплотившійся Сынъ Божій, Второе Лицо Св. Троицы, Христосъ Спаситель и по человѣческой природѣ былъ совершенно чуждъ грѣха, былъ единымъ безгрѣшнымъ, какъ это видно изъ свидѣтельствъ Евангелія и посланій апостольскихъ (Мате. 1, 18—23; Рим. 8, 3; 1 Петр. 2, 22; Іоан. 8, 46; 1 Іоан. 3, 5; Евр. 7, 26). А никто изъ людей не былъ и не можетъ быть чуждымъ грѣха, безгрѣшнымъ. Эту истину подтверждаютъ пророкъ Давидъ (Псал. 50, 7), премудрый Екклезіастъ (7, 20), праведный Іовъ (14, 4) и ап. Павелъ, который называетъ *всѣхъ*

людей *по природѣ чадами гнѣва* (Ефес. 2, 3) и говорить: *какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ мѣръ и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ челоѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили* (Рим. 5, 12). Точно также и слова церковной пѣсни: *Христосъ раждается, славите* не даютъ никакого основанія къ той мысли хлыстовъ, что рожденіе христовъ на землѣ въ челоѣческомъ родѣ продолжается и до настоящаго времени. Словами: *Христосъ раждается, славите*—Церковь выражаетъ только живость своего чувства вѣры въ рожденіе Сына Божія, какъ бы непосредственное созерцаніе событія, происшедшаго 19 вѣковъ назадъ. Подобнымъ же образомъ въ пѣснопѣнии на девятое мая Церковь поетъ: „Приспѣ день свѣтлаго торжества... днесъ бо священное торжество перенесенія честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей Святителя и Чудотворца Николая, яко солнце незаходимое возсія“. Неужели на основаніи этихъ словъ можно утверждать, что каждагодно совершается перенесеніе мощей Николая Чудотворца изъ города ликійскаго Миръ въ городъ италійскій Баръ? Это перенесеніе мощей совершилось одинъ разъ въ 1087 году, въ царствованіе греческаго императора Алексѣя Комнина при константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ. Точно также и на основаніи словъ церковной пѣсни: „Христосъ раждается, славите“—отнюдь нельзя утверждать, что воплотившійся Сынъ Божій Христосъ каждагодно рождается на землѣ во плоти.

Итакъ, Второе Лицо Св. Троицы Сынъ Божій воплощался и приходилъ на землю для спасенія челоѣческаго рода только однажды. Искупленіе челоѣческаго рода отъ грѣха, совершенное Христомъ однажды, исполнѣ достаточно для спасенія челоѣческаго рода на всѣ времена (Евр. 10, 14). Во второй же разъ Онъ явится на землю въ Своемъ прославленномъ тѣлѣ для того, чтобы, потребовать отъ людей отчета, какъ они воспользовались Его спасительнымъ ученіемъ и благодатію,—для суда надъ челоѣческимъ родомъ (Іоан. 5, 25--29).

Прот. Н. Кутепогъ.

О единоличномъ рукоположеніи во епископа.

(Бесѣда съ апологетомъ раскола австрійскаго толка К. Перетрухинымъ).

18-го августа 1901 года я былъ вызванъ мѣстнымъ священникомъ и старообрядцами въ посадъ Мелекесь (Самар. губ., Ставроп. у.), гдѣ предполагалось провести цѣлый рядъ бесѣдъ съ австрійцами, для чего мелекесская купчиха М. В. Сипатова, чрезъ лжеепископа самарскаго Порфирія, вызвала извѣстнаго въ раскольникѣмъ мѣрѣ логовета К. А. Перетрухина, съ сыномъ Іосифомъ; мелекесскіе купцы Марковы вызывали съ Преображенскаго (изъ Москвы) кладбища своего начетчика, а когда послѣдній наканунѣ бесѣдъ прислалъ отказную, вызывали изъ Камышина Пермякова; спасовцы — Ларичкинъ и богачъ суходольскій Ф. Е. Суслинъ — вызывали изъ Нижняго слѣпца Коновалова, но и послѣдній телеграммой, полученной во время бесѣды уже, извѣстилъ, что быть не можетъ.

Бесѣдъ было пять. Въ настоящей статьѣ мы воспроизведемъ ту, которая происходила, по желанію старообрядцевъ, въ домѣ мелекесскаго купца-старообрядца В. Я. Сипатова.

Въ 10 часовъ утра я, вмѣстѣ съ своими помощниками и священникомъ о. Высоковымъ, по приглашенію старообрядцевъ, пришелъ въ домъ Сипатова, гдѣ собралось довольно уже народу и гдѣ православные спорили съ писцомъ канцеляріи московскаго лжеепископа Картушина — Іосифомъ Климентовымъ по вопросу о незаконности австрійскаго священства. Картушинскій писецъ, съ пѣною у рта, отстаивалъ законность такого поступка м. Амвросія 60 пр. Карѳагенскаго собора.

Сейчасъ же обратились къ намъ за разъясненіемъ сего вопроса. Сознаюсь, что мнѣ не особенно хотѣлось вести рѣчь о единоличномъ рукоположеніи, потому что вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, второстепенной важности; мнѣ хотѣлось провести бесѣду по вопросу о незаконномъ чинопріемѣ —

бѣглымъ іереємъ Іеронимомъ м. Амвросія—вторымъ чиномъ, чрезъ таинство мѹропомазанія, такъ какъ послѣ рѣшенія его яснымъ становится, что принятый чрезъ мѹропомазаніе м. Амвросій обнаженъ былъ священнаго сана, сталъ простымъ міряниномъ; что вообще св. отцы Церкви хиротонію еретиковъ 2-го чина отвергали, не принимали. Однако, уступая желанію собравшихся, рѣшили вести бесѣду о единоположеніи.

Помолившись, сѣли за столъ, на которомъ разложены были необходимыя книги. Старообрядцы поручили вести бесѣду К. А. Перетрухину; я же поручилъ вести бесѣду своему помощнику. Не прошло и 10 минутъ, какъ раскольники, почувствовавшіе себя хозяевами въ домѣ своего собрата повѣрѣ, стали вести себя дерзко, нахально, — въ особенности нахально и безсовѣстно велъ себя сынъ Перетрухина, служащій въ канцеляріи московскаго лжеархіепископа Картушина, истый ученикъ Никиты Пустосвята. Нахальствомъ и дерзкими глумленіями надъ пастырями православнои Церкви раскольникамъ, очевидно, хотѣлось вывести насъ, миссіонеровъ, изъ терпѣнія, хотѣлось имъ, очевидно, сдѣлать такъ, чтобы мы бросили бесѣду и ушли, и тѣмъ дали бы поводъ говорить имъ, что миссіонеры бѣжали, ничего не доказали. Сдерживая негодованіе (справедливое) присутствующихъ на бесѣдѣ православныхъ, по поводу дерзостей раскольничьихъ вожаковъ, я самъ вступилъ въ бесѣду.

Итакъ, братія, началъ я, помолившись, приступимъ къ бесѣдѣ.

Почему мы, православные, не признаемъ и не можемъ признать австрійское священство истиннымъ, законнымъ, спасительнымъ? Потому, братія, что оно (т. е. австрійское священство) ведетъ свое начало не отъ Христа Спасителя, не отъ св. апостоловъ, а отъ бѣжавшаго изъ греческой Церкви м. Амвросія, который, никѣмъ не посланный, явился въ Бѣлую-Криницу къ раскольникамъ, и тѣ приняли его, какъ еретика, вторымъ чиномъ, чрезъ таинство мѹропомазанія, а отсюда Амвросій сталъ, по суду книги Кормчей, правила коей мы должны почитать не менѣе Евангелія (см. въ Кормч. предисловіе предъ апостольскими правилами), простымъ міряниномъ... Рукополагаетъ (простой) мірянинъ, заводитъ священство мірянинъ... Такъ, можно ли признать священство

австрійское законнымъ? Нисколько. Священство ихъ самозванное, мнимое, погибельное; вѣдь ризы безъ благодати не пользуютъ.

Вотъ главнѣйшія основанія нашей (и всей древней) православной Церкви — не признавать вашихъ епископовъ — епископами, вашихъ іереевъ — іереями...

Петрушинъ. Позвольте, позвольте, о. миссіонеръ; вы не о томъ говорите: рѣчь у насъ о единоличномъ рукоположеніи.

Прав. миссіонеръ. Напрасно вы, Климентъ Аеиногеновичъ, перебиваете, прерываете рѣчь недоконченную... Вотъ кончу, а вы тогда и укажите, что я сказалъ вопреки Писанію, неправильно... Продолжаю. Но и дальнѣйшія дѣйствія Амвросія, въ званіи раскольникяго первосвятителя, противоканоничны, незаконны. По контракту (условію), заключенному съ Павломъ бѣлокриницкимъ, Амвросій долженъ былъ „неотлагательно поставить въ намѣстники себѣ другого епископа“ (см. условіе въ „Матеріал. для исторіи бѣлокриницкаго священства“ 1897 г., 135 стр.), что Амвросій и исполнилъ, рукоположивъ единолично 6-го января 1847 года въ епископы — дворника „Бѣлокриницкой громады“ Кипріана, съ именемъ Кирилла... Законно ли это? Могъ ли Амвросій единолично рукоположить Кирилла? Нѣтъ, не могъ. Рукоположеніе есть дѣло высшей власти, — какова власть соборная (*Соборн. Больш. 332 об., Кирил. 457 об.*), — почему св. апостолы въ первомъ правилѣ и постановили: «Два или три епископа поставляютъ епископа». Толкованіе: „три убо епископа безъ всякаго извѣта должны суть поставляти епископа, и да не будетъ изверженъ, аще нѣсть мощно всѣмъ сущимъ во области епископамъ совокупитись во едино“. А первый вселенскій соборъ въ 4-мъ пр. еще рѣшительнѣе говоритъ: „епископа поставляти наиболѣе прилично всѣмъ тоя области епископамъ. Аще ли же сіе неудобно, или по належащей нуждѣ, или по дальности пути, по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберутся, а отсутствующіе да изъясвятъ согласіе посредствомъ грамотъ: и тогда совершати рукоположеніе“. Эти правила и нарушены были Амвросіемъ при поставленіи Кирилла, а отсюда, по суду правилъ сихъ, Амвросій является изверженнымъ изъ сана; а отъ изверженнаго изъ сана — Кириллъ ничего не могъ получить и не полу-

чилъ благодати священства, а остался прежнимъ Кипріаномъ, „дворникомъ Бѣлориницкой громады“.

Петрухинъ. Тяжелое обвиненіе высказалъ на наше священство о. миссіонеръ; но мы, вѣдь, братія, не отвергаемъ 1-го прав. св. апост. и 4-го прав. 1-го вселенскаго собора... Справедливо, что правила, положенныя въ Кормчей книгѣ, нужно соблюдать, но соблюдать и исполнять ихъ возможно во время мира церковнаго... Во время же ереси не все бываетъ по правиламъ, какъ о томъ мы читаемъ въ книгѣ преподобнаго Θεодора Студита: „Вопросъ: О пресвитерахъ, рукоположенныхъ въ Римѣ, въ Неаполѣ и Лангобардіи и отпущенныхъ безъ извѣщенія о нихъ; слѣдуетъ ли принимать такихъ и имѣть общеніе съ ними, вмѣстѣ вкушать пищу и вмѣстѣ молиться? Отвѣтъ: Во время ереси, по необходимости, не все бываетъ непремѣнно по правиламъ, установленнымъ во время мира. Такъ, мы видимъ, поступали и блаженнѣйшій Аѳанасій и святѣйшій Евсевій, которые оба совершали рукоположеніе надъ лицами не своей области. И теперь, видимъ, совершается то же самое при настоящей ереси. Итакъ, вышеупомянутые, если явно не осуждены, отнюдь не должны быть отвергаемы, что рукоположены такимъ образомъ, и должны быть принимаемы съ соблюденіемъ четырехъ предложеній“ (*Θεод. Студ., ч. 2-я, 554 стр.*).

И вотъ, объ Евсевіи у Баронія читаемъ: „Егда же готы у Дуная воеваху, той Евсевій сущъ отъ стражей избѣгшихъ оставленъ, видя многія церкви вдовствующія безъ пастырей: утаися въ одеждахъ воинскихъ, проходилъ Сирію, Финикію и Палестину, поставляя іереевъ и діаконовъ, и иныя услуги полезныя вѣрнымъ совершая. Сіе же въ толикой нуждѣ невозбранно бѣ въ чуждыхъ епархіяхъ, и Духу Святому подвизающу его сердце въ таковой службѣ“ (*лѣто 370. число 4-е*). Въ Четив-Миней же ясно говорится, что Евсевій рукополагалъ и епископовъ: „Многія правовѣрныя церкви бяху безъ своихъ служителей, и святительскіе престолы безъ архіереевъ, ово отъ арианъ въ Константіево царство, ово же отъ кумирслужителей во Іуліаново владѣніе, и инымъ избіеннымъ, и инымъ разгнаннымъ бывшимъ: и аще бы не прекратилъ Господь Іуліанова живота и царства, едва бы какая церковь съ служителями своими осталась цѣла. Въ такое лютое время Евсевій святыи, утаивъ свой санъ святи-

тельскій, въ воинская облекся, обхождаше Сирію, Финикію и Палестину, утверждая христіаны въ святѣй вѣрѣ: и идѣже аще обрѣташе церковь безъ служителей, поставляше іереи и діаконы и прочія клирики, а индѣ и епископы постави отъ тѣхъ, иже обрѣте отщепенныхъ Аріевы догматы, мудрствующихъ православно“ (*Четья-Минея 22 іюня*); и у Иродіона Вѣтринскаго находимъ подобное же свидѣтельство: „Когда аріанство угрожало Церкви опасностью, Аванасій Великій, возвращенный изъ заточенія, въ разныхъ городахъ, чрезъ которые онъ проходилъ, хотя они были и не его епархіи, рукополагалъ не обинуясь; то же дѣлалъ Евсевій Самосатскій во время гоненія отъ аріанъ при Валентѣ. Онъ, по свидѣтельству Теодорита, одѣтый въ воинское платье, прошелъ всю Сирію, Финикію и Палестину, рукополагая пресвитеровъ и діаконівъ, поставляя на другія церковныя степени, и исправляя всѣ бывшіе въ церквахъ безпорядки. Равнымъ образомъ въ Сиріи, Киликіи и другихъ мѣстахъ, которыя исчисляеть Теодоритъ, рукополагалъ онъ епископовъ. Все сіе было противно общимъ правиламъ, но требовало того благосостояніе Церкви, которая въ такихъ случаяхъ давала имъ власть поступать, какъ епископамъ цѣлой вселенской Церкви“ (*Памятники древн. христ. Церкви, т. I, стр. 55—56*). И не одинъ Евсевій рукополагалъ единолично... Такъ, мы видимъ изъ пролога, что св. священномученикъ Автономъ поставилъ единолично въ епископа Корнилія въ Виенніи къ церкви св. архангела Михаила (прологъ 12 сент.). Также и св. Златоустый, во время изгнанія своего изъ Царь-Града и пребыванія въ Куксѣ, „по обращеніи ко Христу безчисленнаго множества людей, постави имъ семь епископовъ и множество пресвитеровъ и діаконівъ“ (*Мартиріѣ въ житіи 158 и об.*). Такъ вотъ и м. Амвросій, если и рукоположилъ Кирилла единолично, поступилъ законно, справедливо, а отсюда законно и наше священство.

Прав. миссіонеръ. Нѣтъ, добрые слушатели,—всѣ примѣры, которые привелъ г. Перетрухинъ,—не оправдываютъ незаконный поступокъ Амвросія. Въ оправданіе незаконнаго поступка Амвросія вы сослались на Теодора Студита: „во время ереси, по необходимости, не все бываетъ по правиламъ, установленнымъ во время мира“. Но о какихъ правилахъ говорить здѣсь препод. Теодоръ Студитъ? Объ едино-

лично́мъ ли рукоположеніи у него рѣчь? Θεодору Студиту предложили вопросъ: „о пресвитерахъ, рукоположенныхъ въ Римѣ, въ Неаполѣ и Лангобардіи и отпущенныхъ безъ извѣщенія о нихъ; слѣдуетъ ли принимать такихъ и имѣть общеніе съ ними?“.. Римъ, Неаполь и Лангобардія, во время Θεодора Студита, были православны; здѣсь иконоборческая ересь не господствовала (см. о семъ у Баронія),—и вотъ его спрашивали о пресвитерахъ православныхъ, но такихъ, кои отпущены были изъ указанныхъ мѣстъ безъ отпустительныхъ грамотъ, — „отпущенныхъ безъ извѣщенія о нихъ“. Всякій священникъ, отходя изъ своей епархіи, долженъ получить отъ своего епископа „отпустительную грамоту“, на основаніи 33 пр. святыхъ апостоловъ, въ которомъ говорится: „чуждый пресвитеръ безъ ставильнаго писанія не пріятенъ“. Толкованіе: „безъ ставильнаго писанія не подобаетъ чуждаго пресвитера пріимати. Ставильное же писаніе сицевое есть: „котораго града епископъ, и како имя ему, и како имя пресвитеру, и по святымъ ли правиломъ поставилъ его, и съ миромъ ли отпустилъ. Аще же и таковое писаніе носить, то ли тако подобаетъ вопрошати и испытывати его, и аще безъ всякаго извѣта правовѣренъ обрящется, пріяти того достойно. Аще ли нѣкая противная правовѣрїю глаголетъ и творить, подобаетъ таковому потребная на путь вдати и отпустити его“. Вальсамонъ яснѣе еще говоритъ, что „чуждые пресвитеры не только должны представить представительныя грамоты, но и при семъ должны еще предъявить отпускныя грамоты своихъ епископовъ; въ противномъ случаѣ имъ не будетъ дозволено священнослуженіе. Ибо въ представительныхъ грамотахъ обозначается только то, что они посвящены; о дозволеніи же имъ священнодѣйствовать въ чужой области показывается не въ этихъ, а въ отпускныхъ грамотахъ“ (полная Кормчая, 61 стр.). Такимъ образомъ, по правиламъ требуется, чтобы пресвитеръ, отходя въ иную область, иную епархію, имѣлъ не только представительную грамоту, въ которой сказано объ его рукоположеніи, о томъ, что онъ дѣйствительно священникъ, но и отпустительную грамоту отъ своего епископа, — въ противномъ случаѣ, въ чужой епархіи онъ служить не можетъ... Вотъ Θεодора Студита и спрашивали о такихъ православныхъ іереяхъ, кои пришли изъ Рима, Неаполя и др., но отпустительныхъ грамотъ не

принесли съ собой, — можно ли ихъ принять, можно ли съ ними имѣть общеніе? Преподобный и отвѣчаетъ, — именно объ этихъ грамотахъ, что во время ереси можно быть и не требовательнымъ относительно исполненія такихъ несущественныхъ правилъ... И только. Гдѣ же рѣчь о единоличномъ рукоположеніи? При этомъ Θεодора Студита спрашивали объ іереяхъ *православныхъ*, „*отпущенныхъ* безъ извѣщенія о нихъ“... А кто отпустилъ Амвросія въ Бѣлую-Кривуцу? Да и все, что писалъ Θεодоръ Студитъ,—писалъ и говорилъ не законоположительно,—а какъ совѣтъ: „Все это я высказалъ не законодательно; ибо это дѣло епископовъ; но преподаль въ видѣ совѣта“ (614 стр., 2 ч.). Въ разсужденіи же объ Амвросія мы говоримъ, что онъ нарушилъ прямой законъ, прямую заповѣдь св. апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, и тѣмъ подвелъ себя подъ клятву св. отецъ...

Вы сослались на Баронія (лѣто Господне 370), у котораго якобы говорится, что Евсевій единолично рукополагалъ; но у Баронія сказано только, что Евсевій, „видя многія Церкви вдовствующія безъ пастырей, утаился въ одеждахъ воинскихъ, и проходилъ Сирію, Финикію и Палестину, поставляя іереевъ и діаконовъ, и иныя услуги полезныя вѣрнымъ совершая“ (Бороній, лѣто 370, число 4-е).—Гдѣ же здѣсь говорится объ *единолично* рукоположеніи Евсевіемъ епископовъ? И слова нѣтъ. И въ Четви-Минеи, въ житіи св. Евсевія, не говорится того, что онъ рукополагалъ *единолично* епископовъ, а сказано, что „Евсевій, идѣже обрѣтатше Церковь безъ служителей, поставляше іереи и діаконы и прочія клирики; а индѣ и епископы *постави отъ тѣхъ, ихъ же обрѣте отмищующихъ аріевы догматы, мудрствующихъ православно*“ (житіе 22 іюня). Ясно, что Евсевій, если гдѣ обрѣталъ прежде поставленныхъ епископовъ, „отмищующихъ аріевы догматы, мудрствующихъ православно—отъ тѣхъ постави“, т. е. дѣлалъ ихъ представителями вдовствующихъ Церквей. Еще яснѣе объ этомъ говоритъ бл. Θεодоритъ въ въ церковной исторіи (замѣтимъ кстати Перетрухину, что въ сказаніи объ Евсевіи Бароній ссылается на Θεодорита, именно на 4 книгу, на то мѣсто, которое далѣе и мы приводимъ): „Евсевій, узнавъ, что многія Церкви лишены пастырей, облекся во одежду воина, возложилъ на главу тиару и въ такомъ видѣ прошелъ Сирію, Финикію и Пале-

стину, рукополагая пресвитеровъ и діаконовъ, и пополняя духовенство другими церковными чинами, *а когда встрѣчалъ единомысленныхъ съ собою епископовъ, то дѣлалъ изъ предстоятелями тѣхъ Церквей, которыя имѣли нужду въ представителяхъ*“ (Церк. Ист., книга 4, стр. 256, изд. 1852 г.).—Ясно, что Евсевій не рукополагалъ единолично епископовъ. Впрочемъ, вы сослались на Иродіона Вѣтринскаго, который говоритъ, что Евсевій рукополагалъ епископовъ... Но въ томъ-то и бѣда, что вы, да и всѣ почти глаголемые старообрядцы ссылаетесь на разныя исторіи, не повѣряя ихъ „столповыми“—подлинными книгами... Иродіонъ Вѣтринскій сослался на церковную исторію Θεодорита: „Онъ (Евсевій), по свидѣтельству Θεодорита, пишетъ Вѣтринскій, одѣтый въ воинское платье, прошелъ всю Сирію, Финикію и Палестину... рукополагалъ епископовъ...“ А оказывается, что Θεодоритъ не то пишетъ, что Евсевій единолично рукополагалъ епископовъ, а что „когда встрѣчалъ единомышленныхъ съ собою епископовъ, то дѣлалъ ихъ предстоятелями тѣхъ Церквей, которыя имѣли нужду въ представителяхъ“. Какъ видите, Вѣтринскій ложно сослался на Θεодорита, и на этой ложной ссылкѣ вы основываетесь. При этомъ долгомъ почитаю замѣтить вамъ, что если Аѳанасій и Евсевій и совершали рукоположеніе пресвитеровъ и діаконовъ въ епархіяхъ, имъ не принадлежащихъ, то и сіе дѣлали они не самовольно, а по порученію собора епископовъ, о чемъ читаемъ въ церковной исторіи Руфина: „Евсевій спѣшитъ въ Александрію, гдѣ собрался соборъ исповѣдниковъ, которые полагали справедливымъ отторгнуть только виновниковъ вѣроломства, а съ прочими священниками поступить по ихъ желанію, если только они хотятъ проклясть грѣхъ вѣроломства и обратиться къ вѣрѣ и постановленіямъ отцовъ“... Когда эти мысли, извлеченныя изъ евангельскаго авторитета, были одобрены этимъ священнымъ чиномъ, то, по опредѣленію собора, на Астерія возложена была (обязанность) заботиться... (о приведеніи этого опредѣленія въ исполненіе) на востокъ, а на западѣ это поручено было Евсевію“. (Дѣян. 7 вселен. собора, изд. 1891 г., 54—55 стр.). О томъ же, т. е., что Евсевій былъ посланъ соборомъ, говорится и у Баронія (*лто Господне 378, ч. 10, 11 и 12*).—Ясно, какъ Божій день, что въ то время, когда жили Аѳанасій и

Евсевій, на исправленіе Церкви, поврежденныхъ аріанами, собирались соборы, которые и давали нѣкоторымъ (въ томъ числѣ Аванасію и Евсевію) порученія и полномочія исправлять поврежденныхъ ересью Церкви, ставить для нихъ іереевъ и діаконовъ. — Значить, что дѣлали Аванасій и Евсевій,—дѣлали не самовольно, а по приказанію соборовъ св. отцовъ, имѣли посланничество, чего не имѣлъ вашъ Амвросій, а главное, повторяю, *нидѣ* не говорится, что Евсевій и др. *единолично* рукополагали епископовъ.

Ссылаются на священномученика Автонома, который, якобы, рукоположилъ единолично Корнилія (*Прологъ 12 сентября*).

Св. священномученикъ Автономъ жилъ въ IV вѣкѣ, въ царствованіе Діоклитіана мучителя. По сказанію Миней (12 сентября), онъ, удалившись изъ Италіи отъ гоненія въ Вифанію, нашель нѣкое мѣсто, называемое Сореесъ, гдѣ поселился у одного жителя, по имени Корнилія, проповѣдалъ тамъ христіанство между язычниками, много обратилъ ихъ ко Христу, устроилъ у нихъ церковь во имя Архистратига Божія Михаила и поставилъ къ ней означеннаго Корнилія сначала діакономъ, потомъ пресвитеромъ и, наконецъ, епископомъ.—Но одинъ-ли онъ рукополагалъ въ епископа Корнилія, этого въ житіи не говорится, и вы строите свои догадки. Послѣ каждаго поставленія въ чинъ Корнилія Автономъ, какъ говорится въ житіи его (см. Четьи-Миней), удалялся изъ Сорееса въ другія страны—въ Ликаонію, въ Исаврію, въ Клавдіополь—проповѣдывалъ тамъ христіанство и опять возвращался, а Діоклитіанъ - мучитель былъ въ это время въ Никомидіи, и слуги его искали Автонома на мученіе. Во время этого гоненія много было мучениковъ епископовъ, напримѣръ, Никомидійскій епископъ Анеимъ и другіе, какъ о томъ пишетъ въ своей книгѣ Евсевій (см. *Исторія его, кн. 8, гл. 13*); много было и скрывавшихся подобно Автоному епископовъ, въ сообществѣ съ которыми Автономъ и могъ рукоположить Корнилія. При такихъ обстоятельствахъ Автономъ не имѣлъ нужды нарушать основное правило св. апостоловъ объ епископскомъ рукоположеніи, всегда имѣя возможность, при своихъ путешествіяхъ, достать себѣ изъ скрывающихся, подобно ему отъ Діоклитіана, епископовъ для участія въ хиротоніи Корни-

лія. При этомъ слово „поставиль“ не значить еще „рукоположилъ“, а въ Писаніи употребляется въ смыслѣ опредѣленія, утвержденія на священную степень кого либо: „Филиппикъ (кесарь) постави (патріархомъ) Іоанна нѣкоего“ (*Бароній 711 лето*). Нельзя же думать, что кесарь поставиль—рукоположилъ Іоанна, а значить, опредѣлилъ, утвердилъ и только.

Сослались вы на Іоанна Златоустаго, что онъ, во время изгнанія своего изъ Царь-Града, проживая въ Куксѣ „по обращеніи къ Христу безчисленнаго множества людей, постави имъ семь епископовъ“ (*Маргаритъ—въ житіи л. 158 об.*), но тамъ же, въ житіи, сказано, что въ Куксѣ былъ епископъ Адельфій, въ домъ котораго и жилъ І. Златоустъ (*Маргаритъ въ житіи, 157 об. и 172 об. лл.*); тоже говорится и въ Прологѣ (13 ноября л. 345) и Четьи-Минеѣ. Значить, св. Златоусту и не было нужды единолично рукополагать епископовъ. Оболгавъ св. Златоуста, оправданія Амвросію вы не нашли.

Я разобралъ всѣ ваши доводы и оказалось, что нѣтъ оправданія беззаконному дѣянію Амвросія, а посему справедливо мы считаемъ его изверженнымъ изъ сана, обнаженнымъ священства, а отсюда и происшедшее отъ него священство незаконнымъ.—Не скажете ли еще что?

Перетрухинъ. Но, братіе, съ толкованіемъ словъ преп. Феодора Студита о миссіонеромъ я не соглашаюсь. Преп. Феодоръ Студитъ прямо говорить, что „во время ереси, по необходимости, не все бываетъ по правиламъ, установленнымъ во время мира“. Заключение же Феодора Студита: „все это я высказалъ—незакондательно; ибо это дѣло епископовъ, но преподалъ въ видѣ совѣта изъ любви“, относится къ послѣднему вопросу: „Слѣдуетъ ли поминать отца, умершаго въ ереси, на литургіи?“ Мы можемъ указать и другія правила, коими по нуждѣ дозволяется единолично рукополагать во епископа. Такъ, въ толкованіи 60 прав. Карфагенскаго собора читаемъ: „Заявлено было, что два епископа поставили іерея (іереемъ здѣсь называется епископъ, ибо пресвитера, по второму правилу св. апостоль, рукополагаетъ и одинъ епископъ), и это заявленіе сопровождалось просьбою опредѣлить, чтобы епископа поставляли двѣнадцать епископовъ. Аврелій отвѣтилъ, что долженъ соблю-

даться древній уставъ, разумѣя подь уставомъ правило, и выразилъ мнѣніе, что и трехъ епископовъ достаточно для хиротоніи епископа. Онъ указалъ на слѣдующія обстоятельство: „Арзуія окружена варварскими народами, такъ что епископамъ неудобно туда собираться; а въ Триполи (разумѣя Триполь лежащій въ Африкѣ) всего пять епископовъ, и можетъ случиться, что которому-нибудь изъ нихъ какая-либо нужда не дозволить придти. Итакъ не должно принимать за правило то, что можетъ послужить помѣхою церковной пользѣ, то-есть хиротоніи епископовъ (хиротонія епископовъ названа дѣломъ полезнымъ,—точнѣе нужнымъ, необходимымъ для Церкви, или для вѣрующихъ). Видите,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что это, то-есть, чтобы епископъ былъ поставленъ многими, не можетъ быть соблюдаемо“ (Зонара въ толкован. 60 прав. Кареаген. соб. 522 стр.). А Вальсамонъ добавилъ: „А митрополить Ефеса, господинъ Христофоръ, поставившій въ Калою епископа въ семь царствующемъ градѣ безъ присутствованія кого-бы ни было изъ принадлежащихъ къ его области, былъ обвиненъ, какъ мнѣ кажется, неосновательно. Ибо обвиненіе состоялось потому только, что нѣкоторые утверждали, будто митрополить долженъ совершать хиротонію, равно какъ избраніе епископовъ, по меньшей мѣрѣ съ двумя епископами, принадлежащими къ его области“. (Полная кормч. 523 стр.). Отсюда видно, что и одинъ епископъ можетъ рукополагать, по нуждѣ, епископа.—Въ книгѣ профессора Керенскаго читаемъ: „книга апостольскихъ постановленій допускаетъ возможность единоличной хиротоніи и надъ самостоятельнымъ епископомъ—въ силу затруднительныхъ обстоятельствъ... Отсюда и въ исторіи православно-восточной Церкви можно находить примѣры единоличнаго поставленія во епископы; таковы, напримѣръ, въ древности были поставленія Сидерія, епископа Палевискаго и др.“ (Старокатолицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе. Казань, 1894 г., стр. 151—159).—Такимъ образомъ мы видимъ, что примѣры единоличнаго рукоположенія, по нуждѣ, но на основаніи 60 прав. Кареагенскаго собора, были; отсюда и м. Амвросій, по нуждѣ поставивъ Кирилла единолично, не погрѣшилъ, и священство наше законное.

Прав. миссіонеръ. Климентъ Афиногеновичъ вторично по-

вторилъ слова Θεодора Студита, исказивъ дѣйствительный ихъ смыслъ...

Перетрухинъ. Позвольте, позвольте... Въ это время раскольники, въ особенности сынъ Перетрухина Іосифъ прямо сталъ говорить дерзости православному миссіонеру, перебивая его рѣчь, а въ заключеніе сказалъ: „убирайтесь отсюда, бесѣда кончена, нечего вамъ тутъ дѣлать“, и сталъ поносить меня всячески...

Правосл. миссіонеръ. Ахъ, братцы, какъ это не хорошо! Мы не сами ворвались въ вашъ домъ, не самовольно пришли сюда, а насъ пригласили добрые Василій Яковлевичъ и Матрена Васильевна Сипаповы—хозяйева сего дома, желая послушать мою бесѣду съ начетчикомъ своимъ, коего выписали на свои средства... Развѣ для оскорбленій насъ сюда пригласили?! Если бы мы знали, что насъ тутъ будутъ всячески поносить, позволяя даже мальчишкѣ, постоянно перебивать нашу рѣчь, да и почти выгонять..., то не подумали бы и придти... Вы, г. Перетрухинъ, учите своего сынка держать себя прилично и не оскорблять лицъ приглашенныхъ на бесѣду.

Во всю бесѣду я не позволилъ сказать вамъ рѣзкаго слова, и чѣмъ же вы платите за нашу кротость?!.. Что же? Не хотите бесѣдовать съ нами, уйдемъ, своихъ убѣжденій мы не навязываемъ никому. Но позвольте кратко разобрать тѣ доводы, которые вы привели... Вы исказили дѣйствительный смыслъ словъ преп. Θεодора Студита, у котораго ни единого слова не сказано объ единоличномъ рукоположеніи, а говорится только о пресвитерахъ,—но такихъ,—кои отпущены властью, только безъ „отпустительныхъ грамотъ“, что въ своемъ мѣстѣ мы разобрали и повторяемъ одно и тоже не будемъ. Заключительныя слова Θεодора Студита относятся не къ одному только послѣднему вопросу, какъ вы говорите, а ко всемъ его отвѣтамъ... Онъ прямо и ясно говоритъ въ концѣ письма, что „все это (т. е. все то, что писалъ, а не однѣ послѣднія строчки) я высказалъ не законоположительно, а въ видѣ совѣта...“ И такихъ мѣстъ, такихъ оговорокъ, у преп. Θεодора Студита не одно, а не меньше десяти можно указать!.. Да и не важно это, а важно то, что рѣчи нѣтъ, ни одного слова у него въ пользу единоличнаго рукоположенія.

Такъ и въ 60 прав. Кареагенскаго собора — не оправданіе Амвросію, а обличеніе того, что онъ, вопреки правиламъ, рукоположилъ Кипріана, за что лежитъ на немъ проклятiе св. отцевъ (*Кормчая л. 641*).—Какой же смыслъ 60 прав. Кареагенскаго собора? По правиламъ, изложеннымъ въ книгѣ Кормчей, епископа должны рукополагать всѣ областные епископы; если же имъ—всѣмъ почему-либо невозможно прибыть, то должны присутствовать обязательно три епископа при рукоположеніи кого-либо во епископскую степень, а прочіе свое согласіе должны изъяснить посредствомъ грамотъ. Правило гласитъ: „многіе епископы, собравшись, да поставляютъ епископа. — А по нуждѣ три епископа, въ какомъ бы мѣстѣ не были они, по повелѣнію первенствующаго, да поставляютъ епископа“. *Зонара* четвертое правило перваго Никейскаго собора опредѣляетъ, что „епископа должно поставятъ всѣмъ тоя области епископамъ; если же будетъ какое неудобство, то три должны собраться въ одно мѣсто, а прочіе должны изъяснить согласіе посредствомъ грамотъ, и такимъ образомъ должно совершаться рукоположеніе. Итакъ, что постановляетъ указанное правило, то же и отцы сего собора говорятъ, должно солюдать, какъ опредѣленное отцами бывшими прежде нихъ“... (13 прав. Кареагенскаго собора и толкован. *Полная Кормчая 403—404 стр.*).— Видите, каковы правила о рукоположеніи во епископа. Всѣ областные епископы должны присутствовать при рукоположеніи во епископа; по нуждѣ же не менѣе *трехъ*; а прочіе епископы тоя области должны, если лично не могутъ быть, прислать свои грамоты. На семь же Кареагенскомъ соборѣ, между прочимъ, было заявлено, „что былъ случай, когда два епископа поставили епископа... Заявивъ это, отцы просили опредѣлить, узаконить, чтобы епископа поставляли 12 епископовъ, Аврелій отвѣтилъ, что долженъ соблюдатьсѣ древній уставъ и сказалъ, что и трехъ епископовъ достаточно для хиротоніи епископа; онъ указалъ на слѣдующія обстоятельства: Арзуія окружена варварскими народами, такъ что епископамъ неудобно туда собраться, а въ Триполи всего пять епископовъ, и можетъ случиться, что которому-нибудь изъ нихъ какая-либо нужда не позволитъ придти. Итакъ не должно принимать за правило то, что можетъ послужить помѣхою церковной пользѣ, то есть,

хиротоніи епископовъ. Видите, сказалъ онъ въ заключеніе, что это, т. е. что бы епископъ былъ поставляемъ многими, не можетъ быть соблюдаемо“ (*Полная Кормчая стр. 522*).—Гдѣ же тутъ говорится, что можетъ и одинъ епископъ поставлять епископа? Наоборотъ, видно, что отцы собора узнавъ, что два епископа поставили епископа, требовали узаконоположить, чтобы рукополагали епископа не менѣе двѣнадцати. Но Аврелій епископъ указалъ, что требовать обязательно двѣнадцать, *многихъ*, неудобно и сказалъ почему именно: Арзія окружена варварами, — значитъ многимъ трудно прибыть туда,—а въ Триполи всего пять епископовъ,—посему будемъ слѣдовать, говоритъ онъ, правилу древнему, которое требовало не многихъ, а только трехъ.—Вотъ и все. Вальсамонъ же яснѣе еще говоритъ въ томъ мѣстѣ, которое вы намѣренно пропустили и въ своемъ „Мечѣ“ и здѣсь на бесѣдѣ. „Въ Нумидіи, читаемъ у него, поставили епископа два епископа. Итакъ епископы Онорать и Урванъ просили, какъ было поручено имъ, чтобы впредь епископъ не былъ поставляемъ двумя, но двѣнадцатью. На сіе Аврелій отвѣтилъ, что должно соблюдать древній уставъ, т. е. правило, по которому для хиротоніи епископа достаточно трехъ епископовъ, и что часто бываетъ неудобно собраться многимъ; посему, дабы не было помѣхи церковной пользѣ, то есть хиротоніи епископовъ, пусть епископъ будетъ поставляемъ только тремя епископами, то есть митрополитомъ и двумя другими: такъ будетъ удобно совершать хиротонію епископовъ“.—Къ этому Вальсамонъ добавляетъ: „Итакъ замѣть изъ настоящаго правила, что епископъ не необходимо поставляется тремя епископами, принадлежащими къ той же области, но митрополитомъ и двумя другими, хотя бы сіи послѣдніе и не принадлежали къ той же области. А митрополитъ Ефеса, господинъ Христофоръ, поставившій въ Калою епископа въ семь царствующемъ градѣ безъ присутствованія кого бы ни было изъ принадлежащихъ къ его области, былъ обвиненъ, какъ мнѣ кажется, неосновательно. Ибо обвиненіе состоялось потому только, что нѣкоторые утверждали, будто митрополитъ долженъ совершать хиротонію, равно какъ и избраніе епископовъ, по меньшей мѣрѣ, съ двумя епископами, принадлежащими къ его области“ (*Полная Кормчая стр. 522—523*).

Видите, вотъ два епископа рукоположили одного и то показалось не совсѣмъ законнымъ, и говорится, что не менѣе трехъ должны рукополагать,—по древнему правилу. Вальсамонъ только добавляетъ, что должны бы поставлять епископа трое епископовъ одной области, т. е. митрополитомъ и двумя его области архіереями, но, по обстоятельствамъ, могутъ поставлять и епископы не одной области, т. е. митрополитъ съ двумя епископами не его области.

Итакъ, въ 60 прав. Кареагенскій соборъ, какъ свидѣтельствуя и толкователи его, дѣйствительно принялъ во вниманіе нужду церковную,— и именно трудность собираться на рукоположеніе епископа двѣнадцати архіереямъ и вообще многимъ, а узаконоположилъ *быть не менѣе трехъ*. Такъ это правило излагается и въ дѣяніи помѣстныхъ соборовъ (изд. Казан. 1877 г., 138—139 стр.). Такъ толкуетъ и понимаетъ это правило и Матѣей Властарь, говоря: „60 прав. Кареагенскаго собора изрекло, что для рукоположенія епископовъ достаточно трехъ епископовъ“. (Синтагма Матѣея Властаря, гл. 5-я, буква „Х“). Считаю правило это достаточно объясненнымъ. Ясно отсюда, что и въ „Мечѣ“, и сейчасъ сослались вы ложно на него.

Перехожу къ дальнѣйшимъ доводамъ, кои вы привели.— Вы сослались на книгу профессора Керенскаго, который пишетъ, что „книга апостольскихъ постановленій допускаетъ возможность единоличной хиротоніи“ и указываетъ на Сидерія, епископа Палебискаго, который рукоположенъ—де единолично... Вамъ, конечно, какъ старообрядцу, стыдно ссылаться на апостольск. постановленія, ибо объ нихъ въ толкованіи на 85 пр. св. апостольск. сказано, „что не должно ихъ читать, необходимо ихъ отвергнуть, потому что еретики примѣшали къ нимъ нѣчто подложное и чуждое благочестію ко вреду Церкви“ (Полн. Кормч. 160 стр. толкован. Зонары, то же смотри и во 2-мъ прав. VI вселен. собора).— Ученому же профессору Керенскому, да и вамъ скажемъ, что и апостольскія постановленія требуютъ не менѣе трехъ епископовъ для хиротоніи во епископа (см. апостольск. постановлен. изд. 1864 г., Казань, стр. 254—255). И нигдѣ въ апостольскихъ постановленіяхъ не сказано, что можетъ одинъ епископъ рукоположить епископа.—Значитъ, ссылка ложная и на ложной ссылкѣ вы хотите обосновать законность своего

священства. Вотъ то-то и бѣда, что вы полагаетесь на разныя исторіи, а правила св. апостоль и вселенскихъ соборовъ забросили совсѣмъ. — Сидерій, епископъ Палестинскій, единолично рукоположенъ. Но г. Керенскій и вы вслѣдъ за нимъ не обратили вниманія на то, что Синезій епископъ Птолемаидскій (370—415 г.), называетъ Сидерія епископомъ незаконнымъ (письмо 67-е), потому что рукоположеніе его было совершено однимъ епископомъ... И только когда св. Аванасій Великій подтвердилъ, наверхилъ—его рукоположеніе и возвелъ въ митрополиты,—стали считать его законнымъ. Но кто наверхилъ, кто призналъ хиротонію вашего Кипріана Тимофеева, совершенную единолично Амвросіемъ? Какіе епископы утвердили вашего Кирилла въ званіи митрополита? Вотъ вопросы, на которые вы никогда отвѣтить не можете.—Замѣчу вамъ, что въ книгѣ того же профессора Керенскаго говорится, что въ латинской еретической Церкви признавалась дѣйствительной хиротонія, совершенная единолично... Но то еретическая Церковь..., а „восточная Церковь въ противоположность Церкви Римской, видѣла въ правилахъ (чтобы не менѣе трехъ епископовъ рукополагали епископа) требованіе не простого только измѣняемаго обычая, а требованіе неизмѣннаго канона и поэтому наказывала нарушителей указаннаго правила весьма строго—изверженіемъ изъ сана, какъ это случилось, наприм., въ 439 году съ епископомъ Арментаріемъ и въ 1170 г. съ епископами Климентомъ и Леонтіемъ и проч.“ („Старокатолическій вопросъ въ новѣйшее время,“ Вл. Керенскаго. Казань, 1897 г. 61 — 62 стр.).—Седьмой вселенскій соборъ, бывшій спустя 400 лѣтъ послѣ указанныхъ вами въ примѣрахъ лицъ, конечно, зналъ ихъ, имѣлъ въ виду нуждныя времена гоненій на Церковь, но не сдѣлалъ (а св. отцы седьмого вселенскаго собора, коихъ было 367, куда лучше Вѣтринскаго и Керенскаго, этихъ ученыхъ профессоровъ) никакого исключенія относительно хиротоніи епископовъ и подтвердилъ 3-мъ своимъ правиломъ безъ исключенія первое правило св. апостоль и четвертое перваго вселенскаго собора.

Я разобралъ всѣ ваши доводы,—приводилъ свидѣтельства не отъ исторій, а отъ каноновъ церковныхъ и ясно показалъ, что, единолично рукоположивъ Кирилла, Амвросій нарушилъ правила свят. апостоль (1-е), вселенскихъ собо-

ровъ (I-го собора 4-е, VII в. соб. 3-е) и подпаль подъ клятву св. отецъ: „вся—яже чрезъ церковнаго преданія и учительства и воображенія святыхъ, и приснопамятныхъ отецъ, новосотворенная и содѣланная, или по симъ содѣются хотящая, *анагема* (Кормчая 641 л.).

Помолившись, кончили бесѣду,—за которую отъ массы православныхъ и старообрядцевъ получили благодарность. Особенно возмущались православные тѣми дерзостями, кои намъ пришлось выслушать во время бесѣды отъ Перетрухина и его сына...

Изъ настоящей бесѣды, которую мы изложили съ буквальной точностью, выпустивъ только тѣ ругательства и дерзости, кои изрыгали „знаменитые апологеты“, читатели увидятъ, на чьей сторонѣ была правда. Замѣтимъ только, что во всю бесѣду раскольничій „логоуетъ“ ни одной отеческой книги не бралъ въ руки, ни одного правила, кромѣ 60 прав. Кареаген. собора, смыслъ котораго при томъ исказилъ, не приводилъ,—а все основывался, ссылаясь на разныя исторіи... Но по исторіямъ ли познается законность или незаконность того или иного священства?

Самар. епарх. мисс. свящ.
Димитрій Александровъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Краткая исторія прошлаго и общая характеристика современнаго состоянія расколо-сектантства въ Орловской епархіи, въ связи съ миссіею противъ него.

На основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ можно съ увѣренностью утверждать, что сѣмена ученія протопоповъ Аввакума, Неронова и другихъ противниковъ книжно-обрядовой реформы патріарха Никона проникли въ нынѣшнюю Орловскую губернію вскорѣ же послѣ появленія ихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи. Какъ извѣстно, въ ту пору, во второй половинѣ XVII вѣка, Орловскій край составлялъ „украину“ Московскаго государства. Сюда, на границу, подальше отъ правительственнаго центра, бѣжали всѣ, кому почему-либо не жилось на своей родинѣ, и кто внѣ ея искалъ себѣ вольной волюшки. Съ своей стороны, Московское правительство, заботясь о томъ, чтобы этотъ важный въ стратегическомъ отношеніи край не обезлюдѣлъ отъ постоянныхъ вторженій въ него литовцевъ и татаръ, открывало свободный доступъ сюда всѣмъ, провинившимся, или, какъ выражались тогда, „проворовавшимся“ дома. Недаромъ про жителей Орловскаго края изстари составилась слѣдующая, нелестная для нихъ и справедливая, конечно, только въ то время поговорка: „Орель да Кромь—первые воры; а Карачевъ—на поддачу; Дмитровцы—не выдавцы; Ливны всѣмъ ворами дивны; а Елецъ всѣмъ ворами отецъ“. Неудивительно посему и то, что когда, по усмиреніи извѣстныхъ стрѣлцкихъ волненій, царевна Софія въ 1685 году издала первый законъ, специально направленный противъ раскола и запрещавшій самое содержаніе его, и когда вслѣдствіе этого на-

чалась такъ называемая колонизація раскола, тогда, въ концѣ XVII вѣка, нѣкоторые изъ раскольниковъ, скрываясь отъ преслѣдованія правительства, бѣжали, между прочимъ, и на Орловскую Украину, особенно въ ту часть ея, которую захватывали знаменитые Брянскіе лѣса. Съ другой стороны, сами власти иногда ссылали сюда въ видѣ наказанія наиболѣе упорныхъ и рьяныхъ обрядовѣровъ; по крайней мѣрѣ, преданіе называетъ мѣстомъ такой ссылки мужской монастырь, до 1764 года бывший въ с. Столбовѣ, Дмитровскаго уѣзда, пограничномъ съ Кромскимъ уѣздомъ, чѣмъ объясняется доселѣ преимущественное существованіе старообрядчества въ названныхъ уѣздахъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ московскихъ стрѣльцовъ, разселенные по разнымъ городамъ и пригородамъ Орловской губерніи сначала при Софѣ, по умиротвореніи Малороссіи, а потомъ Петромъ Великимъ, по уничтоженіи стрѣлецкаго войска, также держались раскола. Всѣ эти-то бѣглыя и ссыльныя лица и были первыми насадителями своего душепагубнаго ученія въ нашей мѣстности на почвѣ народнаго невѣжества. Мѣстныя обстоятельства, къ сожалѣнію, лишь благопріятствовали успѣху пришлыхъ проповѣдниковъ. Со времени закрытія около 1500 г. Брянской епархіи до возникновенія въ 1764 г. самостоятельной епископской каѳедры въ г. Сѣвскѣ, Орловскій край въ церковномъ отношеніи былъ раздѣленъ между разными епархіями, каѳедральные города которыхъ (Коломна, Москва, Смоленскъ, Рязань и Воронежъ) по большей части находились отъ него на очень далекомъ разстояніи. Происходившее отсюда отсутствіе ближайшаго архипастырскаго надзора и непосредственнаго вліянія епархіальныхъ преосвященныхъ, сопровождаясь разными другими вредными послѣдствіями, давало невозбранный просторъ для пропаганды раскола. На это обстоятельство обращалъ свое вниманіе самъ царь Теодоръ Алексѣевичъ, почему бывшій при немъ московскій соборъ 1681 года еще тогда предполагалъ учредить особую архіепископскую каѳедру въ г. Сѣвскѣ, но не могъ этого сдѣлать по недостатку средствъ. Съ своей стороны, приходское духовенство Орловскаго края, хотя и близко стояло къ мѣстному расколу, однако не могло бороться съ нимъ по своему богословскому невѣжеству, нравственной заботности и матеріальной необезпеченности. Такимъ оно было не только

въ XVII вѣкѣ, но и гораздо позже. По крайней мѣрѣ, пресвященный Кирилль Флоринскій, второй по счету епископъ Сѣвскій (1768—1778 гг.), въ 1778 году прямо свидѣтельствовавъ Св. Синоду, что сельскіе священники его епархіи „почти всѣ совсѣмъ ненадежны“ для увѣщанія раскольниковъ. Въ духовной же семинаріи, въ томъ же 1778 году открытой въ Сѣвскѣ и затѣмъ (въ 1827 г.) переведенной въ Орель, долгое время, даже при нашихъ отцахъ, царила латынь; богословы, непобѣдимые въ школьныхъ латинскихъ диспутахъ, ни слова не знали о русскомъ расколѣ и въ беседахъ съ старообрядцами становились въ тупикъ. Присоедините ко всѣму этому двусмысленное отношеніе гражданской власти къ расколу, особенно во второй половинѣ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка,—и вы поймете, что Орловскій расколъ, съ самаго появленія своего до императора Николая I, жилъ, предоставленный самому себѣ,—жилъ, распространялся и развивался, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый.

Впервые въ царствованіе императора Николая I и его преемниковъ съ ихъ гражданскими мѣрами и одновременная съ ними духовно-просвѣтительная дѣятельность Орловскихъ архипастырей и приходскихъ пастырей положили конецъ открытой и усиленной пропагандѣ раскола старообрядчества въ Орловской епархіи и ослабили его силу. Однако они не уничтожили его совершенно. Расколъ и теперь существуетъ здѣсь, имѣетъ свою внутреннюю и внѣшнюю жизнь, а потому съ нимъ нельзя не считаться. Въ настоящее время всѣхъ послѣдователей раскола въ Орловской епархіи насчитывается 3508 душъ муж. пола и 3869 душъ жен. пола. Всѣхъ раскольническихъ приходоу 35. Наибольше зараженъ расколомъ Кромскій уѣздъ. Менше всего замѣтны и болше всего слабы въ своей вѣрѣ *былопоповцы* (27 муж. и 29 жен.) и *австрійцы* (15 муж. и 16 жен. въ епархіи и около 100 душъ обоого пола въ Орлѣ): тѣ и другіе, по своей малочисленности и разбросанности, не имѣютъ даже собственныхъ постоянныхъ „поповъ“, обычно довольствуясь службою мірянъ-установщиковъ. Подавляющее большинство раскольниковъ въ нашей епархіи составляютъ *безпоповцы*. Изъ нихъ менше опаснымъ для православія и самымъ доступнымъ для миссіи является *только ведостъевцевъ*. Большая часть послѣдователей

павзаннаго согласія, будучи не въ силахъ выполнить его бракоборныхъ правилъ, живетъ самосводными браками, какъ таковая, подъ именемъ „новоженовъ“ находится въ положеніи отлученной отъ своего общества. Такое неудовлетворительное религіозное состояніе въ послѣднее время заставляетъ однихъ изъ еедосѣвцевъ вводить у себя „безсвятенословный бракъ“ и, значить, усвоить себѣ практику повопоморцевъ, а другихъ, болѣе здравомысленныхъ, обращаться въ православную Церковь или, по крайней мѣрѣ, вступать въ общеніе съ православными въ жизни и въ бесѣды съ духовенствомъ о предметахъ вѣры. Съ другой стороны, многіе новожены, проводя весну и лѣто въ заработкахъ на югѣ Россіи и тамъ собственными глазами убѣждаясь въ практической пользѣ грамотности, по возвращеніи на родину, осенью и зимою охотно посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ церковно-приходскую школу и заставляютъ ихъ подчиняться всѣмъ школьнымъ порядкамъ. Къ сожалѣнію, основу еедосѣвщины составляютъ не новожены-брачники, а безбрачные старики и старухи, вдовцы и вдовицы и посидѣлыя дѣвы. Являясь истинными еедосѣвцами, они настолько грубы, фанатичны и закоснѣлы въ своей вѣрѣ, что не только сами избѣгаютъ всякихъ сношеній съ православнымъ священникомъ, но и другихъ удерживаютъ отъ разговоровъ съ нимъ. Въ то же время они всѣми силами стараются поддерживать свое постепенно расшатывающееся согласіе. Съ этою цѣлью они постоянно сносятся съ Преображенскимъ кладбищемъ въ Москвѣ, этою митрополіею еедосѣвщины, и получаютъ оттуда книги, кресты и иконы для своихъ моленныхъ, а также вещи и деньги для раздачи бѣднымъ своимъ единовѣрцамъ. Туда же они отправляютъ иногда своихъ дѣвицъ для обученія ихъ тамъ чтенію, письму и пѣнію, а главнымъ образомъ для воспитанія ихъ въ духѣ своего согласія. Эти дѣвицы даютъ фиктивный обѣтъ безбрачія, прежде всего нарушаемый ими въ самой же Москвѣ, и, возвратившись на родину, подъ именемъ „херувимокъ“ или „няней“ играютъ здѣсь видную, чтобы не сказать исключительную, роль въ дѣлахъ своей общины: являются читалками и пѣвицами при богослуженіи и иногда замѣняютъ собою „благословенныхъ отцовъ“, наблюдаютъ за каждымъ шагомъ своихъ единовѣрцевъ и руководятъ ихъ религіозною жизнью,

слѣдять за воспитаніемъ дѣтей и даже сами занимаются обученіемъ ихъ, наконецъ, всевозможными средствами стараются противодействовать успѣхамъ миссіи; съ особенными же искусствомъ и энергіею онѣ вліяютъ, во вредъ православію, на лицъ, возъмѣвшихъ намѣреніе присоединиться къ Церкви. Очень похожи на еедосѣвскихъ бракоборцовъ по своему отношенію къ миссіи *новопоморцы*,—другой безповщинскій толкъ, самый распространенный въ епархіи (2212 муж. 2215 жен.). Пріемля такъ называемый „безсвященнословный бракъ“, этотъ толкъ, подобно еедосѣвскому, поддерживается и распространяется путемъ естественнымъ и потому о пропагандѣ своего ученія заботится мало. Они являются упорными противниками устройства въ ихъ селеніяхъ правильно организованныхъ школъ и вполнѣ удовлетворяются обученіемъ своихъ дѣтей у доморожденныхъ „мастеровъ“. Кромѣ многочисленности своихъ послѣдователей, ихъ религіозной замкнутости и повального невѣжества, Орловское новопоморство въ значительной степени поддерживается сношеніями его съ выдающимися главарями этого толка въ другихъ епархіяхъ. Наконецъ, не только самую упорную для миссіонерскаго воздѣйствія, но и самую вредною для православной Церкви, хотя и малочисленною (196 муж. и 389 жен.), должна быть признана *секта филипповцевъ*, раскинувшая свои сѣти по разнымъ селеніямъ Кромскаго и Дмитровскаго уѣздовъ. Послѣдователи ея, предпочтительно предъ другими раскольниками нашей епархіи и предъ своими единовѣрцами въ другихъ мѣстахъ Россіи, являются, по ихъ собственному выраженію, особенно „крѣпкими христианами“: они отличаются безпредѣльною ненавистью къ православной Церкви, не допускаютъ никакихъ новшествъ въ одеждѣ и обуви, не ходятъ на базары въ воскресные и праздничные дни и даже отказываются привѣтствовать православныхъ рукопожатіемъ,—словомъ, держать себя, какъ истинные потомки первоначальныхъ насельниковъ Выговской пустыни. Но, что самое главное, они энергично стремятся къ распространенію своего ученія среди членовъ православной Церкви и другихъ раскольническихъ толковъ. Какъ секта строго-бракоборная не только въ теоріи, но и на практикѣ, филипповщина и можетъ поддерживать свое существованіе исключительно путемъ пропаганды. Послѣдняя

ведется такъ искусно и тайно, что прослѣдить ее очень трудно. Для совращенія въ свою вѣру филипповцы не гнушаются никакими средствами: убѣжденіями, уговорами, денежными подкупамъ и матеріальными пособіями; нерѣдко имъ удается перекрещивать даже умирающихъ, которые тутъ же, въ кадушкѣ, иногда и умираютъ. Всѣ указанныя свойства особенно присущи тому виду филипповщины, начало которому въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія положилъ Орловскій купецъ Ситниковъ, распространителемъ же и организаторомъ котораго въ 80-хъ годахъ того же столѣтія явился крестьянинъ Кромскаго уѣзда Т. С. Мельниковъ, сосланный за это въ Закавказье. Адепты его, до сихъ поръ не прерывающіе сношеній съ нимъ, главнымъ образомъ крестьяне д. Закромскаго Хутора и Красной Рощи, усвоили хлыстовско-скопческое ученіе о грѣхопаденіи прародителей посредствомъ плотского смѣшенія, безусловное неупотребленіе мяса и вина и коммунистическія идеи объ общеніи имѣній или „братствѣ въ духѣ апостольства“. Эти мудрованія *ситниковцевъ*, несмотря на всѣ уніонныя попытки ихъ, встрѣчаютъ себѣ рѣзкій протестъ и справедливыя обличенія со стороны остальныхъ филипповцевъ—*гуляевцевъ* или *евдокимовцевъ* (названныхъ такъ по имени кр. д. Караваева Евдокима Суханова, еще теперь здравствующаго). Эти же мудрованія представляютъ собою послѣднее слово въ Орловскомъ расколѣ,—результатъ вліянія на него чуждаго ему по духу, но близкаго по мѣсту мистическаго и рационалистическаго сектантства и, такимъ образомъ, составляютъ естественный переходъ къ этому послѣднему.

Почти цѣлое столѣтіе спустя послѣ раскола и въ противобѣсъ его крайне-обрядовому направленію, по лицу Орловской земли распространялось *мистическое сектантство*—начала хлыстовщина, а потомъскопчество. Преобладаніе чувства надъ мыслью, ощущенія надъ рефлексомъ, характеризующее природу русскаго простолюдина вообще и русской женщины въ особенности, а съ другой стороны, наклонность къ аскетизму, воспитанная въ нихъ всею исторіею до-Петровской Руси, при отсутствіи надлежащаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія, перешли границы истинной вѣры и отличились въ гнусныхъ и уродливыхъ формахъ названнаго сектантства. Есть основаніе думать, что піонеромъ *хлыстов-*

щины былъ у насъ одинъ изъ самыхъ видныхъ лжехристовъ ея, нашъ же землякъ, кр. с. Брасова, Сѣвскаго уѣзда, Адрианъ или Андрей Петровъ, подъ именемъ „Андрюши юрдиваго“ въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка стяжавшій себѣ громкую славу въ Москвѣ. Во время слѣдствія о хлыстовщинѣ съ 1745 года по 1752 годъ онъ, при содѣйствіи своихъ богатыхъ и вліятельныхъ почитателей, успѣлъ бѣжать изъ гостепріимной столицы и, какъ справедливо думаютъ Мельниковъ и Реутскій, безопасно скрылся на своей родинѣ. Здѣсь „блаженный молчальникъ“ и „прорицатель будущаго безъ словъ“ нашель непочатый уголь для своей преступной дѣятельности; а скрытность и лицемѣріе его послѣдователей, отводя глаза духовной и гражданской власти, обезпечивали успѣхъ дѣла. Неудивительно посему, что вскорѣ же, къ началу 70-хъ годовъ того же столѣтія, „людей Божіихъ“ въ нашей губерніи было немало. Въ одномъ Орловскомъ уѣздѣ знаменитый корабль Акулины Ивановны, по описанію „Страдь“ Селиванова, вмѣщаль въ себѣ „тысячу человекъ“. Впрочемъ исторія этого стараго хлыстовства, какъ быстро началась у насъ, такъ быстро и кончилась. Вскорѣ же послѣ своего появленія и распространенія оно было поглощено скопчествомъ. Слѣды воспоминанія о немъ остались теперь лишь въ с. Навѣсномъ, Ливенскаго уѣзда, и въ приходѣ с. Колодезя, Елецкаго уѣзда (всего 43 муж. и 35 жен.). Тамъ и здѣсь оно держится благоговѣйною памятью объ умершемъ кормщикѣ его Михаилѣ Онисимовѣ, какъ праведникѣ и чудотворцѣ, богатствомъ бывшей сожительницы его—Евфросиньи Стрѣльниковой, давшимъ ей возможность построить на своемъ хуторѣ церковь, и, наконецъ, сношеніями съ сектантами Землянскаго уѣзда, Воронежской губ. Къ сожалѣнію, въ самое послѣднее время, вслѣдствіе благопріятнаго сенатскаго рѣшенія 1895 г., хлыстовщина, вездѣ поднявшая свою голову, снова стала проникать къ намъ, только уже не изъ Москвы и по рѣкѣ Окѣ, какъ прежде, а изъ Николаева и по рѣкѣ Деснѣ, черезъ нашихъ крестьянъ, плавающихъ тамъ на берлинахъ. Одинъ изъ нихъ—Василій Дерютинъ въ 1897 г. занесъ эту вѣру въ с. Супонево, Брянскаго уѣзда, гдѣ она сформировалась теперь въ цѣлый корабль, а другой—Василій Ксеновъ своимъ ученіемъ производитъ броженіе въ д. Переднемъ Городцѣ, Трубчевскаго

уѣзда (всего 49 муж. и 60 жен.). Наконецъ, извѣстный Оренбургскій хлысть Иванъ Утицкій, выдавая себя за посланника отъ о. Іоанна Кронштадтскаго, въ 1900 г. пытался посѣять свою вѣру въ г. Ельцѣ,—въ тамошнемъ монастырѣ, одну изъ неопытныхъ послушницъ котораго и увезъ съ собою. Какъ отличительную особенностъ этой новѣйшей хлыстовщины, идущей съ юга Россіи, нужно отмѣтить, такъ сказать, штундовую окраску ея,—примѣсь къ ней, хотя и неважную, рационализма. Послѣдователи ея очень плохо и слабо скрываютъ свои отрицательныя воззрѣнія на православную Церковь. Среди распѣвцевъ, чисто хлыстовскихъ и давно уже извѣстныхъ наукъ и миссіи, у нихъ встрѣчается масса новыхъ пѣсней, напоминающихъ собою штундистскіе и пашковскіе духовные стихи. Въ Супоневѣ среди сектантовъ ходитъ литографированная тетрадь, представляющая собою искусный и систематичный наборъ цитатъ изъ Библии въ оправданіе этой секты. Не говоримъ уже о томъ, что, какъ установилъ еще миссіонерскій съѣздъ въ г. Казани, новѣйшіе хлысты, по прежнему презрительно относясь къ браку, возводя развратъ на степень догмы и практикуя свальный грѣхъ, какъ „Христову любовь“, теперь почти всѣ живутъ супружескою жизнью для поддержанія такимъ путемъ своего рода, вѣнчаются и крестятъ дѣтей въ церкви во исполненіе требованій гражданскаго закона. Все это осложняетъ миссіонерскую борьбу съ хлыстовщиною, ясно показывая, что нынѣ она имѣетъ внутри себя не только экзальтированныхъ пророковъ и сумасбродныхъ самообожателей, но и трезвыхъ, опытныхъ руководителей и ловкихъ апологетовъ—писателей.

Въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія среди Орловскихъ хлыстовъ началось реформаторское движеніе, имѣвшее цѣлью посредствомъ оскотленія уничтожить не только развратъ въ ихъ обществѣ, но и самую возможность плотской похоти, и, такимъ образомъ, Орловская губернія явилась родиною самой вредной секты—*скотцовъ*. По мнѣнію большинства изслѣдователей, основатель этой секты Кондратій или Андрей Селивановъ былъ крестьяниномъ с. Столбова, Дмитровскаго уѣзда, а д. Богдановка, Орловскаго уѣзда, была первою, гдѣ онъ нашелъ 13 несчастныхъ жертвъ для своего „огненнаго крещенія“. Тогдашняя Орловская провинціальная канцелярія

и епископъ Сѣвскій Кирилль съ достойнымъ вниманіемъ и заботливостью отнесли къ проявленію подобнаго изувѣрства и немедленно донесли о немъ въ Петербургъ, прося соотвѣтствующихъ распоряженій. Къ сожалѣнію, императрица Екатерина II посмотрѣла на дѣло Селиванова, какъ на „безразсудную глупость, которая тѣмъ скорѣе пройдетъ, чѣмъ меньше оказано будетъ вниманія ей со стороны правительства“. Самъ лже-искупитель успѣлъ скрыться въ хлыстовскомъ кораблѣ Акулины Ивановны и здѣсь снова началъ свою проповѣдь объ „убѣленіи“; а перво-скопленники его, кромѣ одного, были освобождены отъ всякаго наказанія и оставлены на прежнихъ мѣстахъ жительства. Современныя и послѣдующія обстоятельства: ограниченность духовныхъ мѣръ для уврачеванія заразы (отлученіе отъ св. причащенія на 7 лѣтъ и исповѣдь дважды въ годъ), сокращеніе значительнаго числа монастырей (въ Сѣвской епархіи ихъ осталось изъ 27-ми только 13-ть), необычайный прозелитизмъ самихъ сектантовъ, болѣе, чѣмъ снисходительная, система терпимости въ царствованіе Александра I, наконецъ, сочувственное отношеніе къ Селиванову мистически настроенной петербургской знати, все это, вмѣстѣ взятое, въ первой четверти прошлаго столѣтія создало золотой вѣкъ въ исторіи скопчества, дало возможность корню его разростись въ цѣлое дерево, какъ образно называютъ свое общество сами сектанты. Изъ д. Богдановки секта быстро распространилась во многихъ селеніяхъ Орловскаго, Кромскаго, Малоархангельскаго, Мценскаго, Елецкаго и др. уѣздовъ. Вообще, судя по статистическимъ свѣдѣніямъ о скопчествѣ, представленнымъ Пеликаномъ, Орловская губернія, по числу обнаруженныхъ въ ней въ прошломъ столѣтіи физическихъ скопцовъ и скопчихъ, занимала одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Очевидно, что пропаганда скопчества въ ней была сильна, разнообразна и, къ сожалѣнію, успѣшна. Эта пропаганда существуетъ и донинѣ. Въ скопческую вѣру обычно переходятъ дѣвицы и вдовицы, по бѣдности, физическимъ недостаткамъ, преклонности лѣтъ и другимъ причинамъ потерявшія надежду на выходъ въ замужество, хотя, впрочемъ, нѣкоторыя остаются здѣсь до первой возможности вступить въ бракъ. Пополняя свои ряды взрослыми женщинами, скопчихи очень часто берутъ къ себѣ на воспитаніе и въ услу-

женіе дѣтей своихъ бѣдныхъ родственниковъ и сосѣдей или подкидышей и, конечно, воспитываютъ ихъ въ духъ своей секты. Наконецъ, скопцамъ иногда удается сманивать къ себѣ цѣлыя семьи своихъ православныхъ родственниковъ и работниковъ посредствомъ матеріальнаго и денежнаго обезпеченія ихъ. Неудивительно посему, что Орловская епархія, родина секты скопцовъ и мѣсто наибольшаго распространенія ея прежде, и понынѣ является наиболѣе зараженною этимъ ядомъ. Въ ней въ настоящее время подозрѣвается въ скопчествѣ 111 муж. и 595 жен. въ 50 приходохъ 8-ми уѣздовъ. Правда, со времени изданія при императорѣ Николаѣ I закона, которымъ преслѣдуется не только совращеніе другихъ въ означенную ересь, но и простая принадлежность къ ней, и съ распространеніемъ въ народѣ грамотности, физическое уродство мало-по-малу почти совсѣмъ прекратилось въ предѣлахъ нашей епархіи. Всѣ, имѣющіеся въ ней, немногіе физическіе скопцы (45 и 40 жен.) подверглись этой операціи много лѣтъ тому назадъ и въ свое время успѣли оправдаться по суду. Если же прежде и теперь бывали и бываютъ случаи оскотленія, то они совершаются не въ Россіи, а въ Румыніи (въ г. г. Яссахъ, Бухарестѣ и Галацѣ), гдѣ кастраты и остаются на всю жизнь, занимаясь извозничьимъ промысломъ и выдѣлкою восковыхъ свѣчей. Преобладающее большинство послѣдователей скопческой ереси въ Орловской епархіи (66 муж. и 555 жен.) составляютъ теперь так. наз. „новоскопцы“, или духовные скопцы. Къ сектѣ принадлежатъ гораздо больше женщины, чѣмъ мужчины; тѣ и другіе дѣвствуютъ или вдовствуютъ. Придерживаясь всѣхъ остальныхъ началъ названной ереси, они только вѣруютъ въ необходимость и спасительность оскотленія, почему особенно благоговѣютъ предъ староскопцами, сами же или совсѣмъ не скопчатъ себя, что дѣлаютъ всѣ женщины и многіе мужчины, или же на время откладываютъ фактическое оскотленіе себя, для чего удаляются за границу. Но миссія по отношенію къ новоскопцамъ гораздо труднѣе, чѣмъ, къ староскопцамъ. Послѣднихъ выдають, по крайней мѣрѣ, внѣшнія фізіологическія послѣдствія оскотленія; первыя же не имѣютъ и этихъ видимыхъ признаковъ своего сектантства: для поверхностнаго взгляда они—православнѣйшіе изъ православныхъ, каковыми часто считаютъ и пишутъ ихъ

церковные причты. Въ виду этого отъ приходскаго пастыря требуется не только хорошее теоретическое знакомство съ сектою скопцовъ, но и обстоятельное, отчетливое знаніе внуренней религіозно-нравственной жизни своего духовнаго стада вообще и каждой отдѣльной овцы его въ частности, требуется постоянно и чутко прислушиваться къ народной молвѣ и присматриваться къ быту своихъ прихожанъ, чтобы отличить истинныхъ овецъ отъ мнимыхъ, православныхъ христіанъ—отъ тайныхъ сектантовъ, и, затѣмъ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ вести на путь спасенія.

Мистическое сектантство въ формѣ новоскопчества является самымъ распространеннымъ въ нашей губерніи. Очевидно, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ духовному складу Орловскаго крестьянина, способнаго въ своей религіозной восторженности доходить до крайняго экстаза и свои аскетическія наклонности доводить до грубаго самоизуродованія. Совсѣмъ иной пріемъ встрѣчаетъ здѣсь *раціоналистическое сектантство* съ его холоднымъ и сухимъ разсудочнымъ анализомъ. Его держатся у насъ или люди пришлые изъ другихъ губерній, или же наши собственные крестьяне, долго прожившіе на чужой сторонѣ и тамъ растерявшіе свои племенные особенности. Всѣ попытки ихъ привить къ нашему простому народу свою „легкую“ вѣру мало имѣютъ успѣха и находятъ имъ подражателей только среди лицъ, связанныхъ съ ними узами семьи и родства, а больше всего матеріальными разсчетами. Коренное же и, такъ сказать, осѣдлое населеніе Орловской епархіи относится къ проповѣдникамъ новыхъ вѣръ, какъ къ „немолякамъ“, съ полнымъ пренебреженіемъ и отвращеніемъ, даже съ враждою и ненавистью, иногда доходящими до кулачной расправы. Въ частности, къ категоріи *молоканъ уклевинскаго толка* должны быть отнесены у насъ немногіе (7 муж. и 7 жен.) крестьяне Рязанской губ., живущіе на Брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ и наслѣдственнымъ путемъ усвоившіе себѣ означенную вѣру отъ своихъ предковъ на родинѣ. *Пашковщина* занесена въ Орловскую губернію и содержится здѣсь главнымъ образомъ землѣвладѣльцемъ Карачевскаго и Болховскаго уѣздовъ Н. П. Зиновьевымъ и служащими въ его экономіяхъ крестьянами Тверской и Владимірской губерній (всего 10 муж.). Болѣе опаснымъ оказывается для насъ

штундовой пожаръ, охватившій югъ Россіи: искры отъ него, особенно изъ Кіева, долетаютъ и до Орла. Не даромъ заграничныя заправилы русской штунды намѣтили путь для нея къ Москвѣ именно чрезъ нашу губернію, и послѣдняя уже значится на топографическихъ картахъ этой секты, изданныхъ Центральнымъ Евангелическимъ Комитетомъ въ Гамбургѣ. Не проходитъ года, чтобы то тамъ, то здѣсь неожиданно, какъ снѣгъ на голову, не объявлялись проповѣдники новой вѣры въ лицѣ нашихъ крестьянъ, заразившихся на югѣ духомъ инославія, Пріѣзжая „съ низу“ и проживая на родинѣ всю зиму, они посѣщаютъ дома своихъ родныхъ и знакомыхъ или зазываютъ ихъ къ себѣ, читаютъ и раздають имъ книжки и брошюры штундистскаго содержанія, всегда и вездѣ хвалятъ и разъясняютъ свою штундовую вѣру и привольную жизнь на югѣ Россіи, дерзко поносятъ православную Церковь, кощунствуютъ надъ иконами, съ презрѣніемъ и насмѣшками отзываются о духовенствѣ и т. д. Естественно, что вслѣдствіе такой лихорадочно-напряженной дѣятельности этихъ бойкихъ на слово и односторонне начитанныхъ лже-миссіонеровъ бываютъ единичные случаи совращенія въ штунду людей слабовольныхъ и легковѣрныхъ; своимъ уже домашнимъ, особенно женщинамъ и дѣтямъ, они прямо-таки насильно навязываютъ свои религиозныя убѣжденія. Въ настоящее время всѣхъ штундистовъ числится въ епархіи 25 муж. и 17 жен. въ 9-ти приходехъ. Въ послѣдней сектанты, составивши изъ себя правильно-организованную общину—штундо-баптистическую по своимъ догматическимъ воззрѣніямъ и іерархически-богослужебному устройству, толстовскую по своимъ нравственнымъ принципамъ и въ практической жизни, въ ложномъ самооправданіи о собственной праведности дошли—было до такой дерзости, что на требованіе полиціи прекратить ихъ богослужебныя собранія пытались произвести кровопролитіе. Только благодаря дружной и ревностной дѣятельности представителей церковнаго и гражданскаго вѣдомства былъ разрушенъ этотъ очагъ штунды, и отъ него остались теперь одни воспоминанія. Къ сожалѣнію, какъ-бы на смѣну его, въ 1890 году возникъ и до сихъ поръ существуетъ новый штундистскій пунктъ на Брянскомъ заводѣ. Все это ясно показываетъ, какую усиленную сторожевую позицію должна занимать Ор-

ловская губернія въ виду южно-русской штунды, сколько зоркости и дѣятельности требуется отъ Орловскихъ пастырей въ виду наѣзжающихъ „съ низу“ штундистовъ, чтобы возвращать ихъ самихъ въ лоно православія и предупреждать случаи не только совращенія ими другихъ въ новую вѣру, но и простого охлажденія къ православной Церкви, соблазна и смущенія, производимыхъ этими непрощенными гостями!

Въ такомъ видѣ представляется намъ прошлое и современное состояніе расколо-сектантства въ Орловской епархіи. Какъ видно изъ сказаннаго, каждое изъ трехъ прошлыхъ столѣтій въ исторіи Орловскаго края оставило неблагодарное наслѣдство наступившему XX вѣку: отъ XVII столѣтія уцѣлѣлъ здѣсь расколъ старообрядчества съ его различными толками, отъ XVIII—хлыстовство и скопчество и отъ XIX—штундизмъ. Въ настоящее время, если нѣкоторые изъ этихъ толковъ и сектъ напоминаютъ собою разлагающійся трупъ мертвеца, то всѣ другіе, благодаря невѣжеству своихъ послѣдователей, богатству и эксплуатаціи руководителей и поддержкѣ совнѣ, имѣютъ крѣпость и силу, обнаруживаютъ движеніе и жизнь, изошряются въ способахъ апологии и пропаганды своей вѣры и даже подъ вліяніемъ такихъ или иныхъ обстоятельствъ реформируютъ свою систему. Такимъ образомъ, наше расколо-сектантство нельзя предоставлять самому себѣ, въ надеждѣ на всесокрушающую силу времени. Оно есть та упорная и заразительная болѣзнь церковнаго организма, для уврачеванія которой должны быть приняты соотвѣтствующія медицинскія средства. Миссія противъ него началась у насъ гораздо позже, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Первымъ обратилъ серьезное вниманіе на это дѣло Преосвященный Поликарпъ (1858—1867 г. г.). Онъ самъ былъ Орловскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ въ полномъ смыслѣ этого слова и заботился о надлежащей постановкѣ миссіи въ раскольниковскихъ приходахъ епархіи; главнымъ же помощникомъ своимъ въ этомъ отношеніи имѣлъ протоіерея г. Малоархангельска о. Іоанна Попова (впослѣдствіи законоучителя Орлов. Классической Гимназіи). Къ сожалѣнію, дѣло, такъ хорошо начатое епископомъ Поликарпомъ, послѣ его смерти, на нѣкоторое время, если и не было оставлено совершенно, то,

по крайней мѣрѣ, отошло на задній планъ. Наконецъ, при Пресвященномъ Симеонѣ (1883—1889 г.г.) его приняли на себя и доселѣ ведутъ отчасти Епархіальный Училищный Совѣтъ (съ 1884 г.), а главнымъ образомъ Православное Петропавловское Братство (учрежденное въ 1887 г.). Впрочемъ, на первыхъ порахъ, по недостатку средствъ, не смотря на всѣ усилія еп. Симеона и особенно его преемника Мисаила Орловская епархіальная миссія обнимала собою лишь нѣкоторые и притомъ очень немногіе приходы. Только съ 1897 года, при покойномъ Владыкѣ Митрофанѣ и благодаря его личной иниціативѣ, Братство, получая отъ епархіи денежную субсидію и учредивъ должность двухъ епархіальныхъ миссіонеровъ, стало простираетъ свою миссіонерскую дѣятельность на всѣ рѣшительно расколо-сектантскіе пункты. Въ свою очередь, нынѣшній Орловскій Архипастырь, Пресвященнѣйшій Никаноръ, отличающійся особенною ревностію о повсемѣстномъ и всенародномъ школьномъ и книжномъ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своей паствы, энергично заботится о возможномъ расширеніи и всестороннемъ улучшеніи епархіальной миссіи, принимаетъ въ ней личное участіе своимъ словомъ, писаніями и прочими средствами и возгрѣваетъ въ другихъ миссіонерскую ревность своими нѣжно-отеческими и поощрительно-милостивыми отношеніями къ нимъ. Пробуждаемые своимъ Архипастыремъ и приходскіе пастыри не смотрятъ теперь на раскольниковъ и сектантовъ, какъ на овецъ съ чужаго двора: пользуясь помощью Совѣта Братства и указаніями епархіальныхъ миссіонеровъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ своихъ клириковъ и ревностныхъ прихожанъ, они въ большей или меньшей степени употребляютъ всѣ имѣющіяся въ ихъ распоряженіи мѣры и средства къ вразумленію заблудшихся чадъ своихъ и къ огражденію православныхъ отъ ихъ обольстительнаго ученія.

Преподаватель Орловской духовной семинаріи
и миссіонеръ *Александръ Георіевскій.*

БИБЛИОГРАФІЯ.

Лѣтописеъ духовной печати о расколѣ.

Лѣсковъ, какъ писатель о расколѣ.—Отзывъ М. Н. Каткова о раскольникахъ и защищающей ихъ литературѣ.—Отзывъ безпоповца о своихъ наставникахъ и австрійскихъ священникахъ.—Неисполненіе едосѣвцами и филипповцами буквы старопечатныхъ книгъ.—Причины раздѣленія раскола на секты.—Взглядъ о. архим. Павла на патриаршество.—Мотивы къ присоединенію нѣкоторыхъ старообрядцевъ къ православной Церкви и причины медленности присоединенія къ Церкви о. архим. Павла.—Препятствія къ присоединенію нижегородскихъ раскольниковъ.—Перечень статей, касающихся раскола и сектантства („Вѣра и Церковь“, июль—декаб. 1901 г.).

Въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ (за второе полугодіе 1901 г.) продолжалась печатаніемъ переписка проф. Н. И. Субботина съ архимандритомъ Павломъ, начиная съ 1882 г. и кончая первымъ полугодіемъ 1884 г. Въ ней, по прежнему, есть немало цѣнныхъ свѣдѣній относительно раскола. Вотъ, напр., что въ ней сообщается объ извѣстномъ нашемъ писателѣ Н. С. Лѣсковѣ. „Изъ многихъ бранныхъ статей, пишетъ Н. И. Субботинъ, появившихся въ либеральныхъ органахъ печати по поводу моей книжки „О сущности и значеніи раскола“, заслуживала вниманія напечатанная въ „Новомъ Времени“ подъ заглавіемъ: „Кто написалъ?“ Статья эта была сочинена извѣстнымъ писателемъ Лѣсковымъ и, очевидно, по указаніямъ Пафнутія“ (извѣстнаго раскольническаго лжеепископа, который въ то время хотя и принадлежалъ къ числу членовъ православной Церкви, но уже задумалъ снова уйти въ расколъ и вскорѣ дѣйствительно ушелъ). „Лѣскова, писавшаго первоначально подъ именемъ Стебницкаго, я зналъ, между прочимъ, какъ автора тенденціозной книжки „Съ людьми древняго благочестія“, гдѣ описана была прусская киновія о. Павла и много разсказывалось, также тенденціозно, о самомъ о. Павлѣ, который потомъ говорилъ мнѣ съ огорченіемъ о лживости и неблагонамѣренности этой книжки Лѣскова и объ его двусмысленномъ поведеніи у нихъ, въ прусскомъ монастырѣ. Не знаю, когда и какъ познакомился съ Лѣсковымъ о. Пафнутій; но, конечно, по его приглашенію Лѣсковъ явился однажды на братскій праздникъ и, подойдя ко мнѣ знако-

миться, заявили о своемъ желаніи служить братству своими сочиненіями по расколу. Понятно, что это былъ бы совсѣмъ неподходящій для братства сотрудникъ, и потому я деликатнымъ образомъ устранилъ его“. Пользуясь матеріалами, доставленными Пафнутиемъ, которому была очень непріятна брошюра „О сущности и значеніи раскола“, какъ написанная не въ его духъ и напечатанная по распоряженію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, Лѣсковъ и написалъ статью „Кто написалъ? Вопросъ изъ Москвы“. Что это была за статья, можно судить по слѣдующимъ заключительнымъ словамъ „Отвѣта“ на нее Н. И. Субботина. „Едва ли есть литературный трудъ болѣе скучный, непріятный и въ довершеніе всего бесполезный, какъ возстановлять истину, извращаемую литературными и нелитературными недругами. слѣдить и разоблачать шагъ за шагомъ, какъ они навязываютъ вамъ то, чего вы не говорили совсѣмъ, какъ искажаютъ смыслъ дѣйствительно сказаннаго вами и въ самыхъ невинныхъ выраженіяхъ вашихъ отыскиваютъ преступленія противъ цивилизаціи, прогресса, гуманности, даже патріотизма. Если мы взяли на себя такой трудъ относительно разсмотрѣннаго фельетона, то единственно затѣмъ, чтобы показать читателямъ, какія уловки и недостойныя честнаго литератора извращенія даже печатныхъ, всѣмъ доступныхъ, сочиненій дозволяютъ себѣ либеральные защитники раскола, желая подъ видомъ будто бы безпристрастнаго разбора ненавистой имъ и многократно обруганной ими брошюры, представить ее чуть ли не преступленіемъ со стороны ея автора. Мы предприняли этотъ трудъ именно для читателей, а никакъ не для самихъ составителей подобныхъ фельетоновъ. Ихъ не убѣдишь ничѣмъ“. Однако не всѣ статьи Н. С. Лѣскова о расколѣ были таковы. О другой его статьѣ Н. И. писалъ о. Павлу уже такъ: „постарайтесь отыскать майскую книжку журнала „Историческій Вѣстникъ“ и прочитайте тамъ новую статью Лѣскова подъ заглавіемъ „Церковные интриганы“. Весьма интересно; а почему?—увидите сами“. Въ отвѣтъ на это о. Павелъ писалъ: „Статью Лѣскова „Церковные интриганы“ прочиталъ. И для меня она показалась интересна. Изъ устъ Валаама благословеніе! Я всегда былъ того мнѣнія, что бесѣда патр. Никона съ Нероновымъ доказываетъ противное тому, что думаютъ о Никонѣ враги его; но важно то, что защитникъ раскола такъ описалъ характеры обоихъ. Изъ этой статьи не бесполезно бы сдѣлать выдержку“. Интересъ ея, по словамъ Н. И., заключается въ томъ, что въ ней Лѣсковъ, радѣтель раскола, явился рѣшительнымъ его противникомъ и вполне оправдываетъ патріарха Никона въ его столкновеніяхъ съ первоначальными раскола, извѣстными протопопами (по его выраженію „крутопопами“): Нероновымъ, Аввакумомъ,

Лонгиномъ и прочими, которыхъ именно и называетъ „церковными интриганамъ“. Такъ, напр., онъ пишетъ: „основная причина церковнаго немирства была въ немирственномъ настроеніи людей московской соборной аристократіи, то-есть крутопоповъ, которые любили властвовать и потому не желали имѣть патріархомъ умнаго и сильнаго характеромъ человѣка“ (Никона). И въ заключеніи статьи говоритъ: „*Ошибочность большихъ симпатій расколу несомнѣнна, и она станетъ очевидною для всякаго, кто захочетъ знать истину безъ предвзятыхъ мнѣній*“. Написавъ своихъ „Церковныхъ интригановъ“ по поводу статьи митр. Макарія „Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія книгъ“,—онъ превознесъ митр. Макарія и о расколѣ высказался уже совсѣмъ иначе, нежели въ статьѣ „Кто написалъ?“. Любопытно еще, что здѣсь онъ ядовито смѣется надъ нашими „историческими романистами“, которые „носятся“ съ Аввакумомъ и другими раскольническими героями, причѣмъ имѣлъ, очевидно, въ виду Мордовцева и его гнусный романъ. Вообще, статья „Церковные интриганы“ Лѣскова, отличающаяся совсѣмъ другимъ характеромъ и взглядомъ на расколъ, нежели статья „Кто написалъ?“, обличала въ немъ какъ бы нѣкоторое намѣреніе—исправить ошибку, допущенную, по милости Пафнута, написаніемъ этой послѣдней.

Впрочемъ, изъ свѣтскихъ писателей не одинъ Лѣсковъ говорилъ правду о расколѣ. Вотъ, напр., что сказалъ о немъ и заицающей его литературѣ извѣстный публицистъ М. Н. Катковъ въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей за 1882 г. (№ 118). „На знамени „русскихъ либераловъ“ значится и свобода совѣсти. Что же? Есть развѣ какое стѣсненіе совѣсти? Мѣшаютъ развѣ друзьямъ г. Стасюлевича въ ихъ молитвенныхъ упражненіяхъ? Ничего подобнаго, кажется, не замѣтно. Почему же вопросъ о свободѣ совѣсти выдвигнуть на первый планъ? Оказывается, что либералы тутъ хлопочутъ не о себѣ, и даже не объ инновѣрцахъ, не имѣющихъ никакихъ причинъ жаловаться. Спеціальную заботу „либераловъ“ составляютъ, какъ оказывается, раскольники. Въ извѣстной компаніи еще со времени Герцена чувствуется удивительная нѣжность къ раскольникамъ, несмотря на то, что старообрядцы и наши якобы „либералы“ находятся на противоположныхъ полюсахъ міровоззрѣнія, или „міросозерцанія“, по терминологіи нашихъ журналовъ. Дѣло въ томъ, что въ расколѣ, кромѣ элемента противочерковнаго, предполагается отчасти элементъ противогосударственный. Отсюда и нѣжность и забота о расколѣ въ „либеральной программѣ“. Требуется, чтобы элементъ этотъ получилъ возможно сильное развитіе, чтобы возникла смута, обнаружилось враждебное раздѣленіе въ народной массѣ, поднялись бы вновь вопросы, отошедшіе, казалось, въ вѣчность. Вотъ для чего

требуется то, что на знамени означено внушительнымъ словомъ „свобода совѣсти“.

Говорили правду о расколѣ и сами раскольники. Такъ, извѣстный безпоповщинскій наставникъ Бабушкинъ (покойный) говорилъ: „Безпоповщинскій наставникъ не лицедействуетъ,—служить мужикомъ; каждый видитъ, что служить мужикъ,—какъ хочешь, такъ о немъ и судишь. А австрійскій попъ, мужикъ по сущности, поддѣляется подъ православнаго священника. Это велія прелесть,—не безпоповцу чета: и болѣе смысленнаго можетъ прельстить“. Слова эти вполне справедливы, однако рѣдко ихъ можно услышать отъ раскольниковъ. Напротивъ, обвиненія противъ православной Церкви, ея служителей и чадъ высказываются ими въ изобиліи. Ревнуя о буквѣ, большинство раскольниковъ обвиняетъ православныхъ въ нарушеніи этой буквы. Однако и сами нарушаютъ ее. Такъ, „въ Потребникѣ сказано, говорить о. архим. Павелъ, „ежели кто умретъ, не имѣя отца духовнаго, не подобаетъ надъ нимъ пѣти. Оедосѣвцы же и филипповцы новоженевъ здравыхъ не исповѣдуютъ; а случится внезапная смерть, умретъ человекъ безъ сознанія и безъ языка, да поспѣетъ какая-нибудь старушка положить за него, или вмѣсто него, „началь“, и его уже отпѣваютъ и поминаютъ. Вѣкъ не былъ на исповѣди, жилъ во грѣхахъ, и все это покрывается „началомъ“, да еще началомъ постороннихъ людей. Увы, ревнители мнимой старины! Хлопочуть только имѣть личину, а внутреннее, что нужно для души,—безъ того можно обойтись! Да что говорить?—и вся исповѣдь-то ихъ, безъ разрѣшенія грѣховъ, тщетная. Обрати ихъ Господи на путь истины и насъ помилуй!“

По поводу мнѣнія с-петербургскаго единовѣрческаго священника Верховскаго, который совершенно предался на сторону раскольниковъ и впоследствии бѣжалъ за границу, что старообрядчество распалось вслѣдствіе лишенія на долгое время „центрального собирателя и руководителя—епископства“, архим. Павелъ писалъ: „Отвѣтомъ вашимъ Верховскому (см. въ Брат. Сл. 1884 г. т. 1, стр. 481) я весьма утѣшился и съ мнѣніемъ вашимъ о дѣленіи раскола на части и при существованіи у раскольниковъ епископства, которое не могло препятствовать такому дѣленію, вполне соглашаюсь. Болѣе углубляясь въ вопросъ, я нахожу причину дѣленія раскола на секты въ немъ самомъ, или въ основныхъ его мнѣніяхъ, а именно въ неразличеніи обрядовъ отъ догматовъ вѣры. Это недоумѣніе, соединенное съ самонадѣяніемъ и сомнѣніемъ; породило въ расколѣ недоувѣріе ко вселенской Церкви и отдѣленіе отъ нея. Раскольники пришли въ такое неистовство, что каждое у нихъ единичное лицо дѣлаетъ болѣе довѣрія себѣ и своему знанію, чѣмъ вселенской Церкви. Эта, изначала обнаружив-

шаяся въ расколѣ, болѣзнь усилилась, и она-то дѣлать его на секты, и дѣлила бы все равно, если бѣ даже имѣлись въ немъ епископы, какъ и теперь, при епископахъ, расколъ поповщинскій раздѣлился на окружниковъ и неокружниковъ, о чемъ и у васъ сказано. Ибо если расколъ не довѣряетъ всей вселенской Церкви, но каждый изъ раскольниковъ предпочитаетъ ея ученію свое сужденіе и знаніе, то можетъ ли онъ предпочесть своему мнѣнію единоличное мнѣніе епископа, или мнѣніе нѣсколькихъ епископовъ? Вотъ гдѣ, мнѣ думается, корень раздѣленія раскола на секты, а не въ одномъ лишеніи епископства. А что безпоповцы, не имѣющіе священства, болѣе поповцевъ раздѣлились на секты, причина тому та, что они болѣе поповцевъ одогматили обрядовую сторону вѣры и потому болѣе зазрѣли, или обвинили Церковь въ мнимыхъ ересяхъ. Такъ, странники отдѣлились отъ прочихъ перекрещенниковъ за ихъ записи въ ревизію и за полученіе паспортовъ, раздѣленіе между еедосѣвцами и поморцами послѣдовало изъ-за крестовъ съ титлою. Всѣ эти предметы у нихъ почитаются имѣющими догматическое значеніе, великими ересями, отступленіемъ отъ вѣры. Могла ли бы епископская власть удержать ихъ отъ дѣленія, когда не удержалъ ихъ въ единеніи и авторитетъ вселенской Церкви? Такъ же и главное распаденіе раскола на поповщину и безпоповщину. Здѣсь хотя можно указать и ту причину, что безпоповцы не приняли поповщинскаго священства за то, что оно существовало безъ епископа; но эта причина второстепенная, а главная причина раздѣленія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ самыя сочиненія безпоповцевъ—Щитъ и Мечъ духовный, состоитъ въ томъ, что поповцы легко судятъ о мнимыхъ церковныхъ ересяхъ и не повторяютъ церковнаго крещенія, т.-е. не перекрещиваютъ переходящихъ отъ Церкви. Такую причину отдѣленія не въ силахъ устранить и епископство. Итакъ, причина раздѣленія раскольниковъ на секты заключается въ ихъ самомнѣніи, въ надѣянности на свое сужденіе и на свое знаніе священнаго Писанія, хотя бы и ничего не знали, а отсюда одогматствованіе обрядовъ, и недовѣріе ко вселенской Церкви, непризнаніе ея власти и авторитета. Вотъ главная причина возникшихъ въ расколѣ сектъ, а не лишеніе епископства.“

Въ виду неоднократно поднимавшихся толковъ о возстановленіи у насъ патріаршества не безынтересно познаться съ взглядомъ о. архим. Павла на этотъ предметъ. „Я противъ учрежденія патріаршихъ престоловъ, писалъ онъ, ничего не могу сказать, потому что въ каждое время Господь, устрояетъ, что полезно для Его Церкви. Также думаю и объ учрежденіи у насъ въ Россіи синодальнаго правленія, что оно учреждено не безъ промысла Божія. Если

бы въ Россіи, столь великомъ и могущественномъ государствѣ, по сіе время была единоличная, патріаршая, духовная власть, какое имѣло бы это вліяніе на миръ и единеніе съ патріаршествомъ Константинопольскимъ? Недоумѣніе, возбуждаемое этимъ вопросомъ, который еще съ начала патріаршества въ Россіи сталъ было воздвигаться, внушаетъ мнѣ нерасположеніе къ глашатаямъ о необходимости возстановленія у насъ въ Россіи патріаршей власти, и приходитъ въ голову, что эти господа едвали всесторонне обсудили этотъ великой важности вопросъ, а поднимаютъ голосъ только по старой памяти о патріаршествѣ. Дѣйствительно, если о патріаршествѣ понимать, какъ о существенно необходимой степени церковной іерархіи, а мы ея лишены, то надо о ней и думать, и говорить, то-есть о возстановленіи ея у насъ; а если патріаршество понимать только какъ учрежденіе, въ своей мѣстности и въ свое время полезное, то и разсуждать требуется только о томъ, что для нашей Церкви полезнѣе и что вообще ближе ведетъ къ церковному миру. И въ патріаршемъ правленіи не все зависитъ отъ сана, а многое и отъ лица. У насъ были патріархи Филаретъ и Никонъ, сильные въ дѣлѣ; но были и непохожіе на нихъ, какъ Іосифъ и Адрианъ“.

Изъ множества другихъ предметовъ, затронутыхъ въ разсматриваемой перепискѣ, нельзя не упомянуть о мотивахъ къ присоединенію изъ раскола къ православной Церкви нѣкоторыхъ старообрядцевъ и причинахъ медленности присоединенія самого о. архим. Павла. „Мнѣ приходилось встрѣчать людей, писалъ онъ, которые присоединились изъ раскола къ Церкви, не слышавъ о правотѣ ея никакихъ доказательствъ отъ Писанія, а единственно только по внутреннему влеченію сердца. Одного изъ такихъ я спрашивалъ, — какими доказательствами онъ убѣдился оставить расколь и присоединиться къ Церкви. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что никакихъ доказательствъ не слыхалъ, а знаетъ только, что Церковь основана Самимъ Христомъ, присоединиться же къ Церкви имѣлъ такое внутреннее влеченіе, что никакъ не могъ преодолѣть его, или даже приостановить на долгое время, и только послѣ того, какъ присоединился къ Церкви, сталъ спокоенъ духомъ. Примѣромъ такихъ людей я опытно убѣдился, что въ Церкви Христовой есть внутренняя благодатная сила, влекущая къ ней людей, болѣе или менѣе предочищенныхъ сердцемъ. Такое влеченіе ко св. Церкви примѣтно было и въ о. Василии Дарендовѣ. Когда мы начали толковать о вѣчности Церкви и ея таинствъ и о томъ, что внѣ Церкви невозможно получить спасеніе, мы при этомъ не имѣли еще въ виду греко-россійскую Церковь; потомъ уже, когда возникъ вопросъ, не она ли есть искомая нами истинная Церковь, стали разсматривать расколь-

ническія противъ нея обвиненія, и поняли ихъ несправедливость. Отецъ же Василій, познакомившись съ нами, какъ только усвоилъ себѣ ученіе о вѣчности Церкви и таинствъ, разгорѣлся духомъ и готовъ былъ немедленно присоединиться къ Церкви именно греко-россійской. Для него жизнь внѣ Церкви была уже невыносима. Правда, и для насъ была она тяжка; но мы безъ разсмотрѣнія вступить въ греко-россійскую Церковь не находили возможнымъ; онъ же готовъ былъ вступить безъ разсмотрѣнія, даже мало и упражнялся тогда въ обсужденіи преградъ, отдѣлившихъ насъ отъ Церкви,—по одному влеченію сердца безотлагательно желалъ быть сыномъ Церкви. Особенно, когда онъ проѣхалъ отъ Твери до Нижняго по Волгѣ и видѣлъ по обѣ стороны ея то и дѣло встрѣчавшіяся каменныя церкви, онъ все плакалъ и говорилъ, что неоспоримо, безъ всякаго сомнѣнія, должна быть истинною православною Церковью Церковь Россійская. Однако, при всемъ разгораніи сердца его, какъ у Луки и Клеопы, онъ не рѣшился одинъ идти въ Церковь. Окружающимъ его онъ часто и смѣло говорилъ, что Христомъ основанная Церковь должна быть вѣчно со всѣми чинами іерархіи и таинствами, и былъ твердъ въ доказательствахъ; а когда покушался высказать, что такова есть именно Церковь Россійская, то на вопросы о преградахъ, отдѣляющихъ старообрядцевъ отъ сей Церкви, не могъ дать основательнаго отвѣта. Поэтому и у меня не могъ онъ найти одобренія своимъ рѣчамъ о Россійской Церкви и сочувствія неотлагательному, безъ должнаго разсмотрѣнія, присоединенію къ ней. Мое дѣло было иное: мнѣ нужно было именно тщательное разсмотрѣніе всѣхъ предметовъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Церкви, какъ для моего собственнаго удостовѣренія въ правотѣ ея, такъ и для того, чтобы дать отвѣтъ о сихъ вопросахъ всякому вопрошающему. Это и было причиною моей медленности присоединиться къ Церкви. Я не рѣшался сдѣлать этотъ шагъ, пока не разрѣшилъ всѣ свои недоумѣнія“.

Впрочемъ, не смотря на желаніе присоединиться къ Церкви, нѣкоторые изъ старообрядцевъ встрѣчали препятствіе тамъ, гдѣ должны бы найти поддержку. Такъ общество старообрядцевъ Нижегородской епархіи, въ количествѣ 180 душъ, пожелали имѣть единовѣрческую церковь, на что имъ далъ словесное согласіе и преосвященный Нижегородскій. Они построили дома для причта, купили продававшуюся недалеко отъ нихъ старую церковь и стали просить о присоединеніи къ Церкви на правахъ единовѣрія, но встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны приходскаго духовенства и мѣстной духовной власти, такъ какъ, состоя въ расколѣ по Спасову согласію, они, по обычаю раскольниковъ этого согласія, совершали крещеніе въ церкви

и по метрическимъ книгамъ числились православными, а таковымъ переходъ изъ раскола, въ которомъ они несомнѣнно состоятъ, въ православную Церковь воспрещенъ. „Дѣло нижегородскихъ старообрядцевъ, замѣчаетъ по этому поводу Н. И. Субботинъ, очень прискорбно. Вотъ что бываетъ! Какъ жаль, что въ новомъ указѣ синодскомъ поставленъ пятилѣтній срокъ непринятія таинствъ для безпрепятственнаго принятія въ Церковь такихъ, числящихся церковными, старообрядцевъ“.

Въ 1883 г. Н. И. возобновилъ изданіе Братскаго Слова. О. Павелъ относился къ этому дѣлу, какъ къ своему собственному, почему и переписка ихъ касается большею частію журнала.

Кромѣ переписки Н. И. Субботина съ о. архим. Павломъ въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ напечатаны слѣдующія статьи, касающіяся раскола и сектантства: 1) „Посланіе Св. Синода о графѣ Львѣ Толстомъ (Опытъ раскрытія его смысла и значенія). Прот. І. И. Соловьева; 2) „О бесѣдѣ іезуита Шептицкаго съ о. Пафнутиемъ“. Н. И. Субботина; 3) „Къ статьѣ: „О бесѣдѣ іезуита Шептицкаго съ о. Пафнутиемъ“—его же; 4) „О свободѣ вѣры и послушаніи Церкви“—Ириная, еп. Екатеринбургскаго; 5) „О свободѣ вѣры“ (по поводу рѣчи М. А. Стаховича)—свящ. С. Страхова и 6) „Вопросъ о свободѣ вѣры на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ и въ періодической печати“. Сюда же можно отнести апологетическій очеркъ А. Соколова подъ заглавіемъ: „Невозможность религіи безъ представленія о личномъ Богѣ“, такъ какъ онъ имѣетъ важное значеніе въ смыслѣ критики лжеученій графа Л. Н. Толстого. „Строго-логическими соображеніями, говоритъ редакторъ журнала, психологическими наблюденіями и историческими данными, обстоятельно доказывая, что нѣтъ и не можетъ быть религіи безъ представленія о личномъ Богѣ, г. Соколовъ въ корнѣ, такъ сказать, подрываетъ лжеученіе графа, въ основѣ котораго лежитъ пантеистическая тенденція, придающая всей его дѣятельности атеистической характеръ“. Наконецъ, для критики нравственнаго ученія Л. Толстого имѣетъ значеніе статья А. Свѣтозарова „Современные моралисты—Левъ Толстой и Фр. Нитше“.

К. Плотниковъ.

Лѣтопись свѣтской печати по вопросамъ мисіи и расколовектанства.

Максимъ Горькій и интересъ къ его сочиненіямъ.—Его «новые» люди; ихъ характеристика.—Проповѣдь нищества у Горькаго.—Значеніе его произведеній съ этой стороны и со стороны характеристики запросовъ и идеаловъ интеллигенціи нашего времени.

Максимъ Горькій считается однимъ изъ выдающихся современныхъ писателей-беллетристовъ. Его имя ставятъ на ряду съ именами Л. Н. Толстого и Антона Чехова, а иногда выше послѣдняго. Его сочиненія расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и распространяются въ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества. Его читаютъ и перечитываютъ; о немъ спорятъ и пишутъ.—Хвалятъ и преклоняются не только у насъ, но и за границей, гдѣ сочиненія его также имѣютъ широкое распространеніе. Безспорно, во всемъ этомъ имѣетъ свое значеніе его писательскій талантъ, съ присущимъ ему художественнымъ мастерствомъ, живого и пластичнаго описанія картинъ природы и ея различныхъ явленій. Но, по признанію самихъ же лучшихъ критиковъ его, не въ этомъ главная сила его вліянія на читателя, основная причина его громаднaго успѣха. Его превозносятъ, имъ увлекаются изъ-за оригинальности изображаемыхъ имъ типовъ и героевъ, изъ-за необычности и своеобразности его философіи. Его герои—это такъ называемые *босаки*, люди босой команды, гольтепа, или „бывшіе люди, „его сюжеты—похожденія и философствованія этихъ героевъ, ихъ пьяныя, грязныя сцены у кабаковъ, тюремъ и домовъ терпимости.

Уже давно наша „большая“ литература вышла изъ барскихъ — графскихъ и княжескихъ — хоромъ и усадебъ и спустилась въ хижины и землянки бѣдняковъ. Еще съ половины прошлаго столѣтія „мужикъ“ съ своей сермягой проникъ въ литературу и появился въ ея „герояхъ“. Но это былъ настоящій мужикъ, крестьянинъ, сидящій на землѣ и „властію земли“ закрѣпленный,—мужикъ деревни. М. Горькій спустился еще ниже въ описываемыхъ имъ герояхъ. Правда, еще Левитовъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ — „Крымъ“, „Безпечальный народъ“, „Не съютъ, не жнутъ“ и др. имѣлъ дѣло съ толпой босаковъ, бездомныхъ пропойць и всякаго рода городского пролета-

ріата, но у Левитова на всемъ, что онъ писалъ, лежитъ слишкомъ мягкій и нѣжный колоритъ, и его босая команда такъ опоэтизирована имъ, что реальная жизнь у него почти отсутствуетъ. Его герои—развинченные люди, тѣ же интеллигенты, „взыскатели града“, каковъ былъ и самъ Левитовъ. Не совсѣмъ то и такъ у Максима Горькаго. Онъ пѣвецъ другихъ героевъ и ихъ стремленій, желаній и надеждъ; за это-то онъ и превознесенъ, этимъ-то въ немъ и увлекаются. Но что же это за герои—босяки у М. Горькаго?!

Босяки М. Горькаго—это не жалкіе, хотя и оборванные,—не нищіе, хотя часто и голодающіе,—не угнетенные и униженные, хотя ничего не имѣющіе;—это почти всегда сильныя физически, крѣпкіе и гордые люди, сознающіе свои права на жизнь и пользующіеся отъ нея всѣмъ, что она можетъ имъ дать, и что только они отъ нея могутъ взять. Это, наконецъ, не лишніе люди, а „новые“, по ихъ же собственному мнѣнію и признанію. „Мы въ жизни—новость“,—говоритъ одинъ изъ босяковъ, изъ „Бывшихъ людей...“ „Ромулъ и Ремъ—развѣ они не золоторотцы? И мы—придетъ нашь часъ—создадимъ“ (II, 177) ¹⁾. Болѣе смиренныя изъ нихъ, какъ пекарь Коноваловъ, не думаютъ о себѣ, что они сдѣлаютъ что-либо важное, тѣмъ не менѣе выключаютъ себя изъ обычнаго порядка людей. „Всѣ люди одинаковые:—родился, пожилъ сколько назначено, и померъ! А я, говоритъ Коноваловъ, на особой стезѣ... И не одинъ я—много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ“ (II, 22). По характеристикѣ самого Горькаго, герои его „сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые“ (24). Выдѣляя себя въ особую категорію людей, босяки М. Горькаго, однако, совершенно не хотятъ высказать, чего же отъ нихъ добраго, для жизни и общества полезнаго, можно ожидать. Они, правда, много высказываютъ желаній своихъ, но всѣ эти желанія касаются лишь личнаго ихъ благосостоянія и довольства. Такъ прежде всего они хотятъ и стремятся къ *полнѣйшей свободѣ, къ совершеннѣйшей независимости отъ всякихъ связей не только государственныхъ, общественныхъ или семейныхъ, но и пространственныхъ*. „Въ босяки бы лучше уйти, говоритъ сапожникъ Орловъ, потомъ, дѣйствительно, и ушедшій въ босяки,—тамъ хоть голодно, да свободно, иди, куда хочешь! Шагай по всей землѣ!“ (II, 93). „Люблю я, другъ, эту бродяжную жизнь, разсуждаетъ оставшой солдатъ въ разсказѣ „Въ степи“. Оно и холодно, и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакаго начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ. Хоть голову себѣ откуси; никто тебѣ слова не можетъ сказать... хорошо!“ (II, 13). „Родился я,

¹⁾ Цитаты будемъ приводить по второму изданію Т—ва «Знаніе».

слышь, подь заборомъ и умру подь нимъ,—говорить Кузька Косякъ въ „Тоскѣ“. По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шляться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ“ (II, 280). Старый цыганъ Макаръ Чудра такъ поучаетъ: „Ходи и смотри, насмотрѣлся, лягъ и умирай, вотъ и все!“ Всякій, ведущій иной образъ жизни, по мнѣнію Чудры, „рабъ, какъ только родился, и во всю жизнь рабъ“. „Иди, ходи и все тутъ, проповѣдають поучать Макаръ. Долго не стой на одномъ мѣстѣ, чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгають, гоняясь другъ за другомъ вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобы не разлюбить ее... Похаживай да посматривай вокругъ себя, вотъ и тоска не возьметъ никогда“ (I, 1—3). Босякъ Сережка въ разсказѣ „Мальва“ излагаетъ такую программу жизни: „Ничего не будемъ дѣлать..., гулять будемъ по землѣ“ (III, 49). Сказочный Ларра—въ разсказѣ „Изергиль“—„ходить, ходитъ повсюду... все ищетъ, ходитъ, ходитъ“ (I, 113). Этой свободѣ и человѣческимъ стремленіямъ къ ней Горькій посвятилъ цѣлую пѣсню „Пѣсня о Соколѣ“. Соколъ представленъ упавшимъ съ неба и разбившимся, но онъ не жалѣетъ о своихъ полетахъ, а восхваляетъ ихъ.

Свободолюбіе у нашихъ босяковъ настолько сильно и требовательно, что даже сильная привязанность къ нимъ женщинъ, ихъ любящихъ и ими любимыхъ, не удерживаетъ ихъ въ спокойной и тихой пристани. Наоборотъ, и въ любви они проповѣдуютъ свободу отношеній и связей. Коноваловъ, по чувствительности сердца, помогъ одной проституткѣ обратиться изъ публичнаго дома; но когда эта дѣвушка захотѣла жить съ нимъ „въ родѣ жены“; то при всемъ своемъ къ ней расположеніи, онъ даже испугался этого: „я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить“ (II, 36). А Кузька Косякъ такъ объясняетъ свой уходъ отъ любящей его дѣвушки въ степь: „Нѣтъ, ужъ, Мотря, не мнѣ на роду писано жениться, да, дурашка, не мнѣ. Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не смѣняю... На одномъ мѣстѣ скучно мнѣ“ (I, 280). Такую же вольную и раздольную, независимую жизнь ведутъ и нѣкоторыя героини М. Горькаго. Старуха Изергиль разсказываетъ, „какъ она любила“. Бѣ было пятнадцать лѣтъ, когда она сошлась съ какимъ-то черноусымъ „рыбакомъ съ Прута“; но онъ ей скоро надоѣлъ, и она ушла съ бродягой-гуцуломъ. Потомъ она полюбила не молодого ужъ турка и т. д. Мальва, въ разсказѣ съ этимъ именемъ, живетъ съ рыбакомъ Василиемъ, кокетничаетъ съ его сыномъ Яковомъ и, наконецъ, перессоривъ отца съ сыномъ, сходится съ забулдыгой Сережкой, съ которымъ она и раньше была одно время близка.

Неудивительно поэтому, что эти герои М. Горькаго, по замѣчанію самого автора, „космополиты-босяки, сразу видѣ-

лялись и своимъ независимымъ видомъ и костюмами, и особымъ складомъ рѣчи—изъ людей, еще находившихся во власти земли, лишь временно порвавшихъ съ нею связь, оторванныхъ отъ нея голодомъ“ (II, 55). Порвавъ всѣ старыя общественныя связи и не наживъ никакихъ новыхъ, они даже и въ самыхъ пылкихъ своихъ мечтахъ *противникъ эгоистическаго индивидуализма*, совершенно чуждымъ хотя бы и капли желанія быть и жить среди другихъ общественныхъ группъ. Коноваловъ такъ передаетъ впечатлѣніе свое отъ чтенія „Робинзона“: „Интересно, страхъ какъ! Очень мнѣ понравилась книга; такъ бы къ нему туда и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь? Островъ, море, небо,—ты одинъ себя живешь, и все у тебя есть и совершенно ты свободенъ! Тамъ еще дикій былъ! Ну, я бы дикаго утопилъ,—на кой прахъ онъ мнѣ нуженъ? Мнѣ и одному не скучно“ (II, 59). Мальва мечтаетъ: „Иной разъ сѣла бы въ лодку и въ море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать“ (III, 62). „Я отверженъ, говоритъ Аристидъ Кувальда въ „Бывшихъ людяхъ“, значить, я свободенъ отъ всякихъ путей и узъ. Значить, я могу наплевать на все“ (II, 198). Этотъ крайній эгоизмъ переходитъ у нихъ въ какое-то желаніе все сокрушить, разбить, уничтожить. Та же Мальва, мечтавшая куда—нибудь убѣжать и скрыться, высказываетъ еще: „А иной разъ такъ бы каждого человѣка завертѣла, да и пустила волчкомъ вокругъ себя... Избила бы весь народъ. И потомъ бы себя страшную смертію“ (III, 62). Бывшій сапожникъ Орловъ скорбитъ, что онъ „никакого геройства не совершилъ... А по сю пору, продолжаетъ онъ, хочется мнѣ отличиться на чемъ—нибудь... Разбить бы всю землю въ пыль, или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить ...всѣхъ до одного! Или вообще чтонибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... и въ дребезги“ (II, 15).

Освободивъ себя отъ всякихъ общественныхъ и семейныхъ связей и не желая никому подчиняться, герои Горькаго сами однако съ сильнымъ желаніемъ *другихъ себя подчинить*. Въ подчиненіи и въ поработненіи себя другихъ они находятъ особое удовольствіе. Желаніе „встать выше всѣхъ людей“ — общее всѣмъ босякамъ Горькаго. Челкашъ „наслаждался чувствуя себя господиномъ другого“, —глупова-таго крестьянскаго парня — Гаврилы. Онъ „наслаждался своей силой, которой онъ поработилъ этого молодого, свѣжаго парня“ (I, 84—85). Зобарь и Радда, въ разсказѣ „Макаръ Чудра“, до того сильно проникнуты желаніемъ господствовать другъ надъ другомъ, что и сильно любя другъ друга, они умираютъ—последняя отъ ножа Зобара, а этотъ—отъ руки ея отца, умираютъ, такъ сказать,

въ спорѣ изъ-за власти. Въ повѣсти „Тома Гордѣевъ“ купецъ Ананій Щуровъ высказываетъ такія мысли: „Деньги пускаютъ въ дѣло... около денегъ народъ кормится... а ты надъ всѣмъ этимъ народомъ хозяйнѣ... Богъ человѣка зачѣмъ создалъ? А чтобы человѣкъ ему помолился... Онъ одинъ былъ и было Ему одному-то скучно,—кошунствуетъ Щуровъ,—ну и захотѣлось власти... А какъ человѣкъ созданъ по образу, сказано, и по подобію Его, то человѣкъ власти хочетъ...“ (IV, 164). А самъ нашъ авторъ, какъ бы обобщая эту страсть къ власти и господствованію надъ другими у своихъ героевъ, такой высказываетъ приговоръ: „Какъ бы низко ни палъ человѣкъ, онъ никогда не откажетъ себѣ въ наслажденіи почувствовать себя сильнѣе, умнѣе, хотя бы даже сытѣ своего ближняго“ (II, 178). Восхваленію этой черты у своихъ героевъ онъ посвятилъ цѣлый фантастическій рассказъ „О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ—любителѣ истины“. Чижъ этотъ, между прочимъ, пѣлъ:

•
 «Кто честно смерть пріялъ въ бою,
 Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?
 Палъ тотъ, кто, робко грудь свою
 Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ...

Прочь! Здѣсь объявлена богамъ
 За право первенства война...»

Мы не должны уставать, разсуждаетъ порою тотъ же Чижъ, и должны всегда бороться и все побѣдить..., чтобы имѣть право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее—это мы... Идя гордой и смѣлой дружиной къ побѣдѣ, не сомнѣвайтесь ни въ чемъ, ибо что есть выше васъ?“ (I, 20—22).

При такихъ воззрѣніяхъ, стремленіяхъ и требованіяхъ героевъ Горькаго, нечего, разумѣется, искать у нихъ нравственной высоты во взглядахъ на жизнь, на ея смыслъ и цѣль, и на отношенія къ ближнимъ вообще. Въ основѣ этихъ взглядовъ лежитъ *нравственный цинизмъ*, *выставляющій прежде всего и главнѣе всего право силы, удовлетвореніе запросовъ крикаго, здороваго тѣла*. „Которые умнѣе,—разсуждаетъ Чудра,—тѣ берутъ, что есть, которые поглупѣе,—тѣ ничего не получаютъ“, и съ презрѣніемъ осмѣиваетъ наставленіе о томъ, что нужно жить по волѣ Божіей“ (I, 2—3). Емельянъ Пиляй, въ рассказѣ того же названія, доказываетъ, что „брюхо въ человѣкѣ—первое дѣло... какъ брюхо покойно, значить, и душа жива...“ „Права! Вотъ они права!“—говоритъ онъ, поднося къ носу собеседника жилистый кулакъ. „Клюнуть денежнаго человѣка по башкѣ—что ни говори,—пріятно, особенно ежели умѣючи дѣло обставить...“ (I, 27, 30, 32). Если эти только разсуждаютъ, то Челкашъ дѣй-

ствуешь по правиламъ этой морали: онъ злодѣйствуетъ безъ тѣни колебанія и держитъ себя необыкновенно гордо. Въ разсказѣ „Мой спутникъ“ выведено одно очень ужъ безсовѣстное лицо—кавказецъ князь Шахро. Это—сильное животное, хищникъ, не знающій иного нравственнаго закона, кромѣ того, чтобы пользоваться чужимъ. „Кто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ“, поучаетъ кавказскій князь. И въ авторѣ нашемъ за все это онъ возбуждалъ уваженіе. „Въ требованіи (службы ему отъ спутника своего) былъ характеръ, была сила. Онъ меня поработалъ, я ему поддавался“. Авторъ раздумываетъ „о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новою моралью (читай—христіанскою), новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни... Тяжела жизнь такихъ одинокихъ. Безвольно (?) носятся они въ воздухъ, какъ сѣмена добрыхъ злаковъ...“ Поэтому авторъ о своемъ спутникѣ вспоминаетъ „съ добрымъ чувствомъ“, такъ какъ онъ „многому научилъ его, чего не найдешь въ толстыхъ фолиантахъ...“ Еще ярче взгляды на христіанскую мораль авторъ высказалъ словами одного вора-Сережки въ разсказѣ „Дѣло съ застѣжками“. Этою одной фразой уничтожилъ представителя христіанской совѣсти—сотоварища своего—Мишку. „Умри ты лучше, пенъ милый. А то завтра тебя съ такими твоими выкрутасами мухи или тараканы съѣдятъ“ (I, 242). Почти то же слышимъ въ разсказѣ „На плотяхъ“. „Али это человѣкъ, который постоятъ за себя не умѣетъ! Нужно, братъ, зубы да когти!“ (I, 258). Положительный же взглядъ на мораль,—на мораль этихъ новыхъ людей—босяковъ, авторъ вложилъ въ уста одного героя разсказа „Ошибка“. Герой этотъ, разсуждая, можно ли убить безнадежно больного, рѣшаетъ: „Морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо“ (I, 165). Съ особенною рельефностью эта мораль воспрѣта въ „Пѣснѣ о Соколѣ“. „Безумству храбрыхъ поемъ мы славу. Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни“ (I, 240).

Итакъ, физическая сила и мощь, красота, разумъ, свобода отъ „стопудовой добродѣтели“—вотъ что представлено въ разсказахъ М. Горькаго, какъ радость и смыслъ жизни; и носители и воплощатели этихъ качествъ—все какіе-то богатыри, сверхчеловѣки. Таковы, кромѣ намъ уже извѣстныхъ, еще красавецъ Артемъ, живущій на содержаніи у торговцевъ („Каинъ и Артемъ“), красавецъ солдатъ („Двадцать шесть и одна), дворянинъ Промтовъ „Проходимецъ“) и т. под... И наоборотъ, душевная чистота и кротость, сознаніе нравственныхъ требованій и необходимости жить „по Божьи“, по совѣсти и по закону,—почти всегда у автора воплощаются въ жалкихъ, забытыхъ, ничтожныхъ и хилыхъ людяхъ. Такимъ хилымъ представленъ въ разсказѣ „На плотяхъ“ Митя. Онъ

много разсуждаетъ о Богѣ, о жизни во Христѣ, о чистотѣ души и т. под. Но самъ по себѣ онъ такъ хилъ, дряблъ и безпомощенъ, что на его глазахъ отецъ его, представитель первой категоріи людей, живетъ съ его молодой женой,—что не можетъ не выслушивать насмѣшекъ себѣ отъ своего работника, человѣка тоже изъ первой категоріи. Таковъ воръ Уповающій (Дружки), человѣкъ жалостливый особливо къ мужику, но самъ по себѣ ничтожный и находящійся въ полномъ подчиненіи у своего пріятели, и въ послѣднемъ градусѣ чохотки. Таковъ, далѣе, Мишка (Дѣло съ застежками) со вздохами и благочестивыми думами слушающій божественное чтеніе купчихи и возвращающій ей стащенныя его пріятеlemъ дорогія застежки отъ книги, а самъ по себѣ смѣшной, безвольный и ничтожный бродяга... Вотъ, кажется, и всѣ люди второй категоріи, у которыхъ совѣсть еще не заглохла, у которыхъ сохранилось еще стремленіе „жить по правдѣ“. Но эти люди въ такихъ положеніяхъ и краскахъ изображены, что кромѣ жалости у читателя, а иногда и презрѣнія къ себѣ, ничего другого и не возбуждаютъ.

При столь развитомъ эгоизмѣ босяковъ, при ихъ жаднѣ жизни и господствованія, неудивительно, что къ *крестьянину, къ хозяйству не иначе они могутъ относиться, какъ свысока, съ презрѣніемъ*. Мужикъ для нихъ „дуракъ“, „онъ рабъ—какъ только родился, и во всю жизнь рабъ“ (М. Чудра). Поэтому и жалѣть мужика не слѣдуетъ. Емельянъ Пилий такъ мечтаетъ о своихъ дѣянiяхъ, если бы онъ имѣлъ свой кабакъ. „Мужика бы этого, черноземнаго барина—ухъ ты!.. грабь! дери шкуру! выворачивай наизнанку... Я бы его, черта тугопузаго, пронзилъ!“ (I, 20). Глубокое презрѣніе къ мужику, и къ деревенскому житію,—презрѣніе, сопровождаемое даже ненавистію,—наполняетъ всего вора и злодѣя Челкаша. „И жаденъ ты“, говоритъ онъ крестьянскому парню Гаврилѣ. Не хорошо... Впрочемъ, чтожь, крестьянинъ“.. (I, 106). Большаго презрѣнія и высказать трудно. Въ „Бывшихъ людяхъ“ ненавидитъ мужиковъ нѣкій Тяпа. „Каждый разъ, когда въ ночлежкѣ являлся какой-нибудь свѣжій экземпляръ человѣка, вытолкнутаго нуждой изъ деревни, Тяпа при видѣ его впадалъ въ тоскливое озлобленіе и безпокойство. Онъ преслѣдовалъ этого несчастнаго ѣдкими насмѣшками, съ злымъ хрипомъ выходившими изъ его горла; онъ натравливалъ на него какого-нибудь злющаго босяка, грозилъ, наконецъ, собственноручно избить и ограбить его ночью и почти всегда добивался того, что запуганный и растерявшійся мужикъ исчезалъ изъ ночлежки и уже больше не являлся въ ней“. Въ газетѣ Тяпа любилъ читать „о томъ, что въ такой-то деревнѣ градомъ побилло хлѣбъ, а въ другой сгорѣло тридцать дворовъ, а въ третьей баба отравила семью.—все, что принято писать о деревнѣ, и что рисуешь ее только не-

счастной, глупой и злой“ (II, 168, 169). Сережка въ „Мальвѣ“ тоже негодуешь на деревню. „Я всѣхъ мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ и... все!.. Они ноютъ да притворяются, но жить могутъ, у нихъ есть зацѣпка-земля“ (III, 63). Не лучше отзываются герои М. Горькаго и о купцахъ. „Что есть купецъ?—разсуждаетъ Аристидъ Кувальда. Разсмотримъ это нелѣпое и грубое явленіе. Прежде всего каждый купецъ—мужикъ. Онъ является изъ деревни и по истеченіи нѣкотораго времени дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужно имѣть деньги. Откуда у мужика могутъ быть деньги? Какъ извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значить, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значить, купецъ-мошенникъ-мужикъ, о, если бы я писалъ въ газетахъ!.. О, я показалъ бы его въ настоящемъ видѣ, я бы показалъ, что онъ только животное, временно исполняющее должность человѣка. Я понимаю его! Онъ? Онъ грубъ, онъ глупъ, не имѣетъ вкуса къ жизни“... (II, 175).

Многое бы можно было и еще привести къ характеристикѣ героевъ Максима Горькаго, но для нашей цѣли достаточно вышеизложеннаго. И изъ него уже ясно, что это за герои, что это за „новые“ люди, которые, по словамъ самаго М. Горькаго, представляютъ даже будто-бы цѣлый „классъ“ людей, грядущихъ въ жизнь. Въ нихъ авторъ въ лицахъ изобразилъ передъ нами то, о чемъ мечталъ, чего сильно желалъ недавно умершій, сильно прославленный нѣмецкій мыслитель Фр. Ницше. Этотъ, какъ извѣстно, сильно былъ недоволенъ христіанскою моралью, морально „рабовъ“, по его выраженію, будто бы обезличивающей всѣхъ людей и мѣшающей счастью ихъ. Сила, красота, здоровье—вотъ, по нему, что морально; поэтому сильный, здоровый, крѣпкій человѣкъ—вотъ идеаль человѣка, какъ прообраза „сверхъ-человѣка“, имѣющаго наслѣдовать землю. Для этого послѣдняго должны погибнуть всѣ слабые, немощные люди; для него—право силы должно быть окончательнымъ и единственнымъ закономъ. Всякія ограниченія, вытекающія изъ государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ отношеній и связей, не должны для него существовать: онъ отъ нихъ долженъ быть свободенъ. А отсюда единственный смыслъ въ жизни долженъ наклоняться къ тому, чтобы больше отъ нея взять, большимъ завладѣть, большее количество себѣ подобныхъ покорить, подчинить; а средствомъ для этого можетъ быть пока только сильная борьба со всѣми и противъ всего.

Итакъ, сила, крѣпость, здоровье, свобода, эгоизмъ, подчиненіе всѣхъ себѣ и господство надъ всѣми и всѣмъ, вотъ что проповѣдывалъ Ницше; это же самое, какъ видѣли, воспроизвелъ въ своихъ разсказахъ и въ герояхъ, а от-

части даже и воспѣлъ М. Горькій. Фр. Ницше и М. Горькій, т. о., сошлись въ единствѣ ихъ философіи, въ тождествѣ ихъ идеаловъ. Случайное ли это совпаденіе, или нашъ русскій беллетристъ писалъ подъ сильнымъ вліяніемъ на него Ницше,—сказать не беремся, да это и не важно (критики М. Горькаго разнѣ объ этомъ судятъ). Для насъ важно то, что М. Горькимъ увлекается наше русское образованное общество. И въ этомъ увлеченіи мы видимъ характерное знаменіе времени.

Увлеченіе тѣмъ или другимъ писателемъ—ясный показатель, что его идеи находятъ для себя въ читателяхъ добрую почву. Въ данномъ же случаѣ, увлеченіе М. Горькимъ, особенно со стороны молодежи (замѣчаніе критика г. Меньшикова), безошибочно обнаруживаетъ передъ нами, чѣмъ живетъ и интересуется, чего желаетъ и домогается наше образованное общество. Оно любитъ М. Горькаго, оно восхищается его героями; оно, слѣдовательно, сочувствуетъ проводимымъ имъ идеямъ. А какъ далеки отъ христіанства эти идеи, мы уже видѣли; значить, какъ далеки отъ христіанской морали и религіи идеалы и стремленія тѣхъ людей, для коихъ М. Горькій—проповѣдникъ новой вѣры, новыхъ воззрѣній! Сильное же распространеніе рассказовъ М. Горькаго доказываетъ, что и послѣдователей у него немало. А если все это такъ, то для миссіи пастырей Церкви не открываются ли новыя заботы, новыя требованія къ еще болѣе сознательной и энергичной защитѣ христіанства отъ новыхъ вѣяній?! Какъ бы только не пропустить и этого теченія, какъ пропустила наша пастырская миссія много другое изъ области запросовъ и переживаній русской интеллигенціи.

Смотря такъ серьезно на распространеніе рассказовъ М. Горькаго и судя объ увлеченіи имъ со стороны нашего общества именно съ указанной точки зрѣнія, обозрѣватель „Лѣтописи свѣтской печати по вопросамъ миссіи“ счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ познакомить читателей „Мисс. Обзор.“ съ проповѣдуемыми М. Горькимъ идеями и желаніями и съ тѣми нравственными устоями, какія обнаруживаетъ наше общество чрезъ увлеченіе свое М. Горькимъ, чтобы для всѣхъ насъ ясно было, чѣмъ живетъ это общество и на что намъ нужно обращать поболѣе вниманія.

Э. О.

Общедоступное объясненіе первыхъ семи посланій Святаго Апостола Павла. Составилъ епископъ Никаноръ. С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 3 р.

Имя преосвященнаго Никанора (нынѣ епископа Орловскаго и Сѣвскаго), составителя книги, названіе которой мы выписали, достаточно уже извѣстно въ священно-экзегетической литературѣ по ранѣе составленнымъ имъ объясненіямъ на нѣкоторыя посланія св. апостола Павла, нынѣ вошедшія въ эту книгу, и по сочиненію „Изображеніе Мессіи въ Псалтири“.

Разсматриваемая нами книга представляетъ собою объясненіе посланій св. апостола къ Римлянамъ, перваго и втораго посланія къ Коринтянамъ, къ Галатамъ, къ Ефесянамъ, къ Филиппійцамъ и къ Колоссянамъ. Объясненіе это сопровождается общими предварительными свѣдѣніями о жизни и посланіяхъ св. апостола Павла вообще и довольно подробными вводными замѣчаніями о каждомъ изъ этихъ семи посланій въ частности (какъ-то—о назначеніи посланія, о мѣстѣ, времени и обстоятельствахъ его написанія, о подлинности его), съ указаніемъ въ главныхъ общихъ чертахъ содержанія и характера каждаго посланія. Наконецъ, послѣдовательному объясненію каждаго посланія составителемъ предпослано указаніе употребленія его въ церковно-богослужебной практикѣ во всѣ дни года. Жаль только, что это указаніе апостольскихъ чтеній не раздѣлено составителемъ на церковныя зачала, что дало бы возможность многимъ любителямъ слова Божія, въ отношеніи этихъ чтеній, быть, такъ сказать, въ курсѣ церковнаго дня, прочитывая у себя на дому то, что въ извѣстный день по уставу положено читать въ церкви. Самый священный текстъ посланій составителемъ представленъ въ двухъ столбцахъ—славянскомъ и русскомъ въ общепринятой синодальной ихъ редакціи. Послѣднее обстоятельство, т. е., что параллельно славянскому данъ и русскій текстъ, мы особенно приветствуемъ, какъ самое надежное средство приблизить священный текстъ къ общедоступному пониманію, безъ чего всѣ объясненія славянскаго текста теряли бы половину своего значенія.

Составитель книги повсюду сопровождаетъ священный текстъ толкованіями нѣсколькихъ стиховъ каждой главы, взятыхъ въ логической ихъ связи, толкованіями,—то болѣе пространными, то краткими, смотря по важности раскрываемаго въ нихъ предмета. Толкованія эти, въ общемъ составленные по свято-отеческимъ и свято-учительскимъ объясненіямъ священнаго текста, или же по изясненіямъ одного изъ лучшихъ нашихъ отечественныхъ экзегетовъ,—преосвященнаго въ Бозѣ почивающаго епископа Теофана,—вводятъ читателя въ обстоятельное знакомство съ мыслью каждаго стиха и цѣлой группы стиховъ данной главы, и такимъ образомъ, даютъ ему ясное разумѣніе посланій св. апостола Павла, которыя по важности, глубинѣ и обширности своего содержанія наиболѣе другихъ нуждаются въ ясномъ и отчетливомъ ихъ пониманіи. Особенно часто преосвященный составитель книги обращается къ толкованіямъ св. Іоанна Златоуста (какъ лучшаго толковника Павловыхъ посланій), которыя и передаетъ или въ дословныхъ выпискахъ, или же въ свободномъ

пересказѣ. По обилію цитатъ, заимствуемыхъ у св. Златоуста и приводимыхъ преосв. Никаноромъ въ изъясненіе священнаго текста Павловыхъ посланій, можно даже сказать, что книга его составлена преимущественно по толкованіямъ на эти посланія и изъ толкованій на нихъ сего святаго отца. Это обстоятельство придаетъ труду преосвященнаго автора, хотя и носящему компилятивный характеръ, большую цѣнность и важность, такъ какъ толкованія св. Златоуста, выбранныя имъ изъ многихъ бесѣдъ сего св. отца и сведенныя въ книгѣ нашего автора, представляютъ собою наилучшее объясненіе не только общаго духа и характера писаній св. апостола Павла, но и наиболѣе полное, глубокое и существенно вѣрное раскрытіе всѣхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ, которыми такъ богаты Павловы посланія.

Въ виду великаго церковно-воспитательнаго значенія экзегетическихъ трудовъ св. Іоанна Златоуста, представляющихъ во всемъ своемъ объемѣ наилучше составленный полный курсъ и догматическаго и нравственнаго *православнаго* богословія, попытка преосвященнаго Наканора обосновать свое толкованіе посланій св. апостола Павла именно на лучшихъ образцахъ этого рода, данныхъ Златоустовымъ учителемъ, заслуживаетъ всякаго вниманія любителей слова Божія и церковно-дидактической литературы. Люди, ищущіе строго православнаго разрѣшенія многихъ вопросовъ догматическаго и нравственнаго характера, необходимо возникающихъ при чтеніи посланій св. апостола Павла—этой сокровищницы вѣры и благочестія,—найдутъ таковое именно въ толкованіяхъ св. Іоанна Златоуста, относительно котораго, какъ вѣрнаго истолкователя и выразителя истиннаго смысла Павловыхъ писаній, еще въ древности сложилось такое изреченіе: „Павловы уста—Господни уста, Іоанновы уста—Павловы уста, Господни уста—Іоанновы уста“. Посему преосвященный составитель книги, нами поименованной, представившій въ ней сводъ по преимуществу Златоустовыхъ толкованій на посланія св. апостола Павла и дополняя ихъ по мѣстамъ изъясненіями многихъ другихъ лучшихъ толковниковъ священнаго текста (толкованіями св. Иринея, блажен. Θεодорита, св. Василія Великаго, св. Григорія Богослова, блажен. Θεофилакта, св. І. Дамаскина, бл. Іеронима, бл. Августина, Фотія, Икуменія, а изъ русскихъ—преосвящен. Θεοφана, И. Назаревскаго и др.), оказалъ, такимъ образомъ, немаловажную услугу дѣлу духовнаго просвѣщенія народа въ духѣ православной Церкви и въ частности—дѣлу просвѣщенія нашего духовнаго учащагося юношества. Такъ что книгу его, по нашему мнѣнію, можно бы рекомендовать для чтенія не только всѣмъ вообще любителямъ слова Божія, но въ частности—и для внѣкласснаго чтенія воспитанникамъ нашихъ духовныхъ школъ, какъ прекрасное пособіе при изученіи посланій св. апостола языковъ. Таковы внутреннія достоинства книги.

Что же касается внѣшнихъ [качествъ почтеннаго труда преосвященнаго Наканора, то внутренней его содержательности и важности соотвѣтствуетъ прежде всего изящная внѣшность книги, изданной

на плотной глазированной бумагѣ и почти свободной отъ опечатокъ, которыми такъ досадно пестрѣютъ страницы другихъ подобныхъ изданій. Со стороны изложенія большимъ минусомъ здѣсь является нѣсколько тяжелый языкъ составителя, обильный длинными періодами, затемняющими иногда смыслъ рѣчи, уснащенный нерѣдко вычурными витіеватыми выраженіями; встрѣчаются также архаизмы и славянизмы, что все вредитъ той „общедоступности“ объясненій, о которой авторъ заявляетъ въ самомъ названіи своей книги.

Тяжеловѣсность языка книги оставляетъ въ читателѣ литературно-развитомъ и богословски-образованномъ невыгодное эстетическое впечатлѣніе, а для читателя—простоца будетъ причиною того, что весьма многія мѣста книги будутъ имъ или не поняты совсѣмъ, или же поняты очень плохо. Въ обоихъ случаяхъ, конечно, будетъ тормозиться успѣхъ книги, которой можно пожелать и предсказать широкое распространеніе. Этому послѣднему въ значительной степени развѣ только можетъ препятствовать высокая цѣна книги (3 руб.), которая дѣлаетъ ее очень дорогою для лицъ средняго достатка и совершенно почти недоступною для массы простого народа, о чемъ можно очень пожалѣть, въ виду указанныхъ достоинствъ изданія.

М. Гр—ва.

Марковъ С. свящ. О правѣ Церкви измѣнять церковныя постановленія, обряды и обычаи, существа вѣры не касающіеся. Изд. М. 1901 г. Ц. 10 коп.

Маленькѣя (46 стр. въ 1/32 д. л.) брошюрка о. Маркова очень содержательна. Она разсматриваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ нашей полемикѣ съ расколомъ. Новаго чего-либо, въ сравненіи съ извѣстнымъ уже изъ сочиненій хотя бы проф. Ивановскаго, она, конечно, не даетъ, такъ какъ новаго и дать нельзя. Но тѣмъ не менѣе для чтенія простому народу и для научнаго разъясненія даннаго вопроса ее можно рекомендовать преимущественно предъ ей подобными брошюрками. Ея счастливое преимущество заключается 1) въ способѣ разсмотрѣнія даннаго вопроса,—очень удобномъ и дѣлающимъ для читателя, даже изъ простецовъ, понятнымъ и яснымъ различіе между измѣняемымъ и неизмѣняемымъ въ церковномъ ученіи и 2) въ удачномъ подборѣ примѣровъ измѣняемости со стороны Церкви богослужебныхъ чиновъ, правъ, обрядовъ и т. под. Примѣры взяты наглядные, какъ папр., объ обрѣзаніи, о причащеніи,—взяты изъ уважаемыхъ же старообрядцами книгъ...

Вполнѣ для насъ понятно, что брошюра выходитъ уже третьимъ изданіемъ. Желаемъ ей быстраго распространенія. Ее весьма полезно давать для чтенія простому народу. Выписывать можно изъ Москвы, изъ склада Братства м. Петра.

М. Ч.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

О виновникахъ взрыва въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ.

Въ № 5 Правительственнаго Вѣстника за текущій годъ помѣщено слѣдующее сообщеніе.

Въ ночь на 8 марта 1898 года, въ гор. Курскѣ, въ соборѣ Знаменскаго монастыря, предъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери послѣдовалъ взрывъ, которымъ были отброшены на значительное разстояніе каменные и деревянные ступени, ведущія къ иконѣ, повреждены и частію разрушены рѣшетки и устроенная надъ иконою сѣнь и разбито стекло у кіота. Осмотръ мѣста указалъ, что взрывъ былъ произведенъ съ преступною цѣлью, посредствомъ разрывнаго снаряда, положеннаго злоумышленниками у подножія иконы. Немедленное возбужденное предварительное слѣдствіе, несмотря на всѣ принятія мѣры, не дало, однако, въ то время данныхъ къ обнаруженію виновниковъ этого преступленія. Между тѣмъ, продолжавшіеся розыски по дѣлу привели осенью 1901 года къ болѣе положительнымъ результатамъ, причемъ были арестованы: не окончившіе курса Курскаго реальнаго училища сынъ чиновника Анатолій Егоровъ Уфимцевъ, 20 лѣтъ, дворянинъ Леонидъ Владиміровъ Кишкинъ, 21 года, вольнонаемный писецъ, вышедшій изъ 2-го класса городского училища, мѣщанинъ Василій Евграфовъ Каменевъ, 22 лѣтъ, и студентъ института инженеровъ путей сообщенія, сынъ купца Анатолій Николаевъ Лагутинъ, 21 года, которые и сознались въ совершеніи означеннаго преступленія. Изъ совокупности данныхъ ими объясненій оказалось, что взрывъ былъ произведенъ по предложенію Уфимцева, легкомысленно полагавшаго тѣмъ поколебать вѣру въ чтимую святыню и обратить всеобщее вниманіе на выходящій изъ ряда фактъ. Въ свой умыселъ Уфимцевъ посвятилъ Кишкина, Каменева и Лагутина, изъ коихъ первый помогъ ему изготовить разрывной снарядъ, а второй пріобрѣлъ часы, при посредствѣ механизма которыхъ взрывъ могъ быть произведенъ въ опредѣленное время. Когда снарядъ былъ изготовленъ, Уфимцевъ и Кишкинъ, въ сопро-

вожденіи Лагутина, 7-го марта доставили его, во время всеобщей службы, въ соборъ, и Кишкинъ, приблизившись, съ остальными двумя, къ иконѣ Богоматери, незамѣтно опустили его у ея подножія. Снарядъ былъ обернуть ватую въ предупрежденіе стука, а механизмъ былъ установленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ въ половинѣ второго часа ночи, когда въ храмѣ не бываетъ богослуженія. Произведенное разслѣдованіе вполне подтвердило откровенныя показанія обвиняемыхъ. По соображеніи проявленнаго обвиняемыми чистосердечнаго раскаянія въ совершенномъ ими преступленіи и во вниманіе къ легкомыслию, а равно несовершеннолѣтнему возрасту Уфимцева и молодости остальныхъ во время совершенія преступленія, признано было возможнымъ, не обращая сего дѣла къ судебному разсмотрѣнію, испросить Всемилостивѣйшее соизволеніе на разрѣшеніе его въ административномъ порядкѣ и, по всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Государь Императоръ, 26-го декабря 1901 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: по вмѣненіи обвиняемымъ въ наказаніе предварительнаго содержанія подъ стражей, выслать подъ надзоръ полиціи: Уфимцева—въ Акмолинскую область на пять лѣтъ, Кишкина, Каменева и Лагутина въ Восточную Сибирь, срокомъ—перваго на пять лѣтъ, а остальныхъ на три года».

Въ своей статьѣ „русское иконоборческое злодѣяніе“, помѣщенной въ свое время на страницахъ нашего журнала, по поводу святотатственнаго Курскаго взрыва, мы высказали тогда рѣшительную догадку, что это дѣло рукъ религіозно-одичавшихъ интеллигентовъ, вкусившихъ отъ плодовъ сектантско-толстовской иконоборческой пропаганды. За наше смѣлое слово мы тогда получили не мало всяческихъ упрековъ. Тогда таже интеллигенція путемъ сплетенъ свалила вину страшнаго дѣла на ненавистныхъ ей монаховъ. А теперь оказывается, что мы были правы въ своемъ предположеніи.

„Москов. Вѣдомости“ совершенно вѣрно и справедливо говорятъ, что прискорбно-характеристична вся эта исторія, рисующая безпредѣльное отступничество отъ Церкви и вѣры, охватившее столь широкіе слои русскаго образованнаго общества и несущее въ самомъ себѣ тяжкія наказанія для страны.

Кто такіе спрашиваетъ газета виновники этого возмутительнаго посягательства на святыню, задумавшіе уничтожить чудотворную икону динамитомъ и тѣмъ, по собственному ихъ сознанію, «поколебать вѣру въ чтимую святыню»?

Это почти еще отроки, которымъ въ то время было отъ 18 до 20 лѣтъ, юноши, въ которыхъ еще не можетъ быть никакихъ самостоятельныхъ идей. Ихъ поступки отражаютъ не ихъ личность, а вліянія воспитавшей ихъ среды. Гдѣ же они воспитались? Изъ нихъ только мѣщанинъ Василій Каменевъ имѣетъ видъ *déclassé*. Остальные—питомцы мѣстнаго реальнаго училища, а одинъ — студентъ-путеецъ. Леонидъ Кишкинъ дворянинъ, Анатолій Уфимцевъ сынъ чиновника, Анатолій Лагутинъ сынъ купца.

И, вотъ эти юноши, питомцы нашей средней семьи и школы, достаточно развитые, чтобъ очень искусно составить взрывной снарядъ и расположить цѣлесообразно весьма сложную махинацію преступленія—оказываются совершенно дикими фанатиками какого-то анархическаго иконоборчества, чуждыми малѣйшаго страха Божьяго, малѣйшаго уваженія къ чувствамъ и вѣрованіямъ, которыми глубоко проникнуты не только вся масса русскаго простаго народа, но и лучшіе люди нашего образованнаго общества.

Эти юноши, черезъ три года послѣ преступленія, слава Богу, обнаружили чистосердечное раскаяніе. Но трудно даже сказать, что нужно было бы съ ними сдѣлать, еслибъ эти полу-дѣти не опомнились къ 1901 году? Неужто ихъ посылать на 12 лѣтъ въ каторгу? Не ясно ли, что кто то другой виноватъ въ преступленіи, совершаемомъ полу-дѣтьми?

Виноваты тѣ, которые воспитали ихъ такими дикими анархистами.

Въ какой средѣ находились они во время приготовления своего преступленія, которое цѣлые три года не могло быть раскрыто? Въ такой средѣ, гдѣ, стало-быть, никто за ними не смотрѣлъ, не интересовался поведеніемъ молодыхъ людей, не пришелъ къ нимъ на помощь ни добрымъ словомъ, ни авторитетнымъ вліяніемъ... Невольно является вопросъ: не было ли скорѣе, со стороны взрослыхъ, преступнаго наученія и подстрекательства, укрывательства и вообще пособничества?

Кѣмъ были распущены самые эти слухи, взваливавшіе вину на духовенство и тѣмъ укрывавшіе истинныхъ виновниковъ отъ вниманія слѣдователей? Не этими же дѣтьми, а людьми гораздо болѣе зрѣлыми.

Вообще, съ тяжкимъ чувствомъ видишь, что эти несчастные молодые люди, очевидно, не получили отъ окружающей среды ничего, кромѣ вліяній духовно-расшатывающихъ, какъ будто они родились, выросли и воспитывались не въ чело-вѣческомъ обществѣ, а въ какомъ то вертепѣ. А между тѣмъ—они всѣ дѣти русскаго средне-образованнаго общества и питомцы нашей школы.

Мало того. Когда плоды такого развращенія юношества уже проявляются,—это зрѣлище не вызываетъ въ обществѣ

ни страха, ни раскаянія, ни стремленія положить конецъ злу. Когда произошло это неслыханное проявленіе фанатическаго антихристіанства, событіе было насколько возможно замолчано. Многіе успокоивали себя и другихъ, будто бы это случай исключительный. Многіе обрадовались возможностью успокоиться клеветой, распущенной противъ «монаховъ».

Никто не подумалъ, что страшное зло, обнаруженное въ Курскѣ, будетъ неизбѣжно расти и дальше отравлять Россію. И вотъ недавно разражаются событія въ Павловкахъ...

Фанатическіе сектанты,—въ какой бы связи съ «толстовцами» они ни находились, — разрушаютъ церковь-школу и дѣлаютъ попытку разрушить приходскій храмъ, производя цѣлую схватку. Курскіе юноши еще посягали на святыню русскаго народа тайкомъ. Павловская сектантская толпа уже идетъ на прямой штурмъ, «стѣна на стѣну».

И что же? Мы и тутъ, въ отношеніи этихъ фанатиковъ, видимъ только попытки замалчиванія, успокоенія и, безо всякаго сомнѣнія, снова увидимъ попытки какой-нибудь клеветнической интриги противъ «духовенства», на которое защитники русской деморализаціи попробуютъ свалить вину фанатиковъ.

Тажкія мысли возбуждаютъ всѣ эти проявленія антихристіанскаго фанатизма, воспитываемаго, подстрекаемаго и всячески защищаемаго. Не добро это сулитъ Россіи.

Господу Богу угодно было охранить святыню въ Курскѣ. Ничего не сдѣлали люди для ея охраны. Но Богъ обратилъ въ новое доказательство чуда то, что было попыткой подорвать вѣру въ чудо. Въ Павловкахъ же толпа православныхъ мужиковъ, доведенная до отчаянія наглѣмъ насиліемъ изувѣровъ, вынуждена была внѣшнею силой, кулаками и колыями, отстоять храмъ Божій отъ поруганія.

Къ чему же мы, однако, идемъ на этомъ пути?

Неужто мы совсѣмъ потеряли пониманіе того, что Богъ, сильный чудомъ охранить святыню, силенъ и жестоко покарать страну, когда она переполнитъ мѣру Его снисхожденія? Ужъ кажется и теперь многое, отчего мы страдаемъ, объяснимо только начавшеюся карой Высшей Справедливости, которая не можетъ покрывать всѣ грѣхи Россіи незаслуженнымъ милосердіемъ.

Неужели намъ не страшна мысль и о томъ, что вѣдь не въ однихъ Павловкахъ православный народъ готовъ постоять насиліемъ противъ насилія? Что же ожидаетъ Россію, если она, наконецъ, вооружитъ противъ себя Самого Бога, и если тѣ, которые не желаютъ вызвать противъ себя гнѣва Божьяго, должны будутъ прибѣгать къ защитѣ святыни такъ, какъ принуждены были сдѣлать православные въ Павловкахъ?

Пора нашему образованному обществу придти въ чувство и образумиться. Пора ему вспомнить, что Россія всѣмъ обязана Богу, и что только по винѣ небрежности самого общества у насъ развились слои, совершенно падшіе, глубоко проникнутые антихристіанскимъ анархизмомъ. Эта немощь требуетъ внимательнаго лѣченія, и наше общество уже имѣетъ слишкомъ ясное напоминаніе этого своего долга.

Почтенный генераль Е. В. Богдановичъ прислалъ намъ нижепомѣщаемый, глубоко прочувствованный листокъ, написанный тогда же подъ впечатлѣніемъ чуда, но пролежавшій въ портфель автора до послѣдняго времени, въ виду всѣхъ смутившей злокозненной басни о монахахъ, какъ виновникахъ взрыва.

Дивное знаменіе Божіей милости.

*Да познаютъ, что это Твоя рука
и что Ты, Господи, сдѣлалъ это (Псал.
108, 27).*

*Ибо они предприняли противъ Тебя
злос, составили замыслы, но не могли
исполнить ихъ (Псал. 20, 12).*

Всеблагодару Господу угодно было явить новое знаменіе Своей великой милости къ нашей матушкѣ-Россіи, къ православному русскому народу.

Неслыханное, небывалое злодѣйство задумано и приготовлено было въ городѣ Курскѣ, въ ночь на 8 число марта 1898 года, въ соборѣ Знаменскаго монастыря.

Здѣсь находится древняя чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы, прославленная многими великими чудесами, въ теченіе свыше 600 лѣтъ вѣдомая всей русской землѣ, благоговѣнно чтимая всѣми православными.

И эту-то величайшую нашу народную святыню злые люди замыслили уничтожить, для чего устроили разрывной снарядъ страшной сокрушительной силы и положили его около самой иконы, соединивъ съ особою машиной для взрыва.

Господь попустилъ совершиться этому адскому умыслу. Взрывъ снаряда разрушилъ чугунную сѣнь, окружающую чудотворную икону, сломалъ тяжелыя желѣзныя выходныя двери собора, выбилъ стекла не только въ боковыхъ окнахъ, но и въ куполѣ храма, на высотѣ 15 сажень. Ближняя къ сѣни стѣна храма, двухъаршинной толщины, дала трещину, бывшіе около иконы массивные подсвѣчники и люстра превращены въ груды обломковъ, тяжелыя мраморныя ступени къ возвышенію, на которомъ помѣщалась икона, разбросаны по сторонамъ.

Самый храмъ потерпѣлъ большія поврежденія. Одна эта славная святыня, чудотворный образъ Пречистой Богоматери, милосердной Владычицы и Заступницы нашей, осталась на своемъ мѣстѣ, осталась цѣла и невредима...

Какъ велики дѣла Твои, Господи, дивно глубоки помысленія Твои (Псал. 91—6)! Какъ велика и осязаема благодать Господня къ православному народу русскому. Священнымъ трепетомъ наполнило всю Русь святую это новое дивное знаменіе милости Божіей, посрамившей страшные замыслы враговъ Христа и православной вѣры, сохранившей намъ драгоценную народную святыню нашу, утѣшеніе и упованіе православныхъ.

Но прославляя десницу Господню, насъ милующую не по грѣхамъ нашимъ, но проливая слезы умиленія передъ Пречистою иконой Владычицы нашей Богородицы, такъ чудесно проявившей силу своей благодати къ намъ, можемъ ли, смѣемъ ли помышлять себя достойными столь явной благодати Господней, дарованной странѣ нашей? Можемъ ли не ужасаться передъ такими страшными дѣлами, какъ эта попытка святотатственнаго надругательства надъ величайшею святыней православной Церкви, и гдѣ же?—Въ самомъ средоточіи русской земли, въ городѣ чисто-русскомъ, населенномъ русскими и православными людьми.

Велика и неизмѣрима милость Господня къ намъ, молитвами усердной Заступницы православной Церкви, но грозно и предостереженіе гнѣва Господня, явившееся во дни покаянія и молитвы при такихъ ужасающихъ событіяхъ... *Десница Господня высока. Десница Господня творитъ силу* (Псал. 117. 16).

Е. Богдановичъ.

Приговоръ Харьковской еудебной палаты по дѣлу о Павловскихъ сектантахъ.

Въ іюлѣ 1901 года въ многолюдномъ селѣ Павловкахъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, часть населенія котораго около двадцати лѣтъ тому назадъ отпала отъ православія, появился неизвѣстный дотолѣ въ означенной мѣстности бѣдно одѣтый человекъ, называвшій себя „пророкомъ Моисеемъ Израиля“. Человекъ этотъ, оказавшійся впоследствии крестьяниномъ села Яхны, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Моисеемъ Наумовымъ Тодосіенко, былъ послѣдователемъ секты „малеванцевъ“ и во время непродолжительнаго пребыванія своего въ селѣ Павловкахъ успѣлъ ознакомить нѣкоторыхъ жителей названнаго села съ лжеученіемъ этой секты.

Затѣмъ, въ началѣ сентября минувшаго года, Тодосіенко вторично прибылъ въ село Павловки и, собирая мѣстныхъ сектантовъ на собесѣдованія, сталъ вновь проповѣдывать имъ свое ученіе, рассказывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что вскорѣ настанетъ перемѣна въ условіяхъ крестьянской жизни, не будетъ ни церкви, ни духовенства, а земля подѣлится поровну между всѣми людьми. Выдавая себя за личность, обладающую сверхъестественною силою и призванную Духомъ Святымъ способствовать торжеству правды, Тодосіенко, между прочимъ, убѣждалъ сектантовъ въ томъ, что для достиженія Царствія Небеснаго необходимо разрушить церкви православныя, дабы освободить скрытую въ нихъ правду.

Среди спокойнаго до того времени сектантскаго населенія села Павловокъ проповѣдь Тодосіенко сразу вызвала замѣтное волненіе.

Въ теченіе первыхъ двухъ дней послѣ его отъѣзда изъ Павловокъ 14-го и 15-го сентября, на улицахъ села появлялись толпы сектантовъ съ пѣніемъ и возгласами „Христось Воскресе“. Кромѣ того, по ночамъ на тѣ же числа въ домѣ павловскаго крестьянина Тимофея Никитенко происходили многочисленныя собранія сектантовъ, на которыхъ руководителемъ и проповѣдникомъ выступилъ мѣстный крестьянинъ Григорій Павленко. Послѣдній, близко сошедшійся съ Тодосіенко, во время пребыванія его въ селѣ Павловкахъ, и проникшійся его лжеученіемъ, сталъ наставлять сектантовъ, говоря имъ, что близка погибель, что не надо беречь „ни золота, ни серебра“, и что на него, Павленко, получившаго силу отъ „пророка Моисея“ (Тодосіенко), сошелъ Духъ Святыи. Возбужденіе сектантовъ дошло до крайняго напряженія послѣ того, какъ въ субботу 15-го сентября, ночью, на подобномъ же собраніи въ домѣ Никитенко, Григорій Павленко, повторяя слова своего учителя Тодосіенко, возвѣстилъ, что онъ, Павленко, обладающій Божественною силою, долженъ возсѣсть въ церкви на престолѣ, подъ которымъ священниками скрыта правда, и что находящіяся въ селѣ Павловкахъ двѣ православныя церкви должны быть разрушены, дабы побороть неправду. При этомъ Григорій Павленко пояснялъ, что послѣдніе часы наступаютъ, и что желающіе принять Святаго Духа имѣютъ слѣдовать за нимъ. При слушаніи этой проповѣди многіе сектанты пришли въ такое восторженное настроеніе, что бросали на улицу деньги и исповѣдывали предъ Григоріемъ Павленко свои грѣхи.

16-го сентября, въ воскресенье, около 6 часовъ утра, проведеншіе всю ночь въ домѣ Тимофея Никитенко сектанты двинулись толпою, въ числѣ свыше 100 человекъ, сопровождаемые женами и дѣтьми, по направленію къ ближайшей по пути церкви-школѣ. Впереди толпы на подводѣ ѣхала крестьянка Елизавета Павленко съ ребенкомъ въ рукахъ и,

подымая его, кричала: „увѣруйте въ этого младенца Іисуса, не отъ плоти родившагося“. Вслѣдъ за этою подводою шли Григорій Павленко, отецъ его Авраамъ Павленко и другіе сектанты, съ возгласами: „вѣруемъ, Христось Воскресе, правда идетъ“.

Въ виду дошедшихъ уже до свѣдѣнія мѣстной полиціи слуховъ, что павловскіе сектанты собираются произвести разгромъ православныхъ церквей, приставъ 2-го стана Сумскаго уѣзда распорядился, чтобы ближайшая къ дому Тимоея Никитенко церковь-школа, въ воскресенье, 16-го сентября, была заперта, причемъ назначенное въ ней богослуженіе было мѣстнымъ духовенствомъ отмѣнено. Для охраны означенной церкви вблизи ея ограды былъ поставленъ караулъ, состоявшій изъ мѣстнаго полицейскаго урядника, нѣсколькихъ сотскихъ, десятскихъ и городскихъ, командированныхъ въ село Павловки изъ сосѣдняго мѣстечка Бѣлополье, самъ же становой приставъ присутствовалъ въ тотъ день на богослуженіи въ другой церкви того же села, во имя Архангела Михаила, находившейся въ разстояніи свыше двухъ верстъ отъ церкви-школы. Подойдя къ послѣдней, сектанты оттолкнули отъ ограды церкви-школы полицейскихъ чиновъ, нанесли имъ побои, съ крикомъ бросились къ церковнымъ дверямъ и, взломавъ замки, ворвались внутрь церкви, гдѣ произвели возмутительное безчинство, соединенное съ поруганіемъ святыни. Разбивъ рамы и стекла въ окнахъ церкви, сектанты, во главѣ которыхъ находились крестьяне Григорій и Авраамъ Павленко, Петръ Харахоновъ, Петръ, Иванъ и Антонъ Кобыльченки, Максимъ и Степанъ Берестки, Иванъ Любичъ и другіе, бросились къ святому престолу; Григорій Павленко сѣлъ на него, за нимъ сдѣлали то же и другіе. Послѣ этого престолъ былъ опрокинутъ и разбитъ, царскія врата повреждены, завѣса сорвана, нѣкоторыя иконы выбиты изъ иконостаса и брошены на полъ, а запрестольный и напребстольный кресты, дарохранительница съ ковчегомъ для храненія Святыхъ Даровъ, которыхъ, въ немъ, однако, не было, хоругви и другіе священные предметы были частью погнуты, частью разбиты. Кромѣ того, святое евангеліе было разорвано и брошено на полъ, также какъ и св. антиминосъ.

Совершивъ описанный разгромъ въ церкви-школѣ и избивъ вошедшаго въ нее православнаго сотскаго Антона Федорченко, сектанты съ криками «наша взяла, правда идетъ. Христось Воскресе, ура», двинулись по направленію къ церкви Архангела Михаила. Узнавъ о приближеніи сектантовъ, мѣстный священникъ, немедленно по окончаніи проскомидіи, прекратилъ богослуженіе, послѣ чего молящіяся вышли изъ церкви, заперли ея двери и ударили въ набатъ. Съ своей стороны, становой приставъ, собравъ находившихся

въ его распоряженіи сотскихъ, десятскихъ и городовыхъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько православныхъ крестьянъ, направился на встрѣчу надвигавшейся толпѣ сектантовъ и предложилъ имъ прекратить беспорядки. Увѣщанія его остались, однако, безуспѣшными. Сектанты съ яростью бросились на пристава и сопровождавшихъ его лицъ, избили ихъ и затѣмъ, ворвавшись въ ограду церкви, стали ломиться въ ея входную дверь, но проникнуть въ храмъ не могли, такъ какъ въ это время сбѣжались многіе изъ православныхъ жителей села Павловокъ и, вооружившись кольями, бросились на сектантовъ. Послѣдніе, несмотря на упорное сопротивленіе, не могли оттѣснить православныхъ и были вынуждены, послѣ общей свалки и драки, разбѣжаться. При этомъ нѣкоторымъ православнымъ были нанесены побои, а сорока двумъ сектантамъ причинены преимущественно легкія поврежденія, не имѣвшія особо вредныхъ для ихъ здоровья послѣдствій, за исключеніемъ лишь сектанта Якова Коваленко, получившаго тяжкіе побои, отъ которыхъ онъ на слѣдующій день умеръ.

Немедленно по прекращеніи беспорядковъ и оказаніи всѣмъ пострадавшимъ медицинской помощи, судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ сумскаго окружного суда приступилъ къ производству предварительнаго слѣдствія по поводу описанныхъ происшествій, подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурора того же суда.

На предварительномъ слѣдствіи, помимо обнаруженія лицъ, принимавшихъ участіе въ беспорядкахъ въ селѣ Павлокахъ, были собраны свѣдѣнія о личности крестьянина Моисея Тодосіенко, склонившаго сектантовъ подвергнуть церкви въ названномъ селѣ поруганію. Въ этомъ отношеніи слѣдствіемъ установлено, что, сдѣлавшись послѣдователемъ секты малеванцевъ, Тодосіенко, въ теченіе 12 послѣднихъ лѣтъ, вель праздную бродячую жизнь, оставивъ своихъ жену и дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію, и путемъ разнаго рода обманныхъ дѣйствій и ложныхъ увѣреній эксплуатировалъ населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Кіевской губерніи, а въ 1899 году по приговору мирового судьи 3-го участка васильковскаго судебна-мирового округа отбылъ за кражу полуторамѣсячное тюремное заключеніе.

По окончаніи предварительнаго слѣдствія, опредѣленіемъ харьковской судебной палаты 5 декабря 1901 года 68 обвиняемыхъ, и въ томъ числѣ Моисей Тодосіенко, были преданы суду по обвиненію: Тодосіенко—въ подстрекательствѣ къ поруганію святыни и въ распространеніи среди населенія села Павловокъ тревожныхъ слуховъ (ст. 13, 210 и 938 Улож. о наказ.), а всѣ остальные обвиняемые—въ поруганіи дѣйствіемъ священныхъ предметовъ, въ нападеніи на православное населеніе села Павловокъ и въ сопротивленіи чинамъ полиціи (ст. 13, 210, 269¹ и 271 Улож. о наказ.).

Затѣмъ настоящее дѣло было разсмотрѣно въ гор. Су-махъ, Харьковской губ., при закрытыхъ дверяхъ, въ продолжавшемся съ 28 января по 4 февраля с. г. судебномъ засѣданіи особаго присутствія харьковской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. По разборѣ сего дѣла, въ отношеніи 66 подсудимыхъ, за выдѣленіемъ производства о двухъ обвиняемыхъ, вслѣдствіе ихъ болѣзни, приговоромъ судебной палаты 17 подсудимыхъ были оправданы, а остальные 49 подсудимыхъ признаны виновными по предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ и, на основаніи ст. 210 ч. 2, 9 и 210 ч. 2, 269¹, 938 ч. 1, 152, 149, 134, 135, 120, 19, 31 и 39 Улож. о наказ., присуждены: 45 подсудимыхъ—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы: Моисей Тодосіенко и Григорій Павленко на 15 лѣтъ. Авраамъ Павленко, Петръ Харахоновъ, Антонъ, Петръ и Иванъ Кобыльченки и другіе въ числѣ всего 37 подсудимыхъ—на 12 лѣтъ каждый, пять подсудимыхъ на 8 лѣтъ и одинъ на 4 года, трое подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ каждый, съ послѣдствіями, опредѣленными въ законѣ 10 іюня 1900 года объ отмѣнѣ ссылки, и, наконецъ, одинъ несовершеннолѣтній подсудимый—къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, безъ ограниченія въ правахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ судебная палата постановила въ отношеніи 30 подсудимыхъ изъ числа присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, на основаніи ст. 775 Уст. угол. суд., ходатайствовать черезъ министра юстиціи предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ назначенныхъ имъ по закону каторжныхъ работъ ссылкой на поселеніе.

Въ „Нов. Времени“ находимъ такое описаніе нѣкоторыхъ сторонъ процесса.

Небольшой залъ засѣданій уголовного отдѣленія суда наскоро приспособленъ для слушанія этого колоссальнаго процесса, въ которомъ, кромѣ множества подсудимыхъ, предстоитъ выслушать и допросить 98 свидѣтелей, явившихся въ полномъ своемъ составѣ. Между свидѣтелями 4 священника, становой приставъ и урядникъ, а затѣмъ всѣ остальные—это все павловскіе крестьяне. Одна часть зала отведена для подсудимыхъ, на девяти скамьяхъ наклеены ярлыки съ фамиліями подсудимыхъ, а другая отведена для свидѣтелей. Защитники въ числѣ одиннадцати человѣкъ помѣщены за особыми столами, вдали отъ подсудимыхъ; за трибуной прокурора размѣщены мѣста для особо командированныхъ лицъ: отъ министерства юстиціи—вице-директоръ 2-го департамента д. с. с. Щегловитовъ и присутствующій за оберъ-прокурорскимъ столомъ с. с. Галицинскій, отъ Святейшаго Синода—чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-

прокуроръ с. с. Скворцовъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ—подполковникъ корпуса жандармовъ Загоскинъ и отъ мѣстной администраціи—старшій чиновникъ харьковскаго губернатора г. Познанскій, отъ архіепископа харьковскаго миссіонеръ Боголюбовъ.

Необычайную картину представлялъ собою кортежъ подсудимыхъ и конвоя, окружавшаго ихъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня изъ тюрьмы двинулись подсудимые по площади и улицамъ, запруженнымъ народомъ, терпѣливо и безмолвно дожидавшимся исключительнаго по силѣ впечатлѣнія зрѣлища. Сумскій исправникъ г. Отроховъ ѣхалъ впереди на извозчикѣ, а за нимъ шла цѣпь изъ новгородскихъ драгунъ съ шашками наголо, конвойныхъ солдатъ съ ружьями и полицейскихъ. На двухъ линейкахъ—одноколкахъ везли двухъ калѣкъ—подсудимыхъ съ костылями (одинъ лишился ноги во время побоища), за ними въ арестантскихъ полубубкахъ четверо бабъ съ грудными ребятами (одна разрѣшилась отъ бремени въ тюрьмѣ), затѣмъ слѣдовали уже пѣшкомъ по двое въ рядъ дѣвушки и женщины въ арестантскихъ свиткахъ и мужчины по четыре въ рядъ; нѣсколько поодаль отъ нихъ шелъ самъ „пророкъ Моисей“—Моисей Тодосіенко, вдохновитель этой сѣрой и невѣжественной толпы. Среди всей этой толпы, подвигающейся мѣрнымъ военнымъ шагомъ, наиболѣе тягостное впечатлѣніе дѣлаютъ женщины, которыхъ двадцать одна (одна пятнадцатилѣтняя подсудимая на свободѣ), причемъ почти всѣ онѣ молодыя, одна только старуха—51 года. Преобладающій возрастъ среди мужчинъ отъ 45 до 61 года, особенно много пятидесятилѣтнихъ мужиковъ. Есть и совсѣмъ юноши (Федорченко) и молодые люди (Павленко, намѣстникъ Тодосіенко). Вся эта толпа въ арестантскихъ одеждахъ производитъ на душу щемящее впечатлѣніе. Лица иногда сосредоточенныя, иногда тупо покорныя; выраженіе какого-то отрѣшенія, сказалъ бы я, лежитъ на другихъ ярко выраженной чертою; нѣкоторые точно и не видятъ передъ собою ничего,—идутъ, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, не нарушая равненія... И подумать только, что надѣлали эти люди!

Кончина основателя секты пашковцевъ.

30 января въ Парижѣ скончался основатель секты пашковцевъ В. А. Пашковъ. Какъ извѣстно, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ послѣдняго столѣтія наше великосвѣтское общество увлекалось возникшей на русской почвѣ протестантской сектой „пашковцевъ“. Такое названіе сектанты получили отъ печальной памяти Василия Александровича Пашкова, отставнаго полковника, очень богатаго помѣщика и, въ свое время,

популярнаго общественнаго дѣятеля. Толчокъ къ основанію этой секты далъ англичанинъ лордъ Редстокъ, который въ 1874 году прибылъ въ Петербургъ и съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ въ великосвѣтскомъ обществѣ. Его проповѣди произвели неотразимое впечатлѣніе и на болѣзненнаго (эпилептика) впечатлительнаго, но недалекаго, пресытившагося великосвѣтскою жизнью аристократа В. А. Пашкова, который задался цѣлью сдѣлать новыя идеи достояніемъ не только образованнаго класса, но и простого на-

В. А. Пашковъ.

рода. Для этого Пашковъ испросилъ разрѣшеніе основать „общество (поощренія духовно-нравственнаго чтенія“. Задача общества — доставлять народу возможность приобрести „на самомъ мѣстѣ жительства его и за дешевую цѣну“ книги св. Писанія и сочиненія духовно-нравственнаго содержанія. Брошюры продавались, дѣйствительно, по весьма дешевой цѣнѣ (не дороже 6 коп., а нѣкоторыя по $\frac{1}{2}$ коп.); многія брошюры раздавались даромъ.

Общество имѣло своихъ книгоношъ, которые обильно распространяли его изданія въ деревнѣ. Брошюры эти были—то переводныя (съ англійскаго и нѣмецкаго языковъ), то оригинальныя.

Ихъ истинное направленіе не сразу было замѣчено даже цензурой. По своему содержанію онѣ, казалось, представляли вполнѣ благонамѣренныя бесѣды о предметахъ вѣры и нравственности христіанской, толкованіе св. Писанія, выдержки изъ сочиненій св. Тихона и т. п. И лишь впоследствии учебный комитетъ при Св. Синодѣ далъ о нихъ такой отзывъ: каждая брошюра въ отдѣльности почти не представляетъ непосредственнаго сектантскаго направленія, „но когда онѣ читаются въ совокупности и въ извѣстномъ порядкѣ, съ разложеніемъ ихъ по отдѣламъ,—тогда ихъ сектантское направленіе и та основная мысль, которая проводится въ нихъ, обнаруживается со всею ясностью“.

Брошюры эти въ рукахъ сектантовъ сдѣлались тенденціознымъ комментариемъ къ свящ. Писанію. Кромѣ того В. А. Пашковъ первый началъ распространять въ народѣ и среди своихъ послѣдователей сектантовъ стѣнныя таблицы съ односторонне выбранными изъ свящ. Писанія текстами, на которыхъ пашковцы и штунда обосновываютъ свое улеученіе. Таблицы эти, будучи развѣшены въ красномъ углу, замѣняютъ въ хатахъ простецовъ упрямые иконы.

Покойный Пашковъ первый додумался, въ цѣляхъ пропаганды, выпустить (въ количествѣ 3 т. особымъ графическимъ способомъ препарированное отъ руки) евангеліе изданія Св. Синода, гдѣ излюбленные сектантами тексты отмѣчены чертами и сведены въ миссіонерскія параллели, такъ: одни тексты отмѣчены горизонтальной и *четырьмя* вертикальными (напр. I Іоан. 1, 7), горизонтальной и *тремя* вертикальными (I Іоан. 1, 9; 5, 13. Тит. 3, 5 и др.), горизонтальной и *двумя*—вертикальными (Рим. 6, 14 и 18, 11, 29; Колос. 2, 10 и др.), затѣмъ идутъ—горизонтальная и одна вертикальная, просто горизонтальная безъ вертикальныхъ,—вертикальная двѣ и одна безъ горизонтальной. Давая простолюдину такое евангеліе пашковскіе проповѣдники внушаютъ начинать изучать евангеліе въ порядкѣ и постепенности указанныхъ параллелей, т. е. сначала читать и запоминать тѣ тексты, которые отмѣчены параллельной и 4 вертикальными (такихъ только два мѣста), и т. д. Не отмѣченныя же мѣста совсѣмъ не читать, какъ не имѣющія будто бы существеннаго значенія для спасенія.

Изложенный способъ пропаганды адски коварный и хитрый: читая такъ слово Божіе, безъ сектантскихъ комментариевъ легко усвоить догматы вѣры въ духѣ односторонняго, чисто протестантскаго пониманія.

Основую пашковскаго ученія является протестантское по-

ложеніе объ оправданіи одною вѣрою чрезъ кровь І. Христа. Молитвенныя собранія сектанты устраиваютъ въ частныхъ домахъ. На собраніяхъ читается и разъясняется св. Писаніе и поются духовные стихи, переведенные съ англійскихъ и нѣмецкихъ богослужебныхъ кантовъ, изданныхъ Пашковымъ.

Въ 1874 г., какъ мы сказали, прибыль въ Петербургъ лордъ Редстокъ, черезъ два года Пашковъ основалъ упомянутое нами общество и безповоротно увлекся сектаторствомъ.

Въ виду заключенія Св. Синода о сектантскомъ характерѣ проповѣди покойнаго В. А. Пашкова, ему въ 1877 г. было воспрещено устраивать религиозно-сектантскія сборища, а общество закрыто. Послѣ этого В. А. Пашковъ удалился въ село Крешино, Звенигородскаго уѣзда, Московской губ., гдѣ у него имѣется громадное имѣніе, и продолжалъ проповѣдь среди простого народа, дѣйствуя на бѣдняковъ простолудиновъ не столько силою убѣжденія, сколько соблазномъ матеріальной помощи и денежныхъ подачекъ,—а въ другихъ мѣстностяхъ дѣйствовали его послѣдователи (напр., графъ и графиня Бобринскіе въ Тульской губерніи). Въ началѣ 80 годовъ съ цѣлью пропаганды Пашковъ посѣтилъ штундистовъ Кіев. губ., а также Таврическихъ молоканъ, а въ 1883 г. онъ сдѣлалъ попытку сближенія съ штундистами, нѣмец. баптистами и молоканами, устроивъ въ Петербургѣ съѣздъ сектантовъ. Съѣздъ этотъ былъ прекращенъ, а за дѣйствіями В. А. Пашкова и его послѣдователей Св. Синодъ предписалъ слѣдить епархіальнымъ властямъ. Послѣ этого самъ В. А. Пашковъ удалился за границу, но и послѣ его отъѣзда продолжало распространяться его сектантское ученіе въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, Ярославской, Московской, Орловской и др. Такимъ образомъ, ученіе, начатое въ великосвѣтскихъ салонахъ, среди людей богатыхъ и вліятельныхъ, отразилось и на народной массѣ, а самъ В. А. Пашковъ занялъ печальное въ исторіи нашего сектантства положеніе ересіарха.

Прибавимъ, что о В. А. Пашковѣ и его ученіи много писалось въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, оно даже фигурировало въ беллетристикѣ (напр., въ романахъ Боборыкина, кн. Мещерскаго, Б. Маркевича; повидимому, и гр. Л. Н. Толстой имѣлъ его въ виду въ „Аннѣ Карениной“). Свѣтская печать обыкновенно относилась къ проповѣди покойнаго насмѣшливо, какъ къ аристократической затѣѣ, духовная всесторонне изобличала его заблужденія.

Первымъ въ печати обличителемъ проповѣдаторской сектантской дѣятельности покойнаго Пашкова выступилъ почтенный генералъ Е. В. Богдановичъ, бывший староста Исаакіев. собора, въ своихъ „открытыхъ письмахъ Пашкову“.

Съ легкой руки ген. Богдановича народилась цѣлая ли-

тература, направленная въ обличеніе заблужденій пашковщины; лучшее изъ отдѣльныхъ сочиненій противъ пашковщины принадлежитъ г. Терлецкому, прот. Сахарову, Еп. Антонію, прот. Орнатскому и др.

Для миссіонерской борьбы съ пашковской сектой образовано въ Петербургѣ религиозно-просвѣтительное общество, а также открыта должность противосектантскаго миссіонера.

Секта пашковцевъ, претерпѣвъ на себѣ вліяніе штундобаптизма, уже нѣсколько лѣтъ какъ слилась съ послѣднимъ въ основныхъ чертахъ ученія и культѣ и теперь составляетъ одну изъ фракцій штундизма, который придавъ сектѣ Пашкова живучесть въ народѣ, такъ что послѣдняя имѣетъ значительную распространенность среди рабочихъ, дворниковъ, мастеровъ въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи. Доселѣ придерживаются лжеученія пашковщины и первыя послѣдовательницы этой секты изъ дамъ аристократокъ, которыя продолжаютъ питать и поддерживать секту, если не духовнымъ вліяніемъ (ибо эти послѣдовательницы сами нищи духомъ разумѣнія истины), то матеріальными способами вспомошествованія и пристанодержательства.

Да помилуетъ Господь почившаго боярина Василю за его тяжкій грѣхъ возстанія на Церковь Божию!

Разрѣшеніе принципиальнаго вопроса о русскихъ баптистахъ. Восемьдесятъ пять крестьянъ хутора Васильевки (Екатеринославскаго у.) были присуждены земскимъ начальникомъ къ штрафу по 18 руб. съ cadaго или 3 дневному аресту. Они были обвиняемы за запрещенныя штундистамъ молитвенныя собранія въ частныхъ домахъ. Обвиняемые, по сообщенію „Одесскихъ Новостей“, называли себя баптистами и отъ званія штундистовъ отреклись. Но епархіальный миссіонеръ, а съ нимъ и священникъ хуторовъ доказали на засѣданіи уѣзднаго сѣзда принадлежность виновныхъ къ штундѣ, и постановленіе земскаго начальника сѣздомъ было утверждено. Губернское присутствіе, находя доказательства экспертовъ,—миссіонера и священника недостаточными, подсудимыхъ оправдало. Теперь отъ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало весьма интересное разъясненіе по этому дѣлу. Министерство находитъ, что законъ 27 марта 1879 г. право общественнаго богомоленія дароваль свободному вѣроисповѣданію нѣмецкихъ баптистовъ, какъ то должно усматриваться и изъ циркуляровъ министерства 11 и 17 мая 1900 г. Баптистовъ, какъ русской секты, законъ не признаетъ. Такіе баптисты только именуютъ себя ими, на дѣлѣ же они принадлежать къ штундѣ. Рѣшеніе губернскаго присутствія подлежитъ по этому отмѣнѣ.

Миссіонерскія бібліотеки. По епархіямъ, гдѣ замѣчается особое развитіе раскола или сектантства, сдѣлано распоряженіе, чтобы причты расколо-сектантскихъ приходоѡ обязательно имѣли церковныя и школьныя миссіонерскія бібліотеки и ежегодно пополняли ихъ на церковныя средства миссіонерскими изданіями. Завѣдываніе этими бібліотеками возложено на настоятелей церквей, или, по ихъ усмотрѣнію и подъ ихъ отвѣтственностью, на діаконовъ и учителей церковныхъ школъ.

Изъ бытовой жизни скопцовъ. Олекминскій корреспондентъ «Вост. Обзоръ» рассказываетъ о скопцахъ, какъ герояхъ романическихъ происшествій.

Невольную улыбку по этому поводу приходится подавать въ себѣ подъ вліяніемъ чувства жалости къ людямъ, живущимъ въ невѣроятнo-ненормальныхъ условіяхъ. Начать съ того, что физическое увѣче мужчинъ не уничтожаетъ способности чувствовать; поврежденіе же органовъ у женщинъ настолько ничтожно, что всякая изъ нихъ можетъ стать матерью. Къ этимъ ненормальностямъ присоединяется новая: законъ не признаетъ семейства у скопцовъ, а вѣроученіе сектантовъ запрещаетъ всякое потворство естественному влеченію. Передъ нами два семейства. Въ первомъ есть взрослая дочь, во второмъ—сынъ, оскопленный матерью въ младенческихъ лѣтахъ, ненавидящій за это мать и, можетъ быть, ненавидящій самую секту, но молодой человекъ оскопленъ, осужденъ, и ему нѣтъ законныхъ формъ удовлетворенія потребности въ семейной привязанности, какъ нѣтъ возврата въ полноправное гражданское общество: скопецъ, обратившійся въ православіе, не получаетъ обратно правъ отнятыхъ у него по суду. Взаимная склонность между молодыми людьми привела къ уходу дѣвушки изъ родного дома. Все село скандализировано, опечаленные родители требуютъ полицейскаго содѣйствія для возвращенія бѣглянки. Молодой же человекъ скопецъ былъ настолько наивенъ, что обратился къ священнику съ просьбой о вѣнчаніи.

Въ другомъ случаѣ, мать становится молодому сыну поперекъ дороги въ его стремленіи обзавестись молодой же хозяйкой; начинаются ссоры, побои... Мать обращается къ полицейскому содѣйствію.

Въ третьемъ случаѣ, скопцы застали позднимъ вечеромъ во дворѣ у себя крестьянина Н.; они препроводили его въ казачью связанымъ и избитымъ, заявляя подозрѣніе въ попыткѣ на кражу; Н. объявляетъ, что пришелъ на свиданіе со скопческой женщиной.

Картинка эта должна бы быть поучительна для защитниковъ свободы отпаденія отъ православія и совращенія въ секты.

Императоръ Вильгельмъ и лѣченіе вѣрой.

(Письмо въ редакцію).

Позвольте отмѣтить на страницахъ вашего журнала, чуткаго ко всѣмъ современнымъ духовнымъ явленіямъ, очень знаменательное для нашего времени отношеніе императора Вильгельма и протестантскаго духовенства къ вопросамъ вѣры.

Телеграмма изъ Берлина отъ 26 января (8 февраля) гласитъ: Берлинъ. — Германское правительство обратило серьезное вниманіе на распространеніе *метафизическаго* метода лѣченія, при которомъ, за плату, конечно, лѣчатъ болѣзни *спиритизмомъ* или *молитвами*. Первоначально противъ этого *шарлатанскаго* метода выступило протестантское духовенство, затѣмъ берлинская городская дума, а теперь этимъ вопросомъ занялся даже и рейхстагъ. Осуждая, какъ *явный обманъ*, такой методъ лѣченія, гр. Посадовскій предостерегалъ однако отъ противодѣйствія ему суровыми государственными мѣрами, такъ какъ это только помогло бы его распространенію. Но, какъ видно, императоръ Вильгельмъ II держится на этотъ счетъ иного мнѣнія, такъ какъ призвалъ къ себѣ президента берлинской полиціи, а затѣмъ главу протестантскаго духовенства д-ра Фабера, чтобы совместно выработать мѣропріятія противъ метафизическаго метода лѣченія. Къ этому «*Nordd. Allg. Ztng*» прибавляетъ, что императору германскому это очень не нравится, и онъ заявилъ, что лица, увлекающіяся „лѣченіемъ вѣрой“, будутъ лишены доступа ко двору.

До сихъ поръ, изъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, католичество высоко держало пальму первенства въ нетерпимости къ чужимъ вѣрованіямъ; теперь же оказывается, что его права собирается оспаривать протестантство. Задатки этой нетерпимости, впрочемъ, относятся еще ко временамъ Лютера, который въ самый разгаръ крестыанской войны обнаружилъ вдругъ поворотъ къ старинѣ и сталъ метать громы и молніи въ тѣхъ, которые повѣрили провоглашенному имъ принципу духовной свободы, за что и получилъ названіе „виттенбергскаго папы“. Современный же протестантизмъ, уже безъ всякаго стѣсненія, вмѣсто отвергнутой католической догмы, создалъ свою новую *протестантскую* и, въ настойчивомъ насажденіи ея, готовъ, кажется, послѣдовать примѣру братьевъ «Общества Іисуса» и римской инквизиціи.

Оставивъ въ сторонѣ спиритизмъ, какъ вопросъ спорный, нельзя не подивиться, съ одной стороны, правительству *христіанскаго* (?) государства, которое собирается бороться съ *вѣрой*, такъ какъ готово воспретить лѣченіе болѣзней *молитвой*; а съ другой, забавнымъ мѣропріятіямъ, которыми императоръ Вильгельмъ пытается остановить, въ нашъ матеріальный вѣкъ, зарождающееся въ обществѣ *спиритуалистическое* движеніе. Съ какихъ же поръ посѣтило такое *прозрѣніе* христіанскаго государя и его не менѣе христіанское духовенство, что они, — основываясь на словахъ телеграммы, — молитву за болящаго считаютъ «*шарлатанствомъ*» и «*явнымъ обманомъ*»?

Хорошо еще, что гр. Посадовскій догадался предостеречь рейхстагъ отъ суровыхъ государственныхъ мѣръ противъ спиритизма и «лѣченія вѣрой», а то, можетъ быть, мы увидали бы костры аутодафе на улицахъ городовъ этой «культурной» (?) націи. Что же, для «культуртрегеровъ» это, пожалуй, было бы даже и послѣдовательно, особенно послѣ душенія поляковъ въ Познани, хотя врядъ ли позволительно въ XX вѣкѣ, не смотря на всѣ «гуманитарные» задатки нѣмцевъ.

С. Семеновъ.

Нельзя также безъ скорби и омерзѣнія пройти мимо шутовской, кощунственной, оскорбительной для христіанъ комедіи, устроенной Импер. Вильгельмомъ—этимъ Pontifex Maximus протестантской Церкви— «съ крещеніемъ новаго германскаго короля» французскимъ шампанскимъ, при воспріимчивствѣ царственного своего брата принца Генриха и дочери новаго президента Американскихъ Штатовъ Рузвельта!.. Давно ли этохъ христіанскій государь, ради политическаго маклерства въ странѣ турецкаго султана прямо-таки склонялъ св. Крестъ предъ полумѣсяцемъ, а теперь, въ видахъ того же политическаго заигрыванія, играетъ святѣйшимъ догматомъ христіанства о крещеніи. Такъ непристойно не дѣлали самые заклятые иезуиты. Не дай Богъ, чтобы съ легкой руки, на соблазнъ „сихъ малыхъ“, Вильгельма кощунственная терминологія „о крещеніи кораблей“ попала въ языкъ и практику другихъ христіанскихъ государствъ, наипаче же газетъ, не исключая и русскихъ.

Ред.

Въ Кишиневской епархіи въ настоящее время свободна вакансія епархіальнаго миссіонера, который имѣетъ мѣстопробываніе въ Новоямецкомъ монастырѣ (близъ Тирасполя). Обязанности миссіонера состоятъ въ полемическихъ бесѣдахъ съ сектантами, главнымъ образомъ. Въ свободное же отъ миссіонерскихъ поѣздокъ время миссіонеръ долженъ вести проповѣдываніе Слова Божія богомольцамъ въ храмахъ монастырскихъ. Содержаніе миссіонеру положено 2 т. р. и 500 р. разъѣздныхъ. Доселѣ должность эту занималъ кандидатъ кіевской академіи іеромонахъ о. Димитрій, получившій нынѣ другое назначеніе.

Досадный недосмотръ.

Въ февральск. кн. «Миссіерск. Обзоръ» сего года въ отдѣлѣ иностранной хроники на 380 стр., въ переводной статьѣ «Халдейскій патріархъ», вкралась грубая въ догматическомъ смыслѣ ошибка: переведено: „Несторій впалъ въ ересь...“, признавъ въ Иисусѣ Христѣ двойственность естества“, а нужно было сказать—двойственность влостаси. Ученіе о двухъ естествахъ, какъ извѣстно всѣмъ православнымъ христіанамъ, вполне православное.

Ред.

Объ отношеніи раскольниковъ къ церковной школѣ. Въ Александровскомъ приходѣ, Оренбург. губ., лѣтъ 15 тому назадъ раскольниковъ разныхъ сектъ было не менѣ половины общаго числа жителей, а въ деревнѣ Ключахъ православныхъ было всего нѣсколько семействъ. Въ 1890 году въ Александровкѣ построена была церковно-приходская школа. Первые два года въ ней не обучалось ни одного мальчика-раскольника. Раскольники хотя и имѣли понятіе о „казенной“ школѣ, но имѣли его только о школѣ министерской. Къ послѣдней раскольники не высказывали симпатій: „Какая это школа,— говорили они,— когда въ ней не учатъ боговдохновенную Псалтирь и молитвы почти оставили!“ Прошло два года. Присматриваясь къ школѣ церковной, раскольники стали понимать, что эта школа „какая-то другая“, больше всего обращаютъ вниманіе на предметы „духовные“, дѣти учатъ священную исторію, катихизисъ, а молитвы занимаютъ первое мѣсто, читаютъ и боговдохновенную Псалтирь, и Евангеліе, кромѣ того школьники участвуютъ въ церковномъ богослуженіи посредствомъ чтенія и пѣнія.

Этимъ церковная школа заслужила симпатіи раскольниковъ, и они стали отдавать въ нее своихъ дѣтей, сначала, якобы, для того, чтобы поучиться писать скорописью и ариѳметикѣ, но въ школѣ, наряду съ православными, дѣти раскольниковъ занимались всѣми предметами, не исключая и Закона Божія, и отцы ихъ противъ этого ничего не имѣли. Симпатіи ихъ къ школѣ настолько возросли, что въ ней стали обучаться дѣти не только александровскихъ, но и ключевскихъ сектантовъ. И все это устроилось въ какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ существованія церковно-приходской школы. Не имѣя своей „старовѣрской“ школы, раскольники не хотѣли дѣтей своихъ оставлять безъ ученія,—отставать отъ православныхъ, и съ тѣмъ большею охотою отдавали ихъ въ церковную школу, что въ ней дѣтей ихъ „мирщиться“ не заставляютъ, т. е. вмѣстѣ молиться съ православными, вмѣстѣ пить, ѣсть, а также не принуждаютъ учить и читать молитвы „по-никоніански“. Послѣдствіемъ такого взгляда раскольниковъ на церковную школу стало то, что въ настоящее время дѣти ихъ школьнаго возраста почти всѣ обучаются въ ней.

Учитель *С. Конягинъ.*

Со вкрижалей сердца.

Нѣсколько откровенныхъ словъ, по поводу судебного процесса надъ павловскими сектантами, о Гоголѣ и гр. Толстомъ.

Нашъ долгъ—дать читателямъ въ настоящемъ отдѣлѣ журнала отчетъ въ нашихъ думахъ и чувствахъ,—*высказаться* по поводу событій и явленій истекшаго мѣсяца, имѣющихъ тотъ или другой миссіонерскій или церковно-общественный интересъ. Но вѣдь февральскія календы были такъ богаты событіями огромной, захватывающей церковно-общественной важности, что право не знаешь, на чемъ предпочтительнѣе остановиться въ настоящей нашей бесѣдѣ...

Какъ извѣстно, въ началѣ февраля состоялся въ г. Сумахъ безпримѣрный въ исторіи Россіи судебный процессъ по страшному павловскому дѣлу о разгромѣ сектантами православной церкви - школы и сопротивленіи властямъ. 19 февраля въ Москвѣ московскими фабричными рабочими, собравшимися у памятника Александра II, въ числѣ 50 тысячъ человѣкъ, устроена небывалая ранѣе и вообще безпримѣрная по грандіозности, величію и порядку церковно-патріотическая процессія въ честь и память Царя-Освободителя и Мученика.

21 февраля вся Россія, какъ церковная, такъ и интеллигентная, на этотъ разъ съ удивительнымъ и опять-таки рѣдкимъ единодушіемъ совершила юбилейную поминку въ честь приснопамятнаго писателя-христіанина, Н. В. Гоголя, по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня его праведной, блаженной кончины.

Какъ сами видите, дорогой читатель, каждое изъ этихъ событій способно многое и о многомъ сказать и разумѣвающему уму и чувствующему сердцу... О павловскомъ процессѣ тѣмъ болѣе хотѣлось бы побесѣдовать, что намъ, какъ очевидцу, пришлось пережить въ теченіе 8 дней эту тяжкую судебную драму, въ качествѣ командированнаго начальствомъ для слушанія этого процесса. Но разборъ дѣла происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, слѣдовательно, всё

подробности судебного процесса не подлежат оглашению въ печати. Мы однако надѣмся въ свое время исколотать разрѣшеніе для „Мисс. Обзорнія“, какъ спеціальнаго журнала, напечатать о важныхъ для миссіонерства и сектовѣдѣнія сторонахъ этого замѣчательнаго процесса. Теперь же можемъ сказать объ однихъ только чувствахъ и впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ разныхъ моментовъ наблюденія надъ виновниками павловскаго страшнаго дѣла.

Въ первый разъ мы видѣли и познакомились съ павловскими сектантами года три назадъ, при посѣщеніи этого сектантаческаго очага; тогда павловцы были захвачены неодолимымъ желаніемъ послѣдовать зову кн. Хилкова и примѣру закавказскихъ духоборовъ и переселиться въ Канаду. Между почившимъ архіепископомъ Амвросіемъ и бывшимъ губернаторомъ на этотъ счетъ господствовало разномысліе: архіепископъ убѣжденно держался того мнѣнія, что не надо препятствовать выселенію: „худая трава изъ поля вонъ, благо сами просятся, православная среда будетъ избавлена отъ вредныхъ плевелъ“, говорилъ почившій. Гражданская власть, напротивъ, подъ вліяніемъ газетной скорби о потерѣ для Россіи въ лицѣ духоборъ отличныхъ работниковъ, не считала возможнымъ разрѣшить переселеніе. Кстати подоспѣли нерадостныя вѣсти о тяжеломъ житьѣ-бытьѣ въ Канадѣ духоборъ-переселенцевъ и наказъ интеллигентныхъ толстовцевъ оставаться дома. Сектанты-павловчане успокоились, хотя нѣсколько семействъ все-таки эмигрировали въ Америку.

Какъ разъ сектанты собрались во время нашего посѣщенія въ ту церковь-школу, которую 16 сентября такъ варварски и святотатственно разгромили. Вели тогда себя сектанты крайне заносчиво, гордо и грубо, всячески давая чувствовать, что для нихъ никто ни по чемъ. Особенно въ проявленіи вольности и грубости языка и поступковъ упражнялись тѣ именно люди, кого теперь на судѣ увидѣли мы въ числѣ передовыхъ виновниковъ по дѣлу. Мы тогда убѣдились, какъ тяжело съ ними миссіонеру, священникамъ и властямъ мѣстнымъ, какъ много нужно имѣть терпѣнія и христіанскаго смиренія, при сношеніяхъ съ этою жестоко анархизированною, одичавшею толпой. Теперь въ послѣдній разъ мы видѣли этихъ людей глубоко несчастными въ тюрьмѣ черезъ день послѣ суда и страшнаго приговора о каторгѣ. Мы съ мѣстнымъ миссіонеромъ шли въ тюрьму съ ду-

шевнымъ трепетомъ и страшною сердечною мукою, моля Бога дать намъ силы исполнить христіанскій долгъ и принести въ этотъ острый моментъ скорби хоть какое-нибудь облегченіе душѣ понесшихъ столь тяжкое возмездіе отъ неумолимаго закона за свое вопіющее преступленіе. Мы шли съ отверстымъ сердцемъ, готовымъ съ отзывчивостью принять столь знакомые намъ по другимъ процессамъ и слезы поздняго раскаянія о совершенномъ, и болѣзненную радость потерпѣвшихъ фанатиковъ, и негодованіе невинно сознающихъ себя. Но совсѣмъ не то мы встрѣтили и наблюдали теперь здѣсь... Мы встрѣтили въ настроеніи понесшихъ столь страшную кару какой-то ледянящій вашу душу, приводящій въ содраганіе холодъ мертваго тупа. Ни раскаянія, ни сознанія, ни оправданія своихъ поступковъ, ни негодованія, а какая-то тупая апатія и равнодушіе у однихъ (молодыхъ), озлобленное упорство у другихъ, или же увертливое вялянье мелкихъ душонокъ, ухищряющихся даже и въ этотъ моментъ сваливать вину съ больной головы на здоровую. Такъ, сектанты и въ тюрьмѣ старались доказывать, что разгромили церковь не они, а православные, ворвавшіеся съ ними въ церковь, и сдѣлали-де это православные съ цѣлью насолить и погубить ихъ. Ну, скажите, есть ли совѣсть обвинять православныхъ въ попропаніи своей дорогой святыни, какъ престолъ, Евангеліе, кресты! Только нѣкоторые (и всѣ молодые) не только откровенно, но и съ приподнятою нервностью говорили о содѣянномъ, какъ о подвигѣ, свѣше внушенномъ, а потому и не печалились за свою судьбу, а а человекъ два-три говорили о присужденномъ наказаніи съ радостью. Вотъ въ этихъ субъектахъ мы узнали *дѣйствительныхъ*, глубоко захваченныхъ сектантовъ.

И все-таки безконечно жаль потерпѣвшихъ, какъ людей, впавшихъ въ тяжкое преступленіе не по злой волѣ, а въ силу роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ. Не появившись въ Павловкахъ кн. Д. Хилковъ яримъ толстовцемъ, не оторвались бы осужденные отъ своего православнаго корня, не впади бы въ сектантскій анархизмъ, не выбились бы изъ колеи во всѣхъ устояхъ своей жизни, а слѣдовательно не были бы способны и на такое страшное дѣло. Не загляни въ Павловки сектантскій Хлестаковъ Тедосіенко, не дѣйствуй онъ именемъ царскаго посланца и Божія пророка, тоже никогда не отважились бы павловцы на такое страшное дѣло.

„Ничего, значить, не подѣлаешь, видно, такая судьба наша“,—отвѣчалъ на наше соболѣзнованіе одинъ изъ осужденныхъ, проговоривъ это безмятежнымъ тономъ фаталиста... „Да, горькая судьба ваша“,—вздохнувъ, сказали мы!..

Особенно показались намъ жалкими женщины, слѣпо и безотчетно послѣдовавшія внушенію мужчинъ, а наипаче малыя невинныя дѣти, обратившія залу суда и камеры тюрьмы въ дѣтскія ясли; кажется, пять дѣтишекъ, не умѣющихъ отличать правой руки отъ лѣвой, находилось на рукахъ обвиняемыхъ женщинъ, и еще съ полдюжины малютокъ тутъ же при матеряхъ томятся въ тюремной неволѣ, такъ какъ дома не на кого ихъ было оставить,—къ суду привлечены цѣлая семья: отецъ, мать, братья, сестры, а въ домахъ остались только подростки... Здѣсь пришлось намъ наблюдать такой же разгромъ семейнаго очага, какой мы видѣли въ 1897 г. среди закавказскихъ духоборовъ, въ періодъ безумнаго фанатическаго ихъ противоборства правительственнымъ законамъ и власти, когда родители толкали на политическія преступленія дѣтей, а дѣти—отцовъ.

Трагизмъ положенія осужденныхъ павловцевъ увеличивается еще и тѣмъ, что членамъ одной и той же семьи приходится по мѣрѣ преступленія нести различныя наказанія, а слѣдовательно жить въ разлукѣ: жена и дѣти идутъ на поселеніе, мужъ въ каторгу, мужья ссылаются, жены оказались оправданными или не принимавшими участія въ преступленіи. Есть семьи, въ которыхъ всѣ мужчины принимали участіе въ ужасномъ преступленіи 16 сентября; такова семья Харахонова, изъ которой на скамьѣ подсудимыхъ оказались отецъ 50 л., два сына—одинъ 30 л., другой—26 л., дочь—21 г. (жены сыновей не избличены въ участіи), и такихъ нѣсколько семей.

Нельзя не остановиться на опубликованныхъ въ приговорѣ палаты свѣдѣніяхъ о лѣтахъ подсудимыхъ. Оказывается, что цѣлая треть всего числа обвиняемыхъ, т. е. не менѣе 20 душъ были въ возрастѣ отъ 40 и до 65 лѣтъ, иначе говоря, люди совсѣмъ не вѣтромъ колеблемаго и увлекающагося возраста, и лишь 7 человекъ незрѣлой молодежи,—въ возрастѣ 19 и 18 л., а одна дѣвица 15 лѣтъ; изъ этой послѣдней категоріи 2—3 человека—неофиты, увлекшіеся сектантствомъ подъ вліяніемъ броженія, вызваннаго

въ Павловкахъ Тодосіенкомъ. Остальные обвиняемые—тоже цвѣтущаго и зрѣлаго возраста отъ 25 до 40 лѣтъ.

Теперь спрашивается, могъ ли бы Тодосіенко такъ быстро плѣнить вслѣдъ себѣ и своей дикой и разрушительной теоріи такой почтенный возрастомъ контингентъ, какъ первая категорія не только зрѣлыхъ, но и уже престарѣлыхъ людей, если бы не нашель лжепророкъ въ душѣ и понятіяхъ этихъ людей благопріятной готовой почвы?..

Видя и сочувствуя страданіямъ этихъ несчастныхъ нынѣ людей, когда-то, лѣтъ 15 назадъ, жившихъ въ лонѣ православія счастливо, безмятежно и въ довольствѣ, представляя то море слезъ, будущаго горя и страданій и ихъ самихъ и невинныхъ дѣтей, намъ, во время процесса, предносились не разъ мрачные образы тѣхъ интеллигентныхъ сектантовъ, которые совратили павловцевъ съ пути православной истины, лишили ихъ спасенія на небѣ, душевнаго покоя и счастья на землѣ, вывели и пустили на ту дорогу сектантскихъ приключеній, которая привела ихъ на скамью подсудимыхъ и къ каторгѣ! О, какою щемящею болью несчастье сектантовъ павловцевъ должно жечь сердца ихъ совратителей и учителей!

И отпечатлѣваются на страдальческихъ лицахъ начертанныя на скрижаляхъ сердецъ понесшихъ кару, холоднаго, неумолимаго, нелицепріятнаго закона такія чувства и думы: вотъ какая правда на свѣтѣ,—мы, простецы и вѣрные послѣдователи своихъ учителей, томимся въ тюрьмѣ, переживаемъ скорбь разлуки съ милыми сердцу, съ роднымъ краемъ, оплакиваемъ нажитое крестьянскимъ потомъ и кровью и жизнію цѣлаго рода добро, которое должно пойти теперь за ничто,—переживаемъ ужасъ преддверія каторги и затѣмъ будемъ въ теченіе долгихъ, черныхъ годовъ переносить муки земного ада,—мрачной безпросвѣтной жизни въ Сахалинѣ... А гдѣ жъ наши учителя?

Отвѣтимъ справедливо негодующимъ: они живутъ свободно и довольною жизнію: кто въ родной странѣ въ своихъ родовыхъ палаццо, кто въ чужихъ краяхъ, но за коштъ родовыхъ имѣній, а кто на средства, получаемыя за свой вольный, любимый трудъ... Впрочемъ, справедливость требуетъ оговорки: учителя и единомышленники не остались безучастными къ тяжкой участи потерпѣвшихъ послѣдователей-простецовъ; они, чѣмъ могли, помогли: одни матеріальными подачками на улучшение пищевого довольства заключенныхъ въ тюрьмѣ и

нужды, другіе говорятъ, пишутъ и негодуютъ противъ Церкви и государства, суда и власти. Но нѣтъ, этимъ, господа сектаторы и сектофилы, — не искупить замъ своихъ винъ и грѣховъ предъ павловцами и вообще предъ народомъ, сбитымъ и оторваннымъ вами съ родного вѣкового корня православія; тьмою сектантства не освѣтитъ мрачныхъ сторонъ и закоулковъ народной жизни. Изъ вражды и ненависти не выростетъ любовь христіанская. Изъ анархіи, хотя бы и церковной, ничего нельзя ожидать, кромѣ беспорядковъ. Тутъ нуженъ свѣтъ Христовой истины, чистой евангельской правды, терпѣнія христіанскаго, а они только въ Церкви.

Вы отрываете народъ отъ Церкви и устоевъ православной вѣры и жизни, вы перевертываете всю душу, весь строй жизни отщепенцевъ на новый ладъ. Но что даете имъ въ замѣнъ, на какихъ устояхъ обосновываете вы новую жизнь этой новой сектантской генерациі русскаго народа?

Тысячелѣтняя исторія жизни православнаго народа ничего подобнаго павловскому святотатственному погрому не знаетъ за хранимымъ и руководимымъ Церковью народомъ. Посмотрите же на свое, созижденное въ Павловкахъ, зданіе: оно не простояло и 15 лѣтъ... Пришелъ на половину шарлатанъ, на половину маньякъ, совсѣмъ не мудрый, а лишь агадочный, и разомъ, какою-то шальной волною мистическихъ и анархическихъ бредней, снесъ до основанія все ваше рационалистическое нехристіанское построеніе и забросилъ вашихъ учениковъ въ каторгу... Не забывайте, что проповѣдь Тодосіенки, а затѣмъ и Павленки слушало множество православныхъ односельчанъ, на всенощныхъ мистеріяхъ сектантовъ въ послѣднее предъ погромомъ время присутствовала толпа православныхъ до 500 душъ,—они все слышали, видѣли и знали, и почему же ихъ не захлестнула эта волна экзальтаціи и болѣзненнаго мистицизма и анархизма, а только однихъ вашихъ учениковъ?

Мы не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго проф. А. Θ. Гусева о призывѣ къ суду земному того виновника павловской трагедіи, который стоитъ уже предъ дверьми небеснаго суда и, давая въ февр. кн. „Мисс. Обзор.“ мѣсто извѣстному заявленію, остались въ отношеніи его, какъ altera pars; но скажите, положи руку на сердце, развѣ не вытравливаетъ гр. Толстой въ своихъ послѣдователяхъ чувствъ

уваженія къ святынямъ православія, развѣ не возбуждаетъ фанатизма, когда во многихъ мѣстахъ своихъ писаній цинично издѣвается надъ почитаніемъ храма, иконъ, крестовъ, мощей, говоря, что „попы заставляютъ вѣрить во все это, стремясь гипнотизировать народъ, не желая освободить народъ отъ дикихъ суевѣрій“ (Цар. Бож. 160—169 стр.). Припомните отвѣтъ Л. Н. Синоду, развѣ не способны вызвать взрывъ фанатизма у тѣхъ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, тѣ слова, гдѣ Толстой говоритъ такъ: „Если бы Христосъ пришелъ теперь и увидѣлъ, что дѣлается Его Именемъ въ Церкви, то, навѣрно, выкинулъ бы всѣ эти ужасные антимины и копыя, и чаши, и свѣчи, и иконы, и все то, посредствомъ чего они (священники), колдуя, скрываютъ отъ людей и Бога Его ученіе (т. е. правду)?! Почитайте также опубликованное въ апрѣльск. кн. „Мис. Обозр.“ 1898 г. (стр. 533) письмо кн. Хилкова къ одному изъ павловскихъ же крестьянъ, полное проповѣди фанатической нетерпимости къ святынямъ православія и къ „попамъ“, какъ „мошенникамъ“, извращающимъ и скрывающимъ отъ народа правду.

Вотъ Тодосіенко и Павленко, но уже по своему. по-мужицки, прямолинейно разсудили, какъ найти на землѣ правду въ Церкви запертую и рѣшили высвободить ее. И несчастные слѣпцы попали сами въ каторжную яму, вовлекли въ нее другихъ! А гдѣ первопричина-то, на комъ коренная, главная вина? Конечно, не на этихъ громилахъ и озорникахъ мужикахъ и бабахъ. Что они? Они—тьма, плоть, воспріявшая извнѣ призрачный свѣтъ, мятежный духъ, мучившій ихъ давно... Тодосіенко лишь огня подложилъ, подпалилъ горючій сектантскій матеріалъ...

Нѣтъ, господа, первая и главная вина, конечно, нравственная, лежитъ на всѣхъ тѣхъ, кто первый сбиль павловцевъ и имъ подобныхъ, въ ссылкѣ и тюрьмахъ томящихся за религіозныя преступленія, съ пути православія, кто развратилъ мирное ихъ міровоззрѣніе гораздо ранѣе Тодосіенки, и этимъ первовиновникамъ глубокимъ сномъ совѣсти не заспать вины предъ осужденными. Долго, долго будетъ раздаваться въ сердцахъ совратителей надрывающей душу стонъ хотя бы вотъ этихъ обездоленныхъ, осиротѣлыхъ дѣтей заключенныхъ: они съ протянутыми къ вамъ рученками будутъ скоро звать: „гдѣ наши отцы и матери.

братья старшіе, зачѣмъ вы ихъ совратили и тѣмъ сгубили, отдайте намъ нашихъ кормильцевъ, зачѣмъ и ихъ, и насъ вы лишили счастья и здѣсь на землѣ, и тамъ на небѣ,— проклятiе вашей пагубной вѣрѣ!»

Да, народъ сила стихійная, что вода, съ нимъ шутить нельзя, — прорвете плотину, — она снесетъ и смоетъ и то, чего въ своемъ безпочвенномъ доктринерствѣ лжеучители и не предполагаютъ... Но что больно, это то, что заигрыванія извѣстной части интеллигенціи съ народомъ, на почвѣ вопросовъ вѣры и просвѣщенія, — не искренни, ибо вытекаютъ не столько изъ безкорыстной любви къ меньшему брату, сколько изъ ненависти къ Церкви, какъ столпу и утверженію существующаго строя, а еще хуже—изъ замаскированнаго стремленія сдѣлать изъ народа орудіе въ своей борьбѣ и переоцѣнкѣ исконныхъ историческихъ началъ жизни Россіи; при этомъ соблазнитель народа не останавливаются надъ вопросомъ о жертвахъ, которыя несетъ народъ, въ видѣ всякихъ духовныхъ и матеріальныхъ мученій и лишеній. А вѣдь это не честно!.. Если бы апологеты раскола и сектанства могли быть безпристрастными и совѣстливо всмотрѣться въ горькіе плоды сектанства среди народа, то предъ ними развернулся бы іереминъ свитокъ, на которомъ написано „и рыданіе, и жалость, и горе“...

Знаменательное московское событіе 19 февраля повелительно выдвигаетъ на очередь обсужденіе рабочаго вопроса не съ профессиональной только точки зрѣнія, а и *церковно-миссіонерской*. Но объ этомъ поговоримъ особо и обстоятельно, а теперь отмѣтимъ юбилейную поминку по Гоголю.

Представители православной Церкви и духовныя школы съ особенною нѣжностью отнеслись къ чествованію памяти Н. В. Гоголя и съ чувствомъ искренней любви совершали молитву о немъ: ибо признаютъ его вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ сыномъ Церкви. Чтобы знать, какъ онъ смотрѣлъ на Церковь, достаточно вспомнить хотя бы нѣкоторыя выраженія изъ его писемъ: такъ, онъ назыв. Церковь правосл. „сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ“, свидѣтельствуешь, что только православная Церковь „въ непорочной первоначальной чистотѣ сохранила глубокіе догматы и наружныя обряды“, что „въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно-русской во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему настрою, всему направленію, всему за-

конная и вѣрная дорога“, что „Церковь истинно просвѣщаетъ всѣхъ“, что вліяніе ея нужно ввести въ свою жизнь, и что „защищать ее жизнью своей всѣ должны“. Съ искреннимъ уваженіемъ онъ отзывается о священнослужителяхъ православной Церкви, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ относится къ совершаемому ими богослуженію. Какъ это послѣднее ему нравилось, и какъ онъ его высоко цѣнилъ, видно изъ того, что Гоголь, какъ извѣстно, написалъ подробное изъясненіе божественной литургіи, которое вѣрностью взгляда и возвышенностью настроенія можетъ удовлетворить и образованнаго богослова.

Да, высокимъ, убѣжденнымъ христіаниномъ былъ этотъ великій писатель земли русской. Все, чему учить Церковь Христова, и что она желаетъ ввести въ жизнь своихъ чадъ, всецѣло признавалъ и Н. В. Гоголь. Кого не умиляетъ искренняя вѣра его во Христа, благоговѣйное почтеніе къ Слову Христову и вѣрное пониманіе дѣла Христова. Передъ идеаломъ христіанства: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѣ. 5, 48) Гоголь преклоняется, заповѣдью о любви къ ближнему, даже и къ врагамъ, онъ весь проникнуть, упованіе на промыслъ Божій его успокаиваетъ; вѣчность его укрѣпляетъ. Вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ онъ смѣло могъ сказать: „для меня жизнь—Христосъ“ (Фил. 1, 21).

Какое сходство литературнаго направленія и заслугъ предъ отчизной у почившаго Гоголя и умирающаго гр. Л. Н. Толстого,—и въ то же время, какая разница въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и отношеніи ко Христу и Церкви!

О, еслибы молитвенныя юбилейныя воспоминанія о вѣрующемъ Гоголѣ коснулись сердца болящаго Толстого и склонили бы гордый и мятежный духъ его, отверженнаго Матерью-Церковью, къ покаянію и примиренію! Праведникъ Гоголь—отецъ по литературному направленію своего талантливаго сына-еретика. „Много бо можетъ молитва праведника“—отца и „дерзновеніе Матернее—Церкви ко благосердію Владыки“, видимо, не хотящаго смерти грѣшника—Толстого!.

В. Скворцовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Дух. Цензури. Ком. печат. разрѣш. С. Петербургъ 12 марта 1902 года.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Типо-литографія В. Р. Комарова. Невскій 134

Архипастырекіе и пастырекіе призывы къ миссіонерскому служенію.

Въ религиозной жизни русскаго общества замѣчаются два явленія,—съ одной стороны, внутреннее отчужденіе большинства такъ называемыхъ интеллигентныхъ русскихъ людей отъ православной Церкви, хотя безъ прямого формальнаго отдѣленія отъ нея; съ другой—высшее напряженіе религиознаго чувства, „религиозное томленіе“ въ нѣкоторой части этого же общества. Поэтому наряду съ противорелигиозными и противоцерковными стремленіями крайнихъ элементовъ нашего общества, стремленіями, доходящими до открытой борьбы и проявляющимися часто въ легкомысленномъ издѣвательствѣ надъ всѣмъ, что дорого и свято для каждаго христіанина, мы видимъ въ современномъ свѣтскомъ обществѣ пробужденіе интереса къ богословскимъ вопросамъ, стремленіе къ разрѣшенію этихъ вопросовъ; даже „многіе изъ увлеченныхъ общимъ потокомъ невѣрія и отрицанія начинаютъ прислушиваться къ голосу вѣры“, стремятся сблизиться съ представителями Церкви, чтобы при ихъ помощи выйти изъ лабиринта, въ которомъ блуждаютъ. „Рѣшеніе религиозныхъ вопросовъ для многихъ изъ нихъ стало дѣломъ жизни и смерти“.

Безотрадную картину представляетъ и религиозная жизнь простаго народа. Поразительное религиозное невѣжество, доходящее до незнанія основныхъ истинъ православной вѣры,—явленіе обычное среди простаго народа. И въ настоящее время съ увѣренностью можно сказать, что большинство поселянъ со словами—Богъ Отецъ, Св. Духъ, Искупитель не соединяють никакихъ опредѣленныхъ представленій; иные изъ нихъ не знаютъ даже, Кто такой Христосъ; смѣшиваютъ Троицу съ Богородицей, плащаницу считаютъ женщиной; святителя Николая ставятъ выше Христа; священныя изображенія, по ихъ представленію, — боги. Кому не извѣстно,

какой часто бессмысленный наборъ словъ представляютъ молитвы, заученныя простолюдинами со словъ такихъ же темныхъ въ религіозномъ отношеніи лицъ, какъ они сами. Вотъ примѣръ такого искаженія самыхъ употребительныхъ молитвъ: лѣтъ десять тому назадъ черниговскіе переселенцы въ Приамурскомъ краѣ, при посѣщеніи ихъ поселка мѣстнымъ епископомъ, читали въ IV членѣ символа вѣры вмѣсто— „распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ“ такъ: „распятыхъ жезановъ примостыся стрѣляти“ (Черниг. Епарх. Вѣд.). Наряду съ полнымъ религіознымъ невѣжествомъ въ жизни простого народа замѣчается другое явленіе. Развитие заводской промышленности, привлекающее деревенскихъ жителей въ крупные промышленныя центры, гдѣ они приходятъ въ столкновеніе съ людьми самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ воззрѣній; развитие грамотности, занесшее въ деревню книги самого разнообразнаго содержанія и давшее народу возможность читать Евангеліе, которое теперь можно встрѣтить во многихъ крестьянскихъ домахъ, все это пробудило сознаніе народа, возбудило въ немъ желаніе дать себѣ отчетъ,—во что онъ вѣруетъ, истинна ли его вѣра, какимъ путемъ надежнѣе спастись... Народная масса находится въ броженіи, ищетъ выхода изъ того безпросвѣтнаго мрака, въ которомъ она блуждала. Дробленіе раскола на толки, возникновеніе все новыхъ и новыхъ сектъ, сектъ часто дикихъ и изувѣрныхъ, ясно свидѣтельствуешь о силѣ религіозныхъ запросовъ народа и о полной безпомощности его въ удовлетвореніи ихъ. И если пастыри Церкви не успѣютъ во-время овладѣть умомъ и сердцемъ русскаго народа, во-время удовлетворить его религіозныя запросы, то эта дѣвственная, не воздѣланная нива народная, готовая принять и произрастить всякое павшее на нее сѣмя, сдѣлается достояніемъ перваго энергичнаго фанатика—сектанта-пропагандиста; и жаждущій вѣры, жаждущій истиннаго религіознаго знанія русскій народъ принужденъ будетъ утолять свою жажду не изъ чистаго источника истины, текущаго въ Церкви Христовой, а изъ смраднаго источника сектантскихъ лжеученій.

Отмѣченные факты, т. е. пробужденіе интереса къ религіознымъ вопросамъ въ одной части интеллигентнаго общества наряду съ крайними проявленіями проти-

ворелигіозныхъ и противоцерковныхъ стремленій въ другой, — сильное напряженіе религіознаго чувства въ простомъ народѣ при глубокомъ его религіозномъ невѣжествѣ, свидѣтельствуютъ о важности переживаемаго момента... Долгъ пастырей Церкви Христовой не упускать этого благопріятнаго момента, послѣдить на встрѣчу религіознымъ запросамъ всѣхъ классовъ общества и въ то же время дружно противостать всѣмъ злоухищреніямъ враговъ Церкви. И лучшіе представители духовенства сознаютъ важность момента; изъ среды ихъ все чаще и чаще, все громче и энергичнѣе раздаются голоса, призывающіе къ дружной работѣ на нивѣ Христовой. Преосвященный Подольскій Христофоръ, изображая тревожное время, переживаемое нынѣ Церковью, говоритъ: „Діаволь ходитъ въ мірѣ не тайкомъ только и подъ покровомъ, подобно змію, но смѣло и открыто, яко левъ рыкая. Особенно нынѣ открыто, среди бѣлаго дня, никого не боясь, появляется онъ въ деревняхъ и городахъ, на улицахъ и въ трактирахъ, въ газетахъ и книгахъ, даже въ школахъ и храмахъ. Повсюду раздается его страшное рыканіе, приводя въ ужасъ маловѣрныхъ и малодушныхъ. Церковь Христова, съ Евангеліемъ о Сынѣ Божіемъ, душу Свою положившемъ нашего ради спасенія, стадо Христово, въ оградѣ Церкви пребывающее, вѣрою и таинствами для неба воспитываемое,—вотъ цѣль его нападеній; избранные рабы и чада Божіи, въ служеніи Богу и Церкви вѣрно подвижающіеся,—вотъ жертвы, намѣченныя врагомъ нашимъ, противъ которыхъ и направляется устрашающій голосъ его.

Прогрессъ, просвѣщеніе, свобода, равенство—вотъ смѣлый, властный, могучій голосъ, издавна и издалека раздающійся повсюду въ мірѣ,—голосъ, предъ которымъ въ безотчетномъ страхѣ одни падаютъ, не осмѣливаясь идти противъ неизбѣжности, другіе жмутся въ кучу, прячась другъ за друга, какъ дѣлаютъ животныя, слышавъ рыканіе льва. Во имя прогресса и просвѣщенія, во имя равенства и свободы врагъ нашего спасенія вооружаетъ людей науки противъ вѣры и Церкви, общество—противъ пастырей, учениковъ—противъ учителей, подданныхъ—противъ богопоставленной власти. *Князи людстѣи и судящіе земли*—не іудеи и не язычники, а лжебратія, хрістіане лжеименные,

собрался *вкупѣ* на Господа и на Христа Его и на Его св. Церковь, созданную для спасенія нашего. Тамъ левъ, превозносясь и превозносимый паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, отъ скверныхъ устенъ и отъ нечистаго сердца по дѣйствию сатаны во всеуслышаніе изрыгаетъ иное измышленное благовѣствованіе, духомъ и печатію антихриста запечатлѣнное; въ другомъ мѣстѣ единъ отъ князей падшихъ, вмѣсто свободы, которую даровалъ Христосъ, объявляетъ свободу совѣсти или произволь, открывая дверь въ стадо Христово волкамъ хищнымъ, а въ души христіанскія — страстямъ необузданнымъ; тамъ подвизаются слуги антихристовы, разрушая храмы и святыню оскверняя.

Поэтому, если когда, то нынѣ особенно долженъ возвышаться предостерегающій голосъ апостола: *трезвитесь и бодрствуйте*“ (Подольскія Еп. Вѣд.).

Одинъ изъ пастырей въ открытомъ письмѣ, помѣщенномъ на страницахъ „Православно-Русскаго Слова“, указывая на эти волненія переживаемыя Церковью, на дружную дѣятельность враговъ ея, ополчившихся „на Господа и на Христа Его“, обращается съ слѣдующимъ горячимъ призывомъ къ русскому православному духовенству: „Досточтимые пастыри и служители Церкви Христовой, мы дожили до тревожныхъ и смутныхъ временъ! Прискорбно это. Но мы знаемъ что здѣсь, какъ и во всемъ, воля Божія, попущеніе Божіе.

Вотъ толстовщина, сисящая своимъ ужаснымъ, но хитрымъ ученіемъ ниспровергнуть все, что дорого истинно-русскому православному человѣку: Церковь, Богомъ учрежденную власть, законы и порядки. Вотъ различныя секты и расколы, раздирающе Церковь Божію. Вотъ дерзновенныя поползновенія нашей образованной интеллигенціи, воспитавшейся внѣ церковныхъ правилъ и начитавшейся безъ разбора западной безбожной литературы, предводимой разными Ренанами, Штраусами, Шопенгауэрами, Ницше и Гарнаками. Вотъ русская учащаяся молодежь, извѣдавшая всю сатанинскую сладость безграничнаго, разнузданнаго вольно-

мысля и безшабашнаго задора, готовая идти въ своемъ болѣзненномъ опьяненіи туда, куда толкають ее большею частью заграничныя безбожники и революціонеры... Все это—ополченіе „князя міра сего“. Все это ополченіе сплотилось, вооружилось и въ дикомъ ожесточеніи и самозабвеніи, съ шумомъ и крикомъ идетъ „на Господа и на Христа Его“!.. Мы слышимъ этотъ крикъ, мы слышимъ эти дикіе возгласы, видимъ безобразное оружіе и дреколіе, мелькающіе зловѣщіе огни дымящихся факеловъ... Да, Христосъ снова предается въ руки грѣшниковъ, снова кричитъ эта сбродная толпа ненормальныхъ людей: „Распи, распни Его!“...

А мы, что же? Мы—ученики и апостолы Его—готовимся ли защитить своего Учителя и Господа? Достаточно ли бодрствуемъ и держимъ „стражу ночную“? Почему мы не предупредили этотъ непріязненный походъ противъ Господа? Нѣтъ ли среди насъ Іудъ предателей? Иначе, откуда же все это? Не повторяется ли и въ насъ то же, что было девятнадцать вѣковъ тому назадъ въ саду Геосиманскомъ, когда Господь въ послѣдній разъ молился со Своими избранными апостолами: „И пришедъ ко ученикомъ, и обрѣте ихъ спящихъ, и глагола Петрови: „такъ ли не возмогосте единого часа побдѣти со Мною?“ (Матѣ. XXVI, 40). Вслушаемся поллучше въ голосъ совѣсти нашей, не звучать ли въ немъ кроткіе и вразумительные упреки Господа нашего: „спите прочее и почивайте: се, приближися часъ, и Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ“... (ст. 45)? Увы, къ сожалѣнію и прискорбію, есть признаки, пѣхожіе на это!

Въ то время, какъ враги Церкви Христовой вооружались и готовились въ походъ,—многіе изъ насъ спали и почивали. Въ то время, какъ „князи людстїи“ собирались „*окупъ*“ на Господа и на Христа Его,—мы достаточно ли хлопотали о братствѣ и крѣпкомъ единеніи между собою? Въ то время, когда враги передъ нами публично издѣвались надъ святѣйшимъ и премудрѣйшимъ домостроительствомъ Божїимъ, надъ столпомъ истины, Церковію православною,—всегда ли мы показывали себя безстрашными и честными ревнителями вѣры? достодолжнымъ ли образомъ „исповѣдывали Господа предъ челоуѣки?“ Когда врученное намъ стадо старались распудить волки,—всегда ли мы являли себя истинными пастырями и не бѣгали ли, яко наемники?

Когда русская періодическая печать, монополизируемая евреями и разными спекулянтами, старалась всячески извратить, затемнить и оклеветать ученіе Церкви православной передъ десятками, сотнями тысячъ своихъ читателей,— часто ли мы отверзали уста свои, чтобы обнаружить недостойную ложь и посрамить нечестивыхъ?.. И вотъ теперь... „народъ много со оружіемъ и дрекольми“ двигается, какъ страшная лавина, на Господа, Церковь Его и на насъ!.. Что же мы, отцы и братія, „разыдемся“? Опять, „все оставльше Его, бѣжимъ?“.. Но куда? къ кому? зачѣмъ?..

Нѣтъ, нѣтъ! Сего не будетъ больше! Прочь отъ насъ малодушіе! Довольно подъ видомъ смиренія скрывать робость! Неумѣстно намазать главу свою елеемъ, когда надъ нею занесенъ вражескій мечъ! Церковь Божию огнемъ жгутъ, остриемъ посякаютъ,—а мы будемъ въ бездѣйствіи ублажать себя лишь надеждою, что „и врата ада не одолѣютъ ея“. Нѣтъ, пора и намъ извлечь мечъ духовной и облечься во вся оружія Божія (Еф. VI, 11, 17).

Пора намъ возвысить свой православно-русскій голосъ. смѣлый и твердый, въ защиту истины, въ защиту единственнаго драгоцѣннѣйшаго сокровища православной Руси. Успѣхъ нашего дѣла будетъ зависѣть, конечно, прежде всего, отъ помощи Божіей, но также и отъ нашего къ нему отношенія, отъ нашей энергіи и ревности. Не посрадимъ самихъ себя и своего званія; не подадимъ еще новаго повода врагамъ нашимъ ругаться и издѣваться надъ нами, надъ нашею слабостью, неподготовленностью къ борьбѣ, недостаткамъ единодушія и взаимно-братскаго сочувствія. Не станемъ малодушно и лѣниво отнѣкиваться, ссылаясь на недостатокъ средствъ, недосугъ, сомнительность успѣха или пользы дѣла. Не станемъ хитро уклоняться и лукаво кивать на другихъ: это, дескать, не про насъ пишется, а нато не стоитъ отвѣчать, а вотъ въ томъ-то и томъ-то мы вовсе не виноваты и т. д. Нѣтъ, подобнаго не должно быть между нами ничего. Свѣтская интеллигенція хотя и берется въ наше время за рѣшеніе иногда весьма крупныхъ и серьезныхъ религіозно-правственныхъ вопросовъ, но берется въ сущности не за свое дѣло и не въ состояніи сдѣлать то, что сдѣлать должны и можемъ мы, представители Церкви и ея православно-русскаго слова. „Вы есте соль земли“,

говорить намъ Спаситель и Глава нашей Церкви,—„аще же соль обуяетъ, чимъ осолится?“ Вѣдь послушайте, какой крикъ и шумъ идетъ отъ неправославнаго и нерусскаго лагеря. Ужели мы втихомолку, и какъ бы сторонясь, что-нибудь тутъ можемъ подѣлать? Нѣтъ, намъ надо какъ можно громче сказать православно-русское слово, чтобы было слышно не только всему вражьему стану, но и тѣмъ мирнымъ людямъ, которыхъ этотъ станъ собой заслоняетъ отъ истины.

А для этого мы всѣ должны сплотиться и образовать фактически единый духъ и единое тѣло.

Итакъ, образуемъ твердый оплотъ противъ надвигающейся вражьей силы и тѣмъ исполнимъ свой долгъ и откликнемся на призывъ нашего Пастыреначальника: „*Встаните, идемъ*“. Проснемся отъ тяжелаго сна, смежающаго наши очи, сбросимъ съ себя обуявшую насъ духовную безпечность, освободимся нѣсколько отъ формальныхъ лишь попеченій и узко-практическихъ интересовъ! Подумаемъ побольше и о томъ, что *едино есть на потребу!* Выступимъ на святое дѣло защиты Христовой истины и нашей Матери—православной Церкви, послужимъ великой миссиіи духовно-нравственнаго просвѣщенія не простого народа только съ кафедры церковной, но и образованныхъ классовъ путемъ печатнаго слова!“.. (Правосл.-Русское Слово).

Правда, по неложному обѣтованію Спасителя, врата ада не одолѣютъ Церкви Его; слѣдовательно, всѣ ухищренія враговъ ея не страшны для нея,—ни Толстой, ни толстовцы, ни другіе сектанты и раскольники не могутъ угрожать ея неодолимости, *ибо не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ*; истину, хранимую Церковью не могутъ затопить еретическія лжеученія. Оглядываясь на протекшую жизнь Церкви, мы видимъ, что волновавшія ее ереси исчезли безслѣдно. Разрушеніе, гибель, исчезновеніе—удѣлъ и современныхъ лжеученій. Но можемъ ли мы успокоиться на этомъ? Нѣтъ. Если неодолима Церковь Христова, если нерушима цѣлость вѣры ея, то неужели не больно для насъ смотрѣть на разореніе храма души немощныхъ братьевъ нашихъ, увлекаемыхъ лжеучителями, погрязающихъ во тьмѣ религіознаго невѣжества и фанатизма? Можемъ ли мы равнодушно смотрѣть на гибель многихъ душъ, искупленныхъ Кровію Христа, если

на обязанности нашей лежитъ возвращеніе и одной заблудшей овцы? Нѣтъ: долгъ добрыхъ пастырей не только пасти здоровыхъ овецъ, но и лѣчить больныхъ, спасти погибающихъ“... (Подольскія Епарх. Вѣд.).

„Но обращать къ спасенію заблудшія души, говоритъ Пресвященный Антоній въ своихъ руководственныхъ наставленіяхъ пастырямъ Уфимской епархіи,—есть дѣло величайшей трудности, и оно является возможнымъ только для такого наставника, который, будучи самъ исполненъ духовной ревности, живетъ одною жизнью со своими учениками. Только тотъ учитель можетъ наполнять души учениковъ своими мыслями и чувствами, кто всякаго изъ нихъ принимаетъ, какъ своего родного сына, знаетъ, жалѣетъ и любить всякаго ученика. Безъ этихъ условій не можетъ быть существеннаго вліянія учителя на учениковъ. Тѣмъ болѣе въ пастырскомъ дѣлѣ священника.

Смѣшно даже надѣяться на то, что измѣнится въ своихъ взглядахъ и въ своемъ бытѣ народъ, склонный къ магометанству, язычеству или расколу, если его пастырь не сближается съ каждымъ домомъ своей паствы, если онъ тяготеетъ и гнушается постояннымъ общеніемъ съ сѣрыми мужиками, если считаетъ свой долгъ исполненнымъ, отслуживъ кое-какъ воскресную службу и являясь на требы по приглашенію. Христіанство не есть сборникъ церковныхъ проповѣдей или учебникъ по закону Божію, а молитвенная, любвеобильная, цѣломудренная, смиренная и благодатная жизнь. Гдѣ эта жизнь засвѣтится около храма Божія, тамъ всѣ, прикасающіеся къ ней, исключая отъявленныхъ злодѣевъ, стремятся эту жизнь усвоить и охотно повинуются гласу ея проповѣдника, какъ разъяснилъ намъ Господь въ притчѣ о „доброму пастырѣ“. Мірянинъ, нетвердый въ вѣрѣ, только тогда повлечется къ ней своей душой, когда пойметъ, почувствуетъ, что представитель вѣры его жалѣетъ, безкорыстно любитъ и печется о его душѣ. А убѣдить въ этомъ людей, особенно людей простыхъ, нетрудно тому, кому свойственны подобныя священныя чувства. Не много для этого значитъ богословская ученость или начитанность въ полемикѣ. Лучше всякой учености раскроетъ людямъ силу Христовой благодати тотъ, кто принимаетъ безкорыстное участіе въ душевномъ горѣ, а также и въ житейскихъ

нуждахъ ближняго. И пусть никто здѣсь не оправдывается собственной бѣдностью. Если священникъ или псаломщикъ жалѣеть потерпѣвшаго крестьянина въ его нуждѣ, то всегда можетъ утолить эту нужду при помощи добрыхъ людей, если подастъ тому примѣръ, хотя малой лептой, и пригласить къ тому же другихъ. Да и помимо прямыхъ благодѣяній одно только сердечное вниманіе въ жизни прихожанъ, одно только участіе къ каждому изъ нихъ,—вотъ что открываетъ двери сердце чловѣческихъ служителю слова.

Но скажутъ: вы хотите, чтобы мы оужичились, чтобы слились съ этой грубой средой? Зачѣмъ же мы учились и для того ли старались выйти изъ этой среды, чтобы снова въ нее погрузиться?—Неправда, друзья мои! Если вы будете изучать жизнь, то узнаете, что тупѣютъ и теряютъ свою просвѣщенность не тѣ, которые, подобно боговидцу Моисею, возвращаются служить народу своему отъ мудрости египетской и отъ созерцанія божественной купины, но тѣ, которые стараются упрочить благополучіе собственной жизни и лѣпятся къ высшимъ кругамъ жизни, ведя постоянную борьбу за земное счастье; они подвергаются той же участи, какъ насѣкомья, дѣлающіяся паразитами на другихъ, высшихъ животныхъ. Объ этихъ послѣднихъ естествоиспытатели говорятъ намъ, что они, переставъ работать и подвергаться опасности, лишаются большей части своихъ благороднѣйшихъ членовъ (глазъ, крыльевъ, ногъ) и всѣ отправления жизни своей ограничиваютъ питаніемъ.

Напротивъ, люди, добровольно обращающіе свое сердце и свое вниманіе къ низшимъ, уподобляются ангеламъ, пекущимся о насъ — грѣшныхъ съ высотъ небснаго царства, уподобляются Царю ангеловъ, *Иже не восхищеніемъ нещева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Фил. II, 6—7). И эти люди бываютъ наблюдательны, остроумны, краснорѣчивы и любознательны. Говорить съ ними бываетъ полезнѣе, чѣмъ читать умную книгу, потому что они знаютъ то, что всего выше и цѣннѣе подъ солнцемъ, т. е. законы чловѣческаго сердца.

Это есть та философія жизни, которую содержитъ и святая Библия, и которая намъ разъясняетъ и самую Библию, когда мы читаемъ ее. Эту философію жизни можетъ изучать всякій, даже малограмотный причетникъ, если только по-

святить себя своему народу. Такимъ же причетникомъ былъ и великій Стефанъ Пермскій, но, возлюбивъ человѣка, посвятить себя человѣчеству, онъ цѣлый огромный народъ приобрѣлъ Христу.

Начинайте сближеніе съ народомъ въ простыхъ бесѣдахъ съ тѣми семействами, которыя сами расположены къ тому, а затѣмъ мало-по-малу будутъ о васъ узнавать и прочіе дома прихожанъ, и сперва изъ любопытства, а потомъ ради духовной пользы обращаться къ вамъ. Конечно, надо постараться заранѣе о томъ, чтобы всякій разговоръ вашъ съ прихожаниномъ былъ бы для него назидателенъ. Это было легко прежнимъ дореформеннымъ іереямъ и псаломщикамъ и даже ихъ женамъ, потому что всѣ они были начитаны въ Четій-Минеяхъ и могли на каждое обстоятельство человѣческой жизни привести повѣствованіе изъ жизни святыхъ,— а вѣдь таковъ наилучшій способъ наставленія вѣрующей и даже маловѣрующей души простолюдина. Но и теперь, при добромъ желаніи, не трудно наставлять и утѣшать народъ Божій посредствомъ издаваемыхъ брошюръ духовнаго содержанія, могущихъ, если не вполнѣ, то хотя отчасти, на первое время замѣнить устное изложеніе истинъ, почерпаемыхъ изъ сокровищницъ жизни угодниковъ.

Въ частности, по отношенію къ принадлежащимъ святой Церкви или отпадающимъ отъ нея, полезно говорить о тѣхъ нравственныхъ истинахъ жизни, которыя неоспоримы и дороги для всѣхъ людей безъ различія. Не нужно на первыхъ же порахъ касаться тѣхъ предметовъ вѣры и жизни, которые составляютъ предметъ спора или сомнѣній. Если вы будете имѣть возможность читать старовѣрамъ священныя книги и если будете сами представлять собою примѣръ благочестія и твердо содержать чинъ православной службы и православный строй жизни, то будьте увѣрены, что обычное ожесточеніе раскольниковъ противъ истинной Церкви уже на половину смягчилось, и вотъ скоро, очень скоро они сами начнутъ васъ спрашивать о своихъ сомнѣніяхъ въ вѣрѣ, уже безъ предубѣжденія, безъ прежней злобы.

И кто безъ гордости и раздраженія, а смиренно и съ молитвой, съ безкорыстною ревностью, *не искій, яже своя, но яже Господа Исуса*, обратитъ сердце свое къ тому, чтобы жить для народа, тотъ не будетъ посрамленъ Богомъ въ своемъ

трудѣ. Вѣдь надо откровенно сказать, что за послѣднія 200 лѣтъ народъ нашъ былъ заброшенъ и предоставленъ самому себѣ. Просвѣщенные слои общества жили интересами Европы и своего сословія, хотя и говорили много о бѣдномъ мужичкѣ, котораго на самомъ дѣлѣ не знали и не любили. Вамъ, собратіямъ клира Господня, не нужно искать доступа къ сердцу народному; къ вамъ оно само стремится всѣми силами, только не отвергайте его“ (Уфим. Епарх. Вѣд.).

Къ этой же просвѣтительной, чисто миссіонерской дѣятельности на нивѣ народной призываетъ тотъ же просвѣщенный архипастырь и юныхъ питомцевъ семинарій—будущихъ пастырей.

„Юные други мои, обладающіе мягкимъ, простымъ сердцемъ русскаго семинариста!—такъ отечески любовно и задушевно-трогательно взываетъ владыка.—О, не будьте чужими народу своему! Любите нашу землю, нашу мать, русскую землю и всѣхъ, кто на ней! Пусть праздные юноши столицъ болтають безъ разума и сознанія о нуждахъ мужика, о его угнетеніи, болтають среди бутылокъ въ увеселительныхъ садахъ, не видя и не зная ни мужика, ни его нужды, и нуждаясь сами въ духовномъ просвѣщеніи болѣе, чѣмъ послѣдній мужикъ. А у васъ эти мужики предъ глазами. Не устраняйтесь отъ нихъ, не ищите себѣ иныхъ путей дѣятельности, когда нива Божія уже готова къ жатвѣ вашей! Этими вы не только исполните долгъ своего бытія на землѣ предъ народомъ, который вывелъ васъ въ люди своими копеечными свѣчами въ церковь, но и собственное свое нравственное развитіе поставите на твердую почву. Тогда вы будете помнить, что *„куплены дорогою цѣною“*, и не станете отдавать себя въ рабство страстей, считая себя обязанными отдать на служеніе духовной жизни младшихъ братьевъ нашихъ. Вспоминайте слова апостола: *„неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя въ рабы для послушанія, того вы и рабы, кому повинуетесь, — или рабы грѣха къ смерти, или послушанія къ праведности“* (Рим. 6, 16). А такое порабощеніе себя праведности, которой плодъ *„есть святость, а конецъ жизнь вѣчная“* (22), для людей молодыхъ почти невозможно на однихъ отвлеченныхъ отъ личной жизни истинахъ и, напротивъ, весьма доступно въ сознаніи своей нравственной связанности съ народомъ на почвѣ благотворенія христіанскаго.

Такъ герой одной свѣтской повѣсти нашего лучшаго писателя однажды въ рѣшительный день своей жизни колебался между преступленіемъ и подвигомъ правды. Хотя онъ имѣлъ и чуткую совѣсть, но душа, ослабленная грѣховными страстями, не находила мужества покориться долгу своему и идти на заслуженную казнь или кару. Но вотъ ночное сновидѣніе укрѣпило борющагося страдальца. Онъ вдругъ увидѣлъ себя несущимся по русскимъ дорогамъ мимо большихъ селъ и деревень во время народнаго бѣдствія. Мужчины и женщины протягивали къ нему исхудалыя руки, прося хлѣба, а другіе поднимали къ нему малыхъ младенцевъ, тоскливо плакавшихъ отъ голода. Проснулся этотъ человѣкъ и понялъ, что, поставленный выше народа въ этой жизни, онъ долженъ служить ему, онъ понялъ, что не можетъ онъ самъ распоряжаться своею жизнью и подавлять свою совѣсть страстями, потому что онъ связанъ со многими тысячами другихъ людей, которымъ долженъ воздать любовь и помощь, а воздать любовь не можетъ тотъ, кто пятнаетъ душу свою преступленіями, хотя бы и чисто личными, хотя бы и тайными; онъ становится сухъ, себялюбивъ, тяжелъ даже для тѣхъ, къ кому спѣшить на помощь. И вотъ послѣ такихъ видѣній и размышленій побѣждено было преступное малодушіе, и человѣкъ тотъ съ великимъ умиленіемъ сталъ готовиться къ пріятію заслуженныхъ страданій.

Такими же побѣдителями юношескихъ страстей и вообще себялюбія житейскаго явитесь и вы, юные други, если души ваши растворятся жалостію, озарятся любовью къ духовно голодающему нашему народу. Не говорю уже о томъ, что и умственное развитіе ваше, ваше пониманіе жизни, исторіи, психологіи и особенно христіанства, при этомъ условіи поднимутся до несравненной высоты предъ равнодушными къ ближнему молодыми книжниками.

Конечно, не мгновенно, не здѣсь, на людномъ собраніи, а въ уединенномъ размышленіи совершается тайна рожденія духовной жизни нашей, опредѣляются добрыя или грѣховныя склонности характера и жизненныхъ цѣлей.—Вотъ въ эти-то важнѣйшіе, въ эти страшные моменты бытія своего вспоминайте, друзья мои, о нашей смиренной деревнѣ, о сельскомъ храмѣ и свѣтлой заутренѣ, о добрыхъ лицахъ нашихъ крестьянъ.

Тогда отлетитъ отъ васъ помысль горделиваго удаленія отъ народа, стремленіе къ барству, къ пятитысячнымъ окладамъ, къ званію свѣтскаго чиновника, къ интересамъ свободнаго туриста.—Тогда познаете вы темную ложь всѣхъ обольщеній юности, вамъ противенъ станетъ развратъ и горделивое непослушаніе Церкви. Тогда познаете вы, что именно въ этомъ себялюбіи и развратѣ, не желающемъ признаться въ своей порочности, лежитъ, по слову Христову („въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ“), основаніе сперва религіознаго равнодушія, а затѣмъ и невѣрія, старающагося запутать надежду учености и въ то же время не желающаго никогда знать того, что говоритъ наука въ защиту вѣры.

Скажу о себѣ, что никогда голосъ совѣсти съ такою силою не вопіетъ въ моей душѣ, какъ во время объѣзда приходовъ среди колѣнопреклоненнаго предо мною народа, который въ смиреніи своемъ гораздо ближе къ Богу, чѣмъ мы—грѣшныя. Каковъ же долженъ быть тотъ, предъ кѣмъ простираются ницъ эти дѣти Божіи, думаю я въ это время, и скорбь о согрѣшеніяхъ своихъ я переживаю тогда съ такою силою, какъ будто мыслю себя на страшномъ судѣ.—А какою благодарностію воздаютъ эти дѣти Божіи даже за каплю духовнаго участія къ нимъ, за самое немудрое слово любви и назиданія! Поистинѣ, еслибъ вы хотя десятую часть той благодарности питали къ вашимъ наставникамъ, то почитались бы самыми образцовыми учениками. Любите же, братіе, народъ, любите землю нашу, нашъ край. Итакъ, союзомъ любви связуемы, владычествующему надъ всѣми Христу себе возложше, отдайте себя на служеніе братіи Его, просвѣщайте сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, не отрекайтесь пить чашу Его и креститься Его крещеніемъ, да будете первыми во царствіи Его, со Іоанномъ и Іаковомъ и всѣми апостолами“ (Уфимскія Епарх. Вѣд.).

Такимъ образомъ любовь къ народу, знаніе жизни его и тѣсная нравственная связь съ нимъ—вотъ необходимыя условія успѣха пастырско-просвѣтительной миссіонерской дѣятельности среди него. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ совершенная рознь въ понятіяхъ и жизни пастыря и пасомыхъ. То же нужно сказать и относительно религіозно-просвѣтительной дѣятельности пастырей среди интеллигентной части общества. Глубоко вѣрно трактуетъ о семъ одинъ изъ

іереевъ Смоленской епархіи. Миссія среди интеллигенціи — одна изъ настоятельнѣйшихъ потребностей нашего времени, одна изъ священнѣйшихъ обязанностей пастырей Церкви. И это не новая обязанность, не новое призваніе для духовенства, а одна изъ исконныхъ обязанностей его, — „никогда пастырь не долженъ былъ смотрѣть на интеллигенцію, какъ на овецъ съ чужого двора“. Но каковы же пути и средства пастырскаго воздѣйствія на интеллигенцію? Припомнимъ, какъ правдиво писалъ на этотъ счетъ на страницахъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» одинъ изъ интеллигентовъ: „когда сойдутся дѣти общества и дѣти Церкви, силы ихъ равны, хотя и разнородны: у первыхъ сила свободы и знанія, у вторыхъ—сила установившейся, традиціонной вѣры. Они и должны говорить, какъ равные. А свою истинную силу, свой „*пмосъ*“, живую, дѣйственную вѣру, дѣти Церкви должны еще намъ показать, доступно для насъ проявить, а иначе сила эта будетъ для насъ потеряна и останется надъ нами безвластной, какъ была доселѣ. Служитель религіи долженъ сказать намъ: да, въ стремленіи къ свѣту, къ свободѣ, къ познанію—вы правы; все это есть и у насъ, вы видите; но у насъ, *къ этому*, есть еще и другое: смотрите! Можетъ быть, это то, чего вы жаждете. А если къ намъ придетъ „миссіонеръ“ со „снисходительнымъ“ сознаниемъ своего превосходства и желающій нашего отреченія отъ насъ самихъ, обѣщая лишь что-то въ *затмѣнъ*,—такой посланникъ не утѣшитъ и не спасетъ ни единого изъ насъ, теперешнихъ, отъ смерти“. Такимъ образомъ жизнь, согласная съ возвышенными принципами проповѣдуемой нами религіи, *жизнь во истинѣ*, и самоотверженное взысканіе заблудшихъ, взысканіе, вытекающее изъ отеческой любви къ погибающимъ—вотъ вѣрное средство къ воздѣйствію на невѣрующихъ. „Надо любить, чтобы подвинуться къ краю и дальше края пропасти, отдѣляющей представителей Церкви отъ интеллигенціи“.

Въ вышеприведенныхъ словахъ интеллигента есть указаніе и еще на одно средство къ успѣшному воздѣйствію пастырей на интеллигенцію. „У насъ сила свободы и знанія, говоритъ интеллигентъ, у васъ (у духовенства) сила установившейся, традиціонной вѣры“. Слѣдовательно, интеллигенція ищетъ въ пастыряхъ Церкви не только людей

вѣры, но и людей образованныхъ. „Вотъ почему пастырямъ, и особенно молодымъ, не нужно думать, что окончивши семинарію, даже академію, они закончили свое образованіе, что семинарскими учебниками исчерпана вся богословская и общеобразовательная мудрость. Семинарія имъ дала лишь необходимую основу богословскаго и общаго образованія и намѣтила лишь схематически тѣ пути и источники, откуда и какъ они могутъ получить необходимыя свѣдѣнія при дальнѣйшемъ широчайшемъ своемъ самообразованіи. Слѣдовательно, по окончаніи курса священнику не должно отбрасывать въ сторону книги, а наоборотъ, непрестанно учиться и читать, образовывать себя не только богословски, но и науками гуманитарными. Только пастырь читающій, прислушивающійся къ современному теченію науки и литературы, можетъ вполне понять интеллигента, и быть вполне понятымъ съ его стороны; не даромъ же говорятъ интеллигенты: „дѣти Церкви, отойдя отъ насъ (отъ интеллигенціи), обособились; жизнь, какъ рѣка, разбилась на два русла,— посмотрите — создались даже два языка съ одинаковыми какъ будто, но разнозначущими словами, а чаще и совсѣмъ различными“. А у насъ, среди приходскихъ пастырей, нужно сознаться, нерѣдко бываетъ, что не только не замѣтно стремленія не отстать отъ свѣтскихъ въ общемъ образованіи и развитіи, но даже богословское образованіе сводится къ нулю: то, что пріобрѣтено въ учебномъ заведеніи, забыто, а заняться чтеніемъ и изслѣдованіями, по окончаніи курса, некогда и лѣнь. Пусть же помнятъ такіе пастыри, что интеллигентные пасомые потому и не идутъ на ихъ пастырскій зовъ, что не видятъ въ нихъ авторитетныхъ учителей. Пусть помнятъ, что на совѣсти ихъ лежитъ отвѣтственность за отчужденіе такъ называемой интеллигенціи отъ Церкви. Въ одномъ изъ своихъ трактатовъ гр. Толстой сказалъ, что „при словѣ „Церковь“ онъ ничего другого не можетъ представить, какъ нѣсколько тысячъ *невъжественныхъ*, жадныхъ, грязныхъ, косматыхъ людей, находящихся въ рабской зависимости отъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ же длинно-волосыхъ“. Конечно, это взглядъ крайній и человекъ озлобленнаго, врага Церкви. Но присмотримся къ себѣ, нѣтъ ли между нами такихъ богословски неразвитыхъ пастырей, которые не только боятся заговорить съ такъ называемой

интеллигенціей о вопросахъ вѣры и о недоумѣніяхъ интеллигенціи въ этой области, но даже считаютъ себя безсильными выступать на дѣло миссіи среди невѣжественныхъ раскольниковъ и сектантовъ и даже отклоняютъ испытующіе разговоры своихъ простыхъ православныхъ прихожанъ. Не есть ли эта робость, неувѣренность въ своихъ силахъ прямое свидѣтельство о малоосвѣдомленности пастыря въ сферахъ вѣры и богословскаго знанія,—свидѣтельство объ его малоначитанности, указаніе на то, что таковой пастырь мало „испытывалъ Писанія“.

Правда, въ деревенской обстановкѣ, въ своихъ тяжелыхъ трудахъ и сложныхъ пастырскихъ обязанностяхъ, борясь съ окружающей нуждой, приходской пастырь найдетъ для себя большое извиненіе и отчасти справедливо назоветъ свою отсталость невольной и трудно-поборимой. Но всеже не слѣдуетъ и въ деревнѣ покладать рукъ, нужно бороться съ препонами, памятуя, что подобное, не соответствующее своему назначенію, богословское и общее малоразвитіе въ лицѣ пастыря всеже глубоко ненормально, что пастырю должно быть свѣтильникомъ на горѣ, быть авторитетомъ въ дѣлѣ вѣры и богословскаго знанія для всѣхъ своихъ прихожанъ, какихъ бы классовъ общества они ни были и какое бы общественное положеніе ни занимали“ (Смоленскія Епарх. Вѣд).

О метрических книгахъ для раскольниковъ.

ПРОСЬ о метрической записи актовъ брака и рожденія имѣеть огромное значеніе въ семейной, бытовой и гражданской жизни раскола. Въ основѣ всего дѣйствующаго нынѣ о раскольникахъ законодательства лежатъ два закона: а) законъ 19 апрѣля 1874 г. о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ и б) законъ 3 мая 1883 г. о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ. Представляя собою двѣ половины одного общаго законодательнаго плана, предназначающаго Высочайше учрежденнымъ въ 6-й день февраля 1864 г. особымъ временнымъ комитетомъ по дѣламъ о раскольникахъ, помянутые законы составляютъ одно цѣлое, въ своей совокупности охватывающее всѣ стороны правовой жизни раскола и его отношеній къ православной Церкви и государству. Являясь актомъ Высочайшей милости въ отношеніи къ заблудшимъ чадамъ святой православной Церкви, эти законы вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ того требуетъ справедливость, поставляютъ сихъ чадъ въ строго опредѣленныя рамки правъ и отношеній и тѣмъ самымъ ограждаютъ достоинство Церкви и ея неприкосновенность отъ возможныхъ посягательствъ со стороны неприванныхъ, фанатичныхъ и слѣпыхъ вождей раскола. Всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя призваны защищать интересы православія, кому часто приходится по долгу и службѣ сталкиваться съ раскольниками и сектантами,—пастырямъ и миссіонерамъ,—необходимо быть хорошо знакомыми съ помянутыми законами, дабы всегда стоять на строгой почвѣ закона, въ исполненіи его находить для себя силу и поддержку, а отступленіемъ отъ него не повредить дѣлу православія и не содѣйствовать успѣхамъ раскола. Вѣдь сколько въ послѣднее время возникало въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ дѣлъ, вчиненныхъ при отсутствіи

формально-юридическаго состава преступленія или несоблюденіи требуемыхъ закономъ условий и т. п., которыя направлены были къ прекращенію, окончились оправданіемъ обвиняемыхъ, не получили движенія и т. д.! Для православныхъ эти дѣла служили соблазномъ, роняя авторитетъ власти и возбуждая ропотъ, а для раскольниковъ—поводомъ къ возвеличенію: „побѣдихомъ!“, „препрѣхомъ!“.. и толчкомъ къ пропагандѣ.

Въ приложенномъ къ мартовской книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ за текущій годъ Миссіонерскомъ календарѣ изложены дѣйствующіе о раскольникахъ законы, причемъ приведенъ полный текстъ закона 3 мая 1883 г. и изложена статья 78 законовъ гражданскихъ, выражающая существо закона 19 апрѣля 1874 г. ¹⁾, что „браки раскольниковъ приобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи, чрезъ записаніе въ установленныя для сего особыя метрическія книги, силу и послѣдствія законнаго брака“. Но законъ 19 апрѣля не только далъ содержаніе приведенной статьѣ законовъ гражданскихъ, но образовалъ ст. 931—954 Зак. о сост. (т. IX изд. 1899 г.) ст. 1585¹—1585⁸ Улож. о наказ. (изд. 1885 г.) и ст. 1356¹—1356⁹ Уст. гражд. суд. (т. XVI, ч. 1 изд. 1892 г.), излагающія правила: а) о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ, б) о порядкѣ веденія метрическихъ книгъ, в) о судопроизводствѣ по брачнымъ дѣламъ раскольниковъ и г) о наказаніяхъ. Означенными правилами затрогиваются и разрѣшаются такіе первостепенной важности вопросы, какъ, на примѣръ, вопросъ объ условіяхъ записи браковъ раскольниковъ, вопросъ о законности рожденія и тѣсно съ ними связанный вопросъ о самой принадлежности къ расколу и т. п. Особаго вниманія въ семъ отношеніи заслуживаютъ ст. 931—954 Зак. о сост.

Въ виду изложеннаго и въ дополненіе къ помѣщенному въ Миссіонерскомъ календарѣ обзорѣнію дѣйствующаго о раскольникахъ законодательства, мы и приводимъ здѣсь полный текстъ помянутыхъ статей закона о состояніяхъ, приложивъ къ нимъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ до нихъ относящіяся разъясненія Правительствующаго Сената и справки изъ законовъ.

¹⁾ Полный текстъ сего закона см. въ Полн. Собр. Зак. 1874 г. 19 апрѣля, № 53391.

Томъ IX Законовъ о состояніяхъ (изд. 1899 г.), книга вторая, глава вторая.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О метрическихъ книгахъ для раскольниковъ.

И. О порядкѣ веденія метрическихъ книгъ для раскольниковъ и о выдачѣ изъ оныхъ выписей.

931. Метрическія книги о рожденіи, бракѣ и смерти раскольниковъ ведутся: въ столицахъ—участковыми приставами, въ городахъ и уѣздахъ—помощниками исправниковъ, подъ наблюденіемъ исправниковъ, а въ городахъ, неподвѣдомыхъ уѣздной полиціи,—полиціймейстерами или помощниками полиціймейстеровъ, гдѣ таковыя назначены, подъ наблюденіемъ полиціймейстеровъ, по формамъ, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Примѣчаніе. Веденіе означенныхъ въ сей (931) статьѣ метрическихъ книгъ возлагается: въ городѣ Нарвѣ—на обязанность участковыхъ приставовъ, а въ губерніяхъ Прибалтійскихъ: въ уѣздахъ—на помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ, а въ городахъ—на полицейскихъ и участковыхъ приставовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—на полицейскихъ надзирателей (см. также Уст. о пред. и прес. прест. ст. 52).

932. Въ метрической записи о рожденіи означаются: имя рожденнаго, имена, отчества, фамилія и званіе родителей его, время заявленія полиціи о рожденіи, лица, заявившія объ ономъ, и бывшіе при томъ свидѣтели.

933. Всякая запись въ метрическихъ книгахъ подписывается чинами полиціи, предъ которыми сдѣлано заявленіе о рожденіи, бракѣ или смерти, а также лицами, сдѣлавшими заявленіе и бывшими при томъ свидѣтелями, если они грамотны. Подписи сдѣлавшихъ заявленіе и свидѣтелей въ самой метрической книгѣ не требуется, когда о рожденіи или смерти заявлено на основаніи слѣдующей 934 статьи.

934. Раскольникамъ, живущимъ въ селеніяхъ, предоставляется дѣлать заявленіе о рожденіи и смерти въ волостномъ правленіи, которое заноситъ оныя въ особую книгу, наблюдая при томъ правила, изложенныя въ статьяхъ 932 и 933. О сдѣланныхъ заявленіяхъ волостное правленіе обязано ежемѣсячно сообщать въ подлежащее полицейское управленіе для записи такихъ заявленій въ метрическія книги.

935. Въ концѣ каждаго года метрическія книги представляются уѣздными полицейскими управленіями въ гу-

бернское правленіе (въ городѣ С.-Петербургѣ и прочихъ градоначальствахъ — въ управленіе градоначальника, а въ городѣ Москвѣ — въ канцелярію оберъ-полиціймейстера), для надлежащаго обревизованія и храненія оныхъ.

Примѣчаніе. Ревизія и храненіе означенныхъ въ сейт (1935) ст. книгъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ принадлежитъ къ кругу обязанностей уѣздныхъ начальниковъ и полиціймейстеровъ, а въ г. Нарвѣ къ кругу обязанностей городского полицейскаго управленія.

936. Выписи изъ метрическихъ книгъ составляются по формамъ, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и выдаются частнымъ лицамъ, по просьбамъ ихъ, изъ полицейскихъ управленій или губернскихъ правленій (въ гор. С.-Петербургѣ и прочихъ градоначальствахъ—изъ управленія градоначальника, а въ г. Москвѣ—изъ канцеляріи оберъ-полиціймейстера), смотря по тому, въ какомъ изъ сихъ установленій находится въ то время книга, изъ которой дѣлается выпись.

Означенныя выписи имѣютъ для раскольниковъ то же значеніе, какое имѣютъ для православныхъ метрическія выписи о ихъ рожденіи (опред. Прав. Сената 17 марта 1887 г. № 2151).

937. Метрическія выписи о рожденіи выдаются или самому лицу, рожденіе котораго записано въ книгѣ, или родителямъ его, опекунамъ или попечителямъ; посторонніе, для полученія метрической выписи о чьемъ-либо рожденіи, должны быть уполномочены закономъ отъ того лица довѣренностію.

938. Выписи изъ метрическихъ книгъ выдаются и по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

939. Вторичная выпись изъ метрическихъ книгъ о рожденіи выдается только въ случаѣ утраты или истребленія первой.

940. Жалобы на неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ, какъ по веденію метрическихъ книгъ, такъ и по выдачѣ изъ нихъ выписей, приносятся: на исправниковъ и ихъ помощниковъ, на полиціймейстеровъ или ихъ помощниковъ—губернскому правленію, на участковыхъ приставовъ въ городѣ С.-Петербургѣ и на полиціймейстеровъ или ихъ помощниковъ въ прочихъ градоначальствахъ—градоначальнику, на участковыхъ приставовъ въ городѣ Москвѣ—Московскому оберъ-полиціймейстеру, на Московскаго оберъ-полиціймейстера—Московскому генераль-губернатору, а на губернскія правленія и градоначальниковъ—первому департаменту Правительствующаго Сената, съ соблюденіемъ при томъ общеустановленнаго для жалобъ на полицейскія мѣста порядка.

II. О метрической записи браковъ раскольниковъ.

941. Раскольникъ, желающій, чтобы бракъ его былъ записанъ въ метрическую книгу, долженъ увѣдомить о томъ письменно или словесно полицейское или волостное управленіе постояннаго своего мѣста пребыванія, съ означеніемъ имени, прозванія и состоянія обоихъ супруговъ.

942. По такому увѣдомленію (ст. 941) полицейское или волостное управленіе составляетъ особое каждый разъ объявленіе и выставляетъ оное въ теченіе семи дней, на видномъ мѣстѣ, при дверяхъ управленія.

943. Всѣ имѣющіе свѣдѣнія о препятствіяхъ къ записи объявленнаго брака въ метрическую книгу обязаны дать знать о томъ полицейскому или волостному начальству на письмѣ или на словахъ.

944. По истеченіи семи дней съ того дня, когда объявленіе было выставлено, полицейское или волостное управленіе выдаетъ лицу, заявившему желаніе записать свой бракъ въ метрическую книгу, свидѣтельство о томъ, что установленное выше статьею 942 объявленіе было сдѣлано, а равно о томъ, не было ли съ чьей-либо стороны заявлено о какомъ-либо препятствіи къ означенной записи, и если такое заявленіе было сдѣлано, то въ чемъ именно оно состоитъ.

945. Для записи брака въ метрическую книгу, оба супруга должны лично явиться къ указанному выше (ст. 931) должностнымъ лицамъ и представить выданное имъ свидѣтельство о сдѣланномъ объявленіи (ст. 944). Независимо отъ сего, каждый изъ супруговъ долженъ представить двухъ поручителей для удостовѣренія ими, что бракъ, о которомъ заявляется полици, не принадлежитъ къ числу воспрещенныхъ закономъ. Данное поручителями показаніе излагается на письмѣ и подписывается ими, а въ случаѣ неграмотности ихъ, тѣми, кому они довѣрятъ.

Поручители по такому браку, который на основаніи зак. гражд. не подлежалъ записи въ метрическую книгу, подвергаются наказаніямъ, на основаніи ст. 1553, 1556 и 1572 Улож. о нак. (Улож. о нак. ст. 1585).

946. Лица, желающія записать свой бракъ, обязаны представить разрѣшенія, установленныя статьями 6 и 9 законовъ гражданскихъ ¹⁾.

947. Предварительно записи брака въ метрическую книгу, отъ обоихъ супруговъ отбирается подписка въ томъ, что

¹⁾ Зак. гражд. ст. 6. Запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ или попечителей. — Ст. 9. Запрещается лицамъ, состоящимъ на службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, вступать въ бракъ безъ дозволенія ихъ начальствъ, удостовѣреннаго письменнымъ свидѣтельствомъ

они принадлежать къ расколу отъ рожденія ¹⁾ и не состоятъ въ бракѣ, совершенномъ по правиламъ православной Церкви или по обрядамъ другого признаваемаго въ государствѣ исповѣданія. Предшествовавшее записи брака исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ при семъ не подлежитъ.

За умышленно-ложное показаніе, данное заявившими о ихъ бракѣ при записи онаго въ метрическую книгу, въ томъ, что принадлежать къ расколу отъ рожденія и не состоятъ въ бракѣ, совершенномъ по правиламъ православной Церкви или по обрядамъ другого признаваемаго въ государствѣ исповѣданія, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 236 и 238 Улож. о нак. (Улож. о нак. ст. 1585).

948. Если къ записи брака въ метрическую книгу представится законное препятствіе, то полицейское управленіе, оставивъ сію записъ, составляетъ о томъ опредѣленіе, которое можетъ быть обжаловано въ порядкѣ, выше указанномъ (ст. 940).

Запись браковъ раскольниковъ въ метрическую книгу составляетъ единственный способъ доказыванія законности сихъ браковъ (рѣш. Прав. Сената 1874 г. № 86). Только въ томъ случаѣ, если раскольниками предпринято было все, требуемое закономъ 19 апрѣля 1874 г. для записи ихъ брака въ метрическую книгу, но имъ было въ томъ неправильно отказано, они могутъ доказывать, въ исковомъ порядкѣ, существованіе ихъ брака другими доказательствами („Зак. о сост.“ изд. Канторовича, стр. 618).

III. О метрической записи рожденія и смерти раскольниковъ.

949. Дѣти раскольниковъ подлежатъ записи въ метрическую книгу въ такомъ только случаѣ, если бракъ ихъ родителей записанъ въ такой книгѣ.

Примѣчаніе. Дѣти, рожденныя отъ раскольническихъ браковъ до 19 апрѣля 1876 года, могутъ быть записываемы въ метрическую книгу и въ томъ случаѣ, когда родились прежде записи брака ихъ родителей, если происхожденіе ихъ отъ брачнаго союза, вполнѣдствіи записаннаго, равно какъ время ихъ рожденія, будутъ удостовѣрены означенными ниже, въ статьѣ 952, свидѣтелями.

950. Записанныя въ метрической книгѣ дѣти раскольниковъ признаются законными.

Дѣти раскольниковъ признаются законными лишь въ случаѣ происхожденія ихъ отъ брака, записаннаго въ метрическую книгу (опред. Прав. Сената 24 апрѣля 1895 г. № 3134).

¹⁾ Принадлежащими къ расколу отъ рожденія почитаются тѣ раскольники, которые не были сами крещены и воспитаны въ православіи. Время отпаденія въ расколъ ихъ родителей и предковъ не имѣетъ въ семъ отношеніи никакого значенія (Ук. Прав. Сен. 11 дек. 1891 г. № 14740. «Мисс. Обзор.» 1900 г. декабрь, стр. 778—9).

Дѣти раскольниковъ, родившіяся до вступленія ихъ родителей въ бракъ, могутъ быть узаконяемы, на основаніи закона 12 марта 1891 г. (о дѣтяхъ узаконенныхъ), чрезъ бракъ ихъ родителей. (рѣш. Прав. Сен. 1895 г. № 17).

951. Заявленія о рожденіи, для записи въ метрической книгѣ, принимаются полиціею отъ самихъ родителей или одного изъ нихъ лично, или, по порученію ихъ, отъ кого-либо другого, съ тѣмъ, однако, чтобы дѣйствительность такого порученія была удостовѣрена двумя свидѣтелями. Въ случаѣ смерти обоихъ родителей, заявленія принимаются отъ опекуновъ малолѣтнихъ и вообще отъ лицъ, принявшихъ ихъ на воспитаніе.

952. Дѣйствительность происхожденія дѣтей отъ брака, записаннаго въ метрическую книгу, равно какъ и правильность заявленія о времени рожденія, должны быть подтверждены показаніями не менѣе двухъ свидѣтелей, которыми могутъ быть и упомянутыя въ статьѣ 951 лица. Самое обстоятельство, что бракъ родителей записанъ былъ въ метрической книгѣ, удостовѣряется представленіемъ выписи изъ оной или справкою въ самой этой книгѣ, буде книга находится тамъ же, гдѣ заявлено о рожденіи.

953. По прошествіи одного года со дня рожденія, оно уже не записывается въ метрической книгѣ, и законность онаго можетъ быть доказываема лишь по суду, на основаніи статьи 1356⁵ 1) Устава гражданскаго судопроизводства. Сіе не распространяется на случаи, указанныя въ примѣчаніи къ статьѣ 949.

Дѣти раскольниковъ, не внесенныя въ метрической книгѣ, но включенныя въ посемейные списки своихъ отцовъ, должны считаться приемышами послѣднихъ и пользоваться правами ихъ (рѣш. Прав. Сен. 28 февр. 1891 г. № 1392).

954. Запись о смерти вносится въ метрическую книгу по заявленію родственниковъ умершаго или постороннихъ, подтвержденному показаніями не менѣе двухъ свидѣтелей.

---

1) Ст. 1356⁵ Уст. гражд. суд.—Доказательствомъ рожденія отъ брака, записаннаго въ метрической книгѣ, служатъ сіи книги или засвидѣтельствованныя надлежащимъ порядкомъ выписи изъ нихъ. Когда же рожденіе не записано въ метрической книгѣ, или когда правильность сдѣланной въ сей книгѣ записи оспорена, то доказательствами признаются родословныя, городовыя обывательскія книги, ревизскія сказки, именные списки раскольниковъ, формулярные списки родителей и показанія свидѣтелей.

О расколѣ, сектантствѣ и миссіи по даннымъ статистики.

Г. Тихоміровъ въ статьяхъ „Московск. Вѣдомостей“, перепечатанныхъ у насъ въ мартовской кн., на основаніи статистическихъ данныхъ 1867 и 1897 годовъ, ясно и доказательно устанавливаетъ фактъ процентнаго уменьшенія, а не возрастанія нашего расколосектантства. Фактъ этотъ, надо думать, покажется очень многимъ неожиданнымъ и невѣроятнымъ, какъ показала далеко неточною и вся цифра нашего расколосектантства по переписи 1897 г. Для насъ лично скептическое отношеніе многихъ къ выводу г. Тихомірова представляется понятнымъ и легко объяснимымъ. Мы почему-то вообще очень недовѣрчивы къ себѣ и къ своимъ даже научнымъ изысканіямъ; а такъ какъ къ тому же въ своихъ, по духовному вѣдомству, опредѣленіяхъ количества раскольниковъ и сектантовъ мы сами видимъ нѣкоторую неточность, то отсюда у насъ, при недовѣрїи къ своимъ цифрамъ, какое-то смутное тяготѣніе принять на вѣру справедливость показаній свѣтскихъ писателей и даже самихъ раскольниковъ, опредѣляющихъ количества раскольниковъ не только не приблизительно, а прямо-таки гадательно,—какъ имъ хочется (напр., укажемъ на В. Кельсіева и г. Ѳ. М. въ „Нов. Вр.“ № 9269). А между тѣмъ положеніе г. Тихомірова совершенно основательно. Въ дополненіе къ его обоснованіямъ укажемъ лишь еще на то, что если въ 1867 г. ¹⁾ процентное отношеніе количества раскольниковъ къ общему числу населенія равнялось 1,32, то въ 1897 г. такое отношеніе возросло только до 1,85; разница за тридцати-лѣтній періодъ настолько незначительная, что даетъ полное право соглашаться съ г. Тихоміровымъ. Чтобы бы имѣть право не соглашаться съ его утвержденіемъ,

---

¹⁾ Беремъ количество лишь для губерній Европейской Россіи. Данные для 1867 г. заимствуемъ изъ «Военно-статистическаго сборника», в. 4. изд. 1871 г.

остается только не вѣрить въ истинность показаній статистики 1897 г. о количествѣ раскольниковъ. Но не вѣрить ей и полагаться на показанія самихъ раскольниковъ и др. писателей, мы не имѣемъ основаній.

У меня сейчасъ въ рукахъ данныя консисторій и миссіонеровъ о количествѣ раскольниковъ и сектантовъ за 1900—1901 годы изъ всѣхъ епархій Европейской Россіи, за исключеніемъ епархій Вятской, Новгородской, Пермской, Уфимской и Ярославской. Весьма интересно сопоставленіе ихъ съ данными по отдѣльнымъ губерніямъ переписи 1897 г. Изъ него открывается слѣдующій весьма любопытный выводъ: для 16 епархій показанія духовнаго вѣдомства и переписи 1897 г. совпадаютъ (максимумъ разницы плюса или минуса этихъ совпаденій брался только въ 1000); въ 12 случаяхъ показанія духовнаго вѣдомства выше таковыхъ же переписи 1897 и въ 14—показанія этой выше таковыхъ же духовнаго вѣдомства. При этомъ считаемъ нужнымъ отмѣтить то положеніе, что плюсъ для показаній духовнаго вѣдомства былъ для епархій—Черниговской 18 т., Тверской 8, Могилевской 6, Тамбовской 5, Пензенской 4, и для остальныхъ—3 тысячи. А цифра переписи 1897 г. превышала епархіальныя показанія въ епархіяхъ: Саратовской на 23 т., Костромской 16, Московской и Петербургской 9, Нижегородской и Рижской—8, Донской и Кіевской—7, Оренбургской (безъ Уральской области)—6, Виленской—4 и для остальныхъ отъ 3 до одной тысячи. Если же мы теперь подведемъ общіе итоги количеству раскола и сектантства по исчисленію его духовнымъ вѣдомствомъ и переписью 1897 г., то близость ихъ одного къ другому опять-таки поразительна. По исчисленію духовнаго вѣдомства въ Европейской Россіи, за исключеніемъ указанныхъ пяти епархій, всѣхъ раскольниковъ и сектантовъ будетъ приблизительно около 1.284,412 человекъ. По тѣмъ же губерніямъ, по даннымъ переписи 1897 г., раскольниковъ и сектантовъ будетъ 1.343.020, — разница, какъ видимъ, слишкомъ ничтожна.

Если же количество раскольниковъ и въ общихъ итогахъ, и по епархіямъ, по исчисленію ихъ духовнымъ вѣдомствомъ и по переписи 1897 г., болѣе или менѣе совпадаетъ, то не ясный ли это показатель, что мы исчисляемъ расколъ и сектантство вѣрно, и что его не 10 или 15 милліоновъ,

какъ то хочется выставить нѣкоторымъ, а именно столько, сколько его показываетъ и духовная, и свѣтская статистика...

Что касается разницы, иногда даже и громадной,—напр., въ 23 т. для Саратовской епархіи,—разницы въ цифрѣ количества раскольниковъ по исчисленію духовнаго вѣдомства и по переписи 1897 г., то объяснить ее можно только лишь гадательно. Вѣроятно, одна изъ причинъ этой разницы кроется въ томъ, что перепись застала далеко не всѣхъ жителей на мѣстахъ ихъ родины; отсюда увеличеніе количества раскола въ центрахъ сосредоточенія работъ: Москвѣ, С.-Петербургѣ, на Дону, въ Кіевѣ и т. под., и уменьшеніе въ Тверской, Пензенской и др. губерніяхъ. Другую изъ причинъ нужно искать въ скрытности сектантовъ въ однѣхъ епархіяхъ и извѣстности ихъ для духовенства въ другихъ. Есть, конечно, и другія причины; но для насъ какъ онѣ, такъ и самая количественная разница въ регистраціи раскольниковъ—не важны; важенъ фактъ совпаденія въ опредѣленіи количества раскольниковъ и сектантовъ по двумъ переписямъ ихъ...

Установивъ фактъ низкаго роста раскола и сектантства, г. Тихоміровъ одной изъ причинъ этого считаетъ „миссіонерскую дѣятельность Церкви“. Но такъ ли это? Доказательства этому у нашего автора нѣтъ; но у насъ подъ руками имѣются свѣдѣнія о количествѣ раскольниковъ по переписи 1897 г. и по даннымъ 1867 г. „Военно-статистическаго Сборника“. Попробуемъ сдѣлать опять нѣкоторыя сопоставленія этихъ двухъ цифровыхъ данныхъ, раздѣленныхъ 30-лѣтнимъ періодомъ времени; сопоставлять будемъ процентное отношеніе раскольниковъ и сектантовъ къ общему количеству населенія по губерніямъ.

Въ 13 губерніяхъ процентное отношеніе къ 1897 г. понизилось, а именно:

въ Донской	съ 7,55 на 5,07
» Олонецкой	» 1,20 » 0,81
» Ярославской	» 1,32 » 0,85
» Архангельской	» 1,91 » 1,80
» Витебской	» 5,78 » 5,57
» Воронежской	» 0,61 » 0,58
» Екатеринославской	» 0,51 » 0,44
» Лифляндской (Рижск. еп.)	» 1,44 » 1,25
» Могилевской	» 1,84 » 1,35

въ Московской	съ 4,74 до 4,01
» Орловской	» 0,32 » 0,21
» Тульской	» 0,18 » 0,12
» Херсонской	» 1,11 » 1,08

Въ 14 губерніяхъ процентное отношеніе къ 1897 г. замѣтно возросло, а именно:

въ Астраханской	съ 1,09 до 1,54
» Вятской	» 2,02 » 3,17
» Казанской	» 0,61 » 1,00
» Калужской	» 2,24 » 3,71
» Ковенской (Литов. еп.)	» 1,46 » 2,08
» Костромской	» 1,17 » 2,81
» Нижегородской	» 2,50 » 3,54
» Новгородской	» 0,76 » 2,24
» Оренбургской	» 0,99 » 3,08
» Пермской	» 3,33 » 7,17
» Псковской	» 1,40 » 3,17
» Самарской	» 2,14 » 3,52
» Симбирской	» 0,77 » 2,05
» Саратовской	» 0,61 » 4,71

Въ остальныхъ губерніяхъ процентное повышеніе къ 1897 г. очень незначительно, напр:

для Кіевской	съ 0,30 до 0,42
» Подольской	» 0,56 » 0,62
» Таврической	» 0,81 » 0,89
» Тамбовской	» 0,39 » 0,57

Сдѣланныя мною сопоставленія невольно приводятъ къ убѣжденію въ справедливости заявленія г. Тихомірова о пользѣ миссіи въ борьбѣ съ расколосектантствомъ. На самомъ дѣлѣ, нельзя не видѣть, что почти во всѣхъ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ расколъ и сектантство къ 1897 г. уменьшились или возросли очень незначительно, миссія организована болѣе или менѣе давно и хорошо и имѣетъ, какъ и имѣла прежде, видныхъ и дѣятельныхъ своихъ представителей. Возьмемъ хотя бы Донскую епархію: въ ней два епархіальныхъ миссіонера, 6 окружныхъ и два у нихъ помощника; миссія учреждена еще съ 80-хъ годовъ. Въ Олонецкой епархіи одинъ епархіальный и пять окружныхъ миссіонеровъ; не говоря уже о такихъ миссіонерахъ въ ней, какъ еп. Аркадій, достаточно сказать, что самое устройство свое она начала получать опять съ начала 80-хъ годовъ. Не гово-

римъ уже про миссію и ея устройство въ епархіяхъ Херсонской, Екатеринославской, Воронежской, Кіевской, Тамбовской и др.: это всѣмъ извѣстно... Еще болѣе мы оцѣнимъ заслуги миссіи, если обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что расколъ и сектантство не возросли именно тамъ, гдѣ они, казалось, должны были возрасти. Припомнимъ исторію нашего сектантства. Гдѣ оно особенно сильно росло и распространялось, какъ не въ епархіяхъ Херсонской, Таврической, Кіевской, Екатеринославской, Тамбовской и др.? И тѣмъ не менѣе оно не выросло тамъ въ опасное явленіе и не выросло, конечно, главнымъ образомъ только благодаря усиленіямъ мѣстной миссіи. Невольно хочется высказать и другой выводъ, именно—что наша противосектантская миссія лучше поставлена, чѣмъ противораскольническая: и организована она цѣлесообразнѣе, и лучшими силами представляется и руководствуется. Это видно уже изъ того одного, что процентъ сильнаго повышенія раскола и сектантства наблюдается *исключительно въ епархіяхъ раскольническихъ*. Значить, какъ на новое явленіе—на сектантство, начиная съ 80-хъ годовъ, обратили преимущественное вниманіе, постарались въ мѣстахъ его распространенія лучше организовать миссіонерское дѣло; а успѣхи, достигнутые миссіей, должны оправдать ее въ глазахъ общества и Церкви.

По вопросу о сильно повышенномъ процентѣ раскольниковъ и сектантовъ въ указанныхъ 14 губерніяхъ трудно сказать что-либо положительное. Но только несправедливо было бы относить причину этого явленія исключительно за счетъ недостаточности организаціи миссіи или энергіи ея дѣятелей, по крайней мѣрѣ одинаково во всѣхъ этихъ губерніяхъ,—этого сказать мы не рѣшимся, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣло миссіи, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, поставлено лучше, чѣмъ гдѣ-либо; сюда, напр., надо отнести епархіи Самарскую, Нижегородскую, Казанскую, Новгородскую ¹⁾. Значить, главная причина не здѣсь; наоборотъ,

¹⁾ Усиленіе раскола въ нѣкоторыхъ епархіяхъ должно быть отнесено за счетъ подъема прозелитизма и оживленія агитаціонной дѣятельности по совращенію православныхъ со стороны раскольничьихъ наставниковъ и сектантскихъ главарей. Такъ, въ Нижегородской губ. долгіе годы жилъ и дѣйствовалъ извѣстный Швецовъ съ цѣлою школою своихъ учениковъ, каковы братья Мельниковы, Усовъ и др. Дѣятельность австрійской воинствующей лжеіерархіи простиралась

не будь наличной миссіи въ этихъ 14 губерніяхъ, процентъ раскольниковъ, быть можетъ, возросъ бы и еще сильнѣе? Миссія, естественно, ослабляла и ослабила его ростъ... Губерніи съ повышеннымъ ростомъ раскола—почти всѣ поволжскія и восточной Россіи; а въ нихъ, въ 80-хъ годахъ, сильно было направлено переселенческое движеніе крестьянства средней полосы Россіи. Нѣтъ ничего удивительнаго и невозможнаго, что процентъ расколосектантства и возросъ здѣсь на счетъ пришлаго элемента ¹⁾. Миссія и миссіонерское дѣло, очевидно, не росло соразмѣрно росту населенія, и есть основаніе полагать, что миссія въ нихъ организована не такъ, какъ бы то нужно было по требованію обстоятельствъ дѣла и религіозныхъ запросовъ времени... Для подтвержденія этого своего предположенія возьмемъ въ сравненіе хотя бы Донскую и Саратовскую миссію, въ епархіяхъ коихъ—въ первой самый пониженный процентъ роста, а во второй—самый повышенный. Въ Донской епархіи по переписи 1897 г. раскольниковъ и сектантовъ 129 тысячъ (сотни для удобства отбрасываемъ); миссія же состоитъ изъ 2 епархіальныхъ и 6 окружныхъ миссіонеровъ и двухъ ихъ помощниковъ; всѣ эти миссіонеры другихъ должностей не занимаютъ. Въ Саратовской же епархіи при 113 тысячахъ раскольниковъ и сектантовъ миссія представляется только двумя миссіонерами братскими, служащими только миссіи; два же еще епархіальныхъ миссіонера суть въ то же время и приходскіе священники. А насколько отъ нихъ можно требовать служенія дѣлу миссіи, объ этомъ можно судить по оплатѣ ихъ миссіонерскихъ трудовъ—каждому по 140 руб. 10 коп. въ годъ. Еще сдѣлаемъ сопоставленіе Олонецкой и Оренбургской миссій. Въ первой на 2 тысячи раскольниковъ ²⁾ существуетъ одинъ миссіонеръ епархіальный и пять

именно на поволжскія и восточныя губерніи. Съ другой стороны, въ этихъ губерніяхъ усиленно дѣйствовала пропаганда штундо-балтизма, опиравшаяся на матеріальныя и духовныя силы нѣмецкихъ поволжскихъ колоній. На счетъ развитія штунды нужно относить % усиленіе расколосектантства и въ Псковской епархіи.

¹⁾ Такова губ. Оренбургская, куда за послѣднее десятилѣтіе направилось на поселеніе много штундистовъ и таврическихъ молоканъ.
Ред.

²⁾ Считаемо нужнымъ оговориться, что по подсчету консисторіи раскольниковъ въ Олонецкой епархіи 5 т.

о-окружныхъ изъ приходскихъ священниковъ; въ Оренбургской же епархіи (вмѣстѣ съ Уральскою областью) раскольниковъ и сектантовъ около 105 тысячъ, а миссія представляется однимъ епархіальнымъ, четырьмя окружными (изъ коихъ двое—должностныя лица) и однимъ миссіонерскимъ сотрудникомъ. Вотъ и подсчитайте теперь, сколько отщепенцевъ отъ Церкви приходится на долю того или другого миссіонера въ Донской и Олонецкой епархіяхъ съ одной стороны, и въ Саратовской и Оренбургской съ другой ¹⁾.

Если же обратимъ вниманіе на то, что сильно повышенный къ 1897 г. процентъ раскольниковъ и сектантовъ наблюдается въ губерніяхъ главнымъ образомъ раскольническихъ, а не сектантскихъ, то невольно придемъ къ одному изъ двухъ выводовъ: или расколъ старообрядчества сильнѣе у насъ растетъ и распространяется, чѣмъ сектантство, или сектантство, ослабѣвая въ мѣстахъ его первичнаго появленія, начинаетъ распространяться по другимъ епархіямъ. Кажется, то и другое вѣрно. Это подтверждается и отчетами, а также и заявленіями миссіонеровъ епархій, гдѣ первоначально появилась и распространялась штунда—самая опасная и распространившаяся теперь секта. Они единогласно свидѣтельствуютъ, что штунда теперь, теряя обаяніе въ мѣстахъ первичнаго своего появленія, начинаетъ распространяться въ другихъ епархіяхъ по направленію на сѣверъ. Расколъ же старообрядства остается устойчивымъ въ своемъ ростѣ по всѣмъ епархіямъ, т. ч. ни въ одной изъ нихъ не наблюдается особаго его умаленія. Такимъ образомъ невольно приходимъ къ выводу объ особой устойчивости передъ влияніемъ миссіи, объ особой живучести и даже прозелитизмѣ нашего раскола старообрядства. Отсюда есте-

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія нужно признать недостаточными силы миссіи въ епархіяхъ Московской, Ковенской, Калужской, Псковской, Симбирской (гдѣ только съ 1901 г. открыта должность епархіальнаго миссіонера), Пермской (гдѣ совсѣмъ нынѣ нѣтъ миссіонера, а бывшіе, по отъязву епархіальнаго начальства, не напрягали особыхъ усилій въ борьбѣ съ огромною силою раскола), Самарской (гдѣ на 20 тыс. сектантовъ—одинъ противосектантскій миссіонеръ); то же, повидимому, можно сказать о силахъ и неустройствѣ въ Вятской и отчасти въ Астраханской губ.

Ред.

ственнымъ является вопросъ: какъ же устроена и къмъ представляется наша противораскольническая миссія, и вообще каково устройство и современное состояніе нашей внутренней миссіи?...

Миссія, такъ или иначе организованная, существуетъ во всѣхъ епархіяхъ. За исключеніемъ, кажется, только двухъ—Уфимской и Смоленской епархій, она представляется однимъ или болѣе епархіальными миссіонерами. При этомъ въ 16 епархіяхъ трудятся 18 спеціально противосектантскихъ миссіонеровъ, въ 20 епархіяхъ имѣются и противораскольничьи миссіонеры; въ большинствѣ же епархій обязанности противораскольничьяго и противосектантскаго миссіонеровъ возложены на одно лицо. Само по себѣ такое сосредоточеніе разнородныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ, являясь дѣломъ очень труднымъ и нецѣлесообразнымъ, для такихъ епархій, какъ Рязанская, Саратовская и др., гдѣ сильно развито и сектантство на ряду съ расколомъ, оно представляется совершенно ненормальнымъ. *Всѣ* противосектантскіе миссіонеры—люди съ высшимъ богословскимъ образованіемъ; изъ противораскольническихъ же едвали и половина таковыхъ найдется; противораскольническими состоятъ и многіе изъ бывшихъ раскольничьихъ начетчиковъ. Противосектантскіе миссіонеры, за исключеніемъ троихъ, другихъ никакихъ должностей не несутъ; изъ противораскольническихъ же многіе состоятъ приходскими священниками или имѣютъ какія и другія занятія.

Если для противосектантскаго миссіонера самое большое количество сектантовъ приходится въ Самарской епархіи—до 13 тысячъ по переписи 1897 г. (или до 20 т. по свѣдѣніямъ консисторіи), а въ большинствѣ случаевъ 3—8 тысячъ; то для противораскольничьяго въ той же Самарской епархіи приходится до 70 т. (до 80 по консисторскимъ свѣдѣніямъ) раскольниковъ; обычной же цифрой въ большинствѣ случаевъ служить отъ 10 до 25 тысячъ. Неудивительно послѣ этого, если противосектантскій миссіонеръ можетъ посѣтить дважды и трижды въ годъ зараженныя сектантствомъ села и знать многихъ изъ сектантовъ лично; многіе же изъ противораскольническихъ миссіонеровъ едва успѣваютъ въ два—три года посѣтить не деревни, а хоть

зараженные расколами приходы; гдѣ же имъ знать лично и близко своихъ раскольниковъ?

Все приведенное сравненіе устройства и положенія противосектантской и противораскольничьей миссіи приводитъ къ вѣрному выводу, что первая организована болѣе правильно и находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ вторая. Отсюда понятно и то, почему сектантство наше не такъ смѣло распространяется, какъ то кажется, а расколь старообрядства все пребываетъ въ своемъ упорствѣ и отличается устойчивостью, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ даже является съ сильнымъ стремленіемъ къ росту и увеличенію.

Говоря о миссіонерскомъ дѣлѣ въ нашихъ епархіяхъ вообще, по необходимости приходится отмѣтить въ немъ *неустойчивость, неопредѣленность, безпринципность* въ организаціи и управленіи. Если въ однѣхъ епархіяхъ трудятся до четырехъ епархіальныхъ миссіонеровъ, то въ другихъ нѣтъ и одного. Если въ нѣкоторыхъ содержится цѣлый штатъ окружныхъ миссіонеровъ и помощниковъ, то въ другихъ—епархіальные миссіонеры одиноки. Если въ немногихъ епархіяхъ тратятся на миссіонерское дѣло тысячи, то въ другихъ—нищенскіе 75 руб. на разъѣзды епарх. миссіонеру.

Начальство для миссіонеровъ и руководители миссіонерскаго дѣла по епархіямъ—опять-таки весьма разнообразны. Въ однѣхъ епархіяхъ все миссіонерское дѣло стараются захватить въ свои руки разнаго рода братства, комитеты, комиссіи; въ другихъ гнетутъ миссіонеровъ предписаніями и распоряженіями духовныхъ консисторій, и только въ очень, очень немногихъ миссіонерское дѣло вѣдается и ведется самими миссіонерами, находящимися въ непосредственныхъ отношеніяхъ только къ епархіальнымъ владыкамъ.—Руководствомъ для направленія дѣятельности миссіонерамъ съ 1888 г. служила синодальная инстуркція, только въ самыхъ общихъ чертахъ предначертывавшая строй и характеръ миссіи. И въ этой ея общности заключалась ея добрая сторона: миссіонеръ, по крайней мѣрѣ, не былъ стѣсненъ ею. Теперь, за послѣдніе годы, замѣчается какое-то напряженное стремленіе составить для миссіонеровъ въ каждой епархіи свою собственную инструкцію, въ ней опредѣлить чуть не каждый его шагъ и расписать его дѣятельность по часамъ и днямъ. Въ этихъ инструкціяхъ (подробно о нихъ мы пого-

воримъ какъ-нибудь въ другой разъ) только и читаешь, что „обязанъ“, „долженъ“, „вмѣняется“ и т. под. милые регуляторы всякой мертвой бумажной, формальной дѣятельности... А вотъ этотъ самый „должный“ и „обязанный“ миссіонеръ, встрѣтся съ недоумѣннымъ вопросомъ, попади въ бѣду или горе, столкнись съ властью или просто даже положеніе и вліяніе имѣющими людьми, къ кому ему обратиться? Этого ни одна инструкція не предрѣшила. И мы хорошо знаемъ по письмамъ и рассказамъ миссіонеровъ разныхъ епархій, что въ подобныхъ случаяхъ они остаются одинокими, беспомощными... Кому изъ миссіонеровъ не приходилось слышать посылаемые изъ-за угла по его адресу ядовитые уколы, что-де миссіонеры лѣнтяи или бездѣльники, чуть-чуть не тунеядцы, а иногда и болѣе горькія обиды и клеветы. Къ кому обратиться для миссіонера съ жалобой, съ апелляціею или просто поговорить по душѣ? Гдѣ у него защитники и покровители? И какъ, поэтому, счастливы тѣ изъ насъ немногіе, которые находятъ для себя утѣшеніе и поддержку въ подобныхъ случаяхъ у епархіальныхъ владыкъ! И какъ, наоборотъ, тяжело бываетъ состояніе дѣятеля миссіонера, когда онъ остается безъ утѣшенія, а тѣмъ паче, если на сторону утѣснителей миссіи становятся сами епархіальные преосвященные,—распорядители и вершители судьбы миссіи!.. ¹⁾

Я открылъ лишь часть завѣсы, скрывающей всѣ много-различныя и разнообразныя условія трудностей служенія миссіонеровъ. Что жъ послѣ этого удивительнаго, если миссіонеры не могутъ прослужить болѣе 5—7 лѣтъ и уходятъ потомъ, куда только придется?!. Не отъ недостатка *идейности*, какъ думаютъ иногда, а отъ невозможно трудныхъ условій жизни и не видя отрады въ будущемъ, бѣгутъ они, и бѣгутъ часто на худшія во всѣхъ отношеніяхъ должности. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ ни

¹⁾ У меня хранятся нѣсколько писемъ отъ собратьевъ, испытавшихъ это состояніе. Теперь не время ихъ опубликовывать... теперь лишь скажу, что одно изъ такихъ писемъ принадлежитъ извѣстному миссіонеру, всѣми изъ собратьевъ признанному за талантливаго и добросовѣстнаго труженика, но котораго обвинили не въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, что всѣ его бесѣды и отчеты—дутыя писанія...

давно организована въ той или другой епархіи миссія, а миссіонеры въ ней все люди *новые, недавніе* или быстро мѣняющіеся. И если при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ для миссіонерской дѣятельности, миссія все-таки оказываетъ большую, какъ видѣли, пользу не только со стороны удержанія православныхъ въ Церкви, но и со стороны пресѣченія и сокращенія роста раскола и сектантства, то не ясное ли это свидѣтельство, не прямое ли и вѣрное доказательство, что миссіонеры, окруженные всяческими бѣдами отъ своихъ и чужихъ, работаютъ, и работаютъ энергично, идейно и самоотверженно, съ вредомъ и часто рискомъ для здоровья и жизни и безъ свѣтлыхъ надеждъ на что-либо отрадное въ будущемъ.

Для нихъ все какой-то звѣздочкой свѣтится надежда, что *не можетъ же быть*, чтобы о нихъ и совсѣмъ забыли, — *не можетъ же быть*, чтобы ихъ трудъ не цѣнили, что *должно же быть*, что ихъ выведутъ изъ разряда какихъ-то нежелательныхъ пасынковъ и, признавъ за ними заслуги для общества и Церкви, дадутъ тѣмъ самымъ имъ еще болѣе увѣренности въ святости и полезности ихъ служенія, и усилить и безъ того горячую и безкорыстную ихъ энергію, и тѣмъ помогутъ борьбѣ Церкви съ разнаго рода отщепенцами отъ нея...

М. Чельцовъ.

Любовь или ненависть, христіанство или буддизмъ проповѣдуетъ Толстой?

(Публичная лекція).

Я хочу говорить о Толстомъ и въ частности изложить его взглядъ на любовь къ людямъ. Не безъ причины беру я эту сторону въ его ученіи. Если бы я говорилъ о метафизикѣ Толстого, о его пантеизмѣ, отрицаніи Божества Іисуса Христа,—его походѣ противъ христіанской догматики, мнѣ сдѣлали бы такое, повидимому, вѣское возраженіе.

Да, правда, Левъ Николаевичъ отрицаетъ Бога живаго—за то онъ вложилъ въ человѣка „душу живую“,—онъ не хочетъ знать мертвой догмы, но вмѣсто нея онъ проповѣдуетъ „живую любовь“.

Онъ любитъ людей и учитъ любить...

Поэтому я и хочу говорить именно о толстовской проповѣди любви: именно за нее въ немъ увидѣли учителя, который будто-бы „вторично открылъ затерянный безпамятнымъ вѣкомъ жизнь и путь“...

Дѣйствительно ли его „любовь“ жизнь? Не смерть ли это? *Искусайте духи, аще отъ Бога суть* (Іоан. IV, 1).

Въ Кіевскомъ патерикѣ рассказывается объ одномъ старцѣ, который впалъ въ „прелесть“.

Въ состояніи прельщенія онъ приобрѣлъ особый даръ слова, и многіе приходили слушать его.

Но при этомъ многіе съ удивленіемъ замѣтили, что онъ говоритъ всегда изъ ветхаго завѣта и ничего не говоритъ о любви Христовой...

Прочитайте сочиненія Льва Николаевича и особенно тѣ, которыя спеціально говорятъ о любви (последнія главы книги „О жизни“,—„Ходите во свѣтѣ“ и др.). Вы увидите, что это тотъ же старецъ, впавшій въ „прелесть“, для котораго былъ недоступенъ новый завѣтъ. „Это душа, не пріятная огненнаго крещенія, и сколько бы ни крестилась она

водой покаянія, она останется холодной язычницей, какой родилась“ (Мережковскій).

Вопросъ о сущности любви поставленъ былъ Львомъ Николаевичемъ давно, и самое яркое рѣшеніе его въ „Войнѣ и мирѣ“ даетъ опредѣленный отвѣтъ, любовь ли проповѣдуетъ новый учитель... Холодомъ смерти вѣетъ отъ этихъ страницъ о любви, рождающейся изъ смерти. Я разумью страницы о послѣднихъ дняхъ князя Андрея Болконскаго, очень характерныя страницы,—которыя какимъ-то непонятнымъ образомъ просматривали до Мережковскаго. При этомъ я прошу сравнить рассказъ о смерти Толстовскаго „просвѣтленнаго“ героя съ сказаніями четьихъ-миней о послѣднихъ дняхъ жизни святыхъ угодниковъ Божіихъ: эти (святые) по четьимъ-минямъ передъ смертю получали особенный даръ состраданія и любви къ остающимся въ мирѣ братьямъ, способность особенно глубоко проникать въ тайники ихъ страдающихъ душъ, утѣшать, примирять, жалѣть. Они, если въ послѣдніе часы и минуты и переставали видѣть миръ, то погружались просвѣтленнымъ взоромъ не въ холодный, безпросвѣтный мракъ нирваны, а въ радость дѣятельнаго покоя въ Богѣ.

За нѣсколько дней до смерти князя Андрея неожиданно охватила страстная волна глубокой жалости къ себѣ, къ близкимъ, ко всѣмъ... Онъ вдругъ страстно захотѣлъ вернуться въ жизнь, онъ почувствовалъ, что любитъ Наташу, любитъ жизнь, людей... ему захотѣлось жить для любви, для жизни. Онъ заснулъ съ мыслью о любви, побуждающей смерть, о любви, какъ законѣ жизни“.

„Любовь? Что такое любовь?—думаетъ онъ, засыпая. Любовь мѣшаетъ смерти; любовь есть жизнь.

„Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ, и умереть—значить мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику“. Эти мысли отзываются пантеизмомъ; думаетъ князь Андрей больше о любви къ Наташѣ, чѣмъ той любви, которая созидаетъ жизнь міра,—но всеже любовь, о которой онъ думаетъ здѣсь, живая любовь еще живого человѣка.

Прошло нѣсколько часовъ, и князь Андрей проснулся,—и какъ увѣряетъ Левъ Николаевичъ, *проснулся новымъ, про-*

священнымъ человекомъ. Смерть постучалась къ нему въ дверь, и открылись очи его.

„Благая вѣсть“ открылась ему... И вотъ, просвѣтленный Андрей (у Толстого)—носитель идеи истинной любви... Иныя мысли—иныя рѣчи. Нѣсколько дней назадъ, князь жалѣлъ о жизни, смотрѣлъ радостнымъ, свѣтлымъ взглядомъ... Теперь другое.

Когда онъ очнулся послѣ просвѣтленія и зашевелился на постели, къ нему подошла Наташа и спросила, что съ нимъ? Онъ не отвѣтилъ ей и, не понимая ея, посмотрѣлъ на нее отраженнымъ взглядомъ.

Приѣхала сестра Марія. Торопясь увидѣть брата, она почти сбѣжала въ комнату. Она—надѣялась найти его разстроеннымъ, умиленнымъ, нѣжнымъ.

Но когда княжна вошла, „увидѣла лицо брата и встрѣтилась съ нимъ взглядомъ,—она вдругъ умѣрила быстроту своего шага и почувствовала, что слезы вдругъ пересохли и рыданія остановились; уловивъ выраженіе его лица и взгляда, она вдругъ оробѣла и почувствовала себя виноватою“.

„Да въ чемъ же я виновата?“—спросила она себя.

„Въ томъ, что живешь и думаешь о живомъ, а я!..“—отвѣчалъ его холодный, строгій взглядъ. Въ глубокомъ, не изъ себя, а въ себя смотрѣвшемъ взглядѣ была почти враждебность, когда онъ медленно оглянулъ сестру и Наташу. Все, что говорилъ Андрей, оскорбляло и обижало сестру: она чувствовала, что *онъ больше не любитъ, не жалуетъ ея, изъ себя.* Въ словахъ, въ тонѣ его, въ особенности во взглядѣ,—этомъ холодномъ, почти враждебномъ взглядѣ,—чувствовалась страшная для живого человѣка отчужденность отъ всего мірскаго. Онъ, видимо, съ трудомъ понималъ все живое, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось (обратите вниманіе на эти слова), чувствовалось, что онъ не понималъ живого не потому, что былъ лишенъ силы пониманья, но потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые, и что поглощало его всего. Ему было все равно, потому что что-то другое, важнѣйшее было открыто ему. Завѣса спала; онъ открылъ начало вѣчной любви.

Онъ былъ слишкомъ хороши,—какъ говорить Наташа,—*слишкомъ велики для жизни.*

Къ князю приводятъ сына Николашу, онъ хочетъ сказать доброе слово, но не можетъ, онъ смотритъ на него и сестру съ выраженіемъ *кроткой насмѣшки*.

„Марія“, — обращается онъ къ княжнѣ, — „ты знаешь Еванг...?“ Но тутъ же прерываетъ рѣчь...

Нѣтъ, они не поймутъ! Этого они не могутъ понимать, что всѣ эти мысли, которыя кажутся намъ такъ важны, что онѣ не нужны. Мы не можемъ понимать другъ друга! — и онъ замолчалъ.

Онъ смотритъ съ выраженіемъ кроткой насмѣшки, враждебнымъ взглядомъ, онъ никого не жалуетъ. Онъ понялъ, что «любовь не нужна для жизни», что земная любовь, и земная жалость — низшее нравственное состояніе, недостойное мудреца.

Какъ бы вы назвали состояніе князя? Предсмертной атрофіей чувства и сознанія? Нѣтъ, Левъ Николаевичъ увѣряетъ насъ, что мы имѣемъ дѣло съ состояніемъ просвѣтлѣнія; считаетъ эту безчувственность — осуществленіемъ заповѣди о любви, той любви, какую проповѣдывалъ Христосъ.

Я хотѣлъ увѣрить себя, что имѣю дѣло только съ эпическимъ объективизмомъ безпристрастнаго писателя, хотѣлъ думать, что графъ не за себя говоритъ устами Андрея, а только холодно анатомируетъ его душу, не считая „живыми“ мертвыя мысли уже умершаго человѣка. Увы, мимоходомъ Левъ Николаевичъ бросаетъ двѣ фразы, кстати сказать, чрезвычайно напоминающія его главы „о страхѣ смерти“ (въ книгѣ *Über Leben*). И эти двѣ фразы показываютъ, что состояніе князя Андрея, — это омертвѣніе, атрофію сердца, — онъ дѣйствительно считаетъ идеальнымъ, истиннымъ состояніемъ всякаго прозрѣвшаго. Тѣ мысли, которыя высказываетъ князь передъ смертью, приходили ему на умъ и ранѣе, въ первые дни его болѣзни, и вотъ что говорить объ этихъ дняхъ Левъ Николаевичъ.

„Чѣмъ больше онъ въ тѣ часы страдальческаго уединенія и полубреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви, *значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью*. И чѣмъ больше онъ проникался *этимъ началомъ*

любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая безъ любви стоитъ между жизнью и смертью. " Не теперь, а будто бы раньше онъ былъ безъ любви, а теперь любитъ, ибо любить съязъ—можно только никого не любя...

Странная любовь... Нужно любить всѣхъ, а всѣхъ любить, это значитъ никого не любить... „вотъ любовь для насъ непонятная и страшная, страшнѣе всякой ненависти...“ (Мережковскій).

Не кажется ли вамъ, что эта любовь въ сущности и есть ненависть или, по крайней мѣрѣ, то презрѣніе ко всѣмъ, которое Анатолий Франсъ считаетъ самымъ спокойнымъ и благодѣтельнымъ чувствомъ въ человѣческихъ отношеніяхъ, „потому что тотъ, кто презираетъ другихъ, не можетъ оскорбляться и не *удостаиваетъ* оскорбленія другихъ...“

Да, конечно, это не любовь; это ясно, но одно соображеніе заставляетъ меня еще остановиться на той же мысли. Взглядъ князя Андрея кажется такимъ кошмаромъ, что (я почти увѣренъ) вы не захотите и повѣрить мнѣ, будто Толстой желаетъ отъ христіанина одного: на всю жизнь приобрести то „просвѣтленное“, „высокое“ настроеніе, въ какомъ находится просвѣщенный провозвѣстникъ „новой“ любви—князь Андрей.

Быть, какъ онъ, это идеалъ христіанской любви? это невозможно. Левъ Николаевичъ—не можетъ говорить этого. Нѣтъ, говорить. Вся книга „О жизни“ съ ея разсужденіями о приближеніи къ смерти, какъ приближеніи къ свѣту, о любви, какъ погашеніи всякихъ привязанностей,—повторяетъ мысли Болконскаго.

Но для насъ полезна маленькая параллель.

„Какъ это можно любить ближняго, какъ самого себя, когда въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ?“

Эти слова написаны Энгельгардту еще до окончательнаго пробужденія графа Льва Николаевича.

То время прошло для Льва Николаевича; онъ „прозрѣлъ“. То, что было у него справа, стало слѣва и, что было слѣва, стало справа...

Что же теперь онъ говорить о любви,—можетъ быть, повторять Іоанна Богослова?

„Возлюбленные, мы теперь дѣти Божіи... Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть Бога, равно и не любящій брата своего... Мы знаемъ, что перешли *изъ смерти въ жизнь*, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти.

Дѣти... станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною.

Кто говорить: я люблю Бога, а брата своего ненавижу, тотъ лжець, ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?.. (1 Іоан. 4, 20).

Нѣтъ, послѣ просвѣтлѣнія графъ говоритъ вотъ что въ кн. «О жизни». „Величина любви есть величина дроби, которой числитель—мои симпатіи къ другимъ, и онъ не въ моей власти, а знаменатель—моя любовь къ себѣ, можетъ быть увеличенъ или уменьшенъ мною до безконечности, по мѣрѣ того значенія, которое я придаю своей животной личности“.

На той же страницѣ авторъ совѣтуетъ учиться любить не путемъ возгрѣванія въ себѣ добрыхъ, нѣжныхъ чувствъ, но единственно путемъ подавленія въ себѣ стремленія къ личному благу.

Не въ посланіяхъ Іоанна, а въ арифметикѣ находитъ онъ свое опредѣленіе любви, и говоритъ это опредѣленіе сердцу не больше таблицы умноженія.

Итакъ, любовь чисто отрицательное начало, это не есть та жизнь, то дыханіе нѣжнаго доброжелательства, какое мы привыкли называть любовью, это просто холодный выводъ изъ уменьшенія въ себѣ любви къ своему „я“. „Любить, т. е. наполнять свою душу чувствомъ,—это не въ моей власти, я могу только душить свое личное сознаніе“ (Антоній).

Значитъ, то горячее чувство восторга и радости и готовность умереть за ближняго,—которое мы знаемъ изъ дѣяній христіанскихъ подвижниковъ любви,—не для насъ, къ добру и злу постыдно равнодушныхъ; его нельзя создать и воспитать въ себѣ даже при помощи Божіей!

Значитъ, проповѣдывать эту любовь нѣтъ смысла и нужды; значитъ, и Господь Іисусъ Христосъ ошибся, когда заповѣдалъ Своимъ ученикамъ любить другъ друга, такъ какъ Онъ

любили ихъ той любовью, которая возвела его на Голгофу?

Да, ошибся. Левъ Николаевичъ не смущается заявить объ этомъ. „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ“, говоритъ Господь Иисусъ Христосъ. „Любите враговъ?“—поправляетъ Христа гр. Толстой: „но это невозможно. Это было бы одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которое нельзя смотрѣть иначе, какъ на указаніе недостижимаго нравственнаго идеала. *Можно не вредить своему врагу, но любить его нельзя.* Не могъ Христосъ предписывать невозможнаго“. Для людей возможно только уменьшить знаменателя дроби, уменьшить любовь къ себѣ, эгоистическое стремленіе себѣ служить. Но пусть. Любовь ли это? Вѣдь, если настроенность человѣка остается прежней, онъ остается не только съ прежней холодностью, но даже враждой къ тому, кто былъ его врагомъ, то ясно, что новая дробь будетъ не формулой, выражающей силу любви къ ближнему (которая остается неизмѣнной), а только формулой внѣшнихъ отношеній къ ближнему.

Мое чувство къ А враждебное—это числитель дроби, выражающей отношеніе къ нему, и онъ неизмѣненъ. Знаменателя—любовь къ себѣ я доведу до нуля.

Вражда остается враждой, но такъ какъ мое я, его физическое существованіе для меня безразлично, то моя вражда не выразится ни въ чемъ, она будетъ настроеніемъ непроявленнымъ—и только. Это не любовь, это минусъ, въ крайнемъ случаѣ отсутствіе ненависти, но не любовь. Пусть такой человѣкъ отдастъ душу на сожженіе за другого—что же изъ этого?

Сердце его не согрѣется любовью, и такъ какъ онъ ни горячъ, ни холоднъ, то Господь извергнетъ его изъ устъ Своихъ. „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій. И если я раздалъ все имѣніе мое и отдалъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы и славы“ (1 Кор. 13, 1, 3).

Да, человѣкъ, любовь котораго выражается только ариеметической формулой Льва Николаевича, только мѣдъ звенящая. Что это такъ,—вы убѣдитесь, когда увидите, какимъ

образомъ, какими средствами уменьшается въ человѣкѣ любовь къ себѣ.

Средство это—буддійское умерщвленіе воли. Считать себя отдѣльнымъ существомъ есть—повторяетъ онъ Будду—обманъ, и тотъ, кто направляетъ свой умъ на то, чтобы исполнять волю этого отдѣльнаго существа, слѣдуетъ за ложнымъ свѣтомъ, который приведетъ его въ бездну грѣха...

Для того, чье зрѣніе охвачено покрываломъ Майи, весь міръ кажется разрѣзаннымъ на безчисленныя личности. И такой человѣкъ не можетъ понимать значенія всеобъемлющей любви ко всему живому. „Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человѣкъ понялъ, что нѣтъ для него блага въ его животной личности (т. е., когда человѣкъ убѣдился, что его личность, его самосознаніе есть только кажущійся призракъ, тогда онъ отъ нечего дѣлать будетъ любить другихъ, ибо онъ и другіе одно).

Не вслѣдствіе любви къ отцу, къ сыну, къ женѣ, къ друзьямъ, къ добрымъ и милымъ людямъ, какъ это обыкновенно думаютъ, люди отрекаются отъ личности, а только вслѣдствіе сознанія тщеты существованія личности, сознанія невозможности ея блага, и потому вслѣдствіе отреченія отъ личности познаетъ человѣкъ истинную любовь и можетъ истинно любить отца, сына, жену, дѣтей и друзей“ („О жизни“ гл. 24).

Не любовь вызываетъ отреченіе, а отреченіе отъ радостей міра, которое представляетъ чисто логическій выводъ, дѣлаетъ возможной любовь.

Слова очень знакомыя,—ихъ мы читали еще у Шопенгауера и Гартмана.

Пессимизмъ—говоритъ Шопенгауеръ въ „Parerga“ и Гартманъ въ соч. „Къ исторіи пессимизма“—выясняетъ человѣку обманчивость и недоступность счастья для индивидуумовъ, раскрываетъ предъ нимъ „ничтожное въ его ничтожности, безцѣльное въ его безцѣльности“ и такимъ образомъ само собой отклоняетъ человѣка отъ служенія его эгоистическимъ цѣлямъ.

Человѣкъ, сознавши безцѣльность и бессмысленность стремленія къ счастью, необходимо, съ отвращеніемъ отказывается отъ бога (т. е. эгоизма), которому онъ долго служилъ и котораго пустоту онъ теперь позналъ; неохотно и не добровольно онъ отвращается „наконецъ“ отъ идола, который об-

манывалъ его такъ долго и который болѣе ничего не можетъ предложить ему.

Сознаніе невозможности личнаго счастья, показывая человѣку бессмысленность служенія эгоизму, помогаетъ ему сорвать покрывало Маи неразумнаго отдѣленія себя отъ другихъ индивидуумовъ и такимъ образомъ приводитъ его къ самоотверженію. За самоотреченіемъ слѣдуетъ, какъ его слѣдствіе, состраданіе, состраданіе смѣняется любовью. Самоотреченіе это первая добродѣтель пессимизма, психологическая основа нравственности, „ворота въ храмъ нравственнаго сознанія“.

Но могутъ ли въ самомъ дѣлѣ эти „ворота“ привести въ храмъ нравственнаго сознанія? Можетъ ли родиться любовь изъ сознанія тщеты нашей жизни?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ по адресу учителей Льва Николаевича Зоммеръ. Опытъ не показываетъ ни одного примѣра, чтобы люди, которые покончили съ міромъ, потому что перестали надѣяться на что-нибудь, желать чего бы то ни было,—могли какими-либо моральными принципами быть побуждены къ нравственному дѣйствованію.

Однако пусть самоотреченіе влечетъ за собою самоотверженіе въ смыслѣ дѣятельности на благо другихъ,—что же можетъ дать другимъ такой человѣкъ, что за любовь онъ понесетъ людямъ?

Онъ отдастъ все свое, но это все для него ничего не стоитъ, ему не нужно; онъ жертвуетъ то, что въ его глазахъ никакой цѣны не имѣетъ; пожалуй, отдастъ даже жизнь, потому что не надѣется взять отъ нея хотя что-нибудь,—но жертва ли это?

Позволительно ли говорить о жертвѣ, когда человѣкъ смотритъ на свою личность и на свою личную жизнь, какъ на зло, тщету и ничтожество? Велика ли любовь отдать, что ненужно? и этого мало: зачѣмъ, спрашивается, отдавать что-нибудь другому,—зачѣмъ нести ему въ жертву свою любовь, имущество, жизнь?

Если кто-нибудь призналъ, что для человѣка невозможны радости міра, то онъ считаетъ ихъ недоступными не только для себя, но и для другихъ и, конечно, не пойдетъ дѣятельно служить другимъ. Считаая счастье неуловимымъ призракомъ, онъ не будетъ бороться изъ-за него съ своимъ

сосѣдомъ. Онъ не станетъ отстаивать своихъ правъ, „свое мѣсто на солнцѣ“ (Паскаль), не будетъ бороться за свое существованіе, но не станетъ онъ бороться и за существованіе другого.

Я думаю, что изъ пессимистическаго ученія Толстого о тщетѣ жизни слѣдуетъ не заповѣдь любви, а заповѣдь, *запрещающая любовь*—„laissez faire, laissez passer“—не вмѣшивайся въ жизнь,—не въ твоихъ силахъ принести другому счастье или уменьшить его страданія, плыви по теченію и „смерти жди“.

Да, такую именно заповѣдь мы и находимъ у Льва Николаевича. Графъ Толстой десятки разъ повторяетъ, что страданія суть то, что „и должно быть“, и что вообще они безусловно благодѣтельны. А если это такъ, то зачѣмъ же однѣмъ личностямъ усердствовать въ дѣлѣ освобожденія другихъ личностей отъ страданій?

Вѣдь это значить нарушать то, что „должно“ быть, и устранять то, что весьма благодѣтельно для людей. Съ другой стороны, представляется даже совершенно напрасною и безплодною любовная дѣятельность, предпринимаемая однѣми личностями для улучшенія положенія другихъ индивидуумовъ.

Вслѣдъ за Шопенгауеромъ и Гартманомъ гр. Толстой утверждаетъ, что жизнь человѣческая никогда не въ состояніи стать сколько-нибудь счастливою. Мало того: онъ категорически завѣряетъ, что не существуетъ будто-бы „никакого“ различія въ положеніи людей, съ одной стороны, бѣдныхъ, больныхъ, а съ другой, матеріально-состоятельныхъ и здоровыхъ, что различеніе лучшихъ и худшихъ, счастливыхъ и несчастливыхъ положеній людскихъ есть что исоптический обманъ, и что существованіе личности человѣка не можетъ быть сдѣлано сколько-нибудь счастливымъ никакими улучшеніями его внѣшнихъ условій. А если такъ,—не очевидно ли, что, съ точки зрѣнія мнимыхъ альтруистовъ, послѣдовательно приводимой, совершенно напрасно и бесполезно предпринимать что-либо для споспѣшествованія благу другихъ людей?

Служить счастью ближнихъ значить наполнять бездонныя бочки Данаидъ. Это выводъ естественный, и его иногда прямо признаетъ самъ Толстой. Напр., во время голода 1891—

92 гг. онъ прямо писалъ, что *не слѣдуетъ помогать голоднымъ— не слѣдуетъ вмѣшиваться въ жизнь, а предоставить ей идти какъ она идетъ.*

А если и не дѣлать этого вывода, то не будетъ ли этотъ альтруизмъ Толстого, походить на издѣвательство надъ ближнимъ? Человѣкъ даетъ ближнему то, что не нужно, не имѣетъ цѣны въ глазахъ и того, *кто* даетъ и вмѣстѣ не нужно и тому, *кому* даютъ. Вѣдь это значитъ — какъ говорить проф. Гусевъ—дарить битую посуду.

Конечно, если человѣку, говоря словами Толстого, „все-равно“, то такое настроеніе способно внести миръ на землю, но отъ этого мораль Толстого не перестанетъ быть моралью мертвецовъ.

Въ царствѣ Божіемъ—по представленію Льва Николаевича—былъ бы миръ, но тотъ же самый, какой царитъ на кладбищѣ.

Но если отъ этой морали вѣтъ дыханіемъ смерти, то съ положительнымъ ужасомъ остановились мы передъ новымъ выводомъ изъ тѣхъ же положеній. Именно въ этомъ нижеслѣдующемъ выводѣ—снова передъ нами князь Андрей,—съ его кроткой насмѣшкой безконечнаго презрѣнія къ людямъ, снова передъ нами та же завистливая ненависть мертвеца къ жизни и живымъ.

Какъ думаете вы, что называетъ Левъ Николаевичъ любовью къ себѣ,—что значитъ уменьшить знаменателя дроби, опредѣляющей любовь къ ближнему? Любовь къ себѣ—это *всякая привязанность челоѣка, любовь къ дѣтямъ, матери, даже къ чужимъ, имѣющая характеръ «порыва», т. е. чувства.*

Уменьшить знаменателя дроби и значитъ погасить всѣ проявленія этой предпочтительной любви къ дѣтямъ, роднымъ, наукѣ, даже вообще ближнимъ, если, какъ сказали мы, эта любовь носитъ черты „чувства“.

Андрей пересталъ любить Марію, Николашу. Это *обязанъ* сдѣлать всякій челоѣкъ. Любовь къ своимъ есть проявленіе личной жизни, это эгоизмъ; нужно сдѣлать самое сердце неспособнымъ биться: только тогда челоѣкъ можетъ служить другимъ всѣмъ.

Когда Христосъ съ креста сказалъ Іоанну Богослову, указывая на Богоматерь: „Сынъ, вотъ Мать твоя“,—Онъ со-

грѣшилъ противъ любви и обнаружилъ эгоистическое пристрастіе къ міру.

Согрѣшилъ противъ любви и Іоаннъ, тотъ самый Іоаннъ, который написалъ посланія о любви, когда принялъ эту обязанность. Когда Богоматерь плакала у ногъ Распятаго Сына, эти слезы были слезами женщины, въ лицѣ Сына любившей себя, свое эгоистическое „я“, животную личность. Вы мысленно не вѣрите мнѣ, думаете, что я перетолковалъ новаго учителя,—нѣтъ, вотъ его слова (въ книгѣ „О жизни“).

„То, что люди, не понимающіе жизни, называютъ любовью,—это только предпочтеніе однихъ условій блага своей личности другимъ. Это чувство животное—совершенно противоположное любви.“

Когда человѣкъ, не понимающій жизни, говоритъ, что онъ любитъ свою жену, или ребенка, или друга, или искусство, или науку, онъ говоритъ только то, что присутствіе въ его жизни его жены, ребенка, друга увеличиваетъ благо его личной жизни. Это только эгоизмъ: только неразумнымъ животнымъ позволительно любить тѣхъ, кого любятъ: своихъ волчатъ, свое стадо,—потому что тѣмъ позволительно не знать, что эта любовь къ своимъ наноситъ ущербъ чужимъ волчатамъ и другому стаду, и что изъ столкновенія чувствъ должно выйти нѣчто не благое. Любовь къ избраннымъ лицамъ и предметамъ—всегда любовь къ себѣ. Если же любящій иногда и забываетъ интересы своей личности ради любимаго, то онъ дѣлаетъ это въ отдаленнѣйшихъ цѣляхъ собственнаго блага. Только тотъ, кто, говоря словами Sutta Nirata, преобѣдивъ всякую человѣческую привязанность, преобѣдилъ вмѣстѣ и привязанность къ божественному,—подниметь покрывало Майи и раскроетъ передъ человѣкомъ неразумность обособленія личности и тайну всеединства сущности“.

Послѣ этого, я думаю, вамъ понятна „кроткая насмѣшка“ на устахъ князя Андрея. Понятно, что каждый просвѣтленный, убивши въ себѣ всякое живое движеніе сердца, уменьшивъ до конца любовь къ себѣ,—смотритъ тѣмъ холоднымъ и враждебнымъ взглядомъ, какъ Андрей.

Вѣдь онъ любитъ въ сущности вовсе не *всѣхъ* людей и *никого изъ людей*, а какое-то страшное всеединство,—призракъ,

который стоитъ за ближнимъ, и это видѣніе даетъ не радость любви, а сковываетъ его ужасомъ смерти и мѣшаетъ ему подойти поближе къ человѣку, къ отдѣльному ближнему.

Послѣ этого вы поймете, почему и княжна Марія холодѣла подъ этимъ взглядомъ: эта любовь холодная, какъ смерть, любовь буддійская.

„Любить-то добродѣтель парій—

говорить стихотворное переложеніе буддійской библии Sutta Nipata u Klaggavisana Sutta,—

Я долженъ жить, какъ носорогъ въ пустынь, одиноко,
Какъ воздухъ, долженъ быть свободенъ я отъ скверны,
Любви плотской, сыновней и отцовской;
И къ доброму и злому равнодушень,
Иду путемъ неоскверненнымъ
Ко благу темной нирваны“.

Не должно любить ни дѣтей, ни жены, ни учениковъ, ни родственниковъ особенной любовью,—большей не только далекаго, но и невѣдомаго А или В, потому что этотъ А или В можетъ придти къ тебѣ завтра или сегодня за твоей любовью, за твоей помощью, и тебѣ нечего будетъ дать.

„Вотъ я люблю,—пишетъ Толстой,—своего ребенка, свою жену, свое отечество, т. е. желаю блага своему ребенку, женѣ, отечеству больше, чѣмъ другимъ женамъ, дѣтямъ и отечествамъ. Никогда не бываетъ и не можетъ быть, чтобы я любилъ своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякій человѣкъ любить вмѣстѣ и ребенка, и жену, и дѣтей, и отечество, и людей вообще. Между тѣмъ, условія блага, котораго онъ по своей любви желаетъ различнымъ любимымъ существамъ, такъ связаны между собою, что всякая любовная дѣятельность человѣка для одного изъ любимыхъ существъ, не только мѣшаетъ его дѣятельности для другихъ, но бываетъ въ ущербъ другимъ.“

И вотъ являются вопросы: во имя какой любви и какъ дѣйствовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому дѣлать больше добра,—женѣ, или дѣтямъ, женѣ и дѣтямъ, или друзьямъ? Какъ служить любимому отечеству, не нарушая любви къ женѣ, дѣтямъ и друзьямъ?

Какъ, наконецъ, рѣшать вопросы о томъ, насколько можно мнѣ жертвовать и моею личностью, нужной для служенія другимъ? Насколько мнѣ нужно заботиться о себѣ для того, чтобы я могъ, любя другихъ, служить имъ? Сейчасъ пришелъ голодный старикъ, котораго я немножко люблю, и просить ѣды, которую я берегу на ужинъ любимымъ мною дѣтямъ; какъ мнѣ взвѣсить требованія сейчасшней менѣ сильной любви съ будущими требованіями болѣе сильной любви?“

Вотъ мораль. Чѣмъ можетъ быть она вызвана, какъ не собственной неспособностью автора—любить тѣхъ, кто около... вообще кого-нибудь любить?

Вѣдь не есть ли это умерщвленіе любви къ тому, кто рядомъ, въ интересахъ того, кто завтра будетъ нуждаться въ нашей помощи—именно въ томъ, что запрещаетъ самъ Левъ Николаевичъ.

Если,—пишетъ онъ,—человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше отказаться отъ требованій настоящей самой малой любви во имя другого будущаго проявленія большой любви,—то онъ просто „не любить“. Но дѣти, ученики, семья, соотечественники—это именно настоящее, это не только дѣти, ученики—это люди, которые въ настоящемъ требуютъ нашей любви. Поэтому, если кто старается убить любовь къ нимъ во имя другого проявленія (говоримъ *mutatis mutandis* буквально словами Льва Николаевича) любви къ дальнему, которому эта любовь можетъ помѣшать въ будущемъ, то такой человѣкъ обманываетъ и себя, и другихъ, и никого не любитъ, кромѣ себя одного.

Конечно, моя любовь къ маленькому близкому кружку можетъ сопровождаться съ холодностью къ чужимъ, которые станутъ заявлять претензіи на тѣ блага, которыя принадлежать этому кружку, но причиной здѣсь будетъ не самый избытокъ любви къ избраннымъ, и недостатокъ любви къ этимъ чужимъ.

Отнимите у человѣка, привязаннаго къ своимъ дѣтямъ, его дѣтей,—онъ не станетъ добрѣе къ другимъ.

Но за то давно доказано, что часто любви, въ смыслѣ того пристрастія, о которомъ говоритъ Толстой, достаточно, чтобы растопить сердце человѣка и сдѣлать его любящимъ въ отношеніи „дальнихъ“, „всѣхъ“.

„Живодеръ“ Данченка пересталъ быть такимъ, какимъ

онъ былъ, съ тѣхъ поръ, какъ у него явилась любовь, „пристрастіе“ къ чужому ребенку... Случайная привязанность часто дѣйствуетъ, какъ откровеніе: отверзаетъ сердце для любви.

Въ одномъ беллетристическомъ произведеніи въ преступникѣ-убійцѣ пробудилась совѣсть, когда онъ въ тюрьмѣ впервые полюбилъ, даже не человѣка, а раненную птичку... Любовь къ кому-нибудь, т. е. предпочтительная любовь вообще, открываетъ сердце человѣка для любви.

Отрицаніе предпочтительной любви неизбѣжно предполагаетъ или влечетъ за собою отрицаніе всякой любви къ кому бы и къ чему бы то ни было.

„Отсутствіе въ человѣкѣ предпочтительной любви къ кому-либо и къ чему-нибудь есть вѣрный и неоспоримый показатель полнаго его индифферентизма, или равнодушія къ всему и ко всѣмъ. Каждый согласится съ тѣмъ, что кто одинаково смотритъ, напр., на всѣ кушанья, напитки, формы одежды, жилища, растенія и на тому подобные предметы, не отдавая ни одному изъ нихъ „никакого“ предпочтенія, тотъ, очевидно, равнодушенъ ко всѣмъ имъ. То же самое слѣдуетъ сказать и касательно того, кто говоритъ, что онъ совершенно одинаково относится ко всѣмъ людямъ и не питаетъ какого-нибудь предпочтительнаго расположенія ни къ одному изъ нихъ“ (проф. Гусевъ).

Для человѣка его инстинктивное влеченіе къ себѣ подобнымъ всегда необходимо индивидуализовано, исключительно есть (пока оно остается чувствомъ, а не вырождается въ безцвѣтный и бесплодный „головной“, разсудочный фантазмъ) чувство влеченія къ людямъ своего отечества, своего положенія, своей культуры.

Помогая кому-нибудь въ бѣдѣ, самоотверженно служа ему, сочувствуя его горестямъ и стремясь облегчить ихъ, я состою въ дѣйствительномъ общеніи воли, впечатлѣній и чувствованій (усиливаемомъ, и скрѣпляемомъ, и выражаемомъ), именно съ этимъ *къ-нибудь*, а не съ человѣчествомъ вообще, помогаю, служу, сочувствую этому *кому-нибудь* или *чему-нибудь*, но не отвлеченной идеѣ вообще человѣческаго всеединства. Чувство мое, поскольку оно—чувство, т. е. энергично и цѣнно для души, всегда и вездѣ индивидуализировано, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой индивидуализиро-

вано, и составляет оно дѣятельно-возбуждающее начало въ душевной жизни, могущее побуждать душу къ самымъ энергическимъ усилямъ и оттѣснять въ ней на задній планъ всѣ другія, постоянно борющіяся въ ней за преобладаніе, эгоистическія побужденія и стремленія. „Ни къ какой борьбѣ и побѣдѣ, ни къ какой энергичной дѣятельности не способны такія общія настроенія безъ опредѣленнаго предмета, безъ направленія, выраженія, дѣятельнаго почина и т. п., въ какихъ даже наиболѣе склонная къ оправданію „любви къ человѣчеству“ психологія могла бы съ самыми большими натяжками признать эту „любовь ко всеединой сущности“. Нельзя поэтому не сознаться, что плохая была бы надежда на водвореніе въ человѣчествѣ положительной и дѣйствительной морали, если бы вся эта надежда покоилась на подобномъ сомнительномъ чувствѣ, которое даже и чувствомъ-то вообще слишкомъ трудно признать“ (Астафьевъ).

И христіанство тоже проповѣдуетъ, чтобы мы всѣхъ равно любили, и оно считаетъ недостойнымъ Христа того, кто любить мать, или жену, или дѣтей больше, и въ ущербъ любви ко Христу и его дѣлу, въ ущербъ любви къ ближнимъ. Да, но оно говоритъ это такъ: ты любишь дѣтей, мать, жену,— пусть, — люби ихъ, но ты долженъ стремиться и къ тому, чтобы всѣхъ любить такъ, какъ ихъ, долженъ расширять предѣлы любви, пока не будешь любить всѣхъ,—какъ любить всѣхъ Господь.

Въ святоотеческой письменности существуетъ прекрасная аналогія. Любовь къ людямъ и Богу изображается въ видѣ концентрическихъ круговъ, въ центрѣ которыхъ Богъ. Я думаю, хорошо воспользоваться этой аналогіей для нашей цѣли. Въ центрѣ Богъ,—всякая любовь имѣетъ начало и сосредоточивается въ Богѣ. Сама любовь есть Богъ, открывающійся въ человѣкѣ. Но любовь къ Богу въ первое время не направляется сознательно на свой объектъ. Люди любятъ Бога въ лицѣ ближнихъ, сначала въ лицѣ самыхъ близкихъ людей.

Это первый концентрическій кругъ. Въ этой любви они обнаруживаютъ свою любовь къ Богу, и самая любовь къ Богу проясняется и усиливается въ ихъ сознаніи. *Въ центрѣ свѣтъ усиливается* и сильнѣе освѣщаетъ кругъ; радіусъ свѣта, исходящаго изъ центра, описываетъ новый концентръ, люди

расширяють кругъ тѣхъ, которыхъ любятъ: принимаютъ въ свою любовь рядомъ съ близкими и „дальнихъ“ (сравнительно). Этотъ новый кругъ, новая область свѣта—любовь къ роду, соотечественникамъ и т. п.

Далѣе,—эта увеличенная любовь къ ближнимъ, какъ уже слѣдуетъ изъ сказаннаго, снова, по закону своеобразной круговой поруки, проясняетъ центръ. Любовь къ Богу растетъ и усиливается, свѣтъ отъ центра и ранѣ описанныхъ центровъ своими лучами рисуетъ новый кругъ, пока, наконецъ, не освѣтится все пространство до периферіи и человѣкъ черезъ Бога соединится въ любви со всѣмъ человѣчествомъ. „И будетъ Богъ во всѣхъ“.

Толстой начинаетъ съ конца. Онъ говоритъ: ты долженъ любить всѣхъ одинаково. Вотъ далеко на периферіи безконечнаго круга тѣнь невѣдомаго тебѣ Х (икса). Ты долженъ любить его, какъ дѣтей, сына, дочь. Но я *знаю*, что это невозможно, что нельзя его любить той любовью, какой ты любишь сына или мать. Поэтому откажись отъ этой любви къ сыну, матери, признай ее неистинной, перестань любить „своихъ“, чтобы, если бы этотъ Х потребовалъ твоей любви, тебѣ не помѣшала любовь къ близкимъ. Христіанство требуетъ, чтобы человѣкъ увеличивалъ тотъ небольшой нравственный плюсъ, какимъ представляется любовь въ границахъ семьи, родины. Толстой увѣряетъ, что отъ этой любви слѣдуетъ отказаться, хотя это вообще умерщвляетъ любовь и не увеличитъ любви къ тѣмъ „дальнимъ“.

Не люби родины. Это грѣхъ: патріотизмъ заставляетъ человѣка ругать и ненавидѣть чужой народъ.

Да, иногда заставляетъ, но такого патріотизма и не принимаетъ Церковь. Христіанское сознаніе осудило, какъ не христіанскій, поступокъ купца Иголкина, который, взявши на себя самовольно роль судьи и палача, убилъ двухъ шведскихъ солдатъ, бранившихъ царя Петра ¹⁾; но истинный патріотизмъ есть любовь.

Уриель Акоста (герой трагедіи Гуцкова) — космополитъ; онъ отрѣшился отъ вѣрованій своего народа (еврейскаго), онъ ненавидитъ еврейскую отчужденность и замкнутость. Но

¹⁾ „Образованіе“, ноябрь 1899 г. Зам. Симбирца „Нехристіанскій патріотизмъ“.

вотъ представляется случай, что Уріель можетъ спасти себя отъ тяжелаго обряда отлученія заявленіемъ, что онъ не еврей, не принадлежитъ къ еврейскому народу. Уріель могъ это сдѣлать, но онъ отвѣчаетъ:

„Скажу вамъ откровенно:
Охотно бы я отдался тому,
Что обще всѣмъ, оставилъ отчужденность
Еврейскую и погрузился весь
Въ живой потокъ движенія мірового,—
И воленъ былъ я это сдѣлать,—но
Не дѣлаю... А отчего? Объ этомъ
Не спрашивайте. Отчего, когда
Къ Іосифу въ Египтъ тѣ же братья
Пріѣхали, что продали его,—
Заплакалъ онъ отъ радости и счастья?
Васъ гонять...
Вы только робкимъ стадомъ
Живете тутъ, испуганной толпой:
Малѣйшее пустое подозрѣнье,—
И снова вы, какъ предокъ Агасферъ
Должны идти, идти безъ остановки,
Безъ отдыха, съ проклятьемъ на челѣ!
И что жъ? Межъ тѣмъ, какъ вы свой путь тяжелый
Свершаете, снеся и пыль, и зной—
Мнѣ возлежать въ тѣни густыхъ деревьевъ,
На зелени роскошной? Нѣтъ, страдать
Съ страдальцами хочу я“.

Слѣдуетъ ли осудить эту любовь къ братьямъ-евреямъ, какъ и Іосифа, плакавшаго на груди продавшихъ его братьевъ? Да вѣдь если бы Уріель вмѣсто этого исповѣданія любви ушелъ отъ своихъ страдающихъ братьевъ,—онъ показалъ не то, что *дальнихъ* любить, а то, что холоденъ и безчувственъ къ ближнимъ. Его соотечественники и были тѣ *ближайшіе* *близкіе*, которые нуждались въ его любви.

И Господь Іисусъ Христосъ плакалъ, предвидя будущія судьбы родного Ему Іерусалима.

„Всѣхъ любить—значитъ никого не любить“.

Мы можемъ принять этотъ нескладно построенный тезисъ (гг. специалисты словесности назовутъ его солецизмомъ), только перенесемъ логическое удареніе. Гр. Толстой хочетъ сказать, что при отсутствіи любви къ чему и къ кому-нибудь,—любви, выдѣляющей это лицо или предметъ изъ ряда другихъ, — только и можетъ родиться любовь ко всѣмъ. Я

принимаю его тезисъ въ болѣе прямомъ смыслѣ: сказать „я всѣхъ люблю“,—равно: я не люблю никого...

Въ литературѣ есть грандіозный образъ человѣка, воплощающаго въ себѣ мысли Толстого о любви къ ближнимъ и дальнимъ. Разумѣю Ибсеновскаго „Бранда“.

Въ этомъ образѣ гениальный художникъ ярко и выпукло сказалъ то, что въ блѣдномъ, прозрачномъ и скудномъ выраженіи находимъ у Толстого.

Брандъ тотъ же Толстой, только опредѣленнѣе и ярче. Пасторъ Брандъ задался цѣлью вести къ „счастью, истинѣ и свѣту свой народъ“. Для того, чтобы осуществить эту великую задачу служенія „дальнимъ“, онъ долженъ, по его мнѣнію, и хочеть со всей силой его воли побѣдить и убить всѣ свои, свойственныя человѣку, привязанности къ себѣ, своему счастью, женѣ, ребенку, семьѣ.—Онъ не только оставляетъ ихъ на страданія и гибель, забывая, что они, хотя вмѣстѣ съ другими, нуждаются въ его поддержкѣ и помощи,—онъ хочеть и въ женѣ Агнесѣ воспитать ту же свободу отъ привязанностей къ радостямъ жизни, къ семьѣ, къ сыну, міру. Сынъ его умираеть по винѣ отца, и Брандъ съ страшной жестокостью хочеть вырвать изъ сердца матери всякую привязанность къ памяти ребенка, потому что воспоминаніе о немъ мѣшаетъ ей идти на службу другимъ. Онъ запрещаетъ ей даже во снѣ видѣть ея ребенка—ея Ральфа. Въ полубреду она видитъ сына въ отворенное окно. Брандъ приказываетъ ей самой затворить окно, гдѣ видѣлся ей дорогой образъ милаго Ральфа...

Нужно, думаетъ ему, *затворить навсегда сердце для такой земной любви.*

Вотъ поразительный діалогъ:

Брандъ.—Затвори окно.

Агнеса.—Не будь такъ жестокъ со мной.

Брандъ.—Затвори скорѣе...

Агнеса.—Какъ *крутъ и узокъ путь твоего Бога.*

Брандъ.—Для воли нѣтъ другой дороги.

Агнеса.—*А путь милосердія?* Теперь я понимаю слова Писанія,—они открылись предо мной, какъ бездна.

— Какія слова?—„Увидѣвшій лицо Бога смертью умреть“. Она начинаеть бредить. Теперь Рождество. День дѣтей,

ихъ праздникъ. Навѣрное Ральфа отпустить сюда ко мнѣ... Быть можетъ, онъ теперь на морозѣ, протягиваетъ ручки, чтобы постучаться къ матери въ окно. Оно заперто. Что это?— дѣтскій крикъ! Ральфъ, милый, что дѣлать? Я не могу!.. все заперто! Отецъ все заперъ, Ральфъ, и я не смѣю отворить... Но ты умный, послушный мальчикъ, мы папу съ тобой никогда не огорчали. Скорѣе лети опять на небо, та мѣ свѣтъ и радость; дѣти тамъ играютъ, смотри, чтобы только слезъ твоихъ никто не видѣлъ. Не говори, что папа не впустилъ тебя, когда ты приходилъ сюда и постучался... Скажи, что онъ грустно вздыхалъ, скажи, что онъ нарвалъ зеленыхъ вѣтокъ и сплелъ тебѣ вѣнокъ...

Брандъ несомнѣнно великъ. Онъ любилъ Агнесу и, заставляя ее страдать ради блага ближнихъ, которымъ хочетъ служить,—онъ распинаетъ себя... онъ страдаетъ, можетъ быть, не менѣе, чѣмъ Агнеса. Но не кажется ли вамъ, что Брандъ не ученикъ Христа, что его сердце заперто для христіанскихъ ощущеній, что въ его самоотреченіи что-то жестокое, самоубійственное, что душа его, какъ мы сказали о Толстомъ, душа языческая, не принявшая огненного крещенія, не усвоившая еще той истины, что любовь никогда не можетъ требовать намѣренной жестокости, намѣренного мучительства въ цѣляхъ насадить любовь. Эта душа въ концѣ концовъ объята не пожаромъ любви къ ближнимъ, а пожаромъ страстнаго самообожанія.

Но возьмемъ еще нѣсколько строкъ изъ „Бранда“; онъ для насъ еще необходимъ. Агнеса вынимаетъ свои реликвіи—то, что осталось послѣ ея сына. „Вотъ его крещальный плащъ, вотъ платице“. Она цѣлуетъ ихъ, обливаетъ слезами... Но въ это время входитъ женщина и проситъ у Агнесы платья для ея сына... *Это тотъ самый голодный старикъ графа Толстого, который приходитъ за ужжиномъ, оставленнымъ матерью для дѣтей.* Агнеса отдаетъ ей половину своихъ сокровищъ... Брандъ требуетъ, чтобы она отдала все. Агнеса съ болью отдаетъ остальное... Но тихонько прячетъ одинъ чепчикъ, облитый ея слезами... Женщина уходитъ. Брандъ замѣчаетъ чепчикъ и требуетъ, чтобы она отдала и его...

Только тогда она вырветъ эгоистическую любовь изъ сердца и станетъ сильной въ любви къ чужимъ. Правда,

это значить самое сердце вырвать у нея,—но что же дѣлать? Любовь къ своимъ обязательно мѣшаетъ любить другихъ.

Даже тѣ отрывки, которые мы привели, достаточно говорятъ за то, что если бы понадобилось для блага чужого ребенка отдать этотъ чепчикъ, или даже свою жизнь, Агнеса, ради памяти того же Ральфа,—отдала бы ихъ.

Здѣсь съ чепчикомъ у нея вырвали не любовь только къ Ральфу, а вообще способность любить и жить.

Да иначе и не могло быть.

Брандъ добился цѣли... дѣйствительно, отнявши у жены ея сокровища, онъ убилъ въ ней любовь и къ сыну, и къ себѣ, и къ міру, но какой цѣною?

Когда онъ, отдавши чепчикъ женщинѣ, вернулся къ Агнесѣ,—она встрѣтила его радостнымъ взглядомъ: „Я свободна, Брандъ, я свободна...“

Брандъ: „Теперь конецъ борьбѣ“.

Агнеса: Да, свободна.—я понимаю, что сказано: „увидѣвшій Бога умретъ“.

Что она поняла? Что хочешь сказать этими послѣдними словами?

Она поняла, что Брандъ служить не Тому Богу, Какого она знала, онъ служить богу языческому,—богу, дышащему огнемъ и мстительному до третьяго колѣна, богу смерти и погашенія жизни, тому богу, который устами нашего новаго учителя сказалъ, что

1) только въ томъ случаѣ христіанинъ можетъ безъ сознанія грѣха вступить въ бракъ, если бы онъ зналъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены, что

2) чувство любви къ ребенку животное, грѣховное чувство, что онъ затемняетъ жизнь, ожесточаетъ борьбу, что

3) любовь для жизни не нужна. Что всѣхъ любить можно только никого не любя.

Немного позже и самъ Брандъ понялъ это... Подъ градомъ камней онъ велъ народъ къ спасеню и счастью и только въ концѣ пути понялъ, что, спасая другихъ, забылъ спасти любовью свою погибающую душу; забылъ, что любовь къ Богу ни страха, ни муки не имать, что Богъ есть Богъ милосердія, Deus caritatis.

Брандъ борется, хочетъ изъять изъ жизни любовь къ близкимъ, мѣшающую любви ко всѣмъ, онъ достигъ этой

цѣли, но... Изъ его любви къ дальнимъ рождается только страданіе.

Левъ Толстой идетъ далѣе, онъ вообще противъ любви, какъ порыва, какъ чувства, и въ результатѣ его любовь къ людямъ не только жестока, какъ любовь его двойника Бранда, но и носитъ иногда положительно каррикатурный характеръ. Вотъ характерный случай изъ жизни Льва Николаевича.

Мы,—говоритъ Н. К. Михайловскій,—съ графомъ Львомъ Николаевичемъ въ „Ржановскомъ домѣ“, въ самомъ центрѣ нищеты: она, хоть и пьяная и безобразная, но подлинная и несомнѣнная, кругомъ кишмя кишитъ. Гр. Толстому нужно отдѣлаться отъ 37 руб., т. е. раздать ихъ. И посмотрите, какъ это оказывается трудно. Графъ и самъ раздумываетъ, и трактирщика Ивана Ѳедотыча на совѣтъ зоветъ, причемъ этотъ Иванъ Ѳедотычъ, эта пѣявица, сосущая и спаивающая нищету, оказывается и „добродушнымъ“, и „добросовѣстнымъ“. На совѣтъ приглашается еще и трактирный половой, и вотъ начинаются размышленія: куда дѣвать 37 руб.? Лакей предлагаетъ дать Парамоновнѣ, которая „бываетъ“ и „не ѣмши“, но Иванъ Ѳедотычъ отвергаетъ Парамоновну, потому что „загуливаетъ“. Можно бы Спиридону Ивановичу помочь; но и тутъ трактирщикъ находитъ препятствіе; Акулинѣ можно бы, да она „получаетъ“. „Слѣпому“, такъ тому самъ графъ не хочетъ; онъ его видѣлъ и слышалъ, какими онъ скверными словами ругается и т. д. Согласитесь, что эта сцена поразительная и характерная: среди кишящей кругомъ нищеты графъ не знаетъ, какъ и „отдѣлаться“ отъ 37 руб., и все резонируетъ и резонируетъ, къ каковому занятію даже еще и трактирщика, и полового привлекаетъ. Неужели,—спрашиваетъ Михайловскій,—это живое чувство? Пусть всякій дѣйствительно простой сердцемъ человекъ пойдетъ съ 37 рублями въ карманѣ и съ рѣшимостью отъ нихъ отдѣлаться въ Ржановъ домъ, да посмотрѣтъ хоть на Парамоновну, которая „бываетъ не ѣмши“... А тутъ, помилуйте, „верстъ на тысячу въ окружности повѣстивъ свой добрый нравъ“ и порѣшивъ важнѣйшіе вопросы наигуманнѣйшимъ образомъ, такъ беспокоятся о 37 рубляхъ и такъ стараются, чтобы они достались, пожалуй, и такой, которая не ѣмши, но чтобы не „загуливала“, а добродѣтелью сіяла.

Нѣтъ, какъ хотите, а живого, непосредственнаго чувства тутъ маловато.

Изъ такой холодной, мертвой любви можетъ вырасти только холодный кодексъ отрицательныхъ заповѣдей: не сердись, не клянись,—не болѣе.

Замѣьте, что у Толстого мы не можемъ найти ничего похожаго на заповѣдь самопожертвованія. А „Хозяинъ и работникъ“? скажете вы. И тамъ тоже „не духъ любви вѣетъ и дышетъ“. Вначалѣ тамъ все, какъ должно быть, по-христіански. Хозяинъ въ естественномъ порывѣ ложится на замерзающаго работника, чтобы согрѣть его своимъ тѣломъ... Это любовь... но... но далѣе Левъ Николаевичъ даетъ философское объясненіе дѣла хозяина, и мы снова видимъ, что не о любви христіанской здѣсь идетъ дѣло, а о томъ же буддійскомъ тяготѣннн къ нирванѣ...

„Хозяинъ и работникъ“—это иллюстрація къ слѣдующимъ словамъ его книги „О жизни“. „Отреченіе отъ блага личности есть законъ жизни человѣческой.

Если онъ не совершается свободно, то онъ совершается въ каждомъ человѣкѣ насильно, при плотской смерти, когда онъ отъ тяжести страданій желаетъ одного: избавиться отъ мучительнаго сознанія погибающей личности и перейти въ другой видъ существованія“.

Дѣло Брехунова, значить, было простымъ предсмертнымъ эгоистическимъ желаніемъ перейти въ другой видъ существованія; припомните финаль „Хозяина и работника“.

Хозяину вдругъ стало казаться, что Василій Брехуновъ для него чужое лицо. „Ему кажется, что онъ Никита, а Никита онъ, и что жизнь его не въ немъ самомъ, а въ Никитѣ. „Живъ Никита,—значить, живъ и я“, съ торжествомъ говорить онъ себѣ.

Кого же любить и спасаетъ хозяинъ? Онъ, просвѣтленный передъ лицомъ смерти, смѣшиваетъ личности: свою и работника. Никиту онъ принимаетъ за себя—хозяина. Очевидно, что работника онъ спасаетъ по инерціи самосохраненія,—онъ въ лицѣ Никиты „себя“ любить, себя спасаетъ. При этомъ—пусть погашеніе личности можетъ привести до такого смѣшенія „я“ и „ты“, — можетъ ли эта любовь къ другимъ равняться съ той, какую проповѣдуетъ не Будда, а Христосъ?

Эта любовь требует пожертвованія собственнаго я, требует ради любви, сознательнаго добровольнаго распятія, а не вынужденнаго погашенія личности, хотя это распятіе тяжело, какъ мука дѣторожденія; любовь христіанина требуетъ Голгофы, а не нирваны...

И другой любви графъ не знаетъ ни въ одномъ своемъ произведеніи.

Правда, въ одной изъ послѣднихъ своихъ книгъ „Царство Божіе внутрь насъ“ и въ письмѣ къ Новицкой Толстой говоритъ какъ будто о настоящей любви, говоритъ, что любовь къ человѣчеству вообще не осуществима, называетъ любовь чувствомъ, но вчитайтесь немного далѣе,—вы увидите, что любви къ личностямъ онъ и здѣсь не допускаетъ. „Умъ человѣческій знаетъ только одну любовь, именно любовь къ личности, любовь безкорыстную, но нашъ авторъ, чтобы отклонить мысль отъ такой любви прибѣгаетъ къ своему методу запугиванія и прибавляетъ къ слову личность эпитетъ—животная. Вмѣсто того возвышеннаго представленія, которымъ хотѣлъ было проникнуться читатель, получается смутное, гадливое чувство. Животная личность— что за странное сочетаніе понятій! Если животное,—значить, не личность, не сознательное, свободное существо, если личность,— значить, не животное, а бессмертный, живой духъ. Христіане не животныхъ любятъ въ лицѣ своихъ ближнихъ, а именно разумную душу ихъ, стараясь умножить въ ней все доброе по слову апостола: „кійждо ближнему да угождаетъ въ благое къ созиданію“ (Рим. XV. 2).

Но Толстой не понимаетъ такой высокой любви; онъ понимаетъ подъ любовью лишь содѣйствіе интересамъ другого ради нахождения въ нихъ собственнаго блага, и потому личность въ его понятіяхъ есть просто отдѣльный эгоизмъ— „животная личность“. Желая выйти изъ предѣловъ утилитаризма, но не понимая любви христіанской, онъ сочиняетъ свою любовь: „но предметъ этой любви его ученіе находятъ не внѣ себя, не въ совокупности личностей, — въ семьѣ, государствѣ, человѣчествѣ, во всемъ внѣшнемъ мірѣ, а въ себѣ же, въ своей личности, но личности божеской, сущность которой есть та самая любовь, къ потребности расширенія которой приведена была личность животная, спасаясь

отъ сознанія своей погибельности“ (1, 153). Человѣкъ у Л. Н. только Нарциссъ, влюбленный въ самого себя!

Логика здѣсь такая: каждый ищетъ своего блага, благо личности въ благѣ общемъ; но желательнo, чтобы это благо не было грубо, эгоистично, имѣло бы характеръ возвышенный. Итакъ, оно не должно быть въ общемъ довольствѣ и покоѣ. Въ чемъ же? Въ нравственномъ усовершенствованіи личностей?.. Нѣтъ, — тогда не уйдетъ отъ безсмертія. Толстой ищетъ, думаетъ и отвѣчаетъ — „въ Богѣ“. Да вѣдь Бога-то у насъ нѣтъ, отдѣльнаго отъ моего бытія, отъ бытія міра. Ну, такъ вотъ въ лучшей части твоего бытія и ищи блага, ее и люби. Какая же лучшая часть моего бытія? Любовь, такъ вотъ эту-то любовь и люби. Да вѣдь это бессмыслица! восклицаетъ читатель. Да, но для Толстого это единственный выходъ изъ матеріалистическаго утилитаризма“ (Еп. Антоній).

Для ближняго, очевидно, ничего не остается при такомъ пониманіи любви. Въ самомъ дѣлѣ: ищетъ блага животная личность, страдаетъ только животная личность, но содѣйствовать благу животной личности нельзя, ненужно, грѣхъ; уменьшать страданія этой животной личности тоже грѣхъ и неразуміе. Слѣдовательно что же? Выводъ ясенъ! Нужно предоставить страдающимъ страдать, голодающимъ голодать. Это, какъ мы видѣли, и говоритъ Толстой не одинъ разъ. Мы видѣли, что почти въ то же самое время, когда появилась книга „Царство Божіе“, онъ запрещаетъ помогать крестьянамъ голодныхъ губерній.

Правда, онъ въ тотъ же самый годъ самъ поѣхалъ на помощь голоднымъ, собиралъ и раздавалъ деньги, но что же доказываетъ? Значитъ, онъ самъ не читаетъ, что пишетъ, или обдумываетъ свои писанія послѣ того, какъ выпустить ихъ въ свѣтъ.

Но „горе, имже соблазнъ приходитъ“. Мы въ правѣ думать, что и дѣйствовалъ онъ при голодовкѣ съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ въ Ржановскомъ домѣ или въ печальной памяти духоборческой эпопеѣ... Во всякомъ случаѣ его воззваніе о томъ, что голодныхъ слѣдуетъ оставить на произволъ судьбы, выражаетъ собой основной догматъ всей толстовской религіи и, повторяемъ, слѣдуетъ изъ его ученія необходимо, если бы даже и не было провозглашено

въ служъ міру. Вся книга „Царствіе Божіе внутрь насъ есть“ представляетъ раскрытіе этого догмата о непротівленіи злу.

Непротівленіе злу квинтъ-эссенція всей системы правоченія Толстого. Онъ и не скрываетъ этого и прямо заявляетъ, будто сущность Христовой любви въ непротівленіи. „Непротівленіе злomu, — пишетъ онъ, — представляетъ собою не иное что, какъ единственный и вѣчный законъ Бога и человѣка; непротівленіе злomu въ мірѣ души человѣка есть болѣе непреложный, болѣе ясный и полный законъ, чѣмъ законъ Галилея; ключъ къ пониманію и опредѣленію всего ученія І. Христа заключается *только въ заповѣди о непротівленіи злomu*; только она отличаетъ нравственное ученіе Спасителя отъ талмудическаго нравственнаго ученія и отъ другихъ этическихъ ученій и, въ частности, даже заповѣдь нашего Господа о любви къ людямъ отнюдь не есть отличительная заповѣдь Его ученія, но одинаково принадлежитъ ученію другихъ мудрецовъ. „Ученіе Христа, говоритъ гр. Толстой, все только въ томъ и состоитъ, чтобы откинуть несвойственное человѣческой природѣ мечтательное ученіе людей о протівленіи злу, дѣлающее ихъ жизнь несчастною, и никогда не забывать слова Евангелія: „Не протівься злomu“. Когда Л. Н. сталъ понимать эти слова просто и прямо, тотчасъ во всемъ ученіи Христа для него, по его словамъ, стало все понятно.

Что же говоритъ эта заповѣдь? А вотъ что: „Онъ (т. е. Христосъ) говоритъ: несмотря на то, что васъ будутъ обижать, вы не дѣлайте, какъ всѣ дѣлаютъ, и какъ вы прежде дѣлали добро тѣмъ, которыхъ вы считаете „добрými“, а вы дѣлайте по новому, всѣмъ, и добрымъ—и злымъ, какъ Богъ, какъ дождь съ неба, который безъ разбора идетъ на поля добрыхъ и злыхъ. Онъ говоритъ: не протівьтесь злу; дѣлая же это, напередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивши васъ въ правую щеку, ударятъ васъ и въ лѣвую, если вы не окажете сопротивленія; воспользовавшись одной вашей работою, заставятъ еще больше работать на себя; будутъ брать у васъ безъ возврата то или другое. И вотъ, когда все это будетъ происходить съ вами, вы все-таки не протівьтесь злу.

Хорошо, но вѣдь это говоритъ и Церковь, хотя бы устами Златоуста, и поярче, чѣмъ Толстой. Спаситель, — пишетъ Зла-

тоустъ,—сначала сказалъ, всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно и называющій его безумнымъ, повиненъ будетъ гееннѣ огненной; здѣсь же требуетъ еще высшаго любомудрія, когда повелѣваетъ обиженному не только молчать, но и подставлять обижающему другую щеку, и такимъ образомъ еще сильнѣе побороть его своимъ великодушіемъ. И это говоритъ Онъ не только для того, чтобы дать законъ, повелѣвающей переносить обиды, но чтобы и во всѣхъ другихъ случаяхъ научить насъ незлобію, ибо, какъ въ томъ случаѣ, когда говоритъ, что называющій брата своего безумнымъ повиненъ будетъ гееннѣ огненной, разумѣетъ не одно только сіе обидное слово, но и вообще всякое поношеніе,—такъ и здѣсь, не только предписываетъ, чтобы мы одни заушенія переносили великодушно, но чтобы и ничѣмъ подобнымъ не возмущались. Посему-го и тамъ избралъ обиду самую чувствительную и здѣсь упомянулъ объ ударѣ по щекѣ, который также весьма поносенъ и составляетъ великую обиду. Предписывая же сіе, Спаситель имѣетъ въ виду пользу и біющаго, и біемаго. Ибо обиженный, вооружившись тѣмъ любомудріемъ, которому научаетъ Спаситель, будетъ думать, что онъ не потерпитъ никакого зла; онъ даже не будетъ и чувствовать обиды, почитая себя ратоборцемъ и не думая объ ударѣ. А обижающій, будучи постыженъ, не только не нанесетъ другого удара, хотя бы онъ былъ лютѣе всякаго звѣря, но и за первый будетъ крайне обвинять себя: ибо ничто такъ не удерживаетъ обижающихъ, какъ кроткое терпѣніе обижаемыхъ. Оно не только удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшихъ порывовъ, но еще заставляетъ раскаиваться и въ прежнихъ и дѣлаетъ то, что они отходятъ отъ обиженныхъ, удивляясь ихъ кротости, и, наконецъ, изъ непріятелей и враговъ дѣлаются не только ихъ друзьями, но даже самыми близкими людьми, и (иногда) рабами. И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Спаситель хочетъ, чтобы мы показывали подобное незлобіе не только когда насъ бьютъ, но и когда хотятъ отнять у насъ имѣніе.

Почему опять предлагаетъ столь же высокое правило? Ибо какъ тамъ повелѣваетъ побѣждать терпѣніемъ, такъ и

здѣсь уступкой большаго, нежели чего ожидалъ любостяжатель.

И подобно, какъ послѣ сказанныхъ выше правилъ, чтобы не называть брата безумнымъ и не гнѣваться на него напрасно, въ послѣдней своей заповѣди потребовалъ большаго, повелѣвъ подставить и правую щеку, такъ и въ семь случаѣ, послѣ сказанныхъ уже словъ—мирися съ соперникомъ твоимъ, теперь далѣе простираетъ Свое повелѣніе. Ибо предписываетъ не только то отдать сопернику, что онъ хочетъ взять, но и оказать большую щедрость. Что же? Неужели мнѣ нагому ходить?—скажешь ты. Не были бы наги, если бы въ точности исполняли сіи повелѣнія, напротивъ, еще были бы гораздо лучше всѣхъ одѣты. Не будешь почитать невозможными повелѣнія Господни. Они и полезны, и весьма удобны къ исполненію, если только мы будемъ бодрствовать. Они такъ спасительны, что не только намъ, но и обижающимъ насъ весьма великую приносятъ пользу. Особенное же достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они, убѣждая насъ терпѣть обиды, тѣмъ самымъ поучаютъ любу мудрствовать и причиняющихъ оныя“.

И о св. Тихонѣ Задонскомъ мы знаемъ, что когда одинъ вольнодумецъ ударилъ его въ щеку за обличеніе неправомыслія (даже не его лично), то св. Тихонъ упалъ ему въ ноги и со слезами просилъ простить его за то, что онъ словами своими довелъ обидчика до грѣха....

Да, Церковь понимаетъ слова Христа и пошире... „Вотъ высочайшій верхъ добродѣтели,—продолжаетъ Златоустъ,— вотъ для чего учить Спаситель не только терпѣливо сносить заушенія, но и подставлять правую щеку.

Все сіе предложилъ Онъ для того, чтобы ты съ полною готовностью могъ принять и то, что гораздо выше сего. Что же выше сего?—скажешь ты. Не почитать того врагомъ, кто причиняетъ тебѣ обиды; даже нѣчто и сего высшее. Ибо Господь не сказалъ: не возненавидь, но возлюби; не сказалъ: не обижай, но и благотвори. Но если еще тщательнѣе рассмотримъ слова Спасителя, то увидимъ, что въ нихъ заключается новое предписаніе, гораздо еще высшее. Ибо Онъ повелѣваетъ не только любить враговъ, но и молиться за нихъ. Видишь ли, на какія восшелъ Онъ степени и какъ поставилъ насъ на самый верхъ добродѣтелей? Смотри и

исчисляй оныя, начавши отъ первой: первая степень—не начинать обиды; вторая,—когда она уже причинена, не воздавать равнымъ зломъ обидѣвшему; третья—не только не дѣлать обижающему того, что ты потерпѣлъ отъ него, но и оставаться спокойнымъ; четвертая—предавать себя самого зло-страданію; пятая—отдавать болѣе, нежели сколько хочеть взять причиняющей обиду; шестая—не ненавидѣть его; седьмая—даже любить его; осьмая—благодѣтельствовать ему; девятая—молиться о немъ Богу“.

А Толстой, наоборотъ, говорить, что нельзя любить враговъ, и повторяетъ именно только это: „Не возненавидь, не обижай“, т. е. предписываетъ то, что по Златоусту не составляетъ еще верха добродѣтели...

Гдѣ же новое и высокое въ его ученіи? А въ дальнѣйшихъ слѣдующихъ разсужденіяхъ.

Если я не могу противиться тому, кто мнѣ причинилъ зло, то я не могу противиться злему и за другихъ, не могу наказывать преступника, какъ судья, не могу идти убивать на войну, не могу поднять руку на того, кто насильничаетъ надъ ближнимъ.

Въ этихъ разсужденіяхъ дѣйствительно новое, и ихъ не приметъ ни Церковь, ни Златоустъ.

Правда, христіанство не позволяетъ насиліемъ отстаивать свое имущество, свое благо, свое право, но оно часто требуетъ защиты и своихъ правъ, когда эта защита и борьба за свое право нужна въ интересахъ самого насильника, когда уступить ему—значитъ повредить его благу, его душѣ, его спасенію. Правда, что Церковь не считаетъ войну безусловно позволительной. Правда, далѣе, Церковь не одобряетъ насилій и убійства даже для защиты другого. Въ нашихъ канонахъ (и напрасно графъ не хочеть этого знать) есть прямо и опредѣленно выраженная эпитимія Василія Великаго лишать убивающихъ на войнѣ причастія на три года (Прав. 13), какъ людей, смутившихъ свою совѣсть. Священникъ, участвовавшій въ убійствѣ, лишается своего сана, даже еслибъ сдѣлалъ это, защищая жизнь свою или другихъ. Но... Это не мѣшаетъ Церкви понимать заповѣдь о непротивленіи далеко иначе, чѣмъ Л. Н., и во многихъ случаяхъ благословляетъ именемъ Христовымъ сопротивляться злему даже силою. Для выясненія этого противорѣчія, его

причины и смысла я возьму одну иллюстрацію, гдѣ чело-
вѣкъ вынужденъ противиться злему, посягающему на благо
другого. У Короленко есть разсказъ „Убивецъ“ (изъ запи-
сокъ сибирскаго туриста),—у Толстого разсказъ „Крест-
никъ“. Въ „Крестникъ“ сынъ убиваетъ, въ состояніи полу-
безсознательномъ, разбойника, который поднялъ топоръ на
его мать. Толстой увѣряетъ, что сынъ совершилъ великій
грѣхъ.

„Убивецъ“ убилъ разбойника, который подчинилъ его
своему влиянію и приказывалъ ему на его глазахъ убить
женщину съ дѣтьми. Онъ всю жизнь считаетъ себя убив-
цемъ. И намъ понятна психологія „убивца“: онъ убилъ,
когда могъ не убивать, взялъ на себя добровольно роль
судьи. Въ то же время мы чувствуемъ, что бремя грѣха
убивецъ ощущалъ бы еще сильнѣе, еслибы убѣждалъ, оста-
вивъ бѣдную женщину. Но почему „Крестникъ“— *тоже*
„убивецъ“, мы понять не можемъ... И насколько намъ по-
нятенъ разсказъ, считать его убійцей мудрено. Церковь
судитъ не фактъ, а душу... Впрочемъ, въ частности, душу
„Крестника“ понять трудно: это разсказъ антихудожествен-
ный, но вообще психологію толстовскаго непротивленія
мы воспроизвести можемъ, и она говоритъ *не* за мнѣніе
Льва Николаевича. Мы сейчасъ попытаемся заглянуть и въ
душу непротивленца, который, видя, что челоуѣкъ въ безу-
міи готовъ поднять руку свою на беззащитную женщину и
дѣтей ея, проходитъ мимо,—и въ душу „противящагося
ножу христіанина,—всякій рѣшить, на чьей сторонѣ бо-
лѣе любви. Если бы Левъ Николаевичъ говорилъ своему
послѣдователю: иди, останови руку насильника, не трогая
его жизни; если не сможешь сдѣлать этого, заставь его
перейти черезъ твое мертвое тѣло, прежде чѣмъ рука его
поднимется на твоего ближняго,—я бы понималъ его. Но нѣтъ,
по его мнѣнію и это насиліе. *Иди мимо*, иди мимо... И вотъ,
положимъ, онъ (непротивленецъ) пошелъ мимо. Что же
долженъ онъ переживать въ это время? Я уже сказалъ, что
сердце, любовь должны бы заставить всякаго кинуться къ
преступнику, вступить въ борьбу съ нимъ и, въ случаѣ не-
обходимости, даже положительнымъ насиліемъ остановить
злую руку и злую волю. Это рефлексъ,—порывъ, такой же

необходимый, какъ сжатіе зрачка, если къ нему подносятъ свѣчку... Но толстовецъ проходить мимо.

Кто же и что побѣдило въ немъ это, повидимому, непобѣдимое стремленіе идти не мимо, а туда, на спасеніе чужой души. Другое встрѣчное предписаніе сердца? Жалость къ преступнику? Нѣтъ... Эта жалость, можетъ быть, помѣшала бы „убивцу“ опустить топоръ на голову старика, но она не могла бы помѣшать броситься къ старику-убійцѣ и силой отнять у него топоръ.

Этого требовала жалость къ *нему* столько, сколько и къ его жертвѣ.

Мы, вопреки проф. Гусеву, не думаемъ, что христіанство въ данномъ случаѣ обязуетъ любить жертву болѣе, чѣмъ злодѣя, а потому идти противъ него. Нѣтъ, преступникъ здѣсь несчастнѣе и любить его можно столько же, сколько и жертву, и даже больше, но эта-то любовь къ нему и заставить остановить преступленіе силою... А тутъ велятъ совсѣмъ пройти мимо. Значить, заповѣдь непротивленія продиктована не встрѣчнымъ стремленіемъ сердца,—любовью къ разбойнику, а рефлексіей,—разсудкомъ. А если такъ, то о психологіи непротивленца не приходится говорить много. Это психологія человѣка, у котораго любовь, сердце безъ остатка убито рефлексіей. Такой человѣкъ принесъ любовь въ жертву догмѣ убивающей, гласящей, что эта временная, скорбная жизнь „есть величина, не имѣющая ни вѣса, ни мѣры и не могущая быть приравнена ни къ какой другой, и потому уничтоженіе жизни за жизнь не имѣетъ смысла“ (II. 148).

Въ этомъ непротивленцѣ, проходящемъ мимо, присмотрѣвшись, можно увидѣть того же Андрея Болконскаго, который, конечно, прошелъ бы мимо насилія, потому что сталъ выше любви и жалости и уже не способенъ волноваться чувствами обыкновенныхъ людей, т. е. вообще *человѣческими* чувствами.

Но оставимъ психологію; такъ какъ у такихъ людей нѣтъ „цѣльной“ души, то и говорить можно не о психологіи непротивленца, а о его логикѣ.

Эта логика говоритъ, прежде всего, что жизнь—благо, не имѣющее мѣры, признаніе жизни каждаго человѣка

священной есть первое и единственное основаніе нравственности (148).

Да, жизнь—благо, потому что это срокъ, данный намъ для приготовления къ вѣчной жизни, но если благо одна жизнь, то благо впятеро большее—жизнь той женщины съ 5-ю дѣтьми, которую собирались отнять. Да потомъ,—возьмемъ хоть толстовскій примѣръ разбойника, преслѣдующаго дѣвушку. Здѣсь спаситель спасаетъ не тѣло и жизнь, а *душу*. А главнѣе всего и нужнѣе всего во всякомъ такомъ случаѣ человекъ спасаетъ „правду“, идею правды на землѣ.

Я вижу,—возражаетъ далѣе Толстой,—что извѣстный мнѣ разбойникъ преслѣдуетъ дѣвушку, у меня въ рукѣ ружье,—я убиваю разбойника, спасаю дѣвушку, но смерть или пораненіе разбойника совершилось навѣрное, то же, что бы произошло, еслибъ этого не случилось, мнѣ неизвѣстно.—Странное возраженіе. Конечно, Богъ могъ и безъ насъ спасти жертву отъ обидчика, но если Онъ сдѣлалъ насъ свидѣтелями зла, то не значить ли это, что Онъ насъ и назначилъ предупредить зло. Впрочемъ объ этихъ разсужденіяхъ графа не стоитъ говорить много. Онъ самъ не придаетъ имъ особеннаго значенія. Центръ тяжести въ его борьбѣ *противъ „противленія“* въ слѣдующемъ, третьемъ возраженіи. Нельзя,—говоритъ онъ,—зла уничтожить зломъ, нельзя вымыть столь грязной тряпкой; совершать новое зло, чтобы уничтожить другое,—нелѣпость. Да, конечно, зломъ не уничтожается зло. Но дѣло въ томъ, что даже убійство ради защиты чужой жизни не есть зло, потому что *это страданіе*.

Я возьму тотъ же примѣръ: человекъ,—назовемъ его А.,—не имѣетъ средствъ спасти отъ насилія ребенка или дѣвушку, которыхъ вдали преслѣдуетъ разбойникъ. А. беретъ ружье и стрѣляетъ... Это зло? Загляните въ душу человека! Если онъ подниметъ свое ружье, какъ самозванный судья, съ радостью и гордостью совершающаго подвигъ человека,—Церковь осудитъ его, какъ осудила совѣсть „убивца“ Короленка. Но вѣдь такая психологія еще не христіанская психологія. Христіанинъ обязанность защищать чужую жизнь силой принимаетъ на себя, какъ тяжелый, но неизбѣжный крестъ, какъ страданіе, возложенное Богомъ, какъ мучительную обязанность быть орудіемъ гнѣва Божія на преступ-

лика. Часовой у Короленка („Подъ свѣтлый праздникъ“) съ мукой, „зажмурившись“, стрѣляетъ въ бѣжавшаго арестанта. Съ еще большей мукой, тоже зажмурившись, можетъ быть, съ сердцемъ, истекающимъ кровью отъ жалости, стрѣляетъ такъ ненавистный Толстому „противленецъ“ въ разбойника; съ этимъ же (приблизительно) настроеніемъ идетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ, по идеѣ Церкви, идти на войну каждый воинъ.

Неужели же этотъ человѣкъ совершилъ зло? Нѣтъ,— черезъ него земля не увидѣла совершенія новаго убійства, а каждое убійство ложится на землю, какъ новое проклятіе, какъ печать на чело Каина. Въ то же время этотъ человѣкъ далъ людямъ образецъ самоотверженія, того страданія, какое перенесъ ради Бога Авраамъ, принося Исаака въ жертву. Зачѣмъ не хочетъ знать Левъ Николаевичъ, что для человѣка душу свою отдать за чужую легче, чѣмъ взять чужую для спасенія даже своей? Въ одномъ греческомъ стихотвореніи отецъ видитъ въ рядахъ враговъ своего сына-ренегата, который готовится поднять руку на братьевъ.

«Мой сынъ среди враговъ...

Спаси я долженъ сына отъ тяжкаго проклятыя

Быть Каиномъ, убійцей братьевъ.

О Боже! *тяжко* руку поднимать на кровь родную,

Но для тебя, мой сынъ... Не дамъ твоей рукъ

Родною кровью обогрится.

Мой Господи, дай вѣрность рукъ моей».

Церковь, однако, и въ подобныхъ случаяхъ налагаетъ эпитимію. Это тогда, когда человѣкъ—защитникъ чужого блага не сумѣлъ подняться выше нравственнаго уровня „убивца“ Короленко и принялъ на себя долгъ судьи не съ тѣмъ крестоноснымъ настроеніемъ, какое требовалось. (Отсюда и 3-лѣтняя эпитимія на смутившаго свою душу убійствомъ на войнѣ).

Кромѣ того, по мысли Церкви, каждый человѣкъ долженъ воспитывать въ себѣ такую сильную вѣру и духъ, чтобы однимъ молитвеннымъ пожеланіемъ онъ могъ побѣдить всякую чужую насилующую руку. И недостатокъ этой силы есть уже грѣхъ.

Пусть пойметъ Л. Н., что разница между христіанскимъ, которое исповѣдуетъ Церковь и православные войны, и его

ученіемъ состоитъ не въ томъ, какъ то и другое относится къ самому убійству и насилію, а въ томъ, что христіанство смотритъ на насиліе въ борьбѣ со зломъ, какъ на поступокъ (даже при настроеніи не безусловно христіанскомъ) менѣе грѣховный, чѣмъ равнодушное примиреніе съ беззаконіемъ, а Толстой считаетъ первое безусловнымъ грѣхомъ, а второе вовсе не грѣхомъ (еп. Антоній). Забываетъ Левъ Николаевичъ, что и Христосъ изгналъ изъ храма торгующихъ, и Онъ, ударившему Его въ ланиту, не подставилъ другую, а съ укоромъ обратился къ его совѣсти.

Духъ Христа глубже Его заповѣдей, и, если человѣкъ послѣдуетъ закону Евангелія, не обращая вниманія на духъ Его, то въ чемъ будетъ его отличіе отъ ветхозавѣтныхъ фарисеевъ, которыхъ Христосъ обличалъ съ такой силой? Сравнивая ученіе Духа, т. е. церковное ученіе съ ученіемъ новаго пророка, какой жалкой и низменной кажется эта новая проповѣдь! Она очень элементарна, такъ проста, что додуматься до нея, читая Евангеліе, могъ бы и ребенокъ. Но въ то же время она такъ не глубока и не христіански холодна, книжна, что и чистый сердцемъ ребенокъ, и взрослый, читающій Евангеліе и старающійся идти далѣе поверхности, одинаково не примутъ ея... Толстой рѣшилъ, что толкованіе исказило Евангеліе, и послѣ этого онъ сталъ держаться начала: „не толковать Христа... Христосъ говоритъ то, что онъ говоритъ“. Это хорошо, но вѣдь Христосъ говоритъ только „не противься злему“, не болѣе; это и Златоустъ, какъ мы видѣли, принимаетъ буквально, но тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаетъ Толстой, — онъ не находитъ въ заповѣди. Слѣдовательно, и Л. Н. хочеть толковать текстъ, только толкуеть онъ его по-верху (это у него называется толковать *не подмѣняя текста*), а мы по руководству „духа“, духа того же Евангелія.

То же, что сказано о личной жизни, — можно сказать и о жизни общественной, о войнѣ.

Войны, конечно, слѣдствіе несовершеннаго, грѣховаго состоянія. Церковь всегда молится, чтобы ихъ не было, но она не можетъ осудить доброй освободительной войны, войны на защиту обиженныхъ и поработенныхъ. Этотъ способъ защиты несовершенъ и грѣховенъ, но самая война для даннаго народа есть выраженіе подъема въ немъ нравственнаго чувства любви и справедливости, и Церковь должна

благословлять народъ за то, что онъ поднялся хоть на одну пядь надъ прежнимъ своимъ эгоизмомъ. „Если русскій народъ, созерцая истязаніе болгаръ и ихъ насильственное потурченіе, имѣлъ бы настолькоъ духовныхъ силъ, чтобы убѣдить и турокъ прекратить жестокости, или болгаръ принять мученіе, какъ Георгій Побѣдоносець, или, наконецъ, воззвать къ Богу съ такой силой вѣры, чтобы Господь Самъ чудесно сохранилъ невредимыми христіанъ и устрашилъ мучителей,—тогда бы народъ русскій былъ бы безусловно виновенъ, еслибъ, полѣннившись напрячь духъ свой, предпочелъ обратиться къ оружію; но такъ какъ подобной апостольской силы духа онъ не имѣлъ, и ему предстоялъ выборъ между войной и преступнымъ равнодушіемъ священника и левита въ притчѣ о милосердомъ самарянинѣ, то онъ и поступилъ наилучшимъ изъ доступныхъ для него способовъ отношенія къ балканскимъ распрямъ“ (Еп. Антоній).

„Война не всегда бичъ, а иногда и спасеніе, — пишетъ Достоевскій,—подвигъ самопожертвованія кровью за все то, что мы считаемъ святымъ, конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катихизиса; подъемъ націи ради великодушнѣйшей идеи есть толчекъ впередъ, а не озвѣрѣніе“.

Народъ сталъ выше себя, выше инстинктивнаго самосохраненія, слѣдовательно, война свята; въ то же время здѣсь нація, конечно, ниже церковнаго идеала, побѣждающаго духомъ, и Церковь не скрываетъ такого взгляда.

Такимъ образомъ, и война иногда нравственный плюсъ, а Толстовское непротивленіе всегда минусъ, символъ равнодушія, выраженіе простой душевной косности и потому можетъ быть гибельнѣе даже самаго насилія, не насилія *защитающихся*, а *насилія нападающихъ*. Говорятъ, что если бы заповѣдь о непротивленіи злу получила права гражданства, то сильные перерѣзали бы всѣхъ „непротивляющихся“. Нѣтъ, было бы гораздо хуже, неизмѣримо хуже.

Моментъ, когда заповѣдь непротивленія и любви ко всѣмъ одинаковой, безъ предпочтенія къ чему и кому-нибудь, безъ порыва и сердечнаго подъема, вошла бы въ міръ, былъ бы моментомъ смерти міра. Тогда на землѣ не стало бы матерей; матери боялись бы любить своего ребенка, потому что ихъ любовь можетъ понадобится другому ребенку; не было бы сыновей и дочерей, потому что ихъ уводили бы отъ от-

цовъ и матерей, спасая ихъ отъ зла предпочтительной любви къ отцу и матери. Не было бы такихъ семействъ, какъ семья Іоакима и Анны, потому что семью провозгласили бы тогда символомъ эгоизма и отняли бы у нихъ Марію; не было бы Моисеевъ, которые готовы лучше видѣть душу свою вычеркнутою изъ книги завѣта, чѣмъ гибель своего народа. На улицахъ насилывали бы дѣтей и женщинъ, злодѣи вырвали бы въ дома и рѣзали бы дѣтей (собственный примѣръ Толстого), и этому никто не противился бы; *больше — этого просто не замѣчали бы.* Миръ обратился бы, повторяю, въ некрополь, осуществился бы идеаль одного утописта, который серьезно или въ шутку совѣтовалъ новому будущему Вагнеру, создавая въ своей лабораторіи гомункула, не вкладывать въ него сердце.

Не нужно забывать, кромѣ того, что хотя сторонники Толстого (да и самъ онъ) иногда стараются истолковать свою заповѣдь о непротивленіи злу въ томъ смыслѣ, будто она не запрещаетъ вообще борьбы со зломъ, а только борьбу съ насиліемъ, — *она имѣетъ именно такой смыслъ* запрета всякой борьбы, да иного и не можетъ придать этой заповѣди всякій, кто знакомъ съ писаніемъ Льва Николаевича хоть немного болѣе, чѣмъ онъ самъ. „Скажутъ, — пишетъ одинъ поклонникъ Толстого, — что онъ отрицаетъ лишь противленіе злу зломъ и требуетъ, чтобы человѣкъ шелъ дорогой добра, не смотря ни на что. Это, однако, не такъ. Текстъ ясенъ: не противься злу и злему. Л. Н. пишетъ: „слова эти: не противься злу и злему, понятыя въ ихъ прямомъ значеніи, были для меня истинно ключомъ, открывшимъ для меня все“. Что же могутъ означать эти слова въ ихъ прямомъ значеніи? Не противься злу никакъ; ни зломъ, ни добромъ, ни насиліемъ, ни убѣжденіемъ, ничѣмъ, что находится въ твоемъ распоряженіи“. Не противься голоду и цынгу, какъ заявилъ Толстой въ 1892 году.

А если такъ, то—что же это за „все“, что могъ открыть Толстому прямой смыслъ мертвой заповѣди непротивленія? Если бы графъ рассуждалъ объективно, логически, онъ бы сказалъ, — пишетъ тотъ же поклонникъ: „это все—есть полное ничто, это все есть переходъ aus individueller Nichtigkeit ins Urnichts, т. е. нирвану“.

Въ самомъ началѣ лекціи мы поставили вопросъ: жизнь

ли, не смерть ли Толстовская любовь? Теперь мы снова повторяемъ тотъ же вопросъ, — въ самомъ дѣлѣ, не смерть ли? Думаемъ, да. Да и самъ Толстой въ одномъ мѣстѣ отождествляетъ просвѣтлѣніе, пробужденіе къ любви со смертью. „За два дня до смерти Андрея, — рассказываетъ онъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, — князь, проснувшись, почувствовалъ, что „оно“ (смерть) ломится въ дверь. Онъ пытался удержать „ее“ и не могъ. „Оно“ вошло и князь умеръ. Но въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, князь Андрей вспомнилъ, что онъ спитъ, и въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и проснулся“. Да это была смерть, я умеръ, я проснулся. „Да смерть—пробужденіе“, вдругъ просвѣтлѣло въ его душѣ, и завѣса, скрывавшая до сихъ поръ невѣдомое, была приподнята передъ его духовнымъ взоромъ. Онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе прежде связанной въ немъ силы и странную легкость, которая съ той поры не оставляла его“.

Это было за два дня до „настоящей“ смерти, — и именно этотъ моментъ, въ который Андрей понялъ смерть, былъ моментомъ его воскресенія, рожденія новой любви. *Уви, рожденная отъ смерти любовь оказалась мертворожденной.*

Какъ отъ бесплодной смоковницы, отъ такой любви, — отъ всей этой морали непротивленія и духовной косности, — не можетъ быть ничего добраго. Въ послѣднее время это доказалъ Левъ Николаевичъ своимъ Нехлюдовымъ въ „Воскресеніи“.

Нехлюдовъ тоже принадлежитъ къ „космополитамъ“, думающимъ о любви ко всѣмъ и дѣлахъ великихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, кажется, единственный изъ толстовскихъ героевъ, который пытается воскреснуть не наканунѣ смерти. Известно, что дѣло Нехлюдова съ Катюшей не удалось. Ни воскресить ее, ни воскреснуть самъ Нехлюдовъ не сумѣлъ, — почему это?

Да потому, что онъ ее не любитъ, и она чувствуетъ это. Не любитъ не только какъ мужчина, а какъ человѣкъ. Не даромъ она уходитъ отъ него къ Симонсону. Да самъ авторъ достаточно хорошо указываетъ причину, когда говоритъ, что „Нехлюдовъ иногда считалъ тяжелымъ и страшнымъ взятое на себя обязательство“. Но вѣдь дѣло Катюши было самымъ главнымъ его дѣломъ, въ немъ суть его „воскресенія“.

Если не удалось оно, то на что же годенъ воскресшій воскреситель? Это соль обуювшая. И хуже всего, что Нехлюдовъ относится къ неудачѣ жизненнаго своего дѣла безъ особеннаго смущенія.

Онъ нашель успокоеніе въ томъ, что у него есть будто бы другое дѣло, которое не было кончено и требовало его дѣятельности...

Слышите: опять то же,—люди могутъ спокойно относиться къ каждому изъ ближнихъ, потому что ихъ миссія—служить всѣмъ.

Какъ думаете, можетъ ли служить всѣмъ тотъ, кто не сумѣлъ отдать себя даже тому, передъ кѣмъ такъ живо чувствовалъ свою виновность, свой долгъ?

Новое дѣло Нехлюдова, конечно, не удастся такъ же, какъ и дѣло съ Катюшей, потому что онъ еще никого не любитъ, потому что „воскресеніе“ его ложь. И еще болѣе не можетъ удастся его дѣло потому, что любовь и дѣятельность по любви не совмѣстима вообще съ толстовскимъ пониманіемъ жизни.

Христось далъ заповѣдь любви. Мірѣ установилъ другую заповѣдь; онъ говоритъ, что законъ природы человѣческой не любовь, а борьба, онъ увѣряетъ, что именно борьба создаетъ прогрессъ.

Что же приходится дѣлать ученику Христову? Онъ долженъ отвергнуть міръ и его законъ во имя закона Христова. Однако при какихъ условіяхъ и какими средствами это возможно?

Левъ Николаевичъ думаетъ, что для возрожденія, для того, чтобы сорвать съ правды покрывало Майи, нужно уничтожить сознание личности, убить свое „я“.

Церковь съ формальной стороны близка къ этому: она требуетъ, чтобы человѣкъ распялъ плоть свою со страстями и похотями, уничтожилъ въ себѣ эгоизмъ и отдалъ себя ближнимъ. Но и то, чего желаетъ Толстой, и то, чего требуетъ Церковь, есть усиліе, мука. Переходъ къ добру, — говоритъ Кантъ, — есть „умираніе ветхаго человѣка, его распятіе со страстями и похотями: оно, какъ самое болѣзненное изъ всѣхъ страданій, есть совершенное обновленіе сердца и принятіе настроенія Сына Божія въ свое собственное постоянное руководительное правило; это высочайшее страданіе, о какомъ

только можно составить представление... Это скорбь, несравнимая ни съ какою другою скорбью“.

Толстой символически выразилъ трудность этого отреченія въ картинѣ смерти Ивана Ильича, въ описаніи его мукъ до той минуты, когда онъ, наконецъ, побѣдилъ страхъ смерти и уничтожилъ свое „я“. „Онъ бился, какъ бьется въ рукахъ палача приговоренный къ смерти, зная, что не можетъ спастись. Онъ хотѣлъ и не могъ отказаться отъ жизни, и въ этомъ состояло его мученіе. И цѣлыхъ три дня онъ кричалъ такъ ужасно, что изъ-за двери нельзя было безъ ужаса слышать этотъ крикъ“.

А разъ это отреченіе такъ мучительно, то, естественно, возникаетъ вопросъ: что можетъ побудить человѣка къ этому отреченію? Можетъ быть, его приведетъ къ этому сознание ничтожности благъ міра? Но, вѣдь, именно это сознание и есть умерщвленіе личности по Толстому, слѣдовательно, оно-то и причиняетъ эти муки, равныя мукамъ дѣторожденія. Слѣдовательно, приходится допустить, что человѣкъ пойдетъ на голговецкое умерщвленіе личности по вѣрѣ въ слова учителей „истины“, будто это самоубійство личности необходимое для него благо, потому что жизнь есть зло. Однако повѣрить ли, послѣдуетъ ли за такимъ призывомъ человѣкъ, еще не потерявшій способности наслаждаться радостями бытія, если эти слова и этотъ призывъ исходитъ отъ такого же, какъ онъ, человѣка,—отъ Льва Николаевича Толстого или человѣка Иисуса, Галилейскаго раввина, какъ называетъ Его Толстой. Не скажетъ ли всякій этому учителю, какъ іудеи говорили Христу, что „онъ льститъ народы, что онъ утопистъ, мечтатель, проповѣдующій неосуществимое, и притомъ средствами, которыя неприемлемы для человѣка, созданнаго для радости, а не самоубійства. Вѣдь говорить же Толстой, что заповѣдь Христа о любви къ врагамъ неисполнима“.

Не будетъ ли всякій вмѣсто самораспятія ждать того неизбѣжнаго, по мнѣнію Толстого, момента, когда смерть *силою, вопреки нашей воли* заставитъ *сознать неразумность обособленія* личности или (не будетъ ли) ждать времени, когда пресыщеніе благами міра опять-таки невольно приведетъ къ отрицанію „я“. Не даромъ изъ его героевъ *нѣтъ ни одного, который бы осуществилъ заповѣдь отреченія не на смертномъ одрѣ*, не въ виду уже раскрытой могилы.

Нѣтъ, для того, чтобы человекъ дѣйствительно отрекся отъ своего эгоизма—добровольно, и ранѣ чѣмъ смерть или пресыщеніе убить „хотѣніе хотѣній“ (Екклезіастъ), — этого отреченія долженъ потребовать авторитетъ, которому человекъ могъ бы безусловно повѣрить и въ томъ, что оно возможно, и въ томъ, что оно нужно и осуществимо. Такимъ авторитетомъ можетъ быть только Христосъ— „Богъ“.

Чтобы идти противъ міра, вступить на путь служенія ближнимъ, бороться противъ закона разъединенія, слѣдовать закону, провозглашенному Христомъ,—для этого нужно вѣрить, что провозгласившій этотъ законъ сама—вѣчная Истина, которая не можетъ ошибиться, и всемогущая Сила, которая можетъ помочь исполнить законъ „самораспятія“. „Нужно признать, что Онъ, проповѣдникъ закона, выше міра, чтобы Имъ осудить міръ; выше міра не только видимаго и познаваемаго, но и всякаго возможнаго міра, всякаго условнаго бытія; должно признать его бытіемъ безусловнымъ, безначальнымъ, ибо если Онъ начался, то, быть можетъ, существуетъ и откроется нѣкая болѣе древняя Его сила, которая займетъ своевременно отнятое у ней мѣсто и изгонитъ все ей враждебное;—равнымъ во всемъ Творцу по естеству Своему, Христосъ въ вѣрѣ подвижника долженъ быть выше природы и міра, истиннымъ Богомъ (Еп. Антоній).

Только тогда нашъ путь къ добру будетъ сознательнъ и твердъ. Тогда мы будемъ знать, что и въ уничтоженіи Проповѣдника истинность словесъ Его не только не потемнѣла въ своемъ достоинствѣ, но сильнѣе проявилась, и смерть Его была не побѣдой міра надъ любовью, а побѣдой любви надъ міромъ, ибо Онъ воскресъ, какъ Богъ, такъ что не злые только люди, но самые законы природы (будто бы по существу враждебные принципу любви) оказались бессильными воспрепятствовать жизни Его и торжеству любви, объявленной черезъ Него закономъ жизни.

А въ то время нужна вѣра въ Церковь... Графъ ищетъ единенія личностей въ какомъ-то отвлеченномъ всеединствѣ. Человекъ не приметъ такого единенія. Онъ жаждетъ единенія безъ уничтоженія его „я“. Человекъ созданъ для единенія,—это законъ его жизни. Но человекъ вмѣстѣ съ этимъ хочетъ увеличенія роста, а не смерти личности. Человекъ

чувствуетъ инстинктивно и знаетъ опытно, что истинное чувство любви должно расширять, поднимать наше существо и силами, и количествомъ, и интенсивностью радостей и наслажденій. И такой именно любви онъ ищетъ. Только тогда, когда мое духовное „я“ измѣняемо, оно можетъ расти и обогащаться: я живъ и жива душа моя... Но предлагаетъ и даетъ такое единеніе только Церковь. Здѣсь единеніе реально достигнуто, каждый человекъ долженъ здѣсь соединиться въ одномъ организмѣ съ Христомъ и всѣми, и это единеніе не сопровождается уничтоженіемъ „я“, а есть только обогащеніе его содержанія жизнью всѣхъ.

„Превосходство любви христіанской надъ пантеистическимъ сляніемъ съ божествомъ въ томъ именно и состоитъ, и необходимость вѣры въ Церковь тѣмъ именно объясняется, что въ то время, какъ пантеизмъ, вродѣ толстовскаго, „ведетъ только къ уничтоженію, первая ведетъ къ самой содѣржательной жизни чрезъ развитіе всѣхъ совершенствъ; въ томъ и величіе любви, что она водворяетъ единство, не уничтожая множественности, не уничтожая личности и свободы“ (Еп. Антоній).

Я собственно кончилъ.

Думаю, что для слушателей не осталась неясной одна мысль, на которой я особенно старался остановить ихъ вниманіе. Я хочу сказать, что мораль Толстого,—мораль пессимистическая. Основы ея тождественны съ тѣми, какія предлагаютъ Шопенгауеръ и Гартманъ. Общій тонъ и колоритъ тоже пессимистически темный. Левъ Николаевичъ называетъ свою проповѣдь „евангеліемъ“. Нѣтъ, Евангеліе—вѣсть радости, благая вѣсть, и христіанство—религія радости и радостной жизни. Л. Н., начиная проповѣдь, поднимаетъ черный флагъ и не спускаетъ его до конца.

Я считаю графа Толстого врагомъ, а не устроителемъ вѣры,—пишетъ французскій журналъ (*L'Independant*), — потому что когда, откинувъ языкъ христіанства, онъ говоритъ прямо отъ сердца, я не нахожу въ немъ духовной радости, потому что „я нахожу въ немъ только горечь великой страдающей души, потому что въ немъ нѣтъ состраданія, нѣтъ нѣжности, а только холодъ разочарованія“.

Безотрадное впечатлѣніе производятъ эти разсужденія о

любви у человѣка, для котораго по «состоянію прелести» закрыто Евангеліе...

Ни одного теплаго луча... Ни одной радостной страницы. «Въ Толстомъ нѣтъ радости, а за недостаткомъ радости ему не достаетъ и глубочайшаго инстинкта вѣры. Я знаю, что можно привести изъ Толстого фразы и даже страницы, которыя звучатъ такъ, будто за одно со своей новой вѣрой, онъ наслѣдовалъ и радость; я знаю, что онъ многорѣчиво повторяетъ радостную вѣсть, услышавъ которую, ангелы запѣли, какъ они никогда не пѣли прежде. Но довольно одного взгляда въ суровые, пристальные глаза этого старика, чтобы понять, что стоящая за ними душа питается горькими, невеликодушными мыслями, и достаточно даже и не слишкомъ глубокаго знакомства съ его послѣдними произведеніями, чтобы знать, что они основаны на горечи, обличеніи и отчаяніи» (L'Independant).

И ранѣе въ одномъ изъ философскихъ сочиненій, и недавно въ «Воскресеніи», Л. Н., толкуя притчу о виноградаряхъ, внушаетъ, что мы напрасно считаемъ себя дѣтьми Божиими; мы только работники и не для счастья и любви созданы, а только на то, чтобы работать, какъ «каторжники, прикованные къ цѣпи». Неужели это христіанство въ его духѣ и силѣ его любви?

Нѣтъ, мы вѣримъ, что мы именно дѣти Божіи во Христѣ; весь смыслъ христіанства, вся его радость въ этой идеѣ сыновства людей Богу, основанной на вѣрѣ въ единое сыновство Иисуса Христа. Гдѣ нѣтъ этой радости и свѣтлой идеи, тамъ нѣтъ и Христа, тамъ нѣтъ и христіанства, тамъ еще ветхій завѣтъ.

И искренній человѣкъ можетъ только вмѣстѣ съ Соловьевымъ посовѣтовать новому проповѣднику вездѣ въ своихъ писаніяхъ замѣнить „галилейскаго раввина“ отшельникомъ изъ рода Шакіевъ, т. е. Буддой, который возвѣщаль все, что имъ нужно,—пустоту, непротивленіе, недѣланіе, трезвость и т. д.; при этомъ онъ выигралъ бы и въ искренности, и въ послѣдовательности и не былъ бы вынужденъ на каждомъ шагу разрывать связь отдѣльныхъ изреченій Писанія съ ближайшимъ контекстомъ и съ цѣлой книгой, которая наполнена и насквозь проникнута чуждымъ ему положительнымъ духовнымъ содержаніемъ, отрицающимъ и древнюю, и новую пустоту.

Мнѣ совѣтывали въ завершеніе очерка сказать нѣсколько словъ о томъ, насколько любовью проникнута фактически самая дѣятельность Толстого: я не имѣю времени для такого дополненія. Отсылаю къ брошюрѣ Кальдерона („Лже-Толстой“) и къ исторіи духоборческаго переселенія въ Канаду.

Самъ я только приведу нѣсколько словъ о Толстомъ, сказанныхъ однимъ изъ его поклонниковъ, мистеромъ Модъ: „Онъ желаетъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ своимъ ученіемъ, но не могъ это исполнить. Не могъ, напримѣръ, отрѣшиться отъ своей собственности, не раздражая жены и дѣтей своихъ,—пожалуй, въ такомъ случаѣ они обратились бы къ властямъ съ просьбою воздержатъ его. Это очень смущало Толстого; но онъ почувствовалъ, что, нанося вредъ, не можетъ сдѣлать добра. Никакое рѣшительное дѣйствіе (напр., раздать все бѣднымъ) не могло бы служить ему оправданіемъ, ибо возбудило бы горькое чувство гнѣва въ сердцахъ самыхъ близкихъ людей. Итакъ, пришлось ему передать всю остальную собственность женѣ и семейству и продолжать жить попрежнему въ хорошемъ домѣ съ прислугою, съ кротостью вынося упреки въ „непослѣдовательности“, и удовольствоваться тѣмъ, что, въ дополненіе къ литературнымъ трудамъ, онъ занимается ручной работой и живетъ по возможности просто и воздержно“.

Такъ оправдываютъ его хвалители... Что же послѣ этого дѣлать обвинителямъ?—Лучше этого не скажешь.

Р. S. Не чувство недоброжелательства продиктовало эти строки. Нѣтъ,—чувство глубокой жалости къ великому писателю Русской земли, какъ къ человѣку. Я думаю, что писанія Льва Николаевича—отображеніе его собственной души. Графъ Толстой никогда не былъ счастливъ, его автобіографія, какую онъ даетъ въ „Исповѣди“, „Войнѣ и мирѣ“, въ книгѣ „Въ чемъ моя вѣра“,—рядъ страницъ, поражающихъ громадностью отчаянія и мучительной тоски. Только первые годы женитьбы онъ, кажется, былъ счастливъ, но и тогда, какъ Левинъ, боялся своего счастья, считалъ его неестественнымъ и преступнымъ.

На 50 году онъ обрѣлъ истину, съ ней, какъ говорить онъ,—онъ нашель и спокойствіе духа. Спокойствіе духа...

Изъ-за этого,—говоритъ Соловьевъ—не стоило хлопотать такъ долго, не стоило такъ много страдать...

Конечно, нирвана нуль, но Л. Н. не обрѣлъ и этого холодного спокойствія могилы.

Развѣ о спокойствіи духа говоритъ тонъ „Крейцеровой сонаты“, проникнутой желчью, развѣ можно назвать радостно-спокойнымъ примиреніе съ жизнью въ той мысли, что мы не дѣти Божіи, а рабы, и не должны и смѣть войти въ радость Господа своего.

Нѣтъ, Л. Н. несчастнымъ былъ и остался несчастнымъ теперь. И его несчастье „отъединеніе“, отсутствіе въ немъ любви, свѣтлой и радостной любви, которой источникъ во Христѣ и Церкви.

Будемъ вѣрить, однако, что хотя передъ смертью Л. Н. найдетъ то, что бессознательно ищетъ, найдетъ любовь, и эта минута будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ минутою его примиренія съ Церковью.

Какъ Агасферъ, какъ Брандъ, графъ Толстой ищетъ счастья и любви, но страшная самовлюбленность, демоническое поклоненіе себѣ—мѣшаютъ любить.

Можетъ случиться, что въ концѣ пути, усталый, какъ 20 лѣтъ назадъ, онъ перечитаетъ Евангеліе снова, какъ ученикъ, посмотреть на крестъ, Христовъ не сверху внизъ, а со смиренной надеждою и вѣрой, и тогда уже дѣйствительно откроются глаза его.

Брандъ дошелъ до той цѣли, къ какой вела его мнимая любовь къ ближнимъ.

Идолопоклонническая толпа (въ лицѣ Гильды) преклоняется предъ нимъ, увѣряя, что онъ „Новый Спаситель“, Брандъ не принимаетъ поклоненія. Чего бы я не далъ,—говоритъ онъ,—чтобы спасти (любовью) свою погибающую душу и... въ это время любовь коснулась сердца его. Онъ плачетъ, крещаясь впервые огненнымъ крещеніемъ истинной любви, вступая въ новый завѣтъ... „Наступаетъ лѣто... Солнце свѣтитъ на небѣ... Отнынѣ душа моя должна растаять... Распался ледяной покровъ ея: я могу молиться“,—говоритъ онъ.

Неужели эта минута не настанетъ для страдающей, но пока еще не освободившейся отъ самообожанія души нашего Бранда?

Иеромонахъ *Михаилъ*.

Изъ миссіонерскихъ писемъ, дневниковъ и лѣтописей.

О свободѣ совѣсти.

(По поводу разнорѣчивыхъ сужденій въ печати послѣдняго времени).

I.

ВЪ ОДНОМЪ прелестномъ стихотвореніи Гейне изображена душевная тоска и томленіе совѣсти, которыя испытываютъ люди, при размышленіи о загадкахъ бытія. Олицетвореніемъ такой тоски является грустный юноша. Онъ стоитъ на берегу моря.

„Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говорить:
О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ...
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?“..

Эти вопросы волновали душу не одного гейневскаго юноши. Они составляютъ мучительную думу и для всего человѣчества.—И вотъ, послѣ страшныхъ усилій мысли и совѣсти, послѣ неимовѣрныхъ страданій, люди находятъ отвѣты на нихъ. Эти отвѣты излагаются въ научно-философскихъ и религіозныхъ системахъ. Въ эти системы Божіи праведники и гениальные люди вкладываютъ всю свою душу, всю свою совѣсть. Понятно, почему, отстаивая свои вѣрованія, они шли на костры, на плахи, въ темницы, были побиваемы камнями. Творцы религіозныхъ и научно-философскихъ системъ вѣрили, что мучители сильны отнять у нихъ *жизнь тѣлесную*, но они не властны надъ совѣстью, которую судить одинъ Богъ.

Отсюда же понятно, почему въ нашемъ обществѣ съ такимъ напряженіемъ и писатели, и читатели относятся къ вопросу *о свободѣ совѣсти*. Этотъ вопросъ, недавно неожиданно поднятый на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ дворяниномъ Стаховичемъ, облетѣлъ всѣ газеты и повсюду произвелъ сильное возбужденіе. Отголоски такого возбужденія дошли до самыхъ захолустныхъ уголковъ нашей родины. И вотъ намъ предстоитъ теперь трудная задача—разобраться въ вопросѣ о свободѣ совѣсти.—Эту задачу, по справедливости, надобно назвать *трудной*. Въ самомъ дѣлѣ, не дразнить ли нашего воображенія мысль о свободной совѣсти, какъ лѣтній миражъ, который ускользаетъ отъ нашего взора, по мѣрѣ приближенія къ нему? Не обѣщаетъ ли уму нашему свободная совѣсть блестящихъ надеждъ, которыя однако обращаются въ прахъ, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью?..

Итакъ, что же такое *свободная совѣсть*?

Стаховичъ и ему подобные мыслители и писатели разумѣютъ подъ нею *право* людей вѣрить, *во что имъ хочется*, и такое же право *распространять* въ обществѣ свои вѣрованія. Другіе писатели подъ свободной совѣстью разумѣютъ *человѣческое право* вѣровать по влеченію своего сердца, но отрицаютъ за людьми *свободное право* распространять въ обществѣ то, что имъ вздумается.—Къ этимъ двумъ мнѣніямъ сводятся *въ сущности* всѣ газетные толки, возбужденные орловскою рѣчью Стаховича.

Гдѣ же правда въ этихъ мнѣніяхъ?

Для отысканія ея обратимся *прежде всего* къ изслѣдованію самого понятія свободной совѣсти.

Свобода... Какою гордостью и радостью наполняетъ это слово душу человѣка!—Подъ свободою мы разумѣемъ свою способность жить такъ, а не иначе,—дѣлать то, а не другое. Въ такомъ смыслѣ мы говоримъ о *свободномъ* выборѣ путей жизненныхъ, о *свободномъ* распорядкѣ нашихъ ежедневныхъ занятій.—Однако сколько же правды въ этомъ обольщающемъ насъ словѣ?

О, конечно, мы *свободно* выбираемъ себѣ родъ службы,—свободно дѣлаемся учителями, миссіонерами, чиновниками, а не плотниками, кузнецами,—вообще мастеровыми. Но, если вдуматься въ дѣло глубже, окажется, что нашъ выборъ заня-

тій *логически* вытекаетъ изъ всей нашей жизненной подготовки,—изъ условій нашего воспитанія и образованія, а не рѣдко отъ роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ. Такъ что нашу *кажущуюся* свободу въ выборѣ службы надобно признать силой, довольно *обусловленной*.

Еще менѣе свободы въ такомъ или иномъ провозженіи дня. Здѣсь все зависитъ отъ нашего здоровья, отъ независящихъ отъ насъ обстоятельствъ. Я, положимъ, задумалъ сегодня вечеромъ продержатъ богословское чтеніе, а болѣзнь заставила меня пролежать въ постели. Можно ли послѣ того говорить вообще о свободѣ въ жизни человѣка?

Да. Если подъ свободой разумѣть способность нашу не образоваться *обязательно* съ физико-механическими условіями жизни,—то это вѣрно, мы свободны. Внѣшняя среда не имѣетъ для насъ значенія безусловно принудительнаго закона. Въ то время какъ одинъ, при видѣ бутылки водки, чувствуетъ къ ней непреодолимое влеченіе; другой равнодушенъ къ вину. Значить, въ нравственной области все дѣло зависитъ не исключительно отъ внѣшнихъ условій, а отъ душевнаго настроенія человѣка, отъ его совѣсти. Въ *этомъ* смыслѣ только люди свободны.

Но, въ такомъ смыслѣ понимаемая, свобода не есть сила, *неограниченная* въ душѣ человѣка. Эта свобода только *по идее* является богоподобной чертой въ насъ,—нашей царственной способностью.—Въ самомъ дѣлѣ, люди созданы для осуществленія на землѣ высшей правды,—для богоуподобленія (Мѡ. 5, 48). Они *свободно* должны бѣжать отъ зла и дѣлать одно добро (Мѡ. 6, 33). Но въ дѣйствительности люди оказались *рабами грѣха* (Рим. 6, 17, 20),—безсильными побѣдить его собственными средствами (Рим. 7, 24). Понадобилось во Христѣ *возсозданіе* ихъ падшей природы (Рим. 8, 2). Да и послѣ Христа много ли силъ имѣемъ мы противиться грѣху и жить по Евангелію (Іак. 3, 2)?..

Слѣдовательно, наша свобода—сила слабая, односторонняя, *удобопреклонная* къ грѣху. Восхищаться ею, *самой по себѣ*, безъ соотношенія съ обстоятельствами нашей жизни, нельзя (Лук. 21, 34; Кол. 2, 8; Евр. 3, 12). Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что малютка, играющій ножомъ, *свободенъ* отрѣзать себѣ палець. Но эта *дѣтская* свобода насъ не восхищаетъ. Къ младенцамъ мы приставляемъ нянекъ, лишая

ихъ тѣмъ самымъ возможности дѣлать себѣ вредъ. И въ этомъ находимъ *разумный смыслъ*...

Не возвышается ли однако въ своей цѣнности свобода чрезъ приложение ея къ человѣческой совѣсти?

Совѣсть безъ свободы *не мыслима*, какъ солнце безъ тепла. Совѣсть *насильно* нельзя заставить молчать въ душѣ чело-вѣка, или говорить то, что намъ хочется. Такъ, по крайней мѣрѣ, по идеѣ. Припомнимъ всѣмъ намъ съ дѣтства извѣстную исторію. Вотъ Адамъ согрѣшилъ, преступивъ заповѣдь Божію. Скоро же съ силой почувствовалъ онъ это въ совѣсти своей. „*И услышалъ Адамъ, — читаемъ мы въ Библии, — и Ева голосъ Господа Бога, ходящаго въ рая во время прохлады дня; и скрылся Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями рая*“ (Быт. 3, 8).

Какая это поучительная и правдивая исторія! Да, первые люди, отступивъ отъ Бога, сейчасъ же почувствовали мученіе въ своей душѣ,—*урязеніе совѣсти*. Они не могли оставаться въ безопасности, какъ не могъ братоубійца Каинъ жить спокойно послѣ смерти своего брата Авеля (Быт. 4, 14. 16). Совѣсть тутъ исполнила обязанность нелицепріятнаго судьи и сама первая покарала людей.

А вотъ новый библейскій случай. — Ко Христу гордые фарисеи привели женщину, „*взятую въ прелюбодѣлніи*“ (Іоан. 8, 3). По своимъ законамъ, фарисеи требовали побіенія блудницы камнями. Однако Христосъ сказалъ: „*кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень*“ (Іоан. 8, 7).

Господь замолчалъ, наклонившись къ землѣ. Фарисеи, „*обличаемые совѣстью*“, одинъ за другимъ ушли съ того мѣста...

Выводъ, слѣдуемый изъ приведенныхъ библейскихъ разсказовъ, очевиденъ. *Совѣсть въ душѣ чело-вѣка есть немолчный голосъ Божій*,—есть высшій показатель, гдѣ правда, а гдѣ—отступленіе отъ нея.

Въ такомъ смыслѣ совѣсть изображается въ лучшихъ произведеніяхъ нашей беллетристики. Припомниме романъ Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“. Въ этомъ романѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Раскольниковъ. Это—человѣкъ съ обширнымъ умомъ, упрямой волей и настойчивостью. Увлечшись ложными взглядами на взаимныя отношенія людей, онъ, во имя своего мечтательнаго буду-

шаго, убиваетъ богатую старуху и грабитъ ее. Преступленіе совершено. Слѣды его, повидимому, запутаны безнадежно. Но въ Раскольниковѣ просыпается совѣсть. Она-то заставляетъ его сознаться и идти въ каторгу.

Такъ, и по взгляду Достоевскаго, совѣсть есть высшій судья въ душѣ человѣка, — есть голосъ Божій, властно насъ то осуждающій, то оправдывающій. Предъ судомъ совѣсти смолкаютъ всякіе софизмы, какъ предъ лицомъ смерти—заботы о земныхъ удобствахъ.

Не такъ о совѣсти учить позитивная наука. По опредѣленію ея, „*совѣсть есть соображеніе того мнѣнія, которое имѣютъ о насъ и о дѣйствіяхъ нашихъ другіе люди*“ (Гревиль у К. П. Побѣдоносцева: „Моск. Сборн.“. Изд. 4-е, стр. 166). По ученію позитивной науки, источникомъ совѣсти считается *судъ людской*, мнѣніе толпы. А мы знаемъ, что люди склонны ошибаться въ своихъ мнѣніяхъ. По суду, напимѣрь, истинныхъ англичанъ, хорошее дѣло — окончательно истребить мужественныхъ бозровъ. Офицеры считаютъ *позоромъ* не отвѣтить дуэлью тому, кто посмѣетъ ихъ оскорбить дѣйствіемъ. Все это — *ходячая мораль*, совѣсть толпы. Пойдите доказывайте, что судъ ея необязателенъ для людей. Васъ осмѣютъ въ общественномъ мнѣніи. Вотъ вамъ совѣсть позитивная! Очевидно, это самое шаткое и неопредѣленное явленіе въ жизни людей. Опереться на нее нельзя, въ виду массы возраженій противъ нея. Если же кто и опирается, тотъ поступаетъ часто дико и безнравственно, какъ тѣ мастеровые, которые, по понятіямъ своей среды, напиться до одурѣнія считаютъ равносильнымъ „напиться по совѣсти“...

Поставимъ теперь вопросъ: какъ же къ совѣсти *должна* относиться свобода?

Если бы совѣсть въ людяхъ была всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ отраженіемъ воли Божіей, — если бы она говорила только о томъ, что хорошо и спасительно для человѣка, — то, разумѣется, о стѣсненіи ея не могло бы быть рѣчи. Отъ всякаго такого стѣсненія неминуемо произошелъ бы ущербъ для нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ, что фарисеевъ, пристыженныхъ Христомъ за безсердечіе (Іоан. 8 гл.), стали бы возмущать противъ Господа. Это стѣсненіе свободы совѣсти было бы зломъ прежде всего для самихъ фарисеевъ. Припомнимъ, какія страданія пере-

носили апостолы при распространеніи христіанства. Терпя побои, издѣвательства и защищая евангельскую истину отъ жесточенныхъ гоненій іудеевъ, апостолы прямо говорили: „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (Дѣян. 5, 29). Отсюда общій законъ вытекаетъ самъ собой: *насколько совѣсть служитъ отраженіемъ истинной воли Божіей, она въ жизни человѣческой не должна быть стѣсняема*. Свобода для непорочной совѣсти то же, что для рыбы—вода и для птицы — крылья.

Возникаетъ вопросъ: всегда ли совѣсть человѣческая служить *истиннымъ* выраженіемъ святой воли Божіей?

Если за отвѣтомъ обратимся къ жизни, то—увы!—найдемъ самыя неутѣшительныя данныя. Жизнь громко говоритъ намъ, что она полна лукавыхъ и порочныхъ людей. Многіе *братья* наши не только развращены въ душѣ своей, но усиленно заботятся развратить другихъ. Особенно въ этомъ отношеніи грустную картину представляютъ большіе города. Здѣсь обезпеченные люди часто ведутъ порочную жизнь. Въ грязи своихъ удовольствій они топятъ невинную меньшую братію. Къ богатымъ порочнымъ людямъ подлаживаются всякаго рода „предприниматели“. Они выставляютъ въ окнахъ магазиновъ развратныя картинки; устраиваютъ безнравственныя загородныя увеселенія; торгуютъ „живымъ товаромъ“... Что—это совѣсть людская?..

Да, совѣсть; но, въ отличіе отъ святой, — порочная, *грѣховная* совѣсть. Такая совѣсть царитъ въ массѣ голодной городской нищеты. Боже мой, какія только преступленія тамъ не совершаются?.. О нихъ срамно говорить громко. Не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы этому развращенному и погибающему люду слѣдовало дать полную свободу въ *обнаруженіи* его растлѣнной грѣхомъ совѣсти.

И слово Божіе свидѣтельствуетъ намъ о томъ же самомъ. Вотъ оно ублажаетъ покаяніе Адамово, слезы мытаря. Но апостолы строго пишутъ христіанамъ о совѣсти „порочной, оскверненной грѣхомъ“ (Евр. 10, 22; Тит. 1, 15). Такая совѣсть обычна для всѣхъ тяжкихъ грѣшниковъ. Она, при неблагопріятныхъ условіяхъ, переходитъ прямо въ совѣсть, „*сожженную грѣхомъ*“ (1 Тим. 4, 2, 3). Это тогда, когда люди дѣлаютъ мерзости и при этомъ не чувствуютъ гадости своихъ поступковъ. Такъ, заклятые воры крадутъ каждую ночь, не страдая

душой; блудники развратничаютъ, имѣя въ виду лишь свое скотское наслажденіе. О такихъ людяхъ въ обществѣ говорить кратко: „безсовѣстный человѣкъ! Прожженная совѣсть!“.. Къ этимъ людямъ и отношенія у всѣхъ складываются своеобразныя.

Что же, спрошу я теперь, *такимъ* людямъ, „съ прожженной совѣстью“, необходимо предоставить *полную* волю?

Нѣтъ. Ап. Павелъ, исчисляя отступленія людской совѣсти отъ правила, упоминаетъ между прочимъ о „*немоцной совѣсти*“ (1 Кор. 8 гл.). Это — совѣсть *слабыхъ* христіанъ. Они всѣмъ соблазняются и смущаются. Но ихъ также искупилъ Христосъ. Потому ихъ жалѣть надо. А чувство жалости *обязываетъ* насъ осторожно обращаться съ людьми. Мы обязаны постоянно заботиться о томъ, какъ бы кого *не соблазнить* своею совѣстью. Значитъ, совѣсть, по ученію здраваго смысла и св. Писанія, есть *не самодовлѣющая* величина. Въ нравственномъ міропорядкѣ она должна сообразоваться съ основнымъ закономъ Христа—любовью (1 Иоан. 4, 16; Еф. 5, 2; Іак. 2, 8). Того, чего не одобряетъ любовь христіанская, не дѣлай,—не соблазняй немощныхъ братьевъ, за которыхъ умеръ Христосъ (1 Кор. 8, 11)...

Отсюда, уже само собой вытекаетъ заключеніе. Если я въ Церкви Божіей живу не одинъ, а въ союзѣ съ братьями, то и совѣсть мою я долженъ такъ проявлять, чтобы чрезъ нее было *добро встѣмъ людямъ*—христіанамъ и не христіанамъ. Въ то же время, совѣсть моя должна *подчиняться* заповѣдямъ Христовымъ,—должна, слѣдовательно, *ограничиваться* опредѣленными законами, вытекающими изъ ученія о Церкви, какъ о живомъ тѣлѣ Христовомъ (1 Кор. 12 гл.).

И это понятно. Если, по ученію ап. Павла (ср. Еф. 3, 6; Кол. 1, 24; 2, 19), каждый вѣрующій занимаетъ въ Церкви не болѣе мѣста, чѣмъ одинъ палецъ на рукѣ (1 Кор. 12 гл.),—ясно, что этотъ палецъ не можетъ дѣлать того, что противно разуму и здоровью всего тѣла. Потому-то апостолы „безчинныхъ людей, „еретиковъ“, велятъ выгонять изъ Церкви, — отлучать ихъ (Тит. 3, 10). А отлучать беззаконниковъ изъ состава Церкви, обличать ихъ,—значитъ уже *ограничивать* ихъ грѣховную волю.

Итакъ, съ *общей* точки зрѣнія ясно, что *безусловной* свободы совѣсти на землѣ быть не можетъ. Не можетъ потому,

что совѣсть наша затемнена. Поэтому г. Стаховичъ и его единомышленники, требуя свободы для распространенія всякой секты, заблуждаются, впадая въ очевидную крайность.

II.

Спустимся теперь съ почвы общихъ разсужденій на русскую дѣйствительность. Возможно ли допустить, чтобы въ русскомъ государствѣ не только всякій могъ *втроевать* по своему, но и учить другихъ тому, что ему *кажется* хорошимъ?

Относительно первой половины вопроса надобно сразу же отвѣтить *положительно*. Да, „каждый изъ насъ за себя дастъ отчетъ Богу“ (Рим. 13, 12). Значить, мы не можемъ вторгаться въ тайники чужой совѣсти и тамъ одно запрещать, другое—разрѣшать. Это право принадлежитъ Богу. И наши законы гражданскіе за самыя преступныя *тайныя* понятія не судятъ. Законъ *преслѣдуетъ* лишь такое *ложное* мнѣніе, которое съ почвы моихъ *личныхъ* убѣжденій переходитъ въ общественную среду, — дѣлается, такъ сказать, общенароднымъ явленіемъ. Въ этомъ случаѣ законъ ясно высказываетъ свой взглядъ на психологію русскихъ гражданъ. Онъ не считаетъ насъ „достигшими“ умственно-нравственнаго совершенства. Онъ, очевидно, для всѣхъ свидѣтельствуетъ, что признаетъ насъ *склонными* къ самымъ превратнымъ увлеченіямъ. И такой выводъ необходимо сдѣлать, стоя на почвѣ дѣйствительности.

Въ народѣ нашемъ примѣчаются лишь зачатки сознательныхъ убѣжденій. Народъ „сердцемъ вѣруетъ въ правду“ (Рим. 10 10), разумомъ же и устами не можетъ обнять вѣковѣчныхъ Христовыхъ истинъ. Потому произвести смущеніе въ его средѣ легко и просто. Надобно только появиться подходящему человѣку. Припомните времена острыхъ раскольническихъ движеній, когда Аввакумъ и Лаазарь, ради сохраненія въ старопечатныхъ книгахъ буквы „азъ“, вели людей къ булавѣ или на костры. Да и недавнее возмущеніе духоборцевъ, подъ вліяніемъ разныхъ мечтателей, вродѣ Бодянскаго,—не о томъ же ли свидѣтельствуетъ?..

Имѣя это въ виду, необходимо бережно обращаться съ

малоразвитымъ народомъ. Необходимо препятствовать развитію въ его средѣ тлетворныхъ ученій. Стаховичъ заблуждается, когда думаетъ, что въ *такомъ* случаѣ не будетъ свободы исповѣданія Христовой истины. Свобода вѣры состоитъ не въ томъ, чтобы христіанинъ разновременно побывалъ магометаниномъ, буддистомъ, евреемъ, католикомъ, штундистомъ. Высшую свободу совѣсти апостолы полагали въ *неуклонномъ содержаніи одного исповѣданія* (Евр. 10, 23). Причемъ мы заботливо должны охранять совѣсть свою отъ порочныхъ дѣлъ (Евр. 10, 22; 1 Кор. 5, 8). Значить, не для чего съ благочестивымъ народомъ нашимъ продѣлывать опытовъ, кажущихся необходимыми Стаховичу и ему подобнымъ людямъ.

Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, невозможно желать *полной* свободы совѣсти въ Россіи на основаніи изученія характера нашихъ расколосектантовъ.

Для доказательства нашей мысли обратимся къ дѣйствительности. Вотъ недавно еще вся Россія была возмущена тираспольскимъ дѣломъ. Нѣсколько раскольниковъ-бѣгуновъ испугались всенародной переписи. Въ этой переписи они увидѣли *несомнѣнный* знакъ пришествія антихриста. Они помнили по преданію, что „прежде человекъ свободни быша“,—жили безъ всякихъ билетовъ съ двуглавыми орлами,—и замуrowались въ пещерѣ, уморивъ себя голодомъ. Много темныхъ раскольниковъ погибло тогда мучительной смертью...

Что же? Этой *темной* силѣ надобно дать свободу совѣсти? Можно позволить ей *свободно* распространять въ народѣ дікіе взгляды на перепись и гибнуть голодной смертью?..

Отвѣтъ очевиденъ.

А вотъ толкъ красносмертовъ-душителей. Послѣдователи его не хотятъ умирать *естественной* смертью и душать передъ смертью другъ друга,—что установлено несомнѣнными судебными данными.—И этой сектѣ нужна свобода пропаганды?..

Но скажутъ: все то—темная сила раскола. То—буквоѣды, обрядовисты, полагающіе суть вѣры въ сохраненіи „черты“ отеческой?.. Да, это—правда. Въ такомъ случаѣ, обратимся къ сектантству.

Предъ намъ скопцы и хлысты. Это—люди, держащіеся

уже не за обрядъ, не за старую книгу. Это—мистики, любовно говорящіе о Царствіи Божіемъ и правдѣ Его.—Одни изъ этихъ сектантовъ, для умерщвленія грѣха и плоти, предлагаютъ своимъ послѣдователямъ „царскую печать“—уродованіе человѣка; другіе совѣтуютъ бить грѣхъ его же оружіемъ,—и кончаютъ на своихъ радѣніяхъ свальнымъ грѣхомъ.—Тѣ и другіе сектанты владѣютъ огромными богатствами. Наклонностью къ распространенію своей ереси отличаются страшною. Потому ихъ много по всей Россіи.—

Какъ уже ясно изъ сказаннаго, вѣроученіе скопцовъ и хлыстовъ нельзя признать *нравственнымъ* въ общечеловѣческомъ смыслѣ, а потому терпимымъ въ просвѣщенномъ государствѣ. Неужели однако кто, ради торжества отвлеченной мысли, пожелаетъ *свободнаго* распространенія этихъ изувѣрныхъ сектъ?..

Но займемся другими толками въ сектантствѣ. Обратимся къ толстовству. Если скопцы и хлысты отличаются дикимъ изувѣрствомъ; если ихъ руководители страдаютъ темнотой и невѣжествомъ,—то никто плохо не подумаетъ объ умственныхъ способностяхъ и солидномъ образованіи гр. Толстого. Однако въ чемъ его вѣра?

Нашему народу онъ проповѣдуетъ Христа *обоманнаго*,—не какъ Бога, Спасителя міра, а какъ простаго мудреца. Церковь и таинства кощунственно отвергаетъ. Что же даетъ онъ людямъ вмѣсто нихъ?

Толстой проповѣдуетъ въ своихъ статьяхъ какого-то *безличнаго* и безвольнаго Бога. Царства Его, въ смыслѣ мѣста упокоенія нашихъ безсмертныхъ душъ, не признаетъ. Молитву къ своему *безличному* Богу отвергаетъ.—На чемъ же держится вся его вѣра?

На одномъ туманѣ да обаяніи генія графа-писателя. Ближайшее проникновеніе въ религію Толстого ведетъ къ атеизму и нигилизму. Такіе выводы и подѣляли наши толстовцы-мужики. Если личнаго Бога и безсмертія души нѣтъ; если нѣтъ молитвы къ Богу,—то чѣмъ же жить?..

И наши мужики сказали: „старайся здѣсь на землѣ устроить царство Бога. А для того не надо начальства, властей, судовъ, священниковъ. Все у всѣхъ должно быть общее“.

И вотъ толстовцы-крестьяне, утомленные ожиданіемъ

грядущаго царства Христова на землѣ, захотѣли силой ускорить его наступленіе. Они взялись за колья и пошли „громить“ опору существующаго строя Церкви православія. Что я говорю—не мечта, а *дѣйствительность*, бывшая въ Павловкахъ. Разказы объ этой дѣйствительности еще недавно наполняли сердца православныхъ христіанъ ужасомъ и страхомъ...

На основаніи всѣмъ намъ извѣстнаго скорбнаго происшествія можно представить, какой безпорядокъ, какая злоба возникла бы въ обществѣ, если бы сектантамъ—толстовцамъ дали полную волю. Они бы, при общественномъ попустительствѣ, не однѣ Церкви стали „громить“. Они бы кинулись „на панскія“ экономіи и объявили бы войну всякой частной собственности. А это уже—звѣронравная дикость, нигдѣ нетерпимая,—даже въ Америкѣ, какъ показываютъ отношенія канадскихъ властей къ нашимъ духоборамъ-толстовцамъ.

О какой же свободѣ совѣсти говорить для ожесточенныхъ сектантовъ-толстовцевъ? Свободы у нихъ слишкомъ достаточно. Наши павловскіе сектанты жили себѣ, не присягая и часто дѣлая дерзости мѣстнымъ властямъ. Имъ все прощали. Снисхожденіе начальства поселило у нихъ несбыточныя мечты о всеобщемъ переворотѣ въ государствѣ...

Можно ли *такимъ* „мудрецамъ“ предоставить право жить и *учить* такъ, какъ имъ хочется?..

Скажемъ въ заключеніе о штундѣ. Это—модная секта въ народѣ. Она еще не дошла до своего естественнаго предѣла. Она лишь неудержимо стремится къ своему концу. И вотъ наблюденія показываютъ, что никакого *устойчиваго* единства въ ученіи этой секты нѣтъ. Въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ многіе штундисты подѣлались просто безбожниками. У нихъ нѣтъ никакого *сдерживающаго* начала. Если всякій *по своему* свободно можетъ изъяснять истины Евангелія,—далеко ли тутъ до толстовщины? Неудивительно поэтому, что двигателемъ павловскимъ сектантовъ къ бунту явился штундистъ-малеванецъ Тодосіенко.—Штундисты и не могутъ иначе относиться къ намъ, какъ съ безусловнымъ презрѣніемъ и надменностью. *Только* себя они почитаютъ праведниками, знатоками Писанія; только себя именуютъ дѣтьми Божиими. Къ православнымъ, какъ къ грѣшникамъ,

отнѣются пренебрежительно. Это вноситъ разладъ въ семьи; это портитъ смиренный народъ русскій, заражая его духомъ фарисейства. Это, наконецъ, порождаетъ смуты въ народѣ.— Если бы, для иллюстраціи къ сказанному, припомнить, что штунды дѣлали противозаконнаго въ разныхъ губерніяхъ,— то получилась бы грустная картина. Мы бы припомнили, какъ въ Кіевской губерніи штундисты съ крикомъ врывались въ Божіи храмы и тамъ препятствовали совершать богослуженіе; у насъ во многихъ мѣстахъ они нагло кощунствовали надъ православными святынями. Ужели все это желательно русскимъ людямъ?..

Наше государство много вѣковъ процвѣтаетъ въ православіи. Православною вѣрою оно призвано къ историческому бытію; православною Церковью укрѣплялось и укрѣпляется въ години несчастья. Православная вѣра, поэтому, не только истинная и святая,—она *родная* намъ, близкая самой государственной жизни нашей. Истинность ея русскимъ народомъ провѣрена вѣками. Въ виду этого, намъ ли безжалостной рукою разбрасывать то, что передали намъ отцы?.. А потому мы не можемъ желать *свободнаго* распространенія въ нашей средѣ всякихъ тлетворныхъ ученій. Будемъ помнить, что Христосъ всѣхъ насъ призывалъ къ свободѣ отъ грѣха. И онъ же заповѣдалъ намъ, что выше всего—*любовь* христіанская. А по этой любви поступая, нельзя соблазнять слабого брата, хотя бы то во имя свободной совѣсти: это—самой тяжелый и ужасный грѣхъ предъ Богомъ!..

Д. Боголюбовъ.

Къ вопросу объ объединеніи интеллигенціи съ Церковью и народомъ?

Когда и какъ возникло у насъ разъединеніе между интеллигенціей
съ одной стороны, народомъ и Церковью ¹⁾ съ другой?

Разъединеніе въ русскомъ обществѣ началось съ Петра Великаго. До Петра Великаго вся Россія, начиная отъ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими ея классами, думала и чувствовала одинаково, имѣла одно общее міросозерцаніе, основаніемъ котораго была православная вѣра. Вся до-петровская Русь была въ тѣсномъ, живомъ союзѣ съ Церковью, авторитетъ которой въ отношеніи мысли и жизни она всегда искренно и благоговѣнно признавала.

---

¹⁾ Нерѣдко упоминая о Церкви отдѣльно отъ народа, считаемъ необходимымъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній сдѣлать слѣдующее разъясненіе: мы не отдѣляемъ народа отъ Церкви, наоборотъ, считаемъ его нераздѣльной, органической частью Церкви. Подъ Церковью же разумѣемъ учрежденное Господомъ Иисусомъ Христомъ на землѣ общество людей, неразрывно соединенное (*а не соединенныя*) со своимъ Основателемъ и Главою, исполненное благодати Св. Духа и имѣющее своимъ назначеніемъ черезъ посредство іерархіи, таинствъ и всего своего строя ꙗ духа духовно возрождать своихъ членовъ и возводить ихъ, а также и все остальное челоувѣчество къ возможному для людей христіанскому совершенству.

Въ составъ этой Церкви съ 988 года вошелъ и русскій народъ и, относясь къ ней, какъ часть къ цѣлому, какъ дитя къ матери, какъ вѣтвь къ дереву, отъ нея заимствуетъ свою духовную жизнь, свою нравственную силу, свой духовно-нравственный обликъ.

Такимъ образомъ, Церковь есть нѣчто, несравненно болѣе могучее, жизненное и жизнотворное, нежели русскій народъ. Она существовала и можетъ существовать и безъ него, а онъ, оторвавшись отъ Церкви, духовно существовать не можетъ, какъ не можетъ существовать вѣтвь, оторванная отъ своего дерева.

Изъ сказаннаго нами ясно, почему мы различаемъ, хотя и не раздѣляемъ, народъ и Церковь, ясно и то, что подъ Церковью мы не разумѣемъ исключительно церковную іерархію въ отличіе отъ ея паствы — народа.

Христіанская вѣра, проникнувъ въ Россію, пришлась по душѣ русскому народу, совпала съ его природнымъ расположеніемъ сердца и сразу сдѣлалась для него завѣтной святиней.—Въ ней русскій народъ нашелъ полное удовлетвореніе своему духу, полное объясненіе смысла и цѣли жизни земной и высшій для себя идеаль.

Говоря это, мы нисколько не забываемъ ни двоевѣрія, ни суевѣрія, ни невѣжества, ни грубости, ни пороковъ допетровской Руси и нисколько не хотимъ ее идеализировать. Мы только указываемъ на тотъ несомнѣнный фактъ, котораго никто не станетъ отрицать, что въ то время у всего русскаго общества былъ *одинъ идеаль* жизни, и этотъ идеаль заключался въ православной вѣрѣ. Разномыслія въ этомъ отношеніи между классами не существовало; князь, царь, бояринъ, духовное лицо, купецъ, крестьянинъ—всѣ равно сознавали, что цѣль ихъ жизни состоитъ въ спасеніи души, всѣ вѣрили въ Единаго Бога, въ будущій судъ, въ загробную жизнь и говорили между собою на языкѣ, другъ другу понятномъ, и чувствовали себя своими. Русь была единая и святая, святая не въ смыслѣ безгрѣшности, а въ томъ смыслѣ, что идеаломъ своимъ, высшимъ смысломъ жизни своей почитала святость.

Если же она была иногда и двоевѣрна, и суевѣрна, и груба, то при этомъ она имѣла то несомнѣнное достоинство, что умѣла сознать это и заслуженныя укоризны и обличенія принимать съ кротостью. За то она же явила такихъ носителей своихъ идеаловъ, которыхъ мы уже не найдемъ въ послѣ-петровской Руси, и которые и въ свое время были, и навсегда останутся величайшими учителями вѣры и жизни. Вспомнимъ, напримѣръ, Иллариона, митрополита Киевскаго, Антонія и Теодосія Печерскихъ, Исаію и Леонтія Ростовскихъ, Петра, Алексія, Іону, Филиппа Московскихъ, Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго, патріарха Гермогена, или князей—Владимира Святого, Бориса и Глѣба, Александра Невскаго и многихъ другихъ. Поистинѣ, можно сказать, что свѣтъ Христовъ, которымъ были преисполнены ихъ души, озарилъ всю Россію, и что ихъ потомъ, кровью и слезами утверждено православіе русскаго народа, создана его связь со вселенской Церковью, созданъ его духовно-нравственный

обликъ.—Сѣмя, посѣянное ими, и доннынѣ даетъ плодъ въ сердцахъ русскаго народа, доннынѣ не умираетъ въ основанныхъ ими обителяхъ, давая имъ силу и значеніе въ глазахъ народа.

Можно ли сказать, что тотъ идеаль, которымъ жила древняя Русь, и въ которомъ объединились всѣ ея классы, былъ недостаточно высокъ, и что потому его необходимо было замѣнить другимъ, болѣе возвышеннымъ?

Древняя Русь жила вѣрою въ Бога и во Христа, идеаломъ своимъ поставляла послѣдованіе Христу подъ руководствомъ и по указанію Церкви... Новая Русь дала ли намъ что-либо болѣе высокое и нужное?

Послушаемъ, въ самомъ дѣлѣ, самихъ нашихъ древнихъ отцовъ и учителей Церкви, чтобы изъ ихъ собственныхъ устъ удостовѣриться, какъ они вѣрили и какъ жить хотѣли. „Вѣрую, говоритъ Иларіонъ Кіевскій, вѣрую въ единаго Бога, славимаго въ Троицѣ... Того единаго Бога знаю и Тому вѣрую, въ Его имя и крестился я... Также вѣрую и исповѣдую, что Сынъ по благоволенію Отца, изволеніемъ Св. Духа, сошелъ на землю для спасенія рода человѣческаго... Умеръ Безсмертный, чтобы оживить меня умершаго... Вижу Его распятаго и радуюсь... Также и взирая на святыхъ Его угодниковъ, славлю спасающаго ихъ... Такъ вѣрую и не постыжуся, исповѣдаю предъ народами и за исповѣданіе готовъ положить душу мою“.

„Первое, говоритъ Владиміръ Мономахъ, ради Бога и души своей, страхъ Божій имѣйте въ сердцѣ и творите милостыню неоскудную, ибо здѣсь начало всякому добру... Научись, по слову Евангелія, управлять очами, удерживать языкъ, смирать умъ, поработать тѣло, побѣждать гнѣвъ, имѣть чистый помысль, понуждать себя на добрыя дѣла для Господа. Будучи лишаемъ чего-либо, не мсти; ненавидимъ, или гонимъ,—терпи; хулимъ,—молчи; умертви грѣхъ. Избавьте обидимаго, судите сироты, оправдайте вдовицу... Тремя добрыми дѣлами мы можемъ побѣждать врага нашего, діавола: покаяніемъ, слезами, милостынею... Пуще всего не имѣйте гордости въ умѣ и сердцѣ... Блюдитесь лжи и пьянства и блуда... Больного посѣтите, и къ умершему идите: потому что всѣ мы смертны. Человѣка не минуите безъ привѣта; всякому скажите доброе слово“.

Въ этихъ двухъ выдержкахъ заключается полная программа и вѣры, и жизни нашихъ предковъ.

И, конечно, новая Россія не дала ничего выше и лучше этого! Нѣсколько ниже мы скажемъ, чѣмъ она замѣнила этотъ до-петровскій идеаль, а теперь сдѣлаемъ одну оговорку.

Скажутъ, что подобное настроеніе, подобное единоклюбіе русскаго общества было, да прошло, и былѣмъ поросло (какъ и высказались „С.-Петербург. Вѣдом.“), что настоящая Россія не можетъ уже вернуться ко своему тогдашнему состоянію и настроенію, и что вспоминать и сожалѣть объ этомъ прошломъ нѣтъ никакого смысла! Но справедливо ли это? Развѣ мы не знаемъ, какое великое значеніе имѣютъ для человѣка воспоминанія и впечатлѣнія дѣтства! Человѣкъ, въ раннемъ дѣтствѣ испытавшій отраду вѣры и жизни христіанской, можно навѣрное сказать, уже не погибнетъ въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ можетъ въ годы юности отвергнуться отъ своихъ младенческихъ ощущеній, относиться къ нимъ съ насмѣшкою, забыть ихъ, предаться жизни развратной, усвоить себѣ ложное міровоззрѣніе; но придетъ часъ,—и онъ почувствуетъ неудовлетворенность своимъ душевнымъ состояніемъ, невыносимую тоску и пустоту сердечную, — и вотъ тогда-то, какъ отдаленный благовѣсть праздничнаго колокола, зазвучать въ душѣ его дѣтскія воспоминанія ¹⁾, нахлынуть волною, растревожать, согрѣютъ и уладятъ сердце и укажутъ истинный путь жизни. Если это бываетъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ, почему этого не можетъ быть съ цѣлымъ обществомъ? Почему извѣстное общество, истомившись своимъ безвѣріемъ, пустотою, беспорядочностью и безосновностью своей жизни, не можетъ вспомнить своего историческаго дѣтства, вспомнить, какъ было ему тогда хорошо, какая *правда* заключалась въ его тогдашней жизни и настроеніи? И почему эта тогдашняя *правда* снова не можетъ вернуться къ нему, стать ему родной, дорогой, животворить и вдохновлять его? Вѣдь обрѣсти ту правду, которою душа жила въ дѣтствѣ, не значитъ—начать по-дѣтски мыслить, по-дѣтски чувствовать! Ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлое общество не могутъ, конечно, „войти снова въ утробу ма-

¹⁾ Припомнимъ „Ночь“ Вс. Гаршина.

тери своей“, т. е. вычеркнуть изъ своей жизни пережитаго времени и опыта, но дѣло вѣдь не въ томъ, чтобы что-либо вычеркивать, а въ томъ, чтобы пережитое-то освѣтить новымъ свѣтомъ, свѣтомъ правды и, одушевившись этою правдою, положить начало новой жизни, разумной, счастливой, дающей удовлетвореніе и миръ сердцу.

Итакъ, возрожденіе возможно, и пусть не говорятъ, что вспоминать прошлаго не слѣдуетъ, что возврата къ нему нѣтъ. Нѣтъ, дѣйствительно, возврата къ формамъ внѣшняго быта, къ умственнымъ понятіямъ, но возвратъ къ настроенію сердца, къ общему міровоззрѣнію есть и долженъ быть, иначе не было бы спасенія для людей, однажды пошедшихъ по ложной дорогѣ, иначе безъ содержанія стали бы слова: „если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“!

Мы не осуждаемъ реформы Петра Великаго, напротивъ, ясно сознаемъ и ея необходимость, и ея своевременность. И даже то зло, которое явилось какъ бы плодомъ реформы, хотя въ сущности и не было ея плодомъ, именно—раздѣленіе русскаго общества,—даже это зло, можетъ быть, было необходимо для развитія нашего самосознанія, для того, чтобы мы долгимъ историческимъ путемъ пришли къ ясной и правильной оцѣнкѣ того великаго сокровища, которымъ мы обладали нѣкогда и къ которому даже въ періодъ нашего отдѣленія отъ народа мы невольно тяготѣли всегда?

Значеніе реформы Петра становится особенно яснымъ, если мы вспомнимъ, что до-петровская Русь со своимъ возвышеннымъ христіанскимъ идеаломъ жизни „не для міра сего“ совсѣмъ не знала окружающей ея дѣйствительности, т. е. всего остального человѣчества, не была знакома съ его опытомъ, понятіями и міровоззрѣніемъ, жила обособленно и замкнуто. Такое положеніе было, конечно, ненормально и оно не могло продолжаться. Не будь реформы Петра, Русь замерла бы духовно, какъ замираетъ или уродуется духовная жизнь всякаго человѣка, не вступающаго въ общеніе съ прочими людьми. При такой замкнутости всегда является преувеличенное мнѣніе о себѣ, гордость и высокомеріе, болѣзненное самолюбіе, скудость содержанія духовной жизни.

Петръ Великій разбилъ грань между Россіей и западными народами, вдвинулъ ее въ среду ихъ, поставилъ ее

лицомъ къ лицу съ ихъ понятіями и нравами, далъ ей возможность сравнивать себя съ ними, свое духовное богатство съ ихъ духовными сокровищами, учиться у нихъ полезному и перенимать его. Но онъ, конечно, и не думалъ внушать Россіи мысль забросить все свое родное, отвернуться отъ него со стыдомъ и пренебреженіемъ, онъ вѣдь самъ былъ истинно-русскій человѣкъ и понималъ и цѣнилъ свое русское духовное сокровище!

Какъ же Русь наша выдержала то испытаніе, которому ее подвергли? Она, въ лицѣ своихъ ближайшихъ къ Петру классовъ, не выдержала его. Эти ближайшіе къ Петру классы, наше высшее общество, сразу же отказались отъ своего вѣкового церковно-христіанскаго идеала, сразу же поспѣшили выйти изъ-подъ вліянія Церкви, изгнали духъ ея изъ своего быта и нравовъ, усвоили себѣ бытъ свѣтскій, нравы легкіе. Поразительная перемѣна произошла въ насъ съ замѣчательною быстротою! И что еще особенно грустно сознавать,—наше Петровское общество увлеклось не чѣмъ-нибудь серьезнымъ, не наукою, не искусствомъ, не философійю запада, а увлеклось костюмами, манерами взаимнаго обращенія, образомъ домашняго и общественнаго времяпрепровожденія. Оно, какъ ребенокъ, копировало внѣшность западно-европейской жизни и этимъ восхищалось, находило въ этомъ цѣль всего своего существованія.

Однако, нельзя смотрѣть на это увлеченіе, какъ на одно только ребячество. — Не одно только ребячество слѣдуетъ видѣть въ измѣнѣ христіанскому идеалу жизни и въ отреченіи отъ него, въ замѣнѣ вліянія Церкви въ домашнемъ и общественномъ быту и въ нравахъ—свѣтскостью, легкостью и распущенностью. Здѣсь было *нравственное паденіе*, здѣсь обнаружилось то печальное обстоятельство, что атмосфера церковности, духъ христіанства тяготили наше высшее общество, казались ему строгими, скучными, и ему захотѣлось убѣжать отъ нихъ, пожить по волѣ своихъ страстей, а не по требованію закона Христова. — Вслѣдствіе такого освобожденія себя отъ требованій вѣры и Церкви нравственный уровень общества, уровень его настроенія, сразу понизился; и это тогда же почувствовалось, да и теперь чувствуется народомъ, оставшимся въ единеніи съ Церковью и ея идеалами, не выпедшимъ изъ-подъ ея вліянія ни въ личномъ,

ни въ семейномъ быту. Народъ и тогда, и теперь гораздо строже относится къ своей религіозно-правственной жизни, нежели свѣтское общество, а съ того времени сразу почувствовалъ отдѣленіе отъ него высшихъ классовъ и на „господь“ сталъ смотрѣть, какъ на баловниковъ, любящихъ жить лишь по своей волѣ и для своего удовольствія.

Такъ родилась наша интеллигенція.

Интересную характеристику ея дѣлаетъ Кантемиръ; въ одной изъ его сатиръ Филаретъ говоритъ своему другу Евгенію:

„Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
 Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
 На поле предки твои, а ты подъ парчею
 Углублень мягко въ пуху тѣломъ и душею,
 Грозно соплешь, когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
 Зѣвнуль, растворилъ глаза, выпался до воли,
 Тянешься ужъ часъ-другой, нѣжисься, ожидая
 Пойла, что плетъ Индія иль везутъ съ Китая,
 Изъ постели къ зеркалу однимъ сыргнешь скокомъ,
 Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
 Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
 Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
 Часть надъ лоскимъ лбомъ торчатъ будутъ сановиты,
 По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
 Свободно станеть играть, часть уйдетъ за темя
 Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
 Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарциссъ, жадно
 Глотаешь очьми себя; нога жметъ складно
 Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
 Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
 Избить полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
 Деревню вдѣнешъ потомъ на себя ты цѣлу.

.....

Въ обѣдъ и на ужинъ частенько двоится
 Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
 И обжорство тебѣ въ ретъ куски управляетъ...

Намъ скажутъ, что мы слишкомъ односторонне опредѣляемъ ту перемѣну, которая совершилась въ нашемъ обществѣ при Петрѣ Великомъ. Вѣдь Петръ „прорубилъ окно въ Европу“, вѣдь съ этихъ поръ къ намъ полилось западно-европейское просвѣщеніе, началась наша настоящая жизнь, разумная и свѣтлая, завелись у насъ науки, искусства, промышленность и проч. Все это такъ, и все-таки перемѣну, происшедшую въ нашемъ обществѣ при Петрѣ Великомъ,

мы не можемъ назвать иначе, какъ нравственнымъ паденіемъ. Ибо и самое-то просвѣщеніе западно-европейское, въ его истинномъ смыслѣ, пришло къ намъ уже гораздо позднѣе, и такихъ его любителей, какъ Кантемиръ или Теофанъ Прокоповичъ, въ эпоху Петра Великаго, было весьма немного.—Большинство же именно увлекалось модными прическами, башмаками, кафтанами, манерами и т. д. и на нихъ-то промѣняло свое древнее благочестіе, свой исконно-церковный подвижническій идеаль... Что же это было, какъ не нравственное паденіе? Такъ совершилось наше великое разъединеніе, и наша общественная жизнь направилась по двумъ теченіямъ—церковно-народному и западно-европейскому. Съ этихъ поръ у насъ уже не переводились славянофилы и западники, которые въ первой половинѣ XIX вѣка только придумали себѣ наименованіе, а существовали гораздо раньше и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ великое воссоединеніе народа и интеллигентнаго общества. Чтобы это воссоединеніе произошло, необходимо обѣимъ сторонамъ понять другъ друга. Интеллигентное общество должно понять, что простой народъ не есть одна невѣжественная, грубая масса, которую надо просвѣтить на западно-европейскій образецъ; что у простого народа есть *своя* духовная жизнь, свои идеалы, которыми онъ не поступится, и которые могутъ пригодиться и самому интеллигентному обществу,—надо только ихъ уразумѣть и оцѣнить. А съ другой стороны и народъ долженъ понять, что и наше образованное общество, хотя и отпало отъ церковно-народной жизни, никогда не переставало жить духовными стремленіями, много перестрадало въ поискахъ истины, владѣетъ великими сокровищами науки и искусства. Только тогда, когда поймемъ другъ друга и взаимно примиримся, и станемъ уважать другъ друга, и объединимся въ одномъ міровозрѣніи,—только тогда начнется истинная, свѣтлая, разумная и счастливая жизнь у насъ на Руси!

Въ чемъ же заключается идеаль *церковно-народный*, и подлинно ли идеаль народа высокъ и заслуживаетъ вниманія и уваженія? Этимъ вопросомъ мы и займемся въ слѣдующей статьѣ.

Священникъ *Сергій Четвериковъ*.

Отповѣдь пастырей Церкви и престолюдина на злословное письмо г. „интеллигента“¹⁾.

I.

Письмо интеллигента, помѣщенное въ № 2 „Мисс. Обзор.“ с. г., побуждаетъ меня еще и еще сказать то, что 1000 разъ уже сказано, но чего не хотять слушать.

Вину во враждѣ „интеллигенціи“ къ Церкви, подъ именемъ которой авторъ, кажется, разумѣетъ ея служителей,—онъ слагаетъ на Церковь же, т. е. опять, значить, на лицъ іерархіи Церкви (стр. 416).

Онъ предлагаетъ проповѣдывать христіанство „среди русскаго духовенства“ (стр. 415).

Онъ заявляетъ, что пастыри его (?) Церкви—„не вѣрятъ тому, что проповѣдуютъ“.

Требуетъ „запретить священнику торговать тайнствами“, давъ ему „приличное жалованіе“.

Въ высшей степени странно заявленіе, высказываемое о причинахъ появленія сектантства. Пусть г. „интеллигентъ“ (кстати, что за самоувѣренность! почему же авторъ письма интеллигентъ, а люди, не имѣющіе вражды къ Церкви,—непремѣнно *не* интеллигенты? Вѣдь въ числѣ членовъ, дѣйствительныхъ, Церковь считаетъ и многихъ изъ тѣхъ, кого интеллигенты считаютъ своими учителями... Да и духовныя лица, какъ покойный архіеп. Никаноръ, по крайней мѣрѣ, — они не интеллигенты? Вѣдь онъ, напр., имѣлъ ученая степени, не только какъ академистъ, но—и какъ университетантъ... Пора бы выяснить нелѣдность этихъ горделивыхъ заявленій!.. Враждуетъ съ Церквію *часть* интеллигенціи,—пожалуй, даже только интеллигенты, невинные въ знаніи христіанскаго ученія... Пусть авторъ испробуетъ *хорошенько* ознакомиться съ лучшими произведеніями христіанскихъ писателей!) пусть сказанное по этому поводу (стр. 414) онъ приложитъ къ I и вообще—первымъ вѣкамъ! Аріане etc.—„лучшіе люди своего времени“!..

Какое „мужество“, какой „героизмъ“ надобенъ для при-

¹⁾ См. февр. кн. „Мисс. Обзор.“ стр. 414.

знанія, что Русская Церковь—не безъ вины въ отчужденіи „интеллигенціи“ отъ нея? Вѣдь Церковь—не духовенство, какъ полагаетъ авторъ „письма“, служители Церкви—только часть ея членовъ.

А вотъ, напр., въ томъ, что авторъ называетъ „торговлей тайнствами“, виноваты-то болѣе всего міряне... Не отъ принимающаго, а отъ дающаго зависитъ установить болѣе нормальный порядокъ... Вѣдь признаете за пресвитеромъ право на полученіе содержанія?—Какъ люди *обязательно* семейные, они—за чужой счетъ подвижничать не могутъ *всѣ* а отдѣльные примѣры бываютъ)... *Право* ихъ на полученіе содержанія ясно указано св. Писаніемъ. Почему же вы, г. г. православные интеллигенты, не подумали устроить такъ, какъ у евреевъ, у магометанъ?—Стыдно сказать, а фактъ: лучше у евреевъ и татаръ поставлено это дѣло!.. И не библейскую $\frac{1}{10}$ часть доходовъ,—дайте *десятую часть десятой*,—и, навѣрное, въ $\frac{1}{2}$ приходовъ (а можетъ быть и вездѣ) духовенство будетъ „прилично“ обезпечено... Пока вопросъ поставленъ такъ: хочешь быть лучше въ пастырскомъ отношеніи, —тебѣ и, главное, семьѣ твоей будетъ весьма худо; и наоборотъ,—та же пропорція. Что же касается до невѣрія, то, конечно, на вопросъ вашъ: „назовете ли меня клеветникомъ“, —отвѣтъ необходимо и по справедливости долженъ быть *утвердительный*.

Десятки тысячъ пастырей... и среди нихъ какой-нибудь о. Черкасскій (священникъ ли онъ?), заявившій о своемъ невѣріи въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, это песчинка...

Наконецъ, неужели подленькихъ личностей, противъ убѣжденій вступающихъ хотя бы и на столь великое служеніе, найдется по Имперіи болѣе десятка? Что мѣшаетъ имъ избрать другой родъ службы?

Какъ священникъ, хорошо знающій сослуживцевъ, свидѣтельствую, что—если чѣмъ грѣшны, то невѣра-то скоро не отыщете среди насъ... А составлять мнѣніе предвзятое—вы, конечно, могли... Развѣ не найдется лицо, которое и высокую личность о. Іоанна можетъ обвинять въ порокахъ!.. Будь положеніе духовенства поставлено нормально, то и завидовать-то некому будетъ! люди наживы уйдутъ на покой, или—и не будутъ выбирать себѣ этого служенія...

А что духовенство давно и въ массѣ заявленій выражало

желаніе быть на опредѣленномъ содержаніи,—кому неизвѣстно?

Не мы, а „чада“ наши предпочитаютъ не давать опредѣленнаго содержанія, держать насъ въ матеріальной покорной зависимости добровольнаго даянія за трудъ служенія и на пропитаніе. Винить за это насъ—грѣшно... намъ и безъ того, повѣрьте, тяжело... И много хорошихъ людей бѣгутъ по этой причинѣ отъ пастырства...

Да и относительно „развитія“ умственнаго и нравственнаго сказано много неправды; пусть авторъ письма привелъ достаточно анекдотовъ...—Но не хуже духовенство и г. г. интеллигентовъ, напр. —А обставьте служеніе пастыря „прилично“,—повѣрьте, и лучше духовенство будетъ, и прибавится много силъ желательныхъ; а нежелательнымъ элементамъ будетъ смерть.

Вообще, если „интеллигенція“ (т. е. часть ея, враждебная Церкви) желаетъ дѣйствительно выяснитъ истину,—то надо говорить не для словопренія... Что, напр., г. Стаховичъ говорилъ?—горячія, громкія фразы... и фразы... Есть ненормальности и въ церковной жизни, да. Но понимаетъ ли онъ,—въ чемъ? Найдете въ „докладѣ“ его признаніе, что его желанія принесутъ пользу вѣрѣ „*неистинной*, обращаемой, желающей (отъ исчезновенія, конечно) «спасаться»“... А что для жизни *истинной* вѣры его фразы не будутъ надобны,—свидѣтельствуемъ исторія Церкви... вѣка I—IV... То ли было время „свободы религіи“? И что же? Церковь не „жила“? Не „спасала“?

Но найдете у г. Стаховича и противоположное утвержденіе, что ереси, секты, расколь—общее горе... Человѣкъ самъ себя противорѣчитъ!.. И причѣмъ въ его докладѣ 1835 г.?—Почему это не съ I вѣка „ереси и расколь раздираютъ Церковь“?

„Разумъ“ свой хочется выше Божественнаго поставить; вотъ и понадобилась для „безумныхъ“ вѣра въ сверхчеловѣка—бога, вродѣ львовскаго... А св. Писаніе по адресу таковыхъ сказало: „рече *безумныя*: нѣсть Богъ“1..

Пресвитеръ Церкви.

II.

Я прочелъ помѣщенное въ февральской книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ за текущій годъ письмо русскаго интеллигента въ вашу редакцію и не могъ удержаться, чтобы не сказать вмѣстѣ съ извѣстнымъ древнимъ латинскимъ ораторомъ: *ubinam gentium sumus?!..* (Cic. Or. in Catil. 1).

Авторъ письма чистосердечно сознается, что русская интеллигенція находится во враждѣ съ Церковью, но эта вражда, говоритъ онъ, „не слѣпая, бессмысленная вражда“.

Совершенно вѣрно! Изъ всего дальнѣйшаго содержанія письма видно, что авторъ его, или, какъ онъ называетъ себя, „одинъ изъ рядовыхъ русской интеллигенціи“, бросаетъ грязью въ русскую Церковь и ея представителей сознательно, хотя это сознаніе похоже на сознаніе того нездороваго человѣка, которому видимые предметы кажутся не такими, какіе они есть на самомъ дѣлѣ.

Бываетъ, вѣдь, такая болѣзнь и не однихъ только физическихъ, но и духовныхъ очей; въ первомъ случаѣ она называется „дальтонизмомъ“, а во второмъ—духовнымъ ослѣпленіемъ. Страдая этой душевной болѣзнью, человѣкъ ненавидитъ истину, хотя онъ и видитъ ее. Такихъ людей среди интеллигенціи много въ наше время. „Въ наше время, писалъ пять лѣтъ тому назадъ умершій философъ В. С. Соловьевъ въ одномъ изъ своихъ пасхальныхъ писемъ, все смѣлѣе выступаютъ люди, которые не только видятъ истину“ но и ненавидятъ ее, именно потому ненавидятъ ее, что слишкомъ хорошо видятъ ее... Они ненавидятъ истину за то, что она обязываетъ ихъ къ дѣйствіямъ, которыхъ они не хотятъ. Кромѣ духовныхъ слѣпыхъ... есть еще души, сознательно, по собственному рѣшенію ослѣпляющія себя изъ ненависти къ истинѣ, которую они видятъ вполнѣ со всѣхъ сторонъ... Возненавидѣвъ истину, за усмотрѣнную ими связь ея съ добромъ, эти люди естественно отворачиваются отъ нея и перестаютъ ее видѣть, только чувствуя за своими плечами ея враждебное препятствіе“... („Слѣпота и ослѣпленіе“. В. Соловьевъ).

Къ разряду такихъ именно людей, я не погрѣшу, если отнесу автора даннаго письма. Въ своемъ болѣзненномъ

раздраженіи онъ не постыдился назвать *всѣхъ* пастырей русской Церкви „пастырями безъ вѣры“.

Монастыри онъ призналъ, какъ свидѣтельствуеъ редація, „убѣжищемъ для желающихъ праздно и сытно провести свою жизнь“. Неужели можно назвать душевно нормальнымъ такого обличителя?! Онъ говоритъ, что „жилъ въ деревнѣ и въ городѣ, присматривался къ жизни духовенства, тамъ и здѣсь бывалъ въ монастыряхъ, слѣдилъ за газетными фактами, знакомъ лично съ нѣкоторыми пастырями“... Всему этому можно вѣрить, но кто же повѣритъ, что *вездѣ* авторъ только видѣлъ однихъ невѣрующихъ, только одни недостатки, только „обрядъ безъ чувства, форму безъ содержанія“. Если и дошелъ этотъ интеллигентъ до такого умозаключенія и убѣжденія, то, очевидно, потому, что все наблюдалъ съ предвзятою „ненавистью къ истинѣ за то добро, которое она выражаетъ, котораго она требуетъ и къ которому ведетъ“ (Соловьевъ В.—тамъ же). Это-то и есть „духовное зерно“ самоослѣплѣнія какъ автора письма, такъ и подобныхъ ему изъ русской, ненавидящей Церковь и духовенство, интеллигенціи.

Извѣстно изъ жизни свѣтскихъ образованныхъ людей, что одни, наблюдая и изучая жизнь русской Церкви и ея представителей, становились ея врагами (таковъ гр. Л. Н. Толстой), а другіе были и остались истинными дѣтьми ея (Гоголь, Достоевскій, тотъ же В. Соловьевъ и др.). Зависитъ это отъ того, кто какими глазами смотритъ на истину. Чтобы не быть голословнымъ, остановлюсь на яркомъ примѣрѣ извѣстнаго всѣмъ А. Н. Муравьева. Онъ пишетъ: „я путешествовалъ по области преподобнаго Сергія, по мѣстамъ, исполненнымъ славою его имени, отъ Лавры, гдѣ просіяли вначалѣ его подвигами, черезъ родственннй ему Ростовъ, по Волжскимъ берегамъ до Нижняго, куда онъ ходилъ мирить князей, и далѣе до Казани, гдѣ явился по смерти, воздвигая ратныхъ къ освобожденію святой Руси отъ ино-вѣрныхъ. Я посѣтилъ и знаменитую пустынь Саровскую, поздній цвѣтъ иночества, послѣ другихъ распустившійся въ дремучихъ лѣсахъ нашей родины, и древній Суздаль, и царственный Владиміръ, сію могильную сокровищницу князей великихъ, почивающихъ въ его Боголюбскомъ соборѣ. Я видѣлъ сердцевицу Руси, если такъ позволено выразиться,

сердцевину того исполинскаго древа, которое раскинуло широкую сѣнь свою надъ полвселенной, и могъ ли я не проникнуться особеннымъ теплымъ чувствомъ православія посреди всѣхъ его явленій и воспоминаній древнихъ и новѣйшихъ? Могъ ли я не высказать того, что чувствовалъ?

„Отъ избытка сердца уста глаголютъ“, но здѣсь они хотятъ говорить не столько о предметахъ, какіе мнѣ встрѣчались на пути, сколько о жизненномъ источникѣ, который искони и понынѣ одушевляетъ то, что я видѣлъ. Быть можетъ, нѣкоторое спросятъ: „что такое православіе?“ и спросятъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ нѣкогда нѣкто спросилъ: „что есть истина?“ и вышелъ, не дождавшись отвѣта (Іоан. 18, 38). Православіе есть жизнь Руси, внутренній и внѣшній союзъ всѣхъ частей сего необъятнаго цѣлаго: ибо оно есть, или, по крайней мѣрѣ, должно быть началомъ нравственнаго образованія каждаго вѣрнаго сына Церкви и отечества“... (Муравьевъ. „Мысли о Православіи“).

Вотъ къ какимъ свѣтлымъ наблюденіямъ приводило путешествіе по монастырямъ и обителямъ русской земли, знакомство съ ея пастырями одного изъ первыхъ (но только просвѣщенныхъ) „рядовыхъ русской интеллигенціи“, а не къ такимъ мрачнымъ, къ какимъ пришелъ авторъ нашего письма, точно также занимавшійся паломничествомъ по монастырямъ и присматривавшійся къ жизни духовенства!

А далѣе вотъ еще что сказалъ почтенный А. Н. Муравьевъ: „Но, къ сожалѣнію, не разъ я замѣчалъ, что многіе, не разумѣя имени православія, играютъ имъ, какъ дѣти священными предметами, употребляя оное въ совершенно превратномъ смыслѣ. Развѣ не случилось намъ слышать изъ устъ людей образованныхъ, при видѣ какой-либо веселости народной, иногда неприличной: „вотъ какъ наши православные!“, или иное что подобное, а между тѣмъ, если спросятъ у нихъ самихъ: „какой они вѣры?“—будутъ столь же безотчетно отвѣчать: „православной!“ (ibid). И это, какъ будто по адресу нашего мрачнаго автора—интеллигента. Да, именно къ подобнымъ людямъ относить самъ себя авторъ письма. Онъ, какъ видно, считаетъ себя православнымъ, ему, повидимому, дорого благо русской Церкви, но онъ въ этой Церкви не находитъ ничего хорошаго и спасительнаго для себя, а про пастырей Церкви,

назвавъ ихъ „невѣрующими“, готовъ говорить: „вотъ какіе наши пастыри!“... „Какъ же согласить такія противорѣчащія понятія?“ спрашиваетъ А. Н. Муравьевъ. „Развѣ только по направленію ихъ ума, болѣе свѣтскому, нежели церковному“...

...„Безъ православія, или безъ истиннаго уваженія къ нему, едва ли даже можно быть русскимъ: одно выражается другимъ, и я встрѣчалъ отголосокъ сего родного чувства вездѣ, гдѣ только искалъ и находилъ что-либо русское“. Такъ заключаетъ свои „Мысли о православіи“ А. Н. Муравьевъ. Да, безъ православія, безъ истиннаго уваженія къ нему нельзя быть русскимъ, а почтенный авторъ письма, считая себя „однимъ изъ рядовыхъ русской интеллигенціи“, что говорить? Вотъ что: „сектанты... обыкновенно лучшіе (?) люди своего времени: они жаждутъ, они ищутъ истины, въ то время какъ другая часть общества, остающаяся въ лонѣ Церкви, къ истинѣ равнодушна и довольствуется обрядомъ“...

Русскій интеллигентъ въ своемъ письмѣ раздѣлилъ весь русскій народъ на двѣ половины: на сектантовъ и остающихся въ лонѣ Церкви, однихъ изъ нихъ призналъ ищущими истину, а другихъ равнодушными къ ней, первыхъ—лучшими, а послѣднихъ, судя по смыслу, очевидно, худшими. Но вѣдь это ложь и вопіющая неправда! Если бы горсть сектантства была лучше и выше многомилліоннаго православнаго народа, составляющаго вѣковое ядро Руси святой,—то матушка Россія была бы колоссомъ на глиняныхъ ногахъ и давно бы развалилась. А если потому только сектанты лучшіе люди, что они мнутся духомъ, пререкаютъ православныя истины вѣры,—такъ это еще не сильный аргументъ для того, чтобы признать человѣка сомнѣвающаго и вѣтромъ колеблемаго лучшимъ въ числѣ другихъ. Пытливость всему русскому народу свойственна. Авторъ письма очень заблуждается, признавая равнодушными, тупыми къ истинѣ людей, „остающихся въ лонѣ Церкви“. Нѣтъ, православные ищутъ истину, только безъ буйства мысли противъ авторитета Церкви, жаждутъ узнать ее даже болѣе, чѣмъ, можетъ быть, самъ авторъ-интеллигентъ.. Я сельскій священникъ, я вижу русскаго крестьянина воочію—и что же? Православный крестьянинъ давно уже не довольствуется формою обряда, нѣтъ, онъ стремится проникнуть въ сущ-

ность этого обряда, даже сущность христіанства. Въ доказательство я приведу такой фактъ. Недавно ко мнѣ зашелъ одинъ прохожій слѣпецъ, и вотъ что онъ мнѣ повѣдалъ. „Я, говорилъ онъ, родился слѣпымъ, и мнѣ уже теперь 40 лѣтъ. Я изучилъ азбуку для слѣпыхъ и вотъ приобрѣлъ Евангеліе отъ Маттея, которое и ношу съ собой вездѣ. Но я желаю „изучить“ весь новый завѣтъ: я человѣкъ православный и люблю божественное слово. Моя бѣда въ томъ состоитъ, что у меня нѣтъ денегъ на покупку новаго завѣта изданія для слѣпыхъ, а я слышалъ,—онъ стоитъ 20 рублей. Я вотъ нанялъ мальчика-поводыря и иду въ село И. къ князю О. Слышалъ я, что онъ благодѣтельствуетъ слѣпымъ. Попрошу его,—не поможетъ ли онъ и мнѣ въ моей духовной нуждѣ. Я иду только съ одной копѣйкой... Эхъ, какъ-бы глазыньки, глазыньки мнѣ Богъ открылъ!..“ такъ заключилъ свою рѣчь слѣпецъ, простой, преданный Церкви православный мужикъ, искатель истины и тогда, когда ему Богъ не далъ зрѣнія тѣлеснаго, но не закрылъ ему зрѣніе души. И много, много такихъ людей среди православныхъ, и пусть почтенный интеллигентъ не думаетъ такъ низко о тѣхъ, кто находится „въ лоцѣ православной Церкви“.

Признавши русскую Церковь ненормальною въ своемъ устройствѣ, авторъ-интеллигентъ идетъ по стопамъ гр. Толстого и всю христіанскую Церковь считаетъ удалившейся отъ 'завѣтовъ Спасителя. Онъ пишетъ: „отдаляясь все болѣе и болѣе отъ завѣтовъ Спасителя, замѣняя смыслъ закона буквой, заповѣдь любви, простую и высокую, обрядомъ и многословными, но бездушными формулами, она всегда предпочитала громить враговъ своихъ проклятіями“...

Вотъ до какой крайности развилъ свои умозаключенія нашъ интеллигентъ!

Итакъ, значить, напрасно христіанская православная Церковь прожила двѣ тысячи лѣтъ! Она только громила враговъ и опочивала на гоненіяхъ... Она замѣняла смыслъ закона буквой, заповѣдь любви—обрядомъ и многословными формулами... Нѣтъ, г. интеллигентъ, вы или никогда не вникали въ исторію христіанской Церкви, или забыли всѣ заслуги и добродѣтели своего „духовнаго отечества“,—православной русской [Церкви, а потому васъ можно причислить къ тѣмъ людямъ, которыхъ покойный нашъ философъ-христіанинъ назвалъ „непомнящими родства“.

„Для огромнаго большинства образованныхъ людей, пишетъ В. Соловьевъ, Никея и 318 отцовъ—не болѣе, какъ прошлогодній снѣгъ. А между тѣмъ христіанство есть все-таки наше духовное отечество, отъ котораго оторваться мы не можемъ въ глубинахъ нашей судьбы, и равнодушное забвеніе его исторіи, великихъ именъ и временъ его жизни, можетъ вредить только намъ самимъ,—ясности и полнотѣ нашего сознанія, дѣлая насъ какими-то непомнящими родства“... Всѣ основныя истины христіанства выяснены единоличными трудами архипастырей и рѣшающимъ образомъ опредѣлены на ихъ общихъ собраніяхъ—такъ называемыхъ вселенскихъ соборахъ“... („Значеніе догмата“—В. Соловьевъ).

Выходитъ, что и для нашего автора-интеллигента исторія христіанской Церкви, не болѣе, какъ прошлогодній снѣгъ... Да, нужно сказать вслѣдъ за философомъ, что равнодушное забвеніе исторіи христіанской Церкви, ея великихъ именъ и временъ по истинѣ вредитъ полнотѣ и ясности сознанія огромной части нашего образованнаго, но не просвѣщеннаго общества, съ которой Церкви и ея представителямъ духовенства, при всемъ желаніи,—едва ли возможно войти въ союзъ мира и любви.

Сельскій священникъ А. С—въ.

III

На грустныя думы наводитъ письмо «интеллигента», напечатанное въ «Мисс. Обзор.» о русскомъ духовенствѣ. Грустно не потому, чтобы все, что сказалъ интеллигентъ о русскомъ духовенствѣ, была правда, а потому, что наша интеллигенція совершенно отрекается отъ Церкви, дорожитъ прогрессированіемъ сектантства, несправедливо считая послѣдователей его *лучшими* изъ народа, вовсе не интересуется святой истиной православія, или, если и интересуется, то лишь настолько, насколько ему хочется взвалить вину своего индифферентизма на захудалыя плечи «духовенства русскаго». Такъ или не такъ это,—пусть объ этомъ судятъ другіе... Насъ въ данномъ случаѣ за живое задѣло другое. Интеллигентъ-авторъ указаннаго письма говоритъ: «назовете ли вы меня клеветникомъ, если я скажу вамъ, что эти пастыри сами не вѣрятъ въ то, что они проповѣдуютъ?» Не обинуясь скажемъ, что это преднамѣренная и гнусная клевета на пастырей; посему смѣло и неліцемерно, и неліцепріятно

называемъ автора письма *клеветникомъ* и спрашиваемъ: да самъ авторъ-интеллигентъ будетъ ли проповѣдывать то, во что не вѣрить?!

Почему же это мерзкое качество двоедушія и фарисейскаго лицемѣрія онъ навязываетъ служителямъ алтаря, да еще и въ лицѣ всего духовенства! Это ужъ совсѣмъ *не интеллигентно*... Кто самъ не вѣритъ, тому всегда кажется, что и другіе не вѣрятъ, тѣмъ болѣе тѣ, которые станутъ убѣждать его въ необходимости вѣрованія,— даже больше того, ему кажется, что другіе впередъ и больше его не вѣрятъ... Это—непремѣнно.. «Какъ же мы должны увѣрывать?»—продолжаетъ авторъ письма. Дѣйствительно, трудно увѣрывать, когда въ васъ нѣтъ вѣры, и при этомъ вамъ кажется, что и въ другихъ ея не существуетъ. И можно ли понять вѣру другихъ, не зная ея или чуждаясь ея вовсе... Автору письма непремѣнно хочется увѣрить себя и другихъ въ томъ, что пастыри не вѣрятъ въ то, что они проповѣдуютъ. Но и тогда, если допустимъ эту глубокую неправду письма, такимъ людямъ сказано: «все, что они (пастыри-фарисеи) велѣтъ вамъ, исполняйте, а по слѣдамъ ихъ не поступайте» Мѣ. 23, 3). «И если мы вѣримъ (какая это зачастую глубокая неправда!), зачѣмъ мы пойдемъ къ нимъ (священниками)?» говорить далѣе интеллигентъ. Отвѣчаемъ: пойдете къ нимъ затѣмъ, чтобы выполнить все то, что велитъ дѣлать ваша вѣра, если только вы дѣйствительно вѣрите, пойдете, наконецъ, къ пастырямъ, чтобы дружески сказать имъ о вашихъ сомнѣніяхъ, о предубѣжденіяхъ насчетъ ихъ поведенія, помочь имъ въ тяжкомъ подвигѣ просвѣщенія и спасенія народа и благоустроенія Церкви. Повѣрьте: дѣйствительно пойдете, если только вѣрите,—не вѣрите, тогда, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ идти къ намъ... А вотъ ниже вы, г. интеллигентъ, и сами выдаете свою вѣру, говоря: «за обрядомъ безъ чувства? за формой безъ содержанія?» Опять скажемъ вамъ: если вы вѣрующій, то для васъ никогда и никакого не найдется обряда въ православной Церкви безъ чувства, формы безъ содержанія; тутъ все исполнено глубокаго чувства, все полно самого высокаго содержанія.. Вы сейчасъ скажете: мы говоримъ о чувствахъ пастырей, о содержаніи души ихъ... Но какъ измѣрили вы чувства пастырей, ихъ душу? «Я жилъ въ деревнѣ и въ городѣ, присматривался къ жизни духовенства (?!) тамъ и здѣсь, бывалъ въ монастыряхъ, слѣдилъ за газетными фактами (?...), я знакомъ лично съ нѣкоторыми пастырями»... говорите вы. И что же,—все это даетъ вамъ право произносить такой горькій и тяжкій судъ, да еще огульно надъ всѣмъ русскимъ чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ? Но, вѣдь, вы знаете, какъ позорно интеллигенція держится въ отношеніи рядового русскаго духовенства? Она весьма часто стоитъ къ нему далѣе, чѣмъ къ послѣдней своей прислугѣ, почти никогда не сближается съ нимъ и смотритъ на него или снисходя, или съ высоты... При такомъ отношеніи къ намъ, какія же чувства вы увидите въ насъ, какую нашу душу узнаете, какъ поймете насъ, когда не уважаете въ насъ и того человѣческаго достоинства, которое въ себѣ непремѣнно предполагаете?!.. Вы присматри-

вались къ жизни духовенства, но—сознайтесь—глазами Золя, Толстого, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и другихъ, кои всегда не прочь бросить комъ грязи въ духовенство и возвести сучецъ во глаза іереевъ въ бревно большущее. Ничего не доказываетъ ваше личное знакомство съ нѣкоторыми пастырями. Знайте, что подъ ядовитымъ критицизмомъ интеллигенціи, подъ затаенными злобою и презрѣніемъ однихъ и снисходительнымъ высокомеріемъ другихъ—душа всякаго пастыря замкнута для васъ, мы уходимъ отъ общенія съ вами внутрь себя, съеживаемся, и никогда интеллигентнымъ людямъ нашего времени не узнать души пастыря, какъ и народа, разъ нѣтъ душевной близости, родства, разъ всѣ наши отношенія замыкаются въ кругѣ требоисправительныхъ обязанностей. Не забывайте, что вѣдь люди «вашего берега» держатъ насъ въ отношеніи себя въ какой-то особенной робости и боязни, какъ не предъ равными вамъ.. Вѣдь это искони, вездѣ и всюду наблюдается на св. Руси... Sapient sat!..

Сознаёмся, что много некрасивыхъ случаевъ бываетъ въ жизни духовенства, много разнаго рода взаимныхъ ссоръ и дрязгъ; не оправдываемся и во всѣхъ другихъ случаяхъ, о которыхъ автору письма «стыдно будто бы расказывать»,—говоримъ—не оправдываемся, зная, что въ семьѣ не безъ уroda, а пастырская семья въ десятки тысячъ членовъ. Но все же, г. интеллигентъ, судить о нашей вѣрѣ, отнять ее у насъ,—на это не имѣете вы ни основаній, ни права, разумѣется, моральнаго, потому что тамъ, гдѣ мы немощны, тамъ больше всего и вѣры въ насъ,—и трудно вамъ ее видѣть и наблюдать, такъ какъ она—тайна души, увѣренность въ невидимомъ Евр. II. 1). Болѣе того, скажемъ, и скажемъ прямо, открыто, не обинуясь,—не подумайте, въ похвалу себѣ или въ защиту себя, а просто, по сердечному изліянію,—что вѣра у насъ, православныхъ пастырей, всегда была и будетъ, ибо мы носимъ въ своихъ скудельныхъ сосудахъ даръ благодати священства, немощная врачующій и оскудѣвающая восполняющій, и никто изъ насъ никогда не заставитъ безъ вѣры носить санъ и исполнять своихъ пастырскихъ обязанностей, безъ вѣры никто изъ насъ не станетъ проповѣдывать, мы не протестантскіе суемудрствующіе пасторы. Вѣра есть даже у тѣхъ изъ насъ, которые снимаютъ свой санъ, оставаясь вѣрными своей совѣсти, а вы часто клеймите ихъ позорнымъ именемъ: «попъ-разстрига»... Скажите, почему же народъ не обличаетъ насъ въ безвѣріи, даже сектанты и старообрядцы никогда не предъявляютъ къ намъ тѣхъ осужденій, которыя вы, интеллигенты, по модѣ настоящаго безвѣрнаго вѣка, съ легкимъ сердцемъ бросаете вдоль и поперекъ? Одно справедливо въ вашемъ письмѣ, г. интеллигентъ, это о томъ унижительномъ способѣ обезпеченія духовенства, которымъ оно вынуждено добывать пропитаніе себѣ и своей семьѣ. Обличающая насъ интеллигенція не знаетъ, не можетъ чувствовать, какое несемъ мы тяжелое и прискорбное положеніе.. Но развѣ духовенство въ этомъ виновато?.. Развѣ всѣ ненормальности этого (злочастнаго положенія не сознаются и не оплакиваются нами? А развѣ

молчащее общество, кричащая интеллигенція не повинны въ томъ, что до сихъ поръ не найдуть намъ лучшаго способа обезпеченія? И развѣ честно это, не предпринявъ ничего къ улучшенію нашего благосостоянія, смѣяться надъ нами, топтать насъ въ грязь, презирать насъ, отказывать намъ въ самыхъ благородныхъ качествахъ души человѣческой? Вы говорите: «дайте священнику приличное жалованье, но запретите ему торговать (!) таинствами»... Повѣрьте-никто изъ насъ никогда въ жизни «не торгуетъ таинствами», да вы и сами это знаете, а употребили это выраженіе просто ради дешеваго аппломба... Ужъ не считаете ли вы это присутствіемъ въ себѣ мужества или героизма, въ которомъ отказываете людямъ церковнымъ? Почему же въ васъ нѣтъ мужества и героизма стать на защиту вопроса объ улучшеніи и облагороженіи нашего положенія? Тогда уже и бейте насъ, а бить лежачаго, угнетеннаго, связаннаго по рукамъ и ногамъ мало мужества; правда, это либерально, модно, но не *интеллигентно*, воля ваша. Если, какъ говорите вы, вамъ дѣйствительно дорого благо Россіи, то вмѣстѣ вамъ должно быть и дорого благо Церкви. Благо Церкви есть благо Россіи... Зачѣмъ же вы здѣсь умываете руки, и блага Церкви не хотите знать, считая своимъ дѣломъ—только поглумиться надъ ней, только показать свой разладъ съ ней, свое отчужденіе отъ нея, а не то, чтобы всѣми силами своего положенія помочь ея насущнымъ нуждамъ, чтобы ближе стать къ ней и общими съ духовенствомъ усиліями обезпечить благо ея, какъ благо всѣмъ намъ дорогой отчизны.

Сельскій свящ. *Ник. Ремизовъ.*

IV

Вы можете распорядиться съ письмомъ, какъ вамъ угодно; сочтете ли нужнымъ напечатать,—предварительно исправивъ его по своему усмотрѣнію ¹⁾, такъ какъ я человѣкъ неученый, не могу поэтому говорить витіевато и мудро и, можетъ быть, допустить, самъ того не замѣчая, много логическихъ и грамматическихъ ошибокъ,—или нѣтъ, мнѣ все равно, но, по крайней мѣрѣ, не откажитесь дочитать до конца.

Прочитавъ въ февральской книжкѣ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» письмо одного интеллигента, я рѣшился написать свое, правда, немудрое, но за то вылившееся изъ вѣрующаго сердца письмо. Я до глубины души былъ возмущенъ мнѣніями интеллигентовъ, которые такъ несправедливо нападаютъ на св. Церковь и на служителей ея, Грустно каждому христіанину, а тѣмъ болѣе крестьянину, человѣку

¹⁾ Печатаемъ, не измѣняя текста письма ни въ какомъ отношеніи.

Ред.

простому и неученому, но за то глубоко вѣрующему, смотрѣть, какъ кощунственно попирается то, что такъ долго было свято и дорого ему, его отцамъ и праотцамъ, а тѣмъ болѣе грустно, что причины этого исходятъ отъ нашихъ такъ называемыхъ передовыхъ людей. Если господа интеллигенты потеряли вѣру, то какое же они имѣютъ право соблазнять своихъ меньшихъ братьевъ? Иисусъ Христосъ объ этомъ сказалъ: аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится камень осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ моретѣй. Какъ страшны эти слова! Но господа интеллигентовъ не страшатъ они, такъ какъ они Самаго Господа Иисуса Христа низвели на равную ступень съ собой,— больше, они поставили Его ниже себя, признавъ только въ высшей степени идеальнымъ, по примѣру Конфуція, Будды, Магомета и др., себя же перенесли чуть ли не въ сонмъ боговъ, явившихся съ неба исказить Евангеліе по своему усмотрѣнію и переформировать св. Церковь. Эти люди, прикрываясь мантиею науки, вторично сняли со Христа багряницу и, заушая и всячески понося Его, ведутъ на Голгофу, а одинъ изъ нихъ, котораго Господь надѣлилъ такимъ талантомъ, уподобился Іудѣ предателю, предавъ своего Творца на злословіе и заушеніе. Всему сему подобаешь быти, но горе тому человѣку, которымъ предается Сынъ человѣчскій: лучше бы ему не родиться въ міръ. Я думаю, что смыслъ этихъ словъ можно отнести къ людямъ, соблазняющимъ малыхъ сихъ, ибо: если бы Господь подразумѣвалъ одного Іуду, то прямо сказалъ бы: горе тому изъ васъ, который... но Господь сказалъ: горе тому человѣку, котормъ..., значить, Всевѣдущій предвидѣлъ, что явятся еще предатели, подобные Іудѣ. Теперь вернусь къ тому, что, собственно, я хотѣлъ написать. Одинъ изъ интеллигентовъ въ своемъ письмѣ въ редакцію осмѣлился возвести такую клевету на служителей Церкви: «они и сами не вѣрують въ то, что проповѣдуютъ». Надѣюсь, и само безуміе не можетъ приписать такой мысли преемникамъ апостоловъ; вѣдь, вѣроятно, вѣруетъ же авторъ-интеллигентъ въ тѣ утопіи, которыя онъ съ такимъ рвеніемъ проповѣдуетъ, съ цѣлью подорвать авторитетъ Церкви. Напрасно онъ старается прикрыть свои убѣжденія христіанскимъ покровомъ,—сквозь него просвѣчивается ревнитель «непротивленія злу». Интеллигентъ выставляетъ равнодушіе духовенства къ духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ своихъ паствъ и хожденіе по домамъ съ иконами. На это скажу: апатично относиться къ духовнымъ нуждамъ своихъ пасомыхъ не дерзнетъ ни одинъ пастыръ, такъ какъ это его обязанность, его долгъ, по крайней мѣрѣ, я не знаю ни одного такого факта въ нашихъ мѣстахъ; что же касается матеріальныхъ нуждъ, то что же могутъ сдѣлать служители Церкви, если большинство изъ нихъ до крайности бѣдно; наконецъ, за хожденіе по домамъ съ иконами тоже нельзя ихъ осуждать, потому что они ходятъ по приглашенію мірянъ, какъ нельзя обвинять врача, котораго приглашаютъ къ больному. Если же духовенство получаетъ съ прихожанъ извѣстную долю вознагражденія, то, вѣдь, нужно же чѣмъ нибудь кормить себя и свои семейства;

никто не заграждаетъ рта у вола молотящаго, и трудящійся достоинъ награды. Если между нашимъ духовенствомъ и есть люди, можетъ быть, съ плохой нравственностію, то оставьте ихъ до жатвы; когда же наступитъ жатва, Господинъ скажетъ жателямъ: возьмите плевелы и, связавъ въ снопы, сожгите ихъ,—а пока мы не въ правѣ судить ихъ. У васъ, господинъ интеллигентъ, хватило мужества обвинять св. нашу Церковь въ отсутствіи героизма, но у васъ врядъ ли хватить мужества сознать свою глубокую вину въ томъ, что вы жестоко ошиблись, думая, что она въ теченіе двухъ тысячелѣтій не дошла до него. Вспомните гоненія Деціа, Діоклетіана, Максиміана, Галерія, Нерона и др., когда христіане сотнями и тысячами шли на костры, когда песокъ на аренахъ древнихъ цирковъ буквально подплавлялъ кровью разрываемыхъ дикими звѣрями христіанъ за ту вѣру, которую вы, господа интеллигенты, такъ искажаете и пошраете, за тѣ обряды, у которыхъ вы теперь не находите чувства, и шли они твердо, не требуя ни награды, ни похвалы, собою не красуясь: во что вѣруемъ, то и исповѣдуемъ. Какого еще нужно вамъ героизма, господинъ интеллигентъ? Ассоціируйте эти факты съ фактами изъ исторіи русской Церкви и не говорите, что Церковь не дошла до героизма. Что же касается вашихъ предположеній, что Церковь будетъ громить своихъ враговъ проклятіями и сжигать на кострахъ, то это ваша неправда. Православная Греко-Россійская Церковь (только православная, замѣтьте это) въ отношеніи къ своимъ врагамъ держится принципа: Отче, прости имъ, они и сами не знаютъ, что дѣлаютъ! Господа интеллигенты, вы соль земли; если же соль потеряетъ свою силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на пограніе людямъ. Оглянитесь назадъ на своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, вспомните ихъ вѣру и не удаляйтесь отъ нея, не заставляйте простыхъ людей, меньшихъ братьевъ своихъ, краснѣть за васъ.

Крестьянинъ.

О даръ священства.

Въ одномъ изъ религіозно-философскихъ собраній былъ поставленъ такой вопросъ о священствѣ: имѣеть ли *даръ священства* какое-либо *особое* содержаніе? Сообщается ли здѣсь вѣрующему, приѣмлющему священство, какой-либо *дѣйствительный плюсъ* въ сравненіи съ его прежнимъ досвященническимъ состояніемъ? Иначе говоря, вопросъ идетъ не объ условіяхъ, когда священникъ перестаетъ быть „строителемъ тайнъ Божіихъ“, а о *самомъ содержаніи дара*.

Чѣмъ держится священство? Что дается благодатью священства? Что?—вотъ вопросъ. Многіе думаютъ, что благодать—общее достояніе всѣхъ христіанъ—пастыри обратили въ свою исключительную „свойственность“, и это своего рода узурпаторство якобы и составляетъ опору священства, какъ много таинства.

Невѣрно! Какъ разъ наоборотъ. Получаемый въ таинствѣ рукоположенія благодатный даръ имѣеть не личное только, но общественное значеніе, и правомъ вязать и рѣшить дѣлаеть священническое служеніе страшно серьезнымъ. Это полномочіе дѣлаеть священство твердымъ духовнымъ остовомъ Церкви. Къ священству прикрѣплено, въ немъ находятъ свою повѣрку все подвижное многообразіе религіознаго воодушевленія вѣрующихъ.

Даръ священствованія не есть личное достояніе носящаго этотъ даръ, какъ благодатные дары, подаваемые въ крещеніи, покаяніи, бракѣ, евхаристіи. Что это такъ,—видно изъ того, что даръ священства, его содержаніе, высшее оправданіе,—для самого носящаго можетъ быть менѣе открытъ и понятенъ, чѣмъ для тѣхъ, надъ кѣмъ онъ священствуетъ. Отсюда нерѣдкіе случаи болѣе глубокаго и религіознаго отношенія мірянъ къ носимому пастыремъ священству, чѣмъ у самого пастыря, и міряне часто черезъ священника *получаютъ больше освящающей и спасающей благодати, чѣмъ онъ самъ*. И замѣчательно, что священникъ это чувствуетъ..., силою священства своего чувствуетъ.

Даръ священства производить въ принявшемъ его не формальное лишь измѣненіе, а реальное. Принявшій его, дѣйствительно, и въ волѣ, и въ умѣ, и въ чувствилищѣ своемъ становится *инымъ*.

Даже когда священство перестало быть избираемымъ, мистическое содержаніе дара осталось то же. Въ священникѣ,—разумѣемъ всѣ степени его,—вѣрующіе являются религиозно собранными. До рукоположенія выбранный есть представитель выбравшихъ его, и только... Выборъ этотъ дѣло рукъ ихъ. Теперь же онъ сталъ представителемъ *видимо не зримаго, но невидимо присутствующаго* Самого Воскресшаго. Здѣсь происходитъ какое-то таинственное разсѣченіе; человѣческаго въ человѣкѣ, выдѣленіе въ немъ сверхземного, ангельскаго отъ земного, человѣческаго, не въ униженіе этому послѣднему, а въ возвеличеніе и спасеніе. Отсюда идутъ глубочайшія измѣненія и своеобразности въ психологій священствующихъ.

Всякое должностное самочувствіе опредѣляется источникомъ уполномочивающимъ. Въ священникѣ личная немощь всегда чувствуется въ скорбной, открытой для общественаго упрека, противоположности съ мощью и достоинствомъ *Пославшаго*. Это—спокойное довѣріе не къ своимъ силамъ, а къ полномочію, которое далеко въ прошлое идетъ славною цѣпью непрерывнаго рукоположенія,—уходитъ далеко въ прошлое, но само никогда не становится прошлымъ, а есть непрерывная нить таинственной побѣды надъ самимъ временемъ и исторіей, ибо прошлое, на которомъ оно опирается, своею побѣдою надъ смертію, стало вѣчно настоящимъ и теперь открытымъ для общенія.

Вмѣстѣ съ даромъ священства пастырю съ одной стороны, обществу съ другой—дается свидѣтельство Духа Божія объ этомъ дарѣ, вѣра въ высшую правду священства.

Даръ священства имѣетъ свое содержаніе. Укажу лишь на нѣкоторыя черты. Священство дѣлаетъ священника орудіемъ цѣлей до такой степени большихъ, что содержаніе ихъ онъ самъ не можетъ охватить ни мыслью, ни вѣрою, но лишь отчасти постигаетъ въ страхѣ Божиемъ, при свѣтѣ отъ свѣта небеснаго...

Священникъ—орудіе, черезъ которое дѣйствуетъ Духъ Божій. Орудіе это бываетъ слѣпо, но отъ него зависитъ, и

въ дарѣ священства дается ему стать болѣе и болѣе зрячимъ. Въ мѣру этого священникъ перестаетъ быть орудіемъ, слѣпымъ,—тогда въ немъ загорается пророкъ, другъ Божій.

Еще замѣчательная черта священства. Для многихъ изъ насъ, стоящихъ внѣ Церкви, служеніе священника—это „роль“, исполняемая, но не имъ написанная, а кѣмъ-то другимъ,—только роль. Въ чемъ же разница этого служенія отъ исполненія роли актеромъ въ театрѣ?—тамъ вѣдь тоже разыгрывается *чужое*. Тѣмъ, что здѣсь Духъ Божій, авторствующій, внутренно руководитъ исполняющимъ, по мѣрѣ отдаванія себя во власть Его, ибо Духъ Божій на исполняющемъ. Роль перестаетъ быть ролью, а становится подлинною задачей, бременящею совѣсть и все сознание. Для священника тогда начинается дѣйствительная жизнь. Поразительно это. Когда же онъ снимаетъ эпитрахиль, тогда, пожалуй можетъ начаться для него и театръ, и комедія жизни. На сценѣ же, наоборотъ, пока актеръ на глазахъ у всѣхъ,—это театръ, подмости, а когда опустится занавѣсъ,—тогда начинается жизнь, подлинная дѣйствительность.

Силою дара священства пастырь при обращеніи къ Богу черезъ него другихъ не отводитъ поклоненія ихъ къ себѣ, не себя выставляетъ, какъ источникъ истины и благодати, а Бога. Ему дается даръ радости, что обращаются къ Богу, хотя бы и въ личное обличеніе и упрекъ ему, священнику. Безъ этого дара личный интересъ пастыря всегда бы стоялъ противъ движенія къ Богу руководимыхъ имъ вѣрующихъ.

Сверхъестественность дара священства сказывается во многомъ и, между прочимъ, въ слѣдующемъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ таинства священства, но гдѣ въ то же время чувствуется жгучая нужда въ немъ,—какъ, напр., въ расколѣ,—ибо жажда быть „разрѣшеннымъ и развязаннымъ“ вѣчна въ человѣкѣ,—тамъ явились попытки *самимъ* создать священство. Окруженное внѣшними знаками уваженія, всѣмъ „по чину“ положеннымъ,—словами, литургической обстановкою,—оно лишено внутренней правды. И общество о немъ не имѣетъ свидѣтельства Духа Божія въ совѣсти своей.

Никакая привычка, никакое самовнушеніе не даютъ этого. Сегодня принимаемое, завтра оно съ ненавистью и поношеніемъ отвергается, какъ преходящее дѣло рукъ своихъ, только *своихъ*,—или другихъ, но такихъ же безсильныхъ, какъ и свои...

Что даръ священства отъ Бога,—это видно еще и изъ слѣдующаго. Служеніе священническое, изо дня въ день повторяемое годы, десятки лѣтъ, всетаки никогда не становится *омертвѣлымъ*. Если смотрѣть со стороны, то невѣроятнымъ и чудеснымъ представляется то, что, при столь маломъ возгрѣваніи его со стороны пастырей, при такой часто небрежности ихъ, всетаки даръ видимо сказывается, дѣйствуетъ,—до такой степени даръ сильнѣе и выше немощей человѣка... Притупляющее и одуряющее дѣйствіе привычки побѣждается при малѣйшемъ береженіи; постоянными вспыхиваніями опочивающаго на священствующиыхъ Духа Божья даръ обновляется, углубляется, вѣчно юнѣетъ. И это даже при столь малыхъ усиліяхъ, при небреженіи...

Условіями своего служенія священствующіе имѣютъ особый, своеобразный жизненный опытъ. Безъ особаго водительства проходить это поприще и *самому остаться живымъ*, не впасть въ отчаяніе—нельзя. Въ таинствѣ покаянія священникъ, какъ никто другой, становится во свидѣтели постоянныхъ паденій человѣческихъ, всѣхъ ужасовъ нравственнаго умиранія. Картина зла предстаетъ предъ мыслью священника въ такой всеобщности, въ такомъ многообразіи, въ такомъ гнетущемъ человѣческую жизнь постоянствѣ, что безъ сверхъ-естественнаго дара, открывающаго очи на совершающуюся уже во благодати таинствъ побѣду надъ зломъ,—священническое служеніе было бы не мыслимо. Входить въ душу другого безъ полномочія Божія опасно и губельно, иначе увидишь „внутренняя“ человѣка, но правды о нихъ не увидишь: какъ глубины сатанинскія предстанутъ они предъ тобой, — и, входя въ тайники чужой совѣсти, внесешь туда свое отчаяніе и тьму. Даръ входитъ въ совѣсть другихъ—это самый исключительный, опасный изъ полномочій священника, ибо даетъ непреодолимую власть надъ исповѣдуемымъ. Извѣстно, что въ католичество на этомъ воздвигается... Душу человѣческую можно видѣть, и кто видитъ, тотъ ею владѣетъ,—въ какомъ духѣ видѣть, въ

томъ и владѣть. Достоевскій говоритъ про старца Зосиму, что онъ столько принялъ признаній человѣческой совѣсти, что душа человѣческая стала для него удобозримою и прозрачною, и хотя ему было страшно за людей, но онъ не впадалъ въ отчаяніе, а горѣлъ надеждою.

Становясь лицомъ къ лицу съ величайшими моментами человѣческой жизни: рожденіемъ, бракомъ, покаяніемъ, смертію, — священникъ дѣлается свободнымъ отъ того мечтательнаго, ложнаго состоянія, въ которомъ смерть мыслится несуществующею, а человекъ не въ мукахъ и въ слезахъ рожденнымъ. Отсюда особый священническій реализмъ, для многихъ кажущійся жестокимъ, на самомъ же дѣлѣ единственно вѣрный; ибо онъ исходитъ изъ истины спасенія. Легки въ своей книгѣ „Исторія рационализма“ подмѣтилъ эту черту у священниковъ, кажется, всѣхъ вѣроисповѣданій: какое-то особенное мужество и жестокость.

На священническое служеніе въ общемъ идутъ болѣе вѣрующіе изъ вѣрующихъ, и при томъ изъ среды класса, болѣе способнаго къ вѣрѣ, чѣмъ другіе классы, среда которыхъ по гордости ли, по основнымъ ли задачамъ жизни менѣе способна къ служенію Богу. Низкій уровень священства — есть вѣрный признакъ низкаго религіознаго уровня самого общества: въ этомъ смыслѣ священство несетъ на себѣ общественный грѣхъ предъ Богомъ. И хулящій священниковъ себя поносить, ибо и его вина тутъ. Есть потребность не въ отмѣнѣ священства, а въ священникахъ, носящихъ санъ свой въ страхъ и истинѣ... Зрѣлище же невѣрующаго священника пугаетъ даже самихъ невѣрующихъ. Оно отвратительнѣе, чѣмъ пьяная женщина и развратный старикъ.

Священство держится преданіемъ, которое сильно не преходящею убѣдительною предразсудка, тянущагося изъ поколѣнія въ поколѣніе, а безсмертною истиной своего внутренняго смысла. Раскрыть реальное значеніе таинства священства, привести для этого въ движеніе глубины священнической совѣсти, освѣтить ихъ для очей вѣрующихъ — вотъ задача, которая лежитъ на духовныхъ лицахъ и богословахъ нашего времени.

В. А. Тернавцевъ.

Паспортъ богомолки-покойницы.

(Въ средѣ раскольниковъ села Абашева, Наровчатскаго уѣзда, Пензенской губерніи).

Умерла старуха богомолка, иначе называемая келейницей, и по сему случаю встревожился раскольническій бѣглопоповскій муравейникъ. Пошла бѣготня по селу, толки, разговоры: что осталось у одинокой старухи? что завѣщала она и кому? Выискались добровольцы, которые обрядили старуху, справили ей домовину, уложили въ нее покойницу и поставили читать псалтырь надъ нею.

Главнаго наставника старообрядцевъ этого толка крестьянина Трифона Фонталкина въ селѣ не оказалось въ это время: онъ уѣхалъ по дѣламъ торговли, и свси поповскія дѣла поручилъ отправлять другому — Трифону Блинову, который и раньше ходилъ въ этихъ дѣлахъ подъ рукою Фонталкина. Блиновъ строже, чѣмъ Фонталкинъ, относился къ обрядностямъ своей вѣры и любилъ во всемъ точность и аккуратность до самой мельчайшей буквы. Дали знать Блинову о смерти келейницы, и онъ пришелъ и отслужилъ надъ ея тѣломъ панихиду. Старья и молодья дѣвки изображали при его службѣ хоръ пѣвцовъ.

— Кого же я теперь въ паспортъ-то ея долженъ внести? — спросилъ Блиновъ, окруженный разнымъ бабьемъ. — Кто у нея былъ отецъ духовный?

Старухи зашущукались между собою; никто не зналъ, что отвѣтить наставнику на его вопросъ.

— Что же языкъ-то не выпускаете, аль приросъ? — снова проговорилъ Блиновъ.

Изъ толпы бабъ выдѣлилась Авдотья Гаврюхина.

— Что те болкнуть, родимый! Кажись, покойница ни у кого никогда не исповѣдалась и духовнаго отца къ себѣ не прилучала.

— Это какъ же такъ-то? Нешто она песь была, а не хри-

стіанка! Семидесяти съ годомъ вытянулась, а христіанскаго долга и забыла свершить. Вотъ те христіанка!..

— Такъ ужъ планета выдалась на ея жисть, касатикъ,—заговорили разомъ всѣ бабы, защищая покойницу.—Сначала въ прислугахъ, въ Спасскѣ, перебивалась, а потомъ на келью перешла и тоже не удалось пристать къ попу. Чего подѣлаешь! Жисть-то..

— Да что вы морочите-то меня?—рявкнулъ Блиновъ на бабъ.—Прошлый годъ Лександру съ Москвы привозили, а позапрошлый годъ попъ Петруха жилъ,—со Спасска-то! Еще отбили ее тогда у Никитиныхъ, да въ Абашево и представили, а Ванька Лохматый, скосу-то, въ канавѣ тележку перевернулъ, да чуть и попа-то наглухо не зашибъ. Небось, въ памяти-то замкнулось это?

— Эту оказію какъ не помнить,—поддакнули бабы.—Только къ обоемъ этимъ попамъ покойница не удосужилась прилѣпиться, и ея помыслы остались въ ей, покойной, въ сердцы ея.

— Да почему не удосужилась-то?! Два попа были на селѣ, и ни къ одному она ни прильнула. Развѣ намъ дешево стоило привести-то ихъ? А вы такое близирство къ ему. Какъ я теперь хоронить-то ее долженъ? Сами зарывайте ее, оглашенную, а я уйду и молиться не стану.

— Варюху Кулагину надо попытать. — зашущукались бабы.—Она ейная подруга, авось, что и выскажетъ про нее, покойную-то.

— Что?!

— Варюху, моль, Кулагину позвать, можетъ, она что и знаетъ.

— Позвать ее! Я самъ допрошу Варюху, авторитетно рѣшилъ Блиновъ.

Явилась Варвара, а съ ней за компанью пришла и Арина Гуляева, обѣ товарки покойной.

— Говорите про покойницу,—у какого попа она исповѣдалась?—сказала наставникъ.—Да не врать у меня. А то вы сороки...

— Давно это, касатикъ, было,—заговорила Варвара.—Вотъ понедѣльникъ справляю ужъ двадцать съ годомъ ¹⁾, а это

¹⁾ Справлять понедѣльникъ — значитъ поститься въ этотъ день и не ѣсть скоромнаго.

еще до этого было за долго. Жили мы въ Спасскѣ съ нею, а потомъ Арина прищелась къ намъ. Ну, и такъ намъ было весело на чужой сторонѣ (г. Спасскѣ въ 8 вер. отъ с. Абашева)... Бывало, я къ покойницѣ, аль она ко мнѣ придетъ, сговоримся да къ Аринѣ, вотъ, и придемъ погугорить...

— Ты про путешествія-то неча мнѣ расписывать, а скажи досконально, кто былъ этотъ попъ, которому она каялась?— прервалъ Варвару наставникъ.—Ишь вавилоны то повела...

— Не знай, какъ тѣ выложить-то, Трифонъ Сидорычъ. Высокій, этакъ, черный, носъ съ горбиною, какъ у Егора Феклушина; росту осанистаго; ни малъ, ни высокъ, а какъ Петруха Михайловъ; на лбу еще шишка, а плѣшина во всю голову, точно у Андрея Шеманова. Поди, знаешь ихъ всѣхъ?

— Мнѣ не шишка его съ плѣшиною нужна, а скажи, какъ звать-то его? Попа-то этого какъ звать?

— Вотъ имя то его... Эхъ, провались ты совсѣмъ!.. за-была совсѣмъ. Ты Арина не вздумаешь, какъ того попа прозывали?—обратилась Варвара къ пришедшей съ ней женщи-нинѣ.

— И гдѣ вспомнить, Митревна! Тогда я... чать знаешь! не по вашей вѣрѣ была еще, а съ безпоповыми въ одной кашѣ.

— Это точно, Арина, ты правду сказала; все же ты при насъ состояла тогда.

— А ты память-то растыкай,—тормошилъ наставникъ.— Мнѣ пересуды-то ваши нечего въ уши вкладать.

Варвара стала припоминать.

— Не то — Петръ, не то Иваномъ обзывали его... Давно вѣдь, Сидорычъ, было-то это.

— Хорошія христіанки, коли отца своего духовнаго по-забыли, какъ звать!

— Кабы я была у него на духу-то, а то я только слышала о немъ отъ покойницы. Нехорошій былъ человекъ на счетъ нашей сестры, особливо при выпивкѣ.

— Ну, это не твоему бабьему волосу полагать сужденье о запахахъ! Коли мы представляемъ ихъ вамъ, значитъ, они достойны, и дѣла его спасительны для васъ. Ты за своимъ хвостомъ приглядывай, а до чужихъ дѣловъ тебѣ полагать заботу нечего. Этакъ у васъ всѣ попы нехороши. Ишь, кака святость обыскалась! Святого ей давай, а она этому святому

возь пакости разной подвезеть, — слушай, молъ, что я на творяла! Грѣховодницы, право!—началиль Блиновъ.

Старухи притихли; присмирѣла и Варвара.

— Значить покойная-то одна была у попа-то?—спросилъ наставникъ.

— Одна, родимый, ходила къ ему, одна, какъ есть, а я потомъ и спросила ее: ну что говорю, это я покойной-то, сирѣчь: какъ, молъ, онъ тебя на духъ-то принялъ? Строго началиль, али такъ себѣ? А она и говорить мнѣ, сердечная, таково умилительно, да жалостливо: не ходи, говорить, Варюшка, ты къ этимъ бродячимъ попамъ, всѣ они облыжные, не истовые. Въ кои-то вѣки пришлось мнѣ къ нему пойти, да и то безъ толку вышелъ Иванъ...

— Стало быть, она не исповѣдалась у него?—съ нетерпѣніемъ прервалъ наставникъ говорившую Варвару.

— Нѣтъ, касатикъ, какъ Богъ-святъ, не была она у него въ святыхъ дѣлахъ. Не пришлось сподобиться ей Божьяго спасенія, потому оченно сталъ онъ захмѣлѣвши и даже со стула упалъ (у старообрядцевъ всѣхъ сектъ поповщины попы исповѣдываютъ, сидя на стулѣ)...

— Такъ чево же ты, дура долговолосая, съ эстолько времени толковала мнѣ о лысинѣ, да объ носѣ крючкомъ, когда покойница, по обыску-то, совсѣмъ не исповѣдалась? Пошто мнѣ и имя того самого попа? Ну, дуры! Съ уповодъ (часть дня—уповодъ) бьюсь съ вами, а голку никакого. И разводить мнѣ антимоניю-то! Мнѣ имя нужно, чтобы поставить его въ рукописаніи. Какъ она представится къ Царю небесному безъ паспорту-то?! Въ городу и то безъ паспорту то не являйся, а тутъ вѣдь на судъ Божій она пойдетъ. Теперь, выходитъ, бѣглой предъявится къ Царю небесному.

— Не покинь, кормилецъ, умершей,—разомъ заголосили всѣ бабы.—Како-нибудь, да проставь ей имячко-то въ рукописаньи.

— Чтожъ я лгать долженъ Царю небесному!—рявкнулъ наставникъ.—70 годовъ грѣшила она, а къ попу ни разу и на духъ не предъявилась. Штожъ мы такое? Мы объ васъ денно-ночно сухоту имѣемъ, всѣ заботы прилагаемъ о вашемъ спасеньи, а вы и въ точку этого не ставите. Это посмѣянье надъ нами. Вотъ и хороните теперь сами, а я облыжникомъ и хриstopродавцемъ не буду. Грѣхъ на свою

душу не возьму. Тожъ и мнѣ умирать придется, а какой отвѣтъ воздамъ я за нее, безъисповѣдальницу. Вѣдь это срамота! У непоповыхъ и то по „Скитскому покаянію“ справляются, а насъ съ ними не сравнивать. Тѣ до пряма ужъ еретики, а мы на линіи истинныхъ христіанъ пребываемъ и вокругъ такая оказія. А все Фонталкинъ разслабилъ всѣхъ; онъ вамъ всякія послабленія производитъ, а вы и распутились и живете по свински. Тѣфу... Хороните сами, а я и прикосновенія не буду имѣть. По правиламъ св. отецъ, аще кто умретъ безъ покаянія не довлѣетъ надъ нимъ погребеніе пѣти... и я не стану вотъ. Не хочу быть беззаконникомъ изъ-за васъ.

— Трифонъ Сидорычъ! Отецъ родной! Пожалѣй упокойную: вѣдь она завсегда въ моленной бывала и дома завсегда правила по лѣстовкѣ кажинную службу,—упрашивали бабы за умершую. Только вотъ отъ поповъ-то она откачнулась, а такъ-то она была истовая христіанка, справедливая.

— Ахъ вы, суесловцы! Сороки вы этакія! Да нешто можно причислять въ истовые христіане тѣхъ, которые отъ попа отбивались? Ну, колибъ еще не было его, а то вѣдь мы привозимъ его къ вамъ. Развѣ эта сухота дешево стоитъ намъ? Поклонись, попроси, да мошной при этомъ потряси, и то отпустятъ тебѣ на срокъ и ладно. А вы этого и не чувствуете въ своемъ нутрѣ-то грѣховномъ.

— Грѣшницы, родимый! Чево подѣлаешь...

— Слушать надо, да повиноваться, которые объ васъ пекутся завсегда. Вы думаете легко впереди васъ стоять за службой-то, да сердцемъ скорбѣть за каждаго христіанина. Вы помолились, да сейчасъ же домой горячія лепешки ѣсть, а мы каждый часъ сухотись, да мысли раскидывай объ васъ, какъ и что лучше сдѣлать: и моленну украсить, и службу сысправить, и попа добыть—да всякую вещь въ точку произвести, въ линію, чтобы не обизорно было.

— Все это мы видимъ, Сидорычъ, все понимаемъ. Пожалѣй только вотъ нашу сестру-то: схорони ее, какъ слѣдуетъ, по-христіански. Безъ тебя кто же могилку ея окадить, землю посыпетъ ея прахъ? Тожъ и безъ рукописанья пустить ее зазорно. Ты на книгахъ состоишь, тебѣ каждая строка въ писаньи, што столбовая дорога нашей сестрѣ. Мы

всѣ просимъ тебя за нее. Епитинье лучше на насъ наложи за это, а мы грѣхъ ея на себя беремъ.

— Ну ладно; подумаю,—смягчился наставникъ.—И вышелъ изъ собранія.

— Жесткій человѣкъ, дѣвыньки,—заговорили читалки по его уходѣ.—Эхъ нѣтъ нашего главнаго Трифона Іерооеича; тотъ не спрашиваетъ въ этихъ случаяхъ, а самъ пишетъ прозванье послѣдняго попа въ рукописаньи, и готово. А этотъ вишь каку канитель повелъ: у кого исповѣдалась? Да што ему до этого? Ишь какой допытчикъ! Былъ попъ и пиши его. Мои грѣхи его плечи не тянутъ. Не онъ же будетъ за меня отвѣчать предъ Богомъ? Нечего и спрашивать, и пытку дѣлать.

— А сдается мнѣ, къ тому и антимионію всю подводить: дай золотой, и все обойдется какъ нельзя лучше,—сказала Варвара Кулагина.

— И то, бабы! Бросимъ ему золотой и схоронимъ завтра.

— Много! Жирно черезчуръ.

— Пусть подавится. Не наши вѣды! Покойная на похоронъ оставила.

Долго спорили между собою и, наконецъ, рѣшили поклониться наставнику золотой монетою и просить схоронить покойную съ рукописаніемъ. И золотой дѣйствительно возмѣлъ свою силу: онъ произвелъ серьезный переворотъ въ душѣ и мысляхъ строгаго наставника, и невозможное прежде стало возможнымъ для него теперь. Трифонъ Блиновъ пришелъ къ покойницѣ, отпѣлъ ее и далъ ей паспортъ, вписавъ въ него имя послѣдняго, бывшаго въ селѣ, попа Александра. Золотой сдѣлалъ умершую духовной дочерью попа Александра, хотя они и не видѣли другъ друга.

А покойница Агафья Зюзенкова, сирота, хотъ и держалась бѣглопоповщины, но бѣглыхъ поповъ не признавала истинными пастырями и посему чуждалась ихъ. Жила она лѣтъ 40 въ кельѣ, одиноко, Богу молилась и принимала подаянье отъ посѣтителей. Все ея достояніе досталось ея ухаживателямъ-единовѣрцамъ.

Миссіонеръ Пензенской епарх. свящ. *К. Поповъ*.

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа со штундистами о ев. храмѣ и о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 23).

Весна была въ полной красѣ нашей южно-русской природы, когда я, вскорѣ послѣ Пасхи, совершалъ свою миссіонерскую поѣздку и проѣзжалъ черезъ село N—скаго уѣзда. Въ селѣ штундистовъ числилось трое: одна душа мужеска и двѣ женска пола, какъ гласилъ оффиціальныи отчетъ благочиннаго. Но сектантскимъ духомъ и мыслями заражено было почти все село. Было время, когда и въ оффиціальныхъ отчетахъ число штундистовъ показывалось не одною сотнею, но затѣмъ пошли „обращенія“. Жизнь въ селѣ стала мало-по-малу принимать свой прежній укладъ Стариковъ „потянуло до Церкви“ въ силу прежней церковной закваски, молодежь пошла „братиться“, и въ селѣ относительно тихо стало и покойно, хотя прежней простоты и смиренія вѣры уже не было. Осенью прошлаго года съ Кавказа, изъ ссылки, вернулся крестьянинъ Яковъ Кандыба, бывший нѣкогда на селѣ главнымъ вожакомъ штундистовъ. Онъ еще на Кавказѣ выразилъ тамошнимъ властямъ и духовенству свое желаніе присоединиться къ Церкви съ тѣмъ, чтобы ему разрѣшено было возвратиться на родину. Такъ какъ срокъ его ссылки истекалъ, то, по соглашенію съ начальникомъ нашего края, ему разрѣшено вернуться на родину, обязавъ его подпискою „впредь оставаться православнымъ и отнюдь не впадать въ гибельное ученіе штунды“, а приходскому священнику его родного села, при этомъ, предписали имѣть надъ нимъ „неослабный надзоръ и пастырское попеченіе“. Вернулся Кандыба на родину съ деньгами и, благодаря имъ, недюжинному уму своему, да честолюбію, вскорѣ по возвращеніи занялъ выдающееся положеніе среди односельчанъ. Къ священнику онъ относился

съ холодною почтительностью, и хотя къ нему за благословеніемъ не подходилъ, но съ молитвою и св. водой въ домъ его принималъ, св. иконы держалъ и вообще съ внѣшней стороны велъ себя довольно прилично. Священникъ, знавшій его прежнюю дѣятельность и опасавшійся за миръ и спокойствіе въ своемъ приходѣ, отнесся къ нему съ самаго начала осторожно и подозрительно, и не напрасно. Черезъ нѣсколькихъ приближенныхъ къ себѣ людей онъ скоро узналъ, что Кандыба взялся за прежнюю роль „религіознаго просвѣтителя“. Правда, онъ собраній не устраивалъ и съ проповѣдью по домамъ не шатался, но пользовался каждымъ случаемъ, чтобы внушать народу противуцерковныя мысли.

Я рѣшилъ побесѣдовать съ Кандыбой. А такъ какъ вызвать его на публичную бесѣду, какъ штундиста, не имѣлъ основанія, а частный разговоръ съ нимъ, прошедшимъ хорошую и продолжительную штундистскую школу, былъ безцѣленъ и не могъ дать никакихъ результатовъ, то я рѣшился воспользоваться наличными въ селѣ штундистами „мужеска и женска пола“ и устроить публичную бесѣду съ ними, въ расчетѣ, что Кандыба не преминетъ досѣтить ее и, какъ человѣкъ горячій, привыкшій къ роли вожака народнаго, приметъ въ ней участіе. Мои расчеты оправдались.

Погода стояла жаркая, совершенно лѣтняя, а школа въ N. была маленькая, неудобная, по тѣснотѣ, для устройства въ ней публичной бесѣды; поэтому мы со священникомъ рѣшили провести бесѣду „на вольномъ воздухѣ“, на церковномъ погостѣ. Дѣло было въ воскресенье. Священникъ объявилъ въ церкви за литургіей о предстоящей бесѣдѣ пріѣзжаго миссіонера со штундистами. Я съ своей стороны просилъ сельскаго старосту оповѣстить людей, не бывшихъ въ церкви и пригласить на бесѣду штундистовъ. Часа въ два послѣ обѣда староста пришелъ заявить, что народу уже собралось достаточно, но что штундисты придти отказались. Священникъ спросилъ: „а Кандыба есть?“—„Кажись, есть“,—отвѣчалъ онъ. Мы взяли библию и отправились со священникомъ на церковный погостъ.

Тамъ, возлѣ ветхой, небольшой церкви, стояла уже большая толпа народу. Толпа разступилась, и мы вошли на небольшое, скрипѣвшее подъ ногами крылечко. „Не великъ же

у васъ, братцы, храмъ, да и тотъ, того и гляди на бокъ свалится. И чего бы не построить новый, попросторнѣе?!“—затѣтилъ я народу. „Та для насъ и этотъ хорошъ!“—отвѣтилъ стоявшій ближе къ ступенькамъ крыльца старикъ-крестьянинъ и, когда я съ удивленіемъ взглянулъ на него, онъ прибавилъ: „у насъ народъ не очень охочій до храму: батюшка съ дьячкомъ, да староста со сторожемъ и всего-то людей въ церкви бываетъ, такъ для нихъ и этого храма довольно“...—„Почему же народъ въ церковь не ходитъ, развѣ ваши люди Бога не знаютъ и Богу не молятся?“—„Та молятся,—отвѣчалъ словоохотливый старикъ,—только у насъ, извините, народъ все больше штундовый и Богу все больше около печки любить молиться“...

Тема была дана и я мысленно рѣшилъ вести бесѣду о храмѣ.

Священникъ возгласилъ обычное начало, пропѣли: „Отче нашъ“, и я приступилъ къ бесѣдѣ. „Очень прискорбно, братіе мои,—говорилъ я народу,—если то, что сейчасъ только говорилъ этотъ старикъ, правда, если дѣйствительно вы считаете этотъ малый и ветхій храмъ достаточнымъ для себя и считаете такъ не по своей бѣдности или малочисленности населенія, а потому, что не посѣщаете его, что оставляете его пустымъ во время службы Божіей. Хорошо дома молиться, но еще лучше молиться въ храмѣ. Развѣ вы не знаете, что здѣсь въ храмѣ совершается и самая усиленная, и самая совершенная молитва Богу? Развѣ вы не знаете, что храмъ есть мѣсто особаго присутствія Божія домъ Божій и потому домъ молитвы по преимуществу?“..

— Они думаютъ, г. миссіонеръ,—прервалъ меня стоявшій въ первыхъ рядахъ толпы челоувѣкъ,—что все равно, гдѣ не молиться, лишь бы молиться усердно. А что новаго храма не строятъ, такъ это по бѣдности, да еще монополія много забираетъ. Тутъ прокормиться только было бы чѣмъ...

— „Кандыба!“—тихо шепнулъ сидѣвшій возлѣ меня священникъ.

— Почему вы за нихъ говорите, братъ,—сказалъ я ему,—а не за себя, развѣ они не такъ думаютъ, какъ вы, и вы съ ними не одной вѣры и не одного прихода?

— Нѣтъ, что вы,—съ поспѣшностью отвѣчалъ онъ,—я одной вѣры теперъ съ ними... Теперъ держусь вѣры госу-

дарственной, да только понятіевъ разныхъ. Я за понятія эти и пострадалъ, и можно сказать, что науку эту прошелъ не меньше, чѣмъ въ семинаріяхъ да академіяхъ... Я, можетъ слышали, Яковъ Евстигнѣевичъ Кандыба "...—И онъ съ вызывающимъ видомъ выступилъ изъ толпы.

— Слышать-то я слышалъ,—сказалъ я,—да только рѣчь вашу въ толкъ не возьму. Вы говорите, что вы вѣры государственной, хотя такой вѣры нѣтъ, а есть вѣра Христова, какъ есть вѣра іудейская, магометанская, языческая. Еще вы говорите, что вы различныхъ понятій съ народомъ, и что вы имъ долго учились и за нихъ пострадали. Что же это значить? То ли, что по наружности вы православный, а внутри остались штундистомъ, такъ что ли?

— Что я внутри, такъ до этого вамъ дѣла нѣтъ,—отвѣчалъ Кандыба,—а только я православный по всей формѣ. Вотъ спросите священника: даже въ консисторіи знаютъ, росписку мою держать. Такъ что не обо мнѣ надобно рѣчь вести. Вотъ штундистка: съ ней и бесѣдуйте, обращайтесь ея въ православіе, а мы теперь православные достаточно!

— Отчего же, Яковъ Евстигнѣевичъ, мнѣ не побесѣдовать съ вами,—сказалъ я ему.—Для меня, вѣдь, безразлично, какъ кто по своей вѣрѣ да по своимъ понятіямъ называется, штундистомъ ли, баптистомъ ли, раскольниковомъ и т. п. Я бесѣдую со всѣми неправомыслящими. Вы вотъ сами сказали, что хотя вы вѣры государственной, но „понятіевъ“ разныхъ. Такъ почему же намъ не побесѣдовать объ этихъ разныхъ понятіяхъ: согласны ли они со словомъ Божіимъ?

— Нѣтъ, будетъ,—отвѣчалъ Кандыба,—нечего мнѣ съ вами бесѣдовать! Набесѣдовался я уже довольно!

— Но зачѣмъ же вы пришли на бесѣду?

— Какъ зачѣмъ? Любопытно знать, какъ въ настоящее время людей въ православіе обращаютъ. Теперь, говорятъ, уже научились словами уловлять, а въ наше время проще было. Приѣдетъ г.—овъ и живо изъ родного села уберутъ. Да, наука теперь куда любопытнѣе!..

— А если вамъ любопытна наука бесѣдъ, то и будемте бесѣдовать. Вотъ, напр., какъ вы мыслите о храмѣ, такъ ли, какъ мы православные, именно, что храмъ есть домъ молитвы, а отсюда домъ Божій, мѣсто особаго присутствія

Божія, или же такъ, какъ вы по поводу здѣшняго народа сказали, что храмъ особаго значенія для вѣры не имѣетъ, что для христіанина безразлично, гдѣ молиться?..

„Объ этомъ надо такъ разсуждать, медленно началъ свою рѣчь Кандыба, что для вѣрующаго человѣка все единственно, гдѣ ему ни молиться Богу, а для грѣшника никакой храмъ не поможетъ. Вотъ царь Давидъ говоритъ, что молитва его въ грѣхъ ему обратиться. Нужно не храмы строить, а вѣру въ чистотѣ держать, да не пьянствовать, не красть, не убивать, ближнему своему помогать, отъ бѣды „вызволять“...“

Кандыба, по штундовому обычаю, уклонился въ сторону и сѣлъ на любимый сектантами конекъ обличенія пороковъ. Я прервалъ его поэтому и переспросилъ: „такъ вы, значить, полагаете, что храмы для христіанъ не нужны?“

— Чтожъ я полагаю? Я ничего не полагаю, а вотъ Христось учитъ въ Евангеліи. Прочитайте четвертую главу отъ Іоанна: тамъ это сказано.

— Хорошо, я прочитаю!—Я раскрылъ Евангеліе и громко прочелъ: *„Женщина говоритъ ему (Иисусу): Господи, вижу, что Ты—пророкъ. Отцы наши поклонялись на этой горѣ; а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ. Иисусъ говоритъ ей: повѣрь Мнѣ, что наступитъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся, ибо спасеніе отъ іудеевъ. Но настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться въ духъ и истиннѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истиннѣ (4, 19—24)“*... Вотъ это мѣсто Евангелія, прочитать которое вы хотѣли,—сказалъ я Кандыбѣ. Теперь скажите, какое поученіе о храмѣ вы извлекаете изъ этихъ словъ Евангелія?

— Какъ какое? То, что теперь храмовъ не нужно, время ихъ прошло. Въ духъ и истиннѣ теперь нужно поклоняться Богу...

— Христось нигдѣ и никогда не говорилъ, что храмовъ не нужно. Вникните, братъ Яковъ и вы всѣ братіе, въ тѣ слова Евангелія, которыя только что я прочелъ предъ вами. Это слова изъ бесѣды Господа съ самарянкою. По закону

Моисееву, евреи для поклоненія Богу должны были ходить туда, гдѣ была скинія или храмъ. Никакого другого мѣста, кромѣ Иерусалима, для поклоненія Богу не было у евреевъ. Самаряне хотѣли было избрать себѣ другое мѣсто и даже построили для этой цѣли на горѣ Гаризимѣ храмъ, но евреи этотъ храмъ разрушили и Иерусалимъ со своимъ храмомъ оставался во время Иисуса Христа единственнымъ мѣстомъ для поклоненія Богу. (Это было большею тяжестью для всего народа, а для самарянъ, съ которыми евреи враждовали, въ особенности). И вотъ женщина самарянка, когда пришелъ Христосъ въ предѣлы самарійскіе, спрашиваетъ его: справедливо ли евреи полагаютъ, что въ Иерусалимѣ единственное мѣсто поклоненія Богу? Христосъ на это отвѣтилъ такъ: хотя на сторонѣ евреевъ правда закона, ибо они знаютъ, чему кланяются, а у самарянъ такого знанія религіозной истины нѣтъ, но скоро этотъ порядокъ или этотъ законъ о поклоненіи Богу въ Иерусалимѣ долженъ измѣниться. Настанетъ новое время, когда люди лучше будутъ знать Бога, Который есть Духъ, и будутъ ближе къ истинѣ, а сообразно этому будутъ и поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, для чего незачѣмъ будетъ непременно ходить въ Иерусалимъ...

— Вотъ спасибо вамъ, господинъ миссіонеръ, что вы такъ говорите,—перебилъ меня Кандыба,—это въ самый разъ, и я такъ говорю. Къ чему теперь храмы, когда духовно можно поклоняться, ибо такихъ поклонниковъ ищетъ Себѣ Отецъ небесный. Въ духѣ и истинѣ—вотъ это и есть поклоненіе Богу! Это такъ,—торжествовалъ Кандыба...

— Не такъ, не такъ,—сказалъ я. Вы, очевидно, не ясно сознаете, что значитъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, и думаете, что это значитъ не поклоняться Богу въ храмѣ. И въ храмѣ можно поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, это не противорѣчить одно другому. Но прежде чѣмъ объяснить, что значитъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, остановимся на томъ словѣ Спасителя, что поклоненіе Богу можетъ совершаться на всякомъ мѣстѣ. Скажите, Яковъ Евстигнѣевичъ, если Господь позволилъ намъ поклоняться Ему на всякомъ мѣстѣ, то для насъ безразлично ли, гдѣ совершать свое поклоненіе Богу?

Кандыба отвѣтилъ: „Я такъ полагаю, что христіанинъ

можетъ молиться вездѣ. Какъ птица щебечеть, такъ и человѣкъ можетъ молиться: Богъ вездѣ его услышитъ!“...

Онъ, очевидно, не понималъ вопроса. Я спросилъ его: „одинаково ли удобно для человѣка молиться дома, на полѣ, въ хлѣву, за трудной работой, или для молитвы лучше избрать особое мѣсто и особый часъ?“ И такъ какъ Кандыба затруднялся или не хотѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, то я сказалъ слушателямъ: „Я полагаю, братіе, что о томъ и рѣчи быть не можетъ, что не всякое время и не всякое мѣсто одинаково удобны для нашего поклоненія Богу. И какъ среди дней года Самъ Богъ опредѣлилъ для этого особня праздничныя времена, такъ и среди всѣхъ мѣстъ нашего обитанія Самъ же Богъ опредѣляетъ для того же и особня мѣста,—св. храмъ, гдѣ несравненно удобнѣе и приличнѣе, и лучше совершить поклоненіе Богу, чѣмъ на всякомъ другомъ мѣстѣ, чѣмъ дома, напр., на полѣ и прочихъ мѣстахъ. Не такъ ли, Яковъ Евстигнѣевичъ?“

Кандыба усмѣхнулся и съ ироническою улыбкою отвѣтилъ: можетъ, для кого и лучше, особенно, если отъ храма пользу имѣешь, для духовенства, напимѣръ. Ну, а для бѣднаго человѣка все единственно: ему лишь бы по вѣрѣ, такъ всякое мѣсто хорошо, лучше чѣмъ въ храмѣ...

— А скажите, братъ Яковъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ большую пользу отъ храма имѣлъ? И не Онъ ли былъ такъ бѣденъ, что *„главы не имѣлъ гдѣ приклонити“* (Мѣ. 8, 20), и всеже Онъ посѣщалъ храмъ и счелъ Своею обязанностью даже уплатить обыкновенную подать на храмъ (Мѣ. 17, 24—27), считалъ храмъ *іерусалимскій домъ молитвы* и *домъ Отца Своего* и заботился о томъ, чтобы незаконная торговля не оскверняла его (Мѣ. 21, 13; Лук. 2, 49).

Вспомнимъ также, какъ относились ко св. храму святыя угодники Божіи, куда, какъ не въ скинію, шелъ Иисусъ Навинъ молиться Богу и поклониться Ему во время гнѣва на народъ (Ис. 7, 6)? На храмъ, какъ на мѣсто молитвы и поклоненія Богу, указывалъ и праотецъ Господа Давидъ. *„Войду въ домъ Твой, поклонюсь святому храму Твоему (5, 8)“*, — говоритъ онъ, — *„поклоняюсь предъ святымъ храмомъ Твоимъ (137, 2)“*, *„поклонитесь Богу въ благомъ святилищѣ Его (28, 2)“*, Такъ было до Христа; но и послѣ Христа на храмъ продолжали смотрѣть, какъ на мѣсто молитвы по преимуществу.

какъ на домъ Божій и на мѣсто особаго Его присутствія. Вотъ почему апостолы, какъ говорится въ Писаніи, *„каждый день пребывали въ храмъ, благословляя и прославляя Бога“* (Дѣян. 24, 58), и ходили въ храмъ въ опредѣленные часы на молитву (Дѣян. 3, 1), а апостоль Павелъ считалъ необходимымъ ходить въ храмъ іерусалимскій для поклоненія даже изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ жилъ, проповѣдуя о Христѣ (Дѣян. 22, 17—21). Какъ же мы можемъ смотрѣть на храмъ иначе, чѣмъ смотрѣли на него Господь Іисусъ Христосъ, св. пророки и апостолы?

— По правдѣ сказать, — началъ въ свою очередь Кандыба, — ничего нельзя сказать противъ того, чтобы ходить въ храмъ для молитвы. Отчего не пойти? Да только молиться нужно не храму, а Богу, а у насъ все храмъ да храмъ. Вотъ я былъ въ Тифлисѣ, такъ тамъ у баптистовъ есть молитвенный домъ, и у молоканъ есть въ Таврической губерніи, но храму они не поклоняются, потому что Богу нужно поклоняться. А у насъ невѣжество! Богу не поклонится, а предъ храмомъ поклоны бьетъ, да рукой машетъ. У православныхъ за храмомъ какъ-то Бога невидно, вотъ что! Или еще: развѣ у насъ кто называетъ храмъ храмомъ или домомъ молитвы, только отъ миссіонеровъ такъ и услышишь, а у насъ все церковь да церковь. А развѣ церковь храмъ? Церковь есть собраніе вѣрующихъ, вотъ что. Гдѣ собрались люди вѣрующіе, тамъ и церковь, а храмъ — стѣны! Господь не въ стѣнахъ живетъ, а въ людяхъ. Вы—храмы Бога живаго, говоритъ Писаніе. И еще: гдѣ собраны двое или трое во имя Мое, Я посреди ихъ... Вотъ объ этомъ нужно разсуждать...

— Яковъ Евстигнѣвичъ, — сказалъ я, — ваша мысль о томъ, что православные молятся не Богу, а храму, совершенно несправедлива. Если вы осуждаете православныхъ христіанъ за то, что они поклоняются св. храму, то вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаете св. царя и пророка Давида, который, я уже упоминалъ, говоритъ о себѣ: *„вниду въ домъ Твой, поклонюсь храму святому Твоему“* (5, 8). Несправедлива и вторая ваша мысль, что храмъ — только простыя стѣны, въ которыхъ Богъ не живетъ. Зачѣмъ же Господь Іисусъ Христосъ называлъ храмъ не только домомъ молитвы, но и домомъ *„Отца Своего“* (Лук. 2, 49)? Зачѣмъ въ св. Писаніи неодно-

кратно храмъ называется *домомъ Божиимъ* (Суд. 20, 22; Пс. 121, 1), т. е. домомъ, въ которомъ живетъ, обитаетъ Богъ?...

— А позвольте мнѣ, господинъ, сказать вамъ два слова,—замѣтилъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ слушателей:—вотъ вы говорите, что Богъ живетъ въ храмѣ, а я читалъ въ Евангелии, что Богъ не живетъ въ храмахъ рукотворенныхъ..

— Нѣтъ, братъ,—сказалъ я ему, ты этого не читалъ, а читалъ что-то похожее, да, не понявши, и передаешь превратно...

— Ну, это вы напрасно,—заступился за своего единомышленника Кандыба,—объ этомъ въ Дѣянiяхъ Апостоловъ говорится. Вотъ прочитайте, въ седьмой главѣ и еще въ семнадцатой главѣ. Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ! Это подлинно написано...

— Значить и вы, Яковъ Евстигнѣевичъ, плохо понимаете, что написано.

Все ли равно сказать: Богъ *не живетъ* въ рукотворенныхъ храмахъ, или Богъ *не въ рукотворенныхъ храмахъ* живетъ?

Кандыба былъ сначала нѣсколько озадаченъ, но потомъ быстро заговорилъ: „конечно все равно. Что тутъ еще спрашивать? Сказано: не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и все тутъ!..“

— Вотъ видите,—сказалъ я,—вы своими словами прямо показываете, что не понимаете словъ св. Писанiя. Какъ же въ св. Писанiи говорится, что Богъ—*вездѣсущъ*, т. е. наполняетъ Своимъ Существомъ весь міръ, значить и храмы рукотворные?! Да кромѣ того, развѣ мы не читаемъ въ св. Писанiи, что Самъ Богъ сказалъ, чтобы Ему устроили святилище, что *Онъ будетъ обитать тамъ* (Иск. 25, 8)? Въ псалмѣ Давидъ прямо говоритъ, что *Господь во святомъ храмѣ Своемъ* (10, 4), и что храмъ есть „*жилище Божіе* (131, 7; ср. 3. Цар. 9, 3). Самъ Господь Иисусъ Христосъ сказалъ, что въ храмѣ живетъ Богъ, почему клянущіеся храмомъ клянутся и *живущимъ тамъ* Богомъ (Мѣ. 23, 31). Итакъ, повторяю, никакъ нельзя сказать, что Богъ не живетъ въ рукотворенныхъ храмахъ, и этихъ словъ нѣтъ въ св. Писанiи и быть ихъ не можетъ...

— Такъ зачѣмъ же апостоль говоритъ, что Богъ не въ

рукотворенныхъ храмахъ живетъ, — прервалъ меня Кандыба, — развѣ это не все равно?!

— Именно, не все равно! Переставьте одну букву въ Писаніи, и можетъ пропасть весь смыслъ его. Что же значить слова Писанія, что „Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ?“ Слова эти повторяются въ св. Писаніи два раза. Первый разъ въ рѣчи первомученника-діакона Стефана предъ синагогою иудейскимъ. Иудеи ложно думали, что Богъ есть Богъ только еврейскаго народа, и что Онъ нигдѣ не живетъ, какъ только въ построенномъ ими іерусалимскомъ храмѣ. Это ложное понятіе евреевъ о храмѣ іерусалимскомъ, какъ исключительномъ и единственномъ жилищѣ Бога на землѣ, обличаетъ вышеприведенными словами св. Стефанъ. Онъ говоритъ, что хотя *„Давидъ обрѣлъ благодать предъ Богомъ и молилъ, чтобы найти жилище Богу Іакова, а Соломонъ построилъ Ему домъ“*, но надежда на это одно у іудеевъ, убившихъ Праведника-Христа — пуста и тщетна, ибо *„Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, какъ говоритъ пророкъ: „небо—престолъ Мой и земля—подножіе ногъ Моихъ“. Какой домъ созиждется Мнѣ, говоритъ Господь, или какое мѣсто для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила все сіе“* (7, 49—50). Иначе говоря, Богъ Самъ по Себѣ не нуждается въ храмахъ, даже такихъ, какъ храмъ, устроенный Ему Давидомъ и Соломономъ. Въ томъ же смыслѣ были сказаны вышеприведенныя слова и Павломъ въ городѣ Аѳинахъ. Здѣсь жили язычники, которые думали, что всѣхъ боговъ можно заставить жить въ ихъ городѣ и быть къ нимъ милостивыми, если построить всѣмъ имъ храмы. Для этой послѣдней цѣли они построили храмъ или алтарь даже „незданному Богу“. Апостоль, похваля ихъ благочестіе, разъясняетъ имъ, что они о Богѣ думаютъ неправильно, если полагаютъ, что Богъ, нуждаясь въ храмѣ, будетъ обитать тамъ, гдѣ Ему построить Его. Нѣтъ, говоритъ апостоль, *„Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человеческихъ, Самъ дая всему жизнь, и дыханіе, и все“* (17, 24—25).

— Зачѣмъ же православные устраиваютъ храмы, если Богу они не нужны?—возразилъ Кандыба.

— Я сказалъ: Соломонъ—мудрѣйшій изъ людей пре-

красно зналъ, что Богъ Самъ по Себѣ не нуждается въ храмахъ, что не только храмъ, но даже небо и небо небесъ не вмѣщаютъ Его, однако построилъ храмъ имени Божію и молилъ Бога да будутъ очи и уши Его отверсты въ храмѣ семь день и ночь, дабы принимать молитвы людей съ вѣрою прибѣгающихъ къ Нему (3 Цар. 8, 13—53). И Господь услышалъ молитву Соломона и сказалъ ему: „*Я освятилъ сей храмъ, который ты построилъ, чтобы пребывать имени Моему тамъ во вѣкъ, и будутъ очи Мои и сердце Мое тамъ во вѣкъ дни*“ (3 Цар. 9, 9). Съ такими же мыслями и чувствами и мы обращаемся къ Богу, когда строимъ свои храмы, и вѣримъ, что Господь также услышитъ насъ, какъ услышалъ Онъ царя Соломона, и ниспошлетъ намъ свои милости.

— Но зачѣмъ рукотворенные храмы, если міръ есть храмъ Божій: развѣ вы не читали объ этомъ въ Писаніи?

— Читать-то я читалъ, но Писаніе нужно принимать и понимать съ разсужденіемъ. Вы вотъ сказали, что мы, люди, согласно Писанію, составляемъ храмъ Божій. А если мы, люди,—храмъ Божій, то какъ же вы еще говорите, что храмъ Божій—весь міръ?..

— Одно другому не мѣшаетъ: міръ одно, а мы, люди,— другое...

— Вотъ это правда! Но сюда еще нужно присоединить и третье: это—руками людей создаваемые храмы Божіи. Міръ есть храмъ Божій, ибо его весь наполняетъ Богъ, по словамъ Писанія (3 Цар. 8, 27; ср. Іер. 23, 24). Вѣрующій чловѣкъ есть храмъ Божій, потому что въ немъ; живетъ Духъ Божій, какъ говоритъ св. апостолъ (1 Кор. 3, 16). Рукотворенный храмъ есть храмъ Божій, потому что въ немъ обитаетъ Богъ, какъ мы уже видѣли изъ св. Писанія, и существованіе одного изъ этихъ храмовъ не исключаетъ существованія двухъ другихъ.

Теперь посмотримъ, справедлива ли высказанная вами мысль, что православные несправедливо называютъ храмъ Божій Церковью, и что Церковью можно назвать только собраніе вѣрующихъ. Что Церковь есть собраніе истинно-вѣрующихъ, это правда, но и зданіе, гдѣ собираются истинно-вѣрующіе для совершенія молитвы, также можно назвать церковью.

— Вы мнѣ отъ Писанія докажите это, — возразилъ Кандыба.

— Хорошо, отвѣчалъ я. — Въ св. Писаніи есть указанія, что христіане собирались для своего христіанскаго богослуженія въ особо предназначаемыя для сего комнаты или горницы. Эти горницы, служившія первоначально для христіанъ храмами, апостоль Павелъ прямо называетъ церквами; „Слышу, что когда вы собираетесь въ церковь, между вами бываютъ раздѣленія, пишетъ онъ, обличая нестроенія въ коринѣской церкви. — *Вы собираетесь такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню, ибо всякій поспѣшаетъ прежде другихъ ѣсть свою пищу, такъ что иной бываетъ голоденъ, а другой упивается. Развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию?*“ (1 Кор. 11, 18—22). „*Жены ваши въ церквахъ да молчатъ, ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи*“ (14, 34)... Не ясно ли теперь для васъ, Яковъ Евстигнѣевичъ, что храмъ, или домъ молитвы, можно, согласно Писанію, называть церковью?..

Кандыба какъ бы не слыхаль моего вопроса и самымъ невиннымъ тономъ произнесъ: А скажите, господинъ миссіонеръ, вѣдь это не хорошо, что въ нашихъ церквахъ безпорядки бываютъ. Какъ у насъ причащаются?! Крикъ, давка, дѣти, какъ овцы блеютъ!.. А еще церковью называется!.. А потомъ еще: апостоль говоритъ, что женщины въ цервахъ должны молчать: зачѣмъ же строить женскіе монастыри, чтобы жены служили Богу? Это противорѣчитъ Писанію!..

— Конечно, безпорядки въ храмѣ не хорошее дѣло, но это не препятствуетъ храму называться церковью. Не воспретывали же коринѣскіе безпорядки апостолу назвать коринѣскій храмъ церковью. А что касается женскихъ монастырей, то тамъ женщины-монахини въ храмахъ за богослуженіемъ отъ себя никогда ничего не говорятъ, а читаютъ, поютъ и прислуживаютъ въ храмахъ, во всемъ подчиняясь уставу и находясь въ подчиненіи у предстоятеля-священника, какъ того и требуетъ апостоль. А служить Богу въ храмахъ женщинамъ нигдѣ и никогда не запрещается... Теперь слѣдуетъ рассмотреть вопросъ: что значать слова Спасителя о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ? Какъ ихъ понимать? Какъ, какимъ образомъ можно поклониться Богу въ духѣ и истинѣ? Не скажете ли вы намъ объ этомъ, Яковъ Евстигнѣевичъ?

Кандыба отвѣтилъ: „Что тутъ говорить? Я такъ понимаю, что если въ духѣ нужно поклоняться Богу, то въ духѣ, а не въ тѣлѣ, а если въ истинѣ, то въ истинѣ, а не во лжи, не въ выдумкахъ, изобрѣтеніяхъ ума человѣческаго.

— Какъ это можно поклоняться не въ тѣлѣ и не во лжи?—спросилъ я.—Значить ли это, что Богу нужно поклоняться безъ помощи тѣлесныхъ выраженій? Напр., при молитвѣ можно ли и нужно ли произносить слова молитвы?

— А какже,—неохотно отвѣчалъ Кандыба,—это и называется поклоняться Богу духомъ.

— Но, вѣдь, губы и языкъ къ тѣлу относятся: какъ же вы говорите, что поклоненіе Богу, значить, и молитва Ему,—должны совершаться безъ посредства тѣлесныхъ выраженій?

Душа и духъ наши не могутъ жить на землѣ и дѣйствовать безъ тѣла и тѣлеснаго посредства, а потому поклониться Богу они не могутъ безъ тѣлеснаго выраженія. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, учившій о поклоненіи Богу въ духѣ, выражалъ молитву Свою во внѣшнихъ дѣйствіяхъ—возведеніи очей, преклоненіи колѣнъ, паденіи ницъ, воздѣяніи рукъ и проч. Мы могли бы поклоняться Богу безъ тѣлеснаго выраженія, какъ ангелы, если бы мы сами были ангелами, духами безплотными. Уже были при апостолахъ такіе люди, которые говорили, что нужно служить Богу такъ, какъ служатъ ангелы, но апостолъ Павелъ сильно обличалъ этихъ самовольныхъ мудрецовъ. „*Никто да не обольщаетъ васъ,—писалъ апостолъ колосскимъ христіанамъ,—самовольнымъ смиренномудріемъ и служеніемъ ангеловъ, вторгаясь въ то, чего не видѣлъ, безразсудно надмеваясь плотскимъ своимъ умомъ и не держа съ главы, отъ которой все тѣло, составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо, растетъ возрастомъ Божиимъ* (2, 18—19)“. Кто желаетъ слѣдовать ангеламъ невидимымъ въ своемъ поклоненіи Богу, тотъ, по апостолу, надмевается плотскимъ своимъ умомъ, отрывается отъ Христа и тѣла Его—Церкви, не перестаетъ уже расти возрастомъ Божиимъ.

— Позвольте,—не выдержалъ Кандыба,—что же это вы превращаете Писаніе? Апостолъ запрещаетъ ангеламъ служить, а вы перевернули на то, чтобы не служить Богу, какъ ангелы. Такъ нельзя!

— А скажите, Яковъ Евстигнѣвичъ: что значить служе-

ніе ангеловъ? То ли, когда кто ангеламъ служить, или когда ангелы кому служатъ?

Кандыба не отвѣчалъ. Тогда я сопоставленіемъ выражений: служба священниковъ и служба священникамъ, служба царя и служба царю, уяснилъ слушателямъ истинный смыслъ вышеприведенныхъ словъ апостола и замѣтилъ: если бы апостоль запрещалъ служить ангеламъ, то онъ бы сказалъ: никто да не обольщаетъ васъ служеніемъ ангеламъ, а между тѣмъ апостоль говоритъ: никто да не обольщаетъ васъ служеніемъ ангеловъ, и слѣдовательно, предупреждаетъ насъ, чтобы мы не обольщались мыслию служить Богу, какъ ангелы, однимъ духомъ безъ тѣла. Это возможно будетъ лишь на томъ свѣтѣ, когда мы будемъ жить, какъ ангелы Божіи. А теперь, по слову апостола, мы должны приносить въ жертву Богу не только души наши, но и „*тѣлеса наши*“ (Римл. 12, 1) и прославлять Бога должны не только „въ душахъ нашихъ, но и въ *тѣлесахъ нашихъ*“, потому что и они— „Божіи“ (1 Кор. 6, 20).

— Интересно знать,—сказалъ Кандыба,—куда же вы дѣнете слова Писанія: „Духъ животворитъ, плоть не пользуется ни мало?“ Развѣ и эти слова вы обернете противъ того, чтобы поклоняться духомъ?...

— Эти слова нисколько не противорѣчатъ нашему пониманію служенія Богу и душею, и тѣломъ. Вспомните, по какому поводу сказаны эти слова? По поводу того, что и іудеи, и нѣкоторые изъ учениковъ Христа понимали слова Спасителя о вкушеніи Его тѣла и крови слишкомъ уже плотски, смотрѣли на это вкушеніе какъ на простую ѣду и питье. Вотъ почему Христось и сказалъ: „*Духъ животворитъ, а плоть ни пользуется ни мало*“, т. е. духовное пониманіе и духовное отношеніе къ таинству оживотворяетъ васъ, а если вы будете относиться къ нему, какъ къ плотской ѣдѣ и питью, то это не принесетъ вамъ пользы. Такъ духовно нужно относиться и ко всей внѣшней обрядности Церкви. Напр., если кто смотритъ на возженіе свѣчей, кажденіе еиіамомъ, поклоны, крестное знаменіе и проч., какъ на внѣшній образъ пламени нашей внутренней вѣры въ Бога, какъ на образъ возношенія нашей молитвы предъ Богомъ, какъ на преклоненіе всего нашего существа предъ Богомъ, какъ на осѣненіе себя силою креста Господня, то такое духовное

пониманіе внѣшнихъ обрядовъ даетъ ему духъ и жизнь... О всемъ *духовномъ*, относящемся до вѣры, по апостолу, нужно разсуждать *духовно*. „*Душевный чловкъ*,—гсворить апостоль, — *не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ все это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ*“ (1 Кор. 2, 13—15).

— Вы все къ ветхому завѣту сворачиваете, — возразилъ Кандыба.—Если и храмы должны быть, и поклоняться Богу надлежитъ тѣлесно, значитъ, все Евангеліе напрасно, никакой перемѣны въ христіанскомъ мірѣ быть не должно. Чѣмъ же тогда отличаться долженъ новый завѣтъ отъ ветхаго... А апостоль говоритъ: ветхое прошло, теперь все новое?! Это онъ напрасно сказалъ: все остается попрежнему! Разница, значитъ, только та, что прежде въ Іерусалимѣ ходили на поклоненіе, а теперь вольнѣ народу стало. Кому въ Іерусалимѣ нельзя, тому въ Кіевѣ можно или въ Почаевѣ, а нѣтъ,—такъ и своему священнику носи денежки для души спасенія... Хорошъ новый завѣтъ!..

— На ваше разсужденіе, Яковъ Евстигнѣвичъ, я отвѣчу слѣдующее: новый завѣтъ отличается отъ ветхаго тѣмъ, что въ ветхомъ завѣтѣ спасеніе ожидалось только, а въ новомъ оно пришло; въ ветхомъ завѣтѣ нужна была вѣра во Христа грядущаго, а въ новомъ—вѣра во Христа пришедшаго. Въ этомъ главное отличіе двухъ завѣтовъ. Во всемъ остальномъ, что касается вѣры, измѣненъ лишь смыслъ закона. Христосъ пришелъ не разрушить законъ, а исполнить; и Онъ не разрушилъ его, а обновилъ, возвысилъ, одухотворилъ. Что изъ ветхозавѣтныхъ установленій отмѣнено, о томъ ясно сказано въ св. Писаніи. Уничтожались кровавыя жертвы ветхозавѣтныя, потому что они въ новомъ завѣтѣ замѣнены кровью принесшаго Себя въ жертву за грѣхи всего міра Господа Іисуса Христа. Отмѣнено обрѣзаніе, какъ знака завѣта съ Богомъ, замѣненнаго крещеніемъ. Но нигдѣ въ словѣ Божіемъ не сказано, что въ новомъ завѣтѣ отмѣнены храмы. Храмъ, гдѣ бы онъ ни былъ, въ Іерусалимѣ ли, Кіевѣ ли, Почаевѣ ли, или въ нашемъ селѣ, одинаково можетъ служить для души спасенія, и нечего вамъ издѣваться надъ тѣмъ, что для этого люди денежки несутъ. Въ этомъ ничего

нѣтъ позорнаго. Господь не осудилъ вдову, принесшую послѣднюю лепту въ сокровищницу храма.

— А какъ же Христось говорилъ, что храмъ будетъ разрушенъ на вѣки, и что на мѣстѣ его будетъ мерзость запустѣнія?—возразилъ Кандыба.

— Христось говорилъ о храмѣ іерусалимскомъ, и онъ дѣйствительно разрушенъ на вѣки. Въ Церкви же Христовой храмы будутъ существовать до послѣднихъ временъ. Во второмъ посланіи къ солунянамъ апостолъ Павелъ говоритъ, что когда придетъ антихристъ, а это будетъ въ концѣ вѣка, то онъ сядетъ въ храмѣ Божіемъ, выдавая себя за Бога (2, 4); значить, и тогда будутъ храмы. Въ Откровеніи евангелистъ Іоаннъ также видитъ и измѣряетъ пространство храма въ будущемъ царствѣ Христовомъ, и только послѣ того, когда настанетъ новое небо и новая земля, не будетъ уже храма, ибо, какъ говоритъ св. тайновидецъ, Самъ Богъ Вседержитель и Агнецъ будутъ храмомъ въ будущемъ царствѣ святыхъ (Откр. 21, 22). Ничего не имѣете возразить противъ этого?—спросилъ я Кандыбу.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ окончимъ бесѣду. Помните, братіе, мы выясняли слова Спасителя о томъ, что Богу нужно поклоняться въ духѣ и истинѣ. Я полагаю, что вамъ достаточно ясно, что эти слова отнюдь не означаютъ, что не нужно поклоняться въ тѣлѣ и тѣломъ. Почему же Христось сказалъ, что Богу нужно поклоняться въ духѣ? Потому, что іудеи въ ветхомъ завѣтѣ думали, что душевное расположеніе, сердце человѣческое, его душа не имѣютъ значенія для поклоненія Богу. Они думали, что достаточно выполнять букву закона, всѣ его предписанія, чтобы примириться съ Богомъ. Такое возрѣніе было заблужденіемъ, и уже пророки указывали іудеямъ на это. Помните, что говорилъ царь Давидъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ*. По поводу этого внѣшняго исполненія закона іудеями Господь Иисусъ Христось припомнилъ имъ грозное слово пророка Исаіи: „*Приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня*“ (Мф. 15, 7. 8). Не исполненіе буквы закона, а исполненіе духа его, исполненіе закона по сердечному, душевному расположенію, — вотъ что главное въ новомъ завѣтѣ; исполнить волю Божію, просла-

вить имя Божіе не тѣломъ только, а духомъ, сердцемъ, мыслию и волею, — вотъ что значитъ поклониться Богу не по ветхозавѣтному, а по новозавѣтному, поклониться Богу въ духѣ. „*Мы освободились отъ закона, — говоритъ апостоль Павелъ, — чтобы намъ служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ*“ (Римл. 7, 6). Что же значитъ поклоняться Богу въ истинѣ? Вы знаете, что вѣра ветхозавѣтныхъ іудеевъ, главнымъ образомъ, выражалась въ жертвоприношеніяхъ. Пока не пришелъ Иисусъ Христосъ и не принесъ Себя въ жертву, до тѣхъ поръ іудеи могли поклоняться Богу въ своихъ разнообразныхъ жертвахъ, имѣвшихъ одно лишь прообразовательное значеніе. Когда же Христосъ принесъ Себя въ жертву, ветхозавѣтныя жертвы утратили свое значеніе. Ветхозавѣтное богопоклоненіе, состоявшее изъ принесенія кровавыхъ жертвъ, упразднилось, а наступило время новозавѣтной, истинной безкровной жертвы, Тѣла и Крови Христовыхъ. Это и есть поклоненіе Богу въ истинѣ.

На этомъ я закончилъ бесѣду.

Епарх. миссіонеръ С. Потъгинъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Одинъ изъ недостатковъ внутренней миссіи.—Миссіонерская неподготовленность приходскихъ пастырей: благотворительныя и уѣздныя съѣзды, какъ средства общенія между пастырями и миссіонерами.—Изъ протокола спасскаго съѣзда и дневника харьковскаго миссіонера.—Новое религіозно-просвѣтительное братство въ Архангельскѣ.—Миссіонерско-благотворительное учрежденіе въ Благовѣщенскѣ.—Благожелательный отзывъ свѣтской газеты о миссіонерѣ.—Итоги разсужденій на орловскомъ миссіонерск. съѣздѣ о штундизмѣ.

Въ первой статьѣ настоящей книжки нашего журнала указываются такія явленія, тормозящія успѣхъ св. дѣла миссіи, которыя, между прочимъ, отмѣчаются и почти во всѣхъ послѣднихъ миссіонерскихъ отчетахъ: сюда нужно отнести разобщенность между пастырями и миссіонерами, холодное, индифферентное отношеніе приходскихъ священниковъ къ дѣлу миссіи. Да, нужно признаться, много еще на Руси приходскихъ пастырей, считающихъ дѣло миссіи для себя дѣломъ *чуждымъ*, до ихъ прямыхъ обязанностей не относящимся, все еще встрѣчаются и такіе іереи Божіи, которые, имѣя въ своихъ приходахъ сектантовъ, не только сами не предпринимаютъ никакихъ мѣръ къ противодѣйствію ихъ пропагандѣ, но не сообщаютъ о появленіи сектантства и миссіонеру, дабы не нажить лишнихъ хлопотъ. А ужъ сколько разъ на этотъ счетъ не только разъяснялось и *писалось*, но предписывалось сверху, изъ Св. Синода.

Печальнымъ, мрачнымъ аккордомъ должно отдаваться въ сердцѣ любящихъ миссію замѣчаніе одного изъ миссіонеровъ Рязанской епархіи о томъ, что духовенство этой епархіи даже въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ, совершенно уклоняется отъ посѣщенія устраиваемыхъ имъ, миссіонеромъ, публичныхъ бесѣдъ съ заблуждающимися; даже раскольники этими бесѣдами интересуются гораздо

болѣе, чѣмъ сами приходскіе православные пастыри, отговаривающіеся обычно тѣмъ, что на бесѣдѣ они являются лишними при миссіонерѣ, что тамъ и безъ нихъ дѣло дѣлается („Миссіонерскій Сборникъ“).

Что же это такое творите вы, отцы святые. Неужели рекомендовать ту мѣру, какую лѣтъ 15 назадъ завелъ въ Екатеринбургской епархіи покойный епископъ Симеонъ (она, кажется, и доселѣ держится),—штрафъ для не явившагося на собесѣдованіе члена—іерея...

Въ видахъ поднятія и оживленія миссіонерской дѣятельности противъ раскола и сектантства и привлеченія къ участию въ этой дѣятельности приходскаго духовенства, въ Рязанской епархіи, по примѣру другихъ епархій, заведены уѣздные миссіонерскіе съѣзды. Но и съѣзды эти здѣсь со стороны духовенства, повидимому, не встрѣчаютъ должнаго сочувствія. Типичнымъ выразителемъ коснаго отношенія къ этимъ съѣздамъ духовенства Рязанской епархіи явился спасскій уѣздный съѣздъ, члены котораго, судя по протоколу его, только для того и собрались, чтобы констатировать фактъ якобы ненужности ежегодныхъ уѣздныхъ миссіонерскихъ съѣздовъ и тѣмъ избавиться отъ „обременительной повинности“ ежегодно собираться на нихъ. Вотъ что читаемъ въ протоколахъ этого, въ своемъ родѣ знаменитаго, съѣзда: „такъ какъ помимо тѣхъ вопросовъ, какіе были подвергнуты обсужденію на прошлогоднемъ съѣздѣ и какіе затрогиваются и разрабатываются на страницахъ общеизвѣстныхъ миссіонерскихъ изданій, ни у кого (?) изъ участниковъ съѣзда *новыя* (?) вопросовъ ихъ миссіонерской практикой (да была ли она?) за протекшія годъ не вызвано, то желательно было бы, что бы на послѣдующее время уѣздные миссіонерскіе съѣзды дозволено было производить не ежегодно обязательно, а лишь по мѣрѣ накопленія (sic!) такихъ вопросовъ, которые могли бы служить новымъ матеріаломъ для обмѣна мыслей на общихъ собраніяхъ миссіонерствующихъ священнослужителей, съ каковою цѣлью всякіе недоумѣнные вопросы и всякія вообще мысли (?) и мнѣнія, какія кто желалъ бы предложить общему вниманію, заблаговременно должны быть сообщаемы предсѣдателю съѣзда, послѣ чего только предсѣдатель уже и созываетъ съѣздъ“¹⁾. Много мы читали и

¹⁾ «Миссіонерскій Сборникъ».

писанныхъ, и печатныхъ протоколовъ миссіонерскихъ съѣздовъ, но такого откровеннаго не встрѣчалось... Такимъ образомъ, пастыри съ одной стороны порѣшили съ легкимъ сердцемъ, что они лишніе на миссіонерскихъ бесѣдахъ, и безъ нихъ дѣло дѣлается, съ другой—также легко рѣшили вопросъ и о миссіонерскихъ съѣздахъ: по ихъ мнѣнію, не нужны эти новшества, такъ какъ *нѣтъ* (!) у пастырей такихъ вопросовъ, для которыхъ бы слѣдовало имъ беспокоиться ежегодно; нужно подождать, пока такихъ вопросовъ накопится побольше... И это въ наше-то, духовно-тревожное, мятущееся время нѣтъ вопросовъ у духовенства епархіи, столь близкой къ московскому столичному центру, гдѣ чуть не всякій дворникъ ходитъ съ рукописнымъ отвѣтомъ гр. Толстого св. Синоду, гдѣ широко дѣйствуетъ среди фабричныхъ всякая враждебная Церкви и государственному строю пропаганда!.. Нѣтъ, это какое-то недоразумѣніе или просто затмѣніе у составлявшаго журналъ Спасскаго съѣзда,— это вѣчная халатность наша... Поговорите-ка, затроньте-ка любого хотя бы изъ тѣхъ членовъ спасскаго съѣзда пастыря, развѣ онъ не знаетъ, сколько современная жизнь предъявляетъ къ пастырямъ Церкви самыхъ неотложныхъ требованій, сколько ставитъ самыхъ серьезныхъ запросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія... Да, вѣдь, нынѣ духовно-религіозная жизнь всѣхъ слоевъ современнаго русскаго общества характеризуется неустойчивостью и сомнѣніемъ. Не только интеллигентные люди, но и полуграмотные крестьяне волнуются религіозными вопросами, надъ разрѣшеніемъ ихъ доходятъ до высшей степени напряженія мысли и чувства; эта духовная напряженность создаетъ самую благоприятную почву для всякой пропаганды, и враги Церкви Христовой не упускаютъ благоприятнаго времени,— пока православные пастыри дремлютъ, они энергично идутъ навстрѣчу современнымъ запросамъ и съ успѣхомъ сѣютъ сѣмена своихъ лжеученій. Вотъ откуда та неожиданность, съ которою то тамъ, то здѣсь вдругъ вспыхиваютъ сектантскіе пожары и, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, захватываютъ все большіе и большіе районы, вотъ гдѣ причина той разобщенности, которая замѣчается между духовенствомъ и современной интеллигенціей, ищущей удовлетворенія своихъ религіозныхъ запросовъ вездѣ, но только не у па-

стырей Церкви Христовой. Уже теперь ли духовенству чутко не стоять на стражѣ и не быть во всеоружіи пастырскаго опыта и знанія! Да, именно теперь каждый пастырь долженъ быть всегда готовъ всякому, требующему отчета въ упованіи, дать отвѣтъ (1 Петр. 3 15) и быть сильнымъ не только наставить въ здоровомъ ученіи, но и противляющихся обличать (Тит. 1, 9). Конечно, по спасскому съѣзду было бы несправедливо заключать о всемъ духовенствѣ,— оно чувствуетъ и напрягаетъ свои силы, будить энергію, но привычки сословія не перерождаются по указкѣ и легко, а съ болью, потому, къ сожалѣнію, духовенство, въ значительной своей части, во всей полнотѣ пока не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Потому не удивительно встрѣтить пастыря безъ должной миссіонерской и даже библейско-богословской подготовки, который не въ состояніи дать опредѣлительный отвѣтъ не только вопрошающему ихъ лукаво-мудрствующему интеллигенту, но даже полуграмотному мужику, дѣтская вѣра котораго поколеблена сектантской пропагандой..

Поучительныя въ этомъ отношеніи данныя находимъ въ дневникѣ Харьковскаго епархіальнаго миссіонера: „4 октября прибылъ на благочиннической сѣздъ въ Старобѣльскъ. Собралось довольно священниковъ. Въ округѣ нѣтъ ни раскольниковъ, ни сектантовъ. Въ виду этого батюшки на первыхъ порахъ были довольно безпечны. Но стали мы заниматься по программѣ для сѣздовъ, начали обсуждать, кто и какъ пастырствовалъ и проповѣдывалъ за годъ, и благодушіе у всѣхъ исчезло. Оказалось, что библейско-богословская и миссіонерская подготовка у священниковъ слаба...17 сентября прибылъ на благочиннической сѣздъ въ сл. Андреевку. Духовенство очень туго собиралось, начиная съ самаго благочиннаго. *На засѣданіи выяснилось, что духовенство не овладѣло еще тѣми свѣдѣніями, какихъ требуетъ миссія отъ современныхъ священниковъ.* Мою рѣчь о мѣрахъ предупрежденія занесенія въ округъ штунды рѣзко перебивали, заявляя, что пастыри не могутъ осуществить идеаль священства при нынѣшнихъ требованіяхъ отъ нихъ и при условіи современнаго нищенскаго существованія духовенства. Съ великимъ трудомъ сдѣлали мы нужныя постановленія. Въ концѣ, однако, разъяснилось, что не по лѣни или небрежности священники ратуютъ противъ предъявленныхъ къ нимъ требо-

ваній, а по сознанію глубокаго разлада между ихъ призваніемъ и жизненными условіями, *по сознанію своей слабой подготовленности осуществить это призваніе...* 9 октября благоточинническій съѣздъ въ Новой Айдарі. Обнаружилось, что въ округѣ масса раскольниковъ. Въ числѣ ихъ много австрійцевъ, немало безпоповцевъ, есть и бѣглопоповцы. *Выяснилось, что никакой миссіонерской борьбы съ ними священники не ведутъ. Было ясно также, что и подготовки къ этой борьбѣ батюшки не имютъ.* Они оправдываются тѣмъ, что раскольники народъ тихій... 12 октября благоточинническій съѣздъ въ Бѣловодскѣ. И въ этомъ округѣ есть раскольники, и здѣсь миссіи противъ нихъ не существуетъ никакой. 23 октября съѣздъ въ Печенѣгахъ... Штундой заражено въ округѣ 8 приходоѡвъ. Миссія въ округѣ нельзя сказать, чтобы процвѣтала. Сами священники говорятъ о ней, какъ о дѣлѣ новомъ". Такимъ образомъ, даже въ епархіи, гдѣ миссія дѣло далеко не новое, гдѣ она сравнительно болѣе правильно и прочно организована и является однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ заботъ епархіальной власти, не рѣдкость встрѣтить священниковъ-миссіонеровъ совершенно не подготовленныхъ и равнодушныхъ къ дѣлу миссіи. Но, по общему признанію опытнѣйшихъ дѣятелей миссіи, миссіонеръ, безъ помощи приходскаго духовенства, безсиленъ въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ. Какъ бы онъ одушевленъ ни былъ, какими бы способностями и трудолюбіемъ ни отличался, одному ему немислимо бороться съ многотысячной сектантской и раскольникчей арміей, разсѣянной по всѣмъ самымъ отдаленнымъ уголкамъ епархіи, но въ то же время объединенной и тѣсно сплоченной общео фанатичною ненавистью къ православной Церкви. Дѣятельность миссіонера, одиноко стоящаго въ борьбѣ съ расколосектантствомъ, лишеннаго помощи приходскаго духовенства, выражается исключительно въ веденіи частныхъ и публичныхъ собесѣдованій съ заблуждающимися. Едва ли кто въ настоящее время станетъ отрицать пользу этого средства въ борьбѣ съ расколосектантствомъ; очевидность ея доказывается уже тѣмъ, что народъ очень интересуется бесѣдами, охотно посѣщаетъ ихъ и внимательно слѣдитъ за ходомъ преній. Важное значеніе миссіонерскихъ собесѣдованій сознаютъ и руководители сектъ и поэтому всѣми силами стараются, что-

бы сектанты возможно меньше и даже совсѣмъ не посѣщали ихъ и не принимали въ нихъ участія. Но при всей пользѣ миссіонерскихъ собесѣдованій съ заблуждающимися, одного этого средства недостаточно для успѣшной борьбы съ расколосектантствомъ. Обширность территорій, находящихся въ вѣдѣніи епархіальныхъ миссіонеровъ, разбросанность селеній, зараженныхъ расколосектантствомъ, дѣлають физически невозможнымъ частое посѣщеніе этихъ селеній и систематическое веденіе въ нихъ бесѣдъ съ заблуждающимися. Посѣтивъ то или другое селеніе и проведя въ немъ рядъ бесѣдъ, миссіонеръ спѣшитъ посѣтить и другія зараженные расколомъ или сектантствомъ селенія; въ оставленномъ же имъ селеніи, съ его отъѣздомъ, борьба съ расколосектантствомъ прекращается... На первыхъ порахъ, пока, подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ, православные еще чувствуютъ нѣкоторый подъемъ духа, сектанты притихаютъ, и пропаганда ихъ становится замѣтно слабѣе, но съ теченіемъ времени, когда впечатлѣніе, оставленное бесѣдами, постепенно изглаживается, пропагандисты съ новою энергіею начинаютъ свою прежнюю работу и, не встрѣчая ни въ комъ и ни въ чемъ себѣ противодѣйствія, съ успѣхомъ сѣютъ сѣмена своихъ лжеученій. Кромѣ этого, пріѣзжая въ то или другое селеніе, въ тотъ или другой приходъ, гдѣ священникъ стоитъ въ сторонѣ отъ дѣла миссіи, миссіонеръ не имѣетъ возможности сразу оріентироваться и узнать, кто руководители секты въ данной мѣстности и главные пропагандисты расколосектантства, въ какой степени лжеученіе проникло въ народъ, много ли совращенныхъ и проч. Влѣдствіе этого онъ лишается возможности сразу опредѣлить, куда нужно прежде всего направить свою дѣятельность, на кого обратить главное вниманіе, какъ повліять на того или другого изъ заблуждающихся и, такимъ образомъ, принужденъ идти ощупью. Но если даже миссіонеру и удастся открыть главныхъ пропагандистовъ, если онъ повліяетъ словомъ убѣжденія на колеблющихся, подыметъ духъ православныхъ, то и тогда онъ принужденъ уѣзжать съ тяжелымъ сознаніемъ того, что начатое имъ дѣло некому продолжать, что достигнутые тяжелымъ трудомъ результаты исчезнуть безслѣдно, и прибывъ опять въ эту мѣстность, онъ принужденъ будетъ начинать все сначала... Тѣмъ болѣе не въ силахъ миссіонеръ безъ по-

мощи приходскихъ пастырей услѣдить за каждымъ пропагандистомъ, во-время оказать ему противодѣйствіе и захватить возбужденное имъ религіозное броженіе въ самомъ началѣ. Поэтому одною изъ главнѣйшихъ цѣлей дѣятельности каждаго епархіальнаго миссіонера, какъ перваго руководителя миссіонерскимъ дѣломъ въ епархіи, должно быть стремленіе пробудить въ пастыряхъ любовь къ миссіонерскому дѣлу и жажду миссіонерскихъ познаній, указать имъ средства къ удовлетворенію этой жажды, помочь имъ сознательно и убѣжденно усвоить то, что рекомендуютъ для борьбы съ расколосектантствомъ извѣстные дѣятели всероссійской миссіи. Наилучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли, по общему признанію опытнѣйшихъ дѣятелей миссіи, являются въ рукахъ миссіонера пастырскіе благочинническіе и уѣздныя сѣзды. Миссіонеръ здѣсь имѣетъ возможность устами къ устами бесѣдовать съ каждымъ изъ соработниковъ своихъ на нивѣ Христовой, непосредственно дѣлиться съ ними выводами миссіонерской науки и практики по поводу тѣхъ или другихъ жизненныхъ явленій... Здѣсь пастыри, разсѣянные по отдаленнымъ, иногда захалустнымъ уголкамъ епархіи, и потому чувствуящіе себя одинокими въ трудномъ пастырскомъ служеніи, имѣютъ возможность братски сблизиться и мало-по-малу слиться въ одинъ общій, дружный союзъ. Здѣсь болѣе опытные, болѣе одаренные отъ Бога пастыри могутъ дѣлиться своимъ пастырскимъ опытомъ съ менѣе опытными. Слабые и колеблющіеся найдутъ здѣсь для себя источникъ мужества и энергіи; равнодушные здѣсь невольно будутъ захвачены общимъ одушевленіемъ... И миссіонеръ, искренно одушевленный любовью къ святому дѣлу миссіи, умѣло воспользовавшійся этимъ средствомъ, хотя и съ большимъ трудомъ, всегда можетъ достигнуть желанной цѣли—привлеченія пастырей къ участию въ дѣлѣ миссіи... Харьковскій епархіальный миссіонеръ, отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ фактъ все болѣе и болѣе усиливающагося въ настоящее время религіознаго броженія въ народѣ, стремленіе пропагандистовъ сектантства воспользоваться этимъ броженіемъ и полную невозможность для миссіонера одному бороться съ этимъ зломъ, между прочимъ говоритъ: услѣдить за всѣми шатаваніями народной души, во-время придти на помощь сомнѣвающимся людямъ могутъ лишь приходскіе свя-

щенники, эти стражи дома Израилева, эти пастыри Христова стада. Почему на миссионерскую подготовку ихъ я обращалъ въ 1900 г. самое серьезное вниманіе. Я былъ на 17 благочинническихъ миссионерскихъ сѣздахъ: я зналъ, что чрезъ пастырей лучше всего проводить въ народную среду тѣ идеалы, которые выработала миссионерская наука для противодѣйствія распространяющемуся штундизму. И здѣсь съ радостью заявляю, что священники Харьковской епархіи повсемѣстно относились къ вопросамъ миссионерскимъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ. Они скорбѣли, что до сихъ поръ не имѣли случая основательно ознакомиться съ полемикой противъ сектантства; но за то тѣмъ съ большимъ усердіемъ усвоили то, что имъ сообщалось. Радостно было видѣть, какъ пастыри, убѣленные подчасъ сѣдинами, на сѣздахъ превращались въ скромныхъ учениковъ, докладывающихъ собранію о своихъ пастырскихъ трудахъ за годъ и здѣсь же выслушивающихъ замѣчанія по поводу своихъ докладовъ. Подобныя явленія изъ жизни нашихъ священниковъ лучше словъ завѣряютъ насъ, что дѣло миссионерскаго развитія приходскихъ пастырей поставлено въ нашей епархіи на надлежащую почву и что, со временемъ, епархіальная миссія, въ лицѣ священниковъ, найдетъ лучшихъ для себя сотрудниковъ. Этой поры, когда епархіальная и приходская миссія пойдутъ въ борьбѣ съ расколосектантствомъ рука объ руку, нужно ждать, какъ свѣтлаго праздника жизни миссионеровъ, и вѣрить, что этотъ праздникъ не за горами. Въ томъ убѣждаютъ меня заявленія приходскаго духовенства, обѣщающаго употребить всѣ усилія для успѣха нашей дорогой миссии.

Если миссионеръ, лишенный помощи приходскихъ пастырей, безсиленъ въ борьбѣ съ расколосектантствомъ епархіи, то безсиленъ и пастырь, одиноко стоящій въ приходѣ, не имѣющій со стороны своихъ прихожанъ помощи въ борьбѣ съ отрицательными явленіями приходской жизни. Но такую помощь пастырь всегда можетъ пайти въ лучшихъ силахъ своего прихода, если только внимательно отнесется къ своимъ пасомымъ и сумѣетъ лучшихъ изъ нихъ сгруппировать вокругъ себя. Наилучшимъ средствомъ для этого являются церковно-приходскія братства, о плодотворной дѣятельности которыхъ неоднократно уже говорилось на страницахъ „Мис-

сіонерскаго Обзорнія“. Изъ вновь возникшихъ братствъ особенное вниманіе обращаетъ на себя недавно открытое въ одномъ изъ приходоу Архангельское церковно-приходское братство, поставившее себѣ цѣлю—стремленіе къ осуществленію въ жизни христіанскаго идеала, воплощеннаго въ лицѣ Іисуса Христа. Это—первое въ Россіи братство, такъ широко понявшее дѣятельность истиннаго христіанскаго братства. Большинство изъ существующихъ братствъ преслѣдуютъ исключительно одну лишь цѣль религіозно-просвѣтительную. Есть, правда, братства, которыя кромѣ этого преслѣдуютъ цѣли благотворительныя и миссіонерскія, но и благотворительная и миссіонерская ихъ дѣятельность отличается въ большинствѣ случаевъ характеромъ случайности и проявляется въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Совершенно не то во вновь появившемся братствѣ въ Архангельскѣ. Здѣсь ни дѣятельность религіозно-нравственная, ни просвѣтительныя и благотворительныя задачи не подчиняются и не приносятся въ жертву одна другой, а каждая имѣетъ свой опредѣленный кругъ предметовъ, одинаково важныхъ и необходимыхъ для входящихъ въ составъ братства лицъ. Въ самомъ пониманіи поставленныхъ цѣлей практической дѣятельности новое Архангельское братство отличается необыкновенною возвышенностью и широтою. Религіозно-нравственную задачу оно не ограничиваетъ одною теоретическою стороною дѣла. Раскрывая предъ умственнымъ взоромъ представляемыхъ по возможности все богатство содержанія религіозно-нравственныхъ истинъ христіанства, оно въ то же время признаетъ безусловно необходимымъ и религіозно-нравственную жизнь ихъ направлять такъ, чтобы она ни въ чемъ не расходилась съ исповѣдуемымъ ими ученіемъ. Поэтому въ числѣ главныхъ и необходимыхъ обязанностей своихъ братство считаетъ: „умноженіе вѣры православной, сохраненіе цѣломудрія душевнаго и тѣлеснаго до брака и—святость брачнаго союза, умноженіе трезвости, любви евангельской и мира, привлеченіе къ почитанію воскресныхъ и праздничныхъ дней, къ ежегодному исполненію христіанскаго долга исповѣди и причастія св. Таинъ и обращеніе согрѣшающихъ къ покаянію и жизни святой“. Просвѣтительныя цѣли братства не ограничиваются кружкомъ членовъ его, а простираются на всѣхъ членовъ прихода, какъ

взрослыхъ, такъ и дѣтей. Братство хочетъ, чтобы всѣ дѣти прихожанъ обучались въ церковно-приходской школѣ, а неграмотные взрослые—въ воскресной школѣ; чтобы всѣ взрослые прихожане знали разумно Христа, Его ученіе и заповѣди, молитвы и путь въ царствіе небесное и т. п. Но особенною широтою и возвышенностью, въ чисто-евангельскомъ духѣ, отличается благотворительная дѣятельность братства. Здѣсь проявляется настоящая, живая, горячая, истинно-братская любовь. Какихъ широкихъ размѣровъ должна достигнуть дѣятельность этой любви, можно видѣть изъ того, что, по уставу братства, окончательная забота ея состоитъ въ томъ, чтобы въ приходѣ, по примѣру христіанъ первыхъ временъ, не было ни одного нуждающагося человѣка. Главнымъ отличительнымъ свойствомъ новаго Архангельскаго братства служить исключительная, ему единственно присущая цѣль дѣятельности, — стремленіе къ водворенію царствія Божія между людьми. Въ основу его полагается евангельскій принципъ: *царствіе Божіе внутри васъ есть*, и вытекающая отсюда потребность — сообразовать свое личное душевное настроеніе и свою собственную жизнь съ требованіями евангельскаго закона. На этомъ-то основаніи и строится уже дальнѣйшая дѣятельность братства: привлеченіе къ внутреннему христіанскому самоусовершенствованію другихъ, еще не сознавшихъ его необходимости или не знающихъ, какъ взяться за осуществленіе его. При этомъ личное усовершенствованіе, собственный примѣръ долженъ служить главнымъ средствомъ къ достиженію совершенства другихъ, такъ какъ безъ собственнаго примѣра всѣ наши самыя искреннія стремленія къ исправленію другихъ будутъ бесплодны. Основанное на столь плодотворныхъ началахъ, являясь живымъ откликомъ на современныя требованія, братство безъ сомнѣнія займетъ видное мѣсто и принесетъ много пользы въ борѣбѣ съ современными пороками и заблужденіями, если только положенный въ основу его духъ животворящъ не будетъ подавленъ мертвящимъ формализмомъ („Вѣра и Разумъ“, декабрь 1901 г.).—

Одною изъ причинъ совращенія православныхъ въ штунду является самая организація штундистскихъ общинъ. Каждая штундистская община представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое, сплоченное; всѣ члены ея находятся въ постоянномъ

взаимномъ общеніи другъ съ другомъ, взаимно поддерживаютъ другъ друга и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Эта сплоченность и взаимопомощь въ сектантскихъ общинахъ и составляетъ ту притягательную силу, которая привлекаетъ православныхъ въ штунду, а штундистовъ удерживаетъ отъ обращенія въ православіе. Православный идетъ въ штунду потому, что тамъ обѣщаютъ ему помощь въ безвыходной нуждѣ, а штундистъ, хотя и убѣжденъ въ ложности штундизма, боится уйти въ православіе, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ лишиться матеріальной помощи своихъ единовѣрцевъ. Вслѣдствіе этого вопросъ о миссіонерскихъ фондахъ для вспоможенія новообращеннымъ и о пріютахъ для нихъ является назрѣвшимъ вопросомъ. Поэтому нельзя не отмѣтить добрый начинъ въ этомъ отношеніи, сдѣланный преосвященнымъ пріамурскимъ, который, обративъ вниманіе на невозможность для лицъ женскаго пола, особенно дѣвицъ изъ сектантокъ, въ первое время по обращеніи въ православную Церковь, найти пріютъ и средства къ пропитанію, а также защиту отъ бывшихъ единовѣрцевъ, нашелъ нужнымъ учредить въ центрѣ сектантства—Благовѣщенскѣ—съ миссіонерскою цѣлью женскую общину съ уставомъ иноческаго общежитія, въ которой помимо инокинь находили бы надежный и спокойный пріютъ и возможность трудиться, для пропитанія себя, и всѣ дѣвицы и женщины, желающія присоединиться къ Церкви изъ сектантства. Въ общинѣ можетъ быть основанъ и воспитательный пріютъ для дѣвочекъ, остающихся сиротами послѣ смерти православныхъ родителей, а равно и для круглыхъ сектантскихъ сиротъ („Вѣра и Разумъ“, ноябрь 1901 г.).

Заботами того же пріамурскаго архипастыря создается на этой окраинѣ и епархіальная миссія. Владыка вызвалъ къ себѣ извѣстнаго ему своею преданностью дѣлу миссіи и опытностью бывшаго сарапульскаго миссіонера г. Тренина. Открыты миссіонерскія собесѣдованія, о которыхъ мѣстная газета дѣлаетъ благожелательный отзывъ, на который, какъ извѣстно, не особенно щедры свѣтскіе органы.

А. О.

Изъ міра раскола.

(Новое движеніе среди безпоповщины въ Екатеринбургѣ и вообще на Уралѣ).

Въ послѣдніе годы многіе изъ Екатеринбургскихъ и Уральскихъ раскольниковъ - безпоповцевъ присоединились къ православной Церкви то прямо, то на правахъ единовѣрія. Даже столпы и вожаки безпоповщины, видя переходъ въ православіе бывшихъ своихъ собратій и замѣчая, что молодое и болѣе развитое поколѣніе также начинаетъ чувствовать свое безпочвенное положеніе, все чаще и чаще обращаютъ свои взоры въ сторону св. Церкви. Затѣмъ многіе безпоповцы начинаютъ разсуждать и о Бѣлокриницкомъ священствѣ, которое своимъ устройствомъ и внѣшними порядками сильно подкупаетъ ихъ въ свою полосу, особенно же соблазняетъ „часовенныхъ“¹⁾, которые совсѣмъ не имѣютъ защитниковъ „единомысленныхъ своего согласія“ и ухватываются то за поморцевъ, то за спасовцевъ. Чтобы поддержать свое общество, одинъ изъ попечителей Екатеринбургской большой часовни Г. Г. Щ—въ выписалъ изъ Саратовской губ. пользующагося большою извѣстностью среди безпоповцевъ слѣпца Коновалова. Этотъ Коноваловъ имѣетъ жительство въ 50 вер. отъ г. Хвалынска, Саратов. губ., и уже десятки лѣтъ занимается пропагандой раскола въ формѣ нѣтовщины или спасова согласія. Онъ почти круглый годъ разъѣзжаетъ по Россіи и ведетъ бесѣды, большею частію тайкомъ, но на Нижегородской ярмаркѣ почти ежегодно выступаетъ и на публичныхъ бесѣдахъ.

Съ 20 октября на заимкѣ Щ—выхъ (вблизи города) назначенъ былъ цѣлый рядъ бесѣдъ. Народу собралась масса: были тутъ часовенные, полупоморцы, полупоморцы, странники-бѣгуны, австрійцы и др., явившіеся даже изъ сосѣднихъ

¹⁾ Часовенные—это раскольники-поповцы, принявшіе всѣ положенія безпоповцевъ, кромѣ перекрещиванія входящихъ къ нимъ отъ православной Церкви. Подобно безпоповцамъ, они управляются уставщиками, которые крестятъ дѣтей, исповѣдаютъ больныхъ, причащаютъ какими-то запасными дарами, остающимися отъ прежнихъ бѣглыхъ священниковъ, и т. д.

губерній. Первая бесѣда состоялась съ „австрійцами“ 22 октября. Австрійцы къ этому времени не могли вызвать своего начетчика, равнаго по силамъ Коновалову, а потому перевѣсъ оказался на сторонѣ послѣдняго. Его словамъ, что до дня Пятидесятницы Церковь Христова была безпоповская, такъ какъ апостолы до того дня будто бы не были ни архіереями, ни священниками, а были простецами, и что такую же она должна быть (и есть) во времена антихриста, что „истина апостольской Церкви“ сохранилась только у безпоповцевъ, большинство слушателей повѣрили. Вторая бесѣда происходила 23 октября. На этой бесѣдѣ Коноваловъ твердо и авторитетно заявилъ, что со времени патр. Никона истинно-православнаго священства во всемъ мірѣ быть не можетъ, что всѣ священники—слуги антихриста, что греческая Церковь еще со времени путешествія на востокъ Арсенія Суханова (при патр. Іосифѣ) приняла „полное латинство“ и „обливательное повсюду крещеніе“. Когда же „австрійцы“ заявили, что греческая Церковь нигдѣ и никогда не признавала за святое „обливаніе“, а всегда чуждалась онаго и католиковъ принимала первымъ чиномъ (черезъ крещеніе), то Коноваловъ хотя и признался, что греческая Церковь дѣйствительно никакимъ оффиціальнымъ актомъ не признавала „обливанія“, и въ требникахъ греческихъ всегда говорится, что крестить нужно „трепогружательно“ и латинь „совершенно крестить“, но въ то же время заявилъ, что въ дѣйствительности въ ней существуетъ обливательное крещеніе. А такъ какъ и Россійскою Церковію обливательное крещеніе принято на соборахъ 1666—1667 гг. то по этой причинѣ ни отъ той, ни отъ другой Церкви „принятіе священства не возможно“. Однако, говоря такъ, Коноваловъ, чтобы подготовить часовенныхъ къ полному сліянію со спасовщиной, которой на Уралѣ еще не было, о прежнихъ бѣглыхъ попахъ говорилъ, вопреки своему обыкновенію, очень снисходительно. Зная, что часовенные еще не разорвали связи съ ними чрезъ имѣющіеся у нихъ св. дары, онъ указывалъ, что ихъ предки, конечно, допустили „ошибочку“, принимая поповъ, и что „запасные дары“ принимать „не слѣдовало“. Но онъ готовъ уже „допустить принятіе ихъ“ тѣмъ лицамъ, кои „слабы духомъ“ и кои по совѣсти своей считаютъ ихъ святыми... Свое снисхожденіе

онъ оправдывалъ примѣромъ апостола Павла, который уже въ новозавѣтной Церкви допускалъ „обрѣзаніе“ и „празднованіе субботы“... Видя двоедушіе Коновалова, два лица, слышавшія его въ этомъ же году во время Нижегородской ярмарки на бесѣдѣ съ австріецемъ Усовымъ, опредѣленно и рѣзко изобличили его въ хитрости и противорѣчии самому себѣ съ извѣстной цѣлью воздѣйствія на часовенныхъ; но никто и не подумалъ обратить на это серьезное вниманіе. Вся толпа, напротивъ, вознегодовала на самихъ же обличителей.

Послѣ обѣденнаго перерыва, еще цѣлый вечеръ Коноваловъ трактовалъ о причащеніи и антихристѣ, причемъ говорилъ, что причащеніе можетъ быть принято „духовно“, „невидимо“: *стоитъ только встать передъ иконами, помолиться достойному по жизни человеку, раскрыть ротъ, и Самъ Богъ причаститъ того!..*

24 октября съ утра до ночи Коноваловъ поучалъ часовенныхъ о „преимуществахъ“ „спасовщины“ и о предупрежденіяхъ ошибочныхъ попытокъ мечтать о какомъ бы то ни было священствѣ. Тутъ были и оба наставника обѣихъ здѣшнихъ часовенъ для „воспріятія наставленія новаго учителя“. Многіе уже собирались уѣзжать, и трогательно, со слезами умиленія прощались съ Коноваловымъ и благодарили его, что онъ такъ хорошо имъ все разъяснилъ, научилъ, вразумилъ и предостерегъ отъ соблазна священствомъ. Сыпались „жертвованія“ и пожеланія всякихъ благъ. Этотъ день можно назвать историческимъ днемъ въ исторіи часовеннаго безпоповства, такъ какъ положено крѣпкое основаніе сліянію его съ „нѣтовщиной“, изъ цѣпкихъ лапъ которой часовенные не скоро вырвутся, такъ какъ у этой секты есть полная организація, у часовенныхъ же ничего, этого не имѣется.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошелъ слухъ, что Коноваловъ беретъ подъ свое особенно заботливое покровительство уральское безпоповство и обѣщаетъ время отъ времени пріѣзжать сюда, или присылать своихъ помощниковъ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Лѣтопись духовной печати о расколѣ и сектанствѣ.

Академическіе журналы — „Христіанское Чтеніе“, „Богословскій Вѣстникъ“, „Православный Собесѣдникъ“ и „Труды Кіевской Духовной Академіи“ не особенно балуютъ своихъ читателей статьями о расколѣ и сектанствѣ вообще и миссіонерскомъ дѣлѣ въ частности. Отчего это зависитъ, не знаю, но только лѣтописецъ духовной печати о расколѣ и сектанствѣ можетъ занести въ свою лѣтопись лишь слѣдующія статьи: 1) *„Литература исторіи и обличенія старообрядческаго раскола XIX в.“*—проф. с.-петербургской духовной академіи П. С. Смирнова; 2) *„О Божествѣ Господа нашего Иисуса Христа и о средствахъ нашего спасенія“* — свящ. проф. Е. П. Аквилонова; 3) *Идеалы православно-русскаго инородческаго миссіонерства*—іером. Діонисія и 4) *„Утѣшаніе“ Платона, митроп. Московскаго, какъ предвѣстникъ „единовѣрія“*—В. Нечаева.

Минувшій XIX в. имѣлъ огромное значеніе для нашихъ богословскихъ наукъ и въ теченіе его сдѣлано по нимъ очень немало. Поэтому, съ наступленіемъ новаго вѣка, редакція старѣйшаго духовнаго журнала „Христіанское Чт.“ нашла благовременнымъ представить на своихъ страницахъ итоги научнаго богословскаго труда въ теченіи минувшаго вѣка. Одинъ изъ такихъ итоговъ и представляетъ собою рядъ статей проф. П. С. Смирнова, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. „Хотя по своему возникновенію, говоритъ П. С. Смирновъ, письменность о расколѣ современна самому расколу и вмѣстѣ съ нимъ пережила 233 годовщину своего существованія, но въ истекшемъ XIX столѣтіи она существенно измѣнила свой обликъ, какъ со стороны объема, такъ и еще болѣе со стороны своего характера и направленія. Особенности ея яснѣе всего можно видѣть чрезъ сравненіе съ литературою предыдущаго періода“. Поэтому, въ началѣ своего очерка онъ вкратцѣ указываетъ отличительныя черты книгъ о расколѣ, изданныхъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, сравниваетъ литературу этихъ столѣтій съ литературою XIX столѣтія и находитъ, что „последняя, прежде всего, достигла широкихъ размѣровъ по количеству отдѣльныхъ сочиненій; что разра-

ботка исторіи раскола шла въ это время параллельно полемикѣ, не отставая отъ нея и даже иногда существенно помогая ей; что изученіе раскола стало теперь на почву научную и въ смыслѣ постановки и аргументаціи частныхъ вопросовъ, и въ смыслѣ созданія цѣлой системы предмета, такъ что явилась уже *наука* исторіи и обличенія раскола“. Послѣ этого авторъ переходитъ къ обзору литературы въ XIX в., причемъ указываетъ лишь „болѣе важныя въ научно-практическомъ отношеніи труды“, раздѣляя ихъ по группамъ. Въ первой группѣ онъ ставитъ полныя курсы исторіи раскола, во второй—монографическія изслѣдованія, начиная съ матеріаловъ, изданныхъ правительствомъ, особыми учрежденіями и частными лицами, въ третьей—историческія изслѣдованія и въ четвертой—изданія по описанію рукописныхъ историческихъ матеріаловъ, архивныхъ и библиотечныхъ, и библиографическіе указатели печатнаго матеріала и вообще литературы по расколу.

Окончивъ обзоръ литературы по исторіи раскола, авторъ переходитъ къ обзору *полемической* литературы (печатной), при чемъ заявляетъ, что она превосходитъ историческую, какъ по числу наиболѣе капитальныхъ сочиненій, такъ и по сравнительному отсутствію пробѣловъ въ области разработки отдѣльныхъ вопросовъ. Всѣ печатныя труды въ области полемики съ расколомъ авторъ разбиваетъ на группы и разсматриваетъ каждую группу отдѣльно. Къ первой группѣ у него отнесены тѣ сочиненія, которыя представляютъ цѣлую систему предмета, хотя бы въ видѣ лишь сырого матеріала, ко второй—спеціальныя сочиненія по догматическимъ вопросамъ противораскольнической полемики: объ антихристѣ, о Церкви и таинствахъ; къ третьей—полемическія сочиненія по вопросамъ обрядовымъ, съ подраздѣленіемъ на два разряда: а) сочиненія болѣе общаго содержанія, обнимающія совокупность нѣсколькихъ вопросовъ разногласія между православіемъ и расколомъ, и б) важнѣйшія сочиненія по главнымъ обрядовымъ вопросамъ въ отдѣльности: о старопечатныхъ книгахъ, о перстосложеніи и объ аллилуйи; къ четвертой—сочиненія о смыслѣ клятвы собора 1667 г.

Наконецъ, авторъ обозрѣваетъ статьи и матеріалы по исторіи и обличенію раскола, помѣщенные въ спеціальныхъ журналахъ: „Братскомъ Словѣ“, „Истинѣ“, „Другѣ истинѣ“, „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ и „Миссіонерскомъ Сборникѣ“, въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ, а также провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ: „Епархіальныхъ“ и отчасти „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Изъ приведеннаго краткаго обзора содержанія статей П. С. Смирнова можно ясно видѣть, насколько онъ цѣненъ, особенно для начинающихъ ученыхъ, преподавателей исторіи

и обличенія раскола въ семинаріяхъ и другихъ лицъ, желающихъ ознакомиться съ расколомъ и подготовиться къ борьбѣ съ нимъ.

Статья свящ.—проф. Е. П. Аквилонова подъ заглавіемъ: „*О Божествѣ Господа нашего Иисуса Христа и о средствахъ нашего спасенія*“ напечатанная также въ Христіанскомъ Читеніи, представляетъ собою богословскія размышленія по поводу лжеученія графа Л. Н. Толстого. Въ ней раскрыты слѣдующія положенія: 1) о значеніи личности для возникновенія и распространенія религіи, служебное положеніе въ послѣдней учительнаго момента; 2) о Божествѣ Христа Спасителя и о вѣрѣ въ Него; 3) значеніе вѣры во Христа для человѣческаго спасенія и для жизни; 4) важность свидѣтельствъ Спасителя о Своей безгрѣшности и о божественномъ совершенствѣ, свидѣтельства евангелистовъ и Предтечи; несостоятельность критики; 5) о чудесахъ Христовыхъ; Церковь и ея необходимость для спасенія; разборъ возраженій графа Толстого; 6) ученіе Христа объ общественной молитвѣ и о шестой заповѣди; заблужденіе гр. Толстого; 7) о таинствахъ и ихъ необходимости для спасенія; крещеніе младенцевъ; разборъ возраженій Толстого и 8) объ евхаристіи, изъясненіе словъ Спасителя при ея установленіи, плоды причащенія, разборъ возраженій гр. Толстого. Какъ видно изъ содержанія, авторъ касается не всѣхъ пунктовъ лжеученія гр. Толстого, да и затронутые разбираетъ бѣгло, но за то положительное ученіе раскрываетъ съ достаточною полнотою. Послѣдняя черта особенно цѣнна въ виду „отсутствія культурности и богословскаго образованія въ нашемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, въ лицахъ, выступившихъ добровольцами-защитниками гр. Толстого“. Выказавъ сожалѣніе объ этомъ, авторъ продолжаетъ: „Какой прекрасный подавался поводъ серьезно высказаться по жгучимъ религіознымъ вопросамъ, какіе широкіе горизонты открывались для философской мысли, какая вопіющая нужда заявляла о спокойномъ обсужденіи дѣла! И что же мы увидѣли? Да ничего дѣльнаго, кромѣ оскорбительныхъ басенъ и памфлетовъ, направленныхъ по адресу духовной власти и съ тонкимъ разчетомъ на нравственную разнузданность и грубые вкусы толпы. Недалеко подвинемся мы впередъ, если и впредь будемъ относиться къ серьезнымъ предметамъ съ преступнымъ легкомысліемъ и съ невѣжественнымъ предубѣжденіемъ, воображая, что мы „богаты и ни въ чемъ не нуждаемся“, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы „несчастливы и жалки, и нищи, и слѣпы, и наги“ (Апок. III, 17).

О статьяхъ—іероманаха Діонисія „*Идеалы православно-русскаго инородческаго миссіонерства*“ и В. Нечаева „*Увѣщаніе Платона, митроп. Московскаго, какъ предвѣстникъ „единствѣрія*“, помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, библиографическія свѣдѣнія уже сообщены на страницахъ нашего

журнала (см. 1901 г. іюнь стр. 864—867 и октябр. стр. 472—473). Изъ другихъ же статей можно лишь назвать „Письмо къ обратившейся въ день причащенія св. тайнъ“—проф. Н. И. Ивановскаго, „По поводу закладки новаго храма въ природной окраинѣ Казани. Открытое письмо строителямъ“—его же и „По поводу письма С. Ѳ. Шаранова о старообрядцахъ“—его же.

Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ помѣщенъ только „Обзоръ журнальныхъ статей по расколу и секто-вѣднью за 1900 г.“, И. М. Громогласова, да библиографическая замѣтка подъ заглавіемъ: „Противораскольническая беллетристика“ Ер. Мишинскаго, а въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи двѣ библиографическія замѣтки А. Глаголева.

К. Плотниковъ.

Критическое обозрѣніе бесѣдъ съ раскольниками и сектантами, помѣщенныхъ въ епархіальныхъ органахъ за 1901 годъ.

Въ „Астраханскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ помѣщены 10 бесѣдъ, а именно: а) 2-я и 3-я миссіонерскія бесѣды, веденныя священниками Кочергинымъ и Березинимъ въ Астраханской епархіальной библиотекѣ въ 1900 году, б) 5 бесѣдъ, веденныхъ ими же и тамъ же въ 1901 г., в) бесѣда (частная) съ старообрядцемъ-безтоповцемъ брачнаго толка, ищущимъ единенія съ православною Церковію—А. Шашина, г) Изъ бесѣдъ съ заблуждающимся собратомъ—діакона Е. Саблина и „Нужно ли молиться за умершихъ?“—свящ. С. Добронравова.

Въ первой бесѣдѣ, направленной противъ раскольниковъ австрійскаго толка (по мѣстному названію—„часовенныхъ“), о. Кочергинъ сначала доказалъ, что общество пріемлющихъ австрійское священство не можетъ именоваться Церковію Божіею, а затѣмъ, когда на его приглашеніе возразить никто не откликнулся то онъ самъ указалъ на слова Θεодора Студита, приводимыя „австрійцами“ въ защиту своей іерархіи, и опровергъ ихъ. Такой пріемъ, по моему мнѣнію, совсѣмъ не долженъ быть употребляемъ на бесѣдахъ съ раскольниками, потому что послѣдніе и въ печатныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, большею частію, читаютъ одни возраженія, опроверженіе же ихъ опускаютъ, а тѣмъ болѣе, конечно, будутъ запоминать только возраженія на устной бесѣдѣ и пропускать мимо ушей опроверженіе. Слѣдовательно, цѣль бесѣды не будетъ достигнута. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, указывая раскольническія возраженія, православный собесѣдникъ можетъ заронить искру сомнѣнія и въ православныхъ;

а развѣ для этого ведутся бесѣды съ раскольниками и сектантами?

Въ заключеніе бесѣды о. Кочергинъ обратился къ раскольникамъ съ такими словами: „Не обольщайтесь тѣмъ, что ваше лжедуховенство наряжается въ богатяя ризы,—отъ такихъ нарядовъ вамъ никакой пользы не будетъ. Если ваши наставники законны, то пусть докажутъ отъ свящ. Писанія свою законность. Если же они этого не докажутъ, то *въ нарядахъ своихъ будутъ изображать убранную елку на забаву дѣтямъ*“. Послѣдняя фраза, мнѣ думается, совсѣмъ неумѣстна въ устахъ православнаго миссіонера, потому что „*насмѣшки, колкости*,—говорить „Наставленіе священнику относительно заблуждающихся отъ истины вѣры“,—никогда не доставляютъ убѣжденія, а только поводъ къ *раздраженію и ненависти*, часто же и къ сомнѣнію о предлагаемой истинѣ“.

Изъ 5 бесѣдъ, веденныхъ въ Астраханской епарх. бібліотекѣ въ 1901 г., на первой шла рѣчь о мвропомазаніи, на второй—о таинствахъ, какъ средствахъ спасенія, на третьей—о троеперстіи, на четвертой доказывалась лживость сектантскаго отрицанія обрядности и на пятой, — что наше недовершенство не должно насъ удерживать отъ причастія святыхъ таинъ.

Въ бесѣдѣ о *мвропомазаніи* обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее наглядное доказательство необходимости этого таинства. „При крещеніи на душѣ христіанина, какъ на листѣ бѣлой бумаги, пишется договоръ. Этотъ договоръ затѣмъ скрѣпляется Божескою печатью мвропомазанія, ибо священникъ, помазывая мвромъ, говоритъ: печать дара Духа Святаго; безъ печати же договоръ (крещеніе) не твердь. Какъ изъ простаго дома можетъ быть устроенъ храмъ Божій, если этотъ домъ будетъ подвергнутъ надлежащей перестройкѣ, такъ и человѣкъ дѣлается христіаниномъ, когда получаетъ крещеніе: чрезъ крещеніе человѣкъ становится храмомъ; въ мвропомазаніи этотъ храмъ освящается. Можетъ ли считаться настоящимъ хотя и построенный, но не освященный храмъ? Конечно, нѣтъ. Точно также и крещенный является настоящимъ христіаниномъ только по мвропомазаніи; поэтому, по Большому Катихизису, не мвропомазанный и христіаниномъ называться не можетъ“ (л. 377).

Во „Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ напечатаны „Собесѣдованія съ старообрядцами въ г. Шуѣ“ и „Бесѣда съ Перетрухинамъ въ г. Шуѣ“. Въ „Собесѣдованіяхъ съ старообрядцами въ г. Шуѣ“ описана собственно одна бесѣда—о томъ: „справедливо ли первоучители раскола, а за ними ихъ послѣдователи отдѣлились отъ патр. Никона и православной Церкви?“ На этой бесѣдѣ миссіонеръ Н. въ своей рѣчи недостаточно выяснилъ незаконность отдѣленія отъ Церкви Аввакума и его послѣдователей, а главное, *ничѣмъ* не обо-

сноваль своего положенія, но только разсказаль исторію перваго раздѣленія (въ 1653 г.) и сдѣлалъ оттуда слѣдующій выводъ: „Поступокъ Аввакума былъ очень важенъ и противенъ канонамъ Церкви (какимъ?—ни слова): онъ самовольно устроилъ особую молельню (какими церковными правилами это запрещается,—нужно было показать), самовольно отдѣлился самъ и отдѣлилъ другихъ въ самечинное сборище“ (тоже нужно было показать, какими канонами это запрещается), а затѣмъ прямо поставилъ вопросъ: „Законъ ли Аввакуму и его послѣдователи отдѣлились отъ православной Церкви изъ-за изданной патр. Никономъ „Памяти“ и отдѣлившись, устроили свое всеночное бдѣніе безъ воли епископа?“ Само собой понятно, что, при такой постановкѣ дѣла, защитнику раскола предоставлено было широкое поле для разглагольствій, и если онъ, вопреки своему обычаю, мало уклонялся отъ предмета бесѣды, то за это нужно сказать спасибо ему, а никакъ не миссіонеру. Впрочемъ, защитникъ раскола и безъ того чувствовалъ подъ собою твердую почву: онъ ставилъ вопросы, онъ возражалъ, а православный миссіонеръ только отвѣчалъ; между тѣмъ должно бы быть совсѣмъ наоборотъ. Вообще указанная бесѣда не изъ удачныхъ. Въ частности же нельзя не указать на слѣдующій неудачный пріемъ. Чтобы подорвать значеніе одного свидѣтельства Стоглаваго собора, миссіонеръ замѣтилъ: „отцы Стоглаваго собора къ этимъ постановленіямъ не подписались, а потому „ссылаться на нихъ несправедливо“. Но если согласиться съ такимъ взглядомъ, то придется отказаться совсѣмъ отъ Стоглава, какъ источника, изъ котораго можно почерпать доказательства противъ раскола; между тѣмъ въ немъ по вопросу о недостаткахъ, допускаемыхъ православными въ богослуженіи, въ религіозной и нравственной жизни (см. гл. 5, 27 32, 71, 72, 41, 95 и др.), о неисправности церковно-богослужебныхъ книгъ (гл. 27, 28), о чтеніи 8-го члена символа вѣры (гл. 9) и др. находятся свидѣтельства, весьма полезныя для защитника православія противъ раскола. Да и вообще подрывать значеніе источниковъ, откуда должны быть почерпаемы доказательства противъ раскола, это то же, что вырывать изъ рукъ собственное оружіе. Сегодня мы скажемъ, что ссылаться на Стоглавъ несправедливо, завтра, что Кириллова книга—ненадежное основаніе и т. д., а въ заключеніе у насъ у самихъ въ рукахъ ничего не останется, потому что раскольники почти исключительно довѣряютъ только старопечатнымъ книгамъ да нѣкоторымъ рукописнымъ (см. объ этомъ въ моемъ Руковод. по облич. раск. изд. 5, стр. 1—13). Изъ возраженій Перетрухина мнѣ показалось интереснымъ то, въ которомъ онъ старался подорвать извѣстное свидѣтельство „Книги о вѣрѣ“ о православіи греческой церкви (л. 27 об. и 28). „Сви-

дѣтельство о православіи грековъ, говорилъ онъ, есть въ „Книгѣ о вѣрѣ“, но эта книга, хотя и напечатана при патр. Іосифѣ, но составлена раньше, такъ что, когда писалась эта книга, греки были православны, а съ паденіемъ Константинополя греки утеряли вѣру. Это подобно тому, какъ въ недѣльномъ Евангеліи (18 нед.) говорится, что Римская церковь хранить чистоту православія *до днесь*. Эта книга напечатана при патр. Іосифѣ. Неужели можно утверждать, что римляне хранили чистоту вѣры до патр. Іосифа? Затѣмъ Перетрухинъ очень умѣло поставилъ вопросъ о троеперстіи. „Я просилъ бы миссіонера показать, говорилъ онъ, отъ какихъ святыхъ апостоловъ или отъ какихъ св. отцовъ Никонъ взялъ троеперстіе?“ Такая постановка вопроса крайне опасна для православнаго миссіонера: придется обратиться къ исторіи и археологіи, область которыхъ весьма широка, и потому вопросъ не будетъ рѣшенъ, какъ слѣдуетъ. Поэтому-то такіе опытные миссіонеры, какъ проф. Н. И. Ивановскій, не совѣтуютъ увлекаться учено-археологическою постановкою вопроса. Впрочемъ, православный миссіонеръ, хорошо понимая это, указалъ только извѣстные свидѣтельства въ пользу троеперстія и поставилъ вопросъ на догматическую почву.

Изъ другихъ епархіальныхъ изданій въ „Вологодскихъ“ и „Воронежскихъ Вѣдомостяхъ“ не помѣщено *ни одной* бесѣды, въ „Самарскихъ“ *одна* бесѣда съ отпавшимъ въ мормонство «*О любви и дарахъ пророчества и иныхъ языковъ*“ С. М. М., въ „Тамбовскихъ“ (№ 23) описаніе *Миссіонерскихъ бесѣдъ съ сектантами въ с. Пановыхъ Кустахъ, Тамбов. у., С. Н. Р.*, въ „Олонецкихъ“ довольно интересные *отрывки изъ двухъ бесѣдъ* свящ. миссіонера П. Кудрявцева *о предтечѣхъ второго пришествія Христова на землю и объ антихристѣ*. Изъ перваго отрывка видно, какъ умѣло о. Кудрявцевъ (человѣкъ молодой, поступившій въ миссіонеры 3½ г. тому назадъ прямо со школьной скамьи) удерживаетъ совопросниковъ на одномъ предметѣ и доводитъ до полной безотвѣтности. Нельзя обойти молчаніемъ также и того обстоятельство, что въ первой бесѣдѣ принимали нѣкоторое участіе двѣ интеллигентныя женщины: жена священника К. и жена фельдшера Г. Участіе послѣднихъ особенно не понравилось раскольническому вожаку, который съ запальчивостью сказалъ имъ: „не достоинъ вамъ, женщинамъ, и учить-то здѣсь: ибо ап. Павелъ сказалъ: „женѣ учить не повелѣваю; въ народныхъ собраніяхъ жена да молчитъ; поэтому молчите и вы“. Но въ отвѣтъ на это замѣчаніе о. К. разъяснилъ смыслъ словъ ап. Павла (зач. 167) и указалъ на примѣръ равноапостольныхъ женъ.

Во второй бесѣдѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія пріемъ, употребленный о. К. для устраненія того шума и

крика, который подняли раскольники, чтобы замаять поднятый вопросъ. Вотъ какъ говорить объ этомъ самъ о. П. К. 18 февраля, когда было разъяснено, что антихристомъ будетъ незаконнорожденный плотской человѣкъ, а не духъ, не дѣволъ и не сатана, что этотъ человѣкъ—антихристъ придетъ къ плотскимъ іудеямъ и надъ ними восцарствуетъ, и что онъ придетъ „въ скончаніе вѣка“, — многіе (замѣтилъ) начали перешептываться по-корельски. Лица у всѣхъ слушателей были возбужденныя... Поднялся шумъ. Кто началъ говорить о Церкви, кто о перстосложеніи, кто о разствіяхъ, а кто и о клеветахъ... Всякому хотѣлось настоять на своемъ предметѣ. Улучивъ въ этомъ хаосѣ удобную минуту, я сказалъ: „ну, на что похожа наша бесѣда? Изъ мирнаго, спокойнаго разглагольствія объ одномъ предметѣ вы превратили ее въ споръ о многихъ... И думаете, хорошо вы сдѣлали? Нѣтъ, вы очень худо поступили: вы не послушались даже св. Василя Великаго, обучающаго мирному, спокойному разглагольствію: „вопрошати подобаетъ, писалъ онъ св. Григорію Богослову, убо безъ распри, отвѣщевати же съ почестію, и не пресѣцати бесѣдующаго, егда нѣчто потребно глаголетъ: ниже желати свое слово яснѣе изложити: и мѣру уставляти словеси и слуху... Силу же гласа средняго любити: якоже не умаленіемъ гласа слово избѣжитъ отъ слуха, ни клипанія ради велика тяжко будетъ слышати“ (Кормч. л. 257 об.). А вы? Развѣ хорошо вы поступаете: не отвѣтивъ, когда васъ спрашивали, на вопросы,—вы стараетесь теперь прекратить бесѣду объ антихристѣ, для каковой цѣли и подняли сію распрю,—развѣ спрашиваю, хорошо это?.. Развѣ этому учить св. Василия Великаго? А „клипанія“—то ваши, крики-то эти—развѣ пріятны для слуха?.. Опомнитесь и устыдитесь своего поведения“...

Нельзя, наконецъ, не указать въ этой бесѣдѣ и на то, какъ хорошо о. К. примѣнилъ къ дѣлу совѣты такихъ опытныхъ миссіонеровъ, какъ покойный архим. Павелъ прусскій и нынѣ здравствующій Н. И. Ивановскій, когда совопросники хотѣли „зачитать“ его. На требованіе дать книгу Ефрема Сирина, чтобы прочесть 105 слово, онъ сказалъ: „слово 105 довольно большое. Въ немъ говорится и о предтечахъ антихристовыхъ и о происхожденіи антихриста, и о мѣстѣ его воцаренія, и о характерѣ, и о чудесахъ, и о печати, и о времени царствованія, и о будущемъ судѣ и проч. Видите, сколько предметовъ. Если вы будете читать все слово, то времени пройдетъ очень много; слушатели же и безъ того утомились (было 8 час. веч.). Поэтому скажи, о чемъ именно тебѣ хочется прочесть изъ 105 слова?—Объ антихристѣ,—уклончиво отвѣчалъ собесѣдникъ. Началось чтеніе. О. К. сталъ кратко пояснять читаемое. Прочли 4 страницы: краткія поясненія о. К. явно брали въ глазахъ слу-

шателей перевѣсь надъ подобными же поясненіями собесѣдника, тѣмъ болѣе, что содержаніе этихъ страницъ уже было раскрыто имъ на бесѣдѣ. Видя, наконецъ, что не можетъ завладѣть вниманіемъ слушателей, собесѣдникъ съ досадою сказалъ: „не съ конца начата бесѣда, къ ней никакъ пристать нельзя. Да и не важно для спасенія души то, о чемъ здѣсь говорится. Больше не приду на бесѣды. Прощайте!“ Такимъ образомъ о. К. удовлетворилъ и требованію собесѣдника, такъ что тотъ не могъ сказать, будто ему читать не даютъ, и въ то же время не далъ возможности „зачитываніемъ“ затемнить бесѣду.

К. Плотниковъ.

Воскресныя литургійныя евангелія всего года, съ объясненіями и вытекающими изъ евангельскихъ чтеній назидательными уроками. (Для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, для чтенія въ школахъ и дома). Составилъ законоучитель зарайской женской гимназіи свящ. Е. Европинъ. Кострома, 1900 г., цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Названная книга, въ ряду многихъ подобныхъ, представляетъ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ опытовъ объясненія воскресныхъ литургійныхъ евангелій. Цѣль составителя—дать общедоступное руководство къ пониманію воскресныхъ евангелій. Самому объясненію евангелій составителемъ предпосланы: 1) предисловіе и 2) вступительная бесѣда о св. Евангеліи и воскресныхъ евангельскихъ чтеніяхъ на литургіи. Въ предисловіи выясняется необходимость изъясненія и раскрытія евангельскихъ чтеній, слышимыхъ на литургіи, и въ общихъ чертахъ дается понятіе о самомъ характерѣ этихъ объясненій, а во вступительной бесѣдѣ объясняется значеніе евангельскаго ученія для духовной жизни человѣка, излагается исторія церковно-богослужебнаго употребленія Евангелія въ православной Церкви со временемъ апостольскихъ до нашихъ дней, и объясняется смыслъ воагласовъ священника, предшествующихъ чтенію св. Евангелія. Самое объясненіе евангельскихъ чтеній составитель ведетъ по святоотеческимъ толкованіямъ (главнымъ образомъ по св. І. Златоусту), пользуясь въ то же время толкованіями нашихъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ: Филарета митроп. московскаго, Иннокентія архіеп. херсонскаго, преосв. Теофана (Затворника) и Виссаріона еп. костромскаго, а также лучшими трудами отечественныхъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ толкователей Евангелія. При этомъ онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду дать—и дѣйствительно даетъ—не сухое, отрывочное, научное изложеніе евангельскихъ истинъ, а по возможности—связное, живое, обстоятельное и цѣлостное повѣствованіе въ формѣ пастырскаго назидательно-истолковательскаго собесѣдованія на читаемые за литургіей отдѣлы изъ евангелій. Съ этою цѣлію въ его объясненіи славянскій текстъ Евангелія не приводится отрывочно, отдѣльно отъ самаго толкованія,

но вплетается, какъ золотыя нити, въ его толкованіе и выдѣляется изъ остальнаго текста лишь жирнымъ шрифтомъ. Тутъ же попутно даются краткія объясненія, восстанавливающія хронологическую и причинную связь событій, раскрывающія внутренній смыслъ и значеніе рѣчей Господа, уясняющія особенности бытовыхъ условій жизни еврейскаго народа, среди котораго жилъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Чтобы дополнить и оживить свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ лицахъ или событіяхъ, упоминаемыхъ въ Евангеліи, составитель нерѣдко обращается къ свидѣтельствамъ священнаго Преданія и исторіи; при упоминаніи же въ Евангеліи о томъ или другомъ городѣ или мѣстности, гдѣ совершилось извѣстное событіе, всегда указываетъ на современное состояніе этого города или мѣстности. Чтобы дать читателю болѣе цѣлостное впечатлѣніе и представить извѣстное евангельское событіе въ полномъ освѣщеніи всѣхъ евангелистовъ, составитель соединяетъ различныя сказанія ихъ о данномъ событіи. Наконецъ, относительно языка книги нужно замѣтить, что въ общемъ составитель остается вѣренъ своей задачѣ—дать ясное, простое, краткое и отчетливое изложеніе и объясненіе евангельскихъ событій. Но при этомъ нельзя не упрекнуть его въ допущеніи многихъ выраженій, непонятныхъ для простецовъ, для которыхъ главнымъ образомъ и предназначается эта книга. Здѣсь прежде всего, мы рекомендовали бы составителю избѣгать въ дальнѣйшихъ изданіяхъ книги славянизмовъ, непонятныхъ для простецовъ и нетерпимыхъ въ живой русской рѣчи, какъ напр.: мрежи и ловитва (227 стр.), неумытный судъ Божій 335 стр.), алчба духовная (69 стр.), стогны (446 стр.), прискреннѣ (19 стр.), стяжать (303 стр.), сокровиществуя себя (277 стр.) и мн. др. Затѣмъ, по мѣстамъ у него встрѣчаются выраженія, непонятныя не только для простецовъ, но для читателей и болѣе развитыхъ, но не получившихъ богословскаго образованія, такъ, напр., царство благодати, царство славы (292 стр.), не въ квасѣ злобы и лукавства, а въ безквасіи чистоты и истины (22 стр.), прискреннѣ приобшился нашей плоти и крови (423 стр.), домостроительство нашего спасенія (425 стр.). Всѣ эти выраженія, какъ заключающія въ себѣ весьма много важныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ, должны бы быть подробно объяснены, или лучше—замѣнены другими, болѣе вразумительными, удобопонятными словами.

Наконецъ, о качествѣ „назидательныхъ уроковъ, вытекающихъ изъ евангельскихъ чтеній“, должно замѣтить, что они, хотя по мѣстамъ не лишены духовнаго одушевленія, но по большей части очень сухи, представляютъ собою болѣе риторическія рассужденія и благочестивыя размышенія на тему евангельскаго разсказа, чѣмъ глубоко западающіе въ душу, проникнутые живымъ религіознымъ чувствомъ совѣты и „уроки“, какъ жить и дѣйствовать свято.

Впрочемъ, не смотря на указанные недостатки, книга, нами разсматриваемая, своими важными достоинствами, о которыхъ было упомянуто выше, все-таки счастливо выдѣляется изъ ряда другихъ по-

добныхъ книгъ и можетъ сослужить свою добрую службу именно тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ она предъ назначена составителемъ. Въ виду этого мы могли бы рекомендовать эту книгу какъ для употребленія при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, такъ и для назидательнаго чтенія дома, въ семьѣ и въ школѣ. Напечатана она четкимъ и убористымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ и не очень пестритъ опечатками.

М. Гр—евъ.

Е. Поселянинъ. Русскіе подвижники 19-го вѣка. Изд. 2-е значительно дополненное. Стр. 568. СПб. 1901 г., ц. 2 рубля.

Въ послѣднее время и печатно, и изустно раздаются голоса, что у насъ нѣтъ проявленія жизни церковной, что Церковь наша чуть ли не въ параличѣ. Прекраснымъ отвѣтомъ на эти ходячія мнѣнія служитъ книга Поселянина, выходящая уже вторымъ изданіемъ. Прочитавшій ее не скажетъ того, что говорятъ и пишутъ иногда наши интеллигенты противъ современной Церкви. Е. Поселянинъ картинно изображаетъ жизнь Церкви не въ ея внѣшнихъ событіяхъ, а именно во внутреннемъ ея проявленіи, изображаетъ духовный ростъ нѣкоторыхъ ея членовъ, достигшихъ наибольшей степени совершенства, отношеніе къ нимъ другихъ членовъ Церкви, вліяніе первыхъ на нравственный уровень послѣднихъ, ихъ окружающихъ, къ нимъ стекающихся, какъ въ свѣтильникамъ и соли земли. Въ этой книжкѣ описана жизнь и внутреннее духовное созиданіе не только представителей церковной іерархіи, но и многихъ мірянъ. Это опять-таки не говоритъ о какой-то привилегіи святости, забранной въ свои руки представителями Церкви, какъ то хочется думать нѣкоторымъ интеллигентамъ при вопросѣ о благодати священства. Затѣмъ, въ книжкѣ Поселянина подробно изображено «духовное дѣланіе» подвижниковъ. Для многихъ интеллигентовъ это духовное дѣланіе представляется не болѣе, какъ сидѣніемъ въ пещерѣ или гдѣ-нибудь въ шалашѣ въ лѣсу, соединенное съ постоянными вздохами, шептаніемъ молитвъ, усиленнымъ постомъ и т. п. Для яркости картины прибавляютъ еще, что такой подвижникъ ложится по временамъ въ гробъ, стоящій въ его кельѣ и приготовленный имъ для своего погребенія. Такъ чисто внѣшне, поверхностно и односторонне схватывается людьми міра обликъ подвижника и подвижничества. Опять книга Поселянина покажетъ такимъ предубѣжденнымъ противъ церковнаго подвижничества людямъ, что ни одинъ изъ подвижниковъ не забывалъ и заповѣди Христовой о дѣятельной любви, какъ то хочется думать интеллигентамъ. Книжка, такимъ образомъ, можетъ быть для послѣднихъ весьма поучительна, а для людей Церкви полезна при миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, или же полемическихъ пріемахъ.

Здѣсь читатель видитъ не только духовныхъ, но и много свѣтскихъ лицъ, подвизающихся, творящихъ добро людямъ своей молитвой, милостынями и исцѣленіями. Всѣ они живутъ подъ кровомъ св.

Церкви, и внѣ ея ни одинъ не мыслить получить спасеніе. Всѣ они являются дѣтьми, любящими св. Церковь, и строгими исполнителями и хранителями ея уставовъ.

Вообще же нужно сказать, что книга Е. Поселянина, помимо ея внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ, весьма благовременна и можетъ въ нашъ маловѣрующій вѣкъ принести большую пользу. Ко всему этому нужно прибавить, что она весьма хорошо изложена и тщательно издана. Печать четкая, шрифтъ новый. Въ текстѣ помѣщено свыше 50 рисунковъ, тщательно исполненныхъ.

Свящ. *М. Лисицынъ.*

Еп. Сергій, ректоръ Спб. духовной академіи. Законъ Божій, написанный въ сердцѣ человѣка. Спб. 1901 г. Стр. 35. Ц. 15 коп. Изд. 2-е.

Настоящая брошюрка, изданная православнымъ благотворительнымъ обществомъ ревнителей вѣры и милосердія, представляетъ собою рефератъ, читанный въ этомъ обществѣ. Она раздѣляется на три части: 1) о свойствахъ нравственного закона и нравственныхъ дѣйствій; 2) о происхожденіи нравственного закона и 3) о спасеніи во Христѣ и о законѣ Царства Божія, представляющую выводы изъ первыхъ двухъ частей. Брошюрка написана въ высшей степени интересно и доступно. Преосвященный авторъ излагаетъ предметъ своего чтенія не отвлеченно, а въ литературныхъ образахъ, заимствованныхъ у лучшихъ писателей-психологовъ — Шекспира, Достоевскаго, Льва Толстого, Пушкина. Хорошо также выясняетъ авторъ сверхънатуральное, божественное происхожденіе въ человѣкѣ нравственного закона, иллюстрируя примѣрами, взятыми изъ непосредственнаго наблюденія надъ японцами и китайцами—язычниками, среди которыхъ преосвященный былъ миссіонеромъ, апостоломъ христіанской вѣры. Также образно и доступно изложена и третья часть реферата, съ выводами о спасеніи во Христѣ. Брошюрка, въ силу своей доступности, читается съ большимъ интересомъ и можетъ быть очень порекомендована для всѣхъ, какъ пособіе къ пониманію вопросовъ о нравственномъ законѣ, совѣсти и другихъ съ ними связанныхъ. Она разъяснитъ многое и свѣтскому читателю, не получившему богословскаго образованія, но интересующемуся вопросами вѣры и нравственности, и законоучителю при объясненіи ученикамъ третьяго отдѣла катихизиса о любви, и въ особенности много поможетъ миссіонеру при разъясненіи сектантамъ вопросовъ о свободѣ совѣсти и нравственномъ законѣ. Брошюрка, въ силу своихъ достоинствъ, выдержала два изданія. Получать ее можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ книжномъ складѣ общества ревнителей вѣры и милосердія.

Свящ. *М. Лисицынъ.*

Свящ. Ксенофонтъ Делекторскій. Крупица отъ духовной трапезы.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, тѣмъ же обществомъ ревнителей вѣры и милосердія издано 12 проповѣдей священника К. Делекторскаго, извѣстнаго въ свое время проповѣдника. Проповѣди раздѣлены на пять брошюръ. Въ первой заключаются три проповѣди на темы: „Не должно отлагать исправленіе свое до будущаго времени“, „Объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на христіанина таинствомъ крещенія“ и „Крестъ Спасителя есть источникъ утѣшенія въ горестяхъ житейскихъ“. Во второй помѣщено два поученія — „О гонимыхъ за правду“ и „О суетности благъ земныхъ“. Въ третьей брошюрѣ даны бесѣды „О расточительности грѣшника относительно даровъ Божіихъ, о духовной его алчбѣ и обращеніи на путь добродѣтели“; затѣмъ, — „О причинахъ, побуждающихъ христіанина свято соблюдать православную вѣру“, и о томъ, что „Одно внѣшнее благочестіе безъ внутренняго не доставитъ спасенія“. Цѣна каждой изъ этихъ брошюръ по 5 коп. Въ двухъ остальныхъ выпускахъ помѣщено по два слова въ каждомъ— „О совмѣстномъ исполненіи гражданскихъ и христіанскихъ обязанностей“, „Объ истинномъ величіи человѣка“, „О неосновательности предлоговъ, которыми извиняютъ люди небрежность о своемъ спасеніи“ и „Объ ангелахъ-хранителяхъ“. Цѣна этихъ двухъ выпусковъ по 3 коп. каждый. Проповѣди, какъ видитъ читатель уже изъ однихъ заглавій, выбраны интересныя по темѣ, а имя автора ихъ достаточно говоритъ за содержательность ихъ. Изданы онѣ очень изящными брошюрками и на хорошей бумагѣ по весьма дешевой цѣнѣ, такъ какъ пятикопѣчныя брошюры имѣютъ отъ 30—32 страницъ, а трехкопѣчныя 15—16 страницъ.

Свящ. *М. Лисицынъ.*

Виноградовъ І. прот. Полезное замѣчаніе для полемистовъ съ расколомъ. Изд. Братства м. Петра. М. 1901 г. стр. 39. Ц. 0 н.

Въ приведенной брошюркѣ о. Виноградовъ разбираетъ извѣстные свидѣтельства въ пользу древности двоеперстія сравнительно съ троеперстіемъ, выдвинутыя Каптеревымъ и Голубинскимъ. Свидѣтельства эти давно уже разобраны; но разборъ этотъ находится или въ журнальныхъ статьяхъ, или въ книгѣ еп. Никонора, такъ что разборъ этотъ не легко теперь каждому желающему въ нужныхъ случаяхъ отыскать. О. Виноградовъ воспроизведеніемъ этого разбора въ отдѣльной брошюрѣ облегчаетъ этотъ трудъ собесѣдниковъ съ раскольниками.—Къ тому же онъ не ограничивается лишь разборомъ свидѣтельствъ: онъ опровергаетъ и вообще утвержденіе названныхъ ученыхъ, что двоеперстіе древнѣе троеперстія, — опровергаетъ на основаніи ихъ же словъ. Самимъ же старообрядцамъ нашъ авторъ хочетъ раскрыть, что у названныхъ ученыхъ они должны почерпнуть и изобличеніе ихъ взгляда на двуперстіе, какъ на что-то спасительное само по себѣ.

Для считающихся съ свидѣтельствами названныхъ ученыхъ брошюрка о. Виноградова будетъ полезна.

М. Чельцовъ.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Держающій католицизмъ.

Считаемъ полезнымъ познакомить читателей нашихъ съ новымъ проявленіемъ старой нетерпимости къ православію и православно-русскому просвѣщенію со стороны католицизма, который не перестаетъ и нынѣ быть *держашимъ*.

Въ этомъ читателя убѣдятъ изъ нижепомѣщаемаго характернаго циркуляра надныхъ Высочайшимъ приказомъ уволеннаго виленскаго римско-католическаго епископа Звѣровича къ подвѣдомственному ему духовенству.

„Свѣтъ“ по поводу этой выходки г. Звѣровича справедливо замѣчаетъ, что давно не появлялось такого сплетенія хитрой казуистики съ ложью, давно не встрѣчали такого ловкаго переворачиванія фактовъ, такого превращенія правды въ неправду и такого явнаго стремленія возбудить нетерпимость и ненависть тамъ, гдѣ все среди населенія шло мирно и благополучно.

Такія дѣйствія римско-католическихъ епископовъ служатъ главною причиною, почему во всѣхъ римско-католическихъ государствахъ Европы, подобно Франціи и Италіи, государственная власть находится въ постоянной борьбѣ съ римско-католическою Церковью.

Циркуляръ Звѣровича, появившійся въ періодъ не перестающихъ кривотолковъ о свободѣ совѣсти, даетъ наглядный урокъ нашимъ мечтателямъ—пропагаторамъ свободы совращеній и отмѣны ограничительныхъ мѣръ воздѣйствія на подобныхъ фанатиковъ.

Во всемъ, что касается духовныхъ дѣлъ ввѣренной ему католической паствы, епископъ виленскій является полнымъ хозяиномъ, но только въ дѣлахъ духовныхъ. Независимо отъ своего вѣроисповѣданія и своего духовнаго сана, епископъ виленскій есть подданный Русскаго Императора и не имѣетъ, какъ таковой, права вести политику обособленія, опираясь на свою духовную власть.

Между тѣмъ угроза лишить отпущенія грѣховъ и, слѣдовательно, причастія тѣхъ католиковъ, которые будутъ обучать своихъ дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ и въ школахъ грамоты, равно какъ и самихъ учащихъ дѣтей,

есть протестъ противъ власти. Русское правительство не принуждаетъ ничьихъ дѣтей обучаться въ церковно-приходскихъ школахъ, но широко открываетъ ихъ двери и дѣтямъ католиковъ. Запрещать католикамъ обучать дѣтей въ этихъ школахъ значитъ взывать къ средневѣковой нетерпимости, лишать дѣтей права на науку, не говоря уже о прямомъ противодѣйствіи естественному и желательному ходу государственной жизни.

Пока это только починъ, который можетъ распространиться и на всякія другія русскія школы.

Епископъ Звѣровичъ въ своемъ циркулярѣ говоритъ о томъ, что вѣра католическая повелѣваетъ повиноваться своему монарху, а рядомъ съ этимъ самъ отдаетъ „повелѣніе“ ограждать католическое юношество отъ „безусловно вреднаго вліянія“ русскихъ школъ. Но какимъ же образомъ католическому вѣрноподданному юношеству можетъ быть вредно вліяніе школы, устроенной его правительствомъ, школы, въ которой никто не навязываетъ католику православія.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ старымъ польскимъ сепаратистскимъ приѣмомъ подъ знаменемъ католицизма. Потому-то Россія и вынуждена смотрѣть на римскій католицизмъ, какъ на начало, неблагопріятное русскому единству.

Епископъ Звѣровичъ въ своемъ циркулярѣ несомнѣнно сошелъ съ почвы духовной и перешелъ на почву политическую.

Виленскій римско-католическій епископъ.

(Циркуляръ).

„Долгъ пастырей и вѣрныхъ католиковъ не только явно, словомъ и дѣломъ исповѣдывать свою вѣру, но также и защищать ее отъ всякихъ на нее посягательствъ. Каждому католику извѣстно, что всѣхъ уклоняющихся отъ этой обязанности, въ силу какихъ бы то ни было побужденій, расчетовъ, или боязни, Спаситель и Церковь осуждаютъ и грозятъ имъ всѣми послѣдствіями явнаго заперательства и отступленія отъ вѣры. Начальныя катехизическія поученія достаточно убѣждаютъ cadaго въ неоспоримости сего долга христіанскаго. Между тѣмъ, хотя и не вездѣ, но бывали единичные случаи со стороны пастырей и вѣрныхъ какого-то непонятнаго добродушія, недостойнаго имени и званія католическаго, въ исповѣданіи и охраненіи неприкосновенности ученія св. нашей Церкви. Малодушіе нѣкоторыхъ изъ васъ или позорная робость, отражаясь прискорбнымъ огорченіемъ въ сердцѣ Матери Церкви, заставляетъ меня припомнить вамъ христіанскія обязанности ваши относительно тѣхъ явленій, которыя въ сію минуту угрожа-

ють нашей вѣрѣ и совѣсти. Кому изъ васъ не извѣстны цѣль и направленіе народныхъ школъ новѣйшаго типа, всюду заводимыхъ въ послѣднее время?

Разумѣются здѣсь школы церковно-приходскія и школы грамоты, устраиваемыя церковно-православнымъ вѣдомствомъ. Эти школы, по своей цѣли и своимъ программамъ, по своему управленію и взгляду самихъ руководителей, 1) преслѣдуютъ задачи, враждебныя католической вѣрѣ и 2) на католическое населеніе смотрятъ, какъ на враговъ государственности.

I.

Мы бы не обращали вниманія вовсе на эти школы, если бы онѣ преслѣдовали свои цѣли среди православнаго населенія по отношенію къ юному православному поколѣнію. чего слѣдовало ожидать отъ нихъ, судя по ихъ названію, и что было бы въ порядкѣ вещей, — справедливо и законно.

Но кто изъ насъ, пастырей и вѣрныхъ, можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ насилія этихъ школъ надъ католическими дѣтьми въ границахъ виленской епархіи и то подъ личиной государственности? Церковно-приходскія школы и школы грамоты, заводимыя православнымъ духовенствомъ, даже тамъ, гдѣ, пожалуй, нѣтъ ни одной православной семьи, либо угрозами, либо быточными и несбыточными обѣщаніями принуждаютъ и заманиваютъ къ себѣ католическихъ дѣтей, глумятся надъ ихъ католическимъ вѣроисповѣданіемъ и въ незнающихъ еще начальныхъ истинъ своей вѣры мальчиковъ и дѣвочекъ, впаиваютъ начала и правила православія. Такой образъ дѣйствій православнаго духовенства относительно католиковъ виленской епархіи долженъ тѣмъ самымъ склонить и пастырей, и католиковъ къ охраненію законными мѣрами своей вѣры въ юномъ поколѣніи отъ посягательствъ православнаго духовенства. Цѣль и стремленія церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты — всѣмъ извѣстны, и никакой тайны не составляютъ. Церковно-приходскія школы, гласитъ § 1 о нихъ, имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской.

Поэтому всякое участіе католиковъ прямымъ или косвеннымъ образомъ въ дѣлѣ поощренія и развитія этихъ школъ, ихъ посѣщенія католическими дѣтьми равносильно измѣнѣ и отступленію отъ римско-католической вѣры и церкви.

Эти школы, имѣя свою прямою задачею подрывать въ корнѣ католическую вѣру въ католическомъ населеніи, не приносятъ ему той пользы, какую школа вообще должна давать своимъ питомцамъ. т. е. образованіе, просвѣщеніе ума, сообщеніемъ ему научныхъ свѣдѣній, соразмѣрно развитію дѣтей.

Церковно-приходскія школы и школы грамоты, соотвѣтственно своему предназначенію, суть учрежденія чисто религіозныя, преслѣдующія не обученіе на первомъ планѣ, а воспитаніе въ извѣстномъ

направленіи, и съ извѣстной окраской всего въ нихъ преподаваемаго „Не обученіе должно составлять основную задачу народной школы: а воспитаніе въ духѣ подчиненія церковной и гражданской власти по уставу Церкви православной“, постановилъ съѣздъ наблюдателей церковныхъ школъ Харьковской губерніи. „Сознательно любя православную Церковь, онъ (учитель) помогаетъ священнику удержать въ сердцахъ учащихся разумѣніе великаго значенія Церкви.. Школа церковная неразрывно связана съ Церковью“... (Рѣчь товарища прокурора Св. Синода В. К. Саблера о значеніи церковной школы).

„Церковно-приходскія школы служатъ важнѣйшимъ средствомъ, къ утвержденію православія въ Западномъ краѣ... Эти рассадники религиозно-нравственнаго просвѣщенія прививаютъ начала православно-русской жизни даже многимъ иновѣрческимъ дѣтямъ, и незамѣтно вводятъ юное инославное поколѣніе въ строй православно-русской жизни“ („Положеніе православія въ западныхъ епархіяхъ“). Такое назначеніе церковно-приходскихъ школъ и такой взглядъ на нихъ руководителей ихъ развѣ не указываетъ намъ со всею очевидностью, что эти школы чисто конфессіональныя и, какъ таковыя, никоимъ образомъ не могутъ быть посѣщаемы католиками безъ ущерба своей вѣры; поэтому католическія дѣти, сознательно посѣщающія эти школы, а равно и ихъ родители и опекуны, завѣдомо посылающіе дѣтей въ эти конфессіональныя школы, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о себѣ, что они измѣняютъ своимъ католическимъ убѣжденіемъ, и что, затѣмъ, они такимъ образомъ оказываются недостойными того, чтобы католическая Церковь исполняла имъ свои духовныя требы и надѣляла благодатью изъ своихъ духовныхъ сокровищъ.

II.

Церковно-приходскія школы и школы грамоты, относясь враждебно къ католической Церкви, не менѣе враждебно въ то же время смотрятъ и на насъ, католиковъ, какъ на фанатичныхъ враговъ нашего государства, отъ которыхъ слѣдуетъ избавиться путемъ притія юному католическому поколѣнію православія, какъ единаго средства, способнаго подчинить католиковъ гражданской власти. О такой миссіи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты убѣждаютъ насъ руководители ихъ и начальники. „Не обученіе должно составлять основную задачу народной школы, а воспитаніе въ духѣ подчиненія церковной и гражданской власти по уставу Церкви православной“, читали мы выше. По мнѣнію тѣхъ же наблюдателей Подольской губ., эти школы должны „выполнить въ отношеніи инославнаго католическаго и раскольническаго населенія весьма трудную задачу,—миссіонерскую, возвратить его въ лоно православной Церкви и тѣмъ приобщить къ русской національности, невысказанной безъ православія“. Такъ говорятъ руководители церковныхъ школъ, но что бы они ни утверждали, мы, однако, заявляемъ, что мы—католики—мы исповѣдуемъ вселенскую католическую вѣру, объемлющую весь міръ и имѣющую своихъ послѣдователей между всѣми наро-

дами земного шара, ту вѣру, которая вездѣ и каждому именемъ Божьимъ—непогрѣшимымъ авторитетомъ Церкви, повелѣваетъ любить свое отечество, повиноваться своему Монарху, проливать кровь за Него и за свое отечество и въ то же время твердо исповѣдывать свою вѣру и защищать ее, въ случаѣ необходимости, даже цѣною своей жизни“.

Принимая во вниманіе, что церковно-приходскія школы и школы грамоты, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи православнаго духовенства, имѣютъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, безусловно вредное вліяніе на подростящее католическое юношество, строжайше предписываемъ всему духовенству Виленской епархіи бдительно слѣдить, чтобы католическія дѣти не посѣщали сказанныхъ школъ; въ случаяхъ же обнаруженія подобныхъ фактовъ, если увѣщеванія и наставленія не помогутъ, повелѣваемъ не давать на исповѣди разрѣшенія отъ грѣховъ, какъ дѣтямъ, обучающимся въ этихъ школахъ, такъ равно родителямъ и опекунамъ, посылающимъ ихъ туда.

(Сравни—Th eologia moralis autore Augustino Lembkuhl, ed. septima Friburdi Brisgoriae. 1893 а. § 658, п. 7). Подписаль виленскій епископъ Звѣрови чѣ. Скрѣпилъ секретарь каноникъ Садовскій“.

Размышленіе на могилѣ священно-архимандрита (Павла¹⁾).

(Ко дню смерти его).

Одинокю почившей любимой братіи стоитъ могила „о. архимандрита“ съ рукотворнымъ памятникомъ; внутри сего памятника изображеніе распятія Господа; на нижнемъ концѣ креста извѣстная надпись, продиктованная самимъ о. архимандритомъ, которую иконникъ грамотно и написать не потрудился; предъ самымъ крестомъ лежитъ подручникъ, на который трижды поклонившись въ землю, я воспомянулъ о житіи и дѣлахъ почившаго аввы.

Житіе и дѣла его подобны были житіямъ и дѣламъ древнихъ св. отецъ: они весьма строго наказывали своихъ учениковъ и стократно милосерднѣе прощали имъ, кающимся, ошибки и погрѣшности. Ибо они чужды были нечеловѣческой гордости и барскаго себялюбія и братоненавидѣнія; ибо они уповали на единаго Господа, отъ Него лишь чая всякаго мздовоздаянія и вѣруя Ему, говорящему: „*аще отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отець вашъ небесный: аще ли не отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отець вашъ отпуститъ вамъ согрѣшений вашихъ*“ (Мате. 6, 14—15). Они всегда въ умѣ имѣли смертныи часъ

¹⁾ Настоятеля московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря.

и радостно къ нему готовились, благодаряще Бога за животъ и за смерть. По всему этому имъ подобенъ былъ нашъ отецъ архимандритъ. Онъ подобенъ былъ имъ даже въ пощеніи бѣднаго одѣянія, которое иногда случалось поднимать съ полу, чтобы не прикасалось оно къ богатымъ раздушеннымъ рясамъ... Да не подумаетъ кто, что онъ убожествомъ

Архимандритъ Павелъ Прусскій. († 27 апр. 1895 г.).

своимъ рисовался, — нѣтъ. Но и можно ли это подумать? Аскетъ отъ юности и врагъ всякой праздности и недѣланія, онъ иногда укорялъ себя за настоятельство монастыря, которое, по его словамъ, отнимало у него его собственное дѣло, на которое онъ призванъ, и якобы „избаловало“ его, и сожалѣлъ, что не поступилъ въ монастырь на Керженецъ, гдѣ въ уединеніи и простымъ инокомъ, ему казалось, онъ усерднѣе бы послужилъ св. православной Церкви и позабо-

тился о спасеніи души своей. Но дѣла его и трудъ его вѣдомы Господу и не тщетны предъ Господомъ. Онъ и по смерти собираетъ въ обитель свою учениковъ и имѣетъ въ ней достойныхъ подражателей, и обитель его, благодареніе Господу, восходитъ отъ славы въ славу. А сколько насъ, учениковъ его, разсѣянныхъ по лицу всей великой нашей Россійской земли, трудится на нивѣ Христовой,—отъ большихъ до самыхъ малыхъ и незамѣтныхъ! Это памятникъ нерукотворенный о архимандрита Павла. О, кто бы намъ далъ его духъ и силу и утвердилъ насъ въ его любви и терпѣніи, чтобы служеніе наше было непреткновенно при всѣхъ бѣдахъ отъ лжебрацій и напастяхъ! „*Богъ намъ приобщитъ и силу*“. И ты, отче, услышь насъ отъ гроба.

С. Е. З.

Почему Божія Матерь иногда изображается съ простертыми на благословеніе руками?

(Открытое письмо къ раскольникамъ).

Въ концѣ 1893 года и началѣ 1894 я совершилъ путешествіе въ Палестину. При обзорѣннн древностей востока я обращалъ особенное вниманіе на предметы, имѣющіе отношеніе къ расколу. Плоды моихъ наблюденій я описалъ и сдалъ въ печать. Брошюра моя заслужила вниманіе раскольниковъ, и они написали на нее замѣчанія. На одной изъ моихъ бесѣдъ сынъ раскольническаго лже-попа Поликарпъ Денисовъ прочелъ нѣсколько строкъ изъ этихъ замѣчаній. Я попросилъ Денисова довѣрить мнѣ рукопись на три дня для снятія копій и давалъ залога 10 рублей, но Денисовъ не согласился; онъ сказалъ: „авторъ рукописи самъ владыка Іоаннъ ¹⁾, и безъ его дозволенія я не могу ее довѣрить вамъ“. Зная слогъ брата Іустина, я не повѣрилъ Поликарпу. Дѣйствительно, причина, по которой онъ не далъ мнѣ рукописи, была совсѣмъ другая.

Въ числѣ моихъ ссылокъ на древности, хранящіяся въ Смирнскомъ музеѣ, есть такая: „На одной монетѣ Іоанна Комнена (благочестивый греческій царь) изображена Божія Матерь съ простертыми на благословеніе руками; персты рукъ, какъ у Спасителя (на вышеописанныхъ монетахъ), такъ и у Божіей Матери сложены именовсловно“ (стр. 12). По поводу этой ссылки старообрядецъ сдѣлалъ такое заключеніе: „Пресвятая Богородица не имѣла іерархической степени и благословлять обѣими руками не могла.

¹⁾ Іоаннъ Картушинъ, московскій старообрядческій лжеіерархъ, братъ автора, состоящаго православнымъ миссіонеромъ въ Донской Области.
Ред.

Никоніанскій миссіонеръ, старающійся увѣрить старообрядцевъ въ этой нелѣпости, или круглый невѣжда, или безсовѣстно лжетъ“. Я, прочитавъ такія укоризны, указалъ тутъ же старообрядцамъ на ихъ иконы, на которыхъ изображены ветхозавѣтные святые съ двуперстіемъ, и спросилъ: вашъ иконописецъ для того ли изобразилъ пророка Іеремію съ двуперстіемъ, дабы увѣрить васъ, что пророкъ крестился двуперстно? Старообрядцы молчали. Я продолжалъ: мнѣ думается, что изображенія пророковъ съ двуперстіемъ не то доказываютъ, что они *сами* крестились двуперстно, а *только* то, что иконописецъ такъ крестился и считалъ его правильнымъ. Старообрядцы съ этимъ согласились; я продолжалъ: точно также и я своей ссылкой хотѣлъ доказать не то, что Божія Матерь благословляла именованно, — противъ чего пошелъ вашъ борзописецъ, — а только то, что при Іоаннѣ Комнинѣ (а у насъ въ Россіи — время Мономаха и игумена Данила) на востокъ, именованное перстосложеніе было настолько господствующимъ, что и на монетномъ дворѣ знали это. Старообрядцы согласились и съ этимъ. Я продолжалъ: вамъ, конечно, показалось, что въ замѣчаніи вашего борзописца осмѣянъ я, и очень естественно, потому что вамъ этого страстно хотѣлось, а на дѣлѣ оказались осмѣянными вы, или ваша довѣрчивость своимъ вождямъ. Судите сами, за кого они васъ считаютъ, если находить неспособными понять такую простую вещь? За овецъ, да еще безсловесныхъ. Но я имѣю лучшее понятіе о вашихъ умственныхъ способностяхъ и думаю, что вы, если не поняли того, что вашъ защитникъ считаетъ васъ за глупцовъ, то не потому, что не могли понять, а потому, что не хотѣли.

Въ заключеніе моей замѣтки я прошу старообрядцевъ учинить мнѣ повѣрку, но не за письменнымъ столомъ, а проѣхать по моимъ слѣдамъ, осмотрѣть тѣ самые памятники, и если тамъ не окажется того, на что я сослался, тогда уже называть меня лжецомъ, а не теперь. Если вы, не трогаясь съ мѣста, глумитесь надо мной, морочите своихъ довѣрчивыхъ послѣдователей, и прячете отъ меня свою брошюрку, то очевидно для всякаго не предубѣжденнаго человѣка, что вы сами чувствуете свою слабую сторону, а это не только не по-христіански, а даже и не по-человѣчески.

Мисс. Калининъ Карпушинъ..

Печальное происшествіе въ г. Богодуховѣ.

(Письмо въ ред.).

Трудна миссіонерская служба. На этомъ пути приходится имѣть дѣло не только съ народной темнотой, невѣжествомъ и упорствомъ,—не только доводится терпѣть многочисленныя внѣшнія лишенія, но еще „зависть тайную“ и явное недоброжелательство въ печати. — Подтверждать эту мысль сложными данными нѣтъ надобности. Довольно упомянуть объ одномъ *свѣжсмъ* обстоятельствѣ, о которомъ писали въ послѣднее время во многихъ газетахъ.

Въ недѣлю православія текущаго 1902 года была миссіонерская бесѣда съ штундистами въ г. Богодуховѣ Харьк. губ. Бесѣда происходила въ Покровскомъ храмѣ. Она привлекла множество слушателей. Вопросъ шелъ о *почитаніи св. иконъ*. Штунды, какъ всегда, были крикливы, перебѣгали съ предмета на предметъ. Миссіонеръ съ трудомъ держалъ ихъ на поставленномъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе бесѣда прошла *чинно*. Она не сопровождалась *ни одной* личной грубостью собесѣдниковъ. *Въ храмѣ не было ни ругани, ни драки, ни перерыва бесѣды...*

Люди стали расходиться. Между ними нашлись свои „Васнергесы“. Эти были возмущены грубыми сектантскими отрицаніями. Къ тому же кто-то въ толпѣ пустилъ слухъ, что одинъ выходившій изъ Церкви штундистъ схватилъ за шею полицейскаго. Справедливъ ли этотъ слухъ,—неизвѣстно. Но онъ подлил масла въ огонь. За сектантами побѣжала толпа православныхъ. Никакого *побоища* при этомъ не произошло, а на одной „богородицѣ“ порвали одежду...

Вотъ и все „событіе“. Оно уже обслѣдовано судебной властью. Эта же власть установитъ причины печальнаго происшествія. Нечего говорить, что миссіонеръ тутъ ни при чемъ. Онъ умолялъ даже толпу, видя ея возбужденность, расходиться во взаимномъ мирѣ и братскомъ снисхожденіи къ духовнымъ немощамъ заблуждающихся, какъ братьевъ.

Однако народъ православный не сдержался. Въ толпѣ слышались скорбные рассказы о павловскомъ погромѣ. Эти рассказы заимствованы были не изъ бесѣды,—на ней и рѣчи не было о павловскомъ побоищѣ,—а изъ газетъ. Православные твердили, что „вотъ уже пишутъ, что штунды бьютъ Христовы церкви“. Это и разожгло окончательно страсти.

Грустно, возмутительно. Но еще возмутительнѣе, когда извѣстные органы печати, между строкъ, сваливаютъ вину за побоище на миссіонеровъ. Причемъ тутъ православная миссія? Развѣ виновата медицина, когда, послѣ приѣзда

слугъ ея—врачей, въ извѣстной мѣстности появляется холера и народъ бьетъ „дохтуровъ“?... А *внѣшняя* послѣдовательность событій вѣдь тамъ и здѣсь одинаковы: въ одномъ случаѣ послѣ проповѣди миссіонерской неожиданно происходитъ драка; въ другомъ, послѣ посѣщенія врачей, *отъ другихъ причинъ*, заводится холера.

Post hoc, ergo propter hoc... Это объясненіе *не логично*, не справедливо и *жестоко*...

Очевидецъ.

Публичная лекція. Въ г. Сумахъ, Харьк. губ., 25 марта состоялась публичная лекція харьковскаго епархіальнаго миссіонера Д. И. Боголюбова по вопросу о свободѣ совѣсти. (Она помѣщена въ выше настоящей книжкѣ). Интересная тема, живое еще впечатлѣніе отъ павловскаго судебного процесса и популярность лектора, какъ вдохновеннаго оратора, привлекли въ аудиторію все мыслящее и читающее мѣстное общество. Лекція прошла съ большимъ успѣхомъ и дала въ пользу Бѣлопольскаго миссіонерскаго братства значительный сборъ.

Богословское чтеніе. 17 марта въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ залѣ городской думы, съ благословенія мѣстнаго пресвященнаго еп. Назарія, врачъ С. А. Апраксинъ предложилъ чтеніе, посвященное современнымъ неврастеникамъ, *о постѣ и молитвѣ*. Вотъ главные тезисы этой лекціи.

Постъ и молитва, какъ средства къ спасенію. Понятіе о спасеніи. Общечеловѣческой идеаль и идеаль Христа. Немощность и окаянство природы человѣка. Вліяніе поста на волю человѣка. Вліяніе поста на представленіе и чувство. Молитва, какъ средство укрѣпляющее волю. Молитва, какъ средство расширяющее умственный кругозоръ и отвлекающее умъ отъ земнаго къ небесному. Вліяніе молитвы на чувство человѣка. Благодатное значеніе молитвы. Отношеніе Иисуса Христа къ посту и молитвѣ. Постъ духовный.

Нервозность нынѣшняго вѣка. Связь ея съ маловѣріемъ. Недостаточность медикаментознаго лѣченія. Два отношенія къ жизни — прежнее и современное. Критика основъ невѣрія. Теорія Дарвина. Позитивная наука. Положительныя доказательства. — Пророчества. Откровенія. Чудеса. Внутренняя и внѣшняя жизнь человѣка. Взглядъ Владиміра Соловьева. Молитва, какъ средство противъ маловѣрія. Лѣчебное значеніе молитвы, вѣры и упованія при нѣкоторыхъ нервныхъ заболѣваніяхъ. Мозговое переутомленіе. Значеніе вѣры при болѣзняхъ органическихъ. Заключеніе.

Лекція имѣла огромный успѣхъ, аудиторія была переполнена. Въ майск. кн. „Мисс. Обзор.“ лекція будель напечатана.

Со „скрижалей сердца“.

Графъ Толстой о свободу совѣсти и въротерпимости.

Вы, читатель, конечно, болѣе или менѣе слѣдите и знаете, какая литературно-полемиическая *сутолока* создалась вокругъ поднятаго г. Стаховичемъ вопроса о свободѣ совѣсти и по поводу эксцентричнаго предложенія г. Орловскаго предводителя дворянства о допущеніи въ Россіи, помимо существующей у насъ свободы вѣрованія и, въ извѣстной мѣрѣ, свободы исповѣданія, еще и свободы отпаденія отъ православія и даже свободы совращенія. Г. Стаховичъ ратовалъ въ докладѣ миссіонер. съѣзду за *такую* именно свободу, во имя пользы и торжества самой православной „Матери—Церкви, какъ вѣрный сынъ ея“. За г. Стаховичемъ потянулась стая славныхъ и неславныхъ писателей и писакъ, ораторовъ и болтуновъ, свѣтскихъ и духовныхъ, которые, по ядовитой терминологіи одной газетной замѣтки *почти всѣ сходятся и почти всѣ расходятся* въ пониманіи и толкованіи этого мудренаго вопроса.

Словомъ, вѣковѣчный вопросъ, въ нынѣшней переоцѣнкѣ обставляется лѣсомъ такихъ сбивчивыхъ понятій и неопредѣленныхъ положеній, что среднему наблюдателю этой сутолоки приходится только воскликнуть по-сократовски, — я знаю то (теперь о свободѣ совѣсти), что ничего не знаю.. И все это, думается намъ, потому, что нѣтъ въ спорящихъ сторонахъ искренности въ словѣ, открытости и мужества въ направленіи, чувствуется, что всѣ—либералы и консерваторы, философы, и богословы чего-то не договариваютъ, а говоря, *картавятъ*. Ратующіе за свободу совѣсти въ томъ разумѣніи, которое даетъ этому понятію г. Стаховичъ, кн. Волконскій (въ своемъ докладѣ въ религіозно-философскомъ собраніи) и К^о, намъ кажется, не договариваютъ до конца своего profession о православіи нашей Церкви и о самодержавіи нашей верховной государственной власти, неразрывно и притомъ не исторически только, но и мистически связанныхъ другъ съ другомъ. Богословствующіе полемисты (разу-

мѣемъ не печатную только, но и устную полемику въ разныхъ обществахъ и кружкахъ), — не то соглашаются съ либеральными оппонентами, не то извиняются и расшаркиваются предъ ними, — не то радуются о проповѣдуемомъ ими освобожденіи Церкви отъ государственной опеки, не то пугаются вопроса о разрывѣ вѣкового союза Церкви и государства.

Намъ кажется, въ этой полемикѣ убѣжденно и честно не рѣшенъ одинъ вопросъ, который долженъ быть центральнымъ: можетъ ли Церковь, *вѣрующая*, самосознающая себя хранительницей богооткровенной (а слѣдовательно непреклонной, всегда себѣ равной) истины и единственной на землѣ носительницей небесныхъ даровъ спасающей міръ благодати—желать и благословлять *безусловную* свободу *всякой* (т. е. чистой и нечистой, немощной и сожженной) совѣсти, а слѣдовательно и *всякаго* религіознаго вѣроисповѣданія?

Дайте, *по совѣсти*, истинно-христіанскій, согласный съ ученіемъ св. Писанія и Преданія, и разумомъ Церкви,—не мудрствуя лукаво, безъ софистики и казуистики,—отвѣтъ на этотъ вопросъ, и всякому православному вѣрующему человѣку будетъ ясно, *какого вы духа есте*,—куда вы съ свободой *своей совѣсти* идете и ведете...

Не предрѣшая пока отвѣта, мы познакомимъ васъ, читатель, съ откликомъ гр. Льва Ник. Толстого на докладъ г. Стаховича. Слѣдя по заграничной легальной и нелегальной литературѣ за всѣмъ, что выходитъ изъ-подъ пера яснополянскаго, а нынѣ кореизскаго (близъ Ялты) затворника, мы съ интересомъ ждали, а что скажетъ *самъ*—ipse senex magister—по поводу громкой рѣчи орловскаго оратора. Не смотря на слабость силъ и тяжкій недугъ, Левъ Николаевичъ не преминулъ откликнуться на этотъ волнующій читающее и мыслящее русское общество модный вопросъ,—въ листкѣ лондонскаго изданія (отъ 28 декабря) подъ заглавіемъ: „О вѣротерпимости“. „Великій старецъ“ откликнулся съ свойственной ему прямолинейностью и безстрашіемъ мысли, да такъ ярко, что, какъ намъ кажется, свѣтъ новаго откровенія яснополянскаго пророка освѣщаетъ и *кумсы* недосказанныхъ мыслей и затаенныхъ вожделѣній ратоборцевъ за безусловную свободу *всякой* совѣсти и *всякаго* религіознаго вѣрованія.

Какъ нибудь мы займемся подробнымъ разборомъ этого новаго соціально-богословскаго трактата, а теперь приведемъ изъ него лишь тѣ отрывки, которыми гр. Толстой такъ или иначе касается поставленнаго нами выше вопроса.

Вотъ какъ рассуждаетъ Левъ Николаевичъ.

„Церковь, признавая себя единственной хранительницей полной божеской вѣчной, неизмѣнной на всѣ времена, открытой людямъ Самимъ Богомъ истины, не можетъ не смотрѣть на всякое, — иначе чѣмъ какъ въ ея догматахъ выраженное, — религіозное ученіе, какъ на лживое, зловерное, или даже злонамѣренное ученіе, влекущее людей въ вѣчную погибель. И потому, по самому опредѣленію своему, Церковь не можетъ быть вѣротерпима и не употреблять противъ всѣхъ исповѣданій, какъ и противъ проповѣдниковъ не согласныхъ съ собою вѣроученій, всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя она считаетъ согласными съ своимъ ученіемъ“ (стр. 7).

„Церковь, считая себя одну въ обладаніи полной истины, допуская употребленіе насилія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., на войнѣ и наказаніяхъ, естественно считала тѣмъ болѣе допустимымъ и законнымъ употребленіе насилія противъ людей, ввергавшихъ другихъ своимъ ложнымъ ученіемъ въ вѣчную погибель“.

„И это-то средство насилія всегда, когда они (церковники) могли это дѣлать, употреблялось и употребляется Церквами и не можетъ не употребляться ими до тѣхъ поръ, пока Церкви будутъ Церквами, т. е. пока будутъ утверждать, что все, что онѣ проповѣдуютъ есть несомнѣнная истина. (стр. 11).

„Въ сущности же Церковь и не имѣетъ орудій насилія. Насиліе, если употребляется, то употребляется не самою Церковью, а властью, съ которой она соединена, и потому является вопросъ: для чего правительство и правящіе классы соединяются съ Церковью, поддерживаютъ ее? Казалось бы вѣрованія, проповѣдуемая Церковью, должны бы быть безразличны для правительствъ и правящихъ классовъ. Казалось бы, правительствамъ и правящимъ классамъ должно бы быть совершенно все равно, во что вѣруютъ управляемые ими народы: реформаты ли, католики ли, православные ли, магометане ли они. Но это не такъ.“

Во всякое время религіозныя вѣрованія соотвѣтствуютъ общественному устройству, т. е. общественное устройство слагается по религіознымъ вѣрованіямъ. И потому, каковы религіозныя вѣрованія народа, таково и его общественное устройство. Это знаютъ правительство и правящіе классы и потому всегда поддерживаютъ религіозное ученіе, которое соотвѣтствуетъ ихъ выгодному положенію. Такъ что против-

ники вѣротерпимости совершенно правы, отстаивая право вѣшнихъ мѣръ для Церкви, на которомъ держится ея существованіе. Сторонники же вѣротерпимости были бы правы только тогда, когда бы обращались не къ Церкви, а къ государству, и требовали того, что неправильно называется *отдѣленіемъ Церкви отъ государства*, но въ сущности есть только прекращеніе исключительной правительственной поддержки прямымъ насиліемъ или косвеннымъ субсидированіемъ одного какого-либо вѣрованія.

Требовать же отъ Церкви, чтобы она отказалась отъ насилія въ какой бы то ни было формѣ—это все равно, что требовать отъ осажденнаго со всѣхъ сторонъ врага, чтобы онъ сложилъ оружіе и отдался въ руки враговъ“ (11).

На самомъ дѣлѣ, развѣ Толстой не подходитъ къ истинѣ, говоря что Церковь, развѣ она себя сознаетъ хранительницей истинной вѣры, не можетъ быть вѣротерпимой,—слѣдовало бы только ему добавить,—*безусловно* вѣротерпимой, дрябло толерантной, безразличной къ своей истинѣ и къ лжеученіямъ другихъ вѣрованій. А развѣ не справедливо сказано, что Церковь „не можетъ не употреблять“ противъ другихъ,—разумѣть нужно, ложныхъ, ибо истина одна,—вѣрованій всѣхъ мѣръ и средствъ,—подчеркиваемъ слова Л. Н.,—*согласныхъ* со своимъ ученіемъ о христіанствѣ, какъ религіи свободы и любви? Затѣмъ чрезвычайно цѣнно и мѣтко замѣчаніе Толстого о допущеніи Церковью войны и насилія при наказаніяхъ преступниковъ. Война—зло, но Церковь ее допускаетъ и благословляетъ, какъ неизбежное средство къ огражденію безцѣнныхъ благъ жизни, имущества, государственности, слабыхъ и незащитныхъ отъ насилія другихъ, сильнѣйшихъ, для пресѣченія преступленій и охраны добра и порядка жизни, нарушаемаго людьми-звѣрями. Мѣры вѣшняго насилія въ дѣлахъ совѣсти и вѣры, какъ и война,—зло не свойственное духу Церкви Христовой,—но зло это является неизбежнымъ, меньшимъ зломъ, допустимымъ, когда мечъ Церкви,—сила убѣжденій, сталкивается съ злою волею, своекорыстными цѣлями людей съ сожженною совѣстію, развратителей, ввергающихъ другихъ въ вѣчную гибель, когда болѣзненный фанатизмъ и психопатія овладѣваетъ умами не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ массъ темнаго люда, не умѣющаго въ разумѣніи истины разобрать правой руки отъ лѣвой, когда вѣрованія переходятъ въ преступленія.

Нельзя также не остановиться на соображеніяхъ Толстого о томъ, почему вѣрованія Церкви не безразличны для правительствъ и государствъ. Совершенно вѣрно сказалъ графъ, что общественное устройство слагается по религіознымъ вѣрованіямъ.

Понимая въ такомъ смыслѣ эти во многомъ (но не во всемъ!) вѣрныя и близкія къ истинѣ разсужденія яснополянскаго еретика, вы, читатель, пожалуй склонны думать, что Левъ Николаевичъ въ разумъ истины приходитъ?.. О, нѣтъ: онъ такъ же далекъ въ своемъ религіозномъ настроеніи отъ этого пути, какъ и былъ при написаніи своего богохульнаго отвѣта Св. Синоду. Какъ всѣ вѣрующіе почитатели великаго писателя-художника нашего, мы надѣялись, что Господь смиряетъ тяжкими недугами гордыню отверженнаго Церковью сына ея, медлитъ съ неизбежнымъ удѣломъ, не желая смерти грѣшника, давая время на обращеніе, видя искренность и мучительность блужданій Льва Николаевича. Но на дняхъ мы проштудировали послѣднія, написанныя предъ послѣднимъ тяжкимъ недугомъ, полныя страстнаго религіознаго фанатизма и политической злокозненности творенія, вродѣ всякихъ „памятокъ“ и писемъ (въ томъ числѣ къ русскому священнику и католическому патеру).

Конечно, человѣческаго никто же вѣсть, точію духъ человѣческой, но намъ показалось, что далеко и безнадежно отстоитъ сердце Льва Николаевича отъ раскаянія и обращенія ко Христу и Его Церкви!

Какимъ же образомъ изъ-подъ пера его вылились столь близкія къ правдѣ разсужденія о Церкви и ея отношеніи къ свободѣ вѣроисповѣданія?

Здѣсь, какъ въ другихъ религіозно-философскихъ трактатахъ Толстого, перепутаны правда съ ложью, глубокое проникновеніе въ сущность вопроса съ легкомысліемъ, сила мысли съ парадоксами и компромиссами логики. Давая въ своихъ разсужденіяхъ основанія къ выводамъ въ пользу того, что Церковь не можетъ быть безусловно вѣротерпимой, и что въ свою очередь и государство, искренно проникнутое религіознымъ духомъ своей Церкви, не можетъ быть дрябло-равнодушно къ религіознымъ лжеученіямъ, графъ Толстой сейчасъ же и оговаривается, замарываетъ высказанную правду придумываніемъ компромисса, выхода. Для

этого онъ повторяетъ давно извѣстное свое сочинительство о христіанствѣ, какъ *свободной* религіи, и о Церкви Христовой, какъ *лжи*, мірскомъ, не христіанскомъ учрежденіи.

„Вѣротерпимымъ, оговаривается графъ, можетъ быть только истинное, *свободное* христіанство, не связанное ни съ какими мірскими учрежденіями и потому ничего и никого не боящееся и имѣющее цѣлью только все большее и большее познаніе божеской истины и большее и большее осуществленіе ея въ жизни“.

Что же это за новая религія и какое ея отношеніе къ Церкви?

„Христіанская религія и христіанская Церковь,—отвѣчаетъ гр. Толстой,—не есть одно и то же, и мы не имѣемъ никакого права предполагать, что то, что свойственно христіанской религіи, свойственно и христіанской Церкви.“

Христіанская религія есть то высшее сознаніе человѣкомъ своего отношенія къ Богу, до котораго, восходя отъ низшей къ высшей ступени религіознаго сознанія, достигло человѣчество. И потому христіанская религія и всѣ люди, исповѣдующіе истинную христіанскую религію, зная, что они дошли до извѣстной степени ясности и высоты религіознаго сознанія, только благодаря непрерывному движенію человѣчества отъ мрака къ свѣту, не могутъ не быть вѣротерпимы. Признавая себя въ обладаніи только извѣстной степени истины, которая все болѣе и болѣе уясняется и возвышается общими усиліями человѣчества, они, встрѣчая новыя для нихъ, не согласныя со своими, вѣрованія, не только не осуждаютъ и не отбрасываютъ ихъ, но радостно привѣтствуютъ, изучаютъ, вновь провѣряютъ по нимъ свои вѣрованія, откидываютъ то, что не согласно съ разумомъ, принимаютъ то, что уясняетъ и возвышаетъ исповѣдуемую ими истину, и еще болѣе утверждаютъ въ томъ, что одинаково во всѣхъ вѣрованіяхъ“.

Развязно оболгавъ христіанъ всѣхъ вѣковъ въ непониманіи никейскаго символа, якобы состоящаго изъ ряда нелѣпныхъ догмъ, Толстой съ легкимъ сердцемъ заявляетъ, что вѣра въ эти догматы въ теченіе 20 в. только будто бы и держится на мѣрахъ насилія и союзѣ Церкви и государства, коварно заключенныхъ для поработченія народа въ интересахъ правящихъ классовъ, которые безъ поддержки Церкви не могли бы пользоваться своимъ положеніемъ и т. д.

Не правда ли, у гр. Толстого—„вся нага и объявлена“,—вы сразу видите и понимаете, съ кѣмъ имѣете дѣло. Онъ отрицаетъ богооткровенность христіанства, богоучрежденность

Церкви и государственности, проповѣдуетъ самоизмышленную, *свободную* христіанскую религію разума и невѣрія, образовавшуюся путемъ *эволюціоннымъ*, „благодаря непрестанному движению мысли человѣка отъ мрака къ свѣту“ и борьбѣ *несогласныхъ* между собою религіозныхъ вѣрованій и только благодаря этому свойству достигшей своего высшаго сознанія. Отсюда у Толстого вытекаетъ естественный выводъ, что христіанская Церковь, въ силу своей вѣры въ свою богоучрежденность и въ сверхъестественную миссію на землѣ, — не можетъ быть безусловно вѣротерпимой и равнодушной къ лжи и заблужденіямъ, порождаемымъ „лженменнымъ разумомъ“ людей „съ сожженою“ или нечистою совѣстью, и, наоборотъ, *свободное* христіанство гр. Толстого не можетъ не быть безусловно вѣротерпимымъ,—оно „радушно привѣтствуетъ всѣ *несогласныя* съ собой вѣрованія“, ибо „вновь провѣряетъ чрезъ нихъ свои вѣрованія, откидываетъ въ нихъ *несогласное съ разумомъ* и тѣмъ уясняетъ и возвышаетъ исповѣдуемую истину“.

Стоя на точкѣ зрѣнія гр. Толстого, естественно, далѣе вытекаетъ законность вопроса по адресу нашихъ ратоборцевъ за *безусловную* свободу *всякой* совѣсти, за равноправность всѣхъ рѣшительно вѣроученій и вѣрованій да еще съ правомъ свободнаго совращенія взрослыхъ людей: какъ они вѣруютъ и мыслятъ о существѣ христіанства и въ частности о своей православной матери Церкви? Если *по-толстовски*, то они правы и послѣдовательны, и мы ихъ понимаемъ; если же поборники такой именно свободы дѣйствительно вѣрующіе сыны Церкви, какъ о томъ заявляютъ, то какъ же они могутъ желать, благословлять и добиваться равноправности заблужденій съ Церковью истинною,—вѣдь это значитъ добиваться *безусловной* свободы дѣйствій беззаконниковъ (2 Петр. 3, 17) и развратителей, — торжества и свободы отъ совѣсти? Понять и оправдать такія теоріи только и можно, стоя на толстовскомъ принципѣ вѣры „въ свободное христіанство“ и непротивленія злу. Да Левъ Ник. и самъ обличаетъ эту двойственность, непослѣдовательность и неискренность старыхъ и новыхъ апологетовъ безусловной свободы совѣсти и вѣротерпимости, начиная съ Аксакова и кончая М. А. Стаховичемъ и К^о, говоря: „всѣ разсужденія ихъ о желательности вѣротерпимости для Церкви страдаютъ общей всѣмъ

имъ неясностью, недосказанностью и необъдительностью“ (стр. 7).

И, дѣйствительно, кто читаль и вникаль въ надутыя разсужденія этихъ раторборцевъ „съ двоящимися мыслями“, тотъ согласится, что графъ Толстой въ этомъ своемъ отзывѣ о нихъ безусловно правъ. Не о подобныхъ ли проповѣдникахъ св. ап. Петръ сказалъ: „Это—безводные источники, облака и мглы, гонимыя бурей: имъ приготовленъ мракъ вѣчной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословіе, они уловляютъ въ плотскія похоти и развратъ тѣхъ, которые едва отстали отъ находящихся въ заблужденіи; общають имъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія; ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“ (2 Петра 2, 17—19)?

Какъ видите, для Церкви и ея сыновъ опасны не теоріи гр. Толстого, выступающаго ясно и открыто отрицателемъ богооткровеннаго христіанства и врагомъ Церкви, государства и власти, а мнящіе Церкви службу сослужити.

Для вѣрующихъ съ давно растрепанной лживой теоріей „о свободномъ христіанствѣ“ гр. Толстого разобратъся легко. Вѣрующій человекъ знаетъ цѣну этой логомахи о „религіи разума“,—для него христіанство— богооткровенная религія, которая явилась въ міръ съ полнымъ и рѣшительнымъ сознаниемъ того, что оно обладаетъ высшею религіозно-нравственною истиною, которую принесъ съ неба на землю Божественный Основатель Церкви, Единородный Сынъ Божій, Богъ Слово, образъ Ипостаси, Который и *исповѣда* (открылъ) намъ истиннаго Бога, живущаго во свѣтѣ неприступнѣмъ (Іоан. I, 18; I Тим. 6, 16).

Вѣрующій человекъ знаетъ, что Христосъ явился въ міръ, какъ носитель высочайшей истины; объ этомъ Онъ Самъ не разъ свидѣтельствовалъ во время Своей земной жизни. Онъ говорилъ къ увѣровавшимъ въ Него іудеямъ: „если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики и познаете истину“ (Іоан. 8. 31 — 32), а враждовавшимъ противъ Него іудеямъ сказалъ: „ищите убить Меня,—человѣка, сказавшаго вамъ истину, которую слышалъ отъ Бога“ (Іоан. 8, 40). Въ прощальной бесѣдѣ съ учениками Онъ торжественно сказалъ: „Я есмь истина“ (Іоан. 14, 6) и на судѣ предъ Пилатомъ засвидѣтельствовалъ: „Я на то родился и на то пришелъ въ міръ,

чтобы свидѣтельствовать о истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего“ (Іоан. 18, 37). И всѣ увѣровавшіе въ Него послѣдователи Его, составившіе Его Церковь, вѣровали въ то, что проповѣданное Христомъ ученіе—есть высочайшая истина. Истина въ существѣ дѣла можетъ быть только одна, и, по убѣжденію христіанъ, выражаемому апостольскимъ словомъ, это—*истина во Иисусъ* (Ефес. 4. 21). Чтобы истина, принесенная съ неба, имѣла для себя на землѣ вѣчное хранилище, Господь создалъ Церковь и ей передалъ эту истину. Отсюда православная христіанская Церковь всегда обладала и обладаетъ тѣмъ сознаниемъ, что она, какъ орудіе продолжающейся (Дѣян. 1, 1) въ мірѣ дѣятельности Христа, владѣетъ истиною и хранитъ ее, является „*столпомъ и утвержденіемъ истины*“ (1 Тим. 3, 15). Насколько твердымъ должно быть такое сознание въ членахъ Церкви, просвѣщаемыхъ обитающимъ въ ней Духомъ Святымъ, видно изъ словъ св. Іоанна Богослова христіанамъ: „вы имѣете помазаніе отъ Святаго и знаете все... и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ; но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и оно истинно и не ложно, то чему оно научило васъ, въ томъ пребывайте“ (1 Іоан. 2, 20, 27).

Такимъ вѣросознаниемъ Церковь владѣетъ со времени Христа и апостоловъ; она не только выработала его вѣками, но и *выстрадала*. Предлагать Церкви не относиться отрицательно къ ложнымъ вѣрованіямъ, стать на сторону ратоборцевъ за равноправность съ господствующею истинною Церковью всѣхъ сектъ и религіозныхъ разномысліи,—это значитъ предлагать Церкви, въ лицѣ ея вѣрующихъ сыновъ, отказаться отъ самой себя, самоубійственно отвергнуть свою внутреннюю основу, свое дѣйствительное право на существованіе въ мірѣ, въ качествѣ строго опредѣленнаго общества ¹⁾.

Вѣрующему человѣку Самъ Христосъ и св. апостолы дали примѣръ и правила относительно того, какъ относиться къ лжеученіямъ, къ проповѣдникамъ лжевѣрія и отступникамъ отъ истины Христовой вѣры.

¹⁾ «О свободѣ вѣры» свящ. Страхова, 9—12 стр.

Христось не дѣлалъ ни малѣйшей уступки по отношенію тѣхъ, которые не хотѣли принять Его истины: тогда Онъ эту истину еще съ большею силою подтверждалъ (Іоан. 6) и противящимся заявлялъ: „кто не со Мною, тотъ противъ Меня, и кто не собираетъ со Мною, тотъ *расточаетъ*“ (Мѡ. 12, 30).

Строго отрицательно относятся и св. апостолы къ неправовѣрію, возникавшему уже въ тѣ св. времена, и ревниво охраняють вѣрныхъ отъ соvrащенія въ „пагубныя ереси“. Такъ, св. Павелъ предостерегаетъ: „Если мы или ангель съ неба сталь бы вамъ благовѣствовать не то, что, вы приняли, да будетъ *анаѡема* (Гал. 1, 8). „Кто не любитъ (слѣдовательно—и не вѣритъ въ Иисуса Христа—анаѡема“ (1 Кор. 16, 26). Самъ нѣжный, мягкій сердцемъ, апостоль любви, св. Іоаннъ опредѣленно и въ рѣшительныхъ выраженіяхъ пишетъ о не принимающихъ и искажающихъ Христову истину: „кто *лжецъ*, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Иисусъ есть Христось“ (1 Іоан. 2, 22). „Многіе обольстители вошли въ міръ, не исповѣдающіе Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, — такой человекъ есть обольститель и антихристъ“... Кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его. Ибо привѣтствующій его участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его“ (2 Іоан. 7—11).

Какъ видите, апостоль любви устанавливаетъ къ проповѣдникамъ лжевѣрія и разномыслия отношеніе, далекое отъ той вѣротерпимости и религіознаго безразличія, которыя проповѣдуютъ защитники равноправности всѣхъ вѣръ и лжевѣрій. Что если кто-либо изъ пастырей или миссіонеровъ, слѣдуя совѣту апостола, вздумалъ бы такъ поступить съ современными еретиками, думаемъ, такового сочли бы за фанатика.

Не подлежитъ сомнѣнію, апостоламъ были чужды принципъ дряблага безразличія и начала полной и равноправной свободы проповѣданной ими Христовой истины съ несогласными съ этою истиною ученіями. Болѣе того, апостолы прямо и рѣшительно называютъ „религіозное разномысліе—погибельными ересями“ (2 Петр. 2, 1), дѣлами тьмы и плоти, на ряду съ такими нравственными *преступленіями*,

какъ блудодѣяніе, убійство, безчинство, предваряя, что поступающіе такъ Царствія Божія не наслѣдуютъ (Гал. 5, 20).

Замѣчательно, что это мѣсто св. Писанія находится въ той главѣ, гдѣ св. Павелъ, этотъ апостоль свободы, возвѣщаетъ (ст. 13) христіанамъ: „въ свободу вы призваны, бр.“, но тутъ же *ограничиваетъ* эту свободу, говоря: „только да не будетъ свобода ваша въ *вину* плоти“,—поводомъ къ дѣламъ плоти, т. е. грѣхамъ, а далѣе—въ 20 ст. выясняетъ, какія же это дѣла плоти.

Ограничиваетъ также эту свободу и св. Петръ, говоря, что „свободнымъ не нужно употреблять свободу для прикрытія зла“ (Посл. 2, 16).

То же ограниченіе свободы совѣсти видимъ у ап. Павла въ словахъ: „берегитесь, чтобы свобода ваша не послужила къ соблазну для немощныхъ“ (1 Кор. 8, 9). Словомъ, у апостоловъ ученія о неограниченной, абсолютной свободѣ совѣсти мы не находимъ; наоборотъ, сами первоверховные апостолы христіанства, ограничиваютъ свободу совѣсти грѣшнаго человѣка, въ которомъ воюетъ *имъ* законъ, противящійся истинѣ, плѣняющій совѣсть человѣка въ сѣти похотей лукавыхъ,—а слѣдовательно, ограничиваютъ и предѣлы вѣротерпимости.

Въ помѣщенной въ настоящей книжкѣ статьѣ г. Боголюбова читатели найдутъ вѣрный, на св. Писаніи обоснованный, взглядъ на вопросъ о предѣлахъ свободы совѣсти и вѣротерпимости.

Мы только замѣтимъ характерную черту, что, заповѣдуя имѣть стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ,—„ни на часъ не уступая и не покоряясь (Гал. 2, 5) въ борьбѣ съ лжеучителями и въ дѣлѣ огражденія вѣрныхъ немощныхъ отъ лжеученій, апостолы даютъ совѣтъ употреблять не однѣ только мѣры кротости и долготерпѣнія, но и властной строгости, а также и нравственнаго принужденія. Ап. Павелъ заповѣдуетъ епископу Тимоѳею: „проповѣдуй слово, настой, обличи, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніемъ и кротостію“. А уже Титу внушаетъ противящихся здоровому ученію *строго*, „со всякою властью“ обличать пустослововъ, обманщиковъ, которые развращаютъ цѣлыя дома, уча ради корысти“ (какъ это подходитъ къ главарямъ нашихъ сектантовъ).

За симъ изъ ученія апостоловъ и практики первенству-

ющей Церкви мы убѣждаемся, что мѣры воздѣйствія на упорствующихъ лжесловесниковъ изъ области словеснаго убѣжденія переходили и въ сферу дѣйствій принудительнаго и ограничительнаго церковнаго характера. Во 2 посл. къ Тимоею ап. Павелъ съ клятвою наставляетъ: *запрети* (ἐπιτιμῶν), а въ посланіи къ Титу повелѣваетъ *заграждать уста* глаголющихъ неправое, развращающихъ цѣлые дома...

Заграждать уста—выраженіе конкретное, — по толкованію о. Теофана, оно означаетъ заставить, принудить замолчать, не дать *свободы проповѣди*.

То же говоритъ и св. Петръ (1 посл. 2, 15): „такова есть *воля Божія*, чтобы мы заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей“.

Замѣтивъ сильное развитіе среди галатійскихъ христіанъ *инного* благовѣстія, ап. Павелъ съ горячностью восклицаетъ: „о, еслибы *удалены* были возмущающіе васъ“ (Гал. 5, 12). А коринѣянамъ прямо совѣтовалъ: „извергните развращеннаго лжебрата изъ среды вашей“ (1 Кор. 5, 13).

Коринѣ. кровосмѣсника за нравственное преступленіе Христовъ апостоль извергаетъ, — но не просто, а въ *изнеможеніе плоти*, да духъ спасется.

Едва ли можно оспаривать, что въ этихъ мѣрахъ есть уже *принужденіе*, или насиліе при посредствѣ церковной дисциплины.

Въ книгѣ Дѣяній находимъ нѣсколько мѣстъ, свидѣтельствующихъ о фактѣ тяжкаго, чрезвычайнаго наказанія свыше, напр., лжеучителя апостольскаго времени, волхва Элима (Дѣян. 13, 8—13).

Полагая совершеннѣйшую свободу въ неуклонномъ содержаніи *одного исповѣданія* и въ охраненіи чистоты совѣсти отъ порочныхъ дѣлъ (Евр. 10, 23), апостолы и Церковь первоувѣковая въ борьбѣ съ ересями и еретиками ревниво и дѣятельно охраняли ввѣренную имъ вѣчную истину отъ искаженія, св. Писаніе отъ извращенія невѣждами и лжеучителями (2 Петр. 3, 16), а неутвержденныхъ вѣрныхъ—отъ соблазна впасть въ пагубныя заблужденія, сѣять которыхъ искони не переставалъ отецъ лжи и его аггелы,—антихристы. Борьба съ областью антихриста и составляетъ миссію Христовой Церкви, называемой потому воинствующей.

Гр. Толстой правъ въ своемъ утверженіи, что Церковь

не можетъ быть *втротерпима*,—разумѣемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ представляютъ это дѣло г. Стаховичъ съ К^о,—но она не допускаетъ безусловной вѣротерпимости не потому, что Церкви будто-бы не свойственна свобода. Подлинное христіанство со Христомъ и Его Церковью—есть религія духа и свободы, а также и *любви*; больше же любви ничего нѣтъ. Въ силу этого именно основного закона христіанства—любви, Церковь не можетъ оставаться равнодушно-терпимой къ развращенію и духовной гибели „сихъ малыхъ“,—но обязана принимать и всегда принимала „согласныя съ своимъ ученіемъ“ *свои* мѣры огражденія и пресѣченія этого соблазна, какъ величайшаго зла.

Далѣе, еслибы совѣсть людская была *одна—непорочная* и святая—и служила бы лишь отраженіемъ воли Божіей, если бы нецерковныя вѣрованія были *равноцѣнны* съ Христовой истиной, то Церковь охотно благословила бы и пожелала равноправности съ собой и полнѣйшей свободы проповѣди *иного* благовѣствованія, пропаганды всякихъ вѣрованій и со-вращенія въ нихъ своихъ немощныхъ совѣстію чадъ, какъ того желаютъ и домогаются ратоборцы безусловной свободы совѣсти. Но въ томъ-то и гордіевъ узелъ, что совѣсть-то у разныхъ людей—а это извѣстно и по ученію слова Божія, и по опытамъ жизни—разная, есть нечистая, есть слабая, а у лжеучителей, по слову апостола, и *сожженная*. Можетъ ли Церковь благословлять свободу дѣйствій людей съ со-жженной совѣстью?

Нельзя не подчеркнуть въ данномъ вопросѣ того факта, проходящаго красною нитью чрезъ всю исторію борьбы Церкви съ ересями и расколами, начиная съ апостольскаго времени,—что истинная Церковь вселенская и наша православная, вѣрная завѣту Христа, незыблемо и свято хранить принципъ *безусловной свободы* въ *распространеніи* истины евангельской *исключительнымъ* путемъ слова и убѣжденія, а равно и не знаетъ другихъ мѣръ въ *привлеченіи* другихъ въ лоно свое, милосердствуетъ она и объ отпадшихъ, — мирно, далѣе, уживается и сожительствуетъ со всѣми вѣрами и культами „внѣшнихъ“ ей людей („внѣшнихъ“ да судить Богъ“, — говоритъ ап. Павелъ,—а развращающаго извергните изъ среды вашей), но Церковь ископи ревниво борется именно противъ лжеучителей, ересіарховъ и *свободы*

совращенія или чады своихъ, какъ искупленныхъ честною Кровію Христа. Словомъ свободы совращенія Церковь, вѣрующая и самознающая себя, не можетъ ни благословить, ни желать.

Справедливо положеніе Толстого, что Церковь не имѣетъ своихъ внѣшнихъ средствъ для борьбы съ врагами и потому обращается къ власти государственной, вошедшей съ нею въ союзъ со времени равноапостольнаго Константина Великаго, и съ тѣхъ поръ мѣры церковнаго, такъ сказать, принужденія замѣнены насиліемъ мірской власти въ дѣлахъ, касающихся преступленій противъ вѣры и Церкви.

Но здѣсь прежде всего неправильно представленіе о Церкви и христіанскомъ государствѣ, какъ отдѣльныхъ, чуждыхъ, противоположныхъ другъ другу величинахъ. Церковь, говорятъ, — царство не отъ міра сего, государство — отъ сего міра. Но вѣдь въ христіанскомъ государствѣ власти и граждане подданные — члены Церкви, сыны ея, для которыхъ обязательны заветы и заповѣди Церкви; царство не отъ міра сего — конечная цѣль земнаго странствованія какъ отдѣльнаго человѣка-христіанина, такъ и христіанскаго государства. Зачѣмъ же представлять христіанскія власти въ видѣ римскихъ языческихъ тиранновъ, а государство въ роли язычника Пилата, умывающаго руки въ нуждахъ Матери-Церкви? Св. отцы называютъ правительственную власть христіанскихъ государствъ — „епископами внѣшнихъ дѣлъ“. Если бы христіанская власть была слугою антихриста, — какъ увѣрены раскольники и мудрствуютъ нѣкоторые философы, — тогда для нихъ были бы чужды заботы о христіанскомъ содѣйствіи Церкви въ борьбѣ ея съ областью антихриста, каковы суть всѣ лжеученія. Спрашивается, можетъ ли власть остаться безучастною въ тѣхъ случаяхъ, когда миссія Церкви сталкивается въ дѣлѣ борьбы съ лжеученіями — съ злою волею и своекорыстными побужденіями сожженныхъ совѣстью лжеучителей, съ болѣзненною психопатическою эпидеміей фанатиковъ, съ гнусностью развратниковъ и изувѣрствомъ безумцевъ? Когда на почвѣ вѣрованій совершаются величайшія преступленія, когда насилуется совѣсть вѣрующихъ миллионовъ, когда порушаются святыни народныя? Не будетъ государство ограждать въ законномъ порядкѣ интересы Церкви и вѣрующаго большинства, на-

родъ возьмется за колья, и послѣдняя лестъ будетъ горше первой. Пишемъ эти строки, когда дни поста и покаянія приходятъ къ концу. На нашей совѣсти лежитъ одинъ вѣдомый намъ грѣхъ, и мы чувствуемъ побужденіе и долгъ въ немъ нынѣ печатно покаяться.

Нашъ грѣхъ предъ г. Л. А. Тихоміровымъ, публицистомъ и сотрудникомъ „Москов. Вѣд.“, котораго мы огорчили безъ всякаго злого умысла, а просто по редакціонной оплошности и недосмотру.

Съ согласія автора, редакція наша (въ наше отсутствіе изъ Петербурга), перепечатавъ прекрасную статью г. Тихомірова „О вѣроисповѣдномъ составѣ населенія Россіи“, а вмѣстѣ и передовую статью изъ тѣхъ же „Москов. Вѣд.“, составлявшую выводъ изъ данной статьи,—учинила подпись г. Тихомірова не на мѣстѣ, а именно въ концѣ статьи, а надо было послѣ 3 отдѣла. Г. Тихоміровъ на эту небрежность редакціи „Мисс. Обзор.“ очень разгнѣвался и написалъ въ „Москов. Вѣд.“ сердитое заявленіе, возведши нашу ошибку чуть не въ уголовщину; такъ, по крайней мѣрѣ, истолковалъ это внимательный къ „Мисс. Обзор.“ либеральный органъ печати, который всегда радъ уязвить въ пятую и сучекъ нашей ошибки возвести въ бревно. Мы объяснялись въ „С.-Петер. Вѣд.“ и извинялись въ „Москов. Вѣд.“ предъ Тихоміровымъ, но не смягчили его сердца: онъ снова сердито и наставительно комментировалъ по своему нашу ошибку и наше объясненіе. Чтобы не отвѣчать предъ Богомъ за празднословіе, не будемъ повторять здѣсь этой полемической отписки, случившейся съ нами впервые за 7 лѣтъ изданія. А впредь будемъ покрѣпче помнить, что литераторы не только щепетильны, но и беспощадны.

Итакъ дорогіе читатели, простимъ же вся другъ другу Воскресеніемъ и радостно, съ чистою совѣстью, возопіемъ: Христосъ Воскресе!

В. Скворцовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Дух. Цензурн. Ком. печат. разрѣш. С. Петербургъ 8 Апрѣля 1902 года.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній.